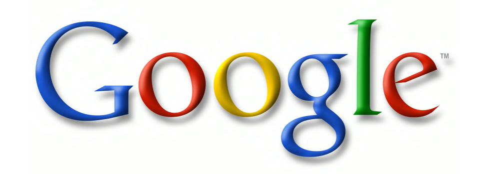
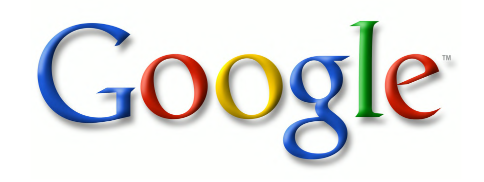
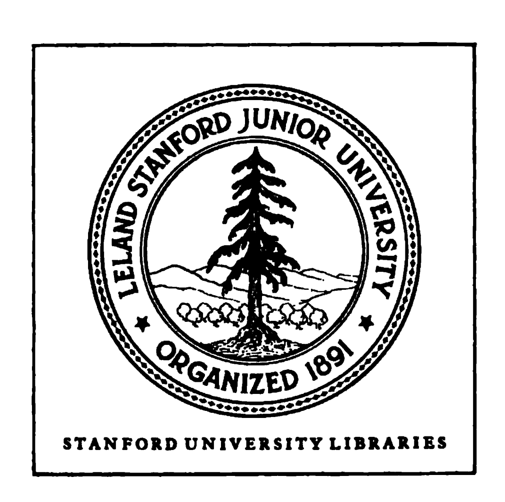





LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

КН. А. Д. КАНТЕМИРЪ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

XVIII и XIX ст.

ИЗДАНІЕ И. И. ГЛАЗУНОВА.

ОБЩАЯ

РЕДАКЦІЯ ВСЕГО ИЗДАНІЯ

П. А. ЕФРЕМОВА.

КН. А. Д. КАНТЕМИРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, В. МѢЩАНСКАЯ, 8.

1867.

К. Антиохъ Кантемиръ

Kantemir

КНЯЗЯ АНТИОХА ДМИТРІЕВИЧА
КАНТЕМИРА.

1867.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗДАНІИ.

Сочиненія кн. А. Д. Кантемира въ первый разъ являются въ предлагаемомъ изданіи въ томъ самомъ видѣ, какъ были имъ написаны. Сатиры его и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній первоначально были изданы Императорскою Академіею Наукъ въ 1762 г., но И. С. Барковъ, которому тогда было поручено печатанье ихъ, переправилъ многіе стихи, а примѣчанія почти всѣ передѣлалъ по-своему. Съ этого изданія, за исключеніемъ примѣчаній, была начата въ 1836 г. перепечатка Гр. Д. Толстымъ, Г. Есиповымъ и М. Языковымъ, предпринявшими-было изданіе «русскихъ классиковъ», къ сожалѣнію остановившееся на IV выпускѣ сочиненій кн. Кантемира (всего напечатано 8 сатиръ и 2 пѣсни, или оды). Потомъ, въ 1848 г., А. Ф. Смирдинъ перепечаталъ изданіе 1762 г. сполна, безъ всякихъ сокращеній, но со многими корректурными ошибками. Выборка изъ первоначальнаго изданія, съ добавкою немногихъ переводовъ въ стихахъ и отрывковъ изъ прозаическихъ

статей, напечатана была въ 1849 г. въ Москвѣ П. М. Перевлѣсскимъ, подъ заглавіемъ: «Избранныя сочиненія кн. А. Д. Кантемира».

Только въ очень недавнее время академикъ А. А. Куникъ отыскалъ превосходный, по отчетливости и выправкѣ текста, списокъ съ подлинной рукописи сатиръ и мелкихъ стихотвореній Кантемира, сдѣланный при Академіи Наукъ въ 1755 году, т. е. за семь лѣтъ до напечатанія 1-го изданія. Этою рукописью мы воспользовались для нашего изданія, благодаря предупредительному вниманію А. А. Куника, которому считаемъ обязанностью принести искреннюю благодарность за сообщеніе этой рукописи, а равно и другихъ матеріаловъ для изданія сочиненій и для біографіи Кантемира, какъ напр. нѣмецкаго календаря 1728 г., съ собственноручными въ немъ замѣтками кн. Кантемира на русскомъ языкѣ *).

Первоначальная редакція сатиръ, до сихъ поръ еще не являвшаяся въ печати въ своемъ полномъ составѣ, напечатана въ нашемъ изданіи по сличенному В. Я. Стоюнинымъ тексту всѣхъ рукописей Кантемира, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, и по сообщенному намъ Л. Н. Майковымъ замѣчательному рукописному экземпляру, не представляющему искаженій ни въ стихахъ, ни въ примѣчаніяхъ.

---

*) Къ нынѣшнему тому мы прилагаемъ два первые листа «Сатиръ», отпечатанные, по изд. 1762 г., еще до полученія нами новаго текста въ рукописи 1755 г. Изъ сравненія этихъ листовъ съ текстомъ нашего изданія нагляднѣе видно обращеніе Баркова съ порученными ему для изданія твореніями Кантемира.

Остальныя оригинальныя стихотворенія, изъ коихъ нѣкоторыя печатаются нынѣ въ первый разъ, выправлены нами по указанной выше рукописи 1755 г. и по рукописямъ Имп. Публичной Библіотеки.

Переводы изъ Анакреона и Горація печатались нами также по рукописямъ Публичной Библіотеки и притомъ въ первый разъ, за исключеніемъ только первыхъ десяти писемъ Горація и небольшихъ отрывковъ изъ Анакреона.

Во II томѣ будутъ помѣщены: Философскія письма (въ первый разъ), Статья о русскомъ стихосложеніи, Депеши изъ Лондона и Парижа (въ первый разъ), Мелкія прозаическія статьи, Письма къ разнымъ лицамъ (большею частію въ первый разъ), Переводъ нѣкоего итальянскаго письма, содержащаго утѣшное критическое описаніе Парижа и ѳранцузовъ (въ первый разъ), Часть перевода таблицы Кевика философа (въ первый разъ), Часть перевода соч. Фонтенеля «о множествѣ міровъ» и проч. Вообще, бо̀льшая часть этого тома будетъ состоять изъ сочиненій, до сихъ поръ неизвѣстныхъ публикѣ. Въ концѣ этого же тома будутъ приложены и библіографическія замѣтки.

Пользованіе рукописями Публичной Библіотеки для насъ значительно было облегчено внимательнымъ содѣйствіемъ А. Ѳ. Бычкова. Съ благодарностью упоминая объ этомъ, мы должны замѣтить еще, что постоянно находили полное сочувствіе и предупредительность со стороны всѣхъ лицъ, къ которымъ обращались по поводу настоящаго изданія. Только какъ на исключеніе, и притомъ единственно въ видахъ огражденія себя отъ формальнаго процесса или по малой мѣрѣ отъ порицанія въ пользованіи

чужой собственностью, считаемъ необходимымъ указать, что черезъ московскій книжный магазинъ А. И. Г. намъ передано было запрещеніе печатать тѣ изъ произведеній кн. Кантемира, съ которыхъ списки находятся въ рукахъ у г-на Т. Между тѣмъ, подобные же списки находятся также въ Имп. Публичной Библіотекѣ, съ которыхъ и были сдѣланы нами новые списки, собственно для предлагаемаго изданія.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о портретѣ. Онъ гравированъ въ Лейпцигѣ, у Брокгауза, съ подлинника, писаннаго масляными красками на мѣди, по всей вѣроятности, во время пребыванія Кантемира въ Парижѣ. Подлинникъ этотъ хранится нынѣ у Л. Н. Майкова, который и сообщалъ его намъ для изданія.

П. Е.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНЯЗЬ АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ.

I.

Кантемиръ, какъ сатирикъ, довольно оцѣненъ въ нашей литературѣ, но о самой личности его свѣдѣнія такъ скудны, что по нимъ трудно было составить себѣ ясный образъ этого замѣчательнаго человѣка. Нѣкоторыя біографическія подробности, внесенныя въ каждый учебникъ, далеко не представляютъ тѣхъ данныхъ, по которымъ можно бы было опредѣлить его дѣятельность. А личность его невольно привлекаетъ къ себѣ уже тѣмъ, что онъ былъ едвали не самый образованный изъ того русскаго общества, которое первое воспиталось подъ вліяніемъ петровыхъ преобразованій.

Дѣдъ нашего сатирика, князь Константинъ, отличившійся въ XVII стол. военными талантами, получилъ въ 1684 г. отъ турецкаго султана въ управленіе Молдавію съ титуломъ господаря.

Заложникомъ въ Константинополѣ былъ оставленъ младшій сынъ его князь Димитрій, молодой человѣкъ, воспитанный подъ благотворнымъ вліяніемъ своей матери, женщины, по словамъ сына, «въ наукахъ отмѣнно знаменитой». Смѣненный своимъ старшимъ братомъ, княземъ Антіохомъ, въ 1691 году, онъ поспѣшилъ къ своему семейству въ Яссы, и вскорѣ послѣ смерти отца былъ единогласно выбранъ въ молдавскіе господари. Но этого народнаго

избранія не утвердилъ султанъ. Молдавія досталась князю Дукѣ, который при помощи золота умѣлъ составить себѣ въ Константинополѣ сильную партію. Съ этого времени начинается тревожная жизнь Димитрія въ борьбѣ противъ разныхъ интригъ. Нѣсколько разъ онъ получалъ господарство и вновь лишался его, уступая хитрому противнику своему, валашскому господарю Бранковану. Въ такихъ превратностяхъ судьбы, безпрестанно опасаясь за участь свою и своего семейства, онъ находилъ еще время заниматься науками и тщательнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Человѣкъ умный, образованный, онъ зналъ нѣсколько языковъ, европейскихъ и восточныхъ, цѣнилъ науку и занимался литературою, оставивъ нѣсколько дѣльныхъ сочиненій. Въ походномъ журналѣ Петра Великаго 1711 г. о немъ замѣчается: «оный господарь человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтахъ способный». Правнукъ его Бантышъ-Каменскій по семейнымъ преданіямъ говоритъ: «отмѣнная веселость въ поступкахъ и разговорахъ пріобрѣли ему любовь всѣхъ обществъ, коихъ онъ былъ украшеніемъ» *).

Переселясь въ Россію послѣ неудачнаго прутскаго похода въ 1711 г. съ женою и съ шестью малолѣтними дѣтьми во главѣ 4000 молдаванъ обоего пола, онъ успѣлъ выговорить себѣ у царя Петра особыя условія, которыя ставили его въ исключительное положеніе передъ прочими царскими подданными. Съ наслѣдственнымъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя онъ сохранилъ право суда надъ выходцами-молдаванами и обезпечилъ личную свободу своихъ дѣтей особымъ условіемъ: «свободно ему, князю, ѣздить къ Москвѣ и въ иные городы, также и посланнымъ его, и *сыновей своихъ послать для наукъ въ знатные городы и иныя христіанскія страны*» **).

Младшій сынъ господаря, Антіохъ, на третьемъ году возраста оставилъ свою родную землю; слѣдственно разнообразныя впечатлѣнія этой эпохи не могли имѣть вліянія

*) Словарь Бан. Кам. ч. III, стр. 35.

**) Наука и литер. въ Рос. при Петрѣ вел. Пекарскаго ч. I прил., IX.

на его развитіе. Онъ развивался уже подъ впечатлѣніями русской жизни, охраняемый отъ вреднаго ея вліянія образованною семьею. Мать его, княгиня Смарагда (рожденная княжна Кантакузена изъ рода греческихъ императоровъ), была женщина умная и образованная. Любя чтеніе, она въ то же время строго исполняла всѣ семейныя обязанности и наблюдала сама за воспитаніемъ своихъ дѣтей *). При малолѣтнихъ дѣтяхъ господаря въ качествѣ наставника былъ священникъ Анастасій Кондоиди, который выѣхалъ вмѣстѣ съ ними изъ Молдавіи. Онъ училъ языкамъ греческому, древнему и новому, латинскому и итальянскому. Разумѣется, Антіохъ Кантемиръ еще въ дѣтствѣ знакомился съ этими языками, равно какъ съ молдавскимъ, турецкимъ и, конечно, русскимъ. Свое знаніе въ греческомъ языкѣ онъ уже высказалъ десятилѣтнимъ мальчикомъ въ 1718 году въ московской академіи, гдѣ онъ нѣкоторое время учился. Тамъ въ церкви въ присутствіи царя онъ произнесъ на греческомъ языкѣ похвальное слово святому Димитрію Фессалоникійскому, соименнику своего отца. Впрочемъ, здѣсь не лишнею будетъ догадка, что въ семействѣ Кантемира обычнымъ языкомъ былъ греческій, такъ какъ княгиня Смарагда была гречанка.

Не станемъ въ подробности повторять здѣсь анекдотъ, разсказанный Бантышъ-Каменскимъ объ одиннадцатилѣтнемъ Антіохѣ, котораго едва не убилъ родной отецъ передъ кабинетомъ Петра за то, что маленькій часовой задремалъ, стоя на часахъ у дверей въ покои монарха; только Петръ будто бы успѣлъ во-время остановить убійство. Съ того времени, продолжаетъ Б. Каменскій, ученіе князя Антіоха приняло другой видъ: онъ могъ свободно заниматься словесностью, имъ любимою.

Но руководитель его въ словесныхъ наукахъ, Анастасій Кондоиди, на слѣдующій годъ по приказанію царя былъ взятъ на государственную службу въ духовную коллегію, такъ какъ въ то время правительство весьма нуждалось

*) Тамъ же стр. 250.

въ людяхъ, знающихъ иностранные языки. Вслѣдствіе этого четыре брата, разумѣется, по распоряженію отца, обратились съ просьбою къ самому царю вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія: «мы черезъ четыре уже мѣсяца, пишутъ они, безъ всякаго ученія пребываемъ; иного же (учителя) означенныхъ языковъ совершенно искуснаго имѣть не можемъ». Одинъ только былъ у нихъ на примѣтѣ для замѣны Кондоиди, это греческій попъ Либерій Колетіа, «понеже онъ вышерѣченныхъ языковъ предовольно искусенъ»; да и тотъ, замѣшанный въ дѣло царевича Алексѣя, былъ уже сосланъ въ Соловецкій монастырь *). О немъ-то и просили братья отдать его *на ихъ пароль* съ тѣмъ, что по первому востребованію царя они всегда готовы будутъ «его поставить». Прошеніе подписано 17 февраля 1721 **).

Вмѣстѣ съ дѣтьми жаловался царю и самъ отецъ, что у него отняли учителя, котораго онъ привезъ съ собою изъ Молдавіи, и что другаго искуснаго обрѣсти невозможно; послать же дѣтей въ «европскія страны» онъ не въ состояніи; «такимъ образомъ они, прибавляетъ отецъ, съ немалою моею и своею утратою время погубляютъ».

Впрочемъ, изъ нѣсколькихъ просьбъ его къ царю въ это время видно, что онъ былъ несовсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ.

---

*) Елевферій (или, какъ его называли русскіе, Ливерій и Ляберій) Колети былъ священникъ и учитель въ греческой школѣ въ Але. Въ 1710 г. царевичъ Алексѣй, бывъ за границею, пригласилъ его къ себѣ за неимѣніемъ русскаго священника. Онъ такъ понравился царевичу, что былъ приглашенъ имъ и въ Россію, гдѣ и получилъ мѣсто при московской греческой школѣ «на обученіе поповыхъ дѣтей». Затѣмъ, при второмъ своемъ путешествіи за границу, царевичъ снова взялъ его съ собою въ качествѣ своего духовника. Ужъ одного этого было достаточно, чтобы впутать его въ трагическій судъ надъ царевичемъ; но кромѣ того, на немъ были еще другія подозрѣнія. Его лишили священства, пытали на розыскахъ и наконецъ опредѣлили: «учинить наказаніе и сослать вѣчно въ Соловецкій монастырь», а царь собственноручно прибавилъ ко всему этому: «въ тюрьму». Но у Колети нашлось нѣсколько доброжелателей и милостивцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и молдавскій господарь, какъ видно, благоволившій всѣмъ грекамъ. Давъ царю нѣсколько успокоиться, Кантемиръ воспользовался тѣмъ, что изъ его дома взяли Кондоиди, и нашелъ очень благовиднымъ просить замѣнить его другимъ.

**) Въ книгѣ Пекарскаго стр. 572 ч. I.

Съ небольшимъ за годъ до этого, послѣ смерти княгини Смарагды, бывшій господарь, которому тогда уже было подъ шестьдесятъ лѣтъ, увидѣлъ въ Петербургѣ красавицу княжну Трубецкую, воспитанную по-европейски въ Швеціи, гдѣ былъ плѣнникомъ ея отецъ во все продолженіе шведской войны, увидѣлъ и плѣнился до того, что на старости вздумалъ снова жениться, даже перемѣнилъ свое національное полуазіатское платье на европейское и обрилъ бороду. Свадьба была сыграна и новобрачные открыто, на европейскій ладъ, на сколько это было возможно, стали жить въ Петербургѣ, куда были перевезены изъ Москвы и малолѣтнія дѣти Кантемира. Учитель, бывшій при нихъ, Иванъ Ильинскій *), который занимался съ ними русскимъ языкомъ, сколько можно догадываться по его короткимъ замѣткамъ, исполнялъ въ домѣ Кантемира должность домашняго секретаря, а можетъ быть и составлялъ князю прошенія.

Отецъ возилъ съ собою повсюду своихъ дѣтей и прилежно слѣдилъ за ихъ научнымъ образованіемъ. Въ одной французской біографіи Антіоха говорится, что отецъ его всегда присутствовалъ при урокахъ своихъ дѣтей. Впрочемъ, онъ и самъ имѣлъ возможность сообщать имъ многое. По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, любимыми занятіями его были исторія, архитектура, философія и математика, такъ что онъ за свои познанія былъ выбранъ въ члены

---

*) О немъ встрѣчается извѣстіе еще въ 1716 г. По указу царя нужно было выбрать нѣсколькихъ изъ бывшихъ московскихъ студентовъ академіи, знающихъ полатыни и умѣющихъ переводить, съ тѣмъ, чтобы послать ихъ въ Прагу, гдѣ они должны были заниматься переводами. Мусинъ-Пушкинъ, которому поручено было сдѣлать этотъ выборъ, между прочимъ остановился на Иванѣ Ильинскомъ, какъ на надежномъ человѣкѣ, но оказалось, что онъ живетъ у князя «волошскаго» (молдавскаго), который въ то время находился въ своей деревнѣ. Туда-то и послано было изъ Москвы за Ильинскимъ; но князь воспротивился и не хотѣлъ отпустить его, ссылаясь на царя, который будто бы приказалъ ему держать Ильинскаго при себѣ. Тогда вмѣсто него былъ взятъ изъ Спасскаго монастыря монахъ Феофилъ Кроликъ, который также имѣетъ нѣкоторую связь съ именемъ Кантемира. Ильинскій еще долго оставался въ домѣ волошскаго князя.

берлинской академіи. И Петръ Великій наконецъ госпользовался его свѣдѣніями и просьбами наложить на него службу, гдѣ бы онъ могъ показать свое усердіе. Въ 1722 году открылся походъ въ Персію. Князь Димитрій, хорошо владѣвшій персидскимъ и турецкимъ языками, могъ быть при этомъ случаѣ очень полезенъ царю. И дѣйствительно Петръ ввѣрилъ ему вмѣстѣ съ Толстымъ управленіе походною канцеляріею и поручалъ ему составленіе разныхъ воззваній и манифестовъ къ жителямъ Персіи по персидски и потурецки, которые печатались подъ его же надзоромъ въ походной турецкой типографіи, бывшей въ полномъ распоряженіи Кантемира. Въ походъ съ собою, по обыкновенію, онъ взялъ и все свое семейство. Антіоху Кантемиру въ это время было четырнадцать лѣтъ. Съ нимъ вмѣстѣ былъ и русскій учитель его Ильинскій, по замѣткамъ котораго можно видѣть, что царь въ походѣ очень благоволилъ князю, не разъ посѣщалъ его въ Астрахани и Дербентѣ и поощрялъ его ученыя занятія *).

По свидѣтельству Баера, малолѣтнему Кантемиру и самое путешествіе служило наукою. «Сверхъ безпрестаннаго чтенія, говоритъ онъ, самыя земли, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, служили ему вмѣсто отверзтой книги, представляющей обычаи, нравы народовъ, комерцію и земныя произращенія, что все старался ему изъяснить своими разсужденіями родитель его» **).

Такимъ образомъ развивалась наблюдательность мальчика, которую онъ впослѣдствіи и выказалъ въ своихъ сатирахъ Но не долго пришлось ему пользоваться уроками и забо-

---

*) При этомъ разсказывается анекдотъ: Кантемиръ поздравлялъ царя съ новыми завоеваніями и между прочимъ прибавилъ, что царь скоро присоединитъ къ своимъ уже многочисленнымъ титуламъ еще титулъ шаха персидскаго. На это царь возразилъ: «ты не понимаешь ни моихъ намѣреній, ни интересовъ; я вовсе не хлопочу о пріобрѣтеніи новыхъ земель; и безъ того у меня ихъ можетъ быть слишкомъ много; я ищу только воды». (Anecdotes interessantes en secrets de la cour de Russie, T. I, p. 10—11. Londres 1692).

**) Это же самое мы читаемъ и во французской біографіи Кантемира, написанной однимъ изъ его друзей, аббатомъ Венути. Satyres de M-r le prince Cantemir. Londres 1749.

ами отца. Въ Астрахани молдавскій господарь заболѣлъ
і поспѣшилъ въ свое малороссійское помѣстье Дмитровку,
дѣ и умеръ 21 августа 1723 года.

Въ своемъ завѣщаніи отецъ совѣтовалъ всѣмъ своимъ
ѣтямъ особенно заботиться объ образованіи и назвалъ
еньшаго сына «въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ лучшимъ».
Неизвѣстно отчего, онъ не любилъ старшаго сына, Мат-
ѣя, и положительно устранилъ его отъ наслѣдства; но въ
о же время, имѣя въ виду майоратъ, учреждаемый Пет-
омъ Великимъ, не могъ раздѣлить имѣнія между прочими
ѣтьми: нужно было назначить кого-нибудь одного. Роди-
ельское его сердце колебалось въ выборѣ и онъ предо-
тавилъ сьое отцовское право императорской власти, ука-
въ ей на то основаніе, котораго она должна держаться
ъ своемъ приговорѣ: успѣхи въ наукахъ должны были
ѣшить, кому владѣть наслѣдствомъ, и рѣшеніе должно
ослѣдовать тогда, когда всѣ братья придутъ въ совер-
еннолѣтіе. При этомъ отецъ особенно выставлялъ Анті-
ха, какъ юношу, обѣщающаго болѣе всѣхъ. На науки дѣ-
ей онъ назначалъ по 3000 руб. въ годъ и просилъ го-
ударя оказать имъ милость и послать ихъ для образова-
ія «въ иныя страны» *).

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ отцовской смерти Анті-
хъ Кантемиръ просилъ царя отпустить его учиться за гра-
ицу. Очень рѣдко, вѣроятно, случалось Петру Великому чи-
ать подобныя прошенія, гдѣ юноша самъ просился отпу-
тить его учиться въ чужія страны и притомъ назначая
ебѣ самый широкій планъ ученія. Но насъ не мало удив-
етъ, почему это прошеніе осталось безъ всякаго послѣд-
твія. Конечно, царь зналъ Антіоха лично, не разъ посѣ-
ая отца его, зналъ его любовь къ наукамъ, не могъ не
одобрять его прекрасныхъ стремленій, и не смотря на все
о, оставилъ его просьбу безъ исполненія. Было ли тому
ричиною несовершеннолѣтіе Кантемира или, можетъ быть,
етръ имѣлъ въ виду другія соображенія: въ это время

*) См. книгу Баера.

онъ рѣшалъ вопросъ объ основаніи въ Петербургѣ академіи наукъ, которая предназначалась быть разсадникомъ учености въ его царствѣ при посредствѣ иностранныхъ ученыхъ. Онъ замышлялъ при академіи наукъ учредить университетъ и гимназію. Академія, какъ извѣстно, была открыта уже послѣ смерти Петра и Антіохъ Кантемиръ дѣйствительно является ученикомъ первыхъ членовъ академіи. Но объ его занятіяхъ мы можемъ только повторить общія фразы его біографовъ аббата Венути и Баера: Бернулли ознакомилъ его съ высшими вычисленіями математики, Больфингеръ съ законами физики, Баеръ раскрылъ передъ нимъ дѣянія царствъ и народовъ, а Гроссъ развивалъ благотворныя идеи нравоучительной философіи. Уроки послѣдняго особенно привлекали скромнаго юношу: нравоучительная философія была и навсегда осталась любимѣйшимъ предметомъ его занятій. «Она, говаривалъ часто Кантемиръ, научаетъ насъ познавать самихъ себя, поступать честно и сдѣлаться полезными обществу». Такъ какъ Венути писалъ біографію своего друга чуть не подъ его диктовку, то мы можемъ видѣть въ сказанныхъ фразахъ собственное признаніе Кантемира той пользы, какую ему принесли лекціи первыхъ ученыхъ петербургской академіи. Біографъ прибавляетъ: «Академія удивлялась превосходнымъ и обширнымъ способностямъ Кантемира и скоро выбрала его въ число своихъ членовъ, надѣясь современемъ имѣть его своимъ шефомъ».

При учрежденіи академіи былъ причисленъ къ ней въ званіи переводчика и русскій учитель Кантемира, Ильинскій, о которомъ въ послѣдствіи отзывался Тредьяковскій, что онъ былъ «праводушный, честный и добронравный мужъ, да и другъ другомъ нелицемѣрный». Умѣнье слагать стихи Кантемиръ перенялъ отъ своего учителя, котораго очень скоро и превзошелъ онъ. По преемству отъ него достался Кантемиру силлабическій стихъ, усовершенствованный имъ уже заграницей, когда нашъ писатель вздумалъ передѣлать свои сатиры, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Первымъ литературнымъ его трудомъ былъ

переводъ съ французскаго, какъ результатъ изученія этого языка. *)

Въ концѣ перевода приписаны слѣдующіе стихи переводчика къ *читателю*:

Первый трудъ мой въ французскомъ прими сей, друже,
Хотя неисправно, однако скончанный есть уже.
Вымарай, что недобро, исправя, что ясно,
Да трудецъ мой погубленъ не будетъ напрасно.
Что же въ немъ содержится, первый листъ являетъ,
Да обратитъ и да чтетъ, кто знати желаетъ.
Перевелъ се Антіохъ, званный Кантемиромъ,
Ты жъ впрочемъ многолѣтно да живеши съ миромъ.

Предпослѣдній стихъ предупреждаетъ всякую возможность сомнѣваться въ томъ, чьею рукою сдѣланъ переводъ. Обыкновенный пріемъ нашихъ старинныхъ грамотѣевъ обращаться къ читателю и просить его исправить погрѣшности, какія найдетъ онъ, перешелъ и къ Кантемиру. Намъ неизвѣстенъ ни итальянскій подлинникъ, ни французскій переводъ этой статейки, въ которой шутливымъ тономъ изображаются парижскіе нравы. Легкій сатирическій взглядъ автора, остроумныя сужденія разрѣшаютъ намъ вопросъ, почему Кантемиръ сдѣлалъ такой выборъ для своего упражненія во французскомъ и *славянороссійскомъ* языкахъ. Этотъ трудъ имѣетъ связь съ его сатирическимъ настроеніемъ и потому заслуживаетъ полнаго вниманія біографа. По справедливости его слѣдуетъ назвать трудомъ ученическимъ: въ немъ переводчикъ слишкомъ придерживается выраженій оригинала, отчего языкъ его переполненъ галлицизмами; но въ немъ есть и свое относительное достоинство: онъ далеко не такъ запутанъ и тяжелъ, какъ языкъ у дру-

---

*) Въ рукописяхъ онъ носитъ такое оглавленіе: «Переводъ съ итальянскаго на французскій языкъ нѣкоего итальянскаго письма, содержащаго изящное критическое описаніе Парижа и французовъ, писаннаго отъ нѣкоего сициліанца къ своему пріятелю. — На славянороссійскій языкъ переведено съ французскаго въ царствующемъ С.-Петербургѣ лѣта Господня 1726». См. въ нынѣшнемъ Собран. сочин. Кант., часть II.

гихъ русскихъ переводчиковъ того времени. Переводъ Кантемира имѣетъ для насъ нѣкоторое значеніе и въ другомъ отношеніи: въ немъ мы встрѣчаемъ изображеніе такихъ нравовъ, обычаевъ и привычекъ, которые впослѣдствіи вошли и въ жизнь русскаго образованнаго общества и противъ которыхъ не разъ вооружалась русская сатира; иные же изъ нихъ замѣтны были уже и при Кантемирѣ, вывезенные къ намъ вмѣстѣ съ французскими кафтанами и париками.

Судя по стихамъ, адресованнымъ къ читателю, Кантемиръ, какъ видно, имѣлъ въ виду напечатать этотъ переводъ, но что ему помѣшало издать его, мы не знаемъ. Первымъ печатнымъ трудомъ его слѣдуетъ считать «Симфонію на псалтырь» изданную въ 1727 году. Эта работа обращаетъ на себя вниманіе религіознымъ расположеніемъ восемнадцатилѣтняго автора и необыкновеннымъ терпѣніемъ, какое требуется для составленія подобной книги.

По всей вѣроятности, мысль заняться этою работою внушена ему учителемъ его Ильинскимъ, который самъ трудился надъ составленіемъ симфоніи на четвероевангеліе и дѣянія апостольскія, напечатанной уже въ 1733 году. Подъ его надзоромъ или руководствомъ Кантемиръ окончилъ свой трудъ еще въ 1726 году. Намъ кажется, что и надъ посвященіемъ Екатеринѣ I въ началѣ книги много трудилось перо Ильинскаго, которому уже не въ первый разъ приходилось писать высокимъ слогомъ, т. е. набирать громкія, трескучія фразы даже въ ущербъ здравому смыслу. По крайней мѣрѣ, языкъ этого посвященія рѣзко отличается даже отъ предисловія къ той же книгѣ, хотя и въ немъ рѣчь не совсѣмъ похожа на языкъ, какимъ обыкновенно писалъ Кантемиръ. Изъ всего велерѣчиваго посвященія намъ понятно только, что «трудокъ сей прилежности паче неже остроумія указаніемъ есть.... сочинися аки бы самъ собою; за частое во священныхъ псалмопѣніяхъ упражненіе, ими же богодухновенный царь Давидъ всевышнему Богу хвалу воспѣваше и божественная прославляше благодѣянія». Содержаніе и цѣль книги высказывается въ предисловіи.

ія не замѣтить, что практическое или реальное на-
е Кантемира высказалось и въ этомъ трудѣ его,
безплоденъ кажется онъ съ перваго взгляда: ав-
лагъ принести практическую пользу тѣмъ, кто лю-
ылаться на фразы библіи, а такихъ въ то время
вольно не только между духовными, но и между
и лицами. *)

о же время, надо полагать, Кантемиръ началъ пи-
любовныя пѣсенки, о которыхъ онъ вспоминалъ

ганіемъ «Симфоніи» связывается эпизодъ, который не имѣетъ осо-
іаченія въ жизни Кантемира, но по которому мы можемъ су-
е понятіе имѣли въ то время о литературной собственности.
; году въ іюлѣ мѣсяцѣ Кантемиръ представилъ Екатеринѣ I ру-
его труда съ просьбою приказать напечатать въ петербургской
ъ. 2 ноября императрица передала рукопись директору типогра-
ову, который не мѣшкая и пустилъ ее въ наборъ. Такъ какъ
изданія по именному указу, составляли собственность не авто-
графіи, то Кантемиръ, желая имѣть десять экземпляровъ свое-
прислалъ въ типографію полторы стопы книжной бумаги съ
сдѣлать на его имя десять оттисковъ. Печатаніе книги замедли-
шіемъ Абрамова съ духовнымъ управленіемъ, отъ котораго онъ
ему не было сказано, сколько экземпляровъ слѣдуетъ напеча-
, какъ и духовное управленіе также не отвѣчало на его вопросъ,
споряднлся самъ, приказавъ отпечатать 1,250 книгъ. Такимъ
книга печаталась цѣлый годъ и вышла въ свѣтъ уже послѣ смер-
ины.
ъ забылъ, что существуетъ императрицинъ указъ, запрещавшій
о раздавать книги изъ типографіи, и поспѣшилъ поднести по эк-
«Симфоніи» Петру II и его сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а за-
илъ еще девять экземпляровъ членамъ верховнаго совѣта и си-
ь же авторъ не получилъ ни одной книги. Абрамовъ объявилъ,
казу не можетъ исполнить его желанія, не смотря на то, что
і пошла въ дѣло. Тогда Кантемиръ подалъ просьбу, въ которой
все дѣло, просилъ «дабы повелѣно было оныя новонапечатан-
отдать ему, нижепоименованному лейбъ-гвардіи преображенскаго
прапу, князю Антіоху Кантемиру».
, не осталась безъ послѣдствія. Отъ Абрамова потребовали от-
залось, что недостаетъ одиннадцати книгъ. Директоръ типографіи
виноватымъ и въ наказаніе ему вмѣсто жалованья за январскую
трети велѣно выдать тѣми книгами, «которыхъ онъ множество
самовольно напечаталъ, а за взятую у господина Кантемира на
е оныхъ книгъ бумагу отдать тѣми книгами по истинной цѣнѣ,
четыре книги безъ удержанія». (Библіографичес. Записки 1858
статья Пекарскаго).

въ своей четвертой сатирѣ *). Онѣ не дошли до насъ, но едвали мы ошибемся, если скажемъ, что образцомъ ему служили французскія пѣсни, такъ какъ въ это время онъ знакомился съ французской литературой и, разумѣется, какъ юноша, увлекался страстными, а иногда и циническими изображеніями любви, тѣмъ болѣе, что женщина и въ позднѣйшіе годы сильно привлекала его.

Такимъ образомъ заявивъ свой талантъ, Кантемиръ вступаетъ въ жизнь и дѣлается дѣятельнымъ членомъ общества. Образованіе его было дѣйствительно основательное: знаніе языковъ и литературъ древнихъ и новыхъ, близкое знакомство съ священнымъ писаніемъ, большая начитанность, развившаяся любовь къ наукамъ — все это выдвигало его предъ всѣми. Нравственное направленіе, данное ему съ дѣтства отцемъ его, онъ выразилъ въ послѣдствіи въ VIII сатирѣ въ 43—60 стихахъ.

Чтобы рѣзче опредѣлить общественную и политическую дѣятельность Кантемира, намъ необходимо сдѣлать общій очеркъ тогдашняго положенія дѣлъ и выяснить отношенія нашего писателя ко всѣмъ дѣйствовавшимъ личностямъ.

II.

По смерти Петра въ синодѣ засѣдали два равноправные вицепрезидента, два старинные врага, Феофанъ Прокоповичъ и Феофилактъ Лопатинскій.

Феофанъ, умный, хитрый, многосторонне образованный, честолюбивый, дѣятельный, принадлежитъ къ числу тѣхъ страстныхъ натуръ, которыя ищутъ жизни въ движеніи впередъ, которыя создаютъ себѣ лучшіе идеалы для будущаго и, увлекаясь ими, стремятся къ нимъ всѣми силами своей души. Изъ такихъ натуръ выходятъ всегда реформаторы; во времена революцій они быстро возвышаются и дѣлаются передовыми людьми, предводителями.

*) IV сат. стих. 151—165.

Еще въ юности, безвѣстнымъ, бѣднымъ ученикомъ на пути въ Римъ, Феофанъ познакомился съ жизнію нѣсколькихъ чужеземныхъ странъ, съ которою могъ сравнить русскую одностороннюю жизнь, лишенную многихъ интересовъ европейской жизни. Въ Римѣ, своимъ умомъ, любознательностью, остротою, настойчивостью въ трудѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе образованнѣйшихъ іезуитовъ, которые истощили много убѣжденій, чтобы привлечь юнаго ученика на свою сторону. Но умъ его былъ не таковъ, чтобы поддаться этимъ убѣжденіямъ: ища жизни, а не схоластики, ее сковывающей, онъ уже не полюбилъ всѣхъ схоластическихъ мудрствованій и занялся изученіемъ писателей древнихъ и христіанскихъ. На ряду съ отцами церкви греческой и римской онъ знакомился съ Демосѳеномъ, Цицерономъ, Виргиліемъ, Овидіемъ и со многими другими классическими поэтами, сатириками, ораторами, историками; внимательно разсматривалъ памятники древности, и не только не увлекся «папежскимъ духомъ» (какъ онъ называетъ католичество), которымъ его хотѣли увлечь, но напротивъ, развилъ въ себѣ сатирическій духъ, и наконецъ явился въ кіевскую академію самостоятельнымъ дѣятелемъ. Реформаторскія стремленія онъ сначала выказалъ безъ всякой связи съ петровой реформою. Пока Петръ боролся съ шведскимъ королемъ, онъ занималъ скромную каѳедру преподавателя философіи и богословія въ кіевской академіи. И скоро слушатели Феофана съ восторгомъ стали разносить по всему югозападному краю вѣсти о новомъ изложеніи богословія. Дошло это и до Москвы, и ужаснулись московскіе схоластики смѣлости кіевскаго іеромонаха и единогласно осудили его въ отступничествѣ отъ православія. Въ другое время, конечно, онъ былъ бы задавленъ, несмотря на всю свою энергію; но реформаторскій духъ Петра далъ ему опору въ борьбѣ и направленіе его наклонностямъ. Уже въ то время сатирической и презрительной насмѣшкой поражалъ онъ ханжество и невѣжество поповъ и монаховъ (poporum et monachorum). Даже и характеромъ онъ былъ сходенъ съ Петромъ: холерико-сангвиническаго темперамента, съ сатирическимъ взглядомъ, развившимся

вслѣдствіе противорѣчія узкой дѣйствительности съ его живымъ идеаломъ, онъ любилъ, подобно Петру, веселую и разнообразную жизнь, ни на мигъ не забывая дѣла. Первая встрѣча этихъ двухъ личностей, столь родныхъ по духу, была въ 1706 г., когда Феофанъ въ качествѣ префекта академіи встрѣчалъ царя въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ привѣтственною рѣчью. Въ ней ораторъ уже во многомъ отступаетъ отъ прежнихъ безжизненныхъ пріемовъ и вноситъ въ нее то, что дѣйствительно могло имѣть интересъ для Петра, посѣтившаго Кіевъ. Петръ, умѣвшій такъ хорошо угадывать способныхъ людей, не могъ и тогда не замѣтить такой личности, какъ Феофанъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ полтавской битвы Прокоповичъ снова встрѣчаетъ царя поздравительною рѣчью, которая по царскому приказу тогда же и была напечатана вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ. Затѣмъ черезъ два года царь беретъ его съ собою въ прутскій походъ, и въ это-то время, конечно, слушая его проповѣди, могъ узнать ближе его стремленія. Но по мѣрѣ того, какъ проповѣдникъ сближался съ Петромъ, все болѣе и болѣе расходился съ высшими представителями своего сословія. Въ 1712 г. онъ написалъ книгу «Объ игѣ неудобоносимомъ», которая сталкиваетъ его съ прежнимъ его школьнымъ товарищемъ, Феофилактомъ Лопатинскимъ, и ставитъ обоихъ во взаимныя враждебныя отношенія. Эта враждебность потомъ обращается въ борьбу на смерть, когда оба сходятся на одной дорогѣ во главѣ русскаго духовенства, какъ первые члены синода. Они учились вмѣстѣ въ Кіевѣ и за границей, потомъ вмѣстѣ учили въ кіевской академіи, но совершенно расходились въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Феофилактъ также былъ человѣкъ умный и ученый, но не имѣлъ той страстности, той изворотливости, какими былъ одаренъ Прокоповичъ, а главное, былъ чуждъ всякихъ реформаторскихъ стремленій, держался старыхъ порядковъ, признавая авторитетъ старины. Не чуждый честолюбивыхъ увлеченій, онъ былъ въ то же время кротокъ, довѣрчивъ, простъ и считалъ своимъ священнымъ долгомъ защищать православіе отъ всякихъ нападковъ и искаженій. Явившись дѣятелемъ въ эпоху рево-

уже признавались и въ правительственныхъ кругахъ, что доказывается намѣреніемъ послать его въ посольство къ французскому двору. Должно полагать, что партія его брата хотѣла поскорѣе удалить его изъ Россіи, чтобы лишить возможности доказывать свои права на наслѣдство. По крайней мѣрѣ, указывали на этотъ же самый пріемъ, который будто-бы былъ употребленъ впослѣдствіи, когда положеніе Антіоха при дворѣ значительно усилилось. Но теперь его молодость, обративъ на себя вниманіе русскихъ дипломатовъ, послужила помѣхою, и Антіохъ Кантемиръ по прежнему остался съ содержаніемъ поручика преображенскаго полка.

Несправедливо лишенный наслѣдства, онъ тѣмъ болѣе не могъ чувствовать расположенія къ той партіи, къ которой принадлежалъ князь Голицынъ, и политическое его положеніе окончательно опредѣлилось. Все это намъ нужно было разъяснить, чтобы совершенно понять стихотвореніе Кантемира, написанное имъ Феофану Прокоповичу въ минуты самыя тяжелыя для нихъ обоихъ. Оно выписано мною изъ рукописи, принадлежащей императорской публичной библіотекѣ (Q, XIV, 6). Тамъ же помѣщено и стихотвореніе Феофана, вызвавшее посланіе Кантемира.

Прокоповичъ иногда посвящалъ минуты отдохновенія стихотворной забавѣ. Литературный талантъ его, склонный къ сатирѣ, видѣнъ и тутъ. Его стихъ является даже игривымъ, насколько онъ можетъ быть игривъ въ тяжоломъ силлабическомъ размѣрѣ; въ то же время видно и малороссійское произношеніе автора, который *ѣ* произноситъ какъ *и*, отчего обѣ эти гласныя у него рифмуются, что необходимо имѣть въ виду при чтеніи его стиховъ.

Стихотвореніе Прокоповича, какъ можно догадываться, относится къ послѣднему времени царствованія Петра II, когда господствовалъ верховный тайный совѣтъ и когда сила его, повидимому, упрочивалась надолго, а съ нею и торжество старой партіи. Тутъ было отчего пріуныть и Прокоповичу и всѣмъ, раздѣлявшимъ его образъ мыслей. Это-то положеніе и выразилось въ стихахъ Прокоповича, которые озаглавлены такимъ образомъ: «Плачетъ пастушокъ въ

долгомъ ненастіи». Здѣсь авторъ, какъ пастырь церкви, представляетъ себя въ образѣ пастушка, который сожалѣетъ и о себѣ и о своемъ стадѣ, изнывающемъ отъ долгой ненастной погоды и ждущемъ себѣ окончательной гибели. Впрочемъ, названіе пастушка нельзя приписать къ оригинальности Прокоповича. Оно въ то время было довольно употребительно у пастырей церкви; такъ напр. извѣстно, что Стефанъ Яворскій въ своихъ письмахъ къ Петру Первому часто подписывался: «Стефанъ, пастушокъ рязанскій». Г. Пекарскій нашелъ стихи валдайскаго протопопа, написанные въ 1717 и въ 1718 и подписанные: «Михаилъ, валдайскій пастушокъ» *).

Смыслъ стихотворенія Прокоповича такъ ясенъ **), если имѣть въ виду всю тогдашнюю обстановку его жизни, что не требуется никакихъ поясненій. Укажемъ только на выраженіе «прошелъ день пятый», которое видимо говоритъ о пятомъ годѣ послѣ смерти Петра Вел., что между прочимъ и заставляетъ насъ отнести стихотвореніе къ послѣднимъ днямъ реакціи. Ожиданіе прибытія въ Москву герцогини курляндской, приглашенной на русскій престолъ послѣ смерти Петра Втораго, внушило Кантемиру надежды на лучшее будущее. Въ утѣшеніе плачущему пастушку онъ отвѣчаетъ ему тѣми же образами и тѣмъ же тономъ, даже сохраняя то же малороссійское произношеніе буквы *ѣ*. ***). Здѣсь авторъ сводитъ въ пастушескій бытъ весь высшій правительственный кругъ, который обозначается словами «на горахъ нашихъ». Далѣе овцы и козлища представляютъ двѣ партіи. Восхваляя таланты своего пастуха-героя, авторъ указываетъ на другихъ двухъ пастуховъ Сеньку и Федьку, которые хотя также пѣли, но ихъ голоса передъ Пименомъ какъ скрипъ дверей, ненамазанныхъ саломъ (ветчиною). Этотъ отрывокъ изъ стихотворенія Кантемира былъ напечатанъ въ «Библіографическихъ Запискахъ», гдѣ подъ

---

*) Наука и литер. при Петрѣ В. ч. I, стр. 368—370.

**) См. въ примѣчан. при стихотв. Кантемира Epodos Consolatoria.

***) См. ниже, стр. 283: Epodos Consolatoria.

именемъ Сеньки думаютъ видѣть Симеона Полоцкаго, съ чѣмъ мы никакъ не можемъ согласиться. Авторъ видимо имѣлъ въ виду враговъ Феофана, къ которымъ поэтому и относится безъ всякаго уваженія. Симеонъ Полоцкій умеръ слишкомъ давно, принадлежалъ предшествовавшему поколѣнію и, слѣдовательно, общаго между нимъ и Прокоповичемъ ничего быть не могло, чтобы сводить ихъ вмѣстѣ для сравненія. Кромѣ того, имя Симеона пользовалось такимъ уваженіемъ, что перемѣнять его въ Сеньку едвали бы рѣшился Кантемиръ. Да и что ему было за дѣло до прошедшаго, когда все его вниманіе поглощалось кипучею современностью, голосъ которой такъ и слышится во всемъ его стихотвореніи? Въ именахъ Сеньки и Федьки мы должны искать современниковъ Феофана, которые вступали съ нимъ въ соперничество и борьбу, но оказались слишкомъ слабы передъ нимъ: скрипѣли какъ немазаны ветчиною двери *).

Далѣе авторъ представляетъ новаго Феофанова врага-Егора, котораго мы можемъ уже ясно опредѣлить: это ростовскій епископъ Георгій Дашковъ, любитель лошадей. Кантемиръ также питалъ къ нему особенную ненависть, можетъ быть, за его нерасположеніе къ наукѣ и ко всѣмъ ученымъ. Его нашъ писатель изобразилъ довольно живописно въ своей первой сатирѣ: «Епископомъ хочешь быть, уберися въ рясу» и проч. и задѣлъ колкимъ стихомъ во второй: «задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати, когда лошади свои раздарилъ некстати». Эти стихи служатъ какъ-бы дополненіемъ къ стихамъ пѣсни, въ которыхъ вполнѣ выразилась народная молва о Георгіи Дашковѣ. Затѣмъ, напомнивъ прежнюю борьбу Феофана съ врагами, надъ которыми онъ торжествовалъ, стихотворецъ совѣтуетъ пастуху не унывать со своею дружиною и подносить сіи «промежь дѣлы бражку и винцо», за что потомъ она будетъ помогать ему: «масло и творогъ жирный въ творилахъ истискати». Не все будетъ осень и зима, прибавляетъ онъ, есть признаки близкой весны, когда должна въ нашихъ горахъ по-

*) Въ Лѣтоп. Рус. литер. т. V указываютъ на Ѳедора Поликарпова безъ всякихъ впрочемъ доказательствъ.

явиться благодатная Діана. Ясно, что Кантемиръ здѣсь имѣетъ въ виду герцогиню курляндскую Анну Ивановну, которую рѣшено было пригласить на русскій престолъ, чего еще не могъ предполагать Феофанъ, когда писалъ свое стихотвореніе: событія совершались быстро. Далѣе авторъ рисуетъ эту Діану сообразно съ мифологическимъ изображеніемъ: она уже выступаетъ на ловлю дикихъ звѣрей и скоро будетъ раздѣлять добычу «ловитвы» и раздавать «звѣрей кожи вмѣсто монисты». Это предсказаніе поэта исполнилось въ скоромъ времени. Дѣйствительно, своей кожей поплатились враги новой партіи и Феофановы. Предсказывая при этомъ плачущему пастушку послѣ пяти ненастныхъ дней свѣтлый шестой и за нимъ седьмой, полный покоя, авторъ проситъ его не забыть и о «малыхъ пастушкахъ, которые теперь въ обидѣ у нахальныхъ друзей Егора». Здѣсь имѣется въ виду опять тотъ же Дашковъ въ связи съ своею партіей, которыхъ не могъ не винить Кантемиръ за несправедливое дѣло о наслѣдствѣ. На него онъ указываетъ и въ слѣдующихъ стихахъ, открывая фактъ, что ростовскій епископъ принималъ участіе въ его дѣлѣ. Рисуя и себя въ образѣ пастушка, онъ говоритъ, что Егоръ съ друзьями отогнали отъ него всѣхъ его козлятокъ и раскрали и молоко и шерсть. Лишенный всего, бродитъ онъ теперь одинокій межъ пастушками, никто бѣднаго не нанимаетъ въ работники, никто не дастъ и овцы на заводъ. Онъ считаетъ себя несчастнѣе пастушка Пимена и заканчиваетъ стихотвореніе совѣтомъ:

Присмотрись токмо къ моему лиху
И несчастью,
Будешь въ печали имѣть утѣху
И въ ненастью.

Это стихотвореніе ясно показываетъ, какъ смотрѣлъ Кантемиръ на свое положеніе: онъ считалъ себя ограбленнымъ, нищимъ и могъ надѣяться на улучшеніе своего состоянія только при торжествѣ партіи Феофана. Все это бросаетъ и особенный свѣтъ на первую сатиру, написанную двадцатилѣтнимъ юношею въ послѣднее время царствованія Пет-

ра II. Нечѣмъ было ему восхищаться, чтобы начать пѣть оды. Онъ на самомъ себѣ чувствовалъ всю тягость этого времени, когда реакція видимо брала перевѣсъ, когда некому было сдерживать всѣхъ интригъ, замысловъ и происковъ сильныхъ людей, между которыми интересы науки не имѣли никакого значенія, несмотря на то, что Петръ такъ горячо вносилъ ихъ въ русскую государственную жизнь. Глубокой грустью проникнуты его разсужденія, въ которыхъ онъ вступается за униженную науку:

«Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита» и пр. (ст. 153—158).

Всѣ эти слова съ болью должны были вырваться изъ сердца человѣка, который только черезъ науку и видѣлъ счастливый выходъ изъ тяжелаго положенія и которому между тѣмъ представлялось, что эту науку, выражаясь языкомъ мѣстничества, «пересѣло невѣжество», что оно «подъ митрой гордится, въ шитомъ платьѣ ходитъ» и пр. Передъ его глазами совершилось столько разныхъ превращеній. Онъ видѣлъ, какъ торжествовали не заслуги, не достоинства, не труды, не ученость, и мрачное чувство охватило его юную душу: «въ нашъ вѣкъ не къ пользѣ намъ, что ни есть, умѣти» и пр. (ст. 132).

Многіе современные факты живо отражаются въ этомъ произведеніи. Задѣваетъ Кантемиръ и сочиненіе Стефана Яворскаго «Камень Вѣры», которое, какъ намъ уже извѣстно, въ это самое время надѣлало много шуму:

«Казанье *(проповѣдь)* писать — пользы нѣтъ ни малой мѣры:
«Есть для исправленія нравовъ «Камень Вѣры». (Ст. 73—74).

Этимъ стихомъ Кантемиръ задѣваетъ и Лопатинскаго и всѣхъ враговъ Прокоповича.

Но Кантемиръ въ своей сатирѣ не является исключительнымъ сторонникомъ той или другой партіи. Его мы можемъ назвать сторонникомъ только науки, въ чемъ и видимъ тѣсную его связь съ эпохою Петра Великаго. Интересъ науки, внесенный Петромъ въ русскую жизнь, тотчасъ же сдѣлался живымъ интересомъ для литературы и

вошелъ въ первое произведеніе писателя, который образовался въ эту самую эпоху. Это не простая случайность, а только неизбѣжное слѣдствіе, которое подтверждается и трудами Ломоносова. Труды Кантемира составляютъ необходимое звѣно между ними и петровскою эпохою. Ставъ на сторону науки, нашъ сатирикъ одинаково отнесся какъ къ идеаламъ старой жизни, такъ и къ новымъ, вылѣпленнымъ хотя и съ европейскаго оригинала, но не оживленнымъ европейскимъ духомъ. Наука не дала содержанія ихъ жизни, а потому они оказались пустыми, мишурными. Хотя по внѣшности они рѣзко противорѣчили старымъ, но между ними была точка соприкосновенія. И тѣ и другіе не понимали науки, и потому непріязненно и насмѣшливо смотрѣли на нее: невѣжество однихъ равнялось невѣжеству другихъ. Внѣшность, форма для нихъ составляла все, потому что только эти качества прежде всего поражаютъ внѣшнія чувства и прельщаютъ или отвращаютъ ихъ, а до умозрѣнія дѣло доходитъ не такъ скоро. Отсюда и крайне матерьяльный взглядъ на религію, на науку, на жизнь, отсюда и развитіе грубаго эгоизма, а съ нимъ и безнравственнаго отношенія между людьми. Наука не могла уважаться тамъ, гдѣ «стоитъ философіи кафтанъ, сшитый богато» и проч. (стих. 43—56).

Мы теперь хладнокровно разсуждаемъ, что именно такое общество и должно было выдти изъ преобразовательной эпохи Петра, потому что не оно своею силою совершило революцію во имя науки, просвѣщенія и извѣстныхъ живыхъ идеаловъ, а совершила ее сила правительственная, которой оно и должно было подчиниться; слѣдственно, оно не могло и одушевиться этими идеями; часть его приняла насильно только однѣ внѣшнія формы, а другая хотѣла держаться старыхъ формъ. Пріюта наукѣ на первыхъ порахъ не могло быть ни здѣсь, ни тамъ. Мы теперь говоримъ хладнокровно, что это явленіе естественное, что историческій ходъ дѣла иначе не могъ и совершиться; но не могъ хладнокровно къ нему относиться тотъ современный человѣкъ, который принялъ и умомъ и сердцемъ истинный идеалъ преобразованія и хорошо понималъ, въ чемъ должна состоять жизнь дѣй-

ствительно просвѣщеннаго европейца. И зато съ какою сатирическою болью отнесся онъ ко всѣмъ этимъ явленіямъ тогдашней жизни!

Впослѣдствіи онъ передѣлалъ свою сатиру: она вышла полнѣе, рѣзче, живописнѣе, типы опредѣленнѣе и много выиграли въ художественномъ отношеніи; въ этомъ видѣ она до сихъ поръ и читалась въ школахъ, гдѣ занимаются исторіей русской литературы; но для біографа столько же, если не болѣе, важна и первоначальная редакція, такъ какъ въ ней онъ больше видитъ самого автора въ ту минуту, когда создавалось произведеніе.

Рѣшившись пустить по рукамъ рукопись своей сатиры, авторъ скрылъ свое имя, какъ онъ говоритъ, «по обычаю всѣхъ почти сатириковъ», но могло быть и по другой причинѣ. Было не совсѣмъ безопасно представить обществу такіе портреты, въ которыхъ могли узнать себя многія сильныя лица, такъ какъ онъ представлялъ рѣчи людей *не простыхъ*, по собственному его сознанію. Это опасеніе сквозитъ въ его предисловіи, которымъ онъ думаетъ оградить себя отъ придирокъ и нападеній.

Въ рукописяхъ при этой сатирѣ встрѣчаются подъ именемъ *эпиграммъ* (въ древнѣйшемъ значеніи) двѣ маленькія характеристики, сдѣланныя Кантемиромъ самому себѣ и своему произведенію:

«Что далъ Горацій, занялъ у француза» и проч. (см. стр. 189) т. е. форму сатиры авторъ взялъ у Буало, который въ свою очередь подражалъ Горацію; въ образецъ стиха взятъ хотя не имъ, а его предшественниками-стихотворцами, силлабическій стихъ польскій; наконецъ, содержаніе *вѣрно* изображаетъ русскую современность. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Кантемиръ имѣлъ право сказать въ примѣчаніи: «можно сказать, что сатира сія не изъ чего не имитована (не написана въ подражаніе); но есть выдумка автора...» Въ ней онъ указываетъ только два-три мѣста, заимствованныя у Горація и Овидія. Впрочемъ, начало сатиры нѣсколько напоминаетъ начало же IX сатиры Буало:

C'est à vous, mon esprit, à qui je veux parler...

Въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ Кантемиръ подробнѣе объяснялъ тѣ вопросы, которыхъ касался въ сатирѣ, такъ напр., вопросъ о связи науки съ религіею, который впослѣдствіи развивалъ и Ломоносовъ, имѣя въ виду толки своихъ невѣжественныхъ современниковъ не въ пользу науки. Само собою разумѣется, что науку должно было защищать въ томъ обществѣ, гдѣ она только что явилась, разрушая предразсудки и суевѣрія, которые уже давно смѣшивались съ религіозными вѣрованіями. Вопросъ о связи науки съ вѣрою сдѣлался однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ и Кантемиръ не могъ обойти его. Онъ старался разрѣшить его наглядно и, такъ сказать, практически, какъ обыкновенно разрѣшалъ и всѣ другіе вопросы.

Въ тѣхъ же примѣчаніяхъ Кантемиръ не разъ замѣчаетъ, что разные толки о наукѣ, приводимые въ сатирѣ, подслушаны имъ въ толпѣ, а не выдуманы. Эти замѣчанія сходятся и со словами біографа Кантемира, Венути, который отмѣтилъ, что авторъ наполнилъ свою первую сатиру слово въ слово тѣми грубыми жалобами, которыя ему приходилось часто слышать *).

Въ 1729 г. Кантемиръ, живя въ Москвѣ, продолжалъ заниматься французскимъ языкомъ; плодомъ этихъ занятій былъ переводъ слѣдующаго сочиненія, дошедшій до насъ въ рукописи: «Таблица Кевика-философа или изображеніе житія человѣческаго». Въ короткомъ предисловіи къ читателю переводчикъ въ общихъ чертахъ знакомитъ съ содержаніемъ сочиненія и съ его авторомъ. Отсюда мы узнаемъ, что Кантемиръ назначалъ свой трудъ для печати, но и этотъ, подобно другимъ произведеніямъ его пера, остался неизданнымъ. Выборъ сочиненія для перевода ясно рисуетъ намъ того моралиста, какимъ онъ является во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Въ самые юные годы онъ вырабатывалъ себѣ мораль изъ чтенія древнихъ и новыхъ моралистовъ, и не отступалъ отъ нея во всю свою жизнь.

---

*) Satyres du pr. Cant. Londres 1749.

и непристойными выраженіями, и все это съ намѣреніемъ распространяли въ средѣ грамотныхъ людей, разжигая фанатическое воображеніе толпы. «Феофанъ—ересіархъ, Кроликъ зловѣрный и иные симъ подобные—сборище сущее злочестивое», вотъ выраженія самыя умѣренныя изъ устъ Родышевскаго *).

Цѣль его была во что бы то ни стало сломить новую силу и утвердить всѣ прежніе порядки, будто-бы основанные на православіи. Хотя впослѣдствіи Феофану и удалось его вмѣстѣ съ Аврамовымъ и многими ихъ соучастниками привлечь въ тайную канцелярію, но все это стоило ему много заботъ, безпокойствъ и хлопотъ. Въ послѣдніе дни царствованія Екатерины положеніе его сдѣлалось очень затруднительнымъ, а съ воцареніемъ Петра II оно было рѣшительно шатко, двусмысленно и даже опасно. Видя на престолѣ сына пострадавшаго царевича, старая политическая партія сдѣлала послѣднія усилія и восторжествовала; съ нею вмѣстѣ почувствовала свою силу и партія религіозная. Она также не осталась въ бездѣйствіи. Изъ тайнаго совѣта стали выходить указъ за указомъ въ отмѣну множества постановленій петровскаго времени по церковнымъ дѣламъ. Наложено запрещеніе на всѣ книги, въ которыхъ писано было противъ царевича и его сторонниковъ, въ томъ числѣ слѣдственно и на нѣкоторыя сочиненія Прокоповича. Наконецъ закрыта и ненавистная для старой партіи Невская типографія, откуда выходили почти всѣ сочиненія Феофана, которыя уже громогласно обвинялись въ лютеранствѣ и въ распространеніи ереси. Дѣлами синода завладѣлъ Георгій Дашковъ, и тутъ-то пошли новые толки о патріаршествѣ. Синоду, казалось, трудно было устоять. Вопросъ о возстановленіи прежняго церковнаго устройства предполагался почти поконченнымъ. Изъ вельможескихъ круговъ стали переходить въ народъ имена кандидатовъ на патріаршескій престолъ. Имени Феофана между ними не было. Только въ средѣ монашеской былъ разговоръ:

*) Наука и лит. при П. В. Пекарскаго.

«ежели-бъ, чего Боже сохрани, да произвели въ патріархи новгородскаго архіерея, то живыхъ насъ поглотаетъ» *). Самыя сильныя партіи были у его враговъ, Феофилакта Лопатинскаго и Дашкова. Только нѣкоторые ставили Лопатинскому въ упрекъ любовь его къ музыкѣ: «быть бы ему давно патріархомъ, говорилъ о немъ князь Д. М. Голицынъ, только скрипочки ему да дудочки помѣшали» **). Ученые изъ малороссіянъ боялись назначенія Дашкова, такъ какъ онъ ненавидѣлъ ученость и слѣдственно постарался бы на нихъ очень чувствительно вымѣстить свою ненависть. Но онъ интриговалъ болѣе всѣхъ и питалъ болѣе прочихъ надежду достигнуть цѣли. Ходили слухи, что ростовскій епископъ склоняетъ въ свою пользу сильныя и вліятельныя лица подарками, преимущественно лошадьми, отъ которыхъ не отказывались даже сильные временщики Алексѣй и Иванъ Долгорукіе. Въ народѣ же о такомъ кандидатѣ говорили: «увидимъ, что будетъ, когда ростовскій архіерей на патріаршій престолъ въѣдетъ на лошадяхъ» ***). Когда впослѣдствіи торжествующій Өеофанъ Прокоповичъ назначилъ слѣдствіе надъ опальнымъ Георгіемъ Дашковымъ, то открылось, что онъ не совсѣмъ чистыми путями пріобрѣталъ себѣ лошадей для подарковъ, а можетъ быть и для удовлетворенія собственной страсти къ лошадямъ. Вотъ что говорится объ этомъ въ донесеніи †): «изъ спасоярославскаго монастыря взято въ домъ архіерейскій десять лошадей: четыре возвращены, а остальныя такъ и остались; изъ толгскаго—семнадцать лошадей; возвращено только четыре; изъ спасскаго ростовскаго шесть лошадей; изъ борисоглѣбскаго двѣнадцать лошадей. Земскій писарь возвращался изъ Ярославля: архіерейскіе слуги отбили у него лошадь и сказали, что приказалъ архіерей. Писарь приходилъ къ Георгію съ просьбою, принеся двѣ головы сахару: сахаръ взяли, а лошадей не возвратили».

*) Рѣшилов. дѣло, стр. 18.
**) Тамъ же стр. 59.
***) Тамъ же стр. 84.
†) «Правосл. Обозр.» Ян. 1863. Георгій Дашковъ, стр. 69—70.

Кромѣ этого, дѣлались, по донесенію, и другія насилія, что согласуется съ молвою, перешедшею въ сатиры Кантемира. На это мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь только замѣтимъ, что связь сатиръ съ упомянутыми личностями заставляетъ насъ входить въ разныя подробности объ этихъ лицахъ.

Къ торжествующей партіи присоединили свои заботы и католики. Въ 1726 г. жена князя Сергѣя Долгорукова Ирина, бывъ за границею, обратилась въ католичество и скоро возвратилась въ Россію съ аббатомъ Жюбе и съ компаньонкою, отчаянною католичкою, которыхъ къ ней постарались приставить католическіе фанатики, чтобы она не вздумала снова обратиться въ православіе. Имъ было поручено Сорбоною снова поднять вопросъ о соединеніи церквей, — вопросъ, который ничѣмъ не рѣшился при Петрѣ великомъ. Тогда католики обвиняли въ неудачѣ Феофана Прокоповича, найдя, что онъ питаетъ непріязненное чувство къ западной церкви, хотя и обязанъ Риму своимъ образованіемъ. Въ 1728 г. Жюбе, явившись въ Россію, сталъ сближаться со всѣми знатными свѣтскими и духовными и завелъ разныя интриги. Вступивъ въ союзъ съ испанскимъ посломъ Дюкомъ де-Лиріа и его духовникомъ патеромъ Рибейрою, онъ поддѣлался къ Василью Лукичу Долгорукову, обѣщая его племянника сдѣлать патріархомъ, если съ его помощью покончится вопросъ о соединеніи церквей въ пользу папы. «Для прославленія и пользы католичества», онъ подговорилъ монаха Маркела Родышевскаго написать доносъ на катихизисъ, составленный Прокоповичемъ, и обвинить его, что «книжица преисполнена странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ» *). Въ такую дружбу вошли эти пропагандисты-католики съ русскими, что только въ одномъ Феофанѣ стали видѣть своего противника. Имъ казалось, что и Феофилактъ Лопатинскій и Афанасій Кондоиди были совершенно на ихъ сторонѣ. Изъ иностранцевъ только Остерманъ наводилъ

*) Наука и лит. при П. В. Пекар., ч. I, стр. 42—43, 496.

на нихъ нѣкоторое опасеніе. Всѣмъ этимъ воспользовался Феофанъ и вмѣстѣ съ немногими своими приверженцами сталъ упрекать усилившуюся враждебную партію въ «папежскомъ духѣ» и въ латинствѣ, такъ какъ эта упрекала его лютеранствомъ.

Въ 1728 г., къ величайшей досадѣ Прокоповича, Феофилактъ Лопатинскій напечаталъ «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго, книгу, написанную въ обличеніе лютеранъ, кальвинистовъ и разныхъ религіозныхъ толковъ. Хотя автора ея давно уже не было въ живыхъ, но книга его оставалась ненапечатанною, такъ какъ она казалась оскорбительною для иностранцевъ - лютеранъ и кальвинистовъ, бывшихъ въ русской службѣ. Она и въ рукописи навлекла автору много непріятностей. Феофилактъ Лопатинскій, думая только о чистотѣ православія, нашелъ, что это время реакціи очень удобно для изданія книги и для окончательнаго пораженія лютеранства. Взволновались снова протестанты. Но старая русская партія настолько усилилась, что они ужъ не могли силою и правительственными мѣрами остановить книгу. Даже за границею узнали о ней и въ Лейпцигѣ въ «ученыхъ актахъ» былъ напечатанъ разборъ ея. Вслѣдъ затѣмъ въ Москвѣ явилось сочиненіе подъ именемъ письма іенскаго богослова Буддея «къ нѣкоему московскому другу», гдѣ всѣ доводы были направлены противъ автора «Камня Вѣры». Стали толковать, что письмо это подложное и что авторъ ея самъ Феофанъ Прокоповичъ. Въ это же время сталъ ходить по рукамъ пасквиль «Молотокъ на камень вѣры», написанный, какъ видно, человѣкомъ, весьма близко знавшимъ Стефана Яворскаго; его-то авторъ и обвиняетъ въ іезуитскомъ намѣреніи подчинить русскую церковь папѣ и ввести въ нее латинство. Это же подозрѣніе распространяли и на Феофилакта Лопатинскаго враги его. Еще недавно онъ чувствовалъ свое положеніе слишкомъ шаткимъ, когда вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ рѣшался не въ пользу его партіи; не чувствуя въ себѣ силы вести открытую борьбу, онъ даже задумывался, нельзя ли въ случаѣ нужды спасти свою голову въ Польшѣ. Но теперь, кандидатъ на патріаршій пре-

столъ, онъ былъ силенъ и враги его пока ничего не могли сдѣлать ему. Теперь, напротивъ, пришлось призадуматься надъ своимъ положеніемъ самому Феофану Прокоповичу и сильно пріуныть въ виду возстановленія патріаршества, на которое ему нельзя было разсчитывать. Въ это-то время князь Антіохъ Кантемиръ является его утѣшителемъ, высказавъ, чью держитъ онъ сторону.

III.

Сообразивъ положеніе Кантемира, мы легко поймемъ, какія симпатіи могли въ немъ развиться. Онъ не былъ связанъ никакими родственными отношеніями съ русскими боярскими домами; никакія семейныя преданія и интересы не могли привязывать его къ той или другой партіи. Въ то же время, по своему титулу, онъ видно стоялъ въ вельможескомъ кругу и, слѣдовательно, могъ добровольно пристать къ той или другой партіи, сообразно со своими взглядами и убѣжденіями. Понятно, что сочувствія къ старой русской партіи не могло у него быть; не могъ онъ хладнокровно смотрѣть и на усиливавшуюся реакцію. Воспитанный въ революціонной средѣ, развившійся на европейской наукѣ и на древнихъ писателяхъ, не успѣвшій еще войти ни въ какую рутину, онъ не могъ питать ни малѣйшаго уваженія ко всѣмъ старымъ формамъ русской жизни, чуждымъ ему даже и по семейнымъ преданіямъ. Онъ былъ человѣкъ совершенно новый въ русской средѣ, но въ то же время и не иностранецъ, поступившій въ русскую службу изъ личныхъ разсчетовъ и интересовъ. Онъ хорошо понималъ, что Россія стала его родиной, въ которой онъ долженъ явиться дѣятелемъ не какъ иноземный наемникъ. Можетъ быть, самый образованный изъ всего новаго поколѣнія, онъ не могъ не проникнуться тѣми интересами науки, которые Петръ Великій старался ввести въ русскую жизнь. Эти интересы дѣйствительно прежде всего охватили душу юноши; они-то и опредѣлили сразу его отношенія къ двумъ партіямъ, когда онъ вступилъ въ общественную жизнь и обра-

тилъ на себя вниманіе своимъ умомъ и образованіемъ. Правда, и въ старой партіи было нѣсколько образованныхъ людей, о которыхъ даже иностранцы отзывались съ похвалою, какъ напр. Василій Лукичъ Долгорукій; но они принадлежали къ стариннымъ боярскимъ домамъ, и слѣдственно, ихъ политическіе интересы привязывали ихъ къ прежнимъ порядкамъ мимо всѣхъ интересовъ науки. Кантемиръ же, какъ мы видимъ, былъ совсѣмъ въ другомъ положеніи. Не нужно было имѣть много проницательности, чтобы видѣть, гдѣ наука можетъ найти себѣ больше опоры и защиты, гдѣ на нее смотрятъ съ большимъ уваженіемъ. Несмотря на свою молодость, Кантемиръ обращалъ на себя вниманіе даже пріѣзжихъ иностранцевъ: Жюбе о немъ писалъ, что онъ единственный ученый изъ тогдашнихъ русскихъ вельможъ *). Католики разсчитывали на него въ своихъ фанатическихъ замыслахъ, тайно дѣйствуя на русскихъ вельможъ и духовенство. Съ нимъ не трудно было имъ сблизиться, такъ какъ онъ охотно сходился съ образованными и учеными иностранцами во имя интересовъ науки. Жюбе писалъ, что, по его совѣту, юноша Кантемиръ занялся переводами «благочестивыхъ сочиненій» на русскій языкъ для распространенія ихъ потомъ между русскими читателями **). Но кончилъ ли онъ эти переводы и какіе именно, мы не знаемъ и не встрѣчали ни въ одномъ реестрѣ неизданныхъ трудовъ Кантемира. Въ то же время изъ письма Дюка де-Лиріа видно, что и онъ хотѣлъ сдѣлать нашего писателя своимъ орудіемъ; но, какъ кажется, ошибся въ своихъ разсчетахъ ***). Впрочемъ, все это дѣло Кантемира съ католиками для насъ пока довольно темное.

Здѣсь кстати привести свидѣтельство его біографа и друга, аббата Венути, который хотя смотритъ на религіозность Кантемира съ католической точки зрѣнія, но тѣмъ не менѣе хорошо представляетъ, что нашъ сатирикъ былъ чуждъ даже малѣйшаго фанатическаго увлеченія въ дѣлѣ

---

*) Наука и литер. въ Рос. при П. В. Пек., ч. I, стр. 48.
**) Тамъ же.
***) Тамъ же.

религіи и разсуждалъ о ней съ хладнокровною терпимостью, отличающею каждаго развитаго человѣка. «Хотя римское исповѣданіе и было ему чуждо, говоритъ аббатъ, но въ немъ не было нисколько замѣтно и схизматическаго духа. Никто больше его не удалялся отъ религіозныхъ споровъ. Но онъ охотно разсуждалъ о церквахъ греческой и латинской. Онъ даже принималъ здравые доводы, которые ему представляли. Одинъ русскій епископъ прислалъ ему свое сочиненіе, написанное полатыни, которое касалось несогласія двухъ вѣроисповѣданій, съ тѣмъ, чтобы Кантемиръ напечаталъ его. Князь нисколько не затруднился передать его одному богослову (надо разумѣть католическому), къ просвѣщенному уму котораго имѣлъ полное довѣріе, желая отъ него выслушать его мнѣніе; и когда богословъ указалъ на слабыя стороны сочиненія, то Кантемиръ тотчасъ же отослалъ его къ автору. Онъ признавалъ папу главою церкви и преемникомъ св. Петра (здѣсь нельзя не замѣтить католическаго пристастія аббата), признавалъ за нимъ и тотъ авторитетъ, который ему приписывалъ Флери въ своей церковной исторіи, но прибавлялъ, что злоупотребленіе этого авторитета больше всякой другой причины всегда было препятствіемъ къ общему соединенію. «Невозможно, говорилъ онъ, ограничиться одною духовною стороною и въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ должно опасаться этого злоупотребленія, способнаго произвести величайшіе безпорядки». Но эти предубѣжденія, продолжаетъ абатъ, не мѣшали ему признаваться, что онъ желалъ успѣха Петру Великому въ дѣлѣ соединенія двухъ церквей» *).

Если это послѣднее свидѣтельство аббата Венути справедливо, то и сношеніе Кантемира съ католиками намъ дѣлается понятнымъ. Но онъ не могъ раздѣлять ихъ фанатизма и совершенно присоединиться къ ихъ партіи. Сердце его лежало больше къ тому кругу, который обвиняли въ лютеранствѣ: тамъ интересы науки выражались сильнѣе, тамъ стояли за петровы преобразованія, смыслъ которыхъ отлич-

*) Satyres de m. le pr. Cantemir 1749 (Histoire de sa vie, p. 62—64).

но понималъ нашъ сатирикъ. И вотъ мы видимъ его въ дружескихъ сношеніяхъ съ Феофаномъ Прокоповичемъ, а слѣдственно и взгляды, не совсѣмъ сочувственные, на всѣхъ враговъ его.

Хотя юный Кантемиръ въ царствованіе Петра II получилъ офицерскій чинъ, считаясь до того въ низшихъ чинахъ преображенскаго полка, но это время было для него довольно тяжелое. Второй братъ его, Константинъ, женился на дочери князя Дмитрія Михайловича Голицына, который не терпѣлъ иностранцевъ, несмотря на то, что интересовался европейскимъ просвѣщеніемъ, и отличаясь обширнымъ умомъ, усердно служилъ Петру Первому. При Петрѣ II онъ былъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта, и слѣдственно весьма сильнымъ вельможею. Духовное завѣщаніе князя Димитрія Кантемира до сихъ поръ не было приведено въ исполненіе. Мы уже видѣли, что умиравшій отецъ исключалъ изъ участія въ наслѣдствѣ своего старшаго сына Матвѣя, но въ то же время не могъ раздѣлить своего имѣнія и между прочими дѣтьми.

Старикъ указалъ на Константина и Антіоха, который, по его словамъ, «въ умѣ и наукахъ былъ отъ всѣхъ лучшій» и котораго, «ежели впредь не въ хуже перемѣнится, онъ намѣренъ былъ въ наслѣдство оставить». Колеблясь такимъ образомъ, онъ предоставилъ назначеніе императорской власти, когда дѣти его придутъ въ законный ростъ и когда можно будетъ судить объ «ихъ обхожденіи». Вотъ наконецъ и младшій братъ, Антіохъ, сдѣлался совершеннолѣтнимъ; нужно было рѣшить вопросъ положительно. Императорская власть была въ рукахъ малолѣтняго императора; слѣдственно, рѣшеніе зависѣло отъ верховнаго тайнаго совѣта, гдѣ отличался своимъ краснорѣчіемъ и князь Голицынъ, тесть Константина Кантемира.

Конечно, сильный вельможа держалъ сторону своего зятя, въ пользу котораго и рѣшилось дѣло. Въ его руки перешло все отцовское имѣніе, а въ немъ считалось болѣе десяти тысячъ душъ крестьянъ. Нашъ писатель остался безъ всего и, слѣдственно, находился въ положеніи довольно затруднительномъ. Впрочемъ, его знанія и образованный

люцiонную, когда иностранцы разныхъ вѣроисповѣданiй наполняли войска и исправляли разныя гражданскiя и государственныя должности, когда раскольники предъявляли свои толки, когда между самыми православными получали силу нѣкоторыя мнѣнiя, не совсѣмъ согласныя съ тогдашнею богословскою наукою, когда самъ царь показывалъ полную религiозную терпимость, Феофилактъ съ совершенною добросовѣстностью, безъ всякой задней мысли хотѣлъ быть стражемъ церкви. Но онъ не запятналъ себя доносами, обычными въ то время, а вооружался литературнымъ оружiемъ, думая сочиненiями остановить разливъ ложныхъ, по его мнѣнiю, ученiй. И въ предѣлахъ литературныхъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ силенъ; но онъ по своей простотѣ не предвидѣлъ, что въ то время литературная полемика легко доводила до тайной канцелярiи, гдѣ занимались особенною, спецiальною литературою, заставляя на дыбѣ подъ кнутомъ и раскаленными вѣниками сочинять диссертацiи на заданныя темы. Внѣ литературы Феофилактъ былъ не способенъ на борьбу, по своей прямотѣ и недальновидности. Въ этомъ случаѣ онъ и Феофанъ Прокоповичъ были совершенною противоположностью одинъ другому. Прокоповичъ, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, соединялъ съ даромъ слова искусство утонченнаго политика, тогда какъ Лопатинскiй терялся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ возвысился, пока подъ защитою Петра могъ дѣйствовать въ литературной сферѣ. Петръ, пользуясь его богословскою ученостью, поручалъ ему писать нѣкоторыя религiозныя сочиненiя и хладнокровно смотрѣлъ на полемическiя выходки архипастырей, если онѣ не касались политики. Но со смертiю Петра, когда эти религiозныя страсти, а съ ними и честолюбивыя стремленiя удерживать было некому, когда Феофилактъ волей неволей долженъ былъ выдти изъ ограниченной сферы литературной полемики, онъ не могъ устоять передъ искусными политиками, обнаруживъ безхитростно свои симпатiи къ старому порядку.

Еще бывъ ректоромъ московской академiи, Феофилактъ считалъ не совсѣмъ православнымъ богословское ученiе Прокоповича, которое раздавалось съ кiевской академиче-

ской каѳедры. Онъ ждалъ случая, чтобы приняться за перо противъ такого ученія, и случай не замедлилъ представить самъ Ѳеофанъ своею книгою «Объ игѣ неудобоносимомъ». Она вызвала сочиненіе Лопатинскаго «Иго Господне—благо», которое ясно показало Ѳеофану враждебное отношеніе къ нему ученаго московскаго духовенства за его реформаторскія стремленія. Оно еще сильнѣе обнаружилось, когда черезъ четыре года Ѳеофанъ былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы вѣдать духовными дѣлами псковской епархіи. Взволновалось не только духовенство, но вся партія стараго порядка, всѣ сторонники царевича, какъ-будто предугадывая новую силу, которая шла въ союзъ съ Петромъ. И они не обманулись. Прокоповичъ сразу понялъ, гдѣ ему нужно искать точку опоры. Онъ не задумался стать на сторону Петра и слилъ съ его стремленіями свои реформаторскія стремленія: небольшой ручеекъ нашелъ себѣ исходъ въ большомъ потокѣ и раздѣленіе сдѣлалось невозможнымъ. Попавъ въ эту революціонную струю, Прокоповичъ долженъ былъ отстаивать всѣ ея интересы, понявъ очень хорошо, что съ ними тѣсно соединяется его собственное «быть или не быть». И вотъ въ Петербургѣ, въ ожиданіи царя, который былъ тогда за границею, Ѳеофанъ говоритъ рѣчь за рѣчью, объясняя благодѣтельное значеніе царевой реформы. Онъ сравниваетъ новую Россію со старою, отдавая первой преимущество во всемъ; доказываетъ пользу путешествій по образованнымъ землямъ, выставляя важное значеніе путешествія самого царя; враждебно относится ко всѣмъ старымъ идеаламъ жизни и съ увлеченіемъ рисуетъ новые, возникшіе на европейской почвѣ, приносящіе съ собою интересы науки и искусства. Дѣйствительно, новымъ словомъ, новымъ духомъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ проповѣдей несмотря на ихъ искуственную, реторическую оболочку. Свои доказательства, логическіе выводы ораторъ нерѣдко смѣняетъ насмѣшкой, сатирой, не стѣсняясь никакими картинами, никакими выраженіями. Онъ сразу заявилъ въ себѣ энергическую силу, о которой только по слухамъ до тѣхъ поръ знали приверженцы ста-

рины, такъ сухо принявшіе его въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Нельзя было мѣшкать; нужно было какъ нибудь подавить эту силу. И вотъ почти все высшее духовенство, и во главѣ его самъ блюститель патріаршаго престола, старикъ Стефанъ Яворскій, заговорили вслухъ, что богословское ученіе Проковича не православное, а лютеранское, что онъ хочетъ внести въ нашу церковь ересь. Составилось донесеніе самому царю, которому выставлялось на видъ, что Феофанъ самъ «наложилъ на себя препятствіе ко святому, великому архіерейскому сану, проповѣдуя въ Кіевѣ ученіе не согласное съ православной церковью». Но уже этимъ донесеніемъ они выказали себя не въ благопріятномъ свѣты зачѣмъ же они молчали прежде, если ученіе Феофана было вредно? зачѣмъ возстали только тогда, когда увидѣли силу, грозящую ихъ собственнымъ интересамъ? Феофанъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе; но съ помощью царя обвинители его офиціально отказались отъ своихъ обвиненій, и въ 1718 г. онъ былъ посвященъ въ санъ псковскаго епископа. Враги его явно обнаружились; онъ затаилъ свою злобу, которой впослѣдствіи далъ широкій просторъ. Теперь онъ только воспользовался начавшимся судомъ надъ царевичемъ, въ дѣла котораго оказались замѣшанными Стефанъ Яворскій и многіе изъ высшаго духовенства. Онъ написалъ Слово о власти и чести царской, которымъ поразилъ противниковъ своихъ и петровыхъ, съ явными намеками на личности.

Петръ хорошо понялъ реформаторскій духъ Феофана Прокоповича, и никому другому, а ему поручилъ составить духовный регламентъ, который долженъ былъ преобразовать церковное управленіе. Хотя патріарха у насъ не было уже двадцать почти лѣтъ, но праздный престолъ его существовалъ и въ средѣ духовенства идея о патріаршествѣ не исчезала. Стефанъ Яворскій до самой смерти (1722) мечталъ быть патріархомъ; равнымъ образомъ митрополитъ крутицкій Игнатій Смола, получивъ въ свое управленіе патріаршій духовный приказъ (1719), считалъ себя кандидатомъ въ патріархи. Сторонники царевича и Евдокіи Лопухиной,

разсчитывая на успѣхъ, также возбуждали честолюбіе въ разныхъ духовныхъ лицахъ. Феофанъ въ началѣ своего регламента поразилъ своихъ ненавистниковъ въ самое сердце, напавъ на идею патріаршества, доказавъ, что нѣтъ нужды возстановлять его въ Россіи, и все это представилъ въ такихъ ловкихъ формахъ, какъ-будто имѣлъ въ виду разъяснить только предѣлы власти правительствующаго синода. Здѣсь онъ даже нерѣдко впадаетъ въ сатирическій тонъ, намекая на разныя личности, не щадя и старика Яворскаго, который, произнося проповѣди, размахивалъ руками. О всѣхъ этихъ кандидатахъ въ патріархи, которыхъ, конечно, онъ зналъ по имени, онъ замѣчаетъ, что они «склонны къ бунтамъ, воспріемля надежды высокія, что они, неосновательные мудрецы, равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто въ ученіи похваляемъ, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити». Явно, что оскорбленный Феофанъ не забылъ тѣхъ обвиненій, которыя писались и распускались о немъ изъ устъ его собратьи.

Можно себѣ представить, какое озлобленіе противъ него копилось во всѣхъ духовныхъ лицахъ, во всѣхъ врагахъ новыхъ порядковъ. Прежнее обвиненіе его въ лютеранствѣ ходило изъ устъ въ уста и переходило въ народъ; стали являться тайныя сочиненія и пасквили, направленные противъ его личности. Но Прокоповичъ не безпокоился о своей защитѣ: онъ былъ безопасенъ подъ сѣнью Петра, который умѣлъ сдерживать эту церковную вражду въ строгихъ предѣлахъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи оказался Феофанъ со смертію Петра, когда нужно было самому заботиться о своей безопасности. Онъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ въ средѣ духовенства, передъ которымъ сдѣлался отвѣтственнымъ въ церковной реформѣ. Онъ увидѣлъ, что ему теперь нужна вся энергія его души, чтобы отстаивать новые порядки, что борьба должна быть на смерть, что малѣйшая уступка съ его стороны повлечетъ за собою собственную его гибель. Положеніе дѣйствительно трагическое, изъ котораго можно было выдти только по кровавой дорогѣ. Еще при Петрѣ, охотно сближаясь съ

иностранцами, какъ представителями новоевропейской жизни, интересовъ науки и революціоннаго движенія, Феофанъ теперь окончательно примкнулъ къ нимъ, разсчитывая на ихъ положеніе въ Россіи, которое обязывало поддерживать новые порядки, такъ какъ они сами были выдвинуты въ государствѣ тѣмъ же революціоннымъ движеніемъ. Они также должны были употребить всѣ силы, чтобы поддержать созданіе Петра, иначе усилившаяся реакція должна была поглотить ихъ.

Конечно, это сближеніе съ иностранцами, преимущественно съ лютеранами, еще болѣе раздуло молву, что псковскій (а потомъ новогородскій) архіепископъ зараженъ лютерскою ересью. Католики, разсчитывая на возможность соединенія церквей въ пользу папы и зная въ Феофанѣ яьнаго противника этому, примкнули къ старо-русской партіи, и такимъ образомъ снова смѣшались и политическіе и религіозные интересы. Сообщительный Феофанъ своимъ веселымъ нравомъ нравился иностранцамъ-лютеранамъ, которые въ своихъ запискахъ отзываются о немъ съ самой выгодной стороны: они называютъ его умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ въ средѣ русскаго духовенства, а Берхгольцъ представляетъ его и какъ веселаго собесѣдника за стаканомъ вина.

Итакъ со смертію Петра Феофанъ быстро разсчиталъ, какую позицію нужно занять ему. Первое время онъ находилъ нѣкоторую опору въ Екатеринѣ, которая знала объ его дѣятельномъ участіи при ея избраніи и оказывала ему довѣренность. Для своего обезпеченія ему прежде всего нужно было занять первое мѣсто въ синодѣ, которое при смерти Петра занималъ новогородскій архіепископъ Феодосій, человѣкъ вспыльчивый и честолюбивый. Ему казалось возможнымъ возобновить патріаршество и самому стать патріархомъ. Ужъ одно это ставило его въ недружелюбныя отношенія къ Феофану, который неусыпно слѣдилъ за всѣмъ и зорко стоялъ на стражѣ *). Неумѣренныя домо-

*) При Петрѣ Феодосій держался только укоренившимися личными близкими отношеніями съ Петромъ; въ немъ не было никакихъ задатковъ для

гательства, раздражительность, вспыльчивость и грубость Феодосія помогли Феофану. По приказанію императрицы Феодосій предань суду, и при участіи Феофана написань указъ объ его ссылкѣ съ лишеніемъ архіерейства за оскорбленіе величества. Феофанъ сдѣлался первымъ, имѣя товарищемъ Феофилакта Лопатинскаго, который стоялъ на стражѣ православія съ перомъ въ рукахъ, замышляя и теперь на Феофана литературную атаку. Другихъ замысловъ у него не было: кротость, прямодушіе, честность—вотъ тѣ качества, за которыя всѣ его уважали *). Реакція новымъ порядкамъ готовилась втайнѣ, такъ какъ Екатерина считала своимъ долгомъ поддерживать дѣло Петра, а Меньшиковъ, ставшій во главѣ правительства, иначе не могъ и думать, не противорѣча даже своимъ личнымъ интересамъ. Но тайная подземная борьба сдѣлалась ощутительнѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ. Противники его видимо усиливались, питая надежду восторжествовать. Понемногу стали возвышаться и получать значеніе лица, бывшія въ немилости въ предшествовавшее царствованіе, а въ синодъ входили

поддержанія себя въ томъ же высокомъ положеніи въ случаѣ смерти Петра; напротивъ, характеръ его, дерзкій, заносчивый, честолюбивый, склонный къ интригамъ, подавалъ поводъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ съ людьми, въ которыхъ властолюбіе и честолюбіе были развиты не только не менѣе, но, можетъ быть, и болѣе нежели въ немъ. Онъ не имѣлъ связей въ духовенствѣ высшемъ, которое могло бы поддержать его; онъ не имѣлъ друзей и въ придворныхъ, а главное лицо, Меньшиковъ, уже былъ другъ Феофану; а къ тому же и народъ православный и раскольники ненавидѣли Феодосія: первый за неблагочиніе, за различныя мѣры противъ такъ называемаго тогда суевѣрія и предразсудковъ, т. е. мнимыхъ чудесъ, противъ кликушъ; народъ зналъ, что въ невскомъ ѣдятъ мясо и что Феодосій потворствуетъ всѣмъ въ этомъ страшномъ грѣхѣ; а раскольники были личные враги Феодосія, который съ Питиримомъ былъ главнымъ ихъ гонителемъ... Феодосій, увлеченный властолюбіемъ, не сообразилъ своего положенія, не обратилъ вниманія на выроставшаго своего соперника Феофана и замышлялъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю церковную администрацію, сдѣлаться главою церкви, можетъ быть и патріархомъ. (Чернецъ Федос. «Отеч. Зап.» 1862, № 6).

*) Рѣшиловское дѣло. Нов. матерьялы для рѣшил. д. Чистовича. «Правосл. Обозр.» ян. 1863. Наука и литер. при Петрѣ в. Пекарскаго, ч. I. Словарь Бантышъ-Каменскаго, ч. V.

ями членами прежніе опальные и явные враги Феофана копович. Между последними Георгій Дашковъ, епис- ростовскій, сдѣлался третьимъ членомъ. На немъ мы е должны остановиться, такъ какъ и онъ имѣетъ от- шіе къ нашему сатирику, что увидимъ далѣе.
роисхожденіе Дашкова довольно темное. Носились слу- что онъ въ молодости, совершивъ какое-то злодѣяніе, ылъ отъ казни въ Польшу. Но въ 1706 г. онъ уже ется монахомъ-строителемъ троицкаго монастыря и лваетъ важную заслугу, помогая Шереметеву въ усми- і астраханскаго мятежа. Съ этихъ поръ онъ постоянно , на виду у царя, въ то же время дѣйствовалъ и самъ ыми сближеніями съ сильными лицами и интригами, , что въ 1718 году получаетъ санъ епископа ростов-). Онъ былъ изъ неученыхъ, а потому и на ученость рѣлъ съ подозрѣніемъ; не любилъ ученыхъ, а съ тѣмъ тѣ простиралъ свою нелюбовь и на всѣхъ *малороссій-* т. е. тѣхъ, которые получили образованіе въ кіевской еміи. Понятно, что уже по одному этому онъ смотрѣлъ ужелюбно на Феофана Прокоповича. Человѣкъ често- вый и завистливый, съ природнымъ умомъ, съ энер- ской настойчивостью, способный къ интригамъ всякаго , въ связи съ партіею Лопухиныхъ, Долгорукихъ, Го- шныхъ, Трубецкихъ, всѣхъ тѣхъ, у которыхъ были по- ческія цѣли встать въ оппозицію революціонному пра- льству, онъ могъ быть очень опаснымъ врагомъ Фео- . И въ 1725 г., по смерти Петра, именнымъ указомъ ратрицы онъ былъ опредѣленъ въ синодъ третьимъ реемъ. Когда снова былъ поднятъ вопросъ о мона- скихъ имѣніяхъ, онъ энергически возсталъ за церков- собственность и представилъ императрицѣ письмен- протестъ, въ которомъ объявляетъ, что «судей и при- ыхъ не накормишь, иностранныхъ не наградишь, а бо- ленъ и нищихъ не обогатишь, а монастыри чуть не дѣльнями стали, также архіереи и прочіе духовные ятъ такъ, какъ бывало иностранные, или и хуже, ибо ителей и требъ до церковной службы довольства не

имѣютъ и приходятъ въ нищіе». *) Но революціонная партія восторжествовала въ этомъ дѣлѣ.

Въ синодѣ былъ только одинъ членъ, который понималъ истинное значеніе реформы и могъ сочувствовать Феофану. Это былъ Феофилъ Кроликъ, человѣкъ умный, европейски образованный. Онъ, какъ мы уже видѣли, въ 1716 г. былъ посланъ за границу, въ Прагу, вмѣсто учителя Кантемировъ, Ильинскаго. Тамъ онъ занимался переводами съ чешскаго и нѣмецкаго языковъ; съ этимъ послѣднимъ онъ былъ нѣсколько знакомъ еще въ Москвѣ. Когда онъ возвратился на родину, неизвѣстно; но въ 1722 г. онъ, уже іеромонахомъ, является въ синодѣ ассесоромъ, а черезъ годъ чудовскимъ архимандритомъ и синодальнымъ совѣтникомъ.

Повидимому, звѣзда его ярко заблистала, но не надолго. Приверженцы старины на него смотрѣли, какъ на своего заклятаго врага, и въ концѣ 1726 года успѣли удалить его изъ синода **). Феофанъ не могъ не замѣтить, что подкапываются и подъ него. Внѣ синода самымъ фанатическимъ противникомъ Феофана Прокоповича является монахъ Маркелъ Родышевскій съ своимъ другомъ Михаиломъ Аврамовымъ, имя котораго разъ уже вошло и должно еще войти въ біографію Кантемира, какъ критика нашего писателя, что увидимъ впослѣдствіи. Родышевскій и Аврамовъ были самые ожесточенные ненавистники всякой новизны, считая, что она подкапываетъ православіе; поэтому и на всѣхъ приверженцевъ Петра они смотрѣли почти какъ на антихристовъ.

Вращаясь около монаховъ и разныхъ странниковъ, они распространяли о Феофанѣ самые нелѣпые толки, обвиняя его въ лютеранствѣ, и особенно нападали на его духовный регламентъ и монашескій уставъ. Не довольствуясь этимъ, они составляли разные доносы, пасквили и брань на сочиненія Прокоповича, наполняя ихъ самыми грубыми

*) «Правосл. Обозрѣн.» Янв. 1863.

**) Новые матерьялы для рѣшил. д. Чистовича. Наука и литер. при Пет. В. Пекар., ч. I стр. 233—236.

Эта мораль служила ему руководительною нитью въ жизни, въ оцѣнкѣ всѣхъ житейскихъ явленій. Умѣренность, осторожность, подчиненіе разсудку всѣхъ страстей, недовѣріе въ счастію или къ фортунѣ, которая всегда обманчива, гордое отношеніе ко всѣмъ суетамъ міра, какъ къ богатству, власти, славѣ, скромная жизнь—вотъ тѣ качества, которыя занимали главное мѣсто въ морали Кантемира.

Въ переводѣ его безпрестанно попадаются галлицизмы, которые показываютъ, какъ трудно въ то время было передавать на русскомъ языкѣ мысль, выработанную въ другой литературѣ. При встрѣчѣ съ собственными именами переводчикъ для объясненія ихъ отсылаетъ къ историческому лексикону *Морерія*, которымъ, какъ намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, онъ и самъ пользовался.

IV.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ пяти сатиръ Кантемира встрѣчается стихотворное подражаніе двумъ псалмамъ, которое видимо имѣетъ связь съ обстоятельствами жизни самого стихотворца. На это указываютъ и нѣкоторыя вставочныя мысли, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. Прежніе труды Кантемира надъ псалмами для «Симфоніи» должны были хорошо познакомить его съ ихъ содержаніемъ, а религіозное расположеніе развило въ немъ взглядъ на дѣйствительность болѣе успокоительный и примирительный. Въ псалмахъ онъ искалъ себѣ и утѣшенія и оправданія. Обычай многихъ поэтовъ перелагать псалмы въ стихи ему былъ примѣромъ. Языкъ его въ этихъ переложеніяхъ хотя и легче языка Симеона Полоцкаго, который до него переложилъ въ стихи весь псалтырь, но въ немъ еще слишкомъ много славянизмовъ, а натянутыя фразы и искусственное сочетаніе словъ требуютъ отъ читателя большаго напряженія, чтобы слѣдить за развитіемъ мысли. Притомъ же, малороссійское произношеніе сохранено и здѣсь въ со-

четаніи рифмъ, какъ напр. *не чиста*—мѣста *(миста)*, премѣна *(премина)*—*сына*, *богатый*—*занимати* и др.

Одинъ изъ переложенныхъ псалмовъ *(тридцать шестой)* выражаетъ совѣтъ положиться на Бога и не раздражаться при видѣ порочныхъ; они исчезнутъ вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, а праведники наслѣдуютъ землю. Кантемиръ, соображаясь съ своимъ горемъ и зломъ, которое онъ терпѣлъ отъ несправедливости другихъ, даетъ содержанію нѣсколько другой оттѣнокъ. У него отняли наслѣдственное имѣніе, а потому, утѣшая себя и полагаясь на провидѣніе, онъ надѣется насладиться счастіемъ и богатствомъ, котораго лишили его люди, но которымъ вознаградитъ его Богъ; враги-же его сами лишатся всего и исчезнутъ.

Прежде чѣмъ сдѣлалась извѣстна первая сатира Кантемира, заслужившая одобреніе Феофана Прокоповича, онъ написалъ другую. Содержаніе и мораль сатиры вызваны преобразовательною эпохою, съ которою, какъ мы видѣли, имѣетъ тѣсную связь и первая сатира Кантемира. Петровская табель о рангахъ, поставившая личныя заслуги государству выше наслѣдственныхъ титуловъ и родовыхъ преданій о службѣ отцевъ, произвела сильное смущеніе и неудовольствіе въ вельможескихъ родахъ. Съ извѣстнымъ государственно-служебнымъ мѣстомъ сталъ соединяться извѣстный чинъ, который давался только за личную службу каждаго. И получить это мѣсто могъ лишь тотъ, кто дослужился до соотвѣтственнаго ему чина. Значитъ, тунеядцамъ, боярскимъ сынкамъ преграждалась дорога сразу занимать высшія мѣста въ государствѣ безъ всякаго труда и службы. Правда, впослѣдствіи всѣ эти господа примирились съ табелью и даже отлично употребили ее въ свою пользу, найдя возможность получать чины съ помощью разныхъ покровительствъ и даже подкуповъ, а съ чинами, разумѣется, и нужныя имъ мѣста, которыя давали имъ почетъ, но на которыхъ они являлись самыми вредными тунеядцами. Чины стали давать не за заслуги государству, а за услуги разнымъ вліятельнымъ и сильнымъ личностямъ, и табель о рангахъ потеряла все свое значеніе, принесла даже болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Но Петръ Великій имѣлъ въ виду совсѣмъ не то, что вышло. Онъ хотѣлъ расчистить дорогу талантливымъ и образованнымъ личностямъ изъ низшихъ классовъ народа къ почетнымъ государственнымъ должностямъ. И дѣйствительно, въ первое время, къ которому относятся наблюденія Кантемира, когда табель о рангахъ была въ своей настоящей силѣ, всѣ новые люди, пробиравшіеся вверхъ по чиновной лѣстницѣ съ помощью своихъ личныхъ трудовъ и заслугъ, кололи глаза знатной молодежи, занимавшейся пустозвонствомъ среди только что усвоенной европейской обстановки. Новыя нравственныя понятія у нихъ еще не успѣли выработаться, старыя понятія были отвергнуты, боярскія же отношенія къ государству и народу еще не забылись; жизнь принесла направленіе безнравственное или «злонравное», по выраженію сатирика; съ боярской спѣсью и гордостью соединялась скрытая зависть къ новымъ людямъ. Все это выразилось въ томъ ропотѣ, который удалось подслушать умному Кантемиру и который онъ сдѣлалъ предметомъ своего анализа, найдя этотъ ропотъ совершенно неосновательнымъ и лишеннымъ всякаго нравственнаго значенія. Въ своей сатирѣ онъ сводитъ русскую дѣйствительность съ тѣми новыми идеалами, которые у него выработались на основаніи морали, развитой европейскими писателями. Эта мораль, разумѣется, рѣзко противорѣчитъ старымъ взглядамъ на жизнь и тѣмъ нравственнымъ правиламъ, какихъ у насъ еще держались по старинѣ. Кантемиръ постоянно указываетъ на естественныя права человѣка и на нихъ хочетъ основать отношеніе между людьми. Конечно, тотъ, кто внимательно изучалъ такихъ писателей, какъ Гуго Гроціусъ и Пуфендорфъ, не могъ иначе и относиться къ людямъ.

Сообразно съ содержаніемъ и сатира получила заглавіе «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Мы не станемъ указывать здѣсь на заимствованія, сдѣланныя Кантемиромъ у иностранныхъ писателей, такъ какъ въ своихъ примѣчаніяхъ онъ самъ указываетъ на это. Остановимся нѣсколько на предисловіи къ сатирѣ, которое встрѣчается только въ первоначальныхъ рукописныхъ редакціяхъ. Здѣсь

онъ касается вопросовъ, которые очень естественно могли возникнуть въ обществѣ, гдѣ только начиналась литература и гдѣ писатель не имѣлъ еще никакого права гражданства. Въ самомъ дѣлѣ, людямъ, привыкшимъ слышать осужденіе только передъ алтаремъ изъ устъ духовной особы, которую поставила церковь, или судъ изъ устъ судьи, поставленнаго царскою властью, должно было казаться болѣе чѣмъ страннымъ видѣть посреди себя строгаго судью, никѣмъ не поставленнаго. «Кто его поставилъ надъ нами судьею»—былъ вопросъ хотя и очень наивный въ отношеніи къ писателю, но весьма естественный въ отношеніи къ тогдашнему обществу. Въ его средѣ писатель былъ лицо совершенно новое, на которое должны были смотрѣть дико, какъ на смѣлаго пришельца изъ чужихъ странъ, и даже злобно, если онъ вооружался сатирическимъ смѣхомъ. Ему дѣйствительно нужно было облечься въ панцырь, чтобы начать свое дѣло и сколько нибудь выдержать отпоръ; это и испытали на себѣ послѣдующіе писатели. Въ отвѣтъ на такіе вопросы общества, Кантемиръ указываетъ только на правду, единственный авторитетъ, на который можетъ опереться писатель; но чтобы обществу дойти до этого сознанія, нужно было смѣниться не одному поколѣнію. «Все, что я пишу, отвѣчаетъ Кантемиръ, *пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ*».

Во всемъ предисловіи мы видимъ стараніе автора выяснить себѣ и другимъ значеніе сатирическаго писателя, опредѣливъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать въ гражданскомъ обществѣ и какія цѣли задавать себѣ. Если мы не забудемъ, что эта сатира писана двадцатилѣтнимъ юношею, то должны подивиться, какъ глубоко уже успѣли вкорениться въ немъ европейскія понятія среди того общества, гдѣ пришлось жить ему: наука и серьезное чтеніе были для него не безплодны. Хотя въ сатирѣ и преобладаетъ дидактизмъ, но у автора постоянно наготовѣ и жало, которымъ онъ пользуется очень искусно. Наблюдательность сатирика особенно выказывается въ неожиданныхъ сравненіяхъ, которыя берутся имъ прямо изъ ежедневной жизни.

Все это удостовѣряетъ насъ, что онъ близокъ былъ дѣйствительности, отъ которой не отторгала его наука, хотя онъ и занимался ею очень прилежно.

При избраніи на русскій престолъ герцогини курляндской Анны Ивановны Кантемиръ принялъ участіе уже въ концѣ всей этой исторіи. Понятно, что желать торжества верховникамъ никакимъ образомъ онъ не могъ. Его личныя выгоды должны были болѣе всѣхъ сблизить его съ Феофаномъ Прокоповичемъ, что и выразилось въ его утѣшительной пѣснѣ, о которой мы уже говорили. Интересы науки связывали его также съ иностранцами, которые въ то время примолкли, хорошо понимая, что имъ опасно мѣшаться въ это національное дѣло. Въ то время, какъ Прокоповичъ, Остерманъ и родственники Анны Ивановны вели тайныя интриги по пріѣздѣ ея въ Москву, высшее шляхетство рѣшилось представиться ей и выразить свое желаніе собрать депутатовъ изъ каждой фамиліи и обсудить вопросъ о формѣ правленія. Это прошеніе было переписано набѣло въ домѣ князя Черкасскаго Антіохомъ Кантемиромъ. Онъ же вмѣстѣ съ молодымъ графомъ Матвѣевымъ объѣзжалъ гвардейскіе полки и кавалергардовъ, гдѣ и собралъ девяносто пять подписей *). Несмотря на все старапіе верховниковъ загородить дорогу дворянству, оно настояло на своемъ и объяснилось съ императрицею. Въ толпѣ дворянъ, сопровождавшихъ князя Черкасскаго съ упомянутою просьбою, былъ и Антіохъ Кантемиръ. Другой русскій писатель, Татищевъ, громко прочиталъ прошеніе, за которымъ ничего не оставалось, какъ написать «учинить по сему», что и было написано. Теперь участь государства была въ рукахъ дворянства. Удалившись въ другую комнату, депутаты, обольщенные императорскою ласкою, съ ненавистью къ верховникамъ, не много говорили и не долго спорили: политическіе интересы были забыты, недавнія желанія и проэкты многихъ также вышли изъ памяти.

---

*) Вступл. на престолъ импер. Ан. Щебальскаго, Рус. Вѣст. 1861 № 1.

Рѣшено было составить новый адресъ, въ которомъ просить императрицу царствовать самодержавно, по примѣру ея дяди и дѣда. Этотъ-то адресъ и поручено было написать Антіоху Кантемиру. Чѣмъ же онъ могъ обратить на себя вниманіе собравшагося дворянства? Разумѣется, съ одной стороны какъ ученый и грамотный человѣкъ, заявившій себя даже въ печати (надо сказать правду, въ то время очень не многіе изъ дворянъ умѣли складно выражать на бумагѣ свои мысли); но одного этого было бы недостаточно, еслибы съ другой стороны онъ не выказалъ себя жаркимъ сторонникомъ императорской власти. До насъ дошелъ французскій переводъ адреса, составленнаго Кантемиромъ; онъ посланъ былъ французскимъ посломъ Маньяномъ своему правительству. Вотъ обратный переводъ его:

«Высочайшая и всемилостивѣйшая государыня! вашему императорскому величеству угодно было для величайшаго блага отечества подписать наше прошеніе, и мы не находимъ словъ для выраженія вашему величеству благодарности нашей за такой знакъ высочайшаго благоволенія. Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ вашего императорскаго величества, требуетъ отъ насъ не оставаться неблагодарными. И потому мы являемся снова предъ ваше величество для изъявленія нашей признательности и всемилостивѣйше просимъ васъ соизволить принять самодержавіе, съ которымъ царствовали ваши предшественники, уничтожить условія, присланныя вашему величеству отъ верховнаго совѣта и подписанныя вами. Всеподданнѣйше просимъ ваше величество соизволить вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта и высокаго сената учредить правительствующій сенатъ такъ, какъ онъ былъ учрежденъ Петромъ Первымъ, дядею вашего величества, составивъ его изъ двадцати одного члена, и чтобъ теперь и впредъ убылыя мѣста въ этомъ правительствующемъ сенатѣ, также губернаторы, вицегубернаторы и президенты въ коллегіяхъ, были замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ по жребію, какъ то было уставлено Петромъ Первымъ. Всеподданнѣйше просимъ, чтобъ ваше величество вслѣдствіе того, что подписать изволили, благоволили теперь же со-

ставить правленіе такъ, какъ оно должно быть на будущее время. Наконецъ мы надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленія и при уменьшеніи налоговъ» *).

Всѣмъ извѣстно окончаніе этой исторіи. Намѣренія верховнаго совѣта рушились, затѣмъ пророческія слова князя Голицына стали сбываться ужаснымъ образомъ надъ тѣми, которые рѣшили политическій вопросъ, внявъ только одному голосу оскорбленнаго самолюбія и ненависти къ нѣкоторымъ личностямъ. «Пиръ былъ готовъ, сказалъ Голицынъ, да недостойны были званые на него; знаю—я буду жертвой—пусть будетъ такъ, я пострадаю за родину! Мóè поприще кончается; но тѣ, которые заставятъ меня плакать, поплачутъ еще долѣе, нежели я» **).

Иностранная партія въ этомъ дѣлѣ, можно сказать, загребла чужими руками жаръ, выдвинула изъ своей среды Бирона, который нашелъ уже полную возможность подчинить своему позорному игу все русское царство. Погибли верховники, но гибли сотнями и ихъ противники, какъ бы въ наказаніе за то, что вздумали играть гражданскимъ дѣломъ для удовлетворенія своихъ страстей. Имъ пришлось убѣдиться, что власть отстояли они не для племянницы Петра, а для курляндскаго темнаго выходца, что своей политической безтактностью они дали ему въ руки сильное оружіе—къ каждому незначительному ихъ поступку насильственно привязывать новые мнимые ихъ политическіе замыслы, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было, но которыми пугали воображеніе императрицы; а подозрѣніе въ нихъ вело несчастныя жертвы въ застѣнки и подъ кнутъ палача. Выиграли очень немногіе; въ числѣ ихъ были Феофанъ Прокоповичъ и Антіохъ Кантемиръ.

Кантемиръ, какъ видно, впослѣдствіи говорилъ объ этомъ событіи съ своими друзьями-иностранцами. По крайней мѣрѣ, аббатъ Венути въ его біографіи какъ бы ста-

---

*) Татищевъ и его время Попова, стр. 131—132. Сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ, примѣч. стр. 236—237.

**) Наука и Литер. въ Рос. Пекар., стр. 263.

раетса оправдать своего друга, приводя его личныя воззрѣнія: «онъ былъ на сторонѣ тѣхъ, замѣчаетъ онъ, которые сильно возстали противъ намѣренія Долгорукихъ, но не потому, чтобы онъ былъ сторонникомъ деспотизма: онъ слишкомъ высоко ставилъ свободу между людьми, чтобы не понять выгоды той системы управленія, какая предполагалась; но *онъ думалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ лучше было удержать существовавшій порядокъ....* По его мнѣнію, монархія, ограниченная аристократіею, была лучшею формою правленія. Его восхищала Англія, гдѣ парламентъ сдерживаетъ власть монарха въ опредѣленныхъ предѣлахъ и не позволяетъ ей стать выше законовъ, ограждая подданныхъ отъ печальныхъ послѣдствій самовластія» *).

Конечно, такое восхищеніе въ Кантемирѣ могло родиться во время его пребыванія въ Англіи, но двадцатилѣтній юноша въ Москвѣ могъ имѣть въ виду только *настоящія обстоятельства*. А они, какъ мы видѣли, должны были сдѣлать его врагомъ верховнаго совѣта и сторонникомъ чисто-монархической партіи.

Желанія Кантемира, выраженныя въ утѣшительной пѣснѣ Прокоповичу, исполнились: враги ихъ обоихъ мало по малу гибли. Въ это время Кантемиръ переложилъ въ стихи семьдесятъ второй псаломъ, примѣнивъ его къ своему положенію. Смыслъ псалма слѣдующій: нѣкоторые легкомысленные, смотря, какъ гордые и нечестивые благоденствуютъ и богатѣютъ на землѣ и какъ страдаютъ чистые сердцемъ, начинаютъ сомнѣваться въ мудрости и справедливости Бога; но стоитъ только подождать конца этихъ нечестивыхъ счастливцевъ, чтобы видѣть, какъ гибнутъ всѣ удалившіеся отъ Бога и какое благо тому, кто близь него. Кантемиръ значительно распространяетъ псаломъ другими мыслями, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ и которыя онъ приноравливаетъ къ положенію своему и своихъ враговъ.

---

*) Satyres d. pr. Cantemir 1749 p. 21—22.

Имѣя въ виду, что подъ извѣстными стихами Прокоповича «Не знаю, кто ты пророче рогатый» подписано «1 апрѣля дня 1730 года въ Москвѣ», мы въ правѣ заключить, что вторую сатиру Кантемиръ писалъ въ то время, когда еще никому не было извѣстно о существованіи первой, что на нихъ онъ только пробовалъ свои силы, не довѣряя имъ, и что неожиданныя похвалы Феофана ободрили его и сдѣлали самоувѣреннѣе. Вслѣдъ за Прокоповичемъ поспѣшилъ съ сочувствіемъ отнестись къ сатирику и Новоспасскій архимандритъ Феофилъ Кроликъ, выразивъ ему похвалу въ латинскихъ стихахъ. Послѣ этого Кантемиръ, по его собственнымъ словамъ, «вдаль поступилъ и сочинилъ слѣдующія три сатиры и иныя творенія». Въ третьей сатирѣ, посвященной Прокоповичу, онъ рисуетъ цѣлую портретную галерею, изображая людей съ различными страстями. Здѣсь, по собственному его сознанію, онъ подражалъ греческому писателю Феофрасту и французскому Лабрюеру, которые, прибавляетъ онъ, «оба показали себя въ ясномъ изображеніи различныхъ человѣческихъ нравовъ, но оба писали простымъ слогомъ, а не стихами». Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ сатирикъ, повидимому, хочетъ отъ нихъ отличить себя, хотя и безъ стиховъ довольно между ними различія. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе такихъ писателей-философовъ, какъ Феофрастъ и Лабрюеръ, принесло большую пользу молодому сатирику, который благодаря имъ научился вглядываться въ характеры и анализировать ихъ. Подражаніе его ограничивается скорѣе пріемами въ описаніи портретовъ, чѣмъ въ списываніи ихъ или въ заимствованіи матерьяловъ. Онъ не копируетъ ихъ, а только старается рисовать новые портреты такъ, какъ они рисовали свои; онъ хочетъ причислить себя къ ихъ школѣ, какъ къ школѣ такихъ мастеровъ, которые всѣми признаны за образцовыхъ въ своемъ дѣлѣ. Въ этомъ случаѣ Феофрастъ имѣлъ на него вліянія болѣе Лабрюера въ манерѣ описанія. Кантемиръ подходитъ болѣе къ первому, хотя и отличается отъ него мелочными подробностями въ изображеніи характеровъ, тогда какъ Феофрастъ не былъ на нихъ щедръ, отчего Кантемировы описанія являются картиннѣе,

живописнѣе. Онъ списываетъ портреты съ натуры, съ извѣстныхъ личностей, стараясь при этомъ рѣзко выводить только типическія черты. Оригиналъ перваго изъ этихъ портретовъ, описаннаго подъ именемъ Тиція, находятъ въ извѣстномъ въ свое время графѣ Саввѣ Лукичѣ Владиславичѣ Рагузинскомъ. Уроженецъ города Рагузы, турецкій подданный, сначала онъ велъ торговыя дѣла въ Константинополѣ, сблизился тамъ, какъ православный, съ русскими послами и былъ ихъ тайнымъ агентомъ, подъ рукою помогая имъ собирать разныя свѣдѣнія о Турціи, снимать планы мѣстностей, укрѣпленій и проч. Въ 1702 г. онъ явился въ Азовѣ съ деревяннымъ масломъ, кумачемъ и хлопчатою бумагою; отсюда былъ отправленъ въ Москву, гдѣ видѣлся съ царемъ, который оцѣнилъ его практическое направленіе и услуги, оказанныя русскому правительству въ Турціи: Рагузинскій получилъ отъ царя жалованную грамоту съ правомъ свободной торговли во всѣхъ русскихъ городахъ. Съ этихъ поръ подъ видомъ торговыхъ предпріятій онъ сталъ исполнять разныя тайныя политическія порученія отъ русскаго правительства. За это онъ получилъ новыя торговыя привилегіи, а въ 1708 году царь подарилъ ему дворъ въ Москвѣ на Покровкѣ, гдѣ прежде была школа извѣстнаго пастора Глика и гдѣ впослѣдствіи былъ домъ князя Кантемира. Какъ человѣкъ ловкій, Рагузинскій умѣлъ во время оставить турецкія владѣнія и навсегда поселился въ Россіи. Турецкое правительство, узнавъ объ его продѣлкахъ въ сношеніяхъ между Россіею и Турціей, требовало его выдачи, но такихъ людей царь никогда не выдавалъ, хотя бы это и стоило ему многихъ пожертвованій. Въ 1711 году онъ получилъ отъ Рагузской республики дипломъ на графское достоинство, но этотъ титулъ не помѣшалъ ему по прежнему заниматься торговыми дѣлами, даже въ большихъ размѣрахъ: онъ велъ заграничную торговлю, отправлялъ корабли за море, заводилъ въ разныхъ мѣстахъ купеческія конторы. Для этихъ дѣлъ онъ отправился въ 1716 году въ Италію съ царскими рекомендательными грамотами къ Венеціи и Рагузѣ; причемъ ему было дано отъ царя нѣсколько постороннихъ порученій. Такъ извѣстно,

что въ Венеціи онъ опредѣлялъ въ морскую службу нѣсколько молодыхъ людей изъ русскихъ, что подъ его надзоромъ находились наши гардемарины и живописцы Никитины, жившіе во Флоренціи; при его же посредствѣ послѣ многихъ затрудненій была отправлена изъ Рима въ Россію статуя Венеры, подаренная папою русскому царю. Въ то же время Рагузинскій находилъ досуги заниматься литературою: въ угоду царю онъ перевелъ нѣсколько книгъ съ итальянскаго языка, и въ одной изъ нихъ рѣзко задѣлъ трудъ князя Димитрія Кантемира о магомеданской религіи.

Въ 1722 году Рагузинскій воротился въ Россію и послѣ смерти Петра Великаго былъ отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Китай съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; на этотъ постъ предназначалъ его и покойный императоръ. Послѣ многихъ усилій и непріятностей ему удалось наконецъ, благодаря своей настойчивости и неустрашимости, заключить выгодный для Россіи трактатъ съ Китаемъ, откуда онъ и возвратился въ 1728 году. Труды его не остались безъ награды: онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и получилъ орденъ Александра Невскаго. Во всѣхъ этихъ фактахъ видна только свѣтлая сторона его жизни, но мы можемъ представить и другую ея сторону. Занимаясь торговлею, онъ долженъ былъ усвоить себѣ всѣ тогдашнія купеческія замашки, которыя употреблялись при сбытѣ товара съ рукъ и которыя не отличались добросовѣстностью и строгою честностью. Можетъ быть, даже эти занятія и развили въ немъ тотъ хитрый, изворотливый и практическій умъ, то умѣнье обращаться съ людьми, которое онъ выказывалъ во всякомъ дѣлѣ, оканчивая его всегда съ успѣхомъ. Кромѣ того, онъ былъ крайне скупъ. Несмотря на свое большое состояніе, онъ не давалъ своему племяннику, Ефиму Рагузинскому, учившемуся въ Парижѣ, ни копѣйки на содержаніе, такъ что молодой человѣкъ былъ доведенъ до ужасной нищеты и наконецъ даже попалъ за долги въ тюрьму. О немъ въ 1716 году писалъ царю Зотовъ слѣдующее: «Я еще нахожу должность мою вашему величеству извѣстить о Ефимѣ Рагузинскомъ:

онъ многіе годы не имѣетъ отъ своего дяди ничего на свое содержаніе здѣсь, отчего впалъ въ долги, за которые не по одинъ разъ былъ посаженъ въ тюрьму, и нынѣ въ тюрьмѣ обрѣтается въ крайней нуждѣ. Я вельми сему соболѣзную: не всякой знаетъ, что онъ изъ Рагузъ, но имѣютъ его за россійскаго дворянина. А въ такое ругательство отъ дяди своего преданъ, что страшно слышать—за волосы таскаютъ да по тюрьмамъ водятъ. Божескою милостію благоволи на него призрить, дабы повелѣть дяди его долги его откупить и къ Россіи возвратить. Сіе донесъ вашему величеству, оберегая репутацію россійскихъ людей, которыхъ вашимъ царскимъ особливымъ промысломъ вся Европа признаваетъ за добрыхъ кавалеровъ» *).

Эта слабая сторона Рагузинскаго и выставлена у Кантемира въ образѣ Тиція.

Впослѣдствіи, передѣлывая свои сатиры, авторъ и въ этомъ портретѣ нѣсколько измѣнилъ подробности, вмѣсто Тиція представивъ Хрисиппа, который еще больше подходитъ къ Рагузинскому. Передѣлка много выиграла и въ художественномъ отношеніи: прежнее многословіе и неясность выраженій замѣнились большею сжатостью и опредѣленностью, черезъ что самый образъ выдался гораздо рельефнѣе.

Рисуя другіе типы, Кантемиръ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду знакомыя ему личности; но въ настоящее время мы уже не можемъ назвать ихъ по имени, хотя и можемъ указать на крупныя черты русскихъ характеровъ. Такъ напр. сосѣдъ Тиція, или по второй редакціи Клеархъ, прекрасно представляетъ знакомую всѣмъ широкую натуру, которая любитъ все доводить до послѣднихъ крайностей и которая сразу нашла свою сферу, лишь только была поставлена въ обстановку европейской жизни. Въ примѣчаніи Кантемиръ говоритъ, что онъ назвалъ мота сосѣдомъ Тиція потому, что «оба въ равномъ суть разстояніи отъ того же добра-

---

*) Наука и литер. при Петрѣ В. Пекарскаго, ч. I. Словарь достоп. люд. Бантышъ-Каменскаго, ч. I.

го посредства, которое есть умѣренности добродѣтель». Въ этихъ словахъ и выказалась та философія жизни, которую онъ заимствовалъ у Горація и которой держался всю свою жизнь: златая средина во всемъ вѣрная дорога къ спокойствію и счастію. Уклоненіе отъ нея къ крайностямъ и образуетъ тѣ типы, которые онъ изображалъ въ своихъ сатирахъ.

Окончивъ эту сатиру, Кантемиръ вздумалъ попытать свои силы надъ героической поэмой, имѣя въ виду представить Петра Великаго, котораго уже прежде Прокоповичъ старался возвести на степень античнаго героя. Петръ такъ сильно поразилъ воображеніе своихъ современниковъ, что, по ихъ разсказамъ, слѣдующее поколѣніе уже легко себѣ представляло его въ образѣ недосягаемаго героя, съ нечеловѣческими, сверхъестественными силами, одного изъ тѣхъ, которыхъ такъ увлекательно рисовала древняя эпопея. Кантемиръ еще въ дѣтствѣ видѣлъ Петра въ торжественные моменты его жизни, считалъ его благодѣтелемъ своей семьи, а любовь къ наукѣ и просвѣщенію еще болѣе развила въ его воображеніи героическія черты покойнаго великана. Ему уже нисколько не казалось страннымъ сдѣлать Петра героемъ эпопеи, окруживъ тою сверхъестественною обстановкою, которая по тогдашней теоріи считалась необходимою для эпическаго героя, чтобы онъ достойно могъ стать на ряду съ Агамемнономъ, Ахиломъ, Одиссеемъ, Энеемъ и другими. Это боготвореніе Петра было у насъ не только въ поэзіи прошедшаго и даже нынѣшняго столѣтія, но и вообще во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ: Петра иначе не могли себѣ представить, какъ въ образѣ героя-полубога, подобнаго всѣмъ эпическимъ героямъ древности. Кантемиръ началъ такое боготвореніе своею поэмою «Петрида», которой впрочемъ написалъ только первую пѣсню или книгу. Онъ скоро понялъ, что ему не по силамъ и не по характеру его таланта писать торжественныя эпопеи. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ право по опыту сказать о себѣ въ четвертой сатирѣ, переводя стихъ Буало:

Рифмы не могу прибрать, какъ хвалить желаю... и пр. (ст. 112—125).

Чувствуя расположеніе къ сатирѣ, онъ поспѣшилъ оставить тотъ новый родъ, въ которомъ-было попробовалъ силы для выраженія своего патріотическаго чувства, и написалъ сатиру «Къ своей музѣ», гдѣ и даетъ клятву никогда не разставаться съ сатирическою музою.

Для насъ самое интересное здѣсь извѣстіе, какъ принимались сатиры въ той средѣ, откуда авторъ ихъ бралъ матерьялы для созданія своихъ типовъ. Тамъ являлись личности, которыя въ нихъ узнавали себя и въ досадѣ старались чѣмъ-нибудь насолить автору (см. стих. 13—21).

А вотъ является и критикъ сатиръ Кантемира: онъ готовъ доказать, что «противно закону и безбожное дѣло мантію полосатою ризою звать смѣло». Чтобы понять это, нужно припомнить изъ первой сатиры портретъ Георгія Дашкова: тамъ епископская его мантія названа *полосатою ризою*. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно имя этого критика; самъ авторъ говоритъ, что, скрывая имена, онъ умно поступаетъ, «ибо не только сатирику, но и казнодѣю (проповѣднику), которыхъ власть гораздо больше, неприлично злонравнаго именемъ называя обличать. Повѣрь мнѣ, прибавляетъ онъ, коли пьяница видитъ, что о пьяницѣ писано, хоть описаніе то было бы подъ именемъ Клитеса или Сенеки, узнаетъ, что то объ немъ писано; однакожъ сердитовать не пристало и дурно, потому что, такимъ образомъ, самъ свое имя покажетъ, когда авторъ укрыти его силится, и сдѣлаетъ то, что весь свѣтъ зналъ то, что теперь одинъ можетъ быть, сатирикъ токмо знаетъ». Впрочемъ въ примѣчаніи одно имя обнаружено авторомъ въ поясненіе фразы о твердыхъ и досадныхъ стихахъ, которыя по азбукѣ водятъ житье святыхъ. «Нѣкто именемъ Максимовичъ, замѣчаетъ онъ, стихами описалъ и по азбукѣ расположилъ житія святыхъ печерскихъ; сія книга напечатана въ Кіевѣ въ листъ и пальца въ два толщины; однакожъ въ ней кромѣ именъ святыхъ и государя цесаревича Алексѣя Петровича, которому приписана, ничего путнаго не найдешь».

Намъ извѣстна только одна книга съ именемъ Максимовича, къ которой отчасти можетъ подойти содержаніе, обозначенное Кантемиромъ. Она напечатана черниговскимъ

архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ въ 1705 г. подъ слѣдующимъ стихотворнымъ заглавіемъ:

Алфавитъ собранный
Рпфмами сложенный
Отъ старыхъ писаній,
Изъ древнпхъ реченій,
На пользу всѣмъ чтущимъ,
Въ правой вѣрѣ сущимъ,
Прежде отъ языка римска,
А нынѣ слогомъ словенска
Прочіихъ напечатася
Во спасеніи собрася.

Между листами 35 и 36 гравированная на мѣди анаграма «Государю царевичу Алексѣю Петровичу много лѣта»; слова эти расположены такъ, что ихъ можно прочесть сверху и снизу, вдоль и поперекъ; надъ этой таблицей надпись:

Новій Гелѣконъ черниговскій красно
З музи своими поетъ пѣснь согласно,
Всѣми буквими вѣкъ долгій провѣщаетъ,
Въ гусли брящаетъ,

а внизу:

Отъ всякой буквы Г много тисящъ крати
Можно просто, воспять, внизъ и къ горѣ читати *).

Вся книга, не исключая заглавія, предисловія, посвященія и послѣсловія, написана рифмами, всего счетомъ 10322 стиха. Къ этой книгѣ г. Пекарскій и относитъ стихи Кантемира, хотя между нею и указаніями сатирика есть нѣкоторое несогласіе. Она печатана въ Черниговѣ, а не въ Кіевѣ, и, сколько можно судить по заглавію, заключаетъ житія не однихъ *печерскихъ* святыхъ, составленная «отъ святыхъ писаній и изъ древнихъ реченій» по латинскимъ источникамъ. Съ другой стороны, намъ кажется очень страннымъ выраженіе «нѣкто именемъ Максимовичъ» о та-

*) Наука и литер. при Петрѣ В. Пекарскаго, часть II, № 97.

кой личности, которая въ свое время была очень извѣстна и уважаема за свою ученость, дѣятельность и строго-нравственную жизнь. Сперва краснорѣчивый кіевскій проповѣдникъ, потомъ архіепископъ черниговскій (отъ 1696 по 1711), и наконецъ митрополитъ сибирскій и основатель русской духовной миссіи въ Пекинѣ, онъ вездѣ былъ замѣтенъ и умеръ въ Тобольскѣ въ 1715 году. Современная сибирская лѣтопись о немъ говоритъ, что онъ «былъ усердный ревнитель и трудолюбивый желатель благочестія, тихъ и смиренъ, благоразсудливъ, о бѣдныхъ старателенъ и милостивъ; единое у него было увеселеніе—писать душеполезныя сочиненія»... А біографъ *) его замѣчаетъ, что «рыданія и слезы тобольцевъ были сердечною даніею любимому архипастырю при его погребеніи, и что въ теченіе ста тридцати пяти лѣтъ послѣ его кончины не только не изгладилась въ Сибири память о благочестивой его жизни, но время отъ времени благоговѣйныя чувства болѣе и болѣе обнаруживаются къ нему: онъ и по преставленіи вѣчно живетъ въ любви къ нему тобольской паствы, въ похвалахъ ея и благословеніяхъ; съ самой кончины до настоящаго времени на могилѣ преосвященнаго Іоанна очень часто отправляются панихиды и заупокойныя литургіи; народъ находитъ въ томъ для себя услажденіе».

У Максимовича была одна, впрочемъ невинная, слабость: піитическія упражненія, страсть къ виршамъ, которыми онъ наполнялъ свои литературныя произведенія и которыми были довольны не всѣ ученые его современники; такъ Димитрій Ростовскій въ письмѣ къ Стефану Яворскому говоритъ по поводу одной изъ книгъ Максимовича: «книга стиховъ печатныхъ прислана мнѣ: Богъ далъ тѣмъ виршеписателямъ типографію, и охоту, и деньги, и свободное житіе; мало кому потребныя вещи въ свѣтъ происходятъ» **). Съ этимъ взглядомъ сходится и взглядъ Кантемира на стихотворныя произведенія Максимовича. Если онъ

*) Жур. Мин. Нар. Просв., 1850 г. октябрь, статья Абрамова.

**) Наука и литер. Пекар., ч. II, стр. 150.

имѣлъ въ виду дѣйствительно «Алфавитъ» черниговскаго архіепископа, то, по всей вѣроятности, писалъ отзывъ о немъ по воспоминанію, не имѣя подъ рукою самой книги, съ которой могъ познакомиться еще въ дѣтствѣ, упомнивъ лишь имя Максимовича безъ его титула.

Въ то время почти всѣ сочинители книгъ, даже переводчики, отличались страстью къ стихотворству и къ риторическимъ упражненіямъ въ разныхъ рѣчахъ, въ посвященіяхъ, въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ. Стихотворство и риторство считались необходимою принадлежностью учености, отчего даже книги ученаго содержанія украшались виршами. Писатели, какъ изъ духовенства, такъ и изъ разночинцевъ, соревновали между собою на этомъ поприщѣ. Разумѣется, являлись такіе, которые заботились не о смыслѣ своихъ стиховъ, а о рифмахъ и громкихъ фразахъ, не понимая ни сущности поэзіи, ни краснорѣчія. Все это не могло и быть иначе, потому что естественно вытекало изъ незрѣлости понятій о литературѣ, о наукѣ, объ искусствѣ. Это типы новые, которыхъ сатирикъ не могъ оставить безъ вниманія; къ нимъ-то и относятся стихи четвертой сатиры: «глупецъ, что губы чуть помазалъ въ латину, хвастаетъ наукою» и пр. (ст. 145—152).

Въ 1730 году Кантемиръ перевелъ извѣстное сочиненіе Фонтенелля «О множествѣ міровъ» (Entretiens sur la pluralité des mondes). Его трудъ для своего времени былъ явленіемъ любопытнымъ, какъ столкновеніе яснаго взгляда на вселенную, выработаннаго наукою, съ темнымъ міромъ всевозможныхъ суевѣрій и нелѣпыхъ разсказовъ, составлявшихъ у насъ ходячую космографію. Книга не осталась незамѣченною, но возбудила толки въ средѣ грамотныхъ фанатиковъ, которые смотрѣли на нее какъ на подрывъ православію, смѣшивая съ нимъ суевѣрные толки о мірѣ, ютившіеся около православія. Самый выборъ книги для перевода служитъ намъ нѣкоторою характеристикою для уясненія личности переводчика, а разнообразныя примѣчанія которыя онъ сдѣлалъ къ своему труду, наводятъ на выводы не безъинтересные для біографа. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ, что онъ «чаялъ нашему народу нѣ-

кую услугу показать переводомъ этой книги на русскій языкъ». Не мало трудностей встрѣтилъ онъ при своей работѣ. Въ русскомъ языкѣ не было словъ для выраженія многихъ отвлеченныхъ, философскихъ и нравственныхъ понятій, которыя были пока чужды русскому уму, какъ ни просты они кажутся намъ въ настоящее время. Переводчику оставалось или давать другое значеніе словамъ русскимъ, или оставлять безъ перевода слова французскія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ требовались объясненія для читателей, что также представляло не малый трудъ. Переводъ книги Фонтенелля мы можемъ считать началомъ развитія нашего литературно-философскаго языка, который и до настоящаго времени еще не выработался совершенно. Поясненія Кантемира показываютъ, какое ничтожное развитіе предполагалось въ читателяхъ, которымъ нужно было объяснять чуть не каждое слово, выходящее изъ круга понятій обыденныхъ.

Нѣкоторыя слова придуманы и прибраны Кантемиромъ очень удачно, такъ что впослѣдствіи они вошли въ нашъ философскій языкъ, напр. *начало* въ смыслѣ «элемента», *средоточіе* (центръ), которое, по его объясненію, онъ составилъ изъ словъ «средняя точка». Сюда же относится передача смысла слова *идея*: «я бы идею по русски назвалъ *понятіемъ*», прибавляетъ онъ. И это послѣднее слово въ такомъ смыслѣ и утвердилось въ нашемъ языкѣ, войдя какъ опредѣленный терминъ въ логику.

Изъ примѣчаній половину составляютъ краткія свѣдѣнія объ историческихъ личностяхъ, имена которыхъ встрѣчаются въ книгѣ Фонтенелля. Между ними большая часть именъ популярныхъ въ Европѣ, которыя странно было бы пояснять въ какомъ либо европейскомъ сочиненіи, какъ напр. Виргилій, Овидій, Платонъ, Аристотель, Мольеръ и др. Но для русской публики того времени, которая только начинала читать и понемногу знакомиться съ европейскою наукою и литературою, всѣ такія поясненія были необходимы. Объясненія касаются и такихъ предметовъ, которые составляютъ историческую принадлежность европейской жизни, но которые намъ были пока еще чужды и почти

незнакомы, какъ напр. театръ, декораціи, партеръ и др. Встрѣчаются также любопытныя замѣчанія, касающіяся теоріи поэзіи, какъ напр. объясненія *эпической поэзіи*, *элегіи*, *романца*, *комедіи*, *оперы* и пр. Названіе частей философіи Кантемиръ старается также перевести: логика или *словесница*, нравоученіе или ифика, физика или *естественница*, метафизика или *преестественница*.

Судя по нѣкоторымъ галлицизмамъ въ языкѣ примѣчаній, можно полагать, что авторъ ихъ пользовался французскими словарями. Впрочемъ на нѣкоторые изъ нихъ онъ и самъ указываетъ. Такъ, опредѣляя слово «философъ», онъ называетъ дикціонарій Ришелета; приводя свѣдѣнія о Пифагорѣ, Аристотелѣ, Платонѣ, Декартѣ, отсылаетъ за подробностями къ Bibliothèque des philosophes par Mr. Gantier; опредѣляя географическія названія, указываетъ на *географическій лексиконъ Бодрана*.

V.

«Со вступленіемъ на престолъ императрицы Анны Іоанновны, говоритъ Бантышъ-Каменскій, кончилось стѣсненное положеніе князя Антіоха. Императрица, разорвавъ подписанныя ею условія въ Митавѣ, предоставила ему назначить себѣ желаемую награду, но онъ по скромности своей отказался отъ всякихъ наградъ въ то время, какъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкескій и князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой получили отъ императрицы ордена св. апостола Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго. Отдавая справедливость благородному образу мыслей князя Антіоха, государыня пожаловала ему, вмѣстѣ съ двумя братьями, княземъ Матвѣемъ и княземъ Сергіемъ и сестрою Маріею, тысячу тридцать крестьянскихъ домовъ».

Мы не знаемъ, насколько можно принять на вѣру свидѣтельство Бантышъ-Каменскаго; но имѣемъ поводъ думать, что *благородный* образъ мыслей князя Антіоха не сразу

былъ оцѣненъ тѣми, кто раздавалъ награды. Насъ смущаетъ вопросъ, почему былъ награжденъ не одинъ онъ, оказавшій важную услугу, какъ говорятъ, Аннѣ Ивановнѣ, а въ совокупности съ братьями и сестрою, съ которыми онъ и долженъ былъ раздѣлить пожалованное имѣніе поровну, несмотря на то, что они не принимали участія въ его дѣлѣ. Въ такой наградѣ не было бы никакой справедливости. У насъ есть письмо княжны Маріи Кантемиръ, писанное къ Бирону изъ Москвы въ концѣ 1732 года; имъ нѣсколько объясняется это неясное дѣло. Княжна обращается къ «сіятельнѣйшему графу и милостивѣйшему своему патрону и благодѣтелю» съ слѣдующими льстивыми словами: «Врожденная сіятельству вашему благосклонности добродѣтель и дознанныя отъ многихъ благодѣянія смѣлость мнѣ подаютъ трудить сіятельство ваше симъ моимъ покорнымъ прошеніемъ, дабы какъ *прежде спомоществовалъ сиротству нашему*, такъ и нынѣ не оставилъ бы насъ въ крайней нашей нуждѣ». Изъ этого мы можемъ заключить, что не князю Антіоху дана награда за его «благородный» образъ мыслей, а чрезъ посредство Бирона пожаловано вспомоществованіе *сиротству* молодыхъ князей и княжны, которые до этого должны были питаться отъ милостей князя Константина Кантемира, владѣвшаго всѣмъ отцовскимъ наслѣдіемъ. Личнымъ врагамъ князя Димитрія Голицына не трудно было сблизиться съ Бирономъ, расположить его къ себѣ и, можетъ быть, дать поводъ накинуть лишнюю вину на противника самодержавія. Для всего этого не нужно было никакихъ заслугъ. На милость Бирона не было совсѣмъ законовъ: довольно, что онъ благосклонно взглянулъ на сиротство тѣхъ, которые искали его посредства и милостей, и тысяча тридцать крестьянскихъ дворовъ какъ съ неба свалились сиротствующимъ. Впрочемъ, изъ письма княжны Маріи видно, что именной указъ не въ точности былъ исполненъ. «Толикаго дворовъ числа, пишетъ она, въ пожалованныхъ намъ деревняхъ не явилося, о чемъ и челобитная отъ насъ въ сенатъ подана, но рѣшенія на оную и донынѣ не имѣемъ». Вслѣдствіе этого княжна и проситъ Бирона, «яко милостивѣйшаго патрона

благодѣтеля», вспомоществовать сиротству ихъ, какъ и жде, и «своимъ предстательствомъ» исходатайствовать милостивѣйшій указъ о додачѣ недоставшаго числа двоъ. «Истинно бѣдно живемъ, прибавляетъ она, и ежели е сіятельство въ семъ дѣлѣ не подастъ намъ руку поци, понеже инаго патрона не имѣемъ, то въ крайнее дemъ убожество».

Іельзя, конечно, всѣ слова этого письма принимать въ настоящемъ значеніи, такъ какъ въ то время никто чувствовалъ особенной щекотливости при обращеніи къ стямъ прикидываться въ крайнемъ убожествѣ, чтобы плакать себѣ кое-какое приращеніе въ своихъ доходахъ. имѣровъ этому у насъ есть множество. Судя по письъ и прошеніямъ того времени, жили въ убожествѣ чуть сарданапалы. Княжна Кантемиръ здѣсь слѣдовала тольобщему обыкновенію, но въ то же время имѣла право ебовать, чтобы ея семейству выдано было сполна все, слѣдовало по указу.

Какъ бы то ни было, но положеніе Антіоха Кантемира йствительно улучшилось: на его долю достались деревни Нижгородскомъ и Брянскомъ уѣздахъ. Впослѣдствіи своемъ завѣщаніи онъ пишетъ, что эти деревни пожаланы ему отъ императрицы вмѣсто пенсіона, обѣщаннаго съ братьями въ ихъ малолѣтствѣ еще Петромъ Велиъ. Но вмѣстѣ съ этимъ нерасположеніе впечатлительо юноши къ его врагамъ не прекратилось. Къ началу 31 года относятся четыре его басни, ничтожныя въ художественномъ отношеніи, но заслуживающія вниманія по ему политическому смыслу. Кантемиръ, повидимому, еще ісался, что противная партія, не уничтоженная совернно, можетъ рано или поздно восторжествовать. А чтобъ го не случилось, благоразуміе, по его мысли, требовало ть рѣшительныя мѣры для собственной безопасности торствующихъ. Здѣсь его взглядъ сходится съ дѣлами Феона Прокоповича, который, восторжествовавъ надъ своими агами, умѣлъ такъ насѣсть на нихъ, что напрасно вздугъ бы кто-нибудь просить пощады. Конечно, такой взглядъ такая страстность въ отношеніи къ врагамъ могли раз-

виться только въ то время, когда шла отчаянная борьба за господство совершенно противуположныхъ убѣжденій: вмѣстѣ на равныхъ правахъ они жить не могли; одни непремѣнно должны были давить другихъ. Съ такими опасеніями за прочность политическаго дѣла своей партіи, Кантемиръ написалъ басню «Огонь и восковой болванъ». Искусный въ своемъ дѣлѣ восколей, трудясь прилежно, вылилъ восковую куклу (болвана), нѣжно выразивъ въ ней всѣ члены, волосы, такъ что каждый смѣло могъ принять за живое тѣло. Окончивъ все, неблагоразумно забылъ отставить ту куклу отъ огня, гдѣ топилъ воскъ: въ жару воскъ растопился, расползлося тѣло болванчика, пропалъ трудъ, пропало все дѣло.

Мы разсказали басню прозою, ничего не прибавивъ и не убавивъ, точно такъ, какъ она разсказана тяжеловѣснымъ стихомъ. Объясняется она слѣдущею моралью:

Кто, дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшаетъ,
Отдалять, и что вредитъ, искоренять скоро:
Безъ того дѣло его не можетъ быть споро.

Нужно ли объяснять отношеніе этой морали къ тогдашней современности? Если Долгорукіе были удалены, то Голицыны еще держались и даже не колебались; а они ли не вредили торжествующей партіи; слѣдовало *искоренять ихъ скоро*, безъ чего и ея дѣло, по морали басни, было непрочно, *не на долги вѣки.*

Другая басня смѣется надъ положеніемъ, въ какое поставили себя верховники своими неудачными замыслами, сравнивая ихъ съ верблюдомъ, который, увидя, какъ козелъ, окруженный псами, храбро отбивался отъ нихъ рогами, воспылалъ тотчасъ завистью, недовольный тѣмъ, что у него нѣтъ «украсы роговъ на лбу». Углубленному въ такихъ помыслахъ попалась на встрѣчу лукавая лисица. Примѣтивъ въ немъ печаль, она желаетъ знать тому причину, обѣщая съ своей стороны «ревностную услугу». Верблюдъ изъяснилъ ей, какъ другу, все подробно. Подлинно, сказала она, ты скуденъ только одними рогами, да я знаю къ тому нетруд-

ный способъ. Видишь ты ближній лѣсъ; тамъ близъ дороги найдешь нору; всунь въ нее голову и тотчасъ же на лбу у тебя будутъ рога, безъ всякой раны, развѣ только потерпишь малый страхъ. Тамъ же берутъ свои рога быки, козлы и бараны». Совѣтъ ея былъ лукавый: въ той норѣ жилъ левъ хищный.

Да въ головѣ, коя рогъ ищетъ, умъ нелишній.

Верблюдъ скокомъ побѣжалъ въ лѣсъ, чтобы скорѣе воспользоваться рогами, сунулъ голову въ нору, а левъ и радъ добычи, тотчасъ въ гостя уцѣпился. Верблюдъ былъ тогда еще съ ушами; въ нихъ-то своими когтями и вцѣпился левъ, тянетъ; верблюдъ узналъ обманъ, когда стало больно; деретъ изъ щели голову, да мало подается назадъ.

Нужно было, чтобъ голову вытянуть здраву
И уши тамъ потерять, не нажпвъ рогъ славу.

Въ заключеніе говорится, что басня имѣетъ въ виду *славолюбцевъ*, которымъ предлагается такая мораль:

Кто древо, какъ говорятъ, не по себѣ рубитъ,
Тотъ, большого не доставъ, малое погубитъ.

Третья басня «Пчельная матка и Змѣя» имѣетъ въ виду самое императрицу и отчасти даже противорѣчитъ морали первой, которая совѣтуетъ скоро искоренять все, что вредитъ успѣху дѣла. Змѣя, подкравшись къ пчельной маткѣ, сидѣвшей на цвѣткѣ, и подражая «прегнусной повадкѣ» льстецовъ, стала возносить ее скучными похвалами, славить въ ней силу, красу надъ всѣми пчелами, добрый порядокъ въ управленіи, и пользу, какую получаютъ отъ ея трудовъ «все племя пчелъ и весь свѣтъ»; потомъ склонила хитрую рѣчь и къ своей цѣли: «заслуга такая *въ вѣки-бъ де могла утвердить твою державу*, еслибъ было тебѣ чѣмъ защищать свою славу и власть отъ всякаго, кто тебѣ вредить желаетъ; но твое беззлобіе ободряетъ сердца злобныхъ, они видятъ, что Богъ, давъ тебѣ корону, не далъ

въ оборону отъ враговъ оружія; тебѣ могутъ вредить всѣ скоты и отмщать свои досады. Проси у Зевеса жала.

«Никому такъ, какъ царю, лютость не пристала».

Пчела простерла крылья и отлетѣла отъ лукаваго звѣря со словами: «твоя рѣчь мнѣ не по нраву: отъ враговъ внѣшнихъ защищаютъ меня мои дѣти, любовь къ которымъ не дастъ мнѣ имѣть и враговъ внутреннихъ. Богъ далъ меня въ прекрасный образецъ царямъ,

Чтобъ будучи добрыми, какъ злымъ быть, не знали.

Басня заключается моралью: «правящимъ народами подъ небомъ должно убѣгать злыхъ совѣтовъ и отъ природы быть добрыми, а не злыми». Боязнь, чтобы гнѣвъ императрицы на нѣкоторыхъ не обратился въ злобу на большинство вслѣдствіе наговоровъ *добрыхъ* нѣмцевъ, окружившихъ ее, могла вызвать эту басню, которая нѣсколько смягчаетъ непріятное впечатлѣніе отъ предыдущихъ двухъ.

Басня «Ястребъ, Павлинъ и Сова» также относится къ тогдашнимь событіямъ. Рѣчь идетъ объ избраніи министровъ въ императорскій кабинетъ, который долженъ былъ замѣнить Верховный тайный совѣтъ. Онъ былъ такъ немноголюденъ, что въ члены его не попали многіе, которые по своему положенію могли бы надѣяться занять въ немъ мѣсто. Императрица предпочла всѣмъ только троихъ: великаго канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и князя Черкаскаго. Графъ Головкинъ, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, съ умомъ образованнымъ, съ чрезвычайною осторожностью, примѣрнымъ благоразуміемъ, дѣятельностью, искусствомъ въ дѣлахъ дипломатическихъ соединялъ мужество, былъ преданъ престолу, любилъ отечество свое, и хотя придерживался старинныхъ обычаевъ, но не осуждалъ новыхъ, если видѣлъ въ нихъ пользу; дюкъ де-Лиріа, описывая достоинства этого министра, говоритъ, что его нельзя ни въ чемъ упрекнуть. Остерманъ извѣстенъ своею хитростью, осторожностью, настойчивостью, дѣятельностью, и въ то же время замѣ-

чательнымъ дипломатическимъ талантомъ. О князѣ Черкасскомъ всѣ свидѣтельства говорятъ, какъ о человѣкѣ очень недалекомъ, но безкорыстномъ, чистосердечномъ, скромномъ и осторожномъ даже до робости. Не будетъ натяжки отнести ко всѣмъ имъ имя совы, которую Кантемиръ вводитъ въ свою басню, отдавая ей предпочтеніе передъ ястребомъ и павлиномъ. Ястрѐбъ является у него представителемъ военныхъ людей; павлинъ же, по словамъ самого автора, «означаетъ гордыхъ дворянъ, которые, кромѣ знатнаго имени своихъ предковъ, никакого собственнаго достоинства не имѣютъ». Перескажемъ самую басню: «Говорятъ, что нѣкогда былъ убитъ птичій воевода; на его мѣсто трое изъ воздушнаго рода просили у царя-орла милости: ястребъ, сова и павлинъ, и всѣ представляли правильные доводы, чтобы показать правоту своей просьбы. Ястребъ представлялъ храбрость и многіе годы тяжелой военной службы; сова сулила не спать вѣкъ въ ночное время; павлинъ хвасталъ перьями и хвостомъ пригожимъ. Кто, думаете, царю казался гожимъ въ воеводы? Сова! отказъ ястребу, отказъ и павлину. Орелъ представилъ такую причину своего суда: ястребъ хоть и храбръ, и хоть много лѣтъ служилъ въ военной службѣ, ничего не сдѣлалъ примѣчательнаго, а потому и впредь можно ожидать мало плода: въ комъ жало славы не дѣйствуетъ съ молодыхъ лѣтъ, сѣдина ужъ безплодна; павлину такъ же гордость, какъ и перья, сродны; а сова нравомъ тиха, ссоръ она напрасно не ищетъ, умѣетъ себя защитить, согласно своимъ силамъ, когда кто желаетъ ей вредить. Она недремно бодрствуетъ, когда всѣ другіе спятъ. Таковъ воевода годенъ къ безопасности цѣлаго народа».

Если приходится дѣлать выборъ изъ этихъ трехъ птицъ, то конечно ужъ лучше дать предпочтеніе совѣ; но считать совиныя качества выше всѣхъ въ дѣлѣ государственнаго управленія и народной безопасности, едва ли такой взглядъ можетъ назваться мудрымъ. И несостоятельность его очень скоро оказалась въ дѣйствительности: совы не могли защитить ни себя, ни народъ отъ налетѣвшаго кровожаднаго коршуна, который много лѣтъ безпощадно кле-

валъ и терзалъ ихъ. Взглядъ Кантемира здѣсь соверше согласенъ съ его собственнымъ характеромъ, миролю вымъ, тихимъ: идеалъ человѣка умѣреннаго во всѣхъ ношеніяхъ выработался у него въ юности подъ вліяні стиховъ Горація; человѣкъ страстный былъ для него у человѣкъ ненормальный, что онъ выразилъ въ своей трет сатирѣ, обратившись къ Феофану Прокоповичу съ воп сомъ: природа ли надѣлила человѣка разными страстя или «другой ключъ тому ручью искать нужно», и разс триваетъ затѣмъ всѣхъ людей, поддавшихся извѣстной ст сти, какъ такихъ, которые сбились съ разумнаго пу Этого идеала умѣреннаго человѣка Кантемиръ держа всю свою жизнь и руководствовался имъ въ своихъ су деніяхъ о дѣйствительности.

Басни Кантемира, точно такъ же какъ и другія его с хотворенія, ходили въ рукописяхъ по аристократически рукамъ, съ удовольствіемъ читались людьми его партіи выдвигали его впередъ, какъ молодаго человѣка разсу тельнаго, на котораго можно положиться. Хорошо зна мому съ хвалебными одами, какія писались на западѣ, е казалось непростительнымъ не написать подобной же о и «самодержицѣ всея Россіи», тѣмъ болѣе, что въ ней о видѣлъ торжество своей партіи, уже воспользовался ея м лостью и могъ въ будущемъ разсчитывать на другія м лости. Онъ забылъ, что уже испыталъ свою неспособнос къ хвалебнымъ пѣснямъ, забылъ о своемъ недавнемъ пр знаніи въ четвертой сатирѣ:

Рифмы не могу прибрать, какъ хвалить желаю.

несмотря на эту сознанную неспособность, все же сл дуя обычаю поэтовъ, создалъ оду самодержицѣ всеросс ской, въ которой, конечно, мы не станемъ искать поэзіи искренняго чувства. Судя по нашимъ понятіямъ о нра ственности каждаго писателя, мы должны осудить так насиліе самого себя; но понятія того времени о нравстве ности никакъ не сходятся съ нашими. Здѣсь время опра дываетъ писателя, который неумѣренную лесть считалъ гимнъ божеству, выражая этимъ дѣйствительное отнош ніе власти ко всему ей подвластному. Кантемиръ указ

ваетъ на Буало, которому будто-бы онъ подражалъ въ своей одѣ или, какъ онъ называлъ, рѣчи; но сравнивъ ее съ рѣчью (discours au roi) и съ посланіемъ (épitre au roi) Буало, мы найдемъ, что подражаніе ограничивается только нѣсколькими стихами, по содержанію же и по тону въ нихъ нѣтъ ничего общаго. Рѣчь Буало есть вмѣстѣ и панегирикъ и сатира; похвала королю у него только предлогъ для сатиры противъ дурныхъ стихотворцевъ. Но, несмотря на лесть молодому королю, авторъ умѣетъ держаться въ пристойныхъ границахъ, не унижая своего достоинства; онъ хочетъ, чтобъ потомство назвало его правдивымъ, чтобъ на его сказаніе о королѣ смотрѣло какъ на исторію; но онъ не защищалъ своей лести тѣмъ, будто искусство стихотворное требуетъ, «чтобъ между правдою было нѣчто и притворно». Такое понятіе объ искусствѣ доводило многихъ нашихъ стихотворцевъ послѣдующаго времени до самой нахальной лести, отъ которой они нисколько не краснѣли, прикрываясь требованіями искусства: «какъ же не похлебствовавъ, составить рѣчь красну». Развитію такого искусства способствовала та среда, которая исторически выработала похлебство, и въ этомъ случаѣ ода или рѣчь Кантемира, какъ она ни слаба, имѣетъ для насъ свое историческое значеніе: ее только и могъ написать человѣкъ, воспитавшійся въ этой средѣ—въ ней есть своего рода оригинальность.

Отдавъ необходимую дань власти, Кантемиръ опять перешелъ къ сатирѣ, постоянно держась, какъ опытныхъ руководителей, Горація и Буало. Сатира его «на человѣка», по собственному его признанію, «почти вся сдѣлана на подражаніе Боаловой сатиры VIII, съ тѣмъ различіемъ, что Боало въ своей доказываетъ, что изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ глупѣе, а нашъ авторъ тщится показать, что не только онъ, т. е. человѣкъ, глупѣе всѣхъ скотовъ, но еще злѣе всѣхъ звѣрей и дичѣе всякаго урода, котораго бы умъ вымыслить могъ». Въ нѣкоторыхъ спискахъ обозначено: «зачата сатира сія въ августѣ 1731 г.» Въ предисловіи къ сатирѣ выражается выводъ изъ толковъ тогдашнихъ читателей. Зная ихъ взгляды и понятія, Кантемиръ

предвидитъ, какія возраженія они могутъ сдѣлать, и потому хочетъ предупредить ихъ и своими объясненіями и замѣчаніями ослабить жало ихъ критики. Здѣсь же онъ указываетъ и на цѣль своей сатиры, и мы должны сказать, имѣя въ виду и прежнія замѣчанія Кантемира о сатирѣ, что теорію этого рода произведеній онъ выяснилъ себѣ лучше, чѣмъ какую либо другую, и взглядъ его здѣсь ближе къ истинѣ, чѣмъ напр. взглядъ на оду.

Вся сатира Кантемира раздѣляется на три части, въ которыхъ онъ описываетъ непостоянство, злость и глупость человѣка. Хотя впослѣдствіи онъ и замѣтилъ, что она почти вся состоитъ изъ рѣчей французскаго сатирика (Буало), отчего онъ и передѣлалъ ее, давъ ей даже другую форму; но мы должны сказать, что нашъ писатель былъ не совсѣмъ справедливъ къ себѣ. Заимствуя у Буало многіе образы, онъ въ тоже время пользовался собственными наблюденіями надъ своею современностью. Передъ его глазами въ немного лѣтъ произошло такъ много важныхъ событій, прошло такъ много людей съ разнообразными страстями. Въ борьбѣ партій онъ видѣлъ, какъ люди, увлекаемые честолюбіемъ, быстро возвышались, терзали и губили своихъ противниковъ и такъ же быстро падали; видѣлъ, какъ одни подкапывались подъ другихъ, не замѣчая, что роютъ яму и самимъ себѣ; много пищи было для наблюденій и изъ нихъ дѣлались неутѣшительные выводы: непостоянство, злость человѣка поражали сильнѣе глупости, которую Буало сдѣлалъ предметомъ своей сатиры. Кантемиръ выбралъ эту послѣднюю для того, чтобы къ человѣческой глупости присоединить и другія качества, съ которыми передъ нимъ являлся человѣкъ въ годы его юности.

Зачни съ Москвы до Перу, съ Риму до Китая,
Не сыщишь звѣря столь какъ человѣка злобна.

Здѣсь же Кантемиръ дѣлаетъ и нѣкоторыя заимствованія у Горація и примѣняетъ заимствованные образы къ нашей дѣйствительности, которая особенно полно рисуется въ изображеніи пахаря, солдата, чернеца. Въ этой же сатирѣ авторъ

касается слегка той идеи, которую впослѣдствіи пришлось ему развивать въ длинномъ сочиненіи и которая указываетъ на связь его съ тогдашнимъ движеніемъ европейской мысли. Видно, что онъ былъ знакомъ и съ тѣми иностранными сочиненіями, въ которыхъ развивалось тогда еще новое ученіе объ устройствѣ вселенной; но оно не поколебало его вѣры, хотя онъ и возставалъ противъ исключительной обрядности въ дѣлѣ религіи и въ глазахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ могъ показаться отступникомъ. Указавъ на глупость людей, которая выказалась въ созданіи кумировъ, въ поклоненіи животнымъ и чесноку, на что указываетъ и Буало въ своей сатирѣ, Кантемиръ въ противуположность такимъ поклонникамъ изображаетъ и людей невѣрующихъ новаго времени, которыхъ не могъ знать французскій сатирикъ (стих. 405—416).

Всѣ указанныя нами сатиры писаны въ Москвѣ, гдѣ у автора было довольно времени: караулы не могли слишкомъ утомлять его въ качествѣ поручика преображенскаго полка. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, выдвинувшійся впередъ съ воцареніемъ Анны, ласкалъ его, имѣя намѣреніе выдать за него единственную свою дочь Варвару Алексѣевну. Кромѣ другихъ наградъ при императрицѣ Аннѣ, Черкасскій получилъ въ прибавокъ къ своимъ огромнымъ помѣстьямъ еще деревни въ Ингерманландіи, такъ что могъ считаться однимъ изъ самыхъ первыхъ богачей въ Россіи: семьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ и груды золота и бриліянтовъ должны были перейти въ наслѣдство къ его дочери. Въ 1730 году ей было девятнадцать лѣтъ. Богатѣйшая невѣста не могла не обращать на себя общаго вниманія. Императрица даже сдѣлала для нея исключеніе изъ придворныхъ правилъ. Въ то время право носить локоны имѣли не всѣ дѣвицы, а только придворныя камерфрейлины. Во вниманіе къ заслугамъ князя Черкасскаго позволено было и его дочери украшать локонами молоденькую головку *).

---

*) Словарь Б. Каменскаго, т. V Жизнь графа Б. П. Шереметева, 1808. Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, Терещенки.

Мы не можемъ сказать, почему тогда же не состоялась свадьба княжны Черкасской съ Антіохомъ Кантемиромъ. Терещенко въ примѣчаніяхъ къ біографическому очерку князя Черкасскаго (Опытъ обозр. жизни сановниковъ) указываетъ на стихи Кантемира, которые будто-бы относятся къ его невѣстѣ. Не зная, откуда явилось такое свидѣтельство, мы не можемъ принять его на вѣру; но если оно справедливо, то имъ разъясняется вопросъ, почему не состоялась свадьба. Вотъ эти стихи, изъ VII сатиры, написанные въ Парижѣ въ 1739 г.

Сильвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ;
Сильвія легко даетъ, кто чего ни проситъ,
Бояся досаднаго въ отказѣ отвѣта—
Такова и матушка была въ ея лѣта (ст. 203—208).

По другому же свидѣтельству княжна В. А. Черкасская, впослѣдствіи графиня Шереметева, «въ разсужденіи своихъ добродѣтелей, разума, набожности, щедрости, своего отличнаго поведенія и вѣжливаго со всѣми обхожденія останется у всѣхъ знавшихъ ее въ великомъ почтеніи и незабвенной памяти» (жизнь гр. Б. П. Шереметева. 1808 г.).

Въ 1731 г. при содѣйствіи князя Черкасскаго и другихъ сильныхъ лицъ восторжествовавшей партіи двадцатидвухлѣтній Кантемиръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ. Аббатъ Венути въ біографіи Кантемира пишетъ по этому случаю слѣдующее: князь «Кантемиръ съ радостію принялъ свое назначеніе, понимая, какую пользу можетъ ему принести путешествіе въ чужія страны, гдѣ онъ надѣялся обогатиться новыми познаніями; въ разговорѣ объ этомъ онъ признавался мнѣ, что убѣдился собственнымъ опытомъ, при какихъ условіяхъ можно извлечь изъ путешествій какую либо пользу: непремѣнно нужно черезъ хорошее воспитаніе и образованіе прежде познакомиться съ науками и принять извѣстные принципы, иначе путешествіе скорѣе принесетъ вредъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; вотъ отчего столько молодыхъ людей,

…ствовавшихъ за границею, привозили въ свое отече-… только одни пороки, которыхъ довольно въ другихъ …ихъ» *).

…до полагать, что окончивъ пятую сатиру, Кантемиръ …алъ напечатать ихъ всѣ, для чего собралъ ихъ въ од-… тетрадь и написалъ къ нимъ примѣчанія, безъ которыхъ …ъ ни одного его литературнаго труда, назначаемаго для …ати. Эти примѣчанія касаются преимущественно объяс-…ій фразъ и именъ, иногда же указанія на какой нибудь современный фактъ, вызвавшій его на сатиру. Рукописный сборникъ Кантемира начинается одою въ честь императрицы Анны, названною «рѣчью», на которую мы уже указывали. Онъ распространился во многихъ рукописныхъ экземплярахъ; но намъ неизвѣстно, отчего онъ не былъ напечатанъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ попадается еще шестая сатира, о которой, какъ видно, сатирикъ совершенно забылъ, когда въ послѣдствіи вздумалъ передѣлать прежнія сатиры, назначивъ ихъ выпустить въ свѣтъ вмѣстѣ съ тремя новыми.

Мы полагаемъ, что она написана передъ отъѣздомъ Кантемира изъ Россіи, почему и не попала въ общій сборникъ, приготовленный прежде для печати; поэтому самому она осталась и безъ примѣчаній. Нѣкоторые любители стиховъ, списывая сатиры Кантемира со списка его собственной редакціи, присоединяли въ своемъ спискѣ и шестую сатиру, которая отдѣльно ходила по рукамъ. Что она написана въ этотъ періодъ стихотворческой дѣятельности Кантемира, а не послѣ, не тогда, когда онъ жилъ за границей — въ этомъ убѣждаетъ насъ ея стихотворный размѣръ: въ немъ нѣтъ правильныхъ удареній, точно такъ, какъ и въ первыхъ пяти сатирахъ, тогда какъ въ стихахъ, написанныхъ за границею, онъ строго наблюдаетъ за удареніями и даже передѣлываетъ старые стихи, написанные не по той теоріи стихосложенія, которую онъ мало по малу себѣ выработалъ.

---

*) Satyres de Mr. le pr. Cant. Londre. 1749.

Въ «Житіи князя Антіоха Дмитріевича Кантемира», напечатанномъ при первомъ изданіи его сатиръ въ 1762 г., говорится: «онъ началъ было и девятую сатиру, но по несчастію болѣзнь его оныя совершить не допустила». Если біографъ имѣлъ въ виду эту послѣднюю, на которую мы указали, то онъ ошибся, потому что заключительные стихи ея:

Больше съ удивленія не могу писати,
И хоть не въ пору, да ужъ принужденъ кончати,

показываютъ, что сатира доведена до конца. Кромѣ того, неправильное паденіе удареній въ срединѣ стиховъ и нѣкоторые славянизмы, которые уже не встрѣчаются въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Кантемира, убѣждаютъ насъ, что эта сатира не могла быть написана передъ смертью автора. Если же біографъ говоритъ не объ этой, а о другой, то мы должны только пожалѣть, что не осталось никакихъ слѣдовъ ея. Сатирѣ дано двоякое заглавіе, сообразно съ содержаніемъ и формою: «На состояніе свѣта сего» и «Къ солнцу» (*). Авторъ обращается къ солнцу и удивляется, какъ оно, смотря на измѣнчивость человѣка, само постоянно и неизмѣнно. И затѣмъ представляетъ живыя картины изъ русской дѣйствительности, касаясь, такъ сказать, самаго больнаго мѣста—суевѣрія, породившаго расколъ и развившаго враждебный взглядъ на науку. Здѣсь онъ имѣетъ въ виду показать, въ какое отношеніе сталъ авторитетъ старины къ новому времени, давшему во имя науки другой образъ русскому человѣку. Односторонно-религіозное увлеченіе части русскаго народа, вызванное расколомъ, живо

(*) Въ первый разъ она напечатана г. Тихонравовымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г.; списана она съ рукописи Импер. Публ. Библ., означенной знаками О, XIV, 2. Этотъ списокъ, впрочемъ весьма неисправный, представляетъ сборникъ разныхъ стихотворныхъ произведеній лирическихъ и драматическихъ половины XVIII ст.; нѣкоторыя изъ нихъ никогда не были напечатаны. Переписчикъ, вѣроятно, былъ малороссъ и въ орфографіи держался своего роднаго произношенія.

изображено сатирикомъ въ образѣ мужика, который недавно оставилъ соху, аза въ глаза не знаетъ, безграмотный, а пускается въ богословскіе толки. Въ словахъ его слышенъ живой голосъ современности; они прекрасно передаютъ характеръ и темы богословскихъ споровъ, которые можно было тогда слышать въ невѣжественной толпѣ, не мирившейся со всѣми новизнами. Сатирикъ у всѣхъ видитъ разладъ между жизнію и вѣрою: въ жизни хлопочутъ только о барышахъ, не разбирая, что законно и что незаконно, а въ вѣрѣ стараются выполнить только обряды. Затѣмъ онъ поднимается въ высшія сферы и тамъ не находитъ ничего благопріятнаго для науки, и съ сокрушеннымъ сердцемъ видитъ торжество зла надъ добромъ повсюду, куда ни обратится.

При такомъ взглядѣ на состояніе сего свѣта, о которомъ Кантемиръ могъ судить по московской да по петербургской жизни, ему не о чемъ было жалѣть ни въ одной столицѣ, не надъ чѣмъ было долго задумываться при прощаніи.

VI.

1 января 1732 г. Кантемиръ выѣхалъ изъ Москвы по дорогѣ къ прусской границѣ, прожилъ нѣсколько дней въ Берлинѣ у русскаго посла графа Ягужинскаго и затѣмъ отправился въ Гагу; тамъ ему нужно было условиться съ опытнымъ посломъ графомъ Головкинымъ, который своими совѣтами могъ ему быть очень полезенъ. Здѣсь же онъ позаботился сдѣлать хорошій выборъ книгъ и въ тоже время препоручилъ книгопродавцу Гайэ напечатать книгу его отца: «Историческое и географическое описаніе Молдавіи». 30 марта Кантемиръ прибылъ въ Лондонъ. Съ этого дня онъ начинаетъ описывать въ своихъ депешахъ все, что находитъ достойнымъ вниманія русскаго двора, касаясь преимущественно политическихъ слуховъ, своихъ отношеній къ раз-

нымъ министрамъ и давая отчеты въ исполненіи тѣхъ порученій, какія ему присылались изъ Петербурга.

Хотя у насъ есть подъ рукою довольно матеріаловъ для изложенія дипломатической дѣятельности Кантемира, но мы не можемъ здѣсь воспользоваться ими, такъ какъ наша статья могла бы разрастись въ большую книгу *). Оставивъ въ сторонѣ подробности заграничной его жизни, мы будемъ имѣть въ виду преимущественно литературные труды его. Впрочемъ, нужно при этомъ замѣтить, что для нихъ оставалось у него очень немного досужихъ часовъ. Большая часть его времени посвящалась или посольскимъ дѣламъ, или исполненію разныхъ частныхъ порученій, присылаемыхъ ему изъ Россіи то отъ того, то отъ другаго вельможи. Какъ посланникъ, онъ долженъ былъ принять на себя заботы о тѣхъ русскихъ, которые еще до него были посланы изъ Россіи въ науку и затѣмъ забыты и брошены на произволъ судьбы; много онъ долженъ былъ хлопотать и о признаніи императорскаго титула за русскою царицею, и о назначеніи со стороны англійскаго правительства посла въ Петербургъ. Когда наконецъ ему удалось добиться того, что къ русскому двору былъ назначенъ чрезвычайный посланникъ въ лицѣ милорда Форбеса, то и русскій резидентъ былъ переименованъ въ чрезвычайнаго посланника при лондонскомъ дворѣ. Главное назначеніе Кантемира было поддерживать согласіе между двумя дворами, что много зависѣло отъ осторожнаго его поведенія и искуснаго обращенія съ министрами. Здѣсь для него была первая дипломатическая школа, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлаться дипломатомъ и въ то же время сохранить прямоту характера и честность въ поступкахъ, а эти качества въ то время не считались достоинствами дипломатовъ. Кантемиръ же не могъ отступить отъ нихъ, такъ какъ онъ уже выработалъ себѣ разумныя убѣжденія и нравственныя основанія жизни, которыя и были имъ заявлены въ его литературныхъ опытахъ.

*) См. мою статью въ «Вѣстникѣ Европы» 1867 г. № 1 и 2 «Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ».

Что онъ успѣлъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, въ этомъ насъ убѣждаетъ и то уваженіе, какое ему оказывали всѣ, съ кѣмъ только онъ сходился, начиная съ королевскаго семейства, и хорошее его отношеніе ко всѣмъ англійскимъ министрамъ, и наконецъ неоднократныя заявленія русскаго двора, который оставался довольнымъ его дѣйствіями. Эти заявленія не прекратились и тогда, когда остались безуспѣшными всѣ старанія русскаго посла склонить англійское правительство вступить въ тѣсный союзъ съ Россіею во время войны за польскій престолъ въ 1734 году.

Какъ посланникъ, Кантемиръ неоднократно долженъ былъ вступаться за честь русскаго правительства, которую затрогивали въ англійскихъ газетныхъ статьяхъ и въ отдѣльныхъ книгахъ. По приказу русскаго министерства онъ разыскивалъ имена авторовъ безъименныхъ статей, грозилъ редакторамъ газетъ, приносилъ жалобы англійскому правительству; но всегда получалъ одинъ отвѣтъ: англійскій народъ воленъ и правительство не въ силахъ стѣснять свободу его мысли. Особенно много хлопотъ принесла Кантемиру книга Локателли «Московскія письма» (Lettres moscovites), которая рѣзко нападаетъ на нѣмецкое правительство въ русской землѣ и предсказываетъ скорое его паденіе.

Кромѣ всего этого русскій посланникъ долженъ былъ пріискивать разныхъ спеціалистовъ, годныхъ на службу русскому правительству: капитановъ, корабельныхъ плотниковъ и другихъ мастеровыхъ. Ему же поручено было принимать всякіе проекты, съ которыми являлись иностранные прожектеры, обѣщая Россіи неисчислимыя выгоды. О каждомъ изъ нихъ приходилось вести переписку съ русскимъ дворомъ и представлять свои соображенія, что конечно также требовало довольно времени.

Частныя порученія изъ Россіи присылались нашему посланнику безпрестанно: кто требовалъ выслать табаку, кто сукна, кто чулокъ, кто лошадь; и всѣмъ нужно было угодить, отвѣчать на письма, посылать счеты. Обращались къ нему съ своими требованіями и разныя правительственныя учрежденія, въ особенности петербургская академія наукъ, занятіями которой онъ постоянно интересовался, выписывая

себѣ всѣ академическія изданія. Между прочимъ онъ велъ переписку съ президентомъ академіи барономъ Корфомъ о печатаніи своего перевода книги Фонтенеля «О множествѣ міровъ». Этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ уже въ 1740 году и былъ злобно встрѣченъ нашими фанатиками: они називали его атеистическимъ сочиненіемъ.

Намъ извѣстны названія многихъ книгъ, которыя Кантемиръ выписывалъ изъ Голландіи и изъ Россіи; судя по нимъ, мы можемъ заключить, что онъ прилежно занимался чтеніемъ. Но несмотря на всѣ эти занятія, которыя требовали времени, онъ не хотѣлъ отказываться отъ литературныхъ трудовъ. Разсужденіе Тредьяковскаго о русскомъ стихосложеніи вызвало и съ его стороны наблюденіе надъ тѣмъ же предметомъ. Въ то время каждому русскому писателю приходилось задумываться о разныхъ теоретическихъ вопросахъ, касающихся литературы, такъ какъ по этой части ничего еще не было разработано, а безъ разрѣшенія того или другаго вопроса почти нельзя было браться за перо. Вопросъ о русскомъ стихосложеніи былъ одинъ изъ первыхъ вопросовъ уже потому, что стихотворство привлекало къ себѣ всѣхъ талантливыхъ людей, выбиравшихъ литературное поприще. Стихи болѣе прозы привлекали также и читателей, слѣдственно стихи же должны были быть и первыми проводниками новыхъ европейскихъ понятій, съ которыми необходимо было знакомить русское общество. Кантемиръ сначала сталъ разрабатывать силлабическій стихъ, которымъ писали всѣ наши ученые XVII и начала XVIII столѣтій; но при всемъ стараніи стихотворца этотъ стихъ оставался все такимъ же незвучнымъ, тяжелымъ и неуклюжимъ, какъ и у прежнихъ писателей. Доказательства Тредьяковскаго, что силлабическій стихъ несвойственъ русскому языку, что намъ слѣдуетъ выработать новый стихъ, основанный на удареніи, не могли не подѣйствовать и на Кантемира. Онъ не принялъ вполнѣ теоріи Тредьяковскаго, который не могъ подтвердить своихъ выводовъ хорошими примѣрами, а въ этомъ случаѣ одинъ удачный примѣръ могъ убѣдить сильнѣе всякихъ другихъ доказательствъ. Но онъ понялъ, что опредѣленное удареніе дѣйствительно

сообщаетъ русскому стиху больше гармоніи, поэтому онъ вздумалъ соединить съ прежнимъ размѣромъ удареніе, опредѣливъ для него извѣстные слоги въ стихѣ. Стихъ его сатиръ состоялъ изъ тринадцати слоговъ, раздѣленныхъ цезурою на двѣ части. Теперь онъ опредѣлилъ семь слоговъ для первой части и шесть для второй, и въ каждой части по одному сильному ударенію; въ первой оно должно падать на пятомъ или седьмомъ слогѣ, во второй на предпослѣднемъ; слѣдственно всѣ рифмы остались по прежнему женскими. Примѣненіе этой новой теоріи и сдѣлано имъ къ стихамъ шестой сатиры, и они дѣйствительно оказались звучнѣе прежнихъ. Эта сатира интересна намъ еще и потому, что въ ней ясно представляется та философія жизни, по которой нашъ сатирикъ въ самомъ дѣлѣ стремился жить. «Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ»—въ этомъ стихѣ выражается главная идея сатиры. Жить въ тишинѣ, наблюдать правила добродѣтельной жизни, умѣрять свою волю, развлекаться и прогонять скуку дружескою бесѣдою, чтеніемъ лучшихъ книгъ и научными занятіями, наблюдать надъ жизнію другихъ и дѣлать изъ того себѣ нравстственные выводы — вотъ идеальное представленіе земнаго блаженства. Далѣе авторъ изображаетъ людей, которые въ своихъ стремленіяхъ къ обычнымъ цѣлямъ—богатству, власти, почестямъ, удаляются отъ этого блаженства, не находя себѣ покоя. За такой тяжелый трудъ, говоритъ онъ, приходится слишкомъ малая плата. «Лучшая наша украса есть добродѣтель; тишина ума при ней и своя мнѣ воля всего драгоцѣннѣе; этихъ трехъ благъ долженъ лишиться тотъ, кому пало на долю богатство или слава. Глупо мы привыкли отъ младенчества бояться нищеты, презрѣнія; отъ того мы бѣжимъ въ другую крайность; а должно-бъ въ вещахъ знать мѣру прямую; всякое дѣло имѣетъ свой предѣлъ; кто его перейдетъ, кто не дойдетъ—одинако жалѣетъ».

Хотя ту же средину во всемъ, ту же умѣренность проповѣдовалъ и Горацій, но его философія не всегда согласовалась съ его жизнію; о Кантемирѣ же мы не можемъ сказать этого. Онъ дѣйствительно съ тѣми же стремленіями

является въ жизни; у него слово не противорѣчитъ дѣлу. Въ подражаніе Горацію Кантемиръ написалъ также четыре философскія оды, цѣли которыхъ выяснилъ въ примѣчаніяхъ къ нимъ. Къ этому же времени относятся и двѣ его басни «Городская и полевая мышь» и «Чижъ и снигирь». Имѣя въ виду, что Кантемиръ и прежде писалъ басни, мѣтя на политическія явленія русской жизни, мы въ правѣ думать, что подобныя же явленія вызвали и другія его басни, хотя и не можемъ опредѣлительно указать на нихъ. Мораль первой изъ нихъ очень идетъ къ тогдашнему времени, когда величіе, богатство и счастіе зависѣли отъ ничтожныхъ случайностей: «высокая степень, богатство бываютъ рѣдко безъ бѣды и всегда безпокойны; кто въ тишинѣ умѣетъ быть доволенъ малымъ, тотъ достоинъ называться умнымъ». Содержаніе другой басни представляетъ гибель неопытнаго, который бросился на приманки наслажденія, не послушавъ совѣтовъ опытнаго; а мораль учитъ «слѣдовать искусныхъ совѣту, если хотимъ избѣжать бѣды и навѣту». Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: «кажется, что сія басня всѣхъ другихъ удачливѣе сочинена».

Въ Лондонѣ же Кантемиръ занимался переводомъ пѣсенъ Анакреона. «Общее о Анакреонтѣ доброе мнѣніе, говоритъ онъ, побудило меня сообщить его и нашему народу чрезъ русскій переводъ; старался я въ семъ трудѣ сколь можно болѣе его простотѣ слѣдовать, стихи безъ рифмъ употребилъ, чтобы можно было ближе оригинала держаться». Здѣсь переводчикъ старается поддѣлаться подъ размѣръ греческихъ стиховъ, употребляя для этого какъ счетъ слоговъ, такъ и удареніе; въ осьмисложномъ стихѣ онъ опредѣляетъ два ударенія, на третьемъ и на седьмомъ слогѣ, а въ семисложномъ только одно—на пятомъ или на послѣднемъ. И надо сказать, что эти стихи онъ вырабатывалъ очень тщательно. Пользуясь лондонскими изданіями извѣстныхъ въ то время коментаторовъ Анакреона, въ особенности же трудами г-жи Дассіеръ, Кантемиръ не позволялъ себѣ нисколько удаляться отъ подлинника; множество примѣчаній, приложенныхъ имъ къ переводу для поясненія стиховъ, показываютъ, какъ много заботился онъ о вѣрной пере-

дачѣ смысла и какихъ трудовъ стоила ему эта работа. Хотя переводъ Кантемира до сихъ поръ нигдѣ не былъ напечатанъ, но у насъ есть основаніе думать, что самъ переводчикъ окончательно обработалъ его для печати. Въ рукописи, дошедшей до насъ, мы находимъ наставленіе наборщику, что ясно говоритъ, какъ много онъ заботился о тщательномъ изданіи своихъ трудовъ; а посвященіе императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ показываетъ, что окончательной обработкой этого перевода онъ занялся уже тогда, когда жилъ въ Парижѣ.

Въ 1735 году Кантемиръ писалъ президенту петербургской академіи наукъ, барону Корфу, что онъ занимается переводомъ на русскій языкъ Юстина; «если онъ, прибавляетъ переводчикъ, можетъ принести какую-либо пользу нашему юношеству, то я почту за истинное удовольствіе продолжать его». Но конченъ ли этотъ трудъ и хранится ли гдѣ-либо рукопись его, намъ неизвѣстно. Любя особенно искусства, Кантемиръ любилъ и артистовъ, между которыми итальянцы занимали первое мѣсто. Съ ними онъ любилъ проводить свободное время, и даже прилежно занялся изученіемъ итальянскаго языка. Есть достовѣрное извѣстіе, что въ это время онъ перевелъ книгу итальянскаго писателя Альгаротти «О свѣтѣ»; но куда дѣлся этотъ трудъ, мы также не знаемъ. По свидѣтельству французскаго его біографа, онъ говорилъ и писалъ по-итальянски такъ свободно и хорошо, какъ итальянецъ.

Вотъ какая разнообразная дѣятельность занимала нашего посланника въ Лондонѣ, несмотря на то, что его нерѣдко тревожили заботы совсѣмъ другаго рода. Положеніе, какое онъ занималъ при лондонскомъ дворѣ, требовало отъ него и соотвѣтственно приличной обстановки; а между тѣмъ, жалованье его было такъ ограничено, что онъ часто не зналъ, какъ вывернуться изъ стѣснительнаго положенія. Безпрестанныя просьбы его объ увеличеніи жалованья оставались безъ всякаго отвѣта. Въ то же время онъ не могъ пользоваться и доходами съ небольшихъ деревень, которыя въ 1731 году ему вмѣстѣ съ братьями были пожалованы императрицею: онѣ были конфискованы по иску его

мачихи, урожденной княжны Трубецкой, начавшей процессъ за мужнино наслѣдство. Это дѣло было крайне непріятно Кантемиру и много заботило его, и хотя потомъ деревни были ему возвращены со всѣмъ собраннымъ двухгодичнымъ доходомъ, но процессъ все же былъ проигранъ.

Въ срединѣ 1737 года Кантемиръ получилъ отъ русскаго двора приказаніе вступить въ сношеніе съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ Камбисомъ, съ тѣмъ чтобы сблизиться съ Франціею, съ которою уже нѣсколько лѣтъ мы были во враждѣ по причинѣ польской войны. Кантемиру предписывалось начать переговоры, въ формѣ личнаго его желанія сблизить оба государства, и тѣмъ прикрыть измѣнившуюся политику русскаго двора, которой въ это время давалъ направленіе уже Биронъ по своимъ личнымъ разсчетамъ. Переговоры дѣйствительно были начаты Кантемиромъ, и такъ удачно, что французское правительство скоро выразило желаніе имѣть при своемъ дворѣ русскаго посланника, обѣщая и съ своей стороны послать въ Петербургъ представителя Франціи. Довольный этимъ успѣшнымъ началомъ, русскій дворъ назначилъ посломъ въ Парижъ самого Кантемира. Пользуясь такою милостью, онъ проситъ императрицу заплатить за него небольшіе долги въ Англіи, около 500 фунтовъ стерлинговъ, или, по крайней мѣрѣ, выдать эту сумму въ счетъ жалованья, проситъ также объ увеличеніи жалованья, такъ какъ во Франціи онъ долженъ будетъ жить «по образцу другихъ пространнѣе». На это рескриптомъ отъ 18 апрѣля 1738 года ему объявлено было, что онъ пожалованъ въ камергеры, что жалованье его будетъ увеличено и что, сверхъ того, онъ получитъ на проѣздъ во Францію и на экипажъ пять тысячъ рублей.

Съ другой стороны и французскій министръ Амелотъ писалъ къ Камбису въ Лондонъ, что король очень доволенъ назначеніемъ Кантемира къ своему двору, какъ особы высокаго происхожденія и со многими достоинствами. Русское правительство хотѣло, чтобы Кантемиръ отправился въ Парижъ не прежде, какъ оттуда поѣдетъ посланникъ, назначенный къ русскому двору. Французскій дворъ тре-

бовалъ, чтобы Россія сдѣлала первый шагъ и что онъ объявитъ о назначеніи своего посла только тогда, когда русскій посолъ пріѣдетъ въ Парижъ. Это нѣсколько протянуло переговоры, но наконецъ дѣло уладилось и Кантемиръ отправился въ Парижъ. Впрочемъ, съ этою столицею онъ былъ уже знакомъ съ 1736 года: тогда онъ ѣздилъ сюда лечиться у извѣстнаго окулиста Жандрона отъ глазной болѣзни; ею страдалъ онъ еще съ дѣтства послѣ оспы, но она особенно усилилась у него въ это время отъ непрерывныхъ занятій. Жандронъ въ короткое время помогъ ему, за что Кантемиръ всегда относился къ нему съ самымъ дружескимъ расположеніемъ.

Передъ отъѣздомъ въ Парижъ Кантемиръ послалъ къ русскому двору краткое донесеніе о томъ, въ какомъ состояніи онъ оставляетъ англійскій дворъ и какими министрами управляется Англія. Это донесеніе заслуживаетъ вниманія по той вѣрной характеристикѣ, которую онъ сдѣлалъ государственнымъ людямъ тогдашней Англіи.

Въ сентябрѣ 1738 года Кантемиръ прибылъ въ Парижъ. Политическими дѣлами Франціи управлялъ тогда кардиналъ Флери. Своею коварною политикою онъ не разъ приводилъ нашего посла въ крайнее затрудненіе, несмотря на то, что тотъ уже пріобрѣлъ опытность въ дѣлахъ дипломатическихъ. Вскорѣ по пріѣздѣ его былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ къ петербургскому двору маркизъ Вогренанъ, который, впрочемъ, по разнымъ причинамъ отсрочивалъ свой выѣздъ въ Россію, несмотря на настоятельныя напоминанія со стороны Кантемира. Посолъ оправдывался тѣмъ, что онъ долженъ запастись всѣмъ нужнымъ для жизни въ Петербургѣ, не надѣясь тамъ найти ничего, и не слушалъ увѣреній Кантемира, что если онъ не найдетъ въ Петербургѣ кареты, мебели и пр. по своему вкусу, то всегда найдетъ мастеровъ, которые по его заказу сдѣлаютъ все, что ему угодно. Но потомъ оказалось, что всѣ возраженія со стороны посла были только однимъ придуманнымъ предлогомъ: онъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ, близъ Парижа, и вовсе не думалъ готовиться къ выѣзду; онъ ждалъ выдачи жалованья изъ министерства, которое, по

видимому, мало заботилось объ удовлетвореніи требованій русскаго посла. О всемъ этомъ Кантемиръ заявлялъ своему двору, который ставилъ въ вину нашему послу такое замедленіе. Двуличность Флери въ этомъ дѣлѣ особенно поразила честнаго и прямодушнаго Кантемира, который сразу увидѣлъ, съ кѣмъ ему пришлось имѣть дѣло. «Я не знаю, писалъ онъ въ отвѣтъ на обвиненія, чему приписать и какъ согласить съ ласковымъ пріемомъ, который ко мнѣ г. кардиналъ до сихъ поръ являетъ, его почти нарочный проискъ вводить меня всякимъ своимъ письмомъ въ новый гнѣвъ вашего императорскаго величества. Во всѣхъ тѣхъ своихъ письмахъ всѣ приключенія мнѣ приписываетъ, и тѣмъ даетъ вашему импер. величеству правильную причину подозрительные имѣть мои поступки и быть оными недовольной, хотя въ самой истинѣ всѣ приключенія по назначеніи моемъ къ здѣшнему двору никакой, могу сказать, поводъ съ моей стороны не имѣли». Скоро Кантемиру пришлось вновь убѣдиться, что у кардинала слово не согласно съ дѣломъ. Изъ Петербурга было получено извѣстіе, что Швеція хочетъ къ нашему вреду сблизиться съ Портою; русскому послу предписывалось въ соединеніи съ цесарскимъ посломъ обратиться къ французскому министерству и просить не допускать такого союза. Кардиналъ обѣщалъ, но опять велъ себя такъ двусмысленно, что обѣщаніе оказалось только политическою хитростью. Не мало заботъ принесли Кантемиру и переговоры о турецкихъ дѣлахъ, въ которыхъ Франція приняла посредничество, ведя къ самому невыгодному для Россіи миру. Французскій біографъ Кантемира, приводя въ его біографіи только то, что самому приходилось слышать отъ своего друга, заключаетъ, что нашъ посолъ здѣсь принужденъ былъ дѣйствовать противъ своихъ фамильныхъ интересовъ: по уговору его отца съ Петромъ Великимъ, княжество Молдавское должно быть наслѣдственно въ семьѣ Кантемировъ, еслибы оно какимъ-либо образомъ пришло въ зависимость отъ Россіи.

Извѣстное злодѣйское убійство шведскаго майора Синклера, надѣлавшее столько шума въ Европѣ и приписан-

ное распоряженіямъ русскихъ министровъ, поставило Кантемира также въ непріятное положеніе: онъ долженъ былъ всѣми силами оправдывать Россію, не зная въ то же время настоящей правды. Наконецъ двусмысленное поведеніе маркиза де-ла-Шетарди въ Петербургѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, заставляло его безпрестанно обращаться къ кардиналу или статсъ-секретарю Амелоту за разъясненіями и съ жалобами, которыя присылались къ нему отъ русскаго двора и на которыя онъ получалъ самыя неудовлетворительныя объясненія и обѣщанія. Въ это время французская политика, ожидая правительственнаго переворота въ Петербургѣ, вела тамъ черезъ своего посла тайныя интриги и слѣдственно должна была передъ нашимъ посломъ особенно маскироваться.

Кромѣ подобныхъ политическихъ затрудненій, русскому послу приходилось быть крайне осторожнымъ въ самыхъ мелочахъ, чтобы какъ-нибудь не затронуть щекотливости русскаго двора, который много заботился о томъ, чтобы не уронить своего достоинства при иностранныхъ дворахъ. Для примѣра мы приведемъ одинъ случай. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ Кантемиръ извѣщаетъ, что король назначилъ балъ *съ маскерами*. Посланникамъ были присланы пригласительные билеты съ увѣдомленіемъ, что для нихъ будетъ особая посольская скамья съ правой стороны королевскаго кресла. Въ то же время посланники узнали, что для принцевъ крови приготовлены табуреты. Между ними возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли имъ ѣхать на балъ, такъ какъ принцы передъ ними поставлены выше. Рѣшили обратиться къ гофмаршалу и спросить, какія мѣста назначены принцамъ крови. Получили отвѣтъ уклончивый и неудовлетворительный; но рѣшили ѣхать на балъ. Между посланниками было условіе—на этотъ разъ мѣстами не считаться, кто пріѣдетъ раньше, тотъ и займетъ мѣсто выше. Посланники цезарскій и испанскій нарочно пріѣхали какъ можно ранѣе, чтобы занять первыя мѣста. Явились и принцы крови и сѣли на табуреты за королевскимъ кресломъ, а двое изъ нихъ со смѣхомъ и шутками такъ помѣстились, что закрыли собою посланниковъ отъ королев-

скихъ взоровъ. Испанскій посолъ вспыхнулъ и громко обратился къ цесарскому, какъ къ старшему изъ всѣхъ, предоставляя ему вступиться за общую посольскую честь. Но цесарскій разсудилъ, что не слѣдуетъ горячиться и дѣлать шумъ, смолчалъ, а за нимъ смолчали и всѣ другіе, хотя испанскій объявилъ, что еслибъ дѣло касалось его лично, то онъ съумѣлъ бы за себя вступиться. Впрочемъ, на другой день они объявили о своемъ неудовольствіи статсъ-секретарямъ, для того, чтобы подобныя распоряженія не послужили примѣромъ для будущихъ баловъ. Описавъ все это съ большими подробностями, чѣмъ мы представили, Кантемиръ заключаетъ свое письмо выраженіемъ удовольствія, что ему не пришлось быть на балу, а слѣдственно и быть участникомъ въ скандалѣ, за который, можетъ быть, пришлось бы отвѣчать передъ своимъ дворомъ.

Всѣ подобныя мелочи, ничтожныя сами по себѣ, могли накликать на посланника большія неудовольствія и потому требовали крайней осторожности и осмотрительности.

«Смерть царицы Анны, говоритъ біографъ Кантемира, поставила его въ очень критическое положеніе. Удаленный отъ двора и не зная обстоятельно, что тамъ дѣлается, онъ чувствовалъ, что путь его былъ скользокъ; но онъ явился здѣсь и честнымъ человѣкомъ и ловкимъ политикомъ. Герцогъ Биронъ поспѣшилъ сообщить русскому послу о своемъ регентствѣ при малолѣтнемъ императорѣ. Этого сообщенія нельзя было оставить безъ приличнаго отвѣта; но Кантемиръ понималъ, что подобное регентство нѣмецкаго выходца слишкомъ оскорбительно какъ для русскаго народа, такъ и для двора; онъ предугадывалъ, что врядъ ли оно прочно. Потому онъ послалъ свой поздравительный отвѣтъ Бирону въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, прося отослать его по адресу, если *завѣщаніе* императрицы будетъ исполнено; въ противномъ же случаѣ сжечь письмо. Догадка его оправдалась: герцогъ Курляндскій былъ арестованъ прежде, чѣмъ письмо Кантемира перешло въ его руки; почему и новое правительство не имѣло повода считать его въ числѣ приверженцевъ Бирона. Осторожность не была излишнею, прибавляетъ біографъ. Впро-

чемъ, нѣкоторое время онъ не надѣялся сохранить свой посольскій постъ, что видно изъ письма его: «По договору съ хозяйкою моею о наймѣ дому, пишетъ онъ, я долженъ за шесть мѣсяцевъ напередъ домъ отказать и за тѣ шесть мѣсяцевъ платить, потому всеподданнѣйше прошу, чтобъ заранѣе о томъ отзывѣ, если оный случиться имѣетъ, указать меня увѣдомить, столь наипаче, что и кромѣ того мои долги и другія домашнія дѣла такое заранее извѣстіе требуютъ, и понеже къ немалой моей остудѣ нѣкакимъ образомъ къ предосужденію высочайшей вашей славы было бы, еслибъ я, не уплатя тѣ свои долги и не удовольствовавъ всѣхъ, съ коими дѣла здѣсь имѣлъ, отсюда принужденъ былъ отъѣхать».

Въ отвѣтъ на это Кантемиръ былъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и оставленъ на своемъ постѣ. По свидѣтельству того же біографа, Анна Леопольдовна имѣла намѣреніе сдѣлать Кантемира воспитателемъ своего сына-императора, что уже выказываетъ ея особенное уваженіе и довѣріе. И дѣйствительно, замѣчаетъ біографъ, никто болѣе не былъ способенъ образовать умъ и сердце великаго монарха, какъ этотъ вельможа, соединявшій въ себѣ съ глубокимъ умомъ большое знаніе людей, благородство, любовь къ общественному благу и непоколебимую честность, подкрѣпляемую религіей. Но происшедшій новый переворотъ избавилъ его отъ опасенія принять на себя обязанность, тяжесть которой онъ заранѣе чувствовалъ и которой боялся какъ могилы своей свободѣ.

Во время регентства Анны Леопольдовны французская дипломатія тайно черезъ Шетарди поддерживала надежды Елисаветы Петровны на престолъ, возбуждая къ тому же и Швецію, съ намѣреніемъ возвратить ей если не все, то часть завоеваній Петра Великаго. При такихъ тайныхъ подкопахъ дипломатіи положеніе русскаго посла въ Парижѣ было крайне затруднительно. Не зная и не угадывая тайныхъ переговоровъ, онъ только видѣлъ, что съ нимъ хитрятъ, что на всѣ его представленія и протесты обращаютъ очень мало вниманія. Не улучшилось это положеніе и при Елисаветѣ Петровнѣ. Франція увидѣла, что

она ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Съ восшествіемъ на престолъ дочери Петра, послѣ господства нѣмцевъ сильно былъ возбужденъ русскій патріотизмъ. Нечего было и думать объ уступкѣ какихъ-либо русскихъ областей. Напротивъ, русскій дворъ потребовалъ отъ Франціи полнаго признанія императорскаго титула за новою царицею, и безъ него не хотѣлъ принимать никакихъ грамотъ, ни давать французскимъ посламъ аудіенцій. Кантемиръ долженъ былъ употреблять самыя энергическія настоянія и протесты. Французскіе министры дѣлали разныя обѣщанія, но медлили исполнить ихъ, видимо желая выторговать разныя условія въ пользу своего двора. Кантемиръ старается вывести на видъ передъ своимъ дворомъ хитрости, коварство, недоброжелательство и недобросовѣстность французской политики, равно какъ и двуличное недостойное поведеніе маркиза Шетарди, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ почти постояннымъ предметомъ его депешъ, жилъ ли маркизъ въ Петербургѣ, или въ Парижѣ. «Имѣю довольный искусъ между прочимъ писалъ онъ, что здѣсь обѣщанія чинить обыкли при нужномъ случаѣ и столько оныя исполнять, сколько околичности и премѣнъ требуютъ, имѣя весьма малое попеченіе о той славѣ, которая отъ сдержанія происходитъ слова». Или въ другомъ письмѣ: «Я уже будучи не однажды какъ министрами, такъ и его Шетардіевыми обнадеживаніями обманутъ, мало атенціи всѣмъ ихъ словамъ подаю, и какъ всѣ свои маркизу Шетардію визиты давно пресѣкъ, также къ министрамъ о всемъ томъ дѣлѣ отзываться удерживаюсь».

Въ концѣ 1742 года умеръ канцлеръ князь Черкасскій, умѣвшій удержаться на своей высотѣ во время всѣхъ переворотовъ, которые приносили съ собою гибель многимъ министрамъ и придворнымъ. Въ немъ Кантемиръ находилъ себѣ сильную опору при дворѣ, считаясь женихомъ его дочери. Французскій его біографъ, въ качествѣ его же друга и повѣреннаго, сообщаетъ, что онъ не прочь былъ бы жениться на ней, но его смущало то, что другаго заставило бы поторопиться свадьбой, т. е. высокое положеніе князя Черкасскаго. Онъ говорилъ одному изъ своихъ друзей, что

близкое родство съ первымъ министромъ въ государствѣ помѣшало бы тому спокойствію, котораго онъ добивался. Онъ боялся втянуться противъ воли въ государственныя дѣла, думая только о томъ, какъ бы удалиться отъ нихъ, чтобы вполнѣ посвятить себя распространенію наукъ и искуствъ въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ свадьба отсрочивалась съ года на годъ; а по смерти князя Черкасскаго, вдова его, не желавшая также этого союза, поспѣшила выдать дочь за графа Шереметева. Смерть стараго князя была для Кантемира дѣйствительною потерею, которую нечѣмъ было замѣнить ему при дворѣ, и это онъ тѣмъ скорѣе почувствовалъ, что мѣсто сосланнаго Остермана занималъ Бестужевъ-Рюминъ, не расположенный къ Кантемиру. Говорятъ, что онъ опасался его, какъ соперника въ дипломатіи, и боялся, что тотъ рано или поздно сядетъ на его мѣсто.

Изъ многихъ непріятностей въ это время самою чувствительною для него было приказаніе отъ русскаго двора уволить отъ службы секретаря его Гросса, который былъ самымъ дѣятельнымъ его помощникомъ и другомъ. Кантемиръ принялъ его въ посольскую службу еще въ Лондонѣ по просьбѣ старшаго его брата, бывшаго своего учителя, академика Гросса. Младшій Гроссъ оказался весьма дѣятельнымъ и способнымъ дипломатомъ, такъ что Кантемиръ, довольный имъ, взялъ его съ собою и въ Парижъ. Мы не знаемъ, вслѣдствіе какихъ поводовъ русскій дворъ сталъ его подозрѣвать въ какой-то тайной предосудительной перепискѣ съ его братомъ-академикомъ, приказалъ Кантемиру опечатать всѣ его письма и его самого отставить отъ службы. Кантемиръ немедля долженъ былъ исполнить это, но не могъ не отозваться объ осужденномъ съ самой лучшей стороны, и только послѣ усиленной просьбы получилъ позволеніе вновь принять Гросса на ту же службу *).

---

*) Впослѣдствіи онъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ.

Не мало смутили Кантемира и разнообразные толки, приходившіе въ Парижъ изъ разныхъ источниковъ, объ огромномъ заговорѣ, открытомъ въ Петербургѣ противъ императрицы. Отвсюду онъ слышалъ запросы объ этой новости, и не зналъ, что отвѣчать, такъ какъ офиціальныхъ извѣстій изъ Петербурга не получалъ никакихъ. Онъ самъ долженъ былъ спрашивать объ этомъ русскій дворъ, и наконецъ получилъ циркулярное сообщеніе, въ которомъ обвиняли австрійскаго посланника маркиза де-Ботту и даже вѣнскій дворъ въ заговорѣ Лопухиныхъ, Бестужевыхъ и другихъ придворныхъ противъ особы императрицы. Надо сказать правду, что все это, намѣренно или безъ намѣренія, было сильно раздуто: изъ пустыхъ разговоровъ лицъ, сожалѣвшихъ объ участи сверженнаго императора и его родителей, сдѣлали опасный заговоръ и присудили мнимыхъ участниковъ его на жестокія казни. Кантемиру было приказано обнародовать присланное обвиненіе, что всѣми и было принято за признакъ разрыва русскаго двора съ австрійскимъ. Дальнѣйшее слѣдствіе этого дѣла повлекло за собою разныя письменныя объясненія, которыя Кантемиръ и долженъ былъ печатать для общаго свѣдѣнія. Вѣнскій дворъ съ своей стороны печаталъ возраженія и объясненія. Такъ какъ очень многіе интересовались всѣмъ этимъ дѣломъ, то, чтобъ дать имъ возможность прослѣдить его послѣдовательно, Кантемиръ просилъ одного изъ своихъ друзей собрать въ историческомъ порядкѣ все, что имъ было получено отъ своего двора и что было напечатано отъ вѣнскаго относительно этого дѣла. Когда такимъ образомъ была составлена книга, то Кантемиръ секретно обратился къ канцлеру съ просьбою напечатать ее. Этотъ послѣдній взялъ рукопись для прочтенія и уже не возвращалъ ее, несмотря на всѣ настоянія Кантемира. Вѣроятно, она и теперь лежитъ гдѣ-нибудь въ министерскомъ архивѣ.

Кромѣ хлопотливыхъ и часто очень непріятныхъ дипломатическихъ дѣлъ, Кантемиръ, какъ и въ Лондонѣ, долженъ былъ исполнять разнообразныя порученія, присылаемыя изъ Петербурга, какъ офиціальныя, такъ и частныя. Такъ, ме-

жду прочимъ, и здѣсь пришлось ему хлопотать объ отысканіи автора какого-то памфлета на русскій дворъ. «Издатель Русетъ, писалъ онъ, указалъ на здѣшняго жителя Пистау; посылалъ въ здѣшнюю полицію узнать, гдѣ тотъ Пистау живетъ; но никто о таковомъ человѣкѣ не слыхалъ и чаютъ, что имя то вымышлено и для прикрытія своего нарочно въ кореспонденціи употребляетъ». Въ другомъ письмѣ онъ сообщаетъ: «въ полиціи обѣщались усугубить домогательство въ изслѣдованіи памфлетиста Пистау, и быть можетъ, напослѣдокъ его доищутся по даннымъ отъ Русета признакамъ, хотя въ томъ довольно времени потребуется за безмѣрнымъ многолюдствомъ здѣшняго города, въ которомъ такой человѣкъ долго утаить себя можетъ».

Поручались Кантемиру и заботы о молодыхъ русскихъ, присылаемыхъ въ Парижъ для образованія. Въ то время тамъ учились князья Хованскіе, Головкины; особенному же надзору русскаго посла ввѣрялся молодой графъ Ягужинскій, о содержаніи котораго велась нашимъ дворомъ предварительная переписка, прежде чѣмъ онъ былъ отправленъ въ Парижъ.

Несмотря на всѣ эти занятія, заботы и хлопоты, Кантемиръ, по словамъ аббата Венути, сохранялъ такую ясность ума, что всегда имѣлъ возможность удѣлять часть времени любимому своему занятію — наукѣ и литературѣ. Живя въ городѣ, гдѣ удовольствія представляются на каждомъ шагу, и притомъ будучи въ самыхъ цвѣтущихъ годахъ, чтобы пользоваться ими, онъ велъ жизнь философа, чуть не отшельника. Кругъ его близкихъ знакомыхъ ограничивался только небольшимъ числомъ лицъ. Онъ часто проводилъ по нѣскольку дней сряду, не видясь ни съ кѣмъ и не выходя изъ своего кабинета. По пріѣздѣ въ Парижъ Кантемиръ сошелся съ нѣсколькими учеными и до самой смерти былъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ числѣ ихъ былъ знаменитый Монтескье, «Персидскія письма» котораго въ то время читались всею образованною Европой. Кантемиръ позаботился перевести ихъ на русскій языкъ; но переводъ до сихъ поръ остался неизданнымъ; неизвѣстно даже, куда

дѣлась и самая рукопись. Математикъ-философъ Мопертюи, въ свое время пользовавшійся большою славою, также считался другомъ Кантемира. Съ нимъ русскій посолъ два года прилежно занимался алгеброй, которую особенно любилъ, одаренный способностями къ математическимъ наукамъ. Отсюда та точность и твердость во всѣхъ его сужденіяхъ, качества, которыми онъ обращалъ на себя вниманіе въ дружескихъ бесѣдахъ. Плодомъ его математическихъ занятій, по словамъ того же біографа, была книга объ алгебрѣ, написанная имъ на русскомъ языкѣ и также оставшаяся неизданною.

Въ это же время его въ особенности занимали вопросы вѣры, такъ какъ они подвергались разнообразнымъ критическимъ сужденіямъ многихъ тогдашнихъ ученыхъ и изъ сферы науки переходили въ общество. Такъ называемые натуралисты рѣшали ихъ не въ пользу христіанства. Чтобы выяснить себѣ всѣ эти вопросы и выработать собственныя убѣжденія, Кантемиръ предался чтенію лучшихъ книгъ по этой части и въ особенности остановился на сочиненіяхъ извѣстнаго въ свое время прелата де-Мо (de Meaux). Венути указываетъ даже на его книгу «Politique sacrée» которая особенно полюбилась Кантемиру за политическіе принципы, согласованные съ евангельскими требованіями. По этому случаю біографъ замѣчаетъ, что и собственная политика русскаго посла вытекала болѣе изъ философіи священнаго писанія и интересовъ человѣчества, чѣмъ изъ книги Макіавеля и придворныхъ хитростей. Въ политикѣ, по его мнѣнію, должна быть одна цѣль—забота о счастіи людей; а имя отца народа должно опредѣлять обязанности государя; интересы государя и народа всегда должны идти рука объ руку, и если государи и могутъ покупать себѣ безопасность и спокойствіе цѣною народной крови, то проливать ее только для удовлетворенія своего честолюбія значило бы нарушить законы природы и правленія. Вотъ какія правила Кантемиръ полагалъ въ основаніе своей политики, считая, что тѣ народы только и могутъ быть счастливы, у которыхъ они приняты въ государственномъ управленіи. «Я не буду передавать, прибавляетъ Венути, всего

того, что онъ высказывалъ о договорахъ между государями, въ большей части которыхъ онъ видѣлъ скорѣе доказательства недовѣрія, чѣмъ дружбы; но я не могу не привести мысли, которую однажды онъ мнѣ высказалъ и которая служитъ доказательствомъ его человѣколюбія. Выходя изъ театра, гдѣ онъ видѣлъ какого-то министра, и встрѣтившись со мною, онъ сказалъ: «я не понимаю, какъ можно спокойно отправиться въ театръ, подписавъ смертный приговоръ сотнямъ тысячъ человѣкъ». Тогда только что была объявлена война.

Судя по словамъ Венути, Кантемиръ часто бывалъ въ религіозномъ настроеніи. Это же самое видно и изъ одиннадцати его писемъ, адресованныхъ къ какой-то русской госпожѣ. Они составляютъ всѣ вмѣстѣ цѣльный трактатъ о нравственной философіи и космологіи и видимо есть плодъ прилежнаго чтенія многихъ книгъ, какъ богословскаго и философскаго содержанія, такъ и по естественнымъ наукамъ. Они показываютъ обширную начитанность автора и основательныя познанія изъ разныхъ научныхъ сферъ, познанія, на которыхъ онъ выработалъ себѣ твердыя убѣжденія. Съ нимъ можно не соглашаться, его взгляды можно называть иногда односторонними, но нельзя не видѣть въ немъ человѣка честно мыслящаго и дорожащаго только одною истиною. Это сочиненіе имѣетъ тѣсную связь съ тогдашнею европейскою литературою и вызвано тѣмъ скептицизмомъ, который начиналъ шевелить многіе умы. Оно написано, по всей вѣроятности, на минеральныхъ водахъ, гдѣ Кантемиръ провелъ нѣсколько недѣль въ совершенномъ уединеніи, вдали отъ всѣхъ служебныхъ заботъ. Эта отшельническая жизнь, о которой онъ говоритъ въ своихъ письмахъ, и дала ему возможность найти въ собственномъ разумѣ опору противъ тѣхъ сомнѣній, которыя могли нарушать покой его души. Нельзя не замѣтить, что въ это же время и другъ его Мопертюи обрабатывалъ тѣ же самыя темы, о которыхъ оба они, вѣроятно, не разъ бесѣдовали вмѣстѣ. Въ его сочиненіяхъ «Essai de cosmologie» и «Essai de philosophie morale» отражаются ученія Ньютона и Локка. Хотя Кантемиръ отчасти сходится съ

нимъ въ своихъ космологическихъ взглядахъ, но мораль его во многомъ отличается отъ морали Мопертюи. Французскій ученый доказываетъ, что наша жизнь есть не что иное, какъ непрерывное теченіе пріятныхъ и скучныхъ ощущеній: изъ нихъ послѣднихъ бываетъ больше, чѣмъ первыхъ. Чтобы сдѣлаться намъ лучшими и слѣдственно счастливыми, есть два средства: одно въ умноженіи числа благъ, которыя доставляютъ намъ пріятныя ощущенія; другое—въ уменьшеніи числа золъ, отъ которыхъ приходитъ къ намъ скука. Чтобы овладѣть этими средствами, человѣку только необходима нравственная свобода или воля. Христіанство указываетъ намъ, что должно вести насъ къ вѣчному блаженству, т. е. общая любовь къ ближнему. Это же самое должно служить и въ жизни, чтобы достигнуть въ ней наибольшаго благополучія, свойственнаго нашей природѣ. Кантемиръ же доказываетъ, что главное счастіе въ жизни состоитъ въ душевномъ спокойствіи, котораго чаще всего лишаютъ насъ собственныя страсти; слѣдственно, чтобы достигнуть его, нужно научиться сдерживать страсти и довольствоваться умѣренностью. Мы уже замѣтили прежде о вліяніи Горація на мораль Кантемира; здѣсь же кстати будетъ коснуться вопроса, на сколько примѣнима была эта мораль къ тогдашней жизни. Дудышкинъ доказываетъ *), что основная идея сатиръ Кантемира была фальшива въ отношеніи къ Россіи. Въ ту эпоху, когда новая жизнь должна была вызывать на кипучую дѣятельность, Кантемиръ говорилъ о суетѣ всего сущаго, восхвалялъ уединеніе и проч. Съ перваго взгляда легко покажется, что нашъ сатирикъ съ своею моралью дѣйствительно хотѣлъ идти въ разрѣзъ съ тогдашними потребностями. Но если вникнуть въ цѣль, для которой онъ искалъ уединенія, если обдумать, чѣмъ хотѣлъ замѣнить суету, вызываемую страстями, то окажется, что онъ понималъ потребности того времени и старался согласовать съ ними свою жизнь. Онъ видѣлъ, что наука должна со временъ Петра входить въ интересы рус-

---

*) «Современникъ» 1848 г., № XI.

ской жизни, что безъ науки невозможно ея развитіе и что, слѣдовательно, все вниманіе прогрессивнаго человѣка должно быть обращено на нее. Это былъ самый насущный вопросъ настоящаго и будущаго. А между тѣмъ передъ его глазами пало столько сильныхъ, честолюбивыхъ и властолюбивыхъ людей, предавшихся той или другой страсти. Онъ видѣлъ, что на этомъ скользкомъ поприщѣ нѣтъ возможности заниматься наукою, которая требуетъ душевнаго спокойствія. Вотъ отчего онъ говоритъ объ уединеніи: тамъ можно предаться наукѣ и принести отечеству пользу, какой не могъ принести ни одинъ изъ этихъ придворныхъ честолюбцевъ. Уединеніе для него немыслимо безъ занятія наукою и литературою. А съ каждымъ научнымъ или литературнымъ трудомъ у него непремѣнно соединяется мысль о пользѣ для русскаго образованія. Словомъ, истинныя потребности русской жизни вызывали его на такую дѣятельность, которая въ то время требовала особенной обстановки; слѣдственно, нельзя сказать, что и его мораль была непригодна для новой русской жизни. Она только вызывала на ту дѣятельность, для которой у насъ было еще слишкомъ мало дѣятелей и которая въ то же время должна была выдвинуться впередъ въ этой новой жизни. О ней-то особенно и думалъ Кантемиръ, что намъ, между прочимъ, доказываетъ и седьмая его сатира, написанная въ 1739 году. Въ ней онъ говоритъ, какъ нужно воспитать человѣка для этой новой жизни, отказавшись отъ старыхъ преданій и воспитательныхъ пріемовъ; здѣсь у него слово гражданинъ является уже не въ прежнемъ значеніи «горожанина», а въ смыслѣ общественнаго дѣятеля, проникнутаго не личными, а общими интересами. Это уже понятія новыя, не входившія въ мораль старинной русской жизни, понятія, безъ которыхъ невозможно правильно устроиться обществу. Преобладаніемъ личныхъ интересовъ надъ общественными отличается вся эта старая жизнь. Съ новымъ идеаломъ жизни вносится новое понятіе о гражданинѣ, а слѣдственно должно явиться и новое воспитаніе. Хотя Кантемиръ и подражаетъ четырнадцатой сатирѣ Ювенала, но нельзя здѣсь не замѣтить и сильнаго вліянія Джона Локка. Какъ въ са-

тирѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ къ ней, онъ излагаетъ тѣ мысли, которыя потомъ, слишкомъ черезъ двадцать лѣтъ, нашли у насъ примѣненіе въ воспитательной системѣ Бецкаго. Но Кантемиръ даетъ наукѣ большее значеніе въ воспитаніи, чѣмъ послѣдователи Локка екатерининской эпохи (см. стих. 95—107 и примѣч.).

Въ томъ же году онъ написалъ и послѣднюю сатиру, которая для насъ интересна тѣмъ, что въ ней авторъ касается своей собственной личности, какъ писателя:

Меня рокъ мой осудилъ писать осторожно,
И писать съ трудомъ стихи, кои бы честь можно и проч.
(Стих. 5—53).

Чистая совѣсть, безпристрастіе, безкорыстіе, изученіе нравовъ, умѣнье отличить вредъ отъ пользы, выборъ труда по силамъ, внимательная обработка стиха — вотъ что онъ имѣетъ въ виду, принимаясь за перо. Здѣсь онъ сравниваетъ себя съ искуснымъ рудометомъ, который пускаетъ кровь больному для его облегченія, наблюдая при этомъ особенную осторожность:

Того осторожности точно подражаю,
И когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю.

Здѣсь же сатирикъ не признаетъ за собою права выставлять личности; онъ долженъ хулить только злые нравы, слѣдственно и личности перерабатывать въ типы. Сообразно съ такими убѣжденіями и взглядами на литературное дѣло, онъ уже не могъ пустить въ печать свои первыя пять сатиръ, которыя написаны имъ еще въ Москвѣ; притомъ же и самый ихъ стихъ требовалъ обработки согласно съ новой теоріей, надъ которою трудился нашъ писатель. Все это заставило Кантемира передѣлать первыя сатиры, сгладить многіе намеки на личности, придавъ имъ болѣе типическихъ чертъ. «Не мало въ томъ труда я положилъ, говоритъ авторъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ, и могу сказать, что почти всѣ сполна

передѣлалъ». Въ 1743 г. Кантемиръ собралъ свои стихи въ одну тетрадь, написалъ къ нимъ разнообразныя примѣчанія и рѣшился наконецъ отослать ихъ въ Петербургъ для печати. По этому поводу и написано имъ новое стихотвореніе «Къ стихамъ моимъ», гдѣ онъ, подражая Горацію, предсказываетъ судьбу своихъ стиховъ и предвидитъ, какія возраженія встрѣтитъ со стороны читателей. Онъ находитъ здѣсь нужнымъ оправдывать себя передъ тѣми, которые бы стали осуждать его за трудъ, неприличный ни его возрасту, ни чину; а такихъ обвинителей дѣйствительно можно было ожидать не мало. Все это отлично характеризуетъ то время, когда литературный трудъ считался маловажнымъ дѣломъ и когда нужны были такія оправданія, какія представлялъ Кантемиръ, говоря, что «онъ стихи писалъ въ молодыхъ лѣтахъ и что сатиры его не касаются до злословія, но только служатъ къ исправленію злыхъ нравовъ и потому никому вредить не могутъ». Въ «Письмѣ же къ пріятелю», которое онъ приложилъ къ своимъ стихотвореніямъ вмѣсто предисловія, онъ замѣчаетъ, что «вступая въ новую должность (посланника), времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать дозволено». Такой взглядъ на литературу существовалъ у насъ во все продолженіе XVIII стол. даже и у писателей: литература считалась не трудомъ, а досугомъ въ часы, свободные отъ службы, какъ главнаго дѣла жизни. При томъ же стихотвореніи мы встрѣчаемъ интересное примѣчаніе Кантемира: «если бы изъ цѣлыхъ сутокъ, говоритъ онъ, одну четверть часа на письмо употребляли, то бы отъ того малаго труда въ годъ не малая книга произойти могла: непрерывный трудъ, сколь ни маловременъ, весьма скоръ». Это объясняетъ намъ, какимъ образомъ нашъ писатель находилъ время для литературныхъ занятій при тѣхъ разнообразныхъ трудахъ и заботахъ, которые вызывались его посланническою службою и общественными связями.

Намъ неизвѣстно, почему весь этотъ сборникъ стиховъ Кантемира не былъ тогда же напечатанъ, а появился въ свѣтъ уже черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ его смерти и то не въ такомъ видѣ, въ какомъ былъ присланъ авторомъ.

Издатель ихъ, Барковъ счелъ нужнымъ подновлять слогъ какъ стиховъ, такъ и примѣчаній, что въ то время считалось дѣломъ позволительнымъ. Съ этого изданія перепечатывались и всѣ прочія изданія до нашего времени *).

Вслѣдъ за этимъ сборникомъ Кантемиръ приготовилъ къ печати свои стихотворные переводы десяти первыхъ посланій любимаго имъ поэта Горація, руководствуясь при этомъ разными коментаторами. Онъ считалъ, что всѣ вообще произведенія Горація полезны, «какъ наставленіемъ, такъ и примѣрами къ исправленію нравовъ», и изъ нихъ выбралъ для перевода посланія «для того, что они больше всѣхъ его другихъ сочиненій обильны нравоученіемъ». Такимъ образомъ вездѣ выражаются одни и тѣ же стремленія Кантемира принести пользу русскому просвѣщенію. При этомъ трудѣ онъ помѣстилъ и свое разсужденіе о русскомъ стихосложеніи **), гдѣ подробно развита имъ та теорія, по которой онъ писалъ свои стихи и которая стремится соединить старый силлабическій размѣръ съ новымъ тоническимъ. Она интересна, какъ сознаніе несостоятельности стараго и какъ попытка создать что-то новое. Теорія Кантемира не нашла себѣ послѣдователей, такъ какъ явилась въ свѣтъ въ 1744 году, когда уже сталъ обращать на себя вниманіе своимъ звучнымъ стихомъ геніальный Ломоносовъ. Трудно теперь сказать, почему Кантемиръ напечаталъ не всѣ посланія Горація, несмотря на то, что всѣ они были переведены имъ и объяснены съ большимъ стараніемъ множествомъ примѣчаній ***).

Изъ всего этого, хотя и краткаго, очерка дѣятельности Кантемира легко заключить, что у него не много времени могло пропадать въ бездѣйствіи. Такая жизнь и притомъ

---

*) Въ нашемъ изданіи въ первый разъ печатаются стихи Кантемира такъ, какъ они вышли изъ рукъ автора, по списку, принадлежащему академіи наукъ.

**) Эта книга напечатана съ именемъ *Харитона Макентина*, которое авторъ составилъ изъ буквъ своего имени *Антіохъ Кантемиръ*.

***) Въ нашемъ изданіи напечатаны они всѣ по рукописи, принадлежащей Имп. публичн. библіотекѣ.

частыя непріятности по службѣ должны были разстроить и безъ того слабое его здоровье. Съ 1740 года онъ сталъ чувствовать болѣзненные припадки въ желудкѣ, несмотря на свою воздержную жизнь. Цѣлительныя воды въ Aix-la-Chapelle, куда онъ ѣздилъ въ 1741 году, нѣсколько помогли ему, но не надолго. Въ слѣдующемъ году онъ отправился на Пломбіерскія воды, но онѣ оказались для него болѣе вредны, чѣмъ полезны. Въ концѣ этого года онъ писалъ въ одной изъ своихъ депешъ: «крайне сожалѣю, что нынѣшнее мое плохое здоровье обязываетъ меня почти неисходнымъ быть изъ дому, мучая непрестанно въ лекарствахъ, отъ которыхъ столь мало пользы получаю, что еще и третьяго дня имѣлъ я сильный припадокъ жара, и слѣдственно мало въ состояніи нахожусь собою исполнять высочайшіе вашего импер. велич. указы». У него открылась водяная въ груди, такъ что его пріятели стали опасаться за его жизнь и совѣтовали перемѣнить климатъ. Черезъ двѣ недѣли (29 декабря) послѣ приведенной депеши онъ писалъ къ нашему двору слѣдующее: «Уже тому близъ четырехъ мѣсяцевъ, какъ и до того весьма дряхлое мое здоровье повседневно ослабѣваетъ и изнуряется, такъ что нынѣ нахожусь въ крайне худомъ состояніи, не могучи ни мало что ѣсть безъ рѣзу въ желудкѣ, терпя по вся ночи жестокіе жары и кашель, котораго продленіе и чахотку мнѣ навести можетъ. Для освобожденія себя отъ сей болѣзни во время четырехъ годовъ я употребилъ всѣ возможные способы, каковые отъ здѣшнихъ докторовъ мнѣ были предписаны, и ни одного изъ сихъ я уже не миновалъ; но всѣ совѣты ихъ до сихъ поръ явились безполезны. Для того напослѣдокъ въ держаной на сихъ дняхъ консультаціи пятерыхъ здѣшнихъ лучшихъ докторовъ, они признали, что я отъ лекарства никакой себѣ цѣльбы ожидать не долженъ и присовѣтовали мнѣ, оставя всякія аптекарскія зелія, искать свое здоровье въ умѣренномъ питаніи и въ движеніи тѣла, а наипаче въ какой пріятной и недолгой поѣздкѣ, въ которой бы я могъ воздухъ перемѣнить и отбыть нынѣшнюю свою меланхолію. Того ради припадая къ стопамъ вашего импер.

велич., всеподданнѣйше прошу дозволить мнѣ свое всемилостивѣйшее соизволеніе отлучиться въ концѣ наступающаго марта отъ здѣшняго двора недѣль на шесть, чтобы я могъ предпринять то докторами присовѣтованное путешествіе, а намѣреніе мое, которое також де всемилостивѣйше апробовать всенижайше прошу, есть объѣхать здѣшнія ближнія провинціи, переѣхать въ Лондонъ, гдѣ я подлинно надѣюсь сыскать добрыхъ и искусныхъ докторовъ, каковыхъ здѣсь нѣтъ, и можетъ быть, получить отъ ихъ совѣтовъ давно желанную цѣльбу. Минеральныя тамошнія Пунбридскія и Батскія воды также меня заставляютъ предъизбрать эту поѣздку, которой бы я предпочелъ ѣзду въ Италію за добротою тамошняго воздуха, еслибы я смѣлъ всеподданнѣйше просить о срокѣ четырехъ мѣсяцевъ, каковъ къ той поѣздки нуженъ, и еслибъ имѣлъ способъ учинить потребное на то иждивеніе изъ собственныхъ денегъ. Да и для поѣздки въ Лондонъ деньги мнѣ свои весьма недостаточны, понеже болѣзнь моя черезъ четыре года повседневно меня принуждаетъ къ чрезвычайнымъ немалымъ расходамъ. И потому, вѣдая вашего имп. велич. высокое къ своимъ подданнымъ великодушіе, смѣлость пріемлю рабски просить ваше имп. велич. указать пожаловать мнѣ изъ своей казны на ту поѣздку какую либо денежную помощь, сколь вашему имп. велич. будетъ угодно; за что я вѣчно буду долженъ молить Бога о благополучномъ и долголѣтнемъ царствованіи вашего имп. величества».

На это прошеніе указомъ отъ 14-го февраля 1744 года Кантемиру дозволялось предпринять поѣздку въ Италію. Но отвѣтъ его показываетъ, въ какомъ состояніи засталъ его указъ: «По весьма слабому и дряхлому моему нынѣшнему состоянію, я не надѣюсь, чтобъ тѣмъ вашего импер. велич. великодушіемъ въ дозволеніи могъ пользоваться, развѣ мѣсяца въ четыре отсюду; однакожъ хотя поздно онымъ надѣюсь съ немалою удачею тогда пользоваться, понеже отъѣзжая отсюду въ Италію къ осени, найду тамъ другое лѣто и избѣгну здѣшнюю зиму, которая мнѣ смертельна, и для того отъ вашего импер. велич. монаршаго милосердія и другую высочайшую милость ожидаю и раб-

ски сколько могу прилежнѣе о томъ прошу, чтобъ къ наступающему новому году меня отъ здѣшняго двора отозвать въ отечество, за которую вашего импер. велич. милость не меньше какъ за теперь показанную вѣчно буду Бога молить о благополучномъ и долголѣтнемъ царствованіи вашего имп. велич».

Въ это время Кантемиръ дѣйствительно мечталъ о такой службѣ, которая была бы совершенно согласна съ его склонностями: онъ думалъ получить въ Петербургѣ мѣсто президента академіи наукъ, чтобы предаться вполнѣ своимъ любимымъ занятіямъ и исполненію плановъ Петра Великаго, предназначавшаго академіи широкую дѣятельность. Но желанію Кантемира не удалось исполниться: жизнь его быстро угасала. Другъ его аббатъ Венути оставилъ намъ описаніе послѣднихъ дней ея: «Во все продолженіе своей болѣзни, говоритъ онъ, Кантемиръ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не заняться, хотя недолго, наукою или чтеніемъ, и самъ, какъ всегда, писалъ депеши по два раза въ недѣлю. Этому обыкновенію онъ измѣнилъ только за день до смерти. Чтеніемъ онъ развлекалъ и частыя ночныя безсонницы. Когда ему говорили, что прилежаніе можетъ повредить ему, онъ отвѣчалъ, что не страдаетъ только тогда, когда работаетъ. Послѣднимъ трудомъ его былъ переводъ Эпиктетова нравоученія *). Охоту къ научнымъ занятіямъ онъ потерялъ за три или за четыре дня до смерти; въ этомъ онъ видѣлъ дурное предзнаменованіе: онъ сталъ думать, что находится въ опасномъ положеніи. Одинъ изъ его друзей, видя близкій конецъ его, почелъ за долгъ навести его самого на эту мысль. Развлекая его чтеніемъ, онъ прочитывалъ съ нимъ трактатъ о дружбѣ Цицерона и воспользовавшись однимъ мѣстомъ, гдѣ говорится объ обязанностяхъ и заботахъ дружбы, указалъ ему на его собственное опасное положеніе, совѣтуя ему привести въ порядокъ свои домашнія дѣла и подумать о совѣсти. Больной принялъ это увѣдомленіе съ примѣрною покорностью,

*) Куда дѣлась рукопись его, неизвѣстно.

сказавъ, что на эту услугу онъ смотритъ какъ на самое несомнѣнное доказательство его дружбы, которую продолжать просилъ до конца. О смерти онъ говорилъ, какъ настоящій философъ-христіанинъ. Онъ просилъ купить ему книгу де-Мо (de-Meaux) о возношеніи къ Богу, о которой слышалъ много хорошаго, и наконецъ заключилъ свою рѣчь словами: «будемъ продолжать начатое чтеніе о дружбѣ, чтобы вдохновиться этою добродѣтельною утѣшительницею». Дѣйствительно, прибавляетъ при этомъ его другъ, Кантемиръ болѣе всего былъ склоненъ къ дружбѣ; во время своихъ продолжительныхъ страданій онъ болѣе всего утѣшался тѣмъ, что могъ постоянно видѣть вокругъ себя своихъ друзей, которые не оставляли его одного; самый близкій другъ его Мопертюи, заходилъ къ нему ежедневно по нѣскольку разъ. Послѣ переданнаго разговора Кантемиръ пожелалъ, чтобы съ нимъ говорили о вѣрѣ, о чемъ онъ всегда любилъ говорить: изъ словъ его было видно, какъ безропотно онъ покорялся волѣ провидѣнія.

«Мысль о смерти, однажды сказалъ онъ, сначала испугала меня, а теперь, когда я подумаю, что она приходитъ отъ того же, кто далъ мнѣ жизнь, она утѣшаетъ меня.» Послѣдніе дни жизни онъ посвятилъ на исполненіе христіанскихъ обязанностей: онъ исповѣдался у посольскаго священника, а въ свѣтлое воскресенье слушалъ обѣдню и причащался, на другой день опять былъ у обѣдни, а на третій уже не могъ явиться въ церковь. Онъ также не забылъ и своихъ домашнихъ дѣлъ и позаботился написать завѣщаніе, въ которомъ отказывалъ все свое имѣніе братьямъ Матвѣю и Сергѣю и сестрѣ Маріи. Съ послѣднею онъ былъ связанъ тѣсною дружбою и велъ съ нею постоянную переписку на разныхъ языкахъ. Онъ также предварительно обезпечилъ и двухъ дѣтей своихъ, прижитыхъ имъ въ Парижѣ безъ церковнаго брака отъ связи съ какою-то дамою. Въ завѣщаніи онъ приказывалъ набальзимировать свое тѣло и перевезти въ Россію для погребенія въ томъ же монастырѣ, гдѣ погребенъ и его отецъ. Онъ былъ въ полномъ сознаніи до послѣдней минуты. Жизнь его прекратилась 31 марта 1744 года на тридцать пятомъ году

отъ рожденія. На слѣдующій день секретарь русскаго посольства Гроссъ такимъ письмомъ извѣщалъ нашъ дворъ объ этомъ событіи:

«Вашего импер. велич. тайный совѣтникъ и полномочный министръ князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ по долготерпѣнной жесточайшей болѣзни, сначала въ желудкѣ и потомъ въ груди, напослѣдокъ вчерась, т. е. $\frac{11 \text{ апрѣля}}{31 \text{ марта}}$ въ вечеру въ восьмомъ часу, перемѣнилъ сіе временное житіе съ вѣчнымъ блаженствомъ. Ваше импер. велич. подлинно въ немъ изволили потерять вѣрнаго раба и весьма искуснаго ученаго и министра. Здѣсь такимъ обще всѣ его почитали и понеже къ превосходнымъ качествамъ ума присовокупилъ гораздо пріятное обхожденіе со всѣми людьми, а особливо съ своими друзьями; обще же въ городѣ и при дворѣ сожалѣютъ о преждевременной его смерти. Я должности своей чаялъ объ оной два часа послѣ его кончины увѣдомить статскаго секретаря г. Амелота чрезъ мое письмо, съ котораго копію всенижайше при семъ прилагаю. А то время двухъ часовъ я проводилъ въ самомъ нужнѣйшемъ попеченіи о тѣлѣ покойнаго князя и въ прочтеніи съ его душеприкащиками его духовной. Оная же три недѣли тому назадъ на русскомъ языкѣ отъ князя Антіоха Дмитріевича мнѣ была диктована и потомъ, когда мною была переписана, всякую статью приложеніемъ своей руки онъ изволилъ подкрѣпить» *).

Почти подобные же отзывы о Кантемирѣ дѣлаютъ и друзья его; такъ Монтескье писалъ къ аббату Гуаско: «другіе друзья вамъ замѣнятъ того, котораго вы лишились, но Россіи не такъ легко замѣнить посланника съ достоинствами князя Кантемира.» Аббатъ Венути говорилъ, что отечество оплакиваетъ въ немъ ревностнаго распространителя начинаній Петра Великаго, русскій дворъ умнаго и просвѣщеннаго министра, литература талантливаго дѣятеля,

*) Моск. арх. министр. иностр. д., франц. дѣла 1844 г.

а честные люди — друга. Онъ отличался умомъ здравымъ и образованнымъ; а постоянное чтеніе, частыя размышленія и большое знаніе свѣта развили въ немъ такую проницательность, что онъ могъ предсказать успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія тотчасъ же, когда узнавалъ планъ его. Послѣдствія постоянно оправдывали его предположенія. Въ своихъ дѣлахъ онъ выказывалъ прямодушіе, доходившее до наивности; считалъ хитрость унизительною для своего ума и шелъ прямо къ цѣли, не пренебрегая впрочемъ необходимыми предосторожностями, если онѣ были нужны. Съ перваго взгляда онъ казался очень холоднымъ, но эта холодность была только наружною и незамѣтно исчезала, когда онъ былъ въ обществѣ людей, съ которыми сходился. Его меланхолическое настроеніе было скорѣе слѣдствіемъ его продолжительной болѣзни, чѣмъ вліяніе отечественнаго климата; но между друзьями онъ былъ очень веселъ; преданный имъ всею душою, онъ находилъ удовольствіе оказывать имъ услуги. Въ его рѣчахъ было болѣе разсудительности, чѣмъ огня, при случаѣ же онъ приправлялъ ихъ своимъ остроуміемъ. Въ его пріятныхъ и поучительныхъ разговорахъ не было ни напыщенности, ни тщеславія. Въ его вѣжливомъ обращеніи не было ни изысканности, ни принужденія; все у него истекало отъ сердца; афектацій же онъ ненавидѣлъ. Онъ любилъ сатиру, но такую, которая смѣшила умныхъ и добродѣтельныхъ. Въ домѣ онъ наблюдалъ строгій порядокъ и не допускалъ той мысли многихъ, будто долги служатъ признакомъ высокаго положенія. Сложенія онъ былъ нѣжнаго, а лицо его хотя и не отличалось красотою, но привлекало умнымъ и пріятнымъ выраженіемъ».

Вотъ какую характеристику Кантемиру сдѣлалъ одинъ изъ близкихъ его пріятелей Въ ея вѣрности мы не можемъ сомнѣваться, имѣя въ виду также свидѣтельства другихъ. Какое же послѣднее слово мы произнесемъ о немъ? Критика прежняго времени высказывала разнообразныя сужденія объ его литературной дѣятельности, имѣя притомъ въ виду однѣ его сатиры. Хотѣлъ ли кто видѣть въ немъ моралиста съ заимствованною моралью, и довольно

неоспоримыхъ доказательствъ этому тотчасъ представлялось изъ его сатиръ; нужно ли было доказать, что онъ не болѣе, какъ подражатель извѣстныхъ европейскихъ сатириковъ, и для этого не приходилось долго искать доказательствъ: самъ Кантемиръ безпрестанно указываетъ на свои заимствованія и подражаня. Хотѣлъ ли кто видѣть въ немъ талантъ сатирика — можно было представить множество выписокъ, свидѣтельствующихъ объ истинномъ талантѣ. Все это дѣйствительно легко найти въ немъ, но ни одно изъ этихъ качествъ исключительно не можетъ служить ему характеристикою. Онъ писалъ сатиры, но не былъ сатирикомъ въ строгомъ смыслѣ; развивалъ въ своихъ произведеніяхъ мораль, но она не была единственною ихъ цѣлью; онъ подражалъ прославленнымъ европейскимъ писателямъ, но не можетъ быть названъ простымъ подражателемъ. Въ немъ соединилось все то, что было вызвано потребностями преобразовательной эпохи, и потому онъ является писателемъ-представителемъ этой эпохи. Его характеръ и образованіе при условіяхъ и обстановкѣ тогдашней жизни должны были направить его къ извѣстной морали; его любовь къ наукѣ и стремленіе принести пользу обществу вызывали его на литературные труды; такъ какъ мораль уже многими излагалась въ формѣ сатиры, то онъ и взялъ эту форму для выраженія своихъ стремленій; подражаніе лучшимъ образцамъ уже должно было являться само собою по общему стремленію подражать всему европейскому: оно было вызвано самымъ вѣкомъ. Какъ представитель своей эпохи, онъ выставляетъ передъ нами идеалъ новаго русскаго человѣка, уже связаннаго съ интересами европейскаго просвѣщенія, человѣка съ новыми стремленіями, съ новою оцѣнкою дѣйствительности. Вопросъ о наукѣ у него является главнымъ вопросомъ, потому что онъ выдвигается самъ собою послѣ преобразованій, совершенныхъ во имя науки; отсюда необходимо вытекаетъ и другой вопросъ, котораго уже касался и Ѳеофанъ Прокоповичъ—объ отношеніи науки къ вѣрѣ, наконецъ объ отношеніи самого общества къ новому идеалу жизни, о воспитаніи русскаго человѣка по этому идеалу. Какъ русскій

человѣкъ съ европейскимъ просвѣщеніемъ, не могъ онъ не отозваться и на вопросы, занимавшіе европейскія литературы, что мы уже видѣли. Такимъ образомъ съ одной стороны Кантемиръ касался самыхъ существенныхъ вопросовъ жизни; съ другой же стороны, какъ писатель, не могъ обойти и вопросовъ чисто теоретическихъ, относящихся къ литературѣ. Лично его, конечно, должны были болѣе всего занимать сатира и русское стихосложеніе, теорію которыхъ онъ и разрабатывалъ, касаясь, впрочемъ, и другихъ вопросовъ. Въ то время все это вытекало изъ потребности нашей литературы, которая должна была принять и выяснить формы, выработанныя въ западныхъ литературахъ.

Самые переводы, кромѣ нравственной пользы, вызывались стремленіемъ совершенствовать русскій слогъ, такъ какъ тогда думали, что они много способствуютъ достиженію этой цѣли. Есть свидѣтельство, что, кромѣ названныхъ нами переводовъ, Кантемиръ оставилъ еще переводъ Корнелія Непота.

Вотъ какимъ дѣятелемъ является передъ нами Кантемиръ, если имѣть въ виду всѣ его литературные труды, а не однѣ только сатиры. Правда, его произведенія не могли имѣть большаго вліянія на общество, такъ какъ очень немногія изъ нихъ были при немъ напечатаны: часть изъ нихъ ходила по рукамъ въ рукописяхъ, а значительная часть и совсѣмъ не была извѣстна. Но они имѣютъ для насъ значеніе не по вліянію на читающую публику, а по темамъ, которыя Кантемиръ вносилъ въ нашу литературу и которыя потомъ развивались другими въ XVIII столѣтіи. Если нельзя обойти этихъ темъ, касаясь исторіи нашего духовнаго развитія, литературы и языка, то нельзя не признать важнаго значенія и за Кантемиромъ, который одинъ изъ первыхъ сталъ усердно разрабатывать ихъ, отзываясь на общественныя потребности. Отсюда вытекаетъ, что онъ заслуживаетъ и внимательнаго изученія. Мы старались представить только общій очеркъ его дѣятельности, не касаясь многихъ подробностей, которыя могли бы убѣ-

дить еще болѣе, какъ близка была ему русская жизнь *). Послѣдующія эпохи представляютъ намъ нѣсколько свѣтлыхъ и дорогихъ для насъ личностей, какъ напр. Ломоносова, Новикова, Карамзина, которыя кажутся какъ-будто исключеніемъ изъ ряда прочихъ, но которыя все же могли развиться только въ то, а не въ иное время: въ нихъ соединилось все лучшее, что могла соединить данная эпоха. То же самое мы должны сказать и о Кантимирѣ. Личность его рѣзко выдается изъ толпы другихъ соединеніемъ всего лучшаго, что могло тогда соединиться въ одномъ лицѣ.

В. Стоюнинъ.

*) Эта статья есть извлеченіе изъ большой монографіи, приготовленной авторомъ для отдѣльнаго изданія.

САТИРЫ.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire
Arma la verité du vers de la Satire.
Boileau Art. Poet. Chant. II, p. 145.
То-есть:
Не злословить, но себя оказать межъ нами
Жадность правду воружи сатиры стихами.
Боало «Искусство стихотв.» Пѣснь II, ст. 145.

Для указанія, *какъ* надобно читать стихи кн. Кантемира, приводимъ выписку:

ИЗЪ ПИСЬМА КАНТЕМИРА О СЛОЖЕНІИ СТИХОВЪ РУССКИХЪ.

«Тринадцатисложный стихъ долженъ состоять изъ *двухъ* полустишій. Первое полустишіе имѣетъ *семь* слоговъ, второе *шесть*. Слоги перваго полустишія по четвертый могутъ быть долгіе и короткіе, какъ ни случатся; но неотмѣнно нужно, чтобъ или *седьмой* былъ долгій или *пятый*. И въ семъ послѣднемъ случаѣ, чтобъ *шестой* и *седьмой* были короткіе. Втораго полустишія *предпослѣдній* слогъ всегда долженъ быть долгій, такъ что ежели риѳмами пишется, то была бы она неотмѣнно двусложная....» (§§ 25, 27, 28, 29).

Въ нашемъ изданіи *долгій* слогъ перваго полустишія означенъ въ каждомъ стихѣ удареніемъ; если оно стоитъ на пятомъ слогѣ, то *сѣченіе* стиха слѣдуетъ черезъ два слога послѣ него. Во второмъ полустишіи мы не ставили ударенія, такъ какъ оно *всегда* падаетъ на предпослѣдній слогъ. Вотъ какъ читается стихъ Кантемира:

Уме недозрѣлый плóдъ — недолгой наýки!
Покойся, не понуждáй—къ перу мои рýки.

———

ПИСЬМО СТИХОТВОРЦА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Государь мой!

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ? и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишнихъ часахъ прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсней и басней, и другія малыя твореньйцы составить; но усмотрѣвая слогъ ихъ весьма различествовать отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя до отъѣзда моего изъ отечества и кромѣ моей воли въ люди вышли, принялся сіи исправить. Много въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и пороки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ; и могу сказать, что почти всѣ сызнова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежъ сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжицу собранныя, при семъ къ вамъ отправить, больше для исправленія, чѣмъ для прочитанія, и «чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно». Впрочемъ, неотмѣнно пребываю

Вашъ, государя моего,

покорный слуга

* * *

Изъ Парижа 1743.
Марта.

P. S. Приложенныя подъ всякимъ стихомъ примѣчанійцы нужны для тѣхъ, кои въ стихотворствѣ никакого знанія не имѣютъ, и кромѣ того къ совершенному понятію моего намѣренія служатъ.

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕРВОЙ

АВГУСТѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ

И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ.

Отрасль Петра́ Пѐрваго, его же сердцами
Великимъ и Отцемъ звалъ больше, чѣмъ устами
Народъ твой! Отрасль рукòй взращенна самàго
Всевышшаго, пòлкруга въ надежду земнаго!
Если видя общу я̀, при твоемъ восходѣ
На престолъ родѝтелевъ, не только въ народѣ
Твоемъ радость, но почтѝ во всѣхъ краяхъ міра,
Въ пѣсняхъ твоихъ не брячѝтъ одна моя лира;
Не возмни, что съ лѣности мысль моя несклонна
Тебѣ пѣть! была бы тà лѣность беззаконна.
  Трижды я лиру снастѝлъ и дрожащи персты
Трижды на струны навѐлъ, и уста отверзты
Готовили тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый бòгъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ; изодрàвъ струны, лиру нагу
Вырвалъ изъ рукъ, изломàлъ, и стиснулъ мнѣ губы.
Видѣлъ я въ свѣтломъ егò лбу морщины грубы,
Молній ярости въ очàхъ, и на лицѣ пламень;
Безгласенъ, недвиженъ я̀ сталъ съ страху, какъ камень.
Грознымъ тогда гòлосомъ «Кое тя обняло
«Безуміе», сказалъ мнѣ, «тебѣ ли пристало
«Боговъ вышнихъ прославля̀ть въ смертномъ тѣлѣ племя?
«Не твоихъ силъ на плечà кладешь себѣ бремя,
«Ты поскользнешься подъ нѝмъ, причину дашь смѣху
«Тѣмъ, что съ чуждаго стыдà чувствуютъ утѣху.
  «Елисавету сердцà на престолъ возводятъ,
«И пустъ оставя Олѝмпъ, ей ужъ служить сходятъ
«Веселіе, и Любòвь, и три Благодати;
«Видя ее, съ зàвисти плачетъ любве мати;

«Бѣжатъ неправость ей, и злыя обиды,
«И гордость, и лакомство, и всѣ злочинствъ виды.
«Добродѣтели дѣлятъ съ нею царства бремя,
«Возвращая сладкое вамъ Петрово время;
«И какъ Перунъ имя той съ Сѣверъ исхождая
«Свѣтло и страшно землй до другаго края:
«Столь славну пѣснямъ своймъ имѣяй причину
«Не подлаго долженъ быть въ Еликонѣ чину;
«Тебѣ внизу той горы еще ползать кстати.
«Если же знакъ хвальнаго благодарства дати
«Твоего какой либо Августѣ желаешь,
«Поднеси ей книжицу, въ которой пятнаешь
«Злые веселымъ лицомъ обычьи и нравы.
«Августѣ смѣлость твоя придастъ много славы:
«Явно бо, что книжку рабъ дая ей такую,
«Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ тую.»
Сказавъ то, поднялся онъ въ Парнасски палаты;
Быстра воза колеса возшумѣли златы.
Тяжекъ мнѣ былъ тотъ заказъ изъ устъ властелина
Девяти сестръ, и тяжка заказу причина,
Котора невѣжество мое обличала;
Да покорность мнѣ всего болѣе пристала.
Убо, Самодержице, прими, что дать знаю;
Вотъ книжка, обычай чѣмъ и злой нравъ пятнаю.
Многихъ лѣтъ въ ней приношу бдѣнія и поты;
Не пощадилъ, боязливъ, я своей работы;
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, изхерилъ,
Да и такъ достойну глазъ твоихъ быть не вѣрилъ.
Аполлу послушенъ я, ты изъ край до края
Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стихи сіи, которыми сатирикъ посвящаетъ сатиры свои *Императрицѣ Елисаветѣ*, посланы отъ него къ пріятелю въ началѣ 1742 года, мало спустя по благополучномъ *Ея Императорскаго Величества* восшествія на престолъ.

Ст. 1 и 2. *Его же сердцами звалъ больше, чѣмъ устами.* То есть, *котораго добровольно отцемъ и великимъ называлъ.* Уста могутъ съ страху, или въ надеждѣ какой приносить хвалу; а внутреннее почтеніе основано на одной любви и на добродѣтеляхъ хвалимаго лица.

Ст. 4. *Полкруга въ надежду земнаго.* Въ надежду, сирѣчь, пространнаго Россійскаго Имперія, которое зъ самомъ дѣлѣ обдержитъ почти половину круга земнаго, понеже отъ Риги до крайняго мыса Камчатки находится не меньше ста семидесяти пяти градусовъ.

Ст. 8. *Въ пѣсняхъ твоихъ не брячитъ одна моя лира.* То есть, *ежели я не сочинялъ въ похвалу твою пѣсни.* Древніе стихотворцы имѣли обыкновеніе пѣть стихи свои предъ народомъ, пріигрывая голосъ на лирѣ, которая была отчасти лютнѣ подобна, отъ того похвальные стихи и пѣсни высокаго слога названы *лирическимъ стихотворствомъ.*

Ст. 11. *Трижды.* Трижды вмѣсто многажды стихотворцамъ употребительно.

Ст. тотъ же. *Лиру снастилъ.* Готовился составлять тебѣ похвалу.

Ст. тотъ же. *Дрожащи персты.* Для того *дрожащи* (вмѣсто *дрожащіе*, чрезъ сокращеніе), что съ боязнію принимался хвалить столь высокое лицо.

Ст. 15. *Бѣлокурый богъ.* Аполлинъ съ италіанскаго *il biondo Nume.* См. объ немъ примѣч. подъ ст. 17-мъ, сат. 1.

Ст. 16. *Лиру нагу.* Понеже съ нее струны сорваны.

Ст. 18. *Въ свѣтломъ его лбу морщины грубы.* Знакъ гнѣву морщины на лбу. Аполлинъ изобразуется съ лучами около головы; для того свѣтлый лобъ.

Ст. 23. *Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя.* Стихотворецъ, устами Аполлина, по стихотворчески говоритъ, вводя множество боговъ. Впрочемъ же не только древніе знаменитыхъ государей и храбрыхъ людей называли сыновьями божіими, но и въ святомъ писаніи не въ одномъ мѣстѣ то имя добронравнымъ приписано.

Ст. 27. *Сердца на престолъ возводятъ.* Сердца народа, любовь, желаніе народное.

Ст. 28. *Пустъ оставя Олимпъ.* Оставя *небо. Олимпъ* есть гора въ островѣ Кипрѣ. У Виргилія и другихъ стихотворцевъ значитъ *небо*, понеже та гора гораздо высока.

Ст. 29. *Три Благодати.* Богини отъ свиты Венериной; можно еще и за дары душевные почитать.

Ст. 30. *Видя ее, плачетъ любве мати.* Венера, матерь любви, богиня красоты, плачетъ съ зависти, видя красоту лица *Императрицына.*

Ст. 33. *Добродѣтели дѣлятъ съ нею царства бремя.* Добродѣтели съ нею царство управляютъ. Тутъ добродѣтели богинями изображаются.

Ст. 34. *Петрово время.* Время царствованія *Императора Петра Великаго*, безсмертныя славы государя.

Ст. 38. *Въ Еликонѣ чину.*—*Еликонъ*, гора въ Беоціи, Музамъ посвященная.

Ст. 41. *Августъ*. Императрицы греческія *Августами* назывались, какъ императоры имя *Августа* сирѣчь *распространителя* носили.

Ст. 42. *Книжицу, въ которой пятнаешь*. То есть, сатиры.

Ст. 45 и 46. *Явно бо, что книжку рабъ----призналъ тую*. Для того, что когда рабъ смѣетъ своей государынѣ подносить книгу, въ которой злонравія и злые обычаи обличаетъ, знатно весь свѣтъ признаетъ, что оной государынѣ ничего досаднаго въ той книгѣ не содержится, и слѣдовательно, что оная государыня совершенно добродѣтельми украшена.

Ст. 47. *Парнасски палаты. Парнасъ*, гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой; см. примѣч. подъ ст. 20-мъ, сат. 1.

Ст. 48. *Быстра воза колеса*. Аполлинъ обыкновенно пишется на золотой колесницѣ съ четырьмя лошадьми.

Ст. 49 и 50. *Изъ устъ властелина девяти сестръ*. То есть, изъ устъ Аполлиновыхъ, понеже нѣкакимъ образомъ есть начальникъ Музъ, которыхъ девяти сестрами стихотворцы называютъ, для того, что онѣ девять числомъ, одного отца и одной матери дочери. См. примѣч. подъ ст. 9-мъ, сат. 1.

Ст. 55. *Многихъ лѣтъ бдѣнія и поты*. Бдѣніе и потъ значутъ трудъ прилежный. Сатиры стихотворца нашего начаты въ концѣ 1729, а довершены въ концѣ 1742; такъ что десять лѣтъ онъ упражнялся въ ихъ сочиненіи и исправленіи.

—— Et nonum prematur in annum. (Горацій, Иск. стих. ст. 385.)

Ст. 56. *Не пощадилъ, боязливъ*. Боязливъ, не смѣлъ сочиненія свои выдавать, за страхъ многихъ неисправностей.

Ст. 60. *Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя*. Ты прочтешь всю книгу и въ ней ничего не найдешь, чтобъ могло тебя прогнѣвить. Тихое сердце есть знакъ безгнѣвія, какъ внезапная лица премѣна есть знакъ сильной въ сердцѣ страсти.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сатиру назвать можно такимъ сочиненіемъ, которое, забавнымъ слогомъ осмѣвая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна; но слогъ ея, будучи простъ и веселый, читается охотнѣе, а обличенія ея тѣмъ удачливѣе, что мы посмѣянія больше всякаго другаго наказанія боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищахъ, гдѣ между дѣйствами трагедіи вводилися для увеселенія смотрителей смѣшныя явленія, въ которыхъ дѣйствители, въ образѣ сатиръ, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали гражданъ злые нравы и обычаи. Такое изображеніе римляне, грекамъ послѣдуя, на своихъ позорищахъ завели; а потомъ и кромѣ зрѣлища порядочными стихами сатирическія творенія составлять стали. Луціусъ нѣкто въ томъ дорогу показалъ Горацію, Персію и Ювеналу, а сіи италіанскимъ, французскимъ и прочихъ народовъ сатирикамъ.

Я, въ сочиненіи своихъ, наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ. Читателямъ моимъ оставляю судить, сколько я въ семъ опытѣ новаго на нашемъ языкѣ сочиненія преуспѣлъ. Новость предпріятія, можетъ быть, извинитъ погрѣшенія слога; а осторожное обличеніе злонравія подлинно не осудятъ любители добродѣтели. Отъ злонравныхъ ничего не ожидаю, хуленіе и хвалу, гнѣвъ и любовь ихъ равно презирая.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

(На хулящихъ ученія).

Уме недозрѣлый плòдъ недолгой науки!
Покойся, не понуждàй къ перу мои руки:
Не писавъ летящи днѝ вѣка проводити
Можно, и славу достàть, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрỳдные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тòтъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на нѐмъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на нѐмъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя̀, какъ мору, чужится,[1]
Смѣется, гнушàется. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глазà, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцу не прибàвитъ онъ къ отцовскому стаду.
  Правда въ нашемъ молодòмъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немалà; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлѝнъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почỳлъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самогò,[2] и во всемъ обильно
Тщится множить жѝтелей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, мнòгіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ[3] то, что въ пòдданномъ дерзко осуждаютъ.
  Расколы и èреси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далòсь больше разумѣти,
Приходитъ въ безбòжіе, кто надъ книгой таетъ.[4]
Критонъ съ чотками въ рукàхъ ворчитъ и вздыхаетъ,

---

1) Чуждается.—Въ этихъ стихахъ живо изображается тогдашнее русское общество, гдѣ писатель еще не пріобрѣлъ себѣ права гражданства.

2) Т. е. монарха, почитающаго свиту Аполлона (Музъ).

3) За страхъ, т. е., страшно, сильно.

4) Въ примѣчаніи къ этому стиху слышенъ отголосокъ Ѳеофана Прокоповича, написавшаго въ 1720 г. въ Духовномъ Регламентѣ въ защиту науки свое разсужденіе объ ученіи:

И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами: [5]
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны

«Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентиновъ, Маніхеовъ, Каѳаровъ, Еѵітовъ, Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Іриней, Епифаній, Августинъ, Ѳеодоритъ и иные, — наши же русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иныя; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины, противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія своего имѣли они силу сочинять софизмы, сі-есть коварные мудрованій своихъ доводы: обаче кто бы сіе зло восписовалъ просто ученію, тотъ бы принужденъ былъ говорить, что когда и врачь опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть; и когда ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское. И если посмотримъ чрезъ Исторію, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшые вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спѣсивѣлись такъ епіскопи до четырестотнаго лѣта, какъ послѣ возгордѣлися, наипаче константинополскій и римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не училися бы сами лучшія христіянстіи особы, и запрещали бы инымъ учитися; а то видимъ, что и училисъ вси древніи наши учители не токмо Священнаго Писанія, но и внѣшней философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а имянно: Василій Великій въ словѣ своемъ ко учащымся младенцамъ, Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Іуліана Апостата».

5) Въ интерлюдіи, напечатанной въ 3-ей книжкѣ «Лѣтописей рус. литературы», выведенный на сцену раскольникъ такимъ образомъ сѣтуетъ на новое время:

И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну
Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили:
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ возбраняютъ:
Свои брады на голо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ якъ облезяны:
Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы.

Эту-же интерлюдію мы нашли, вмѣстѣ съ сатирами Кантемира, въ одной изъ рукописей Публ. библіотеки (Q, XIV, 19).

Праотческимъ шли слѣдо̂мъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слу̂шая, что сами не знали,
Теперь къ церкви со̂блазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотя̂тъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры пода̂й священному чину; [6]
Потеряли добрый нра̂въ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ па̂лкою къ соленому мясу;

---

6) Въ это время нѣкоторые русскіе стали знакомиться съ болѣе здравыми религіозными взглядами по иностраннымъ сочиненіямъ. Представителемъ ихъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ можетъ служить извѣстный историкъ Татищевъ, отличающійся твердымъ логическимъ и практическимъ умомъ. Н. Поповъ въ своей книгѣ «Татищевъ и его время» описываетъ его такимъ образомъ: «Богословскія и церковно-историческія свѣдѣнія почерпалъ онъ изъ Баронія; но будучи знакомъ съ сочиненіями Гоббеса и Беля, онъ постоянно относился критически къ догматическому направленію, за что его обвиняли въ духовномъ вольнодумствѣ. Какъ историкъ, Татищевъ смѣялся надъ властолюбіемъ папъ, надъ желаніемъ католиковъ дать твердыя основы ученію о папской власти, надъ поведеніемъ нѣкоторыхъ митрополитовъ и патріарховъ въ до-петровской Россіи, надъ собираніемъ богатствъ и поземельныхъ владѣній древнимъ русскимъ духовенствомъ, надъ внѣшнимъ пониманіемъ религіи, надъ обрядною стороною вѣрованій, боязнію дьявола, волшебствомъ, суевѣріемъ, провѣщателями, ворожеями, ложнымъ смиреніемъ» (стр. 464).

О боязни дьявола Татищевъ считалъ нужнымъ въ свое время замѣтить слѣдующее: «старинное реченіе, якобы діаволъ надъ всѣми власть имѣетъ, Евангеліе же сказуетъ ни надъ свиньями, то коль меньше надъ человѣки, хотябъ и невѣжды, развѣ бы сказать тако, вси же безумствуя служаху діаволу или идоломъ, имъ вѣроваху и покланяхуся, діаволъ же никоея власти не имѣетъ». О богатствѣ духовенства Татищевъ говоритъ по поводу устава о церковныхъ десятинахъ, который онъ считаетъ подложнымъ: «десятины на церковь, хотя въ четырехъ спискахъ древнихъ, но вездѣ равно находится и слогъ новой, мню, попами вымышленной, отличается; ибо есть ли сіе отъ всѣхъ доходовъ государевыхъ и народныхъ установлено было, тобъ ко̂нечно все не угасло, да и съ мудростію не согласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь давать, и тѣмъ содержанію войскъ и защитѣ и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ; главная того потребность *содержаніе больницъ, богадѣленъ* и *училищъ*, а не на роскошность, піянство и блудъ или великолѣпіе духовныхъ, какъ сіе царь Іоаннъ II въ письмѣ Гурію архіепископу Казанскому и Петръ Великій въ указѣ 1724 изъясняли. Однакожъ то доказательно, что отъ прибытковъ подданныхъ десятину платить у насъ положено, и увѣряетъ въ житіи Андрея Боголюбскаго, что онъ вмѣсто десятины земли и волости далъ, въ Кіевѣ же церковь оная донесь Десятинная зовется, а ниже показано, что Полонное, мѣстечко въ Волыни, къ сей церкви въ десятину дано, потому можно разумѣть, что государи вмѣсто десятины, монастыри построя, великими доходы снабдили

Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ; [7]
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,

но отъ народа сбора доходовъ никакого знака нѣтъ. Архіереи отъ церквей каждой въ своей епархіи десятину берутъ, которую и дань именуютъ. Въ европейскихъ, или паче сказать, едва не во всѣхъ ли христіанскихъ государствахъ, десятина на церкви собирается, и сіе есть частію должное, частію нуждное и полезное. Нуждно же сіе есть, дабы церковно-служители во первыхъ могли чѣмъ дѣтей своихъ въ наученіе отдавать, книги потребныя покупать, сами не о работѣ земской, но о наученіи народа прилѣжать; второе, чѣмъ училища для неимущихъ учениковъ, яко же для немощныхъ богадѣльны содержать, дабы оное конечно на то не на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, а народу безполезныя употребляли, какъ выше упомянулъ».

Наконецъ, комментируя извѣстіе о посольствахъ Владиміра въ сосѣднія земли на счетъ разузнанія обрядовъ различныхъ вѣроисповѣданій, Татищевъ замѣчаетъ: «если сказать, что посылалъ токмо членовъ церковныхъ и убранство смотрѣть, то сіе весьма не прилично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истинъ недовѣдомыхъ состоитъ».

Подобныя мысли, которыя Татищевъ иногда высказывалъ и въ обществѣ, были причиною тѣхъ обвиненій его въ атеизмѣ, за которыя досталось ему отъ Петра, на которыя Татищевъ жаловался сыну въ духовномъ завѣщаніи, за которыя его исторія долго была неизданною. Мало того: такой взглядъ на духовенство и его общественную дѣятельность отразился потомъ и на критикѣ Татищева. (Стр. 471—472).

7) Ѳеофанъ Прокоповичъ, современникъ Кантемира, о такихъ ханжахъ говоритъ слѣдующее: «Въ попеченіяхъ житейскихъ погрязше, ни о чемъ не помышляютъ, что къ животу вѣчному вѣдати и содержати нужно; а однако христіанскимъ именемъ украшаютъ себя, но именемъ токмо, а не дѣломъ. Ибо что видятъ христіаномъ обычное, внѣшнее, церемоніи или обряды, ходити, на примѣръ, въ церковь, хранити посты уставленные, весело проводити праздники, сжигати свѣщи, употребляти крестное знаменіе и прочая: то и сами они дѣлаютъ, но дѣлаютъ какъ мартышки, внѣшній видъ только христіанства изобразуя на себѣ, а внутренняго, духовнаго отнюдь не имѣя.

«И жалостно и смѣшно видѣть, когда человѣкъ перомъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыкшій, въ богословскія дѣла вступивъ, учнетъ вракати и сказывати о Богѣ, о Ангелахъ, о бѣсахъ и что любо, и что нелюбо Богу, и что хранити надобно къ счастію, и что къ обереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя псалмы или молитвы къ дѣлу сильнѣйшія и прочія безмѣстныя басни; да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ былъ до третьяго небесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ священное писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ; часто на святыхъ отецъ шлется,

Помѣстья и вотчины весьма не пристали. [8]
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;

хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они; многажды въ раздорахъ бредивъ, довольно восклицаетъ: глубина богословіи! Великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуры. Какъ же разумному человѣку не смѣшно слышать подобныя погудки?»

8) Здѣсь намекается на важный въ то время вопросъ, затронутый еще до Петра I и разрѣшенный только Екатериною II: объ отобраніи помѣстій у духовенства, которое сильно ихъ отстаивало въ свою пользу. Оно винило во всемъ, конечно, нѣмцевъ, и за то излило на нихъ весь накопившійся свой гнѣвъ въ то время, когда съ Елизаветой Петровной восторжествовала русская партія. Тогда почти всѣ проповѣдники возстали противъ вѣротерпимости, противъ нѣмцевъ и тѣхъ, которые были однихъ взглядовъ съ Кантемиромъ и Татищевымъ. Такъ московскій проповѣдникъ Кириллъ Флоринскій говоритъ: «Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ......... Что же Остерманъ и Минихъ съ своими спудники таковыи эмиссаріи были, довлѣютъ сія доводы. Первый: яко законной наслѣдницы, правовѣрной благочестія храпительницы Елисаветы, престола отеческаго злодѣйскими тестамента укрывательствы наслѣдовать не допускали. Кто же не вѣсть, что таковой наслѣдницы до отеческаго престола не допущать есть правовѣріе и благочестіе, отъ апостоловъ Первозваннаго Андрея всѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православными предками Петра и Екатерины, Петромъ и Екатериною по лицу всея земли расположенное, искоренять и въ конецъ истреблять?» «Вторый доводъ: Миниховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украйнѣ зловѣрія его замышленныя и едваль не возстановленныя кирхи, да и сего царствующаго града въ зовомомъ Китаи на прельщеніе душъ неповинныхъ христіанскій рогъ, крестъ Христовъ вознесшая армянская церковь, не ихъ ли дѣло являетъ?» Проповѣдникъ призываетъ Іоанна Златоустаго, гремѣвшаго нѣкогда противъ аріанъ и армянъ, заградить Остерману и Миниху челюсти, пролившія коварнымъ образомъ многую кровь россіянъ, внушить государынѣ о безчестіи, какое наноситъ, по его мнѣнію, Москвѣ существованіе въ ней армянской церкви. «Думали армяне и ласкатели многи, продолжаетъ онъ отъ себя: кои слѣпымъ умомъ Остермана и Миниха обманнымъ разсказамъ удивлятися часто за свое въ вѣрѣ поврежденіе и непостоянство принуждены бывали,—будто бы, какъ въ первенствующей церквѣ, два свѣтила и два новые апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ, яко Павелъ, будто насаждалъ, а другой яко Аполлосъ, напаивалъ: но осуетишася: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Минихъ напоялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняетъ. Многи, думать на-

Живали мы прежъ сегò, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,

добно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: бози, уподобльшеся человѣкомъ, снидоша къ намъ, и нарицаху Остермана Діа, Миниха же Ермія; и во правду можно нарещи идолами: Остермана Діа, Миниха Ермія, яко же бо Діи и Ерміи въ языцѣхъ, тако Остерманъ и Минихъ были въ Россіи кумиры златыя, иже сосовѣтніи не устыдѣшася, яко болванамъ, и жерти, своя совѣсти воли ихъ закалающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ....... Гдѣ домъ, жертвенники, образы и Маѳанъ жрецъ Вааловъ? истребимъ я!... Домъ Вааловъ? Совѣта не раскаяннаго на сѣмя Петрово соборище; жертвенники, образы и жрецы Вааловы Остерманъ, Минихъ и снузники тѣхъ, ихъ же и кромѣ насъ, яко скудельніи идолы, самъ сокрушитъ Господь».

Дмитрій Сѣченовъ въ присутствіи Елизаветы, между прочимъ, говорилъ: «Противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ россійскихъ отрыгнули; коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру возставши, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А вопервыхъ тщалися благочестіе отнять, безъ котораго бы мы были горшіи турокъ, жидовъ и араповъ. А такъ то они думали, какъ де благочестіе у нихъ отымемъ, тогда де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ намъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельныя ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи возлюбиша тму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ.... И что бѣдственнѣе: догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатайцу спасенія нашего неусыпную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста святаго, его же бѣси трепещутъ, гнушалися; преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали, добрыя дѣла, ими же вѣчная мзда снискуется, отметали, въ посты святые мясо пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялися; сами суще чада и наслѣдницы геенны, гееннѣ быть не вѣрили.... И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ епикурская мнѣнія впадали. Ядь, пій, веселися, по смерти никакого де утѣшенія нѣсть: и которые такъ бредили, таковые-то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковые и въ чины производилися; а которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили, мужиками грубіянами нарицали. *Кто посты хранитъ, называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ.* Кто инокамъ кланяется—суевѣръ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ.

Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба̀, буде нѣтъ въ ней чину,[9]
Ни связи, должно ль о то̀мъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ слова̀хъ, подлыхъ[10] то есть дѣло,
Знатнымъ полно[11] подверждàть, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто душѝ силу и предѣлы
Испытаетъ;[12] кто въ поту̀ томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещѐй вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо о̀нъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того̀ день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то̀ узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ го̀дъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число̀ съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза̀, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ̀, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердѝмъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знàніе, голы все то враки;
Глава ль болитъ? тому вра̀чѣ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кро̀вь, буде ему вѣру
Дать[13] хочешь. Слабѣемъ лй, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно[14] —жа̀ръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло̀
Даетъ, хотя внутрь никто̀ видѣлъ живо тѣло.[15]
А пока въ басняхъ такѝхъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ на̀шего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,

Кто милостыню неоскудно подаетъ — простъ, не умѣетъ, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталося. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный. (*Лѣтописи рус. лит.*, *кн. III*, *статья Попова: Придворные проповѣдники въ царствованіе импер. Елиз. Петр.*, стр. 9—14).

9) Здѣсь слово *чинъ* употреблено въ его первоначальномъ значенія: *порядокъ*.

10) Первоначальное значеніе слова *подлый* не выражало ничего позорнаго; оно было противоположно слову *благородный* (*дворянинъ*), слѣд. относилось ко всѣмъ не-дворянамъ. Въ нынѣшнемъ отвлеченномъ значеніи и то и другое слово стали употребляться очень недавно.

11) *Полно*—довольно.

12) Испытываетъ.

13) Въ изд. 1762 г. было: *нять*. Яти—взять. Если будешь ему вѣрить.

14) Т. е., если быстрое кровообращеніе.

15) Т. е., хотя никто не видѣлъ внутренности живаго тѣла.

Ни къ стати за однимъ нòчь пятномъ не спать цѣлу? [16]
За любопытствомъ [17] однймъ лишиться покою,
Ища, солнце ль двйжется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно чѐсть на всякій день года
Число мѣсяца, и чàсъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлйть безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знàніе слично [18] людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить дохòдъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдрýгъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьмà безумствомъ звать смѣетъ. [19]

Румяный, трожды [20] рыгнýвъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содрýжество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу однý смысла даръ пріяли.
Что же пользы йному, когда я запрусь
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзѐй живущихъ лишусь? [21]

---

16) Т. е. не спать цѣлую ночь за однимъ пятномъ (въ солнцѣ или въ лунѣ).

17) Изъ любопытства.

18) Вкралось польское слово *слично* вмѣсто *отлично*, *весьма*.

19) Г. Галаховъ на все это замѣчаетъ: «Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, не дающаго денегъ, имѣло, между разными невѣжественными доводами, одно достаточное основаніе: въ его время науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, *прилежа къ нимъ*, какъ самъ Кантемиръ прилежалъ къ стихотворству, въ *лишніе часы*. Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ диллетантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ». («Отеч. Зап». 1848. XI. Сочин. Кант.)

20) *Трожды*—трижды.

21) Замѣчаніе г. Галахова: «Во времена Кантемира, ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что онъ подъ сообществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провожденіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славитъ вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: «Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностью, которое оно не растворило бы радостью?» Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта

Когда все содру̀жество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо̀, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жи̇̀знь должны провождати;
И такъ она недолга̀, на что коротати,
Крушиться надъ кни̇̀гою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни̇̀ прогулять и ночи?
Вино даръ божѐственный, много въ немъ проворy;
Дружитъ людей, подаѐтъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ̀ тя̀жкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегча̀ть, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца̀, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче вино̀мъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохо̀й бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли̇̀ звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключа̀мъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся наза̀дъ мину̇вшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну̀ ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стака̀нъ, примуся за книгу. [22]
Медоръ тужитъ, что чрезчу̀ръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать кни̇̀гъ; а ему приходитъ,

и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука такъ же искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже ироніей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ послѣднихъ шести стихахъ (100—106), видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ и, разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ». («От. Зап.» 1848 г. XI).

22) Вотъ что говоритъ Овидій:

«Глубокія рѣки потекутъ назадъ отъ моря къ своему источнику, солнце побѣжитъ назадъ, поворотивъ своихъ коней, земля понесетъ звѣзды, небо будетъ разрѣзано плугомъ, волна загорится, а огонь дастъ воду».

Стихотвореніе свое Metaphrasis psal. 72, написанное, какъ надо полагать, прежде этой сатиры, Кантемиръ начинаетъ такимъ образомъ:

Аще изъ земли престанутъ рѣки
Истекати
И начнутъ моря брегъ свой велики
Преступати
А паче небо землю покріетъ
Всю звѣздами,

Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри;[23]
Не смѣнитъ на Сѐнеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ дву̀хъ денегъ Виргилій не сто̀итъ,
Рексу, не Цицѐрону, похвала достоитъ.[24]
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, умѐ, нѣмѣе быть клуши[25]
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того̀ сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хва̀лъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли не славить попу̀ святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пи̇ть не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, умѐ, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонра̀вному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа̀, и такимъ подобны
Науку должны хули̇ть,—да̀ рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уста̀въ,[26] плюнуть на нихъ можно;
Изряденъ, хваленъ твой су̀дъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова̀ умными владѣютъ.
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я̀, краткости радѣя,[27]
Исчелъ, иль, правду сказа̀ть, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того?[28] Райскихъ вра̀тъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣски̇ ввѣрила златые,[29]
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хочешь бы̇ть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ го̀рдостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу̀, брюхо бородою,

Воздухъ, во огнь пришедъ, возсвирѣпѣетъ
Молніями:
То ниже тогда благость Вышняго
Многомощна
Предастъ праведна въ руцѣ грѣшнаго
Безпомощна....

23) Во время Кантемира была мода пудрить себѣ волосы.
24) Достойна.
25) *Клуша* (польск.) галка.
26) Не законъ.
27) Краткости ради.
28) Довольно-ль того.
29) И тѣ, которымъ Ѳемида ввѣрила золотые вѣсы, т. е. судьи.

Клюку пышно повелй везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцомъ называти.[30]
Что въ наукѣ? что съ неё пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ церкви права[31]
Лучшія основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ съ узлами,[32]
Брани того, кто просить съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,[33]
Спи на стулѣ, когда дьякъ[34] выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,[35]

---

30) Въ примѣчаніи по первоначальной рукописной редакціи Кантемиръ говоритъ: «Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ Д...., который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность; а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ». Въ одной изъ рукописей сатиръ Кантемира, хранящихся въ Имп. Публ. библіотекѣ, именно въ рукописи, означенной знаками XIV, 8, F, мы нашли противъ этого замѣчанія сбоку приписанное имя *Егоръ Дашковъ*. Въ исторіи Рос. іерархіи Амвросія (1807 г.): «Георгій Дашковъ изъ архимандритовъ Троицкой Сергіевой лавры посвященъ въ 1718 году въ епископа Ростовскаго, въ 1726 году пожалованъ саномъ архіепископа, а въ 1731 году лишенъ сана и посланъ въ заточеніе въ вологодскій Спасо-каменскій монастырь» (часть I, стр. 123). Другія свѣдѣнія о немъ см. въ біографіи Кантемира. На этого же Георгія Дашкова Кантемиръ дѣлаетъ намекъ въ своемъ стихотвореніи *Epodos consolatoria*, написанномъ какъ бы въ утѣшеніе Ѳеофана Прокоповича, который подъ видомъ пастушка оплакалъ въ стихахъ бѣдствіе своего стада отъ долгаго несчастья (см. въ біографіи Кант.).

31) Правà, но для рифмы нужно читать *прàва*.

32) Въ такихъ парикахъ изстари ходили судьи во Франціи, откуда и къ намъ зашла такая офиціальная форма.

33) Т. е. пусть твердое сердце презираетъ слезы бѣдныхъ.

34) Дьякъ—старинная должность, соотвѣтствующая нашему письмоводителю или секретарю.

35) Въ то время всѣ эти названія были для насъ новы и переводились изъ иностранныхъ сочиненій, которыя читались немногими любознательными людьми, развивая въ нихъ болѣе здравыя политическія и юридическія понятія. Современникъ нашего стихотворца Татищевъ выражается уже такимъ образомъ: много законовъ—много смятеній, если не всѣ равныя на одномъ основаніи права естественнаго положены, и хотя законъ

Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячимъ [36] должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знàть крѣпить приговоры. [37]
Къ намъ не дошло время тò, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ однà къ вышшему восходу.
Златой вѣкъ до нàшего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатствò, мудрость одолѣло, [38]
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло. [39]
Подъ митрой гордится тò,[40] въ шитомъ платьѣ ходитъ, [41]
Судитъ за краснымъ сукнòмъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободранà, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домòвъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши нà морѣ корабельной службы. [42]
Всѣ кричатъ: ни какой плòдъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть головà полна, пусты руки.

естественный не учитъ болѣе, какъ знать, что зло и добро, и что человѣкъ долженъ исполнять или оставлять, а гражданскіе точно повелѣваютъ и запрещаютъ, предписывая за преступленіе наказаніе; но правильные и порядочные законы гражданскіе почти всѣ могутъ изъ закона естественнаго изъясниться, если только судья оное разумѣетъ» (Татищевъ и его время, Попова, стр. 511, 512). «Достоинство судей состоитъ не въ чести породной или заслугами пріобрѣтенномъ чинѣ; но въ природномъ умѣ, благонравіи и чрезъ науку пріобрѣтенной мудрости, дабы чрезъ глупость и злонравіе иныхъ честь царская не нарушалася и въ судахъ невинные обидъ не терпѣли. И хотя у насъ въ наученіи великъ недостатокъ, то хотя бы смотря на природный умъ и благонравіе въ судьи выбирали. Кто не можетъ ужасаться или съ горестью удивляться, когда видитъ изъ войска за пьянство, воровство или иное непотребство и за лѣность изгнаннаго, судіею немалаго предѣла? Кто долженъ въ такихъ непотребствахъ отвѣтъ предъ Богомъ дать, кромѣ опредѣляющихъ неосмотрительно?» (стр. 517).

36) Подъячій—слово составл. изъ подъ-дьячій, т. е. помощникъ дьяка, въ послѣдствіи стало относиться ко всему мелкому чиновничеству, сдѣлавшись притомъ синонимомъ взяточника и крючкотворца.

37) Подписывать.

38) Т. е. гордость, лѣность, богатство одолѣли мудрость.

39) Т. е. сѣло на мѣсто высшее, взяло верхъ надъ наукою.

40) *То* — вмѣсто *оно* (невѣжество).

41) Т. е. въ вышитомъ придворномъ платьѣ.

42) То есть, какъ страдавшіе морскою болѣзнію бѣгутъ корабельной службы.

Коли кто карты мѣшàть, [43] разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дýдочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрàть въ своемъ платьѣ цвѣты, [44]
Тому ужъ и въ сàмыя молодыя лѣты,
Всякая вышша степѐнь, мзда ужъ не велика; [45]
Семи мудрецовъ себѧ̀ достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричи̂тъ безмозглый церковникъ; [46]
Еще не епископъ ѧ̀, а знаю часовникъ,
Псалтырь и послàнія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнýсь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ, [47]
Когда ужъ имя своѐ подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукнòмъ что не сидитъ краснымъ, [48]
Смысля дѣло набѣлò списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть, мни̂тъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь боѧ̀ръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворòвъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читàть, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша словà, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучàй, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житьѐ, хоть и тяжко мнится, [49]
Кто въ тихомъ своемъ углý молчаливъ таится,
Коли что дала ти знàть мудрость всеблагая,
Весели тайно себѧ̀, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи̂, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждѐшь, достать хулу злую. [50]

---

43) Играть въ карты.
44) Цвѣтà.
45) Каждый высокій чинъ ужъ не великая награда.
46) Дьячокъ.
47) Не командуетъ.
48) Т. е. тужитъ о томъ, что онъ еще не судья.
49) Хоть и кажется тяжелымъ.
50) Т. е. не старайся объяснить ту пользу, потому что вмѣсто похвалъ, которыхъ ты ожидаешь, достанешь злую хулу.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сатира сія, первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ, писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. Насмѣвается онъ ею невѣжамъ и презрителямъ наукъ, для чего и надписана была: *на хулящихъ ученія.* — Писалъ онъ ее для одного только провожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, архіепископу Новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и тѣмъ не доволенъ, возвращая ее, приложилъ похвальные сочинителю стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу: *Гиралдія о богахъ и стихотворцахъ.* Тому архипастырю слѣдуя, архимадритъ Кроликъ многіе въ похвалу творцу стихи надписалъ (которые вмѣстѣ съ Ѳеофановыми въ началѣ книжки приложены *), чѣмъ онъ ободренъ, сталъ далѣе прилежать къ сочиненію сатиръ.

ѲЕОФАНЪ,
АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ,
КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

I.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
  Знаю, коликой достоинъ ты славы;
Да почто жъ было имя укрывати?
  Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
  Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
  Ты и безъ счастья довольно счастливый.

II.

Объемлетъ тебя Аполлинъ великій,
  Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики,
  Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки;
  А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верхъ твоей славы буди,
  Что тебѣ злые ненавидятъ люди.

(*) Мы отнесли ихъ къ этому же примѣчанію, чтобъ не помѣщать стиховъ, не принадлежащихъ кн. Кантемиру, въ началѣ книги, на ряду съ его стихами.

III.

А ты какъ нѣчалъ течи путь преславный,
 Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
 На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
 Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
 А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

ѲЕОФИЛЪ КРОЛИКЪ,

АРХИМАНДРИТЪ НОВОСПАССКІЙ,

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

Ars est celebris stultitiæ genus
Pernosse, nævos carmine pungere
 Cornuto, ut expungas nocens si
 Fors animis dominetur error.
Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile
 Et miscere dulci sic, voluntas
 Ut faciat meliora sponte.
Utrumque præstas indole principis
Dignus latenti nomine quis quis es;
 Vitabis at si, quæ reprehendis
 Omne feres, venerande, punctum.

*

Quas tibi condignas referet Sapientia laudes,
 Indole quam pulchra, scriptor acute, colis!
Si, quam dentato reprehendis carmine salsus,
 Laudat & ingenium stultitia ipsa tuum.

*

Какъ тя мудрость похвалитъ достойно? Кто чаетъ,
Егда тя и хулена глупость похваляетъ.

*

Quæ contra doctos jactat convitia stultus
 Numinis ignarus vel Curium simulans;
Scommata vel mollis quæ picta veste superbus
 In studia assiduo parta labore jacit;
Dives & obtrectat congesto pauper in auro,
 Ebris in doctos, quœ mala probra vomit;
Hæc tu cornuto ventitas carmine Scriptor,
 Et quæ sint studiis commoda digna, doces.
Castalides, quid ni, te docta fronte revinctum
 Dicant præsidium dulce decusque Deæ!

*

Къ читателю сатиръ.

Si te pungo, tace, quia te non nomino; clamas?
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

*

Кольнулъ тя? молчи, ибо тя не именую:
Вопиишъ? Не я, ты выдалъ свою злобу злую. (*)

(*) Приводимъ подстрочный переводъ изъ изданія 1836 года:

«Важно искусство распознавать людскія глупости, колоть пороки острымъ стихомъ, и истреблять вредные, господствующіе въ умахъ предразсудки.

«Не маловажна заслута открывать слѣды дурныхъ нравовъ, и смѣшивать въ стихахъ полезное съ пріятнымъ такъ, чтобы воля сама собою стремилась къ лучшему.

«То и другое совершаешь ты, какъ мощный властелинъ, кто бы ты ни былъ подъ скрытымъ именемъ; но если ты самъ избѣгаешь того, въ чемъ укоряешь другихъ, то совершенно успѣешь въ своемъ намѣреніи.

«Какія достойныя почести воздастъ тебѣ мудрость, почтенная тобою столь лестнымъ образомъ, остроумный писатель, когда и самая глупость, уязвленная колкимъ стихомъ, восхваляетъ твой геній!

«Пусть невѣжда, чуждый всего священнаго и коснѣющій въ своемъ невѣдѣніи, порицаетъ мудраго; пусть празднолюбецъ, гордящійся своею блестящею одеждою, издѣвается надъ познаніями, пріобрѣтенными неусыпнымъ трудомъ; пусть сластолюбивый богачъ, бѣдный среди кучей золота, изрыгаетъ хулы на просвѣщеніе: все это развѣваешь ты, какъ вѣтромъ, своимъ стихотвореніемъ, и научаешь цѣнить достоинство наукъ.

«Какъ же Музамъ (Касталидамъ) тебя, увѣнчаннаго мудростію, не назвать оплотомъ и украшеніемъ, пріятнымъ Богу!

«Если я тебя колю, молчи; ибо не называю тебя по имени; если же кричишь, то (я не виноватъ) ты самъ выказываешь свою слабость».

Въ изданіи 1762 г. напечатанъ слѣдующій переводъ въ стихахъ, очевидно не принадлежащій Кантемиру:

Между науками ученіе морально,
Чтобъ знать пороки злыхъ людей, весьма похвально,
Похваленъ, кто ихъ зла не могучи понесть,
Насмѣшкой тщится злыхъ на путь прямый привесть.

*

Не малое и то благодѣянье въ свѣтѣ,
Кто, вѣдая худой людей развратныхъ нравъ,
И съ пользой имъ въ своемъ мѣшая смѣхъ совѣтѣ,
Безъ принужденья злыхъ на путь приводитъ правъ.

*

Ты въ обоемъ успѣлъ, что честно и полезно,
Хотя лице таишь, природой славный князь!
Но если небрежешь ты дѣломъ, что безчестно,
То совершенъ во всемъ ты и блаженъ сто разъ.

*

Стихъ 1. *Уме недозрѣлый плодъ и проч.* Тутъ наука значитъ *наставленіе*, дѣйство того, кто другаго кого учитъ. Такъ въ пословицѣ говоримъ: *Плеть не мука, да впредь наука.*

Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или издатель книги, съ латинскаго *авторъ*.

Ст. 5. *Нетрудные въ нашъ вѣкъ.* Слова *въ нашъ вѣкъ* посмѣшкою вставлены. Путь къ истинной славѣ всегда бывалъ весьма труденъ; но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно, понеже не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

Ст. 7 и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали девять сестръ.* Всего труднѣе славы добиться чрезъ науки. *Девять сестръ*, Музы, богини и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ Кліо, Уранія, Евтерпе, Ератонъ, Ѳалія, Мелпомене, Терпсихоре, Калліопе и Полимнія. Обычайно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы*, сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Разцвѣченна марморами саду.* Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Ст. 14. *Овцу не прибавитъ.* Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ; каковъ отъ отца ему оставленъ доходъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ монархѣ.* О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступалъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста, рожденъ бывъ 12 октября 1715 года.

Ст. 16. *Музамъ.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 7.

Ст. 17. *Апполинъ.* Сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны, у древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитанъ.

Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его сомого.* Въ Аполлиновой свитѣ находятся Музы. Петръ II собою показалъ образъ почитанія наукъ. Понеже самъ, пока не былъ обремененъ правленіемъ

И Мудрость, какъ почтить тебя, сама не знаетъ,
Зря, что безуміе твой разумъ похваляетъ.

*

Когда народную къ наукамъ злобу зришь,
Глупцевъ упрямство иль безбожіе винишь,
И грубы щоголей насмѣшки исчисляя,
Не терпишь, что наукъ одежда дорогая
И злато богачу скупому есть милѣй,
Что пьяница на нихъ не промѣнитъ дрожжей.
Всѣ грубости въ стихахъ описывая ѣдкихъ,
Изъ тѣхъ находишь, кто бъ зналъ плодъ ученья рѣдкихъ,
Но по достоинству тебя чтетъ Музъ соборъ,
Что крѣпкой злобѣ ты отъ нихъ чинишь отпоръ.

*

Язвлю тебя? молчи; вѣдь я не именую;
Кричишь: не я, да ты являешь совѣсть злую.

[illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] особѣ наукамъ. [illegible] [illegible] [illegible]. Его Величество имѣлъ учителя [illegible], [illegible] [illegible]; а потомъ въ [illegible] году взятъ ли въ наставленія Его Величества Хрістіанъ [illegible]. Санктпетербургской Академіи Наукъ [illegible]. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество [illegible] [illegible] привилегіи Академіи Наукъ, утвердивъ [illegible] и [illegible] [illegible] профессорамъ и прочимъ служителямъ того училища.

Ст. 20. *Житель парнасскій*. Парнасъ есть гора въ Фокидѣ, провинціи греческой, посвященна Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Ученые люди фигурально парнасскими жительми называются. Симъ стихомъ стихотворецъ припоминаетъ великодушіе монарха къ учителямъ, которые на Его Величества иждивеніи тщатся пріумножить науки и ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси*. Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди, однакожъ отъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, понеже много ученыхъ, которые не были еретеки. Таковъ есть святой Павелъ апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей въ конецъ, каково будешь его употреблять. Пользуетъ онъ, ежели употребленіе добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ на зло. Между тѣмъ и то примѣтно, что въ Россіи расколы больше отъ глупости, чѣмъ отъ ученія раждаются; суевѣріе же есть истое невѣжества порожденіе.

Ст. 25. *Приходить въ безбожіе*. Обыкновенное невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые многому книгъ чтенію вдаются, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что удобнѣе изъ книгъ бываетъ, столько больше чтитъ Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу уды и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ*. Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ сатирахъ) означается тутъ притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Сильванъ другую вину*. Подъ именемъ Сильвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ распространенію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали*. Но гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣно-

іедѣльцевъ или отъ непорядочнаго воздуха происходить мо-

). *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учатъ витійство и наи-
:ика, которыя дѣло есть право о вещи какой разсуждать, и
›му ясными доказать доводами.

.. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о метафизикѣ
:я, которая разсуждаетъ о сущемъ въобще, и о свойствахъ
духовъ.

3. *Строй міра и вещей вывѣдать премѣну иль причину.*
или естествословіе испытаетъ составъ міра и причину, или
іе всѣхъ вещей въ мірѣ.

). *Чтобъ вызнать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово
ачитъ металлъ, каково есть золото, сребро, мѣдь, желѣзо
і.

:. *Травъ, болѣзней знаніе.* То есть, медицина или докторство.
:. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Доктори, желая узнать силу бо-
щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего позна-
ково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жесто-
›лѣзни.

:. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя ана-
и знаютъ тѣла составъ и состояніе, однако не льзя отъ
›судить о тѣхъ непорядкахъ, которые въ живомъ человѣкѣ
:я, понеже еще никто не видалъ, каково есть движеніе
ихъ человѣка.

.. *Къ чему звѣздъ теченіе числить.* О астрономіи тутъ слово

:. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астро-
тна съ любопытствомъ примѣчаютъ, по онымъ признавая
ъ которое они кругъ своего центра вертятся. При соеди-
ухъ планетъ живетъ то, что нижной пятномъ кажется въ
› планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, кото-
гельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла *о
чвѣ міровъ.*

. *Солнце ль движется или мы съ землею.* (Фонтенеллъ о
вѣ міровъ вечеръ 1-й). Два мнѣнія имѣютъ астрономы о си-
оставъ) свѣта. Первое и старое есть, въ которомъ земля вмѣс-
›точія всего система имѣется и неподвижна стоитъ, а около
›ты Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и
вертятся, всякой въ извѣстное время. Система сіе, по
ю своему вымыслителю, называется *Птолемаическою*; другое
торое солнце неподвижно (но около самого себя обращаю-
юставляетъ, а прочіе планеты, между которыми есть и зем-
учрежденное всякому время около его вертятся. Луна
планета, но сателлесъ есть земли, около которой кругъ свой
:етъ въ 29 дней. Система сіе выдумалъ Коперникъ нѣмчинъ

государства, обучался приличнымъ такой Высочайшей особѣ наукамъ. Прежде восшествія на престолъ, Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ венгерца; а потомъ въ 1727 году взятъ для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи Наукъ секретарь. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привиллегіи Академіи Наукъ, учредивъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ того училища.

Ст. 20. *Жителей парнасскихъ*. Парнасъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой, посвящена Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Ученые люди фигурально парнасскими жительми называются. Симъ стихомъ стихотворецъ припоминаетъ великодушіе монарха къ учителямъ, которые на Его Величества иждивеніи тщатся пріумножить науки и ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси*. Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди, однакожъ отъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, понеже много ученыхъ, которые не были еретеки. Таковъ есть святой Павелъ апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей въ конецъ, каково будешь его употреблять. Пользуетъ онъ, ежели употребленіе добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ на зло. Между тѣмъ и то примѣтно, что въ Россіи расколы больше отъ глупости, чѣмъ отъ ученія раждаются; суевѣріе же есть истое невѣжества порожденіе.

Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе*. Обыкновенное невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые многому книгъ чтенію вдаются, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что удобнѣе изъ книгъ бываетъ, столько больше чтитъ Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу уды и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ*. Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ сатирахъ) означается тутъ притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Силванъ другую вину*. Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ распространенію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали*. Не гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣно-

сти земледѣльцевъ или отъ непорядочнаго воздуха происходить можетъ.

Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учатъ витійство и наипаче логика, которыя дѣло есть право о вещи какой разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ въобще, и о свойствахъ души и духовъ.

Ст. 58. *Строй міра и вещей выѣдать премѣну иль причину.* Физика или естествословіе испытаетъ составъ міра и причину, или отмѣненіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

Ст. 60. *Чтобъ вызнать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золото, сребро, мѣдь, желѣзо и прочая.

Ст. 63. *Травъ, болѣзней знаніе.* То есть, медицина или докторство.

Ст. 64. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Докторы, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

Ст. 68. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя анатомисты и знаютъ тѣла составъ и состояніе, однако не льзя отъ того разсудить о тѣхъ непорядкахъ, которые въ живомъ человѣкѣ случаются, понеже еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ человѣка.

Ст. 71. *Къ чему звѣздъ теченіе числить.* О астрономіи тутъ слово идетъ.

Ст. 72. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, по онымъ признавая время, въ которое они кругъ своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ живетъ то, что нижной пятномъ кажется въ вышнемъ планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла *о множествѣ міровъ.*

Ст. 74. *Солнце ль движется или мы съ землею.* (Фонтенеллъ о множествѣ міровъ вечеръ 1-й). Два мнѣнія имѣютъ астрономы о системѣ (составъ) свѣта. Первое и старое есть, въ которомъ земля вмѣсто средоточія всего система имѣется и неподвижна стоитъ, а около ея планеты Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и Венусъ вертятся, всякой въ извѣстное время. Система сіе, по Птоломею своему вымыслителю, называется *Птолемаическою*; другое есть, которое солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляетъ, а прочіе планеты, между которыми есть и земля, въ учрежденное всякому время около его вертятся. Луна уже не планета, но сателлесъ есть земли, около которой кругъ свой совершаетъ въ 29 дней. Система сіе выдумалъ Коперникъ нѣмчинъ

и для того *коперническою* называется. Есть и третіе система, Тихона Брахея, датчина родомъ, которое однакожъ изъ прежнихъ двухъ составлено, понеже онъ съ Птоломеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 саженъ ширины и 80 длины. *Евклидъ* былъ славный математикъ Александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага математическое училище держалъ, въ лѣто по созданіи Рима 454. Трудовъ его у насъ, между прочимъ, остались *Елементы*, содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей геометріи.

Ст. 78. *Безъ алгебры.* Алгебра есть часть математики весьма трудная, но и преполезная, понеже служитъ въ рѣшеніи труднѣйшихъ задачъ всея математики. Можно назвать ее генеральною ариѳметикою, понеже части ихъ по большой мѣрѣ между собою сходны, только что ариѳметика употребляетъ для всякаго числа особливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу служатъ. Наука сія, сказываютъ, въ Европу пришла отъ арапъ, которыхъ мнятъ быть ея изобрѣтательми; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называютъ *Алжабръ Валмукабала*, то есть, *наверстать* или *соравнять*.

Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука.* Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали.* Богъ насъ создалъ для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей*, то есть, для книгъ.

Ст. 95. *Вино даръ божественный.* Горацій нѣчто подобное говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes jubet esse ratas: in prælia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit : addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum!
Contracta quem non in paupertate solutum!

Ст. 100. *Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.* Свидѣтельство сему есть Лотова исторія, котораго дочери, его виномъ упоивши, похоть свою исполнили. Святый Павелъ говоритъ: *не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ.*

Ст. 101. *Когда по небу.* Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его Элегіи:

In caput alta suum labentur ab æquore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, cœlum findetur aratro:
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas.

Ст. 107. *Медоръ.* Щоголь тѣмъ именемъ означенъ.

Ст. 109. *Завертѣть завитыя кудри*. Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ пучки бумагою, сверхъ нея горячими желѣзными щипцами нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

Ст. 110. *Не смѣнить на Сенеку*. То есть, не смѣнитъ на книгу Сенекову фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты стоической, учитель Нерона, императора римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65. Сего Сенеки имѣются многія, и почти лучшія изъ древнихъ, нравоучительныя книги.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій*. Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. Виргилій, стихотворецъ латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшечника изъ города Анды въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 октября въ 684 лѣто по созданіи Рима, то есть, въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. Въ Римъ пріѣхавъ, за его превосходный умъ охотно съ нимъ дружбу свели многіе изъ знатнѣйшихъ города, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ досталъ себѣ имя *князя стихотворцевъ латинскихъ*. Умеръ въ Бриндѣ, городѣ Калавріи, возвращаяся съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу, не Цицерону*. Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ нѣмчинъ; Марко Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго нѣкоего всадника изъ поколѣнія Тита Тація, короля сабинскаго. Еще въ юношествѣ своемъ Цицеронъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ столь дерзновенны противъ друзей Катилиновыхъ, что убоявся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучився, въ такое совершенство привелъ латинское сладкорѣчіе, что отцемъ того названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антониномъ Непотомъ въ консулы. Антоніевымъ повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданіи 711, въ 43 прежде пришествія Спасителева, и 64 своего возраста, рожденъ бывъ 3 числа января, лѣта по созданіи Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала*. Всѣхъ нашихъ дѣйствъ два повода *польза* или *похвала*. Не обыкли люди или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели держаться для того, что добродѣтель собою красна.

Ст. 120. *Нежели купцу*. Имя купца значитъ посадскаго: извѣстно, что они великіе пиволюбцы и охотники къ крѣпкому пиву, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣля варю варятъ.

Ст. 126. *Твой судъ*. Твое разсужденіе.

Ст. 131. *Ключари святые*. Церковные пастыри, епископы.

Ст. 132. *Имъ же Ѳемисъ вѣски вѣврила златые*. То есть, судьи. *Ѳемисъ*, богиня правосудія, дочь *Земли* и *Неба*, пишется съ вѣсками въ рукахъ.

Ст. 133. *Мало любятъ чуть не всѣ истинну украсу.* Истинною украсою называетъ стихотворецъ науку: и подлинно невѣжество голо и срамно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча изъ шолковой парчи безрукавна, сшита на подолѣ, и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ расшита, которую сверхъ всего платья архiереи надѣваютъ. Обыкновенно *мантiею* называютъ.

Ст. 136. *Цѣпь отъ злата.* Архiереи повсядневно сверхъ рясы, а въ священнослуженiи сверхъ сакоса повѣшену имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, къ которой привѣшенъ образъ, на финифти написанный Спасителя, Богоматери, или какого святаго. Обыкновенно цѣпочку тую съ образомъ *панагiею* зовутъ отъ греческаго слова παναγία, *пресвятая*, прилагательное, которымъ обыкновенно Богородица означается.

Ст. 137. *Брюхо бородою.* Широкую бороду и по брюху распущену невѣжи священническому чину за особливую украсу приписуютъ. Димитрiй митрополитъ Ростовскiй (писатель житiя святыхъ) цѣлую книжицу сочинилъ противъ суевѣрiя простолюдныхъ о бородѣ. Напечатана въ Москвѣ въ 1714 году. Расколщики бороду брить въ грѣхъ ставятъ.

138. *Клюку предъ тобою,* то есть, *патерицу*. Когда архiерей выѣзжаетъ съ двора, одинъ изъ его пѣвцовъ верхомъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и лѣву.* Разумѣется, руку.

Ст. 144. *Выпись позабудетъ.* Выпись есть письмо приказное, которымъ судья удостовѣряетъ, что товаръ какой чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята, или подтверждаетъ владѣнiе земли, деревни, двора и проч.

Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками.* То есть челобитчикъ, который подарковъ не дастъ, который ничего, прося, не подноситъ.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный законъ, иль народны правы.—Гражданскiе уставы* суть законы, учрежденные отъ государей, для расправы въ судахъ, каково у насъ Уложенье. *Законъ естественный* есть правило, отъ самой природы намъ предписанное, которое всегда неотмѣнно и безъ котораго никакое сообщество устоять ни можетъ. *Народны правы* суть законы, которые содержать должны народы разныхъ властей, для удобнаго взаимнаго сообщенiя и взаимной пользы.

Ст. 155. *Лѣзть на бумажны горы,* то есть, шевелить, читать такое множество книгъ.

Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло время то* и проч. Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать было должно человѣку свое награжденiе и повышенiе въ вышнiе чины.

Ст. 160. *Златой вѣкъ.* Стихотворцы раздѣляютъ времена на четыре вѣка, а именно: на *золотой*, *серебряный*, *мѣдный* и *желѣзный*,

и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ люди всѣ одной только добродѣтели прилежали, отдаляяся всякихъ злостей.

Ст. 161. *Мудрость одолѣло.* Въ семъ мѣстѣ *мудрость* есть винительнаго падежа.

Ст. 163. *Подъ митрой. Митра* есть шапка архіерейская, въ священнослуженіи употребляема.

Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ.* Во всѣхъ приказахъ столъ за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ обычайно краснымъ сукномъ.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка тутъ значитъ косой флейтъ, который былъ, когда сатира сія писана, въ славѣ и почти всѣ молодые люди на цемъ играть обучалися.

Ст. 176. *Семи мудрецовъ.* Славные въ Греціи семь мудрецовъ были *Өалесъ*, *Питакусъ*, *Біасъ*, *Солонъ*, *Клеобулъ*, *Миносъ* и *Хилонъ*. Нѣкоторые вмѣсто трехъ послѣднихъ кладутъ *Періандра*, *Анахарса* и *Эпаминонда;* иные же *Писистрата*, *Трасибула*, милетскаго тирана, и *Өенищида* Сирійскаго. Смотри де Ларея въ житіи семи мудрецовъ, листъ 1.

Ст. 178. *Часовникъ* — книга, содержащая повседневныя молитвы греческой церкви.

Ст. 179. *Псалтырь и посланія*, то есть, книгу Царя Давида и Апостоловъ посланія.

Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ греческаго весьма не ясно.

Ст. 183. *Писецъ*, то есть, *подъячій.*

Ст. 184. *Письмомъ яснымъ.* Наши подъячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво; что же до правописанія касается, такъ мало къ тому прилежатъ, что и не нужно то чаютъ; для того, если желаешь какую книгу не разумѣть, отдай ее подъячему переписать.

Ст. 186. *Семь бояръ.* Извѣстно есть, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; потому знать, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую на себѣ носили.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая*, то есть, Богъ, понеже онъ не только мудръ, но самая *Премудрость*, къ тому жъ и всеблагъ.

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ И ЕВГЕНІЙ.[1]

—

(*На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ*).

ФИЛАРЕТЪ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато

---

1) «Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала или изъ третьей сатиры Буало. Начало у всѣхъ троихъ одинаковое по внѣшнему виду; но изъ сличенія содержанія и обстоятельствъ разговора открывается особенность каждаго сатирика. У Ювенала, съ первыхъ строкъ, видишь картину римской жизни тогдашняго времени — расточительность, сладострастіе, пиры: «Что значитъ, Неволій, твой печальный видъ, подобный виду побѣжденнаго Марсія? Полліонъ, шатающійся цѣлые дни, чтобъ занять деньги за тройные проценты, и не находящій простака, который бы ссудилъ ему, меньше тебя озабоченъ. Откуда столько внезапныхъ морщинъ? Довольный малымъ, ты увеселялъ наши ужины своими остроумными выходками. Теперь совершенно противное: лицо твое уныло, волосы сухи и не причесаны, кожа потеряла блескъ. Тѣло обнаруживаетъ душу: на немъ выказывается радость, или печаль, и лицо есть зеркало попеременныхъ ощущеній. По всему видно, что жизнь твоя пошла въ противную сторону. А прежде, я помню, ты оскверняль храмы Изиды, Юпитера, Мира, ты оскверняль и тайное убѣжище матери боговъ.» Въ сатирѣ Буало черты инаго общества, указаніе другихъ обычаевъ и событій:

D'où vient cet air sombre et sevère
Et ce visage plus pâle qu'un rentier
A l'aspect d'un arrêt qui retranche un quartier.

(Отчего этотъ мрачный и сердитый видъ, это лицо блѣднѣе, чѣмъ у помѣщика, при видѣ указа, который обрѣзываетъ его доходы на четверть).

Въ это время вышелъ королевскій указъ, опечалившій многихъ: «Le roi a supprimé un quartier des rentes»—вотъ какія слова безпрерывно вертѣлись на языкѣ и въ умѣ людей, получавшихъ доходы.

Qu'est devenu ce teint dont la couleur fleurie
Semblait d'ortolans seuls et de bisques nourrie.
Où la joie en son lustre attirait les regards,
Où le vin en rubis brillait de toutes parts?

(Куда дѣвался этотъ нѣжный цвѣтъ лица, который, казалось, питался

Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, [2] вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова; [3]
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предковъ къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ; [4]
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ. [5]

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,

одѣми птичками-овсянками и супами? Гдѣ та радость, которая въ своемъ блескѣ привлекала взгляды, гдѣ вино, которое искрилось со всѣхъ сторонъ?)

Вопросъ, относящійся къ одному изъ разговаривающихъ лицъ: Буало изобразилъ въ немъ знаменитаго тогда гастронома, который серьезно смотрѣлъ на обѣды и ужины.

Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque édit réformé la cuisine?

Т. е. преобразованія послѣдняго времени не коснулись ли кухни—предмета для тебя священнаго?

Въ стихахъ нашего сатирика совершенно иная, русская современность. «(Статья г. Галах. «Отеч. Зап.» 1848 г. XI).

2) На рынкахъ.

3) Знаю, что твоя мать и вся родня здоровы.

4) И множество твоихъ неоспоримыхъ преимуществъ.

5) «Отвѣтъ Евгенія Филарету внушенъ первой сатирой Ювенала, который тоже сѣтуетъ на возвышеніе людей изъ низкаго званія. Но тамъ и здѣсь, какіе люди и какъ они возвысились? У Ювенала читаемъ: «Можно ли отказаться отъ сатиры, когда цирюльникъ, брившій меня въ юности, спорить теперь въ богатствѣ съ нашими патриціями, когда Криспинъ (фаворитъ Домиціана, который осыпалъ его богатствомъ и почестями), бѣжавшій изъ египетскихъ топей, прежде канопскій невольникъ, небрежно набрасываетъ на плеча тирскій пурпуръ, и пальцы, покрытые потомъ, украшаетъ лѣтними кольцами, считая себя, по своей деликатно-

Что кто не всѣ еще стѐръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавàлъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сàльныя», крича, «ясно свѣчи
Горятъ»; кто съ подòвыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степѐнь вспрыгнувши блистаетъ; [6]
А благородство моѐ во мнѣ унываетъ,
И не сильно принестѝ мнѣ ни какой польги.
Знатны ужъ предки мой были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ пòръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри Гербòвники, грамотъ виды разны,
Книгу Родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прàдѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умòмъ не одно тѣ дѣло. [7]
Взгляни на пространныя стѣны нашей салы,
Увидишь, какъ рвали стрòй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ѝхъ, [8] помнитъ челобитчикъ

сти, неспособнымъ носить болѣе тяжелыхъ колецъ?» (Римляне носили прежде по одному кольцу, потомъ по кольцу на каждомъ пальцѣ, наконецъ, на каждомъ суставѣ пальцевъ. Мало по малу роскошь до того возрасла, что для каждой недѣли имѣли они особенныя кольца. Были, сверхъ того, кольца лѣтнія и зимнія). У Кантемира, на высокую степѐнь вспрыгнулъ недавній продавецъ соли, тотъ, кто кричалъ: «сальныя свѣчи ясно горятъ, кто истеръ плечи горшкомъ подовыхъ». Указаніе чрезвычайно-ясное, не требующее комментарія: кто не узнàетъ въ немъ Меншикова?

«И такъ, оба сатирика, сходные по формѣ, различаются предметами, которые они изобразили, и цѣлію, которую имѣли при этомъ изображеніи. Ювеналъ желчно негодуетъ на недостойныхъ любимцевъ фортуны: у него и брадобрѣй и невольникъ возвысились нечистымъ способомъ, не путемъ заслуги. Кантемиръ заставляетъ тщеславнаго дворянина вооружаться противъ Меншикова, что нисколько не унижаетъ тѣхъ качествъ послѣдняго, которыми онъ снискалъ любовь Петра. Меншиковъ былъ живой обидой для многихъ; на него смотрѣли злобно всѣ тѣ, которыхъ сила заключалась въ разрядныхъ книгахъ, которые могли что-нибудь значить при мѣстничествѣ». («Отеч. Запис.» 1848 г. XI, статья г. Галахова).

6) Здѣсь ясенъ намекъ на князя Меншикова, который, какъ говорили, въ ранней юности продавалъ подовые пироги. Петровская *табель о рангахъ* дала преимущество личной заслугѣ передъ породою.

7) Т. е. искусные въ мирѣ и въ войнѣ, они вершили не одно дѣло ружьемъ и умомъ разумно и смѣло.

8) Т. е. не брали взятокъ.

Милость ихъ, и помнитъ злу̀ остуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ вѐрхъ; [9] какъ его не стало,
Государства прàвое плечо съ нимъ отпало. [10]
Когда было вы̀ѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему̀ головою въ ноги.
Всегда за нимъ вы̀борна таскалася свита,
Что ни день рано съ утрà крестòва набита
Тѣми, которыхъ тепѐрь народъ почитаетъ, [11]
И отъ которыхъ нашъ брàтъ милость ожидаетъ. [12]
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому клàнялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нѝмъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Потекли съ глазъ съ рàдости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хвàстая, что былъ онъ достоенъ [13]
Съ временщикомъ говорѝть, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ клàдъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легкò мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣть себя̀, куды глазъ ни вскину? [14]

ФИЛАРЕТЪ.

Слышавъ я важну твоѐй печали причину,
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.

---

9) Батюшка превосходилъ всѣхъ.

10) Государство лишилось въ немъ своей главной опоры.

11) Т. е. которые теперь въ почетѣ.

12) Тѣ, отъ которыхъ теперь нашъ братъ милость ожидаетъ.

13) Удостоенъ.

14) «Ѳеофанъ Прокоп. рисуетъ подобныя же лица: «Когда слухъ пройдетъ, что государь кому особливую свою являетъ любовь, какъ вси возмятутся, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, служити ему, и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало, тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая харя, тотъ выводитъ рода древность изъ-за тысящи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ: такъ, что уже многіи въ народѣхъ государи народное сіе безуміе нарочно себѣ въ забаву употребляютъ. Но хотя бы и прямо кто и достойно возлюбленъ былъ отъ толикихъ лицъ, тебѣ что изъ того? то чуждее, то не твое щастіе. Да однакожъ: да чтожъ однакожъ? Чтобъ слово доброе заложилъ, или хотя бы не повредилъ Правда. А съ тѣмъ, кто въ такое добро вбрелъ, что дѣлается, тотъ уже и самъ себя забывъ кто онъ, не вѣдомо что о себѣ мечтаетъ. Между тѣмъ отъ зеркала не отступитъ, и дѣлаетъ *экзерцицію*, какъ бы то честно и страшно являти себе, какъ то и сидѣти и похаживати, и постанывати, и поглядывати, и поговаривати».

А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ тò, сей вымолвитъ ясно. [15]
Благородство, бýдучи заслугъ мзда, я знаю,
Сколь важно, и много въ нѐмъ пользы признаваю.
Пòчесть та къ добрымъ дѣлàмъ многихъ ободряетъ,
Когда награду въ себѣ вершенныхъ являетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковы̀хъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни дòмъ огромный, ни льстивный [16]
На пуху покой, ни жѝзнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до однòй всяка душа жадна).
Но тщетно имя онò, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть тỳ, добыту трудами
Предковъ своихъ. [17] Грàмота, плѣснью и червями

---

15) Т. е. что мыслитъ сердце, то вымолвитъ языкъ—что на умѣ, то и на языкѣ.

16) Не льстивенъ, не привлекателенъ.

17) «Мы сказали, замѣчаетъ г. Дудышкинъ, что Кантемиръ въ этой сатирѣ по содержанію совпадаетъ съ Ювеналомъ. Основная мысль того и другаго та, что у благороднаго человѣка, кромѣ достоинствъ родовыхъ, кромѣ имени, наслѣдованнаго отъ знаменитыхъ предковъ, должны быть и достоинства личныя, или что одно и тоже, благороднымъ дѣлаетъ человѣка: добродѣтель — по Ювеналу, или: личныя достоинства — по Кантемиру. Эта мысль, выработавшаяся у насъ исторически изъ мѣстничества, можетъ быть объяснена также и съ другой стороны, чисто нравственной. Какъ только отъ человѣка потребовалось образованіе и благородство нравственное, для службы государственной, и какъ только явились люди изъ низшаго сословія съ этими двумя достоинствами, то естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ ихъ поставить въ отношеніи къ лицамъ высшаго сословія, соединяющимъ въ себѣ тѣже условія образованія и нравственнаго достоинства? Ихъ дѣятельность на службѣ государственной говорила въ ихъ пользу. Человѣкъ, получившій образованіе, по суммѣ богатствъ духовныхъ, естественно становится выше каждаго неполучившаго образованія, точно также какъ человѣку, одаренному высшею степенью ума, невольно покоряются, въ области мысли, люди низшіе въ умственномъ отношеніи, хотя бы и въ общественныхъ отношеніяхъ не зависящіе отъ нихъ. Однимъ словомъ, благородство и личность достоинства были необходимымъ результатомъ той образованности, которую старались дать русскому обществу во времена Петра. Такимъ образомъ явилась табель о рангахъ, и мѣста по службѣ начали даваться не на основаніи правъ родства и рода, а на основаніи чина, должности, которую кто-либо по образованію своему былъ въ состояніи занимать, т. е. на человѣка начали смотрѣть какъ на человѣка, а не какъ на ын[illegible]брата, дядю, племянника. Это, какъ всѣмъ извѣстно, случилось въ

Изгрызена, знатныхъ на̀съ дѣтьми есть свидѣтель,[18]
Благородными явитъ одна добродѣтель.
 Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества[19] расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя̀, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тя̀жкія подати народу?
Приложилъ ли къ ца̀рскому что ни есть[20] доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?[21]
Иль буде случай, младость въ то не допустила,[22]
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли[23] чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, пра̀въ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказа̀ть, что ты благороденъ,[24]

царствованіе того же Петра Великаго, который потребовалъ для службы образованія, какъ перваго условія, и старался для этого открыть школы и посылалъ молодыхъ людей учиться за границу. Слѣдовательно, эти оба начала образованности и личности у насъ необходимо должны были совпасть и принести пользу обществу потому, что вытекали необходимо изъ христіанской религіи, уважавшей въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, прежде всего человѣческую сторону. Не то было въ древнемъ Римѣ, гдѣ религія была дѣло общественное, государственное, гдѣ каждый патрицій и плебей имѣлъ значеніе, какъ римскій гражданинъ, а не какъ человѣкъ, гдѣ слѣдовательно введеніе личности христіанской, а еще прежде личности стоиковъ, клонилось прямо къ разрушенію общества, а не къ возсозданію его. Напрасно старались распространить на всѣхъ право гражданства и замѣнить этимъ возникавшія въ обществѣ личности человѣка: то общество, которое было основано на прежнихъ началахъ, изжило свои силы физическія и не могло принять обновленія, уже появившагося во времена Ювенала и въ видѣ греческой, преимущественно платоновой философіи, и въ видѣ христіанскаго ученія. Поэтому Ювеналъ, когда хотѣлъ показать цѣль, къ которой должны стремиться римляне, указывалъ на прошедшее, а не на будущее, или совѣтовалъ умереть съ твердостію». (Статья г. Дудышкина, «Соврем.» 1848 г., XI).

18) Свидѣтельствуетъ о нашемъ знатномъ происхожденіи.

19) Къ общественной безопасности.

20) Что-нибудь.

21) Темныя сердца, испорченныя злыми нравами.

22) Не допустили до того.

23) Умѣешь ли?

24) Собственныя имена въ послѣдующихъ стихахъ Кантемиръ находитъ нужнымъ объяснять для тогдашней публики.

Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Мало жъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нѐйбуша, таковы ли дрожжи [25]
Любы, какъ пиво, емӯ; отречется трожжи; [26]
Знаетъ онъ, что съ пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда̀ не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопяхъ течетъ кро̀вь, таже плоть, тѣжъ кости
Буквы, къ нашимъ имена̀мъ приданныя, злости
Наши не могутъ прикрыть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ дрѐвнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена̀ красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что непра̀ведно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внӯкъ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ [27] нашъ ӯмъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однѝхъ. [28] Столбы сокрушатся
Подъ лишнымъ тѣ брѐменемъ, если сами въ силу
Нужную не приведѐмъ ту подпору хвилу.
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли [29]
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться [30]
Къ ключу; сама вода въ ро̀тъ твой не станетъ литься. [31]

---

25) Т. е. дрожжи.
26) Трижды—три раза.
27) Заблуждается.
28) На однихъ дѣдовъ.
29) Т. е. труды ихъ открыли тебѣ ключъ свѣтлой воды.
30) Наклониться.
31) «Когда подражаніе или просто переводъ, замѣчаетъ г. Галаховъ, коснется поэтическихъ образовъ, тогда Кантемиръ, по слабости творческаго таланта, становится ниже не только Ювенала, но и Буало. Беремъ примѣръ изъ той же сатиры. Ювеналъ двумя сравненіями доказываетъ ничтожность наслѣдственнаго достоинства безъ собственной полезной дѣятельности: «Какъ грустно не имѣть другой опоры, кромѣ чужихъ заслугъ! Уничтожьте столбы, зданіе рушится. Виноградная лоза упадетъ безъ вяза, который она обнимала». У Кантемира тоже два сравненія, чтобъ показать непрочность опоры на почетное имя дѣдовъ; но въ этихъ

Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что пала она и дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ нѐдруги и валы попраны, [32]
Иной правду вѣсилъ тйхъ, бѣгая обиды; [33]
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати. [34]
  Потрись на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву. [35]
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно соплешь, [36] пока дня пробѣгутъ двѣ доли, [37]

сравненіяхъ нѣтъ ни краткости, нужной для силы, ни поэтическаго колорита. Здѣсь нѣтъ даже и вѣрнаго соотвѣтствія съ мыслію. Кого изображаютъ столбы? достойныхъ предковъ или недостойныхъ потомковъ? Предъидущіе стихи заставляютъ разумѣть первыхъ, но почему-жъ они сокрушатся, и какое это излишнее бремя? Другое сравненіе, точное по внутреннему значенію, растянуто и представлено въ грубомъ видѣ. Такое переложеніе граціозныхъ образовъ въ образы неграціозные доказываетъ только, какъ мы сказали выше, отсутствіе тонкаго, изящнаго вкуса, слабость поэтическаго такта въ нашемъ сатирикѣ,. но съ другой стороны оно полезнѣе, какъ болѣе приспособленное къ состоянію тогдашнихъ читателей. Кантемиръ не претендовалъ на званіе поэта: ему нужно было исправленіе нравовъ. Онъ хотѣлъ быть моралистомъ, а моралистъ, какъ и проповѣдникъ, выражается языкомъ соотвѣтственнымъ образованію тѣхъ, кого онъ хочетъ поучать». («Отеч. Зап.» 1848 г., XI, Соч. Кант.).

32) Побѣждены въ морѣ и волны и непріятель.

33) Былъ безобиднымъ и справедливымъ судьею.

34) Изъ-за другихъ не могутъ замѣтить тебя въ пару, въ поту отъ трудовъ.

35) Что твоя жалоба права.

36) Соплешь, спишь.

37) «Сатирикъ начинаетъ свое описаніе заимствованіемъ изъ Ювенала—тамъ, гдѣ говорится о трудахъ военныхъ. «Къ чему тебѣ», спрашиваетъ Ювеналъ недостойнаго наслѣдника заслуженныхъ титловъ: «образы столь«кихъ героевъ, если ты засыпаешь на зарѣ, въ тотъ часъ, когда наши «полководцы развивали знамя и шли на врага?» Слова: «Не столько стало народъ римляновъ пристойно основать» взяты изъ «Энеиды». И однакожъ, на ряду съ подражаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о мысляхъ общихъ, о прикрасахъ риторическихъ, о поэтическихъ образахъ, видишь изображеніе дѣйствительныхъ нравовъ русскаго общества—

Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ-другой, нѣжишься, ожидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зѣркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ съ слуги валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стало народъ римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:
Пора,[38] мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ, тебѣ въ образу,
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досаждалъ глазу,[39]
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
　　Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,[40]

а въ этомъ изображеніи и заключается главный матеріалъ сатиръ, ихъ содержаніе. Цвѣтъ платья, выборъ матеріи, твердость и прямизна фалдъ, мѣра таліи, кафтанъ, стоившій цѣлой деревни — все это не виргиліево и не ювеналово, а наше собственное прежнихъ временъ, требующее иногда комментарія». («Отеч. Запис.» 1848 г., XI).

38) Время года.

39) Чтобъ въ оскорбленіе тебѣ зеленый цвѣтъ въ городѣ не досаждалъ нѣжному глазу (*Obraza* — польск.).

40) Өеофанъ Прокоповичъ въ своей проповѣди 1717 г. долженъ былъ доказывать пользу путешествія такимъ образомъ: «Яко бо рѣка, далей и далей проводя теченіе свое, болше и болше ростетъ, получая себѣ прибаву изъ припадающихъ притоковъ, и тако походомъ своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чегожъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли

Иждивеній и трудо̂въ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнёсъ. Ущербя [41] пожитки
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,

лы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ упцовъ единыхъ, прочіимъ убиточно есть. Чегожъ иного? того, еже сть и собственному и общему добру основаніе, искуства. Не всуе бо лавный оный стихотворецъ еллинскій Оміръ въ началѣ книгъ своихъ, Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса, вождя греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая: многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ.... Что есть ли бы не иную кую дало пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокія, которымъ вѣденіе лучше всякаго сокровища стяжется. Но отъ сего познанія твари восходитъ мысль, яко же рѣхъ, къ познанію Творца и толико выше къ познанію Бога восходитъ, елико множайшая созданія познаетъ. Сверхъ того перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тая лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію, обычаи и поведенія народовъ егда тое жъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ історіческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити: не мало бо и ложнѣ повѣствуется; много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда самыя толко мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе то самымъ искуствомъ увѣдавъ древній оный высокаго разсужденія учитель Ієронимъ, таковое къ познанію історій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стіхотворцевъ и історіковъ книги добрѣ уразумѣти, посѣти и обиди Пелопонесъ и Аттику, что нынѣ Морреею нарицаютъ... Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ много измѣнныя фортуны игранія, и учится кротости; видитъ вины благополучій, и учится правила; видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегательства; зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя, и своего народа, и исправленія и недостатки: сами бо себе въ самѣхъ же насъ (не вѣмъ какъ то) не ясно познаемъ; и такъ аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи, странствованіе не во многихъ лѣтахъ, мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость.

«Особенно же къ дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ перегринація. Молю да не въ грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспоминати дерзаю. Ниже бо учительско сказую, но точію, поелико и простый догадъ постизаетъ, нѣчто воспоминаю, твердое разсужденіе искусныхъ того оставляя. Кому же и легко сіе разсуждающему явѣ есть? аще бо географскія карты много къ походу военному пользуютъ, кольми паче свѣдати самыя страны, и грады, и народы. Не видимъ на картѣ, какая сія или ѳная крѣпость, въ чемъ оная надежда и въ чемъ боязнь, каковое искуство людей, и ка-

41) Ущербить—убавить, издержать.

Въ полъ-аршина глубокі̀ и ситой подшиты;
Согнувъ кафтанъ нѐ были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ бы́ть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько гру̀дь окружа прибавить;
Въ лѣто или о̀сенью, въ зиму и весною
Какую парчу подбі̀ть пристойно какою,
Что приличнѣе наші̀ть, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя̀ знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на у̀жинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто по̀лъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ро̀тъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзѐй тебя окружаетъ,
И глодая до костѐй самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ спѣлый. [42]
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузырѐмъ, чаешь, [43] что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людѐй все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется; [44]
Скоро станетъ и въ глаза̀; притворство минется, [45]
Какъ скоро сойдутъ твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицо̀ точатъ слова сладки).
Ты самъ неотступно то̀ время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучкі̀ бумагъ не спускаешь,
И мечешь горстью твоихъ мозольми и по̀томъ
Предковъ скоплено добро̀. [46] Деревня со ско̀томъ [47]

ковыя сего и онаго народа сердца; не видимъ на картахъ, которые угодные и которые трудные мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталей, и прочая — симъ подобная. Перегринаціи едино все тое, какъ на дланѣ показуетъ, и живую географію въ памяти написуетъ, такъ что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы на воздусѣ летая имѣлъ оные предъ очима.» (Слово въ недѣлю осьмую на десять).

42) Т. е. полкъ друзей, объѣдая тебя, хвалитъ въ тебѣ веселый нравъ, тщивую душу и зрѣлый разумъ. Здѣсь союзъ *и* соединяетъ имена: *душу* и *разумъ*.

43) Т. е. какъ неумѣющій плавать, поднятый на поверхность воды пузырями.

44) Надъ тобою смѣется.

45) Перестанутъ притворяться.

46) Ставишь на карту добро, скопленное мозолями (отъ работъ) и потомъ твоихъ предковъ.

47) Размѣръ стиха требуетъ читать *скдо̀томъ* вмѣсто ското̀мъ.

Не первая ужъ пошла̀ въ бережную руку
Того, кто мало предъ си̇мъ [48] кормился отъ стуку
Молота по жа̀ркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жа̀ръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опира̀ть щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочі̇й дѐнь [49] и почь почти цѣлу.
Но тѣ, что стѣнахъ твоѐй на пространной салы
Видишь надписи, прочѐсть трудъ тебѣ немалый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ̀ и помочь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назва̀ть черту, что копая
Воинъ предъ собо̀й ведетъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны̀ часть одна по малу
Частымъ быстро-па̀губныхъ пуль ударомъ пала, [50]
Гдѣ, грозно ра̀зсѣдшися, земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска одна̀ часть въ четверобочникъ [51]
Строится, гдѣ бо̀лѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ у̀жъ отмѣненны силы
Оплошнаго нѐдруга надежду прельстили.
Много вышнихъ трѐбуетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ искѵ̀сствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто, годно къ бою̀, видитъ однимъ взглядомъ.
Лишной безопа̀сности не опоенъ ядомъ,
Остръ, [52] проницаетъ врагѐвъ тайные совѣты,
Временно предупрежда̀ть удобенъ навѣты, [53]
О обильности въ своѐмъ таборѣ [54] печется
Недремительно; любо̀вь ему предпочтется
Войска, чѣмъ страшнымъ имъ быть, и вдругъ ненавидимъ;
Отцомъ невинный наро̀дъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью: врага̀мъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умо̀мъ и храбростью красенъ. [55]
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не сто̀ль бѣгло Перунъ сходитъ,

---

48) Не задолго до этого.
49) Остальное время дня.
50) Гдѣ одна часть стѣны разрушилась отъ частыхъ быстро-пагубныхъ пуль (отъ пушечной стрѣльбы).
51) Въ каре.
52) Острымъ взглядомъ.
53) Способенъ заблаговременно предупреждать замыслы непріятеля.
54) Въ своемъ лагерѣ.
55) Украшенный.

Страшно гремя.[56] Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ,[57]
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли?[58] Самыхъ числу дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.[59]
Какъ тебѣ ввѣрить корабль? ты лодкой не правилъ,
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь: гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ;[60] смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и съ боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нея доска, толста пальца лишь въ четыре:
Твоя душа требуетъ грань съ нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляетъ;[61]
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.[62]
Нужно жъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,[63]
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши[64] суть бѣдства
На морѣ, чѣмъ на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ не оскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе; лучами своими
Свѣтила небесныя, желѣзце, не многу

---

56) Громъ, гроза.

57) Умѣетъ быть умѣреннымъ.

58) Едва ли ты слышалъ даже имя тѣхъ добродѣтелей и знаній.

59) И думаешь, что вмѣстить ихъ всѣ въ одинъ мозгъ смертныхъ столько же трудно, сколько.... и пр.

60) Здѣсь Кантемиръ не указалъ, что подражаетъ Горацію:

Illi robur et aes triplex
Circa pectus erat, qui fragilem truci
Commisit pelago ratem
Primus.... (III ода, 1 книги.)

(У того, кто первый ввѣрилъ ломкую ладью бурному морю, около груди былъ дубъ и тройная мѣдь).

61) И нарисованное сраженіе заставляетъ тебя дрожать.

62) Одинъ твой холопъ только испытываетъ твою храбрость, потому что онъ одинъ не смѣетъ тебѣ возражать (сопротивляться).

63) Кто управляетъ кораблемъ.

64) Чѣмъ больше.....

Отъ дивнаго камня взявъ силу, намъ дорогу
Надежную въ безднѣ водъ показать удобны
Небесъ положѣніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ;
Грубыхъ пловцовъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать, иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду исхитить, вступя въ бой удобный,
Трудъ немалый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Прочи вождевъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, чѣмъ строй и осада.
  За краснымъ судить сукномъ Адамлевы чада,[65]
Иль править достоинъ тотъ, кому совѣсть чиста,[66]
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста[67]
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны; предъ кѣмъ, всегда мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица,[68] пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна;
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подьячей
Чтобъ, чрезъ руки ихъ прошедъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,[69]
Стрѣчись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,[70]
Что отъ нападѣнія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну[71]
Уставить жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизустъ онъ знаетъ всѣ естественны права,[72]
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,[73]

65) Людей.

66) У кого чиста совѣсть.

67) Чье сердце, склонное къ сожалѣнію, не сильны одолѣть ни рѣчистая деньга, ни страхъ, ни надежда.

68) Цвѣтъ красиваго лица, т. е. красавица.

69) Долженъ заботиться, чтобы зрячій не сталъ слѣпымъ, прошедъ черезъ ихъ руки.

70) Т. е. статью закона.

71) Который можетъ спасти вдовицу отъ нападенія сильнаго соперника.

72) Для размѣра пра́ва вмѣсто права́, т. е. естественный законъ.

73) Т. е. изучилъ до тонкости всѣ наши законы.

Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу,[74] и въ нёмъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?[75]
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что[76] махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть[77] въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь[78] денегъ, но къ нимъ жаденъ:[79]
Мотъ почти всегда живётъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ;[80] нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ[81] долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арапскаго языка, права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны.[82]
Если въ тѣ чины не гожъ, скажешь мнѣ, я чаю
Не хуже Клита носить ключъ золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постели застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,[83]
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.[84]
Клитъ остороженъ—свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,

---

74) Предметъ зависти врага.

75) Можешь ли обѣщать народу что-нибудь подобное.

76) Который.

77) Т. е. плоть, тѣло у слуги такое же, какъ и у тебя.

78) Для размѣра стиха слово *копишь* здѣсь нужно слить въ чтеніи съ предъидущимъ *ты*, такъ чтобъ удареніе было на немъ не слышно.

79) Жаденъ до денегъ.

80) Онъ думаетъ, что все то законно, что можетъ дополнить его мѣшокъ.

81) Роскошной жизни.

82) Звуки.

83) Въ пріемной у знатныхъ.

84) Ушамъ, т. е. тѣмъ, которые, не смотря на свою ничтожность, могутъ замолвить о немъ что-нибудь временщику.

Съ холопомъ новыхъ людей дружбу вести не рдится,[85]
Истинная мысль его прилежно таится[86]
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,
Идучи упрямо въ цѣль: Клиту счастье служитъ.
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому счастье дружно;
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,[87]
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ:
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь,
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ:
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ.
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,[88]

---

85) Не краснѣетъ.
86) Тщательно укрывается.
87) Рѣшился служить при царскомъ дворѣ.
88) «Требуя отъ предводителя войскъ, отъ мореплавателя и судьи строгой нравственности и большихъ познаній, замѣчаетъ г. Галаховъ, Кантемиръ является снисходительнымъ, когда рѣчь коснулась Клита—куртизана. Въ изображеніи обязанностей придворной особы вы видите не строгое требованіе нравственнаго долга, а какой-то нравственный эклектизмъ, подозрительную снисходительность. Стоицизмъ Персія доходилъ до неистовой неумолимости; Кантемиръ, болѣе наклонный къ Горацію, въ нравственности держится средины между откровенностью правды и ея молчаніемъ, нужнымъ по времени. Блаженная средина, ведущая къ счастію.

«Какимъ образомъ сатирикъ и вслѣдъ за нимъ примѣчанія могли согласить искусство Клита съ добрыми свойствами, приличнѣйшіе поступки его съ нравственностью, и въ беззлобномъ притворствѣ, т. е. въ умѣньи примѣнять лицо свое къ тѣмъ людямъ, съ которыми говоримъ, видѣть добродѣтель, называемую по-латынѣ simulatio и dissimulatio? Тѣмъ болѣе странною кажется подобная философія, что образъ Клита вовсе не принадлежитъ къ плѣнительнымъ, и что перейти отъ него къ блаженной срединѣ — иначе, къ счастію — не слѣдовало ни по законамъ логики, ни по внушеніямъ поэзіи».

Снисходительность кантемировой морали г. Галаховъ объясняетъ изъ его характера, образованія и положенія въ обществѣ. Онъ сводитъ всѣ мысли его, разсѣянныя въ его сатирахъ, къ главнымъ, существеннымъ положеніямъ его философіи, которая и получаетъ такую характеристику:

Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный;
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасаюсь.

«Истинная мудрость человѣка заключается въ прямой, т. е. настоящ мѣрѣ вещей, а эта прямая мѣра есть не что иное, какъ средина меж крайностями—блаженная, золотая средина, безъ которой нѣтъ счаст человѣку и которую Горацій выбралъ идеаломъ своихъ желаній. Стре леніемъ къ срединѣ объясняется нелюбовь Кантемира къ крайностям У него нѣтъ положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добр дѣтели—такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ п лудобродѣтельные поступки; у него нѣтъ и ожесточенія противъ бе нравственности—такого ожесточенія, при которомъ не льзя заключи ни на какихъ условіяхъ мировой сдѣлки съ порокомъ. Философія Ка темира стыдлива и несмѣла, какъ его характеръ: она проповѣдуе добро, боясь, поражаетъ порокъ; краснѣя. Это не мораль во вс ея неприкосновенности: это — полумораль, близкая къ равнодушi индифферентизму. Въ однихъ мѣстахъ, она страшится перейти, другихъ — не дойти, отъ чего и происходитъ ея двусмысленност ея сомнительное, колеблющееся положеніе, подобное положенію того ч ловѣка, который хочетъ пройти по острію, не падая ни направо, н налѣво. Нужно ли нашему сатирику оцѣнить искусство Клитя, ловка куртизана? — онъ соглашается, что лучшую дорогу избралъ тотъ, к всегда говоритъ правду; однакожъ, невиноватъ и тотъ, кто умалчивае правду, если не посмѣетъ утаить правду ложью; блаженъ, кто умѣет держаться этой средины! (Сатира 2). Какой же? между лучшей дорог и дорогой не лучшей! Выборъ здѣсь, кажется, не затруднителенъ. Из двухъ золъ выбираютъ меньшее; изъ двухъ благъ надобно выбирать бол шее. Нравственная философія нашего сатирика или невѣрна, или слиш комъ снисходительна. Изобразивъ низость Хирона въ годину бѣдствi пятая сатира заключаетъ свое изображеніе такимъ выводомъ: слабой д шѣ трудно держать средину: въ свѣтлый день она чрезчуръ гордится, въ черные дни чрезчуръ подла. Отсюда слѣдуетъ, что душѣ сильной, ч ловѣку великодушному надобно не слишкомъ гордиться въ счастіи и н слишкомъ быть подлымъ въ несчастіи. Такая мораль, которую всего пр личнѣе назвать серединною, не исключаетъ, стало быть, ни извѣстно степени гордости, ни извѣстной степени подлости. Ужели она думает что только крупная безнравственность есть безнравственность, а мелкi доли ея переходятъ въ нравственность? Малѣйшая частичка мышьяка - все мышьякъ, а не сахаръ! Этого мало! Кантемиръ до того снисходит ленъ, что позволяетъ быть злымъ, если не льзя быть добрымъ:

Не льзя добрымъ быть? будь золъ, дѣтямъ не къ изъяну,
Лучше же отъ всякаго убѣгать порока;
Если не льзя, скрой его отъ младенца ока. (*Сат.* 7).

«Замѣтимъ, что всемогущимъ словомъ не льзя прикрыть какую угод мерзость, по пословицѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Подобные нравственны совѣты можно назвать уступками той или другой крайности, и потом они выражаются почти всегда уступительными періодами. Грамматическа ихъ форма: «хотя, однако», что иногда равнозначительно словам «такъ да не такъ».

Словомъ, много о вещàхъ тщетныхъ безпокойство,
Ни одно не вижу я̀ въ тебѣ хвально свойство.
Исправь себя, и тогдà жди, дружокъ, награду;
По тѣхъ поръ забы̀тымъ быть не считай въ досаду:
Пороки, кои тепѐрь прикрываютъ тѣни
Стѣнъ твоихъ, укрыть не льзя̀ на вышшей степени.
Чистъ быть долженъ, кто̀ туды̀ не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куды зоркіе глазà весь народъ наводитъ.
Но поставимъ, что твой заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя̀ лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя̀ неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою̀ въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ суди̇ть, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя̀ предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто рòдъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала,
Еще бъ можно извини̇ть, если знатный тужитъ,
Видя, что счастье во всѐмъ слѣпо тому служитъ,
Кого сколько теменъ рòдъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры̀, ни въ людяхъ пріятны:
Но когда противное [89] видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ ỳжъ, что есть въ его вѣкѣ

«Горацій, «восторгомъ грудь питая», не то же ли говорилъ? не того ли же самаго желалъ? Въ нравственности «онъ бралъ не съ высока». Вся его философія сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія. Покой, пріятная увѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ—вотъ что ему нужно. Конечно, эта пріятная или златая умѣренность обходится довольно дорого: она требуетъ, чтобъ Тибуръ оставался неприкосновенною собственностію хозяина, чтобъ онъ имѣлъ малую толику фалернскаго, чтобъ, при беззаботности о будущемъ днѣ, было безтревожное наслажденіе днемъ настоящимъ. Во всемъ же прочемъ, и въ религіи и политикѣ, Горацій хранитъ, какъ сокровище, свое равнодушіе, которое выражается имъ откровенно. Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ выйдетъ ровный, какъ и у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними.

«Небольшое число идей Горація и выражается небольшимъ числомъ поэтическихъ образовъ: онъ поэтъ. Сила его не въ глубинѣ чувства и могуществѣ фантазіи, не въ дарѣ творчества, а въ красотѣ внѣшней формы, въ выраженіи. Грація, риѳма, чистота языка, свѣтлость, прозрачность стиля—вотъ чѣмъ онъ прельщаетъ и вотъ чего нѣтъ у нашего сатирика.» (Статья г. Галах. «Отеч. Зап.» 1848 г., XI).

89) Противуположное всему сказанному.

Мужъ таковъ, кой дòбрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и пòлезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трйфонѣ и Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ йхъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умнЫ, вѣрность ихъ немала;
Слава наша съ трудòвъ йхъ нѣчто воспрiяла.
  Правда, въ царство òльгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства стàростью считаться съ тобою
Имъ не льзя; да что съ тогò? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный рòдъ, какъ твой родъ начàли
Твои предки, когда Рỳсь греки крестить стали.
И твой родъ не все такòвъ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ [90] твоихъ, что дворянинъ звался,
Имѣлъ отца слàвою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллiй былъ, или и похуже.
  Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другòй пасъ блеюще стадо.
Ное въ ковчегѣ съ собòй спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ,
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошлй, одинъ поранѣе
Оставя дудку, сохỳ; другой попозднѣе.

ПРИМѢЧАНIЯ.

Намѣренiе сей сатиры есть обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благонравiя, однимъ благородiемъ хвастаютъ, и къ тому завидятъ всякому благополучiю въ людяхъ, кои чрезъ свои труды изъ подлости въ знатную степень происходятъ. Писана она мѣсяца два спустя послѣ первой, разговоромъ между Филаретомъ и Евгенiемъ, два подложныя имена, которыхъ первое, на греческомъ языкѣ, изобразуетъ *любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*.

Стихъ 2. *И глаза красны*. Отъ слезъ глаза краснѣютъ не меньше, чѣмъ отъ безсонiя.

---

90) Изъ предковъ. Въ § 75 своего разсужденiя о стихосложенiи Кантемиръ замѣчаетъ: «*съ* вмѣсто *изъ* общiй обычай разговора узаконяетъ. Кто не вѣдаетъ, что по вся дни говоримъ *съ устъ его*, *съ золота* вмѣсто *изъ устъ*, *изъ золота*».

Ст. 3. *Какъ тотъ, что чинъ патріарші достати.* Всѣмъ извѣстно высокомысліе бывшаго архіепископа Р*** [91], который ничего такъ не жадалъ, какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской, и для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ.

Ст. 5. *Цугомъ ли запрещено ѣздить.* Въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ.

Ст. 6. *Слугъ пеленать въ злато.* Обшивать платье слугъ своихъ золотомъ. Узоры, коими обыкновенно то платье выкладываютъ, много на пеленанье схоже.

Ст. 7. *Вина ль дорогова.* Виномъ дорогимъ разумѣть должно венгерское, шампанское и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ самимъ больше всѣхъ другихъ винъ въ почтеніи.

Ст. 9. *Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ.* Стихотворцы изобразуютъ обильство въ лицѣ жены, которая держитъ въ рукѣ большой рогъ, изъ котораго сыплются овощи, деньги, бисеры и прочія вещи, столь человѣкомъ желательные.

Ст. 10. *Не претитъ,* вмѣсто не запрещаетъ, не мѣшаетъ.

Ст. 11. *Ужли твои уста косны стали.* Дивится Филаретъ Евгенію, который знатно съ природы былъ говорливъ, а теперь противно нраву своему молчитъ.

Ст. 16. *Дамонъ.* Имя вымышленное, какъ въ слѣдующемъ стихѣ Трифонъ и Туллій.

Ст. 17. *Лента дана,* то есть пожалована кавалерія, понеже онѣ на лентахъ носятся. Обыкновенно говорится: такому-то господину пожалована голубая лента, то есть орденъ святаго Андрея.

Ст. 22. *Какъ въ попахъ соборныхъ.* Соборныя церкви называются, у которыхъ нѣсколько поповъ служатъ. Рѣдко въ такихъ попахъ согласіе живетъ, понеже одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ.

Ст. 31. *Ни какой польги.* Лучше бы было написать *ни какой пользы*; да нужда риѳмы убѣдила употребить простолюдное слово вмѣсто чистаго русскаго.

Ст. 32. *Царство Ольги.* Ольга, жена Игоря, сына Рюрикова, перваго россійскаго самодержца, такъ христіанской вѣры въ Россіи насадительница, какъ и распространительница силъ и славы сего имперія, отъ святаго Владиміра ея внука въ святыя вписана и почитается подъ именемъ Елены, которое приняла въ крещеніи. Начала царствовать въ 950-е лѣто по Рождествѣ Христовѣ. (*Синопсисъ Русской исторіи*, стр. 37).

---

91) Здѣсь говорится объ архіепископѣ Ростовскомъ Георгіи Дашковѣ, на лошадей котораго Кантемиръ дѣлаетъ намекъ въ другомъ мѣстѣ (см. 30-е прим. въ I сатирѣ нашего изданія, стр. 19).

Ст. 38. *Думнаго, намѣстника.* Думные бояре въ-старину то-жъ были, что теперь тайные совѣтники. *Намѣстниками* назывались управители провинцій. Имена сихъ чиновъ отмѣнилъ императоръ Петръ Великій въ началѣ 18 вѣка по Христѣ.

Ст. 41. *Стѣны нашей салы.* Знать, у отца сего дворянина въ салѣ по стѣнамъ росписаны были войны, въ которыхъ онъ присутствовалъ. Сала слово французское, Sale, *большая горница.*

Ст. 42. *Какъ рвали строй, какъ ломали валы,* то есть, какъ, побѣждая войска непріятельскія, брали городы.

Ст. 49. *Выборна таскалася свита.* Выборные люди за нимъ слѣдовали.

Ст. 50. *Крестова.* Я чаю, для того такъ *передняя горница* называлася, понеже въ старину обыкновенно въ ней отправлялися молитвы утреннія и вечернія, и за тѣмъ вся восточная стѣна убрана была иконами и крестами; отчего принадлежащіе къ господскимъ домамъ попы *крестовыми попами* назывался.

Ст. 54. *Съ полными руками.* Съ подарками.

Ст. 60. *Кладъ богатый явился.* Многіе у насъ суевѣрно чаютъ, будто кладъ, сирѣчь закопанныя въ землю сокровища, счастливымъ являются въ видѣ кошки, собаки и другихъ животныхъ, которыя гдѣ покажутся, на томъ же мѣстѣ копать землю должно въ надеждѣ обильной находки.

Ст. 66 и 67. *Лукавыхъ примѣты, лесть, похлѣбство.* Два злонравія, весьма обычайныя лукавымъ людямъ, и по которымъ тотчасъ ихъ признать можешь.

Ст. 69. *Благородство будучи заслугъ мзда.* Когда почесть, дворянство есть знакъ награжденія заслугъ, весьма оно важно; въ противномъ случаѣ пустое и безплодное имя.

Ст. 70. *Много въ немъ пользы признаваю.* Много пользы государству, понеже такія награжденія и казнѣ не дорого становятся, и гораздо лучше ободряютъ людей къ хвальнымъ дѣйствамъ, не только для того, что дворянское имя, преходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія добрыхъ дѣлъ, но и за тѣмъ, что въ многихъ надежда богатствъ меньше дѣйствуетъ, чѣмъ надежда чести и славы.

Ст. 77. *Но тщетно имя оно.* Оно, сирѣчь благородіе, дворянство.

Ст. 80. *Грамота плѣснью и червями.* Грамота, которою почесть дворянства предкамъ нашимъ пожалована или подтверждена, и за древностію уже червями и молію попорчена, засвидѣтельствуетъ правда, что мы происходимъ отъ знатныхъ людей, но не покажетъ насъ быть благородными. Одна собственная наша добродѣтель можетъ намъ присвоить благородіе.

Ст. 82. *Благородными явитъ одна добродѣтель.* Nobilitas sola est atque unica virtus. *(Ювеналъ. Сат. 8, ст. 20).*

Ст. 83. *Презрѣвъ покой, снесъ ли ты.* Отъ сего стиха по 97-й есть подражаніе Боаловыхъ сат. V, отъ стиха 44 по 54.

Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux?
Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice?
Respectez vous les loix? fuyex vous l'injustice?
Savez vous pour la gloire oublier le repos?
Et dormir en plein champ le harnois sur le dos?
Je vous connais pour noble à ces illustres marques, etc. [92]

Ст. 86. *Судъ судя, забылъ ли ты страсти.* Забылъ ли ты свои страсти, которыя часто право судить мѣшаютъ.

Ст. 92. *Впредь воля и сила.* Ко всякому предпріятію одна воля не довольна, нужна и сила: много мы хотимъ, мало чтó можемъ.

Ст. 96. *Вѣришь ли, что всякъ человѣкъ тебѣ подобенъ.* Не предпочитаешь ли себя прочимъ людямъ? Чаешь ли, что они тебѣ подобны? Что ты ихъ не лучше, не безстрастнѣе; что они тебѣ въ добродѣтеляхъ соравняться могутъ, буде не превосходятъ?

Ст. 98. *Ектору иль Ахиллу.* Ахиллъ, сынъ Пелея и Өетиды, былъ храбрый князь греческій. На троянскую войну отъ отца съ войскомъ посланъ, многіе свыше мѣры мужества знаки показалъ. Ектора, сына Пріама, царя троянскаго, Еленина-же брата, за которую война взгорѣлася, убилъ и грековъ всѣхъ почти самъ одинъ спасъ отъ рукъ троянскихъ. Екторъ по Ахиллѣ былъ знаменитѣйшій мужествомъ въ помянутой троянской войнѣ.

Ст. 99. *Іулій и Александръ.* Іулій Цесарь, первый римскій императоръ, сынъ Луція Цесаря и Авреліи, Коттовой дочери, въ 17-е лѣто своего возраста получилъ чинъ великаго священника Юпитерова, потомъ чрезъ чины трибуна, квестора, едилла и великаго Понтифекса, въ консулы пропсшедъ, въ томъ чину пять тріумфовъ получилъ. Одолѣвъ Помпея, своего непріятеля, вѣчнымъ диктаторомъ объявленъ, и силою самовластіе досталъ, въ сенатѣ внезапно убитъ, умеръ 15-го марта 43 лѣтъ прежде Христа, поживъ 56. Александръ Великій, царь македонскій, сынъ Филиппа и Олимпіи, Даріевъ побѣдитель, родился іюля 6, 356 лѣтъ прежде Христа, умеръ въ Вавилонѣ, опоенъ ядомъ, въ 33-е лѣто своего возраста.

Ст. 102. *Не разнится съ псарскимъ.* Разумѣется, съ псарскимъ сыномъ.

Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша.* Генералъ-маіоръ Нейбушъ, пріятель нашего стихотворца, былъ знатный пиволюбецъ; впрочемъ честный весьма человѣкъ и храбрый воинъ, къ которому онъ имѣлъ крайнее почтеніе.

---

92) «Покажите намъ тотъ даръ, который пылалъ въ нихъ; ту ревность къ чести, то отвращеніе къ пороку? Уважали ли вы законы? Убѣгали ли неправды? Умѣли ли вы забывать покой для славы, и спать въ чистомъ полѣ, не снимая брони? По этимъ знакамъ я признаю васъ за благороднаго».

Ст. 107. *Разнится потомкомъ быть и проч.* Понеже одна добродѣтель можетъ показать насъ благородными, какъ выше сего упомянуто. Разницу должно поставлять межъ истиннымъ благороднымъ и межъ тѣмъ, который отъ благородныхъ предковъ происходитъ; сего должно бы звать потомкомъ благородныхъ, а не благороднымъ.

Ст. 108. *Та-же и въ свободныхъ. Свободный* тутъ значитъ *дворянина* или *всякаго вольнаго человѣка*, не холопа. Межъ такимъ вольнымъ человѣкомъ и холопомъ природа ни какой разницы не поставила въ составѣ тѣла: та-жъ кровь, тѣ-жъ кости, та-же плоть. Потому ежели кто отъ холопа, отъ черни отличиться желаетъ, долженъ отличаться добрыми дѣлами, добрыми нравами. Одно имя дворянское не можетъ прикрыть наши пороки; а тѣ пороки, тѣ наши худые нравы скоро могутъ то при умныхъ людяхъ учинить, что они позабудутъ, что мы происходимъ отъ славныхъ и благородныхъ родителей.

Ст. 110. *Буквы.* Изъ которыхъ составлено титло князя, графа и прочихъ степеней дворянства.

Ст. тотъ же. *Злости.* Злые нравы.

Ст. 112. *Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы.* Сроднымъ порядкомъ рѣчей: вдругъ истребятъ въ умныхъ людяхъ память древнія славы. Чернь дивиться будетъ твоимъ титламъ, а умные люди, примѣчая твои злочинства, не только тебя презирать будутъ, но и совсѣмъ забудутъ древнюю славу твоего рода.

Ст. 113. *И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка.* Въ одной Езоповой притчѣ читаемъ, что галка, укравши отъ разныхъ цвѣтныхъ птицъ перья, ими украсилася; но какъ скоро сіи увѣдали воровство, напали на нее, и всяка свои перья отобравъ, бѣдная галка осталася гола и въ насмѣшку всѣхъ зрителей. Таковъ дворянинъ безъ добродѣтелей, въ которомъ имя славное есть чужая украса.

Ст. 114. *Будетъ имъ.* Имъ—умнымъ людямъ.

Ст. 115. *Неправедно забыта бываетъ.* Стихотворецъ, показавъ, что имя благороднаго ничѣмъ не должно пользовать злонравному, приступаетъ уже доказывать, что и службы предковъ не можно таковому потомку приводить для полученія почестей и степеней. Для побужденія къ охотной службѣ нужно, чтобъ потомки плодами трудовъ предковъ своихъ наслаждалися; понеже когда образецъ милости и благодарства вышшихъ въ комъ видимъ, тогда ревнуемъ усердно, чтобъ могли и мы себѣ то-же получитъ, какъ же инакъ въ смертныхъ насъ можно продлить образецъ тотъ, развѣ продолжая награжденіе потомству того, кто онаго первый достоинъ показался? Къ тому-же всякъ, разсуждая краткость жизни своей, не такъ бы прилежалъ въ пользу отечества, если бы награжденіе трудовъ не шло въ наслѣдство; любовь же отъ себя происшедшихъ убѣждаетъ и своего житія не щадить, чтобъ ихъ благополучное было. Но все вышепомянутое тогда нужно, когда потомки въ нравахъ успѣва-

ютъ, то есть благонравія виды издаютъ и надежду являютъ, что нѣкогда могутъ быть полезны, и какъ обидно бы было лишать благонравныхъ потомковъ плода трудовъ ихъ предковъ, такъ безразсудно бъ было потомкамъ всю надежду свою поставлять на однѣ тѣ предковъ службы, и затѣмъ самимъ унывать въ лѣности и въ другихъ злонравіяхъ.

Ст. 118, 119, 120. *Столбы сокрушатся* и проч. Не должно опираться на однѣ службы предковъ, понеже онѣ не даютъ намъ ни какого права требовать себѣ новое награжденіе, пока сами своими нравами не заслужимъ того, чтобъ тѣ, кои награждать насъ могутъ, вспомнили службы нашихъ предковъ.

Ст. 121 по 125. *Свѣтлой воды* и проч. Предки тебѣ трудами своими расчистили ключъ воды чистой, сирѣчь дорогу къ чинамъ, къ богатству, къ славѣ; вольно тебѣ пользоваться ихъ трудомъ, но не льзя пользоваться, буде не станешь черпать чистою чашею, т. е. буде самъ ты не очистишь себя отъ злонравія, буде не приложишь собственный трудъ.

Ст. 125. *Ты самъ праотцевъ твоихъ*. Смотри выше сего стихъ 32 по 46.

Ст. 126. *Пала она и дѣламъ и нраву*. Предки твои достали свою славу чрезъ свои нравы и чрезъ свои дѣла.

Ст. 133. *Потрись на оселку, другъ*, и проч. Ты самъ призналъ, что предки твои достали свою славу трудами своими и своимъ добронравіемъ. Потому разсмотри самъ свои дѣла, и потомъ суди, являешь ли ты въ себѣ такой знакъ благороднаго рожденія, и правильны ли твои жалобы, что тебя забываютъ въ углу, когда подлыхъ, 93 но добронравныхъ въ чины производятъ. Извѣстно, что на оселку трутъ серебро и золото, чтобъ вызнать тѣхъ рудъ доброту.

Ст. 135. *Пѣлъ пѣтухъ* и проч. Сатирикъ начинаетъ Евгеніеву жизнь изслѣдовать, чтобъ ему доказать, что ни какой заслуги и хвальнаго нрава и знанія въ себѣ не имѣетъ, и что потому достоинъ быть забытымъ.

Ст. 136. *Тогда войско выводили*. Подражаніе десятаго стиха VIII Ювеналовой сатиры:

. . . . .Si dormire incipis ortu
Luciferi, quo signa duces & castra movebant.

Ст. 142. *Пойло, что шлетъ Индія*. Кофе или шоколадъ. Лучшій кофе приходитъ изъ Аравіи, но и во всѣхъ Индіяхъ тотъ овощъ обиленъ. Всѣмъ ужъ у насъ извѣстно, что тотъ овощъ, сжаривъ, смоловъ мелко и сваря въ водѣ, вмѣсто завтрака служитъ, и прихотливымъ въ забаву послѣ обѣда. *Шоколадъ* есть составъ изъ орѣха, *какао* называемый, который растетъ въ Индіяхъ Западныхъ,

93) Т. е. не дворянъ.

изъ сахару и изъ ванильи, другаго пахучаго овоща той же Индіи. Тотъ составъ варятъ въ водѣ или молокѣ, и пока варится оный, часто болтаютъ, чтобъ пить горячій съ пѣною, и то пойло вмѣсто завтрака принимается во всей почти Европѣ.

Ст. тотъ-же. *Иль везутъ съ Китая*. Сирѣчь чай. Всѣмъ извѣстно же, что лучшій чай (пахучій и вкусный листокъ древа такъ называемаго) приходитъ изъ Китая, и что того листика вложивъ щебень въ горячую воду, вода та становится, приложивъ кусокъ сахару, пріятное пойло.

Ст. 145. *Женскихъ достойную плечъ*. Евгеній спитъ до полудня, и позднѣе, проснувся, тянется и нѣжится въ постели, пока по завтракѣ начинаетъ убирать свои волосы. Для того убору вскинетъ на плечи тонкую полотняную завѣску, которая въ то время обыкновенно вздѣвается, чтобъ остеречь платье или рубашку отъ пудры, что на волосы сыплется.

Ст. 146. *Волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину*. Завиваешь кудри и устроиваешь волосокъ къ волоску съ многимъ прилежаніемъ, чтобъ всѣ лежали красиво и порядочно.

Ст. 147. *Часть надъ лоскимъ лбомъ* и проч. Такъ щегольство раздѣляетъ волосы убранные на три доли: часть обыкновенно надъ лбомъ, коротенько обрѣзавъ, гребнемъ торчитъ, часть свободно играетъ, завиты въ колечки, и большая часть къ темю, связавъ тесьмою, вкладывается въ черный тафтяной мѣшокъ, который виситъ по спинѣ.

Ст. 150. *Племя тебѣ подобныхъ*. Такому искусному убору волосъ твоихъ дивятся люди тебѣ подобные, которые всю свою славу въ убранствѣ ставятъ. Умный человѣкъ презираетъ внѣшнюю и объ одной внутренней украсѣ печется.

Ст. 151 и 152. *Ты самъ новый Нарциссъ жадно глотаешь очьми себя*. Тебѣ подобные дивятся твоему убранству; да ты и самъ, какъ Нарциссъ, не можешь на себя наглядѣться, жадно себя въ зеркалѣ своемъ смотришь и любуешься. *Нарциссъ* по баснословію древнихъ былъ сынъ рѣки Цефица и нимфы Ліріопеи, столь красивый, что всѣ въ него влюбливалися. Въ жаркіе лѣтніе дни, приклонився онъ въ колодезю напиться и увидѣлъ себя, и самъ въ себя влюбился; но узнавъ что самъ собою свою похоть исполнить не можетъ, съ печали умеръ.

Ст. 153. *Потъ съ слуги валится*. Слуга, надѣвая тебѣ тѣсные башмаки, вспотѣлъ.

Ст. 154. *Въ двѣ мозоли и тебѣ*. Тѣсные башмаки часто натираютъ мозоли; однакожъ щеголь готовъ и тою болѣзнію купить красу оную, чтобъ имѣть маленьку ножку.

Ст. 155. *Избитъ полъ и подъ башмакъ*. Чтобъ натянуть тѣсный башмакъ на ногу, нужно долго и сильно бить ногою въ полъ, и подмазывается тогда подошва башмака мѣломъ, чтобъ не скользить, и тѣмъ лучше опираться можно было.

Ст. 156. *Деревню вздѣнешь*. Вздѣнешь кафтанъ пребогатый, который сталъ тебѣ въ цѣлую деревню. Видали мы. такихъ, которые деревни свои продавали, чтобъ себѣ сшить уборный кафтанъ.

Ст. 157. *Не столько стало народъ*. Стихъ, у Виргилія взятый въ Енеидѣ, книгѣ I:

Tantae molis erat Romanam condere gentem.

Смотри тамъ, какіе были труды Енеевы, пока прибылъ въ Италію и поселилъ своихъ людей. Не меньши были труды его наслѣдниковъ въ утвержденіи и распространеніи римской области.

Ст. 159. *Щегольства и моды*. *Мода* слово французское, *Mode*, значитъ обыкновеніе въ платьѣ и уборахъ и самыхъ правовъ человѣковъ. Крестьяне у насъ называютъ *повѣрьемъ*.

Ст. 161 и проч. по 165. *Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ* и проч. Щегольскія правила требуютъ, чтобъ красный цвѣтъ, а наипаче шипковый не употреблять тѣмъ, коимъ двадцать лѣтъ минули; чтобъ не носить лѣтомъ бархатъ, или зимою тафту, или въ городѣ зеленый кафтанъ, понеже зеленый цвѣтъ въ полѣ только приличенъ.

Ст. 170. *Фалды должны тверды быть*. Когда сатира сія писана, обычай былъ, чтобъ фалды торчали тверды, а не висѣли бъ по ногамъ, для того подшивали ихъ ситою.

Ст. 171. *Въ полъ-аршина глубоки*. Глубина фалда есть ширина его сгибы.

Ст. 172. *Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты*. То есть, чтобъ станъ былъ короче, нежели разстояніе межъ клиньями и подоломъ кафтана.

Ст. 178. *И Рексу*. Рексъ портной. Смотри примѣчаніе о немъ подъ стихомъ 26-мъ сатиры I.

Ст. 179. *Въ обѣдъ и на ужинъ*. Филаретъ, описавъ каково Евгеній проводитъ время предъ обѣдомъ, въ чрезмѣру излишнемъ попеченіи о уборѣ своего тѣла, уже вступаетъ изслѣдовать прочіе его пороки. Пьянство первое встрѣчается, ибо пьянымъ часто свѣча въ глазахъ двоится, и полъ кажется подъ ногами вертится.

Ст. 186. *Вздутымъ поднятъ пузыремъ*. Пока Евгеній, пьючи и обжираяся, толпа льстецовъ выхваляютъ въ немъ для своей корысти то, чего въ немъ сами не находятъ; онъ имъ довѣряетъ, и тѣмъ разгордѣвъ, чаетъ, что прочіе люди съ нимъ примѣняться не могутъ. Извѣстно, что младенцы подвязываютъ себѣ пузыри, чтобъ способнѣе плавать въ водѣ.

Ст. 188. *Оглянись намѣстниковъ*. Выше сего Евгеній сказывалъ, что изъ его предковъ никто не былъ ниже думнаго боярина или намѣстника, и для того Филаретъ насмѣшкою называетъ его *чистымъ сѣменемъ царскихъ намѣстниковъ*.

Ст. 193. *То время*. Въ которомъ, сирѣчь, похлѣбники твои уже и въ глаза тебѣ станутъ смѣяться.

Ст. 194. *Пестрыхъ пучки бумагъ.* То есть карты, въ которые всю жизнь свою играешь.

Ст. 196. *Деревня со скотомъ.* Промоталъ ты уже не одну деревню, которую купилъ у тебя человѣкъ незнатный, кузнецъ, но человѣкъ умный, бережный, прилежный.

Ст. 200. *Приложился сильный жаръ.* Безпрестанную игру и невоздержность въ похотяхъ пріуподобляетъ сатирикъ двумъ болѣзнямъ, жару и поносу; въ самомъ дѣлѣ злонравія суть душевныя болѣзни.

Ст. 201. *Часто любишь отирать.* Любишь спочивать на бѣлыхъ грудяхъ, любишь часто валяться съ невоздержными женами.

Ст. 202. *Въ томъ.* Сирѣчь, въ костырствѣ и насыщеніи похоти.

Ст. 203. *Но тѣ, что стѣнахъ твоей.* Сіи рѣчи Филаретовы относятся къ стиху 41-му, гдѣ Евгеній упоминалъ о салѣ своихъ палатъ. «Хвастаешь», говоритъ ему Филаретъ, «старымъ родомъ, заслугами предковъ, а самъ не только всякими злонравіями изобилуешь, но и всякаго приличнаго знанія и искусства лишаешься: въ началѣ и читать не умѣешь.»

Ст. 205. *И помочь чужая нужна, чтобъ знать.* Буде читать Евгеній не умѣетъ, еще больше невѣжъ въ искусствѣ военныхъ наукъ.

Ст. 206. *Черту, что копая* и проч. Сирѣчь *шанцы.* Всѣмъ извѣстно, что когда приступъ чинится къ городу, войско осаждающее, для безопаснѣйшаго приближенія къ стѣнамъ, копаетъ прямые рвы, въ которые врывается идучи, и кидая землю противъ стѣнъ, чтобъ тою защищаться отъ городовой стрѣльбы.

Ст. 208. *Гдѣ стѣны часть одна помалу.* Гдѣ, сирѣчь, стѣна городовая разбита пулями, гдѣ подорвана подкопомъ.

Ст. 212. *Спомочникъ.* Вмѣсто помочь.

Ст. 213. *Рѣдкимъ полкамъ.* Рѣдкимъ за падежемъ убитыхъ въ бою.

Ст. 213 и 214. *И гдѣ ужъ отмѣнены силы.* Обыкновенно непріятель, чрезъ всякіе способы извѣдавъ состояніе войска, противъ котораго биться имѣется, наступаетъ съ той стороны, гдѣ знаетъ слабѣйшимъ; потому искусный воевода иногда благовременно предъ самымъ боемъ отмѣняетъ расположеніе полковъ своихъ, и тѣмъ прельщаетъ надежду оплошнаго непріятеля, который, чая напасть на слабый полкъ, находитъ противъ себя цвѣтъ всего войска.

Ст. 215. *Много вышнихъ требуетъ.* Дворянству предлежатъ три рода службы: военная, судейская, придворная; во всѣхъ тѣхъ къ исправленію должности своей, наипаче въ вышнихъ степеняхъ, требуется много различныхъ знаній и искусствъ. То самое Филаретъ начинаетъ изъяснять Евгенію; не долженъ однакожъ читатель искать въ забавныхъ стишкахъ подробное изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ знаній, на которое дѣло цѣлыя большія книги уже отъ искуснѣйшихъ составлены.

Ст. 216 и 217. *И входъ и исходы и мѣсто.* Искусный воевода предъ боемъ прилежно изслѣдуетъ не только чѣмъ бой начать и какъ мѣсто занять удобнѣйшее, но какъ изъ бою выйти, наипаче ежели случится неудачливъ, чтобъ по меньшей мѣрѣ оставшихъ людей спасти. Расположеніе войска къ бою должно быть главнѣйшее попеченіе воеводы, понеже обыкновенно отъ того зависитъ удача или несчастіе битвы.

Ст. 218 и 219. *Лишной безопасности.* Множество примѣровъ въ исторіяхъ находимъ, что лишная безопасность воеводъ была пагубна и самымъ побѣдоноснымъ войскамъ; для того нужно не спускать съ глазъ непріятеля, всегда за нимъ смотрѣть и извѣдывать о его намѣреніи и поступкахъ, такъ чрезъ посыльныхъ, какъ и чрезъ перемѣтчиковъ. О славномъ послѣдняго Цесаря воеводѣ принцѣ Евгеніи Савойскомъ примѣчено, что онъ ни денегъ, ни трудовъ въ томъ не жалѣлъ, и всегда отъ того великую пользу получалъ.

Ст. 221. *О обильности въ своемъ таборѣ печется.* Безъ корму сила воиновъ ослабѣваетъ, и часто хлѣба недостатокъ производитъ недовольство, жалобы и иногда крамолу; кромѣ жъ того воевода долженъ воиновъ почитать дѣтьми своими, не допускать ихъ лишаться потребнаго не къ прохладному, но къ нужному пропитанію; часто же недостатокъ припасовъ причиною бываетъ сдачи городовъ и войскъ цѣлыхъ.

Ст. 222 и 223. *Любовь ему предпочтется войска чѣмъ.* Весьма нужно воеводѣ держать войско и подчиненныхъ себѣ полководцевъ въ нѣкоемъ приличномъ къ себѣ почтеніи и въ страхѣ, чтобы лишное безстрашіе не привело ихъ въ своевольство; но не меньше долженъ заслужить себѣ ихъ и любовь. Кто страшенъ только, а не любимъ, тотъ подлинно ужъ ненавидимъ, и воиновъ сердца подъ такимъ воеводою не только унываютъ, но иногда въ дѣйствѣ нарочно они славу свою презираютъ, чтобъ могли воеводскую ущербить.

Ст. 224. *Отцемъ невинный народъ.* Война производится противъ вооруженнаго непріятеля, потому всякое озлобленіе безоружнаго невиннаго народа, каковы суть въ селахъ крестьяне, мѣщане въ городахъ, не согласуется правамъ военнымъ и человѣколюбію противно. Многіе воеводы такой народъ утѣсняютъ, грабятъ, мучатъ, чтобъ ихъ бѣдными пожитками обогатиться. Тѣ воеводы о благѣ отечества своего не пекутся; ибо извѣстно, что охраненіе народовъ ихъ сердца всего легче къ побѣдителю склоняетъ. Скорѣе завоюетъ землею тотъ, кто съ жительми ласково поступаетъ, чѣмъ тотъ, кто рубитъ и жжетъ безъ разбору и безъ милости: суровость не обыкла производить вѣрныхъ подданныхъ.

Ст. 235. *Какъ тебѣ ввѣрить корабль.* Слѣдуетъ уже разсужденіе о должностяхъ мореплавцовъ и морскихъ воеводъ.

Ст. 237. *Гладкихъ испугался ты водъ.* Гладкихъ водъ, то есть тихой воды, каково въ прудѣ въ безвѣтренное время.

Ст. 239. *Мѣдное сердце*. Жестокое, отважное, несломимое сердце противъ всякаго страху. Хотя и сухопутная военная служба трудовъ и бѣдства исполнена, однакожъ много больше морская, понеже на сухомъ пути воюемъ съ однимъ непріятелемъ, на морѣ съ непріятелемъ, съ вѣтрами, съ водою. Смерть со всѣхъ сторонъ обстоитъ и толстота доски корабельной одна отъ нее мореплавцовъ отдѣляетъ.

Ст. 240. *Одна отдѣляетъ отъ нее доска*. Подражаніе слѣдующихъ Ювеналовыхъ стиховъ сатиры его XII:

> I nunc, et ventis animam committe, dolato
> Confisus ligno, digitis a morte remotus
> Quatuor, aut septem, si sit latissima taeda. [94]

Ст. 242. *Твоя душа требуетъ грань съ нею*. Мореплавцы на четыре пальца только отъ смерти отстоятъ; твоя трусливая душа требуетъ гораздо бо́льшее отъ смерти разстояніе.

Ст. 247. *Съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства*. Труды морской службы столь велики, что въ самомъ дѣлѣ должно съ самаго младенчества въ нимъ обыкать, чтобъ могли казаться сносны. Между прочимъ извѣстно, что движеніемъ корабельнымъ сердце мутится у тѣхъ, кои измолода къ тому движенію не пріобыкли.

Ст. 252. *Лучами своими* и проч. по стихъ 255. Для учрежденія корабельнаго пути въ морѣ умъ человѣческій между прочимъ два способа изобрѣлъ: наблюденіе свѣтилъ небесныхъ и компасъ. Тѣмъ познаваетъ мѣсто, гдѣ корабль находится; симъ—въ которой сторонѣ лежитъ востокъ, западъ, югъ и сѣверъ. *Компасъ* есть ящичекъ, въ которомъ въ срединѣ втвержена спичка мѣдная, а на ней поставлена иголка желѣзная, на камень магнитъ потертая, такимъ образомъ, что на спичкѣ та игла свободно лежать и оборачиваться можетъ. Магнитъ такую силу въ себѣ имѣетъ, что той иглы одинъ конецъ направляетъ всегда къ сѣверу, другой къ полдню.

Ст. 260. *Часъ ужасный*. Время ужасное мореплаванія въ буряхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Ст. 261. *Надъ нимъ занятъ вѣтръ способный*. Немалой важности въ корабельномъ бою забраться подъ вѣтръ такимъ образомъ, чтобъ съ нашего корабля дулъ на непріятельскій.

Ст. 265. *Трубка и компасъ*. Трубка зрительная, которою наблюдаются звѣзды и прочія свѣтила небесныя. Много еще и другихъ астрономическихъ орудій употрѣбляется на морѣ, которыя въ одной трубкѣ стихотворецъ включаетъ. О компасѣ смотри выше примѣчаніе подъ стихомъ 252.

---

94) Ступай теперь и ввѣрь свою душу вѣтрамъ, положившись на оструганную доску, удаленный отъ смерти только на четыре пальца, или на семь, если доска слишкомъ толста.

Ст. 266. *За краснымъ судить сукномъ*. Стихотворецъ начинаетъ изслѣдовать должности судей и правителей гражданскихъ.

Ст. 268. *И рѣчиста деньга*. Деньги всякаго довода сильнѣе при лакомыхъ судьяхъ, для того *рѣчистою* названы; сильны онѣ къ всему склонить, къ всему уговорить своего любителя.

Ст. 283. *Указы Петровы*. Указы должно разумѣть и уставы Императора Петра Великаго, отъ которыхъ народъ получилъ столькую пользу. Извѣстно, что Его Величество почти собственными трудами издалъ Военный, Морской и Сухопутный Уставъ; Гражданскій старый, подъ титломъ Уложенія, пополнилъ многими мудрыми указами; составилъ Регламентъ церковный, по которому Синодъ церковныя дѣла правитъ.

Ст. 290. *Что махнулъ рукою вмѣсто правой лѣвою*. За малѣйшую вину, каково есть махнуть одною рукою вмѣсто другой, буде то виною назвать можно, бьешь до крови слугу. Весьма обличенія достойна такая суровость господъ къ служителямъ. Должно бы и къ виновнымъ поступать съ милостью, и сколько можно отдаляться побоевъ; а когда и нужда настанетъ къ наказанію, наказывать беззлобно и въ одномъ намѣреніи, чтобъ наказуемаго исправить, и его примѣромъ других отъ злочинства удержать, а не для насыщенія склонности своей къ озлобленію человѣка, который обороны противъ насъ не имѣетъ.

Ст. 299. *Арапскаго языка*. Судья долженъ не только быть украшенъ различными добродѣтельми, и наипаче соболѣзнованіемъ, но знать исправно естественныя правы, нашъ гражданскій уставъ и всѣ указы и уставы Петра Великаго. Ты надъ бѣднымъ и больше надъ слугою своимъ оказываешь свое безчеловѣчіе, деньги свои истощая безпутно, подлинно къ деньгамъ ты лакомъ; а въ знаніяхъ приличныхъ судейскому чину столько невѣжа, что и самыя рѣчи *право, законъ* кажутся тебѣ рѣчьми арапскаго языка, дикими русскому уху.

Ст. 301. *Если въ тѣ чины не гожъ*. Филаретъ столь сильно доказалъ Евгенію его недостатки и пороки, для которыхъ ни какимъ образомъ требовать бы не долженъ, чтобъ произведенъ былъ въ морскіе или сухопутные воеводы, или въ судьи и губернаторы, что Евгенію отвѣтствовать ничего не оставилъ. Предвидитъ однакожъ, что можетъ представить, что придворная служба такихъ искусствъ и знаній не требуетъ, и что потому обижаютъ его Евгенія, когда ему подобныхъ, каковъ наприкладъ *Клитъ* (вымышленное лицо), производятъ въ камергеры, а онъ еще забытъ остается. Для того Филаретъ принимается изъяснить, что и придворному человѣку нужно не меньше свойствъ добрыхъ и искусства. Въ самомъ дѣлѣ, плохо тѣ судятъ, кои чаютъ, что одно дворянское имя и богатство довольны тому, кто въ Дворѣ жить уставилъ; бѣдства и тамъ предлежатъ, которыхъ мино-

Ст. 371 и 372. *Одно съ двухъ чадо его садъ копалъ, другой пасъ блеюще стадо.* Каинъ, Адамовъ сынъ, былъ земледѣтель, а Авель пастухъ, такъ объ нихъ говоритъ Моисей: и бысть Авель пастырь овецъ, Каинъ же бѣ дѣлая землю. *Бытія* глава.... *Блеющее стадо.* Стадо овецъ, ибо овцы блеютъ.

Ст. 376. *Оставя дудку, соху.* Оставя пастушество и земледѣльство; дудку обыкновенно пастухи употребляютъ, а соха есть земледѣльное орудіе.

САТИРА III.

КЪ АРХІЕПИСКОПУ НОВГОРОДСКОМУ.

(О различіи страстей человѣческихъ).

Дивный первосвященникъ, которому сила
Вышшей мудрости свои тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ!
Ѳеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что можетъ поняти!
Скажи мнѣ, можешь бо ты,[1] всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа,
Она ли имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?
  На Хрисиппа первый взглядъ вскинь, буде досужно:
Хрисиппъ, хоть грязь по-уши, хоть небо блистаетъ
Огнями, и рѣки льетъ,[2] Москву обѣгаетъ
Днемъ трожды[3] изъ краю въ край; съ торгу всѣхъ позднѣе;
Вчерашной часто обѣдъ кончаетъ скорѣе,
Чѣмъ въ приходской праздникъ попъ отпоетъ молебенъ.
Сонъ, отрада твари всѣй, ему не потребенъ,
По вся утра тороплйвъ, не только съ постели,
Но выходитъ изъ двора, пѣтухи не пѣли.
Когда въ чемъ барышъ достать надежда какая,
И саму жизнь не щадитъ. Недавно съ Китая,

1) Ибо ты можешь.
2) Т. е. гроза и дождь.
3) Трижды.

Съ край свѣта прибывъ, тотча̀съ въ другой ужъ край свѣта
Сбирается, не смотря̀ ни на свои лѣта,
Ни на злобу во̀здуха въ осеннюю пору;
Презираетъ водъ морскѝхъ то бездну, то гору;[4]
Сѣдъ, беззубъ и вѐсь ужъ дря̀хлъ на корабль садится,
Не себя какъ уберѐчь, но товаръ, крушится.
Торгуетъ ли что Хрисѝппъ? Больше проливаетъ
Слезъ, больше поклонъ кладѐтъ, чѣмъ денегъ считаетъ.
Когда продаетъ, божбы̀ дешевле товару;
И хоть Москву всю сходѝть—другаго подъ пару
Не сыщешь, кто-бъ въ четвертѝ искуснѣ̀й осьмушку,
У аршина умѣря̀лъ вершокъ, въ ведрѣ кружку.
Весь вечеръ Хрисиппъ безъ свѣчъ, зиму всю колѣетъ,
Жалѣя дровъ; безъ слугѝ обойтись умѣетъ
Часто въ домѣ; носитъ двѣ рубашку недѣли,
А простыни и совсѣмъ гніютъ на постели.
Одинъ кафтанъ, и на нѐмъ ужъ ворса избита
Нить голу оста̀вила, и та ужъ пробита;
А кушанье подано̀ коли на двухъ блюдахъ,
Кричитъ: куды мотовство̀ завелося въ людяхъ.
За пищу, думалъ бы ты, Хрисиппъ суетится,
Собирая, чѣмъ бы жѝть; что за нимъ тащится
Дряхла жена и дѣтѐй куча малолѣтныхъ,
Что тѣ суть его трудо̀въ причина примѣтныхъ.
Да не то: ужъ сундукѝ мѣшковъ не вмѣщаютъ,
И въ нихъ ужъ заржа̀вены почти истлѣваютъ
Деньги; а всей у него̀ родни за душою
Одинъ лишь внукъ, да и то̀тъ гораздо собою
Не убогъ, дѣда хотя̀ убожѣе вдвое.
Скупость, скупость Хрѝсиппа мучитъ, не иное;
И прячетъ онъ и копѝтъ денежныя тучи,
Думая, что изъ большо̀й пріятно брать кучи.
Но если изъ малой я̀ своей получаю
Сколько нужно, для чего̀ большую, не знаю,
Предпочитаетъ? Тому̀ подобенъ мнѣ мнится
Хрисиппъ, кто за ча̀шею одною тащится
Воды на пространную рѣку, хотя можетъ
Въ ручейкѣ чисту достать. Что ему поможетъ
Излишность, когда рѣка̀, берегъ подъ ногами

4) Волны.

Подмывъ, съ ними и его̀ покроетъ струями.
Клеархъ сребролюбія и тѣни боится,
Весь отъ головы до пя̀тъ въ золотѣ онъ снится;
Домъ огромный въ го̀родѣ, домъ и за Москвою,
Оба тщивости само̀й убраны рукою;
Столъ пространный, весь прибо̀ръ царскому подобенъ,
Чрезъ толпу слугъ, зо̀лотомъ облитыхъ, удобенъ [5]
Къ нему доступъ и пѣвца̀мъ, и сводникамъ гнуснымъ,
И б....мъ и всѣхъ страстѐй затѣямъ искуснымъ, [6]
Которыхъ онъ по̀лною горстью осыпаетъ.
Новы къ сластолюбію тропы прочищаетъ
Безперечь, о томъ одно̀мъ ночь, день суетится.
Крезуса бога̀тѣе быть кому возмнится,
Хотя доходы его̀ моихъ не пошире,
И съ трудомъ стаютъ ему̀ дни лишь на четыре;
Прочее въ долгъ набрано̀ обманомъ, слезами,
Клятвами и вся̀кими подлыми дѣлами.
Растетъ долгъ, и къ росту ро̀стъ на всякъ день копится,
Пока Клеархъ нашъ весь го̀лъ въ тюрьмѣ̀ очутится,
Заимодавцамъ своѝмъ оставя въ награду
Скучну надежду, суму̀, слезы и досаду.
Два три плутца, въ па̀губѣ многихъ, разжирѣли,
Что и бѣлокъ и желто̀къ высосать умѣли.
Съ зарею вставши, Мена̀ндръ вездѣ побываетъ,
Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Что въ домѣ̀хъ, что въ у̀лицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ [7]
Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ,
Что вновь выйдетъ, о всяко̀й [8] перемѣнѣ чина
Онъ извѣстенъ [9] прежде всѣхъ; что всему причина,
Ка̀къ Отче Нашъ наизу̀стъ. [10] Три дни брюху дани
Лучше не дастъ, чѣмъ не зна̀ть, что привезъ съ Гиляни
Вчера прибывшій гонѐцъ, гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
Сватается кто на ко̀мъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ воло̀чится, кто выѣхалъ, въѣхалъ,
У кого родился сы̀нъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ.

5) Возможенъ.
6) Искуснымъ затѣямъ всѣхъ страстей.
7) Приказъ—присутственное мѣсто.
8) Для размѣра нужно читать *о вско̀й*.
9) Ему извѣстно.
10) Подразумѣвается *ему извѣстна̀*.

О, когда бъ дворяне тàкъ наши свои знали
Дѣла, [11] какъ чужіе òнъ! не столько бъ ихъ крали
Дворецкой съ прикàщикомъ, и жирнѣе бъ жили,
И должниковъ за собòй толпу бъ не водили. [12]
Когда же Менандръ новѝзнъ наберетъ нескудно,
Недавно то влѝтое ново вино въ судно
Кипитъ, шипитъ, обручъ рвѐтъ, доски подувая,
Выбьетъ втулку, свирѣпò устьми вытекая.
Встрѣтитъ ли тебя, тотчàсъ въ уши вѣстей съ двѣсти
Насвищетъ, и слышалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
И тебѣ съ любви своѐй оны сообщаетъ,
Прося держать про себя̀. Составить онъ знаетъ
Мнѣнію окрỳжности своему прилично;

---

11) Когда-бъ наши дворяне такъ знали свои дѣла.

12) Татищевъ въ «Разсужденіи о ревизіи поголовной» говоритъ о современномъ ему дворянствѣ слѣдующее: «У насъ между шляхтичемъ и подлымъ (недворяниномъ) никакой разности, ни закона о томъ нѣтъ, а почитаются всѣ имѣющіе деревни, подъячіе, поповичи, посадскіе, холопи, имѣющіе отчины, куйленныя или инымъ случаемъ полученныя, за шляхетство, гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслитъ, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не ведется; шляхетство не учено и училищъ не устроено, да видится вся прилежность и узаконенія о томъ преславнаго въ мірѣ государя въ презрѣніи и забвеніи оставлено; а безъ ученія человѣкъ не знаетъ, что пристойность, благонравіе, благочестіе, должность и преимущество, недостаетъ ему смысла разсуждать, въ чемъ его собственная и отечества польза или вредъ; и такъ едину глупую спѣсь, чванство, коварства, ябеды, злость и хищеніе за высшую мудрость почитаютъ: ибо видя, что у насъ единственно богатство и великолѣпіе почитаемо, всякъ о томъ токмо прилежитъ, какимъ бы нибудь способомъ богатство пріобрѣсти, а когда оное получитъ, то чины, чести и доходы купить уже не трудно; великолѣпнымъ чванствомъ единъ другаго тщася преуспѣть, не разумѣетъ, что тѣмъ себя и отечество раззоряютъ, что всякому довольно видимо; губернаторы и воеводы, надмѣрную надъ шляхетствомъ власть имѣя, не токмо сами, но подъячимъ даютъ способъ со шляхетствомъ презрительно поступать и по своей волѣ ихъ, когда хотятъ, употребляютъ и грабятъ; и хотя Его Императорское Величество тремя законы желалъ оное исправить и въ лучшее состояніе привести, въ 1717 г. въ Наказѣ сыщиковѣ по закону, учиненному отцемъ его, повелѣлъ судей въ городѣхъ, въ 1724 г. въ плакатѣ поголовнаго сбора о комиссарѣхъ, чтобъ выбирать, судить оныхъ и награждать шляхетству, въ 1722 г. запретивъ въ секретари кромѣ шляхетства производить и о устроеніи училищъ въ монастырехъ 1724 г. къ великой государства пользѣ опредѣлилъ; да невѣжество, или злость или собственныя пользы тѣхъ, кому то производить и наблюдать надлежало, все въ забвеніи оставили». (Татищевъ и его время, Н. Попова, стр. 771—2).

Рѣдко двумъ ту-жъ вѣ̀домость скажетъ одноличнo, [13]
И вѣру самъ наконѐцъ подастъ своей бредни,
Ежели прійдетъ къ нему̀ изъ знатной передни.
Сказавъ, тебя какъ судья̀ бѣжитъ осторожный
Просителя, у кого̀ карманъ ужъ порожный,
Имѣя многимъ ещѐ въ городѣ наскучить.
Искусенъ и безъ вѣстѐй голову распучить
Тебѣ Лонгинъ. Стерегѝсь, стерегись сосѣдомъ
Лонгина, не за̀втракавъ, имѣть за обѣдомъ.
Отъ жены, дѣтей своѝхъ долгое посольство [14]
Отправитъ тебѣ, пото̀мъ свое недовольство
Явитъ, что ты у него̀ давно не бываешь,
Хоть больну быть но̀выми зубами дочь знаешь. [15]
Четвертый уже зубо̀къ въ деснахъ показался;
Ночь всю и день пла̀чется; жаръ вчера унялся.
Другую замужъ даѐтъ, женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ, красивъ, и жены̀ старѣе лишь годомъ.
Приданое до̀черне опишетъ подробно,
Прочтетъ рядную [16] всю спло̀шь, и всяку особно [17]
Истолкуетъ въ ней статью̀. Сынъ меньшой, недавно
Начавъ азбуку, тепѐрь чтетъ склады исправно.
Въ деревнѣ своей копа̀ть началъ онъ прудъ новый,
Тому [18] тотчасъ, иль чертѐжъ съ кармана готовый
Вытаща, подъ носъ тебѣ разсмотрѣть положитъ,
Иль на ту стать но̀жики и вилки разложитъ.
Сочтетъ, сколько въ ней [19] землѝ, что беретъ оброку,
Къ какому всякъ у него̀ спѣетъ овощъ сроку,
И владѣльцевъ всѣхъ ея̀ другъ за другомъ точно
Отъ потопа самого̀, [20] и какъ она прочно
Изъ руки въ руку къ нему̀ дошла съ приговору
Судей, положа конѐцъ долгу съ дядей спору.
Милуетъ же тебя Бо̀гъ, буде онъ осаду
Азовску еще къ тому̀ не прилѣпитъ сряду;

---

13) Рѣдко одинаково скажетъ двоимъ одну и ту же вѣсть.
14) Т. е. поклонъ.
15) Хоть знаешь, что дочь его больна новыми зубами.
16) Роспись приданаго.
17) Особливо.
18) Пруду.
19) Т. е. въ деревнѣ.
20) Т. е. перечтетъ всѣхъ ея владѣльцевъ.

Рѣдко минуетъ её, и день нуженъ цѣлый
Выслушать всю повѣсть ту̀. Полководецъ зрѣлый
Много онъ тамъ почудилъ,[21] всегда готовъ къ дѣлу,
Всегда пагубенъ врагу̀. Тутъ-то ужъ безъ мѣлу,
Безъ верви кроить обыкъ, безъ аршина враки.[22]
Правды гдѣ-гдѣ кро̀шечны увидишь ты знаки.
Да гдѣ все то мнѣ списа̀ть, что онъ въ столъ наскажетъ?
Не столько зернъ, что въ снопа̀хъ мужикъ въ день навяжетъ,[23]
Не столько купецъ божбы̀ учинитъ въ продажѣ
Товаровъ чрезъ цѣлый го̀дъ,[24] и не столько въ кражѣ
Разъ пойманъ, давши судьѣ цѣловальникъ плату,
Очиститъ себя и всю̀ казенну утрату.[25]
Весь въ пѣнѣ, въ поту, уня̀ть устъ своихъ не знаетъ,[26]
Не смѣетъ плюнуть, сморкну̀ть. Тогда же онъ чаетъ,
Что весь ухо, языка̀ во рту не имѣешь;
Говорить тебѣ не да̀стъ; хоть дастъ, не успѣешь.
Варламъ смиренъ, молчали̇въ, какъ въ палату войдетъ,
Всѣмъ низко покло̀нится, къ всякому подо̀йдетъ,
Въ уголъ свернувшись потомъ, глаза въ землю втупитъ;
Чуть слыхать, что говори̇тъ; чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Безперечь чотки въ рука̀хъ, на всякое слово
Страшное имя Христа̀ въ устахъ тѣхъ готово.
Молебны пѣть, и свѣчи̇ класть склоненъ безъ мѣру,
Умильно десятью въ ча̀съ выхваляетъ вѣру
Тѣхъ, кои церко̀вную славу расширили,
И великолѣпенъ хра̀мъ Божій учинили;
Души-де ихъ по̀длинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему̀, можешь догадаться;
О доходахъ говори̇тъ церковныхъ склоняетъ;
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ о̀нъ, того похваляетъ,
Другое всяко не сто̀ль дѣло годно Богу;

---

21) Надѣлалъ чудесъ.
22) Обыкновенно кроитъ враки безъ мѣлу, безъ веревки, безъ аршина, безъ всего того, что употребляется для мѣрки при кройкѣ чего-либо.
23) Т. е. не столько зеренъ въ снопахъ, которые крестьянинъ навяжетъ въ теченіе цѣлаго дня.
24) За цѣлый годъ.
25) И не столько разъ пойманный въ кражѣ цѣловальникъ, давъ судьѣ взятку, очиститъ ею себя и казенный ущербъ.
26) Не умѣетъ.

Тѣмъ однимъ легку сыскàть можемъ въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ, за столòмъ—и мясо противно
И вина не хочетъ пѝть; да то и не дивно:
Дома съѣлъ цѣлой каплỳнъ, и на жиръ и сало
Бутылки венгѐрскаго съ нуждой запить стало.
Жалки ему въ пòхотяхъ погибшіе люди,
Но жадно пялитъ съ подъ лбà глазъ на круглы груди,
И женѣ бы я своѐй заказалъ съ нимъ знаться.
Безперечь совѣтуетъ гнѣва удаляться
И досады забывàть; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга; не дàстъ покой и по смерти;
И себя льстя, бѣдный мнѝтъ: такъ такъ человѣки,
Всевидцы, легко прельщàть Бога вышния вѣки. [27]
Фока утро все торчѝтъ у знатныхъ въ передней,
И гнетъ шею, и дарѝтъ, и какъ бы послѣдней
Слугъ низится лишь затѣмъ, чтобъ чрезъ свою службу
Неусыпную достàть себѣ знатныхъ дружбу.
И народъ бы говорѝлъ: вишь какъ почитаютъ
Господа Фоку, шепчỳтъ съ нимъ, съ собой сажаютъ.
Застроилъ огромный дòмъ, который оставитъ
Дѣтей его пò міру; даромъ тотъ доставитъ
Ему имя тщѝваго при позднемъ потомствѣ.
Съ родословными писцы̀, [28] съ творцами въ знакомствѣ,
Сыплетъ онъ ихъ дѐньгами, чтобъ тѣ лишь писали
Въ славу его. Кто сочтѐтъ, во что ему стали
Тетради, что подъ егò именемъ не давно
Изданы? Услышавъ òнъ, что гораздо славно
Ранами воѐнными имѣть полно тѣло,
Носъ разбить, и грудь себѣ расчертить снесъ смѣло. [29]
Такъ шалѣетъ, чтобъ достàть въ жизнь и по смерть славы,
Когда къ ней одни ведỳтъ лишь добрые нравы.
Гликонъ ничего въ другѝхъ хвально не находитъ;
Пріятенъ ли кто ко всѣмъ, святу ль жизнь кто водитъ, [30]
Ученъ ли кто, своемỳ въ красу цвѣтетъ роду, [31]
Далъ ли кто власть надъ огнѐмъ, иль укрощать воду,

---

27) Вѣки — *глазà.*

28) Писцами.

29) Услышавъ, что весьма славно имѣть тѣло, покрытое на войнѣ ранами, онъ позволилъ разбить себѣ носъ и исчертилъ грудь.

30) Ведетъ.

31) Отличается ли кто ученостью, служа тѣмъ украшеніемъ своему роду.

Побѣждены ль кѣмъ врагѝ сильны и отважны,
Къ пользѣ ли кто о̀бщества ввелъ законы важны—
Все то ничто. О себѣ̀ Гликонъ ужъ противно
Разсуждаетъ,[32] вся̀кое слово его дивно,
Всѣ поступки образцы̀. Что въ умъ ему вспало,
Не оспоришь во̀вѣки;[33] дивится не мало,
Что главно правлѐніе всего государства
Царь давно не далъ ему̀ во знакъ благодарства.
Въ умъ свой не можетъ вмѣстѝть, что не всѣ вздыхаютъ
Дѣвицы по немъ, любвѝ кои сладость знаютъ.
Собою наполненъ вѐсь, себя лишь чтить смыслитъ,
По своимъ годамъ почѝнъ счастья людей числитъ,
Чая, что смысленна тва̀рь глазъ, ухо имѣетъ
Для того, чтобъ дѝвиться тому, что онъ дѣетъ,
И слушать, что говорѝтъ; а то бы и дѣла
Не осталось на̀шего тѣмъ двумъ частямъ тѣла.
Клитесъ, отважнѣй чернцо̀въ суетъ мірскихъ бремя
Презирая, все живѐтъ безпечаленъ время.[34]
Глаза красны, весь распу̀хъ, изъ устъ какъ съ захода
Вонь несетъ; доходы всѣ̀ не стаютъ въ полгода.
Когда примется за что̀, дрожатъ руки, ноги,
Какъ подъ брюхатымъ дьяко̀мъ одноколвны дроги.[35]
Нищъ, дряхлъ, презрѣнъ, лу̀чшему счастью не завидитъ,[36]
Когда полну склянѝцу въ рукахъ своихъ видитъ,
И сколь подобенъ скоту̀ больше становится
Безсмысленну, столько о̀нъ больше веселится.[37]
Въ палату вшедши Ирка̀нъ, гдѣ много народу,
Распихнетъ всѣхъ, какъ кора̀бль плывущъ сѣчетъ воду,
И хоть бы зналъ, что много̀ злата̑ съ плѐчъ убудетъ,
Нужно продраться вперѐдъ; въ задъ стоять не будетъ.
Садится ли гдѣ за сто̀лъ, то то, то другое
Блюдо предъ собой пода̀ть велитъ, снять иное;
Приходятъ изъ его ру̀къ съ здоровьями кубки;
Зависѣтъ отъ его сло̀въ всѣхъ должны поступки.
Распяливъ грудь, бровь поднявъ, когда знакъ ти окомъ

32) О себѣ же Гликонъ разсуждаетъ наоборотъ.
33) Что ему на умъ вспало́, того никому не оспорить вовѣки.
34) Т. е. живетъ все время безъ печали.
35) Двухколесный экипажъ.
36) Не завидуетъ.
37) Т. е. тѣмъ больше веселится.

Подастъ за низкій поклонъ, въ почтеньи глубокомъ
Имѣетъ тя;[38] ибо съ кѣмъ проговорить слово
Удается не всегда, не всегда готово.
Мнитъ онъ, что вещество то̀, что плоть ему дало,
Было не такое же, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была та фарфорна глина
Съ чего онъ; а съ чего мы—навозная тина.
Созимъ, смотря на него̀, злобно скалитъ зубы,
И шепчутъ мнѣ на̀ ухо ядовиты губы:
« Гораздо бъ приличнѣе Ирканъ протомою[39]
« Помнилъ бабушку свою, и дѣда съ сумою,
« Умѣряя по семьѣ строй свой и походку.[40]
« Гораздо бъ приличнѣе зашилъ себѣ глотку,
« Чтобъ хотя одинъ глупецъ обмануться станомъ
« Его могъ, а не весь свѣтъ окрестилъ болваномъ.»
Созимъ дѣло говоритъ; но Иркану бъ мочно[41]
Дружескій подать совѣтъ, чѣмъ ему заочно
Насмѣхаться безъ плода̀, но о всѣхъ такъ судитъ
Строго Созимъ. «Чистую удачливо удитъ
« Золотомъ мягкій Силва̀нъ супругу сосѣда;[42]
« У Прокопа голоденъ вышелъ изъ обѣда.»
Настя румяна, бѣла̀ своими трудами,
Красота ея въ ларцѣ лежитъ за ключами.
Клементій судья собо̀й взяться не умѣетъ
Ни за что, и безъ очко̀въ дьяка честь не смѣетъ.
Ни возрастъ, ни чинъ, ни другъ, ни самъ ближній кровный
Языкъ Созимовъ унять не можетъ злословный.
Я несчастливымъ тотъ день себѣ быть считаю,
Когда мнѣ случится съ нимъ сойтись; ибо знаю,
Что какъ скоро съ глазъ его̀ сойду, ужъ готово
Столь злобное жъ обо мнѣ будетъ ему[43] слово.
Сообществу язва о̀нъ; но больше ужасенъ
Трофимъ съ сладкимъ языко̀мъ, и больше опасенъ.
Можетъ въ умныхъ клевета̀ пороки заставить

---

38) Т. е. если кивнетъ тебѣ вмѣсто поклона, то ужъ значитъ, что уважаетъ тебя.

39) Вмѣсто *портомою*—прачку.

40) Т. е. жилъ бы, соображаясь съ происхожденіемъ своей семьи.

41) Можно.

42) Т. е. чистую (невинную) супругу сосѣда.

43) У него.

Нечувствительны предъ тѣмъ полезно исправить;
Трофимъ, надсажаясь, всѐ хвалитъ безъ разбору,
Прирастетъ число глупцòвъ. Вѣру даемъ скору
Похваламъ мы о себѣ, и въ сердце вскользая
Истребятъ до кòрени, буде въ немъ какая
Крылась къ добродѣтели ревность многотрудна.
Самолюбіемъ душà ни одна не скудна,
И однимъ свидѣтелемъ совершенно чаемъ
Хвальными себя, за тѣмъ въ пути унываемъ.
Не успѣвъ Титъ растворѝть устъ, Трофимъ дивится
Искусной рѣчи егò; прилежно трудится
И самъ слушать, и другѝхъ слушать принуждаетъ,
Боясь чихнуть иль дохну̀ть, пока рѣчь скончаетъ,
Котору мнѣ вы̀слушать не льзя не зѣвая.
У Тита на у̀жинѣ, пальцы полизая,
Небеснымъ всякій зовѐтъ кусокъ, хоть противенъ
Ему гадитъ. Ни гдѣ òнъ не видалъ столь дивенъ
Чинъ и столько чистоту̀. Все у Тита чудно
Въ домѣ, и самъ домъ почѐсть раемъ ужъ не трудно.
Если бъ Титова женà Парису знакома
Была, Менелàева пряла бъ пряжу дома. [44]
Всѣ до облакъ Тѝтовы дѣла возвышаетъ,
Титъ и носъ сморкнуть кривòй весьма умно знаетъ.
И не отличенъ ему̀ Титъ одинъ: но равно
Всякому льститъ. Все ему̀ чудно и преславно,
И мнитъ, что тѣмъ спòсобомъ любимъ всѣмъ бываетъ.
Въ с . . . . . . мъ горшкѣ, въ стол̀чакѣ твоемъ онъ признаетъ
Духъ искусной, и безъ стыдà подтверждать то станетъ.
Невій босъ и безъ портòкъ изъ постели встанетъ
Пятью и десятью [45] въ нòчь, осмотритъ прилежно,
Заперты ли окна всѣ и двери надежно,
На мѣстѣ ль лежитъ ларѐцъ, и сундукъ и ящикъ.
Сотью шлетъ въ деревню òнъ извѣдать, прикащикъ
Не крадетъ ли за очьмѝ; за дворецкимъ ходитъ
Самъ тайно въ рядъ; [46] за собòй слугъ своихъ не водитъ,
Чтобъ гдѣ беретъ, гдѣ кладѐтъ онъ деньги, не знали.
Котелъ сосѣду ссудѝлъ; тотчасъ думы вспали.

44) Менелаева жена не была бы похищена.
45) Пять и десять разъ.
46) На рынокъ.

Что слуга уйдетъ съ котло̀мъ, тотчасъ шлетъ другаго
По пятамъ за нимъ смотрѣ̀ть, и спустя не много
Пришло въ умъ, что самъ сосѣ̀дъ въ котлѣ̀ отпереться
Можетъ; воротить слугу̀ третій уже шлется.
Вскинетъ ли глазъ на кого̀ жена не нарочно,
Невій чаетъ, что тому̀ ужъ ожидать мочно [47]
Все отъ жены, и за тѣ̀мъ душу свою мучитъ;
Дѣтей мать долги копѝть потаенно учитъ;
Другъ шепчетъ ли что съ другѝмъ, Невію навѣ̀ты
Строятъ, иль смѣются тѣ̀. Мѣряетъ отвѣ̀ты
Долго на всякій вопро̀съ, боясь обмана
Во всемъ. Подозрѝтеленъ весь свѣтъ, и изъяна
Вездѣ̀ опаса̀ется. Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь своѐ нудитъ окаянно.
Я бъ на такомъ не хотѣ̀лъ принять договорѣ
Ни самый царскій престо̀лъ; скучилъ бы мнѣ вскорѣ
И царскій престолъ. Суму̀ предпочту въ покоѣ
И бѣдство я врѐменно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волнѐнію ума непрестанну,
Хоть бы въ богатство велѝ, въ славу несказанну;
Часто быть обма̀нутымъ предпочту конечно,
Нежли недовѣ̀ріемъ мучить себя вѣчно.
 Не меньше мучитъ себя̀ Зоилъ нашъ угрюмый·
Что ни видитъ у кого̀, то новыя думы,
Нова печаль, и не спѝтъ бѣдный цѣлы ночи.
Намедни закинувъ о̀нъ завистные очи
Въ сосѣдній дворъ, и видя̀, что домишко строитъ,
Который, хоть до̀рого цѣнить, ста̀ не стоитъ
Рублей, поблѣднѣ̀лъ весь вдру̀гъ, и въ себѣ неволенъ,
Горячкою заболѣ̀въ, по сю пору боленъ.
У бѣднаго воина, что съ двадцать лѣтъ служитъ,
Ощупавъ въ карманѣ ру̀бль, еще теперь тужитъ.
Удалось ли кому въ чѝнъ неважный добиться,
Хвалятъ ли кого, ворчѝтъ и злобно дивится
Слѣпому суду людѐй, что свойства столь плохи
Высоко цѣнитъ. Въ чужѝхъ рукахъ хлѣба крохи
Большимъ ломтемъ ка̀жутся. Суму у убогихъ,
Бороду у чернеца̀ завидитъ, и въ многихъ
Случаяхъ . . . да не пора̀ ль, Муза моя, губы

---

47) Возможно.

Прижавъ, кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи, мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ;
Всякому, лишно долга, рѣчь уху наскучитъ,[48]
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ мнѣ[49] идетъ слово.
Ѳеофана[50] чаешь ли не имѣть иново[51]
Дѣла, развѣ выспаться, до сыта покушать,
И, поджавъ руки, весь дѐнь стихи мои слушать?
Пастырь прилежный своѐмъ о стадѣ радѣетъ
Недремно; спасѐнія сѣмя часто сѣетъ
И растить примѣромъ ѐнъ, такъ какъ словомъ, тщится.[52]
Главный и церкви всей правитель садится
Не напрасно подъ царѐмъ. Церковныя славы
Пристойно защитникъ ѐнъ, изнуренны нравы
Исправляетъ пастырей, и хвальный чинъ[53] вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ Его устъ, и ведѐтъ въ истинну дорогу.
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость;[54] потекутъ оттуду приличны
Намъ струи. Труды его безъ конца различны.[55]
  Знаетъ же лучше тебя, сколь мыслью и дѣлы[56]
Разнитъ міръ; жизни къ тому тѣсны суть предѣлы,
Списать[57] то, что всякому любить на умъ вспало:
Людей много, и страстей ей въ людяхъ не мало.
Касторъ любитъ лошадей, а братъ его рати,
Подьячій же силится и съ голаго драти.[58]

---

48) Излишне-долгая рѣчь наскучитъ всякому уху.

49) У меня.

50) У Ѳеофана.

51) Слѣдовало бы *инова* или *инаго*, такъ какъ это слово можетъ относиться только къ слову *дѣла*.

52) И старается растить сѣмя спасенія и примѣромъ и словомъ.

53) Порядокъ.

54) Въ чистыхъ источникахъ многую мудрость.

55) Разнообразны.

56) Мыслями и дѣлами.

57) Описать.

58) Въ одной рукописной интерлюдіи первой половины XVIII вѣка находимъ такой разговоръ между мошенникомъ и дьячкомъ, который шелъ въ городъ добиваться въ попы:

Мошен. Куды-ста, право, въ даль какую изволилъ подняться.
Да взялъ ли ты денежокъ, хоть сколько нибудь съ собою?

Сколько главъ[59], столько охо̂тъ и мыслей различныхъ
Моя[60] есть стихи писа̂ть противъ неприличныхъ
Дѣйствъ и словъ; кто же мои̂ (и я не безъ пятенъ)
Исправитъ, тотъ честенъ мнѣ будетъ и пріятенъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ началѣ примѣчаній на первую сатиру изъяснено, какимъ образомъ оная и ея сочинитель отъ Ѳеофана Прокоповича, архіепископа новогородскаго, приняты и похвалены. Оный его преосвященства поступокъ былъ поводомъ настоящей сатиры, которую стихотворецъ сочинилъ въ 1730-мъ году нарочно, чтобъ въ ней собрать приличныя тому архипастырю похвалы, и ему же въ знакъ своего благодарства ее приписать. Послана она къ нему съ слѣдующими стихами (писаны въ Москвѣ 1730, августа мѣсяца):

Устами ты обязалъ меня и рукою,
Далъ хвалу мнѣ свыше мѣръ, заступилъ не мало:
Сатирику то забыть никакъ не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулитъ трубою.
Нѣтъ! но силы, воздавать дары равномѣрны
Въ знакъ благодаренія, увы! запрещаютъ.
Пріими убо сія, и хоть не блистаютъ
Дары изящствомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

Содержаніе сатиры сей есть вопросъ къ вышепомянутому архіепископу, которымъ требуется отъ него знать: *Для чего въ людяхъ, подобныхъ тѣломъ и душею, столь различныя находятся страсти?* и по сей причинѣ описываются разные нравы людей, подъ вымышленными именами Хрисиппа, Клеарха, Менандра и проч.

Ст. 2. *Вышшей мудрости.* Небесной, божественной мудрости.

Ст. 5. *Ѳеофанъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новогородскій, родился въ Кіевѣ лѣта 1681, іюня 9-го, отъ родителей граждан

Дьяч. Небольшое число на дорогу взялъ со мною.
Мошен. Какжо ты идешь ставиться съ простыми руками?
Вѣдь и къ секретарямъ надобно итти съ дарами.
Дьяч. Ты пожалуй въ комъ не злоблись: они всѣ меня знаютъ.
Мошен. Они такихъ знакомыхъ тѣхъ пуще одуваютъ.
Еще прежде отъ секретарей не мало претерпишь муки,
Какъ попадешь къ подьячимъ въ руки.
Да и канцеляристамъ надобно сахару снесть подесятокъ головокъ.

59) Головъ.
60) Моя охота.

того города. Въ крещеніи названъ Елисеемъ. Маловозрастенъ родителей лишился; дядя его, ректоръ кіевскихъ училищъ, принялъ его въ свою опеку и обучилъ его латинскихъ и русскихъ писменъ. Въ 1692-мъ дядя скончался. Ѳеофанъ продолжалъ обученіе свое въ училищѣ кіевскомъ, и прошолъ стихотворство, витійство и философію.

Въ 1698-мъ году, по обычаю учениковъ кіевскихъ школъ, ѣздилъ въ Польшу, и оттуда, подъ именемъ уніата, чрезъ Германію отъѣхалъ въ Римъ. Тамо обучился италіанскому языку, и по трилѣтномъ пребываніи возвратился въ Кіевъ. Тогдашній митрополитъ Ясинскій принялъ его благосклонно и, причетши его къ монашескому чину, подъ именемъ Ѳеофана, поставилъ его учителемъ стихотворства.

Въ 1706-мъ уже Ѳеофанъ повышенъ будучи къ степени префекта училищъ и учителя философіи, императоръ Петръ Великій прибылъ въ Кіевъ. Чрезъ учиненное тогда Его Императорскому Величеству поздравительное слово, и другое потомъ, въ 1709-мъ, послѣ Полтавской побѣды, вызванъ бывъ, императоръ повелѣлъ ему за собою слѣдовать въ начатой противъ турковъ войнѣ, въ 1711-мъ году, въ которомъ походѣ отправлялъ должность проповѣдника; по возвращеніи съ похода учиненъ игуменомъ кіевскаго Братскаго монастыря.

Въ 1715-мъ, императоръ Петръ Великій, по отрѣшеніи патріаршескаго достоинства, желая исправить порядокъ и исправленіе чиновъ церковныхъ, призвалъ Ѳеофана въ Москву, и епископомъ псковскимъ поставилъ. Тогда уже Ѳеофанъ весь трудъ свой приложилъ въ изысканіи способовъ къ произведенію помянутаго монаршаго намѣренія. Тѣ труды, подъ насмотрѣніемъ Его Императорскаго Величества, напослѣдокъ произвели Регламентъ Духовный, которымъ въ Россіи Правительствующій Сѵнодъ уставленъ, и хвальные законы къ правленію церковныхъ дѣлъ уложены. Между прочими членами Сѵнода вице-президентомъ назначенъ.

Въ 1725-мъ, отъ императрицы Екатерины епископомъ новгородскимъ пожалованъ.

Въ 1728-мъ, императора Петра Втораго царскимъ вѣнцемъ вѣнчалъ и мѵропомазалъ, какъ и императрицу Анну въ 1730-мъ.

Въ 1736-мъ, старая его каменная болѣзнь пріумножившися, оною напослѣдокъ скончался 8-го сентября. Съ самаго 1720-го году завелъ въ домѣ своемъ школу для 60-ти дитятъ, о которыхъ воспитаніи и обученіи крайнее прилежаніе имѣлъ, учредивъ изъ своихъ собственныхъ доходовъ всѣ потребныя на то иждивенія и книгохранительницу, состоящую въ 4000 книгахъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ четыремъ сряду государямъ любимъ и въ почтеніи былъ: Петру Великому, императрицѣ Екатеринѣ, Петру Второму, императрицѣ Аннѣ. Между церковными не было его ученѣйшаго, и въ народѣ такимъ почитанъ. Кромѣ великаго числа поученій, которыя онъ говорилъ отъ большой части въ присутствіи мо-

нарховъ и къ общему наслажденію слушателей, трудовъ его въ печать изданныхъ мнѣ извѣстны:

1. *Первое ученіе отрокомъ*. Катехисмъ православныя вѣры, который на многіе чужестранные языки печатанъ, переведенъ, и въ европейскихъ разныхъ школахъ читается, въ 1714.

2. *Право воли монаршей*, въ которой доказываетъ, что отъ монаршей власти зависѣть должно опредѣленіе наслѣдника къ престолу, въ 1718.

3. *Толкованіе о блаженствахъ*. Нравоучительная книга, многаго у ученыхъ почтенія, въ 1722.

4. *Изслѣдованіе о крещеніи*, въ которой изслѣдуется: равной ли силы обливаніе и погруженіе въ крещеніи, въ 1724.

5. *Изслѣдованіе, въ какой силѣ императоры римскіе назывались понтифексами*. Книжка, въ которой показываетъ издатель свое многое знаніе въ древней и новой римской исторіи.

6. *Слезы Россійскія*, то есть описаніе болѣзни и смерти Петра Великаго. Первоначальное на русскомъ языкѣ, съ котораго сочинитель самъ переводъ издалъ на латинскомъ, въ 1725.

Ст. 8. *Тѣло то жъ и въ немъ духъ*. Сирѣчь, подобное тѣло и въ немъ подобную душу.

Ст. 11. *Или другой ключъ*. Природа ли различныя страсти людямъ раздѣлила, или тому страстей различію другое какое начало, другую какую причину искать должно?

Ст. 12. *На Хрисиппа*. Хрисиппъ вымышленное имя, какъ и слѣдующія во всей сатирѣ.

Ст. 15. *Съ торгу всѣхъ позднѣе*. То есть, *выходитъ*, часто такъ глаголы въ простомъ разговорѣ оставляются, какъ напримѣръ: *Я лишь на дворъ, а онъ съ двора долой;* вмѣсто: *Я лишь въѣхалъ на дворъ, а онъ съѣхалъ съ двора*. Впрочемъ, отсюда видно, что Тиційⁱ[61] торговый человѣкъ, посадскій мужикъ, понеже съ торгу всѣхъ позднѣе выходитъ.

Ст. 16. *Вчерашній часто обѣдъ*. Обѣдъ, составленный изъ остатковъ вчерашняго обѣда.

Ст. 17. *Чѣмъ въ приходскій праздникъ попъ отпоетъ молебенъ*. Приходскимъ праздникомъ называемъ день святаго, котораго имени церковь прихода посвящена. Богочтительные прихожане особливо въ такіе дни молебныя пѣнія приносить обыкли и понеже многимъ числомъ живутъ, попы съ необъятною скоростію оныя отправляютъ.

Ст. 22. *Съ Китая*. Китай, по европейски *Хина*, la Chine, великое и богатое государство, россійскому смежное и царству Сибирскому.

Ст. 25. *На злобу воздуха*. Вмѣсто: *на злой воздухъ*, на худое время.

Ст. 26. *Водъ морскихъ, то бездну то гору*. Движеніе водъ мор-

61) Ошибка, вм. *Хрисиппъ*.

скихъ во время бурное таково, что неинако тогда плывущимъ море кажется, развѣ какъ нѣчто изъ превысокихъ горъ и глубокихъ безднъ составленное.

Ст. 30. *Поклонъ кладетъ*. Поклонъ вмѣсто *поклоновъ* чрезъ сокращеніе.

Ст. 33 и 34. *Въ четверти искусный*. Четверть есть мѣра хлѣбная, въ которой четыре осьмушки; въ аршинѣ 16 вершковъ; въ ведрѣ восемь кружекъ.

Ст. 36. *Безъ слуги обойтись умѣетъ*. Часто слуги не имѣетъ, чтобъ спасть деньги, которыя на содержаніе его нужны, самъ себѣ служитъ.

Ст. 41. *А кушанье подано*. Свойственнымъ порядкомъ такъ бы слова лежали: *а кушанье коли подано на двухъ блюдахъ, кричитъ* и пр. Сей стихъ есть подражаніе слѣдующихъ:

Dote tuum nummum Gallam nupsisse relatum est
Fongilio juveni: post quam damnabilis, inquit,
Invaluit luxus. [62]

(Ѳеофанъ Прокоповичъ въ сатирѣ русской).

Ст. 43. *За пищу, думалъ бы ты, Хрисипъ суетится* и пр. Нужно намъ собирать для пропитанія собственнаго, жены и дѣтей нашихъ, понеже естество и законы божіи того отъ насъ требуютъ. Глупо, на противо, имѣя все нужное для своихъ и для себя, собирать въ одномъ сребролюбія намѣреніи.

Ст. 54. *Изъ большой пріятно брать кучи* и проч. по ст. 62. Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ сат. 1, книги 1:

At suave est ex magno tollere acervo.
Dum ex parvo nobis tantumdem haurire relinquas:
Cur tua plus laudes cumeris granaria nostris?
Ut, tibi si sit opus liquidi non amplius urna,
Vel cyatho: & dicas, magno de flumine mallem.
Quam ex hoc fonticulo tantumdem sumere: eo fit,
Plenior ut si quos delectat copia justo,
Cum ripa simul avulsos ferat Aufidus acer. [63]

Ст. 55. *Но если изъ малой я*. Скупой говоритъ, что *пріятно брать изъ большой кучи*; но когда я изъ малаго своего мѣшка столько жъ

---

62) Скрыто то, что Галліяна вышла замужъ за юношу Фонгилія, получивъ въ приданое твои монеты; а послѣ этого, говоритъ онъ, усилилась проклятая роскошь

63) Но пріятно брать изъ большой кучи! — Если ты предоставляешь мнѣ черпать столько же изъ малой, то за что же ты хвалилъ свои житницы болѣе нашего овина? Напримѣръ, еслибы тебѣ нужно было воды не больше одного кувшина или одной рюмки, а ты сказалъ бы: я предпочитаю зачерпнуть изъ большой рѣки, чѣмъ изъ этого источника; оттого и происходитъ, что тѣхъ, кому нравится богатство больше чѣмъ должно, быстрый Ауфидъ уноситъ, увлекая вмѣстѣ съ берегомъ.

беру на удовольствованіе нуждъ своихъ, сколько онъ изъ большаго, не знаю для чего бъ большое богатство предпочитать.

Ст. 57. *Тому подобенъ мнѣ мнится*. Скупаго сатирикъ пріуподобляетъ человѣку, который, имѣя нужду въ одной чашѣ воды, и могучи оную въ ручейкѣ достать, однакожъ тащится на большую рѣку, и не разсуждаетъ, что пока въ ней воду черпаетъ, можетъ берегъ подъ нимъ подорваться и потонуть въ той большой рѣкѣ, чего не льзя опасаться, черпая въ ручейкѣ. Ежели изъ малаго богатства можешь получать нужное на твое содержаніе, за чѣмъ предавать себя бѣдствамъ, ища большихъ сокровищъ.

Ст. 74. *Крезуса богатье. — Крезусъ, царь лидійскій*, наслѣдовалъ Аліату второму, въ лѣто по созданіи міра 3496. Богатѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ царей своего времени, такъ что богатство его въ пословицу вошло.

Ст. 80. *Въ тюрьмѣ очутится*. Въ тюрьмѣ, куда его заимодавцы напослѣдокъ посадятъ.

Ст. 84. *Два, три плутца*. Клеархъ очутится въ тюрьмѣ; заимодавцы его останутся разорены, въ томъ ихъ несчастьи два или три плута, которые его объѣдали, или которые ему въ долгъ съ великимъ ростомъ ссудили, разжирѣютъ.

Ст. 91 и 92. *Три дни брюху дани лучше не дастъ, чѣмъ не знать, что привезъ съ Гиляни*. То есть, легче ему три дня не ѣсть, чѣмъ не знать, что привезъ гонецъ изъ Гиляни. *Гилянь* есть страна персидская, завоеванная Петромъ Великимъ въ 1722-мъ году, подвластна еще Россіи, когда сатира сія писана; но въ 1734-мъ году, чрезъ мирный между двумя державами договоръ, Персіи возвращена.

Ст. 95. *Кто выѣхалъ, въѣхалъ*. То есть, въ городъ, изъ города.

Ст. 101. *Когда же Менандръ новизнъ наберетъ*. Горацій въ 18-мъ письмѣ своемъ, книги I, изрядно примѣчаетъ, что лакомый къ новизнамъ любопытный человѣкъ неотмѣнно живетъ говорливъ. Тѣ два злонравія межъ собою нераздѣльны.

> Percuntantorem fugito: nam garrulus idem est:
> Nec retinent patulae commissa fideliter aures;
> Et semel emissum volat irrevocabile verbum.

То есть:

Любопытнаго бѣги, говорливъ онъ: безперечь отверзтыя уши не умѣютъ ввѣренное сохранить; а слово, однажды выпущенное изъ устъ, летитъ невозвратно.

Ст. 102. *Недавно то влитое ново вино*. Какъ новое вино дуетъ бочку, обручи рветъ и проч., такъ набранныя вѣдомости въ сердцѣ Менандровомъ неугомонны; пока устами его исходъ свой получатъ.

Ст. 106. *И слышалъ тѣ изъ вѣрныхъ устъ вѣсти*. Обыкновенно вѣстолюбцамъ увѣрять, что они слышали вѣдомости, о которыхъ сказываютъ, отъ знатныхъ и достовѣрныхъ людей, чтобъ тѣмъ не

только себѣ вѣру привлечь, но къ тому оказать, что они изъ самаго ключа черпаютъ тѣ вѣдомости.

Ст. 107. *И тебѣ съ любви*. Другое тѣхъ же людей обыкновеніе показывать, что съ особливой любви тебѣ вѣсти сообщаютъ, и просить прилежно, чтобъ ты объ нихъ никому не говорилъ, какъ бы оныя весьма тайное дѣло были, хотя сами всего жаднѣе ищутъ, кому бъ тѣ разсказать.*

Ст. 108 и 109. *Составить онъ знаетъ мнѣнію*. Вѣстолюбцы не довольны разсказывать то, что слышали; но буде, напрвкладъ, вѣдомость какая къ нимъ дошла безъ обстоятельствъ, то тѣ обстоятельства сами вымышляютъ такимъ образомъ, который ихъ мнѣнію и склонности сходенъ. Голую вѣдомость прикрасятъ, непріятную отмѣнятъ въ пріятную.

Ст. 110. *Рѣдко двумъ ту-жъ вѣдомость*. Правда всегда однолична; кто лгать любитъ, тотъ всякому лжетъ отмѣннымъ образомъ, понеже вымышленныя обстоятельства легко забываются.

Ст. 111 и 112. *И вѣру самъ наконецъ*. Нерѣдко случается вѣстолюбцамъ довѣрять той самой лживой вѣдомости, которую сами вымыслили, когда она, изъ устъ въ уста весь почти городъ обтекши, дойдетъ къ нимъ изъ дому какого знатнаго человѣка.

Су. 113 и 114. *Сказавъ тебѣ, какъ судья бѣжитъ* и проч. Высказавъ тебѣ всѣ свои вѣдомости, бѣжитъ отъ тебя къ другому, къ третьему, кому бъ тѣжъ вѣсти разсказать и наскучить; такъ отъ тебя бѣжитъ, какъ судья отъ убогаго челобитчика, котораго знаетъ, не въ состояніи принесть ему какой подарокъ.

Ст. 117 и 118. *Стерегись сосѣдомъ Лонгина не завтракавъ*. Для того стерегись, что, безпрестанно съ тобой разговаривая, не дастъ тебѣ времени кушать.

Ст. 122. *Хоть больну быть... дочь знаешь*. Важная причина, для которой надлежало было посѣтить Груннія. (64)

Ст. 124. *Плачется*. Дочь больная плачется; *жаръ вчерась лишь унялся*. Говорливый человѣкъ ни одно малѣйшее обстоятельство не минуетъ, напротиву всѣ неважныя околичности жадно описываетъ, чтобъ тѣмъ распространить рѣчь свою.

Ст. 134. *На ту стать ножики и вилки разложить*. То есть, расположитъ ножики и вилки такимъ образомъ, каково положеніе его новаго пруда.

Ст. 146 и 147. *Безъ мѣлу, безъ верви, безъ аршина*. Три вещи, которыя отъ портныхъ въ кроеніи употребляются.

Ст. 149. *Въ столъ*. Вмѣсто: въ обѣдъ или въ ужину, то есть, во время обѣда или ужины.

Ст. 150. *Не столько зернъ, что въ снопахъ*. Сроднымъ порядкомъ, слова такъ бы должны лежать: *Не столько зернъ въ снопахъ, что мужикъ навяжетъ въ день*, и оное *что* относится къ снопамъ.

64) Ошибка, вм. *Лонгина*.

Ст. 151. *Не столько купецъ божбы учинитъ.* Обыкновенно купцы когда продаютъ, чрезмѣрно божатся. Если у нихъ что торгуешь, часто услышишь: *Какъ предъ Богомъ стать—себѣ больше стоитъ; Богъ свидѣтель—въ лавку выше пришло; еже ей-ей для переду тебѣ въ свою цѣну уступаю.*

Ст. 157. *Что весь ухо, языка.* Что ты только на то сдѣланъ, чтобъ его слушать, а не говорить.

Ст. 162. *Чуть, какъ ходитъ, ступитъ.* Чуть ступаетъ, чуть на пальцы опирается; такъ тихо и съ осмотрѣніемъ ходитъ, смиренность себѣ притворяя.

Ст. 163 и 164. *На всякое слово страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово.* Худая повадка и противна закону, который запрещаетъ имя Божіе напоминать всуе. *Не пріимеши имя Господа твоего всуе.*

Ст. 165. *Молебны пѣть и свѣчи класть.* Молитвы и приношенія хвальны, но притворство въ молитвахъ и приношеніяхъ мерзко. Богъ сердце, намѣреніе человѣка требуетъ въ службѣ своей. *Жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псаломъ 50).

Ст. 173. *Другое всяко не столь.* Притворной святости люди за крайнюю добродѣтель вмѣняютъ подаяніе церковнымъ служителямъ; хотя подлинно и то не послѣднее, однакожъ мы видимъ, что Спаситель взаимную любовь больше всего хвалитъ, которая въ такихъ людяхъ рѣдко находится.

Ст. 177. *Венгерскаго.* Разумѣй вина Венгерскаго.

Ст. 186. *У знатныхъ.* Разумѣется *у знатныхъ господъ.*

Ст. 191. *Вишь*, вмѣсто *видишь;* простолюдная рѣчь.

Ст. 193. *Застроилъ огромный домъ, который оставитъ дѣтей его по міру.* Для того, что на строеніе того дому большую часть своего имѣнія изнурилъ.

Ст. 195. *При позднемъ потомствѣ.* Въ долгіе вѣки, потомкамъ, которые гораздо много лѣтъ спустя въ міръ придутъ.

Ст. 196. *Съ родословными писцы, съ творцами въ знакомствѣ.* Родословные писцы служатъ доказывать древность его рода, а творцы т. е. сочинители книгъ, или стихотворцы, чтобъ прославляли его умъ, искусство, доброту, тщивость, выхваляя то, что въ немъ не находятъ.

Ст. 198. *Во что ему стали тетради.* Сколько онъ заплатилъ за тетради, которыя другой сочинилъ, а онъ свое имя къ нимъ приписалъ, или которыя ему приписаны.

Ст. 208. *Далъ ли кто власть надъ огнемъ, иль укрощать воду.* Показалъ ли кто правильный и легкій способъ, какъ искусно употреблять огненное ружье, и мореплавствовать безопасно.

Ст. 209. *Одолѣлъ ли кто враги.* Получилъ ли кто побѣды надъ непріятельми отечества; усмирилъ ли кто ихъ своими трудами военными.

Ст. 213. *Всѣ поступки образцы.* Всѣ его поступки такъ совершенны, что должно ихъ въ образецъ всякому имѣть.

Ст. тотъ же и 214. *Что въ умъ ему вспало, не оспоришь вовѣки.* Нравъ, обыкновенный самолюбивымъ, которые чаютъ, что никто лучше ихъ не смыслитъ, и потому мнѣніе свое надъ всѣми предпочитаютъ.

Ст. 216. *Во знакъ благодарства.* За его превосходный умъ, которымъ царь долженъ почитать себя обязаннымъ ему, *Гликону*,

Ст. 217 и 218. *Въ умъ свой не можетъ вмѣстить, что не всѣ вздыхаютъ дѣвицы по немъ.* Такъ пригожимъ и всѣми изрядными свойствами себя украшеннымъ почитаетъ.

Ст. 220. *По своимъ годамъ починъ счастья людей числитъ.* То есть, чаетъ, что съ того году родъ человѣческій счастливъ сталъ въ которомъ онъ родился.

Ст. 221. *Смысленна тварь.* Сирѣчь *люди*. По опредѣленію Аристотелеву, *человѣкъ есть смысленное или словесное животно.*

Ст. 225. *Отважнѣй чернцовъ.* Между прочими чернцы, при постриженіи, обѣщаютъ отчужденіе суетъ мірскихъ.

Ст. 233. *Подобенъ скоту становится.* Теряя смыслъ пьянствомъ.

Ст. 236. *Распихнетъ всѣхъ, какъ корабль.* Раздвинетъ всѣхъ, чтобъ себѣ сдѣлать дорогу, какъ корабль, когда плыветъ, разсѣкаетъ валы.

Ст. 237. *Что много злата съ плечъ убудетъ.* Протираяся сквозь людей, много сотрется золота съ парчеваго кафтана.

Ст. 238. *Въ задъ стоять.* Вмѣсто *позади стоять.*

Ст. 241. *Съ здоровьями кубки.* Онъ зачинаетъ здоровье всякое пить.

Ст. 242. *Зависѣть отъ его словъ.* Ему слѣдовать, его приказы исполнять.

Ст. 243 и 244. *Знакъ ти окомъ подастъ.* Мигнетъ въ знакъ благодаренія.

Ст. 247. *Вещество то, что плоть ему дало.* Вещество то, изъ котораго сдѣлана его плоть, его тѣло, земля та.

Ст. 248. *Было не такое же, но нѣчто сіяло предъ прочими.* Не было подобное веществу, изъ котораго сдѣланы прочіе люди, но нѣчто предъ тѣми превосходно было. Ювеналъ, обличая такое же мнѣніе высокомысленныхъ, говоритъ:

> Te nunc delicias extra communia censes
> Ponendum: quia tu gallinæ filius albæ;
> Nos viles puli nati infelicibus ovis!

Ст. 250. *Съ чего онъ.* Разумѣется: *сдѣланъ.*

Ст. 251. *На него.* Сирѣчь, на гордаго *Иркана.*

Ст. 252. *Шепчутъ на ухо ядовиты губы.* Вмѣсто *ядовитыя уста*; таковы суть злословнаго человѣка, каковъ изъ слѣдующаго описанія *Созимъ* окажется. Обыкновенно злословные люди осуждаютъ

людей за-глаза, являяся въ глаза пріятельми. Для того Созимъ на ухо шепчетъ, чтобъ Ирканъ его не слышалъ.

Ст. 256. *Зашилъ себѣ глотку.* Молчалъ.

Ст. 257 и 258. *Чтобъ хотя одинъ глупецъ.* Созимъ говоритъ, что приличнѣе бы было Иркану молчать, чтобъ, начавъ говорить, не оказалъ всему свѣту свою глупость; пока молчитъ, кто-нибудь изъ ему подобныхъ простаковъ можетъ обмануться его осанкою и почитать его умнымъ.

Ст. 259. *Созимъ дѣло говоритъ, но* и проч. Стихотворецъ признаваетъ, что Созимъ дѣльно въ Ирканѣ спѣсь, худо основанную, обличаетъ; но можно бъ было, говоритъ, вмѣсто безплоднаго злословія за очьми прямо ему Иркану подать дружескій совѣтъ, чтобъ онъ не спѣсивился; такой поступокъ столько былъ бы хваленъ, сколько злословіе хульно.

Ст. 261. *Но о всѣхъ такъ судитъ.* Созимъ, съ сродной злобы, насмѣвается Иркану спѣсивому, да и не одному ему насмѣвается, но столь строго же судитъ о всѣхъ безъ изъятія, испытая всякаго пороки, чтобъ опымъ ругаться и тѣмъ обезславить иногда и самыхъ друзей и кровныхъ своихъ.

Ст. 262. *Чистую удачливо удитъ* и проч. О всѣхъ Созимъ судитъ строго. По его словамъ, *Силванъ* подкупаетъ къ исполненію похоти своей жену своего сосѣда; *Прокопъ* такъ скупо живетъ, что кто у него обѣдаетъ, голоденъ изъ-за стола выходитъ за недостаткомъ яствъ; *Настя* бѣлится и румянится; *Клементій* судья столь глупъ и къ дѣламъ негожъ, что безъ дьяка своего ни за что приняться не умѣетъ, и проч.

Ст. тотъ же. *Чистую*, то есть цѣломудренную, или которая такою себя притворяетъ.

Ст. тотъ-же. *Удачливо удитъ*, ловитъ подарками и не безъ удачи, понеже склоняетъ ее къ своему намѣренію.

Ст. 263. *Мягкій* вмѣсто *нѣжный*, съ латинскаго mollis. Всѣ красики и волокиты обыкновенно крайнимъ прилежаніемъ тѣло свое нѣжатъ и ищутъ имѣть мягкую кожу.

Ст. 266. *Красота ея въ ларцѣ.* Гдѣ она прячетъ румяны и бѣлила.

Ст. 277. *Можетъ въ умныхъ клевета* и проч. Похлѣбникъ опаснѣе и вреднѣе злословнаго человѣка, для того, что клевета понуждаетъ насъ прилежнѣе себя испытать и иногда тѣмъ поводомъ находимъ въ себѣ пороки, которые предъ тѣмъ были нечувствительные, и нашедши оные исправляемся; а похлѣбство служитъ только умножить число глупцовъ, ибо мы легко довѣряемъ всему тому, что намъ пріятно; и потому когда въ насъ выхваляютъ похлѣбники то, чего въ насъ нѣтъ, мы чаемъ, что они правду говорятъ и тѣмъ дуемся и сами себя почитаемъ.

Ст. 282. *Изнурятъ до корени.* Ложныя похвалы насъ дуютъ, и тогда уже собою довольны, престаемъ трудиться добродѣтельми

похвалу себѣ достать, чая, что уже довольну имѣемъ. Потому похлѣбство *изнуряетъ ревность къ добродѣтели*, которая *многотрудна*, понеже къ злонравію мы склоннѣе и путь къ нему скользкій и веселый.

Ст. 284. *Самолюбіемъ душа ни одна не скудна.* Для того легко довѣряемъ похлѣбническимъ хваламъ, что мы почти всѣ самолюбивы. Самолюбіе наше намъ совѣтуетъ безъ испытанія признавать въ себѣ тѣ совершенства, которыя похлѣбникъ ложно намъ приписуетъ.

Ст. 285. *И однимъ свидѣтелемъ... чаемъ.* Всѣ мы, будучи самолюбивы, довольно намъ, чтобъ одинъ кто нибудь выхвалилъ въ насъ какое изрядное свойство, тотчасъ довѣряемъ его свидѣтельству, и уже чаемъ, что мы совершенно добродѣтельны, и потому унываемъ въ многотрудномъ пути добродѣтелей.

Ст. 291. *Котору мнѣ выслушать не льзя не зѣвая.* Хотя рѣчь *Титова* столь глупа и скучна, что не льзя оную выслушать не зѣвая, Трофимъ дивится той рѣчи самъ, съ притворною прилежностію слушаетъ и обстоящихъ понуждаетъ докучными прошеніями ее слушать.

Ст. 292. *У Тита на ужинѣ.* Когда Трофимъ ужинаетъ у Тита, то всякій кусокъ называетъ небеснымъ, сирѣчь непонятно вкуснымъ, хотя тотъ самый кусокъ столь плохъ, что ему въ горлѣ гадитъ.

Ст. 297 и 298. *Если бъ Титова жена. Парисъ*, сынъ *Пріама*, царя троянскаго, посланъ отъ отца во Грецію, принятъ весьма ласково отъ царя греческаго *Менелая.* Пребывая въ его домѣ, столь онъ жестоко влюбился въ *Елену*, Менелаеву жену, что презирая всякое право гостепріимства, похитилъ и увезъ ее въ свое отечество, отъ чего зачалася славная троянская война, которою царство Троянское опровержено. Красота *Еленина* была отмѣнная, однакожъ похлѣбникъ Трофимъ предпочитаетъ ей красоту Титовой жены.

Ст. 300. *Титъ и носъ сморкнуть кривой.* Похлѣбникъ столь безъ разбору и безъ мѣры всѣ Титовы дѣла повышаетъ, что хвалитъ его искусство носъ сморкать, *носъ кривой*, который и тѣмъ не весьма пріятенъ. Такъ Ювеналъ говоритъ:

— — Laudare paratus,
Si bene vuctavit, si rectum minxit amicus. [65]

Ст. 322. *Дѣтей мать* и проч. Столь Невію все подозрительно, что чаетъ, что жена его дѣтей учитъ мотать и долги наживать, чтобъ тѣмъ ущерблять его богатство.

Ст. 322. *Бѣдство временно.* Бѣдство, которое кончится какимъ либо урономъ. Въ самомъ дѣлѣ лучше легковѣріемъ что нибудь, хотя

65) Готовый все хвалить разсыпается въ похвалахъ тому, кто хорошо харкнетъ и прямо пуститъ мочу.

важное, потерять, чѣмъ безпрестаннымъ недовѣрія безпокойствомъ вѣчно себя мучить.

Ст. 343. *Въ себѣ не воленъ.* Не силенъ утишить свою страсть.

Ст. 352. *И въ многихъ случаяхъ...* Здѣсь сатирикъ вдругъ пресѣкаетъ описаніе завидливаго *Зоила*, чтобъ не наскучить Ѳеофану.

Ст. 361. *Пастырь прилежный своемъ о стадѣ радѣетъ.* Ѳеофанъ имѣетъ епархіи Новгородскую и Великолуцкую, въ которыхъ правленіи недремно печется.

Ст. 362. *Спасенія сѣмя часто сѣетъ.* Часто, сирѣчь, проповѣдуетъ слово Божіе.

Ст. 364. *Главный и церкви всея правитель.* Понеже онъ первѣйшій членъ Россійскаго Сунода.

Ст. 368. *Воля намъ всевышшаго ясна.* Проповѣдьми и книгами своими толкуетъ намъ волю Божію.

Ст. 374 *Разнитъ міръ.* Разнятъ люди межъ собою.

Ст. тотъ-же. *Жизни тѣсны суть предѣлы.* Жизнь коротка.

Ст. 377. *Касторъ любитъ лошадей а братъ его рати.* Касторовъ братъ былъ Поллуксъ; оба (по баснословію древнихъ) дѣти Юпитеровы (*Гиралдіи въ исторіи боговъ*). Отъ сего стиха по послѣдній есть подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ (сатира I, книги 2):

Castor gaudet equis, ovo prognatus eodem
Pugnis. Quot capitum vivunt, todidem studiorum-
Millia; me pedibus delectat claudere verba. [66]

Ст. 381. *И я не безъ пятенъ.* И я не безъ погрѣшеній.

САТИРА IV.

КЪ МУЗѢ СВОЕЙ.

(*О опасности сатирическихъ сочиненій*).

Муза! не пора ли слòгъ отмѣнить твой грубый,
И сатиръ ужъ не писàть? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одйнъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь, и кажу̀ себя чрезчуръ смѣла.
Много видѣлъ я такйхъ, которымъ противно
Не писали никому̀, угождая льстивно;
Да мало счастья и тàкъ возмогли достати;
А мнѣ чего по твоèй милости ужъ ждати?
Всякое злонрàвіе тебѣ непріятно,

---

66) Касторъ любитъ коней, а рожденный изъ одного съ нимъ яйца (т. е. родной братъ его) — кулачный бой. Сколько тысячъ головъ, столько тысячъ стремленій; мнѣ нравится заключать слова въ стопы.

Смѣло хулишь, да къ тому̀ жъ и говоришь внятно;
Досаждать злымъ вся жадна̀, то твое веселье;
А я вижу, что въ чужо̀мъ пиру мнѣ похмѣлье.
Вонъ Кондратъ съ това̀рыщи, сказываютъ, дышетъ
Гнѣвомъ, и стряпчихъ собра̀въ, челобитну [1] пишетъ,
Имѣя скоро меня̀ ужъ на судъ позвати, [2]
Что хуля Клитесовъ нра̀въ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ, и съ нимѝ кружальны [3] доходы.
А Никонъ, тверды однѝ любящій доводы,
Библею, говорятъ, всю̀ Острожской печати
Съ доски до доски прошо̀лъ, и не три тетрати
Наполнивъ, мудрые въ нѝхъ доводы готовитъ,
Что нечистой въ тебѣ ду̀хъ бороду злословитъ,
Что законоло̀мное [4] и невѣрныхъ [5] дѣло
Полосатой ма̀нтію ризою звать смѣло.
Иной не хочетъ писа̀ть указъ объ отказѣ, [6]
Что [7] о взяткахъ говорѝшь обычныхъ въ приказѣ. [8]
Однимъ словомъ, са̀тира, что чистосердечно
Писана, колетъ глаза̀ многимъ всеконечно.
Ибо всякъ въ семъ зѐркалѣ какъ станетъ смотрѣти,
Мнитъ, зная себя̑, лицо̀ свое ясно зрѣти. [9]
Муза, свѣтъ мой! слогъ твой мнѣ̀ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить наха̀лится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣ̀хъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ изда̀телю причина бываютъ.
Знаю, что правду пишу̀, и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а̀ въ сердцѣ о злонравныхъ плачу; [10]
Да правда рѣдко люба̀, и часто не кстати.
Кто же отъ тебя когда̀ хотѣлъ правду знати?
Вдругорь [11] скажу, не нравна̀; угодить не можно,

---

1) Прошеніе.
2) Имѣя позвати—оборотъ польскій, для выраженія будущаго времени.
3) Кружало—кабакъ.
4) Т. е. беззаконное, противузаконное дѣло.
5) Т. е. нехристіанское.
6) Въ это время Кантемиръ имѣлъ дѣло объ отцовскомъ наслѣдствѣ.
7) Потому что.
8) Т. е. въ судѣ.
9) Думаетъ, что ясно видитъ свое лицо.
10) Стихъ этотъ напоминаетъ слова Гоголя: «сквозь видимый міру смѣхъ блестятъ невидимыя слезы».
11) Въ другой разъ, опять.

Всегда правду говоря, а хвалить хоть ложно,
Хоть излишно, повѣрь мнѣ, болѣе пристойно
Тому, кто, живя съ людьми, ищетъ жить покойно.
 Чего жъ плакать, что народъ хромаетъ душою?
Еслибъ правдой все идти, таскаться съ сумою.
Таковъ обычай; уйми, чтобъ шляпъ не носили
Маленькихъ, или живутъ пусть люди, какъ жили.
Лучше насъ пастыри душъ, которыхъ и правы
И должность есть исправлять народные нравы,[12]
Да молчатъ; на что вступать со всѣмъ свѣтомъ къ ссору?
Зимой дровъ никто не дастъ, ни льду въ лѣтню пору.
 Буде ты указывать смѣешь Ювенала,
Персія, Горація, мысля, что какъ встала
Имъ отъ сатиръ не бѣда, но многая слава;

---

12) Ломоносовъ въ запискѣ объ «Обязанности духовенства» говоритъ слѣдующее: «Ежели надлежащимъ образомъ духовенство должности свои исполнять будетъ, то благосостояніемъ общество несравненно и паче чаянія возвысится за тѣмъ, что когда нравы въ народѣ, чрезъ ученіе и вкорененіе страха усилются, меньше будетъ преступленій, меньше затрудненія въ судахъ и меньше законовъ. Хорошо давать законы, ежели ихъ исполнять есть кому. Посмотрите въ Россію, посмотрите въ благоустроенныя государства. Пусть примѣромъ будетъ Германія.

«Тамошніе пасторы не ходятъ никуда на обѣды по крестинамъ, родинамъ, свадьбамъ и похоронамъ не токмо въ городахъ, но и по деревнямъ за стыдъ то почитаютъ; а ежели хотя мало коего увидятъ, что онъ пьетъ, то тотчасъ лишатъ мѣста. А у насъ при всякой пирушкѣ по городамъ и по деревнямъ попы первые пьяницы. И не довольствуясь тѣмъ, съ обѣда по кабакамъ ходятъ, а иногда и до крови дерутся.

«Пасторы въ своихъ духовныхъ дѣтскихъ школахъ обучившихся дѣтей грамотѣ наставляютъ закону Божію и со всею строгостію и прилежаніемъ. И при конфирмаціи передъ первымъ причащеніемъ спрашиваютъ о христіанскомъ ученіи, первое въ школѣ, (потомъ) въ киркѣ передъ всѣмъ народомъ. И ежели кто неисправенъ, не допущаетъ до причастія; чего дѣти такъ страшатся, что всѣ возможности употребляютъ, чтобъ знать и по возможности исполнять законъ Божій. Все сіе безпрерывно содержится не токмо по городамъ, но и по селеніямъ, гдѣ есть села. А у насъ по многимъ мѣстамъ попы сами чуть столько грамотѣ знаютъ, сколько и самъ мужичей батракъ или коровница умѣетъ; у всякаго есть катехизисъ, молитвенникъ, библія.

«Много есть еще упомянуть. Однако главное дѣло въ томъ состоитъ, что вездѣ гдѣ только есть церковь, должны попы и причетники учить грамотѣ, за общую плату всего прихода, и не давать бѣгать по улицамъ малымъ ребятамъ, кои еще ни въ какую работу не годятся. Мнѣ кажется, отъ пяти до десяти, а иногда до двѣнадцати лѣтъ могутъ сколько-нибудь грамотѣ научится и закону» (*Ист. Рус. Лит.*, *кн. II*).

Что какъ того жъ Боалò причастникъ былъ права,
Такъ ужъ и мнѣ, что слѣды ихъ топчу, довлѣетъ
То жъ счастье. Позволь сказàть, что умъ твой шалѣетъ.
Истая Зевсова дòчь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память [13] родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умòмъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ ктò зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таковò? безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы. [14]
Такъ ли теперь говорятъ, такъ ли живутъ въ людяхъ?
Медъ держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ,
И врагъ смертный будучи, тщись другомъ казаться,
Если хочешь нѣчто быть, [15] и умнымъ назваться.
Зачнемъ, Муза, въ похвалàхъ перья притупляти,
Ну-тка станемъ Туллію привѣтство писати.
Туллій, знаешь ты, лукàвъ, что если разсудно

---

13) Музы—дочери Юпитера и Памяти Мнемозины.

14) «Подражая Горацію, Ювеналу, Буало, замѣчаетъ г. Галаховъ, Кантемиръ заимствуетъ у нихъ не содержаніе, которое не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же на разстояніи многихъ вѣковъ, а планъ и поэтическіе пріемы, не сущность мыслей, а матеріялъ слога. Это чужая канва, по которой онъ выводилъ свои узоры; въ готовыя формы вставлялъ онъ изображеніе современной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Писалъ же онъ по влеченію чувства, по наклонности внутренней; слѣдовательно, можетъ назваться истиннымъ творцомъ своихъ произведеній, не смотря на всѣ заимствованія у иноземныхъ образцовъ. Кто обработываетъ старый предметъ по своему воззрѣнію, тотъ, конечно, не изъятъ изъ числа оригинальныхъ писателей. Взять готовыя идеи, не для того, чтобъ слѣдовать имъ рабски, но чтобъ преобразовать ихъ, усвоить себѣ анализомъ или развитіемъ, подражать другимъ потому единственно, что чувствуешь влеченіе къ тому же разряду мыслей, чрезъ которыя нѣкогда прошли другіе, и что благотворная природа, на извѣстномъ разстояніи временъ, создаетъ людей съ одинакимъ вкусомъ, стремящихся къ разработкѣ однѣхъ и тѣхъ же нравственныхъ истинъ — не значитъ ли это быть, въ нѣкоторомъ отношеніи, писателемъ самостоятельнымъ, хотя начало труда въ той же сферѣ принадлежитъ не намъ? Подражая, мы, такъ сказать, видимъ себя въ прежнихъ авторахъ, изъ которыхъ беремъ то, что идетъ къ нашему дѣлу. Подобныхъ подражателей можно назвать двойными экземплярами одного и того же рода: природа любитъ иногда воспроизводить себя. Притомъ же, Кантемиръ скромно сознается въ подражаніи, а исповѣданное заимствованіе не есть похищеніе» (*Отеч. Зап. 1848 г. XI*).

15) Если хочешь быть чѣмъ нибудь.

Истолковать, то въ немъ ѹмъ выхвалить не трудно.
Оставя убо, что ѐсть, сдѣлаемъ такова,
Каковъ бы онъ долженъ бы́ть; тропа та не нова;
Всякъ такъ пишетъ, кто хвалитъ у насъ кого хочетъ,
Тому, кого въявь поѐтъ,[16] самъ въ сердцѣ хохочетъ.
Туллій не нравенъ тебѣ? выбери другова;
Вотъ хорошъ Силванъ; онъ тихъ, не добьешься слова
У него чрезъ цѣлый дѐнь,[17] и хотя ты знаешь,
Что онъ съ глупости молчитъ; если пожелаешь,
Можешь сильно доказа̀ть, что мужъ онъ не простый,
Но съ разсудства[18] обузда̀лъ языкъ свой преострый.
И Квинтій право хоро̀шъ; въ десть книгу составить
Можешь, коль дѣла его̀ захочешь прославить.
Видишь, какъ пріятенъ ѐнъ, честно всѣхъ примаетъ,[19]
Учтиво вѣкъ говори́тъ, всякаго ласкаетъ,
И всякому силится[20] быть онъ благодѣтель;
Не однажды, какъ сули́тъ,[21] словъ тѣхъ Богъ свидѣтель.
Полно того; а съ чего̀ таковъ онъ бываетъ?
Писать не зачѣмъ; добро̀, что мало кто знаетъ.[22]
Не пиши того, что ѐнъ за тѣмъ столь умиленъ
И добръ ко всѣмъ, что вреди́тъ никому не силенъ.[23]
Да много такихъ, объ ко̀мъ списать[24] стопу цѣлу
Можно; легко ихъ узна̀ть, хоть нѣтъ въ спинѣ мѣлу.
Буде жъ не сроденъ тебѣ родъ тѣхъ стиховъ гадкихъ,
Запой въ Амари́ллиныхъ объятіяхъ сладкихъ
Счастливаго Ти́тира, иль Ирисъ безчадну
Къ бѣдну Филену. Свою̀ Титиръ жизнь прохладну
Не смѣнитъ на ца̀рскую славу и обильность;
Филенъ носитъ на лицѣ жалкую[25] умильность;
Ведетъ ли стадо поитъ, иль пасти на поли?

16) Т. е. восхваляетъ въ стихахъ.
17) Въ теченіе цѣлаго дня.
18) Отъ разсудка, изъ разсчета.
19) Принимаетъ.
20) Старается.
21) Обѣщаетъ.
22) Мало кто знаетъ причину.
23) Не въ состояніи, не имѣетъ силы.
24) Исписать.
25) Жалостную.

Смутенъ станетъ, и текутъ съ глазъ [26] слезы доволи;
Ирисъ, мимо идучи, ходъ свой ускоряетъ
Смѣясь, и горда его рану огорчаетъ.
Вскинь глаза ра прошлу жизнь мою и подробно
Изслѣдуй; счастье ко мнѣ ласково и злобно
Бывало, больше въ своей злобѣ постоянно.
Почерпувъ довольну тутъ печаль, нечаянно
Новымъ ужъ родомъ стиховъ наполнимъ тетрати
Прилично чтецамъ своимъ, и что больше кстати.
Намъ здѣсь смертнымъ, какъ печаль? тужить не напрасно
Можемъ, приближаяся къ смерти повсячасно.
Есть о чемъ писать, была бъ лишь къ тому охота,
Было бъ кому работать, безъ конца работа;
А лучше вѣкъ не писать, чѣмъ писать сатиру,
Что [27] приводитъ въ ненависть меня всему міру.
Но вижу, Муза, ворчишь, жмешься и краснѣешь,
Являя, что ты хвалить достойныхъ не смѣешь,
А въ ложныхъ хвалахъ нурить ты не хочешь время.
Достойныхъ право [28] хвалить не нашихъ плечъ бремя,
Къ тому жъ человѣчья жизнь рѣдко одналична; [29]
Пока пишется кому похвала прилична,
Добродѣтель его вся вдругъ ужъ улетаетъ,
И смраденъ въ пятнахъ глазамъ нашимъ представляетъ
Себя, кто мало предъ тѣмъ [30] бѣлъ, какъ снѣгъ, казался.
Куды тогда трудъ стиховъ моихъ ужъ дѣвался?
Пойду ль уже чучело искать я другое,
Кому бъ тые прилѣпить? иль хотя иное
Въ немъ вижу сердце, ему-жъ оставя, образу
Себѣ въ людяхъ навлеку, кои больше глазу
Вѣрить станутъ своему, нежли моей бредни,
Не мѣряя доброту по толпѣ въ передни.
Изодравъ тѣ, скажетъ кто, сочини другіе,
Третіе, десятые; какъ бы [31] намъ такіе
Плыли съ пера безъ труда стихи и безъ поту.
Пусть онъ самъ отвѣдаетъ ту легку работу;

---

26) Изъ глазъ.
27) Которая.
28) Справедливо.
29) Одинакова, неизмѣнчива.
30) Незадолго.
31) Какъ будто бы.

А я знаю, что когдà хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твòй нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызỳ, и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплетỳ, да и тѣ не спѣлы,
Жостки, досадны ушàмъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой àзбукѣ святыхъ житьё водятъ.
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубàхъ вязнетъ твое слово
Не забавно, не краснò, не сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно чтò усмотрю, умняе
Сама ставши, подъ перòмъ стихъ течетъ скоряе.[32]
Чувствую самъ, что тогдà въ своей водѣ плавлю,
И что чтецовъ я своѝхъ зѣвать не заставлю;
Проворенъ, веселъ спѣшỳ, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похорòнъ къ жирному обѣду.
Любовны пѣсни писàть, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло.
Красны губки свѣжіе, что на крайкахъ сносятъ
Душу на встрѣчу моей, губъ же себѣ просятъ;
Молочны груди ладòнь мою потягаютъ,
И жарки взгляды моѝхъ глазъ взглядъ поджидаютъ.
Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы[33]
Чистыя, и òтроки, коихъ отъ денницы
До другой невѝдимо колетъ любви жало.
Шутокъ тѣхъ минỳлося время, и пристало
Ужъ мнѣ горько кàяться, что дни золотые
Такъ непрочно стратилъ я̀, пиша пѣсни тыя.[34]
Кои въ веснѣ вòзраста жаркой любви служатъ,
Какъ невольники въ цѣпя̀хъ, пусть о себѣ тужатъ,
Вина сущи своемỳ безпокойству сами;
Я отвыкъ себя ковàть своими руками.
Мнѣ ужъ слѣпое дитя̀ долженъ безпрестанно
Поводы весèлія подавать, и странно
Ему, чаю, все то, чтò къ печали склоняетъ.

---

32) Умняе, скоряе—сравнительная форма, провинціализмъ, употреблявшійся часто нашими писателями прошедшаго столѣтія.

33) Пѣсни эти намъ неизвѣстны. О нихъ въ біографіи Кантемира, напечатанной при первомъ изд. сатиръ (1762), говорится: «Любовныя пѣсни, сочиненныя имъ въ молодыхъ лѣтахъ, извѣстны только потому, что самъ авторъ съ сожалѣніемъ объ нихъ въ сатирахъ своихъ упоминаетъ».

34) Тѣ.

Если веселить меня̀ собою не знаетъ,[35]
Тотчасъ съ нимъ разста̀нуся; съ нимъ ужъ водить дружбу
Въ лишны я часы гото̀въ, но не сулю службу.
  Къ чему жъ и индѣ[36] иска̀ть печали причину?
Не довольно ли она̀ валится на спину,
Хоть бы ея не иска̀ть? если въ мои лѣта
Минувши[37] скрыться не мо̀гъ я вражья навѣта,
Если счастье было мнѣ мало постоянно;
Я ль одинъ тому примѣръ? Весь свѣтъ непрестанно
Терпитъ отмѣны,[38] и то̀ чудно лишь бы было,
Если бъ мое въ тѣхъ вала̀хъ судно равно плыло.
Теперь счастливо плыву̀; то мнѣ одно полно.[39]
Забываю про̀шлое, и какъ мнѣ невольно[40]
Будущее учреди̇̀ть время, такъ и мало
О томъ суечусь, гото̀въ принять, что ни пало
Изъ руки Всевы̀шшаго Царя въ мою долю.
О дней числѣ моихъ жду̀ тихъ Его же волю;
Честна жизнь не трѐпетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу̀, вѣдая, что внидетъ
Тѣми дверьми въ но̀вые вѣки непрестанны,
Гдѣ тишина и поко̀й царствуетъ желанный.
  Однимъ словомъ, са̀тиру лишь писать намъ сродно,
Въ другомъ неуда̀чливы; съ нравомъ же несходно
Моимъ, не писавъ прожи̇̀ть въ лѣности съ тобою.
Инъ, каковъ бы ни былъ ро̀къ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятна̀ть вездѣ неостудно.
И правда, ужъ отъ того̀ и уняться трудно,
Когда тотъ, что губы чу̀ть помазалъ въ латину,
Хвастаетъ нау̀кою и ищетъ причину
Безвременно всѣмъ скуча̀ть[41] долгими рѣчами,
Мня, что мудрость говори̇̀тъ къ намъ его устами;
Когда хлѣбникъ въ золотѣ и цугомъ катится;
Раздутый ужъ ма̀тери подъячіи стыдится,

35) Не умѣетъ.
36) Въ другомъ мѣстѣ.
37) Въ протекшіе года.
38) Перемѣны счастья.
39) Тогда одного мнѣ довольно.
40) И какъ я не въ силахъ.
41) Наскучиваетъ.

И бояръ лише въ родню принять ему нравно;[42]
Когда мельникъ, что съ волосъ стрёсъ муку недавно,
Кручинится, и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.
Такимъ однимъ сáтира наша быть противна
Можетъ; да ихъ нѣчего щадить, и не дивна
Мнѣ любовь ихъ, какъ и гнѣвъ ихъ мнѣ страшенъ мало.
Просить у нихъ не хочу, съ ними не пристало
Мнѣ вестись, чтобъ не счернѣть, касаяся сажи;
Вредить не могутъ тѣ мнѣ, пока въ сильной стражи
Нахожуся мáтери отечества правой.
А коимъ Богъ чистый дýхъ далъ, и далъ умъ здравой,
Беззлобны беззлóбные наши стихи взлюбятъ,
И охотно станутъ чéсть, надѣясь, что сгубятъ,
Можетъ быть, иль уменьшáтъ злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся и́мъ и пользы и славы!

ПРИМѢЧАНІЯ.

Четвертая сатира писана въ началѣ 1731-го года. Слово въ ней идетъ къ Музѣ съ которою стихотворецъ уговаривается перестать сатиры писать, и тѣмъ случаемъ съ стороны злонравныхъ пятнаетъ.

Ст. I. *Муза! не пора ли слогъ отмѣнить твой грубый.* Слогъ – образъ писанія. Такъ Боало начинаетъ свою сатиру:

Muse, changeons de stile et quittons la Satire,
C'est un mechant metier que celui de médire.[43]

Ст. 13. *Кондратъ*, имя вымышленное, какъ слѣдующіе *Никонъ*, *Туллій* и проч.

Ст. 16. *Хуля Клитесовъ нравъ.* Въ стихѣ 225-мъ и слѣдующихъ третьей сатиры стихотворецъ, подъ именемъ *Клитеса*, пьяницъ осмѣиваетъ.

Ст. 18. *Тверды.* То есть сильные, крѣпкіе.

Ст. 19. *Острожской печати.* Русская библія впервые напечатана въ Острогѣ городѣ, въ 1581 году по указу острожскаго князя Константина Васильевича, которая, хотя гораздо неисправнѣе той, что въ 1663-мъ году въ Москвѣ издана, однакожъ суевѣрные за старину предпочитаютъ.

Ст. 22. *Бороду злословитъ.* Вся Кондратова злость устремляется противъ 135 и 137-го стиховъ I сатиры.

---

42) По нраву.

43) Муза, перемѣнимъ слогъ и оставимъ сатиру; злословить—ремесло дурное.

Ст. 25. *Объ отказѣ.* Отказъ въ сей силѣ значитъ дачу какого владѣнія чрезъ вышшую власть.

Ст. 26. *Что о взяткахъ говоришь.* Въ сатирѣ I, ст. 148, и въ сатирѣ 3, ст. 113.

Ст. 33. *И стихи, что смѣхъ чтецамъ на губы сажаютъ.*

Et le mot pour avoir rejoui le lecteur
A conté bięn souvent de larmes à l'auteur.[44] (Боало ст. 7, сат. 7).

Ст. 43. *Хромаетъ душою.* Неправы совѣстью, злонравны. Недостаточны въ благонравіи, какъ хромой въ ногахъ.

Ст. 46. *Таковъ обычай; уйми, чтобъ шляпъ не носили маленькихъ.* Обычай теперь быть злонравнымъ, какъ обычай есть маленькія шляпы носить. Буде ты не можешь отмѣнить обычай шляпъ маленькихъ, оставь и людей въ своихъ нравахъ.

Ст. 47. *Пастыри душъ.* Попы и архіереи.

Ст. 50. *Зимой дровъ никто ни дастъ.* Буде священники и священноначальники станутъ устремляться противъ злонравныхъ, то станутъ лишаться всего потребнаго къ прохладному житью. Дрова зимою, и ледъ въ лѣто гораздо къ житью нужны.

Ст. 51. *Ювенала, Персія, Горація.* Славные три римскіе сатирики. Первый родился лѣта Христова 36, въ 22-е Тиберіева царствія; отъ отца Флакка и матери Фульвіи, умеръ въ 31-мъ году своего возраста. Второй былъ сынъ неизвѣстнаго отца, жилъ во время Домиціана императора, отъ котораго сосланъ въ Египетъ полковникомъ за неприличную любовь съ нѣкакимъ танцовщикомъ. Третій жилъ во времена Августовы, у котораго, за превосходство своего ума, былъ въ особливой милости. (Гиралдіи, въ исторіи стихотворцовъ; Мореріевъ лексиконъ).

Ст. 54. *Того жъ Боало причастникъ былъ права.* Боало имѣвъ то же право, ту же удачу. Боало Деспро, французскій сатирикъ, родился въ 1637-мъ году. Въ подражаніи древнихъ стихотворцевъ. весьма удачливъ. Сатиры и письма его, нашего стихотворца лучшая забава и предводители, соравняться могутъ тѣмъ, которыми древность хвастаетъ. Лудовикъ XIV, король французскій, насладився его стихами, опредѣлилъ ему по 2000 ливровъ (400 рублей) жалованья въ годъ. которое получалъ по самую свою смерть, случившуюся въ 1711-мъ году.

Ст. 55. *Что слѣды ихъ топчу.* Что имъ слѣдую, имъ подражаю.

Ст. 57 и 58. *Истая Зевсова дочь.* Тебѣ, говоритъ сатирикъ Музѣ своей, не можно верстаться съ Гораціемъ, съ Персіемъ, съ Ювеналомъ, съ Боаломъ, понеже они были особливымъ умомъ одарены отъ Бога. Ихъ перо водила Муза, истинная дочь Юпитерова; а ты

---

44) И слово, чтобы позабавить читателя, очень часто стоило автору слезъ.

подлинно не дочь того Юпитера, и *Память*, мать твоя, съ кѣмъ другимъ тебя породила. Смотри примѣчаніе подъ стих. 8-мъ сат. 1.

Зевсъ у грековъ то жъ, что *Юпитеръ* у римлянъ.

Ст. 66. *Медъ держи на языкѣ*. То есть, весь гнѣвъ, всю злобу въ себѣ тай, а словами льсти.

Ст. 74 *Тропа та*. Тотъ способъ, тотъ обычай, хвалить хульнаго человѣка, не новый.

Ст. 88. *Не однажды, какъ сулитъ, словъ тѣхъ Богъ свидѣтель*. Не однажды Бога призываетъ въ свидѣтели, что онъ тебѣ чистосердечно сулитъ свою помощь, свою дружбу.

Ст. 94. *Хоть нѣтъ въ спинѣ мѣлу*. То есть, *хоть нѣтъ знаку на спинѣ, мѣломъ начерченнаго*. Когда воинъ въ строю чѣмъ погрѣшитъ во время обученія, одинъ изъ нижнихъ офицеровъ напишетъ ему на спинѣ крестикъ мѣломъ, чтобъ по окончаніи дѣла можно было узнать виноватаго и учинить ему приличное наказаніе.

Ст. 95. *Родъ стиховъ гадкихъ*. Гадкими стихотворецъ называетъ стихи, въ которыхъ содержится ложная похвала.

Ст. 96, 97 и 98. *Запой въ Амариллиныхъ объятіяхъ* и пр. Пиши эклоги, т. е. стихи о лѣсахъ, стадахъ и любви пастуховъ. *Амарилла, Ирисъ, Титиръ, Филенъ* суть имена пастушіи. Въ такихъ стихахъ между древними славенъ у грековъ Ѳеокритъ, у латинъ Виргилій.

Ст. 105. *Можно, коль скучитъ, и то изслѣдить подробно*. Здѣсь сатирикъ уговариваетъ Музу свою писась элегіи, то есть пѣсни жалостныя, взявъ поводъ отъ своего житія.

Ст. 109. *Новымъ ужъ родомъ стиховъ*. Новымъ нашему сатирику, который до того элегій не писывалъ.

Ст. 117. *Но вижу, Муза, ворчишь* и проч. Отъ сего стиха по 142 есть подражаніе слѣдующихъ Боаловой сатиры VII-й:

Mais à ce grand effort envain je vous anime:
Je ne puis louer rencontrer une rime.
Des que j'y veux rever, ma veine est aux abois.
J'ai beau frotter mon front, j'ai beau mordre mes doigts;
Je ne puis arracher du creux de ma cervelle
Que des vers plus forcés que ceux de la pucelle. [45]

Ст. 120. *Не нашихъ плечъ бремя*. Хвалить не нашей силы дѣло.

Ст. 124. *Въ пятнахъ*. Въ злонравіяхъ.

Ст. 128 и 129. *Иль хотя иное въ немъ вижу сердце*. Пока я похвальные стихи кому пишу, онъ изъ добродѣтельнаго человѣка

---

45) Но при этомъ страшномъ усиліи напрасно я тебя ободряю: для похвалы я не могу найти ни одной риѳмы. Лишь только я задумаюсь, мой духъ въ изнеможеніи. Я сильно тру свой лобъ, грызу свои пальцы и могу вытянуть изъ своего мозга только стихи натянутые...

стался плутомъ, пристойно ли мнѣ тогда искать другаго кому тѣ стихи прилѣпить, сирѣчь некстати приписать, или первому оставить, хотя уже ему за приключившеюся въ его нравахъ премѣною не приличны?

Ст. 132. *Не мѣряя доброту по толпѣ въ передни.* Не мѣряя добродѣтели человѣка по толпѣ хлѣбниковъ, которые по вся утра собираются ему льстить въ его передней. Похлѣбники чтутъ силу человѣка, народъ вобще чтетъ человѣка добрый нравъ.

Ст. 143. *Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житье водятъ.* Максимовичъ, нѣкто, стихами описалъ и по азбукѣ расположилъ житье святыхъ печерскихъ. Книга та напечатана въ Кіевѣ въ листъ, и пальца въ два толщины; однакожъ въ ней, кромѣ именъ святыхъ и Его Высочества Государя Цесаревича Алексѣя Петровича, которому приписана, ничего путнаго не найдешь.

Ст. 151. *Любовны пѣсни писать.* Большую часть стиховъ стихотворецъ прибавилъ въ сію сатиру, будучи въ Парижѣ въ возрастѣ 32-хъ лѣтъ.

Ст. 153. *Красны губки* и проч. Пусть тотъ пишетъ стихи любовные, кто умомъ не спѣлъ и тѣломъ хвилъ; я инако намѣренъ употреблять то время, которое любви посвящаю; охотнѣе оное употреблю забавляяся съ полюбовницею; и то самое она отъ меня ожидаетъ, а не стихи.

Ст. 157. *Довольно моихъ поютъ пѣсней.* Сатирикъ сочинилъ многія пѣсни, которыя въ Россіи и теперь поются.

Ст. 158. *Отъ денницы до другой.* Всегда, непрестанно.

Ст. 163. *Въ веснѣ возраста.* Сирѣчь, въ самомъ первомъ цвѣтѣ юношества.

Ст. 165. *Пусть о себѣ тужатъ, вина суши.* Подражаніе италіанскаго стиха:

Caggion del suo mal pianga se stesso. [46]

Ст. 167. *Слѣпое дитя.* Любовь, Купидинъ, сынъ Венеринъ, богъ любви, изображается у древнихъ младенцемъ, которому глаза завязаны, и то для того, что любовь слѣпитъ людей такъ въ выборѣ лица любимаго, какъ и во всѣхъ поступкахъ.

Ст. 171 и 172. *Съ нимъ ужъ водить дружбу* и проч. Радъ я лишніе часы любви посвящать, но такимъ образомъ, чтобъ я всегда былъ воленъ унять ту свою страсть, а не чтобъ ей дать надъ собою власть неопредѣльну, какъ хозяину надъ рабомъ.

Ст. 180. *Въ тѣхъ валахъ.* Въ томъ непрестанномъ движеніи въ той непрестанной перемѣнчивости дѣлъ сего свѣта.

Ст. тотъ же. *Равно.* Равнолично, постоянно. Подлинно чрезвычайно бы было одному человѣку вести жизнь свою въ постоянномъ и одноличномъ состояніи, когда всѣ твари непрестанную премѣну терпятъ.

---

46) Пусть самъ оплакиваетъ причину своей бѣды.

Ст. 181. *Счастливо плыву.* Въ морѣ житія, сирѣчь.

Ст. 187. *Честна жизнь.* То есть, честный человѣкъ въ жизни своей безъ страху и веселъ идетъ.

Ст. 188. *Къ неизбѣжному концу.* Къ смерти, сирѣчь, которая всѣмъ человѣкамъ неизбѣжна.

Ст. 189. *Тѣми дверьми.* Смертію, кончиною своею.

Ст. тотъ же. *Въ новые вѣки непрестанны.* Въ другую безконечную жизнь, которую по смерти ожидать должны всѣ тѣ, кои безсмертну душу быть вѣрятъ.

Ст. 191. *Намъ.* Сатирикъ всегда съ музою своею говоритъ.

Ст. 194. *Инъ каковъ бы ни былъ рокъ.* Такъ то же изобразилъ Горацій книги II, сат. 1, ст. 54 и слѣдующіе:

Seu me tranquilla senectus —
Expectat, seu mors atris circumvolat alis;
Dives, inops, Romae, seu sors ita jusserit, exul,
Quisquis erit vitæ, scribam, color. [47]

Ст. 196. *И правда ужъ отъ того и уняться трудно когда* и проч. Отъ сего стиха по 206 есть подражаніе слѣдующихъ:

Cum tener uxorem ducat spado, Mævia Tuscum
Figat aprum, et nuda teneat venabula mamma:
Patricios omnes opibus cum provocet unus,
Quo tondente gravis juveni mihi barba sonabat:
Cum pars Niliacæ plebis, cum verna Canopi
Crispinus, Tyrias humero revocante lacernas
Ventilet aestivum digitis sudantibus aurum,
Nec sufferre queat 'majoris pondera gemmæ:
Difficile est Satiram non scribere (Ювен. сат. 1). [48]

Ст. 211. *Чтобъ не счернѣть.* Вмѣсто, чтобъ не почернѣть, за нужду мѣры стиха. Чтобъ не учиниться имъ подобнымъ, чтобъ совѣсть свою ихъ нравами не повредить.

Ст. 213. *Матери отечества правой.* Императрицы, Государыни правосудливой.

Ст. 216 и 217. *Надѣяся, что сгубятъ* и проч. Злонравнымъ однимъ стихи мои будутъ противны, а добронравные и благоразсудные лю-

---

47) Суждена ли мнѣ спокойная старость или смерть уже покрываетъ меня своими мрачными крыльями, богачъ или бѣднякъ, въ Римѣ или въ ссылкѣ, какого бы цвѣта ни была нить моей жизни—я буду писать.

48) Трудно не писать сатиры, когда евнухъ обѣщаетъ прекрасную женщину, когда Мевія охотится за тусскимъ вепремъ и, обнаживъ свои груди, пускаетъ въ него метательное копье; когда нѣкто, подъ бритвой котораго у меня въ юности падала борода, теперь какъ бы вызываетъ своими богатствами на состязаніе всѣхъ патриціевъ; когда Криспинъ, мальчишка, находившійся въ услуженіи у Канопа, частичка нилійской черни, провѣтриваетъ на алчныхъ пальцахъ залежавшееся золото, и не можетъ вынести тяжести своего большаго брильянта, а плечи его уже отказываются носить тирійскія ткани.

ди возлюбятъ ихъ, надѣяся, что тѣ стихи опровергнутъ, или по меньшей мѣрѣ убавятъ число злонравій въ народѣ, и подлинно то одно есть намѣреніе сатиръ.

Ст. 218. *Тѣмъ*. Чрезъ то много славы и пользы произойдетъ добродѣтельнымъ людямъ отъ того, что они взлюбятъ и честь станутъ стихи наши, ибо ихъ примѣръ прочихъ ободритъ и уйметъ клеветы.

Ст. Тотъ же. *Имъ*. Сирѣчь, добродѣтельнымъ людямъ.

САТИРА V.

САТИРЪ И ПЕРІЕРГЪ.

(*На человѣческія злонравія вообще*).

—

САТИРЪ.

Сильна Пана воля бу̀дь, хоть мнѣ смерть случится,
Не возможно мнѣ съ людьми въ городѣ ужиться.
Нравы наши межъ собо̀й чрезъ мѣру различны,
Къ тому-жъ тѣлу платья ѝхъ мойму не приличны:
Безпокоятъ чрезъ мѣру̀. Красотѣ радѣя,
Какъ осла златомъ себя̀ тягчатъ; руки, шея,
Ноги, чреслы спу̀таны. Недруги покоя —
Зимой отъ стужи, лѣто̀мъ не щитятъ отъ зноя. [1]
Провалитесь отъ меня̀ тягости златыя
Глупцамъ чтительны, [2] и вы̀, кудри накладныя!
Довольно уже страда̀лъ я въ вашемъ обманѣ.

ПЕРІЕРГЪ.

Ба! что вижу я! Сатѝръ въ штанахъ и въ кафтанѣ;
Кривы ноги въ сапога̀хъ его оказуютъ, [3]
И рога, что теперь вскры̀лъ; [4] такъ изобразуютъ
Урода наши писцы̀. Какое то чудо,
Откуду, кто, и куды̀? испытать не худо.
Позволь мнѣ, буде не въ гнѣвъ, у тебя спроситься,

---

1) Здѣсь удареніе не приходится ни на 5, ни на 7 слогѣ.
2) Почитаемые глупцами.
3) Выказываютъ, обличаютъ.
4) Открылъ, обнажилъ.

Кто ты таковъ? о̀ткуду, и куды? мнѣ мнится,
По виду чужѐстранецъ ты: если въ чемъ можно
Услужить, я весь гото̀въ къ приказамъ[5] не ложно.

САТИРЪ.

Прочь отъ меня, не ложно̀[6] мнѣ къ службѣ готовый:
Ты человѣкъ, знаю я̀; обманъ сей не новый
Въ вашемъ родѣ: обыклѝ вы всѣ льстить словами,
И дружбу свою явля̀ть устъ лише краями,[7]
Злобны сердцемъ. Оставь мя̀, пожалуй, въ покоѣ;
Ничего не трѐбую.

ПЕРІЕРГЪ.

Неправо худое,
Не знавъ меня, обо мнѣ мнѣніе имѣешь;
Когда мысль мою и нра̀въ ты уразумѣешь,
Не скажешь, что люди всѣ межъ собою сходны.
Я самъ знаю, что весьма̀ въ нашемъ родѣ плодны
Недостатки, и много̀ есть чего гнушаться;
Люблю жъ добрыхъ, а злыхъ тщу̀сь людей удаляться.
На любопытство моѐ откройся, какъ другу,
Узришь, что усты[8] сулю̀ и сердцемъ услугу.

САТИРЪ.

Ничего не трѐбую, въ лѣсъ свой возвращаюсь;
Однакъ удоволю тя̀, пока раздѣваюсь.
Цѣлый часъ, по милости что зовете моды,
Не станетъ весь вздоръ сей снять; безконечны годы
Жизни вашей чаялъ бы тотъ, кто примѣчаетъ,
Сколько въ бездѣлкахъ часо̀въ человѣкъ теряетъ.
Проводите утро всѐ, тѣло убирая
И волосы на главѣ; столько жъ, раздѣвая
Тѣло, уйдетъ врѐмени; хоть брюхо довольно
Можно въ четверть насытѝть,[9] вамъ мнится не полно
Три часа на у̀жину, три часа обѣду;
Въ бесѣдахъ остатки дня̀ безплодныхъ, сосѣду
Съ вредомъ, или въ за̀бавахъ, какъ вы говорите,

---

5) Къ исполненію приказаній, къ услуга̀мъ.

6) Удареніе не на своемъ мѣстѣ.

7) Лишь краями устъ, т. е. на словахъ.

8) *Усты*—старый творительный падежъ. Предлагать услугу устами и сердцемъ.

9) Т. е. въ четверть часа.

Летятъ; буде случитѐсь [10] одни, ночь всю спите;
Но къ вопросу твоему̀ слово обращаю.
Сатиромъ меня весь стрòй мой довольно, чаю,
Являетъ. Панъ слàвное Пенелопы чадо,
Кой лѣсами властвуетъ, коимъ пасетъ стадò
Безопасно вся̀кое, и благополучны
Браки бываютъ, — первы̀ онъ свирѣли звучны
Составилъ [11]; царемъ вèсь рòдъ сатиръ почитаетъ.
Веселый съ природы бòгъ на всякъ день желаетъ
Нову причину къ смѣху̀ [12]; наше того дати
Житье не можетъ; въ лѣсàхъ жизнь мы провождати
Обыкли просту весьмà; то одно желаемъ,
Что намъ сродно, лѝшностѐй всякихъ отбѣгаемъ.
Того ради Панъ обы̀къ въ всякія три лѣта
Разсылать нѣсколько нàсъ во всѣ краи свѣта,
Всякаго въ различныя мѣста, въ разны грады.
Межъ людьми мы живучи, обычьи, обряды,
И нравы примѣтимъ ѝхъ; къ нему возвращаясь,
Сказуемъ, [13] онъ слу̀шаетъ, съ смѣху надсаждаясь.
Минулось ужъ двà года, какъ царскую волю
Исполнять мнѣ чередà пришла; въ мою долю
Палъ сей городъ, гдѣ изжѝть третій годъ нѣтъ силы.

ПЕРІЕРГЪ.

Обычай столько тебѣ сдѣлалъ лѣса милы.

САТИРЪ.

Не лѣсъ милъ, ваше житьѐ мнѣ несносно стало.

ПЕРІЕРГЪ.

Какъ же можешь исполнѝть во время такъ мало [14]
Указъ царевъ? нàбралъ ли извѣстій довольно,
Чтобъ его увеселѝть? Мнѣ мнится, не полно [15]
Ста лѣтъ, чтобъ человѣка вызнать, хоть отчасти
Столь многовидны [16] егò суть нравы и страсти.

САТИРЪ.

Вызнать васъ, намѣренье въ умъ мнѣ не входило:

---

10) Удареніе не на мѣстѣ.
11) Онъ составилъ первыя звучныя свирѣли.
12) Удареніе не на мѣстѣ.
13) Разсказываемъ.
14) Т. е. столь малое.
15) Т. е. не довольно.
16) Разнообразны.

Смѣху причину набрàть дѣло мое было,
Въ чемъ довольно преуспѣть и мѣсяца много.
Во всѣхъ почти вашихъ нѣтъ поступкахъ иного,
Куды ни вскинешь глазà, не льзя не смѣяться.
  Знаю, трудно тебѣ въ тòмъ со мной соглашаться;
Цвѣты вещей, каковы собой, тотъ не воленъ
Видѣть, но желты всѣ мнѝтъ, кто желтухой боленъ, [17]
Такъ впоенное съ млекòмъ мнѣніе неправо
И повадка не даѐтъ вамъ разсуждать здраво
О состояньи своѐмъ, о своихъ поступкахъ,
Хоть вы столь близки себѣ, что нѣтъ нужды въ трубкахъ.
Человѣкъ, что ссоръ бѣжѝтъ, снося брань, побои,
И въ помочь свою зовѐтъ ноги лише [18] двои,
Благоразсуднымъ у вàсъ мужемъ тотъ бываетъ,
Хоть совѣсть и видъ егò трусомъ быть являетъ. [19]
Другой, что за взглядъ одѝнъ, за словцо неважно
Ищетъ ссору и дракỳ, и въ малъ часъ отважно
Не щадитъ и саму жѝзнь, чтобъ вредить другому,
Храбрый мужъ зовется въ вàсъ, [20] хоть по мнѣ такому
Безмозглаго дуракà имя лишь пристаю.
  Стенонъ, когда въ бѐсѣдѣ [21] вретъ, что въ умъ ни вспало,
Ни малъ часъ покой дай языку болтливу;
Слыша его, колесò мельницы шумливу
Воду двигать мнѝтися въ звучные обраты. [22]
Отъ хохотанья егò звѣнятъ всѣ палаты;
Своимъ смѣется словàмъ; частъ одинъ смѣется;
Руки полны, сколь языкъ, куды удается
Протягаетъ, ни что стыдъ, ни учтивство зная;
Всѣ однако лàсково, тщатся, принимая
Стенона къ себѣ привлѐчь; какъ день не видаютъ,
Сотью спросятся объ нѐмъ, шлютъ и ожидаютъ
Нетерпѣливно егò, какъ лучшу забаву,

17) Тотъ, кто боленъ желтухой, не можетъ различать цвѣтовъ, считая всякій цвѣтъ за желтый.

18) Лишь.

19) Показываетъ, что онъ трусъ.

20) У васъ.

21) Ошибка въ удареніи.

22) Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, галлицизмъ нѣсколько затемняетъ смыслъ рѣчи.

Нахала сказуя быть веселаго нраву.[23]
Критонъ цѣлы двадцать лѣтъ надъ книгой трудился,
Въ которой древность коньќовъ изслѣдить потщился;
Скончавъ и издавъ еѐ, въ золотомъ преплетѣ,
Съ похвальною рѣчію посвятилъ Даметѣ,
Который въ малъ часъ прошо̀лъ всю изъ край до̀ края,[24]
Одни лишь прилежно въ нѐй коньки примѣчая.
Кивкомъ главы наградилъ бдѣнія и поты;
Однакъ того Критона, что столько работы
Столько глупо стратилъ лѣтъ въ дѣлѣ такъ неплодномъ,
И глупѣе судью книгъ искалъ въ благородномъ,
Мудрецомъ зовете вы, и мните Дамета
Искуснымъ защитникомъ наукъ въ ваши лѣта.[25]
Наши братья сатиры инакъ разсуждаютъ
О вашихъ дѣлахъ: всѣ въ нихъ точно примѣчаютъ
Обстоятельства, зорки и существо само
Проницаютъ; по тому смѣху вину тамо
Находятъ, гдѣ вы, глаза̀ пяля, порожните
Мѣшки похвалъ, и ещѐ мало то быть мните.[26]
Я знаю, что тѣхъ однихъ еслибъ описати
Пану, коимъ рокъ меня̀ привелъ работати
Живучи въ васъ, цѣлый го̀дъ есть чѣмъ забавляться.
Въ многихъ домѣхъ удало̀сь мнѣ у васъ таскаться,
Каждый мѣсяцъ но̀ваго почти господина
Имѣвъ, чему два мои свойства суть причина.
Разговоръ мой такъ, какъ стро̀й будучи забавенъ,
Всякому, кто ни встрѣча̀лъ меня, былъ я нравенъ,
И въ слуги меня тотча̀съ охотно примали,[27]
Шуты бо[28] всегда у ва̀съ въ почести бывали,
Но правдолюбивъ къ тому̀,[29] хвалить мнѣ не можно,
Что хульно, не какъ вы; мысль обыкъ осторожно
Таить; для чего не мо̀гъ долго пробыть въ службѣ
Того, кто вызналъ меня̀: съ правдой вы не въ дружбѣ.

---

23) Считая нахала за человѣка веселаго нрава.
24) Т. е. прочелъ всю книгу.
25) Въ вашъ вѣкъ.
26) И думаете, что этого еще мало.
27) Принимали.
28) Старинный союзъ винословный—*ибо*, *потому что*.
29) Но при этомъ былъ я правдолюбивъ.

ПЕРІЕРГЪ.

Если безпечальну жѝзнь ты и лѣсъ твой любишь,
На малъ часъ Паномъ менѧ̀ почти; не погубишь
Трудъ твой. Стихотворецъ ѧ̀: пѣсню въ твою славу
Сочиню, иль рѣчь твою̀, къ исправленью нраву
Людей, поздному предàть потомству потщуся.

САТИРЪ.

Береги свои стихѝ, о мздѣ не пекуся,
Угождая всѧ̀кому; вамъ лише пристало
Не дѣлать даромъ ничтò, и за словцо мало
За кивокъ одинъ, за взглѧ̀дъ ожидать конечно
Дары, поклоны, службу̀ [30] благодарство вѣчно.
Всю повѣсть мою тебѣ сказать трудно бремя;
Часть скажу, сколько къ тому̀ позволитъ мнѣ время.
Когда Панъ насъ учредѝлъ [31] ужъ всѣхъ къ походу,
Всѣхъ въ платье насъ нарядѝлъ различнаго роду,
И прилежно ку̀дрями прикрылъ наши роги
(Какъ обычай и у вàсъ), сапогами ноги.
Съ слезами въ глазахъ, въ сердцѣ̀ [32] съ несноснымъ я болемъ [33]
Вышедъ съ лѣсу, продолжàлъ путь горой и полемъ.
Прибылъ я въ городъ вашъ въ дѐнь нѣкой знаменитой;
Пришедъ къ воротамъ, нашѐлъ, что спитъ какъ убитой
Мужикъ съ ружьемъ, кòторый, [34] какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стерѐчь; еще не обѣдалъ
Было народъ, и солнцѐ [35] полкруга небесна
Не пробѣгло, а почтѝ ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ,
Чаялъ, что моръ у васъ бы̀лъ; да не пахнетъ стервомъ, [36]
И вижу, что прòчіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлъ люди, [37] и съ нихъ самы̀хъ ины подымаютъ
Руки, ины гòловы тяжки и румяны;

---

30) Ошибка въ удареніи.
31) Устроилъ, снарядилъ.
32) Для стиха нужно читать въ *сердцѣ*.
33) Съ несносною болью.
34) Ошибка въ удареніи.
35) Для стихотворнаго размѣра *солнцѐ*.
36) Мертвечиной.
37) Прочіе люди не убѣгаютъ отъ тѣхъ тѣлъ.

И слабость ногъ лишь не дáстъ встать; словомъ всѣ пьяны.
Пьяны тѣ, кои лежáтъ, прочи нѐ трезвѣе,
Не обильнѣе умòмъ, ногами сильнѣе.
Безразсудно часть бѣжѝтъ, и куды, не знаетъ;
Въ сластолюбныхъ танцахъ чáсть гнусну грязь топтаетъ,[38]
И мимоѝдущихъ грязнѝтъ, скользя упадая,
Сами мерзки; дрӯгіе,[40] весь стыдъ забывая,
Тѣлу полну власть даю́тъ предъ стыдливымъ поломъ,
И тщатся нахáльливой рукой, что подоломъ
Скрылъ обычай, обнажѝть; часто удается.
Шатаясь долго одѝнъ, напослѣдокъ бьется
Бахусомъ отягощѐнъ въ стѣну гòловою,

38) Подобные танцы, отличавшіеся цинизмомъ, описываетъ въ своемъ дневникѣ Берхгольцъ. Разсказывая о прядильной фабрикѣ Томсена въ Москвѣ, онъ останавливается на женскомъ ея отдѣленіи, «гдѣ работали дѣвушки, отданныя на прядильню въ наказаніе лѣтъ на десять и болѣе, а нѣкоторыя и навсегда; между ними было нѣсколько съ вырванными ноздрями... Между ними сидѣла одна дѣвушка, которая служила 7 лѣтъ въ драгунахъ и за то была отдана сюда. Она играла на здѣшнемъ длинномъ двухструнномъ инструментѣ, называемомъ балалайкою, который впрочемъ вовсе неблагозвученъ. Послѣ этой музыки двѣ дѣвушки изъ самыхъ младшихъ, по приказанію Томсена, должны были танцовать, прыгать и дѣлать разныя фигуры. Между прочимъ онъ заставилъ ихъ проплясать одну употребительную у здѣшнихъ крестьянъ свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается граціею, по причинѣ непристойности движеній. Сперва пляшутъ оба, слѣдуя одинъ за другимъ и дѣлая другъ другу разные знаки лицомъ, головою, всѣмъ корпусомъ и руками, потомъ дѣвушка жестами дѣлаетъ объясненіе въ любви парню, который однакожъ не трогается этимъ, напротивъ старается всячески избѣгать ея до тѣхъ поръ, пока она наконецъ утомляется и перестаетъ; тогда парень съ своей стороны начинаетъ ухаживать за дѣвушкою и съ большимъ трудомъ заставляетъ ее принять отъ него въ знакъ любви носовой платокъ, послѣ чего она во всю длину ложится на спину и закрываетъ себѣ лицо этимъ платкомъ. Парень пляшетъ еще нѣсколько времени вокругъ лежащей съ разными смѣшными ужимками, прикидываясь очень влюбленнымъ: то онъ какъ будто хочетъ поцѣловать ее, то, казалось, даже приподнять ей юбку, и все это среди пляски, не говоря ни слова. Но такъ какъ дѣвушка, представлявшая парня, изъ стыда не хотѣла докончить пляски, то Томсенъ велѣлъ доплясать ее одному изъ своихъ мальчиковъ лѣтъ 9 или 10-ти, который тотчасъ же охотно согласился на это. Проплясавъ какъ и дѣвушка раза два вокругъ лежавшей на полу, онъ вдругъ вспрыгнулъ на нее и нѣсколькими движеніями, какихъ вовсе не льзя было ожидать отъ такого ребенка, довершилъ пляску...» (13 февраля 1722 г.)

40) Ошибка въ удареніи.

И стѣну кровью кропитъ, и въ смѣхъ надъ собою
Приводитъ смотрителей;[41] другой безразсудну
Прю[42] начавъ, съ кѣмъ встрѣтился, сноситъ битву трудну,
И вмѣстѣ съ виномъ блюетъ зубы съ устъ смердящихъ.[43]
Многихъ вижу внѣ себя двояко слезящихъ,
Отца, сына, сродника, что животъ кончали,
Иль лишнимъ хмѣля[44] ядомъ, иль остріемъ стали;
Пѣсни безстудны и шумъ повсюду безстройный,
Что и глухаго ушамъ были бъ безпокойны.

---

41) Зрителей.[1]

42) Ссору.

43) Берхгольцъ такимъ образомъ описываетъ народное гулянье за Москвою. «Взойдя на высокую гору, гдѣ простонародье справляло свой праздникъ, мы нашли тамъ страшную толпу, но намъ сказали, что большая часть народа уже разошлась еще до насъ, потому что мы пришли довольно поздно. На горѣ поставлены были разныя большія палатки, въ которыхъ продавали только водку и пиво, и народъ тамъ такъ веселился, что не только далеко слышались его крики, но и запахъ вина поражалъ обоняніе на довольно значительномъ разстояніи. Больше всего выгоды отъ этого императору, потому что все пиво и вся водка, продающіяся въ Россіи, принадлежатъ ему. Такіе большіе праздники, говорятъ, приносятъ ему ежегодно значительный доходъ: простые люди въ эти дни разомъ опять спускаютъ и отдаютъ въ его казну все, что съ трудомъ заработываютъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Увеселенія, какія намъ удалось видѣть, состояли въ пьянствѣ и пляскахъ или въ кулачныхъ бояхъ. Послѣдніе отвратительны. Люди, которые подпивъ для забавы выходятъ на кулачки, такъ медленны и умѣютъ дѣлать такіе прыжки, что смотрѣть на нихъ конечно смѣшно; но они притомъ и разбиваютъ другъ другу до крови носы и рты. Страннѣе всего, что то, что записные кулачные бойцы показываютъ за деньги или изъ тщеславія, они дѣлаютъ даромъ изъ простаго удовольствія, иногда въ трезвомъ видѣ и даже съ лучшими своими пріятелями; а потому вовсе не сердятся, когда разбиваютъ себѣ въ кровь носы и физіономіи и рвутъ одинъ на другомъ рубашки. Для полнаго удовольствія они даже снимаютъ съ себя поддевки и рубахи и надѣляютъ другъ друга ударами по голому тѣлу, которые тѣмъ громче шлепаютъ, такъ что со стороны можетъ показаться, что драка идетъ не на животъ, а на смерть. Бойцы, когда бьютъ разомъ и руками и ногами, готовы, кажется, съѣсть одинъ другаго: такъ свирѣпо выраженіе ихъ лицъ; а все-таки остаются лучшими друзьями, когда дѣло кончено. Смотря по числу, они раздѣляются на двѣ половины и выступаютъ такимъ образомъ на бой, причемъ та партія, которой удастся прогнать противную, считается побѣдившею; но если кто-нибудь изъ участвующихъ въ бою упадетъ, никто не смѣетъ его трогать, пока онъ опять не встанетъ. Къ подобнымъ упражненіямъ они пріучаются съ юныхъ лѣтъ, и мы видѣли такіе бои и между самыми маленькими ребятами.» (24 іюня 1722).

44) Удареніе не на мѣстѣ.

Словомъ, крайній тамъ мятежъ, безчинство ужасно;
Народъ весь, какъ безъ ума̀, казался мнѣ властно.[45]
Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая,

---

45) Кантемиръ съ самаго дѣтства видѣлъ многія сцены между пьяными, такъ какъ пьянство было у насъ сильно распространено во всѣхъ сословіяхъ. Берхгольцъ, описывая столъ у князя Молдавскаго, бывшій 17 іюля 1721 г., замѣчаетъ: «За столомъ сидѣли очень долго, потому что обѣдъ, по здѣшнему обычаю, состоялъ изъ множества горячихъ и холодныхъ блюдъ. Пили также довольно много, хотя всѣ вина, которыми насъ угощали, были не изъ лучшихъ .... Когда, по распоряженію князя, явилось 6 или 8 музыкантовъ царицы, а мы кончили пить изъ разныхъ вещицъ, стоявшихъ на ночномъ столикѣ княгини (гости зашли въ ея спальню), какъ напр. изъ маленькаго стекляннаго башмачка и другихъ, его высочество (герцогъ голштинскій) съ хозяйкою дома открылъ танцы .... Послѣ танцевъ опять накрыли на столъ и когда дѣлались приготовленія къ ужину, мы слушали какого-то слѣпаго казака, игравшаго на бандурѣ, инструментѣ, который похожъ на лютню, съ тою только разницею, что не такъ великъ и имѣетъ меньше струнъ. Онъ пѣлъ множество пѣсенъ не совсѣмъ, кажется, пристойнаго содержанія, акомпанируя себѣ на этомъ инструментѣ, и выходило не дурно. Наконецъ, когда столъ былъ готовъ, всѣ отправились ужинать и послѣ танцевъ кушали съ большимъ аппетитомъ .... Тѣ немногіе бокалы, которые были роспиты, разносили четыре сына князя, довольно тщательно наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы всѣ пили поровну. Эти молодые князья были одѣты очень просто. Всѣ они служатъ въ гвардіи—трое рядовыми и одинъ унтеръ-офицеромъ». Младшій изъ этихъ рядовыхъ былъ будущій нашъ сатирикъ Антіохъ Кантемиръ, которому тогда было не болѣе 12 лѣтъ. Какими же сценами обыкновенно сопровождались подобные обѣды и ужины, тотъ же Берхгольцъ представляетъ намъ довольно описаній. Приведемъ изъ нихъ малую частицу:

4 февраля 1722 г. (Въ Москвѣ во время маскарада.) «Всякій могъ пить сколько хотѣлъ, исключая только здѣшнихъ московскихъ дамъ, которыя смѣялись надъ петербургскими, называя ихъ пьяницами за то, что онѣ въ послѣдній день празднованія мира (Ништатскаго) въ Петербургѣ должны были довольно сильно пить. На этомъ основаніи и по тайной жалобѣ, всѣхъ московскихъ дамъ посадили за особый столъ, гдѣ ихъ въ присутствіи всѣхъ петербургскихъ принудили выпить столько же, сколько тѣ тамъ выпили, что для нѣкоторыхъ кончилось весьма непріятно».

15 декабря 1722 г. «Говорятъ, что въ этотъ день вечеромъ у князя Ромодановскаго въ преображенскомъ приказѣ было въ присутствіе императора угощеніе для знатнѣйшихъ русскихъ вельможъ, и что государь, уѣзжая оттуда, просилъ хозяина продолжать хорошенько поить гостей, хотя всѣ они были уже порядочно пьяны. Такъ какъ между княземъ Ромодановскимъ и княземъ Долгорукимъ существовала давнишняя непріязнь и послѣдній не хотѣлъ отвѣчать, какъ слѣдовало, на предложенный ему первымъ тостъ, то оба эти старца, послѣ многихъ гадкихъ ругательствъ, схватились за волоса и по крайней мѣрѣ полчаса били другъ друга кулаками, причемъ никто изъ другихъ не вмѣшался между ними и не потрудился

И вину неистовству̀ такову не зная
Сыскать, приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый,
Сѣдою красенъ[46] брадо̀й, брюхомъ знаменитый[47]

разнять ихъ. Князь Ромодановскій, страшно пьяный, оказался, какъ разсказываютъ, слабѣйшимъ; однакожъ послѣ того въ припадкѣ гнѣва велѣлъ своимъ караульнымъ арестовать Долгорукова, который въ свою очередь, когда его опять освободили, не хотѣлъ изъ-подъ ареста ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Но, вѣроятно, ссора эта ничѣмъ не кончится, потому что подобныя кулачныя схватки въ нетрезвомъ видѣ случаются здѣсь нерѣдко и проходятся молчаніемъ».

11 августа 1723 г. Императоръ былъ расположенъ пить и нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напьется съ нимъ пьянъ, то такъ страшно пили, какъ еще никогда и нигдѣ во все пребываніе наше въ Россіи. Не было пощады и дамамъ .... Зоря была пробита на корабляхъ, когда еще сидѣли за столомъ и пили; но никто не обратилъ на нее вниманія, и всѣ продолжали сидѣть за столомъ до 4 часовъ... При всеобщемъ опьяненіи между здѣшними знатными господами произошло не только много брани, но и дракъ, въ особенности между адмираломъ Крюйсомъ и контр-адмираломъ Зандеромъ, изъ которыхъ послѣдній получилъ такую затрещину, что свалился подъ столъ и потерялъ съ головы парикъ.

27 іюля 1724 г. (Въ воспоминаніе гангудскаго сраженія). «Его величество былъ въ отличномъ расположеніи духа и потому на новомъ кораблѣ страшно пили .... даже и дамы должны были сильно пить; почему многія изъ нихъ завтра будутъ больны, хотя между ними есть и такія, которымъ добрый стаканъ вина вовсе не диковинка. Между мущинами, когда вино начало оказывать свое дѣйствіе, возникли разныя ссоры и дѣло не обошлось безъ затрещинъ».

А вотъ и еще обѣдъ: *27 апрѣля 1722 г.* «За столомъ его высочества (герцога голштинскаго) съ господами духовными пили очень усердно, и меня удивляло, что они такъ охотно пьютъ и такъ хорошо переносятъ дѣйствіе вина. Въ продолженіе обѣда играли герцогскіе валторнисты и почти всѣ духовные гости не мало удивлялись ихъ искусству, слушая съ большимъ вниманіемъ. Но когда тѣ, при провозглашеніи важнѣйшихъ тостовъ, начали трубить тушъ, архіепископъ псковскій просилъ полатынѣ не дѣлать этого, говоря, что иначе сосѣди могутъ замѣтить, какъ сильно, и проворно ходятъ здѣсь по рукамъ стаканы и пожалуй подумать, что пьютъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Поэтому трубить велѣно было не при каждомъ тостѣ. Обѣдъ продолжался почти до 5 часовъ (отъ 2 часовъ), но господа духовные оставались еще съ часъ или болѣе послѣ обѣда и весело пили».

Имѣя въ виду подобныя сцены въ высшихъ классахъ народа, мы не можемъ считать преувеличенными и сценъ въ мастерскомъ описаніи нашего сатирика.

46) Украшенъ.

47) Обращающій на себя вниманіе.

Пространнымъ; красно лицо̀ жиромъ все оплыло;
Чуть видны подъ лбомъ глаза̀ и голосъ унылой.
«Что ты, дружокъ, ду̀маешь, стоя здѣсь безъ дѣла?»
Сказалъ мнѣ, «по платью зрю̀ и по строю тѣла,[48]
Что ты къ работѣ уго̀жъ;[49] буде ты охоту
Имѣешь служить, я да̀мъ сносную работу;
Мнѣ нуженъ вѣрный слуга̀, ты доволенъ мною
Найдешься съ малымъ трудо̀мъ, будь лишь чистъ душою;
Но напередъ скажи мнѣ, кто ты, и откуду?»
—Службу ищу, отвѣча̀лъ я, и готовъ буду,
Коли угоденъ тебѣ, служить тебѣ сердцемъ.
Дѣду слѣдуя[50] отѐцъ мой торговалъ перцемъ,
И богатствомъ сильнымъ бы̀лъ въ ближнемъ градѣ знатенъ,
По̀чтенный всѣмъ жителямъ купецъ и пріятенъ;
И я бы перецъ ещѐ продавалъ, жирѣя
Съ лакомства другѝхъ, чрезчуръ еслибъ сей, радѣя
О счастьи моемъ, своѐ не сгубилъ безсудно.
Въ старости уже своѐй вздумалъ онъ быть студно
Съ такимъ богатствомъ меня̀ посадскимъ оставить:
Дворянско имя любо̀вь славы мнѣ доставить
Взбудила его;[51] и та̀къ, торгъ кинувъ, отдался
Въ ватаги[52] госпо̀дскія, гдѣ весь промотался
Въ пѝрахъ, въ дарахъ, и за па̀ръ потерялъ жарко̀е.
Умеръ самъ нищъ, и мнѣ да̀лъ наслѣдство такое,
Какъ ты видишь, что службо̀й принужденъ кормиться,
И принужденъ сверхъ того̀ нищетѣ стыдиться. —
Выслушавъ меня, пошо̀лъ онъ, и за собою
Мнѣ велѣлъ идти, горѐсть[53] чли̇вою рукою
Мою сластить обѣща̀лъ. Идучи мы къ дому,
Осмѣлился я спросѝть у него такому
Во градѣ пьянству вину̀. Старикъ со слезами,

---

48) По крѣпости тѣла.
49) Способенъ.
50) Подражая, подобно.
51) Т. е., любовь къ славѣ (честолюбіе) возбудила его доставить мнѣ дворянское имя.
52) Собранія.
53) Неправильное удареніе.

Вздохнувъ, отвѣчалъ: «Дитя̀! не дивись межъ нами
Безпорядку такову̀; свѣтъ уже сѣдъ таетъ,
И къ концу идетъ свойму̀. Злой нравъ управляетъ
Какъ уздой волю людѐй, и сладку ту чаютъ
Чашу, что чувствамъ манѝтъ, хоть въ ней ядъ глотаютъ.
Не довольны жъ злобны бы̀ть и такимъ являться,
Злость подъ добродѣтели видомъ укрыть тщатся, [54]
И ту [55] виною своѝмъ злочинствамъ быть нудя̀тъ,
Какъ хлѣбомъ сытнымъ мертвя̀тъ тѣ, что рыбу удятъ.
Предки наши, кои жизнь и святу и честну
Сами водя, и другѝхъ на стезю небесну
Наставить крайне пеклѝсь, съ прочими уставы [56]
Учредили хва̀льными [57] къ расширенью славы
Всевышшаго посвятѝть дни нѣкіи года,
Въ кои оставя всю мысль житейску и рода
Того труды, кои на̀мъ и нашимъ не нужны,
Воздержався отъ злыхъ дѣлъ, межъ собою дружны.
Въ дѣлѣ Божіемъ, имѣлъ только упражняться, —
Ему поя, ему дѐнь весь тотъ прожить тщаться,—
Всякъ человѣкъ безъ пола̀ разности и чина: [58]
Такъ святой уставъ ты зрѝшь, чему сталъ причина.
Точно исполня̀ется одна часть закона:
Всяку работу кинѐтъ отъ вечерня звона [59]
И тотъ самый, чья жена̀ и малыя дѣти,
Наги уже вмѣстѣ съ нѝмъ должны гладъ терпѣти,
Впрочемъ, [60] церковь иль пуста̀, иль полна однѣ̀ми,
Кои казаться пришлѝ, иль видѣться съ тѣми,
Которыхъ индѣ [61] не льзя̀ видѣть столь свободно.
Молитвы, что попъ ворчѝтъ, спѣша сумазбродно,
Самъ не зная, что поѐтъ, кто-кто примѣчаетъ;
День весь въ безчестныхъ пото̀мъ злочинствахъ летаетъ:

54) Не довольны тѣмъ, что, будучи злобны, и являются таками, но стараются злость укрыть подъ видомъ добродѣтели.

55) Т. е. добродѣтель.

56) Стар. твор. пад. *уставомъ*.

57) Хвальными — похвальными.

58) Безъ различія пола и званія.

59) Въ этомъ стихѣ удареніе приходится на шестомъ слогѣ, чѣмъ нарушается правильный размѣръ.

60) Впрочемъ, т. е., *между тѣмъ*, здѣсь указывается, какъ исполняется другая часть закона.

61) Въ другомъ мѣстѣ.

Праздность бо взноситъ въ умъ то, что вѣкъ бы не вспало
Намъ въ трудахъ, и нудитъ къ злу, какъ коня въ бѣгъ жало.
Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю.»
Пока старикъ продолжалъ рѣчь свою умильно,
По двумъ причинамъ боговъ прославлялъ я сильно:
Первая, что въ стропотномъ[62] и столь злобномъ градѣ
Добрый, какъ казался, мужъ встрѣлся, мнѣ къ отрадѣ;
Другая, что изъяснилъ онъ мнѣ, что[63] конечно
Я бы угадать не могъ. Хоть бы мозгъ свой вѣчно
Крутить, никогда бы въ умъ не могло мнѣ впасти,
Что глупой народъ людей угождая страсти,
Мнился Бога чтить, виномъ наполняя брюхо,
И шалѣя въ лѣности. Когда Пану въ ухо[64]
Вѣсть та дойдетъ, знаю я, какъ онъ надсѣдаться
Съ смѣху будетъ; да и я принужденъ былъ жаться,
Часто сморкать, и губы искусать до крови,
Видя, что морщить старикъ начиналъ ужъ брови.
Цѣловальникъ промысломъ, портновъ сынъ съ природы,[65]
И въ стряпчемъ онъ проводивъ домѣ млады годы,
Плута чинъ былъ исправлять по праву наслѣдства,
По должности, по данну воспитанью съ дѣтства
Искуснѣйшій въ городѣ.[66] Одно за мной дѣло
Въ службѣ его было лить въ вино воду смѣло.
Какъ скоро бочка съ виномъ стала[67] порожниться,
Нужно было за водой на рѣку тащиться.
Впрочемъ утреню, часы, обѣдню, вечерни
Вѣкъ свой онъ не пропущалъ; ни слѣдуя черни
Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ въ будни
Воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ по полудни.
Нѣсколько разъ ужъ я въ томъ трудѣ упражняя,
Спину и руки свои, хотѣлъ знать, какая
Причина, что весь народъ воду покупаетъ?

---

62) Строптивомъ.
63) Т. е. то, что.
64) До ушей.
65) Т. е. цѣловальникъ по промыслу и сынъ портнаго—по происхожденію.
66) Т. е. сдѣлался такимъ же плутомъ.
67) Начинала.

«Куды ты глупъ!» онъ сказàлъ: «вѣдь народъ не знаетъ,
Что воду я въ бочки лью̀, и вино приходитъ,
А не воду покупàть, кто въ кружало[68] входитъ.
Вино, что скотами нàсъ чинитъ въ людскомъ зраку,
Инакъ бы ты не видàлъ въ домѣ ни собаку.»[69]
Услышавъ то, хохотàть я сталъ изъ всей мочи,
И старикъ, буры на мя̀ распяливши очи,
«Чему смѣешься?» спросилъ. Тебѣ, отвѣчаю:
Не много тому назàдъ ты самъ, какъ я чаю,
Съ слезами въ глазахъ тужѝлъ, что народа нравы
Кончиной свѣта грозя̀тъ, что святы уставы
Въ зло употребля̀ются, и гнушаясь пьянству,
Изъяснилъ слѣдства того̀ вредныя гражданству;[70]
А ты же причину зла̀ множишь самъ безстудно.
Дрова метая въ огòнь, пожаръ гасить трудно.
Слезы, сожалѣніе, хоть бы не притворны,
Къ исправленію людѐй средства не проворны.[71]
Противиться долженъ злу̀, отнять всю причину,
И корень самой изсѣчь, кто того[72] кончину
Видѣть хочетъ; безъ того̀ весь свой трудъ погубитъ.
Вино долженъ перевѐсть, кто пьяныхъ не любитъ;
А ты вино продая̀,[73] пьяныхъ осуждаешь.
Къ тому же вседневно ты̀ народъ весь прельщаешь
Кой, душѣ вѣря твоѐй, цѣной[74] покупаетъ
Съ виномъ воду, что съ рѣкѝ даромъ достать знаетъ;
А ты, богомольный му̀жъ, въ праздникъ по уставу
Молишься, посвятивъ тòтъ день въ Божію славу.
Изъ чистыхъ устенъ Тому̀[75] молитвы лишь внятны;
Больше тѣхъ[76] добры дѣла̀ Ему суть пріятны.
Сколько часто ни молись, онъ твои обманы

---

68) Въ кабакъ.

69) Иначе никто бы не заглянулъ ко мнѣ въ домъ.

70) Т. е. осуждая пьянство, изъяснялъ слѣдствія того злоупотребленія, вредныя гражданству.

71) Не дѣйствительны.

72) Того, т. е. зла.

73) Продавая.

74) Т. е. за цѣну цѣльнаго вина.

75) Богу.

76) Молитвъ.

Видитъ, и вотъ тяжкія грозятъ тебѣ раны.
«Видно», отвѣчалъ старикъ, «что умъ твой по тѣлу
Грубъ, и не въ людяхъ ты росъ; такъ ты врешь не къ дѣлу.
Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку; сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? [77] и сколько заставятъ
Въ башмакахъ однихъ избить, пока тѣ [78] достану?
Сколько жъ даромъ испою [79] Сенькѣ и Ивану,
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, [80] что и спятъ съ стаканомъ?

---

77) Посошковъ въ своемъ сочиненіи «о скудости и богатствѣ» въ главѣ о правосудіи, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Всякому судьѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно и смекать, какъ бы правду прямую учинить и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей, и потому у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи не мало людей не берегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Надобно судьямъ вельми строго смотрѣть, чтобы ничто, ничье нигдѣ даромъ не пропадало, понеже все, что есть въ народѣ богатства, богатство царственное; подобнѣ и оскудѣніе народное — оскудѣніе царственное. Пчела—муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, а самыми малыми крупицами; однако множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; такъ и собираніе богатства царственнаго; если всѣ люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то такое царство можетъ весьма обогатиться.... Если судей малыхъ и великихъ не казнить и большими штрафами не штрафовать, то праваго суда установить будетъ невозможно. А если ради установленія правды и много падетъ правителей судебныхъ, то уже такъ и быть. И безъ урону я не чаю установиться правому суду, понеже у насъ на Руси неправда вельми застарѣла. Ибо если и земля какая весьма задернѣетъ, то не можно на ней пшеницы сѣять, пока тернія огнемъ не выжгутъ; такъ и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истреблять, а иначе нигдѣ правды не будетъ.... Въ насъ неправда весьма твердо вкоренилась: кто кого можетъ, тотъ того и давитъ, а кои люди ядовитые, то мало мочныхъ въ конецъ разоряютъ; и отъ мала даже до велика всѣ стали быть ноползновенны: овые ко взяткамъ, овые же, бояся сильныхъ лицъ, не боятся Бога и бѣдняковъ. И того ради всякія дѣла государевы и неспоры и ссылки не правы и указы недѣйствительны....»

78) Тѣ указы.

79) Дамъ даромъ вина.

80) Здѣсь надо разумѣть полицейскихъ служителей.

Неужто жъ мнѣ Богъ велитъ торговать съ изъяномъ?»
Вымолвивъ, тотчасъ меня̀ сбилъ съ двора, молебенъ
Обѣщався пѣть, чтобъ Бо̀гъ, каковъ мнѣ потребенъ,
Умъ даровалъ, языка̀ отнявъ половину.
Сосѣдъ нашъ былъ зна̀тному слуга господину,
Къ которому[81] въ тотъ же дѐнь я присталъ слугою.
Дворецкаго правилъ чѝнъ, съ такою жъ душою,
Какъ прежній хозяинъ мо̀й, кладывалъ поклоны.
Знатный его господѝнъ, дворянства зако̀ны
И преимущество храня̀, вѣкъ не суетился[82]
Знать, что въ домѣ дѣлалось; въ забавахъ лишь тщился
И въ уборахъ провожда̀ть дни, мѣсяцы, годы,
Ему оставя верста̀ть съ расходомъ приходы.
Богатъ подданныхъ число̀мъ,[83] и богатъ землею,
Должниковъ всегда водѝлъ толпу за собою.
Я господской глу̀пости вначалѣ смѣялся,
Пока большую въ слугѣ глупость быть дознался;[84]
Не доволенъ, что того̀ всѣ чрезъ его руки,
Проходя сокровищъ ча̀сть, безъ опаства муки,[85]
Могъ большую проводѝть въ свой карманъ искусно
(Хозяинъ бо ро̀списи честь думалъ быть гнусно),[86]
Не доволенъ, что жена̀, и дѣти, и внуки
Въ парчѣ ходятъ; домъ въ Москвѣ, домъ, гдѣ бы отъ скуки
За городомъ погуля̀ть, и оба пышнѣе,[87]
И что не въ долгъ стро̀ены, хозяйскихъ прочнѣе;
Несчетныхъ и ма̀лую богатствъ его долю[88]
Ему оставлять, не мо̀гъ сломить жадну волю;
Купя въ домъ потрѐбные господскій припасы,
Иль дорого, или въ до̀лгъ; въ тихи потомъ часы
Большу часть переносѝлъ въ домъ свой, и оттуду

---

81) Къ которому, т. е. къ сосѣду.
82) Не заботился.
83) Т. е. крестьянами.
84) Т. е. пока не замѣтилъ въ слугѣ еще бо̀льшей глупости.
85) Т. е. безъ всякаго опасенія, не боясь наказанія.
86) Оборотъ рѣчи такой же, какъ и въ 350 стихѣ, несвойственный русскому языку; смыслъ такой: хозяинъ или баринъ думалъ, что неприлично ему самому читать или повѣрять счеты.
87) Пышнѣе господскихъ.
88) Т. е. и малую долю несчетныхъ его богатствъ.

Въ лавку, гдѣ тѣ кýплены. На всякій день груду
Мяса съ поварни, стклянóкъ изъ погреба кучи,
Изъ амбаровъ хлѣбъ, такѝмъ образомъ, какъ тучи
Морскія воды въ морѣ,[89] кругомъ водить тщился.
Къ сему дѣлу съ прóчими я ему годился;
Но вѣкъ его не моглѝ плутни утаиться
(Настижетъ злодѣевъ казнь, хоть хрома тащится).
Пойманъ въ кражѣ, обнажéнъ[90] богатствъ похищенныхъ,
И видѣлъ я ужъ съ сумóй дѣтей разоренныхъ,
И семью всю хлѣбъ просѝть въ лоскутахъ обшитыхъ.[91]
Я одинъ изъ числа слýгъ его съ двора сбитыхъ
Хирону, такъ знàтнаго звали господина,
Въ домъ принятъ, что былъ я тóй премѣны[92] причина.
  Бездѣтенъ, и безъ женѝ, съ деревню палаты
Хиронъ имѣлъ, и ещѐ мнились тѣсноваты;
Хоть платьемъ цѣлые трѝ набиты чуланы,
На всякій день нóвые шилъ себѣ кафтаны;
Пространный столъ, что семьѣ поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще емý снилось яство скудно.
Народъ, весь зная тогó въ государствѣ силу,
По утру сквозь тѣсныя передни на силу
Къ нему кто-кто доступàлъ; просьбы и поклоны
Какъ Іовишъ съ неба примàлъ, и кивкомъ на оны
Однимъ весь отвѣтъ давàлъ: иль власть свою чая
Кѣмъ являть, или, какъ мню, говорить не зная;[93]
Отродокъ бо глýпости гордость есть конечно.[94]
И подлинно, Хиронъ мóй завирался вѣчно,
Не смысля, бѣдный, двухъ слóвъ сказать къ дѣлу складно;
Однакожъ толпа льстецóвъ, что съ рукъ его жадно
Рвали сытные кускѝ, и бóльшіе ждали,
Лишь отворитъ ротъ, глазà распяливъ зѣвали,
Всяку рѣчь, сколь ни глупà, хвалить надсажаясь,

---

89) Для размѣра нужно читать *въ морѣ*.
90) Т. е. лишенъ.
91) Т. е. дѣтей, обшитыхъ въ лоскутахъ.
92) Перемѣны.
93) Т. е. или думая тѣмъ выказать свою власть, или, какъ мнѣ кажется, не умѣя говорить. Подобное изображеніе временщика встрѣчается и во второй сатирѣ Кантемира.
94) Такъ какъ гордость его есть, конечно, слѣдствіе глупости.

Смутны по его лицу, или улыбаясь;[95]
Готовы, еслибъ то онъ сказать былъ намѣренъ,
Признать, что сажа бѣла и снѣгъ собой черенъ.
Была ль смѣху, самъ суди, довольна причина,
Примѣчая иль гостѣй, или господина?
Но сей большу[96] подалъ мнѣ, когда въ кратко время
Плѣшиво счастье ему показало темя.
Хиронъ, что дворецкаго своего недавно
За кражу зло наказалъ, желая жить славно,
И мало зная свой сберегать доходы,
Чужимъ добромъ дополнялъ лишніе расходы:
Ввѣренну царску казну грабя, полнъ надежды,
Что онъ лишь уменъ одинъ, всѣ люди невѣжды,
Дѣла его распознать или не умѣютъ,
Иль, силы его страшась, открыть не посмѣютъ.
Ѣздокъ, что въ чужой землѣ, ему неизвѣстной,
Видитъ на пути своемъ лѣсъ вкругъ себя тѣсной,
Рѣки, болота, горы и страшны стремнины,
И оставя битый путь,[97] ищетъ пути ины,
Блудитъ бѣдно, многіе, гдѣ меньше онъ чаетъ,
Трудности и наконецъ погибель встрѣчаетъ;
Такъ въ теченіе житья, гдѣ предлежатъ многи
Бѣдства и страхъ, гинетъ тотъ, конечно, кто ноги
Сведетъ съ пути,[98] гдѣ свои разставила вѣхи
Добродѣтель, сгладивъ всѣ опасны помѣхи.
Хиронъ оную[99] презрѣлъ, и казнь зла наспѣла;
Вдругъ съ богатствомъ вся его слава улетѣла,
И какъ прежде презиралъ весь свѣтъ подъ собою,
Такъ предъ всѣми ползалъ ужъ низокъ, головою
Землю бья, и подлыми поступки безстудно
Ища милости у всѣхъ. Слаба душа трудно
Средину можетъ держать;[100] въ свѣтлый день гордится
Чрезчуръ, и подла чрезчуръ, какъ небо затмится.

---

95) Т. е. если онъ печаленъ, то и они притворялись печальными, если онъ веселъ, то и они улыбались.
96) Т. е. бóльшую причину.
97) Т. е. оставляетъ проложенную дорогу.
98) Т. е. сойдетъ съ дороги.
99) Оную, добродѣтель.
100) Т. е. слабой душѣ трудно держаться средины.

Межъ друзьями Хирона Менандръ всѣхъ любѣе,[101]
Ему былъ не для того̀, что былъ всѣхъ умнѣе
Ни что лучшіе ему зналъ давать совѣты,
Но къ любовницамъ носилъ письма и отвѣты,
И ночныя устроялъ всѣ его забавы.
Дворянинъ былъ, не холо̀пъ, хоть такъ мало славы,
Въ должности, что правилъ о̀нъ, и тѣмъ не стыдился
Доволенъ, что всякъ къ нему съ подаркомъ тащился,
Кто у Хирона доста̀ть милость былъ намѣренъ.
Такъ честь презира̀ется, когда не умѣренъ
Имѣнія властвуетъ гладъ въ корыстныхъ грудяхъ.[102]
Къ тому жъ Менандръ (рѣдко бо злонравіе въ людяхъ
Найдешь безъ пары одно̀) столь лакомствомъ гнусенъ,
Столь неблагодаренъ былъ. Хирономъ искусенъ
Пользоваться въ сча̀стіи того, какъ настала
Премѣна, какъ бы съ нимъ вѣкъ дружба не бывала,
Бѣжалъ его, все забывъ добро и заслуги,
Какъ обыкли вы бѣжа̀ть липчивы недуги.[103]
Онъ въ Хиронѣ больше всѣхъ укорялъ и глупость,
И гордость, и, кой ему не свой порокъ, скупость,[104]
Обнародствуя все, что̀ той объявлялъ въ тайну
Какъ другу, и тѣмъ спѣша̀ его гибель крайну,
Поступокъ гнушѐнія не меньше, чѣмъ смѣха,
Достойный. Всѣхъ благихъ дѣлъ главная помѣха
Неблагодарство вредѝтъ и въ комъ то гнѣздится,
А для него и тому, кто его чужится.[105]
Скоро утомляются добро дѣлать люди,
Сколь награжденье,[106] что ждутъ, велико ни буди;
Суди жъ, когда въ Мѐнандрѣ сходнымъ примѣчаютъ,
Что виноградъ насадивъ, терніе ращаютъ?
Не имѣютъ ли совсѣмъ заткнуть[107] свои ухи

---

101) Изъ друзей всѣхъ любезнѣе былъ....
102) Неумѣренный голодъ имѣнія — страсть къ пріобрѣтенію.
103) Какъ обыкновенно вы убѣгаете прилипчивыхъ болѣзней.
104) Т. е. и за скупость, которой не было у Хирона.
105) Т. е. неблагодарность вредитъ тому, кто оказываетъ благодѣянія, жесточая его сердце, а чрезъ это вредитъ и тому, кто нуждается въ благодѣяніяхъ.
106) Т. е. награда отъ Бога.
107) *Имѣютъ ли заткнуть* — будущее время — не заткнутъ ли.

Къ плачу бѣдныхъ, жалѣй дать и хлѣба крухи. [108]
  Менандровъ я бывъ слугà, ему утаити
Не хотѣлъ, сколь нравъ егò мнѣ казался быти
Вреденъ ему и другимъ; [109] но рѣчь прѣзирая
Мою, «не знаешь», сказàлъ, «ты, въ людяхъ какая
Дорога къ счастью ведèтъ. Если хвалить буду
Хирона, или бѣды̀ за то не избуду,
Иль тѣхъ дружбы, что егò на мѣсто [110] засѣли,
Вѣкъ не добьюсь. Хирона уже улетѣли
Свѣтлые дни; нèчего отъ него ужъ ждати;
Выжавъ сокъ весь, лимонъ мы̀ обыкли бросати.»
  И не худо разсуждàлъ; съ такими рѣчами,
Съ такимъ поступкомъ Менàндръ полными руками
Встрѣченъ отъ наслѣдника Хироновой власти;
Кой слушалъ его хулы̀, какъ бы [111] самъ вѣкъ пасти
Не могъ, ни могла [112] быть рѣчь Менандра подобна
И объ немъ; столь мысль людѐй прельщаться удобна. [113]
  Сей новый Менандровъ другъ Ксенонъ назывался,
Коему и власть и чинъ высокій достался
Въ двадцать лѣтъ, юность когдà [114] и въуздѣ ретива.
Сего уже разуздàвъ [115] богиня плѣшива, [116]
Ты самъ суди, какъ съ однòй рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую.
Часто смотря на негò, я лопался съ смѣху,
Хоть меня шутомъ Менàндръ ему далъ въ утѣху.
Не умѣренъ въ пòхоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, невѣжествомъ найпаче [117] примѣтной;
На ловлѣ съ младѐнчества воспитанъ съ псарями,
Вѣкъ ни чему не учàсь, смѣлыми словами

---

108) Т. е. крохи хлѣба.

109) Т. е. сколько нравъ его, казалось мнѣ, былъ вреденъ для него и для другихъ.

110) На его мѣсто.

111) Какъ будто бы.

112) И какъ будто бы не могла....

113) Способна.

114) Т. е. въ ту пору, когда юность....

115) По правиламъ нашего словосочиненія дѣепричастіе здѣсь быть не можетъ; если же принять его за древнюю форму изъяв. накл. прошед. вр., то нужно подразумѣвать глаг. *есть*.

116) Фортуна, счастіе.

117) Еще больше, въ особенности.

И дерзкимъ лицомъ[118] о всѣмъ хотѣлъ разсуждати,
(Какъ бы знанье съ властію раздѣльно бывати
Не могло)[119] надъ всѣми свой совѣтъ почитая,
И чтительныхъ сѣдиной молчать заставляя,
Хотя искусъ трѐбуетъ и труды и лѣта.[120]

ПЕРІЕРГЪ.

Довольно объ немъ; одна̀ та его примѣта
Дуракомъ кажетъ. Своѐ кто вѣкъ почитаетъ
Мнѣніе лучшимъ, въ томъ лбу смыслъ не обитаетъ.
Скажи, гдѣ по немъ[121] служилъ, и что ты примѣтилъ?

САТИРЪ.

Отъ Ксенона я отстàвъ, Милонъ меня встрѣтилъ,
Не убогой гражданинъ, кой знался со мною,
Когда еще я вино̀ распложалъ водою.
Наскучилъ было ужъ я̀ жить въ господскомъ домѣ,
Гдѣ счастье людей растѐтъ на слабой соломѣ,
Гдѣ долженъ на всякій былъ день я быть свидѣтель,
Досадъ, что безвинна въ нихъ терпитъ добродѣтель,
Гдѣ безъ шуму и безъ лжи часъ не льзя пробыти.
Тѣмъ Милону радъ я былъ, и въ службу вступити
Его столь скорѣй спѣшилъ, что мужъ онъ казался
Всему свѣту тихъ и святъ; да въ сѣть я попался.
Прожилъ я съ нимъ пять недѣль, одинъ во всемъ домѣ
Слуга, худо кòрмленый, и спя на соломѣ.
Дѣвка въ поварнѣ одна̀; я съ утра до ночи
Пятерымъ хозя̀евамъ служа со всей мочи,
Надсажался; и снесъ бы трудъ, еслибъ стерпѣти
Могъ стропотной[122] семьи нравъ. И жена, и дѣти,
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму не сильны,[123]
И столь яры у себя̀, сколь въ людяхъ умильны;
Мала вещь, мало словцò имъ причина ссоры,
И крикъ межъ собой взнесу̀тъ, что дрожатъ подпоры
И стѣны дома. Добрò, еслибъ межъ собою
То чиня, въ моихъ трудàхъ дали мнѣ покою.

---

118) И съ дерзкимъ лицомъ.
119) Какъ будто бы съ властію пріобрѣтается и знаніе, наука.
120) Хотя для пріобрѣтенія опытности нужны и труды, и годы (время).
121) Послѣ него.
122) Строптивой.
123) Не имѣютъ силы, не могутъ.

Но та бѣда, ссоры ѝхъ всегда такъ кончались,
Что тучи надъ головòй моей разрывались:
Какъ бы [124] долженъ за всю ѝхъ шалость отвѣчати
Я одинъ, и вины ѝхъ [125] казнь претерпѣвати.
Однажды, въ избу я вшѐдъ, нашолъ всю въ соборѣ [126]
Семью, горитъ куча свѣчъ, попъ въ святомъ уборѣ. [127]
Сказалъ въ сѐбѣ: «Господà собрались молиться,
Посмотрю, страху тутъ нѣтъ, чтобъ могли браниться.»
Но въ тотъ самый часъ одѝнъ изъ дѣтей, не знаю,
Зачѣмъ пошедъ, мàтерній платокъ, что при краю [128]
Лежалъ стола, уронѝлъ. Буря тотчасъ встала;
Отецъ сперва, потомъ мàть волноваться стала,
И молитвы, и кресты, и земны поклоны
Различно сына ругàть не даютъ препоны; [129]
Винный [130] извинѝется, братья заступаютъ [131]
Ворча, слово зà слово ссору подымаютъ,
Шумъ и громъ: ужъ не слыхàть ни чтенья, ни пѣву.
Попъ, видя, что ужъ пришлò дѣло не къ издѣву, [132]
Спѣшитъ утолять огòнь. [133] Ему подражая,
И я прошу перестàть, вину представляя
Распри маловажну быть, [134] и что тутъ къ молитвѣ,
Гдѣ любовь нужна, сошлись, не къ брани и битвѣ:
Но вдругъ вижу, что свѣчѝ и книги летаютъ;
На попѣ ужъ бородà и кудри пылаютъ,
И туша кричитъ, бѣжѝтъ въ ризахъ изъ палаты.
Хозяинъ за мой совѣтъ мнѣ, вмѣсто уплаты,
Налоемъ въ спину стрѣльнýлъ; я съ лѣстницъ скатился,
Не знаю, какъ только цѣлъ внизу очутился.
Спадшіе кудри мой тотчасъ схвативъ, роги
Прикрылъ, и удàрился безъ оглядку въ ноги. [135]

---

124) Какъ будто бы.
125) И за вину ихъ.
126) Т. е. въ сборѣ, вмѣстѣ.
127) Т. е. въ церковномъ облаченіи.
128) На краю стола.
129) Не препятствуютъ.
130) Виноватый.
131) Заступаются.
132) Не на шутку.
133) Мирить, уговаривать.
134) Представляя, что причина спора ничтожна.
135) Т. е. пустился безъ оглядки бѣжать.

Слѣдовалъ я въ домъ поповъ, былъ ему слугою.[136]
Да что рѣчь распространять, ставя[137] предъ тобою
Здѣсь то того, то сегò мого[138] господина?
Куды ни вскинь, я сказàлъ, глазъ, вездѣ причина
Смѣху довольна у вàсъ.[139] Одинъ безразсудно
Мечетъ горстью пòлною то, что отецъ трудно
Досталъ богатство[140] ему̀, и поздно ужъ плачетъ,
Недостатки чу̀вствуя. Другой крѣпко прячетъ
Кучу денегъ, и надъ нѐй съ гладу помираетъ;
Что ни вложитъ кусокъ въ рòтъ, то цѣну считаетъ.
Какъ въ красавицу, иной влюбившися въ славу,
И покой, и всякій стрàхъ презрѣвши, въ кроваву
Бѣжитъ битву, гдѣ иль глàзъ оставитъ иль ногу;
Кривъ и хромъ, топчетъ ещѐ и къ смерти дорогу;
Веселъ, что печàтныя собою такъ вѣсти[141]
Наполнитъ, и будетъ жѝть по смерти вѣкъ съ двѣсти.
Хвально идетъ, кто спѣшѝтъ къ должности усердо.
И кто за отѐчество положитъ жизнь твердо;[142]
Память его честна бы̀ть ввѣки заслужила.
Но о комъ я говорю̀, не та его сила
Въ бой тянетъ; съ ума сошѐдъ, голу славу ищетъ
Безплодно, и безъ узды̀ кòнь ретивый рыщетъ.
Старикъ безъ зубъ жàркую и въ возраста цвѣтѣ[143]
Жену беретъ и сосѣдъ ей ужъ на примѣтѣ[144]
Прежде свадьбы, гну̀сная причина бываетъ,
Что старика пальцемъ всякъ казавъ осмѣваетъ;
Что чужіе звать егò будутъ отцомъ дѣти.[145]
Другой, удаляяся брака, въ любви сѣти
Не умнѣе впу̀тался, безперечь вздыхаетъ,
Ночь цѣлую не спитъ, съ глàзъ, съ ума не спускаетъ

---

136) Т. е. слугою попу.
137) Выставляя, описывая.
138) Моего.
139) Вездѣ найдешь причину смѣяться.
140) Мечетъ (бросаетъ) то богатство, которое отецъ и пр.
141) Газеты.
142) Въ изд. 1762 стихъ этотъ напечатанъ ошибочно: «И кто за отечество жизнь пòлагаетъ твердо».
143) Пылкую и молодую.
144) У которой ужъ на примѣтѣ...
145) Что чужія дѣти будутъ его звать своимъ отцомъ.

Причину язвы своéй, [146] веселъ, скорбенъ сряду; [147]
Зависитъ покой егò отъ словца, отъ взгляду;
Сѣдые кудри свой холитъ, вьетъ и мажетъ,
Цвѣтными до пятъ себя тесьмами развяжетъ,
Пѣсни пишетъ и поéтъ; сгорбясь танцы водитъ;
Въ дарахъ не одинъ мѣшòкъ [148] въ недѣлю исходитъ.
Ирисъ ту же сотерымъ любовь сулитъ вѣрну,
Умильно на сотерыхъ зѣницу та [149] черну
Хитро вскинетъ, и крайкòмъ устъ прiулыбнется;
Всѣ видятъ обманъ, одинъ онъ какъ мышка гнется
Въ когтяхъ кошки, но себѣ льститъ, собой доволенъ.
Макринъ весь жолтъ, ужъ оплылъ, водяною боленъ,
Все утро безъ òтдыху съ врачами проводитъ,
Куча зелiй ему въ рòтъ разныхъ, что день, входитъ,
Лишной ѣствы, òстраго воздуха боится:
Но повсядневно Макринъ мертовъ пьянъ ложится.
Молодикъ собой, богàтъ, съ богатымъ приданымъ
Беретъ бабу въ сорокъ лѣтъ, и та несказаннымъ
Самовластiемъ егò и домъ его правитъ,
И часто молчать, дрожàть предъ собой заставитъ.
Единородный отцỳ сынъ, что ожидаетъ
Наслѣдство обильное, покой презираетъ,
И съ зарею вставъ, бѣжитъ съ передни въ переднюю,
Гня спину, прося, даря и слугу послѣдню,
Чтобъ могъ письменъ нѣсколько къ своему прибавить
Имени, и шапку снять предъ собой заставить
Подлый народъ; часто жъ вѣкъ тщетою надежды,
Кормится. Иной, любя блистанье одежды,
Тягчитъ всегда плоть свою вредительнымъ златомъ,
Чая, что глупецъ не глупъ ужъ въ платьѣ богатомъ.
Мѣщанинъ весь въ золотѣ, съ двора не съѣзжаетъ
Безъ цуга, и толпу слугъ за собой таскаетъ,
Расшитыхъ тесемками по цвѣтамъ печати,
Что прежъ сего вывѣска была больше кстати.
Въ огромномъ домѣ и полъ и стѣны золотитъ;
За роспись пустыхъ именъ кучу денегъ плотитъ;

146) Т. е. ту, въ которую влюбился.
147) То веселъ, то печаленъ.
148) Мѣшокъ денегъ.
149) Та—она.

Ложныхъ предковъ всѣ дѣлà исчислять не слаба
Его память; дýется, покà треснетъ, жаба.
Болваномъ Макаръ вчерàсь казался народу,
Годенъ лишь дрова рубѝть, или таскать воду;
Никто ощупать не мòгъ въ немъ ума хоть кроху,
Углемъ чернымъ всякъ пятнàлъ совѣсть его плоху.
Улыбнулося томý жъ счастіе Макару,
И сегодни временщѝкъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару
Честнымъ, знатнымъ, ѝскуснымъ людямъ становится,
Всякъ уму наперерывъ чудну въ немъ дивится,
Сколько пользы отъ негò царство ждать имѣетъ!
Поправить взглядомъ однѝмъ все легко умѣетъ,
Чѣмъ бывшій глупецъ пределъ нѝмъ народъ весь озлобилъ;
Богъ въ благополýчіе ваше его собилъ. [150]
Зависть мучитъ между тѣмъ многихъ, коимъ мнится
Себѣ то пристòйнѣе мѣсто, и трудится
Не одинъ Макара сбѝть изъ чужаго мѣста.
Царско ухо всѣкому завидна невѣста —
Пенелопе кàжется; женихи толпою
За ней бѣгутъ, и купѝть ея хоть душою
Склонность ради всѣ. Макàръ скоро поскользнулся
На льду скользкомъ; день егò свѣтлый столь минулся
Спѣшно, сколь спѣшно насталъ; въ прежну вдругорь [151] сходитъ
Глупость свою, и съ стыдòмъ въ печали проводитъ
Достальную бѣдно жѝзнь между соболями.
Кои на мѣсто егò спѣшатъ, ждутъ и сами
Часто тотъ же себѣ рòкъ; однако жъ пихаетъ
Другъ друга, и на-прерывъ туда поспѣшаетъ.
Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь вѝдъ человѣка съѣли,
И на трýпъ больше похòжъ; на бороду плюетъ,
Однако жъ дряхлой рукòй и въ очкахъ рисуетъ.
Что такое? вѣдь не грòбъ, что ему бы [152] кстати;
Съ огородомъ пышный дòмъ, гдѣ бъ въ лѣто гуляти.
А другой, видя, что смѐрть грозитъ ужъ косою,
Не мысля, что сдѣлаться имѣетъ [153] съ дýшою,

150) Сохранилъ его жизнь.
151) Снова.
152) Который бы ему былъ кстати.
153) *Имѣетъ сдѣлаться* будущее время вм. сдѣлается.

Хоть чуть видятъ сла́бые бумагу ужъ взгляды,
Начнетъ писать похоро́нъ своихъ всѣ обряды,
Сколько архипа́стырей, поповъ и причету
Предъ гробомъ церко́внаго, и сколько по счету
Пойдетъ за гробомъ родни́ съ горькими слезами,
Съ какими и ско́лькими провожать свѣчами,
Гдѣ вкопать, и въ какой гро́бъ, лампаду златую
Свѣсить, иль серѐбряну, и надпись какую
Поставить, чтобъ всякому давалъ знать слогъ внятный,
Что лежащій подъ ней пра́хъ былъ господинъ знатный.
  Безсчетныхъ страстей рабы́, отъ дѣтства до гроба,
Гордость, зависть мучитъ ва́съ, лакомство и злоба, [154]
Самолюбье и вещѐй тщетныхъ гнусна воля; [155]
Къ свободѣ охо́тники, впилась въ васъ неволя. [156]
Такъ какъ легкое перо́, коимъ вѣтръ играетъ,
Часъ малъ пробыть на одно́мъ [157] мысль ваша не знаетъ.
То богатство и́щете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному́, то люди скучаютъ; [158]
Не знаете сами, что́ хотѣть; теперь тое [159]
Хвалите, потомъ сіѐ, съ одно [160] на другое
Премѣняя мысль свою́ и, что паче дивно,
Вдругъ одно жела́ніе другому противно. [161]

---

154) Васъ мучатъ гордость, зависть, лакомство и злоба.

155) Т. е. вмѣстѣ съ самолюбіемъ и желаніе тщетныхъ вещей мучитъ васъ.

156) Т. е. вы, желая свободы, въ то же время, рабы своихъ страстей.

157) Остановиться на одномъ предметѣ.

158) Наскучиваютъ, надоѣдаютъ.

159) То.

160) Съ одного.

161) Эти стихи сокращенно представляютъ мысли Буало, который говоритъ о владычествѣ страстей надъ человѣкомъ и о непостоянствѣ его желаній:

L'homme, sans arrêt dans sa course insensée,
Voltige incessament de pensée en pensée:
Son cocur, toujours flottant entre mille embarras,
Ne sait ni ce qu'il veut ni ce qu'il ne veut pas.
....
Voilà l'homme en effet: il va du blanc au noir:
Il condamne au matin ses sentimens du soir:
Importun à tout autre, à soi—même incommode,
Il change à tout momens d'esprit comme de mode;
Il tourne au moindre vent, il tombe au moindre choc,

Малый въ лѣто муравѐй потѣетъ, томится,
Зерно за зерномъ тащà, и наполнить тщится
Свой амбаръ; когда же мiръ унывать безплоденъ
Мразами начнетъ, [162] съ гнѣздà станетъ неисходенъ,
Въ зиму наслаждàяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.
А вы, что мнитесь умà одаренны свѣтомъ, [163]
Въ темнотѣ вѣкъ брòдите; не въ время прилежны,
Въ ненужномъ потѣете, а въ потребномъ лежни.
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи,
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,
Состоянiемъ своѝмъ всегда недовольны.
   Купецъ, у кого амбàръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можѐтъ [164] жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спѝтъ и ночи уже съ трои,
Думая, какъ бы емỳ сдѣлаться судьею:
Куды-де хорошо бы̀ть въ людяхъ головою.

Aujourd'hui dans un casque, et demain dans un froc.
....
L'homme seul, qu'elle (la raison) éclàire, en plein jour ne voit goutte,
Réglé par ses avis, fait tout à contre temps,
Et dans tout ce qu'il fait, n'a ni raison ni sens.
Tout lui plait et deplait, tout le choque et l'oblige:
Sans raison il est gai, sans raison il s'afflige;
Son ésprit au hazard aime, évite, poursuit,
Dé fait, réfait, augmente, ôte; éléve, detruit.

(Человѣкъ, не останавливаясь въ своемъ безумномъ стремленiи, перелетаетъ отъ мысли къ мысли; его сердце, вѣчно плавая между тысячами предчувствiй, не знаетъ ни того, что оно хочетъ, ни того, чего не хочетъ .... Вотъ человѣкъ въ дѣйствительности: онъ идетъ отъ бѣлаго къ черному; утромъ онъ уже осуждаетъ свои вечернiя ощущенiя; невыносимъ всякому другому, онъ несносенъ и самому себѣ. Каждую минуту онъ какъ моду мѣняетъ нравъ; при малѣйшемъ вѣтрѣ онъ кружится, при малѣйшемъ ударѣ падаетъ; сегодня онъ въ каскѣ, а завтра въ клобукѣ... Одинъ человѣкъ, которому свѣтитъ разсудокъ, въ свѣтлый день не видитъ ни зги; направляемый своими страстями, дѣлаетъ все не въ пору, и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, нѣтъ ни складу, ни ладу. Все ему и нравится и не нравится, все ему щекотливо и привлекательно; безъ причины онъ веселъ, безъ причины печаленъ; его духъ случайно любитъ, увлекается, преслѣдуетъ, передѣлываетъ, разрушаетъ, умножаетъ, отнимаетъ, возвышаетъ, губитъ).

162) Т. е., когда осенью наступятъ холода.

163) Т. е., а вы, которые думаете про себя, что одарены свѣтомъ ума.

164) Для размѣра нужно читать *можѐтъ*.

И чтятъ тебя, и даютъ,[165] постою не знаешь;
Много ль, мало — для себя всегда собираешь.
Ставъ судьею, ужъ купцу не мало завидитъ,[166]
Когда, по несчастію, пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И слыша просителей у дверей вздыхати,[167]
Долженъ встать не выспавшись изъ теплой кровати.
Боже мой! говоритъ онъ, что я не посадской?
Чортъ бы взялъ и чинъ и честь, въ нихъ же животъ адской.[168]

Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь ружье свое да своего капрала,
На правежѣ[169] бы нога моя не стояла,
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришелъ поборъ, пахаря вписали въ солдаты,
Не однажды дымные помнитъ ужъ палаты,[170]
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью[171] заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
А тамъ о чемъ бы тужить не знаю причину:
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня чрезъ годъ,[172] а скотамъ солома;
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли

165) Т. е. дарятъ, даютъ взятки.
166) Завидуетъ.
167) И слыша, какъ вздыхаютъ просители у дверей.
168) Адская жизнь.
169) Насильственное собираніе подати посредствомъ палочныхъ ударовъ.
170) Палати въ избѣ.
171) Десять разъ.
172) Каждый годъ.

Иль въ праздникъ пойти въ село̀, и то съ доброй воли:
А теперь чортъ, не житьѐ, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла̀, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, во̀зися [173] за ружьемъ пострѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться нѐкогда, часто нѣтъ, что кушать
Наряжать [174] мнѣ все собо̀й, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, что день наза̀дъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ, и всяку работу
Къ церкви легку сказывалъ, [175] прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небѐсными былъ въ счетѣ чинами, [176]
Сегодни не то поѐтъ: радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухарѝ, полетѣлъ бы къ мясу;
Радъ къ чорту въ това̀рищи, лишь бы бѣльцомъ [177] быти,
Нѣтъ мочи ужъ а̀нгеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.
Въ долгой рѣчи ма̀лую страстей вашихъ долю,
Исчелъ я тебѣ, твою̀ исполняя волю;
Совершенно описа̀ть, смысленныя твари
Сколь глупы, смѣшны собо̀й, смотрѣны безъ хари,
Году мало, повѣрь мнѣ, довольно съ собою
Несу, долго чѣмъ смѣшѝть царя и съ ордою.
Да солнце ужъ на̀чало за гору скрываться;
Я раздѣтъ, прощай! пора̀ мнѣ съ тобой разстаться.
Рѣчь мою про себя кро̀й, [178] буде въ ней какую
Пользу чаешь; не ищѝ употреблять тую [179]
Къ исправленію людѐй: мала къ тому сила
Наша съ тобой; исправѝтъ горбатыхъ могила.

---

173) Удареніе не на мѣстѣ.
174) Исполнять.
175) Т. е. считалъ всякую работу для церкви легкою.
176) Сатира нашего сатирика распространяетъ примѣры Горація и въ этомъ распространеніи не льзя не видѣть современнаго ему положенія общества. (Галах.)
177) Свѣтскимъ человѣкомъ.
178) Скрывай, таи.
179) Т. е. рѣчь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стихотворецъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе краи, сочинилъ было сатиру, на подражаніе осьмой Боаловой, которая надписана *на человѣка*; но потомъ усмотрѣвъ, что почти вся состояла изъ рѣчей французскаго сатирика, выбравъ изъ нея малую часть стиховъ, составилъ сію пятую сатиру въ Лондонѣ въ 1737-мъ году. Намѣреніе его въ ней есть оказать смѣху достойныя человѣческія страсти, какъ самъ чрезъ усты сатировы изъявляетъ отъ стиха 78-го по 81.

Писана она разговоромъ межъ *Сатиромъ* и *Періергомъ*, то есть, *любопытнымъ*. Откуду тотъ Сатиръ, какъ тутъ введенъ, и зачѣмъ, самъ изъясняетъ отъ 50-го стиха по 69, потому здѣсь о томъ излишно бы было распространяться. Довольно дать знать, что Сатиры, по баснословію древнихъ, суть родъ нѣкіихъ лѣсныхъ полубоговъ, которыхъ тѣло отъ пояса внизъ козлинно, а вверхъ человѣчее, съ рогами и долгими ушми. Описуются отъ стихотворцевъ Сатиры смѣшливы и сластолюбивы. (*Гиральдіи*, *исторія боговъ*, *томъ I*, *столбецъ 413*).

Ст. 1. *Сильна Пана*. Панъ богъ лѣсовъ, начальникъ Сатировъ. Смотри объ немъ отъ стиха 50-го по 55.

Ст. тотъ же. *Хоть мнѣ смерть случится*. Хоть бы меня Панъ казнить велѣлъ.—Сатиры, Фауны, Силваны и подобные лѣсные полубоги не бывали безсмертны, но долгой токмо жизни. Смотри Гиралдія въ вышепоказанномъ мѣстѣ.

Ст. 4. *Мойму*. Вмѣсто *моему*.

Ст. 5. *Красотѣ радѣя*. О людяхъ говоритъ.

Ст. 6 и 7. *Руки*, *шея*, *ноги*, *чресла спутаны*. Руки запонками, шея галстухомъ, ноги подвязками и башмаками спутаны.

Ст. 7. *Недруги покоя*. То есть, платья тѣ безпокойны.

Ст. 9. *Тягости златыя*. Такъ богатое платье называетъ Сатиръ.

Ст. 10. *Кудри накладныя*. Перукъ.

Ст. 14. *Вскрылъ*. Открылъ, показалъ, снявъ съ нихъ перукъ.

Ст. 15. *Наши писцы*. Наши живописцы. Писецъ обыкновенно значитъ маляра, понеже говоримъ: живописецъ, иконописецъ.

Ст. 17. *Позволь мнѣ, буде не въ гнѣвъ*. Тутъ Періергъ начинаетъ съ Сатиромъ говорить.

Ст. 23. *Въ вашемъ родѣ*. Въ человѣческомъ, сирѣчь.

Ст. 26. *Ничего не требую*. Ни въ чемъ нужды не имѣю, ничего отъ тебя не требую.

Ст. 37. *Моды*. Мода слово французское, значитъ обычай въ ношеніи платья, въ употребленіи всякихъ уборовъ и въ самыхъ нашихъ поступкахъ.

Ст. 38. *Вздоръ сей*. О платьѣ говоритъ.

Ст. 46. *Сосѣду съ вредомъ*. Понеже въ вашихъ разговорахъ того другаго пересужаете.

Ст. 48. *Буде случитесь одни, ночь всю спите*. Буде одни случитесь; инако съ товарищемъ въ постели, а наипаче разнаго пола, не вся ночь спится.

Ст. 51. *Панъ*. Богъ лѣсной, иногда и *Силваномъ* отъ стихотворцевъ называется, сынъ Пенелопы. По баснословію древнихъ, начальствуетъ надъ всѣмъ родомъ Сатировъ, надъ лѣсами, надъ садами, и надъ браками. Онъ же выдумалъ дудку. (*Гиралдіи, въ исторіи боговъ*).

Ст. 83. *Тотъ не воленъ*. Тотъ не можетъ.

Ст. 85. *Впоенное съ млекомъ*. Водруженное въ умъ нашъ чрезъ воспитаніе отъ младенчества и пр. Всегда мое мнѣніе было, что воспитаніе есть отъ большей части причина всѣхъ нашихъ нравовъ. Горацій изрядно говоритъ, что *чимъ новый горшокъ нальешь, долго пахнуть будетъ*.

Quo semel est imbuta recens, servabit odorem
Olla diu.

Ст. 88. *Нѣтъ нужды въ трубкахъ*. Въ зрительныхъ, сирѣчь, трубкахъ, чрезъ которыя смотримъ вещи, кои въ дальномъ отъ насъ разстояніи.

Ст. 90. *Ноги мыше двои*. Которыми бѣжитъ, сирѣчь.

Ст. 100 и 101. *Слыша его, колесо мельницы... въ звучные обраты*. Слыша его кажется, что вода съ шумомъ бьетъ въ мельничное колесо, которое ворочается, звуча сильно: такъ онъ громко и безпрестанно говоритъ.

Ст. 103. *Своимъ смѣется словамъ, častъ одинъ смѣется*. Самъ своимъ словамъ смѣется, какъ бы забавны весьма были и часто только одинъ смѣется, понеже слушатели никакой забавы въ нихъ не находятъ. *Частъ* вмѣсто *часто* за нужду мѣры.

Ст. 104. *Руки вольны*. Нахальчиваго руки вольны, или лучше сказать продерзки, понеже протягаетъ ихъ безъ стыда на многія запрещенныя мѣста.

Ст. 108. *Шлютъ*. Разумѣется, *за нимъ*.

Ст. 110. *Нахала сказуя быть веселаго нраву*. Называя его, нахала, человѣкомъ веселаго нрава. По несчастію весьма часто видимъ сему образцы.

Ст. 112. *Древность коньковъ*. Коньковъ, на которыхъ на льду катаемся. *Коньки* вписаны здѣсь вмѣсто всякой неважной вещи, въ которой испытаніи приложенный трудъ суетенъ.

Ст. 117. *Наградивъ бдѣнія и поты*. Заплативъ однимъ кивкомъ головы, однимъ малымъ поклонцемъ за всѣ Критоновы труды.

Ст. 120. *Судью книгъ искалъ въ благородномъ*. Чаялъ, что дворянинъ хорошо разсуждать умѣетъ о добротѣ какой книги.

Ст. 127. *Глаза пяля*. Удивляяся гораздо, понеже тогда обыкновенно съ прилежаніемъ смотримъ и для того глаза пялимъ.

Ст. 144. *Паномъ меня почти*. Почти меня Паномъ, царемъ твоимъ, и разскажи мнѣ о тѣхъ, коимъ ты служилъ, живучи въ людяхъ.

Ст. 147. *Поздному предать потомству потщуся*. Стараться буду, чтобъ на многіе будущіе вѣки и на самые позднѣйшіе рѣчь твоя потомкамъ нашимъ служила въ исправленіе ихъ нравовъ.

Ст. 149 по 159. *Вамъ лише пристало*. Многіе находятся такого нрава, которому сатирикъ смѣется, не для того, что неблагодарство хвальнѣе. Тѣ, кои благодѣяніе получаютъ, хулы достойны, если бываютъ неблагодарны; а тѣ, кои благодѣтельствуютъ, гораздо хульнѣе, если себѣ благодарство требуютъ; наипаче же, когда за малое благодѣяніе требуютъ великое благодарство. Кто великодушнаго имя нажить хочетъ, долженъ совсѣмъ забывать учиненное кому добро и помнить показанную обиду, чтобъ оную исправить.

Ст. 158. *Какъ обычай и у васъ.—Рогатыми* называютъ тѣхъ, коихъ жена въ обѣщаніяхъ брачныхъ не вѣрна.

Ст. 162 и 163. *Что спитъ какъ убитый мужикъ*. Между прочими худыми пьянства слѣдствіями, гражданству не меньше вредительно пренебреженіе должности. Тотъ примѣръ здѣсь показываетъ сатирикъ въ караульщикѣ, который поставленъ входъ въ городъ стеречь, а за пьянствомъ спитъ и не знаетъ, кто въ городъ входитъ.

Ст. 165. *И солнце полкруга небесна не пробѣжало*. Еще не было полдня.

Ст. 171. *Тяжки и румяны*. Каковы живутъ головы у пьяныхъ. Прилагательное *румяны* служитъ, чтобъ показать, что тѣ тѣла не мертвыя.

Ст. 174. *Ногами сильнѣе*. Понеже еще ходить могутъ и хмѣль еще ихъ не свалилъ.

Ст. 177. *И мимоидущихъ грязнитъ*. Понеже падая и скользя брызгаютъ мимоидущихъ грязью, въ которой танцуютъ.

Ст. 179. *Тѣлу полну власть даютъ*. Испражняютъ, обнажаютъ, движутъ тѣло безъ всякаго воздержанія.

Ст. тотъ же. *Предъ стыдливымъ полом*. Предъ женскимъ поломъ.

Ст. 183. *Бахусомъ отягощенъ*. Виномъ, пьянствомъ отягощенъ. *Бахусъ*, Юпитеровъ сынъ, у баснословцевъ за бога винограда и пьянства почитается.

Ст. 187. *Блюстъ зубы*. Которые въ дракѣ выбиты.

Ст. 188. *Внѣ себя двояко*. Пьянствомъ сирѣчь и печалію лишенія родителя или сродника.

Ст. 190. *Иль остріемъ стали*. Остріемъ меча или другаго какого сѣкущаго оружія. Стихотворцы, и самые историки, часто *желѣзо* вмѣсто *оружія* употребляютъ; для чегожъ бы *сталь* также не употреблять.

Ст. 206. *Чистъ душею*. Вѣренъ.

Ст. 210. *Дѣду слѣдуя отецъ* и проч. Сатиръ притворяетъ себѣ

отца *посадскаго*, и описуя его поступки, осмѣваетъ граждан того чина, кои за славолюбіемъ, за жадностію дворянскаго имени проживаютъ все свое имѣніе и оставляютъ дѣтей своихъ въ нищетѣ и несчастіи.

Ст. 221. *За паръ потерялъ жаркое*. За дворянское имя потерялъ богатство. *Паръ*, что изъ горячаго мяса выходитъ.

Ст. 226 и 227. *Горесть чливою рукою мою усластить обѣщавъ*. Обѣщався несчастіе мое облегчить, чливо меня снабдѣвая.

Ст. 231. *Свѣтъ уже сѣдъ таетъ*. Свѣтъ, уже престарѣвъ, ослабѣваетъ, лишается силъ своихъ. Сѣдина старости знакъ, и часто говоримъ о человѣкѣ, который изъ дня въ день слабѣетъ и сохнетъ, что онъ *таетъ*. Сіе введеніе разговора показываетъ старика сего человѣкомъ притворнаго богочтенія. Обыкновенно такіе люди осужденіемъ ближняго ищутъ свое благонравіе оказывать.

Ст. 233 и 234. *И сладку ту чаютъ чашу*. Пріятно имъ то, что чувства услаждаетъ, хоть душѣ тѣмъ крайній вредъ, смерть самую наносятъ.

Ст. 236. *Злость подъ добродѣтели видомъ укрыть тщатся*. Такъ въ настоящемъ примѣрѣ видимъ, что пьяницы страсть свою извиняютъ праздникомъ въ Божію славу.

Ст. 238. *Хлѣбомъ сытнымъ мертвятъ*. Хлѣбомъ, который питаетъ животныхъ, смерть приключаютъ. Извѣстно есть, что на удицу рыбаки иногда хлѣбъ или тѣсто кладутъ, которымъ обманутыя рыбы живота лишаются.

Ст. 239. *Предки наши* и проч. Сатирикъ описуетъ причину установленія праздниковъ и образъ, которымъ оные торжествовать должно. Праздники установлены для славы Божіей; въ тѣ дни мы должны свято жить въ молитвахъ, въ любви между-усобной, въ трудѣ, но въ нужномъ трудѣ, то есть, который потребенъ для нашего и своихъ содержанія.

Ст. 240 *На стезю небесну*. На небесную дорогу, на добрый путь, на добрую жизнь.

Ст. 252. *Отъ вечерня звона*. Праздники въ церкви начинаются съ кануна, и обыкновенно сегодни поется вечерня завтрашнему святому. Потому тотчасъ, какъ начнется звонъ праздничной вечерни, богочтительные люди оставляютъ и недодѣланную работу.

Ст. 262. *Жало*. Шпора, чѣмъ лошадей тычемъ, чтобъ скорѣе бѣжали.

Ст. 267. *Въ стропотномъ и столь злобномъ градѣ*. Сатиръ такъ о городѣ томъ разсуждаетъ по словамъ старика, своего хозяина. Обыкновенно люди о дѣлахъ по рѣчамъ людскимъ судятъ, мало суетятся изслѣдовать истину собою.

Ст. 272. *Что глупой народъ людей угождая страсти*. Слова сего стиха въ сродномъ порядкѣ такъ бы должны лежать: *что народъ, людей угождая глупой страсти*.

Ст. 276 и 277. *Принужден былъ жаться* и проч. Обыкновенныя дѣйства того, кто смѣхъ свой удерживать и утаить хочетъ.

Ст. 278. *Морщить старикъ начиналъ ужъ брови*. То есть, начиналъ сердиться, ибо тогда обыкновенно брови и лобъ морщатся.

Ст. 290. *По полудни*. Для того по полудни, что по утру упражнялся въ службѣ Божіей; какъ бы воровство могло согласиться съ богопочтительствомъ.

Ст. 297. *Что скотами насъ чинитъ*. Отъмля, сирѣчь, смыслъ, которымъ отъ скотовъ человѣкъ разнится.

Ст. 302. *Какъ я чаю*. Сей сумнительства знакъ здѣсь къ дѣлу стихотворецъ вставилъ, понеже старикова дѣла съ рѣчьми такъ различны, что Сатиръ сомнѣвается, онъ ли то былъ, что намеднись ему противъ пьянства говорилъ, или другой кто.

Ст. 314. *Вино долженъ перевесть*. Парламентъ англійскій, усмотрѣвъ, что народъ чрезмѣрно пьянству вдался, учредилъ въ 1736-мъ г. уставомъ своимъ наложить на крѣпкія питья высокую весьма пошлину и запретить всѣмъ кабачникамъ продаватѣ въ розницу меньше двухъ галенковъ; такимъ образомъ отчасти чрезмѣрное вина употребленіе въ Англіи пресѣчено.

Ст. 324. *Тяжкія раны*. Тяжкое наказаніе.

Ст. 333. *Что и спятъ съ стаканомъ*. Сильные пьяницы, что и когда спятъ—стаканъ въ рукахъ.

Ст. 338. *Знатному слуга господину*. Вмѣсто *знатнаго господина слуга*. Обыкновенно во С. П. дательный падежъ вмѣсто родительнаго употреблять.

Ст. 347. *Богатъ подданныхъ числомъ*. О господинѣ знатномъ говоритъ.

Ст. 366. *Какъ тучи*. Вмѣсто *какъ облаки*, которыя набираются паръ водяныхъ изъ моря и земли, и какъ тѣ чрезмѣрно отяготятся дождемъ, опять воду морю и землѣ возвращаютъ.

Ст. 370. *Настижетъ злодѣевъ казнь*. Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ:

Raro antecedentem scelestum
Deseruit pede poena claudo.

Стихотворцы казнь изображаютъ гнусною, хромою женою, съ плетьми и подобными озлобительными орудіями въ рукахъ.

Ст. 376. *Той премѣны*. Сирѣчь, той премѣны, что въ Хироновомъ домѣ случилася отставкою дворецкаго, понеже онъ знать то о плутняхъ дворецкаго хозяину повѣстилъ. Многіе служители чаютъ противенъ совѣсти такой поступокъ, извиняяся, что неприлично человѣка лишить своего хлѣба; да не разсуждаютъ они, что главная ихъ должность есть вѣрно служить господину и радѣть о его пользѣ. Когда хозяйское добро тратится, и они вѣдая молчатъ, сами причастники воровства становятся.

Ст. 384. *Тѣсныя передни*. За многолюдствомъ тѣхъ, кои хаживали къ нему на поклонъ.

Ст. 386. *Іовишъ*. Главнѣйшій богъ у многобожцевъ, сынъ Сатурна, котораго съ неба сбивъ, всѣмъ свѣтомъ обладалъ.

Ст. 397 и 398. *Готовы, еслибъ то онъ сказать былъ намѣренъ* и проч. Таковъ подлинно похлѣбниковъ нравъ, которые въ обществѣ столь вредительны, что дивно, какъ до сихъ поръ никакого наказанія похлѣбству не узаконено.

Ст. 402. *Плѣшиво счастье ему показало темя*. Стихотворцы описуютъ счастіе съ плѣшивою головою, оставя косу волосовъ на самомъ только лбу; для того говорятъ, что надобно счастье хватать пока къ намъ смотритъ и пока не оборотитъ къ намъ задъ; понеже тогда, за его плѣшивостію, не за что будетъ его ловить, и изъ рукъ нашихъ уйдетъ. *Темя* здѣсь вмѣсто *затылка* употреблено, понеже и оно задъ головы составляетъ.

Ст. 423. *И какъ прежде презиралъ*, и проч. Обыкновенно гордымъ людямъ падать въ крайнее малодушество, когда несчастье имъ какое настанетъ. Добродѣтель одна равномѣрно великодушна въ бѣдахъ и смиренна въ благополучіи.

Ст. 427. *Въ свѣтлый день*. Въ счастіи.

Ст. 428. *Какъ небо затмится*. Какъ несчастье наступитъ.

Ст. 439. *Имѣнія властвуетъ гладъ въ корыстныхъ грудяхъ*. Богатствъ жадность, сребролюбіе въ сердцѣ, которое во всемъ корысть ищетъ. *Грудь* вмѣсто *сердца* часто у стихотворцовъ употребляется.

Ст. 440 и 441. *Рѣдко бо злонравіе въ людяхъ найдешь безъ пары одно*. Такъ скупость лакомству, самолюбіе глупости, любочестіе неправости соединено и проч.

Ст. 449. *Обнародствуя все, что той объявлялъ въ тайну*. Ни что гнуснѣе того, какъ въ несчастіи пріятеля искать большее ему несчастіе, огорчевая противъ него людей сильныхъ, открывая того рѣчи, которыя въ тайну ему говорилъ, какъ пріятелю.

Ст. 452. *Всѣхъ благихъ дѣлъ главная помѣха неблагодарство*. Всѣхъ злонравій неблагодарство обществу вреднѣе, понеже пресѣкаетъ охоту благотворенія. Изрядно объ немъ Плаутусъ разсуждаетъ:

— — — Ingrato homine nihil impensius est;
Nimium praestat impendiosum te, quam imgratum dicier:
Illum laudabunt boni; hoc etiam ipsi culpabunt mali.

Ст. 458. *Что виноградъ насадивъ*. Сирѣчь, что за добро зло имъ воздается. Не помню въ коемъ мѣстѣ Богъ чрезъ пророка Исаію говоритъ: *Насадихъ виноградъ и возрасте терніе*.

Ст. 480. *Богиня плѣшива. Фортуна, Счастіе*. Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 402-мъ сей сатиры.

Ст. 484. *Тотъ меня шутомъ Менандръ*. Хотя Менандръ меня Ксенону отдалъ въ шуты, онъ чаще мой шутъ бывалъ; я чаще ему смѣялся, чѣмъ онъ мнѣ.

Ст. 500. *Когда еще я вино расплоэкалъ водою.* Когда, служа цѣловальнику, ливалъ воду въ вино. Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 284-мъ сей сатиры.

Ст. 502. *Гдѣ счастье людей растетъ на слабой соломѣ.* Гдѣ людей счастье столь хлипко, какъ солома, или гдѣ счастье людей основано на соломѣ, то есть, на основаніи чрезмѣрно хлипкомъ.

Ст. 508. *Въ сѣть я попался.* Обманулся, какъ птицы и звѣри, кои въ сѣть попадаютъ.

Ст. 512. *Пятерымъ хозяинамъ.* Знать Милонъ былъ женатъ и три сына имѣлъ.

Ст. 534. *Не даютъ препоны.* Не мѣшаютъ.

Ст. 542. *Гдѣ любовь нужна.* Что на молитвѣ съ взаимною любовью стоять должно, въ многихъ мѣстахъ Святое Писаніе насъ учитъ.

Ст. 556. *Трудно.* Вмѣсто: *съ великимъ трудомъ.*

Ст. 456. *Кривъ и хромъ топчетъ еще.* Славолюбецъ недоволенъ, что въ войнѣ ему глазъ выбитъ, или нога отбита, еще туды возвращается, и самую смерть презирая, только за тѣмъ, чтобъ его дѣйства отважныя внесены были въ печатныя вѣсти, и память ихъ доставила ему славу по смерти.

Ст. 567. *Хвально идетъ* и проч. по ст. 512. Храбро идти на войну и жизнь свою положить за отечество весьма хвально; но такого осуждаетъ сатирикъ человѣка, который не для пользы отечества, не для исполненія должности своей, но за одну голую любовь славы безразсудно бѣжитъ въ бѣдства.

Ст. 573. *Жаркую.* Къ забавамъ весьма склонную, какова молодая жена.

Ст. 582. *Зависитъ покой его.* Отъ одного слова, отъ одного взгляду полюбовницы зависитъ вся тишина его. Буде косо на него посмотритъ, печалится; буде улыбнется къ нему, радуется.

Ст. 587. *Ирисъ ту же сотерымъ.* Не довольно, что старикъ, противно приличности своего возраста, павъ въ любовныя сѣти, упражняется въ дѣлахъ и уборахъ, юношамъ однимъ пристойныхъ; онъ же къ тому столь ослѣпленъ самолюбіемъ, что не видитъ, что Ирисъ, его полюбовница, его обманываетъ. Сотерымъ она ту же что ему любовь сулитъ, тѣ же знаки любви дозволяетъ; весь свѣтъ то видитъ, онъ одинъ не видитъ.

Ст. 605. *Чтобъ могъ письменъ нѣсколько* и проч. Чтобъ достать чинъ или титло какое, которое прибавитъ къ его имени нѣсколько буквъ, для того, что тогда уже будетъ зваться не просто, напримѣръ *Иванъ*, но *баронъ* или *графъ Иванъ* и проч.

Ст. 607. *Часто жъ вѣкъ тщетою надежды кормится.* Часто не удается ему достать желанное и проводитъ жизнь свою, надѣяся изъ дня въ день, что его просьбы будутъ исполнены.

Ст. 607. *Вредительнымъ златомъ.* Богатымъ платьемъ, которое

за тягостію своею безпокойно, и потому тѣлу вредно, буде не карману.

Ст. 613. *Расшитыхъ тесемками по цвѣтамъ печати.* Платья нижнихъ служителей, каковы суть лакеи, конюхи и проч., такимъ образомъ составляются, чтобъ въ нихъ находилися цвѣты, которые находятся въ гербѣ хозяйскомъ. Наприкладъ, если гербъ чей состоитъ изъ голубаго поля съ красною поперегъ полосою, то кафтанъ должно сшить изъ голубаго сукна, а камзолъ и обшлага кафтанные и штаны изъ краснаго. Ежели такое платье (которое съ французскаго слова ливреею называемъ) кто желаетъ выложить по швамъ или по подолу одному тесьмами, чтобъ тѣмъ былъ богатѣе, то должно, чтобъ и въ тѣхъ тесьмахъ содержалися цвѣты герба.

Ст. 614. *Что прежъ сего вывѣска была.* Мѣщанинъ выкладываетъ свою ливрею тесьмами по цвѣтамъ своего герба, который гербъ онъ составилъ изъ вывѣски, что висѣла у его лавки гораздо приличнѣе.

Ст. 616. *За роспись пустыхъ именъ.* За родословную роспись. Мѣщанинъ ищетъ показать себя старымъ дворяниномъ, для того платитъ, чтобъ себѣ пріискать знатныхъ предковъ.

Ст. 618. *Дуется пока треснетъ жаба.* Въ Езоповыхъ притчахъ читаемъ, что малая жаба, увидѣвъ быка, прибѣжала къ матери своей, крича, что видѣла превеликаго звѣря. Старая жаба спросила у дочери, будетъ ли тотъ звѣрь въ ея величину? Дочь отвѣтствовавъ, что гораздо онъ больше, мать начала дуться, чтобъ придти въ его мѣру, по тѣхъ поръ пока, лишно надуваяся, треснула. Такъ мѣщанинъ, желая соравниться вельможѣ, лишнія не по своимъ силамъ иждивенія чинитъ, пока разорится.

Ст. 627. *Сколько пользы отъ него.* Такъ объ Макарѣ, временщикѣ, похлѣбники его говорятъ, для того что онъ въ силѣ.

Ст. 629 *Бывшій глупецъ.* Бывшій предъ нимъ временщикъ, который былъ его не умнѣе.

Ст. 633. *Изъ чужаго мѣста.* Всякому кажется себѣ пристойнѣе мѣсто, которое Макаръ занимаетъ; для того чаетъ, что то мѣсто ему, Макару, чужое.

Ст. 634 и 635. *Царско ухо всякому.* Всякому милость царева, сила при царѣ, кажется завидная невѣста, какова была Пенелопе. Всякъ добивается всѣми способами достать себѣ при царѣ силу, какъ греческіе князи добивалися достать себѣ въ жену Пенелопу. *Пенелопе,* дочь *Икара* и *Перибеи,* жена *Улиссова,* заслужила себѣ имя цѣломудреннѣйшей, во время двадцатилѣтняго отсутствія мужа своего, который пробылъ десять лѣтъ при осадѣ Трои, и другія десять лѣтъ блудилъ въ морѣ, возвращаяся въ отечество. Многіе изъ греческихъ князей представляли себя ей женихами, сказывая, что Улиссъ умеръ, и сильно старалися ее къ браку склонить. Чтобъ избыть ихъ докукъ, она обѣщалася во второй бракъ вступить, выбравъ изъ нихъ одного,

какъ скоро скончитъ начатую работу; а ночью распарывала то, что вышила днемъ, и такъ время протягала, пока Улиссъ, возвратився, всѣхъ тѣхъ жениховъ побилъ.

Ст. 636. *Хоть душою.* Сирѣчь, хотя гибелью души своей дерзая на всякія злочинства и мерзости для угожденія ему, Макару.

Ст. 637 и 638. *Поскользнулся на льду скользкомъ.* Человѣкъ, въ высокой степени, гораздо похожъ тому, кто по льду катается; много предосторожности ему нужно, чтобъ держаться прямо на ногахъ.

Ст. 638. *День его свѣтлый.* Счастливое его время.

Ст. 639 и 640. *Въ прежню вдругоръ сходитъ глупость.* Макаръ прежде своего счастья глупцомъ почитанъ; въ счастье пришедъ, вдругъ стался умнымъ; минулося его счастье, паки стался глупъ; уже всѣ забыли, что мало предъ тѣмъ его почитали человѣкомъ благоразсудныиъ и искуснымъ.

Ст. 641. *Между соболями.* Въ ссылкѣ въ Сибири, откуду соболи приходятъ.

Ст. 646. *Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли.* Котораго старость такъ уже изнурила, что человѣческое подобіе въ немъ насилу осталось.

Ст. 653. *Взгляды.* Вмѣсто *глаза.*

Ст. 655. *Архипастырей.* Священноначальниковъ, то есть архіереевъ и архимандритовъ.

Ст. 675. *Малый въ лѣто муравей.* Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ:

Parvula (nam exemplo est) magni formica laboris
Ore trahit, quodcunque potest, atque addit acervo,
Quem struit, haud ignara ac non incauta futuri;
Quæ simul inversum contristat aquarius annum,
Non usquam properit, et illis utitur ante
Quæsitis sapiens [180]. (Книги 1, сат. 1, ст. 33 и слѣдующіе).

Ст. 682. *Въ ненужномъ потѣете.* О ненужномъ дѣлѣ всею силою трудитесь; понеже потъ въ трудахъ есть знакъ великаго усилія.

Ст. 690. *Головою,* то есть *начальникомъ.* Такъ прежде сего *полковники* назывались *голова: голова стрѣлецкій; голова кабацкій* есть надзиратель питейныхъ домовъ.

Ст. 691. *Постою не знаешь.* Ничего такъ посадскимъ тягостно не кажется, какъ постой, отъ котораго свободны всѣ тѣ, которые у государевыхъ дѣлъ въ службѣ. Манифактурщики имѣютъ привил-

---

180) Маленькій муравей, онъ всегда примѣръ большаго трудолюбія, тащитъ ртомъ все, что можетъ, и прибавляетъ къ своей кучѣ, которую онъ лѣпитъ, очень хорошо зная и заботясь о будущемъ. Какъ только водолей помрачитъ перемѣнившійся годъ, онъ не ползетъ дальше никуда и мудро пользуется тѣмъ, что пріобрѣлъ прежде.

легію отъ императора Петра Великаго, чтобъ въ ихъ домѣхъ постою не ставить.

Ст. 699. *Соху ведучи.* Пашучи землю, оря.

Ст. 701. *Творецъ.* Богъ.

Ст. 702. *Въ платьѣ богатомъ.* Крестьянину гораздо богатъ кажется суконный цвѣтной кафтанъ, каковы суть солдатскіе.

Ст. 703. *Своіо*, вмѣсто своего.

Ст. 711. *Въ зеленомъ кафтанѣ.* Россійскіе пѣхотные полки всѣ одѣты зелеными кафтанами съ красными обшлагами и воротниками.

Ст. 721. *Съѣздить въ торгъ для соли.* Рѣдко за другимъ чѣмъ крестьяне въ торгъ ѣздятъ, имѣя все нужное дома. Живетъ, что ихъ за дѣлами въ городъ позываютъ; да тогда ихъ везутъ, а не сами ѣдутъ.

Ст. 724. *Все бы рубашка бѣла.* Уставъ военный повелѣваетъ, чтобъ солдатъ, идучи въ строй или на караулъ, имѣлъ бѣлую рубаху.

Ст. 725. *Ходи въ штанахъ.* Всякому то трудно, къ чему не обыкъ, а извѣстно, что крестьяне больше въ портках ходятъ, и рѣдко штановъ употребляютъ.

Ст. 732. *Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ счетѣ чинами.* Монашество, то есть чернцовъ состояніе, которое ангельскимъ чиномъ церковь называетъ. Отъ 686-го стиха по сей есть подражаніе отчасти слѣдующихъ Гораціевыхъ, но съ великою прибавкою (сат. 1, книги 1):

O fortunati mercatores, gravis annis
Miles ait, multo jam fractus membra labore;
Contra mercator, navem jactantibus austris,
Militia est potior. Quid? enim concurritur: horæ
Momento cita mors venit, aut victoria laeta.
Agricolam laudat juris legumque peritus,
Sub galli cantum consultor ubi ostia pulsat. [181]

Ст. 740. *Смотрѣны безъ хари.* Разсуждая объ нихъ, каковы они въ самой природѣ, каковы они кажутся собою, когда ихъ разсматриваемъ безъ пристрастія, которое ихъ, какъ харя [182] красивая, дурное лицо украшаетъ.

Ст. 742. *Царя и съ ордою.* Царя моего—Пана и весь народъ Сатирскій.

Ст. 747. *Въ исправленіе людей.* Смотри стихъ 146-й сей сатиры.

---

181) О счастливые купцы! говоритъ разслабленный годами воинъ, у котораго всѣ члены поломаны отъ долгой службы; а напротивъ того, купецъ, когда вѣтры бросаютъ его корабль, говоритъ, что военная служба лучше. Какъ такъ? Просто: произошла стычка и въ одинъ часъ приходится или быстрая смерть, или радостная побѣда. Человѣкъ опытный въ законахъ и правѣ, когда до пѣтуховъ къ нему въ двери стучится проситель, хвалитъ положеніе земледѣльца.

182) Маска.

САТИРА VI.

(*О истинномъ блаженствѣ*).

Тотъ въ сей жизни лишь блажѐнъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожи́ть, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своѐмъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кòрмъ, и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ съ другимъ я мòгъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдалѐнъ, прочее все время
Провожать межъ мѐртвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещѐй дѣйства и причины,
Учася знать образцòмъ другихъ,[1] чтò полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ.
Богатство, высокій чинъ, что въ очахъ блистаетъ
Люду неискусному, многія пѐчали
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, что достали.[2]
Кто бъ не смѣялся тому, что стежку жестоку
Топчетъ,[3] лѣзя весь въ поту на гору высоку,
Коей вершина̀ остра̀ такъ, что осторожно
Сколь стопы ни утверждàть,[4] съ покоемъ не можно
Устоять, и всякій вѣтръ, что дышетъ, опасный,[5]
Грозитъ бѣдному падѐжъ въ стремнины ужасны;
Любочестный однакъ[6] мужъ на него походитъ.
Рѣдко счастье на своихъ крылахъ кого взводитъ

---

1) По примѣру другихъ.

2) Т. е. богатство и чины приносятъ много печали и тѣмъ, которые добиваются ихъ, и тѣмъ, которые уже имѣютъ.

3) Т. е. который протаптываетъ трудную тропу.

4) Сколь осторожно ни ступать.

5) Т. е. какой бы вѣтеръ ни подулъ, уже опасенъ: онъ срываетъ бѣднаго въ ужасныя стремнины.

6) Однако.

На высоку вдругъ степѐнь, и если бываетъ
Столько ласково къ кому̀, долго въ томъ не знаетъ [7]
Устоять, но въ малый ча̀съ копкомъ его спихнетъ
Однимъ, что стремглавъ летя̀, не одинъ членъ свихнетъ;
А безъ помочи того̀ труды безконечны
Нужны̀ и терпѣ̀ніе, хоть плоды жъ не вѣ̀чны.
Съ пѣтухами пробудя̀сь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на покло̀нъ, въ передняхъ томиться,
Утро все торча въ ногàхъ съ холопы [8] вѣ̀ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни ка̀шлянуть смѣя. По обѣдѣ
Та же жизнь до вѐчера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, къ кому̀ по утру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣ̀мъ гнуть шею и спину,
Что̀ слугѣ въ подарокъ, что̀ понесть господину.
Нужно часто полыга̀ть, небылицу вѣрить
Большу чѣмъ, что скорлупо̀й можно море смѣрить;
Господскую сносить спѣ̀сь, признавать, что родомъ
Моложе Владіміра однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отѐцъ носилъ кафтанъ сѣ̀рой;
Кривую жену его̀ называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалѝть остроту природну;
Не зѣвать, когда онъ са̀мъ несетъ сумасбродну.
Нужно добродѣ̀телемъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не вида̀лъ добра никакого,
И средь зимы провожа̀ть, самъ безъ шапки, въ сани,
Притворяясь, не слыха̀ть за плечьми слухъ брани.
Нужно еще одолѣ̀ть и препятства многи,
Что̀ завистъ кладетъ на вся̀къ часъ тебѣ подъ ноги:
Всѣ жъ тѣ труды наконѐцъ въ надеждѣ оставятъ,
Иль въ удачу тебѣ чѝнъ маленькій доставятъ.
Тогда должность поведѐтъ тебя въ поле вялить,
Увѣчиться, и протѝвъ смерти груди пялить;
Иль, съ пѐромъ въ рукахъ, сносѝть шумъ и смрадъ приказный,
Боясь всегда не проспа̀ть часъ къ дѣламъ указный,
И съ страхомъ всегда крѣпѝть въ суду приговоры,
Чтобъ тебя не довели̇ съ сильнѣйшимъ до ссоры;
Или торчать при дворѣ съ утра до полночи

---

7) Не умѣетъ, не можетъ.
8) Старин. твор. пад. *съ холопами*.

Съ отвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напяливши очи,
Чтобъ съ веревки не скользну́ть; а между тѣмъ свищетъ
Славолюбіе въ ушàхъ, что кто славу ищетъ,
Въ первой степени тому̀ стыдъ остановиться;
Убо повторяя тру̀дъ, лѣтъ съ тридцать нуриться,
Лѣтъ съ тридцать бѣдную жизнь ещѐ продолжати
Станешь, чтобъ къ цѣли твоей весь дряхлъ добѣжати.
Вотъ ужъ достигъ, цàрскую лишь власть надъ собою
Знаешь; человѣческъ ро̀дъ весь ужъ подъ тобою
Какъ червякъ ползетъ, однѝмъ взглядомъ ты наводишь
Мрачну печаль, и однѝмъ—радости свѣтъ вводишь.
Всѣ тебя, какъ бы божкà, кадить и чтить тщатся,
Всѣ больше, чѣмъ чу̀чела вороны, боятся.
Искусство само твой до̀мъ создало пространный,
Гдѣ все, что Италія, Франція и странный
Китайскъ умъ произвелѝ, зрящихъ удивляетъ.
Всякій твой членъ въ зо̀лотѣ и въ камняхъ блистаетъ
Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
Такъ, что лучи отъ тебя̀ глаза снесть не сильны.
Спишь въ золотѣ, зо̀лото на золотѣ всходитъ
Тебѣ на столъ, и холо̀пъ твой въ золотѣ ходитъ,
И самъ Аполлонъ, тебя̀ какъ въ улицѣ видитъ,
Свитѣ твоей и возку̀ твоему завидитъ.
Ужли покоенъ? Никàкъ! Покой отымаетъ
Домъ пышный, и сладкъ сонъ съ глàзъ того убѣгаетъ,
Кто на нѣжной подъ парчо̀й постели ложится.
Сильна тревога въ сердцàхъ богатыхъ таится;
Не столько волну̀ется море, когда съ сама [9]
Дна движетъ воды его̀ зло буря упряма. [10]
Зависть шепчетъ, буде въ слу̀хъ говорить не смѣетъ
Безпрестанно на тебя̀, и хоть одолѣетъ
Десятью [11] досто̀инство твое, погибаешь
Наконецъ, хотя вину̀ самъ свою не знаешь.
Съ властію славы любо̀вь [12] въ тебѣ возрастая,
Крушится, гдѣ твой предѣлъ уставить не зная;
Меньше жъ пользуютъ, чѣмъ пѣснь сладкая глухому,

---

9) Съ самаго.
10) Т. е. когда упрямая буря съ самаго дна его зло движетъ воды.
11) Десять разъ.
12) Любовь къ славѣ.

Чѣмъ нѣга и пàренье подагрой больному.
Вышня честь сокрòвище тому несказанно,
Кого надежда и стрàхъ мучитъ безпрестанно.
Еще, еслибъ наша жѝзнь на два, на три вѣки
Тянулась, не стòлько бы глупы человѣки
Казалися, мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу бòльшія времени часть трудну
Сносся, [13] и довольно днéй поправить имѣя
Себя, когда прèжніе [14] прожили шалѣя.
Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ насилу
Время оглядѣться вкрýгъ, и полѣзть въ могилу,
И столь короткій живòтъ еще ущербляютъ
Младенство, старость, болѣзнь; а дни такъ летаютъ,
Что напрасно будешь ждàть себѣ ихъ возврату.
Что жъ столь тяжкій сносить трýдъ за столь малу плату
Я имѣю? [15] и терять золотое время,
Отставляя изъ дня въ дèнь злонравія сѣмя
Изъ сердца искоренять? и ища степени,
Пышны и сокрòвища, за пустыя тѣни,
Какъ песъ басенный кусòкъ съ зубъ опустилъ мяса?
Добродѣтель лýчшая есть наша украса;
Тишина ума подъ нéй, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трèхъ благъ можетъ лишиться,
Хоть бы крайней гибели и могъ ущититься.
Глупо изъ младèнчества звыкли мы бояться
Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчас; [16] потомý бѣжимъ мы въ другую
Крайность, не зная въ вещàхъ мѣру никакую;
Всяко однако жъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто пройдетъ, кто не доидѣтъ, подобно [17] шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нèроновъ, что тьмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житья, да и тотъ, что чаетъ
Въ бочкѣ имя мудрецà достать, часто голодъ
И мразъ терпя, не умѐнъ: въ шестьдесятъ лѣтъ молодъ,

13) То есть, сноея меньшую трудную часть времени въ пользу большей.
14) Прежніе дни.
15) Я буду.
16) Т. е. они кажутся горче всякаго зла.
17) Одинако.

Еще дитя, подъ начàлъ отдать можно дядьки,
Чтобъ лозою злыя въ нѐмъ исправилъ повадки.
Сильвій, масло продай, не хуже кормился,
И отъ досадъ нищеты̀ не хуже щитился
Малымъ мѣшкомъ, чѣмъ тепѐрь, что̀ всѣ края свѣта
Сквозь огнь, сквозь мразъ пробѣжàвъ, и изнуривъ лѣта
Въ безпокойствѣ слàдкіе; сундуки, палаты
Огромны сокрòвищу его тѣсноваты.
Можно скудость не терпѣть, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу̀ покоенъ сѣдѣя,
Можно славу получѝть, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водѝлъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не сымàлъ, хоть бы ты тàскался
Пѣшкомъ, и одинъ слугà тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожѝть природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лàкомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать не трудно дохòдъ не великъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоѝмъ; и потомъ свободенъ
Желаній и зàвисти тамъ остановился.
Въ степеняхъ блистàющихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ; живѝ тихъ, ища, что честно̀,
Что и тебѣ и другѝмъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправлѐнію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьмѝ жить будетъ конечно.
Да хоть бы невѣдомъ [18] днѝ скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забы̀тъ; [19] силенъ ты былъ стерти
Зубъ зависти; ни трудòвъ твоихъ мзда пропала;
Добрымъ быть, собою мздà есть уже не мала. . .

ПРИМѢЧАНІЯ.

Начало сей сатиры само собою показываетъ ея намѣреніе, которое есть доказать, что тотъ только блаженъ въ сей жизни, кто, малымъ довольствуяся, живетъ въ тишинѣ и добродѣтели слѣдуетъ. Писана сія сатира въ началѣ 1738 года.

Ст. 1. *Въ жизни сей.* Блаженство будущія жизни иное есть, о которомъ въ сатирѣ говорить было бы неприлично.

Ст. 2. *Отъ суетныхъ воленъ мыслей.* Свободенъ, не прилѣпленъ къ попеченію о суетныхъ вещахъ.

---

18) Никому неизвѣстный.

19) Забытый свѣтомъ.

г. 3. *И топчетъ надежну стезю добродѣтели.* Слѣдуетъ, дерся добродѣтели, добрымъ дѣламъ благонравія.
г. 4. *Къ концу неизбѣжну.* Къ смерти, которая есть житія нао конецъ неизбѣжный. Говоритъ Горацій (письмо 16, кн. I):

.. . Mors ultima linea rerum. [20]

г. 5. *Малый свой домъ.* Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ ковъ (книги I^г, сатира 6):

Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus.
Hortus ubi, et tecto vicinus jugis aquæ fons.
Et paulum sylvæ super his foret. [21]

г. 11. *Межъ мертвыми греки и латины.* Межъ книгами древъ грековъ и латинъ. Мѣры нужда не позволила стихотворцу нау включить и новѣйшихъ писателей, которыхъ онъ не меньше ыхъ почитаетъ, признавая, что въ философическихъ и матемаескихъ дѣлахъ отъ сихъ больше научиться можно.
г. 12. *Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.* Прилежа къ икѣ и естественной исторіи, которыя учатъ знать причины и ства вещей. Виргилій счастливымъ почитаетъ того, кто въ томъ іи удачливъ.

Felix, qui potuit rerum cognoscere causas. [22]

т. 28. *Долго въ томъ не знаетъ устоять.* Счастье весьма преъчиво, на томъ же долго стоять не умѣетъ; для того стихотворцы бразуютъ Фортуну стоящу на шарѣ, который твердо установить можно.
т. 31. *А безъ помочи того.* Сирѣчь, безъ помочи счастья.
т. 32. *Плоды не вѣчны.* Плоды трудовъ и терпѣнія.
т. 35. *Торча въ ногахъ.* Чаю, обыкновенно говорятъ: *торча на іхъ*, а не въ ногахъ.
т. 36. *Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя.* Чтобъ господина, которому ты на поклонъ пришелъ, сонъ или покой не помѣшать. съ говоритъ и французскій сатирикъ Ренье въ сатирѣ 4-й, ст. 29, лѣдующихъ:

Faire la cour aux grands, et dans leurs antichambres
Le chapeau dans la main, nous tenir sur nos membres,
Sans oser ni cracher, ni toussir, ni s'asseoir,
Et nous couchant au jour, leur donner le bon soir. [23]

---

0) Смерть послѣдній предѣлъ вещей.
1) Вотъ чего я желаю: кусочикъ поля не слишкомъ большой, гдѣ бы ъ садъ и рядомъ съ домомъ неистощимый источникъ воды, и сверхъ го этого небольшой лѣсокъ.
2) Счастливъ, кто могъ узнать причины вещей.
3) Ухаживать за знатными и въ ихъ передняхъ стоять со шляпою въ ѣ, не смѣя ни плюнуть, ни кашлянуть, ни сѣсть, и ложась на размѣ—привѣтствовать ихъ съ добрымъ вечеромъ.

Ст. 44. *Моложе Владиміра однимъ только годомъ.* То есть, что его родъ моложе Владиміра, россійскаго самодержца, однимъ только годомъ. Владиміръ началъ одинъ царствовать около 982 года по Христѣ (Синопсисъ Русской Исторіи, стр. 54).

Ст. 45. *Какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрой.* Какъ отецъ его былъ столько убогъ и незнатенъ, что ходилъ въ сѣрякѣ. Обыкновенно сѣрымъ кафтаномъ называемъ платье простаго народа.

Ст. 46. *Называть Венерой.* То есть, называть чрезвычайною красавицею. Венера, по баснословію многобожцевъ, была богиня рожденія, похоти и красоты, *мать купида бога любви.* Сказываютъ про нее, что родилася изъ морской пѣны.

Ст. 48. *Не зѣвать.* Не скучать, понеже обыкновенно зѣвается отъ скуки, когда кто сумасброднымъ разговоромъ голову намъ ломитъ.

Ст. 54. *Что зависть тебѣ кладетъ.* Зависть тутъ значитъ завидливыхъ людей, которые обыкновенно ищутъ всякому мѣшать доставать себѣ счастье, облыгая ихъ при тѣхъ, въ коихъ они ищутъ, и стараяся опровергать всѣ ихъ труды.

Ст. 55. *Въ надеждѣ оставятъ.* Одну только тебѣ надежду дадутъ, что впредь трудовъ своихъ плодъ получишь.

Ст. 56. *Въ удачу тебѣ.* То есть, какъ бы за великое счастіе.

Ст. 57 и 58. *Въ полѣ вялиться, увѣчиться и противъ смерти груди пялить.* Таковы суть труды и бѣдства службы военной.

Ст. 59. *Иль съ перомъ въ рукахъ сносить* и проч. Требуетъ того должность судейская.

Ст. тотъ же. *Шумъ и смрадъ приказный.* Кто за дѣлами хаживалъ, знаетъ какой шумъ въ приказахъ и смрадъ живетъ отъ великаго сходбища людей; наипаче то примѣтно въ вотчинномъ.

Ст. 60. *Часъ къ дѣламъ указный.* По Генеральному Регламенту служители приказные должны по утру въ 6 часу быть уже у своего мѣста, а судьи въ 7 часовъ и пѣня уставлена тѣмъ, кои тотъ уставъ не исполняютъ.

Ст. 63. *При дворѣ.* При царскомъ дворѣ, сирѣчь. Въ семъ стихѣ и двухъ слѣдующихъ описана служба придворная.

Ст. 64. *Съ отвѣсомъ въ рукахъ и сплошь напятивши очи.* Какъ тѣ, сирѣчь, что по веревкѣ пляшутъ, которые обыкновенно держутъ для отвѣса шестъ въ рукахъ и глаза не подвигаютъ отъ ногъ и веревки, чтобъ съ нее не скользнуть. Не худо придворные симъ плясальщикамъ веревочнымъ пріуподобляются, понеже будучи тѣ непрестанно въ присутствіи государя, отъ котораго руки жизнь и имѣніе ихъ зависитъ, должны весьма осторожно поступать, охраняя должное почтеніе намѣстнику Божію на землѣ. Кромѣ того, что въ такомъ мѣстѣ больше подлежатъ зависти, которая непрестаетъ искать ихъ гибели.

Ст. 70. *Чтобъ къ цѣли твоей весь дряхлъ добѣжати.* Чтобъ до-

стичь тотъ высокій чинъ, который ты достанешь, когда уже за старостію своею весь дряхлъ будешь.

Ст. 78 и 79. *Все, что Италія, Франція и странный китайскъ умъ произвели.* Всѣ, сирѣчь, лучшіе уборы и дома украшенія. Извѣстно, что мраморныя украшенія и живопись лучшія изъ Италіи выходятъ, что во Франціи лучшіе обои, столы и прочіе домовые приборы дѣлаются и что китайцы въ своемъ странномъ умѣ искусны вымышлять такъ фарфоровыя посуды разныя, какъ и домовыя украшенія.

Ст. 81. *Которы имѣетъ Индія и Перу обильны.* Алмазы, яхонты, жемчуги и прочіе драгоцѣнные каменья, также и золото приходитъ намъ изъ Восточныхъ Индій, то есть изъ Китая и окружныхъ тому мѣстъ, да изъ Перу, провинціи въ Америкѣ, обильныхъ мѣстъ такими вещами.

Ст. 82. *Лучи отъ тебя.* Лучи, сирѣчь, которые отъ тебя выходятъ за камнями драгоцѣнными и златомъ, въ которомъ ты блистаешь.

Ст. 83 и 84. *Золото на золотѣ исходитъ тебѣ на столъ.* На золотыхъ блюдахъ подаютъ тебѣ такое дорогое кушанье, что можно и то золотомъ почесть. Французскіе повары нашли то искусство, чтобъ кушанье такъ дорогое стряпать.

Ст. 84. *Холопъ.* Вмѣсто *холопья.* Часто стихотворцы единственное число вмѣсто множественнаго числа употребляютъ, такъ напримѣръ *воинъ* вмѣсто *войска.*

Ст. 85. *И самъ Аполлонъ.* Аполлонъ, по баснословію древнихъ, богъ наукъ; онъ же и солнцемъ міру свѣтитъ.

Ст. 86. *Свитѣ твоей и возку твоему завидитъ.* Аполлоновъ возъ или колесница, которую тащатъ четыре коня, и въ которой обѣгая все небо міру свѣтитъ, вся блистательна золотомъ и камнями дорогими, а свита его пышна весьма, понеже не только къ ней принадлежатъ музы, но къ тому дни, часы, мѣсяцы, четыре времени года, и время самое; однако говоритъ сатирикъ, завидитъ нашего богача свитѣ и возку, когда онъ съ двора съѣзжаетъ, что богатѣе и пышнѣе своего.

Ст. 87. *Покой отнимаетъ.* Подражаніе слѣдующихъ Сенековыхъ стиховъ:

Aurea rumpunt tecta quietem,
Vigilesque trahit purpura noctes.
O si pateant pectora ditum!
Quantum intus sublimis agit
Fortuna metus! Brutia choro
Pulsante nitior unda est. [24]

---

24) Золотой домъ нарушаетъ покой, и пурпуръ приноситъ съ собой безсонныя ночи. О, если бы открылись груди богачей! Сколько страха возбуждено въ нихъ огромнымъ богатствомъ. Брутійская вода гораздо спокойнѣе ихъ даже и тогда, когда волнуется.

Ст. 93. *Зависть шепчетъ*. Завистливые люди противъ тебя тишкомъ говорятъ, буде вслухъ не смѣютъ, ища твоей погибели.

Ст. 95. *Достоинство твое*. Здѣсь достоинство стоитъ въ именительномъ падежѣ, и значитъ заслуги, свойства свои изрядныя, то что французы называютъ *Merites*.

Ст. 98. *Гдѣ твой предѣлъ уставить не зная*. Не зная, сирѣчь, на чемъ остановить твои желанія, не зная чѣмъ долженъ довольствоваться, но всегда ища большую славу и большее богатство.

Ст. 99. *Меньше жъ пользуетъ, чѣмъ пѣснь сладкая глухому*. Глухой, за болѣзнію орудій уха или за лишеніемъ слуха, не можетъ чувствовать сладость пѣсни. Такъ и тотъ, кто страстьми мучится, не можетъ наслаждаться богатствомъ и славою.

Ст. 100. *Нѣга и пѣренье подагрой больному*. Подагра, сирѣчь болѣзнь въ ногахъ, есть мокрота нѣкая такъ острая и внутренна, что нѣтъ такихъ лекарствъ, которыя бы оную пресѣчь могли. Нуженъ порядокъ и великое воздержаніе въ житіи, чтобъ ее вылѣчить. То жъ можно сказать и о страстяхъ душевныхъ: всѣ внѣшнія лекарства почти безплодны. Сіи два и слѣдующіе два стиха взяты изъ Горацієва 2-го письма, книги I:

Qui cupit aut metuit, juvat illum sic domus, aut res,
Ut lippum pictæ tabulæ, fomenta podagram,
Auriculas citharæ, collecta sorde dolentes.[25]

Ст. 103. *На три вѣки*. *Вѣкъ* тутъ значитъ время ста лѣтъ.

Ст. 108 и 110. *Да лихъ человѣкъ родясь* и проч. Если разсудимъ глупость младенчества, дряхлость старости и болѣзни, которыя намъ въ теченіе жизни случаются, человѣческая жизнь подлинно такъ коротка, что насилу родимся, и уже къ смерти приходимъ. Взяты сіи стихи изъ слѣдующихъ славнаго англійскаго стихотворца Попа въ его: «Опытѣ о человѣкѣ»:

. . . Life can litte more supply
Than just to loor about us, and to die.

Ст. 112. *Младенство* вмѣсто *младенчество*.

Ст. тотъ же. *А дни такъ летаютъ*. Время наше, когда ужъ прошло, назадъ не ворочается, для того нужно оное всячески стараться въ пользу себѣ упореблять.

Ст. 116 и 117. *Отставляя изъ дня въ день*. Сирѣчь, отлагая исправлять житіе свое, оставляя исправлять злые нравы, къ которымъ сердце наше изъ младенчества склонно. Ничего такъ не вредно, какъ оная лѣность въ начинаніи своего исправленія.

Ст. 118 и 119. *За пустыя тѣни какъ песъ басенный*. Въ одной

---

25) Кто страдаетъ любостяжаніемъ или трусостью, тому семейство и свое имѣніе доставляютъ меньше удовольствія, чѣмъ слѣпому — прекрасныя картины, подагрику—припарки, и засореннымъ ушамъ—цитара.

изъ Езоповыхъ басенъ читаемъ, что собака нѣкая, идучи чрезъ мостъ на рѣкѣ съ кускомъ мяса во рту, увидѣла тѣнь того куска въ водѣ, и тотчасъ лакомствомъ побуждена, кинулася ухватить ее, а между тѣмъ прямой кусокъ мяса, изъ зубъ выскользнувъ, съ рѣкою уплылъ. Сему псу не худо уподобляется человѣкъ лакомый чести и богатствъ, который, оные ища, теряетъ случай въ пріобрѣтеніи добродѣтели, истиннаго сирѣчь добра человѣческаго.

Ст. 129. *Всяко однако жъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ.* Во всякомъ дѣлѣ есть своя мѣра; недостатокъ или излишекъ равно хуленъ. Такъ высокомысленный человѣкъ, который славу и степени высокія съ богатствомъ жадно ищетъ, равно грѣшитъ, какъ и тотъ, что за лѣностію своею въ нищетѣ и незнатности таетъ. Отъ стиха 128-го по сей есть подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ въ первой сатирѣ, книги I:

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum. [26]

Ст. 131. *Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ.* Учитель Нероновъ, *Сенека*, который со всею своею философіею къ деньгамъ былъ весьма лакомъ, и по смерти своей оставилъ великія сокровища. Ювеналъ въ сатирѣ X-й называетъ Сенеку пребогатымъ.

. . . Magnos Senecæ prædivitis hortos
Clausit. [27]

Извѣстно, что повелѣніемъ Нероновымъ онъ самъ себѣ смертъ далъ, отворивъ жилы, пока вся кровь истекши, скончался. Смотри объ немъ примѣчаніе подъ стихомъ 110 сатиры I.

Ст. 133. *Въ бочкѣ имя мудреца достать.* О Діогенѣ, киническомъ философѣ, слово идетъ, который, чуждаяся всякаго богатства, хвалился нищетою, и живалъ въ бочкѣ, не имѣя другаго дома.

Ст. 144. *Покоенъ сѣдня. Сѣдня* вмѣсто *старья.*

Ст. 145. *Хоть бы за собою полкъ.* Можно славнымъ учиниться, хоть бы ты не былъ въ такой силѣ, чтобъ за собою всегда водить большую свиту людей, которые приходятъ къ тебѣ на поклонъ.

Ст. 148. *Одинъ слуга.* Одинъ — не два, не три, которыхъ ты не имѣешь.

Ст. 154 и 155. *Именъ.... большихъ.* Большія имена — знатные, многосильные люди.

---

26) Есть мѣра во всемъ; существуютъ же наконецъ опредѣленныя границы, внѣ которыхъ не можетъ существовать истина.

27) Заперъ большіе сады богача Сенеки.

САТИРА VII.[1]

КЪ КНЯЗЮ

НИКИТѢ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ.[2]

(О воспитаніи.)

—

Если бъ я видя когô, что съ рукъ не спускаетъ
Часовникъ, и пятью[3] въ дѐнь въ церковь побываетъ,
Постится, свѣчи кладѐтъ и не спитъ съ женою,
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходить нудитъ, —

---

1) Эта сатира есть подражаніе XIV ювеналовой сатирѣ.

2) Онъ былъ девятью годами старше Кантемира. Въ годъ ништадскаго мира онъ былъ не болѣе какъ деньщикъ Петра I. «Этотъ молодой деньщикъ, писалъ о немъ Бергхольцъ, пользуется расположеніемъ царя; онъ говоритъ понѣмецки и вообще довольно хорошо образованъ». Въ званіи генералъ-кригсъ-комисара, Трубецкой, по словамъ современниковъ, во время славной турецкой войны 1736—1739, успѣлъ показать всю свою неспособность военнаго администратора.... Тѣсная дружба соединяла его съ княземъ А. Д. Кантемиромъ, который посвятилъ ему седьмую свою сатиру. Нашъ Ювеналъ описываетъ друга своего, что «онъ съ нравомъ честнымъ, тихимъ, соединялъ совѣсть чистую». Когда дошла до Кантемира вѣсть въ Парижъ (гдѣ онъ былъ чрезвычайнымъ посломъ), что князь Никита Юрьевичъ пожалованъ генералъ-прокуроромъ, онъ изъяснилъ ему чувства свои въ особомъ посланіи, описалъ въ стихахъ обязанность, на него возложенную, «въ общей пользѣ» совѣтовалъ находить собственную, надѣялся, что Трубецкой, оставивъ богиню войны, украсившую чело его лаврами, прерветъ долговременное молчаніе:

И такъ довольно терпѣлъ я урону.
Косно безъ писемъ мнѣ скучны дни течь мнятся,
Какъ попамъ праздникъ безъ пиру, безъ звону....

«Нечего и говорить, что мнѣніе Кантемира о своемъ другѣ весьма пристрастно. Трубецкой не могъ украсить себя лаврами на бранномъ полѣ, никогда не предводительствуя войсками.... въ званіи генералъ-прокурора,

---

3) Пять разъ.

Если бъ я видя, сказа̀лъ: «Дружокъ, умъ твой, блудитъ; [4]
Тѣмъ путемъ не войдешь въ ра̀й, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай наза̀дъ, чѣмъ худо [5] владѣешь».
Спылавъ, ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
«Напрасно, молокосо̀съ, суешься съ совѣтомъ».
И дѣло онъ говоритъ: еще я тридцатый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ;
Мнѣ ли въ такомъ во̀зрастѣ поправлять довлѣетъ [6]
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберѐчь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ и, какъ сего года,

совѣты Кантемира остались безъ примѣненія. Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что князь Никита Юрьевичъ умѣлъ необыкновенно искусно лестью обманывать государыню (Елизавету), лестью привлекать на свою сторону и ея любимца, Разумовскаго.... Нерасположеніе добродушной Анны Леопольдовны къ умному, честолюбивому, пронырливому, злому и мстительному Трубецкому, такъ отзываются о немъ всѣ современники, послужило ему въ пользу: при дворѣ Елизаветы онъ вошелъ въ силу, пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-поручикомъ».

(1-й годъ царствов. Елиз. Петр. *М. Семевскаго*. «Рус. Слово» 1859, № 6, стр. 239).

Бантышъ-Каменскій дѣлаетъ о Трубецкомъ нѣсколько иной отзывъ: «Исправляя въ арміи должность генералъ-кригсъ-комисара, князь Никита Юрьевичъ оставленъ былъ въ томъ же званіи и въ турецкую войну съ 1736 по 1739 г. Манштейнъ осуждаетъ его въ медленномъ при самомъ началѣ снабженіи транспортовъ необходимою упряжью и въ недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ; но въ тѣхъ же запискахъ при обозрѣніи кампаніи 1736 г. винитъ фельдмаршала, что «онъ поспѣшилъ двумя мѣсяцами открытіемъ военныхъ дѣйствій, повелъ въ отдаленную страну многочисленное войско, надѣясь, что *можетъ быть* онъ получитъ продовольствіе у непріятеля», слѣдовательно не князь Трубецкой, а самъ главнокомандующій дурно распорядился.... Важныя должности, исправляемыя княземъ Никитою Юрьевичемъ въ теченіе многихъ лѣтъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, свидѣтельствуютъ о знаніи его и способностяхъ; покровительство, оказанное имъ многимъ достойнымъ чиновникамъ, въ томъ числѣ князю Якову Петровичу Шаховскому, служитъ доказательствомъ, что онъ умѣлъ цѣнить и различать людей, а тѣсная дружба его съ нашимъ Ювеналомъ, который посвятилъ ему седьмую свою сатиру, являетъ любовь его къ просвѣщенію, утонченный вкусъ, тѣмъ болѣе дѣлающій честь князю Трубецкому, что онъ и среди государственныхъ занятій находилъ время бесѣдовать съ музами....» (Словарь достопам. люд., час. V.)

4) Заблуждается.

5) Неправедно.

6) Слѣдуетъ можно.

Дѣла Чигиринскаго сказують похода?
Напрасно охрипъ бы я, доводя доводомъ,
Что умъ въ людяхъ не ростѐтъ мѣсяцомъ и годомъ;
Что хотя искусъ [7] даѐтъ разуму подпору,
И искусъ можно достàть лише въ поздню пору,
Однакъ какъ время тогò, кто не примѣчаетъ
Причины дѣлъ, учинйть искуснымъ не знаетъ,
Такъ прилежность сильна дàть искусъ въ малы лѣта.
Презрѣны слова мой будутъ безъ отвѣта,
И свѣтъ почти весь упрямъ всегда вѣрить станетъ,
Что старикъ трехъ молодыхъ разумомъ потянетъ.
Не одно то мнѣніе здравому разгласно
Видимъ смыслу втвѐржено; встрѣчаемъ чточасно
Подобны и злѣйшія. Одни тѣхъ держаться
Любятъ, что полезны имъ и законны зрятся; [8]
Обманъ тѣ свой чувствовать грубый не умѣютъ:
Другіе, и зная врѐдъ, бороться не смѣютъ
Съ упрямою вòлею, котора ихъ нудитъ
Предъизбрать то, что имъ смыслъ здравый вредно судитъ. [9]
Буде причину тогò спросишь у народа,
Скажетъ, что съ зачàтія нашего природа
Слабу душу намъ далà, и къ обману склонну,
И подчиненну страстямъ, и что ту законну
Надъ нами природы влàсть одолѣть не можно.
Испыталъ ли истину онъ въ томъ осторожно?
Не знаю, Никита, другъ! то одно я знаю,
Что если я дòбрую, лѣнивъ, запускаю
Землю свою—обростѐтъ худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчàную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ съ нея трудокъ мой достанетъ.
Каково бъ съ природы рукъ сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ коемъ злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвѐрдиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть пѐрвыя младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глàзъ новый житель свѣта

7) Опытъ.
8) Т. е. которые кажутся имъ полезными и законными.
9) Т. е. что здравый смыслъ считаетъ вреднымъ.

Пялитъ; всяка вещь ему̀ примѣтна, все ново
Будучи, все съ жа̀дностью сердце въ немъ готово
Принять: что туды вскользнѐтъ, скоро вкоренится,
Буде руки приложѝть повадка потщится; [10]
На веревкѣ сѝлою повадки танцуемъ.
Большу часть всего того̀, что̀ въ насъ, приписуемъ
Природѣ, если хотѝмъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспита̀нія одного быть дѣло,
И зна̀лъ то, вышшимъ умо̀мъ Монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, ни какѝмъ трудомъ утомленный,
Когда труды Его на̀мъ въ пользу были нужны.
Училища основа̀лъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей имѣлъ бы наставить
Младенцевъ, [11] осмѣлился и престолъ оставить
И покой; самъ стра̀нствовалъ, чтобъ подать собою
Примѣръ въ чужихъ брать кра̀яхъ то, что надъ Москвою
Сыскать не льзя: слѝчные [12] человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ тру̀дъ корень нашей славы:
Мужи вышли го̀дные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ па̀мятны нашимъ отдаленнымъ.
Но скоро полѐзныя презрѣнны бываютъ
Дѣла, кои ла̀комымъ чувствамъ не ласкаютъ.
Кучу къ кучѣ накопля̀ть, домъ построить пышной,
Развесть садъ, завесть заво̀дъ, расчистить лѣсъ липшной,
Дѣтямъ ужъ богатое оставить наслѣдство
Печемся, потѣемъ въ то̀мъ: каково ихъ дѣтство
Проходитъ—рѣдко на у̀мъ двумъ или тремъ всходитъ;
И у кого не одна̀ въ бездѣлкахъ исходитъ
Тысяча, малѣйшаго расхода жалѣетъ
Къ наставленію дѣтѐй; когда же шалѣетъ
Сынъ, въ возрастъ пришедъ, отѐцъ тужитъ и стыдится.
Напрасно вину свалѝть съ плечъ своихъ онъ тщится:
Богатства сыну копилъ, презрѣлъ въ сердцѣ нравы
Добры всадить. Богатъ сынъ будетъ, но безъ славы
Проживетъ, мало любѝмъ, и свѣту презрѣнный,
Буде въ петлю не вбѣжѝтъ плутъ ужъ совершенный.

---

10) Т. е. если привычка постарается приложить руки.

11) Т. е. гдѣ услужливая забота могла бы наставить младенцевъ на путь добродѣтели.

12) Отличные.

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенчее зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки. [13]
Судъ трудный мудро рѣшить, исчислить приходы
Пространна царства, и имъ соравнить расходы
Однимъ почти почеркомъ; въ безднахъ водъ надежный
Предъизбирать всегда путь; любитель прилежный
Небесъ числить всякаго удобно свѣтила
Путь и бѣглость, и того сколь велика сила
Надъ другимъ, въ твари всему знать исту причину,
Мудрымъ зваться дастъ тебѣ и, можетъ быть, къ чину
Вышшему отворитъ входъ; народъ будетъ цѣлый
Искуснымъ вождемъ тя звать, зря царства предѣлы
Тобою расширены, и вражіи рати
И городы стерты въ прахъ. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде непріятенъ
Къ тебѣ доступъ, и тебѣ плачъ бѣдныхъ не внятенъ,
Ежели волю твою не правитъ смыслъ правый,
Ежли развратны, однимъ словомъ, твои нравы,
Дивиться станетъ тебѣ, но любить не станетъ,
Хвалы нужда изъ его устъ твои потянетъ.
Пользу свою лишь въ тебѣ искать онъ потщится,
Гнушаясь тебя, и той готовъ отщетиться,
Только бъ тебя свалить съ плечъ. Слава увядаетъ
Твоя въ малъ часъ; позабытъ человѣкъ бываетъ,
Скоро ненавидимый, и мало жалѣетъ
Кто объ немъ, когда ему черный день наспѣетъ.
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть счастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.
Добродѣтель потому надъ всѣмъ неотмѣнно
Нужно младенцамъ внушать, пока совершенно
Вкоренится; притомъ умъ изощрять въ пристойныхъ
Имъ и другихъ знаніяхъ. Такъ въ дѣтяхъ, достойныхъ
Къ всѣмъ чинамъ, отечеству дашь даръ многоцѣнный.

13) Къ тому концу (къ той цѣли) всѣ науки и искусства должны идти согласно.

Если бъ предписанъ былъ съ двухъ выборъ неотмѣнный,
Съ чистою совѣстью умъ избралъ бы я простый,
И оставилъ бы я съ злымъ сердцемъ разумъ острый.
Ввѣрилъ бы я все добро тому, кто съ чужого
Стыдится жирѣть добра, хотя онъ не много
Счету знаетъ, и рубить числа долженъ въ палку;
А грошъ не далъ бы берёчь другому, что въ свалку
Глотаетъ одну свернувъ домъ, и лѣсъ и пашни, [14]
Хоть числитъ онъ лучше всей Сухаревской башни.
  Безперечь дѣтямъ твердя строгіе уставы,
Наскучишь; истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить, лишно спѣша дѣло; [15]
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ спѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Чѣмъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость и безврѐменно торопѣть повадитъ.
Счастливъ, кто надѐждою похвалъ взбудить знаетъ [16]
Младенца; много къ тому примѣръ способляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скоряе. [17]
  Примѣръ наставленія всякаго сильняе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята, лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, не совѣтъ: того не имѣютъ,
Сего не льзя имъ подать; подражать умѣютъ. [18]

---

14) Т. е. проигрываетъ домъ, лѣсъ и пр.

15) Т. е. если станешь ихъ торопить, спѣша лишнимъ дѣломъ.

16) Умѣетъ возбудить.

17) Т. е. глаза относятъ вѣсть къ сердцу скорѣе уха.

18) У Ювенала: «Аистъ кормитъ птенцовъ своихъ змѣями и ящерицами, собранными вдали отъ торныхъ дорогъ; лишь только птенцы оперятся, они будутъ искать тѣхъ же пресмыкающихся. Коршунъ приноситъ своимъ куски, вырванные изъ падали лошадиной и собачьей, или изъ труповъ, повѣшенныхъ на висѣлицѣ: пусть подростетъ кровожадное племя, пусть совьетъ себѣ гнѣзда на деревѣ—оно съ такою же жадностію станетъ кидаться на ту же пищу. Но орелъ Юпитера, но благороднѣйшія птицы устремляются въ лѣсахъ за козами и зайцами, и кладутъ эту добычу въ свои гнѣзда:. когда орленокъ прійдетъ въ силу, то, при первомъ чувствѣ голода, низринется на добычу, кровь которой сосалъ онъ при выходѣ изъ яйца». (Галах. «Отеч. Зап.» 1848. XI).

Съ двухъ братьевъ, кои росли подъ тѣми жъ глазами,
И коихъ тотъ же крушилъ учитель лозами,
Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
Топчетъ; ни надежда свѐсть съ нея, ни страхъ ногу
Его не могли, въ своѐй должности онъ вѣренъ
И прилеженъ, ласковъ, тихъ и въ словахъ умѣренъ,
Въ бѣдности смотрѣть когò сухими глазами
Не можетъ, сердцемъ даѐтъ, что даетъ руками.
Другой гордостью надутъ, яростенъ, безщаденъ,
Готовъ и отца предàть, къ большимъ мѣшкамъ жаденъ,
Казну крадетъ цàрскую, и тѣмъ сломя шею,
Весь ужъ сѣдъ въ петлю бѣжитъ, въ казнь должну злодѣю.
Въ томъ, по счастью, дòбрые примѣры скрѣпили
Совѣтъ; въ семъ примѣры злы оный истребили.[19]
Если бъ я сынòвнюю имѣлъ унять скупость,[20]
Описавъ злонрàвія, и гнусность, и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ
Надъ кучей золота; сухъ, печаленъ и блѣденъ
Безперечь мучитъ себя. Мнишь ли ты счастливу
Жизнь въ обильствѣ такову? Если бъ чрезчуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ, пальцемъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеàрхъ, и всю разсказалъ бы
Потòмъ жизнь Клеàрхову, чрезъ мѣру прохладну.
Если бъ къ подлой пòхоти видѣлъ склонность жадну,
Привелъ бы его смотрѣть Мелита въ постели,
И гнусны чирьи, что вѐсь носъ его объѣли.
Кормилицу, дядьку, слугъ, бесѣду, сколь можно
Лучшую бы сыну я избралъ осторожно.
Не одни тѣ ростятъ нàсъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторòнъ находитъ посредство
Подскользнуться въ сердце нрàвъ: все, что окружаетъ
Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.
Такъ не довольно однò изрядное сѣмя
Дать изрядный цвѣтъ иль плòдъ: нужно къ тому время
Умѣренно и краснò, безъ мразу, безъ зною,
Безъ вихревъ; нужна земля жирна, и водою
Нужно въ пору поливàть, и тихо и въ мѣру;

---

19) Т. е. въ первомъ добрые примѣры подтвердили наставленіе, а во второмъ дурные примѣры истребили его.

20) Т. е. если бъ мнѣ предстояло уничтожить въ сынѣ скупость.

Сѣмя безъ всего того̀ прельститъ твою вѣру.
Филинъ выросъ пьяница? пьяница былъ сродникъ,
Кой вскормилъ. Миртилъ блядунъ? дядька его сводникъ.
У Савки вѣкъ на губа̀хъ правда не садится,
И вретъ, что на умъ взойдѐтъ, что въ ночь ни приснится?
Лгуньи бабушки его̀ помнимъ безконечны
Басни, коими надоѣлъ языкъ скоротечный.
Силвія круглую гру̀дь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ вся̀кому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румя̀нится, мушекъ съ двадцать носитъ; [21]
Силвія легко даѐтъ, что кто ни попроситъ,
Бояся доса̀днаго въ отказѣ отвѣта?
Такова и ма̀тушка была въ ея лѣта.
Обычно цвѣтъ чистоты̀ первый увядаетъ
Отрока въ объя̀тіяхъ рабыни; и знаетъ,
Унесши младенецъ что̀, небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцо̀мъ,—наставленъ слугою.
Слуги язва суть дѣтѐй. Родителей — злѣе
Всѣхъ примѣръ. [22] Часто дѣтѝ были бы честнѣе,
Если бъ и мать и отѐцъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и язы̀къ свой въ уздѣ держали.
Правдой и непра̀вдою куча мнѣ копится
Денегъ, и нужусь всю жизнь въ высоку добиться,
Степень; полвѣка во снѣ̀, въ пирахъ провождаю;
Въ сластяхъ всякихъ по̀ уши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я̀ зову лишь обильныхъ,
И сотью [23] то въ часъ твержу̀; завидую сильныхъ
Своевольству я людѐй, и дружбу ихъ тщуся
Всячески достать себѣ̀, убогимъ смѣюся:
А однакожъ трѐбую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ бы̀лъ и собою воленъ
Зналъ обуздать по̀хоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣ̀мъ [24] подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои̇ вотще пишутъ вилы.
Домашній, пока̀занный, часто примѣръ силы
Будетъ важной, и иттѝ станетъ сынъ тропою,

---

21) Тогдашняя мода носить на щекѣ мушки.
22) Т. е. примѣръ родителей злѣе всѣхъ.
23) Сто разъ.
24) Благонравнымъ.

Котору прото̀птану видитъ предъ собою.
И съ какимъ лицомъ журѝть сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставля̀ть его не умѣешь
Примѣромъ? когда въ тебѣ видитъ то всечасно,
Что винишь, и ищетъ о̀нъ, что хвалишь, напрасно? [25]
Если молодому ма̀ть раку обличаетъ
Кривой ходъ: «Прямо сама̀ пойди», отвѣчаетъ,
«Я за тобой поплыву̀, и подражать стану».
Не льзя ль добрымъ быть? будь зо̀лъ, своимъ не къ изъяну;
Изряднѣе вся̀каго убѣгать порока
Не льзя ль? укрой лишняго отъ младенча ока.
Гостя когда ждешь къ себѣ̀, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо̀, другой подметаетъ
И убираетъ весь до̀мъ, третій третъ посуду,
Ты самъ надъ всѣмъ настоишь, обѣжишь повсюду,
Кричишь, безпоко̀ишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій со̀ръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу ничистоту̀; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ гла̀зъ; ему не стыдишься
Открыть твою срамоту̀. Гостя ближе дѣти,
Большу бѐрежь ты для нѝхъ долженъ бы имѣти.
Не одинъ острый судья̀, знаю, зубы скалить
Злобно улыба̀яся станетъ, и бровь пялить,
И качая голово̀й примолвитъ поважно:
Смотри, нашъ молокосо̀съ какія отважно
Сказки намъ разска̀зуетъ, и времени цѣну
Не зная, скучаетъ на̀мъ, лѣпя горохъ въ стѣну.
Не знамо съ чего зача̀въ, нравовъ ужъ толкуетъ
Вину, воспита̀нію склонность приписуетъ
Нашу, уча, какъ ростѝть дѣтей; однимъ словомъ,
Продерзость та родила̀сь въ мозгу нездоровомъ. [26]

25) Т. е. ищетъ въ тебѣ напрасно то, что ты хвалишь.

26) Хотя всѣ эти мысли о воспитаніи заимствованы у Ювенала, но онѣ были совершенно новы для русскаго общества, которому нужно было писать правила, подобныя тѣмъ, какія встрѣчаются въ книгѣ: «Юности честное зерцало», изданной въ 1719 г. Въ теченіе 25 лѣтъ она выдержала четыре изданія, значитъ была въ ходу и уважалась. Дѣлаемъ изъ нея небольшія выписки: «Въ первыхъ наипаче всего должны дѣти отца матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не

Никита, другъ! можетъ быть, слово то разсудно
Явится тѣмъ, кои, жизнь чая время скудно,
Лучше любятъ осудить вдругъ, что ихъ не сходно

вздѣвать, и возлѣ ихъ не садится, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ не съ ними врядъ, но не много уступя позади оныхъ къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга.

«Не прилично имъ руками, или ногами, по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсти. А вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти, и по блюду не чертить, не колоть, и не стучать, но должно тихо, и смирно, прямо, а не избоченясь сидѣть.

«Когда родители, или кто другіи ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣчать тотъ часъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: что изволите, государь батюшко, иля государыня матушка, или что мнѣ прикажете государь; а не такъ: что, чего, што, какъ ты говоришь, чего хочешь. И не дерзостно отвѣщать: Да, такъ, и ниже вдругъ наотказъ молвить, нѣтъ; но сказать: такъ мой государь, слышу государь, я выразумѣлъ государь, учиню такъ, какъ вы государь приказали. А не смѣхомъ дѣлать якобы ихъ презирая, и не слушая ихъ повелѣнія и словъ. Но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать, и прежняго паки вдругорядь не спрашивать.

«Ежели случится дѣло и рѣчь печальная, то надлежитъ при такихъ быть печальну, и имѣть сожалѣніе, въ радостномъ случаѣ быть радостну, и являться веселу съ веселыми.

«Когда прилучится тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу:

«Въ первыхъ обрѣжь свои ногти, да не явится, якобы оныя бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо, и не хватай первой въ блюдо, не жри какъ свинія, и не дуй въ ушное (уху), чтобъ вездѣ брызгало, не сопи егда яси. Первой не пій, будь воздерженъ, и бѣгай піянства, пій и яждь сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложатъ, то возми часть изъ того, протчее отдай другому, и возблагодари ему. Руки твои да не лежатъ долго на талеркѣ, ногами вездѣ не мотай; когда тебѣ пить, не утирай губъ рукою, но полотенцомъ, и не пій пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовѣ, и не грызи костей, но обрѣжъ ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь, хлѣба приложа къ грудямъ не рѣжь, ѣшь что передъ тобою лежитъ, а индѣ не хватай. Ежели передъ кого положить хощешь, не примай перстами какъ нѣкоторые народы нынѣ обыкли; надъ ѣствою не чавкай какъ свинія, и головы не чеши; не проглотя куска не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне; часто чихать, сморкать, и кашлять не пригожо. Когда яси яица, отрѣжь на предь хлѣба, и смотри чтобъ притомъ невытекло, и яждь скоро, яишной скорлупы не разбивай, и пока яси яицо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти, и не облизывай перстовъ, около своей талерки не дѣлай забора изъ костей, корокъ, хлѣба и протчаго. Когда перестанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лице, и выполощи ротъ.»

Мысли, нежли выслушать доводы свободно.
Тѣхъ я людей увѣрять ни ищу, ни годенъ,
Да всякъ открывать своѐ мнѣніе свободенъ,
Если вредно никому̀, и законовъ сила
Чтительна нужду молча̀ть въ томъ не наложила.
Пусть не чтетъ, кто мои мнѝтъ мнѣнія неправы;
Съ досугу стишки пишу̀ для твоей забавы.
Ты лишь меня извинѝ, что одно я дѣло
Начавъ, рѣчью отскочѝлъ на другое смѣло.
Порядокъ скученъ вездѣ̀, и немножко труденъ:
Блистаетъ въ сумя̀тицѣ умокъ въ чину скуденъ,
И если бъ намъ трѐбовать, чтобъ дѣло за дѣломъ
Разсуждать, и не конча̀въ одно, въ недозрѣломъ
Разговорѣ не вверну̀ть не кстати другое,
Въ цѣлой толпѣ говорѝть чуть станутъ ли двое.... [27]

ПРИМѢЧАНІЯ.

Часто мы примѣчаемъ, что люди злыхъ своихъ дѣлъ причину сваливаютъ на слабость тѣла, на дряхлость ума, приписуя такимъ образомъ шалость свою несовершенству природы. Стихотворецъ нашъ старается сею сатирою опровергать такое вредное мнѣніе, и напротиву доказать, что мы правильнѣе должны приписывать страсти свои воспитанію, котораго потомъ нѣкія правила предписываетъ.

Не должно въ семъ твореніи искать подробнаго изслѣдованія и сильныхъ доводовъ такъ важнаго дѣла. Мало бы на то цѣлой книги, не только стишковъ съ триста, которые въ забаву писаны, во время его посольства при французскомъ дворѣ 1739 года.

Начинаетъ онъ сатиру, осмѣвая неправое мнѣніе людей, которые, одной старости, какъ бы законное преимущество, разумъ приписуютъ: почитая, что здравое разсужденіе несовмѣстительно возрасту молодыхъ людей, а потомъ изъяснивъ, какимъ образомъ такія неосновательныя мнѣнія въ людяхъ вкореняются, сводитъ слово къ своему намѣренію, показывая, что повадка тому начало, что повадки, которыя въ дѣтствѣ получаемъ, почти всегда въ гробъ сносимъ; и

---

27) Кромѣ заимствованія многихъ мыслей о воспитаніи у Ювенала, не льзя не замѣтить и вліянія Локка на понятія Кантемира объ этомъ предметѣ; съ сочиненіями знаменитаго англійскаго философа онъ не могъ не быть знакомъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Сочиненіе Локка *О воспитаніи дѣтей* въ первый разъ переведено на русскій языкъ Поповскимъ и напечатано въ 1759 году.

что слѣдовательно главная причина злыхъ и добрыхъ нашихъ дѣлъ—воспитаніе.

Ст. 1. *Если бъ я видя кого* и проч. Легко усмотритъ читатель, что здѣсь слово идетъ о человѣкѣ суевѣрномъ, который въ наружныхъ поступкахъ и въ однихъ обрядахъ являетъ себя богобоязливымъ, а въ самомъ дѣлѣ главную должность человѣка-христіанина, сирѣчь любовь къ ближнему, пренебрегаетъ.

Ст. 2. *Часовникъ*. Извѣстная молебная книга. См. примѣч. подъ ст. 173, сат. I.

Ст. 3. *Свѣчи кладетъ*. Предъ иконами, сирѣчь.

Ст. тотъ же. *Не спитъ съ женою*. Знаю я такихъ людей, которые отъ возлежанія съ женою воздерживаются, забывъ, что бракъ есть таинство, и что потому исполненіе брачной должности Богу противно быть не можетъ.

Ст. 7. *Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай*. Молитвы, постъ, радѣтельство въ украшеніи храма божественнаго подлинно служатъ къ нашему спасенію, да тѣ одни способы не довольны, если лишаемся любви къ ближнему, наипаче если обижаемъ ближняго, тѣмъ путемъ не войдемъ въ рай. С. П. подтверждаетъ сатирика нашего слова въ многихъ мѣстахъ, которыя съ почтенія здѣсь включить оставляю.

Ст. 11 и 12. *Еще тридцатый не видѣлъ возвратъ зимы*. Еще не исполнилось мнѣ тридцать лѣтъ. Стихотворецъ нашъ родился 10 сентября 1709 года.

Ст. 17. *Моръ въ Москвѣ*. Случился онъ въ ..... году.

Ст. 18. *Дѣла Чигиринскаго похода*. Чигиринъ, городъ столичный запорожскихъ казаковъ, осажденъ турецкимъ и отъ осады свобожденъ россійскимъ войскомъ подъ руководствомъ кн. Ромодановскаго въ 1676 году. (Исторія Азовская, стр. 126). Сіи два приключенія, сирѣчь моръ въ Москвѣ и Чигиринскій походъ, стихотворецъ напоминаетъ, какъ дѣла, кои показываютъ старость человѣка, о которомъ здѣсь слово идетъ.

Ст. 20. *Умъ въ людяхъ не ростетъ мѣсяцомъ и годомъ*. Подлинно, умъ въ насъ не ростетъ по лѣтамъ, но по прилежанію нашему. Напротиву, часто видимъ, что человѣкъ, который въ младенчествѣ казался остраго ума, въ возрастъ пришедъ, становится тупъ, безсмысленъ и почти бездушный болванъ, и то — за недостаткомъ прилежности.

Ст. 21. *Искусъ даетъ разуму подпору*. Чрезъ искусъ только мы получаемъ знаніе; искусомъ научаемся, о вещахъ и оныхъ слѣдствіяхъ разсуждая, избирать добрыя, и отбѣгать злыя, въ чемъ одномъ состоитъ разумъ. Горацій, письмо 1-е книга 2:

Nimirum sapere est abjectis utile nugis,
— Veræ numerosque modosque ediscere vitæ. [28]

---

28) Быть мудрымъ значитъ умѣть извлечь полезное изъ окружающихъ его мелочей и изучать мѣру и образъ истинной жизни.

Ст. 22. *Въ позднюю пору*. То есть, въ старости, которая есть поздняя пора нашей жизни. Для стяжанія искуса многократное повтореніе случаевъ и оныхъ примѣчаніе нужно, чего не льзя учинить развѣ со многимъ временемъ, или со многимъ прилежаніемъ.

Ст. 23 и 24. *Какъ время того, кто не примѣчаетъ*. Сроднымъ порядкомъ слова такъ бы лежать должны: *какъ время не знаетъ* (то есть, *не можетъ*) *учинить искуснымъ того, кто не примѣчаетъ причины дѣлъ*. Голое видѣніе разныхъ случаевъ не можетъ насъ искусными учинить; нужно примѣчать, что имъ поводъ и причину подало, чтобъ можно было основательно разсуждать о ихъ состояніи и о ихъ слѣдствіяхъ.

Ст. 29. *Не одно то мнѣніе здравому разгласно* и проч. Представя образецъ неправаго мнѣнія, сатирикъ начинаетъ изслѣдовать, отъ чего подобныя мнѣнія происходятъ; и потомъ показываетъ, что отъ большей части худая повадка причина онымъ, а не природы совершенство. Одни держатся добровольно вредныхъ мнѣній, для того, что кажутся имъ или полезны, или приличны, и слѣдовательно нужны; другіе не могутъ преодолѣть свою волю, которая принуждаетъ ихъ держаться тѣхъ мнѣній, хотя употребленіемъ смысла и здраваго совѣта оныхъ вредъ и неосновательство разумѣютъ.

Ст. 37. *Буде причину того спросишь у народа*. Ежели спросишь у народа, для чего здравый смыслъ не можетъ волю преодолѣть. Рѣчь *народъ* тутъ значитъ то, что латинское *vulgus*, сирѣчь *простой народъ*, *чернь*, *невѣжей*.

Ст. 43. *Никита, другъ*. Писана сатира сія къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, пріятелю нашего стихотворца, который и самъ не худые стихи составлялъ.

Ст. 44. *Что если я добрую*. Изрядную землю запуская, обростетъ худою травою, песчаная трудами становится жирна и плодоносна; такъ и сердце человѣка можно исправить или повредить, каково будетъ воспитаніе.

Ст. 53. *Первыя младенчества лѣта*. Когда младенецъ чуть изъ утробы матери вышелъ, нужно съ самаго того времени начинать воспитаніе, инако дитя, уже въ одну или другую дорогу направленъ бывши, своротить его трудно.

Ст. 54. *Чутко ухо*. Причины, для которыхъ повадки, въ младенчествѣ принятыя, отнять или трудно весьма, или невозможно, суть: 1) состояніе нашихъ чувствъ, которыя въ томъ возрастѣ легче принимаютъ въ себя изображенія предлежащихъ; 2) жадность къ новизнѣ.

Ст. тотъ же. *Новый житель свѣта*. Сирѣчь младенецъ.

Ст. 64. *Петръ, отецъ нашъ*. Императоръ Пѣтръ Великій, названный до достоинству Отцемъ Отечества.

Ст. 69. *Самъ странствовалъ*. Императоръ Пѣтръ Великій дважды ѣздилъ въ чужіе края, въ 1700-мъ и въ 1715-мъ году, и въ тѣхъ

самыхъ поѣздкахъ не только самъ себя въ знаніяхъ потребныхъ государю наставлялъ, любопытно изслѣдуя все, что хвальное у другихъ народовъ примѣчалъ, но съ собою въ отечество вывезъ искусныхъ людей во всякихъ наукахъ и ремеслахъ, и къ тому многихъ дворянъ съ собою возилъ, и посылалъ на своихъ иждивеніяхъ въ разные европейскіе городы для обученія.

Ст. 70. *То что надъ Москвою сыскать нельзя*. Надъ Москвою, сирѣчь *въ Москвѣ*, гдѣ столичный городъ все государство значитъ, *сыскать нельзя*. Прибавить должно: *было*, понеже послѣ принятыхъ императоромъ Петромъ Великимъ трудовъ, уже въ Россіи сыскать можно все то, что онъ искалъ въ чужихъ краяхъ.

Ст. 74. *Внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ*. Отъ трудовъ Императора Великаго, которые были корень или начало нынѣшней россійской славы, и отъ странствованія дворянъ въ чужихъ краяхъ для принятія приличнаго воспитанія, произошли у насъ люди славные въ дѣлахъ мирныхъ и военныхъ,—люди, которые въ будущихъ вѣкахъ будутъ памятны нашимъ потомкамъ. *Внуки* вмѣсто *потомковъ*.

Ст. 91. *Главно-воспитанія*. Сатирикъ показавъ, сколь воспитаніе полезно, начинаетъ нѣкія краткія правила того предписывать. Главное дѣло воспитанія суть нравы, и о томъ вначалѣ трудиться должно, чтобъ младенца пріобучить къ добродѣтели; другія знанія и науки за тѣмъ слѣдовать и всѣ къ тому концу клониться имѣютъ.

Ст. 97. *Судъ трудный мудро рѣшить* и проч. Всѣ знанія, всѣ науки и искусства должно подавать младенцамъ въ томъ намѣреніи, чтобъ разными способами, какъ-бы по степенямъ, взводить ихъ къ благонравію, для того что благонравіемъ только могутъ учиниться полезными отечеству и людямъ любезны и желательны. Знаніе правъ правительства гражданскаго, искусное учрежденіе расходовъ и доходовъ государственныхъ, мореплаваніе, астрономія, естествословіе и прочія искусства доставятъ человѣку имя мудраго человѣка и, можетъ быть, подадутъ способъ достать себѣ какое высшее достоинство; но буде лишается добродѣтели, буде онъ яростенъ, гордъ, жестокосердъ и проч., люди его любить не станутъ.

Ст. 101. *Числить всякаго удобно*. Астрономія учитъ числить путь, который совершаютъ свѣтила небесныя, и съ какою бѣглостію они идутъ.

Ст. 102. *Сколь велика сила надъ другимъ*. Ньютонъ, философъ аглинскій, показалъ, что всѣ тѣлеса въ твари взаимно себя по нѣкаимъ правиламъ привлекаютъ. Ту силу тѣлесъ называетъ *аттракціею* и объ ней-то здѣсь слово идетъ.

Ст. 114. *Хвалы нужда изъ его устъ*. Станетъ тебя хвалить не добровольно, но по нуждѣ, сирѣчь или для того, что тебя боится, или для того, что тебѣ льститъ, чтобъ тобою пользоваться.

Ст. 115. *Гнушаясь тебя*. Пользоваться станетъ твоимъ искус-

ским, но въ сердцѣ своемъ станетъ гнушаться тебя, какъ злонравнаго.

Ст. тотъ же. *И той готовъ отшетиться.* Но и пользу свою презритъ, если, наскучивъ твоими злонравіями, сыщетъ способы тебя съ плечъ свалить, т. е. избыть тебя.

Ст. 117. *Слава увядаетъ.* Сколь человѣкъ ни искусенъ и ни украшенъ различными знаніями, больше еще скажу, сколь онъ ни принесъ пользы народу, если онъ не умѣлъ заслужить себѣ его любовь добронравіемъ, не долго будетъ стоять его слава. Забудутъ его люди, какъ скоро съ глазъ ихъ сойдетъ.

Ст. 121. *Добродѣтель лишь одна.* Не только добродѣтелію способны мы доставать себѣ любовь людей, что въ житіи должно быть всякаго человѣка главное намѣреніе; но, къ тому, она одна сильна дать намъ совѣсть покойную, умѣренность въ желаніяхъ, постоянство и терпѣніе во всякомъ счастья состояніи и смѣлость ждать нетрепетно смерть; дары весьма драгоцѣнныя и которыхъ злонравный лишиться долженъ.

Ст. 123. *Счастья грудь и спину.* То есть, доброе и худое счастіе. Когда къ намъ счастіе ласково, оно къ намъ смотритъ; когда отъ насъ уходитъ, спину намъ показываетъ.

Ст. 130. *Если бъ предписанъ былъ съ двухъ.* Конечно, должно всего прежде обучать младенцевъ быть добронравными, для того, что ежели бъ кто изъ двухъ, добронравнаго сирѣчь человѣка, но простяка, но невѣжу въ другихъ знаніяхъ свѣтскихъ, и плута искуснаго и всему потребному обученнаго, имѣлъ одного выбрать въ какой чинъ, къ какому дѣлу: полезнѣе народу и правильнѣе поступитъ, избравъ честнаго простяка, чѣмъ искуснаго плута.

Ст. 135. *Рубить числа долженъ въ палку.* Такъ безграмотные люди зарубливаютъ на палочку числа: единицы — простою чертою, десятицы—крестиками.

Ст. 138. *Лучше всей Сухаревской башни.* Въ Сухаревской башнѣ на Москвѣ содержится училище, гдѣ дѣти обучаются началамъ ариѳметики, геометріи и другихъ частей математики.

Ст. 139. *Безъ перечь дѣтямъ тверда.* Насажденіе добродѣтели есть главнѣйшее дѣло воспитанія. Слѣдуютъ правила, по которымъ то намѣреніе въ дѣйство производить долженъ: 1) не должно чрезмѣрно утруждать дѣтей, но наставлять ихъ исподоволь, и больше ласкою, чѣмъ строго; понеже безпрестаннымъ наставленіемъ умъ младенцевъ отягченъ становится лѣнивъ; а строгость вводитъ въ нихъ ненависть къ обученію. 2) Не должно ихъ обличать предъ людьми, для того что такимъ образомъ притупишь въ нихъ любовь славы, любовь добраго имени; кто часто предъ людьми опозоренъ, стыда уже не боится. 3) Не должно страшить дѣтей угрозами и побоями, ибо тѣмъ пресѣчешь въ нихъ хвальную и нужную смѣлость; повадишь со все-

го торопѣть, которая торопость въ житіи часто возбраняетъ намъ пользоваться предлежащими полезными случаями.

Ст. 149. *Счастливъ, кто надеждою.* Всего приличнѣе младенца побуждать къ добрымъ дѣламъ надеждою похвалъ. Такимъ способомъ учинишь ему добродѣтель любезну.

Ст. 150. *Много къ тому примѣръ способляетъ.* Много способляетъ примѣръ возбуждать дѣтей къ благонравію. Для того, что чрезъ глаза предлежащее способнѣе доходитъ къ сердцу, чѣмъ чрезъ слышаніе совѣтовъ и наставленій.

Ст. 152. *Примѣръ наставленія всякаго сильнѣе.* Свыше всякаго совѣта, свыше всякаго наставленія примѣръ силенъ. Роленъ, слѣдуя Сенекѣ, того жъ мнѣнія: *Pour la vertu aussi bien que pour les sciences la voye des exemples est bien plus courte et plus sure que celles des preceptes* (Роленъ: *Правила Настав. томъ* 1, *стр.* 49). [29]

Ст. 153. *Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.* Противъ того мнѣнія, что *воспитаніе есть причина нравовъ*, сильнѣйшія противоположенія суть: 1) *дѣйства безсмысленныхъ*, которыя кажутся быть голое движеніе сродной склонности; 2) *различіе нравовъ въ двухъ братьяхъ*, коимъ равное дано воспитаніе. Сатирикъ тѣ самыя противоположенія употребляетъ въ доводъ и утвержденіе своего мнѣнія.

Ст. 159. *Кои росли подъ тѣми жъ глазами.* Коихъ вскормилъ тотъ же дядька, та же бабка, та жъ кормилица.

Ст. 162. *Ни надежда свесть, ни страхъ.* Два сильныя орудія къ склоненію сердца человѣческаго, сколькимъ злочинствамъ награжденій обѣщанія или страхъ наказанія причиною на всякъ день бываютъ. Кто тѣмъ двумъ сильнымъ совѣтникамъ противиться можетъ, много можетъ.

Ст. 165. *Сухими глазами.* То есть, не можетъ смотрѣть не прослезяся.

Ст. 166. *Сердцемъ даетъ, что даетъ руками.* Сирѣчь охотно, отъ всего сердца даетъ. Гораздо такое подаяніе пріятно тому, кто оное получаетъ, и подателю гораздо больше хвалы доставляетъ. Много своей цѣны теряетъ даръ, который кому даетъ угрюмымъ лицемъ съ гнѣвомъ и какъ-бы попрекая докуки просящаго и его бѣдности.

Ст. 172. *Если бъ я сыновнюю.* Примѣръ, говорилъ сатирикъ выше сего, сильнѣе всякаго наставленія; теперь показываетъ, какъ должно примѣръ употреблять къ исправленію дѣтей. Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ, сат. IV, книги 1:

. . . . Insuevit pater optimus hoc me,
Ut fugerem, exemplis vitiorum quæque notando.

---

29) Для добродѣтели точно также, какъ и для науки, примѣры короче и вѣрнѣе правилъ.

Cum me hortaretur, parce frugaliter, atque
Viverem uti contentus eo, quod mi ipse parasset:
Non ne vides, Albi ut male vivat filius? utque,
Barrus inops? magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit; a turpi meretricis amore
Cum deterreret: Sectani dissimilis sis.
Ne sequerer mœchas, concessa cum Venere uti
Possem; deprensi non bella est fama Treboni,
Ajebat. [30]

Ст. 174. *Злонравія*. Разумѣй того *злонравія*, сирѣчь *скупость*.

Ст. 180. *Гдѣ сидитъ Клеархъ*. Клеархъ, который промотавъ отцовское имѣніе, должниками въ тюрьму посаженъ.

Ст. 182. *Къ подлой похоти*. Сирѣчь къ *блядовству*.

Ст. 183. *Смотрѣть Мелита въ постели*. Гдѣ болѣзнь, нажитая съ бл..ками, его держитъ.

Ст. 184. *Гнусны чирьи*. Каковы нетрудно наживаются съ невоздержными женами.

Ст. 187. *Не одни тѣ ростятъ насъ*. Воспитаніе не отъ однихъ тѣхъ зависитъ, коимъ мы воспитать отданы, но все, что младенца ни окружаетъ, сильно въ немъ нравъ произвесть; какъ для возращенія цвѣта или овоща одно сѣмя не довольно, много другихъ обстоятельствъ къ тому нужно.

Ст. 196. *Прельститъ твою вѣру*. Вмѣсто, *прельститъ твою надежду*. Ты вѣришь, ты чаешь, ты надѣешься имѣть изрядный цвѣтъ, для того что посѣялъ изрядное сѣмя; но буде другія обстоятельства противны, сѣмя изрядное произведетъ худой цвѣтъ, или совсѣмъ въ землѣ исчезнетъ.

Ст. 197. *Филинъ выросъ пьяница*. Слѣдуютъ примѣры въ доводъ тому, что все что младенца окружаетъ сильно дать ему какой-либо нравъ. Такъ Филинъ выросъ пьяница, для того, что пьяница былъ его сродникъ, который его вскормилъ; Миртилъ блядунъ, для того, что дядька сводничалъ; Савка у бабушки своей лгать перенялъ; Сильвія у матери предаваться въ любовныя забавы.

Ст. 202. *Языкъ скоротечный*. Сирѣчь, бабушки его языкъ.

Ст. 203. *Сильвія круглую грудь*. Не трудно читателю въ семъ и

---

30) Мой добрѣйшій отецъ пріучилъ меня убѣгать этого, показывая примѣры всѣхъ пороковъ: когда онъ убѣждалъ меня жить экономно, порядочно и довольнымъ тѣмъ, что мнѣ оставитъ, то говорилъ: развѣ не видишь, какъ дурно живетъ сынъ Альбія или бѣднякъ Барръ? Вотъ сильное доказательство того, что не слѣдуетъ расточать отцовскаго наслѣдства. Когда жъ онъ меня отклонялъ отъ постыдной любви къ развратницѣ, то говорилъ: старайся не быть похожимъ на Сектана. Когда онъ убѣждалъ меня не волочиться, если я могу наслаждаться позволительною любовью, говорилъ о Требонѣ, котораго поймалъ мужъ, и о дурной его славѣ.

слѣдующихъ стихахъ усмотрѣть, что стихотворецъ подъ именемъ Сильвіи говоритъ о сластолюбныхъ женахъ, кои всевозможное чинятъ для побужденія зрителей къ невоздержнымъ поступкамъ.

Ст. 207. *Боясь досаднаго въ отказѣ отвѣта.* Боясь, чтобъ тотъ, кому она откажетъ, не назвалъ ее *немилосердою, жестокою, каменною.*

Ст. 209. *Обычно цвѣтъ чистоты первый.* Столь истинно есть, что все, что младенца окружаетъ, сильно въ немъ нравъ произвесть, что обыкновенно дѣти лишаются своего дѣвства въ объятіяхъ мамокъ и служанокъ домашнихъ; и что буде крадутъ что у отца и отлыгаются, такъ тому наставлены бываютъ отъ своихъ слугъ.

Ст. 214 и 215. *Часто дѣти были бы честнѣе, если бъ и мать и отецъ.* Дѣти были бы добронравнѣе, если бъ родители умѣли воздержаться предъ ними отъ злочинствъ. Ювеналъ въ сатирѣ 14:

Plurima sunt, Fucsine, et fama digna sinistra,
Et nitidis maculam ac rugam figentia rebus,
Quae monstrant ipsi pueris traduntque parentes.
Si damnosa senem juvat alea, ludit et haeres
Bullantus, parvosque eadem movet arma fritillo.

Тамъ же:

Sic natura jubet, velocius et citius nos
Corrumpunt vitiorum exempla domestica, magnis
Cum subeunt animos auctoribus. [31]

Ст. 217. *Правдой и неправдою* и проч. по ст. 232. Ежели я самъ сребролюбивъ, любочестенъ, лѣнивъ, сластолюбивъ или другими злонравіями изобилую, и въ оныя предъ сыномъ своимъ повсядневно впадаю, весьма бъ безразсудно было мнѣ требовать чтобъ мой сынъ тѣхъ злонравій отдалялся и держался противныхъ добродѣтелей. Образецъ мой при немъ будетъ важнѣйшей силы, чѣмъ мои совѣты, и будетъ онъ поступать такъ, какъ видитъ поступающа всегда отца своего.

Ст. 217. *Куча мнѣ копится денегъ.* Коплю, собираю деньги, богатство.

Ст. 229. *По водѣ тогда мои. Вилами по водѣ писать,* русская пословица, значитъ тоже, что *напрасно трудъ свой терять,* понеже на водѣ буквъ изображеніе удержаться не можетъ.

Ст. 250. *Домашній, показанный часто примѣръ.* Ювеналъ въ сатирѣ 14:

---

31) Фусцинъ, очень много дурнаго, пятнающаго и растлѣвающаго чистую натуру показываютъ и передаютъ дѣтямъ сами родители; если старика забавляютъ проклятыя кости, то играетъ и взбалмошный его наслѣдникъ, та же страсть овладѣваетъ и бѣдняками . . . . . . Такъ устроила природа, что домашніе примѣры пороковъ скорѣе портятъ насъ, потому что переходятъ къ намъ отъ людей, которыхъ мы уважаемъ.

Sed reliquos fugienda patrum vestigia ducunt,
Et monstrata diu veteris trahit orbita culpae. [32]

Ст. 257. *Ели молодому мать раку*. Буде я худо живу, погружаяся въ злонравіяхъ, и за тѣ самыя журю сына, или ему добродѣтелей совѣтую держаться, онъ отвѣчать можетъ то, что въ басняхъ Езоповыхъ молодой ракъ отвѣчаетъ своей матери, которая его обличала, что не умѣетъ плавать прямо впередъ, но идетъ всегда задомъ: *Пойди сама прямо, я буду тебѣ подражать*: Живи ты самъ благонравно, и тогда и я буду жить по тому же. Комедія Бурсова, притчи Езоповы:

Ma mère, nous ressamblons,
J'ai pris pour façon de vivre,
La façon dont vous vivez:
Allez droit, si vous pauvez,
Je tacherai de vous suivre.

Ст. 240. *Нельзя ль добрымъ быть*. Буде тебѣ трудно унять свои страсти и воздержаться отъ злонравій, по меньшей мѣрѣ укрывай свои злые поступки отъ глазъ дѣтей твоихъ; будь золъ, но не къ вреду своихъ дѣтей.

Ст. 245. *Гостя когда ждешь къ себѣ*. Ювеналъ сат. 14, ст. 59 и слѣдующіе:

Hospite venturo, cessabit nemo tuorum:
Verre pavimentum: nitidas ostende columnas,
Arida cum tota descendat aranea tela:
Hic lau et argentum; vasa aspera tergat alter:
Vox domini furit instantis, virgamque tenentis.
Ergo miser trepidas, nestercore fœda canino
Atria displiceant oculis venientis amici,
Ne perfusa luto sit porticus; et tamen uno
Semodio scobis hæc emendat servulus unus:
Illud non agitas, ut sanctam filius omni
Adspiciat sine labe domum, vitioque carentem! [33]

---

32) Говорятъ, что нѣкоторые уклонялись отъ примѣровъ отцовъ, но по большей части привычный намъ путь порока увлекаетъ насъ.

33) Когда къ тебѣ намѣренъ прійти гость, то ни одинъ изъ твоихъ слугъ не смѣетъ сидѣть сложа руки: одинъ мети полъ, другой вытирай колонны, пусть худощавый паукъ исчезнетъ съ нихъ вмѣстѣ съ своей паутиною; третій тутъ же чисти серебро; четвертый вытирай чеканные кубки. Пусть хозяинъ, держа плеть, кричитъ что есть мочи. И ты же несчастный дрожишь, чтобы твоя зала не поразила непріятно очей твоего друга, загаженная собачьимъ каломъ, чтобы портикъ твой не былъ залитъ помоями; а вѣдь это въ полчаса можетъ отчистить одинъ мальчикъ съ скребницею. О томъ же ты не безпокоишься, чтобы твой сынъ видѣлъ тебя достойнымъ уваженія, не запятнаннымъ и безпорочнымъ.

Ст. 255. *Острый судья.* Именемъ судьи здѣсь разумѣется всякъ, кто разсуждаетъ наши дѣла; французы имѣютъ на то рѣчь: *critique*, которыя жаль что нашъ языкъ лишается.

Ст. 264. *Кои жизни чая время скудно.* Сколько такихъ людей, которые всякое предложеніе осуждаютъ, не изслѣдовавъ онаго состояніе и почти не вѣдая, о чемъ дѣло идетъ. Довольно имъ кажется презирать то, что не знаютъ, и въ томъ не тратить время, которое по ихъ мнѣнію лучше въ забавахъ и въ праздности употребляютъ.

Ст. 268. *Всякъ открывать свое мнѣніе свободенъ.* Роднымъ порядкомъ такъ бы рѣчи лежать должны были: *да всякъ свободенъ* (воленъ) *открывать свое мнѣніе, если никому вредно* (если оно никому не вредитъ) *и если чтительная сила законовъ не наложила въ томъ нужду молчать* (если законы не запрещаютъ о такомъ дѣлѣ говорить). Мы должны съ подобострастіемъ послушны быть *чтительной силѣ законовъ*, и когда оная молчаніе въ чемъ предписываетъ, должны мы молчать по меньшей мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока у насъ совѣта будутъ требовать. Зная сіе, нашъ стихотворецъ свое мнѣніе о воспитаніи объявляетъ такимъ, которое никакой законъ не запретилъ. Напротиву, законамъ и пользѣ общества оное согласно. Сколько бы большее число было благонравныхъ гражданъ, если бъ за всякую нашу шалость отвѣтствовать были должны наши воспитатели, или если бъ родители наши были увѣрены, что нѣтъ такого младенца, котораго бы доброе воспитаніе не могло учинить благонравнымъ человѣкомъ.

Ст. 272. *Съ досуга стишки пишу для твоей забавы.* Изъ сего стиха разумѣется, что сатирикъ неповажно дѣло сіе изслѣдуетъ, не философическое разсужденіе пишетъ, но стишки въ забаву пріятеля. Потому не должно въ нихъ искать точнаго изслѣдованія сего дѣла и неоспоримыхъ доводовъ.

Ст. 273 и 274. *Одно я дѣло началъ, рѣчью отскочилъ на другое.* Началъ сатиру осмѣяніемъ суевѣрно злобнаго человѣка, а потомъ слово свелъ къ воспитанію. Почти всѣ Гораціевы сатиры и письма такимъ образомъ составлены, что обыкновенно случается въ разговорѣ, и для того онъ тѣ сочиненія назвалъ *Sermones, разговоры, бесѣды.*

Ст. 276. *Блистаетъ въ сумятицѣ умокъ въ чину скуденъ.* Часто живетъ, что человѣкъ, который остраго ума, кажется когда безпорядочно говоритъ, что на умъ взойдетъ, не углубляя разсужденіе, и поверхностей однѣхъ касаяся, становится тупъ и нѣмъ, когда его понудишь разговоръ свой порядочно учреждать, и доводить свои слова одно за другимъ. Стихъ сей кажется быть подражаніе слѣдующаго Вольтерова (Генріада пѣснь I, ст. 11):

Tel brille au second rang qui s'eclipse au premier

То есть

Часто на второй степени блистаетъ, кто на первой помрачается.

Ст. 279. *Не ввернуть не кстати другое.* Смѣется тому сатирикъ,

понеже и впрямь то смѣха достойно, какъ Горацій изрядно изобразилъ, пріуподобляя такой разговоръ живописи, въ которой написанъ звѣрь, составленный съ женской головы, съ гривы конской, съ разныхъ перьевъ, съ различныхъ удесъ разныхъ скотовъ и кончается хвостомъ рыбьимъ. «Искусство стихотворное», ст. 1 и слѣдующіе:

Humano capiti cervicem pictor equinam
Jungere si velit, et varias inducere plumas,
Undique contractis membris, ut turpiter atrum
Desinat in piscem, mulier formosa superne. [34]

Не напрасно рѣчь *не кстати* вставлена; служитъ она еще къ оправданію самого нашего стихотворца, который отскочилъ отъ этого дѣла на другое *кстати*, понеже межъ мнѣніемъ суевѣрнаго, которому въ началѣ сатиры смѣется, нѣкое сходство находится съ мнѣніемъ, что *старикъ трехъ молодыхъ разумомъ потянетъ*, будучи оба погрѣшительны; и сіе вяжется съ слѣдующимъ: что такимъ мнѣніямъ повадка причина, а повадкѣ—воспитаніе.

САТИРА VIII.

(*На безстыдную нахальчивость.*)

Счастливъ тотъ, кто, на однóй ногѣ стоя, двѣсти
Стиховъ пишетъ въ часъ одѝнъ, и что день, полдести
Такъ наполнитъ; не смотря̀ ни что, какъ ни пишетъ,
Мало суетясь, какóй вѣтръ на дворѣ дышетъ.
Меня рокъ мой осудѝлъ писать осторожно,
И писать съ трудомъ стихѝ, кои бы честь можно.
Когда за перо примусь, совѣсть испытаю,
Не съ страсти ли я какóй творцомъ стать желаю,
Не похвалъ ли, что я жду отъ тѣхъ трудовъ, жадность,
Не гнѣвъ ли, не зàвисть ли, иль къ ближнимъ безщадность,

34) Если бы живописецъ захотѣлъ присоединить къ человѣческой головѣ лошадиную шею и покрыть ее разными перьями, добавивъ члены отъ всѣхъ животныхъ, такъ чтобы женщина, прекрасная сверху, оканчивалась гадкою рыбою, то, допущенные взглянуть на это, удержались ли бы мы отъ смѣха, друзья?

Волю мнѣ взноситъ въ у̀мъ. Дѣйство бы ни кое,
Сколь бы ни добро собо̀й, не можетъ не злое,
Быть когда намѣренье и поводъ неправы.
  Если совѣсть не ворчи̇тъ, людей уже нравы
Предъ собой въ смотръ вы̀веду, и сколь лучше знаю,
Отъ вредныхъ полѐзные чисто различаю,
Готовя однимъ хвалу̀, другимъ смѣхъ беззлобный.
  Избравъ силамъ своимъ тру̀дъ равный и способный,
Пущу перо, но въ уздѣ; херить не лѣнюся;
Много ль, мало ль напишу̀ стишковъ, не пекуся,
Но смотрю, чтобъ здра̀вому смыслу рѣчь служила,
Не нужда мѣры слова̀ безпутно лѣпила;
Чтобъ всякое на сво̀емъ мѣстѣ стоя слово,
Не слабо каза̀лося, ни столь лишно ново,
Чтобъ въ безплодномъ звукѣ у̀мъ не могъ понять дѣло.
Во всѣмъ между тѣмъ смотрю̀, не чрезчуръ ли смѣло,
Не досадна ли кому̀ рѣчь, что съ пера сплыла,
Стрегучись, чтобъ, хуля злы̀ нравы, не открыла
Злонравнаго я̀сная чрезмѣру примѣта.
  Видалъ ли иску̀снаго когда рудомета,
Въ жирномъ тѣлѣ кровь пуща̀ть больному въ отраду?
Руку сего обвяза̀въ, долго, часто, сряду
Напружену щу̀паетъ жилу сверху, сбоку,
И сталь впустивъ, смотритъ, что̀бъ не весьма глубоку
Ни узку, ни широку̀ распороть въ ней рану,
Чтобъ не проткнуть, чтобъ подъ нѐй не нанесть изъяну.
Того осторо̀жности точно подражаю,
И когда стихи пишу̀, мню, что кровь пущаю.
Кончавъ дѣло, на̀долго тетрадь въ ящикъ спрячу.
Пилю и чищу пото̀мъ, и хотя истрачу
Большу часть прежнихъ трудо̀въ, новыхъ не жалѣю;
Совсѣмъ тѣмъ стихи сво̀й я казать не смѣю.
  Стыдливымъ, боя̀зливымъ, и всегда собою
Недовольнымъ быть во мнѣ природы рукою
Втиснено, иль о̀тческимъ совѣтомъ изъ дѣтства.
Здравый смыслъ часто пото̀мъ и труды и бѣдства
Грозилъ мнѣ, если бъ я ста̀лъ смѣлъ и стыдъ оставилъ,
И съ тѣхъ поръ туды я шелъ, куды онъ направилъ.
  Вѣрилъ всегда, что лицо̀, на коемъ садится
Часто красный цвѣтъ стыда̀, вдвое становится
Красивѣе, и даѐтъ знаки неоспорны

Внутреннія доброты; что языкъ проворный,
Когда бѣжитъ безъ узды, долженъ спотыкаться;
Что смѣлость только тогдà хвальна можетъ зваться,
Когда нудимся прогнàть злобу нашей воли,
Иль законно рвемъ вѣнцы съ вражіихъ рукъ въ поли,
Когда клеветниковъ лòжь гнусну обличаемъ,
Иль невинность слàбую право [1] защищаемъ;
Что кто, надъ всѣми себя цѣня, повышаетъ,
Достойнымъ похвалъ себя самъ не почитаетъ.
Теперь тѣ свойства мои чувствую умиленъ,
Сколь вредны мнѣ, и уже избыть ихъ не силенъ.
Вредны не въ одномъ лишь томъ, что мѣшаютъ смѣло
Стихи писать и казàть, и, какъ многи, дѣло
Свое въ люди выводить, самъ то [2] выхваляя.
Часто счастливый случай, что у пальцевъ края
Моихъ лежалъ, упустилъ, не посмѣвъ вжать въ руку;
Часто безконечныхъ вракъ тяжку снесъ я скуку,
Потѣя, сжимàяся, и нѣмѣе клуши, [3]
Стыдясь сказать: пощади, дружокъ, мои уши.
Между тѣмъ другой, кому боги благосклонны
Дали мѣдное лицò, дабы всѣ законны
Стыда чувства презирàть, не рдясь, не блѣднѣя,
У всякихъ стучитъ дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется егò; въ отказѣ зазору [4]
Не знаетъ, скучая всѣмъ, дерзокъ безъ разбору.
Сотью [5] прогнанъ, сотью òнъ воротится сряду,
Ни слугъ, ни госпòдскую помня онъ досаду.
И такъ съ степени въ степѐнь счастье его взноситъ;
Чтобъ избыть его, даютъ ему, что ни проситъ.
Пока я даромъ пять лѣтъ, вздыхая, истрачу
При красавицахъ, одинъ смѣлому удачу
День доставитъ, и егò надежды вѣнчаетъ.
Заслуги свои, родъ, ỳмъ съ устъ онъ не спускаетъ,
Чужія щиплетъ дѣлà, о всемъ дерзко судитъ,
Себя слушать и нѣмѣть всѣхъ въ бесѣдѣ нудитъ,

---

1) Справедливо.
2) Его дѣло.
3) Галки.
4) Стыда.
5) Сто разъ.

И дивиться наконецъ себѣ заставляетъ.
Рѣдко кто рѣчи людѐй право вѣсить знаетъ,[6]
И склоненъ, испытавъ сло̀въ силу всѣхъ подробно,
Судить потомъ, каковъ мо̀згъ, кой родить удобно
Могъ тѣ слова: больша ча̀сть въ насъ по числу мѣритъ
Словъ разумъ, и глу̀пцами[7] молчаливыхъ вѣритъ.[8]
Часто слышу говорѝть: Аристъ мужикъ честный
Тихъ, учтивъ, и можетъ бы̀ть другу другъ нелестный;[9]
Да въ часъ[10] слова у него̀ не можно добиться,
Сотью жеваная рѣчь съ устъ его тащится
И не долга и тиха̀; вѣкъ я съ нимъ зѣваю,
И какъ льзя умнымъ его̀ звать не понимаю.
Съ древле добродѣтели средину держали
Межъ двумя крайми, гдѣ злы̀ нравы засѣдали;
Въ нашихъ вѣкахъ тотъ ужѐ чинъ[11] дѣлъ отмѣнился.
Кто умѣренный дохо̀дъ имѣя, не тщился
Правдой и непра̀вдою золота примѣтны
Копя кучи, накопи̇̀ть богатства безсчетны,
Лѣнивецъ онъ, и живѐтъ въ презрѣніи скудно.
Кто къ дѣлу лишь говорѝтъ въ мѣру и разсудно:
Угрюмъ, скучливъ; кто свои̇̀ дѣла смысломъ правитъ,
Малодушенъ, надъ собо̀й смѣяться заставитъ.
Го̀нимъ за славой путѐмъ дерзки и безстыдны,
На коемъ славы слѣды̀ ни малы не видны,
И кажемся нагоня̀ть сами себѣ любы.
Когда облакъ съ нашихъ мы̀ прогонимъ глазъ грубый,[12]
И нашъ увидимъ обма̀нъ, что въ пропасть насъ вводитъ,
Ужли для насъ и̇̀стины солнце ужъ не всходитъ?
Напрасно мы льстимъ себѣ; сколь намъ ни любезенъ,
Сколь ни нравенъ порокъ на̀шъ мнится и полезенъ,
Хулы достоинъ всегда̀, и достоинъ смѣха;
Долгаго въ немъ ожида̀ть не можно успѣха.
Слѣдуетъ тому всегда̀ зазоръ, страхъ и скука;
Долга малой сла̀дости и тяжкая мука.

---

6) Т. е. справедливо, вѣрно умѣетъ взвѣшивать.
7) Удареніе не на томъ слогѣ.
8) Считаетъ.
9) Нельстивый
10) Въ цѣлый часъ.
11) Порядокъ.
12) Т. е. грубый обманъ.

Что пользуетъ[13] множество людей безразсудно
Привесть въ удивлѣніе, когда въ одномъ трудно[14]
Часъ они могутъ стоять, и что теперь хвалятъ,
Величаютъ, спустя часъ, хулятъ ужъ и малятъ?[15]
Когда честный, мудрый мужъ, сколь часто случится
Ему на насъ вскинуть глазъ, отъ дѣлъ нашихъ рдится?
Надъ всѣмъ, добродѣтели кто измѣнилъ истой,
Пусть не приближается престола нечистой,
На коемъ лучшій ея другъ насъ управляетъ.
Нераздѣльна отъ ней, Анна въ лицо знаетъ
Вѣрныхъ добродѣтели слугъ, и тѣмъ обильны
Дары сыплетъ; лучи снесть глазъ ея не сильны
Злонравные, коихъ вся надежда въ обманѣ,
Какъ изъ рукъ ея перунъ скиѳы, агаряне.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Осмѣяніе безстыдной нахальчивости есть главное намѣреніе сей сатиры, въ которой издатель потомъ, вкратцѣ коснувся нынѣшняго вѣка погрѣшительному суду о дѣлахъ человѣческихъ, заключаетъ похвалами императрицы Анны. Писана она *въ Парижѣ* въ концѣ 1739 года.

Ст. 1. *Счастливъ тотъ, кто на одной.* Для обличенія безстыдности и нахальчивости, стихотворецъ начинаетъ сатиру описаніемъ своей собственной стыдливости и несмѣлости, которыя два свойства самъ въ себѣ давно вкоренены усмотрѣлъ и отъ того случай беретъ подробно изъяснить, въ такомъ намѣреніи, съ какою осторожностію сатиры писать должно и каковъ быть долженъ слогъ стиховъ, кои, какъ онъ говоритъ, честь бы можно.

Ст. 4. *Мало суетясь какой вѣтръ.* Мало печаляся, въ какихъ обстоятельствахъ онъ находится; каковы люди, коихъ обличаетъ; каково стихи его будутъ приняты.

Ст. 10. *Къ ближнимъ безщадность.* Склонность вредить ближнему.

Ст. 11. *Волю ту.* Сирѣчь, волю *творцомъ стать*, желаніе стихи писать.

Ст. 14. *Если совѣсть не ворчитъ.* Если совѣсть моя не обличаетъ во мнѣ никакой страсти, которая бы меня писать понуждала.

---

13) Какая польза.
14) Съ трудомъ, едва.
15) Уменьшаютъ, унижаютъ.

Ст. 22. *Не нужда мѣры.* Нужда мѣры стиха. Всякій героическій въ нашемъ стихотворствѣ стихъ долженъ состоять изъ двухъ членовъ: первый долженъ имѣть седмь слоговъ, второй шесть и потому весь стихъ состоять имѣетъ изъ тринадцати слоговъ. Часто подлымъ стихотворцамъ случается тѣ тринадцать слоговъ дополнять рѣчьми, которыя къ дѣлу никакого сношенія не имѣютъ.

Ст. 24. *Не столь лишно ново.* Хвально въ стихотвореніи употреблять необыкновенные образы рѣченія и новизну такъ въ выдумкѣ, какъ и въ рѣченіи искать; но новость та не такова должна быть, чтобъ читателю была не вразумительна. Не могу удержаться напомянуть здѣсь изрядныя правила, которыя Горацій для сочиненій стихотворныхъ предписуетъ во 2-мъ письмѣ, книги 2-й:

. . . Qui legitimum cupiet fecisse poëma,
Cum tabulis animum censoris sumet honesti:
Audebit quæcunque parum splendoris habebunt,
Et sine pondere erunt, et honore indigna ferentur,
Verba movere loco, quamvis invita recedant,
Et versentur adhuc intra penetralia Vestæ.
Obscurata diu populo, bonus eruet, atque
Proferet in lucem speciosa vocabula rerum:
Quæ priscis memorata Catonibus atque Cethegis,
Nunc situs informis premit et diserta vetustas
Asdciscet nova, qua genitor produxerit usus
Vehemens, et liquidus, puroque simillimus amni.
Fundet opes, Latiumque beabit divite lingua:
Luxuriantia compescet, nimis aspera sano
Levabit cultu, virtute carentia tollet:
Ludentis speciem dabit, et torquebitur; ut qui
Nunc Satyrum, nunc agrestem Cyclopa movetur.

То есть:

. . . Кто ищетъ правильное твореніе выдать,
Къ разсмотру принявъ свои тетради, вдругъ приметъ
Сердце честнаго судьи, и рѣчи, которы
Или мало явственны, иль слабы, иль подлы,
Благодушно выхеритъ, хоть тѣ не охотно
Покинутъ мѣсто своѐ, хоть тѣ неисходны
Весты тайнолюбныя кроются въ затворахъ,
Ласковъ на свѣтъ выведетъ мрачныя народу
Рѣчи многосильныя, которы знакомы
Катонамъ и Цеѳегамъ, а теперь подъ плѣснью
Гнусною и древностью забытой стенаютъ;
Присвоитъ и новые, которыхъ однакожъ
Обычай самъ породилъ и произвелъ въ люди.
Быстръ и свѣтелъ, и рѣкѣ подобнѣйши чистой
Изліетъ сокровища, и ублажитъ римлянъ

Славное отечество языкомъ обильнымъ.
Все, что въ сочиненiяхъ излишно, убавитъ;
Здравымъ украшенiемъ все, что въ нихъ сурово,
Изгладитъ и умягчитъ; все, что ни прiятно,
Ни важно, немилостивъ, выкинетъ и вытретъ.
Станетъ казаться играть онъ, но въ самомъ дѣлѣ
Будетъ въ поту мучиться, какъ изображаяй
Сатира, иль Циклопа лѣснаго плясальщикъ.

Ст. 25. *Чтобъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.* Когда слова наши невразумительны, то оныя право назвать можно *безплоднымъ звукомъ.* Тогда уши слушателя, тѣмъ звукомъ наполнены, страждутъ.

Ст. 26. *Не чрезчуръ ли смѣло.* Прилагательное *смѣло* относится къ *слово* въ предъидущемъ стихѣ 23-мъ.

Ст. 29. *Ясная тому примѣта.* Сирѣчь, чрезмѣру ясное описанiе.

Ст. 31. *Въ жирномъ тѣлѣ.* Когда тѣло жирно, жилы гораздо глубже скрыты будучи, кровопущенiе становится труднѣе и для того тогда больше осторожности требуется.

Ст. 34. *И сталь впустивъ.* Сталью разумѣется орудiе лекарское, чѣмъ кровь пускаютъ; обыкновенно съ французскаго *lancette*, мы *ланцетою*, сирѣчь *копейцомъ* зовемъ.

Ст. 35. *Въ ней.* Въ жилѣ.

Ст. 36. *Чтобъ не проткнуть, чтобъ подъ ней не нанесть изъяну.* Чтобъ жилу сирѣчь не проткнуть и подъ ней, коснувся артерiи или натягательной жилы, не изувѣчить человѣка.

Ст. 50. *Красный цвѣтъ стыда.* Краска, которую стыдъ въ лицѣ производитъ.

Ст. 52. *Языкъ проворный.* Вмѣсто *весьма говорливаго человѣка*, которое несовершенство приходитъ отъ нахальчивости и лишной смѣлости.

Ст. 55. *Когда нудимся прогнать.* Когда нашимъ злымъ склонностямъ сопротивляяся, ищемъ оныя преодолѣть, въ такомъ случаѣ смѣлость, благодушiе и мужество особливо хвально.

Ст. 56. *Иль законно рвемъ вѣнцы.* Или когда бьемся противъ непрiятелей отечества и побѣду отъ нихъ вырвать стараемся. *Вѣнецъ* знакъ побѣды. Не напрасно прибавлено нарѣчiе *законно*, ибо хитрое въ навѣтахъ мужество хулы, а не хвалы достойно.

Ст. 60. *Достойнымъ похвалъ самъ себя не почитаетъ.* Если бы чаялъ себя достойнымъ похвалъ, ожидалъ бы оныя.

Ст. 61. *Тѣ свойства мои.* Сирѣчь, *стыдливость и несмѣлость*, о которыхъ упоминалъ стихомъ 43 и 44.

Ст. 72. *Мѣдное лицо.* Въ которомъ никакая премѣна цвѣта случиться не можетъ, какъ въ слѣдующемъ стихѣ изъяснено.

Ст. 75. *И спина гнется ему.* Ему вмѣсто *его.* Часто такъ и некрасиво дательный вмѣсто винительнаго употреблять можно.

Ст. 78. *Помня онъ досаду*. Досаду, которую ему господинъ или слуги учинили, или грубо отказывая, или нечестно съ двора сбивая, и проч.

Ст. 84. *Онъ*. Нахальчивый, сирѣчь, человѣкъ.

Ст. 87. *И дивиться наконецъ*. И напослѣдокъ такими поступками къ тому людей приведетъ, что ему, какъ умному, какъ важному человѣку, дивятся.

Ст. 88. *Рѣдко кто рѣчи людей*. Желая разумѣть связность слѣдующихъ стиховъ съ предыдущими, должно бы внести послѣ *заставляетъ* въ стихѣ 87: *для того, что рѣдко кто рѣчи людей* и проч. Для того заставляетъ себѣ, какъ важному и умному человѣку, дивиться, понеже рѣдко кто знаетъ или хочетъ вѣсить силу словъ и проч.

Ст. 99 и 100. *Съ древле добродѣтели* и проч. Люди уже не только по числу рѣчей разсуждаютъ о разумѣ человѣка, не только въ томъ одномъ ошибаются, но и о всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ погрѣшительно судятъ. Прежъ сего добродѣтель стояла въ срединѣ, теперь ее на краяхъ чаютъ, въ которыхъ злыхъ нравовъ было мѣсто. Напримѣръ, прежъ сего межъ *малодушіемъ* и *продерзостію* стояла *храбрость*, *мужество*, *благодушіе*, теперь *продерзость*, *нахальчивость* за добродѣтель почитается.

Ст. 105. *И живетъ въ презрѣніи скудно*. Не только живетъ въ скудости, но и въ презрѣніи. Ювеналъ въ сатирѣ 3 говоритъ:

Nil habet infelix paupertas durius in se,
Quam quod ridiculos homines facit.[16]

Ст. 109. *Гонимъ за славой*. Ищемъ славу по той дорогѣ, на которой она никогда не бывала.

Ст. 111. *И кажемся нагонять сами себѣ любы*. И сами себѣ лаская, сами собою довольствуяся, чаемъ доставать славу.

Ст. 113. *И нашъ увидимъ обманъ*. *Обманъ* тутъ значитъ *погрѣшеніе ума;* то, что латины зовутъ *error*. Разсуждая вышеписаннымъ образомъ о добродѣтеляхъ, слѣпо разсуждаемъ; еще болѣе погрѣшаемъ, когда, видя злонравіи удачу, полезнымъ и пріятнымъ оное почитаемъ, ибо злонравіе всегда хульно и смѣха достойно: удача его коротка и конечно ему слѣдуетъ зазоръ, страхъ и скука, которая безпокойной совѣсти неизбѣжна.

Ст. 116. *Порокъ*. Злонравіе, vicium.

Ст. 120. *Дома малой сладости и тяжкая*. *Малой сладости*, которую подаетъ злонравія удача, долгая и тяжкая мука, какова есть зазоръ, страхъ и скука, приходящая отъ раскаянія.

Ст. 121. *Что пользуетъ множество*, и проч. по ст. 125. *Без-*

---

16) Несчастная бѣдность не содержитъ въ себѣ ничего хуже того, что дѣлаетъ людей посмѣшищемъ.

разсудно чрезъ сокращеніе вмѣсто *безразсудное*. Кромѣ того, что злонравія удача не долговременна, что за нею зазоръ, страхъ и каяніе скучное по пятамъ слѣдуетъ; мало намъ пользуетъ злонравіемъ въ удивленіе приводить множество людей, но людей безразсудныхъ, каковъ есть простой народъ и ему подобные, которые непрестанно себѣ самимъ несогласны не могутъ на одинъ часъ одного мнѣнія держаться, но вѣтра премѣнчивѣе, теперь хвалятъ то, что мало спустя хулить станутъ.

Ст. 125 и 126. *Когда честный, мудрый мужъ* и проч. Мало пользуетъ удача злонравія и тѣмъ еще, что хотя народъ, непостоянное множество безразсудныхъ людей, намъ въ той удачѣ дивится, всякъ мудрый, сирѣчь благоразсудый и честный человѣкъ, рдѣется, стыдится, когда ни видитъ дѣла наши.

Ст. 127 до послѣдній. *Словомъ добродѣтели кто измѣнилъ* и проч. Сверхъ же всѣхъ показанныхъ причинъ, для которыхъ на удачу злонравія полагаться мы покойно не можемъ, всѣхъ важнѣйша та, что императрица Анна, будучи лучшій другъ добродѣтели, знаетъ ея слугъ отъ измѣнниковъ ея разлучать, и какъ тѣхъ награждаетъ обильно, такъ сихъ ненавидитъ и презираетъ.

Добродѣтели истой. Истинной добродѣтели, какую сирѣчь стихотворецъ древле быть сказывалъ, не какову мы погрѣшительно почитаемъ.

Ст. 128. *Нечистый*. Скверенъ, Profanus. Таковъ сирѣчь, который къ священному мѣсту, каково императорскій престолъ, приближаться не можетъ.

Ст. 130. *Отъ нея*. Отъ добродѣтели, сирѣчь.

Анна въ лицо знаетъ. Подлинно лучшій другъ добродѣтели и такой другъ, который вѣкъ съ нею нераздѣленъ живетъ, долженъ въ лицо знать и однимъ взглядомъ узнавать ея вѣрныхъ слугъ.

Ст. 133. *Коихъ вся надежда въ обманѣ*. *Обманъ* тутъ значитъ *коварство, навѣтъ*. Злонравные инако не могутъ себѣ пользу обѣщать, развѣ чая, что обманутъ насъ и глаза наши заслѣпить могутъ.

Ст. 134. *Какъ изъ рукъ ея перунъ*. Повторить должно: *снесть не сильны*. Злонравные снесть не сильны лучи глазъ ея, какъ скиѳы и агаряне не сильны снесть перунъ, изъ рукъ ея.

Скиѳы суть *татаре*, и *агаряне — турки*. *Перунъ* значитъ оружіе, котораго силу тѣ народы почувствовали въ послѣдней четырехлѣтней войнѣ, въ которой россійское войско одержало надъ ними многія важныя побѣды.

САТИРА IX.[1]

КЪ СОЛНЦУ.

(*На состоянiе свѣта сего* [2]).

Солнце! хотя существо̀ твое столь есть чудно,
Что ему во вѣкъ довольно удивиться трудно, [3] —
Въ чемъ намъ и свидѣтельство древни показали,
Когда тебя за̀ Бога чрезъ то почитали —
Однако, могъ бы я то̀ признать несомнѣнно,

1) Эта сатира не вошла ни въ одно изъ прежнихъ собранiй сочиненiй Кантемира, хотя о ней говорится въ «Житiи князя Антioха Дмитрiевича Кантемира», напечатанномъ въ первомъ изданiи его сатиръ въ 1762 г. «Онъ началъ-было и девятую сатиру, читаемъ тамъ, но по несчастiю болѣзнь его оныя совершить не допустила». Въ первый разъ она напечатана г. Тихонравовымъ въ «Библiографическихъ Запискахъ» 1858 г. № 3 Списана она съ рукописи Импер. публ. библ., означенной знаками XIV, O, 2. Другой рукописи съ этой сатирой до сихъ поръ неизвѣстно. Сказанный списокъ (впрочемъ весьма неисправный) представляетъ сборникъ разныхъ стихотворныхъ произведенiй, лирическихъ и драматическихъ, половины XVIII стол.; нѣкоторыя изъ нихъ никогда не были напечатаны. Переписчикъ, по всей вѣроятности, былъ малоросъ и въ орѳографiи держался своего роднаго произношенiя. Сатира, названная нами *девятою*, въ спискѣ, безъ всякихъ примѣчанiй, слѣдуетъ за пятью первыми, по ихъ первоначальной редакцiи, которыя снабжены примѣчанiями. «Изъ всѣхъ сочиненiй Кантемира», замѣчаетъ г. Тихонравовъ, «который являлся съ своей сатирой вездѣ, гдѣ тернiе и плѣвелы старины мѣшали свободному росту просвѣщенiя, ни одна, можетъ быть, не проникнута такимъ скорбнымъ негодованiемъ, какъ это неудостоившееся печати произведенiе. Историческiя примѣчанiя и лучшiй коментарiй къ ней—сочиненiе Посошкова, св. Дмитрiя Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича и др., а также и указы первой половины XVIII в., внесенные въ полное собранiе законовъ.» Сатиру эту г. Галаховъ перепечаталъ въ своей «Исторической хрестоматiи.

2) Эта сатира, какъ и 1-я сатира 1729, имѣетъ два заглавiя, изъ которыхъ одно имѣетъ въ виду содержанiе, другое форму. (Тихонр.)

3) Искаженный стихъ: въ немъ вмѣсто должныхъ тринадцати слоговъ четырнадцать. По всей вѣроятности, нужно читать не *во вѣкъ*, а *въ вѣкъ*, и для правильнаго паденiя ударенiя переставить слова такимъ образомъ: *что ему довольно въ вѣкъ*.

Что было бъ ты въ дѝвности твоей перемѣнно,
Если бъ ты въ себѣ живо̀тъ и чувство имѣло,
Чѣмъ бы могло вся̀кое въ свѣтѣ познать дѣло.
Буде бъ честь отъ насъ Богу [4] ты узнать желало,
Въ первыхъ [5] бы суевѣрі̀й [6] бездну тутъ сыскало.
Мужикъ, который сохѹ оставилъ недавно,
Аза въ глаза нэ знаетъ [7] и болтнуть исправно,
А прислушайся, что врѐтъ и что его вздоры!
Вѣдь не то, какъ на̀ Волгѣ разбиваютъ воры. [8]
Да что жъ? Онъ то вретъ богословски рѣчи: [9]
Какія предъ иконы [10] должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло̀ старинѣ противно;
Какъ брадобритье терпитъ [11] Богъ, то ему дивно.
На что, баетъ, бѝблію отдаютъ въ печати,
Котору христіанамъ [12] больно грѣшно знати?
Вонъ иной, зачитавшись, [13] да ереси сѣетъ;
Говоритъ: «не грѣшенъ то̀тъ, кто бороду брѣетъ».
Парики ужъ вся̀къ знаетъ, что дьявольско дѣло,
А онъ, что то не грѣшно̀, одно споритъ смѣло;
Платье нѣмецко носитъ, [14] да притомъ манжеты;
Кто ихъ назоветъ добро̀мъ? все — адски примѣты;
А таки сказуютъ, что то непротивно Богу. [15]
Охъ! какъ страшно и слышать [16] таку хулу многу! [17]
Все жъ то се нѣтъ ничего̀; [18] вонъ услышишь новый

---

4) Неправильное паденіе ударенія.

5) Во-первыхъ.

6) Неправильное паденіе ударенія.

7) Тоже.

8) О волжскихъ разбояхъ ходили повсюду страшные слухи. Раскольника, котораго здѣсь выставляетъ сатирикъ, занимаютъ не эти слухи, а богословскіе вопросы.

9) Искаженный стихъ: вмѣсто тринадцати одиннадцать слоговъ.

10) Неправильное паденіе ударенія.

11) Тоже.

12) Тоже.

13) Тоже.

14) Тоже. Кажется, здѣсь нужно читать не *носитъ*, а *носитъ*.

15) 14 слоговъ; вѣроятно, *что* прибавлено переписчикомъ.

16) Стихъ, не означенный удареніемъ, будетъ значить, что оно падаетъ не на надлежащемъ слогѣ; такихъ стиховъ оказывается здѣсь весьма много.

17) См. примѣч. 5 въ 1-ой сатирѣ.

18) Видимо искаженъ стихъ. Надо полагать: *все то ему ничего*.

Отъ него твердъ докумѐнтъ, давно ужъ готовый.
«Какъ (говоритъ) бѝблію не грѣшно читати,
Что она вся[19] дѐржится на жидовской стати?
Вонъ де за то одногὸ и сожгли недавно:[20]
Зачитавшись, такъ сталъ Христа хулить явно.[21]
Ой нѣтъ, надо бѝбліи убѣгать, какъ можно,
Бо зачитавшись въ ней,[22] пропадешь безбожно.[23]
Есть и безъ нея что чѐсть, лишь была бъ охота,
Вотъ полно мнѣ мѣшаетъ домашня работа,
А то бы я купилъ книгу,[24] котору не знаю,
Какой пустынникъ писа̀лъ,[25] да...........
Такъ то-то уже книга, что ажь уши вянутъ,
Ка̀къ было грамотники у насъ читать станутъ!
Тамъ писано, какъ земля̀ четырьми китами
Стоитъ, которы еѐ подперли спинами;[26]
Сколько солнце всякій дѐнь милліоновъ[27] ходитъ,
И гдѣ оно въ палаты въ отдышку[28] заходитъ;

19) Въ рукописи: *все*.

20) Кульмана.

21) Для правильнаго стиха не достаетъ одного слога; вѣроятно нужно читать: *зачитавшися*.

22) Недостаетъ одного слога; вѣроятно и здѣсь нужно читать: *зачитавшися*.

23) Вотъ свидѣтельство о второй половинѣ XVIII стол. Лабзинъ разсказываетъ: «Никто къ чтенію библіи не увѣщевался и никто не предполагалъ, что библія служитъ даже къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей изъ набожности за то, что читалъ библію и перелагалъ въ стихи плачъ Іереміи». *Сіонскій Вѣстн.* 1818, іюль. стр. 223—224. (Тихонрав.

24) Лишній слогъ. Правильнѣе читать: *а то бъ я*.

25) Другая половина стиха въ рукописи искажена; хотя прочитать и можно, но трудно добраться смысла: *да семинъ выщъ чаю*. (Можетъ быть «да Семенъ быть чаю». Не Семенъ ли Денисовъ?)

26) Одно изъ раскольническихъ сочиненій, возникшее, какъ видно, не безъ вліянія народныхъ преданій и тѣхъ произведеній народной литературы, въ которыхъ эти преданія нашли себѣ выраженіе. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ читаемъ:

Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
«Почему же китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?»
На трехъ рыбахъ земля основана.
Какъ китъ рыба потронется,
Вся земля всколебается. (Тихонр.)

27) Надо подразумѣвать: *верстъ, саженъ или шаговъ*.

28) Для отдыха.

Какъ въ нынѣшнее время не будутъ являться
Святцы[29] и богатыри; что[30] люди мерзятся
Брадобритіемъ и всѣмъ бусурманскимъ нравомъ,
Не ходятъ въ старомъ отцо̀въ преданіи правомъ.
Все тамъ есть о старинѣ съ мала до велика,
Сказать мнѣ все подробну не станетъ и языка.[31]
Все жъ то се еще сошникъ[32] плесть безмозгло смѣетъ;
Все вретъ, хоть сло̀ва складно̀ молвить не съумѣетъ.
Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?[33]
Тѣ-то суевѣріе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозглыхъ голо̀въ родятся расколы;
Всякой простонародной въ нихъ корень крамолы;[34]
Что же вянетъ, то у нихъ въ самомъ живомъ цвѣтѣ.[35]
Тая-то вещь и мнѣ мнится всѣхъ смѣшнѣе въ свѣтѣ.[36]
Нутко скажи такому, что всякъ день воскресный
Не въ пьянствѣ должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше бъ въ учѐніяхъ церковныхъ медлѣти,[37]
Нежъ на кабакахъ пьянымъ безчинно шумѣти:
То ужъ онъ то понесѐтъ представлять резоны,
Что съ ума тя собьетъ, хо̀ть ты какъ будь ученый.[38]
Вынетъ тебѣ съ сундука̀[39] тетради цвѣлыя,[40]
Предложитъ исто̀ріи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего̀ отца Аввакума:[41]

---

29) Святые.

30) Вм. *потому что*.

31) Вѣроятнѣе *всю*. Изъ 14 слоговъ *и* можетъ быть выброшено.

32) Крестьянинъ, мужикъ.

33) Тѣхъ, которые умѣютъ читать.

34) «Уже о вѣрѣ и простые мужики и бабы, весьма пути истиннаго не знающіи, догматизуютъ и учатъ, якоже о сложеніи тріехъ перстовъ глаголюще неправый и новый крестъ быти, и въ своемъ упорствѣ окаянніи стоятъ, презрѣвше и отвергше истинныхъ учителей церковныхъ». Слово св. Димитрія Ростовскаго въ словѣ на недѣлю мироносицъ. См. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849, стр. 69 (Тихонр.).

35) Т. е., что отжило свой вѣкъ и негодится, то у нихъ въ полномъ уваженіи.

36) Одинъ слогъ въ стихѣ лишній; правильный стихъ былъ бы такой:

Тая-то вещь мнится мнѣ всѣхъ смѣшнѣе въ свѣтѣ.

37) Проводить время.

38) Т. е. какъ нибудь ученъ.

39) Изъ сундука.

40) Заплеснѣвшія, старыя.

41) Извѣстный расколоначальникъ, протопопъ, жившій въ XVII стол. См. его автобіогр. въ 6-ой части Лѣтоп. рус. литер.

Такъ его запальчивость тутъ возьметъ угрюма.
И тотчасъ тѣ [42] предложивъ, начнетъ уличати:
«Грѣшно де весь день будетъ Богу докучати; [43]
Смотри, что исторіи въ себѣ заключаютъ:
Вѣдь и въ небѣ обѣдны [44] часы отпѣваютъ,
А не весь день по вашему въ молитвѣ трудятся; [45]
Отпѣвъ часъ урочный тамъ, съ Богомъ веселятся.»
Сей тому жъ [46] въ философіи живетъ ненарушно: [47]
Признаютъ то пьяницы всѣ единодушно;
Сей и Аристотелю не больно уступитъ,
Паче когда къ мудрости вина кружку купитъ.
Да что симъ дивиться? Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ, [48]
Хочетъ-ли кто божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть-ли о томъ отъ нихъ и слова добьется. [49]
Если жъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало, [50]

---

42) Т. е. тѣ исторіи.

43) Т. е. грѣшно будетъ весь день докучать Богу молитвами.

44) Отъ слова *обѣдня*.

45) Одинъ слогъ въ стихѣ лишній; вѣроятно переписчикомъ прибавлено начальное *а*, безъ котораго можно здѣсь обойтись.

46) Вѣроятно, *къ тому жъ*.

47) 14 слоговъ вмѣсто 13.

48) Одного слога недостаетъ; вѣроятно пропущено слово *мы* послѣ *развѣ*.

49) Посошковъ въ письмѣ къ Стефану Яворскому говорилъ слѣдующее: Вѣдомо тебѣ, государь, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи духовномъ ученія на духовности не бываетъ, по тому что и самъ онъ ничего не разумѣетъ, да и разумѣть ему не почему, и самъ онъ отъ отца своего духовнаго не наученъ, а въ книгахъ нашихъ славянскихъ многихъ нашихъ христіанскихъ нуждъ не напечатано и знать ихъ не почему. Столь мы просты, что не токмо бъ кто ученый иновѣрецъ, но хотя бъ самый послѣдній земледѣлецъ иновѣрный вопросилъ насъ о чемъ нибудь, то не знаемъ какъ имъ отвѣтъ дать, и даже если бъ кто и изъ басурманъ насъ вопросилъ, то и имъ отвѣту дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, то лишь намъ самимъ на стыдъ и всему православію на поруганіе.... Я мню, что и на Москвѣ развѣ сытый человѣкъ знаетъ, что то есть православная христіанская вѣра, или кто Богъ или что есть воля Его.... а если въ поселеніяхъ посмотрѣть, то истино не чаю изъ десяти тысячъ обрѣсти человѣка, который бы хотя малое что объ этихъ вещахъ зналъ.»

50) Т. е. въ кабакъ.

То ужъ тамъ однихъ ушѐй будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругòмъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не учѐніемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ и [51] мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ,
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки, [52]
Сколько разъ коло столà обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказàвъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
«Не знаю (говоритъ), кàкъ тѣ люди спасутся,
«Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
«Вѣдь не съ добра моя [53] въ заплатахъ де ряса;
«Вонъ дома назавтрѣ нѣтъ на что купить мяса,
«Все де чортъ склонилъ людѐй и съ нѣмцами знаться.
«О проклятые! за чтò насъ дарить скупятся?
«Какъ такіе исцѣлятъ души своей раны,
«Что [54] не трепещутъ смѣло знаться съ бусурманы?
«Каки бъ они нѝ были, да только не русски;
«Надобно ихъ отбѣгàть: ужъ въ нихъ путь не узкій,
«Но широкія вратà къ пагубѣ доводятъ,
«Они жъ, не смотря на тò, смѣло туда входятъ!
«А намъ де уже за тѣмъ пересѣклася дача
«И съ просфорами, увы! бѣдствъ достойныхъ плача!»
Но ежели тѣ рѣчи поверстать бы въ дѣло,
То бъ казано: [56] напилсѧ съ залишкомъ всецѣло. [57]
Какъ же, на такихъ смотрѧ, ужъ простолюдины

---

51) *И* здѣсь не идетъ къ дѣлу, что доказываютъ и 14 слоговъ въ стихѣ вмѣсто 13.

52) Въ стихѣ недостаетъ одного слога. Вѣроятно надо *совершать*.

53) Тоже. Вѣроятно: *моя вся*.

54) Которые.

55) Вм. Бѣдствія, достойныя плача! Восклицанія въ родительн. пад. было употребительно въ старомъ языкѣ, такъ въ словѣ о Мамаев. побоищѣ: о грознаго времени, о горькаго часа!

56) То оказалось бы.

57) Т. е. излишекъ дохода служилъ бы къ пьянству.

Къ заблужденію себѣ не возьмутъ причины? [58]
Все жъ то это мелкоту я здѣсь предлагаю,
Которую по силѣ могу знать и знаю;
Вышшихъ же разсужденій чрезмѣрну примѣту [59]
О безднѣ суевѣрій списàть силы столько нѣту. [60]
Такіе то виды суть нашей къ Богу чести, [61]
Не понимая чудѐсъ притворныхъ и лести.
Не думай же, что все тутъ; нѣтъ тысячной части:
Списать то все, такъ надо въ обморокъ пасти. [62]
Довольно и сихъ тебѣ я собралъ къ примѣру.
Еще мало посмотримъ нашу къ властямъ вѣру. [63]
Смотри: купецъ, украшенъ въ поясъ бородою,
Въ святомъ и платьѣ ходитъ, только не съ клюкою,
Во всемъ правдивъ, нàбоженъ: прійдетъ до иконы,
Полъ весь заставитъ дрожàть, какъ кладетъ поклоны!
И чаялъ бы ты, что òнъ весь въ правости важенъ; [64]
Погляди жъ завтрѣ ажь гдѣ? въ тюрьмѣ ужъ посаженъ.
Спросишь: «за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?» [65]
Воровствомъ безъ пошлины провозилъ товары.
Эдакой святецъ вотъ чтò дѣлаетъ безгрѣшный,
Къ Богу лицемѣръ, къ власти воръ и хищникъ спѣшный! [66]

---

58) Въ *Книгѣ о скудости и богатствѣ* въ 1-ой главѣ Посошковъ говоритъ: «Въ духовномъ чину если будутъ люди неученые и въ писаніи неискусные и вѣры христіанскія всесовершеннаго основанія невѣдущіе и воли Божіей неразумѣющіе, къ тому же если будутъ пьяницы и инаго всякаго безумства и безчинства наполнены, то благочестивая наша христіанская вѣра вся исказится и обѣднѣетъ, и вмѣсто древняго единогласнаго благочестія, всѣ разойдутся въ разногласные расколы и въ иныя еретическія вѣры.»

59) Т. е. болѣе важныя наблюденія.

60) Въ этомъ стихѣ оказывается пятнадцать слоговъ вмѣсто тринадцати. Надо полагать, что переписчикомъ внесено самовольно слово *столько*, безъ котораго смыслъ нисколько не теряется.

61) Т. е. нашего богопочитанія.

62) Не достаетъ одного слога; вмѣсто впасти вѣроятно *упасти*,

63) Т. е. взглянемъ еще немного на нашу вѣру къ властямъ.

64) Т. е. праведенъ.

65) Искаженный стихъ: сѣченіе не послѣ седьмаго а послѣ шестаго слога.

66) Вотъ что говоритъ Посошковъ о купечествѣ: «А сей древній купецкихъ людей обычай вельми єсть неправъ, что и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ. Товары на лицо

Да что жъ надъ симъ дивиться, сей обычной моды?
Вонъ дивись, какъ ученія[67] заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ[68] умножить къ нимъ чести[69]
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:[70]
«Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
«Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:
«Пусть какъ можно всякъ скорò о себѣ радѣетъ,
«Кто оныхъ[71] обучаться охоту имѣетъ.»
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому[72] скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплементовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тàмъ стѣни не бывало.[73]
А деньги хоть тòчатся тутъ безперерывно,[74]
Такъ комплементовъ много съ ними,[75] то и не дивно.[76]

являютъ добрые, а внутрь положены или содѣланы плохи, а иные товары и самые плохіе да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые и цѣну берутъ неправедную и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъяняютъ и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и такую неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такаго неправаго порядка незнающимъ людямъ великія пакости чинятся. А если бы въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, чтобы добрые товары за добрые бы и продавати, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару прямую, настоящую, а излишней цѣны ни за какой товаръ не то что взять, но и не припрашивали бъ, и ни стараго, ни малаго, ни несмысленнаго не обманывали бъ, и во всемъ поступали бъ самою правдою, тò благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ....»

67) Одинъ слогъ лишній.

68) Недостаетъ одного слога; вѣроятно, нужно читать: *хотя именемъ*.

69) Т. е. увеличить уваженіе.

70) Т. е. объявляютъ въ газетахъ.

71) Оныхъ ученій, наукъ.

72) Къ тому ученію.

73) Не было и тѣни.

74) Т. е. хоть тутъ постоянно и расточаются деньги.

75) За то много съ ними расточается и комплиментовъ, восхваленій. Въ этомъ стихѣ одинъ слогъ лишній.

76) Вѣроятно, Кантемиръ имѣетъ здѣсь въ виду академію наукъ, которая въ то время совмѣщала въ себѣ гимназію, университетъ и академію наукъ въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь, по мысли Петра Великаго, ученые иностранцы должны были заниматься съ слушателями «изъ славянскаго

Гдѣ если то мнѣ о сёмъ все сполна писати,
То книжку превелику надобно сширати.
Полно и такъ можно знàть, какъ то сего много;
Добра мало, а полнò во всемъ свѣтѣ злаго.
Смотри, лѣтописцы вѣдь полны не даромъ,[77]
Всѣ почти нагружены этимъ же товарамъ,
Что жъ ужъ сказать о нашемъ житьѣ межъусобномъ?
Какъ мы живемъ другъ къ другу во всякомъ дѣлѣ злобномъ?[78]
Тутъ глаза потемнѣютъ, голова вкругъ ходитъ,
Рука съ перомъ отъ жалю,[79] какъ курица бродитъ.
Грозятъ намъ права[80] земныя, Богъ правосудный,[81]
Чтобъ богатый не былъ прàвъ,[82] обиженъ и скудный,
Не судило бъ насъ сребрò, но правда святая,
Виннымъ казнь, а правымъ[83] милость подавая.
Мы жъ то помнимъ и знаемъ, какъ сребра не видимъ,

арода». Къ сожалѣнію, иностранные ученые, подъ вліяніемъ различныхъ бстоятельствъ, почти совершенно уклонились отъ исполненія одной изъ ажнѣйшихъ своихъ обязанностей, указанныхъ регламентомъ Петра—отъ реподаванія въ академической гимназіи и университетѣ. Молодые люди, влявшіеся сюда для образованія, «не имѣли въ наукахъ никакого наставэнія»; съ самаго основанія академіи (1725) до 1733 г. не было въ ней и одного русскаго студента, который бы слушалъ лекціи профессоровъ Іортфель служебной дѣятельности Ломоносова въ «Очеркахъ Россіи» Пасэка, томы II и V). Кантемиръ подобно Ломоносову глубоко возмущался ѣмъ, что не давали «свободно возрастать насажденію Петра Великаго». нъ искалъ даже званія президента академіи наукъ, чтобы уничтожить академическое несчастіе» и возстановить учрежденіе это въ томъ видѣ, ь какомъ желалъ его видѣть Петръ Великій. См. ученыя записки им. кад. наукъ по 1-му и 3-му отдѣл. Т. I, стр. XVIII. (Тихонрав.)

77) Въ стихѣ недостаетъ одного слога.

78) Одинъ слогъ лишній; вѣрнѣе читать: *въ всякомъ дѣлѣ злобномъ.*

79) Отъ жалости.

80) Законы гражданскіе.

81) Искаженный стихъ: сѣченіе послѣ восьмаго слога. Г. Тихонравовъ итаетъ нужнымъ вставить союзъ *но* передъ выраженіемъ *Богъ право- удный*, вслѣдъ за нимъ и Галаховъ полагаетъ, что этотъ союзъ прощенъ въ стихѣ; но съ такимъ мнѣніемъ согласиться не позволяютъ ни етъ слоговъ, ни общій смыслъ всей фразы, который нужно понимать кимъ образомъ: законы земные и правосудный Богъ грозно приказыютъ, чтобъ богатый... и пр. Кажется вѣрнѣе бы читать «Грозятъ намъ рава *земны* и Богъ правосудный.

82) Разумѣется, правъ черезъ свое золото, т. е. не былъ бы оправнъ, не смотря на свою вину.

83) Недостаетъ одного слога.

И клянемся Богу, чтò бѣдныхъ не обидимъ,
Но въ правости будемъ[84] о душахъ радѣти,
А на лица и сребрò не станемъ смотрѣти.
Когда жъ несутъ подарки, гдѣ злато блистаетъ,[85]
То вся та мысль за сто вèрстъ отъ насъ отбѣгаетъ.
Гдѣ Божій и земскій[86] стрàхъ? Даромъ наши души,[87]
Какъ звонятъ серèбрянымъ колокольцомъ въ уши,
Подъячій ходитъ сухъ, хýдъ, лишь кожа да кости,
Вѣдь не съ труда ссохъ, съ коварства да завистной злости,[88]
Что ему не удается[89] драть такъ, какъ другому;
Нѣтъ чѣмъ жену потѣшить, какъ придетъ до дому,[90]
Лучше бы онъ изволилъ тутъ смерть перетерпѣти,
Нежель надъ чьимъ дѣломъ безъ взятковъ сидѣти.
Вонъ иному, хоть деньги онъ съ казны[91] считаетъ,
А не взять ему гривны—душа смертно таетъ.
Такъ то мы милостивы, къ бѣднымъ правосудны:[92]
Выше душъ ставимъ деньги, не плоше Іуды.
Что жъ когда еще глубже во свѣтъ сей заглянемъ?
Вездѣ безъ удовольства удивляться станемъ.
Философъ деревенскій обросъ сѣдинами,
Сладкими разсуждаетъ о свѣтѣ рѣчами.
«Какъ, говоритъ онъ, тепèрь чортъ показалъ моду
Грѣхъ великъ творить, то èсть табакъ пить[93] народу,
Отъ котораго весь ýмъ вредится, темнѣетъ
И мозгъ въ головѣ съ дня на день сушится, тлѣетъ;
Ужъ много такихъ де мы̀ образцовъ видали,
Что многіе изъ тогò люди пропадали.»
То онъ же обличаетъ въ людяхъ моду грубу,
А себѣ четвèрикòмъ самъ валитъ за губу.
Такъ-то людей осуждàть мы тотчасъ готовы,

84) Не достаетъ слога: будемъ *мы?*
85) Т. е. которые блистаютъ золотомъ.
86) Т. е. страхъ гражданскаго закона.
87) Неясенъ смыслъ.
88) Одинъ слогъ лишній въ стихѣ.
89) Тоже.
90) Домой.
91) Казенныя деньги.
92) Для риѳмы нужно бы *правосуды.*
93) *Пить* табакъ употреблялось встарину, особенно у раскольниковъ, вмѣсто *нюхать* табакъ.

Людей видимъ больныхъ, а сами не здоровы:
Такъ вотъ иной хвàстаетъ, что славу не любитъ,
А самъ за самое тò съ свѣта людей гонитъ.[94]
Говоритъ, лицемѣрство ему непріятно,
А самимъ дѣломъ держàть то внушаетъ внятно.
Теперь въ свѣтѣ семъ буде кто пожить желаетъ,
Пускай правды далекò во всемъ отбѣгаетъ:
Инако бо не льзя двỳмъ господамъ служити,
Нельзя Богу и свѣту вмѣстѣ угодити.
Такъ-то сей свѣтъ состойтъ, такъ всѣмъ злымъ пристрастный,
Всѣхъ бѣдствъ, мерзости во всѣмъ полонъ, суестрастный.
Еще жъ то тутъ у насъ нѣтъ милліонной доли,
Ибо тое все списàть нѣтъ силы и воли.
И что жъ, солнце! погрѣшилъ я, такъ разсуждая,
Что если бъ ощущало ты въ свѣтѣ вся злая,[95]
По человѣчески бы могло премѣниться.[96]
И право не престану я о семъ дивиться,
Какъ такъ дана ти воля сіять терпѣливно
На насъ бѣдныхъ, столь Богу живущихъ противно.
Больше со удивлѐнія[97] не могу писати,
И хоть не въ пору, да ỳжъ принужденъ кончати.

---

94) Вѣроятно *губитъ*, для рифмы съ *любитъ*.
95) Все злое. Церк. слов. форма средн. р. мн. ч.
96) Т. е. перемѣниться, какъ мѣняется человѣкъ.
97) Для правильнаго счета слоговъ нужно читать: *съ удивленія*.

САТИРЫ КАНТЕМИРА ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВИДѢ.[1]

САТИРА I.

НА ХУЛЯЩИХЪ УЧЕНІЕ.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

—

НА ПЕРВУЮ САТИРУ КЪ ЧИТАТЕЛЮ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не столько обычаю, сколько нуждѣ послѣдуя, предувѣщаніе сіе пишу. Нужно мнѣ показалося,[2] прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебѣ, съ какимъ намѣреніемъ они писаны. Ни зависть, ни злобная хулить охота[3] принудили меня осмѣять смѣющихся ученіямъ; но излишество времени почти побудило къ тому. И такъ, все то, что тутъ я написалъ, въ забаву писано; между тѣмъ, хотя многіе могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и

---

1) Выписки изъ этихъ сатиръ по рукописи, принадлежащей г. Аѳанасьеву, были напечатаны въ первый разъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. Затѣмъ г. Галаховъ въ первой части своей исторической хрестоматіи, по той же рукописи, напечаталъ *вполнѣ* двѣ первыя сатиры. Но рукопись г. Аѳанасьева оказалась неисправною; многіе стихи въ ней значительно искажены. Для сличенія у меня было *семь* рукописей, хранящихся въ Имп. публ. библ.; изъ нихъ самыя исправныя — XIV, Q, 6 и XIV, F, 8, по которымъ преимущественно и сдѣланы свѣрки. Удареній надъ стихами при концѣ ихъ сѣченія не поставлено, потому что самъ стихотворецъ не обращалъ вниманія на правильное ихъ паденіе; здѣсь они у него приходятся не рѣдко на шестомъ слогѣ, что уже нарушаетъ ритмъ, принятый имъ впослѣдствіи. Можно полагать, что это было однимъ изъ главныхъ несовершенствъ, заставившихъ его передѣлать пять первыхъ сатиръ, которыя были имъ написаны прежде *Письма о стихосложеніи*, гдѣ онъ, вдумавшись въ дѣло, уже излагаетъ опредѣленныя правила для стиха; сообразно съ ними и написаны имъ слѣдующія три сатиры. Но въ сатирѣ *Къ солнцу* не соблюдены эти правила, что заставляетъ насъ причислить ее къ разряду первоначальныхъ сатиръ Кантемира.

2) По рукописи г. Аѳанасьева: *потребно мнѣ быть показалося*.

3) Въ той же рукописи искаженіе: *ни злоба хулить, охота*...

4) Тамъ же: *осмѣющихся ученіемъ*....

нравы изображенны, вѣдали бы, что я никого партикулярно себѣ не представлялъ, когда писалъ характеры, въ сей сатирѣ содержащіеся, и охуждая злонравіе[5]—не примѣчалъ злонравнаго. Прочее, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ ихъ не челъ; а кто меня за нихъ хулить станетъ, тотъ помнилъ бы, что дурной лицемъ николи зеркала не любитъ.[6]

АВТОРЪ О СЕБѢ. ЭПИГРАММА I.

Что далъ Горацій, занялъ у француза.
О коль собою бѣдна моя муза!
Да вѣрно, ума хоть предѣлы узки
Что взялъ по польски, заплатилъ по русски.

ЭПИГРАММА II.

Кто я такой — не скажу, а вотъ мнѣ примѣта:
Не русакъ, дикъ именемъ, млады мои лѣта.[7]

—

5) Тамъ же: *и слушая злонравіе*...

6) За этимъ предисловіемъ въ рукописяхъ слѣдуютъ стихи Ѳеофана Прокоповича: «Не знаю, кто ты пророче» (выше стр. 22), подъ которыми подписано *1 апрѣля дня 1730 г. въ Москвѣ*; за тѣмъ латинскіе стихи архимадрита Ѳеофила Кролика, до стиха: *Omne feres etc.* и далѣе слѣдующіе: *Къ тому жъ творцу*:

Творче, не съ малымъ полкомъ брань тебѣ и дѣло,
Но съ дурачествомъ, еже весь свѣтъ одолѣло
И давно наполнило глупыми вселенну.
Того для кое диво, что тебѣ ученну
Нѣсть въ градѣхъ русскихъ мѣста, но между сатиры?
Въ лѣсъ тя темный прогнали глупи богатиры, (*)
Такъ что никто твоего имени не знаетъ;
Но мнѣ князь честный, иже злобы побѣждаетъ. (**)
Я боголюбецъ (*а*), хотя изъ малой звѣрины,
Или царыкъ (*б*), желаю сему злу премѣны (***)
И тебѣ: да будеши и именемъ явный
И славенъ обличая обычай злонравный.

За тѣмъ продолжаются латинскіе стихи: *Quas tibi etc.* (см. стр. 23—24)

(*) Смѣшеніе *сатиры* и *сатира*. Кантемиръ также полагалъ, что эти случайно сходныя названія происходятъ одно отъ другаго.

(**) По рукописи г. Аѳанасьева: *охуждаетъ*.

(***) По малороссійскому произношенію слова *премѣны* и *звѣрины* должны риѳмоваться.

а) «Ѳеофилъ» (рук.)

в) «Царыкъ, польскимъ діалектомъ: кроликъ» (рук.)

7) Кантемиру въ то время было 20 лѣтъ.

САТИРА.

Уме слабый, плодъ трудовъ недолгой науки!
Покойся, если хочешь прожить жизнь безъ скуки:
Не писавъ, дни летящи вѣка проводити
Можно и хвалу достать, хоть творцомъ не слыти.
Противно ученіе, творецъ не милъ чаю,
Когда чту книгу кому—говоритъ: скучаю!
Правда, нашъ младый монархъ немала надежда
Есть Музамъ: постыдится предъ нимъ всякъ невѣжда;
Аполлонъ не слабу въ немъ ощутилъ защиту,
Видѣлъ того самого чтяща его свиту,
И подъ сѣнью милости его всѣмъ обильно
Тщится множить Парнаса жителей онъ сильно.
Но то бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзостно ругаютъ.
Никаковъ плодъ, всѣ кричатъ, не видимъ науки:
Ученыхъ хоть голова полна—пусты руки.
Любятъ больше тѣлесну, не ума красу.
Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу;
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Да прикроетъ; на шею повѣсь цѣпь отъ злата;
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою;
Клюку пышно повели нести предъ тобою.
Раздувшися въ каретѣ, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву.
Подъ видомъ смиренія зависть преглубока,
Да цвѣтетъ въ сердцѣ къ власти охота жестока.
Священноначальника всякъ тя въ сихъ познаетъ
Знакахъ; благоговѣйно отцемъ называетъ.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего вредъ доходамъ и церковной славы;
Лишь сокровище бъ цѣло, хоть души нездравы.
Ереси и расколы суть науки дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Въ безбожіе приходитъ, кто надъ книгой таетъ:
Говоритъ тотъ, кто и самъ мало Бога знаетъ.
Щеголь тужитъ, что много бумаги исходитъ
На печатаніе книгъ; а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудры;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;

Предъ Егоромъ Виргилій двухъ денегъ не стоитъ;
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Стоитъ философіи кафтанъ, сшитъ богато,
Гдѣ мудро изложено блещетъ сребро, злато.
Какъ красно распещренный павлинъ, хвалитъ тѣло;
Ноги той,[8] главу же сей[9] презираетъ смѣло:
Полна ль она иль пуста, та не сокрушаетъ
Мысль его—коли платью видъ добрый дать знаетъ.
Злато обыкшъ за крайно добро почитати—
Мыслитъ, какъ бы то на рубль пять алтынъ достати;
А наука, говоритъ, мѣшку не прибытокъ,
Дома—не прибытокъ, пагуба, убытокъ;
Давать за пусты слова, мѣшку не полезны,
Деньги, пôтомъ нажиты, всѣмъ въ свѣтѣ любезны,
Тратить надъ книгой время, только чтобъ мудръ звался,
Сумнится, чтобъ кому трудъ не глупъ показался.
Завистный, видя въ иномъ, что самъ не имѣетъ,
Вредный нося въ сердцѣ ядъ, злы плевелы сѣетъ,
Ищущи сѣмя наукъ учинить безплодно,
Безъ стыда гремя слово, древнимъ глупцамъ сродно:
Живали мы, говоритъ, не зная латинѣ
Прежъ сего, хотя просты, лучше нежли нынѣ;
Въ невѣжествѣ гораздо больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
На что намъ грамматика? Естество насъ учитъ
И безъ правилъ говорить: безъ плода трудъ скучитъ.
Мужеска пола имя, что съ женскимъ вязати
Не надлежитъ[10] причину мнѣ знать съ коей стати?
Полно мнѣ не погрѣшить въ моемъ разговорѣ,
Не сказать: *зла*, но *злый* есть, говоря о ворѣ.
Плодовито говорить—врать даетъ причину;
Прилично молчаливу быти дворянину.
Казанье[11] писать—пользы нѣтъ ни малой мѣры:
Есть для исправленія нравовъ Камень Вѣры;
Доводомъ рѣчь утверждать—подлыхъ то есть дѣло;
Знатныхъ есть—хотя не знать, только спорить смѣло.

---

8) Т. е. Тотъ—павлинъ.
9) Щеголь.
10) Въ рук. г. Аѳанасьева ошибочно *надлежитъ* безъ отрицанія.
11) Проповѣдь; казнодѣй—проповѣдникъ.

Силы духовъ и души розыскать[12] предѣлы —
Напрасно время тратить, хотя между дѣлы;
Бога неприлично есть свойства испытати:
Каковъ Богъ—что нужно знать? полно[13] признавати.
Травъ, болѣзней знаніе—голы то всѣ враки.
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Что смѣшнѣе—въ всѣхъ бѣдахъ кровь бѣдну винити
Тщится. Тихо ли идетъ? мыслитъ слабость быти;
Коли спѣшно—жаръ въ тѣлѣ; на все резонъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
Здоровье больнымъ сулятъ;[14] всегда ль то бываетъ?
Не вѣмъ, только въ ихъ рукахъ карманъ чахнетъ, таетъ.
Учиться рудъ качеству—о, какъ глупо дѣло!
Коптить въ дыму очеса, жечь при огнѣ тѣло;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе сребра, злата, мѣди.
Когда вижу, что солнце всходитъ и заходитъ,
Что грѣетъ, что силою того сѣмя всходитъ,
Что мѣсяцъ свѣтъ подаетъ, день и ночь бываетъ,
Зима стужею скучна, лѣто нагрѣваетъ—
Къ чему звѣздъ теченіе и свойства счисляти,
Для одного въ планетѣ пятна ночь не спати,
Для любопытства только лишиться покою,
Ища, солнце ль движется или мы съ землею?
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.»
Пьяница, раздутъ съ вина, чуть видя глазами,
Раздранъ, смраденъ, по лицу распещренъ угрями,
Совѣтуетъ въ весельѣ житье провождати:
«И такъ-де то не долго—на что коротати?
Крушиться надъ книгою и повреждать очи
Почто? не лучше ль—съ кубкомъ прогуливать ночи?
Вѣдь мы для сообщества въ свѣтѣ сотворенны,

---

12) Въ рук. г. Аѳанасьева ошибочно: *разъискивать*.

13) Въ рук. г. Аѳанасьева пропущено: *полно* (довольно), а вмѣсто *признавати—познавати*, отчего г. Аѳанасьевъ, а за нимъ и г. Галаховъ ошибочно предполагаютъ, что вмѣсто слова *нужно* слѣдовалобы *нужды*; но тогда выйдетъ совершенно превратный смыслъ. Кантемиръ хотѣлъ сказать, что нужно знать о Богѣ только то, что онъ есть, существуетъ.

14) Доктора.

Не въ нашу только пользу умомъ одаренны:
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество будетъ мнѣ чернило,
Перо, бумага? Ей, то житье не всѣмъ мило.
А вино не таково; много въ немъ провору:
Дружитъ людей, причину даетъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія думы прекращаетъ,
Смѣла творитъ, къ взаимной любви побуждаетъ,
Жестокихъ умягчаетъ сердца, всеполезно,
Виномъ легче всякъ можетъ достать что любезно.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
И будутъ тещи къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся опять къ намъ минувши вѣки,
Когда Дунай протекать престанетъ чрезъ Вѣну,
Сребро, злато въ приказахъ потеряетъ цѣну,
Когда лучше свѣжины взлюбитъ умной стерву,
Тогда развѣ предпочту Бахусу Минерву.»
Еще то не все, уме! Кто все то[15] исчислитъ,
Чѣмъ злоба добродѣтель охуждати смыслитъ?
Довольно однакоже можешь разумѣти,
Что въ нашъ вѣкъ не къ пользѣ намъ что ни есть[16] умѣти;
А зная то, можешь ли имѣть ты охоту
Хулу искать въ мзду себѣ за тяжку работу,
Бдѣть и безпокойствовать, думать, надсѣдаться,
А за что? чтобъ было чѣмъ надъ тобой ругаться.
Когда пользы нѣтъ, хвала къ трудамъ ободряетъ;
А какъ и ту не имѣть—сердце унываетъ;
Кольми паче—вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли попу не славить святую недѣлю,
Нежли[17] купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Ужъ минулось то время, когда за богатство,
За честь, за всемудрости имѣли изрядство,
Когда сенаторъ овцы самъ пасть не стыдился,

15) Въ рук. г. Аѳанасьева *то* пропущено.
16) Тамъ же пропущено *ни есть*.
17) Въ рук. г. Аѳанасьева въ обоихъ стихахъ ошибочно *не жели*.

Не пыхою [18], но нравы чинъ свой славить тщился.
Теперь платьевъ и нравовъ премѣнилась мода,
Златой вѣкъ до нашего не дотягнулъ рода;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло,
Невѣжество—знаніе ужъ мѣстомъ посѣло:
То [19] подъ митрой гордится, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Оно за краснымъ сукномъ судитъ, полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ знатнѣйшихъ домовъ съ ругательствомъ сбита
И въ самой богадельнѣ мѣста не находитъ,
Мразна, нага, голодна, безъ помощи бродитъ;
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбу,
Какъ страдавши на морѣ корабельну службу.
Коли кто карты мѣшать, винъ разныхъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ смѣло за одну ночь все промотати,
Что чрезъ цѣлую отецъ жизнь тщался собрати,
Довольно искусенъ есть, достоинъ тотъ быти
Первымъ по Аполлонѣ и Платономъ слыти.
Таковому вышша честь—мзда есть нечрезмѣрна;
Ничто предъ нимъ порода, умъ и служба вѣрна,
Однимъ словомъ, угоднымъ къ всѣмъ чинамъ ся числитъ,
Кто—три и два что чинитъ—угадать не смыслитъ,
«Нѣтъ въ людяхъ правды, гласитъ безмозглый церковникъ:
Еще я не епископъ, а знаю часовникъ.
Псалтырь и посланія честь бѣгло умѣю,
Не запнусь въ Златоустѣ, хоть не разумѣю».
Воинъ, что не фельдмаршалъ, ропщетъ, воздыхаетъ;
Резонъ тому? подписать имя свое знаетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
А что знаетъ? преписать дѣло письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Хоть тяжко, да безстрашно есть не быти въ знати,
Чѣмъ, познанъ бывъ, за добро да злое страдати.

18) Пыха—надменность, чванство; *нравы* вм. нравами.
19) Невѣжество.

Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не тщися, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, терпѣть хулу злую.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Сатира сія сочинена въ концѣ 1729-го года и есть первая изъ трудовъ авторовыхъ, который имя свое утаилъ, по обычаю всѣхъ почти сатириковъ. Въ ней онъ, насмѣвался невѣжеству, описываетъ многихъ злое мнѣніе о наукахъ.—Можно сказать, что сатира сія ни съ чего не имитована, но есть выдумка нашего автора, понеже изъ всѣхъ сатириковъ никто особливую сатиру на хулящихъ ученіе не дѣлалъ.—Авторъ нашъ, сочиня сію сатиру, не много себѣ ею льстилъ, такъ что съ трудомъ одному пріятелю ее показалъ, который ее списать выпросивъ, показалъ преосвященному архіепископу Ѳеофану. Сей, прочетши ее и объ авторѣ испытився, приложа въ похвалу его стихи (которые въ началѣ сей книжицы приложены), къ нему послалъ, присовокупивъ въ даръ книгу одну: *Гиралдія о богахъ и стихотворцахъ*. Сему архипастырю послѣдовалъ и Ѳеофилъ Кроликъ, пречестный архимандритъ Новоспасскій, такъ что ихъ похвалами ободренъ, нашъ молодой сатирикъ вдаль поступилъ и совокупилъ слѣдующія три сатиры и иныя творенія, изъ которыхъ часть многимъ извѣстна, часть же ждетъ исправленія.

Ст. 4. *Творцомъ не слыти*. Творца имя тутъ значитъ издателя книги. Авторъ, латинское имя, тоже знаменуетъ.

Ст. 7. *Молодой монархъ*.—*Петръ II* вступалъ тогда въ пятое-надесять лѣто своего возраста, рожденъ бывъ 1715-го года, октября 12.

Ст. 8. *Есть музамъ*. Музы суть (по баснословію древнихъ) богини, Юпитера и Памяти дочери. Девять ихъ числомъ, которыхъ сказываютъ изобрѣтательницъ быть всѣхъ наукъ. Имена ихъ суть *Кліо*, *Уранія*, *Евтерпе*, *Ератонъ*, *Ѳалія*, *Мелпомена*, *Терпсихора*, *Каліопе* и *Полимнія*. Обычайно имя музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ.

Ст. 9. *Апполонъ не слабу въ немъ*. Апполонъ сынъ Іовиша и Латоны, братъ Діаны, за бога у древнихъ почитанъ. Рожденъ въ островѣ Делфосѣ, для того и Делфическій Апполонъ называется. Онъ почитается за начальника всѣхъ музъ; имя его фигурально, какъ въ семъ стихѣ, употребляемо значитъ науку.

Ст. 10. *Видѣлъ того самого, чтяща его свиту*. Апполона свита суть Музы. Его Величество *Петръ II* собою показалъ образъ почитанія наукъ, понеже самъ, пока не былъ обремененъ вагою правленія государства, охотно обучался приличнымъ такой высочай-

шей особѣ наукамъ. Прежде восшествія на престолъ россійскій Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ венгерина, а потомъ въ 1727-мъ году взятъ для наставленія Его Величества въ математикѣ, философіи и прочихъ наукахъ, Христіанъ Голдбахъ, академіи наукъ санктпетербургской секретарь, мужъ остроумный и глубокаго ученія, который по самую смерть монархову чинъ учителя Его Величества отправлялъ. По прибытіи въ Москву, Его величество изволилъ подтвердить привиллегіи академіи наукъ, учредивъ постоянные и порядочные доходы учителей и протчихъ служителей того училища.

Ст. 12. *Парнаса жителей.* Парнасъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой, посвященна музамъ, и на ней онѣ свое жилище имѣютъ. Ученые люди фигурально парнасовы жители называются. Симъ стихомъ авторъ припоминаетъ великодушіе монарха къ учителямъ, которые на Его Величества коштѣ тщатся пріумножать въ Россіи науки и людей ученыхъ.

Ст. 18. *Епископомъ ли хочешь быть.* Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ Д***, который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю первосвященства должность; а существенную, которая есть душеспасительными поученіями къ добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ.

Ст. 19. *Риза полосата.* Есть епанча изъ шолковой матеріи, безрукавна и на подолѣ сшита, которую сверхъ всего платья архіереи надѣваютъ. На ней поперегъ нашиты полосы атлаcныя разныхъ цвѣтовъ; обычайно одежда сія *мантія* называется. Прежде сего архіереи повсюду ѣзжали одѣты въ сей мантіи, но по установленія въ Россіи Синода не вольно было архіерею носить ее, развѣ когда ѣдетъ къ священнослуженію, и сей уставъ продолжался до 1727 г., въ которомъ проискомъ единаго отъ архіепископъ позволено архіереямъ употреблять оную мантію въ знатныя торжества и въ публичныхъ собраніяхъ.

Ст. 20. *Цѣпь отъ злата.* Архіереи повседневно сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса повѣшену имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебрену, къ которой привѣшенъ образъ на финифти написаный, спасителя, богоматери или святаго котораго нибудь.

Ст. 21. *Брюхо бородою.* Широкую бороду и по брюху распущенную за особливую украсу невѣжи священническому чину причитаютъ. У раскольниковъ борода въ великомъ почтеніи. Многіе изъ нихъ и по нынѣ тяжкую подать платятъ, только чтобы въ бородѣ ходить. Димитрій митрополитъ Ростовскій цѣлую книжицу написалъ чтобъ отбыть суевѣріе простолюдныхъ о бородѣ; напечатана оная книжица въ Москвѣ .... году.

Ст. 22. *Клюку... нести предъ тобою.* Когда архіерей ѣдетъ къ свя-

щенно служенію или оттуда возвращается, одинъ изъ его пѣвцовъ или служителей, верхомъ сидя, везетъ патерицу епископскую въ знакъ власти его церковной, и дабы тѣмъ знакомъ народъ о проѣздѣ своего архипастыря увѣдомленъ былъ и почтеніе бы ему дѣлалъ.

Ст. 30 *Выпись позабудетъ*. Выпись есть письмо приказное, которымъ судія удостовѣряетъ, что товаръ каковъ чистъ и что съ него въ государственную казну пошлина взята, или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни и проч.

Ст. 33. *Ереси и расколы*. Хотя то правда, что почти всѣ ересіархи (или ѳресеначальники) были ученые люди, однако отъ того не слѣдуетъ, что тому вина есть наука ихъ; ибо много ученыхъ, которые да не еретики. Таковъ есть Св. Павелъ Апостолъ, Златоустый, Василій Великій и пр. Огонь служитъ и нагрѣвать и разорять людей въ конецъ, какъ будешь его употреблять. Пользуетъ онъ, ежели употребленіе добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука зла, но золъ тотъ, кто обоихъ злѣ употребляетъ. Между тѣмъ и то примѣтно, что въ Россіи расколы больше отъ глупости, чѣмъ отъ ученія рождаются. Прочее, суевѣріе есть истое невѣжества порожденіе.

Ст. 35. *Въ безбожіе приходитъ*. Обыкновенное невѣждъ мнѣніе есть, что всѣ тѣ, которые многому книгъ чтенію вдаются, напослѣди не признаютъ Бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество, изящество и порядокъ изрядной твари познаетъ (что удобно изъ книгъ бываетъ), столько больше Творца чтить естественнымъ смысломъ убѣждается. А невѣжество приводитъ въ злыя весьма о Божествѣ мнѣнія, какъ наприкладъ Богу уды и страсти человѣческія приписывать, на что многіе имѣются примѣры.

Ст. 36. *Мало Бога знаетъ*. Знать Бога и признавать его нѣсколько, по моему мнѣнію, между собою разнятъ. Всякъ православный признаетъ Бога; но очень мало знаютъ его, т. е. вѣдаютъ его свойства, лицъ Св. Троицы раздѣленіе и прочая, для истиннаго Бога знанія нужныя извѣстія.

Ст. 40. *Не смѣнитъ на Сенеку*. То есть не смѣнитъ на книгу Сенекову фунтъ пудры. Сенека былъ философъ, учитель императора римскаго, отъ него убіенный. Родился онъ въ Корду въ Ишпаніи, мало прежде смерти Августа Цесаря (братій онъ имѣлъ, изъ отца своего Сенеки именемъ, и матери своей Елбіи, двухъ — *Аннеа Новата* и *Аннеа Гэллу*). По склонности своей, Сенека съ младенчества вдался къ наукамъ, въ которыхъ и гораздо преуспѣлъ: въ философіи. Онъ былъ секты стоической. Умре въ лѣто Христово 65-е, въ царствованіе Нерона, поживъ лѣтъ.... Многіе думаютъ, что онъ былъ христіанинъ и что имѣлъ корреспонденцію письменну съ Апостоломъ Павломъ. Сего Сенеки имѣются многія и почти лучшія изъ древнихъ моральныя книги.

Ст. 41. *Предъ Егоромъ.* Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, весьма искусенъ въ своемъ художествѣ; умре 1729 г.

Тамъ же. *Виргилій.* Стихотворецъ латинскій. Былъ сынъ нѣкоего горчешника изъ Анды, въ провинціи Мантинской, гдѣ онъ родился 15 октября 684 лѣта по созданіи Рима, лѣта Христова.... Въ Римъ пріѣхавъ, за его умъ преискусный охотно дружбу съ нимъ свели многіе изъ знатнѣйшихъ града, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценасъ и Полліонъ. Онъ стихи писалъ, которымъ весь свѣтъ дивится, и возвелъ стихотворство латинское въ степень высочайшу. У всѣхъ онъ имѣется за князя стихотворцевъ (въ эклогахъ подражалъ онъ Өеокриту, въ Георгикѣ Гесіоду, а въ Енеидѣ Омиру). Стихотворецъ сей умре въ Бриндѣ, въ Калаврахъ, возвращаяся съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 лѣто своего возраста. Тѣло его погребено близъ Неаполя.

Ст. 42. *Рексу не Цицерону.—Рексъ* былъ славный портной, первый въ своемъ художествѣ въ Москвѣ. *Марко Тулій Цицеронъ* былъ сынъ нѣкоего римскаго всадника, который рода своею начало велъ изъ Тита Тація, короля сабинскаго. Еще въ юношествѣ своемъ Цицеронъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ, такъ дерзновенны, противъ друзей Катилиновыхъ, что, убоявся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучився, въ такое совершенство привелъ латинское сладкорѣчіе, что отцемъ витійства латинскаго названъ. Въ 691-е лѣто по созданіи Рима, выбранъ съ Антоніемъ Непотомъ въ консулы, а по убіеніи Іулія Цесаря (котораго онъ повиненъ не былъ), учиненъ тріумвиръ, вкупѣ съ Антоніемъ и Лепидомъ. Въ семъ чину вступивъ Антонинъ, ненавистію побужденъ противъ Цицерона за рѣчи, которыя противъ него въ сенатѣ говорилъ, убити его изъ Рима бѣжащаго повелѣлъ; что и учинилъ нѣкоторый Попилиусъ, отсѣкши ему главу, въ 712 лѣто по созданіи Рима въ 43 Христово, прежде рожденія, въ 64 своего возраста. Рожденъ былъ 3 числа генваря лѣта по созданіи Рима 648.

Ст. 50. *Пять алтынъ достати.* Алтынъ есть малая монета россійская, имѣющая цѣну трехъ копѣекъ. Имя сіе, какъ общее мнѣніе есть, взято отъ татаръ. Турки и понынѣ червонецъ называютъ алтынъ. Пятью алтынами на рубль означаетъ авторъ чрезмѣрные проценты, которыхъ сребролюбцы отъ должниковъ своихъ истязуютъ.

Ст. 63. *Въ невѣжествѣ гораздо больше хлѣба жали.* Неоднократно слова сіи слышаны отъ многихъ, что какъ языки и обычаи чужестранные мы стали употреблять, то сталъ у насъ недородъ хлѣба, будто они тому причина; а не хотятъ правильно разсудить, что вина тому земледѣльцевъ лѣность и воздухъ непорядочный — знаки гнѣва Божія, праведно на насъ движимаго за наши предъ Нимъ тяжкія преступленія, и обиды ближнимъ, нами чинимыя, что у другихъ народовъ перенимать не нужно: у всѣхъ того и дома много.

Ст. 65. *На что намъ грамматика.* Разсужденіе сіе о грамматикѣ нѣсть фикція авторова, но подлинныя рѣчи человѣка не простаго, который, въ компаніи нѣкоей будучи, пользу науки сей такъ грубо охуждалъ.

Ст. 71. *Плодовито говорить.* Въ семъ стихѣ завидливый описательно риторику изъявляетъ.

Ст. 74. *Камень вѣры.* Книга въ листъ, твореніе покойнаго митрополита Рязанскаго (Стефана Яворскаго), издана въ Москвѣ 1728 года; содержитъ она въ себѣ доводы разные изъ св. писанія и отцевъ святыхъ въ утвержденіе правовѣрнымъ въ догматахъ своихъ и въ обличеніе и сопротивленіе еретиковъ. Книга сія въ великой похвалѣ у всѣхъ имѣется, и за такое нѣчто чего лучше въ душевную пользу написать невозможно.

Ст. 75. *Доводомъ рѣчь утвердить.* Логику симъ стихомъ разумѣетъ авторъ, которой дѣло есть право о вещи какой разсуждать и то другому ясными доказать доводами. Науку сію знатнѣйшіе неполезну и только въ школѣ, а не въ сообществѣ нужну почитаютъ.

Ст. 76. *Спорить смѣло.* Когда кто властію силенъ и съ низшими себя разговоры имѣетъ не нужны ему доказательства; понеже хотя слово его право, хотя—нѣтъ, никто прекословить не смѣетъ, иной надежду имѣя милость какую отъ него получить, иной опасаяся бѣды въ дерзновенномъ отвѣтѣ. И потому обычайно знатные и великосильные рѣчи свои авторитетомъ своимъ, а не доказательствомъ и доводами подтверждаютъ. Король французскій, вмѣсто всѣхъ доводовъ, указы свои такъ кончаетъ: Nous voulons et nous ordonnons, car tel est notre plaisir, то есть: мы хотимъ и повелѣваемъ, понеже такъ намъ угодно.

Ст. 77. *Силы духовъ.* Въ семъ стихѣ о метафизикѣ завидливый говоритъ.

Ст. 79. *Бога не прилично.* Богословіе симъ стихомъ описано.

Ст. 81. *Травъ, болѣзней знаніе.* То есть, медицина.

Ст. 82. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Докторы, когда къ больному приходятъ, чтобъ узнать болѣзнь въ болящемъ, щупаютъ въ рукѣ его жилы удареніе, отчего познаютъ крови теченіе каково, и слѣдовательно и болѣзни жестокость или слабость. Къ тому въ семъ стихѣ авторъ *аллюзію* (пріуподобленіе смѣшное) дѣлаетъ.

Ст. 83. *Въ всѣхъ бѣдахъ кровь бѣдну винити.* Завидливый въ семъ стихѣ насмѣяться хочетъ обычаю докторовъ, которые часто всѣхъ болѣзней причину на кровь кладутъ, говоря, что жаръ бываетъ отъ скораго крови теченія, слабость отъ установки крови, и симъ подобная. Эти слова не суть выдумка автора, но подлинно у многихъ древнихъ людей слышаны, которые способъ натурѣ, чрезъ лѣкарства чинимый, не только въ глупость ставятъ, но и за грѣхъ почитаютъ.

Ст. 86. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя ана-

томисты и знаютъ тѣла структуру и состояніе, однако не льзя отъ того разсудить объ тѣхъ непорядкахъ, которые въ живомъ человѣкѣ случаются, понеже еще никто не видалъ каково есть движеніе внутренниxъ человѣка, а между трупомъ и живымъ человѣкомъ великая разница. Такое разсужденіе о медицинѣ только въ завидливаго человѣка устахъ пристало.

Ст. 89. *Учится рудъ качеству.* Наука, изслѣдующая рудъ качество есть *химія*; слово же руда тутъ металлъ значитъ, что ясно разумѣется, изъ слѣдующихъ стиховъ, гдѣ завидливый говоритъ, что онъ не робенокъ, чтобъ ему безъ науки не можно было знать: что серебро, что золото, и что мѣдь.

Ст. 93. *Когда вижу, что солнце всходитъ.* Объ астрономіи тутъ завидливый говоритъ, да весьма несовершенно ее описуетъ. Въ солнцѣ лучшее его свойство минуетъ, то есть свѣтъ его, который и прочимъ планетамъ подаетъ; только два времени года напоминаетъ: лѣто, да зиму; а о веснѣ и осени молчитъ и проч.

Ст. 98. *Для одного въ планетѣ пятна.* Въ солнцѣ только астрономы пятна обсервуютъ, да и то днемъ; и потому разумѣется, что тутъ о коньюнкціи двухъ планетъ хочетъ разсуждать завидливый. Понеже когда двѣ планеты сойдутся вмѣстѣ, то живетъ, что нижной планета пятномъ покажется въ вышнемъ планетѣ. Того онъ прямо разсказать не умѣетъ.

Ст. 100. *Солнце ль движется или мы съ землею.* Два мнѣнія имѣютъ астрономы объ системѣ свѣта. Первое и древное есть, въ которомъ земля вмѣсто центра всего система имѣется, а около ея планеты Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и Венусъ вертятся, всякой въ извѣстное время. Земля въ семъ системѣ неподвижна стоитъ. Называется система сіе *птолемаическое* отъ Птоломея вымыслителя того. Другое есть, которое солнце неподвижно (но около себя самого обращающееся) поставляетъ, а прочія планеты, между которыми есть и земля наша, въ учрежденное всякому время около его вертятся. Луна уже не планета, но сателлесъ есть земли, около которой кругъ свой совершаетъ въ 29 дней. Сіе система отъ иноземца Коперника въ лѣто Христово... вымышленно и для того *коперническое* называется. Есть и третіе система, Тихона Брагеа, датчина родомъ, которое однако изъ сихъ двухъ составлено, понеже онъ съ Птоломеемъ согласуется, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

Ст. 101. *Въ четверти дѣлить.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 саженъ широка и 80 долга.

Тамъ же. *Безъ Евклида смыслимъ. Евклидъ* былъ математикъ славный въ Александріи, гдѣ во время Птоломея Лага училище свое математическое имѣлъ въ лѣто по созданіи Рима 454. Трудовъ его

асъ осталося *Елементы*, содержащіеся въ 15-ти книгахъ: фунда-
тъ всей геометріи, можно сказать и всей математики.

т. 102. *Безъ алгебры счислимъ*. Алгебра есть часть математики
ьма трудная, но и преполезна, понеже служитъ всѣмъ искуснымъ
ематикамъ въ рѣшеніи труднѣйшихъ задачъ всея математики.
кно назвать ее генеральною ариѳметикою, понеже много съ нею
етъ сходства и части ихъ между собою по большой части сходны;
ько что ариѳметика для всякаго числа партикулярные употреб-
гъ знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу слу-
ъ. Наука сія въ Европу, сказываютъ, пришла отъ арапъ, ко-
ыхъ мнятъ тоя быть авторами; имя самое алгебры есть арапское,
орые науку сію называютъ *Алжабръ валму кабала*, что по ихъ
читъ *наверсташь* и *соравнять*.

т. 108. *Съ кубкомъ прогуливать ночи*. Кубокъ есть стаканъ боль-
і, хрустальный, съ покрышкою.

т. 111. *Для мертвыхъ друзей*, то есть, для книгъ.

т. 115. *А вино не таково*. Тутъ пьяница изрядно исчисляетъ
ьзу, отъ употребленія вина бывающую, понеже напоминаетъ токмо
рые его еффекты, а умолчеваетъ ссоры, драки, убійства, отъ піян-
а происходящія.

т. 120. *Виномъ легче... что любезно*. Свидѣтельство сему есть Ло-
а исторія, котораго дщери виномъ упоивши, похоть свою испол-
и. Святый Павелъ апостолъ увѣщеваетъ вина воздержаться, а
чину тому кладетъ, что пьяный легко въ прелюбодѣяніе впасть
жетъ: не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ.

т. 121. *Когда по небу*. Подражаетъ тутъ авторъ Овидіевы стихи
7-й его Елегіи читаемые. Се они: (см. выше, стр. 28).

т. 125. *Дунай чрезъ Вѣну*. Дунай извѣстная рѣка, впадающая
Черное море. Зачало или ключъ ея есть въ Германіи въ граф-
ѣ Баварскомъ, въ Свабіи. Вѣна есть въ Архидукатствѣ Аустрій-
мъ, столичный городъ Имперіи Романской и цесарская рези-
ція.

т. 126. *Сребро, злато въ приказахъ потеряетъ цѣну*. То есть,
да не льзя будетъ уже ничего деньгами въ приказѣ себѣ на поль-
здѣлать.

т. 128. *Предпочту Бахусу Минерву*. Бахусъ, сынъ Юпитера и
емели, у древнихъ почитанъ былъ за бога вина и винограда. Ми-
ва, у древнихъ, богиня мудрости и всѣхъ художествъ. Рожденна
изъ мозгу Юпитера безъ матери. Богъ бо сей, заставя Вулкана
рить себя въ лобъ молоткомъ, по ударѣ произошла богиня сія.
а реченія «сего предпочту Бахусу Минерву», есть что: тогда не
ну пить, да стану учиться.

т. 140. *Пьяницѣ вина не имѣти*. Не можно сыскать труднѣй-
о для пьяницы наказанія, какъ ему вина не давать.

т. 141. *Не славить святую недѣлю*. Попы обычайно всю недѣлю

жадно для своей корысти по всѣмъ дворамъ воскресшаго изъ мертвыхъ Христа прославляютъ.

Ст. 142. *Нежли купцу*. Купца имя тутъ значитъ посадскаго человѣка, которые обычайно суть пиволюбцы и почти всегда въ Москвѣ лучшія пива имѣютъ, и понеже рѣдко въ ихъ домахъ виноградное вино держатъ, пивомъ другъ передъ другомъ хвастаютъ.

Тамъ же. *Не въ три пуда хмѣлю*. То есть, такое пиво, въ котораго варю положено три пуда хмѣлю. Купцы любятъ всегда пить крѣпкое пиво, живетъ у нихъ и въ пять пудъ варя.

Ст. 145. *Когда сенаторъ*. Имитованъ стихъ сей изъ 1-й книги Овидіевыхъ фастовъ:

Pascetato suas ipse senator oves.

Ст. 147. *Премѣнилась мода*. Мода есть слово французское: значитъ обычай въ ношеніи платья, или въ церемоніяхъ какихъ и поступкахъ.

Ст. 148. *Златой вѣкъ*. Стихотворцы времена раздѣляютъ на четыре вѣка, на золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный, и говорятъ, что въ золотомъ вѣкѣ люди всѣ одной только добродѣтели прилежали, отдаляяся всякихъ злостей; тогда все, кто что имѣлъ, обще для всѣхъ было, и лакомство не знатно было.

Ст. 149. *Мудрость одолѣло*. Въ семъ мѣстѣ *мудрость* есть винительнаго падежа.

Ст. 150. *Невѣжество знаніе. Невѣжество* есть въ именительномъ падежѣ, а *знаніе* въ винительномъ.

Ст. 151. *Подъ митрой гордится. Митра* шапка архіерейская или архимандричья; въ служеніи употребляютъ.

Ст. 152. *За краснымъ сукномъ*. Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ засѣдаютъ судьи, покрытъ обычайно краснымъ сукномъ.

Ст. 158. *Корабельну службу*. Весьма тяжко тому на корабль садиться, кому несчастливо было море и кто, видѣвъ себя посреди валъ, въ бури, безнадеженъ былъ житья своего.

Ст. 160. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ*. Дудочка тутъ значитъ флейтъ траверсный, который былъ, когда сатира сія писана, въ великой славѣ и почти всѣ молодые люди на немъ играть обучалися.

Ст. 164. *Платономъ слыти*. Платонъ былъ философъ академической секты изъ Аѳинъ, сынъ Аристона; главный въ наукахъ философическихъ ученикъ онъ былъ Сократовъ, послѣ смерти котораго поѣхалъ въ Мегары и тамъ слушалъ математику. Потомъ поѣхалъ въ Египтъ, гдѣ кажется онъ познаваль вѣру еврейску. Родился около 325 по созданіи Рима, умре 406 г. по созданіи Рима, лѣта прежде Христова 347 или 348, исполнивъ возрасту своего ровно 81 годъ.

Ст. 170. *Часовникъ*. Книга, содержащая молитвы повседневныя, которыя должны отправлять христіане греческаго исповѣданія.

Ст. 171. *Псалтырь и посланія*. То есть, книгу царя Давида и Апостолъ.

Ст. 172. *Не запнусь въ Златоустѣ.* Въ толкованіи его Евангелія, которое для разумѣнія довольной остроты и прилежанія требуетъ.

Ст. 175. *Писецъ*, или лучше сказать: подъячей. Складнѣе было бы вставить сіе послѣднее слово, да силлабы стиха не вмѣщаютъ; однако жъ и то извѣстно, что подъячей не ино что есть, только тотъ, кто въ приказахъ дѣло за плату пишетъ.

Ст. 176. *Письмомъ яснымъ.* Наши подъячіе не тщатся къ иному, когда пишутъ, только чтобѣ письмо ихъ было четко и красно; что же до правописанія касается, къ тому такъ не прилежатъ, что и мало то нужно быть мнятъ и для того, если желаешь книгу какую не разумѣть, отдай ее подъячему переписать.

Ст. 178. *Семь бояръ.* Извѣстно есть, что боярскій чинъ въ великомъ почтеніи былъ и трудно доставался; по тому знать, что благороднымъ зватися тотъ можетъ, изъ котораго рода семь персонъ честь боярскую на себѣ носили; а когда кто благороденъ, какъ ему жить не въ знати? хотя бъ былъ такой, что въ люди показать не льзя? Довольно кому быть благороднымъ, чтобъ могъ быть всего достоинъ. Какое самолюбное разсужденіе.

Ст. 183. *Мудрость всеблагая.* То есть, Богъ, ибо мудръ онъ и сасая есть *Премудрость*, къ тому же всеблагъ.

САТИРА II.

НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯНЪ ЗЛОНРАВНЫХЪ.

НА ВТОРУЮ САТИРУ КЪ ЧИТАТЕЛЮ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Надѣюся, что между прочими читательми будутъ и такіе, которые лише прочтутъ титулъ сатиры, взбунтуются на бѣднаго сатирика. «Чтоже! скажутъ: ужъ враль сей мѣръ своихъ не знаетъ. Недовольно было того, что сначала хулилъ тѣхъ, которые до наукъ не охотники: теперь еще безъ панцыря противъ дворянъ наступаетъ; напослѣдокъ онъ намъ ничего не оставитъ, чтобъ по его мнѣнію можно бы правильно дѣлать. Кто его поставилъ судьею надъ нами?» У таковыхъ читателей покорно прошу, чтобъ терпѣливно выслушали короткіе мои резоны, которые имъ представить имѣю: неправеденъ бо судъ, гдѣ отвѣтчику потакаютъ, а челобитчика не слушаютъ.

Въ первой моей сатирѣ если я кого хулилъ, то подлинно такихъ, которые по всему хулы достойны, и ни мало я не вышелъ изъ правды предѣловъ: защищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но которые ничего знать не хотятъ и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что не только оно не полезно, но и вредно народу. Согрѣшилъ ли я въ томъ? чаю, нѣтъ. Если убо тогда, одну добродѣтель защищая, не согрѣшилъ, виноватъ ли я теперь, когда всѣ вмѣстѣ защищаю? ибо я не благородіе хулить намѣряюся, но устремляюся противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самимъ всякое благонравіе защищаю. Я въ сей сатирѣ говорю, что преимущество благородія честно, и полезно, и знаменито, ежели благородный честные имѣетъ поступки и добрыми украшается нравами; что темнотою злонравія всякое благородства блистаніе помрачается и что не тому достоинства вышшія приличны, чіе прозвище въ лѣтописцахъ за нѣсколько лѣтъ поминается, но котораго имя праведно въ настоящихъ временахъ хвалено бываетъ; потомъ показываю; что гордость неприлична дворянству и что гнусно дворянину завидовать благополучію подлѣйшихъ себе, коли они чрезъ добрыя свои дѣла въ честь и славу происходятъ, что должны сами не въ играхъ и уборахъ время свое провождать, но потомъ и мозольми въ пользу отечества доставать себѣ славу; напослѣдокъ насмѣваюся обычаямъ неполезнымъ, которые однакожъ не мѣшаютъ, если къ добродѣтели соединены. Кто за вся сія можетъ правильно на меня гнѣваться? Развѣ тотъ, кто тѣми самыми злонравіями опятнанъ, которыя я обличаю? Горацій, описуя разные виды злонравныхъ людей, сими словами періодъ кончаетъ: omnes hi metuunt versis, odere poëta (книга сат.)— всѣ сіи боятся стиховъ, ненавидятъ стихотворцевъ. Имъ непріятна добродѣтелей похвала, имъ противна хула злонравій, имъ убо и сатириковъ имя ненавистно. Для того я больше сожалѣю тѣхъ, которые на меня сердивовать станутъ, нежели плачу о себѣ, что въ ихъ гнѣвъ впасть имѣю. На послѣдній же ихъ вопросъ, которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьею поставилъ, отвѣтствую: что все, что я пишу—пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ. Не для того же такую ревность себѣ показываю, якобы въ сожалѣніе я пришелъ, видя своего дворянства непорядочное житье. Не буди того! Но предъуспѣвая злому, то дѣлаю: столь бо гнусными и противными красками описавъ портретъ злонравнаго дворянина, всякій, чаю, всѣми способами стараться станетъ, чтобъ никое съ нимъ сходство не имѣть, отбѣгать всего того будетъ, что можетъ его подобна тому учинить. Напослѣдокъ, желая изъяснить мнѣніе мое о преимуществѣ благородства, предъявляю, что не только оное не презираю, но почитаю и хвалю, яко способъ преизрядный для побужденія къ добродѣтели: мужества, благоразумія, ревности и вѣрности воздаяніемъ обык-

ло быть благородство. Рѣдко въ наши вѣки добродѣтель за внутреннюю ея самой красоту любятъ: коли зла не дѣлаютъ—наказанія боятся, коли добро дѣлаютъ—ждутъ воздаянія; для того имя благороднаго нужно и полезно, ибо такимъ (благородія имени) способомъ воздаяніе за добродѣтель продолжается отъ предковъ къ потомкамъ и отъ настоящихъ къ будущимъ вѣкамъ, и потому безпрестанно прочихъ тожде себѣ тою же дорогою проискивать ободряетъ.—Такъ довольно, какъ мнѣ кажется, очистивъ стихи мои, остается, любезный читателю, предложити тебѣ, что сатира сія писана на образъ разговора между Аретофиломъ, что есть мужемъ, который, добродѣтель одну любя, въ той крайнее свое ищетъ благополучіе, да между дворяниномъ, всякаго благонравія лишеннымъ. Сего Аретофилъ печальнаго и задумчива встрѣтивъ, вопрошаетъ: «что такъ смутенъ, друже мой», и проч. [1]

САТИРА.

АРЕТОФИЛОСЪ.

Что такъ смутенъ, друже мой? весь въ знакахъ печали:
Блѣденъ, очи всѣ въ слезахъ, темны, красны стали;
Задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати,
Когда лошади свои раздарилъ не кстати;

---

1) Въ рукописяхъ за этимъ предисловіемъ слѣдуютъ латинскіе стихи Ѳеофила Кролика съ русскимъ переводомъ:

Ad autorem satyrae

Nobilitas honor quis sit, quid stemata? monstras
Aequas et morum nobilitate genus.
Ergo juventutis dici, me judice, princeps
Nobilis (ut pateas nomine) jure potes.

то же:

Чѣмъ красно благородство? и славнаго герба
Какъ удержати цѣлость безъ славы ущерба?
Здѣсь учишь сатирою юношъ благородныхъ
И нравомъ твоихъ красишь кровь предковъ свободныхъ.
То не льзя (хотя таишь имя) тя не знати:
Можно княземъ юности по древнему звати.

«Сія приписалъ новоспасскій архимандритъ Ѳеофилъ Кроликъ». Послѣ этого эпиграфъ изъ Лябрюера: «S'il est heureux d'avoir de la naissance il n'est pas moins d'être tel qu'on ne s'informe plus si nous en avez (La Bruiere dans son livre de Caracteres ou moeurs de ce siecle). Тоже порусски: Если добро есть быть благороднымъ, не меньшее есть быть такимъ, чтобъ никто не спрашивалъ, благороденъ ли ты? (Лябрюеръ въ книгѣ своей о нравахъ сего вѣка)».

Сухъ и худъ, какъ подъячій въ вотчинномъ приказѣ,
Когда казнь за взятки, смерть сулена въ указѣ?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, или злато
На ливреяхъ иль платье [2] носить пребогато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, иль вина драгова?
Отецъ знаю что живетъ и матерь здорова.
Что молчишь? развѣ въ устахъ и рѣчи пропали?
Не знаешь ли, что другъ есть полезенъ въ печали
И что много пользовать можетъ совѣтъ здравый,
Когда по немъ поступать не претятъ злы нравы?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Луцію лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ славными презрѣнъ именами.
Рода знатность забыта и надъ гербомъ латы
Съ царскою короною—знаки въ полѣ златы;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ,
Какъ въ бабахъ изъ богадѣльнь по природѣ вздорныхъ.

ДВОРЯНИНЪ.

Не худо ты отгадалъ; да мнѣ не завидно
Одному, но знатнымъ всѣмъ стыдъ небезобидной.
У кого еще не всѣ стерты съ рукъ мозоли,
Кто лаптями торговалъ, кто продавалъ голи,
Кто горшкомъ съ подовыми истеръ бѣдно плечи,
Кто извозничалъ въ Москвѣ, кто лилъ сальны свѣчи,
Тотъ честенъ, славенъ, богатъ, тотъ въ чинахъ сіяетъ;
А во мнѣ благородство стонетъ, воздыхаетъ.
Предки мои за семьсотъ и четыре лѣта
Имя несли хвальное, чудо были свѣта:
Прапрадѣда прадѣдъ мой самъ владѣлъ собою;
Дѣдъ прадѣда много войскъ топталъ съ похвалою;
Отецъ его на морѣ цѣлымъ флотомъ правилъ;
Кого такъ, какъ прадѣда, свѣтъ когда прославилъ?
Дѣда имя, славнаго умомъ, славна дѣлы,
Всѣ свѣта исполнило четыре предѣлы.
Каковъ же мой отецъ былъ—кто того не знаетъ?
Палласъ, Марсъ, судилище объ немъ воздыхаетъ:

---

2) Въ рук. г. Аѳанасьева искажено *или ливреи и платье* и пр., отчего вмѣсто тринадцати оказывается въ стихѣ 14 слоговъ.

Въ дѣлахъ войны искусенъ, ранъ полно все тѣло;
Битвы, осады, миры—все то его дѣло.
Посмотри, коли хочешь, салы нашей стѣны,
Увидишь тутъ чудныя и славны премѣны
Фортуны, одолѣны всегда имъ счастливо,
(Что онъ смертью побѣжденъ—мнѣ не мало диво).
Медалей, цѣпей златыхъ, по немъ что остались,
Въ стаканы я перелилъ, чтобъ не заваляпись.
Въ гражданскомъ правленіи, ей, былъ не послѣденъ:
Ришелье и Мазаринъ предъ нимъ въ дѣлахъ бѣденъ.
Въ наукахъ весьма глубокъ, надъ книгами ночи
Просиживалъ—тѣмъ горбатъ былъ и слабъ на очи.
Библіотека его предивная была
Хоть не очень велика—совершенна слыла:
Книги разны собраны по лучшей примѣтѣ
(Помню, книга въ нихъ была добра о пикетѣ).
Мнѣ было хотѣлося убрать ими стѣны,
Да мышей побоялся: вещи они тлѣнны;
За тѣмъ на цугъ промѣнялъ лошадей изрядныхъ;
Съ нея же шесть себѣ сшилъ кафтановъ нарядныхъ.
Однимъ словомъ, съ трудностью можно разсудити,
Что въ немъ больше—шпагу ли иль перо хвалити:
Въ обоихъ бо совершенъ, украсилъ онъ оба,
Мужъ достоинъ въ вѣки жить и чуждъ быти гроба.
Возьми жъ опять побочныхъ всѣхъ моего рода;
Не умалилъ никто честь, что дала природа:
Адмиралы, вожди войскъ, судьи чрезъ все время
Главные—моей крови; все то одно племя.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны,
Увидишь дѣла моихъ предковъ и кто были;
Николи вторыми тѣ, ей, въ людяхъ не слыли,
А всю славу, всю ту честь достали трудами,
Въ мирѣ нравы, а въ войнахъ проворны руками.
Разсуди жъ ты потому, сколь легко терпѣти,
Столь славны имѣвъ предки, славы не имѣти?

АРКТОФИЛОСЪ.

Вижу я правость твою и скорби резоны,
Да позволь, если можно, сказать безъ препоны
И мнѣ мое мнѣніе, дружески совѣты;
А притомъ вѣдай, что я лукавыхъ примѣты —

Лесть, похлебство не люблю, но что помышляю
Въ сердцѣ, то и устами другу открываю.
Не пустое дѣло есть знатная порода;
Знаю я, сколь изящно славнаго быть рода,
Носить на себѣ имя, еже вѣчна слава,
Знаменитое въ войнахъ, въ храненіи права;
Но то, когда потомокъ, предкомъ подражая,
Въ путь добрыхъ ся направивъ, отбѣгаетъ злая,
Когда дѣлы хвальными въ пользу всѣхъ сіяетъ,
Отъ себя себѣ красу, не отъ своихъ чаетъ.
Признаю, что съ корене сего такъ рожденны
Отрасли неправедно бываютъ презрѣнны,
Что неправо заслуги забыты бываютъ
Предковъ, когда потомки въ нравахъ успѣваютъ,
И въ равномъ достоинствѣ что предпочесть должно
Благороднаго: спорить никому не можно;
Но что когда корень здравъ, да отрасли гнилы,
Вѣдь тѣ ужъ не такъ честны, не такъ ужъ всѣмъ милы.
Спросись хоть у пьяницы, таковы ли дрожжи
Любы ему, какъ пиво? отречется трожди.
Знаетъ онъ, что съ пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, коли не какъ пиво сладки.
Благородство голое, добрыхъ дѣлъ лишенно,
Суетно для лѣнивыхъ имя вымышленно,
Которые красятся чуждыми дѣлами,
Хвастаютъ честью, юже не достали сами.
Вѣрю: мужества предковъ лѣтописцы полны,
Грамоты, въ гербѣ знаки—доводы довольны;
Да что въ семъ собраніи славы неполезной,
Коли ничто показать можешь въ поднебесной,
Развѣ ссохшій пергаментъ, который чрезъ лѣта
Долгія отъ червей могъ избѣжать навѣта,
Коли, съ хвальнаго ключа ведучи начало,
Ничего не имѣешь, чтобъ роду пристало?
Глупою только надутъ гордостью не въ мѣру,
Лошадямъ только годенъ для статей къ примѣру;
Не пользуетъ, вѣрь, зваться хоть цесарско чадо,
Коли нравомъ грубѣе, нежь пасущій стадо.
Добродѣтель, къ природѣ знатной сплетенна,
Благороднаго чинитъ во всемъ совершенна;
Труды, разумъ, прилежность и добрые нравы

Лучшія благородству суть и крѣпки правы.
Побѣдилъ ли самъ враги? далъ пользу народу?
Устрашилъ ли дѣйствами Нептуна власть—воду?
Сокровища ль царскія тобой умноженны?
Презрѣвъ покой, подъялъ ли самъ труды военны?
Иль коли случай, младость въ то не допустила,
Впредь въ томъ показать себя есть ли умъ и сила?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Ахиллу иль Гектору можешь счесться сроденъ,
Іулій и Александръ и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Ты самъ, праотцевъ своихъ славу исчисляя,
За труды ихъ, самъ сказалъ, была имъ честь тая:
Иной въ войнахъ побѣдилъ, претерпѣлъ страхъ, раны;
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны.
Иной правду всѣмъ чинилъ, бѣгая обиды,
Всѣхъ достоинства были различные виды,[3]
Тѣмъ если бъ ты подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что тебя за другими и въ пару не знати;
Что изсохъ уже, извялъ, въ переднихъ зѣвая,
Когда встанетъ фортуна—съ хлопцы ожидая;
Что спина, шея болитъ, жертвуя и мухамъ,
Имѣ же доступъ позволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
А ты, другъ мой, разсмотри, есть ли хотя мало
Въ тебѣ, чтобъ красу твоихъ имени придало.
Гдѣ военные труды, иль дѣлъ тѣхъ наука?
Ты объ нихъ и не слыхалъ,—дядька твой порука.
Какъ войско расположить, какъ раскопать шанцы,
Столь дико тебѣ, какъ намъ китайскіе танцы;
Осады, окопъ, наступъ когда поминаю,
Чаешь ты, что арапскимъ языкомъ болтаю;
Блескъ мечей и звукъ пушекъ ужаснѣе грома
Мнятся; не въ полѣ сохнуть, любишь толстѣть дома.
Какъ тебѣ повѣрить флотъ? ты лодкой не правилъ;
Рыбу, что живетъ въ водѣ, ловить ужъ оставилъ;
Корабль ти кажется гробъ, веревки—удавка,
Море—адъ, парусъ—саванъ, буря—житью сбавка;
Компасъ, правило въ судахъ столь тебѣ знакомы,

3) Этихъ двухъ стиховъ нѣтъ въ рук. г. Аѳанасьева.

Сколь сибирскимъ вотякамъ марморные домы.
Правительство гражданско николи не снилось
(Развѣ въ полици за б.. дь посидѣть случилось).
Гроціусъ и Пуфендорфъ и римскія правы—
О тѣхъ помнить нечего: не на наши нравы.
Такъ инъ Уложеніе? трясешь головою;
Что то за звѣрь? говоришь, хоть ужъ съ бородою.
Какъ доходы умножать, какъ прекратить бѣдства
Народа — лишно тебѣ мнится — шутки дѣтства.
Оставляю науки вышшаго степени:
Тѣхъ не только существо, не видалъ ни сѣни;
И знаю, что тѣ у насъ ужъ вышли изъ моды:
Нескладно ученымъ быть и знатной породы.
Неполезны тѣ, быть такъ; да въ чемъ пользу знаешь,
И того, ей, въ тебѣ нѣтъ: въ злой глупости таешь.
Не только жъ голъ знаніемъ, но такъ тебѣ мило
То, какъ, по просту сказать, дьяволу кадило.
Вмѣсто знанія и правъ, какъ свою весть волю,
Вмѣсто искусства, какъ плыть по мокрому полю,
Вмѣсто управленія военнаго дѣла,
Въ распещренныхъ бумажкахъ вижу тебя смѣла.
Разложивъ таборъ великъ въ фараонномъ бою,
Дерзокъ приступъ терпиши сущихъ предъ тобою.
Не страшитъ тя бѣлъ металлъ, ни бомбы златыя;
То твое войско побьютъ, то ты рвешь иныя;
Остороженъ, чтобъ не могъ непріятель знати,
Гдѣ твой воинъ слабѣе, гдѣ бъ легче достати;
Тасуешь полки твои, сколько стаетъ сила,
Чтобъ недруга коварна надежда прельстила;
Какъ сова, распяливши на всѣ страны очи,
Съ оружіемъ въ рукахъ день бодрствуешь и ночи.
Напослѣдокъ, какъ сія ужъ кончится битва,
Труднѣй тебѣ безъ дѣла сидѣть, нежь какъ бритва
Тупа по твоей брадѣ, не смоча водою,
Грубаго влачима есть барбера рукою;
Легче дьяку не рыгнуть, тёши въ щахъ поѣвши,
Писцу не чесать главу, на край стула сѣвши.
Непокоенъ ищеши, гдѣ войну зачати,
Иль аламброю гремя, иль костьми стрѣляти.
Когда же ночь застигнетъ, непріятель станетъ,
Тогда ужъ тебѣ скука, тогда скорбь настанетъ;

И небомъ и землею клянешь человѣка,
Что во снѣ погребаетъ полъ своего вѣка.
Что же, когда умнымъ быть ужъ тебѣ наскучитъ,
А воля, въ чемъ вскормлена, того искать учитъ, —
Собравъ друзей, по виду имя то носящихъ,
Внутри же злословіемъ противъ тя смердящихъ,
Флотъ цѣлый велишь принесть плетеныхъ сосудовъ,
Отъемлющихъ главѣ умъ, силу прочихъ удовъ,
Ведущихъ къ пристанищу злу и безпокойну —
Въ болѣзнь и въ безславіе, въ скудость непристойну;
Тотчасъ съ стула самъ скоча, конопатъ осмотришь,
Нейдетъ ли гдѣ хоть духъ, въ микроскопій смотришь.[4]
Таже малы ладіи раздѣливъ всѣмъ вскорѣ,
Въ сладкое безпамятства впускаешься море,
Правишь, сказываешь вѣтръ и тщишься чрезмѣрно,
Чтобъ кто не сбился съ пути, всякъ плавалъ бы вѣрно,
И толь искусство морскихъ въ палатѣ сіяетъ,
Что, на твердомъ спя полу, всюды тя качаетъ.
Вотъ ужъ о знаньи твоемъ, какъ платье носити
И прочій уборъ, слова не льзя говорити;
Плодъ сей долголѣтняго пути въ краи чужды
Есть трудовъ прилежности; не безъ многой [4] нужды,
Не даромъ ты потерялъ деревни, пожитки:
Знаешь, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ поларшина глубины и ситой подшиты,
Если кафтанъ согнешь, то бъ станомъ не покрыты;
Обшлагу какову быть, сколь клинья высоки,
Сколь въ грудяхъ окружности, клапаны широки —
Твое дѣло, и самъ Рексъ ничто предъ тобою,
Только что ты усты, онъ проворенъ рукою.
Вкусъ въ платьяхъ опять кому больше есть знакомый?
Растрелли столь искусно не вѣсть строить домы,
Какъ ты кафтанъ по вкусу, по времени года,
Въ немъ же богатству ни въ чемъ уступаетъ мода.
Что лѣтомъ, что весною, что осенью кстати,
Что зимою для верху и чѣмъ подбивати,
Какой металлъ приличенъ — сребро ль или злато —
Лучше тебя иному знать ужъ трудновато.

---

4) Въ рук. г. Аѳанасьева: *не безъ малой.*

Ликургъ когда составлялъ народу уставы,
Когда Миносъ критяномъ славныя далъ правы.
Не столько осторожны имѣли поступки,
Какъ ты, когда въ градъ идешь для парчей покупки.
Тутъ-то правила разны щегольства и моды
Разсмотрѣть должно тебѣ, исчислить и годы
Свои, чтобъ какъ цвѣтущи суть возраста лѣты,
Такъ блистательны въ платьѣ твоемъ были цвѣты;
Тутъ воздуха, времени и мѣста всѣ виды
Примѣчать, чтобъ искусству не было обиды,
Чтобъ въ градѣ зеленъ кафтанъ не досаждалъ глазу,
А въ полѣ чтобъ уступалъ всякъ позументъ газу,
Чтобъ бархатъ въ іуліи не тягчилъ бы тѣло,[5]
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло,[6]
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,[7]
Какъ попы искусные всякаго дни звоны.
Съ какимъ искусствомъ власы стрижены, подвиты,
Какъ въ мѣшкѣ завязаны, пудрою набиты,
Котора, съ нихъ падая на платье богато,
Трудность даетъ разсудить, что въ нихъ лучше—злато
Иль ею росписаны фигуры различны,
Столь великодушію, щегольству приличны.
Гдѣ жъ въ открытіи сыскать табакерки можно
Стольку нѣжность? Въ ступаньи столько осторожно
Подгибаешь колѣна, пальцы направляешь,
Что хоть ходишь, танцовать многимъ ся являешь.
Во всемъ отъ пятъ до главы совершенство всюды,
Всѣ въ согласномъ убранствѣ радуются уды,
И можно бъ совершеннымъ въ щегольствѣ тя звати,
Если бъ щегольству имя совершенства кстати.
Да не сіи, я сказалъ, благородства знаки:
Внутрення краса красна, прочее все враки.
Достоинство сильно есть, если разсуждати
Хочешь, кого почитать, кому славу дати;
Впрочемъ тому, кто родъ свой съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала.

5) Въ рук. г. Аѳанасьева *не отягчалъ тѣ ю.*
6) Тамъ же: *чтобы кафтанъ не хвасталъ.*
7) Тамъ же опущено слово *свой.*

Что гнуснѣе, какъ совѣсть имѣть неспокойну,
Видя, что мужъ получилъ бѣдный мзду достойну?
Еще бъ прилично было, знатна сущу рода,
Тужить, коли той высокъ, его же природа
Сколь низка, столь и нравы плохи и развратны,
Ни отечеству добры, ни въ людѣхъ пріятны;
Если же противное зритъ въ томъ человѣкѣ,
Радоваться ужъ долженъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, иже дѣлы родъ свой возвышаетъ
Добрыми и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Множество благонравныхъ высокаго чина
Есть благополучію общества причина,
И столь меньше воздыхать обиды насъ нудятъ,
Сколь больше святы нравы тѣхъ, иже насъ судятъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Луціи и въ Тулліи гнусно,
Что, какъ ихъ награждаютъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала,
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла;
Только что прапрадѣда прадѣдъ ихъ собою
Не владѣлъ и счесть годы не могутъ съ тобою, —
Но что въ томъ? Какъ роду той твоему далъ славу [8]
Первый, такъ первы сіи даютъ своимъ праву.
Твоихъ знаютъ за семьсотъ и четыре лѣта;
Да вѣдь не тогда было твореніе свѣта.
Край же рода немного и всѣхъ утѣшаетъ:
Всякъ бо, аще добре свой разсмотрѣть желаетъ,
Въ сохѣ сыщетъ начало блистательну роду;
Часто адмиральскій дѣдъ таскалъ въ дворы воду,
Но добродѣтель того славна быть причина,
Что, подлость отложивши, перваго сталъ чина.
Адамъ князей не родилъ, но едино чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ по полямъ стадо;
Ное съ собой въ кивотѣ спаслъ все себѣ равныхъ, [9]
Простыхъ земледѣтелей, Богу только правныхъ.
Отъ сихъ начало всѣмъ намъ: убо чѣмъ гордимся?
Предковъ имя не краситъ, аще мы лишимся

---

8) Въ рук. г. Аѳанасьева стихъ этотъ испорченъ: *Но что въ этомъ? какъ родъ твой твоему далъ славу.*

9) Въ рук. г. Аѳанасьева *въ ковчезѣ спаслъ всѣхъ себѣ равныхъ.*

Нравовъ добрыхъ, и труды не явимъ насъ быти
Достойныхъ такъ, какъ предки, и намъ въ людяхъ слыти.
Ни подлость рода можетъ право возбраняти,
Чтобъ трудами добрыми мзду не получати.[10]
Славнѣй есть скудость рода нравы украшати
Добрыми, нежли злой нравъ титломъ прикрывати.
Плѣшивость Іулію не отняло славы:
Лаврами-бо ю прикрылъ и добрыми нравы.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Сатира сія писана мѣсяца два спустя послѣ первой сатиры. Намѣреніе автора въ ней есть обличить тѣхъ дворянъ, которые лишены будучи всякаго благонравія, однимъ благородіемъ хвастаютъ, къ тому же завидятъ всякому благополучію въ людяхъ, которые изъ подлости чрезъ труды свои происходятъ. Самъ авторъ въ предисловіи своемъ показалъ пространнѣе содержаніе и очистилъ себя, какъ мнѣ кажется, довольнымъ доказательствомъ, такъ что мнѣ о томъ же говорить нужды быть невидится. Сію матерію описали изъ древнихъ сатириковъ Ювеналъ въ сатирѣ VIII, а изъ новѣйшихъ Боало въ V, которыхъ нашъ весьма мало имитовалъ, какъ ясно можетъ разсудить, кто всѣхъ трехъ сверстать похочетъ.—Что же сатира сія разговоромъ писана, то учинено съ образца третьей сатиры Боаловой, въ которой онъ смѣшной пиръ описываетъ.

Ст. 1. *Аретофилосъ*. Греческое имя; значитъ человѣка, который добродѣтель любитъ.

Ст. 3. *Задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати*. Извѣстно есть всѣмъ высокомысліе бывшаго архіепископа Р., который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской, но по обыкновенію тѣхъ, которые высокая ищутъ, того не доставъ, въ заточеніи жизнь провождать принужденъ былъ.

Ст. 7. *Цугомъ ли запрещено*. Знатное дворянство и безъ нужды, будто для чести, впрягаютъ въ каретахъ своихъ по шести лошадей, что ежели бы запрещено было, многимъ изъ нихъ было бъ не безъ печали, за нѣкакой знакъ своего надъ прочими преимущества то себѣ вмѣняя. Въ Спб. цугомъ ѣздить отъ императора Петра Великаго запрещено было.

Ст. 8. *На ливреяхъ*. Ливрея называется платья, которыя служители носятъ сшитыя по краскамъ, которыя имѣются въ гербѣ своего

10) Въ рукописяхъ, кромѣ принадлежащей Л. Н. Майкову, нѣтъ двухъ послѣднихъ стиховъ.

господина. Во Францiи никто (какъ сказываютъ) изъ природныхъ французовъ (кромѣ принцевъ крови) на такомъ платьѣ золото иль серебро нашивать позволенiе не имѣетъ.

Ст. тотъ же. *Платье носить пребогато.* Въ Испанiи, въ Швецiи и въ Италiи запрещено всему дворянству носить богатаго платья, такъ что ни на комъ не увидишь серебра или золота.

Ст. 9. *Картъ ли не стало въ рядахъ.* И то бы не малая бѣда была картежнику.

Ст. тотъ же. *Иль вина дрогова.* Виномъ дорогимъ разумѣетъ стихотворецъ венгерское, шампанское и бургонское, которое подлинно въ Москвѣ дорого и многаго иждивенiя требуетъ; а такъ въ обычай вошло, что будто бы великiй стыдъ приключится, если гостю иного не такъ цѣннаго питiя поднести: какъ бы прiятство хозяина по цѣнѣ вина признавалося.

Ст. 11. *Чтожъ молчишь.* Отъ гнѣву и зависти дворянинъ нашъ говорить не можетъ, убо Аретофилосъ его побуждаетъ.

Ст. 13. *Много пользовать можетъ совѣтъ.* Опасно всегда слѣдовать одному своему мнѣнiю. Человѣкъ бо часто въ разсужденiи своемъ ошибтись можетъ и для того совѣтъ здравый весьма нуженъ намъ, если не такъ часто погрѣшать хотимъ. Когда же злы нравы, въ сердцѣ нашемъ вкорененные, не допускаютъ насъ охотно принимать увѣщанiя друзей, то уже нѣтъ надежды исправленiя, развѣ Христосъ Спаситель вторицею воскресить Лазаря снидетъ.

Ст. 15. *А, а! дознаюсь я самъ.* Аретофилосъ, не могши добиться отвѣта, самъ догадывается, что причина печали друга его.

Ст. 16. *Дамонъ.* Имя отъ автора вымышленное, по стихотворному позволенiю, такъ какъ въ слѣдующемъ стихѣ *Луцiй* и *Туллiй.*

Ст. 17. *Лента дана.* То есть, орденъ или кавалерiя, понеже ордены обычайно на лентахъ носятся. Вмѣсто того лентою честь ту, наипаче въ разговорахъ, означаютъ. Наприкладъ, когда кто скажетъ, что такой-то господинъ имѣетъ голубую ленту или красную, то разумѣется (въ Россiи), что онъ почтенъ орденомъ св. Андрея или св. Александра.

Ст. 19. *Надъ гербомъ латы.* Надъ щитомъ гербовъ нѣкогда вмѣсто короны поставляются шлемы разнаго вида; по разности достоинствъ, иногда тѣ самые шлемы бываютъ украшены коронами. Напр. княжескiй шлемъ имѣетъ княжескую корону, а графскiй—графскую и проч. Въ семъ стихѣ латы написаны фигурою реторической, которая позволяетъ означать все вмѣсто части.

Ст. 20. *Съ царскою короною.* Изъ всѣхъ видовъ корона царская (тоже цесарская) есть превосходнѣе для того, коли гербъ ею покрытъ, значитъ что фамилiя, которая тотъ гербъ носитъ, съ царскаго корени ведетъ свое начало.

Ст. тотъ-же. *Знаки въ полѣ златы.* Знакомъ я разумѣю фигуры,

которыя кто въ гербѣ носитъ; таковые знаки, когда изъ металловъ, т. е. серебра или золота составленны, то честнѣе, нежели бы они были изъ колеровъ или цвѣтовъ. Что поле въ гербѣ—всякъ знаетъ и изъясненія не требуетъ.

Ст. 21. *Какъ въ попахъ соборныхъ, какъ въ бабахъ изъ богадѣльнь.* Не слыхано еще чтобъ нѣсколько поповъ у одного собору могли пребыть безъ зависти межъ собою, подобнымъ образомъ и въ богадѣльняхъ бабы нищія; а все то отъ жадности и сребролюбія, которое, не вѣмъ какимъ образомъ, въ священническомъ чинѣ вкоренилося. Всякъ уже изъ нихъ печальнымъ взоромъ смотритъ на богатство, которое не въ его рукахъ.

Ст. 27. *Кто горшкомъ съ подовыми.* Въ семъ стихѣ и слѣдующемъ авторъ напоминаетъ первое состояніе самыхъ подлѣйшихъ. Что подлѣе, какъ быть пирожникомъ. Но господинъ дворянинъ неразсудно попрекаетъ незнатью породъ благоправнаго простака.

Ст. 28. *Кто лилъ сальны свѣчи.* Не восковыя, для того что на тѣ животовъ бы его не стало.

Ст. 33. *Самъ владѣлъ собою.* Свое имѣлъ государство или княженіе и былъ никому подвластенъ.

Ст. 34. *Дѣдъ прадѣда много войскъ.* То есть, главнымъ воеводою былъ (какъ уже потерялъ свою землю), и многажды побѣдоносецъ надъ войски непріятелей.

Ст. 35. *Отецъ его.* Прадѣда отецъ былъ адмираломъ и, какъ видѣть, главнѣйшимъ, понеже всемъ флотомъ правилъ.

Ст. 40. *Палласъ.* Та же Минерва, наукъ богиня, Юпитера дщерь, рожденна изъ мозгу его безъ матери. Чаютъ нѣкоторые авторы, что Палладою она назвалася отъ нѣкоего Палланта, который ее вкупѣ съ своею дочерью, по повелѣнію Юпитерову, воспиталъ. Минерва, въ знакъ благодаренія, сію Паллантову дочь обоживъ, Побѣдою назвала. Сама же Палласъ знатія восхотѣла.

Ст. тотъ же. *Марсъ.* Богъ войны. Часто стихотворцы за самую войну употребляютъ. Разнятъ мнѣнія авторовъ о порожденіи Марсовомъ. Древніе чаютъ, что онъ отъ одной Юноны рожденъ, которая, въ садахъ гуляя, осязаніемъ и обоняніемъ цвѣтовъ его понесла; а иные сказываютъ, что и отца имѣлъ Юпитера, что и Омиръ въ кн. 5 приводитъ. Сими двумя боговъ старинныхъ именами (которыя дворянинъ подлинно изъ пѣсней перенялъ) хочетъ сказать, что ни въ наукахъ, ни въ военныхъ дѣлахъ такого, каковъ его отецъ былъ, не осталося.

Ст. 43. *Салы нашей. стѣны.* Знать, у отца сего дворянина въ салѣ по стѣнамъ росписаны были войны, въ которыхъ онъ присутствовалъ: иныя благополучно выигранныя, а иныя, въ которыхъ его сторона уронъ получила, одиакожъ все то великодушіемъ своимъ преодолѣлъ.

Ст. 47. *Медалей, цѣпей златыхъ.* Такія медали и цѣпи золотыя

тутъ авторъ разумѣетъ, которыя даваны бываютъ отъ государей тѣмъ, которые въ какой войнѣ мужественно поступали, или на память славнаго какого дѣла, какъ-то наприм. при взятіи города, при заключеніи мира и проч.

Ст. 50. *Ришелье*. Армандъ Іоаннъ кардиналъ Де-Ришелье былъ человѣкъ искуснѣйшій въ политическихъ дѣлахъ и много прославилъ имя свое въ царствованіе Лудовика XIII, короля французскаго. Въ малолѣтствѣ сего короля, его умомъ королева, мать младенца, всѣмъ государствомъ правила. Благоразуміемъ своимъ такъ себя возвысилъ, что вдругъ онъ былъ перъ и адмиралъ Франціи, командоръ орденовъ королевскихъ, начальникъ и надзиратель навигаціи и коммерціи французской, секретарь и вскорѣ министеръ штатской, епископъ лузанскій и аббатъ десяти монастырей. Книга его, подъ титуломъ: тестаментъ кардинала Де-Ришелье, довольно показываетъ, какою политикою изобиловалъ мужъ сей. Родился онъ отъ Франциска Дюплеси, господина Де-Ришелье, кавалера орденовъ королевскихъ и великаго прево Франціи, въ Парижѣ, сентября 5, лѣта христова 1585, умеръ там же 4 декабря, л. х. 1642. Зданіе его есть Сорбона, ѳеологическое собраніе въ Парижѣ.

Ст. тотъ же. *И Мазаринъ*. Іулій кардиналъ Мазарини родился въ Италіи, въ городкѣ Писцина, 14 юлія, л. х. 1602, отъ подлыхъ родителей. Чрезъ науку свою до того потомъ произошелъ при дворѣ римскомъ, что нунціемъ екстра ординарнымъ посланъ во Францію л. х. 1634, а въ 1641 учиненъ кардиналомъ, тоже отъ короля Лудовика XIII статскимъ совѣтникомъ и душеприкащикомъ по себѣ. Въ малолѣтствѣ Лудовика XIV великіе знаки остроумія и знанія дѣлъ политическихъ показалъ, что можно видѣть въ житіи Лудовика XIV. Книги, которыя онъ сочинилъ, не въ малой похвалѣ у политиковъ имѣются, только не весьма въ своихъ максимахъ благочестивъ и правосудливъ. Умеръ въ Венсенѣ 1661, марта 9. Онъ заключилъ славный миръ съ Ишпанцами на островѣ фазановъ.

Ст. 53. *Библіотека*. Греческое слово. По русски книгохранительница, то есть, ящикъ или палата, гдѣ книги хранятся. Иногда за самое книгъ собраніе берется.

Ст. 56. *Добра о пикетѣ*. Пикетъ есть игра картежная, въ которой только 2 человѣка играть могутъ. Есть книга французская, которая учитъ правиламъ игры сей.

Ст. 60. *Кафтановъ нарядныхъ*. То есть богатаго платья шесть паръ, ибо кафтанъ тутъ реторическою фигурою мѣсто всего платья написанъ.

Ст. 65. *Побочныхъ всѣхъ*. Обычайно, но неправильно именемъ побочныхъ разумѣютъ дѣтей не отъ законной жены, но здѣсь побочнымъ въ родѣ значитъ того дворянскаго сродника, который не изъ одной съ нимъ линіи, на прикладъ: его дядю, двоюродныхъ братей и проч.

Ст. 72. *Вторыми тѣ не слыли.* Т. е. всегда первѣйшія достоинства имѣли, вездѣ главными были.

Ст. 74. *Въ миру нравы.* Т. е. въ мирное время благонравіемъ происходили, такъ какъ въ войнѣ мужествомъ.

Ст. 77. *И скорби резоны.* Причины сильныя и довольныя печали.

Ст. 78. *Сказать безъ препоны.* Свободно сказать.

Ст. 79. *Мнѣніе, дружески совѣты.* Выговорить мнѣ мое мнѣніе и дать тебѣ дружескіе совѣты.

Ст. 80. *Лукавыхъ примѣты.* Лесть и похлѣбство два злонравія весьма обычайны лукавымъ людямъ и по которымъ тотчасъ ихъ признать можешь.

Ст. 83. *Не пустое дѣло есть знатная порода.* Отъ сего стиха разумѣть можно, что авторъ не хулитъ благородства преимущество, но показываетъ, что кто однимъ благородія именемъ довольствуется, небрежа о добрыхъ дѣлахъ и нравахъ, тотъ въ немъ малую себѣ красу находитъ.

Ст. 86. *Въ храненіи права.* То есть, въ правосудіи.

Ст. 90. *Отъ себя себѣ красу.* Сирѣчь, отъ своихъ собственныхъ дѣлъ себѣ славу достать тщится; а не на ту уповаетъ, которую нажили чрезъ труды предки его.

Ст. 91. *Съ корени сего такъ рожденны отрасли.* Т. е. отъ благородныхъ предковъ такіе благонравные потомки.

Ст. 93. *Неправо заслуги забыты бываютъ.* Для побужденія къ охотной службѣ нужно есть, да потомки плодами трудовъ предковъ своихъ наслаждаются, понеже когда образецъ милости и благодарства вышшихъ въ комъ видимъ, тогда ревнуемъ усердно чтобъ могли и мы себѣ тожъ получить. Какъ же инако въ смертныхъ насъ можно продлить образецъ тотъ, развѣ продолжая награжденіе роду того, кто онаго первый достоинъ показался; къ тому же всякъ краткость жизни своей разсуждая, не такъ бы прилежалъ въ пользу отечества; любовь же отъ себя происшедшихъ убѣждаетъ и своего не щадить житія, да ихъ благополучное будетъ. Все сіе выше помянутое тогда нужно, говоритъ сатирикъ, когда потомки во нравахъ успѣваютъ, т. е. благонравія виды издаютъ, и надежду являютъ, что нѣкогда могутъ быть полезны.

Ст. 95. *И въ равномъ достоинствѣ.* Общее почти всѣмъ благоразсуднымъ политикамъ мнѣніе есть, что еслибы два человѣка было, изъ которыхъ одинъ былъ бы подлаго роду, а другой изъ знатной фамиліи, и надлежало бы изъ нихъ двухъ въ чинъ какой одного удостоить, а достоинство ихъ обоихъ равное, т. е. и заслуги персональныя и умъ и благонравіе и службы время обоихъ равно, то должно предпочесть благороднаго для того, что хотя персональныя ихъ качества обоихъ равны, да благороднаго и предки услуги показали, а простолюдный самъ первый въ пользу отечества трудится; къ тому же тотъ всегда лучше радитъ о общемъ интересѣ, который,

ежели тому повреждение учинится, и онъ нѣчто потерять имѣетъ, а благородные обычайно большія имѣнія и владѣнія въ государствѣ имѣютъ и потому съ большимъ усердіемъ и отъ внѣшнихъ непріятелей защищаютъ и внутренней того пользы ищутъ.

Ст. 110. *Поднебесной*. Т. е. свѣту нашему или, лучше сказать, землѣ, которая подъ небомъ суще есть, если глазамъ вѣримъ; если жъ разсужденію здравому, то отвсюду небомъ объяту быть уразумѣемъ.

Ст. 111. *Развѣ ссохшій пергаментъ*. Грамоты обычайно пишутся на пергаментѣ, чтобъ долѣе могли быть невредимы. Есть же пергаментъ зайча кожа, такъ чисто и бѣло выдѣлана, что можно по ней писать, какъ по бумагѣ.

Ст. 112. *Отъ червей могъ избѣжать навѣта*. Т. е. котораго черви не грызли, но уцѣлѣлъ чрезъ много лѣтъ.

Ст. 113. *Съ хвальнаго ключа*. Тутъ ключъ значитъ мѣсто, откуду ручей какой истекаетъ; источникъ по книжному.

Ст. 116. *Лошадямъ къ примѣру*. Пословица есть у русскихъ весьма умная: *спѣсь только лошадямъ пристала*; къ сему авторъ аллузію дѣлаетъ въ семъ стихѣ.

Ст. 117. *Цесарско чадо*. Цесари назывался и понынѣ зовутся римскіе императоры. Имя цесаря отъ Іулія славнаго императора и побѣдителя, положившаго конецъ республикѣ римской, пошло.

Ст. 118. *Пасущій стадо*. Т. е. пастухъ.

Ст. 124. *Нептуна власть*. Нептунъ, братъ Юпитера и Плутона, сынъ же Сатурна, есть (по баснословію древнихъ) богъ, который водами морскими владѣетъ.

Ст. 128. *Умъ и сила*. Спрѣчь, можешь ли снесть положенныя на тебя дѣла? Будетъ ли довольно къ тому смысла и мужества, такожде твердаго и здраваго разсужденія.

Ст. 130. *Ахиллу*. Ахиллъ, сынъ Пелея и Фетиды, былъ князь греческій. Его мать, по рожденіи, окупала въ рѣкѣ Стиксѣ, которая въ адѣ течетъ, чтобъ не могъ быть раненъ, кромѣ пяты, за которыя, опуская его въ воду, держала. Когда греки на троянскую войну пошли, онъ уже въ возрастъ пришедъ, съ ними же былъ отъ отца съ войскомъ посланъ, гдѣ довольные, паче вѣры, мужества знаки показалъ. Гектора, сына Пріамова, Еленина же брата, убилъ, и грековъ всѣхъ почти самъ спасъ отъ руки троянъ. Напослѣдокъ лестно отъ Париса, брата Еленина, уязвленъ бывъ въ пяту, умеръ Смотри Омирову Иліаду.

Ст. тотъ-же. *Иль Гектору*. Гекторъ былъ троянскаго царя Пріама сынъ, братъ Еленинъ, за которую война троянская сталася. Въ сей войнѣ Гекторъ вельми мужественно защищалъ городъ свой и еслибы ему не Ахиллесъ сопротиву сталъ, то греки бы всѣ при берегу моря погибли. Патроклъ, другъ Ахилловъ, былъ причина смерти его; понеже Гекторъ убивъ сего, Ахиллесъ прогнѣвался и, дыша противъ

его отмщеніемъ, забылъ свою ссору съ Менелаемъ и, исшедъ къ битвѣ; не въ долгомъ времени смерти его предалъ.

Ст. 131. *Гулій.* Цесарь, первый императоръ римскій, былъ сынъ Луція Цесаря и Авреліи, Коттовой дочери (а). Въ 16-е лѣто своего возраста лишенъ отца; годъ спустя учиненъ юпитеровымъ великимъ священникомъ; потомъ досталъ, чрезъ выборъ народа, чинъ трибуна военнаго; тоже квестора, едила и напослѣдокъ великаго понтифекса. Въ консулы произшедши, многія дивныя дѣла подѣлалъ. Пять главныхъ тріумфовъ получилъ (в) и своего недруга Помпеія одолѣвъ, объявленъ вѣчнымъ диктаторомъ. Воспріявъ силою власть, изрядно управлялъ республику и намѣренъ былъ многія украшенія городу, также полезныя народу дѣла зачать, но внезапно въ сенатѣ 23 римлянами уязвленъ, умре 15 числа марта, лѣта по созданіи Рима 709, прежде Христа 43, поживъ всего лѣтъ 56, рожденъ бывъ лѣта по созданіи Рима 654, вторагонадесять числа пятаго мѣсяца, который потомъ названъ отъ него Іуліемъ.

Ст. тотъ же. *И Александръ.* Александръ Великій, царь македонскій, сынъ Филиппа и Олимпіи, Даріевъ побѣдитель, родился юлія 6, лѣта прежде Христа 356, олимпіады 106; умеръ въ Вавилонѣ, опоенъ ядомъ, въ 33 лѣто своего возраста, славу и власть свою по всей вселенной распространивъ.

Ст. 141. *Въ переднихъ зѣвая.* Т. е. съ великою скукою ожидая, не имѣючи другой компаніи, кромѣ холопьевъ.

Ст. 143. *Жертвуя и мухамъ.* Т. е. кланяяся съ покорностію и самымъ послѣднимъ людямъ, которые къ временщикамъ доступъ имѣютъ, ища въ нихъ себѣ помощи:

«Auri sacrafames, quo non mortalia pectora cogis!»

Ст. 146. *Твоихъ.* Разумѣй, сродникомъ или роду своему, понеже обычайно, когда кто хочетъ сказать, что такой-то человѣкъ ему родня, говоритъ: онъ мнѣ свой; и потому во второмъ лицѣ *твои* употребилъ сатирикъ.

Ст. 148. *Дядька твой порука.* Отъ котораго воспитаніе ты имѣлъ.

Ст. 152. *Арапскимъ языкомъ.* Для того арапскимъ, что довольно дикъ въ Россіи, и немногіе находятся кто бъ тотъ знали.

Ст. 155. *Повѣрить флотъ.* Флотъ называется многое число кораблей, въ одномъ мѣстѣ собранныхъ, подъ единаго главнѣйшаго воеводы руководствомъ. Иногда флотъ значитъ всю какого государства на морѣ силу.

Ст. 159. *Компасъ.* Есть махина нѣкая сдѣлана на подобіе коробки, круглая или четвероугольная, посреднинѣ которой вбита спичка

а) Лексиконъ Мор. подъ именемъ *цесарь.*

в) Тріумфы давалися у римлянъ за великія услуги къ отечеству и за чрезвычайныя побѣды надъ непріятелемъ. См. того образцы въ Вертота «революціяхъ римскихъ».

мѣдная и на ней поставлена свободно иголка плоска, желѣзная, намазана магнитомъ, отчего однимъ концомъ всегда оборачивается къ сѣверу. Подъ той иголкою, на нижной плоскости коробки начерчены тридцать два вѣтра морскимъ обычайные, и по сей то махинѣ узнаютъ мореплаватели: въ которую сторону свѣта плывутъ и какъ вѣтръ перемѣняется. Смотри Волфія элементы математ., томъ 2.

Ст. Тотъ же. *Правило*. Т. е. руль.

Ст. 160. *Сибирскимъ вотякамъ*. Вотяки суть народъ особливый въ царствѣ Сибирскомъ, императрицѣ россійской подвластны. Люди весьма дики, въ поляхъ пустыхъ обитающіе и никакого твердаго жилища и постоянныхъ домовъ имѣющіе. Житье своё провождаютъ въ шалашахъ и рѣдко два годы на одномъ мѣстѣ живутъ. Такимъ людямъ, чаю, довольно дики марморные домы.

Ст. 161. *Въ полицы*. Чрезъ сокращеніе, вмѣсто въ полиціи.

Ст. 163. *Гроціусъ*. Гуго Гроціусъ былъ родомъ голландецъ изъ города Дельфтъ, мужъ остроумный, и въ гражданскомъ правленіи и въ дѣлахъ политическихъ не послѣдній. Между прочими его изданія книгами крайную у всѣхъ ученыхъ принесла ему славу та, что подъ титуломъ: *О правахъ войны и мира*, въ которой первый основательно изъяснилъ законъ естественный. О сей его книгѣ сатирикъ поминаетъ въ семъ стихѣ. Родился Гроціусъ лѣта христова 1583, умеръ 1645 г.

Ст. тотъ же. *И Пуфендорфъ*. Самуилъ Пуфендорфъ, исторіографъ короля шведскаго, искуснѣйшій нашего вѣка человѣкъ въ исторіи и политикѣ; издалъ на латинскомъ языкѣ презрядныя книги, какъ то: «Введеніе въ исторію», которая переведена порусски; потомъ подъ титуломъ: «О должностяхъ человѣка и гражданина» (а). Именемъ Пуфендорфа сатирикъ сіи двѣ послѣднія его книги означаетъ, въ которыхъ содержится основаніе всего права естественнаго. Умеръ Пуфендорфъ лѣта Христова 1694, мѣсяца октября 6 дня, въ 63 лѣто своего возраста.

Ст. тотъ же. *И римскія правы*. Отъ Іустиніана сочиненныя. Различныя того суть части и въ многихъ государствахъ правамъ общимъ основаніемъ были.

Ст. 166. *Хоть ужъ съ бородою*. Хоть ужъ ты не молодъ и ужъ борода выросла, а не знаешь что̀ Уложеніе; дивишься, спрашиваешь: что то за звѣрь? и при томъ, какъ удивляяся чему, головою качаешь.

Ст. 168. *Шутки дѣтства*. Робячьи игрушки, бездѣлье.

Ст. 169. *Науки вышшаго степени*. Таковы суть: алгебра, астрономія, ѳеоретическая катоптрика и прочая, которыя въ житейскомъ употребленіи не столько нужны.

а) Сію книжицу въ пользу россіянъ искусно перевелъ преосвященный Гавріилъ, епископъ рязанскій, еще будучи троицкимъ архимандритомъ, и въ печать издана въ С.-Петербургѣ 1726 г.

Ст. 175. *Нетолько юлъ знаніемъ.* Нетолько глупъ и ничего не знаешь, но и знать ничего не хочешь, что есть сущее, Богу противное упрямство.

Ст. 176. *Дьяволу кадило.* Говорятъ просто, что того чортъ не любитъ, что Богу пріятно; а пріятно Богу кадило, ибо св. церковь поетъ: да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою.

Ст. 177. *Какъ свою весть волю.* Наука, которая сему научаетъ, есть философія нравоучительная. Та, намъ представляя должности наши, показываетъ, какъ намъ весть себя, что дѣлать и чего отбѣгать.

Ст. 178. *По морскому полю.* Т. е. по морю.

Ст. 180. *Распестренныхъ бумажкахъ.* Сирѣчь, въ картахъ.

Ст. 181. *Въ фараонномъ бою.* Фараонъ есть игра въ карты. Такова она: одинъ изъ игроковъ (банкиръ называется) сядетъ посередь стола, прочіе, которые противъ его играть хотятъ (понтиры именуются), обсядутъ около стола, взявъ себѣ по цѣлой масти картъ. Потомъ всякій понтиръ поставитъ передъ собою одну или сколько похочетъ изъ своихъ картъ, положивъ на нее сколько похочетъ денегъ. Тогда банкиръ, растасовавъ цѣлую картъ пару и одинъ изъ понтировъ снявъ карты, потомъ банкиръ начнетъ сверху карты мѣтать: одну карту направо, другую налѣво. Если карта которая изъ понтировыхъ картъ выйдетъ у банкира на правую руку, то понтиръ тотъ, чья карта, проигралъ тѣ деньги, что на ней лежали; если же карта та налѣво выйдетъ, то понтиру банкиръ долженъ заплатить тѣ же деньги, что на ней лежали и проч. Въ сей игрѣ нужно банкиру много картъ имѣть, понеже если однѣми все играть станетъ, то искусные понтиры тотчасъ примѣтятъ, которыя карты больше налѣво ложатся и такъ на нихъ больше денегъ ставить станутъ; для того обычайно передъ собою банкиръ имѣетъ множество паръ картъ, на подобіе табора разложенныхъ; а въ срединѣ тѣхъ лежатъ его деньги. И потому сатирикъ аллегорически говоритъ: *разложивъ таборъ великъ.*

Ст. 182. *Сущихъ предъ тобою.* Т. е. понтировъ.

Ст. 183. *Бѣлъ металлъ.* Сребро здѣсь бѣлымъ металломъ, рублевики означаются.

Ст. тотъ же. *Ни бомбы златыя.* Червонцы.

Ст. 185. *Осторожено тасуешь полки твои.* Такъ разумѣй: и перемѣняешь свои карты, чтобы не могли понтиры дознаться, какъ у тебя выиграть легче. Терминъ тасованія и въ военныхъ дѣлахъ къ тому же употребляется.

Ст. 192 по 194. *Труднѣе тебѣ... барбера рукою.* Труднѣе тебѣ безъ игры сидѣть, нежели когда тебя неискусный барберъ тупою бритвою по не мокрой бородѣ брѣетъ.

Ст. 195. *Легче дьяку.* Не льзя тѣмъ людямъ удержать вѣтра въ себѣ и за великую тяжесть своего тѣла. (обычайно бо всѣ толсты

живутъ) и за пищу жирную и многое питье, которое мѣста вѣтру не оставляетъ; къ тому жъ они то въ стыдъ себѣ не ставятъ, такъ какъ подлые голландцы, нижнимъ проходомъ лишній вѣтръ выпускать въ неучтивость не вмѣняютъ.

Ст. 196. *Писцу не чесать главу, на край стула сѣсти*. Не возможно есть подьячему не почесать головы, когда садится на стулъ, а обыкновенно они не всѣмъ сѣдалищемъ садятся на стулъ, но маленько на край стула съ великою трудностію; опрется такъ, что больше на колѣнкахъ стоитъ. Кто любопытенъ—можетъ искусить, ежели авторъ правду говоритъ или нѣтъ.

Ст. 198. *Аламброю гремя*. Аламбра—игра картная, отъ ишпанцевъ вымышленна, весьма забавна. Регулы ея представлять, понеже весьма ихъ много, оставляю. Кто охотникъ ихъ знать, можетъ прочесть книжку французскую печатную, въ которой искусство ея пространно изъяснено. А для того *аламброю гремя*, что въ эту игру больше марками (или знаками) играютъ, которыя обыкновенно живутъ костяныя, и для того, когда ихъ на тарелку складываютъ, въ игрѣ гремятъ.

Ст. тотъ же. *Иль костьми стрѣляти*. Понеже много обману живетъ, ежели рукою кости метать; обыкновенно ихъ изъ деревянныхъ стакановъ выкатываютъ, и потому нѣкое сходство съ стрѣльбою имѣетъ игра сія.

Ст. 199. *Непріятель станетъ*. Перестанетъ играти.

Ст. 203. *Умнымъ быть наскучитъ*. Не льзя пьянаго умнымъ звать, ибо лишнитье вина умъ выгоняетъ.

Ст. 205. *Друзей по виду*. Рѣдко тѣ чистосердечные друзья живутъ, которые между стаканами пріятельство свое показываютъ. Вино есть союзъ ихъ дружбы: коли оно скончится, то перервется дружба.

Ст. 207. *Флотъ цѣлый*. Тутъ сатирикъ аллегоріею начинаетъ осмѣвать пьянство, которое мореплаванію уподобляетъ.

Ст. тотъ же. *Плетеныхъ сосудовъ*. Бутылокъ. Бургонское и шампанское вина привозятъ изъ Франціи въ бутылкахъ, тонкимъ нѣкакимъ коренемъ или лозою перевитыхъ.

Ст. 210. *Въ болѣзнь и въ безславіе* безъ сомнѣнія пьянство приводитъ; напослѣдокъ въ болѣзнь: часто оно водяную родитъ и многіе образцы имѣемъ, что лишное питье и смерти было причина; что же имя худое ничѣмъ какъ пьянствомъ легче достать не льзя.

Ст. тотъ же. *Въ скудость непристойну*. Непристойно и гнусно убожество то, которому самъ кто подалъ причину; невольная же нищета хулы не достойна.

Ст. 211. *Конопать осмотришь*. Т. е. осмотришь затычку бутылокъ, которую обычайно засмаливаютъ, и потому съ конопатью сходство нѣкое имѣетъ.

Ст. 212. *Въ микроскопій смотрищь*. Микроскопій есть инстру-

ментъ діоптрическій, чрезъ который самую малѣйшую вещь пространну и ясно видѣть можно. Когда и отъ кого сіи (микроскопіи) вымышленны неизвѣстно, только что до 1618 г. ихъ не бывало; потому знатно, что *Іеронимъ Сиртурусъ*, который въ томъ году «о началѣ къ сочиненію телескопіевъ» книту издалъ, объ нихъ не упоминаетъ.

Ст. 213. *Малы ладіи.* Какъ при большихъ корабляхъ боты или шлюпки бываютъ, такъ при бутылкахъ рюмки или кубки быть должны.

Ст. 215. *Правишь.* Управляешь весь чинъ веселія.

Ст. тотъ же. *Сказываешь вѣтръ.* Сказываешь, какое здоровье пить.

Ст. 216. *Чтобъ кто не сбился съ пути.* Чтобъ кто не отбился отъ рюмки, не забылъ бы какое здоровье выпить, но всякъ бы равно и правдиво пилъ.

Ст. 223. *Не даромъ ты потерялъ.* Не напрасно ты прожилъ свои деревни, выучился полезному искусству.

Ст. 224. *Фалды должны тверды быть не жидки.* Когда писана сатира сія, мода была, чтобъ фалды торчали тверды, а не висѣли бы по ногамъ, такъ какъ прежъ сего бывало; а фалды называются сгибы у кафтана, что къ клиньямъ пришиты у сшивки передней и задней полы. Слѣдующія имена частей въ платьи безъ изъясненія оставлены, понеже всѣмъ почти знакомы.

Ст. 225. *Въ поларшина глубины.* Глубина фалда есть ширина сгибы его, которая надобно чтобъ была въ поларшина. Такъ щоголи прилично быть сказываютъ, отчего фалдъ толще казаться будетъ.

Ст. тотъ же. *Ситой подшиты.* Въ фалдахъ ситой подшиваютъ, чтобъ онъ тверже стоялъ и не скоро бы смялся.

Ст. 226. *Если кафтанъ согнешь.* Т. е. чтобъ станъ былъ короче, нежели разстояніе между клиньями и подоломъ кафтана.

Ст. 231. *Вкусъ въ платьяхъ.* Вкусъ только въ кушаньяхъ говорятъ; а тутъ кажется для того употреблено слово сіе, что щоголямъ оно обычайно съ французскаго языка, въ которомъ если хотятъ похвалить, что платье какое искусно выдумано и прибрано хорошо, то говорятъ: это платье хорошева вкусу.

Ст. 229. *Рексъ* портной, см. примѣч. подъ ст. 40, первой сат.

Ст. 232. *Растрелли столь искусно.* Графъ Растрелли, родомъ италіянецъ, въ россійскомъ государствѣ искусный архитекторъ. За младость возраста не столько въ практикѣ силенъ; что же въ вымыслахъ и чертежахъ почти первый. Инвенціи его въ украшеніи великолѣпны, видъ зданія его казистъ; однимъ словомъ, можетъ увеселиться око въ томъ, что онъ построитъ.

Ст. 233. *По времени года.* Щоголи совершенные не позволяютъ носить чрезъ цѣлый годъ одной пары платья. На прикладъ, лѣтомъ не льзя

носить бархату и сукна, а зимой тафты и прочихъ тонкихъ шолковыхъ парчей.

Ст. 236. *Для верху и чъмъ подбивати.* Какой на подобіе чтобъ былъ верхъ и платье, и какая подкладка.

Ст. 237. *Какой металлъ приличенъ.* По мнѣнію щоголей лѣтомъ золото носить неприлично, такъ какъ зимою серебро, а резонъ къ тому что золото тяжелѣе, и потому теплѣе.

Ст. 239. *Когда составлялъ.* Ликургъ былъ одинъ изъ десяти оратоновъ аѳинейскихъ, который многіе въ пользу республики законы уставилъ. Смотри житье его, описанно въ Плутархѣ.

Ст. 240. *Когда Миносъ критяномъ.* Миносъ I того имени, король былъ критскій, и за сына Юпитерова почитается, котораго имѣлъ изъ Европы, когда въ быка преобразился. Такъ по баснословію древнихъ. Правда же самая есть, что красавица эта, похищенная и на кораблѣ, которому имя было Быкъ, привезенная въ Критъ къ царю Асторію (котораго за крайнюю его доброту Юпитеромъ называли), въ жены взята и бысть мать его, Миноса. Славенъ Миносъ суровымъ законовъ защищеніемъ и учрежденіемъ многихъ правъ, народу своему полезныхъ, и для того стихотворцы сказываютъ его быть судьею въ адѣ. Началъ онъ царствовать въ лѣто по созданіи свѣта 2645.

Ст. 242. *Для парчей покупки.* Для покупки того, изъ чего тебѣ платье дѣлать; подлинно щоголи немало думаютъ, пока вздумаютъ, изъ чего бъ складно платье сдѣлать.

Ст. 249. *Въ градѣ зеленъ кафтанъ.* Если сурово охранять щегольства правила, то въ городѣ въ зеленомъ кафтанѣ ходить не льзя, понеже цвѣтъ тотъ полевой и тамъ только приличенъ.

Ст. 250 *Всякъ позументъ газу.* Газъ есть легкой, одноличной позументъ и почти кружево серебренное или золотое; на полевыхъ платьяхъ и въ городѣ лѣтомъ его употребляютъ, и вкусъ платью даетъ лучше всякаго позументу.

Ст. 251. *Въ Іулій.* Въ Іуліи мѣсяцѣ или лучше сказать въ лѣтнее время, въ теплую пору.

Ст. 259. *Какъ попы искусные.* Въ великое невѣжество себѣ почелъ бы иной попъ не знать въ какой колоколъ своей церкви звонить въ будни, въ какой въ воскресный день, и въ какой въ праздники, и многіе изъ нихъ лучше знаютъ какъ звонить, нежели что читать.

Ст. 261. *Гдѣ въ открытіи* и проч. Такъ щоголи и въ томъ тщательны живутъ, что рѣдко коробку свою съ табакомъ однимъ образомъ отворяютъ, а всегда съ великою бережью и принужденнымъ искусствомъ.

Ст. 263. *Подгибаешь колѣна.* За красу себѣ почитаютъ щоголи ходьбу такую, въ которой всякая ступень мѣрою бываетъ и для то-

го тѣ поважно ступаютъ, первѣе пальцами опершися, потомъ же и пяту опущая.

Ст. 266. *Въ согласномъ убранствѣ.* Въ одноличномъ уборѣ, или въ уборѣ, который весь хорошо прибранъ.

Ст. 268. *Еслибъ щегольству имя совершенства кстати.* Т. е. еслибъ прилично было щегольство совершенствомъ назвать. Не худо сатирикъ сумнится имя сіе такому приписать искусству; одна бо добродѣтель совершенствомъ право зваться можетъ; все прочее не полезно, иногда и вредительно, убо несовершенно.

Ст. 271. *Достоинство сильно есть.* Сирѣчь, коли хочешь знать кого почитать и кого имѣть за славнаго человѣка, не имѣніе титловъ, но достоинство его (или Merita) разсмотрять должно, т. е. его нравы добрые, заслуги важныя, знаніе, искусство и проч. собственная человѣку украшенія.

Ст. 273. *Впрочемъ.* Здѣсь противъ зависти говоритъ сатирикъ.

Ст. 278. *Коли той высокъ.* Сирѣчь, коли тотъ честенъ, богатъ, славенъ и достоинствами высокими почтенъ.

Ст. 280 *Ни отечеству добры.* Т. е. ни отечеству своему полезны.

Ст. 281. *Если противное зритъ.* Сирѣчь, если видитъ, что хоть худороденъ, да добронравенъ, прилеженъ, не гордъ и во всемъ добромъ радѣтеленъ.

Ст. 284. *Полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.* Добрый человѣкъ въ партикулярномъ состояніи не многимъ полезенъ быть можетъ, въ знатное же достоинство если произведенъ бываетъ, рѣдко кто доброту его не искуситъ.

Ст. 288. *Тѣхъ, иже насъ судятъ.* Тѣхъ, которые надъ нами власть нѣкакую имѣютъ, которые пекутся о благосостояніи нашемъ и проч.

Ст. 292. *Слава наша съ трудовъ ихъ.* Т. е. слава наша отъ ихъ трудовъ нѣсколько возрасла; нѣчто и они помогли къ пріобрѣтенію славы отечества нашего.

Ст. 293. *Только что прапрадѣда* и проч. Смотри ст. 33, гдѣ хвастаетъ дворянинъ о началкѣ своего рода.

Ст. 294. *Исчесть годы не могутъ съ тобою.* Не могутъ тѣ фамиліи своей знатность показать за столько лѣтъ, сколько ты показалъ.

Ст. 295. *Какъ родъ той.* Какъ прапрадѣда твоего прадѣдъ.

Ст. 297. *Твоихъ знаютъ.* Сирѣчь, предки твои знамениты стали за 704 лѣта, да вѣдь не то начало человѣческаго рода. Были и прежде люди, изъ которыхъ какой нибудь и тебѣ былъ древнѣйшій предокъ, нежели тѣ, которые знамениты фамиліею.

Ст. 299. *Край же рода.* Т. е. первоначаліе фамиліи.

Ст. 301. *Въ сохѣ сыщешь начало блистательну роду.* Сирѣчь, доберешься того, что знаменитый родъ твой отъ мужика начало имѣетъ, и по истиннѣ кто можетъ сказать, что онъ изъ вѣковъ дворянинъ, хоть сколько ни считать древности рода своего лѣтъ, нужно

напослѣдокъ исповѣдать, что нѣкто изъ предковъ сохою и трудами хлѣбъ свой добывалъ.

Ст. 302. *Часто адмиральскій дѣдъ.* Извѣстно есть, что ни одинъ адмиралъ въ Россіи не имѣлъ дѣда водовоза, но всѣ знатнаго были дворянства, и потому видѣть можно, что не въ хулу ихъ авторъ стихъ сей написалъ. Намѣреніе его есть изъяснить, что часто многіе изъ подлости добродѣтельми своими великія достоинства доставали, и что нѣтъ такихъ, котораго бы племя не изъ подлаго рода начала нѣкогда произошло; для тогоже *адмиральской дѣдъ*, а не иного кого, что между имъ и водовозомъ аналогія нѣкакая противная имѣется: сей бо воду таскаетъ, тойже водами обладаетъ.

Ст. 303. *Но добродѣтель того.* Прилично сему Маріусъ сказалъ нѣкогда шляхетству римскому (Саллустій въ войнѣ юргуртинской): Quod si jure despiciunt me, faciant idem majoribus suis, quibus uti mihi ex virtute nobilitas cepit, то есть: коли они праведно меня презираютъ, тоже и предкамъ своимъ да учинятъ, ихъ же, якоже и мое, отъ добродѣтели благородіе начало воспріяло.

Ст. 305. *Но едино чадо садъ копалъ.* Каинъ, сынъ Адамовъ, былъ земледѣтель.

Ст. 306. *Другой пасъ стадо.* Авель, того жъ Адама сынъ, былъ пастухъ. Такъ объ нихъ Моисей: и бысть Авель пастырь овецъ, Каинъ же бѣ, дѣлая землю (Бытія, глава).

Ст. 311. *И труды не явимъ... слыти.* Такъ сіе разумѣй: если трудами своими не покажемъ, что и мы достойны зваться, или имя то носить, что наши предки носили.

Ст. 317. *Плѣшивость Юлію.* Есть нѣкоего автора разсужденіе, что Іулій Кесарь былъ плѣшивъ, но что тотъ недостатокъ природы покрылъ лаврами, которыми за многія побѣды вѣнчанъ былъ. Можно худородіе уподобить сему власному на главѣ недостатку: обоя бо не отъ нашего произволенія и худыхъ нашихъ поступковъ бываютъ, но отъ природы; обоя же и прикрыть трудами удобно можемъ.

САТИРА III.

КЪ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ ѲЕОФАНУ, АРХІЕПИСКОПУ НОВГОРОДСКОМУ И ВЕЛИКОЛУЦКОМУ.

I.

Обязалъ еси ты мя усты [1] и рукою
Далъ хвалу мнѣ паче мѣръ, заступилъ немало,
И аще тая забыть сатиру пристало,
Иже неблагодарства страсть хулитъ трубою.

1) Стар. творит. падежъ: устами.

II.

Но ни силы воздавать дары равномѣрны
Въ знакъ благодаренія, увы! запрещаютъ.
Пріими убо сія, и хоть не блистаютъ
Дары изящствомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

Вашего преосвященства
покорнѣйшій слуга К.

Въ Москвѣ 1730 г.
Августа мѣсяца.

САТИРИКЪ КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Въ обществѣ [2] все писано имена не ваши,
Чтите убо безъ гнѣву сіи стихи наши,
И аще не нравенъ слогъ и вамъ досаждаетъ,
Смѣните нравъ, то сатиръ не васъ осмѣваетъ.

САТИРА.

Мудрый первосвященникъ, ему же Минерва
Откры вся сокровенна и все что исперва
Въ твари бысть и днесь яже міръ весь исполняютъ
Показа, изъяснивъ ти, отчего бываютъ,
Ѳеофанъ, ему же все извѣстно, что знати
Можетъ человѣкъ и умъ человѣчь поняти,
Скажи мнѣ, ты бо можешь, всѣмъ всякаго рода
Людемъ давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа
Какъ страстьми столь различны сердца ихъ исполни,
Ихъ же власть преодолѣть никако же вольны?
Заря еще не стала, солнце почиваетъ,
Еще ночь темнотою небо покрываетъ,
Всѣ всюду покоятся и спитъ вся тварь смѣло,
А Тицій ворочаетъ по постели тѣло,
Стрясаетъ съ глазъ сонъ спѣшно, дабы день въ постели
Не засталъ. Исходитъ вонъ — пѣтухи не пѣли:
Чаялъ бы, что пищи той къ утру не имѣетъ,
Такъ чтобъ часъ не пропустить, жаденъ, торопѣетъ;
Да не то! ужъ сундуки подъ вагой вздыхаютъ,
Въ мѣшкахъ ужъ заржавены[3] деньги молью таютъ,
Что же? жадность несчетно множитъ безпрестанно
Богатство—мучитъ его ночью, въ вечеръ, рано;

---

2) Т. е. вообще.

3) Такъ во всѣхъ спискахъ, вм. *заржавлены*.

Такъ всю жизнь свою нуритъ, не зная покою,
Все сбирая, будто въ гробъ все возметъ съ собою.
Сегодня услышалъ, что караванъ съ Китая
Прибылъ, въ немъ фарфорная посуда драгая
Множествомъ привезена и за малу цѣну
Продаютъ, которую если везти въ Вѣну —
Великъ барышъ принесетъ; бѣжитъ убо спѣшно,
Чтобъ кто прежде не скупилъ, тужитъ неутѣшно,
Торгуетъ больше просьбой, нежъ денегъ считаетъ.
Купилъ, тотчасъ на возъ склалъ, въ путь ся направляетъ;
Не смотритъ злость воздуха въ осеннюю пору,
Презираетъ валъ морскихъ то бездну, то гору.
Дряхлъ, уже бо осьмдесятъ и полпята лѣта
Изжилъ, вага лишняя бывши сего свѣта,
Трясется весь, однакожъ на корабль садится.
Не себя какъ уберечь, но товаръ крушится.
Дождь ли, громъ, вѣтръ или зной—бдитъ самъ безпрестанно,
Чтобы кто что не унесъ ночью нечаянно.
Что глупѣе Тицiя? Когда будетъ полно?
Надобно ль коли сказать: ужъ теперь довольно?
Никакъ!—Да на что жъ ему столь сильно богатство,
Коли спитъ на войлокѣ, все его убранство
Одинъ кафтанъ, въ которомъ ужъ ворса избита
Нить голу оставила, и та ужъ пробита;
А кушанье подано коли на двухъ блюдахъ,
Кричитъ: куды мотовство завелося въ людяхъ!
Ужъ слышу, отвѣтъ его, гремятъ какъ изъ тучи
Глупы рѣчи: «прiятно брать изъ большой кучи».
Но будетъ время, что тѣ въ мѣшечкахъ зашиты
Деньги выйдутъ наружу, иль въ корчмѣ пропиты,
Иль въ карты проиграны, иль въ платьѣ богатомъ
Изношены, въ каретахъ изъѣзжены съ златомъ.
Ужъ онъ надъ гробомъ весь свисъ, а внукъ ожидаетъ:
Хоть сколько ни запирать, сей свободить знаетъ;
И богатство, что теперь того бѣдно мучитъ,
Потомъ у сего въ рукахъ намъ уже наскучитъ.
Таковъ Тицiй, а сосѣдъ его ужъ противно
Расточаетъ вся: все грошъ, все ему не дивно;
Уже сей не печется какъ множить мамону,
Лишняго не любитъ онъ въ мошнѣ денегъ звону,

Не ищетъ тотъ прибыли съ дорогой посуды.
Одна мысль, чтобъ уборъ былъ весь красенъ повсюды,
Отъ главы до пятъ все въ немъ богато сіяетъ.
Столь пространенъ экипажъ въ золотѣ блистаетъ,
Домъ недурно убранный, питье дорогое.
Думалъ бы, что Крезусъ онъ; нѣтъ—все то чужое.
Не столько онъ получитъ себѣ въ годъ доходу,
Сколько въ картахъ денегъ въ часъ броситъ какъ бы въ воду;
А что въ домѣ, что на немъ, та вся долгомъ пахнутъ,
И когда онъ жирѣетъ, то деревни чахнутъ.
Въ обоихъ нѣтъ посредства—одинъ черезъ мѣру
Сребролюбивъ, скупъ; другой тороватъ не въ мѣру.
  Дамонъ не скупъ и не тщивъ, въ роскоши умѣренъ,
Сказать ничего не льзя, на секретъ невѣренъ.
Какъ когда ново вино, вложенное въ судно,
Кипитъ, шипитъ, пѣнится, держать его трудно:
Дуетъ доски, обручи рветъ, и мѣръ не зная,
Выбьетъ втулку, свирѣпо устьми вытекая,
Такъ въ немъ тайное слово усидѣть не знаетъ:
Дуетъ брюхо, умъ вредитъ, выдти вонъ желаетъ;
Коли часъ затворено лежитъ въ сердцѣ слово,
Мнитъ, что бѣдство предлежитъ въ томъ ему готово.
  Сватъ его не меньше зло иное имѣетъ:
Охотникъ къ вѣдомостямъ былъ младъ, въ томъ сѣдѣетъ.
Съ утра самаго вставши, свѣситъ уши всюды,
Слышать въ домѣхъ говорятъ, что въ улицахъ люди.
Легче ему не давать брюху три дни дани,
Нежли не знать, что привезъ куріеръ съ Гиляни;
Куды всякъ изъ офицеръ посланы въ посылку;
Господинъ сей или той за что сосланъ въ ссылку.
Придетъ ли къ тебѣ, тотчасъ будто нужно дѣло
Сказать имѣетъ, возметъ за руку тя смѣло:
«Не слыхалъ ли, говоритъ, что пишутъ съ Парижу?
«Войско въ Италью идетъ; война будетъ, вижу.
«Ишпанецъ передался, и союзъ ихъ силенъ;
«Теперь-то въ Италіи, чаю, всякъ умиленъ.
«Въ сенатѣ закрѣпили указъ къ воеводамъ,
«Чтобъ доимочной списокъ прислать прошлымъ годамъ;
«Въ гвардіи вчера была чинамъ перемѣна;
«Цѣна уже поднялась и дровамъ и сѣна;

«Сѵнодъ умноженъ будетъ по Петра уставу,
«Да лучше распространитъ церковную славу;
«Генералъ изъ Персіи будетъ сюды вскорѣ,
«Ужъ, я чаю, онъ въ суднѣ, ужъ пустился въ море».
Все ему нужно есть[4] знать, будто все прилично.
Рѣдко двумъ ту жъ вѣдомость скажетъ одинолично.
Окончавъ рѣчь, не ссидитъ двухъ минутъ на стулѣ,
Какъ у пьяницы полны скляницы[5] въ шкатулѣ,
Какъ у спасской обѣдни дьякъ къ взяткамъ удобный,
Когда хулятъ въ казаньи[6] судъ чрезъ деньги злобный.
«Прости, говоритъ, друже! но прошу покорно,
«Не всѣмъ сія сказывай». Та же дверь проворно
Отворивъ, исходитъ вонъ, къ инному отходитъ,
Оттоль опять къ другому—весь день вѣсти плодитъ.
  Кто жъ Фабія описать можетъ видъ и нравы
Тѣ сколь извнѣ суть красны, столь внутри неправы?
Блѣднъ лицемъ, нерасчесанъ, въ лоскутахъ одежды,
Какъ сынъ младъ, когда отца видитъ безъ надежды
На смертномъ суща одрѣ, сердцемъ унываетъ,
И сколь тяжка его скорбь—видъ лица являетъ.
Такъ сей тихъ, смиренъ, молчливъ, какъ въ палату вôйдетъ
Всѣмъ низко поклонится, къ всякому подôйдетъ,
Таже въ уголъ скрывшися, очи въ землю втупитъ;
Чуть слыхàть, какъ говоритъ; чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Спросишь ли, что у него? покорно чрезъ мѣру,
Не отвѣщавъ на вопросъ, похваляетъ вѣру;
Какъ священные отцы въ пустыняхъ трудились,
Какъ молилися долго, какъ много постились,
Какъ красивъ тотъ весь уставъ, что въ церковну славу
Уставилъ обычаи, далъ пользу тѣмъ здраву
Душамъ, великолѣпныи учинилъ храмы.
Къ чему слово, можете догадаться сами:
О доходахъ говорить церковныхъ склоняетъ,
Кто далъ, чѣмъ онъ жирѣетъ, того похваляетъ,
Другое всяко не столь угодно есть Богу
Дѣйство; тѣмъ только можетъ достать всякъ мзду многу.
Когда гдѣ званъ за столомъ и мясо противно

4) Въ рукописи г. Аѳанасьева пропущено *есть*.

5) Тамъ-же: *скляницы вина*, но послѣдняго слова не встрѣчается болѣе ни въ одной рукописи.

6) Т. е. въ проповѣди.

И пить много не можетъ, да то и не дивно:
Дома съѣлъ цѣлый каплунъ, да на жиръ и сало
Бутылки венгерскаго съ нуждой запить стало.
Кто не знаетъ внутрьній строй притворнаго мужа —
Солнцемъ его назоветъ; а онъ—гнусна лужа.
Тихъ видомъ, а сердцемъ тигръ; въ людѣхъ богомоленъ,
Лакомствомъ какъ мѣхъ надутъ и гордостью боленъ.
Когда же прельстить тщится бѣдны человѣки,
Мнитъ прельщать и всевидцы Бога вышня вѣки;
Да, чаю, не удастся: изрядно той знаетъ,
Въ какомъ тѣлѣ какой духъ и мысль обитаетъ!
Не дай Богъ, чтобъ когда въ пиръ къ другу позванъ будешь,
Возлѣ Груннія ты сѣлъ, ужъ кушать забудешь.
Если ты ему знакомъ, то сперва поздравитъ:
Отъ жены, дѣтей своихъ; поклонъ ти отправитъ;
Потомъ спроситъ о тебѣ: все ль благополучно
Живешь? чѣмъ забавишься? дома ли не скучно?
Также подробну начнетъ сказывать, какъ новый
Прудъ въ деревнѣ копать сталъ, или ужъ готовый
Того вынувъ съ кармана чертежъ ти предложитъ,
Иль на ту стать ножики и вилки разложитъ.
Сочтетъ тебѣ что пашни, что беретъ оброку;
Къ какому всякъ у него спѣетъ овощъ сроку;
Сколько давно владѣетъ онъ деревню тую,
Крѣпость имѣетъ или грамоту какую,
Какъ домъ застроилъ въ Москвѣ, какъ заводъ заводитъ,
Какъ одна въ годъ у него двухъ овецъ приплодитъ,
Какъ въ полпуда качаны капустные вѣсомъ
(Правду любитъ говорить немного съ примѣсомъ).
Не оставитъ ничего, если что самъ знаетъ,
Чтобъ тебѣ не разсказать; тогда же онъ чаетъ,
Что ты нѣмъ и говорить никакъ не умѣешь:
Говорить тебѣ не дастъ; хоть дастъ, не успѣешь.
Если же ты незнакомъ, начнетъ вопрошати
(Молчать бо нельзя): какъ тя и отца назвати?
Какого роду? кто ты: русакъ или странный?
Самъ ли выѣхалъ сюды иль пріѣхалъ званный?
Въ какомъ чину? женатъ ли? есть ли у тя дѣти?
Почему въ годъ доходу можешь ты имѣти?
Сколько лѣтъ? Да не все тутъ, не конецъ то дѣлу:

Нужно о себѣ сказать. Тутъ-то ужъ безъ мѣлу,
Безъ верви, безъ аршина, начнетъ кроить враки;
Правды гдѣ-гдѣ увидишь крошечные знаки.
Не тужи, ужъ будешь знать: какого онъ роду,
Кто таковъ, съ какого взятъ въ службу дня и году,
Подъ сколько осадами, въ сколькихъ войнахъ смѣло
Присутствовалъ, пробито гдѣ пульками тѣло;
Сочтетъ цѣлой календарь именъ воеводамъ,
Вспомнитъ, кто былъ въ ихъ ротѣ приставленъ къ заходамъ;
Не забудетъ разсказать, сколько терпѣлъ нужды
Въ войнахъ, въ дѣлахъ, отлученъ всегда въ краи чужды,
Какъ нигдѣ взадъ не бѣгалъ, вездѣ былъ передній,
Напослѣдокъ какъ досталъ ужъ чинъ свой послѣдній.
Да гдѣ все то мнѣ списать, что онъ въ столъ наскажетъ;
Не столько зернъ въ снопахъ, что мужикъ въ день навяжетъ,
Не столько божбы купецъ учинитъ въ продажѣ
Товаровъ чрезъ цѣлый годъ и не столько въ кражѣ
Разъ поймань цѣловальникъ, судьѣ давши плату,
Очиститъ себя и всю казенну утрату,
Не столько разъ мы грѣхи осудимъ сосѣда,
Сколько выйдетъ съ его устъ рѣчей въ полобѣда.
О если бы тѣ слова возмогли приняти
Хоть малѣйшу на ся плоть, гдѣ бы ихъ дѣвати?
Въ цехаузъ бы не вмѣстилъ число такъ несчетно,
Хотя зданіе сіе пространствомъ примѣтно.
  Катонъ если золъ, если добры имать нравы,
Все то чинитъ, чтобъ достать въ жизнь и по смерть славы;
Если Богу молится, если обижаетъ,
Если пріятенъ или золъ ко всѣмъ бываетъ,
Если храмъ строить ищетъ или разорити
Ближняго созданіе—славенъ хочетъ быти.
Книгу ль издастъ—не затѣмъ, чтобъ въ пользу народу,
Но чтобъ имя извѣстно было его роду,
Большими литерами въ заглавьи сіяетъ:
Кто творецъ—не льзя не знать тому, кто читаетъ.
Казанье ли говоритъ—не раны желаетъ
Исцѣлить душевныя, но похвалъ жадаетъ;
Для похвалъ, не для себя и дни ищетъ здравы;
Однимъ словомъ не давай ѣсть, дай ему славы.

Нарцизу все не нравно, все ему противно;
Продерзокъ ли кто?—ничто; смиренъ ли?—не дивно;
Одолѣлъ ли кто враги сильны и отважны?—
Невелико, говоритъ, дѣла тѣ неважны;
Исправилъ ли кто законъ? судитъ ли кто право?
Благонравенъ ли, или разсуждаетъ здраво?
Учонъ ли кто? пользу ли сдѣлалъ кто народу?
Далъ ли власть кто надъ огнемъ иль укрощать воду?
Все то плюнуть! Передъ нимъ и весь человѣковъ
Родъ ничто. Одинъ только онъ изо всѣхъ вѣковъ
Есть, егоже почитать всѣмъ прилично всюды.
По его словамъ скоты суть прочіе люди;
Онъ пригожъ, онъ добръ, учонъ, онъ стараго рода;
Отъ прочихъ отнявъ, ему все дала природа.
Всѣ поступки образцы, законъ всяко слово,
Къ войнѣ ли, къ миру его есть сердце готово;
Въ обоихъ бо онъ одинъ можетъ показати, [7]
Какъ ввесть обильство въ народъ и враговъ смиряти.
Собою весь наполненъ, о себѣ и мыслитъ;
Чаетъ, что всѣхъ прочихъ Богъ и въ твари не числитъ.
И все что есть смысленно—глазъ, ухо имѣетъ,
Для того чтобъ дивиться ему, и что дѣетъ
И говоритъ онъ—слушать, а то бы и дѣла
Не было имъ: лишнія бъ были части тѣла.
Хоть повсюду глупостью людей въ свѣтѣ полно,
Нарцизами большъ всего набитъ онъ довольно.
Клитесъ жалокъ и смѣшонъ; словомъ подпить любитъ,
И когда прочимъ немилъ—нищъ и себя губитъ;
Гдѣ пиръ, гдѣ гуляніе, безъ него ужъ пусто;
Не пьетъ вино слабое, грызетъ пиво густо.
Глаза красны, весь распухъ, въ лоскутахъ кафтана
Честь можно, что на комъ онъ—ярыжнаго сана.
Когда пріймется за что—дрожатъ руки, ноги,
Какъ подъ брюхатымъ дьякомъ однокольны дроги.
До тѣхъ поръ съ похмѣлья онъ, пока съ сна проснется;
Рѣдко въ вечеръ ложится, пока не напьется;
Весь денъ философствуетъ, показуя ясно,
Что есть пусто въ твари; кто споритъ, вретъ напрасно.
О если бы сей мужъ былъ въ египетскомъ родѣ,

7) Въ рукописи г. Аѳанасьева пропущено: *бо онъ*.

Гдѣ всякъ себѣ изберетъ бога по природѣ,
Гдѣ иной собакъ, иной кошекъ почитаетъ,
Инъ солнце, инъ чеснокъ, что садъ его рождаетъ,—
Безъ сумнѣнія вину онъ бы принесъ жертву.
Солнце мало видитъ онъ, кошку знаетъ мертву,
Собаку такожъ, чеснокъ гнусно въ брюхѣ трется;
Сколь же тотъ блаженъ живетъ, кто виномъ напьется;
Безстрашенъ, веселъ, одинъ что̀ всѣ презираетъ
Бѣдства, скорби, доволенъ собою бываетъ!
Целадонъ на всѣхъ плюетъ и мнитъ непристойно
Говорить съ людьми, сидѣть (съ ними) недостойно.[8]
Какъ войдетъ въ палату, гдѣ множество народу,
Распихнетъ всѣхъ, какъ корабль плывущъ сѣчетъ воду,
И хоть бы зналъ, что много злата съ плечъ убудетъ,
Нужно впередъ выступить, позадь стать не будетъ.
Садится ли гдѣ за столъ, первый стулъ захватитъ,
Перву рюмку онъ выпьетъ, чести не утратитъ; [9]
Облокотится на столъ, то то, то другое
Блюдо предъ себя подать велитъ, снять иное;
Изъ его рукъ приходятъ съ здоровьями кубки,
Всѣ его слушать слова, зрѣть должны поступки.
Распяливъ грудь, бровь поднявъ, когда знакъ ти окомъ
Подастъ на низкій поклонъ, въ почтеньи глубокомъ
Тебя имѣетъ, ибо говорить съ кѣмъ слово
Не всегда удается, не всегда готово.
Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало,
Не такое же было̀, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была та фарфорна глина
Съ чего онъ, а съ чего мы—то навозна тина.
Словомъ Целадонъ спѣсивъ; всѣ въ томъ заключаю
Страсти, ибо въ комъ та есть, и вся быти чаю.
Еще сіи извинить можно въ людяхъ страсти;
Хоть прочимъ горьки, въ комъ тѣ, тѣмъ тѣ не безъ сласти:
Влечетъ къ злу людей мысль та, что доброе ищутъ
Иль пользу имѣютъ, иль мнятъ, что пользу сыщутъ.
Тицій богатъ, въ Фабіи святость почитаютъ,
Дамонъ простъ, свата [10] всѣхъ дѣлъ свѣдома быть знаютъ,

---

8) Неполный стихъ во всѣхъ рукописяхъ.

9) Ст. 274 встрѣчается не во всѣхъ рукописяхъ; по большей части читается такъ: «садится ли гдѣ за столъ, то то, то другое блюдо» и пр.; отъ этого пропуска и счетъ стиховъ въ разныхъ рукописяхъ не одинаковъ.

10) Сватъ Дамона обрисованъ сатирикомъ выше.

Сосѣдъ Тиціевъ время проводитъ забавно,
Груннiй рѣчистъ: искусство то многимъ есть нравно,
Катонъ славенъ, а Нарцизъ хоть собой доволенъ,
Честь Целадонъ хранитъ отъ мыслей Клитесъ воленъ;
Не вѣмъ же, Зоилъ каку сласть въ страсти находитъ
Своей, когда бо инымъ постылъ, самъ наводитъ
И себѣ мученіе, знаешь ли что сила
Рѣчей моихъ; завистью зло сердце Зоила...
Шабашъ музо моя! чтожъ мѣръ въ рѣчахъ не знаешь?
Забыла, съ кѣмъ говоришь, кому докучаешь?
Иль чаешь Ѳеофана празднаго сидѣти
И кромѣ чтенья сатиръ дѣла не имѣти?
Паство имать и церкви управитель главенъ,
Въ дворѣ, въ храмѣ, въ городѣ ненапрасно славенъ,
Трудится самъ то перомъ, то властiю много
Пользу добрымъ подая, наказуя злого.
Или хочешь Калепинъ всѣмъ страстямъ составить,
И толикаго мужа зѣвать тѣмъ заставить?
Полно, довольно ему; больше тебя смыслитъ,
Сколь разнитъ свѣтъ злобою; коли хочетъ, счислитъ!
Мнѣ съ тобой философомъ дѣлаться столь кстати,
Сколько слѣпому въ очкахъ при свѣчкѣ читати.
Да думаешь ли, чтобъ дней моей жизни стало,
Чтобъ списать, что̀ всякому любить на умъ вспало?
Малѣйшую часть страстей не успѣлъ списати,
А стенаютъ ужъ не двѣ подъ виршми тетрати;
Сколько жъ еще не стаетъ! Гдѣ еще лукавый,
Который ласковъ видомъ, а всѣмъ вреденъ нравы?
Гдѣ лакомый, что̀ хочетъ, чтобъ все его было;
Земля, вода, воздухъ и небо его слыло?
Гдѣ костей смѣлъ любитель, иже всю забаву
Въ нихъ ставитъ, и жизнь, и смерть, и всю свою славу,
Что̀ дрожитъ самъ, какъ трясетъ въ рожкѣ зубъ слоновый,
Ждя бездушенъ, чтобъ трижды шесть легли готовы,
А то ни тварь, ни творецъ хулы не отбудетъ;
Кто помнитъ, что проигралъ, тотъ Бога забудетъ!
Гдѣ охотникъ, ему же псы суть вся утѣха,
Который въ людяхъ скорбенъ, въ скотахъ рвется съ смѣха,
Гдѣ проклятый безбожникъ, безъ души, безъ вѣры,
Иже волю за законъ вмѣняетъ безъ мѣры,
Иже духи и адскъ огнь, въ немъ же злымъ страдати,

Басни сказываетъ быть, чтобъ робятъ стращати?
Неудобь, вѣрь мнѣ, то все исписать и слушать;
Легче заставить можешь чернца мясо кушать.
Людей много и страстей, ей! въ людяхъ не мало,
Къ однимъ то, къ другимъ ино злое да пристало.
Касторъ любитъ лошадей, а братъ его рати;
Подъячій же силится и съ голаго драти.
Сколько главъ, столько мыслей и охотъ различныхъ.
Моя есть стихи писать противъ неприличныхъ
Дѣйствъ и словъ: кто же мои (и я не безъ пятенъ)
Исправитъ, тотъ мнѣ честенъ и будетъ пріятенъ.
Полно, музо! перестань, не налагай бремя
Лишно мужу, ему же есть дорого время.
Довольно на вопросъ твой примѣровъ къ доводу;
Скорлупой не вычерпнешь всю морскую воду!
А право можешь скучить, коли по сю пору
Не скучила; наконецъ, то вѣрно безъ спору,
Что коль худо кто пишетъ—добро писать мало;
Тебѣ къ чему на стихахъ врать долго пристало?

ИЗЪЯСНЕНІЯ.

Когда авторъ нашъ получилъ въ похвалу свою стихи отъ преосвященнаго архіепископа новогородскаго, видя того къ себѣ любовь безъ всякой своей заслуги и опасаяся всего пуще неблагодарнаго имя, разсуждалъ какимъ бы образомъ откупиться отъ такого долгу, и для того, въ томъ же 1731 году, нарочно сочинивъ сію сатиру, по возможности достойныя похвалы сему архипастырю собралъ, и сверхъ того ее имени его преосвященства посвятилъ.

Содержаніе сатиры есть вопросъ къ вышепомянутому архипастырю, которымъ авторъ нашъ отъ него знать требуетъ, для чего въ подобныхъ тѣломъ и душею человѣцѣхъ столь различныя находятся страсти, которыхъ сами унять не могутъ, и по сей причинѣ описываетъ разные характеры людей, какъ то, напримѣръ: пьяницы, скупаго, говорливаго и проч. Въ сей сатирѣ авторъ нашъ имитовалъ Ѳеофраста, греческаго философа, и изъ новѣйшихъ Лабрюера, которые оба показали себя въ ясномъ изобаженіи различныхъ человѣческихъ нравовъ. Первый изъ нихъ писалъ по гречески, другой (будучи французъ) по французски. Оба писали простымъ слогомъ, а не стихами.

Ст. 1. *Минерва.* Богиня премудрости, Юпитера дщерь, безъ матери отъ него изъ мозга рожденная, см. сат. 1, ст. 124.

Ст. 3. *Изъяснивъ ти отчего бываютъ.* Т. е. изъяснивъ тебѣ вещей и дѣлъ причины.

Ст. 5. *Θеофанъ*. См. выше на стр. 76—77.

Ст. 14. *А Тицій ворочаетъ*. Понеже вся сатира составлена изъ описанія различныхъ характеровъ, нужно было для всякаго характера имя выдумать; таково есть сіе Тиція, которымъ сатирикъ скупаго и лакомаго человѣка означаетъ.

Ст. 16. *Пѣтухи не пѣли*. Сирѣчь, очень рано, понеже пѣтухи и долго спустя за полночь пѣть обыкли.

Ст. 25. *Караванъ съ Китая*. Караванъ слово турецкое, у русскихъ употребляемое, значитъ множество купцовъ въ обществѣ торгующихъ или обозъ самый многихъ купцовъ, вкупѣ соединенный для воспріятія дальнаго какого пути. Когда сатира сія писана, подлинно изъ Китая прибылъ караванъ. *Китай*, по европейски Хина называемый, есть великое и богатое государство, россійскому смежное и царству сибирскому.

Ст. 26. *Фарфорная посуда*. Между прочими товарами, множество фарфорной посуды купцы русскіе изъ Китая привозятъ.

Ст. 28. *Везти въ Вѣну*. Вѣна городъ есть въ дукатствѣ австрійскомъ, цесаря римскаго резиденція. Смотри 1, ст. 125.

Ст. 34. *То бездну, то гору*. Сими словами изъявляетъ сатирикъ движеніе водъ морскихъ во время бурное. И подлинно не инако тогда плывущимъ море кажется, развѣ какъ нѣчто изъ превысокихъ горъ и преглубокихъ безднъ составленное.

Ст. 36. *Вага лишняя*. Подражаніе съ латинскаго: Terrae inutile pondus.

Ст. 41. *Когда будетъ полно*. Сатирикъ отъ скупаго спрашиваетъ, когда уже перестанетъ собирать богатство, когда уже собраннымъ доволенъ будетъ?

Ст. 43. *Никакъ*. На предшедшій вопросъ самъ себѣ сатирикъ вмѣсто Тиція отвѣчаетъ, говоря, что никакъ еще не довольно. Еще не льзя сказать, что мнѣ полно того, что я имѣю и проч.

Ст. 44. *Убранство*. Т. е. уборъ.

Ст. 45. *Ворса избита*. Ворса есть шерсть на суднѣ.

Ст. 47. *А кушанье подано*. Стихъ сей имитованъ съ сихъ латинскихъ: *Dote* etc. (см. выше стр. 79).

Ст. 50. *Пріятно брать изъ большой кучи*. Подобный отвѣтъ сребролюбецъ даетъ у Горація (сат. кн. 1, сатира 1):

At suave est ex magno tollere acervo.

Ст. 54. *Въ карстахъ изъѣзжены съ златомъ*. Т. е. проѣзжены въ золотыхъ карстахъ.

Ст. 58. *У сего въ рукахъ намъ уже наскучитъ*. Сими словами сатирикъ хочетъ сказать, что какъ великое сокровище достанется молодому человѣку, то отъ пышнаго его экипажу тѣсно будетъ людямъ на улицѣ и безпутнымъ своимъ прохлажденіемъ свободно многимъ наскучитъ.

Ст. 59. *А сосѣдъ его*. Для того мотъ Тицію сребролюбцу сосѣдъ,

что оба въ равномъ суть разстояніи отъ того же добраго посредства, которое есть *умѣренности добродѣтель*.

Ст. 61. *Множить мамону*. Мамона часто вмѣсто денегъ употребляется въ разговорахъ простыхъ; слово же сіе по своему сродному знаменованію значитъ діавола.

Ст. 63. *Съ дорогой посуды*. Сирѣчь фарфорной вышепомянутой посуды; такъ какъ Тицій—см. стихъ 24.

Ст. 66. *Экипажъ въ золотѣ сіяетъ*. Экипажъ слово французское, значитъ приборъ весь, который къ выѣзду нуженъ, на пр. ливрея на людяхъ, конскій уборъ, шоры, карету и проч. къ тому принадлежащая.

Ст. 68. *Думалъ бы, что Крезусъ онъ*. Крезусъ, царь лидійскій, наслѣдовалъ Алліоту второму, въ лѣто по созданіи міра 3496. Сей былъ пресильный и пребогатый государь изъ всѣхъ, которые въ его времена царствовали. Онъ первый одолѣлъ грековъ асіатическихъ и понудилъ ихъ себѣ дань давать. Вопросилъ сей нѣкогда Солона философа: чаетъ ли гдѣ, чтобъ найти противъ него человѣка столько счастлива. Отвѣчалъ мудрый мужъ: что не льзя счастливымъ кого назвать, пока житье благополучно не окончитъ. Что Крезусъ спомнивъ, когда отъ Кира, персидскаго царя, пойманъ, огню преданъ быть хотѣлъ, многократно призывалъ имя Солона, разсуждая свое безсчастное состояніе. Киръ, уразумѣвъ того причину, казни Крезуса свободилъ, и во всѣхъ потомъ дѣлѣхъ своихъ ближнимъ его совѣтникомъ имѣлъ. Смотри объ немъ инако въ Устина сокращенной исторіи, кн. 1, гл. 7.

Ст. 75. *Дамонъ не скупъ*. Подъ именемъ вымышленнымъ Дамона сатирикъ описуетъ характеръ невоздержнаго въ тайнѣ человѣка, который неспокоенъ, пока услышанную какую вѣдомость иному не перескажетъ.

Ст. 76. *На секретъ не вѣренъ*. На тайну не вѣренъ, т. е. не льзя ему ввѣрить какое тайное дѣло.

Ст. 77. *Вложенное въ судно*. Влитое въ бочку.

Ст. 81. *Усидѣть не знаетъ*. Не можетъ удержаться.

Ст. 86. *Сватъ его*. Не напрасно любопытнаго и къ вѣдомостямъ охотнаго человѣка сватомъ назвалъ сатирикъ къ тому, кто въ секретѣ невоздерженъ, для того что такъ сей, какъ и той сими обладаемы суть страстьми за великое къ молчанію нетерпѣніе, и потому свойство межъ собою имѣютъ.

Ст. 86. *Въ томъ сѣдѣетъ*. Въ томъ и старость свою проводитъ.

Ст. 89. *Легче ему не давать брюху три дни дани*. Т. е. легче ему три дни не кушать.

Ст. 90. *Куріеръ съ Гиляни*. *Куріеръ* слово чужестранное, а порусски *гонецъ*. Гилянь есть провинція персидская, чрезъ Императора Петра Великаго въ 1722 г. завоеванная, шолкомъ обильна. Въ

ней живетъ россійскій генералъ, командующій надъ корпусомъ войскъ Ея Величества.

Ст. 95. *Что пишутъ съ Парижу*. *Парижъ*, а прямо *Пари*, есть великій и славный городъ французскій, въ провинціи, называемой *Лиль-де-франсъ*, короля французскаго резиденція главнѣйшая. Довольно городъ сей всѣмъ извѣстенъ, для того не нужно объ немъ много изъяснять.

Ст. 96. *Въ Италью идетъ*. Италія великое королевство въ Европѣ, древняго романскаго имперія первая провинція, теперь ею владѣетъ папа, венеціанъ, цесарь и иные самовластные князья.

Ст. тотъ же. *Война будетъ вижу*. Филиппъ IV, король ишпанской, претендуетъ отъ цесаря княженіе тосканское и иныя провинціи въ Италіи и хочетъ, чтобъ сынъ его *Донъ-Карлосъ* вступилъ въ Италію для воспріятія земель тѣхъ. Цесарь ту его претензію не праву быть прежде смерти настоящаго владѣтеля по прежнимъ договорамъ показываетъ. Отъ котораго сихъ двухъ государей несогласія сказываютъ публичныя вѣдомости, что война въ Италіи загорѣться имѣетъ, и что войско уже готовится туды идти на сихъ дняхъ (1730 г. августа мѣсяца) такъ цесарское, какъ и ишпанское.

Ст. 97. *Ишпанецъ передался*. Извѣстно, что король ишпанскій заключилъ союзный договоръ съ россійскою и римскою имперіями, и потомъ въ... году для вышепомянутой претензіи противъ цесаря, оставя тотъ договоръ, вступилъ въ трактатъ севильской, заключивъ договоръ союзный съ Франціею, Англіею, Свеціею и Голландіею, въ которомъ участники суть и иные европейскіе самовладѣтельные принцы, и потому вѣстей любитель говоритъ въ семъ же стихѣ, что союзъ ихъ силенъ. Кто изъ нихъ прямо сильнѣе, того я сказать не знаю. Сами лучше знаютъ, до кого войнъ страхъ касается.

Ст. 99. *Въ сенатѣ закрѣпили указъ*. Вѣрна ли эта вѣдомость или нѣтъ не знаю, только многіе объ ней сказывали; а подлинно не спрашивался для того, что ни на мнѣ, ни на сатирикѣ донмки нѣтъ.

Ст. 101. *Въ гвардіи вчера была*. Ея Величество, по прибытіи въ Москву, нѣсколькихъ изъ офицеровъ лейбгвардіи пожаловала перемѣною чина; о которой тутъ сатирикъ говоритъ перемѣнѣ—не знаю. Только можно видѣть изъ слѣдующихъ стиховъ, что о той, которую изволила учинить, будучи въ Измайловѣ.

Ст. 103. *Синодъ умноженъ будетъ*. Извѣстно, что по смерти императрицы Екатерины Алексѣевны сvнодское правленіе вручено четыремъ только архіереямъ; а архимадриты и протопопы выключены. Ея Величество императрица, нынѣ благополучно царствующая, опять указала въ сvнодѣ число особъ прибавить, и уже все сvнодское собраніе состоится въ 14 персонахъ, между которыми имѣются архіереи, архимадриты и протопопы, какъ было съ начала уставленія сvнода въ Россіи.

Ст. тотъ же. *По Петра уставу*. По уставу Петра Великаго, до-

стойно вѣчныя славы императора, распространившаго власть и славу государства своего, введшаго добронравіе въ народъ, святы учредившаго законы и ненапрасно названнаго *отца отечества.*

Ст. 105. *Генералъ изъ Персіи.* Генералъ-поручикъ Румянцовъ, къ которому въ іюлѣ мѣсяцѣ 1730 года посланъ указъ прибыть въ Москву изъ Персіи, гдѣ надъ тамошнимъ россійскимъ войскомъ главный командиръ былъ.

Ст. 108. *Одномично.* Т. е. однимъ образомъ, не разно.

Ст. 109. *Не ссидитъ двухъ минутъ.* Минута есть шестидесятая доля часа.

Ст. 111. *Какъ у спасской обѣдни.* Сирѣчь у обѣдни въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ часто учители (понеже тутъ школа имѣется) поученія дѣлаютъ душеполезныя и обычайно по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ.

Ст. 114. *Не всѣмъ сія сказывай.* Будто, какъ бы вѣдомости какія секретныя сказывалъ. Вѣстолюбецъ проситъ, чтобъ не всѣмъ тѣ разсказывать.

Ст. 117. *Ктожъ Фабія описать можетъ.* Подъ именемъ Фабія описуетъ тутъ сатирикъ человѣка, который снаружи притворяетъ себѣ богочтительство; внутри же сердца лакомъ и лукавъ.*)

Ст. 120. *Безъ надежды.* Сирѣчь видитъ отчаянна.

Ст. 121. *На смертномъ суша одръ.* Т. е. въ тяжкой болѣзни, при смерти.

Ст. 122. *И сколь тяжка его скорбь.* Соравненіе сіе ипокрита съ сыномъ маловозрастнымъ кажется натурально, понеже какъ сей видя отца безнадежна и при смерти молчаливъ, тихъ и лицо печально имѣетъ, такъ и той; а для того сынъ младъ, что онъ, будучи въ несовершенномъ умѣ, не можетъ удержать печали своей, но что въ сердцѣ имѣетъ, то и на лицѣ являетъ, что самое и той притворно въ себѣ показываетъ.

Ст. 126. *Чуть, какъ ходитъ, ступитъ.* Чуть можно видѣть, какъ онъ ступаетъ, когда ходитъ; такъ осторожно то дѣлаетъ.

Ст. 131. *Какъ красивъ тотъ уставъ.* Хвалитъ ипокритъ установленіе доходовъ церковныхъ, понеже ему тѣ полезны, а не для того, что церковному благосостоянію нужны.

Ст. 137. *Другое всяко не столь угодно дѣйство.* Обыкновенно притворной святости мужи за крайнее благодѣяніе вмѣняютъ подаянія, которыя церкви кто дѣлаетъ, хотя подлинно и то не послѣднее есть, однакожъ мы видимъ, что Спаситель нашъ любовь между собою паче всего хвалитъ, которая въ такихъ людяхъ рѣдко находится, да правда съ сей ничего въ годъ не пріидетъ, а съ того хотя мало, а таки будетъ что ни есть, съ чего и веселіе и довольство имѣть можно.

---

*) Въ печат. изданіи онъ названъ Варлаамомъ.

Ст. 143. *Внутрьній строй*. Обычаи и нравы его, или лучше сказать намѣреніе его сердца.

Ст. 144. *Солнцемъ его назоветъ лужа*. Подумаетъ, что онъ свѣтелъ благонравіемъ, какъ солнце блистательно свѣтомъ, а онъ теменъ и смраденъ, какъ навозная грязь.

Ст. 145. *А сердцемъ тигръ*. Тигръ есть звѣрь и всѣхъ лютѣйшій.

Ст. 146. *Гордостью боленъ*. Какъ разрушеніе порядка въ частѣхъ тѣла есть тѣлу болѣзнь, такъ нравовъ безпорядокъ есть немощь душевная.

Ст. 152. *Возлѣ Грунния ты сѣлъ*. Притворное имя Грунній тутъ значитъ человѣка многоглаголиваго, котораго характеръ пространно описуетъ сатирикъ и въ своихъ стихахъ страсть ту представляетъ, которую хулитъ, собою образецъ показывая, что не можетъ не скучить, кто много говоритъ.

Ст. 156. *Дома ли не скучно*. Вмѣсто: *не скучно ли дома*, чрезъ метафезисъ за нужду каденціи.

Ст. 158. *Прудъ въ деревнѣ*. Много такихъ людей есть, которые сказываютъ, что они новаго у себя дѣлать начали; но Грунній все то подробно сказываетъ, и тô самое, чего ипымъ знать не нужно.

Ст. 160. *Иль на ту стать ножики*. Или расположитъ ножики и вилки такимъ образомъ, каково положеніе есть новаго его пруда.

Ст. 161. *Что пашни*. Сколько въ той его деревнѣ земли на него крестьяне пашутъ.

Ст. 164. *Крѣпость имѣетъ или грамоту*. Т. е. купленая ли та его деревня или жалованная, понеже крѣпость есть записв приказная, которою продавецъ деревни или дома какого подтверждаетъ въ вѣчное владѣніе купцу своему то, проданное ему, недвижимое имѣніе; а грамоты даются на жалованныя только деревни.

Ст. 168. *Немного съ примѣсомъ*. Между правдою и враки сказывать любитъ.

Ст. 172. *Хоть дастъ, не успѣешь*. Не дастъ тебѣ времени говорить, а хоть коли и дастъ, такъ скоро рѣчь твою перебьетъ, что ничего выговорить не успѣешь.

Ст. 175. *Какого роду*. Какой фамиліи.

Ст. 176. *Иль пріѣхалъ званый*. Или выѣхалъ въ службу званъ отъ кого.

Ст. 180. *Тутъ-то безъ мѣлу, безъ верви, безъ аршина*. Извѣстно есть, что портные, когда кроятъ, употребляютъ мѣлъ, веревку и аршинъ; а нашъ Грунній тѣхъ способовъ не требуетъ, когда безъ мѣры и разсужденія вретъ.

Ст. 182. *Крошечные знаки*. Маленькіе знаки.

Ст. 187. *Календарь именъ воеводамъ*. Т. е. сочтетъ тебѣ безчисленное число именъ, всѣхъ тѣхъ воеводъ, при которыхъ онъ въ войскѣ былъ. *Календарь* есть слово латинское, деривацію имѣетъ отъ *calendae*, еже есть первый день всякаго мѣсяца. По русски календарь называется мѣсяцословъ.

Ст. 188. *Кто былъ въ ихъ ротѣ приставленъ къ заходамъ.* Во всѣхъ ротахъ есть одинъ человѣкъ, которой заходы для солдатъ въ лагеряхъ и походахъ копаетъ или чиститъ, называется профосъ; вмѣсто палача въ войскѣ служитъ и винные у него подъ карауломъ содержатся.

Ст. 191. *Взадъ не бѣгалъ, вездѣ былъ передній.* Ни гдѣ не отбѣгалъ страху, но первымъ и переднимъ былъ во всѣхъ бѣдствіяхъ.

Ст. 193. *Что онъ въ столъ наскажетъ.* Т. е. сколько онъ наскажетъ во время одного обѣда. Говорятъ въ разговорахъ: *во весь столъ сказки сказывалъ*, вмѣсто во весь обѣдъ или во весь ужинъ.

Ст. 195. *Не столько божбы купецъ учинитъ.* Обыкновенно купцы, когда продаютъ что, чрезмѣрно божатся и мало когда праведно. Если у нихъ что торгуешь, часто услышишь: *какъ предъ Богомъ стать — себѣ больше стоитъ; Богъ свидѣтель — въ лавку въ рубль пришло; ей-же-ей для переду тебѣ за свою цѣну уступлю* и проч.

Ст. 197. *Поймавъ цѣловальникъ.* Цѣловальники называются люди тѣ, которые въ кабакахъ приставлены у продажи вина, или которые въ таможняхъ, мостахъ и перевозахъ пошлину государеву сбираютъ. Можетъ всякъ разсудить, что при такихъ дѣлахъ красть удобно можно.

Ст. 199. *Не столько разъ мы грѣхи.* Такъ мы бѣдные люди составлены, чтобъ не разсуждая свои, ближняго грѣхи безпрестанно осуждали. Изрядно Есопъ говорилъ, что всякъ человѣкъ носитъ на себѣ два мѣшка; одинъ за плечми, а другой на грудяхъ, въ томъ кладемъ мы свои дѣла, въ семъ—чужія, чтобъ объ тѣхъ мало помнить, а о сихъ строго судить могли.

Ст. 203. *Въ цейхгаузъ не вмѣстилъ.* Цейхгаузъ, т. е. оружейный домъ, есть превеликое здаціе въ Москвѣ у воротъ первыхъ, которыми въ Кремль въѣзжаютъ.

Ст. 205. *Катонъ.* Подъ именемъ Катона описуетъ сатирикъ человѣка славолюбиваго, который подлинно всѣ свои дѣла дѣлаетъ не въ иномъ намѣреніи, только чтобъ отъ того достать себѣ славу.

Ст. 209. *Если храмъ строить ищетъ имъ разорити.* Таковъ былъ Эрострать ефесіянецъ, который, чтобъ достать себѣ славы, въ самый тотъ день, какъ Александръ Великій родился, сжегъ преславный Діаны храмъ, который чрезъ два вѣка съ великимъ прилежаніемъ и богатствомъ былъ построенъ. Сколько въ нашихъ вѣкахъ Эростратовъ!

Ст. 217. *И дни ищетъ здравы.* И здоровъ быть для того Катонъ хочетъ, чтобъ его хвалили, что онъ боленъ не бывалъ и чтобъ память осталась по немъ, что былъ такой, который чрезъ всю жизнь свою болѣзни не чувствовалъ.

Ст. 219. *Нарцизу все не дивно.* Подъ именемъ Нарциза сатирикъ описываетъ человѣка самолюбива, который всѣхъ прочихъ людей ни во что ставитъ и дѣла, которыя отъ нихъ происходятъ, презираетъ.

Ст. 226. *Далъ ли власть кто надъ огнемъ.* Т. е. показалъ-ли кто способъ правильный, какъ оружіе огненное употреблять правильно и искусно.

Ст. тотъ же. *Укрощать воду.* Сирѣчь, мореплавать дерзновенно, презирая валы и безопасна себя въ буряхъ имѣя.

Ст. 231. *Стараго рода.* Знатной и древней породы.

Ст. 233. *Всѣ поступки... слово.* Всѣ его дѣла суть такъ совершенны, что всякъ въ образецъ себѣ ихъ употреблять можетъ, и слова его столь правильны и благоразсудны, что за законъ ихъ имѣть можно.

Ст. 235. *Въ войнѣ ли и миру.* Такъ во время войны, какъ и во время миру къ управленію дѣлъ одинъ онъ только годенъ.

Ст. 239. *И все что есть смысленно.* Сирѣчь, всѣ люди, понеже одна эта тварь смысломъ совершеннымъ отъ творца своего одарена.

Ст. 240. *Чтобъ дивиться ему.* Смотря на его возрастъ, красоту и дѣла, удивляться толикому во всемъ совершенству.

Ст. 242. *Не было имъ.* Сирѣчь, глазу ихъ.

Ст. 243. *Глупостію полно.* Stultorum plena sunt omnia.

Ст. 244. *Набитъ довольно.* Наполненъ довольно.

Ст. 245. *Клитесъ жалокъ.* Клитеса именемъ описуетъ сатирикъ страсть пьянства, что самъ окончаніемъ тогожъ стиха изъясняетъ: *словомъ, попить любитъ.*

Ст. 248. *Грызетъ пиво.* Грызетъ, вмѣсто жадно пьетъ. И подлинно пьяницы такъ съ великимъ нетерпѣніемъ и спѣшностію пьютъ, какъ голодный грызетъ представленное ему мясо.

Ст. 250. *Ярыжнаго сана.* Ярыжка называется пьяница записной, который неисходно живетъ на кабакахъ и питается однимъ прислуженіемъ въ наливаніи въ бочки вина, въ катаніи бочекъ и прочими сему подобными трудами.

Ст. 252. *Одноколькы дроги.* Одноколка называется колесница, которая поставлена на двухъ только колесахъ, обычайна зѣло приказнымъ людямъ.

Ст. 256. *Что есть пусто въ твари.* Епикуръ, древній философъ, основаніе всей твари поставляетъ въ атомахъ (или тѣлахъ такъ малыхъ и твердыхъ, которыя никакъ раздѣлиться на части не могутъ) да въ порожности; *атомы,* болтаетъ онъ, движущеся непрестанно въ той порожности, произвели совокупленіемъ своимъ все, что мы видимъ: небо, землю, звѣзды, солнце и проч. Сему его богопротивному мнѣнію многіе изъ тѣхъ же древнихъ философовъ противилися, говоря, что нѣтъ порожнаго или пустаго въ твари, но все небесъ пространство исполнено тонкою и водяною нѣкакою матеріею вещество), которая движется и собою понуждаетъ двизатися и прочія всѣ видимыя тѣла, которыя созданы отъ нѣкоего сущаго всесильнаго и всесовершеннаго, который можетъ быть всея твари создатель. Сатирикъ къ сему аллюзію дѣлаетъ, въ сихъ говоря, что

пьяница показываетъ ясно, что есть пустое въ твари, понеже онъ самъ не одну въ день бутылку пустую сдѣлаетъ.

Ст. 257. *Въ египетскомъ родѣ.* Изъ всѣхъ древнихъ идолопоклонниковъ, египтяне суевѣрство свое паче всѣхъ умножили; понеже, какъ сатирикъ правильно говоритъ, и чеснокъ свой боготворили. Что смѣшнѣе—всякому у нихъ вольно было кланяться богу по своей охотѣ. Гораздо покойное богопочтеніе.

Ст. 267. *Целадонъ на всѣхъ плюетъ.* Т. е. Целадонъ ни на кого не смотритъ, всѣхъ презираетъ. Характеръ, подъ именемъ Целадона описанный, есть человѣка гордаго, какъ и самъ сатирикъ напослѣдокъ показываетъ; описаніе же его распространено по всѣмъ частнымъ видамъ, гдѣ онъ свою спѣсь показываетъ, какъ то при столѣ, при собраніи и проч.

Ст. 270. *Распихнетъ всѣхъ.* Раздвинетъ всѣхъ, чтобъ себѣ сдѣлать дорогу, такъ какъ корабль, когда плыветъ, носомъ своимъ валы разсѣкаетъ, очищая путь тѣлу своему.

Ст. 271. *И хоть бы зналъ, что много злата.* И хоть зналъ бы, что сквозь людей пробиваяся много злата сотрется съ его парчеваго кафтана.

Ст. 272. *Позадь стать.* Вмѣсто позади стоять не будетъ. Сирѣчь, николи позади другихъ стоять не хочетъ, но передъ всѣми.

Ст. 277. *Съ здоровьями кубки.* Онъ зачинаетъ здоровье всякое пить за столомъ; не терпитъ, чтобъ кто крышку съ кубка подалъ ему, но изъ его рукъ всякій кубокъ приходитъ.

Ст. 279. *Когда знакъ ти окомъ подастъ за низкій поклонъ.* Когда онъ за низкій твой поклонъ сдѣлаетъ тебѣ глазомъ только благодареніе.

Ст. 283. *Мнитъ онъ, что вещество то.* Чаетъ, что земля та, изъ которой онъ сдѣланъ, не та же была, отъ которой прочіе люди плоть восприяли, но нѣкое превосходство имѣло надъ прочими землями.

Ст. 285. *И была та фарфорна глина.* Фарфорная глина есть бѣла и чиста, не такъ какъ обычайная наша, и для того Целадонъ думаетъ, что онъ изъ такой-то чистой и особливой отъ прочихъ глины созданъ.

Ст. 286. *А съ чего мы та навозна тина.* Думаютъ спѣсивые, что мы не изъ той же земли, что они; но мы изъ нѣкоей гнусной тины сотворены.

Ст. 290. *Не безъ сласти.* Пользу себѣ отъ того имѣютъ.

Ст. тотъ же. *Дамонъ простъ.* Дамона за чистосердечнаго и нелукаваго человѣка почитаютъ, понеже интригами слово и дѣло свое утаить не можетъ.

Ст. тотъ же. *Сватъ.* Дамоновъ сватъ—вѣстей любитель. Смотри ст. 73.

Ст. 297. *Нарцизъ хоть собой доволенъ.* Нарцизъ, человѣкъ самолюбивый будучи, не можетъ не быть собой доволенъ.

Ст. 298. *Честь Целадонъ.* Всякій спѣсивый чаетъ, что ему неприлично и нечестно обходиться съ людьми покорно; а Целадонъ спѣсивъ. Смотри ст. 285.

Ст. тотъ же. *Отъ мыслей Клитесъ воленъ.* Ибо всегда пьянъ.

Ст. 299. *Не въмъ же Зоилъ.* Подъ Зоила именемъ описать намѣренъ былъ сатирикъ самолюбиваго, завидливаго, но да не продолжитъ чрезмѣрну сатиру—кончаетъ внезапно, какъ изъ слѣдующаго примѣчанія видѣть можно.

Ст. 302. *Завистью зло сердце Зоила.* Начиналъ тутъ сатирикъ характеръ завидливаго человѣка описывать, но для вышеписаннаго резона, прервалъ рѣчь свою и то-то значатъ точки оныя, которыя стиху слѣдуютъ.

Ст. 303. *Шабашъ, мусо.* Т. е. перестань, мусо. Слово сіе употребляютъ кормщики на гребныхъ судахъ, когда хотятъ приказать гребцамъ перестать гресть.

Ст. 305. *Өеофанъ.* См. примѣчаніе подъ ст. 5 сей сатиры.

Ст. 307. *Паство имать.* Сирѣчь, епархію имѣетъ новогородскую и великолуцкую, въ управленіи которыхъ требуется довольное время и прилежаніе.

Ст. тотъ же. *И церкви управитель главенъ.* Ибо первѣйшій онъ членъ россійскаго сунода, которому ввѣрено правительство церкви сего пространнаго имперія.

Ст. 308. *Въ дворъ, въ храмъ, въ городъ не напрасно славенъ.* Т. е. недаромъ сей архіепископъ содержится въ милости Ея Величества. Не даромъ онъ въ церковныхъ дѣлахъ и въ правленіи дѣлъ гражданскихъ, елико къ церковнымъ касаются, славенъ, прилеженъ, трудолюбивъ, благочестивъ, вѣренъ, и умомъ отъ Бога чрезъ труды свои довольно одаренъ. Всѣ же тѣ добродѣтели неусыпно употребляетъ въ пользу всѣмъ.

Ст. 311. *Или хочешь Калепинъ.* Сатирикъ музу свою спрашиваетъ: не хочетъ ли составить изъ страстей такой лексиконъ великой— каковъ есть Калепиновъ, который на семи языкахъ содержащіяся всѣ рѣчи въ себѣ заключаетъ; книга въ листъ, чрезъ мѣру толста.

Ст. 325. *Костей смълъ любитель.* Кости суть нѣкакія четвероугольныя и шестибочныя тѣла, въ которыхъ играютъ за деньги.

Ст. 327. *Какъ трясетъ въ рожкъ зубъ слоновый.* Чтобъ игроки обману не дѣлали въ игрѣ, кости обычайно изъ нѣкакихъ стакановъ деревянныхъ или рожковыхъ выкатываютъ, растресши ихъ прежде гораздо; а для того *зубъ слоновый*, что кости изъ такой кости дѣлаются, итакъ все вмѣсто части написано.

Ст. 332. *Въ скотахъ рвется съ смъха.* Съ людьми печаленъ, а съ звѣрями такъ веселъ, что рвется съ смѣха.

Ст. 335. *Иже духи.* Т. е. ангеловъ и діавола.

Ст. 337. *Черница мясо кушать.* Извѣстно есть, что черницы грече-

скаго закона запрещеніе имѣютъ: отъ мяса воздержаться, что и твердо содержатъ.

Ст. 340. *Хоть зло да пристало.* Въ семъ стихѣ слово *пристало* не значитъ *прилично*, но — прилѣпилося, присовокупилося, присоединилося.

Ст. 341. *Касторъ любитъ лошадей, а братъ его рати.* Отъ сего стиха по 345, кромѣ того, что въ 342-мъ о подъячемъ помянуто, есть подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ (Рѣчен. кн. 2, сат. 1). См. выше стр. 86.

Ст. 347. *Не налагай бремя лишно.* Не утруждай его лишнымъ разговоромъ. *Лишно* жъ чрезъ сокращеніе вмѣсто лишное.

Ст. 354. *На стихахъ врать.* Какъ въ простомъ рѣченіи, такъ и на стихахъ врать свободно.

САТИРА IV.

КЪ МУЗѢ СВОЕЙ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Не гнѣвитеся чтецы стихами моими.
Съ музой своей говорю; нѣтъ дѣла съ иными.
Коли кому и смѣюсь, ей, не съ доброй воли,
Для украсы; вѣдь и въ щахъ нѣтъ смаку безъ соли. (а)

САТИРА

Музо! не пора ли стиль отмѣнить твой грубый
И сатиръ ужъ не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ вступаюсь и кажу себя чрезчуръ смѣла.
Много видѣлъ я такихъ, которы противно
Никому не писали, угождая льстиво,
Да и такъ мало счастья возмогли достати,
А мнѣ чего по твоей милости ужъ ждати?
Всякое злонравіе тебѣ непріятно,
Смѣло хулишь, а къ тому и говоришь внятно;

а) изъясненія: *Безъ соли.* Въ стихотворствѣ забавныя и острыя рѣчи у латинъ соль называются, и для того говоритъ авторъ, что смѣялся инымъ для украсы своей сатиры, или прямо сказать: смѣшками посолилъ ее, чтобъ была вкуснѣе уму чтущихъ.

Досаждать злымъ вся жизнь, то твое веселье;
А я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье.
  Вонъ Клеобъ уже протестъ на меня готовитъ,
Что нечистый въ тебѣ духъ бороду злословитъ;
Иной не хочетъ писать указъ объ отказѣ,
Что о взяткахъ говоришь, обычныхъ въ приказѣ;
И Лентулъ съ товарищи, сказываютъ, дышетъ
Гнѣвомъ и, стряпчихъ собравъ, челобитну пишетъ,
Хочетъ-де скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что хуля Клитесовъ нравъ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ и съ ними кружальны доходы;
А Брутусъ, тверды всегда любящій доводы,
Библію, говоритъ, всю острожской печати
Съ доски до доски прошедъ, готовъ показати,
Что противно закону и безбожныхъ дѣло
Мантію полосатой ризою звать смѣло.
Однимъ словомъ, сатира, что чистосердечно
Писана, досаждаетъ многимъ всеконечно;
Ибо всякъ въ семъ зеркалѣ какъ станетъ смотрѣти,
Мнитъ, зная себя, лицо свое ясно зрѣти.
  Музо, свѣтъ мой, стиль твой мнѣ творцу ядовитый,
Кто бить всѣхъ нахалится, часто живетъ битый;
И стихи, что чтецовъ всѣхъ на смѣхъ побѣждаютъ,
Часто слезъ издателю причина бываютъ.
Знаю, что правду пишу и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто некстати,
Кто же отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?
Вдругорь скажу не нравна; угодить не можно,
Всегда правду говоря, а хвалити ложно
Приличнѣе живущему между человѣки,
Нежли правдиво хулить: таковы днесь вѣки.
Чего жъ плакать, что люди хромаютъ душою!
Коли правдой все идти—таскаться съ сумою.
Такъ мода! иль закажи, чтобъ шляпъ не носили
Маленькихъ, или люди пусть живутъ какъ жили.
Лучше насъ пастыри душъ, которыхъ и правы
И должность есть народа исправляти нравы,
Да молчатъ; на что въ ссору вступать со всѣмъ свѣтомъ?
Зимой дровъ никто не дастъ, негдѣ гулять лѣтомъ.
Буде мыслишь, что Персій, Ювеналъ, Горацій

Римлянов всѣхъ осмѣялъ, славныхъ изъ всѣхъ націй,
И ничто претерпѣли, не страхъ тѣмъ, но слава
Слѣдовала отъ сатиръ, и что того жъ права
Причастникъ былъ Боало, всей Франціи чудо.
Позволь учтиво сказать, что ты мыслишь худо.
Гдѣ римляновъ тѣхъ и гдѣ француза сатиры?
Ихъ дозрѣлые стихи не какъ твои—сыры,
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто себѣ зритъ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ твоихъ что таково? безъ всякой украсы
Болкнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы.
Такъ ли теперь говорятъ, такъ ли живутъ въ людяхъ?
Медъ держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ,
И недругъ сущи смертный, тщись другомъ казаться,
Если хочешь нѣчто быть и умнымъ назваться.
Зачнемъ, музо, въ похвалахъ перья притупляти,
Нутко станемъ Туллію привѣтство писати.
Туллій, знаешь ты, лукавъ, что если разсудно
Истолковать, то въ немъ умъ похвалить не трудно.
Оставя убо, что есть, сдѣлаемъ такова,
Каковъ бы онъ долженъ быть; мода та не нова;
Всякъ такъ пишетъ, кто хвалить у насъ теперь хочетъ,
Тому, кому въявь поетъ, самъ въ сердцѣ хохочетъ.
Если Туллій не нравенъ, выбери другова.
Вотъ хорошъ Сильвандръ; онъ тихъ, не добьешься слова
Отъ него чрезъ цѣлый день, и хотя ты знаешь,
Что онъ съ глупости молчитъ, если пожелаешь,
Можешь сильно доказать, что мужъ онъ не прѡстый,
Но съ разсудства обуздалъ языкъ свой преострый.
Хорошъ право и Квинтій; въ десть книгу составить
Можешь, коль дѣла его захочешь прославить.
Видишь, какъ онъ пріятенъ, всякаго ласкаетъ,
Учтиво все говоритъ, честно всѣхъ примаетъ
И силится всякому быти благодѣтель;
Какъ сулитъ, не однажды словъ тѣхъ Богъ свидѣтель.
Полно того; а съ чего таковъ онъ бываетъ?
Писать не зачѣмъ; благо, что мало кто знаетъ.
Не пиши того, что онъ затѣмъ столь умиленъ
И добръ ко всѣмъ, что вредить никому не силенъ.

Да много такихъ, о комъ списать стопу цѣлу
Можно; легко ихъ узнать, хоть нѣтъ въ спинѣ мѣлу.
Повѣрь мнѣ, убытку нѣтъ хвалить, хотя ложно,
Коль мзды въ томъ не получишь, пострадать не можно.
Буде жъ тебѣ родъ стиховъ таковыхъ несродень,
Запой, какъ Тирсисъ пастухъ Люциндѣ негоденъ;
Какъ, когда овецъ своихъ на водные токи
Приводя, плачетъ раны отъ любви глубоки;
Какъ, блудящи съ горести въ лѣсу край до края,
Часто пѣть нудитъ эхо, Люцинду взывая.
Колижъ пѣть скучишь, можно причину сыскати
Печальное что писать, и что больше кстати
Намъ здѣсь смертнымъ какъ печаль? тужить не напрасно
Можемъ, приближаяся къ смерти повсечасно.
Есть о чемъ писать, была бъ лишь къ тому охота.
Было бъ кому работать, безъ конца работа.
А лучше вѣкъ не писать, чѣмъ писать сатиру
Яже ненавистна мя, творца, чинитъ міру
Не всуе тебя къ сему, музо, побуждаю;
Риомы не могу прибрать, какъ хвалить желаю.
Сколько ногти ни грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Тверды, ушамъ досадны, и на тѣ походятъ,
Которы по азбукѣ святыхъ житье водятъ.
А какъ что вредно въ нравахъ усмотрю прилежно,
Стихи подъ перомъ текутъ и выразить нѣжно
Такъ мнѣ легко, какъ тому, кто былъ въ краи чужды,
Узнать доброе вино и кое пить съ нужды.
Не могу никакъ хвалить, что хулы достойно;
Всякому имя даю, какое пристойно;
Не то въ устахъ, что въ сердцѣ, имѣть я не знаю:[1]
Свинью свиньей, а льва львомъ просто называю.
Нескладно же, мнѣ мнится, въ домѣ стадо гнати[2]
И рогъ громкій посреди Москвы надувати,
И, спдя въ теплой избѣ, бранить вѣтры злые,
Въ стѣнахъ нудить эхо—пѣть пѣсни полевыя.
И не смѣшонъ ли бъ я былъ, коль, любви не зная,
Хотѣлъ бы по Ирисѣ казаться здыхая;

1) Въ рук. г. Аѳанасьева слово *я* пропущено.
2) Тамъ же, слово: *домъ*.

А Ирисъ вымышленна: не видывалъ съ роду;
Однакъ по ней то горѣть, то топиться въ воду,
И всечасно сказывать, что вотъ умираю,
Хоть сплю, ѣмъ сильно и въ день ведро выпиваю.
Печальное же писать нѣтъ воли, ни силы.
Хоть я знаю, что умру, да дни, ей! мнѣ милы,
И глупо мнѣ кажется, что гробъ близкъ, тужити,
Коли въ немъ хоть сегодне, хоть завтре, а быти!
Однимъ словомъ, въ сатирахъ хочу состарѣти,
А не писать мнѣ не льзя: не могу стерпѣти, [3]
Когда вижу, что мельникъ, съ волосовъ недавно
Стресшій муку, наживъ ужъ имя въ людяхъ славно,
Спѣсивится и гнѣвомъ полнъ, жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ дѣлаютъ мухи пыль крылами.
Коль глупецъ что губы чуть помазалъ въ латину,
Хвастаетъ наукою и ищетъ причину
Безвременно всѣмъ скучать долгими рѣчами,
Ѣстъ и пьетъ аргументомъ, говоритъ стихами;
Коли напудренъ гребецъ и въ парчѣ сынъ дьячій,
Мудрецъ спитъ на войлокѣ, на пуху подьячій,
И чтятъ того, кто можетъ денегъ больше дати,
Трудно ужъ воистинну сатиръ не писати.
И для того, хотя смерть рысцой или скокомъ
Доѣдетъ меня скоро, или ужъ въ глубокомъ
Узрю возрастѣ свои сѣдины въ покою, [4]
Въ чужестранствѣ ль буду жить или надъ Москвою,
Хоть муза моя всѣмъ сплошь имать досаждати,
Богатъ, нищъ, веселъ, скорбенъ,—буду стихи ткати; [5]
И понеже ни хвалить, ни молчать не знаю,
Одно благонравіе вездѣ почитаю,
Проче въ сатиру писать въ вѣки не престану,
Развѣ въ жидахъ не станетъ денегъ и обману,
Развѣ пьяныхъ въ масляной недѣли не будетъ
И цѣловальникъ въ вино воду лить забудетъ.

---

3) Тамъ же: *А не писать мнѣ—не моіу терпѣти*
4) Тамъ же: *Узря возрастъ конецъ сѣдины въ покою* (?).
5) Тамъ же: *писати* вм. *ткати*.

ИЗЪЯСНЕНІЯ.

Четвертую сію сатиру писалъ авторъ въ началѣ 1731 году, послѣ первой книги Петриды и всѣхъ тѣхъ стиховъ, которые до сихъ поръ народу извѣстны. Причина ея есть, что хочетъ онъ съ музою своею договоръ учинить, чтобъ впредь сатиръ не писать, и резоны тому ставитъ, что бѣдственно ремесло есть людямъ смѣятися и можно отъ того пострадать; но напослѣдокъ признаетъ, что не льзя ему сатиру не писать, хотя бы зналъ невѣдомо что претерпѣть. *Боало* подобную сатиру написалъ, которая въ его сатирахъ есть числомъ седьмая, изъ сей нашъ авторъ много имитовалъ, хотя большую часть отъ себя прибавилъ. Есть нѣчто въ ней изъ Ювеналовой первой сатиры, только что слова всѣ новыя, хоть дѣло подобное.

Ст. 13. *Клеобъ уже протестъ на меня готовитъ*. Подъименемъ Клеоба означаетъ сатирикъ человѣка суевѣрнаго, который съ глупости думаетъ, что богопротивное есть дѣло смѣяться бородѣ, и говоритъ, что нечистый духъ въ авторѣ бранитъ такъ достойно чтительное лица украшеніе. *Протестъ* есть латинское слово, по русски *доводъ*. Вся Клеобова злость устремляется противъ 20-го ст., 1-й сат.

Ст. 16. *Что о взяткахъ говоришь*. Сатирикъ осуждаетъ взятки въ сат. 1-й ст. 123, въ сат. 3-й ст. 110 и ст. 340.

Ст. 17. *И Лентулъ съ товарыщи*. Лентулъ есть человѣкъ, который защищаетъ всякое злонравіе, для пользы своей и прибытка.

Ст. 20. *Что хуля Клитесовъ нравъ*. Въ 3-й сат., въ ст. 244, подъ именемъ Клитеса описалъ сатирикъ пьяницу.

Ст. 22. *А Брутусъ*. Брутусъ есть притворное имя, которымъ сатирикъ означаетъ человѣка чрезмѣрно охотника къ ученымъ ссорамъ и потому сказываетъ, что онъ всю библію прошелъ, только чтобъ показать, что неприлично *мантію*, столь священное дѣло, называть *ризою полосатою*. Для того же библію острожской печати, что Брутусъ старовѣрецъ, и то любитъ, что ....ѣе: знаетъ, что московской печати библія правильнѣе и съ греческимъ сходнѣе, да острожская старѣе, убо и лучше.

Ст. 45 и 46. *Чтобъ шляпъ не носили маленькихъ*. Въ 1731 году мода была въ Москвѣ весьма малыя шляпы носить.

Ст. 47. *Пастыри душъ*. Т. е. священники и священноначальники.

Ст. 51. *Буде мыслишь, что Персій, Ювеналъ, Горацій*. Персій, Ювеналъ и Горацій были славные у римлянъ сатирическіе поэты (*Гиралдіи, въ исторіи поэтовъ*). Первый родился въ Волитерахъ лѣта Христова 36, въ 22 царствія Тиберіева, отца имѣлъ Флакка, мать Фульвію, умеръ въ 31 году своего возраста. Второй былъ сынъ неизвѣстнаго отца, жилъ во времена Домитіана императора, отъ

котораго сосланъ въ Эгиптъ, полковникомъ надъ войскомъ, за то, что нѣкотораго плясальщика, Париса именемъ, нечестно любилъ; хотя сказываютъ нѣкоторые, что причина ссылки были сатиры его, которыми знатнѣйшихъ имена несокрытно износилъ. Третій жилъ во времена Августовы, противъ котораго съ Брутовой стороны дрался, но потомъ, чрезъ Виргилія съ нимъ примиренъ, въ особливой у него, за превосходство ума его, содержанъ милости.

Ст. 54 и 55. *И что тогожъ права причастникъ былъ Боало.* Боало былъ французскій сатирикъ, который родился, по его самого словамъ, въ 1637 году, дивный мужъ остротою ума своего и нашего автора лучшая утѣха, какъ можно разумѣть изъ его 5 епиграммы. *Боало* сначала обучался юриспруденціи, намѣренъ будучи отецъ его учинить его адвокатомъ; но онъ, усмотрѣвъ въ себѣ къ поэзіи склонность, оставя ябеду, неподражаемъ въ стихахъ учинился. Сатиры и письма его, если не превосходятъ всѣхъ тѣхъ, которыми древность хвастаетъ, подлинно соравняться имъ могутъ. Людовикъ XIV, король французскій, не только не воспретилъ ему такъ пріятнымъ и искуснымъ образомъ исправлять нравы народа, но, въ награжденіе трудовъ его, опредѣлилъ ему годоваго жалованья по 2000 ливровъ

Ст. 70. *Станемъ Туллію приѣтство писати.* Вымышленное имя есть Туллія, такъ какъ и прочія, которыя въ слѣдующихъ стихахъ найдешь, и гораздо умнѣе авторъ въ семъ поступаетъ, ибо не только сатирику, но и казнодѣю (которыхъ власть гораздо больше) неприлично злонравнаго, именемъ называя, обличать. Повѣрь мнѣ, коли пьяница видитъ, что о пьяницѣ писано, хоть описаніе то было бы подъ именемъ Клитеса или Сенеки, узнаетъ, что то объ немъ писано; однакожъ за то сердитовать не пристало и дурно, потому что такимъ образомъ самъ свое имя покажетъ, когда авторъ укрыти его силится, и сдѣлаетъ то, чтобъ весь свѣтъ зналъ то, что теперь одинъ можетъ быть сатирикъ только знаетъ.

Ст. 94. *Хоть пиштъ въ спинѣ мѣлу.* Когда солдатъ въ строю погрѣшитъ въ чемъ ни есть, то обычайно крестикъ мѣломъ на спинѣ напишутъ, чтобъ по окончаніи своего дѣла можно было узнать виноватаго, и то-то значатъ слова сіи: *пиштъ въ спинѣ мѣлу*, т. е. можно узнать злонравнаго, хоть на немъ мѣтки нѣтъ.

Ст. 98. *Тирсисъ пастухъ Люциндѣ негоденъ.* Т. е. Тирсиса пастуха не любитъ Люцинда. Обычайно стихотворцы, въ эклогахъ упражняющіеся, пастухамъ и пастушкамъ имена сіи приписуютъ. Отъ сего стиха по 102 стихъ уговариваетъ сатирикъ музу свою писать эклоги, т. е. стихи о лѣсахъ, стадахъ и любви пастушей.

Ст. 102. *Часто пѣть нудитъ эхо.* Сирѣчь, часто дѣлаетъ, что въ лѣсу отзывается имя Люцинды. Эхо называется голосъ тотъ, что отзывается въ лѣсу, въ сводахъ палатныхъ и въ прочихъ громкихъ мѣстахъ.

Ст. 103 по 106. *Колижъ пѣть скучишь.. къ смерти повсечасно.*

Сими стихами авторъ уговариваетъ музу свою писать элегіи, т. е. описывать стихами дѣла печальныя.

Ст. 112. *Риѳмы не могу прибрать.* Риѳма (греческое слово) сказывается въ двухъ смежныхъ стихахъ послѣднія рѣчи, которыя одногласно кончаются; такъ въ семъ стихѣ рѣчи сіи: *побуждаю* и *желаю* дѣлаютъ риѳму на *аю*.

Ст. 113. *Сколько ногти ни грызу* и проч. Сей стихъ по наслѣдству отъ Горація достался Боалу, а отъ Боало нашему сатирику. Гораціевъ такъ гласитъ по римски.... Боаловъ-же по французски сице:

J'ai beau frotter mon front, j'ai beau mordre mes doigts.

Ст. 116. *По азбукѣ житье святыхъ водятъ.* Есть поэма, въ Кіевѣ печатанное, въ которомъ Максимовичъ стихами описалъ житье святыхъ печерскихъ. Книга въ листъ, пальца въ два толщины, въ которой однако кромѣ именъ тѣхъ святыхъ и имени Его Высочества государя цесаревича Алексѣя Петровича, которому она дедикована, ничего путнаго нѣтъ.

Ст. 119. *Кто былъ въ краи чужды.* Не всѣ, которые были въ чужихъ-краяхъ, въ семъ стихѣ заключаются, ибо многіе и большая ихъ часть гораздо не напрасно ѣздили, но въ большой семьѣ не безъ урода; есть и такіе, которые вкусъ вина знаютъ, да и то не худо, понеже и то искусство, лишь бы вкусъ тотъ не былъ весьма пріятенъ.

Ст. 126. *И рогъ громкій посреди Москвы надувати.* Т. е. нескладно въ городѣ полевыя писать пѣсни, ибо рогъ полевой инструментъ.

Ст. 130. *По Ирисѣ казаться здыхая.* Т. е. казать себя, что умираю по полюбовницѣ своей. Стихотворцы французскіе своимъ полюбовницамъ обычайно даютъ имя Ирисы, чтобъ не открыть ея природное.

Ст. 148. *Пьетъ и ѣстъ аргументомъ.* Аргументъ называется въ логикѣ, когда два предложенія сличаю съ нѣкоимъ третьимъ предложеніемъ, и усмотрѣвъ, что оба тѣ сему третьему подобны, замѣчаю, что и межъ собою они подобны. Вотъ образецъ: тотъ бѣденъ, который всегда недоволенъ; скупой всегда недоволенъ; убо скупой бѣденъ.

Ст. 152. *Трудно ужъ во истинну сатиръ не писати.* То же, только инымъ образомъ, говоритъ Ювеналъ въ первой своей сатирѣ: Cum tener uxorem etc. (см. стр. 98).

Ст. 153 по 160. Есть имитація изъ Боало, который также имитовалъ изъ Горація. Горацій кн. II, сат. 1, ст. 57 и слѣд. Seu me tranquilla etc. (см. стр. 98) и Боало, сат. VII, ст. 63 и слѣд. Ainsi que soit bientôt.... je veux faire des vers.

САТИРА V.

НА ЧЕЛОВѢКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ НА ПЯТУЮ САТИРУ.

Признаю съ Гораціемъ, что на такъ малую книжицу, какова есть одна сатира, неприлично есть долгое предисловіе; а наипаче пишучи правду, къ чему нужно извиненіе, для котораго особливо предисловіе пишется? Да въ нашъ вѣкъ лутче не во время и не къ мѣсту многорѣчіемъ себя оправдить, нежели искать равномѣрность, и говоря правду, весьма нужно показывать, что говорено то не по злобѣ. И для того и мнѣ позволено будетъ на малъ часъ скучить моимъ читателямъ.

Немалая и почти лишняя (многіе скажутъ, увидя сію сатиру) смѣлость есть писать противъ цѣлаго рода человѣческаго, когда и одному учиненная досада достойна бываетъ отмщенія. Но таковыхъ людей сколь скоръ судъ, столь и неправеденъ, потому что во всякомъ дѣйствѣ прежде надлежитъ разсуждать волю и намѣреніе человѣка, а потомъ судить добро ли или зло дѣйство то; понеже часто случается, что съ перваго взгляду дѣйство какое намъ зло кажется, а какъ оное основательно разсмотримъ, находимъ противное.

Если по сему правилу разбирать мою сатиру, не знаю, что бы могло найтиться въ ней человѣческому роду противное, ибо титулъ самый: *«На человѣка»* хотя мнится таковъ, много однако сатира отъ того разнится, будучи въ ней воля моя та только, чтобъ, изобразивъ развращеніе нравовъ, обличить злыхъ человѣковъ поступки, чрезмѣрное ихъ непостоянство и глупую ихъ суету; намѣреніе же — ввести людей въ путь добродѣтели, понеже то извѣстно, что кто злое хулитъ, тѣмъ самымъ доброе хвалитъ.

Тутъ можетъ мнѣ кто сказать: когда ты намѣренъ былъ охулить злыхъ людей поступки, для чего не противъ однихъ злыхъ пишешь, но на всѣхъ устремляешься? и пословица говоритъ, что въ большой семьѣ не безъ урода; не сумнимся мы всѣ, что есть много злыхъ людей, да есть же и добрыхъ, и потому обличенія, которыя тѣмъ приличны, симъ неправедно чинимы бываютъ. Выговоръ сей весьма правиленъ былъ бы, еслибы я противъ всѣхъ неизъятно писалъ, да того у меня не бывало: имя *человѣка* какъ добрымъ, такъ и злымъ обще есть, и потому, на злыхъ пишучи, правильно могъ я надписать сатиру свою: *«На человѣка»*. Впрочемъ всѣ характеры, которымъ я смѣюся, суть злыхъ, а не добрыхъ людей характеры, и всѣ стрѣлы мои летятъ на злонравныхъ, а добронравіе (и потому и добронравныхъ), сколько случай и мѣсто позволяло, хвалю и почитаю.

Во всей сатирѣ одно только мѣсто есть, въ которомъ я говорю, что злость человѣковъ такъ обща и велика есть, что насилу десять

добрыхъ людей можно счесть отъ самаго начала свѣта до нынѣшняго вѣка; да кто-жъ не видитъ, что сей образъ рѣченія стихотворный больше для украшенія, нежели для доводу поставленъ? Можно ли думать, что во время пророка и царя Давида не было ни одного добраго человѣка? Однакожъ онъ пишетъ, что Господь съ небесе, приникши на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога, ни одного такого не нашелъ; вси уклонишася вкупѣ неключими быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго! (а) И Боало въ десятой сатирѣ говоритъ, что во всемъ Парижѣ только трехъ честныхъ женъ счесть можетъ:

On peut trouver encore quelque femme fidèle;
Sans doute et dans Paris, si je sais bien compter,
Il en est jusqu'à trois que je pourrais citer. (в)

Да нельзя потому сказать, что онъ такъ думалъ, какъ кажется, что говорилъ, понеже въ такомъ великомъ городѣ, каковъ есть Парижъ, не льзя было ему быть свѣдому о всѣхъ женщинахъ.

Сіи два примѣра имѣя (одинъ священной, а другой мирской), можно ли мнѣ въ вину причесть, что я имъ слѣдовалъ? Обвиненіе то или мнѣ неправедно, или и тѣмъ двумъ стихотворцамъ прилично. Но понеже одному изъ тѣхъ за великую святость, а другому за пространную славу то учинить невозможно, убо ни мнѣ, имѣющему ихъ себѣ предводительми; и сіе я во оправданіе свое мня быть довольно, не распространяя болѣе, прошу всѣхъ читать безъ пристрастія то, что безпристрастно писано, и разсмотрять прилежно, что мои стихи хотя подъ общимъ именемъ *на человѣка* устремляются, однакожъ добраго гораздо отъ злаго различаютъ и, досаждая злонравію, силятся угодить добродѣтели.

Что же склада и силы стиховъ касается, въ томъ полную власть всякъ имѣетъ осудить, охулить и исправить, понеже суть юношества произведеніе и плодъ весьма малой науки.

САТИРА.

Вы, которы прилежны подражать природѣ,
Что та ни произвела твари въ всякомъ родѣ, [1]
Художною рукою звыкли представляти
Въ сладость очамъ и мертвымъ сильны живность дати!
Коль, по прочихъ трудахъ, умъ къ вымысламъ удобный
Силите рождать странны уроды и злобны, [2]
Ни сфинксѣ, ни химерѣ тщитесь образъ дати,
Но изъ разныхъ тѣлъ чудныхъ одно составляти;
Оставьте звѣрей лютыхъ, киньте скотовъ грубость.

а) Пс. 13, ст. 2 и 3. в) Сатира 10, ст. 42.

1) У г. Аѳанасьева: что не произвела твари въ человѣческомъ родѣ.

2) Тамъ же: Сѣ или тѣ рождать странны и проч.

Желаяй нѣчто собрать, въ чемъ бы крайня глупость,
Крайня свирѣпость была и все безъ порядку,
Человѣка напиши, пиши безъ оглядку:
Гдѣ такъ чудну сыщешь тварь, кой уродъ дичѣе? [3]
Право тотъ, что Горацій описалъ, складнѣе!
Пройди жъ землю изъ края до другаго края,
Зачни съ Москвы до Перу, съ Риму до Китая,
Не найдешь звѣря столько, какъ человѣка, злобна;
Съ всѣхъ животныхъ въ глупости не сыщешь подобна.
Разбери человѣка, не мнѣ емли вѣры:
Въ волѣ его и въ нравахъ ни складу, ни мѣры.
Видишь ли купца того, кафтанъ весь въ заплатѣ?
Не одинъ сундукъ съ серебромъ въ кладовой палатѣ;
Всего много, и можно бъ жить ему въ покои,
Да нѣтъ! вотъ уже не спитъ бѣдный ночи съ трои,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьею:
Куды-де хорошо быть въ людяхъ головою.
И чтятъ тебя, и даютъ; постою не знаешь;
Много ль, мало ль для себя всегда собираешь.
Ставъ судьею ужъ купцу не мало завидитъ,
Когда по несчастію пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И просителей слыша у дверей вздыхати,
Не выспавшись долженъ встать съ теплыя кровати.
Боже мой! говоритъ онъ, что я не посадскій?
Чортъ бы взялъ и чинъ и честь, въ нихъ же животъ адскій,
Блаженны купцы наши: они жить умѣютъ,
Въ богатствѣ и въ покою растутъ и сѣдѣютъ.
Пахарь, соху ведучи иль оброкъ считая,
Не однажды вздыхаетъ, слезы отирая:
За что-де меня творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь ружье свое да свого капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась,
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.

---

3) Тамъ же: Гдѣ такъ сыщешь чудну тварь, коя уроднѣе?

Пришелъ поборъ, вписали пахаря въ солдаты,
Не однажды ужъ вспомнитъ дымныя палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью въ день заплачетъ по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ,
Да лѣтомъ я въ подклѣти, на печи зимою
Сыпалъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
А тамъ о чемъ бы тужить не знаю причину.
Щей горшокъ, да самъ большой хозяинъ я дома;
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома;
Дальня ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли
Иль въ праздникъ пойти въ село и то съ доброй воли,
А теперь—чортъ, не житье; волочись по свѣту;
Все бы бѣла рубашка, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ пострѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться некогда, часто нѣтъ что кушать,
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
  Чернецъ тотъ, что намеднись чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ и всяку работу
Къ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ съ ангельскими въ счетѣ былъ и онъ чинами,
Сегодня не то поетъ: радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу;
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти,
Нѣтъ мочи ужъ ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.
  Младый сынъ, въ жизни отца, за десятьми прячетъ
Замками рубль одинъ, а за грошъ горько плачетъ;
Умеръ отецъ, то онъ же велики намѣренъ
Дѣла дѣлать богатствомъ, исправитель вѣренъ
Отцовскаго приказу: пѣть сорокоусты
Хочетъ, создати церкви, и которы пусты
Монастыри—обновить, и создать убогимъ
Богадѣльню. А потомъ временемъ немногимъ
Одумавшись, говоритъ: «нѣтъ! полно, умнѣе
«Будетъ деньги тѣ беречь; всякъ себѣ милѣе.
«Возьму волю, поѣду гулять въ краи чужды.[4]

4) Въ рук. г. Аѳанасьева пропущено: *гулять*.

«Слава Богу, есть мнѣ чѣмъ; нѣтъ мнѣ ни въ комъ нужды.[5]
Да опять: «коли ѣздить? пора мнѣ жениться.»
И ходитъ—свадьба въ умѣ, и спитъ—свадьба снится;
Купилъ перстень, вотъ завтра обручаться станетъ.
Кто бъ думалъ, что съ другою мыслью завтра встанетъ;
А вставъ—уже все не то: «куды мнѣ дѣваться»,
Говоритъ, «съ женой? развѣ съ людьми ужъ не знаться.
«Нѣтъ, не женюсь!» Между тѣмъ пришли навѣщати
Друзья въ печали; нутко, сѣлъ въ кости играти,
Сыплетъ молодецъ мѣшки. Гдѣ сорокоусты?
Гдѣ церкви, свадьба, ѣзда? ужь мѣшки всѣ пусты.
Такъ мы тверды, таковы одноличны нравы!
Тотъ, кто поутру жадалъ достать себѣ славы,
Всякимъ способомъ ища, ни совѣсти зная,
Ни милости, ни сродства на союзъ взирая,
Тотъ къ вечеру ужъ мыслитъ, какъ бы бѣжать съ свѣта,
Какъ въ тишинѣ безъ шуму дожить дряхлы лѣта.
Въ одинъ часъ ищетъ случай, чтобъ жену пояти
Въ другой часъ того же бракъ, слышишь, проклинати.
То богатъ хотѣлъ бы быть, то деньги мѣшаютъ;
То грустно быть одному, то люди скучаютъ.
Самъ человѣкъ не вѣсть, что хотѣть: теперь тое
Хвалитъ, а потомъ сіе; съ одно на другое
Премѣняетъ мысль свою, и что паче дивно—
Вдругъ одно желаніе другому противно.
Кратка жизнь человѣка, велики затѣи;
Ума полонъ, а виситъ глупыхъ дѣлъ на шеи
Не одинъ кулекъ; къ волѣ чрезмѣрна охота,
А ни въ комъ такъ не впилась, какъ въ него, работа;
Полну власть въ волѣ зная, самъ въ себѣ неволенъ;
Какъ иными, такъ собой всегда недоволенъ.
Все то часть несовершенствъ, часть разности чудной:
Все списать—глупа смѣлость, трудъ бы былъ претрудной!
Злостью же человѣка кой звѣрь одолѣетъ?
Когда левъ на льва или медвѣдь свирѣпѣетъ
На медвѣдя? Кто слыхалъ, чтобъ тигры войною
На тигровъ же поднялись? Злобны подъ водою
Крокодилы знаютъ ли, разбився на части,
Истреблять сами родъ свой для прибавки власти?

5) Тамъ же, лишнее: *жить*, послѣ *чѣмъ*.

Всякій звѣрь, хотя какъ лютъ, въ другомъ почитаетъ
Звѣрѣ подобность свою и предѣлы знаетъ
Злости своей полагать съ тѣмъ, въ комъ родъ свой видитъ
Одинъ другаго добру никогда завидитъ.
Человѣкъ только въ злобной ярости честь чаетъ,
Когда человѣка съѣсть можетъ и желаетъ,
И того славнымъ зоветъ, кто больше былъ вредный
Прочимъ людямъ, отъ кого страдалъ родъ нашъ бѣдный
Видишь ли воинолюбца? И земли пространны,
И довольство имѣетъ; однакъ въ чужестранны
Власти съ яростью бѣжитъ на слаба сосѣда,
Жжетъ, рубитъ безъ милости, не оставитъ слѣда
Жилища его, цѣлы истребитъ народы;
А потомъ, чтобъ дѣйство то на многіе годы
Памятно было, люди жъ ему посвящаютъ
Башни, храмы, ворота; богомъ называютъ.
Вельможа той, вышню власть не могій терпѣти [6]
Въ иныхъ рукахъ, свирѣпствомъ своимъ того жъ дѣти
Отечества взаимну гибель подущаетъ;
Того жъ града жители другъ друга ссылаетъ,
И одинъ другому смерть, жаденъ, ищетъ дати;
Подъ подобнымъ знаменемъ враждебныя рати;
Блещетъ зло оружіе, текутъ струи крови;
А онъ сердцемъ радостенъ, поднимаетъ брови
И хвастаетъ, что его совѣтъ столь былъ здравый,
Что жизни не пожалѣлъ для воли и славы.
Другой явно наступать, слабъ сый, не дерзаетъ,
Тайны ямы къ гибели сильнѣйшимъ копаетъ:
То ядомъ поитъ, то сномъ въ домѣ отягченна
Огню предастъ, и рука тайно вооруженна
Сколькихъ безъ проводника ввела на путь ада.
Мать свирѣпа, о Боже! жретъ собственны чада;
Забывъ страхъ и жалость всю, братъ своего брата,
Сынъ отца побиваетъ, лише бы утрата
Чести не была какой, иль бы въ томъ прибытокъ:
Жизнь ничто, когда дѣло—чтобъ не былъ убытокъ.
Сверхъ того звѣрь, когда золъ, пользу себѣ чаетъ:
Пищу ищетъ себѣ волкъ, какъ овцу терзаетъ,
Левъ, тигра умерщвляя, недруга сбыть тщится,

6) Въ рук. г. Аѳанасьева: Вельможа, той не могій терпѣти.

И быкъ, рогами вредя, отъ вреда щитится,
А человѣкъ безъ пользы себѣ иныкъ вреденъ:
Хоть бы силенъ былъ, славенъ и собой небѣденъ,
Коли видитъ, что другой его превышаетъ
Въ славѣ, въ силѣ, въ богатствѣ, мертва себя чаетъ,
Мучится сердце его, не знаетъ покою,
Пока не сгубитъ кого; коли самъ собою
Не силенъ къ тому, прельститъ сильнаго невѣжду;
Между тѣмъ онъ съ того зла ни кую надежду
Себѣ ждетъ, не прибудетъ ни денегъ, ни чести,
Не наполнитъ дѣйствомъ тѣмъ печатныя вѣсти.
Мало ему, что рука бѣсовскимъ совѣтомъ
Наставлена показать искуснымъ навѣтомъ
Чрезъ малъ прахъ велику смерть пылать изъ металла;
Мало, что желѣзо, сталь ядовитѣй жала
Зміинаго остротой: въ крайну гибель бѣдну
Роду человѣческу ввелъ ябеду вредну,
Истинный Пандоры даръ. Сколько погибаетъ
Людей чрезъ нее, сколько всю жизнь воздыхаетъ,
Сколько сиротъ померло, сколько вдовицъ таютъ,
Пока стряпчіе съ дьякомъ выписку счиняютъ.
А въ лѣсахъ звѣри того нимало боятся,
Безъ лукавства ссорятся, безъ злости мирятся,
Не заводятся дѣла, приказовъ не знаютъ;
Орлы орловъ на доску стать не вызываютъ,
Николи волкъ не всадилъ волка же въ колоду,
Для чего безъ пошлины взмутилъ его воду,
Большой медвѣдь отъ меньшихъ улей съ рукъ отняти
Не смѣетъ за то, что онъ ему лутче кстати,
И волкъ что̀ трудомъ досталъ, хоть завистну оку
Подпалъ бы, не утратитъ тѣмъ, что не сталъ къ сроку.
Да чтожъ, скажетъ кто-нибудь, человѣкъ уставы
Вымыслилъ и правила, чѣмъ добрые нравы
Вводить и злыхъ свирѣпость въ пользу укрочати:
Не знакъ ли то доброты? гдѣ то звѣрямъ знати?
Подлинно—знакъ, но впротивъ: не доброты—злости.
На что бъ пила, кабъ не столь тверды были кости?
Еслибъ не золъ человѣкъ, на что бы уставы?
Законы уставлены, чтобъ исправить нравы
И удержать склонность къ злу, что намъ съ дѣтства сродно;

Нужда сдѣлала законъ; а тотъ, ей! несходно
То самое исправлять, что право собою.
Звѣри, понеже чище, нежли мы душою,
Законовъ не требуютъ, да живутъ согласно:
Одинъ у другаго вѣкъ не грабитъ напрасно,
Ни разбоевъ нѣтъ у нихъ, нѣтъ кражи безъ нужды
Свое мѣсто всякъ знаетъ; не вступаетъ въ чужды
Чистосердечны дѣла; вредятъ ли—то явно
И за нужду, не за тѣмъ, что вредить есть славно.
Но ни зло, ни добро имъ, скажетъ, неизвѣстно;
Не знаютъ, что прилично, что гнусно, что честно,
И какъ злы невзначай, такъ добры ненарочно.
Столь и лучше, такое невѣжество прочно.
А мы что̀? знаемъ добро и то похваляемъ,
Любимъ злое, и въ томъ жизнь свою утверждаемъ;
Добродѣтель хвалима гладомъ, хладомъ таетъ,
Злонравіе всѣ бранятъ, а всякъ снабдѣваетъ.
Еще оправданіе, скажетъ, я имѣю:
Человѣкъ одинъ можетъ добро и злодѣю
Своему дѣлать, пищу даетъ неимущимъ,
Печальнымъ утѣху и помощь въ бѣдахъ сущимъ,
А въ звѣряхъ ужъ того нѣтъ, и слухомъ не знаютъ.
Случается, правда, то; да сколькихъ считаютъ
Такихъ? Есть ли хоть десять въ семьсотъ слишкомъ вѣков
Труднѣй таковыхъ сыскать можешь человѣковъ,
Нежли сливамъ средь зимы расти на соломѣ,
Иль трезвыхъ видѣть пѣвчихъ въ епископскомъ до
Итакъ сумнюсь добро то совершеннымъ звати:
Не навыкли мы даромъ добрыми бывати:
Коль милостыню даемъ, вѣрь себя жалѣемъ;
Если то не чужое, наградить умѣемъ
Убытокъ тотъ; не медлимъ отнять у другаго
Стократъ больше. Кто обулъ бѣднаго босаго,
Вѣдай, что башмаки тѣ отнялъ и съ штанами:
Когда кто утѣшаетъ сладкими рѣчами
Въ печали слезящаго, иль веселъ съ природы,
Иль смѣется бѣдному, иль тѣ ему годы;
Когда кто утѣсненну въ бѣдахъ помогаетъ,
Иль противнику его досадить желаетъ,
Иль обиженный родня, иль быти имѣетъ,
Иль что непустъ у него мѣшокъ разумѣетъ.

Кто дастъ что̀ себѣ нужно, кто, вредъ себѣ зная,
Бѣдному хочетъ помочь? вѣтръ—надежда тая.
Такого-то Діогенъ ища человѣка,
Не сто свѣчъ даромъ изжегъ и былъ смѣхомъ вѣка.
Да полно уже о томъ; къ глупости приступимъ
Смысленнаго животна. Но тутъ ужъ притупимъ
Увы! не одно перо, ниже все списати
Воля мнѣ есть; чрезъ вѣкъ бо мой тобъ не скончати,
Столько она надъ нами заграбила власти.
Всѣ мѣста, и углы всѣ, и всѣ свѣта части
Тоя въ себѣ имѣютъ прекрасные знаки;
И хоть кто стихи мои почитай за враки,
Лучше бъ людямъ дѣлъ своихъ въ память не·писати, [7]
Полезнѣй забвенію было бъ предавати.
А то стыдъ и срамъ роду и гнусно терпѣти,
Чтобъ тварь мниму умную столь глупою зрѣти;
Ибо, хоть книги разбей дѣйства содержащи
Минувшихъ временъ, хотя смотри въ настоящи
Вѣки дѣла человѣкъ, глаза потемнѣютъ,
Пока сыщешь такихъ, что съ умомъ сходство имѣютъ.
Глупость, лишь родимся, къ намъ съ лаской приступаетъ
И чрезъ всю жизнь намъ дружный товарищъ бываетъ;
Ею въ младенцахъ игры и смѣхъ происходитъ,
Она безразсудныхъ въ огнь, въ воду прямо вводитъ
И всѣ страхи презирать смѣло побуждаетъ.
Множащимся же лѣтамъ и та возростаетъ,
Отчего видимъ въ юныхъ: иного жадати
Крайню чести суету, и тую искати,
Всяку добродѣтели красу презирая,
Не на нравъ, но на злато свое уповая.
Иной, какъ въ красавицу, влюбившися въ славу,
Какъ на пиръ, въ битву бѣжитъ злобну и кроваву;
Страхъ всякой и смерть саму ни во что не ставитъ;
Полнъ надежды, что имя свое такъ прославитъ.
Иной, любовью плѣненъ, всю ночь воздыхаетъ,
Не спитъ, лицо любезной съ мысли не спускаетъ;
Утро все предъ зеркаломъ въ уборахъ проводитъ,
Цѣлой день, если можно, съ глазъ ея не сходитъ
Для нее друзей и жизнь и все презираетъ,

---

7) Въ рук. г. Аѳанасьева пропущено: *въ память*.

Одну за крайне добро мнитъ и почитаетъ.
Иной ни Марса труды, ни Венеры сладость
Ищетъ, вся въ картахъ стоитъ его крайня радость,
Въ тѣхъ все житія время своего теряетъ;
Ниже о иномъ когда лучшемъ помышляетъ,
Нежли какъ бы и ночи днемъ сдѣлать играя;
Богатство ему ничто, и злату какая
Цѣна не вѣсть; ниже той умные совѣты
Друзей слушаетъ, ниже почтительныхъ лѣты
Родителей приказы полезны внимаетъ—
Вся за сладость пагубной игры расточаетъ.
Инъ, съ корчмы не исходитъ вѣкъ свой пребывая,
Когда есть склянка съ виномъ—мнится среди рая;
Ни о здравіи мыслитъ, ни въ что честь теряетъ,
Безъ вина, какъ безъ воды рыба, жить не знаетъ.
Увидишь двухъ съ ярости внѣ себя бывати,
Мечами другъ другу смерть злу ищущихъ дати.
За что? за то, что имъ двумъ б . . дь люба едина.
Куды важна не щадить жизнь свою причина!
Полный возрастъ имѣетъ свои недостатки:
Въ тотъ доспѣвъ люди, чины мнятся имъ быть сладки,
И затѣмъ видишь многихъ покой оставляти
Въ домѣ своемъ и трудамъ себя предавати
Жестокимъ, и питаться тщетою надежды.
Иные, блистаніе любящи одежды,
Отягчаютъ плоть свою вредительнымъ златомъ,
Мнящи глупца неглупымъ быть въ платьѣ богатомъ.
Иные, въ безбрачіи провождати время
Нетерпящи, тяжкое на ся берутъ бремя
Да и отца наживутъ имя имъ пріятно,
Вздыхаютъ потомъ поздно ужъ неоднократно.
Ниже бракъ хулю честный, его же любови
Пламень, нравъ сходство вина; но сіи готови
Неизвѣстну съ край свѣта въ жены себѣ взяти,
Лишь бы въ рядной росписи было что читати.
Не лицо, не нравъ, не умъ они разсмотряютъ,
Много ли приданаго въ первыхъ вопрошаютъ.
Въ старыхъ, имъ же должно бы, чтобъ искусъ прибавилъ
Ума, право тожъ видимъ: инъ себя прославилъ
Изнуренными силы въ Венериномъ полѣ;
Инъ, все расточая сталъ убогъ съ доброй воли;

Инъ надъ кучей денегъ съ гладу помираетъ
И, что вложитъ кусокъ въ ротъ, то цѣну считаетъ.
Безъ зубовъ и съ сѣдиной съ морозу колѣетъ,
Боясь тронуть мѣшковъ; а самъ разумѣетъ,
Что весь свѣтъ смѣется имъ; но мысль его знаю:
Я самъ-де, въ сундукъ смотря, себя похваляю,
Хотя надо мной народъ безумной хохочетъ;
Всякому воля дана, живетъ всякъ какъ хочетъ.
  Увидишь столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожъ; на бороду плюетъ,
Однако дряхлой рукой и въ очкахъ рисуетъ.
Что такое? вѣдь не гробъ, что ему бы кстати,
Съ огородомъ палаты, гдѣ бъ въ лѣто гуляти.
А другой, видя, что смерть грозитъ ужъ косою,
Не мысля, что̀ сдѣлаться имѣетъ съ душою,
Хоть чуть видятъ бумагу слабые въ немъ взгляды,
Начнетъ писать похоронъ своихъ всѣ обряды:
Сколько архипастырей, поповъ и причету
Церковнаго предъ гробомъ, и сколько по счету
Родни за гробомъ пойдетъ съ горькими слезами;
Съ сколькими и какими провожать свѣчами;
Чѣмъ покрыть гробъ, гдѣ вкопать, и надпись какую
Въ память себѣ поставить; мѣдну ль, золотую
Надъ нимъ лампаду свѣсить; кому панихиды
По немъ пѣть; а ближнему сдѣланны обиды
Наградить, и смириться—съ кѣмъ брань имѣлъ вѣчно,
О томъ ни слова, мнитъ бо лишнымъ то конечно.
Въ коемъ скотѣ покажешь мнѣ дѣйства такія?
Всѣ объ нужномъ пекутся и лишное тыя
Съ вредомъ себѣ не хранятъ, и суеты полны
О будущихъ мысли ихъ не мучатъ, довольны
Сущи имѣть въ жизнь свою, что̀ къ тому полезно;
Любятъ безъ ссоръ такъ одинъ, какъ два, что любезно;
Время знаютъ къ похоти, и обжорствомъ тѣло
Не вредятъ, ниже пьянство—извѣстно имъ дѣло.
Къ тому жъ видывалъ ли кто, чтобъ за кусокъ злата
За парчицу, чѣмъ будетъ красивѣй палата,
За вещь, правда, вкусную, но намъ въ ѣствѣ вредну,
Чрезъ цѣлые полгода скотъ терпѣлъ жизнь бѣдну,
Посредѣ валъ подверженъ бурямъ непрестаннымъ,

И ввѣрилъ вѣтрамъ животъ свой непостояннымъ?
Видывалъ ли кто, чтобъ скотъ предъ другимъ гордился
И, худшаго знавъ себя, лучшимъ являть тщился,
Или бы въ лѣто лежалъ, а тужилъ зимою,
Что ѣсть нечего и нѣтъ деньги за душою?
Ей, нѣтъ! равенство въ себѣ хранятъ всѣ любезно,
Трудятся, запасъ чиня въ томъ, что имъ полезно.
Мала пчела съ коликимъ трудомъ себѣ въ зиму
Готовитъ медъ, чтобъ пищи не зрѣться лишиму,
Когда сѣверъ изсушитъ цвѣты всѣ на поли.
И муравей чтогодно—пóтомъ и мозоли
Наполняетъ анбаръ свой богатствомъ Цереры;
А какъ мразовъ, свирѣпствомъ незнающихъ мѣры,
Естество начинаетъ унывать безплодно,
Животно то изъ гнѣзда станетъ неисходно,
Наслаждаяся зиму тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.
Человѣкъ одинъ, ума одаренный свѣтомъ,
Въ темнотѣ ходитъ вѣкъ свой, не въ время прилеженъ,
Въ чемъ не нужно трўдится, а въ потребномъ лéженъ,
Все, что онъ ни дѣлаетъ—безъ смысла, некстати,
Все нравно и неправно, и обыклъ бывати
Безъ причины радостенъ, безъ причины скорбенъ;
На удачу онъ любитъ, гонитъ, смиренъ, злобенъ,
Дѣлаетъ, портитъ, множитъ, малитъ, возвышаетъ,
Низитъ, ищетъ съ жадностью или обѣгаетъ.
И да словомъ въ глупости явимъ крайность рода,
Вспомнимъ мы, что человѣкъ, его же природа —
Прахъ, ничто и подверженъ бѣдамъ непрестаннымъ,
Болѣзнямъ, страхамъ, смерти, страстямъ несказаннымъ,
Который каплю дождя несиленъ есть дати,
Ни жизни знаетъ конецъ, ни какъ продолжати,—
Дерзнулъ богомъ себя звать и таковымъ мнился,
Честь, ему должну, себѣ искать не стыдился.
Вспомнимъ, что люди и тѣ, своими руками
Изливъ или вырѣзавъ болванъ, того жъ сами
Какъ бога чтятъ, боятся, помощь ожидаютъ
Отъ него, когда мертва, безчувственна знаютъ,
Иль животно бѣдное какъ суще пресильно
Чтятъ, или предъ чеснокомъ молятся умильно;
Люди жъ тѣ, что столь дивный чинъ во твари зрящи,
Стольки дѣла пречудны въ воздухѣ висящи,

Такъ порядочный тѣхъ ходъ и пользу пріятну,
Разность видовъ животныхъ, умомъ непонятну,
И тѣлесъ нашихъ составъ и жизни причину—
Природы дѣло (увы, съ страху перо кину!)—
Природы дѣло то быть, безумно болтаютъ;
Все то собой сдѣлалось и никого знаютъ
Твари творца, и что ужъ двизатися стало,
Движенью не требуетъ своему начало,
Ниже есть кто создатель преумный, превѣчный,
Правящій вся, пресильный, страшный, безконечный.
Что же прибыли имъ въ томъ? всѣ ихъ обѣгаютъ;
Страха полны, хотя видъ дерзостный являютъ,
Безпокойна совѣсть ихъ, терпитъ мысль ужасно,
Юже не быть силу мнятъ, той самой чточасно
Трепещутъ и почти ждутъ безконечну муку
Только затѣмъ, что нову слѣдуютъ науку.
Право, если все то знать, умнымъ можно·дѣло,
Можно сказать, что душа вкупѣ есть и тѣло!
Здѣсь пора бы ужъ кончить, но зрю предъ собою
Толпу людей брадатыхъ, черною главою
Кивающихъ, и слышу съ ярости вопити,
Временной вѣчной казни мя достойна быти—
За то, что тварь изящну, чудну, несказанну,
На подобіе Творца премудро созданну,
Такъ охулить дерзнуло перо неучтиво.
Доброе въ худо вмѣнять велико ли диво?
Убо оправдаться въ томъ—есть мнѣ только воля,
А потомъ собравъ ружье, самъ ударю съ поля.
Хоть я невеликой чтецъ, столько однакъ знаю,
Что извѣстная Бога милость съ край до краю,
Персть взявши, создала насъ самому подобныхъ,
Мудрыхъ, правыхъ и чистыхъ, къ грѣху неудобныхъ,
И давъ жизнь безконечну, полну всякой власти,
Безъ страху и безъ труда, безъ бѣдъ, безъ напасти.
Но вѣмъ и то, что Адамъ, получивъ супругу,
Слышалъ указъ, какъ въ раю гуляя съ досугу,
Могъ бы отъ всякихъ древесъ, что̀ въ раю, вкушати,
Кромѣ того, что сильно есть знаніе дати.
Но̀ той когда съ сладкихъ устъ супруги любезной
Услышалъ, сколь красивъ плодъ и сколь вкусъ полезной;
Какъ лицомъ, такъ и умомъ равенъ Богу быти,

Забывъ заказъ, возжадалъ, взялъ плодъ, смѣлъ вкусити
Тотчасъ сколь пагубна сила того древа
Узнали, да ужъ поздно, и Адамъ и Ева,
Впали въ бѣды и труды и подпали власти
Смерти, и плѣнили ихъ многовидны страсти,
И когда всемудрому равны быть искали—
Вбспою грѣховною и видъ потеряли,
Такъ что изгнанны съ рая, если бъ кто имъ дати
Могъ зеркало, чуть себя могли бы узнати.
Мы же, которы изъ нихъ родъ свой весь изводимъ,
Ихъ любопытствомъ на нихъ бѣдные походимъ.
И коли бъ не такъ, то кто бъ мнѣ велѣлъ писати
Ложь на себя; принужденъ бо то признавати,
Что и я, хотя пишу противъ человѣка,
Человѣкъ одинъ съ многихъ нынѣшняго вѣка;
Но истину утаить не могу, не знаю,
И затѣмъ, какъ кто хочетъ, а я вотъ кончаю.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Сатирикъ нашъ по окончаніи своей четвертой сатиры намѣренъ былъ, оставя сей стиховъ родъ, употребить время свое, которое ему до отъѣзду въ чужіе краи оставалося, на продолженіе *Петриды*, которой одну первую книгу издалъ еще прежде третьей сатиры; но уразумѣвъ чрезъ искусъ, что дѣло то не малаго требуетъ прилежанія, также лишаяся къ тому потребныхъ извѣстій, отложилъ то до другаго времени, когда и способы къ тому лучшіе будутъ и мысли его, различными нуждами нынѣ смущаемыя, спокоятся. А чтобъ между тѣмъ не потерять нѣсколько дней напрасно, написалъ сію сатиру, которая почти вся сдѣлана на подраженіе Боаловой сатиры VIII-й, съ тѣмъ различіемъ, что Боало въ своей доказываетъ, что изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ глупѣе, а нашъ авторъ тщится показать, что не только онъ глупѣе всѣхъ скотовъ, но еще злѣе всѣхъ звѣрей и дичѣе всякаго урода, котораго бы умъ вымыслить могъ.— Съ самаго начала сатиры авторъ рѣчь свою простираетъ къ живописцамъ, которы чрезъ свойства свои описаны отъ 1-го стиха по 5 стихъ. Зачата сатира сія въ августѣ мѣсяцѣ 1731 года.

Ст. 1. *Вы которы... и мертвымъ сильны животъ дати*. Т. е. вы, которые искуснымъ художествомъ обыкли въ услажденіе глазамъ нашимъ представлять всѣ тѣ твари, которыхъ природа произвела, и которые мертвымъ вашимъ изображеніямъ умѣете дать живность, въ чемъ самой натурѣ подражаете.

Ст. 5. *Коль по прочихъ... и злобны*. Т. е. когда вы, между прочими вашими дѣлами, принуждаете умъ вашъ, который въ выдумкахъ плодовитъ, вымышлять какіе ни есть дикіе и страшные уроды.

Ст. 7. *Не сфинксъ... одно составляти.* Т. е. не трудитеся вымышлять сфинксѣ или химерѣ чудный видъ или составляя изъ разныхъ чудныхъ одно ужасное и дикое тѣло.

Сфинксъ была уродъ нѣкакой,—пишутъ Целій Лактанцій и Діодоръ,—имѣющій крылья и гарпіямъ подобный. Толкователь Еврипида, греческаго стихотворца, говоритъ, что имѣла она лицо дѣвичье, грудь и ноги львины, а крылья и перья птичьи. Полефатъ сказываетъ, что сфинксъ была звѣрь нѣкакой, который имѣлъ тѣло собачье, голову и лицо дѣвичьи, крылья птичьи и голосъ человѣческій.

Химера, по описанію стихотворцевъ, былъ чудесный нѣкакій звѣрь или уродъ, у котораго голова была львиная, тѣло козла, а хвостъ змійный. Въ сущей же правдѣ Химера есть гора въ Лиціи, на которой вершинѣ львы живутъ, въ срединѣ ея мѣсто весьма къ паствѣ угодно, а при корени ея великое множество змѣй находится, что басни причину подало.

Ст. 10. *Желая нѣчто собрать.* Кто желаетъ составить одно нѣчто.

Ст. 12. *Пиши безъ оглядку.* Напиши безъ всякаго мнѣнія или страху, понеже коли кто оглядывается въ дѣлѣ какомъ, то или ждетъ что, или чего ни есть боится.

Ст. 14. *Что Горацій описалъ.* Горацій, римскій стихотворецъ, въ началѣ своей книги *О искусствѣ стихотворства* пріуподобляетъ нескладное нѣкое поэма такому уроду, у котораго голова дѣвичья, шея лошадиная, тѣло составлено изъ разныхъ, сколько можно межъ собою несходныхъ частей, и все то покрыто перьями, а напослѣдокъ вмѣсто хвоста виситъ ужасная рыба. «Humano capiti» etc.

Ст. 15. *Пройди землю.* Такимъ образомъ Боало зачинаетъ свою осьмую сатиру:

• De tous les animeaux qui s'elevent etc.

Ст. 16. *Съ Москвы до Перу.* Перу есть государство въ Америкѣ восточной, прежде сего инкамъ, теперь испанцамъ подвластное.

Ст. 19. *Разбери человѣка.* Сирѣчь, разсмотри подробну.

Ст. 20. *Въ волѣ его и въ нравахъ ни складу, ни мѣры.* Т. е. въ склонностяхъ его и въ его поступкахъ нѣтъ никакого сходства и никакой умѣренности.

Ст. 22. *Сребромъ.* Т. е. съ богатствомъ.

Ст. 26. *Хорошо быть въ людяхъ головою.* Сирѣчь, хорошо быть въ людяхъ начальникомъ; такъ прежъ сего полковникъ у стрѣльцовъ назывался голова, и голова кабацкій есть надзиратель питейныхъ домовъ.

Ст. 27. *Постою не знаешь.* Ничего такъ посадскимъ не обидно кажется, какъ постой, отъ котораго всѣ тѣ, которые у дѣлъ или въ службѣ государевой, свобождены. Изъ купцовъ тѣ, которые манифактуру какую содержатъ, имѣютъ привилегію отъ императора Петра Великаго, чтобъ въ ихъ домахъ постою не ставить.

Ст. 29. *Сталъ судьею.* Тотъ купецъ сдѣланъ судьею, выбранъ можетъ быть членомъ въ магистратъ.

Ст. 30. *По несчастію пусто.* Подлинно безсчастіемъ развѣ у судьи будетъ мѣшокъ пустъ.

Ст. 31. *И просителей.* Т. е. челобитчиковъ.

Ст. 36. *Ростутъ и сѣдѣютъ.* Молодость свою провождаютъ и старѣютъ; понеже сѣдина есть знакъ старости, а ростутѣ люди, пока молоды.

Ст. 37. *Пахарь соху ведучи.* Крестьянинъ или земледѣлецъ, оря землю сохою.

Ст. тотъ же. *Иль оброкъ считая.* Т. е. собирая деньги на платежъ положенной на него подати или дачи, что помѣщику въ годъ принести долженъ.

Ст. 39. *Творецъ.* Т. е. Богъ, истинный всея твари премудрый и всесильный творецъ.

Ст. 40. *Но въ платьѣ богатомъ.* Гораздо богатъ кажется крестьянину суконный цвѣтной кафтанъ, каковы суть солдатскіе.

Ст. 41. *Да своіо капрала.* Вмѣсто *своего*, чрезъ сокращеніе. Крестьянинъ одного капрала думаетъ бояться, да ошибается.

Ст. 44. *Куря носилась.* Т. е. курица яйца носила. *Куря* вмѣсто *курицы*, чрезъ сокращеніе, за нужду стиха.

Ст. 48. *Дымныя палаты.* Извѣстно нашимъ всѣмъ, что суть *палати* въ крестьянской избѣ и что они всегда дымны, когда печь топится. Стихъ сей въ риемахъ недостаточенъ, понеже въ предъидущемъ *солдаты* кончается на *ы*, а въ семъ *палати* на *и*, однакожъ въ долгой поэмѣ, какова есть сія сатира, можно извинить сей недостатокъ, который приключился за тѣмъ, чтобъ силу словъ не потерять.

Ст. 49. *Въ зеленомъ кафтанѣ.* Обыкновенно въ Россіи всѣ пѣхотные полки одѣты зелеными кафтанами съ красными обшлагами.

Ст. 55. *Заплачу подушныя.* Разумѣется деньги подушныя, подать, которую платятъ крестьяне въ государственную казну.

Ст. 59. *Съѣздить въ торгъ для соли.* Иную нужду, чтобъ въ городъ ѣздить, рѣдко крестьяне имѣютъ, понеже всѣ потребы въ домѣ своемъ имѣютъ; развѣ за какимъ дѣломъ въ городъ позовутъ, такъ тогда его везутъ, а онъ не ѣдетъ.

Ст. 60. *Иль въ праздникъ пойти въ село.* Ужъ того крастьянинъ не пропуститъ, чтобъ у праздника не быть, коли не для того, чтобъ молиться, такъ для того, что въ тотъ день тамъ даромъ потчуютъ.

Ст. 62. *Все бы была рубашка.* Регламентъ воинскій повелѣваетъ, чтобъ солдатъ имѣлъ бы всегда бѣлую рубашку, когда въ строй или на караулъ выйдетъ. Если не такъ, то жестоко бьютъ.

Ст. 63. *Въ штанахъ.* Всякому то трудно кажется, къ чему онъ не привыкъ, а извѣстно, что крестьяне больше въ порткахъ ходятъ и рѣдко весьма штановъ употребляютъ.

Ст. 66. *Наряжать все собою, а сотерыхъ слушать.* Т. е. все мнѣ самому дѣлать надобно; приказывать не кому, а мнѣ слушать надобно многихъ и ихъ приказы исполнять.

Съ 20 ст. по сей стихъ авторъ имитовалъ Горація; только много прибавки противъ латинскихъ стиховъ и различно весьма у русскаго съ римляниномъ намѣреніе: O fortunati etc. (выше, стр. 137). Сіи стихи Горацій употребляетъ въ доказательство, что люди николи своимъ состояніемъ недовольны; а нашъ авторъ показываетъ своими, что человѣковъ желанія весьма между собою несходны, но одно другому противно. См. ниже стихъ:

Ст. 70. *Чтобъ съ ангельскими въ счотъ былъ и онъ чинами.* Извѣстно есть, что чернцы называются ангельскаго чина люди, понеже, оставя все житейское попеченіе и умертвивъ плоть свою отрѣченіемъ міра, въ славу Божію прочіе живота своего дни проводить обѣщаются.

Ст. 72. *Скучили ужъ сухари.* Сухари тутъ вмѣсто сухоядѣнія и поста положены, такъ какъ часто обыкли стихотворцы часть вмѣсто всего ставить, напр. Diverso interea miscent moenia lactu, т. е. различнымъ между тѣмъ смущаются стѣны плачемъ, гдѣ *стѣны* вмѣсто всего *города* Виргилій употребилъ.

Ст. 74. *И въ слабомъ тѣлѣ.* Въ такомъ сирѣчь тѣлѣ, котораго отъ сластолюбія удержать не можно.

Ст. 78. *Богатствомъ.* Тѣмъ богатствомъ, которое послѣ отца ему достается.

Ст. тотъ же. *Исправитель вѣренъ.* Т. е. такой сынъ, который прилежно и точно радъ исправить то, что ему отецъ приказалъ.

Ст. 82. *Съ временемъ немногимъ.* Т. е. въ малое время, недолго спустя.

Ст. 83. *Нѣтъ.* Нѣтъ, не такъ я сдѣлалъ.

Ст. 84. *Деньги тѣ беречь.* Будто это деньгамъ бережъ, что не отдастъ ихъ на доброе, а промотаетъ на гуляніе, таковы человѣковъ разсужденія обычайно живутъ; тамъ мы скупы, гдѣ надобно быть тчивымъ, а въ томъ великую сумму денегъ не жалѣемъ, гдѣ копейку истратить грѣшно.

Ст. 85. *Возьму волю.* Т. е. возьму позволеніе.

Ст. тотъ-же. *Поѣду гулять въ краи чужды.* Не думаетъ онъ для пользы себѣ и людямъ ѣхать въ чуждыя страны, но гулять. Куды умное дѣло! можно лучше бы и не ѣздить; дома быть дуракомъ.

Ст. 87. *Да опять.* Да опять, разсуждаетъ молодецъ тотъ; опять, отмѣнивъ мысль свою, говоритъ и проч.

Ст. тотъ же. *Коли ѣздить.* Когда мнѣ ужъ ѣздить въ чужіе краи, я ужъ въ возрастѣ такомъ, что пора жениться.

Ст. 92. *Развѣ съ людьми ужъ не знаться.* Куды какое глупое разсужденіе! когда кто женится, будто долженъ съ людьми не знаться. Мнѣ кажется, что любезная жена ничего постоянному мужу не мѣшаетъ и съ людьми знаться такъ холостому, какъ и женатому легко можно, коли свои злые нравы тому не мѣшаютъ.

Ст. 93. *Между тьмъ*. Т. е. между тѣмъ временемъ, пока онъ то то, то другое дѣлать намѣрялся.

Ст. 95. *Сыплетъ... мѣшки*. Сирѣчь, сыплетъ изъ мѣшковъ деньги, понеже мѣшки сыпать не льзя; однако говорятъ: мѣшокъ просыпалъ, вмѣсто того, чтобъ сказать: просыпалъ все, что въ мѣшкѣ было.

Ст. 97. *Такъ мы тверды, таковы одноличны нравы*. Т. е. таковы то мы въ своихъ намѣреніяхъ постоянны, такъ то нравы наши одинъ съ другимъ сходны.

Ст. 99. *Ни совѣсти зная*. Ни на то смотря, что мы по совѣсти дѣлать должны.

Ст. 100. *Ни милости*. Ни какого въ милосердію разсужденія не имѣя, ничего и никого не желая.

Ст. тотъ же. *Ни сродства на союзъ взирая*. Т. е. и самыхъ сродниковъ своихъ не щадя. Славолюбивъ человѣкъ часто всѣ должности забываетъ, когда чрезъ непотребства намѣренія своего дойти можетъ. Полны исторіи примѣровъ такихъ и кто захочетъ ихъ поискать, сыщетъ много и въ своихъ временахъ.

Ст. 101. *Какъ бы бѣжать съ свѣта*. Т. е. какъ удалиться отъ всѣхъ суетъ міра сего.

Ст. 107. *Самъ человѣкъ не вѣстъ*. Отъ сего стиха по 110, авторъ нашъ имитовалъ отчасти слѣдующіе Боаловы стихи: Voila l'homme.... dans un froc (выше, стр. 124—125, примѣч.).

Ст. 111. *Велики затѣи*. Велики, сирѣчь, намѣренія, велики предвоспріятія, неравны долготѣ жизни своей.

Ст. 112. *Ума полонъ... кулекъ*. Т. е. одаренъ умомъ больше всѣхъ животныхъ, а поступки всѣ глупые. Езопъ говаривалъ, что люди носятъ два мѣшка: одинъ за плечами, а другой на грудяхъ; въ томъ кладутъ свои дѣла, а въ семъ чужія, чтобъ сіи лучше разсматривать, а своихъ бы и не видѣть. Отъ сего и нашъ авторъ говоритъ, что виситъ на шеѣ кулекъ глупыхъ дѣлъ.

Ст. 114. *Работа*. Т. е. порабощеніе, неволя.

Ст. 115. *Полну власть*. Т. е. разумѣя изрядно, что полну имѣетъ власть надъ волею своею, понеже всякъ человѣкъ воленъ раждается душею и можетъ быть всегда воленъ, если въ младости привыкнетъ быть господиномъ страстей своихъ.

Ст. 117. *Все то часть несовершенствъ* и проч. Сирѣчь, все что я описалъ, есть часть несовершенствъ человѣческихъ и чудной премѣнности, которая въ немъ находится.

Ст. 119. *Злостью жъ человѣка*. Отъ сего стиха авторъ начинаетъ другую часть сатиры, въ которой имѣетъ показать, что человѣкъ всякаго звѣря злѣе.

Ст. 120. *Свирѣпѣетъ*. Сирѣчь, нападаетъ съ злобою.

Ст. 123. *Разбився на части*. Раздѣлившися на части.

Ст. 126. *И предѣлы знаетъ злости своей полагать*. Т. е. удерживаетъ злость свою.

Ст. 127. *Съ тѣмъ, въ комъ родъ свой видитъ*. Т. е. съ тѣмъ, который одной съ нимъ природы.

Ст. 129. *Честь чаетъ*. Думаетъ, что въ томъ честь зависитъ.

Ст. 130. *Человѣка съѣсть*. Съѣсть вмѣсто: погубить. Отъ самаго 120 стиха по сей стихъ авторъ нашъ имитовалъ слѣдующіе Боаловы стихи: «Jamais pour y aggrandir.... s'egorger soi même.» Господинъ Боало сіи свои стихи выбралъ изъ Ювенала и Горація, какъ именно его толкователь означилъ въ примѣчаніяхъ своихъ; потому видно, что стихотворцамъ красть такимъ образомъ позволено.

Ст. 133. *Войнолюбца*. Т. е. тирана такого, который любитъ войну и вступаетъ въ войну для того только, что война ему люба.

Ст. 135. *Въ чужестранны власти*. Т. е. въ чужое владѣніе.

Ст. 140. *Башни, храмы, ворота*. Теперь ужъ нѣтъ того обычаю, чтобъ побѣдителямъ посвящать храмы; а въ старину много того бывало: когда въ боги производить, кого ни похочетъ, народу позволено было. Въ римской исторіи образцовъ такихъ много найти можно. Башни въ семъ стихѣ значатъ *пирамиды* или другое какое строеніе, на знакъ дѣйства какого поставленное.

Ст. тотъ же. *Богомъ называютъ*. Примѣръ тому *Ромулусъ* и *Юлій Цезарь*, которыя за свои славныя чрезъ войну дѣла обожены отъ суевѣрнаго народа.

Ст. 142. *Того жъ дѣти отечества*. Чрезъ метафезинъ, вмѣсто: *того же отечества дѣти*. Сирѣчь, людей одного народа, одного государства подданныхъ.

Ст. 144. *Того жъ града*. Т. е. одного города.

Ст. 146. *Подобнымъ знаменемъ*. Т. е. одного войска воины, которые имѣютъ знамена подобныя.

Ст. 148. *Подымаетъ брови*. Понеже примѣта обычайна спѣсивыхъ людей брови свои высоко подымать.

Ст. 149. *Совѣтъ столь былъ здравый*. Т. е. совѣтъ былъ такъ силенъ и такъ полезенъ.

Ст. 150. *Для воли и славы*. Двѣ обычайныя отговорки и претексты бунтовщиковъ, которые пріятными сими именами подущая глупый народъ, въ худшее безславіе и неволю его приводятъ, пользу къ себѣ привлекая.

Ст. 152. *Тайны ямы*. Т. е. козни, навѣты.

Ст. 155. *Безъ проводника ввела на путь ада*. Т. е. безопасныхъ внезапно смерти предала; понеже кто въ незнакомую дорогу безъ проводника идетъ, знать въ дорогу ту вступать не думалъ или нехорошо себя предостерегъ. Адъ вмѣсто смерти греческіе стихотворцы употребляютъ.

Ст. 156. *Мать... жретъ собственныхъ чадъ*. Много такихъ примѣровъ находится въ исторіяхъ. Іосифъ, списатель жидовскихъ древностей, повѣтствуетъ, что во время осады іерусалимской чрезъ Тита, жена нѣкая, именемъ Марія, испекла и съѣла сына своего, еще

младенца. Правда, что тогда превеликій былъ голодъ; да однакожъ то дѣло почти вѣры не достойно, еслибъ не такъ вѣрный то намъ предалъ историкъ. Сколько жъ такихъ матерей, которыя для любви къ второму мужу или для какого интересу погубили дѣтей своихъ?

Ст. 157. *Братъ своего брата.* Каинъ Авеля убилъ, что того жертва не такъ Богу пріятна была, какъ сего.

Ст. 158. *Сынъ отца побиваетъ.* Кромѣ того что въ древнихъ исторіяхъ, много такихъ образцовъ въ нашихъ временахъ. Демидовъ нѣкто убитъ отъ собственнаго своего сына въ 1727 году.

Ст. 160. *Когда дѣло, чтобъ не былъ убытокъ.* Когда о томъ дѣло идетъ, чтобъ убытку не было.

Ст. 161. *Звѣрь, когда золъ.* Спрѣчь, звѣрь какой, когда злится на другаго звѣря; когда ищетъ другому звѣрю вредить.

Ст. 168. *Мертва себя чаетъ.* Такъ ему печально, что какъ бы мертвой былъ, самъ не знаетъ и не чувствуетъ себя.

Ст. 171. *Прельститъ сильнаго невѣжду.* Подговоритъ, склонитъ на что сильнаго простяка, который, не зная, вредитъ. Подобнымъ образомъ въ похвалѣ нашему автору написано: *знать тебѣ странны сильныхъ глупцовъ нравы.*

Ст. 172. *Съ того зла.* Спрѣчь, съ того своего злодѣянія, которымъ человѣка погубилъ.

Ст. тотъ же. *Никую надежду себѣ ждетъ.* Ничего себѣ не ожидаетъ, никакой прибыли не надѣется.

Ст. 174. *Печатныя вѣсти.* Вмѣсто *печатныя вѣдомости,* или *газеты.* Подлинно, что тѣмъ дѣйствомъ злымъ не льзя себѣ нажить славу: чтобъ о тебѣ въ газетахъ писали; надобно иныя дѣла, полезныя отечеству и праву естественному сходныя; а чрезъ злодѣйства прославиться и трудно, и недолговѣчно.

Ст. 175. *Мало ему.* Т. е. человѣку.

Ст. 177. *Чрезъ малъ прахъ... изъ металла.* Т. е. порохомъ изъ ружья много смерти испускать; а для того *пылать изъ металла,* что ружье дѣлается изъ мѣди или изъ желѣза, а пуля выходитъ изъ дула съ огненнымъ пламенемъ.

Отъ 177 по 183 ст. Авторъ нашъ имитовалъ стихи Боаловы (сат. VIII ст. 153 и слѣд.) «C'était peu» etc.

Ст. 181. *Истинный Пандоры даръ.* Пишутъ стихотворцы старые, что когда Прометеусъ создалъ человѣка, то Вулканъ, по приказу Юпитерову, сдѣлалъ жену нѣкую, которую всѣ боги разными дарами одарили. Минерва ей дала премудрость, Венусъ красоту, Аполлонъ мусики искусство, и потому ее Пандора именовали. По гречески *доронъ* есть *даръ;* а *панъ* значитъ *все.* Сію Пандору, какъ пишетъ Гесіодъ, Юпитеръ съ неба на землю послалъ для прельщенія людей, и дана въ жену Епиметеу глупцу, брату Прометееву. Ее же Юпитеръ, всѣми дароданіями пріятными украшенную, послалъ къ Прометею, давъ ей, чтобъ ему въ гостинецъ понести, коробку нѣкую

которая снаружи была очень хороша; а внутри ея заперты были всякія бѣды и несчастія. Прометей не хотѣлъ принять подарокъ тотъ и приказалъ и брату своему Епиметею не принять его, если къ нему Пандора его не принесетъ въ отсутствіи своемъ. Но Епиметей, убѣжденъ Пандорою, принялъ коробку ту и лишь ее отворилъ, всѣ злости и бѣды, въ ней запертыя, вылетѣли; а на днѣ осталася одна только надежда. Сей то коробкѣ авторъ нашъ ябеду пріуподобляетъ, которая снаружи кажется хороша, а внутри бѣдъ полна и въ ней только, въ утѣшеніе бѣдныхъ, одна надежда остается.

Ст. 184. *Пока стряпчіе...* Извѣстно тому, кто дѣло какое имѣлъ, какое несчастіе есть, когда подьячій соглашается съ стряпчимъ противника. Самые лучшіе уставы кривымъ толкомъ въ вредъ просителя обращаютъ, образъ суда не хранятъ, всякое хоть малѣйшее преступленіе чрезъ промышленные пронски великимъ дѣлаютъ, и на послѣдокъ если такихъ же кто не имѣетъ на свою сторону, или къ судьямъ самъ доступить не можетъ, то хотя правъ, имѣетъ быть виноватъ.

Ст. 188. *На доску стать не вызываютъ.* На доску вызываютъ, когда одинъ въ судѣ въ дѣлѣ какомъ отпирается, а другой подтверждаетъ и говоритъ, что радъ пытку терпѣть съ нимъ вмѣстѣ. Многіе такіе злобные суть люди, что хоть самъ виноватъ, а когда отвѣтчика обвинить не можетъ, то розыскомъ выиграть хочетъ, не жалѣя собственнаго своего тѣла.

Ст. 190. *Безъ пошлины взмутилъ его воду.* Т. е. самую малую обиду сдѣлалъ. Что меньше того, какъ воду, которая тебѣ на прикладъ принадлежитъ, напився и ее не нарочно смутить? Однакъ бываетъ, что за то люди великое дѣлаютъ отмщеніе. Есть такія мѣста въ Европѣ, гдѣ пошлину платятъ корабельщики только для того, что по морю верстъ съ пять проплыли, и кто того не учинитъ, лишится корабля и всего товара.

Ст. 192. *За то что онъ ему лучше кстати.* Сколько чрезъ ябеду такихъ отъемовъ живетъ, въ которыхъ много резону нѣтъ, кромѣ того, что напримѣръ, деревня или домъ какой бѣднаго человѣка кстати пришолъ сильному господину.

Ст. 194. *Не утратитъ тѣмъ, что не сталъ къ сроку.* Въ уставахъ нашихъ для упрямыхъ людей уставлено, что если кто вступитъ въ судъ, а къ учрежденному чрезъ судью сроку на судъ съ соперникомъ не станетъ, то бываетъ виноватъ безъ всякаго оправданія. Ябедники такъ святой и полезной законъ въ такой вредъ претворяютъ, что не одинъ за тѣмъ пропадаетъ; понеже когда срокъ приходитъ, то они какими ни есть способы чрезъ друзей, или наймомъ своего соперника, или куда отведутъ, чтобъ онъ не могъ на тотъ часъ судьѣ предстать; а сами покажутся съ прошеніемъ, чтобъ записать его просрочку и неправость свою тѣмъ самымъ очистятъ; а праваго, безсовѣстно обидятъ. Не возможно есть злость людей искоренить

тѣмъ самымъ указомъ, которымъ законодавецъ неправду искореняетъ; не судья даетъ, но сами берутъ злобнымъ толкомъ и лукавыми поступками.

Ст: 195. *Да что жъ скажетъ.* Авторъ нашъ, изъяснивъ образцы человѣческой злости, начинаетъ предлагать и добрыя ихъ дѣла, чтобъ одно съ другимъ на вѣскахъ поставить и дать читателямъ разсуждать, которая сторона перетянетъ. Въ первое доказательство доброты приводитъ учрежденіе законовъ и нравоучительную науку и то порядочно, понеже чрезъ нихъ познается склонность людей къ добронравію, но не всегда волѣ дѣйство слѣдуетъ.

Ст. 197. *Въ пользу укрочати.* Въ пользу народа прочаго усмирять свирѣпость злыхъ гражданъ.

Ст. 199. *Подлинно... не доброты злости.* Т. е. подлинно то знакъ есть, да не доброты, но злости.

Ст. 200. *На что бъ пила...* Еслибъ не тверда была кость, то на что бы токарямъ и прочимъ костянаго дѣла мастерамъ пила; крѣпость ихъ принудила крѣпкое вымыслить орудіе.

Ст. 202. *Законы уставлены, чтобъ исправлять нравы.* Т. е. Законы учреждены, чтобъ злые наши нравы исправлять, и подлинно когда законы право уставлены бываютъ, не ино есть ихъ намѣреніе, только введеніе добродѣтелей и отвращеніе отъ злонравія, и потому философы опредѣляютъ законъ быти *предложеніе*, которое показуетъ какое дѣло дѣлать, и какого не дѣлать: за добро, которое отъ того надѣяться надобно, или за зло, котораго отъ сего опасаться должно.

Ст. 203. *Что намъ съ дѣтства сродно.* Преосвященный новгородскій въ предисловіи своемъ на книжицу подъ титуломъ перваго ученія отрокомъ, говоря о человѣкѣ, пишетъ: *трудно тому не быть злу, который и родился золъ*, а потомъ слово свое подтверждаетъ священнымъ писаніемъ, приводя текстъ сей: все помышленіе его *на зло отъ юности его.*

Ст. 206. *Звѣри... чище нежли мы душою.* Душа тутъ вмѣсто нравовъ берется, понеже я не надѣюся, чтобъ авторъ въ звѣряхъ душу поставлялъ, которая однимъ людямъ свойственна, понеже онъ одинъ созданъ по подобію Божію.

Ст. 209. *Нѣтъ кражи безъ нужды.* Волкъ крадетъ овцы, а лисица курицы для того, что ѣсть хочетъ и безъ того съ голоду умереть можетъ; а люди, много имѣя, крадутъ безъ нужды.

Ст. 211. *Чистосердечны дѣла.* Т. е. поступки звѣрей всѣ безъ лукавства.

Ст. 212. *И за нужду.* Смотри сей сат. ст. 165, ст. 170.

Ст. 216. *Столь и лучше.* Тѣмъ самымъ лучше звѣри людей, что не зная, что добро и что зло, больше того, чѣмъ сего держатся.

Ст. 217. и слѣдующіе. *Знаемъ добро.... любимъ злое* и проч. Отъ сего стиха по 223-й есть подражаніе изъ Ювенала «Aude aliquid» etc.

Ст. 227. *Въ семьсотъ слишкомъ вѣковъ.* По греческимъ хронографамъ

фамъ отъ сотворенія міра числится 7289, по нынѣшній 1781 отъ рождества Христова. А для того авторъ говоритъ *въ семьсотъ слишкомъ вѣковъ*, понеже вѣкъ содержитъ сто лѣтъ, а семьюсотъ разъ сто будетъ 7000 и еще два вѣка остается, которые чрезъ оное *слишкомъ* означены.

Ст. 229. *Сливамъ среди зимы рости на соломѣ*. Сливы ростутъ лѣтомъ, а не зимою, и ростутъ на деревѣ, а не на соломѣ, отчего явна есть невозможность.

Ст. 230. *Иль трезвыхъ видѣть пѣвчихъ... домъ*. Изъ ста архіерейскихъ пѣвчихъ рѣдко не пьяницъ десятерыхъ сыщешь. Не знаю, для чего люди должности сей особливо къ вину склонны, развѣ пѣніе побуждаетъ жажду или охоту даетъ къ веселію.

Ст. 232. *Не навыкли мы даромъ добрыми бывати*. Подражаніе съ сего латинскаго стиха: Et bonum penitet esse gratis.

Ст. 234. *Если то не чужое*. Если то, что мы въ милостыню даемъ, не чужое.

Ст. 240. *Иль тѣ ему годы*. Т. е. еще въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ обычайно люди веселы живутъ; сирѣчь, молодъ еще.

Ст. 243. *Иль быти имѣетъ*. Разумѣется: иль имѣетъ быть родня.

Ст. 244. *Иль что не пустъ*. Т. е. знаетъ, что онъ богатъ, и ждетъ за то воздаянія.

Ст. 246. *Вѣтръ надежда тая*. Напрасно того ожидать; надежда та суетна.

Ст. 247. *Такова-то Діогенъ*. Діогенъ былъ философъ секты кинической, рожденъ въ Синопѣ въ 341 лѣто по созд. Рима. Отца имѣлъ Ицесія. За дѣло подложной монеты высланный изъ отечества пріѣхалъ въ Аѳины, гдѣ былъ ученикомъ Антистена и хотя учитель его былъ основателемъ секты кинической, однако онъ столько прославилъ ее, что его за начальника почитаютъ. Сей Діогенъ однажды вышедъ въ городъ на площади въ самую полдень съ фонаремъ въ рукахъ и вопрошающимъ его о такомъ чудномъ дѣлѣ, отвѣчалъ, что ищетъ человѣка, и къ тому то сатирикъ нашъ говоритъ: что не *сто свѣчъ даромъ изжегъ*. Ст. 248.

Ст. 248. *Былъ смѣхомъ вѣка*. Т. е. всѣ того вѣка люди смѣялися.

Ст. 249. *Къ глупости приступимъ*. Сатирикъ, описавъ непостоянство и злость человѣка, начинаетъ глупость его изображать, что была третья часть его предложенія.

Ст. 250. *Смысленнаго животна*. Т. е. человѣка, которому Аристотель первый учинилъ сіе опредѣленіе, назвавъ его: zoon logikon. греческимъ языкомъ, что по русски толкуется смысленное животно.

Ст. 259. *Роду*. Разумѣй, роду человѣческому.

Ст. 263. *Глаза потемнѣютъ*. Отъ многаго читанія или прилежнаго смотрѣнія глаза ослабѣваютъ и не столь свѣтлы имъ видятся предложенныя имъ вещи.

Ст. 268. *Она безразсудныхъ въ огнь, въ воду прямо вводитъ*. За не-

достаткомъ ума, младенцы часто впадаютъ въ воду и ожигаются в огнѣ, каковы многіе примѣры видѣны.

Ст. 285. *Марса труды*. Т. е. военную службу, понеже Марс у многобожниковъ почитался за бога войны. См. 2-ю сат. изъясненій подъ ст. 40-мъ.

Ст. Тотъ же. *Венерина сладость*. Т. е. плотское сластолюбіе. *Венусъ* была, по баснословію многобожниковъ, богиня рожденія, любви и красоты, мать Купиды, бога любви. Сказуютъ про нее, что родилась изъ морской пѣны (Гиралдія, въ исторіи боговъ, ст. 386).

Ст. 303. *Полный возрастъ*. Т. е. совершеннаго мужа возрастъ.

Ст. 309. *Вредительнымъ златомъ*. Тяжелыми парчами, которы истощая мѣшокъ, отягчаютъ тѣло и великое чинятъ безпокойство за свою тягость.

Ст. 318. *Рядна роспись*. Называется роспись, въ которой написано *приданое невѣстѣ*; пишутъ роспись ту на гербовой бумагѣ, и отецъ невѣсты съ многими свидѣтельми, заручивъ ее собственными руками, днемъ прежде свадьбы отдаютъ жениху, который, если опасается, что тесть ему слова не додержитъ, записываетъ у крѣпостныхъ дѣлъ.

Ст. 321. *Въ старыхъ*. Т. е. въ старикахъ.

Ст. 323. *Изнуренными силы въ Венериномъ полѣ*. Т. е. истощивъ силы свои въ сластолюбіяхъ и похотяхъ тѣлесныхъ, понеже, какъ выше показано, Венера была богиня скверныхъ утѣхъ.

Ст. 329 по 331. *Весь свѣтъ... безумно хохочетъ*. Стихи сія суть подражаніе Горацієвыхъ: «Quidem memoratur» etc. (Кн. 1, сат. 1. ст. 64 и слѣдующіе).

Ст. 343. *Архипастырей*. Т. е. архіереевъ и архимандритовъ.

Ст. 349. *Кому панихиды пѣть*. Архіерею ли, архимандриту ли, или попамъ.

Ст. 355 и 356. *И суеты полны... мысли*. Не всякое о будущихъ попеченіе хулитъ сатирикъ, ибо мысль о будущей жизни не только не глупа, но весьма благоразумна и весьма потребна, какъ церковникъ насъ учитъ: «поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиш». Но сатирикъ говоритъ о такихъ о будущемъ мысляхъ, каковы имѣлъ оный богачъ евангельскій, который разсуждалъ разорить житницы своя и создавъ другія большія, собрать въ нихъ обильное свое жниво и сказать душѣ своей: «душе моя, яждь, пій, веселися, имаши богатства много лежаща на лѣта многи»; котораго разсужденія суету самъ Спаситель обличилъ, повѣствуя, что Богъ тому богачу сказалъ: «безумне, въ сію нощь истяжутъ душу твою отъ тебе, сія же кому будутъ». О такихъ размышленіяхъ говоритъ нашъ сатирикъ и для того приложилъ эпиѳетонъ *суеты полны*.

Ст. 362. *За парчицу, чѣмъ будетъ красивѣй палата*. Т. е. за парчу, которою обиваютъ стѣны въ домѣхъ.

Ст. 363. *За вещь правда вкусную, но намъ въ пѣстѣ вредну*. Ка-

кова есть корица, гвоздика, мушкатный цвѣтъ, мушкатный орѣхъ и проч. приправы, которыя подлинно вкусъ придаютъ кушаньямъ, но по мнѣнію всѣхъ докторовъ здоровью суть весьма вредительны. Отъ стиха 361 по 367-ой ст. сатирикъ описываетъ безразсудную отвагу людей, которые ѣздятъ по морю въ Америку и въ той ѣздѣ столько бѣдъ и страху терпятъ, чрезъ время полугода, для пріобрѣтенія вещей, безъ которыхъ легко обойтись можно.

Ст. 377. *Богатствомъ Цереры*. Т. е. сборками всякаго хлѣба, потому что *Цересъ* была богиня плодовъ и овощей и, по баснословію древнихъ, отъ нея зависѣло плодородіе и недородъ хлѣба (Гиралдія, въ ист. боговъ, столб. 421). Отъ стиха 373 по 382 сатирикъ имитовалъ слѣдующіе Боаловы стихи:

«La fourni tous les ans». etc. (Сат. VIII, ст. 25 и слѣд.).

А французъ взялъ съ слѣдующихъ латинскихъ (выше, стр. 136): «Parvula, nam exemplo est» etc. (Горац. кн. 1, сат. 1 ст. 33 и слѣд.).

Отъ стиха 382 по 391, есть подражаніе слѣдующихъ стиховъ:

«L'homme seul» etc. (выше, стр. 125).

Ст. 391. *Рода*. Т. е. человѣческаго.

Ст. 397. *Дерзнулъ Богомъ себя звать*. Филонъ жидовинъ въ описаніи посольства своего къ императору римскому Каію Калигулѣ представляетъ намъ ужасный сей человѣческой глупости образецъ, понеже повѣствуетъ, что сей императоръ, побивъ всѣхъ своихъ сродниковъ, и видя, что не осталося кому бы противиться волѣ его, не довольствовался крайнею честію, которую людямъ подавать можно, но восхотѣлъ и ту себѣ присвоить, которая одному всесильному Богу прилична, «и сказываютъ», говоритъ Филонъ, «что желая цесарь сей такое безразсудное мнѣніе себѣ самому удостовѣрить симъ образомъ разсуждалъ: какъ тѣ, которые пасутъ стада быковъ, овецъ и козъ, не суть сами ни быки, ни бараны, ни козы, но суть люди, вида безконечно превосходнѣйшаго нежели тѣхъ животныхъ; подобнымъ образомъ тѣхъ, которые начальствуютъ надъ всѣми тварьми, что ни есть въ свѣтѣ, достойно имѣть за паче человѣковъ и надлежитъ почитать ихъ богами.» Можно бъ и другіе многіе образцы, но о такомъ гнусномъ дѣйствѣ и сего одного довольно.

Ст. 403. *Суще пресильно*. Т. е. Богъ, понеже *суще* тутъ значитъ ens.

Ст. 404. *Предъ чеснокомъ молятся умильно*. См. ст. 260 въ 3-й сатирѣ.

Ст. 405. *Люди жъ тѣ*. О атеистахъ и безбожникахъ говоритъ сатирикъ.

Ст. 413. *И что ужъ двизатися... начало*. Безбожниковъ рѣчи суть, которые, не признавая Творца, говорятъ, что весь свѣтъ сдѣлался самъ собою и движется такожде, и понеже отъ себя самого

начало имѣетъ — не требуетъ иной силы къ своему продолженію, и сію силу авторъ нашъ *началомъ движенія* называетъ.

Ст. 425. *Можно сказать, что душа вкупѣ есть и тѣло.* Извѣстно есть, что душа есть безплотна, и потому, кто говоритъ, что душа имѣетъ плоть или что духъ есть, душа и тѣло, тотъ предлагаетъ самую невозможную вещь, равно какъ бы сказалъ что то, что бѣло — есть черно и что день—ночь.

Ст. 427. *Тому людей брадатыхъ.* О суевѣрныхъ церковникахъ говоритъ сатирикъ, которые, всякой науки лишены будучи, всякое мнѣніе имъ неизвѣстное за богохульное почитаютъ.

Ст. тотъ же. *Чорною главою.* Для того чорною, что въ чорномъ клобукѣ.

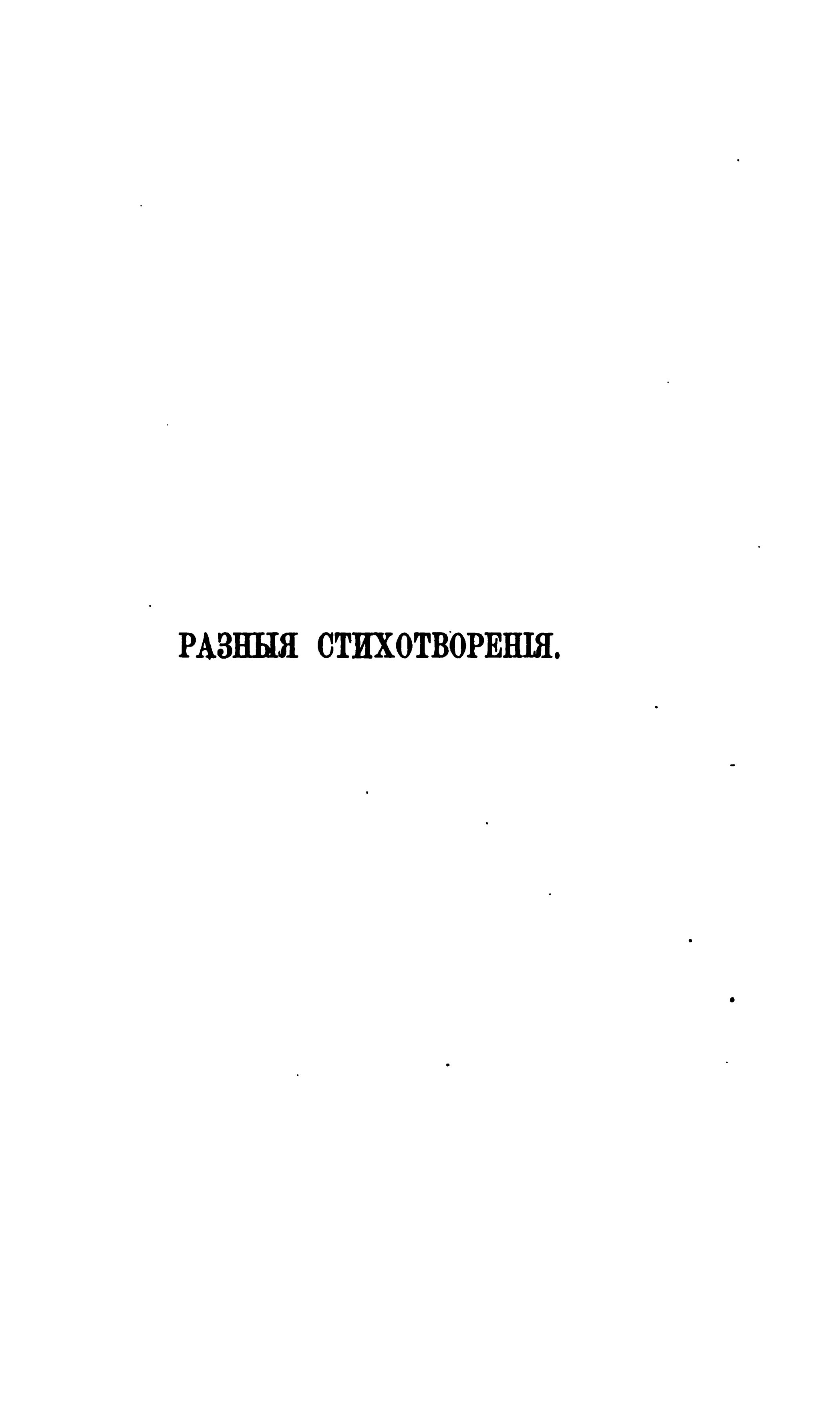
Ст. 430. *На подобіе Творца премудро создану.* Человѣкъ отъ Бога созданъ на подобіе и образъ Божій, какъ именно означаетъ Моисей въ Бытіи, гл.

Ст. 434. *Собравъ ружье, самъ ударю съ поля.* Сатирикъ говоритъ, что окончитъ свою сатиру и употребляетъ къ тому терминъ военный, понеже когда въ войскѣ барабанъ ударитъ съ поля, то знакъ есть, что дѣйство военное окончалося.

Ст. 444. *Что сильно есть знаніе дати.* Богъ, создавъ Адама и Еву, далъ имъ позволеніе ѣсть отъ всякаго дерева, которыя находилися въ раю, запретивъ имъ не прикасаться только одному дереву знанія добра и зла, сказавъ имъ, что въ тотъ часъ, какъ того вкусятъ, смертію умрутъ. И тое-то дерево называетъ сатирикъ: деревомъ, которое сильно есть знаніе дати.

Ст. 446. *Сколь красивъ плодъ и сколь вкусъ полезной.* Потому полезной, что змій Евѣ, а Ева Адаму сказала, что тотчасъ, какъ съѣстъ овощъ тотъ, будетъ равенъ Богу. И для того Богъ, по преступленіи Адама, ... ему говорилъ: се Адамъ, яко единъ отъ насъ.

Ст. 454. *Вдспою грѣховною и видъ потеряли.* Сатирикъ тутъ аллузію дѣлаетъ къ воспѣ, которая обычайно лицо человѣка портитъ, и потому говоритъ онъ, что Адамъ и Ева, учинивши преступленіе заповѣди Божіей, вдспою грѣха потеряли подобіе Божіе.



РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стихомъ ли даешь промежду дѣлы
Радость многу;
Забывши трàвы, къ ней же изъ млада
Научены,
Стоятъ овцы и козлищъ стада
Удивленны.
Сенька и Ѳедька когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ не мазаны двери скрипѣли
Ветчиною [2]
Славному млека и волны зѣло, [3]
Когдась вору
Лошадей столько въ мысли не было
И Егору,
Сколько есть овецъ въ твоей оградѣ
Въ лѣтнемъ зною.
Молоко свѣжо при твоемъ стадѣ
И зимою.
Ты же былъ гораздъ и волковъ бити
Изъ пищали,
Бѣда не могла тебѣ вредити
И печали;
И еще сѣна у тебе много
Вмѣсто трàвы;
Есть и хлѣвина, для дождю злого
Ту исправи.
Сіи запасы твоему стаду
Въ зиму люту
И въ осень мокру дадутъ отраду
И пріюту.
А ты самъ въ теплой сиди хижинѣ,
Можешь сѣти
Вязать, или что плесть при лучинѣ,
Или пѣти,

---

2) См. въ статьѣ о Кантемирѣ.

3) Кант. здѣсь вездѣ произноситъ *ѣ* какъ *и* помалороссійски, [illegible]жая Ѳеофану Прокоповичу, что доказывается соотвѣтственными [illegible] *зило—было*, и далѣе—*дилы* (дѣлы) —*унылый*, *дилахъ* (дѣлахъ)—[illegible]*лахъ*, *извистенъ* (извѣстенъ), *корыстенъ*, *билый* (бѣлый)—*унылый*, *утиху* (утѣху).

Или милую возвавъ дружину
Промежъ дѣлы,
Бражку и винцо поднось [4] по чину,
Не унылый.
Они ти за то будутъ при дѣлахъ
Помогати,
Масло и творогъ жирный въ творилахъ
Истискати.
Для чего жъ плачешь, чрезъ пять дней было [5]
Что ненастье,
На дождь и стужу смотришь уныло
За несчастье?
Что мокра осень слѣдуетъ лѣту,
Той противо
Отъемлетъ зима остатокъ свѣту —
То не диво,
Послыша вёсну, ужъ ластовицы
Появились,
Ужъ журавли и ины птицы
Возвратились;
Солнце съ барашка ужъ на близнята [6]
Преступило,
Съ матерми юны въ поляхъ ягнята
Блевутъ мило;
И славна въ горахъ нашихъ Діана
Благодатна
Весны дарами—цвѣты вѣнчанна
Всѣмъ пріятна. [7]
Оставя горы въ лѣса проходитъ
Съ дружиною
И знатна красныхъ нимфъ превосходитъ
Лишь главою;
На ней черкескій въ тулѣ сіяетъ
Лукъ, страшливыхъ,

Въ Лѣт. рус. лит. *подносить*, но такое измѣненіе уничтожаетъ раз- стиха, въ которомъ должно быть *десять* слоговъ. *Поднось* здѣсь со- ...ная форма повелит. накл. вмѣсто *подноси*.

родолженіе пяти дней.

Козерога на Близнецы.

См. въ статьѣ о Кантемирѣ.

Готова на ловъ, ужъ примѣчаетъ
Звѣрей дивыхъ,[8]
Въ коихъ вертепахъ щенковъ выводятъ
Львы ужасны,
Лютый бобръ и барсъ, гдѣ дѣтей плодятъ
Пятномъ красны,[9]
Вскорѣ ловитвы будетъ корысти[10]
Раздѣляти,
Сихъ звѣрей кожи вмѣсто монисты
Раздавати;
Она и тебе и твое стадо
Охраняетъ,
Да не васъ льстивыхъ волковъ зло чадо
Повреждаетъ;[11]
Ты бо ей главу шипковымъ вѣнцомъ
Вѣнчалъ красно,
Да въ ликѣ богинь Россіи сонцемъ[12]
Свѣтитъ ясно.
Ты въ ея праздникъ въ жертву приносишь
Агнцевъ бѣлыхъ,
Сыченый братьи медокъ подносишь
Съ сотовъ зрѣлыхъ,
И ея похвалъ ты пѣвецъ славный
На сопѣли:
Такъ пѣть Амфіонъ и Орфей давный[13]
Не умѣли.
Для чего жъ плачешь, чрезъ пять дней было
Что ненастье?
Уже сіяетъ шестый день мило
Въ твое счастье!
Симъ нынѣ вѐдромъ буди довольный
Послѣ зноя,
Седмый наступитъ любаго полный
День покоя!

---

8) Дикихъ.
9) Съ красными пятнами.
10) Добычу.
11) Т. е. да не повреждаетъ васъ злое чадо льстивыхъ волковъ.
12) Въ Лѣт. рус. литер. *концемъ*.
13) Въ Лѣт. рус. лит. *дивный,* что не рнемуетъ съ словомъ *слав*

Тогда, богатый Пимене, сидя,
Безопасный,
Подъ дубомъ или подъ кленомъ, видя
Стада красны,
Висящи отъ горъ и овецъ купци
Исполненны,
Вымена млекомъ тяжки имущи
И раз.... енны [14]
Не забудь и намъ, пастушкамъ малымъ,
Помогати.
Не дай Егора [15] другомъ нахалымъ
Нападати
У меня было мало козлятокъ,
Ты извѣстенъ,
Сей былъ моея паствы начатокъ
Некорыстенъ,
Но и сихъ Егоръ и его други [16]
Отогнали,
Млеко и волну вороги туги
Всю раскрали.
Ужъ трожды [17] солнце въ кругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
А я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый.
Лишенъ и стадца, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы,
Межь пастушками брожу единый
Несчастливый;
Ниже въ наймиты кто нанимаетъ,
Ни козлятемъ
На заводъ бѣдну кто помогаетъ,
Ни ягнятемъ!
То праведнѣйше нежли въ ненастье
Я скучаю,

---

14) Не разобрано слово. Въ Лѣт. рус. литер. *раздменны* (?).
15) Архіепископъ ростовскій Георгій Дашковъ. См. въ статьѣ о Кантемирѣ.
16) Намекъ на дѣло объ отцовскомъ наслѣдствѣ, котораго несправедливо лишили его. См. въ статьѣ о Кантемирѣ.
17) Въ Лѣт. рус. лит. *трижды*.

Плачу тяжкаго сего несчастья
И случа̀ю.
Никто несчастливъ, развѣ сравнится
Съ тресчастливымъ
Или безсчастнымъ, когда дивится
И плачливымъ.
Присмотрись токмо моему лиху
И несчастью,
Будешь въ печали имѣть утѣху
И въ ненастью.

II. METAPHRASIS P. 36.

Кто любитъ Бо̀га, не ревнуй лука̀вымъ,
Ниже завѝди грѣшникомъ непра̀вымъ,
Ибо исчезнутъ яко трава вскорѣ,
Яже зелена при утренней зо̀рѣ
И цвѣтъ ей кра̀сенъ, скропленный росою,
Потомъ увянетъ, посѣченъ косою. [1]
А ты какъ началъ, такъ твори благое,
Да на сей зѐмли время не мало̀е
Дастъ ти въ богатствѣ Богъ земномъ пожити
И чадъ любимыхъ на ней населити.
Та твоя сладость и утѣха многа
Буди, всѣмъ сердцемъ уповай на Бога,
Ему всѣ нужды объяви смиренно,
И какъ сынъ отца проси умиленно.
Онъ, чего просишь здѣ, услышитъ го̀рѣ
И твои нужды, щедръ, исполнитъ вскорѣ,
И добродѣтель, юже творишь въ тайнѣ,
И правду явитъ, да узрится крайнѣ.
Такъ яко вещи, ко зрѣнію трудны,
Всякъ видитъ ясно при свѣтломъ полудни.
Паки глаголю: не ревнуй лукаву,

---

1) Послѣднихъ двухъ стиховъ въ подлинникѣ не находится.

Хотя и спѣетъ отъ славы во славу,
И аще бы былъ и всегда счастливый,
Ты о томъ желченъ не будь и гнѣвливый;
Да не погрѣшишь, худо разсуждая,
Что благимъ токмо случаются злая.
Се бо судіи вышняго гнѣвъ правый
Разоритъ вскорѣ всякъ совѣтъ лукавый,
И скоро—гдѣ былъ, грѣшника нечиста
Будешь искать, да не сыщешь мѣста. [2]
А тихій духомъ и мужъ терпѣливый
Наслѣдитъ землю въ покой счастливый. [3]
Правда есть, грѣшный его презирати
Будетъ и зубомъ нань злымъ скрежетати;
Но и Богъ ему посмѣется выну,
Понеже видитъ злу его кончину;
Будетъ и мечъ свой грѣшный изостряти
И лукъ стрѣлами тугій натягати,
Дабы бѣднаго убить непорочно,
Понеже сердце мечъ пронзитъ самого
И лукъ сокрушенъ не успѣетъ много,
Лучше праведну имѣніе мало,
Еже праведно тщаніе собрало,
Нежели многи корысти излишны
Ихъ же злѣ собралъ съ обидою грѣшный;
Ибо симъ будетъ скорая премѣна,
И не дождутся ни внука, ни сына;
А имѣніе праведныхъ малое
Укрѣпитъ Господь и умножитъ втрое,
Дабы отъ сыновъ до внуковъ сторично
Ихъ преходило въ наслѣдіе вѣчно. [4]
Когда грѣшницы погибнутъ отъ глада,
Сихъ и въ зло время сыты будутъ чада.

---

2) По малорос. произношенію *миста* для риѳмы *нечиста*. Подобное же произношеніе встрѣчается и далѣе, какъ напр. *гришный* (грѣшный), *премина* (премѣна), *вично* (вѣчно) и др.

3) Въ подлинномъ: не раздражайся, видя успѣвающаго въ пути своемъ человѣка, совершающаго свои замыслы. Утиши гнѣвъ и оставь ярость; не раздражайся до того чтобъ дѣлать зло, ибо дѣлающіе зло истребятся, и пр.

4) Распространенное выраженіе подлиннаго текста.

Врагъ божій тољко подымется въ гору,
Какъ дымъ и пàра исчезнетъ въ ту жъ пору;
А пока живетъ, хотя и богатый,
То непрестанно будетъ занимати; [5]
Супротивъ того праведникъ и нищій
Будетъ и ближнимъ удѣляти пищи;
Кто его злобный будетъ проклинати,
Тотъ и самъ будетъ отъ Бога проклятый.
Стопы праведныхъ Господь управляетъ
И всѣ промыслы и пути ихъ знаетъ.
Не будутъ, хотя падутъ, повреждены,
Отъ силы вышней всегда укрѣплены,
Даже по старость не видѣхъ изъ млада
Любящихъ Бога, умершихъ отъ глада,
Не видѣхъ дабы оныхъ дѣти милы,
Просяще хлѣба, по міру бродили,
Всѣхъ безъ коварства любитъ и попросту
И даетъ взаймы потребнымъ безъ росту,
Не щадитъ скуднымъ и послѣдней лепты,
Аки вдовицы съ Сидонской Сарепты;
Ни оскудѣетъ, пока жити станетъ,
А послѣ его и внукамъ останетъ.
Того ради перестань иже творишь злое [6]
И начни за то творити благое,
Да будешь богатствъ праведныхъ причастенъ [7]
И на сей земли въ вѣкъ глубокій щастенъ.
Видишь, господни како судьбы правы,
Какъ никогда же любящихъ остави,
А нечестивыхъ потребляетъ имя,
Дабы злыхъ плевелъ не остало сѣмя,
У добрыхъ людей премудрое слово
Въ устахъ на правду всякую готово,
И законъ Божій, въ сердцѣ изваянный,

---

5) По малорос. произношенію *богатый* и *занимати* должны ри ваться, равно какъ и далѣе *проклинати, проклятый* и подоб.

6) Испорченный стихъ: по числу слоговъ онъ не согласуется съ чими.

7) Въ подлинномъ: всякій день даритъ и въ займы даетъ, и надъ томствомъ его благословеніе; уклоняйся зла и дѣлай добро, и живи вѣкъ.

Какъ ноги правитъ дѣла ихъ избранны;
Сопротивъ того клеветникъ лукавый,
Таковой правыхъ ненавидя славы,
Будетъ лживыя соплетати сѣти,
Какъ бы невинныхъ злобно умертвити;
Но сихъ десница сохранитъ державна,
Да объявится лжа на судѣ явна.
Дай только сроку, буди терпѣливый,
Ты на сей землѣ такъ будешь счастливый,
Что твое славно еще узритъ око,
Какъ караетъ злобныхъ гнѣвъ Божій жестоко.
Я не одного видѣлъ истукана
Гордаго, яко кедръ съ горы Ливана,
И только прошелъ (сіе правда иста),
Искалъ, гдѣ онъ былъ, и не сыскалъ мѣста.
То лучше быть въ жизни не злобиву
И просту имѣть душу, а не криву.
Когда таковыхъ по старость изъ млада
Богъ хранитъ мирныхъ, яко отецъ чада,
Егда лукавы всегдашней боязни,
Ей же трепещутъ, не убѣгнуть и казни;
И то не диво, что Богъ заступаетъ
Праведныхъ въ скорби и имъ помогаетъ
Что его къ простымъ щедрота излишна,
Что ихъ спасаетъ отъ обиды грѣшна,
Ибо всѣмъ сердцемъ тѣ нань уповаютъ
И кромѣ его инаго не знаютъ.

III. METAPHRASIS P. 72.

Аще изъ земли престанутъ рѣки [1]
Истекати
И начнутъ моря брегъ свой великій
Преступати, [2]

1) Произношеніе *и* здѣсь также малороссійское; *рики* (рѣки), *гришнаго* (грѣшнаго) и пр.

2) Все это сравненіе взято изъ седьмой Овидіевой книги, которымъ авторъ также воспользовался, описывая пьяницу въ первой сатирѣ.

А падше небо землю покріетъ
Всю звѣздами,
Воздухъ въ огнь пришедъ, возсвирѣпѣетъ
Молніями:
То ниже тогда благость вышняго
Многомощна
Предастъ праведна въ руки грѣшнаго
Безпомощна,
Ни душъ избрȁнныхъ всеблагій отецъ
Въ злой печали
Оставитъ, дабы лишены въ конецъ
Погибали.
А моя едва не поползнулась
Нога слизка,
Егда Божьей мѣрить коснулась
Судьбы близко
И плохимъ умомъ промыслъ безмѣрный
Разсуждати,
Коимъ раздаетъ творецъ всемірный
Благодати
Гнѣвомъ завистнымъ сердце кипѣло
Отъ ревнȍсти,
Егда симъ внѣшнимъ окомъ смотрѣло
Полныхъ злости
И потопленныхъ во водахъ темныхъ
Злобы зѣльны,
Какъ процвѣтаютъ сихъ благихъ зȅмныхъ
Изобильны;
Какъ съ добрымъ счастье непостоянно
И не вѣрно,
Симъ служитъ всегда ѧко связȁнно
Весьма смирно,
Слѣпа фортуна ведетъ ихъ здравыхъ,
Якъ стоока,
Въ старость глубоку по путѣхъ правыхъ
Безъ порока.
Егда праведнымъ сердце снѣдȁютъ
Злы болѣзни,
Сіи въ радости вѣкъ провождаютъ
И дни жизни;
Чуждая печаль, бѣды, напасти

И кручина
Имъ веселія и новой сласти
Суть причина.
Ужъ лишнихъ богатствъ домъ ихъ пространный
Не вмѣщаетъ
Счастія своего ни духъ высокій
Обымаетъ;
Роскошь надежду ихъ и охоту
Утрудила,
Но не чрезъ сію самыхъ щедроту
Насытила
Въ таковомъ счастіи полны гордости
И надменны,
Самолюбіемъ жестокимъ въ злости
Ослѣпленны,
Свиньею смотрятъ на люди равны
Какъ скотины,
И давятъ бѣдныхъ, сильно злонравны,
Безъ причины;
Стращать грозными меньшихъ словами
Не довольны,
Что ядомъ устъ ихъ и клеветами
Земли полны; [3]
Уже коснулась языка злого
Злоба многа
Небесъ и смѣетъ и на самого
Лгати Бога,
Сіе егда зритъ праведникъ, въ мірѣ
Озлобленный,
Не дивно что весь шатнется въ вѣрѣ,
Изумленный,
И речетъ въ себѣ: есть ли Богъ? или
Сущъ не видитъ,

---

3) Всѣми этими стихами Кантемиръ видимо рисуетъ своихъ враговъ :м. въ статьѣ о немъ); ихъ нѣтъ въ подлинникѣ; тамъ просто говорит- і: «въ трудахъ человѣческихъ нѣтъ нечестивыхъ и съ прочими людьми э страждутъ они. Оттого гордость ожерельемъ обложила ихъ и дерзость, акъ нарядъ одѣваетъ ихъ; отъ тучности выкатился глазъ ихъ, бродятъ ечты въ сердцѣ, насмѣхаются, злобно говорятъ о притѣсненіи, съ вы- эты говорятъ».

Иль громовые потерялъ стрѣлы
И тощъ сидитъ,
Когда грѣшный въ семъ и въ томъ свѣтѣ
Изобильный.
Не есть праведенъ въ своемъ совѣтѣ.
Богъ всесильный!
Всуе живется въ краткой сей жизни
Безпорочно,
И съ кротостью терпѣть болѣзни
Есть непрочно.
Но егда умъ свой обратитъ паки
На совѣты,
Бога боится чрезъ сіи знаки
Погрѣшити,
Да не сихъ вмѣнитъ якъ овецъ стада
Заколенна,
Ихъ же онъ своя нарече чада
Возлюбленна,
Въ томъ сумнительствѣ праведный Давидъ,
Весь смущенный,
Егда трудился, да вины узритъ
Утаенны,
Скрытыхъ совѣтовъ изслѣдить дѣла
Невозможе,
Пока обратилъ умъ свой въ свѣтила
Твоя, Боже!
И тамо узрѣлъ конецъ сихъ славныхъ
Въ счастья цвѣтѣ.
Коя премѣна ждетъ ихъ злонравныхъ
На семъ свѣтѣ?
И се ты, Боже, сихъ гордыхъ роги
Сокрушаешь,
Ихъ славу и честь смирнымъ подъ ноги
Повергаешь,
А прелести ихъ платишь правъ грозно,
И въ сей жизни
И въ ономъ вѣцѣ ощутятъ поздно
Злы болѣзни,
Кромѣ совѣсти, яже ихъ мучитъ
Всегда тайно,
Паче тирановъ лютыхъ, и скучитъ

Чрезвычайно.
Гнѣвъ твой праведный гонитъ ихъ вѣздѣ
Непрестанно,
Пока съ богатствомъ исчезнутъ отздѣ
Окаянно,
Яко сонъ, иже мечтами спящихъ
Устрашаетъ,
А потомъ въ малѣ оставя бдящихъ
Исчезаетъ. [4]
Дондеже и азъ сія постигохъ,
Какъ скотина
Быхъ не разуменъ, знати не мо̀гохъ,
Кая вина
Зѣлнаго счастья грѣшныхъ, отъ тѐбе
Отвержѐнныхъ?
И ужъ едва не почтохъ сѐбе
Межъ прельщенныхъ,
Но твоей руки тайная сила
Мя держала,
Промысловъ твоихъ скрытыя дѣла
Мнѣ являла.
Се нынѣ познахъ, что ничто слава
Небесъ вышнихъ
Безъ тебе, ничто земли держава
Есть у грѣшныхъ.
Все мое тѣло, въ злыхъ изможденно,
Унываетъ,
Къ тебѣ и сердце, въ злыхъ утружденно,
Воздыхаетъ.
Ты моя буди единъ довольна
Часть, о Боже!
Безъ тебе небо и земля полна
Мнѣ ни что же,
Когда безбожныхъ, иже тя о̀тца
Всѣхъ не знаютъ,

4) Въ подлинномъ все это выражено въ немногихъ словахъ: «На скользкомъ мѣстѣ поставилъ ты ихъ и низвергаешь ихъ въ пропасти, какъ мгновенно раззоряются они, гибнутъ исчезаютъ отъ внезапныхъ ужасовъ! Какъ сновидѣніе по пробужденіи» и проч.

И лживыхъ боговъ за тебе, твôрца,
Почитаютъ.
Какъ либо въ свѣтѣ семъ суть счастливы
Погубиши
И въ конецъ чрезъ гнѣвъ зѣло страшливый
Потребиши,
Буду за сладость тогда едину
Почитати,
Тебѣ любити и на тя выну
Уповати,
И прославляти твой совѣтъ скрытый
Весьма правый
И твои хвалы въ жизни сей пѣти,
Боже славы!
Ты Богъ и мирнѣ иже не дремлешь
Какъ вилъ[5] глухій,
Егда грѣшниковъ вскорѣ отъемлешь
Злобныхъ духи
И хранишь твоихъ сыновъ избрâнныхъ
Въ злой печали,
Дабы тя творца всѣхъ сихъ дѣлъ странныхъ
Прославляли.

---

5) Волъ.

VI. ПЕТРИДА

или описаніе стихотворное

СМЕРТИ

Петра Великаго, императора всероссійскаго[1]

КНИГА 1.

Я той, иже нѣкогда забавными слоги,
Не золъ, устремлялъ свои съ охотою роги,[2]
Бодя иль злонравія мерзкія преступки
Иль обычьемъ стердимы не въ пользу поступки, —
Печаль неутѣшную Россіи рыдаю:
Смѣху давъ прежде вину, къ слезамъ побуждаю;
Плачу гибель чрезмѣрну въ Роксолянъ народѣ,[3]
Юже введе смерть Петра перва въ царскомъ родѣ.
Петра когда глаголю, что не заключаю
Въ той самой рѣчи? Мудрость, мужество къ случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попеченіе, пріятность умильну,
Правдиваго судію, царя домостройна,
Друга вѣрна, воина, всѣхъ лавровъ достойна,
Словомъ: все, что-либо звать совершеннымъ можно.
О бы плачь сей мой быть моглъ, въ стыдъ мнѣ, нѣчто ложно!
Музы! аще когда бысть инымъ просить вольно
Васъ въ помощь, мнѣ паче всѣхъ причины довольно

1) Первая книга *Петриды* написана Кантемиромъ въ 1730 году, какъ видно изъ его собственныхъ словъ въ изъясненіи на четвертую сатиру (по рукописи первой редакціи): «Четвертую сію сатиру писалъ авторъ въ началѣ 1731 года послѣ 1-й книги Петриды и всѣхъ тѣхъ стиховъ, которые до сѣхъ поръ народу извѣстны.» Поэма осталась неоконченною; уцѣлѣвшую первую книгу «Петриды» печатаемъ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки (XIV Q 6), содержащей кромѣ того сатиры и нѣкоторыя другія произведенія Кантемира (Тихонравовъ).

2) Здѣсь Кантемиръ представляетъ сатирика въ образѣ миѳологическаго сатира.

3) Т. е. въ русскомъ народѣ.

Требовать того: дѣла бо мужа списати
Толь чудны, гдѣ страхъ смертный смыслъ взвыклъ одоляти,
Нелеть смертну, и силы печаль отъимаетъ:
Когда скорбь сердце тѣснитъ, умъ мыслить не знаетъ.
Вы убо дайте силу, причины представьте
Бѣдства сего, вы умъ мой, вы перо наставьте!
Ты же, Россія, когда недозрѣлу рану
Повѣсть моя вновь терзать имать, отчаянну
Не вовсе себя яви, ниже, унывая,
Въ слезахъ горькихъ томися, времена суть злая.
Правда, не малой съ Петромъ лишились защиты,
Сильнѣйшія уже съ нимъ стѣны твоя сбиты,
И видиши въ персть твою крас(н)у обращенну:
Но не вовсе надежду непщуй прекращенну;
Анна съ той же, что и Петръ, преславныя крови,
Подыметъ опалыя твои скорби брови,
Наградитъ твой весь упалъ и, аще Петрову
Не прейдетъ славу, вижу явить тя готову
И недругомъ показать, что хоть инъ владѣетъ,
Оружіе твое всякъ раздражить не смѣетъ;
Но страхомъ въ иныхъ рукахъ ту же силу славитъ
И извнутрь обилну тя гражданамъ представитъ
Сторицею. Кругъ неба чрезъ пути пространны
Тещи начиналъ свѣтлый отродокъ питанны
Отнелѣже Петръ, трудъ всякъ сый смерть презирати [3]
Поморіе Персиды власть его познати
Убѣдилъ, и за тѣмъ непреходну гору
Кавказскую одолѣвъ, властелинъ бысть морю.
Ужасно еже древность вси со страхомъ чтили (?),
О коль съ Западъ до Востокъ росски стали силы!
И пространнаго царства пространны предѣлы
Къ сѣверу мразъ удержалъ, и не сосѣдъ смѣлый;
Къ Югу, но вредный намъ зной и мѣсто неправно.
Когда всесильный Творецъ, правящій всѣмъ славно,
Небо престолъ имѣя и землю подъ ноги,
Намѣрився народы воззрѣть свои многи,
Подъятъ вѣки всевидно: и зъ единымъ взглядомъ
Узрѣлъ все, что на небѣ, на землѣ, подъ адомъ;

3) Непонятное мѣсто.

Узрѣлъ, что искони зналъ міръ, въ злобахъ обильный;
Узрѣлъ, какъ слабѣйшаго топчетъ, тѣснитъ сильный,
Обиды, убивства злы и коварство въ нравахъ,
И къ сребру лѣпу склонность, безпредѣльность въ правахъ:
Словомъ видѣлъ, что мало добра въ человѣцѣхъ,
Но злы нынѣ, якоже быша въ прошлыхъ вѣцѣхъ.
Вострепета вся земля отъ очей превѣчныхъ,
Россія въ ней паче всѣхъ, въ страхахъ безконечныхъ
Чувствовася, не яко протчи превосходитъ
Злостью страны, но яко ту печаль наводитъ
Всевышній зеницу сій, и межъ такъ пространнымъ
Родомъ увидѣлъ Петра дѣломъ весьма страннымъ —
Едина паче добра, его же носити
Землю недостойную возмнѣвъ Творецъ быти,
Къ себѣ мужа возвести и духомъ и тѣломъ
Божественна, смертныхъ всѣхъ превозшедша дѣломъ,
Восхотѣ. Увы воля того непремѣнна
И съ дѣйствомъ не какъ, смертныхъ насъ бѣдныхъ, отмѣнна.
Восхотѣ: и абіе полки силъ небесныхъ
Обступаютъ Отца всѣхъ и ждутъ неизвѣстныхъ
Повелѣній, грозные гласы во всей твари
Трепещутъ, не могуще снесть блистаній зари.
Есть между огненными его вои — сильный,
Главнѣйшій воевода, въ блистаньи обильный,
Страхъ ада и силъ его, душъ главный хранитель—
Михаилъ, первый и святыхъ чиновъ всѣхъ правитель.
Сего призвавъ: «возлюбихъ, рече, Петра мужа,
Правяща скипетръ россійскъ, его же днесь ужа
Держатъ плоти, и хощу да царитъ со мною:
Не къ тому жизни крушимъ есть печалью злою;
Хощу, да его ко мнѣ возведеши славно:
Со мной, хощу, да будетъ, что мнѣ стало нравно.
Знаю, что скорбна будетъ Россіи цвѣтущей
Гибель сія, сирою тѣмъ быти имущей;
Но не терпитъ уже мужа сего совершенна [4]
Благость быти небесныхъ благъ ему лишенна.
Сіе же вѣждь, что того не прежде отъяти

4) Вмѣсто тринадцати слоговъ въ стихѣ четырнадцать; вѣроятно, нужно читать *ужъ* вмѣсто *уже*.

Имаши отъ россіянъ, нежли бѣгъ начати
Вторый солнце имѣетъ отъ Запада къ Востоку,[5]
Съ сѣвернымъ вѣтромъ ведущъ хладъ, зиму глубоку;
Суть бо, яже довершить съ зачатыхъ имѣетъ,
И нива, по немъ рости имуща, посѣетъ,
Да тако, исполнь славы, путь обрящетъ къ небу,
Исправивъ и себѣ, что къ вѣчности въ потребу.»
Рече той, и абіе страшны воевода
Пріемлетъ оружіе отъ всякаго рода:
Шлемъ блистательный златомъ главу прекрываетъ,
Тѣло латми облче, въ нихъ же вся сіяетъ,
Что въ камняхъ драгоцѣнно, и пріемлютъ руки
Одна щитъ, имъ же весь адъ терпитъ злыя муки,
Въ немъ же Бога вышняго страшно имя зрится;
Другая мечъ пламенный, чимъ всяка страшится
Вездѣ тварь, неступимый, острый обоюду;
Нозѣ шумятъ желѣзомъ, носящимъ страхъ всюду.
Таже, распустивъ свои свѣтозарны крыла,
Ихъ же невѣдома сотка Бога сила,[6]
Полетѣ владыки всѣхъ исполняти волю.
Якоже стрѣла легка спущенна въ неволю[7]
Съ тетивы крѣпка лука мужественны[8] персты,
Дѣлящи быстро воздухъ, путь себѣ отверстый
Спѣшно творитъ и скоро въ мгновенье доходитъ
Цѣли, въ нюже зрѣніе стрѣлецъ мудръ наводитъ;
Иль якоже Всецаря перунъ грозно смѣлый,
Съ одного изшедъ края, всѣ міра предѣлы
Внезапно свѣтомъ, звукомъ, страхомъ наполняетъ:
Такъ сей съ высоты, юже умъ понять не знаетъ,
Гремящъ въ пространствѣ, твердый воздухъ, землю, воды
Претекъ, преисподняго достигаетъ входы.
Толкнулъ врата, спадаютъ стальные запоры,
Стенятъ на твердыхъ крюкахъ желѣзны затворы,
И звукъ страшный металла, всюду расширенный,

---

5) Опять четырнадцать слоговъ; въ подлинникѣ вѣроятно было *съ запада* вмѣсто *отъ запада*.

6) Недостаетъ одного слога въ стихѣ; вѣроятно, нужно читать *невѣдомая* вмѣсто *невѣдома*.

7) Думаемъ: *на волю* вмѣсто *въ неволю*.

8) *Мужественными* твор. пад.

Ужаснулъ подземную и народъ геены.
Содрогнулся свѣтоносъ и всѣ полки темны
Бѣгутъ въ глубочайшія пещеры подземны,
Воззрѣть вспять никто смѣетъ, топчетъ сей другова,
Адскъ правитель не можетъ съ страху рещи слова.
«Что се есть, въ себѣ мыслитъ, что сей воевода?
Не паки ли прейде скореняти рода [9]
Нашего власть, якоже збилъ насъ съ неба прежде?
Не ада ли намъ отъять хощетъ ужъ послѣжде
И безмѣстны—увы мнѣ!—убѣдитъ насъ быти,
Неимуще гдѣ главы бѣдны преклонити?»
Такъ мыслилъ онъ, ибо злый и слабымъ ужасенъ
Вѣтра духомъ бываетъ, прахъ малъ ему страшенъ
И казнь всяка, хоть ему не грозитъ, сумнится:
Достойна всего зная ся, всего боится,
Но не то Всевышняго вѣстникъ твое было
Намѣренье: не аду, но россамъ грозило
Сшествіе твое и силъ не ада лишити
Хотѣлъ, но Россіи смѣхъ въ слезы преложити.
Предъ дверьми тамъ самими, въ самомъ входѣ ада
Сидитъ печаль и мысли тоя люты чада,
Старость скорбна, и ужасъ, и гладъ, предводитель
Къ смерти, тутъ и срамная нищета, и бдитель
Вратъ темныхъ—грозная смерть видомъ и косою;
Также сродственный смерти лежитъ сонъ, рукою
Подперши главу, дремящъ; внутрь же за порогомъ
Смертоносная война въ оружіи многомъ
Со всѣхъ странъ вредительна, и зависть всезлобна
Съ ехидными власами, и единородна
Сестра ея ненависть, тутъ и скудоплотны
Лежатъ блѣд(н)ы болѣзни, къ вреду намъ охотны.
Безчисленно множество сихъ убійцевъ тѣла:
Одна чрезмѣрна люта стоитъ вдаль несмѣла,
Яже неспѣшно свою показуетъ злобу,
Показавши чрезмѣрно, люто ведетъ къ гробу.
Странгурïо имя есть, римляне ужь дали,
«Запóромъ мочи» россы (впредь себѣ) звать стали.
Сію разсмотрѣвъ сильный Михаилъ подробну,

9) Въ стихѣ недостаетъ одного слога: можетъ быть, нужно читать *преиде* вмѣсто *прейде*.

Навелъ страхъ, молчаніе другъ на друга зрящимъ.
Тогда внійде вождь свѣтлый, сильною рукою
Связанну Странгурію влекущъ за собою.
Вшедъ, очи къ ней обративъ, перстомъ показуетъ
Петра, таже скорбный сей указъ ей сказуетъ.
«Сего, рече, не диви: хоть толь страшенъ дѣлы,
Хотя силенъ, хотя царь, хотя въ браняхъ смѣлый,
Твоей вручаю власти и свирѣпу нраву;
Вся, яже хощешь, твори; но токмо, да славу
Свою лучше окончитъ, не дерзай столь злобу
Твою люто изощрять и не прежде къ гробу
Темный путь ему яви, нежели [20] кругъ свой велій
Обтечетъ годомъ Ѳебусъ, какъ исполинъ смѣлый.
Тогда уже наведи хотя смерть съ косою,
Такъ годно владѣющу мною и тобою».
Рече и возвысился въ чертоги небесны.
Сверже съ себя вредныя оковы ей тѣсны,
Радуется и грозитъ: якоже левъ жадный,
Когда агнца усмотритъ, бѣдный сей скотъ стадный
Трепещетъ весь, той же лютъ, нань ся устремляетъ,
Веселяся добычи, съ гнѣвомъ нападаетъ,
Безгласнаго терзая, и углубивъ грубы
Когти въ немъ, злохищные насыщаетъ зубы:
Такъ Странгуріо, пріявъ власть, въ вредъ намъ ей данну,
Устремися на Петра, и видя прерванну
Неволю свою, гордо смѣетъ обладати
Тѣмъ, ему же скипетръ всего міра можно бъ дати.

V. РѢЧЬ

къ Благочестивѣйшей Государынѣ АННѢ ІОАННОВНѢ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

Жена, превышающа женскую природу
И родомъ красяща и дающа роду
Царску многу красоту, Анна благонрава!
Дому, царству твоему безпритворна слава!

---

20) *Нежли* для полнаго счета слоговъ. Такое сокращеніе слова нерѣдко встрѣчается у Кантемира и въ сатирахъ.

Если зря твои дѣла, устъ не отверзаю
И молча, къ твоей славѣ перстъ не направляю,
Если муза моя спитъ и не бренчитъ лира
Въ похвалахъ твоихъ, не тѣмъ, что одна сатира
Люба, будучи къ инымъ мысль моя не склонна,
Ей, нѣтъ: и была бы та лѣность беззаконна!
Вижу мудрость въ поступкахъ твоихъ сколь есть многа,
Сколь тобой разчищенна къ истинѣ дорога.
Раззнаю въ лицѣ людей что сердца вѣщаютъ,
Вижу, что россіяне скачутъ, не вздыхаютъ,
Звукъ поющихъ, радостны возгласы до ада
Пронзая, взбудить могутъ адамлева чада,
Смѣхи и веселія, довольствія знаки,
Блистательны подданныхъ твоихъ творятъ зраки!
Все то, хоть скудоуменъ, и вижу и знаю,
Да ползать повадився, летать не дерзаю.
Боюся къ твоимъ хваламъ распростерти руку,
Помню Икара повѣсть, продерзость и муку.
Нужно бо обычайны предѣлы превзыти
Хотящу дѣла твои и тебя хвалити!
И столь славну имѣяй писати причину,
Не подлаго долженъ быть у Фебуса чину.
Трижды я принимался за перо, дрожащи,
Въ благодарство дѣлъ твоихъ хвалить тя хотящи,
Трижды съ неба прилетѣвъ Аполлонъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ обличилъ; вырвалъ съ рукъ бумагу,
Изломалъ перо, пролилъ дерзостно чернило:
«Кое тя безуміе, рекше, обступило?
«За что ты хватаешься и на что дерзаешь?
«Анну самодержицу хвалити желаешь?
«Не знаешь ли ты смѣльчакъ, уже безпокойный,
«Что не твои для такой стихи суть пристойны,
«Гдѣ тебѣ сплесть и сыскать слова столь согласны,
«Каковы дѣла ея дивны и ужасны?
«Вѣдь тутъ нечего писать, что было утѣшно,
«Къ чему и мысль и перо твое скользитъ спѣшно.
«И къ хвалѣ той негоденъ стиль твой подлѣйшій [1]
«Для воли такой Атласъ потребенъ сильнѣйшій.

---

1) Въ этомъ стихѣ не достоетъ одного слога.

«Виргилій, да и тому надобно подумать,
«Что достойное для сей Августы придумать.
«Не успѣлъ бы онъ стиховъ такъ скоро прибрати,
«Какъ сія злые нравы можетъ скореняти.
«Я самъ не подлѣйшій богъ, что хвалить дерзаю
«Іовиша, и пѣніемъ всю тварь наслаждаю,
«Не скоро осмѣлился сказать, не стыжуся,
«Похвалу ея соткать почти не гожуся.
«Похлѣбство не любитъ та, правду ищетъ ясну;
«Какъ же не похлебстовавъ, составить пѣснь красну?
«Знаю, что не нужно то, хоть правду писати,
«Дѣла той многимъ царямъ въ образъ можетъ дати,
«Да искусство требуетъ наше стихотворно,
«Чтобъ межъ правдою было нѣчто и притворно.
«Покинь и впредь не дерзай въ сіе вступать смѣло,
«Оставь мудрѣйшимъ себя, не твое то дѣло».
Сія изрекъ, вознесся въ парнасски палаты,
Возшумѣли колеса блистательны златы,
Содрогнулся бѣдный я, скочилъ съ стула спѣшно,
Что не могъ благодарства явить, не утѣшно
Тужилъ. Но однакоже безъ. . . молчати
Быть узналъ, нежли грубы похвалы писати.
Молчу убо, но молча сильно почитаю
Тую; отъ нея же честь и жизнь признаваю.

Въ Москвѣ 1731 г. Іюня 2 дня.

Изъясненія. Ст. 3. *Благонрава.* Какъ я думаю, сего титула ни лучше ни больше и быть не можетъ, и подлинно, что пристойнѣе Императрицѣ христіанкѣ, какъ благонравіе; власть, сила безпредѣльная, корона и скипетръ внѣшнее есть украшеніе, подчиненнымъ къ исправленію и полезное, доброта же нравовъ внутренняя души краса, которая самой ей путь къ неизреченному показуетъ блаженству.

Ст. 15. *До ада.* Т. е. до подземной, гдѣ мертвіи лежатъ; стихотворцы греческіе часто имя сіе въ такомъ разумѣніи употребляютъ.

Ст. 20 Обыкши я подло и низкимъ штилемъ писать, не смѣю составлять панегирики, гдѣ высокой штиль употреблять надобно.

Ст. 22. Сказываютъ стихотворцы, что Икаръ, которому отецъ его Дедалъ придѣлалъ крылья восковыя, взлетѣлъ очень близко къ солнцу, растопилися крылья и онъ упалъ въ море Егейское, которое потомъ Икарійское зваться стало. Для того и авторъ, помня его бѣду, не хочетъ въ высокія вступать похвалы, боясь, что крылъ не станетъ.

Ст. 26. Т. е. надобно, чтобъ не послѣдній былъ стихотворецъ.

Ст. 27. Стихотворцы трижды вмѣсто многажды употребляють...

Ст. 39. Не тако въ одѣ легко похвалы писать, какъ сатиры; надобно, чтобъ тутъ всѣ рѣчи были важныя, а шутки и забавы не годятся.

Ст. 40. Т. е. къ которымъ ты склоненъ и мало трудности знаешь. Потому знать, что рѣчь сія писана послѣ сатиры. Въ томъ подражалъ авторъ Боало, которой такожде къ королю рѣчь писалъ преискусную; оную видѣть можно въ первомъ его томѣ въ началѣ.

Ст. 41. Подлинно авторъ всегда писалъ простымъ и народнымъ почти стилемъ, въ чемъ мнѣ мнится, послѣдовалъ онъ стихотворному правилу, которое велитъ чтобъ сатиры были просты.

Ст. 42. Стихотворцы говорятъ, что Атласъ держитъ на плечахъ своихъ весь свѣтъ, не малая бъ то сила, если бъ то не ложно было.

Ст. 48. Іовиша—Юпитера.

Ст. 56. *Нѣчто и притворно.* Въ стихотворномъ стилѣ фикціи гораздо нужны; иноко онъ слабъ и скуденъ, что гораздо знали Омиръ, и Виргилій, и Овидій; чрезъ мѣру отъ онаго любима, такъ что во всей его Метаморфозисъ трудно распознать правду.

Ст. 59. Знать Аполлонъ въ разговорахъ слова свои къ автору поѣхалъ къ музамъ.

Ст. 60. Для того что, онъ пѣшъ не ходитъ, какъ многіе стихотворцы пишутъ, но ѣздилъ въ коляскѣ, да еще и четыре лошади впрежены, которыхъ имена суть: Пироисъ, Еоусъ, Ефовъ и Флеганъ.

Ст. 66. Не самую жизнь, но то, чѣмъ жить можно, сирѣчь способъ къ провожденію житія потребный, ибо жизнь самая всѣмъ отъ Бога единаго, кромѣ котораго никто же есть животъ далй.

VI. ПѢСНЯ

ВЪ ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНТУ[1].

О спящей своей полюбовницѣ.

Пріятны благодати![2]
Танцы вы водя подъ древомъ,
Двигайте ноги легонько
Велите играть тихонько,
Или далѣе отшедши,
Пріятные благодати,
Танцы вы свои водите:
Любимица моя близко,
Спочиваетъ тутъ подъ древомъ,

---

1) Изъ рукописи: переводъ одъ Анакреона въ Имп. публ. библ.
2) Т. е. хариты, граціи.

Взбудить ее берегитесь;
Когда взглянутъ тыя очи,
Уже будутъ ничто ваши;
Ужъ вамъ, красны благодати,
Не похочется плясать.

VII. ПѢСНИ.

ПѢСНЬ I.

(Противу безбожныхъ.)

—

Тщетную мỳдрость міра вы оставьте,
Злы богобóрцы! обративъ кормило,
Корабль свой къ брѐгу истины направьте,
Теченье вȁше досель блудно было.
Признайте Бóга, иже управляетъ
Тварь всю, своими созданну руками.
Той простеръ нéбо; да въ немъ намъ сіяетъ,
Далъ свѣта сóлнце источникъ, съ звѣздами.
Той луну, сóлнца лучи преломляти
Научивъ, тѐмну плоть свѣтить заставилъ.
Имъ зрятся чудны сіи протекати
Тѣлеса вóздухъ, и въ нихъ той уставилъ
Теченій мѣру, порядокъ и время,
И такъ увѣсилъ всѣ махины части,
Что нигдѣ лишна легкость, нигдѣ бремя;
Другъ друга дѐржатъ и не могутъ пȁсти.
Его же слóвомъ въ воздушномъ пространствѣ,
Какъ мячикъ лѐгкій, такъ земля катится;
Въ травъ же зелѐномъ и дубравъ убранствѣ
Тутъ гора, тȁмо долина гордится.
Той изъ истóчникъ извелъ быстры рѣки,
И пескомъ слȁбымъ убѣдилъ схраняти
Моря свирѣпы свой предѣлъ вовѣки,
И вѣтрамъ лѐгкимъ далъ съ шумомъ дышати.
Разны живóтныхъ оживилъ онъ роды;
Часть перомъ лѐгкимъ въ воздухъ тѣла бремя
Удобно взнóситъ, часть же сѣчетъ воды,
Ползетъ иль хóдитъ грубѣйшее племя.
Съ малой частйцы мы блата сплетенны

Того жъ въ плоть на̀шу всесильными персты,
И устенъ ду̀хомъ его оживленны;
Онъ намъ къ поня̀тью далъ разумъ отверзтый.
Той, черный о̀блакъ жаркимъ раздѣляя
Перуномъ, гро̀мко гремя, устрашаетъ
Землю и во̀ды, и дальнѣйша края
Темнаго ца̀рства быстръ звукъ достизаетъ;
Низитъ высо̀кихъ, низкихъ возвышаетъ;
Тутъ дастъ, что та̀мо восхотѣлъ отъяти.
Горамъ косну̀вся, дымѣть понуждаетъ:
Маніемъ міръ весь силенъ потрясати.

ПѢСНЬ II.

(О надеждѣ на Бога).

Видишь, Никѝто, какъ крылато племя
Ни землю па̀шетъ, ни жнетъ, ниже сѣетъ;
Отъ руки вышшей однакъ въ свое время
Пищу дово̀льну, жизнь продлить, имѣетъ.
*
Лилію въ по̀лѣ, видишь, многоцвѣтну
Ни прядетъ, нѝ тчетъ; царь мудрый Сіона
Однако въ сла̀вѣ своей столь примѣтну
Не имѣлъ одѐжду. Ты голосъ закона,—
*
Въ сердцахъ приро̀да что отъ вѣкъ вложила,
И Богъ во пло̀ти подтвердилъ,—внушая,
Что честно, бла̀го, пусть того лишь сила
Тобой владѣетъ, злости убѣгая.
*
О прочемъ по̀мыслъ Отцу всемогущу
Оставь, кото̀рый съ облакъ устремляетъ
Перуны гро̀зны, и бурю, дышущу
Гибель, въ пріятно ведро обращаетъ.
*
Что завтра бу̀детъ, искать не крушися;
Всякъ настоя̀щій день даръ быть считая,

Себѣ полѐзенъ, и инымъ потщися
Учинить, вы́шне наслѣдство жадая.

*

Властелинъ міра нужду твою знаетъ;
Не лишитъ пи́щи, не лишитъ одежды,
Кто того вòлю смиренъ исполняетъ,
Не отщети́тся своей въ немъ надежды.

ПѢСНЬ III.

(На злобнаго человѣка.)

—

Того вы му̀жа, что пріятна зрите
Лицомъ, что въ сла̀дкихъ словахъ, клянясь небомъ,
Дружбу сули́тъ вамъ, вы, друзья, бѣгите!
Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.

*

Если бы сѐрдце того видѣть можно,
Видно бъ, сколь злòбна мысль, хоть мнятся правы
Того поступки, и сколь осторожно
Свои таитъ нра̀вы.

*

Помочи въ ну̀ждахъ отъ него не ждите:
Одному тòлько онъ себѣ радѣетъ;
Обязать слу̀жбой себѣ не ищите:
Забывать умѣетъ.

*

Что у другòго въ рукахъ ни увидитъ,
Лишно чрезмѣрно въ рукахъ тѣхъ быть частъ,
И неспокòйнымъ сердцемъ то завидитъ;
Все себѣ желаетъ.

*

Когда вреди́тъ той кому лише сможетъ,
Вредитъ, нику̀ю имѣя причину;
Сильно въ несча̀стье впадшему поможетъ
Достичь злу кончи́ну.

*

Ни сѣдина чѐстна, ни святость сана,
Ни слабость пòла языкъ обуздати

Его возмо́жетъ; вся суть имъ попрана;
Всѣхъ обыклъ пятна́ти.
*

Кому своѐ съ нимъ счастіе благое
Не дало зна́ться, хоть хулъ убѣ́гаетъ.
Божіе имя щадитъ онъ святое,
Что Бо́га не зна́етъ.
*

О Царю нѐбесъ! иже управляешь
Тварь всю, твоими созданну руками,
Почто въ немъ наши язвы продолжаешь?
Просимъ со слезами.
*

Пусти нань бы́стры съ облакъ твои стрѣлы,
Законоло́мцамъ скованны въ погибель,
И человѣческъ радостенъ родъ цѣлый
Узритъ его гибель.

ПѢСНЬ IV.

(Въ похвалу наукъ).

Уже дово́льно лучшій путь не зная,
Страстьми имѣ́я ослѣпленны очи,
Родъ человѣческъ изъ краю до края
Заблуждалъ жизні въ мракъ безлунной ночи,
И въ бездны стра́шны несмѣлыя ноги
Многихъ ступи́ли, спаслися немноги,
*

Коимъ простѐрши счастье сильну руку,
И нехотя́щихъ отъ стези опасной
Отторгнувъ, до́лжну отдалило муку:
Но стопы о́ныхъ не смыслъ правя ясной, —
Его же по́мочь одна лишь надежна
И тѣмъ бы ги́бель была не избѣжна,—
*

Но падежъ ро́да нашего конечный
Предупрежда́я новымъ дѣйствомъ власти,
Произвелъ Му́дрость Царь міра предвѣчный,

И послалъ тӯю къ людямъ, да ихъ страсти
Обуздавъ, нра̀вовъ суровость исправитъ,
И на путь пра̀вый ихъ ноги наставитъ.
*

О, коль всесильна̀ отца дщерь прі̀ятна!
Въ лицѣ умильномъ красота блистаетъ;
Рѣчь хотя тѝха, честнымъ ушамъ внятна,
Сердца и нӯдитъ и увеселяетъ:
Ни гнѣву зна̀етъ, ни страху причину;
Ищетъ и лю̀битъ истину едину.
*

Толпу злонра̀вій влеча за собою,
Зракъ твой не сѝльна снесть, ложь убѣгаетъ,
И добродѣтель твоею рукою
Славны побѣды въ малъ часъ получаетъ;
Тако внѐзапнымъ лучемъ, когда всходитъ
Солнце и го̀нитъ мракъ, и свѣтъ наводитъ.
*

Къ востоку кра̀йны пространны народы,
Ближны нѐкреямъ, ближны оксидракамъ,
Кои пьютъ Га̀нга и Инда рѣкъ воды,
Твоимъ тѣ пѐрвы освѣщенны зракомъ,
Съ слоновъ низшѐдше, счастливы пріемлютъ
Тебя, и сла̀дость гласа твого внемлютъ.
*

Черныхъ пото̀мъ-же еѳіопъ предѣлы,
И плодоно̀сный Нилъ, что наводняетъ
Царство бога̀тствомъ славно, славно дѣлы,
Пользу зако̀новъ твоихъ ощущаетъ;
И людей ра̀зумъ грубый ужъ не блудитъ
Въ грязи, но къ нѐбу смѣлый летъ свой нудитъ.
*

Позналъ свою тьму, и твою вдругъ славу,
Вавилонъ, видѣвъ тя, широкостѣнный;
И кои всяку презрѣли державу,
Твоей склонили выю усмиренны
Дикіе скиѳы и ѳраки суровы,
Давъ твоей власти въ себѣ знаки новы.
*

Трудахъ по до̀лгихъ стопы утвердила

Седмью введѐна друзьями твоими
Въ грекахъ счастлѝвыхъ, и вдругъ взрасла сила,
Взрасло ихъ ѝмя. Наставленный ими
Народъ, владѣтель міра, далъ судъ труденъ,
Тобой иль дѣйствомъ рукъ былъ больше чуденъ.

*

Едва ихъ пра̀здность, невѣжства мати
И злочинствъ вса̀кихъ, отъ тя отлучила,
Властъ ужъ ихъ твѐрда не могла стояти.
Презрѣнна ва̀рваръ отъ сѣвера сила
Западный прѐжде, потомъ же востока
Престолъ низвѐргла въ мгновеніе ока.

*

Была та гѝбель нашего причина
Счастья; деснѝца врачей щедра дала
Покровъ, подъ кѝимъ бѣжа̀ща богина
Нашла отра̀ду, и ужъ возсіяла
Европѣ цѣлой лучъ новаго свѣта;
Врачей не у̀мретъ имя въ вѣчны лѣта.

*

Мудрость обѝльна, свиту многолюдну
Ужъ безопа̀сна изъ царства въ другое
Водя съ собо̀ю, видѣли мы чудну
Премѣну. Нѣмо суевѣрство злое
Пало, и зна̀емъ служить царю славы
Сердцемъ смирѐннымъ и чистыми нравы.

*

На судахъ пра̀вда прогнала навѣты
Ябеды чѐрной; въ войну идемъ стройны;
Храбростью ѝщемъ, искусствомъ, совѣты
Вѣнцы съ Побѣды рукъ принять достойны;
Мѣдныя всхо̀дятъ въ рукахъ нашихъ стѣны
И огнь разлѝчны чувствуетъ премѣны.

*

Зевсовы на̀шихъ не чуднѣе руки;
Пылаемъ съ гро̀момъ молнія жестока,
Трясемъ, рвёмъ зѐмлю, и бурю, и звуки
Страшны наво̀димъ въ мгновеніе ока.

Вѣтры, пространныхъ морь воды ужасны
Правимъ и топчемъ, дерзки, безопасны.

*

Бездны ужасны водъ преплывъ, доходимъ
Міръ отдѣленный онъ вѣкъ безконечныхъ.
Въ воздухъ, въ свѣтила, на край неба всходимъ,
И путь и силу числимъ скоротечныхъ
Тѣлесъ, лучъ солнца дѣлимъ въ цвѣтны части;
Чувствуетъ тварь вся силу нашей власти.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пѣснью стихотворецъ нашъ называетъ то, что полатинѣ греческимъ словомъ *ода*. Приличнѣе ему показалося употребить своего языка рѣчь, чѣмъ чужую, столь наипаче, что въ церковныхъ книгахъ уже греческое оdе переведена порусски пѣснь.

I. Сей первой пѣсни основаніе взято изъ 34 Гораціевой въ книгѣ I.

Parcus Deorum cultor, et infrequens
Insanientis dum sapientiae
Consultus ergo, nunc retrorsum
Vela dare, atque iterare cursus,
Cogor relictos, etc.

Доказывается въ ней бытіе Божества чрезъ Его твари.

Ст. 8. *Свѣта солнце источникъ.* Сроднымъ порядкомъ *солнце источникъ свѣта.* Солнце одно и неподвижныя звѣзды собственнымъ своимъ свѣтомъ свѣтятъ; прочія свѣтила, каковы суть *Луна*, *Меркурій*, *Венусъ*, *Юпитеръ*, и прочія планеты отъ солнца свѣтъ получаютъ и къ намъ чужой свѣтъ отсвѣчиваютъ.

Ст. 9 и 10. *Луну солнца лучи преломляти научивъ.* Луна собою тѣло грубое и несвѣтлое, свѣтла же намъ кажется для того, что лучи солнца, въ нее упираясь къ намъ, какъ отъ зеркала, отсвѣчиваютъ.

Ст. 11 и 12. *Чудны сіи тѣлеса.* Т. е. мѣсяцъ, и звѣзды, и земля.

Ст. 13. *Всѣ махины части.* Махина есть вещь, изъ многихъ частей такъ составлена, что какъ перву пружину или отвѣсъ заведешь, собою на время движется; таковы суть, на прикладъ, часы. Здѣсь махиною весь міръ повсемственный, котораго части суть солнце, планеты, звѣзды и проч., означается.

Ст. 18. *Земля катится.* Общее теперь искусныхъ астрономовъ

мнѣніе, что не солнце, но земля наша около солнца вертится. Уподобленіе земли къ мячику тѣмъ приличнѣе, что какъ мячикъ, когда его покатишь, и къ назначенному мѣсту бѣжитъ, и между тѣмъ самъ около себя вертится: такъ и земля пока большой кругъ годовой около солнца совершаетъ и около своего центра между тѣмъ въ 24 часа вертится. Смотри разговоры Фонтенелевы о множествѣ міровъ, вечеръ I.

Ст. 20. *Тутъ гора, тамо долина гордится.* Земля, сирѣчь, здѣсь горою, тамо долиною гордится въ убранствѣ травъ и лѣсовъ.

Ст. 26. *Часть перомъ легкимъ.* Часть летитъ, какъ птицы.

Ст. 27. *Сѣчетъ воды.* Плыветъ, какъ рыбы.

Ст. 28. *Грубѣйшее племя.* Люди, сирѣчь, скоты, звѣри и гадины.

Ст. 33. *Той черный облакъ жаркимъ.* Горацій, ода 34, кн. I.

Igni corusco nubila dividens,
Plerumque per purum tonanteis
Egit equos, volucremque currum:
Quo bruta tellus, et vaga flumina
Quo Styx, et invisi horrida Taenari
Sedes Atlanteusque finis
Concutitur. Valet ima summis
Mutare, и проч.

Ст. 36. *Темнаго царства.* *Ада*, сирѣчь.

Ст. 39. *Коснувся горамъ.* Царь Давидъ, въ псалмѣ говоритъ: *Коснувся горамъ и дымятся.*

II. Основаніе сей пѣсни взято изъ Евангелія и изъ Горація. Чудно, сколь межъ собою Спаситель и римскій стихотворецъ согласьсуются въ совѣтѣ о отложеніи лишнихъ попеченій, и сколь отъ того разгласныя заключенія производятъ. Смотри въ Святомъ Евангеліи отъ Матѳея гл. 6, ст. 28 и отъ Луки гл. 12, ст. 27, да Гораціеву оду 9, книги I.

Ст. 1. *Видишь, Никито.* Ода сія писана къ князю Никитѣ Юрьвичу Трубецкому, пріятелю нашего стихотворца. Горацій свою начинаетъ:

Vides, ut alta stet nive candidum
Soracte.

А въ Евангеліи чтемъ: *Воззрите на птицы небесныя* и проч.

Ст. 5. *Лилію въ полѣ видишь.* Лилія, кринъ сельный. Сія послѣдняя рѣчь была бы лучше, но нужда мѣры и риѳмы понудила употребить слово украинское.

Ст. 6. *Царь мудрый Сіона.* Сирѣчь, Соломонъ премудрый.

Ст. 8 по 12. *Ты голосъ закона,* и проч. Ты, внушая себѣ голосъ того закона, который природа самая отъ вѣкъ тебѣ въ сердце вло-

жила и слово въ плоти (сирѣчь Спасителя) потомъ утвердилъ, къ тому одному прилежи, что честно и благо, бѣгая всякаго злаго дѣла.

Ст. 13 по 16. *О прочемъ помыслъ.* О прочемъ попеченіе оставь всемогущему Богу, который устремляетъ изъ облакъ грозные перуны и который силенъ обратить въ пріятное ведро бурю, дышущую гибель.

Permitte divis caetera: qui simul
Stravere ventos aequore fervido
Depraeliantes; nec cupressi,
Nec veteres agitantur alni.

Ст. 17. *Что завтра будетъ, искать не трудися.*

Quid sit futurum cras, fuge quaerare: et
Quem sors dierum cunque dabit, lucro
Apponne.

Ст. 20. *Вышне наслѣдство жадая.* Ищите царство небесное.

Ст. 21. *Властелинъ міра.* Богъ, сирѣчь, нужду твою знаетъ.

III. Въ сей пѣсни стихотворецъ описываетъ злобно лукаваго человѣка. Сочиннена въ 1735 году.

Ст. 4. *Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.* Подъ лицомъ и словами пріятными таится злоба. Такъ Виргилій сказалъ:

— Fugite, o pueri, frigidus latet anguis in herba.

Ст. 12. *Забывать умѣетъ.* Службу, сирѣчь, ему показанную, забывать умѣетъ. Таковы суть люди неблагодарные.

Ст. 21. *Ни сѣдина честна, ни святость сана.* Т. е. ни старость, ни чинъ освященной особы.

Ст. 22. *Ни слабость пола.* Женскаго, сирѣчь.

Ст. 27. *Божіе имя щадитъ.* Счастливъ тотъ, кто ему незнакомъ; всѣхъ хулитъ и пересуждаетъ; и Богу одному для того только щадитъ, что онъ Бога не знаетъ. Подражаніе съ надгробнаго надписанія италіанскаго стихотворца Аретина:

Qui giace, Aretin Poëta Tosco;
Disse di tutti mal for che di Christo,
Scusandosi con dir nol nosco.

То есть:

Здѣсь лежитъ Аретинъ, тосканскій стихотворецъ,
Который всѣхъ злословилъ, кромѣ о Христѣ,
Тѣмъ извиняяся, что его не знаетъ.

IV. Въ сей пѣсни стихотворецъ описуетъ мудрости начало, преуспѣяніе въ разныхъ народахъ и временахъ до нашихъ вѣковъ, и пользу, которую отъ нея родъ человѣческъ получилъ. Именемъ мудрости разумѣетъ всѣ науки и художества, наипаче же нравоученіе, которое прежнихъ мудролюбцевъ было лучшее и по достоинству обуче-

ніе. Основа сей пѣсни въ началѣ занята изъ Лукіанова разговору, подъ именемъ *Бѣглецы*, въ которомъ Аполлонъ, Юпитеръ и Любомудріе собесѣдуютъ. Выпишу здѣсь оное мѣсто, по которому всей пѣсни разумѣніе будетъ удобнѣе:

Любомудріе (говоритъ Юпитеру). «Когда ты усмотрѣлъ, что міръ исполненъ прелестію и неправдою, соболѣзновалъ ты объ немъ и послалъ ты меня, чтобъ отмѣнить въ лучшее человѣковъ скотское житіе, ибо, если ты не забылъ, сказалъ ты мнѣ: Видишь, дочь моя любимая, въ какое состояніе люди пришли чрезъ ихъ невѣжество и «злобу; сойди къ нимъ, понеже ты одна можешь прогнать ихъ прегрѣшеніе и исцѣлить ихъ.»

Юпитеръ. «Помню, что нѣчто подобное я тебѣ говорилъ; да разскажи мнѣ, какъ они тебя приняли, и что потомъ съ тобой сдѣлали.»

Любомудріе. «Съ самаго начала не хотѣла пойти прямо къ грекамъ. Пришла я въ началѣ къ индѣйцамъ, великому народу, который я, съ слоновъ сведши, заставила меня слушать: и весь языкъ «брахмановъ, смежнымъ некреямъ и оксидракамъ, приняли мою науку. Вышедши изъ Индіи, пришла я въ Еѳіопію, и отсуду къ египтянамъ, гдѣ я научила ихъ священниковъ и пророковъ богослуженію. «Потомъ я перешла въ Вавилонъ, чтобъ наставить халдеевъ и волхвовъ; потомъ въ Скиѳію, откуду возвращаяся чрезъ Ѳракію, свиданіе имѣла съ Евмельпомъ и Орфеемъ, и послала ихъ предъ собою «въ Грецію, повелѣвъ первому научить грековъ моимъ таинамъ, а «второму наставить ихъ въ музыкѣ. Недолго спустя, я и сама за «ними слѣдовала, но по прибытіи моемъ въ Грецію, приняли меня «ни худо, ни изрядно, однакожъ современемъ я добыла себѣ седмь «мудрецовъ.»

Ст. 1. *Уже довольно лучшій путь не зная.* Грубый человѣкъ, не наставленъ къ благонравію, не просвѣщенъ вышнею мудростію, въ темнотѣ блудитъ, не зная сыскать надежную дорогу, и потому впадаетъ въ пропасти и встрѣчаетъ свою гибель.

Ст. 5. *Въ бездны страшны.* Страшныя бездны суть, въ теченіе житія, злочинства, въ которыя впадаемъ.

Ст. тотъ же. *Несмѣлыя ноги.* Одно благоразсудство надежно насъ ведетъ въ житіи и потому, ему слѣдуя, идемъ смѣло; безумный всегда торопокъ, все ему опасно, всего боится.

Ст. 6 и 7. *Спаслися не многи, коимъ простерши.* Пока Богъ просвѣтилъ мудростію родъ человѣческій, заблуждалъ онъ въ житіи, и пали многіе въ бездны злочинствъ; немноги спаслися не по своему произволу, но ненарочно; счастье имъ руку подало и отъ опасной дороги отвело.

Ст. 9. *Должну отдалило муку.* Счастье отвело ихъ отъ злочинствъ

и спасло ихъ должнаго имъ наказанія. Злочинствамъ наказаніе, если и медлитъ, неотмѣнно слѣдуетъ; по меньшей мѣрѣ раскаяніе бываетъ неизбѣжно.

Ст. 21. *Честнымъ ушамъ*. Сирѣчь, тѣмъ людямъ, кои безпристрастно, съ прилежаніемъ слушаютъ.

Ст. 26. *Зракъ твой*. Къ мудрости говоритъ стихотворецъ.

Ст. 31, 32 и 33. *Народы ближны некреямъ*. *Индіанцы* сирѣчь, понеже къ краю востока поселены; а въ ихъ землѣ течетъ рѣка Гангъ и Индъ. *Некреи* и *оксидраки* народы такожде индѣйскіе. Смотри Бодрановъ Лексиконъ Географическій.

Ст. 36. *Твого*. Вмѣсто *твоего*, чрезъ сокращеніе

Ст. 37. *Еѳіопъ*. Чрезъ сокращеніе, вмѣсто *еѳіоповъ, араповъ*.

Ст. 38 и 39. *И плодоносный Нилъ, что наводняетъ* и проч. Сроднымъ порядкомъ слова такъ бы лежать должны: «*и царство, богатствомъ славное, славное дѣлами, что* (вм. *которое*) *плодоносный Нилъ наводняетъ, ощущаетъ пользу твоихъ законовъ*». О царствѣ египетскомъ говоритъ, чрезъ которое Нилъ рѣка къ его особливому благополучію, течетъ.

Ст. 42. *Но къ небу смѣлый летъ свой нудитъ*. Къ познанію, сирѣчь, Божества умъ свой возвышаетъ.

Ст. 47. *Дикіе скиѳы*. Татаре, сирѣчь.

Ст. тотъ же. *И ѳраки суровы*. *Ѳракія*, великая провинція въ Европѣ, нынѣ *Романія*, въ которой лежитъ Константинополь. Древле ѳраковъ народы за жесточайшихъ и суровѣйшихъ почиталися.

Ст. 50. *Седмью введена друзьями*. Знаменитыхъ седмь греческихъ мудрецовъ тѣмъ означаетъ. Смотри примѣч. подъ ст. 176, сат. I.

Ст. 51. *И вдругъ взрасла сила*. Кто греческую исторію читалъ, знаетъ, въ какую силу аѳинейцы и лакедемоны пришли способомъ наукъ и художествъ. Малыя общеправительства съ удачею воевали противъ сильныхъ царей персидскихъ.

Ст. 53. *Народъ, владѣтель міра*. Римскій народъ.

Ст. тотъ же. *Далъ судъ труденъ*. Народъ римскій такъ въ военныхъ дѣйствахъ и въ наукахъ учинился славенъ, что трудно судить, въ которомъ изъ двухъ больше преуспѣлъ.

Ст. 58. *Презрѣнна варваръ отъ сѣвера сила*. По раздѣленіи римской имперіи на восточный и западный престолъ, въ обоихъ съ науками, такъ добродѣтели, какъ и мужество и сила унывать стали, и напослѣдокъ сѣверные народы, каковы вандалы, готѳы и французы, опровергнули престолъ западный, на котораго обломкахъ основалася держава папская, германская, французская и иныя; а потомъ, турки (народъ, котораго начало отъ каспійскаго моря пограничныхъ произошло и по тому еще сѣвернымъ назвать можно) опрокинули престолъ восточный взятіемъ Константинополя.

Ст. 61. *Была та гибель нашего причина счастья.* Взятіе Константинополя причиною было, что въ XV вѣкѣ науки въ Европѣ возобновилися, ибо нѣкоторые изъ греческихъ ученыхъ людей, при такомъ несчастіи, оставя отечество свое, убѣжали въ Италію, гдѣ приняты съ особливою ласкою и щедротою отъ *Лоренца Медика*, названнаго *великимъ и отцемъ наукъ*, который тогда былъ начальнѣйшимъ правителемъ республики флорентинской и котораго потомки учинилися великими князьями тосканскими.

Ст. 62. *Десница врачей.* Рука *медиковъ*, вышепомянутаго и его наслѣдниковъ. Medicus — латинское слово, по русски *врачъ*, *докторъ*.

Ст. 63. *Бѣжаша богина.* Мудрость, сирѣчь. Подъ лицомъ мудрости ученыхъ греческихъ людей означаетъ, о которыхъ выше сего говорено. *Богина* вмѣсто *богиня* за нужду риѳмы.

Ст. 64. *И ужъ возсіяло Европѣ цѣлой.* Когда въ Италіи науки уже завелися, то по малу и въ прочихъ европейскихъ народахъ, во Францію, Германію, Англію, даже и до сѣверныхъ краевъ распространились.

Ст. 67. *Обильна.* Всегда о мудрости говоритъ.

Ст. 70. *Нѣмо суевѣрство.* Первый плодъ наукъ познаніе Бога и правильное ему почитаніе. Извѣстно, что до возобновленія наукъ въ Европѣ суевѣрство чуть было не подавило истинное христіанство. Наука, прогнавъ обманъ, глаза людямъ открыла.

Ст. 74. *Въ войну идемъ стройны.* Чрезъ наставленія, отъ наукъ получаемыя, полки наши искусно строимъ и противъ непріятеля ведемъ изряднымъ порядкомъ.

Ст. 76. *Вѣнцы съ побѣды рукъ принять.* Одержать надъ непріятелемъ побѣду.

Ст. 77. *Мѣдныя всходятъ въ рукахъ нашихъ стѣны.* Чрезъ искусство утвержденія крѣпостей, созидаемъ столь крѣпкіе городы, что можно сказать, что стѣны ихъ мѣдныя. Часто стихотворцы латинскіе *мѣдными* и *желѣзными* называютъ стѣны крѣпкія.

Ст. 78. *И огнь различны чувствуетъ премѣны.* Искусствомъ различно употребляютъ огонь пороховой противъ непріятеля, и наступательно, и къ своей защитѣ.

Ст. 79. *Зевсовы нашихъ не чуднѣе руки.* *Зевсомъ* греки Юпитера называютъ, бога, по баснословію язычниковъ, главнѣйшаго, изъ котораго рукъ молнія и перунъ происходить сказываютъ.

Ст. 80. *Пылаемъ съ громомъ молнія жестока.* Тѣмъ руки Зевсовы нашихъ не чуднѣе, что и мы, по изобрѣтеніи огненнаго ружья и искусства рукодѣльныхъ огней, кажемся изъ нашихъ рукъ молніи и громъ посылать.

Ст. 81. *Трясемъ, роемъ землю.* Чрезъ подкопы, въ которыхъ уложенный порохъ землю ужасно подрываетъ.

Ст. тотъ же. *И бурю и звуки.* Таково есть дѣйство пороха, который изъ пушекъ, изъ бомбъ и изъ подкоповъ выходя, гремитъ и помрачаетъ свѣтъ въ глазахъ нашихъ.

Ст. 83 и 84. *Вѣтры и пространныхъ морь воды* и проч. Правимъ вѣтры и дерзостно, безъ всякой опасности топчемъ (вмѣсто *преплываемъ*) ужасныя воды пространныхъ морь. Польза, которую намъ искусство мореплаванія доставило.

Ст. 85 и 86. *Бездны ужасны водъ преплывъ* и проч. Преплывъ ужасное море океанское, доходимъ (или находимъ) Америку, новый міръ, отъ нашего отдѣленный чрезъ многіе вѣки; извѣстно, что Христофоръ Колумбусъ Америку изобрѣлъ въ 1492-мъ году.

Ст. 87. *Въ воздухъ, въ свѣтила, на край неба всходимъ.* Помочію физики и астрономіи, которыя въ нашихъ вѣкахъ въ гораздо лучшее совершенство приведены.

Ст. 88. *И путь и силу числимъ скоротечныхъ тѣлесъ.* Числимъ дорогу и силу взаимную небесныхъ тѣлесъ, каковы суть планеты, звѣзды неподвижныя и кометы. Новые астрономы въ томъ дивную удачу имѣли, и наипаче въ томъ преуспѣлъ англичанинъ Ньютонъ.

Ст. 89. *Лучъ солнца дѣлимъ въ цвѣтны части.* Если въ темной горницѣ впустить лучъ солнца чрезъ малую скважину на требочное стекло, которое обыкновенно *призмою*, а у насъ *райкомъ* называютъ, лучъ тотъ, преломяся, раздѣлится на семь другихъ лучей, изъ которыхъ одинъ фіалковый, другой пурпуровый, третій голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестый рудожелтый, седьмой красный. Сіе явленіе первый усмотрѣлъ и изслѣдовалъ вышепомянутый знаменитый аглинской философъ Ньютонъ.

VIII. ПИСЬМА.

ПИСЬМО I.

КЪ КНЯЗЮ

НИКИТѢ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ.

—

Беллоны чàсто видѣвъ, не блѣднѣя,
Уста кровàвы и пламень суровый,
И чело мнòгимъ покрыто имѣя
Листомъ побѣднымъ, я чаялъ, ты новый
Началъ родъ жѝзни; я чаялъ, ты, спѣлый
Плодъ многовѝдныхъ трудовъ собирая,
Въ покоѣ прàвишь крайніе предѣлы
Пространна цàрства, что вблизи Китая.
Слава другу̀ю теперь вѣсть мнѣ трубитъ;
Слышу, что ну̀жны труды твои судитъ
Матерь нарòдовъ, коихъ она любитъ,
Сколько её Богъ, и бдѣть тебя нудитъ,
Чтобъ чинъ и прàвда цвѣла въ пользу люду,
И въ судѣ стрàсти вѣски не качали;
Чтобъ былъ обѝдчикъ слабъ себѣ въ остуду,
И слезы бѣдныхъ на землю не пали.
Нудитъ пріятно, кто въ путь правой славы
Ввлекаетъ слàвы любителя иста.
Сколько отрàды сулятъ твои нравы
Честны и тѝхи! сколько твоя чиста
Совѣсть сулѝтъ тѣмъ, коихъ утѣсняя
Нападокъ, ну̀жда, и ябедъ навѣты,
Съ зарею вставши, печально зѣвая,
Слѣпой дѣвѝцы ждутъ косны отвѣты!
Въ общей я пòльзѣ собственную чаю.
Когда столѝчный градъ ты обитаешь,
Чаще, надèжнѣй твои ожидаю
Письма и вѣсти, буде еще чаешь
Меня достòйнымъ другомъ твоимъ зваться.

И такъ довольно терпѣлъ я урону;
Косно безъ нихъ мнѣ скудны дни течь мнятся,
Какъ попамъ праздникъ безъ пиру, безъ звону.

ПИСЬМО II.

КЪ СТИХАМЪ СВОИМЪ.

Скученъ вамъ, стихи мои, ящикъ, десять цѣлыхъ
Гдѣ вы лѣтъ тоскуете въ тѣни за ключами!
Жадно воли просите, льстите себѣ сами,
Что приметъ весело васъ всякъ гостей веселыхъ,
И взлюбитъ, свою ища пользу и забаву;
Что многу и вамъ и мнѣ достанете славу.
Жадно волю просите, и ваши докуки
Нудятъ меня дозволять то, что вредно знаю
Намъ будетъ; и не хотя вотъ ужъ дозволяю
Свободу. Когда изъ рукъ пойдете ужъ въ руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноту, и что себѣ лишно вы ласкали.
Славы жадность, знаю я, многимъ носъ разбила;
Пока въ васъ цвѣтъ новости лестной не увянетъ,
Народъ, всегда къ новости лакомъ, честь васъ станетъ
И умнымъ понравится голой правды сила.
Палъ ли тотъ цвѣтъ? больша часть чтецовъ ужъ присудитъ,
Что продерзостный мой умъ въ васъ безпутно блудитъ.
Безстройнымъ злословіемъ назовутъ васъ смѣло,
Хоть гораздо разнится злословіе гнусно
Отъ стиховъ, кои злой нравъ пятнаютъ искусно,
Злонравнаго храня имя весьма цѣло.
Меня межъ бодливыми причислятъ быками;
Мало кто склоненъ смотрѣть чистыми глазами.
Другіе, что въ такомъ я трудѣ упражнялся,
Ни возрасту своему приличномъ, ни чину,
Хулить станутъ; годенъ всякъ къ похулкѣ причину
Сыскать, и не пощадятъ того, кто старался

Прочихъ похулкй открыть. Станете напрасно
Вы внушать, и доводить слогомъ своимъ ясно,
Что молодыхъ лѣтъ плоды вы не ущербили
Ни малой мнѣ къ дѣламъ чàсъ важнѣйшимъ и нужнымъ;
Что должность моя всегдà нашла мя досужнымъ;
Что полезны иногдà подобные были
Людямъ стихи. Лишной чàсъ, скажутъ, имѣть трудно,
И стихи писать всегдà дѣло безрасудно.
Зависть, васъ пошевелй, найдетъ, что я новыхъ
И древнихъ окралъ творцòвъ, и что вру по русски
То, что̀ по римски давно̀, ужъ и по французски
Сказано красивѣе. Не чудно съ готовыхъ
Стиховъ, частъ, здрàваго согласно съ закономъ
Смысла, мѣрны двѣ строкй кончить тѣмъ же звономъ.
Когда ужъ изсàленнымъ время ваше пройдетъ,
Подъ пылью, мольямъ на кòрмъ кинуты, забыты
Гнусно лежать стàнете, въ одинъ свертокъ свиты
Иль съ Бовою, иль съ Ершòмъ; и наконецъ дойдетъ
(Буде пророчества дỳхъ служитъ мнѣ хоть мало)
Вамъ рокъ обвертѣть собòй иль икру, иль сало.
Узнаете вы тогдà, что поздно ужъ сѣти
Боится рыбка, когдà въ сѣть ужè попалась;
Что, сколь ни сладка своя̀ воля имъ казалась,
Не безъ вреда своегò презираютъ дѣти
Совѣты отцòвскіе. Въ рѣчахъ вы признайте
Послѣднихъ моихъ любòвь къ вàмъ мою. Прощайте.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой въ польской и турецкой войнѣ упражнялся съ 1732-го по 1739 годъ въ должности генералъ-маіора и генералъ-кригсъ-коммисара. По объявленіи мира, въ 1740, пожалованъ кавалеромъ святаго Александра и назначенъ губернаторомъ сибирскимъ; но потомъ Ея Императорское Величество, отмѣнивъ ту резолюцію, пожаловала его тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ. Стихотворецъ нашъ, о томъ увѣдомясь и сорадуяся благополучію друга своего, писалъ къ нему письмо сіе изъ Парижа 9-го октября 1740.

Ст. 1. *Беллоны видѣвъ*. Т. е. часто въ войнахъ присутствовавъ. *Беллона*, богиня войны.

Ст. 3 и 4. *И чело многимъ листомъ побѣднымъ*. И будучи вѣнчанъ

многими побѣдосными вѣнцами; ибо съ самаго начала польской войны до окончанія турецкой, войско россійское непрестанно побѣды надъ непріятелемъ одержало. *Листъ* вмѣсто вѣнца употребленъ подражая Горацію (Письмо 19, кн. I, ст. 26):

At ne me foliis ideo brevioribus ornes.

Ст. 4 и 5. *Новый родъ началъ жизни.* Оставя военную и отправляя уже губернаторскую.

Ст. 8. *Царства, что вблизи Китая.* Сибирское царство китайскому смежно.

Ст. 11. *Матеръ народовъ.* Императрица Анна.

Ст. 13. *Чтобъ чинъ и правда.* Отъ сего стиха по 17-й описана должность генералъ-прокурора.

Ст. 23. *Слѣпой дѣвицы.* Стихотворцы судъ изображаютъ въ лицѣ жены, у которой въ рукахъ вѣски, и глаза перевязаны, показывая тѣмъ что судьи не должны взирать на лица тѣхъ, коихъ судятъ, но правду чинить равномѣрно сильному, какъ слабому, убогому, какъ богатому.

Ст. 30. *И такъ довольно.* Во все время войны, за отсутствіемъ князя Трубецкаго, стихотворецъ нашъ отъ него писемъ не получалъ и писать къ нему не могъ въ такомъ дальномъ разстояніи, не вѣдая, гдѣ онъ находился.

II. Письмо сіе сочинено въ Парижѣ, въ началѣ 1743 году, въ подражаніе 20 письма Гораціева, книги I. Имѣя стихотворецъ нашъ издать свои сочиненія, чаялъ нужно оправдать себя предъ тѣми, кои хотѣли бы его осудить, что упражнялся въ сочиненіи стиховъ, которое упражненіе нѣкоторымъ можетъ показаться маловажно, и мало пристойно человѣку нарочитаго степени и зрѣлаго возраста; и что, не могучи удержаться стихи писать, избралъ родъ стиховъ бодливый, каковы суть сатиры. На тѣ два обличенія отвѣтствуетъ въ письмѣ семъ, показывая, что стихи онъ писалъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и въ лишныхъ часахъ, и что сатиры должно отличать отъ злословія, понеже тѣхъ намѣреніе клонится къ обличенію злонравія, а не злонравнаго, и слѣдовательно если пользу не принесутъ, вредить никому не могутъ.

Ст. 1 и 2. *Десять лѣтъ цѣлыхъ тоскуете въ тѣни.* Десять цѣлыхъ лѣтъ лежите скрыты и народу неизвѣстны. Первыя пять сатиръ и большая часть басней, пѣсней и эпиграммъ сочинены въ 1729 и 1730 году, сирѣчь, когда еще стихотворцу не исполнилось 21 годъ.

Ст. 4. *Гостей веселыхъ.* Для того веселыхъ, что сатиры требуютъ слогъ забавный.

Ст. 10. *Когда изъ рукъ пойдете.* Когда, будучи изданы, выйдете въ люди и начнете изъ рукъ въ руки переходить.

Ст. 11 и 12. *Сносить не знамы темноту.* Темноту ящика, въ которомъ вы до сихъ поръ лежали, знакомы двумъ или тремъ только пріятелямъ.

Ст. 14. *Пока въ васъ цвѣтъ новости.* Честь васъ станутъ, когда вы выйдете въ народъ, для того что народъ жаденъ къ всякой новизнѣ; но когда будете вызнаны, осудятъ меня и пр.

Ст. 16. *И умнымъ понравитеся.* Умнымъ людямъ понравится содержимая въ васъ правда, хоть она гола, сирѣчь, не украшена слогомъ красивымъ.

Ст. 19. *Безстройнымъ злословіемъ назовутъ.* Безстройнымъ, сирѣчь, такимъ, въ которомъ ни чину, ни украсы, ни забавы, не находится.

Ст. 23. *Меня бодливымъ причислятъ быкамъ.* Сирѣчь, почитать меня будутъ злобнымъ человѣкомъ, который безъ разбору вредить всякому ищетъ, какъ бодливый быкъ. Поводъ сему стиху подали слѣдующіе Гораціевы, кн. 1, сат. IV:

Foenus habet in cornu, longe fuge, dummodo risum
Excutiat, non hic cuiquam parcet amico.

Ст. 24. *Мало кто склоненъ.* Для того меня всякъ почтетъ бодливымъ быкомъ, что мало кто склоненъ собою изслѣдовать дѣйства и намѣреніе человѣка. Кто нибудь скажетъ, что мои стихи суть безстройное злословіе, по тѣмъ рѣчамъ тотчасъ прочіе злословнымъ меня присудятъ. *Чистыми глазами*, т. е. безъ пристрастія, безъ предосужденія.

Ст. 30. *Доводить слогомъ своимъ.* Напрасно самый вашъ слогъ неисправный доказывать станетъ, что вы сочинены въ молодыхъ лѣтахъ; будутъ упрямо осуждать, что человѣкъ въ 32 года стихи пишетъ, примѣчая теперешной его возрастъ, а не тотъ, въ которомъ они впрямъ писаны.

Ст. 33. *Нашла мя досужнымъ.* Нашла меня должность всегда готовымъ упражняться въ томъ, что она предписываетъ; когда дѣло нужное настояло, отлагалъ стихи на сторону.

Ст. 34 и 35. *Полезны иногда подобные были людямъ стихи.* Для того, что къ исправленію нравовъ служили. Въ самомъ дѣлѣ пересмѣшка злонравія есть лучшій способъ къ исправленію.

Ст. 35. *Лишній часъ, скажутъ, имѣть трудно.* Жизнь человѣческая столь коротка, что многимъ кажется, что впрямъ когда кто какую должность имѣетъ, лишныхъ часовъ ему не остается; но если подробно изслѣдуемъ, сколько времени теряемъ напрасно въ чрезмѣрномъ снѣ, въ обѣдъ и въ ужину и наипаче въ медленности начать дѣло, узнаемъ, что много бъ времени къ всякимъ упражненіямъ намъ оставалось, еслибъ оное умѣли мы употреблять. Къ тому если кто на всякой день четверть одну часа (которую не трудно изъ цѣлыхъ сутокъ себѣ спасти) употребитъ въ письмѣ, произойдетъ отъ того малаго труда въ годъ не малая книга. Безпрерывный трудъ, сколь ни маловременен, весьма споръ.

Ст. 37. *Зависть васъ пошевеля найдетъ.* Завистливые люди, строго васъ испытавъ, скажутъ, что я окралъ старыхъ и новыхъ творцовъ, и только что ихъ стихи съ одного языка на другой перекладъ. Обыкновенно такимъ людямъ уничтожать чужой трудъ, хотя сами за него

приняться или не смѣютъ или, принявся, мало удачливы бываютъ Нашъ стихотворецъ, правда, много занялъ у латинскихъ стихотворцевъ Горація, Персія и Ювенала, и у французскаго Боало, какъ самъ то не утаилъ въ сатирѣ своей четвертой; но если кто тѣ мѣста у нихъ взятыя сличитъ съ первоначальникомъ, легко узнаетъ, что не голо они переведены.

Ст. 40. *Не чудно съ готовыхъ стиховъ чаетъ* и проч. Завистъ чаетъ, что не диковинка изъ готовымъ стиховъ составлять стихи, стихи рвемою, и въ которыхъ бы здравое разсужденіе содержалося.

Ст. 41. *Согласно съ закономъ смысла.* Сирѣчь, составлять стихи, въ которыхъ можно бы найти складъ и знаки смысла здраваго.

Ст. 42. *Мѣрны двѣ строки кончить.* Всякій стихъ состоитъ въ одной строкѣ, которая имѣть должна нѣкое извѣстное число сѣченій и слоговъ. Русскій стихъ сочинять можно отъ 13 до 4 слоговъ. Если два стиха кончатся извѣстнымъ числомъ подобныхъ слоговъ, то они писаны рнемою. Я чаю, что можно стихамъ быть не некрасивымъ и безъ рнемы. Впрочемъ, собою явно, что подобные слоги въ концѣ двухъ стиховъ, сирѣчь рнема, производитъ въ ухѣ подобный звонъ.

Ст. 43. *Изсаленнымъ.* Каковы бываютъ тетради, которыя чрезъ многія руки перешли. *Время ваше*, то есть, время ваше счастливое, въ которомъ еще цвѣтъ новости вашей не опалъ.

Ст. 46. *Иль съ Бовою, иль съ Ершомъ.* Двѣ весьма презрительныя рукописныя повѣсти о Бовѣ королевичѣ и о Ершѣ рыбѣ, которыя на Спасскомъ мосту съ другими столь же плохими сочиненіями обыкновенно продаются.

Ст. 48. *Обвертѣть собой иль икру, иль сало.* Не столько вы, стихи, подъ пылью лежать станете и забыты останетесь, какъ Бова королевичъ иль Ершъ; но напослѣдокъ и то станется, что станутъ въ васъ завертывать икру или сало, какъ въ негодную бумагу.

IX. БАСНИ.

БАСНЬ I.

ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАНЪ.

---

1 Искусный въ дѣлѣ своемъ восколей, прилежно
Трудився, излилъ болванъ, все выразивъ нѣжно
Въ немъ уды, части, власы, такъ что живо тѣло

Болванчика того быть всякъ бы сказалъ смѣло.
Окончавъ все, не умно забылъ отдалити
Болванъ отъ огня, гдѣ воскъ случилось топити.
Осягъ жаръ пламени воскъ, расползлося тѣло
Болванчика; пропалъ трудъ, пропало все дѣло.

—

Кто дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшаетъ,
Отдалять, и что вредитъ, искоренять скоро;
Безъ того дѣло его не можетъ быть споро.

БАСНЬ II.

ПЧЕЛЬНАЯ МАТКА И ЗМѢЯ.

—

Змѣя, къ пчельной на цвѣткѣ подкравшися маткѣ,
И подражая льстецовъ прегнусной повадкѣ,
Скучными стала взносить ее похвалами,
Славя въ ней силу, красу надъ всѣми пчелами,
Добрый чинъ, въ комъ подданный народъ держать знаетъ
И пользу, что отъ трудовъ ея получаетъ
Все племя пчелъ, и весь свѣтъ. Потомъ же склоняя
Къ цѣли своей хитру рѣчь: «Заслуга такая
Въ вѣки бъ, де, могла твою утвердить державу,
Еслибъ было чѣмъ тебѣ щитить свою славу
И власть противъ всякаго, кто вредъ твой желаетъ,
Но беззлобіе твое злобныхъ ободряетъ
Сердца, видя, что тебѣ Богъ давъ пчелъ корону,
Собственну противъ враговъ не далъ оборону.
Всѣ скоты могутъ вредить, и отмщать досады,
Ты безопасность свою отъ ихъ ждешь пощады.
Взыди въ небо къ Іовишу испросить ти жала;
Никому такъ, какъ царю, лютость не пристала.»
Простерши крыла, пчела отъ звѣря лукавна
Отлетѣла, сказавъ: «Рѣчь мнѣ твоя не нравна.
«Отъ внѣшнихъ враговъ щитятъ меня мои дѣти;

«Внутреннихъ любовь къ моймъ не дастъ мнѣ явити.
«Изрядно жъ Богъ въ образъ мнѣ царямъ хотѣлъ дати,
«Чтобъ, будучи дòбрыми, какъ злымъ быть, не умѣти.»

—

Злы совѣты прàвящимъ подъ небомъ народы
Бѣгать должно, и добрымъ, не злымъ быть съ природы.

БАСНЬ III.

ВЕРБЛЮДЪ И ЛИСИЦА.

—

Увидѣвъ верблюдъ козлà, кой окруженъ псами,
Храбро себя защищàлъ противъ всѣхъ рогàми,
Завистью тотчасъ вспылàлъ. Смутенъ, безпокоенъ
Въ себѣ ворчалъ идучи: «Мнѣ ли рокъ пристоенъ
«Такъ бѣдный? Я ли, что цàрь скотовъ могу зваться,
«Украсы роговъ на лбу̀ вытерплю лишаться?
«Сколь тѣми бы возраслà еще моя слава!»
Въ такихъ углублѐнному помыслахъ, лукава
Встрѣлась лисица, и вдру̀гъ остра примѣчаетъ
Въ немъ печаль егò, вину тому знать желаетъ,
Всю возможную сулитъ ревностну услугу.
Верблюдъ подробно все ѐй изъяснилъ, какъ другу.
«Подлинно, сказала тà, одними ты скуденъ
«Рогами, да знаю въ тòмъ способъ я нетру̀денъ.
«Въ ближнемъ, что видишь, лѣсу̀ нору близъ дороги
«Найдешь; въ нее гòлову всунувъ, тотчасъ роги
«На лбу будутъ, малый стрàхъ претерпѣвъ безъ раны.
«Тамъ свои берутъ быки, козлы, и бараны.»
Лестный былъ ея совѣтъ; левъ жилъ въ норѣ хищный;
Да въ головѣ, что рогà ищетъ, умъ нелишный.
Верблюдъ скокомъ побѣжàлъ въ лѣсъ, чтобъ достать скору
Пользу, въ нору гòлову всунулъ безъ разбору;
Радъ добычи левъ, тотчàсъ въ гостя уцѣпился,

Съ ушьми былъ тогда верблюдъ, въ нихъ ногтьми влѣпилcя.
Тянетъ левъ, узналъ верблюдъ прелесть, стало больно;
Деретъ изъ щели главу, та идетъ не вольно.
Нужно было, голову чтобъ вытянуть здраву,
И уши тамъ потерять, не наживъ рогъ славу.

—

Славолюбцы! васъ поютъ, о васъ басни дѣло:
Верблюжее нанялъ а для украсы тѣло.
Кто древо, какъ говорятъ, не по себѣ рубитъ,
Тотъ, большова не доставъ, малое погубитъ.

БАСНЬ IV.

ЯСТРЕБЪ, ПАВЛИНЪ И СОВА.

—

Говорятъ, что нѣкогда птичій воевода
Убитъ бывъ, на его чинъ изъ воздушна рода
Трое у царя орла милости просили;
Ястребъ, сова и павлинъ, и всѣ приносили,
Чтобъ правость просьбы явить, правильны доводы.
Ястребъ храбрость представлялъ и многіе годы,
Въ которыхъ службы на ся военной несъ бремя;
Сова сулила не спать вѣкъ въ ночное время;
Павлинъ хвасталъ перьями и хвостомъ пригожимъ.
Кто, мнишь, казался царю въ воеводскъ чинъ гожимъ?
Сова; ястребу отказъ, отказъ и павлину.
Орелъ, своего суда изъяснивъ причину,
Сказалъ, что ястребь хоть храбръ, хоть и многи лѣты
Въ военной службѣ служилъ, достойно примѣты
Ничего не учинилъ; почему ужъ мало
И впредь плода ожидать; въ комъ бо славы жало
Съ младыхъ лѣтъ не дѣйствуетъ, сѣдина безплодна;
Что павлину перья такъ, какъ и гордость, сродна;
А сова нравомъ тиха, ссоръ она напрасно
Не ищетъ, знаетъ себя защищать согласно
Своимъ силамъ, когда кто вредить ей желаетъ;

Недремно та бодрствуетъ, пока уныватетъ
Прочее племя во снѣ. Таковъ воевода
Годенъ къ безопасности цѣлаго народа.

БАСНЬ V.

ГОРОДСКАЯ И ПОЛЕВАЯ МЫШЬ.

Издавна въ дружбѣ къ себѣ вѣрною познанну,
Градскую нѣкогда мышь полевая въ гости
Зазвала въ убогую нору непространну,
Гдѣ безъ всякой пышности, отъ воздуха злости
Щитяся, вела вѣкъ свой въ тишинѣ покойный.
Мохъ одинъ около стѣнъ, на полу солома
Составляла весь уборъ хозяйкѣ пристойный;
Въ лѣто собранный запасъ щель, лишь ей знакома,
Къ умѣренну корму ей тутъ же сокрывая.
Таровата для гостя крупы и горохи,
И оглоданный кусокъ отъ окорка края
И подноситъ черствые ему хлѣба крохи,
Разнствомъ яствъ пріятнѣе обѣдъ учинити
Желая; но гордымъ той зубомъ, пожимаясь,
Того, другого кусиетъ, и невкусно быти
Все находитъ; а бѣдна хозяйка, стараясь,
Гостю пищу лучшую собя угодити,
Ѣстъ сама вялый ячмень и гнилу мякину.
Напослѣдокъ онъ такъ къ ней началъ говорити:
«Никакъ я, дружокъ, дознать не могу причину,
«Для чего ты на горахъ пустыхъ межъ лѣсами
«Жить избрала, и людей обществу любезну,
«И городовъ красотѣ, обильныхъ сластями,
«Такъ бѣдную предпочла жизнь и неполезну?
«Оставь, повѣрь мнѣ, твое жилище, такъ дико
«И мнѣ слѣдуй: всякому животну земному
«Земной рокъ палъ, и хотя мало, хоть велико,
«Неизбѣжную смерть ждетъ, всякому знакому.
«Для того, можно пока, отложивъ все бремя

«И печалей и суѐтъ, живи наслаждаясь
«Міра вещьми, и помнй, сколь коротко время
«Жизни твоей, на всякъ чàсъ къ концу приближаясь.»
Лестны дрўжины слова̀ не трудно склонили
Мышь лѣсную, и тотчàсъ изъ норы легонько
Выскочивъ, въ намѣренный обѣ путь вступили,
Въ темный часъ въ городъ войтй имѣя тихонько.
Средину неба ужъ нòчь самую обняла,
Когда̀ обѣимъ былъ вхòдъ въ огромны палаты,
Златотканна гдѣ парча̀ обильно блистала
На кроватяхъ костяныхъ; останки богаты
Гдѣ пышной вчера̀шнія ужины храненны
Въ многихъ зрились кòшницахъ. Тогда полевую
Гостью уложивъ на тѣ парчи позлащенны,
Гражданка бѣжитъ, тащйтъ то ту, то другую
И подноситъ ла̀кому ѣству, прикушая
Сама прежде, какъ слугй всѣ звыкли чинити.
Поселянка, на златыхъ себя растягая
Коврахъ, радость всю въ себѣ не можетъ вмѣстити
Въ счастья премѣнѣ такòй: пируетъ обильно,
Веселымъ другу себя̀ гостемъ являть ищетъ.
Когда̀ вдругъ у дверей стўкъ, поднявшійся сильно,
Обѣихъ съ ложа согна̀лъ. По комнатѣ рыщетъ
Безъ ума, въ дрожи, въ потў, одна за другою;
Еще страхъ удвòился, когда зазвучали
Крикомъ меделянскихъ псòвъ своды. Ужъ съ душою
Въ зубахъ, лѣсная тогда̀ другу, что съ печали,
Съ стыда и страха подня̀ть чуть голову можетъ,
«Нѣтъ, такая, говорйтъ, жизнь мнѣ неугодна:
«Предъ тобой въ лѣсу, въ щели, хоть корку зубъ гложетъ,
«Отъ навѣтовъ я живў въ покоѣ свободна.»

—

Степень высòка, богатство бываютъ
Безъ бѣды рѣдко, всегда безпокойны.
Кои довòльны въ тишинѣ быть знаютъ
Малымъ, тѣ зва̀ться умными достойны.

———

БАСНЬ VI.

ЧИЖЪ И СНИГИРЬ.

—

Языкъ одинъ и лицо̀ къ премѣнамъ удобно:
Человѣку—по̀добныхъ себѣ уловляти
Посредство довольно ѐсть; но тожъ не способно
Прочи животны ловитъ, коихъ засыпляти
Не можетъ сладкая рѣчь, ни смѣшокъ притворный:
Тенета, и нѐводы, и верши, и сѣти
И сило вымыслилъ ўмъ, къ вреду имъ проворный.

—

Чижу нѣкогда туда̀ съ снигиремъ летѣти
Случилось, гдѣ па̀губны волоски разставилъ
Ловецъ, навѣты прикрывъ свои коноплями.
Мимо тотчасъ чижикъ своѝ быстрый летъ направилъ,
Кой недавно убѣжа̀въ изъ клѣтки, бѣдами
Своими искусъ имѣлъ, что клевать опасно
Зерны тѣ, и снигирю летѣть за собою
Совѣтовалъ, говоря̀: «Не звыкли напрасно
«Люди кидать на̀ поле чистою душою
«Свое добро; въ конопля̀хъ бѣды берегися.
«Я недавно, лакомъ са̀мъ, увязилъ въ нихъ ноги,
«И чуть вольность не сгубилъ на вѣки. Учися
«Моимъ страхомъ быть умѐнъ; лежатъ вездѣ многи
«Зёрна, хоть вкусны не сто̀ль, да меньше опасны.»
Улыбнувшися, снигирь сказалъ: «Мое брюхо
«Не набито, какъ твоѐ, и безъ дѣйства красны
«Проходятъ голо̀дному изъ уха сквозь ухо
«Твои рѣчи, коихъ цѣль, чтобъ тебѣ остался
«Одному кормъ» Вымолвивъ, на зерна пустился,
И два клюнуть не успѣвъ, въ сило запутался.
Напрасно ногу тащилъ, и взлетѣть трудился:
Узелъ злобный вя̀жется, сколь тянутъ сильнѣе,
И ловецъ пришедъ, въ клѣти затворилъ, гдѣ бѣдный—
Жалостна дѣтямъ игра̀—дни въ два, несытнѣе,
Чѣмъ въ полѣ былъ, испустилъ съ духомъ гласъ послѣдній.

—

Баснь насъ учитъ слѣдовать искусныхъ совѣту,
Если хотимъ избѣжать бѣды и навѣту.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Слѣдующія басни составлены въ подражаніе Езоповымъ. Первыя 4 писаны въ Москвѣ въ началѣ 1731 года. Приличнѣе показалося такія сочиненія назвать *баснями*, чѣмъ *притчами*, ибо по гречески *притчи* paroimiai, а Езоповы басни modoi названы.

Ст. 1. *Восколей*. Восковаго дѣлъ мастеръ; тотъ, сирѣчь, кто изъ воску обращики льетъ или лѣпитъ.

Ст. 2. *Изливъ болванъ*. То, что вливъ обращикъ.

Ст. 7. *Осялъ жаръ*. *Жаръ* тутъ въ именит. падежѣ, *воскъ* въ винительномъ.

Ст. Тотъ же. *Расползлося*. Растопилося.

II. Ст. 7. *Все племя пчелъ и весь свѣтъ*. Племя пчелъ, чрезъ мудрое ея правленіе; весь свѣтъ — чрезъ медъ, который въ ульяхъ собирается.

Ст. 13. *Давъ пчелъ корону*. То есть, право или власть царскую надъ пчелами. Извѣстно, что матка пчелъ въ ульѣ главнѣйшаго начальника должность исправляетъ, имѣя они межъ собою нѣкакой боразъ гражданскаго правленія, которое столь искусно описалъ Виргилій въ своихъ *земледѣльныхъ*.

Ст. 14. *Не далъ оборону*. Примѣчено, что матка пчелъ не имѣетъ жала.

Ст. 17. *Къ Іовишу*. Іовишъ или Юпитеръ, по баснословію древнихъ, начальнѣйшій богъ. См. примѣч. подъ ст. 386, сат. V.

Ст. 21. *Мои дѣти*. Подданный мой народъ, пчелы мои.

Ст. 25. *Подъ Небомъ*. Подъ Богомъ.

III. Ст. 7. *Сколь тѣми*. Сколько славы прибавилось бы мнѣ, если бъ я еще и рогами былъ украшенъ.

Ст. 17. *Претерпѣвъ безъ раны*. Безъ всякаго вреда.

Ст. 21. *Чтобъ доставитъ скору пользу*. Чтобъ доставить себѣ желаемые рога.

IV. Ст. 1. *Воевода*. Начальникъ войска, фельдмаршалъ.

Ст. 2. *Изъ воздушнаго рода*. Изъ птицъ, сирѣчь, понеже воздухъ обитаютъ.

Ст. 16. *Славы жало*. Славы любовь, склонность та, которая насъ къ трудамъ ободряетъ, въ надеждѣ полученія чрезъ нихъ себѣ славнаго имени.

Ст. 17. *Сѣдина безплодна*. Старость не лучшій плодъ принесетъ.

Ст. 18. *Что павлину перья такъ, какъ и гордость, сродна*. Что

перья павлину никакого достоинства не придаютъ, понеже они др природы, а не трудами своими добыты. Къ тому жъ та безъ трудовъ отъ самой своей природы данная ему красота его гордымъ дѣлаетъ. Симъ стихомъ стихотворецъ означаетъ дворянъ спѣсивыхъ, которые, кромѣ своего знатнаго имени, которая украса имъ отъ предковъ доставлена никакого собственнаго достоинства не имѣютъ.

Ст. 22. *Недремно та бодрствуетъ, пока унываетъ.* Не туды совѣтъ клонится, чтобъ народа начальникамъ ночь не спать, но чтобъ бодрствовать о благосостояніи народномъ гораздо больше своихъ подчиненныхъ.

V. Сія басня переведена въ Лондонѣ въ 1738 г. изъ Гораціевой въ сат. VI, книги II, который ее занялъ у Езопа, хотя въ нынѣшнемъ собраніи Езоповыхъ притчъ не находится.

Ст. 4. *Отъ воздуха злости.* Какъ напримѣръ, отъ дождя, отъ снѣга, града и прочихъ безпокойствъ, которымъ подлежатъ тѣ, что живутъ не подъ крышкою.

Ст. 12. *И подноситъ черствыя.* Порядочное расположеніе словъ сіе быть должно: *и черствыя крохи хлѣба ему подноситъ.*

Ст. 14. *Гордымъ зубомъ пожимаясь, того, другого куснетъ.* Tangentis male singula dente superbo. Изрядно симъ стихомъ изображена нѣжность и прихотливость городской мыши, которая, къ лакомымъ ѣствамъ пріобыкши, грубую пищу ѣсть гнушается.

Ст. 27. *Земной рокъ намъ.* Слѣдующія рѣчи толкуютъ, что рокъ тотъ есть общій, сирѣчь смертнымъ быть.

Ст. 31. *Міра вещьми.* Забавами, сластьми сего свѣта.

Ст. 37. *Средину неба ужъ ночь саму обняла.* То есть, уже полночь была, понеже тогда ночь самую неба половину обнимаетъ.

Ст. 46. *Какъ слуги всѣ звыкли чинити.* Обычайно слугамъ прикушивать все, что хозяевамъ на столъ подаютъ, лакомствомъ побуждены.

Ст. 53. *Въ дрожи, въ поту.* Часто случается въ великомъ страхѣ потѣть и дрожать отъ стужи.

Ст. 55. *Своды.* Значитъ весь домъ, хотя въ самомъ дѣлѣ голосъ наипаче въ сводахъ отдается.

Ст. 59. *Хоть корку зубъ гложетъ.* Хоть я ѣмъ корку сухую.

Ст. 63. *Тѣ, что довольны* и проч. Порядокъ словъ есть слѣдующій: тѣ, что знаютъ быть довольны малымъ, тѣ лишь достойны умными зваться.

VI. Ст. 1. *Лицо къ премѣнамъ удобно.* Лицо, которое притворяться умѣетъ, отмѣняяся то въ смѣхъ, то въ печаль, по состоянію того кого обмануть ищетъ.

Ст. 2. *Подобныхъ тебѣ.* Сирѣчь людей.

Ст. 4. *Засыпляти.* Льстить услаждать, сильно.

Ст. 7. *Умъ къ вреду имъ проворный.* Умъ человѣческій, который проворенъ или искусенъ къ вреду животныхъ.

Ст. 9. *Пагубны волоски*. Сирѣчь, *силки*, которые обыкновенно изъ конскихъ волосъ дѣлаются.

Ст. 11. *Быстрый летъ направилъ*. Полетѣлъ.

Ст. 12. *Что*. Вмѣсто *для того что*.

Ст. 18. *Лакомъ самъ*. Самъ, такъ какъ ты, бывъ лакомъ тѣ зерна клевать.

Ст. 25. *Коихъ цѣль*. Коихъ намѣреніе.

Ст. тотъ же и 26. *Чтобъ тебѣ остался одному кормъ*. Снигирь тутъ изъясняетъ чижу подозрѣніе свое, дая знать, что для того сей ему совѣтуетъ не клевать тѣ конопли, что про себя одного ихъ беречь ищетъ. Обыкновенно мнѣніе упрямыхъ людей, которымъ всѣ дружескіе совѣты кажутся подозрительны.

Ст. 29. *Узелъ злобный*. Узелъ силка.

Ст. 30. *Затворилъ*. Разумѣется снигиря.

Ст. 31. *Жалостна дѣтямъ игра*. Дѣтямъ ловца того — снигирь жалостна бывъ игрушка.

Ст. 32. *Испустилъ съ духомъ гласъ послѣдній*. Умеръ, сирѣчь.

Ст. 33. *Слѣдовать искусныхъ совѣту*. Слѣдовать совѣтамъ искусныхъ людей, кои сирѣчь дѣло, о которомъ совѣтуютъ, лучше разумѣютъ и чрезъ собственный искусъ всѣ его слѣдствія знаютъ.

X. ЭПИГРАММЫ.

I. НА САМОЛЮБЦА.

1 Наставляетъ всѣхъ Клеàндръ, и всѣхъ нрáвы судитъ:
Тотъ спѣсивъ, тотъ въ суетàхъ мысли свои нудитъ;
Другой въ законѣ не твѣрдъ, и соблазны вводитъ,
И науки нòвостью въ старый адъ нисходитъ.—
5 Наведи и на себя̀, Клеандръ, зорки очи,
Не безъ порока и ты̀; скажу, нѣтъ ужъ мочи:
Самолю̀бецъ ты, Клеàндръ; всѣ кромѣ тя знаютъ,
Слѣпецъ какъ ведетъ слѣпцà, въ яму упадаютъ.

II. НА ИКОНУ СВЯТАГО ПЕТРА.

«Что съ ключемъ, Петре, стоѝшь?»—Хочу впустить дѣти
Восточныя церкви въ рàй. «А что въ папски сѣти
Впали, будутъ ли онѝ стоять за дверями?»
— Есть, есть у нихъ свой ключàрь; войдутъ тѣ и сами.

III. НА БРУТА.

Уменъ ты, Бруте, порýкъ тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глýпъ. Какъ то можетъ статься?
Изрядно и, какъ я мню̀, могу догадаться:
Уменъ ты молча; а глýпъ, какъ говорить станешь.

IV. НА СТАРУХУ ЛИДУ.

На что Друзъ Лиду берѐтъ? дряхла ужъ и сѣда,
Съ трудомъ ножку воробья̀ сгрызетъ въ полобѣда.
Къ старинѣ охотникъ Дрýзъ, въ томъ забаву ставитъ;
Лидой медалей число̀ собранныхъ прибавитъ.

V. О ПРИХОТЛИВОМЪ ЖЕНИХѢ.

Гораздо прихотливъ ты̀, дружокъ мой Эраздо.
Всѣ дѣвки наши за тя̀ сватались безстудно;
А ты сѣдъ и не жена̀тъ: выбрать было трудно.
Та стара, та не умна̀, та рода не славна,
Та не красна, та гола̀, та не добронравна;
Всѣ не годны. Прихотли̇̀въ ты, другъ мой, гораздо.

VI. ХРОНОСТИЧЕСКАЯ НА КОРОНАЦІЮ ПЕТРА II.

Петръ прія свыше крѣпку власть на люди
Вѣнчаньемъ. Тво̀рче, помощь крѣпка буди.

VII. КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ САТИРЪ.

Въ обществѣ все пи̇̀сано, имена не ваши;
Чтите убо бѐзъ-гнѣву сіи стихи наши.
А буде не нравенъ сло̀гъ, что вамъ досаждаетъ,
Смѣните нравъ, то сати̇̀ръ не васъ осмѣваетъ.

VIII. НА ЛЕАНДРА, ЛЮБИТЕЛЯ ЧАСОВЪ.

Пять стѣнныхъ, пять столовы̀хъ, и столькожъ карманныхъ
Имѣетъ Леандръ часо̀въ; въ трудахъ несказанныхъ

Вѣкъ за ними возится, заводя и правя,
И то взадъ, то напередъ по теченью ставя
Солнца стрѣлки. Съ тѣхъ трудовъ кой плодъ получаетъ?
Никто въ городѣ, кой часъ, лучше его знаетъ.

IX. НА ГОРДОСТЬ НОВАГО ДВОРЯНИНА.

Въ великомъ числѣ вельможъ Сильванъ всѣхъ глупѣе,
Не богатѣй, не старѣй, дѣломъ не славнѣе;
Для чего же, когда имъ кланяются люди,
Кланяются и онѝ; Сильванъ одинъ, груди
Напяливъ, хотя кивнуть головой лѣнится?
Кувшинъ съ молокомъ сронить еще онъ боится.

X. (НА ЕЗОПА).

Хотя тѣломъ непригожъ, да ловокъ умишкомъ,
Что съ-лица недостаетъ, то внутрѣ залишкомъ.
Горбатъ, брюхатъ, шепетливъ, ножечки какъ крюки,
Гнусно на меня смотрѣть, а слышать нѣтъ скуки;
Самъ я, весь будучи кривъ, правду похваляю;
Не прямъ будучи, прямо все говорить знаю;
И хоть тѣло справить мнѣ было невозможно,
Много думъ исправилъ я, уча правду ложно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Сія эпиграмма содержитъ описаніе человѣка самолюбиваго, который всѣхъ, кромѣ своихъ, дѣла хулитъ. Писана, какъ и слѣдующія, кромѣ двухъ послѣднихъ *), въ Москвѣ 1730 года.

Ст. 8. *Слѣпецъ какъ ведетъ*. Когда слѣпецъ ведетъ слѣпца, оба упадутъ въ яму, такъ когда злонравный злонравнаго наставляетъ, оба гибели не избѣгнутъ.

II. Ст. 2. *А что въ папски сѣти впали*. Паписты, т. е. принадлежащіе къ римской церкви.

Ст. 4. *Свой ключарь*. Папа римскій называется наслѣдникомъ святаго Петра, которому одному изъ апостоловъ, по мнѣнію церкви римской, власть отъ Христа дана рѣшить и вязать грѣхи; для того папа ключи въ своемъ гербѣ употребляетъ.

*) Т. е. VIII и IX, ибо X не было въ изданіи 1762 г. Она взята изъ рукописи Публичной Библіотеки.

III. Ст. 1. *Порукъ тому счесть устанешь*. Всѣ тебя, Бруте, умнымъ признаваютъ, всѣ о томъ какъ бы ручиться готовы.

IV. Ст. 1. *Лиду беретъ*. Въ жену беретъ, женится на Лидѣ.

Ст. 2. *Съ трудомъ ножку воробья*. За слабостью, или за тѣмъ, что всѣ зубы выпали съ старости.

Ст. 4. *Лидой медалей число собранныхъ прибавитъ*. Медалями называютъ старинныя деньги. Многіе охотники собираютъ такія медали и то не безъ пользы, понеже къ изъясненію хронологіи много споможествуютъ. Стихотворецъ нашъ Лиду старуху приуподобляетъ стариннымъ деньгамъ.

VI. Въ сей эпиграммѣ только примѣтнаго, что сложивъ литеры перваго стиха, которыя число какое знаменуютъ (и кои нарочно крупно писаны), произведутъ перечень 1728 — число года, въ которомъ императоръ Петръ II царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ. Такой стихъ обыкновенно называется *хроностихъ*.

Ст. 1. *Прія свыше* и проч. Пріялъ отъ Бога власть самодержавную надъ народомъ, вѣнчаньемъ царскаго вѣнца и мѵропомазаніемъ.

Ст. 2. *Творче помози* и проч. О Творче, будь ему сильная помощь въ его предвосприятіяхъ. Молитва стихотворца къ Богу о императорѣ.

VII. Ст. 1. *Имена не ваши*. Всѣ имена, употребленныя въ сатирахъ, суть вымышленныя, а не тѣхъ, коихъ сатирикъ обличаетъ.

Ст. 4. *Смѣните нравъ, то сатиръ* и проч. Имена утаени, одни злонравія сатирикъ осуждаетъ; потому ежели вы тѣ злонравія оставите, ежели нравъ свой перемѣните, уже обличеніе то васъ не касается, уже сатирикъ не вамъ смѣется.

VIII. Сей эпиграммой осмѣвается человѣкъ, который на маловажномъ дѣлѣ много труда полагаетъ. *Леандръ* весь день возится за 15-ю часами; изъ всего того попеченія, со всѣхъ тѣхъ трудовъ только пользы получаетъ, что во всемъ городѣ онъ всѣхъ лучше знаетъ, который часъ било.

IX. Ст. 5. *Хотя кивнуть*. Хоть малый поклонъ учинить, хоть немножко голову приклонить.

Ст. 6. *Кувшинъ съ молокомъ сронить еще онъ боится*. Для разумѣнія сей эпиграммы нужно вѣдать, что *Сильванъ*, прежде чѣмъ въ люди вышелъ, торговалъ молокомъ, самъ оное по улицамъ продая. Обыкновенно такіе люди молоко носятъ въ большихъ кувшинахъ на головѣ, для того не могутъ тогда кланяться, опасаясь сронить кувшинъ и пролить молоко. Слѣд. симъ стихомъ стихотворецъ искусно напоминаетъ подлое состояніе Сильваново, изобличая вдругъ его непристойную спѣсь.

ПЕРЕВОДЫ ВЪ СТИХАХЪ.

ИЗВѢСТІЕ НАБОРЩИКУ.

1. Предисловіе и жизнь Анакреонтову должно печатати крупными буквами и еще лучше косыми.

2. Стихи должно отличить отъ примѣчаній крупнѣйшими буквами.

3. Примѣчаніи должно печатати на низу страницы, вмѣщая всякое примѣчаніе подъ стихомъ, къ которому оно принадлежитъ.

4. Все то, что въ примѣчаніяхъ писано крупными словами, должно печатати косыми, чтобъ отличити отъ прочаго.

5. Строки, которыя подчеркнуты или сбоку двѣмя запятыми отмѣчены, должно печатати косыми словами.

6. Знакъ § значитъ, что надлежало бъ писать съ заглавія.

АНАКРЕОНТА ТІЕЙЦА

ПѢСНИ СЪ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРЕВЕДЕНЫ И ПОТРЕБНЫМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ ИЗЪЯСНЕНЫ ТРУДАМИ

КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА.

въ лондонѣ 1736 году.

Елисаветѣ Первой Августѣйшей Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской, истинной родительскихъ добродѣтелей подражательницѣ, и потому не менше славы россійской распространительницѣ, чѣмъ покровительницѣ наукъ великодушной, сей свой трудокъ нижайше приноситъ и посвящаетъ Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Анакреонтовы пѣсни, которыя у древнихъ были въ великомъ почтеніи, не меньшее въ нашемъ вѣкѣ заслужили, какъ скоро ихъ Генрихъ Стефанъ печатнымъ тисненіемъ свѣту показалъ. — Всѣхъ почти народовъ читатели согласно неподражаему простоту и острыя притомъ выдумки усмотрѣли въ семъ сочиненіи стараго греческаго стихотворца, для чего многіе переводы сихъ пѣсенъ на разныхъ языкахъ сочинены. Такое общее о Анакреонтѣ доброе мнѣніе побудило меня сообщить его и нашему народу чрезъ русской переводъ. Старался я въ семъ трудѣ сколь можно болѣе его простотѣ слѣдовать; стихи безъ риѳмъ употребилъ, чтобъ можно было ближе

оригинала (подлинника *) держаться; и слѣдовалъ тексту греческому изданія госпожи Дасьеръ. Употреблялъ нѣкогда и другія два изданія, а именно Барнесово отъ 1721 году да Матерово отъ (*пропущено*) году, оба лондонской печати и всѣхъ трехъ переводами и изъясненіями не мало пользовался. Читатели судить будутъ о удачѣ моей, извиняя неисправности трудностію дѣла.

АНАКРЕОНТОВА ЖИЗНЬ.

Родился Анакреонтъ въ Тіе городѣ Іоніи, греческой провинціи; жилъ и прославился въ времена Кира и Камбиса около 500 лѣтъ прежде Рождества Христова. О имени отца его неизвѣстно, понеже Свида пишетъ, что одни называютъ его *Евмеліемъ*, другіе *Евиоиніемъ*, а иные *Пароеніемъ* или *Аристокритомъ*; однакожъ изъ Платоновыхъ словъ вѣдаемъ, что Анакреонъ былъ высокаго рожденія, ибо Платонъ сказываетъ его роднею Солона, котораго отецъ былъ изъ стараго поколѣнья Кодра короля, а мать двоюродна сестра Писистрату, Аѳинейскому князю. Поликратъ тиранъ (или начальникъ) острова Самоса и помянутый Писистратъ въ великомъ почтеніи имѣли Анакреонта и понеже къ тому жъ Платонъ славный философъ объ немъ съ похвалою говоритъ, мудрецомъ его называя, сумнѣнія не остается, что онъ былъ человѣкъ гораздо знаменитый въ своя времена; оставшіяся его пѣсни однѣ заслужили ему славное имя при нынѣшнихъ временахъ, какъ и у древнихъ, но большая часть его сочиненій до насъ не дошла.—Хотя изъ помянутыхъ пѣсней должно бы признать, что Анакреонтъ былъ пьяница и прохладнаго житья человѣкъ, однакожъ противное изъ многихъ писателей старинныхъ усматриваемъ, почему нужно думать, что веселой его нравъ къ такимъ сочиненіямъ причину подалъ. Пожилъ Анакреонъ 85 лѣтъ и умеръ, какъ сказываютъ, удавленъ виноградпымъ зерномъ, которое въ горлѣ остановилось. **)

---

*) Приписано сбоку.

**) Послѣ этого въ рукописи слѣдуетъ оглавленіе или «*таблица пѣсенъ Анакреонтовыхъ*».

АНАКРЕОНТОВЫ ПѢСНИ.

---

1. О СВОИХЪ ГУСЛЯХЪ.

Хочу я Атридовъ пѣть, *)
Я и Кадма пѣть хочу,
Да струнами гусль моя
Любовь лишь одну звучитъ.
Недавно я той струны
И гусль саму премѣнилъ:
Я запѣлъ Ираклевъ бой,
Въ гусли любовь отдалась,
Инъ прощай богатыри,
Гусль однѣ любви поетъ.

I. Въ сей пѣсни, которая предисловіемъ къ слѣдующимъ служитъ, Анакреонтъ хотѣлъ изобразить, что онъ искалъ отстать отъ сочиненія любовныхъ пѣсенъ и прилежать къ чему важнѣйшему, но природная склонность его къ тому не допустила.

Ст. 1. *Атридовъ пѣть*. Въ Греческомъ стоитъ: *Атридовъ сказывать*, что у грековъ и латиновъ то жъ значитъ, что и *Атридовъ пѣть*, понеже слово *сказывать* въ высокомъ слогѣ за *пѣніе* у нихъ употребляется. *Атриды* суть Агамемнонъ и Менелай, которыхъ Омиръ и другіе сказываютъ сыновьями Атрея. Именемъ *Атридовъ* Анакреонтъ тутъ разумѣетъ троянскую войну.

Ст. 2. *Кадма пѣть*. *Кадмусъ* былъ сынъ Агеноровъ, братъ Европинъ, король и по мнѣнію нѣкоторыхъ основатель ѳивейскаго города. Анакреонтъ въ семъ стихѣ именемъ *Кадма* означаетъ Ѳивейскую войну.

Ст. 3. *Гусль моя*. Гусль и гусли равно въ русскомъ употребительны; въ греческомъ стоитъ barbitos, у древнихъ орудіе муссикійское, намъ неизвѣстное.

Ст. 5 и 6. *Струны и гусль саму премѣнилъ*. Древніе стихотворцы, когда намѣрялися что ни есть новое или чрезвычайное пѣть, говаривали, что *новыя струны натянули на свою лиру* или что *лиру перемѣнили*.

Ст. 7. *Ираклевъ бой*. *Ираклій*, той же что *Геркулесъ*, сынъ Юпитеровъ и Алкмены, Амфитріоновой жены, славенъ въ басняхъ древнихъ своею чрезвычайною силою и своими чудными дѣлами. Приписуютъ ему искорененіе многихъ ужасныхъ звѣрей и разбойниковъ и снитіе въ адъ, откуду треглавнаго цебера вытащилъ.

Ст. 8. *Отдалась*. *Отозвалась*, какъ бываетъ въ лѣсу, въ сводахъ и въ другихъ звонкихъ мѣстахъ.

Ст. 9. *Прощай* вмѣсто *прощайте*, часто и многимъ говоря, въ простомъ реченіи употребительно.

---

*) Удареніе въ каждомъ стихѣ должно падать на послѣдній слогъ.

2. О ЖЕНАХЪ.

Природа быкамъ рога, *)
Копыто дала конямъ,
Зайцамъ ноги быстрыя,
Львамъ свирѣпы челюсти,
Рыбамъ плавать искусство
Птицамъ удобность летать,
Мужамъ разсужденіе.
Женамъ дала-ль что? дала!
Что жъ такое? красоту,
Вмѣсто всякаго ружья,
Вмѣсто всякаго щита:
Красавица бо и огнь
И желѣзо побѣдитъ.

3. О ЛЮБВИ.

Нѣкогда, въ часы полночны,
Когда медвѣдь ужъ вертѣться
Началъ подъ рукой Воота,
Человѣковъ же вси роди
Спятъ, утомлены трудами,
Любовь, пришедъ къ моимъ дверямъ,
Громко сталъ у нихъ стучаться.
«Кто стучитъ тамъ?» закричалъ я:
«И сну моему мѣшаетъ?»
«Отвори,» Любовь сказалъ мнѣ

II. Ст. 4. *Свирѣпы челюсти.* Въ греческомъ стоитъ: пропасть зубовъ.

Ст. 5. *Женамъ далаль что.* Въ семъ стихѣ слѣдовалъ я Матерову переводу, который благоразсудно къ вопросу *было ль что дать женамъ* прибавляетъ *было*, чѣмъ намѣреніе Анакреонтово гораздо лучше изъясняется. Въ греческомъ слово отъ слова стоитъ: *Женамъ уже не имѣла. Что убо дала? Красоту.*

III. Ст. 2. и 3. *Когда медвѣдь ужъ вертѣться началъ подъ рукой Воота.* Медвѣдемъ астрономы называютъ констелляцію (т. е. собраніе нѣскольнихъ звѣздъ) ближну къ сѣверному полусу, изъ седми главнѣйшихъ звѣздъ составленну и у насъ *Лосемъ* называему, которой слѣдуетъ другая констелляція, у грековъ *Воотъ* или *Арктофилоксъ*, т. е. *Медвѣдостражъ* именуема.

Ст. 7. *Сталъ стучаться.—Любовь* есть имя женскаго полу, потому надлежало бы говорить *стала стучаться,* да здѣсь *любовь* значитъ *купидона*, бога любви, и потому мужеска полу.

---

*) Удареніе на пятомъ или на седьмомъ слогѣ.

«Младенецъ я есмь; не бойся.
«Весь обмоклъ въ безлунной ночи;
«Съ пути бѣдной заблудился.»
Сжалился я, то услышавъ,
И свѣчу тотчасъ зажегши,
Отворилъ; и вижу, правда,
Крылата младенца съ лукомъ
И съ тулом ь стрѣлъ за плечами.
Посадивъ къ огню, я началъ
Въ ладоняхъ грѣть его руки
И съ волосъ отирать воду.
Онъ, какъ скоро лишь нагрѣлся,
«Дай отвѣдать», говорилъ мнѣ,
«Не вредилась ли водою
«Тетива моего лука.»
Натянувъ же, той язвилъ мя
Какъ оса прямо средь сердца,
Потомъ захохотавъ сильно,
Вскакалъ,—«Не тужи, хозяинъ,»
Сказавъ, «лукъ мой есть невреденъ,
«Да ты будешь болѣть сердцемъ».

4. О БЕЗПЕЧНОМЪ ЖИТИИ.

На мягкихъ молодыхъ миртахъ,
На трилистникѣ зеленомъ
Протянувся, хочу пити.
Любовь, платье подвязавши
Тесемкою за плечами,

Ст. 15. *Свѣчу зажегши*. Въ греческомъ стоитъ *лампаду*. Госпожа Дасіеръ подъ симъ стихомъ примѣчаетъ, что первые самые греки не употребляли лампадъ, но лучины, которыя на высокихъ мѣстахъ поставляли. Но нѣсколько времени послѣ Омира стали имѣть лампады. Я *свѣчу* употребилъ въ своемъ переводѣ за нужду мѣры.

Ст. 27. *Средь сердца*. Въ греческомъ стоитъ *средь печени*, понеже тамъ греки поставляли любви начало: «какъ сердце есть обиталище гнѣва, и голова—разума, такъ желанія (или любви) печень» (Евстафій листъ 1700, строка 8).

IV. Ст. 2. *На трилистникѣ зеленомъ*. Въ греческомъ стоитъ *на лотныхъ травахъ*. Лотосъ у грековъ называлась трава нѣкая пахучая, гораздо подобна нашему трилистнику.

Ст. 5. *Тесемкою*. Въ греческомъ стоитъ *папиромъ*. *Папиръ* есть зеліе, которое ростетъ въ болотахъ египетскихъ и изъ котораго корки древніе дѣловали полотно и тесемки, или маленькія связки.

Вино пусть онъ мнѣ подноситъ;
Какъ колесо бо тележно,
Быстро бѣжитъ жизни время,
И малъ прахъ мы всѣ бываемъ,
Когда кости расползутся,
Къ чему жъ благовоннымъ мүромъ
Мазать гробъ мой и напрасно
Въ землю лить драгіе дары?
Меня лучше, пока живъ я,
Мажь, и шипками вѣнчавъ мя,
Приведи мнѣ красну дѣвку,
Любовь! прежде нежель сниду
Къ подземнымъ умершихъ танцамъ,
Здѣсь хочу разбитѣ я мысли.

5. О ШИПКѢ.

Шипокъ, любви посвященный,
Смѣшаемъ съ Бахусомъ вмѣстѣ,

Ст. 7. *Тележно.* Вмѣсто *тележное.*

Ст. 9 и 10. *И малъ прахъ мы всѣ бываемъ, когда кости расползутся.* Т. е. по смерти, когда кости наши сгніютъ, то мы всѣ претворяемся въ малый прахъ, въ пепелъ, въ нивочто. Горацій такимъ же образомъ говоритъ:

Nos ubi decidimus quo Tullus dives et Ancus
Pulvis et umbra sumus.

«Когда мы спадемъ туды, гдѣ находится Туллусъ богатый и Анкусъ (наши древніе цари), бываемъ прахъ и тѣнь.»

Ст. 11 и 12. *Миромъ мазать гробъ .... дары.* Обычай былъ у древнихъ не только на тѣло, но и на гробы умершихъ лить благовонные духи или миры и приносить жертвы, въ которыхъ драгоцѣнныя вещи проливали при гробахъ. Анакреонъ говоритъ, что напрасно такіе убытки дѣлаются, понеже по мнѣнію Публія Сира, «кто мертвому даритъ ему ничего не даетъ, а себѣ отъимаетъ.»

Mortuo qui mittit munus, nil dat illi, adimit sibi.

Ст. 17. *Любовь.* Въ звательномъ падежѣ, понеже Анакреонъ съ любовью говоритъ.

Ст. 18. *Къ подземнымъ умершихъ танцамъ.* Древніе думали, что блаженныя души въ поляхъ елисейскихъ забавляются танцами, скаканіемъ на коняхъ и другими въ временной жизни употребляемыми забавами.

Ст. 19. *Разбить мысли.* Т. е. веселиться.

V. Ст. 2. *Смѣшаемъ съ Бахусомъ.* Бахусъ сынъ Юпитеровъ и Семелея, Кадмусовой дочери, у древнихъ почитанъ за бога пьянства и вина. Потому въ сихъ двухъ стихахъ Анакреонъ говоритъ, что надобно украшеніе розъ, которыя любви посвящены, мѣшать вмѣстѣ съ питьемъ.

Чело шипкомъ краснолистнымъ
Украсивши, пить мы станемъ,
Веселящеся забавно.
Шипокъ всѣхъ цвѣтовъ краснѣйшій,
Весны попеченье шипокъ!
Шипки и богамъ пріятны,
Шипками и сынъ Киѳиры
Вѣнчаетъ златыя кудри,
Съ благодатьми когда пляшетъ:
Инъ вѣнчай и меня тѣми,
Бахусе! а я на гусляхъ
Играть стану въ твоихъ храмѣхъ
И съ кругло-грудными дѣвки
Шипковыми я вѣнцами
Вѣнчанъ, танцы водить буду.

6. О ЗАБАВНОМЪ ПИРУ.

Шипковыми чело наше
Украсивше мы вѣнцами,

Ст. 3. *краснолистнымъ*. Т. е. который имѣетъ пригожіе листы.

Ст. 5. *Веселящеся забавно*. Въ греческомъ стоитъ *смъяся нъжно*. Отъ сего и другихъ многихъ мѣстъ въ древнихъ авторахъ примѣтить можно, что межъ ними пированія отправлялися съ весьма искусными и пріятными забавами.

Ст. 7. *Весны попеченье шипокъ*. Анакреонъ называетъ розу *попеченіемъ весны*, какъ бы весна все свое прилежаніе употребляла въ украшеніи сего цвѣта. Греки надъ всѣми цвѣтами розу почитали.

Ст. 9. *Сынъ Киѳиры*, т. е. *Купидо* богъ любви, ибо *Киѳира*, таже что и *Венера* богиня и матерь любви. См. примѣч. ст. 34 пѣсни 58.

Ст. 11. *Съ благодатьми*. Благодати по гречески charitais, суть богини древнихъ отъ свиты Венериной. См. примѣч. подъ ст. 8 пѣсни 41.

Ст. 14. *Въ твоихъ храмахъ*. Въ греческомъ стоитъ въ твоихъ *оградахъ* или, лучше сказать, въ предхраміяхъ.

Ст. 15. *И съ круглогрудными дъвки*. Греческое слово *глубокогрудная* значитъ, по мнѣнію госпожи Дассіеръ, *высока, хорошаго стана*. Я отважилъ новое слово *круглогрудная*, которое, чаю, не худо греческому соотвѣтствуетъ, понеже груди круглыя, а наипаче когда невелики и тверды, не малая суть дѣвицамъ красота.

Ст. 17. *Танцы водить буду*. Танцы у грековъ составляли часть ихъ богослуженія, ибо въ праздничные дни молодики съ дѣвками танцовывали въ храмѣхъ, играя на разныхъ мусикійскихъ орудіяхъ (инструментахъ музыкальныхъ *).

VI. Въ Анакреонтовы времена обыкновенны были такія забавы, въ ко-

---

*) Поставленное въ скобкахъ въ рукоп. зачеркнуто.

Пьючи, станемъ веселиться
Подъ звукомъ гуслей; дѣвица,
Держа трость въ рукахъ, шумящу
Листовъ зеленыхъ пучками,
Нѣжноножная танцуетъ.
Мягковласный вмѣстѣ юношъ,
Дыша духъ усты пріятный
Играетъ сладко на лютнѣ,
Громкой голосъ испуская.
Любовь же златокудрявый
Вмѣстѣ съ Бахусомъ прекраснымъ
И съ красною Любви матью]
Пріятнаго престарѣлымъ
Бога пировъ посѣщаетъ.

7. О ЛЮБВИ.

Іакинѳиннымъ стебломъ мя
Жестоко Любовь бѣжащій

торыхъ послѣ ужины, собравъ молодиковъ искусныхъ плясать и играть на какомъ муссикійскомъ орудіи, съ тою свитою гуляли по улицамъ и посѣщали господъ и бога праздниковъ, котораго *Комомъ* древніе называли. О такомъ то праздникѣ въ сей пѣсни говоритъ Анакреонтъ.

Ст. 3. *Пьючи станемъ веселиться*. Въ греческомъ стоитъ: *Станемъ пить, смѣяся нѣжно*. См. прим. подъ ст. 5, предыд. пѣсни.

Ст. 5. *Трость*. Въ греческомъ стоитъ *ѳирсъ*; палка то была, украшена разными листами, которую въ рукахъ носили отправляющіе баханальные праздники; длина ея была съ малое копье на подобіе пастушской клюки.

Ст. 10. *На лютнѣ*. Въ греческомъ стоитъ вмѣсто лютни *пиктидесъ*, муссикійское орудіе, намъ неизвѣстное; чаютъ, что лидяне были того изобрѣтатели, и что служилъ подыгрывать при *барбитонѣ*, другомъ неизвѣстномъ же орудіи, о которомъ см. примѣч. подъ ст. 5 пѣсни 1.

Ст. 11. *Громкой голосъ*. Въ греческомъ стоитъ *жидкой* или *текущій голосъ*; на нашемъ языкѣ такъ не говорятъ.

Ст. 12 *Любовь-же злотокудрявый*. Помнить надобно то, что я говорилъ о Любви въ примѣч. подъ ст. 7 пѣсни 3.

Ст. 16. *Пировъ бога посѣщаетъ*. Богъ пировъ у древнихъ *Комусъ* назывался. Изъ четырехъ послѣднихъ стиховъ видно, говоритъ госпожа Дасіеръ, что помянутые тутъ три молодики изображали своимъ уборомъ Бахуса, Венеру и Купидина, почему нужно было имъ быть въ харяхъ (маскерахъ).

VII. Намѣреніе Анакреонтово въ сей пѣсни есть показать, что любовь не всегда нужду имѣетъ въ стрѣлахъ, въ лукѣ и свѣчѣ своей, но что нагъ и безъ ружья однимъ стебелемъ цвѣтка заставляетъ повелѣніе свое исполнять.

Ст. 1. *Іакинѳинымъ стебломъ*. Іакинѳъ есть зеліе и цвѣтокъ, у насъ незнакомый, полатински называется Gladiolus и по французски le Glayeul.

Ст. 2. *Жестоко*. Нарѣчіе *жестоко* относится къ слову *понуждалъ*: Любовь бѣжащій жестоко понуждалъ и пр.

Понуждалъ за нимъ бѣжати
Чрезъ ручьи же, чрезъ дубравы
И чрезъ стремнины ужасны.
Бѣжа, змѣя мя угрызла,
И душа моя ужъ къ ноздрямъ
Приходила и ужъ къ смерти
Ближиться я было началъ,
Но Любовь, по лбу ударивъ
Меня мягкими крылами,
«Ты, сказалъ, любить не знаешь.»

8. О СВОЕМЪ СНѢ.

Сплючи нѣкогда я ночью
На кровахъ порфироцвѣтныхъ,
Виномъ крѣпко утомленный,
Грезилось мнѣ быстро бѣгать,
Съ красными дѣвки играя.
Юноши же насмѣвались,
Мнѣ пріятнѣйшіе Бакха
И всячески мя бранили
За тѣ красныя дѣвицы.
Хотѣвъ же я цѣловать ихъ,
Отъ меня всѣ съ сномъ бѣжали,

Ст. 7. и 8. *Душа моя ужъ къ ноздрямъ приходила*. Т. е. душа моя уже изъ тѣла выйти хотѣла чрезъ ноздри. Въ греческомъ стоитъ сердце, но такъ Анакреонъ какъ и другіе греческіе авторы его временъ *душу* сердцемъ называли.

Ст. 8. и 9. *И ужъ къ смерти ближиться было я началъ*. Въ греческомъ стоитъ *я угасъ бы*.

Ст. 10. *По лбу ударивъ*. Какъ обыкновенно дѣлаютъ тѣмъ, кто обмираетъ.

VIII. Ст. 2. *Порфироцвѣтныхъ*. Порфирный или пурпуровый цвѣтъ обыкновенный царскимъ епанчамъ.

Ст. 4. *Грезилось мнѣ быстро бѣгать*. Въ греческомъ стоитъ: *казалось мнѣ, что краями ногъ быстрый протягалъ я бѣгъ*, т. е. *бѣжалъ со всей мочи*, понеже когда кто скоро бѣжитъ не успѣваетъ всю ногу ставить на землю, но на однѣхъ пальцахъ опирается.

Ст. 7. *Пріятнѣйшіе*. Въ греческомъ стоитъ *мягчайшіе*; порусски такъ не говорятъ.

Ст. 11. *Съ сномъ бѣжали*. Т. е. проснулся и съ сномъ молодики съ глазъ бѣжали.

Я одинъ остався бѣдной,
Желалъ, чтобъ еще могъ спати.

9. О ГОЛУБИЦѢ.

Голубка любезная,
Отколь летаешь, отколь?
Откуду столько духовъ,
Несяся по воздуху,
И дышешь и капаешь?
Куды-же ты такъ спѣшишь?
Анакреонъ мя послалъ
Къ Ваѳиллу молодику,
Кой давно во всѣхъ сердцахъ
Властвуетъ и царствуетъ.
Кифира за малую
Пѣсню меня продала
Анакреонту, за тѣмъ
Я теперь какъ рабъ служу,
И какъ видишь, вотъ того
Письмо подъ крыломъ несу.
Обѣщалъ онъ въ кратки дни
Свободну мя учинить;
Но я, хоть онъ пуститъ мя,
При немъ рабой быть хочу.
Зачѣмъ бо мнѣ по лугамъ
Летати и по горамъ

Ст. 12. *Желалъ, чтобъ еще могъ спати.* Для того, чтобъ еще грезиться съ дѣвками и съ молодиками.

IX. Для совершеннаго разумѣнія сей пѣсни нужно вѣдать, что греки, когда отъѣзжали въ дальную дорогу бирали съ собою нѣсколько голубей, воспитанныхъ у себя, и пріѣхавъ въ намѣренное мѣсто, чтобъ въ домъ свой скорое извѣстіе подать, пускали на волю тѣ голуби съ писемцомъ, привязаннымъ подъ крыломъ. Голубь, помня гнѣздо и цыплятъ своихъ, возвращался въ домъ хозяйскій и такимъ образомъ подавалъ извѣстіе, что хозяинъ совершилъ свою ѣзду благополучно. Впрочемъ и то примѣчать надобно, что пѣсня сія писана разговоромъ между человѣкомъ и голубкою.

Ст. 3. *Столько духовъ.* Древніе мазали птицъ благовонными духами, какъ французы собачекъ мажутъ.

Ст. 8. *Къ Ваѳиллу. Ваѳиллъ,* полюбовникъ Анакреонтовъ, родомъ билъ изъ острова Самоса по свидѣтельству Гораціеву.

Non aliter samio dicunt arsisse Bathyllo Anacreonta Teium.
Такъ сказываютъ любилъ Ваѳилла самійца Анакреонъ тіеецъ.

И сидѣти на древахъ,
Питаяся дикимъ чѣмъ,
Когда теперь я ѣмъ хлѣбъ,
Который изъ самыхъ рукъ
Анакреонта щиплю,
И даетъ мнѣ пить вино,
Которое припилъ самъ?
Танцую жь напившися,
Крылами хозяина
Покрываю моего,
И какъ спать захочется,
На гусляхъ его я сплю.
Оставайся, вотъ тѣ все,
Говорливѣйшу меня
Сороки сдѣлалъ ты, другъ.

10. О ВОСКОВОМЪ КУПИДѢ.

Восковаго молодецъ
Купидина продавалъ,
Я же подошодъ спросилъ:
За сколько хочешь продать?
Дорически онъ сказалъ:
За что угодно возьми!
Но вѣдай къ тому, что я
Не рѣзчикъ восковыхъ дѣлъ,
Да жить вмѣстѣ не хочу

Ст. 37. *Сороки сдѣлалъ ты.* Пословица была у грековъ: говорливѣе вороны; у насъ чаю говорятъ: *говорунья какъ сорока.*

X. Ст. 2. *Купидина продавалъ.* Болванчикъ то былъ восковой, каковы и теперь дѣлаются.

Ст. 6. *За что угодно возьми.* Сіи два слова *(въ подлинникѣ)* суть дорическаго языка. Греческій языкъ раздѣляется на разныя нарѣчія по провинціямъ и городамъ, какъ мы видимъ въ русскомъ, что розница нѣкакая находится отъ одной провинціи до другой.

Ст. 7. *Но вѣдай къ тому, что я не рѣзчикъ.* Купецъ сей сказываетъ то Анакреонту для того, что тѣ, которые продавали невольниковъ, обязаны были объявлять похулки въ нихъ извѣстныя, а безъ того должны бы за нихъ деньги воротить, если потомъ явилося бы въ ихъ невольникахъ какое несовершенство. Потому онъ объявляетъ Анакреонту, что онъ не мастеръ того купидина и слѣдовательно, не зная всѣ его похулки, объ немъ ручаться не можетъ, но только за тѣмъ его сбыть хочетъ, что онъ купидинъ проситъ все, что ни увидитъ.

Съ всежелающимъ божкомъ.
«Инъ дай его, я сказалъ,
Красавца за драхму мнѣ;
Ты же, Купидо, меня
Нагрѣй тотчасъ, иль тебя
На пламени растоплю».

11. О СЕБѢ.

Говорятъ мнѣ женщины:
«Анакреонъ, ты ужъ старъ.
«Взявъ зеркало, посмотрись.
«Волосовъ ужъ нѣтъ надъ лбомъ.»
Я не знаю, волосы
На головѣ ль, иль сошли,
Одно только знаю то,
Что найпаче старику
Должно веселитися,
Ибо къ смерти ближе онъ.

12. О ЛАСТОВИЦѢ.

Что мнѣ сдѣлать надъ тобой,
Говорлива ластушка?
Легкія крылья твои
Хочешь ли я отстригу,
Или лучше языкъ твой,
Какъ лютый оный Тирей,

Ст. 12. *За драхму*. Драхма аттическая стоила около шести копѣекъ французскихъ, которыя мало съ русскими рознятся, понеже обыкновенно нашъ рубль стоитъ пяти ливровъ французскихъ, а во всякой ливрѣ двадцать копѣекъ.

XI. Ст. 4. *Волосовъ ужъ нѣтъ надъ лбомъ*. Въ греческомъ стоитъ: *волосовъ ужъ нѣтъ, и лобъ твой плѣшивъ*.

XII. Ст. 6. *Какъ Тирей*. *Тирей*, царь ѳраческой, сынъ Марса и нимфы Бистониды, упрошенъ женою своею *Прогнеею* (которая была дочь *Пандіона*, царя Аѳинейскаго, и *Зевксиппы*) съѣздить по ея сестру *Филомелу*, онъ Тирей такъ въ свою невѣстку влюбился, что вмѣсто того, чтобъ привесть ее къ женѣ своей, которой далъ знать, будто она умерла, заключилъ ее въ отдаленномъ замкѣ и изнасильничавъ ее, сверхъ того за ея

Отрѣжу изъ кореня?
Для чего ты зорними
Пѣсньми изъ сладкихъ моихъ
Сновъ Ваѳилла согнала?

13. О СЕБѢ.

Одни сказуютъ, что Атисъ,
Влюбившися полудѣвка
Въ прекраснѣйшую Кививу,
Съ ума шедъ, по горамъ вопилъ;
Ины, что при брегахъ Клара
Лавроносна, Аполлину
Посвященнаго, шалѣютъ,
Говорливой воды пивцы;
А я весь виномъ наполненъ
И обмазанъ весь духами,

угрозы безчеловѣчно ей языкъ отсѣкъ, чтобъ не могла открыть его прелюбодѣйное кровосмѣшеніе. Но Филомела сыскала способъ извѣстить сестрѣ о своемъ несчастьи, вышивъ оное на полотнѣ шолкомъ бѣлымъ и краснымъ. Прогнея, о всемъ увѣдомлена, нашла способъ свободить сестру свою изъ заключенія, и съ ея согласія въ отмщеніе Тирею заколовъ его сына *Іѳиса*, представили въ кушаньѣ отцу, который наконецъ обѣда дознався того вскочилъ, обѣихъ сестръ убить, но боги, милосердовавъ объ нихъ, преобразили *Тирея* въ удота, *Прогнею* въ ластовицу, *Филомелу,* въ соловья, и *Іѳиса* въ фазана. (Баснословіе г-на Дю-Пюи, т. 2 стр. 84.)

Ст. 8. *Зорними.* Изъ всѣхъ птицъ ластовицы ранѣе поютъ; объ нихъ Виргилій хотѣлъ говорить въ сихъ стихахъ:

Et matutini volucrum sub culmine cantus.

XIII. Ст. 3. *Въ прекраснѣйшую Кививу*. *Кивива* и по латински *Цибелле* богиня городовъ, лѣсовъ и всего того, что на землѣ, понеже сама землю изобразуетъ. *Атисъ*, молодецъ изъ Фригіи, былъ ея первосвященникъ, въ котораго она влюбилась, и тѣмъ его чиномъ почтила, подъ обѣщаніемъ, что чистоту свою сохранитъ, но не додержавъ слова, отсѣкла ему тѣ уды, которые преступленію обѣщанія причиною были, отчего такъ онъ съ ума сбрелъ, что самъ себѣ смерть далъ бы, еслибъ богиня, о немъ милосердуя, не превратила его въ сосну.

Ст. 5. *При брегахъ Клара*. *Клара*—колодезь, посвященный Аполлону, лежалъ близъ іонскаго города Колофона. Тѣ, кои сей воды испивали, божественнымъ неистовствомъ объяты, предрѣкали будущее; для того Анакреонъ ту воду *говорливу* называетъ.

Ст. 9. *Наполненъ.* Въ греческомъ стоитъ: *вина и духовъ насыщенъ*.

На персяхъ красной дѣвицы
Съ ума бродить вѣкъ желаю.

14. О ЛЮБВИ.

Хочу, хочу я любити.
Любовь къ тому побуждалъ мя;
Но я тогда безразсуденъ
Совѣтъ его не послушалъ;
Онъ же, тотчасъ лукъ свой взявши
И златой тулъ, меня вызвалъ
На битву; я же, на плечи
Надѣвъ латы, какъ Ахиллесъ,
Копье жъ и щитъ въ руки взявши,
Противо стоялъ Любови.
Стрѣлялъ онъ, я жъ бѣжалъ спѣшно;
Какъ ужъ стрѣлъ ему не стало,
Разъярился, и какъ съ лука
Стрѣльнулъ на меня собою,
И пронзивъ меня средь сердца,
Учинилъ меня безсильна.
Щитъ убо мнѣ ужъ негоденъ:
Къ чему бо извнѣ щититься,
Когда войну внутрь ся чую?

15. О СЕБѢ.

О Гига, Сардовъ царя,
Богатствѣ я не пекусь;
Не льститъ меня золото,
Не завижу я царямъ;

Ст. 11. *На персяхъ красной дѣвицы.* Въ греческомъ стоитъ: ı *полюбовницею насыщенъ.*

XIV. Намѣреніе сей оды есть, что напрасно мы боронимся и любви, понеже всегда она верхъ имѣетъ.

Ст. 8. *Ахиллесъ*, знаменитый князь греческой, сынъ *Пелея* и Ѳ прославился при Троянской войнѣ, гдѣ всѣхъ грековъ отъ крайняг рененія своею храбростію сохранилъ, убивъ непобѣдимаго Гектор янскаго царя мужественнаго сына.

Ст. 16. *Учинилъ меня безсильна.* Отнялъ мнѣ всю силу. Въ скомъ стоитъ: *разрѣшилъ меня.*

XV. Ст. 1. *О Гига, Сардовъ царя.* Гигасъ царь лидійской, ı никъ *Кандауловъ.* Смотри объ немъ въ Іустиновой исторіи, к глава 7.

Пекуся я бороду
Духами мазать свою;
Пекуся я шипками
Вѣнчать мою голову;
О сегоднѣ я пекусь,
Кто бо знаетъ утріе?
Пока убо ты здоровъ,
И пей и въ кости играй,
И жертвуй ты Бахусу,
Да наступивши болѣзнь
Не запретитъ тебѣ пить.

16. О СЕБѢ.

Ты өивовъ поешь войну,
Той шумы фриговъ поетъ,
А я свою пою плѣнь.
Не всадникъ меня плѣнилъ,
Не пѣхота, не корабль,
Но новой видъ воинства,
Что съ глазъ стрѣляетъ на мя.

Сарды городъ столичный лидійскаго царства, столь богатой, что богатство его въ пословицу пошло.

Ст. 6. *Духами мазать.* Обыкновеніе было у древнихъ мазать себя благовонными духами въ знакъ веселія.

Ст. 9. *О сегоднѣ я пекусь.* То есть, я пекусь какъ сегоднешный день прожить, понеже (какъ въ слѣдующемъ стихѣ изображено) никому неизвѣстно, что имѣетъ завтра случиться. *Горацій* тожъ изобразилъ въ семъ стихѣ.

Quis scit in adjiciant hodiernae crastina vitae

XVI. Ст. 1. *Ты Өивовъ поешь войну.* Въ греческомъ стоитъ: *сказываешь.* Смотри примѣчаніе подъ ст. 1, пѣсни 1. Чрезъ Өивейскую войну Анакреонтъ разумѣетъ войну семи начальниковъ противъ өивянъ, которая случилася 600 лѣтъ прежде Анакреонта.

Өивы былъ городъ греческій и республика славная.

Ст. 2. *Шумы фриговъ.* Омиръ стихотворецъ примѣчаетъ, что фригійской народъ на битву шелъ съ великимъ крикомъ (какъ теперь турки дѣлаютъ), а греки напротиву въ великомъ молчаніи.

Фригія провинція Малой Азіи на Пропонтидѣ и Эгейскомъ морѣ; теперь часть губерніи натолійской въ турецкой Азіи. (Дан. лексиконъ латинской).

Ст. 3. *Свою плѣнь.* Сирѣчь, свою потерю, свое порабощеніе.

Ст. 4. *Всадникъ.* Конница.

17. О СТАКАНѢ СЕРЕБРЯНОМЪ.

Вулкане, среброточа,
Сдѣлай ты мнѣ изъ него,
Не сбрую военную
(Что мнѣ дѣла до войны!),
Но сдѣлай ты мнѣ стаканъ
Сколько можешь глубѣе,
И вырѣжь ты мнѣ на немъ,
Ни звѣзды, ни медвѣдя,
Ни скорбна Оріона
(Что мнѣ дѣла до Плеядъ
И что до Воотскихъ звѣздъ!);
Но вырѣжь мнѣ виноградъ,
И золотыя того
Кисти растоптающихъ,

XVII. Ст. 1. *Вулкане. Вулканъ* былъ одинъ изъ адскихъ боговъ, братъ Юпитеровъ, отъ него съ неба сброшенный, откуда летя, ногу изломилъ, и для того хромымъ пишется. Счастливъ тѣмъ, что былъ мужъ прекрасной Венеры. Сего бога стихотворцы сдѣлали кузнецомъ, куетъ же онъ стрѣлы Купидину и военныя збруи богатырямъ, а наипаче перуны Юпитеру. Греки всѣхъ мастеровъ желѣзнаго и другихъ металловъ дѣла Вулканами называли, такъ и жены, которыя въ тканьѣ были искусны, у нихъ Минервою именованы.

Ст. тотъ же. *Среброточа*. Госпожа Дасіеръ говоритъ, *что слово греческое* toreneio не значитъ *точить* ни torentes *токаря*, но *рѣщика*, такого сирѣчь мастера, который чеканною работою изображаетъ на металлѣ фигуры выпуклыя, высокія, не плоскія, что не можно дѣлать въ токарнемъ станку, которымъ равняются и гладятся поверхности. Но госпожа Дасіеръ забыла, что теперь такія выпуклыя фигуры точить умѣютъ. Кто-жъ намъ сказалъ, что во время Анакреонтово искуство то не было знакомо?

Ст. 8 и 9. *Ни звѣзды, ни медвѣдя, ни скорбна Оріона*. Вулканъ сдѣлалъ для Ахилла цѣлую збрую военную, которую Омиръ описалъ въ 18 книгѣ Илліяды. На щиту многія вещи были изображены, а между прочимъ и разныя звѣзды, какъ напримѣръ *медвѣдь* или *лось*, которой намъ видится къ сѣверу, составленъ изъ седми ясныхъ звѣздъ, и *Оріонъ* другая констелляція изъ семнадцати звѣздъ, которую Анакреонтъ скорбною называетъ, понеже чаяли древніе, что она бури наводитъ.

Ст. 10. *До плеядъ. Плеяды* суть также констелляціи многихъ звѣздъ, на подобіе кисти виноградной расположенныхъ. Буде не ошибаюсь, у насъ *Насѣдкою* называютъ.

Ст. 11: *До Воотскихъ звѣздъ*. См. Примѣчаніе подъ ст. 3 пѣсни 3.

Вмѣстѣ съ краснымъ Бахусомъ,
Любовь же и Ваѳилла.

18. О ТОМЪ-ЖЕ.

Искусный художниче,
Выточи пріятной мнѣ
Весенней глубокъ стаканъ,
Въ началѣ вырѣжь на немъ
Шипконосную весну;
Расширивъ же серебро,
Любимой вырѣжь мнѣ пиръ.
Не рѣжь чужіе на немъ
Обряды жертвенные,
Ни ужасны повѣсти;
Вырѣжь лучше Бахуса,
Красно Іовиша дитя,
Наставляюща людей
Пить пріятное вино,
Иль плясащую Венеру
Вмѣстѣ съ Именеями;
Вырѣжь и Любви беззбруйны
И веселы Благодати
Подъ высокимъ виноградомъ,
Полнымъ кистьми сладкихъ ягодъ;
Приложи же и красивыхъ
Молодцовъ тутъ же толпу,
Буде играющій Фебусъ
Тебѣ не угоднѣе.

Ст. 16. *Любовь и Ваѳилла.* Купидина сирѣчь и Ваѳилла, своего полюбовника, о которомъ смотри примѣчаніе подъ ст. 8, пѣсни 9.

XVIII. Ст. 3. *Весенней глубокъ стаканъ.* Для того можетъ быть весеннимъ Анакреонтъ называетъ, что имѣли быть вырѣзаны на немъ цвѣты.

Ст. 4. *Пиръ.* Въ греческомъ стоитъ potòn *питье*, но госпожа Дасіеръ изрядно примѣчаетъ, что надобно силу переложить на первой слогъ pòton и тогда значитъ *пиръ, торжество.*

Ст. 16. *Съ Именеями.* Именеи, по баснословію древнихъ, суть боги брака. Сказываютъ ихъ сыновьями Бахуса и Венеры, понеже любовь и вино часто свадьбу производятъ.

Ст. 19. *Подъ высокимъ виноградомъ.* Въ Греціи винограды высокіе, какъ въ Италіи теперь обыкновенно.

Ст. 23. *Фебусъ.* Тожъ что Аполлонъ, богъ наукъ. У древнихъ всегда краснымъ молодцомъ изображается.

19. ЧТО НАДОБНО ПИТЬ.

Земля выпиваетъ дождь,
А деревья землю пьютъ;
Моря легкой воздухъ пьютъ,
И солнце піетъ моря;
Мѣсяцъ же солнце піетъ.
Для чего убо, друзья,
Журите меня, что пью?

20. О ДѢВИЦѢ.

Танталова нѣкогда
Дочь на Фригійскихъ горахъ
Въ камень обратилася,
И Пандіонова дочь
Въ ластовицу быструю.
А я бы зеркаломъ быть
Желалъ, чтобы ты въ меня
Смотрѣлася безмѣречь;
Хотѣлъ бы я платьемъ быть,
Чтобъ вѣкъ ты носила мя;

XIX. Ст. 1. *Земля выпиваетъ дождь.* Въ греческомъ стоитъ: *земля черная пьетъ.* Не вразумительно.

Ст. 2. *Деревья землю пьютъ.* Понеже сокомъ земли ростутъ и зеленѣютъ.

Ст. 3. *Моря легкой воздухъ пьютъ.* Для того что тяжелые пары дождемъ и росою въ море спадаютъ.

Ст. 4. *И солнце піетъ моря.* Своимъ жаромъ изъ водъ куренія.

Ст. 5. *Мѣсяцъ же солнце піетъ.* Получая отъ него лучи, которые чрезъ преломленіе къ намъ пересылаетъ.

XX. Ст. 1 и 2. *Танталова нѣкогда дочь.* Ніобе, дочь Тантолова, была прекрасная жена Амфіона Ѳивейскаго царя, съ которымъ и имѣла семь сыновей и семь дочерей. Предпочитая она своихъ дѣтей надъ сыновьями Латоны богини, и ея самую презирая, отъ Аполлона и Діаны стрѣлами всѣ ея собственныя дѣти побиты, надъ которыми столько слезъ Ніобе проливала, что боги, милосердовавъ объ ней, претворили ее въ камень, чтобъ не чувствовала болѣе свою печаль.

Ст. 3. *Въ камень обратилася.* Въ греческомъ стоитъ: *камень стала.* Гораздо стихотворнѣе, да меня мѣра стиха изобразить ту рѣчь не допустила.

Ст. 4. *И Пандіонова дочь.* Смотри примѣчаніе подъ ст. 6, пѣсни 12.

Ст. 5. *Въ ластовицу быструю.* Въ греческомъ стоитъ: *и дочь нѣкогда Пандіонова полетѣла ластовицею птицею.* Сожалѣю, что и по русски такъ говорить не можно.

Хотѣлъ бы водою быть,
Чтобы тебя омывать;
Масло благовонное,
Чтобъ обмазывать тебя;
И подвязка титечкамъ,
И жемчугъ горлу твоиму,
И башмакъ хотѣлъ бы быть,
Чтобъ хотя нотами ты,
Красная, топтала мя.

21. О СВОЕЙ ЖАЖДѢ.

Дайте мнѣ, дайте, дѣвицы,
Пить вина полную кружку,
Уже бо я весь отъ жару
Утомленный издыхаю;
Дайте жъ мнѣ и тѣхъ цвѣточковъ;
Сколь вѣнцовъ ни налагаю,
Чело мое изсушаетъ,
Хотя весь любовной пламень
Въ одномъ сердцѣ я скрываю.

22. КЪ ВАѲИЛЛУ.

При сѣни древесъ изрядныхъ
Сяди, сяди, мой Ваѳилле.
Мягкіе листы на нѣжныхъ
Вѣтвяхъ сладкой вѣтръ шатаетъ,
И при корени источникъ,
Шумя, къ всему убѣждаетъ.
Кто убо, видѣвъ такое
Мѣсто, минути возможетъ?

XXI. Ст. 2. *Полную кружку*. Въ греческомъ стоитъ: amusis, что ...чило обычай пить по ѳрачески, выпиваю, сирѣчь, полной стаканъ од...мъ духомъ.

Ст. 5. *И тѣхъ цвѣточковъ*. Анакреонъ, показывая дѣвкѣ пальцемъ, ...оритъ: *дай мнѣ тѣхъ цвѣточковъ*. Такъ толкуетъ мѣсто сіе г-нъ ...февръ, премѣняя *ekeinu* въ *ekeinon*.

Ст. 7. *Чело мое изсушаетъ*. Столь оно горяче, что сколько ни взло...гъ вѣнцовъ на голову, всѣ тотчасъ высохнутъ.

XXII. Ст. 3. *Листы*. Въ греческомъ стоитъ *косы*. Часто греки и латины ...ъ листы называютъ въ стихотвореніи, да по русски не употребительно.

Ст. 6. *Шумя къ всему убѣждаетъ*. Въ греческомъ стоитъ: *источники ...чащіи убѣжденіе*. Не складно на русскомъ языкѣ.

23. О БОГАТСТВѢ.

Еслибъ куча золота
Жизнь нашу могла продлить,
Охотно бъ я набиралъ
И берегъ сокровище,
Да, когда приступитъ смерть,
Давъ что ей, отгнать могу;
Но понеже смертнымъ намъ
Дней лишнихъ купить не льзя,
На что даромъ воздыхать
И на что себя крушить?
Коли не избѣжна смерть,
Что пользуетъ золото?
Потому одна печаль,
Мнѣ будь сладко пить вино,
Веселиться съ друзьями
И на мягкой постели
Угождать любимицѣ.

24. О СЕБѢ.

Понеже смертенъ родился,
Пробѣжать путь сего вѣка
И минувшее я только
Своей жизни время знаю,
Будущее жъ неизвѣстно.
Прочь всѣ думы и печали,
И не будь мнѣ съ вами дѣла.
Прежде нежели кончина
Мнѣ найдетъ, хочу играти,
И плясати, и смѣяться
Съ Бахусомъ мнѣ всепріятнымъ.

XXIII. Ст. 3. *Охотно бъ я набиралъ.* Въ греческомъ стоитъ: *сберегая ожидалъ бы.*

Ст. 8. *Дней лишнихъ.* Въ греческомъ стоитъ: *жить*, въ неопредѣленномъ, вмѣсто *жизнь.*

Ст. 13. *Одна печаль.* Слова сіи, лишны противъ греческаго, для лучшаго изъясненія авторова намѣренія, прибавлены.

Ст. 17. *Угождать любимицѣ.* Въ оригиналѣ стоитъ: *совершать венерины жертвы.* Венера богиня любви; жертва ей пріятная тоже, что въ постели угождать любимицѣ.

XXIV. Ст. 5. *А будущее.* Въ греческомъ стоитъ: *а то, которое бывать имѣю.*

25. О СЕБѢ.

Когда я вино пію,
Спочиваютъ мысли всѣ.
Что мнѣ тужить, воздыхать?
Что мысли мнѣ пользуютъ?
Умирать мнѣ нѣкогда,
Хотя и не хочется;
На чтожъ въ жизни заблуждать?
Станемъ убо пить вино
Пріятнаго Бахуса,
Понеже когда мы пьемъ,
Спочиваютъ думы всѣ.

26. О СЕБѢ.

Когда входитъ въ меня Бахусъ,
Спочиваютъ мои думы;
Крезусово все богатство
Тогда въ рукахъ свои чая,
Громко пѣть я надсажаюсь,
И хмѣлемъ вѣнчанъ валяюсь,
Презирая все, что въ свѣтѣ.
Пусть воюетъ кто ни хочетъ,
Я пить хочу непрестанно.
Подай мнѣ кружку, дѣтина!
Пьяному бо мнѣ лежати
Много лучше, нежли мертву.

XXV. Ст. 7. *Въ жизни заблуждать.* То-есть, житье худо употреблять, оставлять веселье и провождать дни въ печали.

XXVI. Ст. 3. *Крезусово все богатство. Крезусъ*, пятый и послѣдній царь лидійскій изъ поколѣнья *Мирмидовъ*, наслѣдовалъ отцу своему *Аліатту* въ 557 году прежде Христа. Былъ царь всѣхъ въ свое время богатѣе и счастливѣе; но въ 14 лѣто своего царствованія, побѣжденъ *Киромъ*, царемъ *персидскимъ*, чуть, съ царствомъ и съ ботатствомъ, и живота не лишился. (Ксенофонтъ, Киропедіи кн. 6 и 7. Еродотъ, кн. 1).

Ст. 6. *Хмѣлемъ вѣнчанъ*. Въ греческомъ стоитъ: *киссосъ*, трава намъ незнакомая; хмѣль знакомѣе и силу рѣчей авторовыхъ не отмѣняетъ.

Ст. 12. *Нежли мертву*. Воюя, легко смерть добыть можно.

27. О БАХУСѢ.

Бахусъ, Зевсово дитя,
Мыслей гонитель, Ліей,
Когда въ голову мою,
Войдетъ винодавецъ онъ,
Заставитъ меня плясать;
И нѣчто пріятное
Бываю, когда напьюсь:
Бью въ ладоши, и пою,
И тѣшусь Венерою,
И непрестанно пляшу.

28. О СВОЕЙ ПОЛЮБОВНИЦѢ.

Превосходнѣйшій межъ всѣми
Живописцы, и начальникъ
Ты родійскаго искуства,
Нутко примись напиши мнѣ
Полюбовницу отсущу,
Такову, какъ я скажу ти.
Напиши ты мнѣ въ началѣ
Мягки черноваты кудри,
И буде воскъ того сможетъ,
Пусть тѣ будутъ благовонны.
Напиши отъ двухъ щекъ выше,
Подъ присмуглою косою,
Чело изъ кости слоновой.

XXVII. Ст. 1. *Бахусъ Зевсово дитя.* Смотри примѣчаніе ст. 2 пѣсни 5.

Ст. 2. *Ліей.* Прозвище Бахусово, какъ: *Евій, Бассарей, Бромій* и проч.

Ст. 9. *И тѣшусь съ Венерою.* То-есть, плотски съ дѣвицею забавляюсь.

XXVIII. Ст. 3. *Родійскаго искуства.* Родіянцы въ старину были славны въ искусствѣ живописномъ, и въ рѣзаніи статуекъ. *Родосъ* есть одинъ изъ Спорадскихъ острововъ близъ Малой Азіи, и древнее имя свое сохраняетъ. Лежитъ близъ Натоліи, въ Турецкой Азіи. Прежъ сего принадлежалъ Кавалерамъ, которыхъ теперь *Мальтійскими*, а тогда *Родосскими*, называли. Турки ихъ завоевали въ 1522 году. (Данетъ Лексиконъ латинскій).

Ст. 9. *И буде воскъ.* Древніе писывали лица воскомъ разныхъ цвѣтовъ, какъ и теперь дѣлается.

Брови пусть не отдаленны,
Не близки будутъ другъ къ другу;
Да не чувственное будетъ
Что порожжее межъ ними,
Пусть черны будутъ рѣсницы,
Огненныя сдѣлай очи,
Какъ Минервпныя сѣры
И какъ Венусовы свѣтлы.
Шипки съ молокомъ смѣшавши,
Тѣмъ напиши носъ, и щоки,
Уста сдѣлай таковыя,
Чтобъ всѣ чувства побуждали
И лобзанія прошали.
Ниже мягкаго бородка,
Вокругъ бѣлой какъ снѣгъ шеи
Пусть летятъ всѣ благодати.
Облачи ты ее впрочемъ
Въ блѣдно-багряну одежду,
И сквозь ту мала часть плоти
Пусть видна будетъ, чтобъ тѣло
Каково съ того познати.
Полно столько: ужъ всю вижу;
И вотъ воскъ говорить станетъ.

Ст. 20. *Минервиныя*. *Минерва* богиня премудрости, по баснословію древнихъ, рождена изъ мозгу Юпитерова.

Ст. 21. *Свѣтлы*. Въ греческомъ стоитъ: *мокры*, понеже мокроватые глаза гораздо живѣе, да по русски того сказать не можно.

Ст. 21. *Шипки съ молокомъ смѣшавши*. Анакреонъ хочетъ, чтобъ носъ полюбовницынъ былъ не красный, но румяный; такъ надобно разумѣть шипки съ молокомъ, понеже тѣ красны, сіе бѣло.

Ст. 24. *Уста сдѣлай таковыя*. Въ греческомъ стоитъ: *напиши уста, каковы богини увѣщанія*. Древніе богиню увѣщанія имѣли, которыя всю силу въ устахъ поставляли, понеже онѣ суть орудіе увѣщанія. *Пивою* ее называли. По русски слово отъ слова мѣсто сіе перевесть не можно.

Ст. 27. *Ниже мягкаго бородка*. Греческое слово *truferos* значитъ *мягкой* или *нѣжной*. Понеже бородокъ есть прямое жилище нѣжности и пріятности. Для того *Варонъ* съ столькою сладостію говоритъ:

Sigilla in mento impressa amoris digitullo
Vestigio demonstrat mollitudinem.

«Ямки отисненны на бородкѣ пальчикомъ любви значутъ нѣжность».

Ст. 28. *Бѣлой какъ снѣгъ шеи*. Въ греческомъ стоитъ: *Лигдиновой шеи*. Лигдій есть мраморъ бѣлый изъ острова Фаросъ.

29. О ВАѲИЛЛѢ.

Любезнаго мнѣ Ваѳилла,
Какъ я скажу напиши мнѣ:
Власы блистательны сдѣлай,
Близь главы черны отчасти,
А къ концу прижелтоваты,
И волосъ кудри свободны,
Безъ порядку составляя,
Пусть лежатъ по своей воли.
Змѣи чернѣйшія брови
Челу мягкому и нѣжну
Пусть рубежъ и вѣнецъ будутъ.
Въ черномъ глазѣ пусть свирѣпость
Зрятся съ пріятностью вмѣстѣ;
Сію взявъ отъ страшна Марса
Тую отъ красной Венеры,
Да одно боязнь наводитъ,
Другое даетъ надежду.
Румяныя ему сдѣлай,
Какъ яблоко съ мошкомъ, щеки,
И краски, что стыдъ наноситъ,
Вложи въ нихъ сколь больше можешь.
А уста ужъ я не знаю,
Какимъ образомъ напишешь:
Мяконьки, сладости полны,
И убѣждать къ всему сильны.
Повсюду жъ пусть воскъ являетъ
Молчаніе говорливо;
Подъ лицемъ напиши шею,
Адонову превсходящу,

XXIX. Ст. 14. *Марса. Марсъ* богъ войны, по баснословію древнихъ, сынъ Юноны, котораго породила осязаніемъ цвѣтка, что богиня Флора присовѣтовала сорвать на олейскомъ полѣ.

Ст. 20. *И съ краски что стыдъ наноситъ*. Священница Аполлінова, вопрошена будучи, которой цвѣтъ всѣхъ красивѣе? тотъ, отвѣчала, что стыдъ наводитъ.

Ст. 24. *Сладости полны*. Въ оригиналѣ стоитъ: *полные убѣжденія*, такъ какъ въ 24 ст. пѣсни 28 говорилъ: *уста каковы суть увѣщанія*. Смотри тамъ примѣчаніе.

Ст. 29. *Адонову превсходящу. Превсходящу*, вмѣсто *превосходящу*,

Бѣлу какъ съ слоновой кости.
Груди и обои руки
Меркуріевымъ подобны;
Полуксовы въ немъ пусть будутъ
Стегна; Бахусово чрево.
Потомъ мягкихъ гнезнъ повыше,
Гнезнъ, что жаркій пламень дышутъ,
Беззлобны напиши уды,
Что первую жаждутъ сладость.
Но завидливо искуство
Твое, что не допускаетъ
Показать намъ его спину,
Въ ней же красоты не меньше.
Къ чему мнѣ описать ноги?
Возьми за трудъ сколько хочешь,
И съ Аполла сего сдѣлай
Мнѣ красиваго Ваѳилла;
Еслижъ въ Самосъ когда прійдешь,
Сдѣлай Феба изъ Ваѳилла.

за нужду мѣры. Адонисъ, котораго пригожимъ молодикомъ изобразуютъ, рожденъ отъ кровосмѣшенія *Цинира* кипрскаго короля, съ *Миррою*, своею дочерью. Хотѣвъ онъ доказать музамъ, что и онѣ любви подвластны, богини тѣ, которыя гораздо цѣломудріемъ хвастали, отдали его на растерзаніе вепру свирѣпому; *Венера*, его полюбовница, чрезъ мѣру чувствовала его смерть, и въ свое утѣшеніе претворила его въ цвѣтокъ анемонъ называемый.

Ст. 33. *Меркуріевымъ подобны. Меркурій*, котораго древніе богомъ и посланникомъ небеснаго царства почитали, былъ сынъ *Юпитеровъ* и *Маіи*, дочери Атлантовой. Знать имѣлася какая Адонисова статуя, у которой шея была весьма красива, да другая Меркуріева съ преизрядными руками.

Ст. 33. *Полуксовы стегна. Полуксъ* и Касторъ были сыновья Леды и Юпитера, который съ сею женою Тиндаріевою въ видѣ лебедя совокупился, родилися тѣ два брата въ одномъ яйцѣ.

Ст. 39. *Но завидливо твое искуство.* Отъ сихъ стиховъ видно, что не объ рѣзщикѣ, но о живописи тутъ говоритъ Анакреонъ, понеже не можно вдругъ съ передомъ и спину изобразить.

Ст. 43. *Къ чему мнѣ описывать ноги?* Анакреонъ, увидѣвъ портретъ Аполліновъ, которой весьма сходенъ его Ваѳиллу, вдругъ перестаетъ сказывать сего прочія части, и совѣтуетъ живописцу сдѣлать изъ того Аполліна Ваѳилла; а если когда поѣдетъ въ Самосъ, гдѣ особливо Аполліна почитали (островъ въ Архипелагѣ близъ Анатоліи въ Турецкой Азіи), то сдѣлалъ бы изъ Ваѳилла Аполліна.

30. О ЛЮБВИ.

Музы нѣкогда Любовь,
Связавъ цвѣтными вѣнцы,
Красотѣ дали беречь;
Нынѣ же Венера мать
Ищетъ съ окупомъ Любовь
Изъ неволи свободить;
Но хоть ему волю дать,
Не выйдетъ, но съ Красотой
Пробудетъ: понеже онъ
Повадился ужъ служить.

31. О СЕБѢ.

Бога ради мя оставь
Пить полну кружку вина:
Хочу, хочу я шалѣть.
Алкмей нѣкогда шалѣлъ,
И бѣлоногой Орестъ,
Убивъ матерей своихъ;
Я, никого не убивъ,
Пьючи красное вино,
Хочу, хочу я шалѣть.
Геркулъ нѣкогда шалѣлъ,
Тяжкой трясучи колчанъ

XXX. Пѣсня сія весьма искуснаго изобрѣтенія и сочиненія, а намѣреніе ея есть показать, что когда умъ и красота въ комъ соединены, трудно отъ той любви свободиться.

XXXI. Ст. 4. *Алкмей.* Сынъ Амфіярауса, убилъ свою мать Ерифилу въ послушаніе отцу, который на нее разгнѣвался за то, что открыла мѣсто, въ которомъ онъ таился, убѣгая войны Троянской. Алкмей, по убивствѣ матернемъ, обступленъ неистовствомъ, съ ума сходилъ, пока рѣка Фегея его очистила, давъ ему въ жену дочь свою *Арсное.*

Ст. 5. *И бѣлоногой Орестъ.* Орестъ царь Мицинейской въ отмщеніе за смерть отца своего Агамемнона, по совѣту сестры Електры, убилъ мать свою Клитемнестру, и по семъ убійствѣ съ ума сошолъ.

Ст. 10. *Геркулъ.* Сынъ Юпитеровъ и Алкмены, жены Амфитріоновой, славенъ своею силою и чудными дѣлами. Смотри примѣчаніе подъ ст. 7 пѣсни 1.

И Ифитовъ тугой лукъ.
Шалѣлъ нѣкогда Аяксъ,
Устрашаючи щитомъ
И Экторовымъ мечемъ;
А я съ кружкою въ рукахъ
И съ вѣнцемъ на головѣ,
Не съ лукомъ и не съ мечемъ,
Хочу, хочу я шалѣть.

32. О СВОИХЪ ПОЛЮБОВНИЦАХЪ.

Если всѣхъ деревъ листы
Счесть возможешь, и песокъ
Всего моря, ты мои
Счесть одинъ можешь любви:
Аѳинейскихъ въ началѣ
Поставь двадцать и еще
Десять и пятокъ прибавь;
Коринѳическихъ потóмъ
Цѣлыя положи тьмы,
Ахайской бо городъ тотъ,
Гдѣ красивы женщины.

Ст. 12. *Ифитовъ тугой лукъ*. Ибо Геркулъ, лишившись ума, убилъ Ифита и взялъ себѣ его лукъ.

Ст. 13 и 14. *Аяксъ устрашаючи щитомъ*. Аяксъ греческій воевода, былъ сынъ Теламона, царя Саламинскаго. Его щитъ былъ большій во всемъ войскѣ греческомъ, понеже сдѣланъ былъ изъ семи бычачихъ цѣлыхъ кожъ, одна сверхъ другой сшитыхъ.

Ст. 15. *И Экторовымъ мечемъ*. Басни древнія сказываютъ, что Аяксъ, бився цѣлый день съ Экторомъ, сыномъ Пріама, короля Троянскаго, когда ночь принудила ихъ разлучиться, взаимно себя подарили: Экторъ далъ мечь Аяксу, который имъ себя потомъ убилъ, отъ гнѣву, что оружіе его пріятеля Ахилла отдано Улиссу; а Аяксъ подарилъ Эктору перевязь, которою сей отъ Ахилла связанъ и волоченъ кругъ стѣнъ Троянскихъ.

XXXII. Господинъ *Лефевръ* чаетъ, что сія пѣсня не Анакреонтова сочиненія, и я съ нимъ согласуюся, понеже ни мало красы въ ней не нахожу.

Ст. 5. *Аѳинейскихъ*. Аѳины въ старину столичной городъ Греціи, теперь *Ситіисъ* малая деревенька.

Ст. 6. *Коринѳическихъ*. Коринѳъ городъ Ахайской провинціи, въ Мореѣ. Омиръ также свидѣтельствуетъ, что въ сей пелопонезской Ахаіи множество женъ пригожихъ.

Іонскихъ, лезвическихъ,
И карійскихъ, и родскихъ
Двѣ тысячи положи.
Куды столько, скажешь ты,
Полюбовницъ безъ числа?
Еще сирски не сказалъ,
Ни Каноба всѣ любви,
Ни во всемъ обильнаго
Крита, гдѣ по городамъ
Купидо тайны своя
Торжественно празднуетъ.
Гдѣ мнѣ тебѣ всѣ исчесть,
Что за Гадомъ я имѣлъ,
За Бактры и Индіи
Сердечны любимицы!

33. НА ЛАСТОВИЦУ.

Ты, любима ластушка,
Чтогодно въ весеннюю
Пору прилетая къ намъ,
Искусно строишь гнѣздо,
Зимою-жъ невидима
Отлетаешь къ Мемфису

Ст. 12 и 13. *Іонскихъ и Родскихъ*. Іоны назывались греческіе народы, которые обитали Аттику, Македонію, и другія смежныя земли къ морю іоническому. *Лесбосъ* есть островъ въ Архипелагѣ, теперь *Митилене* называемый. *Карія* городъ полуострова Морейскаго. *Родосъ* островъ смотри примѣчаніе подъ ст. 8 пѣсни 28.

Ст. 17. *Сирски*. Вмѣсто *сирскіе*. *Сирія*, иногда *Ассирія* называема, великая страна древней Азіи при морѣ Сирійскомъ; теперь составляетъ *Сурію* или *Сористанъ*, провинцію Турецкой Азіи.

Ст. 18. *Каноба*. *Канобъ* есть городъ Египетской въ разстояніи ста двадцати стадій отъ Александріи къ востоку.

Ст. 20. *Крита*. *Критъ* есть островъ въ Средиземномъ морѣ, теперь *Кандіею* называемый.

Ст. 24. *За Гадомъ*. *Гады* назывались два малые острова къ западу отъ Ишпаніи близъ протоку Гибралтарскаго; большій называется *Гадиксъ* меньшій *Ериѳрея*.

Ст. 25. *За Бактры и Индіи*. *Бактрія* была провинція Скиѳская. Персидяне теперь ее называютъ *Бактеръ* и *Хорасанъ*, которыя провинціи суть часть Тартаріи. *Индіею* древніе звали и нынѣ называютъ великую страну въ Азіи, сквозь которую течетъ рѣка *Индъ*. (Данетъ Лексиконъ латинскій).

XXXIII. Ст. 6. *Отлетаетъ къ Мемфису*. Одни сказываютъ, что

Или къ Нила берегамъ;
А Любовь въ сердцѣ моемъ
Гнѣздо строитъ безперечь.
Изъ цыплятъ его одинъ
Перится уже началъ,
Другой еще въ яицѣ,
Третій вылупается,
И непрестанный есть шумъ
Пищущихъ любовишекъ.
Кормятъ малыхъ бо̀льшіе;
А тые, лишь выростутъ,
Другихъ тотчасъ народятъ.
Что мнѣ дѣлать? какъ помочь?
Невозможно бо мнѣ есть
Умѣстить столько любвей.

34. КЪ ДѢВИЦѢ.

Не бѣгай ты отъ меня,
Видя сѣду голову;
Ни затѣмъ, что красоты
Блистаетъ въ тебѣ весна,
Презирай мою любовь!
Посмотри, хотя въ вѣнцахъ,
Сколь красивы, съ бѣлыми
Ландышами смѣшанны,
Розы намъ являются.

ластовицы зимою отлетаютъ въ теплыя мѣста; другіе говорятъ, что онѣ не отлетаютъ, но хоронятся на зиму въ ямкахъ и щеляхъ горъ. Овидій былъ сего мнѣнія.

Cum glaciantur aquae, scopulis se condit hirundo.

«Когда воды леденѣютъ, въ камняхъ кроются ластовицы.» *Мемфисъ* былъ въ старину городъ Египетской близъ Нила рѣки, столица Египетскихъ царей. Многіе чаютъ, что тотъ самый городъ есть нынѣшней *великой Каиръ*, да великой Каиръ лежитъ на другомъ берегу Нила, насупротивъ того мѣста, гдѣ лежалъ Мемфисъ.

Ст. 21. *Умѣстить*. Въ греческомъ стоитъ *выкричать*, не вразумительно бы то было на нашемъ языкѣ; *умѣстить* къ дѣлу приличнѣе.

35. О ЕВРОПѢ.

Быкъ сей, что видишь, дитя,
Зевсъ мнѣ быти кажется.
Несетъ бо онъ на плечахъ
Сидонскую женщину,
Море же пространное
Преплываетъ, копытомъ
Валы разсѣкаючи,
Ни кой же, кромѣ его,
Быкъ, изъ стада убѣжавъ,
Дерзнулъ море переплыть.

36. ЧТО ДОЛЖНО БЕЗПЕЧАЛЬНУ ЖИЗНЬ ПРОВОЖДА̀ТЬ.

Что законамъ меня учишь
И витiйческимъ доводамъ?
Къ чему столько разговору,
Кой ни мало пользуетъ?
Лучше учи меня пить,
Сладко Лiея вино,
Лучше учи мя играть
Съ златою Венерою,
Вѣнчающу сѣдую
Голову, дѣтина, мнѣ.
Подай воды, влей вино,
Сердце мое усыпи.
Скоро перестану жить
Скоро схоронишь меня:
А мертвые ничего
Не могутъ, вѣрь мнѣ, желать.

XXXV. Ст. 2. *Зевсъ.* Т. е. *Юпитеръ*, начальный у древнихъ богъ.
Ст. 4. *Сидонскую женщину.* Европа, сестра Кадма, была дочь Агенора, царя Фенилейскаго, и нимфы Мелiи. Юпитеръ, въ нее влюбившися и видя ее забавляющуюся съ ея дружинями при берегу морскомъ, преобразился въ быка и на своей спинѣ увезъ ее, плавая до самаго острова *Кандiйскаго*, гдѣ изъ нея породилъ *Миноса* и *Родаманта*.—*Сидонiя* приморской городъ Финицiйской въ Сирiи, теперь называется *Седъ* или *Сейдъ*, и принадлежитъ къ губернiи Дамаской въ Сурiи.

XXXVI. Ст. 6. *Лiея. Лiей* тожъ что Бахусъ, богъ вина и пьянства.

37. О ВЕСНѢ.

Смотри, какъ съ весны возрастомъ
Обилуютъ благодати
Шипками; смотри, какъ мôря
Валы страшны тишиною
Умягчаются пріятно;
Смотри, какъ гуси ныряютъ,
И какъ журавль прилетаетъ,
И какъ ясно свѣтитъ солнце;
Убѣгаютъ облакъ тѣни;
Труды-жъ людей процвѣтаютъ;
Плодами земля гордится,
Олива цвѣты приноситъ;
Бакха лоза уже зрится,
Вѣнцемъ листовъ своихъ тяжка:
По вѣтвямъ и по листамъ всѣмъ
Простираясь, цвѣтетъ овощъ.

38. О СЕБѢ.

Я, правда, старъ, но могу
Пить больше молодиковъ;
И коль случится плясать,
Вмѣсто трости мѣхъ держу:
Ни къ чему бо годна трость.

XXXVII. Ст. 7. *Журавль прилетаетъ.* Журавли зимою отлетаютъ изъ студеныхъ мѣстъ къ теплымъ и возвращаются съ лѣтомъ.

Ст. 13. *Бакха лоза,* сирѣчь *виноградъ,* понеже Бахусъ богъ винограда.

XXXVIII. Ст. 4. *Мѣхъ держу.* Можетъ быть, Анакреонъ просто говоритъ, что вмѣсто палки на мѣхъ съ виномъ опирается, но г-нъ Лефевръ примѣчаетъ, что повидимому тутъ слово о такомъ мѣхѣ, который давался въ награжденіе тому, кто лучше могъ пить. «Обычай бывалъ при отправленіи корабельныхъ праздниковъ (говоритъ древній толкователь Анакреонтовыхъ пѣсенъ) поставлять средь площади надутой мѣхъ, на который должны становиться тѣ, что пить принималися, и стоять пока выпьютъ всю кружку. Кто изъ нихъ первый могъ выпить ее не шатаяся, получалъ въ награжденіе мѣхъ полной виномъ.»

Ст. 5. *Трость.* Въ греческомъ стоитъ *Нарѳиксъ,* трость изъ травы такъ называемой (по латински Ferula), которую употребляютъ въ жертвахъ Бахусовыхъ.

Кто желаетъ воевать,
Пусть бьется (воленъ по мнѣ).
Мнѣ, дѣтина, полнъ вина
Сладкаго подай стаканъ.
Я, правда, старъ, но еще,
Силену послѣдуя,
Среди всѣхъ буду плясать.

39. О СЕБѢ.

Когда я вина напьюся,
Сердце тогда исцѣленно
Мое пѣсньми начинаетъ
Прославлять небесны Музы.
Когда я вина напьюся,
Поручаю всѣ печали
И безпокойныя думы
Вѣтрамъ злымъ, море біющимъ.
Когда я вина напьюся,
Игреливой тогда Бахусъ
Въ многоцвѣтной меня воздухъ
Веселаго пьянствомъ взноситъ.
Когда я вина напьюся,
Изъ цвѣтовъ вѣнцы завивши
И на голову вложивши,
Тишину пою я жизни.
Когда я вина напьюся,
Помазуя благовоннымъ
Муромъ тѣло и обнявши
Дѣвицу, пою Венеру.
Когда я вина напьюся,
Въ широкихъ, глубокихъ кубкахъ
И умъ мой распространивши,
Въ пріятнѣйшей мнѣ ватагѣ
Молодиковъ, веселюся.
Когда я вина напьюся,
Въ томъ лишь выгрышъ себѣ знаю:
Одно то возьму съ собою,
Отходя изъ сего свѣта;
Смерть бо мнѣ обща со всѣми.

Ст. 11. *Силену послѣдуя. Силенъ* былъ дядька и кормилецъ Бахусовъ.

XXXIX. Ст. 4. *Небесны музы. Музы* суть богини и изобрѣтательницы наукъ, дочери Юпитера и Мнемосины, сирѣчь *Памяти*.

40. О КУПИДѢ.

Нѣкогда въ шипкахъ Любовь
Не усмотрѣвъ спящую
Пчелу, ею угрызенъ
Въ палецъ руки, зарыдалъ,
Побѣжавъ же, и взлетѣвъ
Къ Венерѣ красавицѣ:
«Гину я мати, сказалъ,
«Гину, умираю я:
«Змѣй малой меня кольнулъ,
«Крылатой, котораго
«Пахари пчелой зовутъ.»
Она сказала ему:
«Если жало пчельное
«Столь тебѣ болѣзненно,
«Сколь чаешь больнѣе тѣмъ,
«Коихъ ты, дитя, язвишь?»

41. О ПИРѢ.

Веселы піемъ вино,
И Бахуса воспоемъ,
Танцевъ вымыслителя,
Многи пѣсни любяща,
Любови сонравнаго,
Венерѣ любимаго;
Имъ-же пьянство родилось,
Имъ-же благодати всѣ
Намъ въ сладость порождены;
Имъ-же скука престаетъ
И покоится печаль.
Стаканъ съ смѣшаннымъ виномъ

XL. Пѣсня сія по моему мнѣнію всѣхъ Анакреонтовыхъ превосходнѣе, и такою ее и древніе почитали.

XLI. Ст. 3. *Танцовъ вымыслителя*. Древніе приписали Бахусу изобрѣтеніе не только танцовъ, но и всѣхъ позорищныхъ игоръ.

Ст. 5. *Любови*. *Купидину*, сирѣчь.

Ст. 8. *Благодати*. Богини, сирѣчь, *Благодати*, которыя были дочери Юпитера и Евриномы, Океановой дочери; нѣкоторые ихъ сказываютъ дочерьми Бахуса и Венеры. Три ихъ числомъ и называются: *Аглае*, *Θалія* и *Евфросини*.

Ст. 12. *Съ смѣшаннымъ виномъ*. То есть, смѣшаннаго вина съ водою.

Поднесетъ красно дитя,
Тотъ часъ же печаль бѣжитъ
Въ бурю вѣтро-движиму.
Примемся мы за стаканъ,
Оставимъ же думы всѣ:
Что бо прибытку кому
Мысльми всегда мучиться?
Какъ намъ вѣдать будуще,
Неизвѣстна смертныхъ жизнь?
Напився, хочу плясать,
Духами жъ смазанъ, играть
Съ красными дѣвицами.
Думы оставляю тѣмъ,
Кои къ нимъ охотники;
Передъ ними думы всѣ.
Веселы піемъ вино
И Бахуса воспоемъ.

42. О СЕБѢ.

Бахусовы мнѣ пріятны
Игреливѣйшаго танцы;
Съ молодикомъ мнѣ пріятно
Со піющимъ играть въ гусли;
Паче-же всего пріятно,
Чело мое увязавши
Якинѳиными вѣнцами,
Съ красными дѣвки играти.
Зависти нѣтъ въ моемъ сердцѣ,
Злобну зависть презираю,
Злословнаго же языка
Убѣгаю легки стрѣлы.
Ненавижу въ пирахъ ссоры,
Гдѣ веселье лишь пристойно.
Съ молодыми убо дѣвы,
Подъ звукомъ гуслей танцуя,
Провождать тиху жизнь станемъ.

XLII. Ст. 15. *Съ молодыми.* Греческое слово значитъ тожъ, что (
щая въ возраста цвѣтъ.

Ст. 17. *Провождать.* Въ греческомъ стоитъ *нести.*

43. КЪ ТРЕКОЗѢ.

Трекоза, тя ублажаемъ,
Что ты, на древахъ вершинкѣ
Испивъ росы малы капли,
Какъ король, поешь до полна.
Твое бо все, что ни видишь
Въ окружныхъ поляхъ, и все что
Года-времена приносятъ.
Ты же, пахарей пріятель,
Никому вредна бывая;
Ты же честенъ человѣкомъ
Весны предвѣщатель сладкой;
Любятъ тебя и всѣ Музы,
И самъ Фебусъ тебя любитъ,
Что звонкой тебѣ далъ голосъ;
И не вредитъ тебѣ старость.
Мудрая земли отродокъ,
Пѣснолюбка! безпечальна,
Легкоплотна и самимъ чуть
Богамъ во всемъ не подобна.

44. О СВОЕМЪ СНѢ.

Грезилось мнѣ, что съ всей силы
Бѣгалъ я, на плечахъ крылья
Нося, Любовь же, красивыхъ
Вокругъ ногъ свинецъ имѣя,
Гналъ за мною и настигнулъ.
Что такое сонъ сей значитъ?

XLIII. Ст. 3. *Испивъ росы*. По свидѣтельству Θеокрита (Идилл. IV), Виргилія, Калимаха и другихъ трекоза питается росою.

Ст. 15. *Не вредитъ тебѣ старость*. Анакреонъ здѣсь припоминаетъ баснь *Гитонову*, которой пожелавъ быть безсмертнымъ, и забывъ при томъ просить, чтобъ ему молодость вѣчно сохранена была, такъ старъ сталъ, что *Заря*, жена его, умилився надъ нимъ, претворила его въ *трекозу*, которая николи не старѣетъ, но чрезъ всю свою жизнь въ одномъ состояніи пребываетъ.

Ст. 19. *Неподобна*. Разумѣть надобно *еси*, сирѣчь, *чуть ты и самимъ богамъ не подобна еси*.

XLIV. Ст. 2. и 3. *На плечахъ крылья нося*. Т. е. *я будучи съ крыламы*.

Мнѣ мнится то, что я въ многихъ
Красавицахъ улюбившись,
Досель могъ прервать ихъ узы,
Но что сей любви останусь
Вѣчный плѣнникъ неизбѣжно.

45. О СТРѢЛАХЪ КУПИДИНОВЫХЪ.

Мужъ Киѳеринъ при лемнитскихъ
Горнилахъ ковалъ изъ стали
Любови острыя стрѣлы;
Копейцы же стрѣлъ Венера
Погружала въ меду сладкомъ,
Гдѣ примѣшалъ желчь Купидо.
Марсъ, нѣкогда идя съ битвы,
Въ рукѣ тряся копье тяжко,
Насмѣялся стрѣлъ Любови,
Что легки; онъ одну давши,
Вотъ, сказалъ, эта тяжеле;
Возьми и самъ ты узнаешь.
Принялъ Марсъ отъ Любви стрѣлу,
Красна Венусъ улыбнулась,
Марсъ же, воздохнувъ сердечно,
Младенцу сказалъ крылату:
Возьми назадъ твою стрѣлу,
Тяжела она чрезъ мѣру.
Онъ отвѣчалъ: «предъ тобою!»

46. О СКУПОЙ ЛЮБВИ.

Не любити тяжело,
И любити тяжело,
А тяжелѣя всего,
Любя, любовь не достать.
Въ любви ничто старой родъ,
Ничто мудрость, добрый нравъ;

XLV. Ст. 1. *Мужъ Киѳеринъ при лемнитскихъ*. Киѳеринъ или Венеринъ мужъ былъ Вулканъ. Смотри объ немъ примѣчаніе подъ ст. I пѣс. 17. Лемносъ есть островъ въ Эгейскомъ морѣ, посвященъ Вулкану, нынѣ *Сталимене* называется.

XLVI. Ст. 4. *Любя, любовь не достать*. Въ греческомъ стоитъ: *не улучить любя*; чаю, мой переводъ хоть не такъ, да тожъ говоритъ.

Деньги однѣ лише чтятъ.
Сгинь тотъ, что первый изъ всѣхъ
Деньги въ свѣтѣ возлюбилъ!
За ними нѣтъ ни отца
Ужъ въ людяхъ, ни брата нѣтъ;
Для нихъ убійства, войны;
Всего жъ пуще гинемъ мы
За ними любители.

47. О СТАРИКѢ.

Любъ мнѣ старичокъ веселый,
Любъ мнѣ молодикъ-плясатель.
Старикъ же, когда танцуетъ,
Старикъ лишь онъ волосами,
Умомъ молодикъ бываетъ.

48. ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ПИРУ.

Омировы мнѣ подайте
Гусли, одну струну снявши,
Что поетъ кровавы битвы.
Законные подай кубки,
Подай мнѣ смѣшать уставы,
Да танцую я упившись,
Неистовствомъ же умѣрнымъ.
Поючи подъ звукомъ гуслей,
Пѣвцовъ пѣсни возглашаю.

XLVII. Ст. 5. *Молодикъ бываетъ*. Въ греческомъ стоитъ: *умомъ* младствуетъ.

XLVIII. Ст. 1. *Омировы*. Омиръ славный греческой стихотворецъ, которой описалъ Троянскую войну и путешествія Улиссовы.

Ст. 2. *Одну струну снявши*. Изрядно сіе выдумано, что будто на гусли Омировой одна особая струна была, которою военныя пѣсни наигрывалъ.

Ст. 4. *Законные подай кубки*, и ниже сего говоритъ: *Смѣшать уставы* разумѣть должно *уставы питейные,* понеже у грековъ въ праздникахъ выбирали короля, который учреждалъ величину стакановъ и весь порядокъ праздника.

49. КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Ну, искусный живописецъ,
Лирической внемли Музѣ!
Грады напиши въ началѣ
Смѣющися, и веселы,
И игреливы Баханты
Въ рукахъ съ дудками двойными;
И, буде воскъ того сможетъ,
Напиши законъ любящихъ.

50. О БАХУСѢ.

Въ питіи неутрудимыхъ,
Въ питіи неустрашимыхъ,
Плясуновъ въ питіи добрыхъ,
Юныхъ творяй, Богъ нисходитъ,
Сладкое, людямъ пріятно
Питье нося безпечально:
Вино, чадо винограда,
Въ ягодахъ еще сокрито,
На вѣтвіяхъ сохраняя;
Когда же срѣжутъ съ нихъ кисти,
Безболѣзненны всѣ будемъ,

XLIX. Ст. 2. *Лирической внемли музъ*. Лирическаго стихотворства суть пѣсни важныя или оды, каковы Пиндаревы и Ораціевы, и пѣсни столовыя, каковы суть Анакреонтовы.

Ст. 4. *Смѣющися. Грады смѣющися*. Отважилъ я сіе рѣченіе греческому слѣдуя; я чаю не худо изображаетъ веселіе городовъ.

Ст. 5. *Баханты*, женщины, которыя *Бакху* богу пьянства, посвящены.

L. Ст. 4. *Богъ нисходитъ*. *О Бахусѣ* говоритъ, которой, какъ сказано, почитанъ у древнихъ за бога пьянства и вина.

Ст. 8. *Въ ягодахъ еще сокрыто на вѣтвіяхъ сохраняя*. Такъ надлежитъ исправить сіи Анакреонтовы стихи, читая fullaton вмѣсто fullatein. Для вразумленія сей пѣсни не худо вѣдать, что греки слѣдующимъ образомъ дѣлали собираніе винограда. Сначала переносили въ домъ свой виноградъ на самыхъ вѣтвяхъ, повѣшивали оный на солнцѣ, чрезъ десять дней оставляя на томъ же мѣстѣ и въ ночь, потомъ оставляли его чрезъ пять дней въ тѣни, а въ шестой день начинали давить ягоды и лить вино въ бочки.

Здравы и веселы духомъ
До предбудущаго лѣта.

51. О БЛЮДЦѢ, НА КОТОРОМЪ ВЫРѢЗАНА БЫЛА ВЕНУСЪ.

Кто таковъ вырѣзалъ море?
Кое вышнее искуство
Разлило валы на блюдцѣ
По верхъ моря? кто на морѣ
Вырѣзалъ мягку Венеру,
Разумъ къ богамъ возвышенный,
Природную боговъ матерь?
Нагу ее показалъ онъ;
Что лишь видѣть неприлично,
То только валы скрываютъ.
Венера по нимъ несется,
Какъ легкая бѣла пѣна
Въ тихомъ морѣ; свое тѣло
Въ плавь пуская, предъ собою
Гонитъ воды; частью тѣла,
Что выше шипковыхъ титекъ,
Бѣлыя-жъ шеи пониже,
Сѣчетъ теперь валъ великой,
И такъ какъ ландышъ въ віолкахъ,
Блещетъ бѣла плоть сквозь воду.
Вокругъ же Венеры ѣдутъ
На игреливыхъ дельфинахъ
Младаго, но лестна вида
Любовь, и Имеръ смѣяся:
И горбатыхъ рыбъ ватага
Предъ очьми Пафы играетъ,
Да та плаваетъ смѣяся.

LI. Ст. 15, 16, 17. *Частью-жъ тѣла, что выше шипковыхъ титекъ, лыя-жъ шеи пониже*; то есть *плечьми*, понеже плавая тою частію тѣла ду разсѣкаемъ.

Ст. 24. *Имеръ*. Божокъ древнихъ, товарищъ Купидиновъ. Ни въ одномъ ь баснословцевъ не могъ я доискаться объ немъ пространнѣйшаго изстія.

52. О НОВОМЪ ВИНѢ.

Черны виноградны кисти
Въ лукошкахъ несущи мужи
На плечахъ съ красными дѣвки,
И въ тѣснило положивше,
Одинъ мужеской лишь топчетъ
Полъ, изъ ягодъ выдавляя
Вино, бога поютъ сильно
Приличными дѣлу пѣсньми,
И веселы въ бочкахъ смотрятъ
Кипящаго нова Бакха.
Того какъ старикъ напьется,
Дрожащими ноги пляшетъ,
Потрясая сѣды кудри.
Молодецъ же, имъ упився
Пріятный, присмотрѣвъ дѣвку,
Что на листахъ тѣнотворныхъ
Простираетъ мягко тѣло,
Отягощенну сномъ сладкимъ,
Къ заранней любви прельщаетъ.
Предавца чтобъ сталась брака:
Словами же увѣщати
Немогій, и нехотящу
Къ тому нудитъ, давя шею.
Ибо въ юныхъ Бахусъ пьяный
Весьма нахальливо шутитъ.

53. О ШИПКѢ.

Съ вѣнценосною весною
Вмѣстѣ пою лѣтней шипокъ.
Ты, дружокъ, пѣть помоги мнѣ!
Онъ бо свойственный боговъ духъ,

LII. Ст. 4. *Тѣснило*, чѣмъ виноградъ давятъ, я чаю *точиломъ* славяне называютъ.

Ст. 10. *Нова Бакха*. Сирѣчь новое вино. Такъ часто стихотворцы боговъ вмѣсто вещи имъ посвященной употребляютъ; какъ напримѣръ *Музъ* вмѣсто наукъ, *Беллону* вмѣсто войны и проч.

Ст. 20. *Предавца чтобъ сталась брака*. Чтобъ бракъ предала или опорочила. Прямое греческое слово значитъ того, кто *напередъ даетъ*. Потому тутъ Анакреонъ бы говорилъ, чтобъ *напередъ бракъ*, или *должность новобрачныхъ исполнить*.

Ст. 4. *Свойственный боговъ духъ*. Анакреонъ хочетъ симъ показать что шипка духъ богамъ пріятнѣе всѣхъ цвѣтовъ.

Онъ увеселенье смертныхъ,
Благодатямъ украшенье
Во время обильноцвѣтныхъ
Любовей, и Афродиты
Пріятнѣйшая забава.
Онъ попеченіе басней
И Музамъ цвѣтокъ любимый,
Сладокъ же, хотя и колетъ
Тому, кто изъ терній щиплетъ.
Сладко его, съ стебля снявши,
Мягкими нагрѣвъ руками,
Въ пустомъ кулакѣ извѣдать
Счасливы-ль наши любови.
И мудрецу онъ пріятенъ;
Въ пирахъ, на столахъ, и въ праздникъ
Бахусовъ онъ же приличенъ.
Что же безъ шипка быть можетъ?
Ибо заря шипкоперстна,
Шипколокотныя нимфы,
И шипконожна Венера
Зовутся отъ стихотворцевъ.
Онъ пользуетъ и болящимъ;

Ст. 8. *Афродиты. Венера* по латински, *Афродита* по гречески.

Ст. 16. и 17. *Извѣдать счастливы-ль наши любови.* Греки нѣкогда для сего намѣренія употребляли розовые листы, положивъ ихъ на кулакъ и ладонью сверхъ пріударивъ, буде листъ лопался съ звукомъ, чаяли, что ихъ любовь удачлива; буде звону не происходило, то разсуждали противное. Всѣ робята такимъ образомъ, хоть не въ томъ намѣреніи, у насъ листами играютъ.

Ст. 18. *Мудрецу. Мудрецами* греки стихотворцевъ называли, для того что всѣ бывали почти философы.

Ст. 22. *Заря.* Древніе язычники всѣ почти вещи въ боги претворяли, такъ *Зарю* называли богинею, сестрою *Солнца* и *Луны* и дочерью, по однихъ мнѣнію *Гиперіона* и *Ѳія*, по другихъ *Титана* и *Земли* почитали.

Ст. 23. *Нимфы*, которыхъ Виргилій называетъ *матерьми водъ*, были по баснословію древнихъ дочери *Океана* и *Ѳетиды. Имя Нимфъ* не токмо богинямъ водъ, но и земнымъ и небеснымъ приписуется.

Нереиды суть *нимфы морскія.*

Незады — рѣчныя.

Лимніады — озерныя.

Гамадріады и *Дріады* имѣли надзираніе лѣсовъ и огородовъ. *Напеи*, богини огородовъ, часто у стихотворцевъ за *Дріадъ* употреблены.

Ореады и *Орестіады* суть нимфы обитающія на горахъ. Небесныя нимфы *Музами* другіе называютъ.

Ст. 26. *Пользуетъ болящимъ*, понеже розы употребляются въ лекарствахъ.

Онъ и мертвымъ помогаетъ;
Онъ одолѣваетъ время,
Пріятна бо шипка старость
Юношства духъ имѣетъ.
Но убо родъ его скажемъ!
Когда съ веселаго моря
Орошенную Киѳпру
Пѣною порождалъ Понтусъ,
И войнолюбну Минерву
Выводилъ изъ чела Іовишъ,
Зрѣлище страшно Олимпу,
Тогда и красивой шипокъ,
Цвѣтъ земля процвѣла новый,
Рожденіе многоцвѣтно.
Соборъ же боговъ блаженныхъ,
Да шипокъ совершенъ будетъ,
Нектаромъ помазавъ оный,
Произвелъ великолѣпный
И пахучей цвѣтъ изъ терній.

54. О СЕБѢ.

Когда я юныхъ ватагу
Увижу, молодъ самъ стану,
Тогда убо, тогда къ пляскѣ
Старикъ я крылатъ бываю.

Ст. 27. *Мертвымъ помогаетъ*. Розы мѣшивали въ тѣхъ бальзамахъ, коими мертвыхъ обмазывали.

Ст. 33 и 34. *Киѳиру пѣною порождалъ Понтусъ*. *Киѳира* или *Венера*, матерь любви и богиня всѣхъ сластей, родилася изъ удъ тайныхъ *Целуса* бога, которые *Сатурнъ*, отсѣкши, бросилъ въ море. *Понтусъ* море толкуется.

Ст. 35. *Минерву*. Многажды уже сказано, что *Минерва*, богиня премудрости, родилася изъ мозгу Іовишова.

Ст. 37. *Олимпу*. *Олимпъ* гора въ Македоніи и Ѳессаліи, у стихотворцевъ значитъ *небо*, понеже та гора столь высока, что кажется въ облака уходитъ.

Ст. 40. *Рожденіе многоцвѣтно*, ибо шипки бываютъ разныхъ цвѣтовъ.

Ст. 43. *Нектаромъ помазавъ*. *Нектаръ* у стихотворцевъ называется *питье боговъ*.

Ст. 45. *И пахучей цвѣтъ*. Въ греческомъ стоитъ *и пахучей цвѣтъ Бахусовъ*.

LIV. Ст 4. *Крылатъ бываю*. Сирѣчь такъ легокъ становится, какъ бы крылья нажилъ.

Подожди меня, Кивива:
Дай шипки; хочу вѣнчаться.
Отбѣгая сѣду старость,
Восплашу въ молодыхъ молодъ.
Бахусовыхъ поднеси-жъ мнѣ
Кто нибудь сокъ сладкихъ ягодъ;
Да узритъ старика силу,
Кой говорить, и пить знаетъ,
И знаетъ шалѣть пріятно.

55. О ЛЮБИТЕЛЯХЪ.

Кони убо на стегнахъ
Выжженой имѣютъ знакъ,
И пареянскихъ всякъ мужей
По шапкѣ можетъ узнать.
Я же любящихъ тотчасъ,
Лишь увижу, познаю;
Того бо, что бѣдные
Въ сердцѣ скрываютъ своемъ,
На лицѣ видится знакъ.

Ст. 5. *Кивива.* Богиня у древнихъ земли и лѣсовъ, *Цибелле* по латински. Смотри примѣчаніе подъ ст. 3 пѣс. 13.

LV. Ст. 2. *Имѣютъ знакъ.* Весьма древнее обыкновеніе есть пятнать коней въ стегно. Греки къ тому двѣ литеры употребляли Каппа и Сапъ, которыхъ начертаніе было слѣдующее: К. С.

Ст. 3. *Пареянскихъ мужей. Пареія* есть провинція Асіатическая, которая нѣкогда составляла часть Персидскаго царства, нынѣ составляетъ провинцію *Еракъ атземъ* и часть *Хоросанской.*

С. 8. *Въ сердцѣ скрываютъ.* Въ греческомъ стоитъ: *имѣютъ бо нѣкой малой знакъ внутрь сердца.* Я не знаю, какъ можно видѣть внутрь сердца, для того прибавилъ, что *на лицѣ видѣть знакъ того, что въ сердцѣ кроется.*

ПИСЬМА

КВИНТА ГОРАЦІА ФЛАККА

ПЕРЕВЕДЕНЫ СЪ ЛАТИНСКИХЪ НА РУССКІЕ СТИХИ И ПРИМѢЧАНІЯМИ ИЗЪЯСНЕНЫ

ВЪ ПАРИЖѢ 1742 Г.

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕРВОЙ,

августѣйшей императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, государынѣ всемилостивѣйшей.

Тебѣ жъ [1] самодержицѣ, посвятить трудъ новый,
И должность совѣтуетъ и самое дѣло;
Извинятъ они жъ мою смѣлость предъ тобою.
Приношу тебѣ стихи, которы на римскомъ
Языкѣ показались достойными ухо
Августово [2] насладить; тебѣ онъ подобнѣ
Разширивъ и утвердивъ, вездѣ побѣдитель,
Державы своей предѣлъ, по трудахъ покойно
Міромъ цѣлымъ властвовалъ, въ одной лишь различенъ
Мести [3] къ врагамъ, коихъ ты прощаешь славнѣе.
Къ нравовъ исправленію творецъ [4] писать тщался,
Искусно хвалитъ вездѣ красну добродѣтель
И гнусное вездѣ онъ злонравіе хулитъ:
Ты и добродѣтели лучшая защита,

---

1) Для того *тебѣ жъ*, что уже прежде сей книжки я приписалъ ея императорскому величеству другія три.

2) Ухо Августа Кесаря, который особливо наслаждался стихами Гораціевыми.

3) Не можно читать безъ крайняго ужасу въ римской исторіи, кровопролитіе, учиненное Августомъ подъ видомъ отмщенія убійства Юлія Кесаря.

4) Сирѣчь Горацій.

И пороки прогонять не меньше прилежна.
Сильнѣе, пріятнѣе венузинца [5] звоны [6],
Но я твоимъ говорю языкомъ счастливымъ,
И хоть сладость сохранить не могли латинскихъ,
Будутъ не меньше стихи русскіе полезны:
Не далеко отстою [7], хоть съ нимъ не равняюсь
Если жъ удостоюся похвалъ твоихъ цѣнныхъ [8],
Дойдетъ къ позднѣйшимъ моя потомкамъ ужъ слава
И венузинцу свою завидѣть не стану.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Между всѣми древними латинскими стихотворцами я чаю Горацій одержитъ первѣйшее мѣсто. Удачливъ въ составѣ рѣченій, искусенъ въ выборѣ прилагательныхъ, смѣлъ въ вымыслахъ, изображаетъ оные съ силою и сладостію. Въ сочиненіяхъ его дѣлу слогъ соотвѣтствуетъ, забавенъ и простъ въ сатирахъ и письмахъ своихъ, высокъ и пріятенъ въ своихъ пѣсняхъ; всегда сочен и такъ наставленіями, какъ примѣрами къ исправленію нравовъ полезенъ. Для того творенія его не только въ его временахъ Августу Кесарю и знатнѣйшимъ римлянамъ были любезны, но и чрезъ слишкомъ семнадцать вѣковъ при всѣхъ ученыхъ людяхъ во всѣхъ почти народахъ заслужили себѣ многое почтеніе. Для того и я желая дать на нашемъ языкѣ опытъ перевода латинскихъ стихотворцевъ, чаялъ, что не могъ бы сыскать лучшаго, а изъ его сочиненій выбралъ я его Письма, для того что онѣ больше всѣхъ его другихъ сочиненій обильны нравоученіемъ. Почти всякая строка содержитъ какое либо правило, полезное къ учрежденію житія.—Перевелъ я тѣ Письма на стихи безъ риѳмъ, чтобъ по близку держаться первоначальнаго, отъ котораго нужда риѳмы часто понудила бы меня гораздо отдаляться. Вѣдаю, что такіе стихи инымъ стихами, за тѣмъ недостаткомъ риѳмы, не покажутся; но ежели они изволятъ прилежно примѣчать, найдутъ въ нихъ нѣкое мѣрное согласіе и нѣкой пріятной звонъ, который, надѣюсь, докажетъ, что въ сочиненіи стиховъ нашихъ можно и безъ риѳмы обойтися.

---

5) Горацій родился въ Венузѣ, городѣ Италіи, смотри въ его житіи.
6) *Звоны* вмѣсто *рѣчи* или *стихи*.
7) *Недалеко отстою*, сирѣчь въ переводѣ своемъ.
8) *Цѣнныхъ* вмѣсто *драгоцѣнныхъ* за нужду мѣры.

Предводительми и примѣромъ намъ въ томъ служатъ многихъ народовъ искусные стихотворцы. Италіанскіе творцы почти всѣхъ латинскихъ и греческихъ перевели на такихъ стихахъ безъ рифмъ (versi sciolti у нихъ называемые); знаменитый межъ ними переводъ Виргилія Аннибаломъ Каромъ и Лукреція Маркетіемъ, которые для перевода почти ни въ чемъ отъ подлинниковъ своихъ не отстаютъ. А и новыя творенія у нихъ на такихъ стихахъ сочинены, какова есть Триссинова *Освобожденная Италія*, Italia liberata. Между англичанами не должно забыть славный Мильтоновъ Потерянный рай. Можно бы еще много другихъ напомянуть, еслибъ я не опасался излишно продолжить рѣчь свою.—Въ многихъ мѣстахъ я предпочелъ переводить Горація слово отъ слова, хотя самъ чувствовалъ, что принужденъ былъ къ тому употребить или слова или образы рѣченія новые и потому не вовсе вразумительные читателю, въ латинскомъ языкѣ не искусному. Поступокъ тотъ тѣмъ извиняю, что я предпріялъ переводъ сей не только для тѣхъ, которые довольствуются просто читать на русскомъ языкѣ Письма Гораціевы, по латински не умѣя; но и для тѣхъ, кои учатся латинскому языку и желаютъ подлинникъ совершенно выразумѣть. Да еще и другая польза отъ того произойдетъ, ежели напослѣдокъ тѣ новыя слова и рѣченія въ обыкновеніе войдутъ, понеже чрезъ то обогатится языкъ нашъ, который конецъ въ переводѣ книгъ забывать не должно.

Къ тому мнѣ столь больше надежда основана, что тѣ введенныя мною новыя слова и рѣченія не противятся сродству языка русскаго и я не оставилъ оныхъ силу изъяснить въ приложенныхъ примѣчаніяхъ такъ чтобъ всякому были вразумительны, нужны были теперь тѣ примѣчанія; современемъ оныя новизны, можетъ быть, такъ присвоены будутъ народу, что никакого толку требовать не будутъ. Нужно еще было изъяснить обычаи древніе, обряды и другія вещи, и имена лицъ, о которыхъ въ Письмахъ Гораціевыхъ упоминается, понеже безъ того не только мало бы услажденіе читатель отъ нихъ получить могъ, но часто были бы и совсѣмъ не вразумительны. Для того примѣчанія большую часть труда моего составляютъ, хотя оныя отъ большой части я занялъ у Дассіера и другихъ толкователей Гораціевыхъ.

Буде мое предпріятіе угодно покажется читателямъ, можно бы уповать, что современемъ другіе искуснѣйшіе люди не только довершатъ переводъ всѣхъ Гораціевыхъ сочиненій, но и другихъ стихотворцовъ римскихъ и латинскихъ чрезъ переводъ русскій съ народомъ нашимъ обзнакомятъ, отъ чего произошла бы не малая польза къ распространенію наукъ въ нашемъ отечествѣ, которому одна только та слава отчасти не достаетъ.

ЖИТІЕ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

Квинтусъ Горацій Флаккъ родился два года прежде Катилинска бунту, во второмъ консулъствѣ Л. Аврелія Котты и Манлія Торквата въ Венузѣ, городѣ Апулійскаго уѣзду, который нынѣ называется La Pullia и составляетъ часть Неаполитанскаго королевства. Отецъ его былъ свобожденникъ и сборщикъ государственныхъ поборовъ. Нѣкоторые сказываютъ, что кормился продажею соли.

Въ десятое лѣто возраста своего привезенъ отцомъ въ Римъ и тамъ честно воспитанъ и свободнымъ наукамъ обученъ въ обществѣ съ многими благородными младенцами. Но отецъ самъ примѣромъ и наставленіями своими утвердилъ въ немъ добронравіе, какъ самъ засвидѣтельствуетъ съ благодарностію въ сатирѣ 6, книгѣ I.

Изъ Рима отосланъ въ Аѳины обучаться философіи и математикѣ. Будучи въ Аѳинахъ еще въ 23 году возраста, Брутусъ (убійца Юлія Кесаря), имѣя великую нужду въ офицерахъ, отвлекъ его отъ наукъ къ междуусобной тогдашней войнѣ и поставилъ его трибуномъ войска, сирѣчь полковникомъ. Въ томъ же чину присутствовалъ онъ въ бою Филиппическомъ, но безчестно при сраженіи бѣжалъ, бросивъ щитъ свой.

Брутусово войско, бывъ въ томъ бою разбито, все имѣніе Гораціево описано въ добычу побѣдителей, Августа и Антонія, потому, нищетою побужденъ, дался стихотворству и столько въ немъ преуспѣлъ, что чрезъ то знакомъ былъ знатнѣйшимъ римскимъ вельможамъ, а между ними Меценату, временщику Августа Кесаря, которому отъ стихотворца Виргилія представленъ; не долго спустя чрезъ Мецената досталъ себѣ милость Августову, отъ котораго не только возвращены ему вотчины и пожитки его, но и сверхъ того обильно награжденъ.

Пріятные нравы, острота ума и усладительный разговоръ Гораціевъ столь стали любезны императору и его временщику, что оба ко всѣмъ своимъ забавамъ его пріобщали и искреннимъ другомъ своимъ имѣли, а наипаче Меценатъ. Августъ его и чиномъ секретаря своего почтить желалъ, который принять не похотѣлъ, понеже съ природы Горацій былъ лѣнивъ и покойное житіе всякой славѣ предпочиталъ.

Склоненъ къ тишинѣ ума и къ прохладѣ, охотно время свое препровождалъ въ своихъ загородныхъ домѣхъ въ Тибурѣ и въ уѣздѣ Тарентинскомъ, откуда весьма лѣниво возвращался въ Римъ по частому побужденію благодѣтелей или за крайними своими и пріятельскими нуждами. Любилъ онъ умѣренную пищу, но чистый приборъ стола, платья и дому. Къ женскому полу склоненъ и до пятидесяти

лѣтъ возраста, въ бесѣдахъ веселъ, забавенъ, любилъ имѣть полную свободу въ рѣчахъ, и потому съ одними надежными пріятелями искалъ пировать.

Ростомъ малъ и жиренъ, сѣдъ прежде сорока лѣтъ, слабаго здоровья, наипаче глазами часто болѣлъ, умеръ 57 лѣтъ и погребенъ близъ Меценатова гроба въ Римѣ, оставя по себѣ наслѣдникомъ Августа Кесаря. Сочиненій его до насъ дошло пять книгъ пѣсней, еще пѣсня подъ титломъ Carmen Seculare, двѣ книги сатиръ, двѣ книги писемъ и письмо о искуствѣ стихотворномъ. Всѣ тѣ его сочиненія отъ Августовыхъ временъ по наши заслужили себѣ отмѣнную похвалу и почтеніе, и знатнѣйшіе такъ древніе, какъ новые списатели признаютъ, что Горацій оказалъ въ нихъ чрезвычайную остроту ума, многую силу и пріятность въ рѣчахъ и особливое искуство соглашать дѣлу слова свои.

ТАБЛИЦА ПИСЕМЪ ГОРАЦІЕВЫХЪ.

КНИГА I.

Письмо 1. *Къ Меценату*. Обличаетъ непостоянство человѣка и неправильный судъ людей о богатствахъ и почестяхъ.

2. *Къ Лоллію*. Совѣтуетъ похоти воздерживать и присвоять себѣ добродѣтели благовременно.

3. *Къ Влію Флору* увѣдомляется о Тиберіѣ Клавдіѣ Неронѣ и о нѣкоихъ грамотныхъ людяхъ, потомъ увѣщаваетъ прилежать къ мудрости и братское согласіе хвалитъ.

4. *Къ Тибуллу*. Къ честному труду и потомъ къ прохладѣ склоняетъ.

5. *Къ Торквату*. Зоветъ его ужинать и счисляетъ пользу пьянства.

6. *Къ Нумицію*. Доказываетъ, что тотъ лишь счастливъ, кто ничего не боится и ничего не желаетъ.

7. *Къ Меценату*. Хвалитъ его къ себѣ великодушіе, но свободу и покой предпочитаетъ богатству.

8. *Къ Альбиновану*. Съ стороны щиплетъ его пороки.

9. *Къ Клавдію Нерону*. Септилія его благосклонности поручаетъ.

10. *Къ Фуску Аристію*. Деревенское житіе надъ городскимъ хвалитъ.

11. *Къ Булацію*. Изъясняетъ, что не отъ мѣста, гдѣ живетъ, зависитъ наше блаженство.

12. *Къ Ицію*. Показываетъ, что столько человѣкъ богатъ, сколько имѣніемъ своимъ пользуется.

13. *Къ Виннію Аселѣ*. Наставляетъ его, какимъ образомъ должно отнесть его книгу къ Августу Кесарю.

14. *Къ прикащику своему*. Хулитъ его, что предпочитаетъ жить въ городѣ.

15. *Къ Нуманію Валлѣ*. Извѣдываетъ о Салернѣ и Веліи и увѣщаетъ къ прохладному житью.

16. *Къ Квинктилію*. Описаніе Гораціевой деревни, изслѣдуетъ, кого звать должно честнымъ человѣкомъ.

17. *Къ Сцевѣ*. Изъясняетъ, что не должно презирать дружбу вельможей и какимъ образомъ оную доставать.

18. *Къ Лоллію*. Описываетъ должность дружества и что способствуетъ къ пріобрѣтенію тишины душевной.

19. *Къ Меценату*. Осуждаетъ худой образъ подражанія.

20. *Къ своей книгѣ*. Содержитъ Гораціево оправданіе, его родъ и доказываетъ его смиренность.

КНИГА II.

Письмо 1. *Къ Августу*. Хвалитъ сего Кесаря, особливымъ искуствомъ даетъ о началѣ благоспѣшанія и состоянія стиховъ, обличаетъ любящихъ одну древность.

2. *Къ Влію Флору*. Извиняется Горацій, что къ нему не писалъ, ни стиховъ ему своихъ не прислалъ.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА:

ПИСЕМЪ КНИГА I.

ПИСЬМО I.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Меценате, пѣтый мнѣ первыми стихами,
И котораго еще въ послѣднихъ пѣть стану,

I. Изъ самаго начала сего письма усмотрѣть можно, что оно писано въ отвѣтъ Меценату, которой Горація понуждалъ писать лирическія стихи. Горацій ему представляетъ, что уже нынѣшныя его лѣта не позволяютъ упражняться въ такихъ бездѣлкахъ, и что избирая дѣло, возрасту своему согласное, къ одной только философіи склоненъ. Потомъ показываетъ, сколь полезна людямъ въ любомудріи прилежность, которая насаждаетъ добрые и искореняетъ злые нравы.

Каій Клитій Меценатъ, къ которому письмо сіе писано, былъ одинъ изъ главнѣйшихъ министровъ и временщикъ Августа Кесаря, надъ всѣми ему любимый, особливый защитникъ наукъ и ученыхъ людей, искренный пріятель и благодѣтель Гораціевъ. По нѣкоихъ мнѣнію Меценасъ начало рода своего велъ изъ королей этрурійскихъ. Для того Горацій говоритъ въ первой къ нему одѣ:

Mecænas at avis edite regibus.
Меценате, рожденный отъ предковъ царскихъ.

Ст. 1. *Меценате пѣтый мнѣ первыми стихами*. Въ латинскомъ стоитъ: Prima dicte mihi Camœna. Сирѣчь: *Сказанный мнѣ первою музою*. Обыкновенно латинскіе и греческіе стихотворцы употребляютъ слово *сказывать* вмѣсто *пѣть*.

Dic mihi Musa virum, captæ post tempora Trojæ
Qui mores hominum multorum vidit et urbes. *)

То есть: Скажи мнѣ, музо, мужа, которой по взятіи Трои
Видѣлъ многіе городы и многихъ народовъ нравы.

Музамъ стихотворцы даютъ различныя титлы, которыя отъ ихъ различныхъ жилищъ берутъ: такъ называютъ они ихъ Піеридами, Каменами и проч.—Отъ словъ сего стиха и слѣдующихъ многіе разсуждаютъ, что Горацій *первыми стихами*, prima Camœna, разумѣетъ первую свою пѣсню

---

*) Стихъ въ Омировой Одиссеѣ, переведен. Гораціемъ. (*Кант*).

Довольно ужъ вызнанна меня, отставнаго
Въ прежнее позорище вновь ты включишь ищешь.
Не тѣ же годы ужъ мнѣ, и мысль ужъ не та же.
Вeяній, къ дверямъ ружье Геркуля привѣсивъ,
Въ селѣ тихое житье отдаленъ проводитъ;

къ Меценату, и *ultima Camoena*, *послѣдними стихами*, означаетъ сіе письмо. Но въ самомъ дѣлѣ онъ свои стихотворныя сочиненія на двѣ части различаетъ. Первая содержитъ его лирическіе стихи, его пѣсни. Вторая творенія философическія, каковы суть сатиры и сіи письма. И оба тѣ рода стиховъ Меценату посвящаетъ.

Ст. 3. *Вызнанна* вмѣсто вызнаннаго чрезъ сокращеніе. Spectatum въ латинскомъ значитъ *искушеннаго*. Рѣчь занятая отъ серебренниковъ кои серебро и золото искушаютъ; или отъ единоборцовъ, кои многіе бои съ удачею произвели.

Ст. тотъ же. *Отставнаго*. Въ латинскомъ стоитъ Rude donatum, *одареннаго деревяннымъ палашемъ*. Когда оружій учители наставляли гладіаторовъ, то есть единоборцовъ, въ ихъ наукѣ, употребляли деревянные палаши, которые назывался Rudis; и когда тѣ гладіаторы выслуживали три года въ боевой площади, народъ давалъ имъ свободу, подаривъ ихъ такимъ деревяннымъ палашемъ. Такіе единоборцы назывался *рудіаріи*, и бывали совсѣмъ свободны, или буде полную вольность не получали, оставался учителями другихъ, и исполняли должность *ланистовъ*. — Изрядно Горацій соравняетъ лирическое стихотворство боевому позорищу, и Стихотворцовъ единоборцамъ или подвижникамъ. Какъ единоборцы не должны были старѣть въ позорищи, понеже за истощеніемъ силъ никакого увеселенія зрителямъ тогда подать бы не могли, такъ и лирической стихотворецъ долженъ заблаговременно отъ своего ремесла отстать, чтобъ не потерялъ въ старости славу, которую прежнихъ лѣтъ удача ему доставила.

Ст. 4. *Въ прежнее позорище вновь ты включить ищешь*. То есть: Ты, Меценате, желаешь, чтобъ я паки началъ прежнее свое упражненіе, чтобъ я по прежнему писалъ лирическіе стихи.—*Въ прежнее позорище* Antiquo Ludo. Ludus назывался мѣсто, площадь та, гдѣ единоборцы отправляли бой свой. *Подвигомъ* чаю можно бы назвать, буде *позорище* неправнѣе.

Ст. 5. *Не тѣ годы уже мнѣ, и мысль ужъ не та же*. Должно по лѣтамъ соглашать свою склонность. Когда уже отъ возраста отстаетъ, много человѣкъ шалѣетъ.

Ст. 6. *Веяній* знаменитой римской боецъ, котораго образомъ Горацій подтверждаетъ, что въ старости должно отставить молодаго возраста забавы.

Ст. тотъ же. *Къ дверямъ ружье Геркуля привѣсивъ*. Когда римляне покидывали свое ремесло, обычай имѣли посвящать орудія того ремесла богу, которому то ремесло было подчинено. Для того Веяній посвящаетъ ружье свое Геркулю, богу поборищъ и единоборцовъ. Близъ всякаго амфитеатра были поставлены храмы или часовни, Геркулю посвященные.

Ст. 7. *Отдаленъ*, Abditus значитъ *отдаленіе совершенное безъ повороту*

Чтобъ вдругорь на площади краю у народа
Не былъ принужденъ просить милость и свободу.
Въ уши ужъ очищенны часто слышу голосъ
Звонко мнѣ совѣтовать: коню что старѣетъ
Благовременно покой дай, буде ты зваться
Умнымъ хочешь, дабы той напослѣдокъ зрящихъ
Въ смѣхъ падежемъ не привелъ, и не впалъ въ одышку.
Нынѣ убо, и стихи оставя и шутки,
Что честно и истинно прилеженъ собою
И чрезъ другихъ я искать, весь въ томъ упражняюсь.

Ст. 8 и 9. *Чтобъ вдругорь на площади краю у народа не былъ принужденъ просить милость и свободу.* Отставнымъ бойцамъ позволялося возвращаться къ своему ремеслу, но уже не вольны они бывали отстать, пока вторично народъ ихъ не освобождалъ. Когда боецъ или отставной или неотставной желалъ получать свою свободу, подвигался на край площади, и умильнымъ лицемъ и голосомъ прашивалъ оную отъ народа. *На краю площади.* Въ латинскомъ изображено чрезъ *extrema arena.* Arena называлася площадь, на которой бой отправлялся. Въ сродномъ знаменаніи arena значитъ *песокъ*, ибо площадь та пескомъ была наслана.—Примѣчай, что въ латинскомъ вмѣсто*, чтобъ вдругорь на площади краю*, стоитъ, *чтобъ столько разъ на площади краю* ne toties.

Ст. 10. *Въ уши ужъ очищенны часто слышу голосъ.* Первая причина, для чего Горацій извиняется писать лирическіе стихи, былъ образецъ Веяпуса бойца; теперь приводитъ вторую, сирѣчь здраваго смысла совѣтъ, который ему часто на ухо звенитъ, чтобъ благовременно отстать отъ того труда, дабы за слабостію силъ не лишиться добытой предъ симъ славы; и оное подтверждаетъ примѣромъ коня, который, когда уже состарѣетъ, негоденъ бѣжать въ поприщи, понеже или падежемъ насмѣшитъ зрителей, или добудетъ одышку къ своей погибели.—*Уши очищенны* значитъ исправленное здравымъ разсужденіемъ сердце отъ всякихъ страстей и вредныхъ мнѣній.

Ст. 14. *Въ смѣхъ падежемъ не привелъ.* Упавши не заставилъ зрителей смѣяться. Въ латинскомъ стоитъ ne peccet ad extremum ridendo, *чтобъ напослѣдокъ не погрѣшилъ и смѣха надъ собой не поднялъ.*

Ст. 15. *Нынѣ убо и стихи оставя и шутки.* Гораздо скорое послушаніе вышепоказаннаго совѣта. Лишь здравой смыслъ промолвилъ, то онъ совѣту послѣдуетъ. Такъ бываетъ, когда душа страстей и мнѣній ложныхъ свободна. *Стихи и шутки*, сирѣчь лирическіе стихи, стихи любовные, и всѣ шалости, которыя молодому возрасту согласуютъ, каковы суть любовь, прохлады, праздники, препровожденіе безсонныхъ ночей и проч.

Ст. 16 и 17. *Что честно и истинно.* Сирѣчь обучаюся нравоученію, прилежу въ исправленіи нравовъ своихъ. — *Что честно и истинно,* двѣ вещи, кои должны быть крайнее всякаго человѣка попеченіе и обученіе. — *Прилеженъ собою и чрезъ другихъ я искать*, такъ я выразумѣлъ латинскія слова curo et rogo.

Учреждаю и коплю сокровища, кои
Тотчасъ въ пользу бы я могъ употребить многу.'
Предупреждая вопросъ твой, подъ какимъ вождемъ '
Въ какой ватагѣ живу, скажу тебѣ словомъ:
Особно волѣ ни чьей одной не божился
Слѣдовать я, но куды буря ни закинетъ,

т. 18 и 19. *Учреждаю и коплю сокровища, кои и проч.* Не только *лю* нужныя къ исправленію нравовъ знанія, кои суть истинное сокро-
іе, но и *учреждаю*, въ изрядной порядокъ располагаю, чтобъ *тотчасъ* ь утраты времени я могъ оныя употребить въ свою и въ многихъ ьзу.—*Тотчасъ въ пользу бы я могъ употребить многу.* Въ латинскомъ итъ: Quæ mox depromere possim. Depromere значитъ *вынуть*, *выдать*; аю не вредитъ мой прибавокъ, которой и въ Дасіеровомъ французскомъ еводѣ введенъ.

т. 20. *Предупреждая вопросъ.* Горацій объявя, что онъ въ любому-
і прилежно упражняется, и въ его время будучи народъ философовъ на ныя ватаги раздѣленъ, изъясняетъ пріятелю своему, что онъ не дер-
ся особливаго какого мнѣнія, ни послѣдуетъ одному учителю больше ъ другому, но изъ различнаго ученія выбираетъ то, что полезнѣе и судительнѣе кажется.

т. тотъ же. *Подъ какимъ вождемъ.* Горацій вождями называетъ началь-
овъ всякой философической ватаги или секты. Всякая изъ нихъ своего ла и почитала: академическая Платона, перипатетическая Аристотеля, ическая Зенона, циренейская Аристипа, эпикурская Эпикура и проч.

т. 21. *Въ какой ватагѣ.* Въ латинскомъ стоитъ: *въ какомъ домѣ*, Quo tuter; но *ватагу* или *секту* чрезъ то разумѣетъ, какъ онъ написалъ эдѣ 29, книги 1 Socraticam domum, домъ Сократовъ, вмѣсто *Сокра-
а секта*, и то для того, что секты философовъ назывались familiæ, ьи.

т. 22. *Особливо волѣ ничьей одной не божился слѣдовать я.* Я не бо-
ся, я не обѣщался особливо слѣдовать одной волѣ, одному, кого ни-
, мнѣнію; но отъ всякаго беру, что мнѣ правѣе и пристойнѣе ка-
ся. Въ латинскомъ стоитъ: Tullius addictus jurare in verba Magistri. *иикты* въ сродномъ знаменаніи назывались должники, которыхъ пре-
ь отдавалъ во власть заимодавцамъ. Называли также *аддиктами* вои-
, которые, вписываяся въ войско, присягу чинили своему воеводѣ; и емъ послѣднемъ разумѣніи Горацій то слово употребляетъ, чему по-
подала рѣчь *вождя* въ предъидущемъ стихѣ, которая принадлежитъ военной службѣ. Слово Magister кажется больше приличествовать учи-
чѣмъ военному человѣку; но извѣстно, что римляне называли кон-
воеводу Magister Equitum.

т. 23. *Но куды буря ни закинетъ, гостемъ бываю.* Горацій уподоб-
ъ философовъ тѣмъ, кои въ морѣ плаваютъ, и которые должны пріу-
вляться жить во всякой землѣ, куды буря ихъ ни закинетъ. Море, въ ромъ философы находятся, есть міръ сей; вѣтры и погоды суть дѣла риключеніи, которыя иногда понуждаютъ философа вступать въ долж-
ги гражданскія, а иногда позволяютъ ему жить въ покоѣ и въ тишин

Гостемъ бываю. Теперь, гибокъ и проворенъ,
Погружаются въ волнахъ гражданскихъ стражъ твердый
И другъ добродѣтели истыя; потомъ же
Подъ знамя Аристипа подкравшися, силюсь
Вещи себѣ, не себя вещамъ подчиняти.

отдаленнымъ.—*Гостемъ*, hospes. Дасіеръ въ своемъ переводѣ не включилъ, и не изъяснилъ рѣчь ту, но отъ словъ его видно, что hospes по его мнѣнію значитъ *хозяинъ*, понеже говоритъ въ примѣчаніи своемъ doivent être preparés à vivre dans tous les pais où la tempete les a jettés *comme s'ils etaient naturalisés*. Въ латинскомъ языкѣ Hospes значитъ и *хозяина* и *гостя*. Не знаю, не приличнѣе ли *гостемъ* того звать, кто бурею закинутъ въ какое мѣсто онымъ наслаждается; или кто изъ одной секты въ другую переходитъ, и изъ всякой беретъ, что въ ней полезнѣе, ни на одной не остановляяся?

Ст. 24. *Теперь гибокъ и проворенъ погружаюся*. Изрядно Горацій изобразуетъ искуство нужное тому, кто въ свѣтѣ живетъ, и кто отъ всякихъ злоключеній счастливо вывязиться желаетъ. Если мы *не гибки*, если мы *непроворны* (такъ я перевелъ латинское agilis fio), безнадежно погибаемъ.

Ст. 25. *Погружаюся въ волнахъ гражданскихъ*. Гражданскими волнами называетъ дѣла, упражненіи докучныя и попеченіи, о которыхъ упоминаетъ въ Сатирѣ VI, книги I.

— Aliena negotia centum
Per caput et circa saliunt latus.

(Со всѣхъ сторонъ меня обступаютъ тьма дѣлъ мнѣ непринадлежащихъ).

Ст. тотъ же и 26. *Стражъ твердый и другъ добродѣтели истыя*. Погружается въ дѣла гражданскаго житія, но какъ человѣкъ совершенно добродѣтели преданный, не забывай сирѣчь должность честнаго, безкорыстливаго и безпристрастнаго человѣка, однимъ словомъ, какъ строгой *стоикъ*. Ибо Стоическіе философы не только позволяли, но и совѣтовали упражняться въ гражданскомъ правленіи, и запрещая сластолюбіе, въ добродѣтели поставляли крайнее блаженство.

Ст. 27. *Потомъ же подъ знамя Аристипово подкравшись*. Въ латинскомъ стоитъ: *паки скрытно упадая въ наставленіи Аристиповы*. In Aristippi furtim præcepta relabor. Помянутое выше сего имя *вождя* мнѣ поводъ подало употребить *знамя*.—Отъ Секты Стоической, которая требовала, чтобъ мудрецъ провождалъ жизнь въ упражненіи, въ дѣлахъ, Горацій перехаживалъ въ секту Аристипову, который былъ основатель циренеической, и философію свою въ томъ поставлялъ, чтобъ жить про себя одного, ни о чемъ не суетиться, употреблять все, и искать сластолюбіе вездѣ, гдѣ оно ни находится. Примѣтно, что Горацій называетъ *Аристиповымъ наставленіемъ* эпикурово ученіе, котораго онъ всегда держался. И подлинно изъ Лукіана показать можно, что Эпикуръ былъ ученикъ Аристиповъ. *Подкравшись*, значитъ, что онъ не вдругъ изъ Стоической въ киринеическую секту переходилъ, но помалу помалу, такъ чтобъ въ его поступкахъ ничего прекословнаго усмотрѣть было не можно.

Ст. 28. *Вещи себѣ, не себя вещамъ подчиняти,* чтобъ кто не почалъ,

Какъ ночь долга тѣмъ, что ждутъ любовницу лживу,
И день дологъ кажется тѣмъ, кои работу
Дневну должны, какъ лѣнивъ мнится годъ питомцамъ,
Коихъ тяжка матерня опека стѣсняетъ,
Такъ тихи мнѣ времена текутъ непріятны;
Что укосняютъ мою надежду и волю
Благодушно совершить то, что равномѣрно

когда Горацій возвращается къ аристиповой наукѣ, впадаетъ во всѣ
вершенства того нравоученія, и погружается во всѣ сластолюбія безъ
ой мѣры. Въ семъ стихѣ изъясняетъ, чтó онъ изъ того философа пра-
себѣ присвояетъ: *стараюсь*, говоритъ онъ, *вещи себѣ подчинять,*
себя вещамъ. И правда, секта аристипова и эпикурская то всего
іее въ себѣ имѣла, что можно было по ихъ наукѣ все употреблять,
ничему надъ собою власть не дая. Когда Аристипа обличали, что
гъ имъ совсѣмъ обладала, отвѣчалъ: *я ее имѣю, а не она меня:*
o kai ouk echomai.

г. 29. *Любовницу лживу*. Любовницу, которая обѣщавъ быть, не бы-
ь.

. 31. *Лѣнивъ годъ!* Годъ, которой кажется, что не скоро идетъ.

. тотъ же и 32. *Питомцамъ, коихъ тяжка матерня опека стѣс-*
іъ. Питомцамъ, маловозрастнымъ дѣтямъ, которымъ опека матерьняя
чна. О тѣхъ питомцахъ говоритъ, которые хотя вышли съ подъ рукъ
уновъ, еще матерямъ своимъ подвластны, какъ Сенека напоминаетъ,
ря о сынѣ Марціи. *Недорослемъ остався, былъ подъ опекою опеку-*
до четвертаго на десять лѣта, подъ насмотромъ матернимъ всегда.
llus relictus, sub tutorum cura usque ad decimum quartum annum
sub matris custodia semper.

. 33. *Такъ тихи текутъ*. Если бъ мѣра стиха позволяла, должно
еревесть: *Такъ тихи и непріятны текутъ мнѣ дни*, или *течетъ*
время. Метафора взятая отъ теченія рѣкъ.

. 34. *Что укосняютъ мою надежду и волю*. Понеже рѣчь *надежда*
редѣльна, и къ будущему надлежитъ, Горацій прибавляетъ: *волю, на-*
міе, consilium, которая значитъ *намѣреніе принятое, опредѣленное,*
всякаго отлагательства. Впрочемъ соединилъ онъ тѣ двѣ рѣчи *на-*
ду и *волю*, чтобъ насъ научить той истины непремѣнной, что все
то отъимаетъ у насъ время, которое мы опредѣлили своему въ любо-
іи обученію и упражненію въ добродѣтеляхъ, отъимаетъ также всѣ
надежды, ибо будущее пеизвѣстно, и только настоящее въ на-
власти.

. 35. *Благодушно совершить*. Дѣлать съ смѣлою охотою. Agendi
iter.

. Тотъ же и 36 и 37. *То, что и равномѣрно*, и проч. То, что равно
гымъ пользуетъ, какъ убогимъ, и равно старымъ, какъ и молодымъ
ятъ, если то презрятъ. О нравоучительныхъ сочиненіяхъ говоритъ,
рыя писать намѣряется.

Убогимъ и богачамъ пользовать имѣетъ.
И вредно, если бъ презрѣть, молодымъ и старымъ.
Остается мнѣ себя утѣшать и править
Сими начальнѣйшими мудрости законы:
Хоть не можешь сильный взоръ имѣть ты, какъ Линцій,
За тѣмъ больные глаза не оставляй мазать;
Ни, отчаяваяся непреодолѣнна
Гликона уды нажить, за тѣмъ въ свое тѣло
Лѣностію допущай скучную хирагру.
Можно до нѣкой достичь точки, коль не далѣ.

Ст. 38. *Остается мнѣ себя утѣшать и править.* Обыкновенно Горацію свою рѣчь негораздо связывать; здѣсь тому образецъ видимъ, когда вдругъ слово относитъ, отвѣтствуя какъ бы на учиненной вопросъ, для чего такъ поздно принимается прилежать къ любомудрію. На то онъ говоритъ, что утратя напрасно только времени своей жизни, иное не остается, развѣ утѣшать и исправлять себя слѣдующими начальнѣйшими законами или правилами мудрости. Въ латинскомъ стоитъ: me ipse regam solerque elementis. *Элементы* суть *первыя наставленія, начала какой либо науки,* которую рѣчь мы въ нашемъ языкѣ не имѣемъ, для того я употребилъ: *начальнѣйшіе законы.* Вѣдаю, что то латинскому не соотвѣтствуетъ, да не знаю чемъ пособить.

Ст. 40. *Хоть не можешь сильный взоръ имѣть ты, какъ Линцій.* Oculo contendere значитъ: *мѣряться съ кѣмъ, кто изъ двухъ лучше видитъ, у кого изъ двухъ глаза лучше.* — *Линцій* былъ сынъ Афареевъ, о которомъ Горацій напоминаетъ во 2 сат. книги 1. Понеже онъ первый нашолъ въ землѣ руды, слово пронеслося, что онъ имѣлъ такъ острый взоръ, что могъ видѣть сквозь землю до самой ея средины. Былъ еще другой Линцій, которой съ Картажской пристани могъ видѣть и перечесть корабли, отходящіе изъ Сициліи.

Ст. 42 и 43. *Ни отчаяваяся неопредѣленна* и проч. Какъ не должно пренебрегать лѣчить свои больные глаза, для того что не льзя тебѣ силою взора преодолѣть Линцея; такъ глупо бы было допущать въ тѣло свое хирагру и прочія болѣзни, для того что не можешь надѣяться себѣ силу Гликона нажить. — *Хирагра* есть жестокой ломъ въ рукахъ съ опухолью и свербежемъ. Тажъ болѣзнь, когда въ ноги сходитъ, называется подагра.—Я за нуждою мѣры стиха назвалъ хирагру *скучною;* Горацій гораздо лучше называетъ узловатою Nodosa Chiragra, ибо болѣзнь та какъ бы узлами препятствуетъ употребленіе рукъ и ногъ, или для того, что острая и густая мокрота, отъ которой болѣзнь самая происходитъ, вкравшись межъ сочиненіями перстовъ, оные одуваетъ и опухоль въ нихъ произноситъ подобную узламъ или камышкамъ. Отъ того Персій называетъ хирагру *каменистою.* Сат. 5, стих. 58.—*Гликонъ* былъ знаменитой греческой философъ, которой, непрестанно бьючися съ борцами, досталъ себѣ непреодолѣнную силу, и тѣла составъ укрѣпилъ, равно какъ бы самъ былъ одинъ изъ ихъ числа.

Ст. 45. *Можно до нѣкой достичь точки, коль не далѣ.* Отъ сего уже ясно разумѣется, что Горацій приводилъ вышепоказанные образцы боль-

Пылаетъ ли лакомствомъ и скупостью сердце?
Найдешь пѣсни и слова, что облегчить могутъ
Болѣзнь и недуга часть не малу убавить.
Любовью ль похвалъ надутъ? чистительны книги

ныхъ глазъ и слабости тѣла (которые недостатки ему были свойственны), чтобъ доказать, что если человѣкъ не можетъ достичь совершенное благонравіе, если не можетъ всѣ тайны философіи вызнать, можетъ часть злонравій своихъ искоренить и часть добродѣтелей пріобрѣсть; можетъ перенять первыя начала любомудрія. Тѣмъ самимъ Горацій опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, кои прилежаніе къ любомудрію отсовѣтовали, для того что оную никто совершенно пріобрѣсть не можетъ. Еслибъ человѣкъ не могъ бороться съ злонравіемъ, развѣ когда уже взойдетъ на вышную степень мудрости, имѣлъ бы онъ причину унывать въ пути своемъ. Но по счастью что ни ступитъ, идя къ верху той трудной горы, столько побѣдъ одерживаетъ надъ непріятелемъ.

Ст. 46. *Пылаетъ ли лакомствомъ и скупостью сердце.* Скупой иногда довольствуется беречь то, что уже имѣетъ; лакомый всегда ищетъ достать, чего не имѣетъ. Въ томъ разнится скупость съ лакомствомъ, которое въ латинскомъ изображено рѣчью *cupiditas*, *горячее желаніе, похоть, вожделѣніе, жадность*.

Ст. 47. *Найдешь пѣсни и слова* и проч. То есть, нравоученіе исправитъ вышепомянутые пороки. Первые изъ прежнихъ врачи обычай имѣли волшебство вмѣстѣ съ своимъ искусствомъ при больныхъ употреблять, будучи увѣрены, что болѣзни тѣла происходятъ отъ души, какъ жаръ глазной приходитъ отъ головы. Для того при лѣкарствахъ, тѣлу приличныхъ, употребляли и тѣ, кои душѣ пристойны; сирѣчь тѣ verba et voces, *слова и пѣсни, заговорки* или *напѣвы*. Оные состояли въ изрядной къ больному рѣчи, которою утишали сердца его безпокойство и тогда уже свободнѣе могли возвратить тѣлу здоровье.

Ст. 48. *И недуга часть не малу убавить.* Въ застарѣлой болѣзни и которую поздно лѣчить начинаемъ, не всегда можно надѣяться совершеннаго исцѣленія; но и то не мало, если часть зла отъиметъ и упредитъ онаго распространеніе.

Ст. 49. *Любовью-ль похвалъ надутъ.* Похвалы надуваютъ сердце человѣка, которое уже *любовью*, сирѣчь *желаніемъ* похвалъ надуто и разгордѣло.

Ст. тотъ же. *Чистительны книги.* Sunt certa piacula. *Піакула*, у грековъ Katharmata называемые, были *обмыванія* или *очищенія*, которыя употреблялися для очищенія грѣха или злочинства какого, а *заговоры* и *каженіе* Thimiamata служили къ исцѣленію бѣшенныхъ. Слово то гораздо прилично наставленіямъ философскимъ, которыя *очищаютъ* душу нашу отъ злонравій. Напримѣръ *очищенія*, которыя для исправленія или изгнанія любохвальства стоики употребляли, суть почти слѣдующія: что похвала есть тщетной звонъ, тщетное причудѣніе, которое въ мгновеніе ока родится и исчезаетъ; что самая пространнѣйшая слава есть совершенное забвеніе, если примѣтить, въ сколькихъ земляхъ она дойти не могла, въ сколькихъ народахъ она неизвѣстна, что все то, что изящно, собою

Суть, кои трижды чтены, исцѣлить тя сильны.
Гнѣвливый, завистливый, пьяница, лѣнивецъ,
Сластолюбецъ—словомъ, всякъ сколь бы ни свирѣпый
Другъ злонравій, усмиренъ наконецъ быть можетъ,
Если терпѣливъ внушать совѣты похочетъ.
Добродѣтель есть бѣжать злой нравъ, и есть перва
Мудрость не имѣть глупости. Видишь ты, какіе
Нужны важные труды и ума и тѣла,
Чтобъ избѣжать малъ доходъ, и отказъ зазорный,
Которой ты крайними злами почитаешь.
Не лѣнивъ въ крайню бѣжишь Индію для торгу,
Убѣгая нищеты сквозь море, огнь, камни.

таково, и похвала красоту того не составляетъ; по тому то, что хвалено бываетъ, ни дурнѣе, ни пригожѣе тѣмъ не становится, и слѣдовательно человѣку похвала не нужна, но нужно дѣлать дѣла хвальныя. Напослѣдокъ, что разсуждая непостоянство ума человѣческаго, ясно узнаемъ, что неправедно и безразсудно есть требовать, чтобъ всѣ люди соглашались добро говорить и мыслить объ насъ, когда они о себѣ самихъ на малъ часъ съ собою несогласны.

Ст. 50. *Трижды чтены*. Въ латинскомъ стоитъ: ter pure lecto, трижды *чисто* чтены; *чисто, съ прилежаніемъ, безъ пристрастія*, инако десятью повторенное чтеніе немного пользовать можетъ.

Ст. 53. *Сколь бы ни свирѣпый другъ злонравій*. Въ латинскомъ стоитъ: Nemo adeo ferus est, никто столь свирѣпъ, столь дикъ, чтобъ не могъ быть усмиренъ.

Ст. 54. „*Если терпѣливъ внушать совѣты похочетъ*." Si modo culturae patientem commodat aurem, если только наставленію подастъ терпѣливое ухо.

Ст. 56. *Видишь ты какія нужды и проч*. Сіе разсужденіе отъ предъидущихъ зависитъ. Нѣтъ такого человѣка, говоритъ Горацій, кто бъ не могъ исправиться, если совѣты станетъ слушать. Ибо тотъ, кто въ добродѣтель оболчись желаетъ, въ самомъ началѣ долженъ скинуть съ себя всѣ злонравіи, и то учинить не силенъ, если онъ непокоренъ и непослушенъ совѣтамъ. Хотя такое послушаніе не трудно, однакожъ по вся дни видимъ, что многіе предаютъ себя всякимъ бѣдствамъ, чтобъ избѣжать нищеты и достать чины и славу, которые люди и слушать не хотятъ, когда ихъ вредное мнѣніе кто исправить желаетъ. Мнѣніе, которое имъ представляетъ нищету и презрѣніе злами всѣхъ большими, а желаніи и удивленіе какъ бы посредними.

Ст. 58. *Малъ доходъ*. Недовольный доходъ, убожество.

Ст. тотъ же. *Отказъ зазорный*. Отказъ, когда въ чины добивается. Зазорный онъ, когда право, а не по пристрастію, судитъ тотъ, кто отказываетъ.

Ст. 60. *Въ крайню бѣжишь Индію*. Въ самые отдаленные краи свѣта ѣдешь для торгу.

Ст. 61. *Сквозь море, огнь, камни*. Частица *сквозь* разумѣется вездѣ повторена: сквозь море, сквозь огнь, сквозь камни. — Сквозь огнь, сирѣчь

Не пекись о томъ, чему глупо ты дивишься
И жадаешь. Слышать ты, учиться и вѣрить
Не хочешь умнѣйшему? Кой борецъ, что села
И распутіи одни подлы обтекаетъ,
Презритъ въ великихъ играхъ вѣнецъ Олимпійскихъ,
Еслибъ надежда ему, еслибъ ему слово
Дано было безъ труда одержать побѣду?
Какъ золота серебро подлѣе, такъ злато
Подлѣй добродѣтели. Граждане, граждане!

сквозь жары, которые въ дорогѣ сносить ты долженъ; сквозь камни, которые въ морѣ находишь, или сквозь горы каменистыя.

Ст. 62. *Не пекись о томъ, чему глупо ты дивишься и жадаешь.* Видишь ты какіе и ума и тѣла нужны труды, какое безпокойство, чтобъ избѣжать нищеты и добиться чиновъ. Всего того обойтись можешь, если ты не будешь суетиться о томъ, чему теперь глупо дивишься и чего глупо желаешь. Имѣть богатство, быть на высокой степени, или не желать богатства, и не дивиться тѣмъ, кои въ высокой степени, суть двѣ вещи равномѣрныя.

Ст. 63. *Слышать ты, учиться* и проч. Я самый лучшій способъ тебѣ показываю для избѣжанія многихъ трудовъ; однакожъ ты *слушать, учиться и вѣрить не хочешь умнѣйшему.*

Ст. 64. *Кой борецъ, что села и распутіи одни* и проч. Никто изъ подлыхъ борцовъ, которые, не будучи достойны въ городѣ себя показать, еще должны кормиться въ селахъ и на распутіяхъ, не откажетъ вѣнецъ въ играхъ Олимпійскихъ, если дана ему будетъ надежда и слово, что оный безъ труда достанетъ; а мы легкой способъ къ стяжанію добродѣтели и тишины нашей презираемъ; способъ тотъ вышепомянутый: не дивиться, не желать. — *Борцы* римскіе, прежде нежели приходили должность свою отправлять въ столицѣ, провождали нѣсколько лѣтъ въ уѣздныхъ городахъ и въ селахъ, какъ теперь французскіе комедіянты дѣлаютъ, прежде нежели въ Парижѣ играть начнутъ. И понеже не во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ имѣлися домы зрѣлищные, бой свой отправляли на площадяхъ и на распутіяхъ или кресцахъ.

Ст. 66. *Въ великихъ играхъ Олимпійскихъ.* Горацій называетъ игры Олимпійскія *великими*, понеже оныя были славнѣйшія во всей Греціи. Отправлялись они по вся четыре года въ честь Юпитеру, близъ Олимпіи, города въ Элидѣ. Стояли тѣ игры въ конскихъ и тележныхъ бѣгахъ и въ различныхъ бояхъ.

Ст. 68. *Безъ труда.* Въ латинскомъ стоитъ, sine pulvere, *безъ пыли*; сирѣчь *безъ всякой опасности, безъ всякаго труда.* Въ бою и въ бѣгу движеніе тѣла пыль подымаетъ.

Ст. 69. *Какъ золота серебро подлѣе, такъ злато подлѣй добродѣтели.* Такъ намъ мудрость кричитъ: вы бѣжите край свѣта чрезъ безконечные труды и бѣдства для полученія богатствъ, а для стяжанія добродѣтели ни мало что дѣлать не хотите; однакожъ добродѣтель драгоцѣннѣе всего золота и всего серебра.

Ст 70. *Граждане, граждане, деньги вы прежде.* Если съ одной стороны му-

Деньги вы прежде всего доставать трудитесь,
Добродѣтели потомъ. Сіе съ краю Яна
До другаго твердятъ всѣ, и одинъ другому
Пересказываетъ всякъ молодой и старой,
Нося подъ лѣвой мѣшокъ рукою и счоты.
Къ четыреста тысячамъ если не достанутъ

дрость кричитъ людямъ: *добродѣтель лучше золота*; безуміе кричитъ имъ съ другой: *золото лучше добродѣтели, деньги прежде доставать трудитесь, добродѣтели потомъ*. И понеже мудрость одна, а за безуміемъ всегда слѣдуетъ толпа людей, которые повторяютъ ея слова, не дивно, что мудрости голосъ не слышенъ.

Ст. 72. *Съ краю Яна до другаго*. Была въ Римѣ улица, въ которой жили банкиры, и называлась она *улица Янусова* или *улица двухъ Янусовъ*, понеже на обоихъ краяхъ той улицы поставлены были болваны того бога.

Ст. 73. *Твердятъ всѣ*. Латинское perdocet значитъ: *учитъ, твердитъ съ конца до другаго, съ утра до вечера*.

Ст. 74. *Пересказываетъ всякъ*. Recinunt dictata. Горацій чрезъ слово *dictata* показать хочетъ, что тѣ люди перенимаютъ и пересказываютъ вышеписанныя рѣчи, какъ ученики въ школахъ свои задачи.

Ст. 75. *Нося подъ лѣвой мѣшокъ и счоты*. Мѣшокъ, въ кой деньги класть; *счоты* или *таблицы*, на которыхъ счетъ выкладывали римляне, какъ мы на своихъ счотахъ костьми выкладываемъ.

Ст. 76. *Къ четыреста тысячамъ если не достанутъ*. Мѣсто сіе собою не трудно; но разсужденіе Гораціево, не будучи связано къ предъидущему, причину подало къ ошибкѣ и отмѣнить стихъ сей слѣдующимъ образомъ: Sed quadringentis sex septem millia desunt. *Но къ четыреста тысячамъ не достаютъ шесть семь*. Какъ бы народъ въ извиненіе своего сребролюбія Горацію отвѣчалъ: *Легко тебѣ говорить, но если мнѣ не достанутъ шесть или семь тысячъ къ четыреста тысячамъ сестерціевъ, которыя нужно имѣть для вступленія въ чины, я отъ нихъ буду выключенъ, сколь бы впрочемъ я ни былъ честный и искусный человѣкъ*. Да не та сила тѣхъ словъ. Горацій самъ всегда говоритъ, и показать тщится неосновательство сего правила: Virtus post nummos, *что нужно прежде всего деньги добывать, а добродѣтели потомъ*. И въ томъ намѣреніи ищетъ доказать, что тѣ, кои уставили законъ, что нужно имѣть нѣкую сумму денегъ для вступленія въ чины, были меньше разсудны, чѣмъ младенцы, кои въ своихъ играхъ, неповрежденному еще естества внушенію послѣдуя, даютъ первое мѣсто тѣмъ, кои въ своей должности исправнѣе, а не тѣмъ, кои прочихъ богатѣе. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ: *Если не достаютъ тебѣ шесть или семь тысячъ сестерціевъ* (то есть 150 или 175 рублей), *чтобъ дополнить четыреста тысячъ сестерціевъ* (сирѣчь десять тысячъ рублей) *которые нужны для вступленія въ чины, ты останешься въ подлости, будешь въ числѣ народа, сколько бы ты ни былъ честенъ и благонравенъ. А межъ младенцами тотъ, кто имѣетъ нужную добродѣтель, и должность свою лучше исправляетъ, входитъ на первую степень, сколь бы онъ ни убогъ былъ*. Слѣдовательно добродѣтель почтительнѣе богатствъ и младенцы умнѣе тѣхъ законодавцевъ. — *Къ четыре-*

Шесть, семь, хоть бы храбръ ты былъ, рѣчистъ, добронравенъ,
И вѣренъ во всемъ, въ числѣ народа пробудешь.
А младенцы говорятъ, межъ собой играя:
Буде право поступать станешь, царемъ будешь.
Сіе намъ мѣдною будь въ защиту стѣною,
Имѣть совѣсть чистую и въ своихъ поступкахъ

; *тысячамъ*. Quadringentis прибавить должно milibus sestertium. У рим-
ь по силѣ уставленнаго закона нужно было имѣть четыреста тысячъ
ерціевъ для вступленія въ чинъ всадника, *Equitis*, которая сумма по-
ь до шести милліоновъ сестерціевъ прибавлена. — *Сестерцій* была
я римская монета, которыхъ (по исчисленію Дасіерову) восемь сос-
ляютъ ливру французскую; а по среднему вексельному теченію рубль
ійской содержитъ 5 ливровъ французскихъ. Потому въ рублѣ 40
ерціевъ, и всякой *сестерцій* стоитъ 2 ½ копѣекъ.
г. 78. *Въ числѣ народа пробудешь*. Plebs eris, *народъ будешь*, оста-
ься въ черни, въ подлыхъ людяхъ. — Народъ римской раздѣленъ былъ
три классы. Первую составляли сенаторы, senatores, вторую всадники,
tes, третью народъ populus; и всадники должны будучи имѣть пожит-
на 400,000 сестерціевъ (10,000 рублей), а сенаторы 800,000,
000 рублей) а по уставу Августову миліонъ двѣсти тысячъ (30,000
ей). Явственно есть, что тѣ, кои не имѣли довольнаго имѣнія, чтобъ
и достать чинъ всадничей, еще меньше можно было имъ достичь въ
ень сенаторскую, и потому необходимо должны были оставаться въ
ѣ народа.
г. 79. *А младенцы говорятъ*. Горацій образцомъ младенцовъ укоряетъ
стливость людей, показуя, что въ нихъ младенцахъ сродная простота
вѣе судитъ, чѣмъ сихъ искусная хитрость.
г. 80. *Буде право поступать станешь, царемъ будетъ*. По мнѣнію
етову, Горацій здѣсь упоминаетъ о игрѣ называемой urania. Мла-
ы въ той игрѣ брасывали мячъ вверхъ, и кто изъ нихъ чаще оный
ету схватить могъ, тотъ царемъ бывалъ, а кто оный всегда миновалъ,
вался осломъ и принужденъ бывалъ отъ игры отстать. Безъ сумнѣнія
ацій предъ собой имѣлъ слѣдующее мѣсто въ Платонѣ: ho de hamar-
kai hos an aei hamartani kathedeitai, hoosperfasin hoi paides, hoi
rizontes, onos, hos di an perigenetai anamartetos, basileusei hemoon
epitaxei hoti an bouletai apokrinesthai (Plat. Th. 146). *Тотъ, кто
ѣшитъ, сядетъ, какъ младенцы играя говорятъ, осломъ; а кто пре-
тъ не погрѣшенъ, будетъ нами царствовать и повелѣвать намъ
что ни пожелаетъ*.
г. 81. *Сіе намъ мѣдною будь въ защиту стѣною*. Противу сребро-
ія и тщетной жадности славы и противу тѣхъ, кои говорятъ, что о добро-
ли печися мы должны послѣ богатствъ, поставь стѣною и оградою
кою слѣдующее правило, что крайнее человѣка благополучіе состоитъ
ъ совѣсть чисту и непорочнымъ себя знать, подражай младенцамъ,
й добро и презирай все прочее. — *Мѣдною стѣною*. Мѣдная или
ѣзная стѣна, вмѣсто *крѣпкая стѣна*, у древнихъ въ употребленіи; такъ
гилій говоритъ:

Не имѣть, съ чего бъ блѣднѣть. Скажи, буде смѣешь,
Росціевъ лучше ль законъ, иль пѣсня младенцовъ,
Право-поступающимъ что подноситъ царство,
Пѣсня, храбрымъ Куріамъ люба и Камилламъ?
Кто лучшій даетъ совѣтъ, тотъ ли, что богатство
Велитъ копить правдою, иль, буде не можно
Правдою, какимъ нибудь способомъ возможнымъ,

— Cyclopum educta caminis moenia,
Стѣны произведенныя изъ Циклопскихъ горнилъ.
Stat ferrea turris ad auras.
Высится въ небо желѣзная башня.

Ст. 82. и 83. *Имѣть совѣсть чистую, и въ своихъ поступкахъ...* Изъясняетъ предъидущаго стиха: *Буде право поступать станешь.* Ибо тотъ, кто право поступаетъ, имѣетъ всегда чисту совѣсть, и никакое печальное воспоминовеніе своихъ дѣлъ его не устрашаетъ, не заставляетъ его блѣднѣть съ страху. — Вмѣсто *имѣть совѣсть чистую* Nil conscire sibi. Красивой и сильной образъ рѣченія, которому нашъ языкъ подобнаго не имѣетъ ближе однакожъ перевесть можно слѣдующимъ образомъ:
Ни въ чемъ себя повиннымъ не признать, или
Ничего за собою не вѣдать.

Ст. 84. *Росціевъ ли лучше законъ или пѣсня младенцовъ* Горацій показалъ столь чувствительнымъ образомъ, что тѣ, кои богатства добродѣтели предпочитаютъ, суть безразсуднѣе младенцовъ, что не чаетъ, чтобъ кто посмѣлъ подтверждать, что законъ Росціевъ лучше того младенцовъ припѣву, которой въ 80 стихѣ содержится. — *Росціевъ законъ*, уставленный Л. Росціемъ Офою, трибуновъ народнымъ, опредѣлялъ первѣйшіе въ правительствѣ чины тѣмъ, кои имѣли извѣстной суммы богатство, какъ напримѣръ 400 тысячъ сестерціевъ (10,000 рублей), и именно запрещалъ производить во всадники свобожденниковъ и дѣтей свобожденническихъ. Такимъ образомъ Росцій давалъ достоинства рожденію и богатствамъ, а не добродѣтели.

Ст. тотъ же и 85. *Пѣсня младенцовъ, право-поступающимъ что подноситъ царство.* Пѣсня младенцовъ, что (сирѣчь которая) подноситъ, даетъ царство право поступающимъ. Naenia значитъ *жалостную пѣсню*, которыя у римлянъ при похоронахъ по мертвымъ пѣвалися. Здѣсь употреблено то слово вмѣсто *пѣсни*, вмѣсто *припѣву*.

Ст. 86. *Храбрымъ Куріамъ люба и Камилламъ.* Люба сирѣчь знатнѣйшимъ въ добродѣтели римскимъ мужамъ. — Горацій здѣсь говоритъ о Манліѣ Куріѣ Дентатѣ, и о Маркѣ Фуріѣ Камиллѣ, которыхъ мужественными называемъ за ихъ храбрость и добродѣтели. Камиллъ спасъ Римъ и побилъ галловъ въ конецъ за триста лѣтъ предъ рождествомъ христовымъ. Съ семьдесятъ пять лѣтъ потомъ Манлій Курій Дентатъ побѣдилъ самнитовъ, сабиновъ и луканіевъ, выгналъ Пирра изъ Италіи; и отвѣтствовалъ самнитскимъ посламъ, которые его подкупить искали: *Я предизбираю ѣсть сіи рѣпы на моихъ деревянныхъ тарелкахъ* (ибо застали его на угляхъ рѣпу пекущаго) *и повелѣвать тѣмъ, кои всего свѣта богатствомъ владѣютъ.*

Чтобъ сблизи слушать стихи Пуппія плачевны?
Иль тотъ, что совѣтуетъ, всегда неотступенъ,
И желаетъ, гордаго чтобъ ты и свободенъ
И смѣлъ счастья презпралъ такъ ярость, какъ ласку?
Еслибъ когда у меня спросилъ народъ римской,
Для чего, въ одномъ живя городѣ, не то же
Съ нимъ у меня мнѣніе, и то, что онъ любитъ,
Не ищу, и не бѣгу, что онъ ненавидитъ;
Осторожной, я въ отвѣтъ, лисицы представлю
Слова, что больному льву нѣкогда сказала:
Для того, что страшны мнѣ слѣды въ твою нору;
Всѣ въ нее, ни одинъ вонъ изъ нее не вижу.
Звѣрь ты многоглавный. Что искать я имѣю?
Въ комъ надежду положу? къ кому я пристану?

Ст. 90. *Чтобъ сблизи слушать*. Чтобъ имѣть первѣйшее мѣсто въ зрѣлищахъ. По уставленному отъ Росція опредѣленію сенаторы зрѣлища смотрѣли сидя въ оркестрѣ всадники римскіе па четырнадцати ступеняхъ полка зрѣлищнаго, а народъ изъ самаго нижняго мѣста, Cavea у римлянъ называемаго. — *Стихи Пуппія плачевны*. Сирѣчь трагедіи стихотворца Пуппія, о которомъ накакое извѣстіе до насъ не дошло. Рѣчь *плачевные* показываетъ, что того творца стихи жалость въ зрителяхъ возбуждали.

Ст. 94. *Еслибъ когда у меня спросилъ народъ Римской*. Горацій искусно предупреждаетъ вопросъ, который римляне съ яростію могли бы ему учинить, для чего дерзаетъ осуждать законъ, уставленный Росціемъ, и предпочитать почтительному законодавцу маловозрастныхъ младенцовъ.

Ст. 95. *Въ одномъ живя городѣ*. Народъ чаетъ, что живучи въ одномъ воздухѣ, на одной землѣ и въ однѣхъ города стѣнахъ, должно имѣть одни съ нимъ мнѣніи, хвалить то, что онъ хвалитъ, и осуждать то, что онъ осуждаетъ. Но мудрый человѣкъ инако судитъ. Умъ его не рабъ обычая, когда онъ удостовѣренъ, что обычай тотъ противенъ правдѣ и здравому разсужденію.

Ст. 98. *Осторожной я въ отвѣтъ* и проч. Я представляю въ отвѣтъ слова осторожной лисицы, которыя она нѣкогда сказала больному льву. Басня сія Эсопова довольно извѣстна. Престарѣлый левъ, не могучи добывать себѣ пищу, притворилъ себѣ болѣзнь и залегъ въ своей пещерѣ, гдѣ питался тѣми звѣрьми, кои его посѣщать приходили. Лисица, навѣтъ уразумѣвши, довольствовалася къ входу пещеры приступить и оттуду увѣдомляться о львиномъ здоровьи. Левъ, спрося у нея, для чего въ пещеру не входитъ, отвѣчала: *для того, что вижу слѣды вшедшихъ, но не вижу исшедшихъ*. Левъ есть республика и правительство, звѣри подданные, лисица мудрый человѣкъ. Народъ прельщенъ бываетъ обѣщаніями и чаетъ, что богатство и чины суть крайнее человѣка благополучіе; но напослѣдокъ находитъ себя въ пропасти бѣдствъ, изъ которой выйти уже не силенъ.

Ст. 102. *Звѣрь ты многоглавный*. Къ римскому народу говоритъ.

Ст. тотъ же и 103. *Что искать я имѣю? въ комъ надежду положу? и проч*. Чего и въ комъ мнѣ искать. Quid sequar aut quem? Какъ мнѣ на-

Одни ищутъ откупать подати и таможни!
Другіе ловятъ вдовицъ яблокомъ и коркой,
И стариковъ, коихъ бы въ прудъ свой сажать, удятъ;
Многимъ лихвою растетъ тайною богатство.
Еще сносно, если бы разнымъ прилежали
Вещамъ люди разные; да человѣкъ тотъ же
Не можетъ чрезъ часъ одинъ пробыть въ той же мысли.
Нѣтъ мѣста, если богачъ скажетъ, во всемъ свѣтѣ
Краснѣйшаго Баіевъ пріятныхъ, ужъ море,
Ужъ озеро чувствуетъ въ зданіи горячность
Скораго хозяина. Тому-жъ буде воля
Безпорядочна завѣтъ й отложный предпишетъ,
Завтра вы работники, завтра пренесете
Въ Теанумъ збрую свою. Жену ли имѣетъ,
Надъ всѣмъ онъ безбрачное житье выхваляетъ.
Какимъ я премѣнчива удержу Протея

родъ можетъ доставить благополучіе, когда онъ самъ того лишается, будучи самъ себѣ несогласенъ и на вся часы премѣнчивъ?

Ст. 105. и 106. *Ловятъ вдовицъ и стариковъ удятъ.* Прислуживаются, льстятъ вдовицамъ и старикамъ, чтобъ имѣть участіе въ ихъ богатствѣ или въ ихъ наслѣдствѣ.

Ст. 107. *Лихвою тайною.* Сирѣчь запрещенною законами лихвою, и слѣдовательно чрезвычайною.

Ст. 111. *Нѣтъ мѣста, если богачъ скажетъ,* и проч. Если богачъ скажетъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ краснѣйшаго мѣста пріятныхъ Баіевъ, тотчасъ море и озеро почувствуютъ горячность скоропоспѣшнаго хозяина, которой на томъ мѣстѣ въ морѣ и въ озерѣ строить начнетъ съ крайнымъ поспѣшеніемъ. Горацій, показавъ непостоянство народное, разгласіе людей межъ собою, и что всего пуще, различныя и прекословныя мнѣнія въ одномъ и томъ же человѣкѣ, чувствительными образцами то подтверждаетъ, такими сирѣчь, кои по вся дни видимы бывали. *Баіи,* нынѣ *Баія* называемое, мѣсто чрезмѣрно пріятное межъ Кумою и Неаполью, въ самомъ краю Пуццолской морской пазухи, и знаменито банями и теплицами, которыя были весьма въ чести такъ для здоровья, какъ и для сластолюбія. Для того берега морскіе и той пазухи наполнены были пышными домами, кои римляне строили одинъ другаго богатѣе.

Ст. 114. и проч. *Томужъ буде воля.* Буде тому же богачу его безпорядочная воля, которая сильна въ немъ, какъ законъ неотложный, предпишетъ отмѣнить прежнее намѣреніе и искать другое мѣсто къ зданію и къ жилищу, тотъ часъ работники перенесете вашу сбрую изъ Баіи въ Теанумъ. Тѣмъ наипаче смѣшны недостаточные люди, что богатыхъ мнѣнію наипаче слѣдуютъ, и хотя силы неравны, всякъ имъ въ иждивеніяхъ равняться ищетъ. — *Теанумъ* городъ въ Кампаніи, или поле повыше Баіи. Мѣсто то также славно было теплицами и называлося Teanum Sidicinum для различенія съ другимъ городомъ того жъ имени въ Пуліи.

Ст. 120. *Какимъ я премѣнчива удержу Протея узломъ.* Какимъ об-

Узломъ? Что-же дѣлаетъ, скажешь мнѣ, убогой?
Смѣйся. Премѣняетъ онъ подклѣти, постели,
Бани, балбера; равно наемная лодка
Гадитъ и скучитъ ему, какъ богачу судно
Собственное золотомъ блистательно всюду.
Если грубаго на мнѣ балбера рукою
Волосы острижены, не равно усмотришь,
Если ужъ изношенну подъ новымъ кафтаномъ
Рубашку иль епанчу, такъ оплошно вздѣту,
Что одинъ высокъ подолъ, а другой тащится,
Смѣешься. Что же когда во мнѣ моя воля
Себѣ противна самой? теперь презирая,
Что мало предъ симъ желалъ, и ища усердно,
Что недавно презиралъ? въ движеніи вѣчномъ
Нестройной жизни моей самъ себѣ несходенъ?
Строю, ломаю, на кругъ четвероугольникъ
Мѣняю, и потомъ кругъ на четвероугольникъ?
Съ обществомъ шалѣть меня мня ты не смѣешься,
Ни чаешь нужно меня врачу отдать въ руки,
Или дядькѣ подъ началъ. Хотя ты защита

разцомъ можно узнать или утвердить волю столь премѣнчиваго человѣка. *Протей* былъ сынъ Нептуна, морскаго бога, и царь египетской. Одаренъ искусствомъ пророчества, отвѣтъ отказывалъ тѣмъ, кои къ нему спрашиваться приходили, и для избѣжанія ихъ докукъ переображался въ различные виды. Тотъ только отвѣта у него добивался, кто его связать могъ такъ сильно, чтобъ понудить его принять свой сродной образъ, тогда онъ уже пророчествовалъ безсумнѣнныя пророчества.

Ст. 121. *Что же дѣлаетъ, скажешь мнѣ, убогой.* Горацій, показавъ безпорядочное житье богатыхъ, приводитъ *Мецената*, который у него спрашиваетъ: *чтожъ убогой умнѣе ли богатыхъ?* Противъ чего Горацій совѣтуетъ *смѣяться*, понеже и убогой въ тѣ же шалости впадаетъ, въ коихъ богатаго описалъ, хотя еще присталѣе тѣ шалости богатымъ.

Ст. 122. *Подклѣти.* Coenacula. Горницы самыя верхнія въ домѣ подъ самою крышкою. Подклѣти напротиву самыя нижныя; да обыкновенно у насъ служители и убогіе люди живутъ въ подклѣтяхъ, для того я ту рѣчь употребилъ.

Ст. 126. *Если грубаго на мнѣ.* Понеже злонравія, о которыхъ я говорилъ теперь, столь людямъ сродны и почти все ихъ злополучіе производятъ, не лучшебъ ли было искать ихъ отъ тѣхъ злонравій отвратить, чѣмъ въ смѣхъ ихъ подымать за наружные недостатки въ уборѣ и поведеніи, которые могутъ глазу только быть непріягны, но уму совсѣмъ нечувствительны? Однакожъ напротиву пріятели наши одни тѣ наружные недостатки примѣчаютъ, и недосадны имъ наши злонравія, понеже они весьма въ людяхъ общи и обыкновенны.

Ст. 140. *Или дядькѣ подъ началъ.* Безумные у римлянъ отдавалися въ

Моя, и криво одинъ не стерпитъ обрѣзанъ
Ноготь у пріятеля, которой зависитъ
Отъ тебя, и глазъ своихъ съ тебя не спускаетъ.
Заключу словомъ однимъ. Мудролюбецъ Бога
Знаетъ только надъ собой: онъ богатъ, свободенъ,
Честенъ, пригожъ, царь царей, и здоровъ конечно,
Буде мокротный насморкъ ему не скучаетъ.

опеку сродниковъ и если сродниковъ не имѣли, то преторъ (намѣстникъ, губернаторъ) отдавалъ ихъ подъ началъ опекуну.

Ст. тотъ же и проч. *Хотя ты защита*. Хоть ты, Меценате, крайнее мое прибѣжище, и не можешь снесть видѣть на мнѣ одинъ ноготь криво обрѣзанный, сносишь однакожъ мое непостоянство, мое безпорядочное житіе. Дружба однакожъ наипаче является въ совѣтахъ къ исправленію нравовъ, чѣмъ къ исправленію убора и тѣлесной украсы.

Ст. 144. *Заключу словомъ однимъ*. Ad summam. Впрочемъ, наконецъ, напослѣдокъ. Горацій возвращается къ своему дѣлу, и желая убѣжать длинную докуку Меценату, пресѣкаетъ подробное описаніе причинъ, для которыхъ юношества своего забавы отложа, одному уже любомудрію прилежать намѣренъ, и говоритъ ему: *Напослѣдокъ заключая однимъ словомъ: мудрецъ Юпитера лишь надъ собой знаетъ* и проч.

Ст. тотъ же и 145. *Мудролюбецъ бога знаетъ только надъ собой*. Uno minor est Jove. Одного Юпитера меньше. — *Онъ богатъ*. Мудрецъ одинъ только *богатъ*, понеже владѣетъ источникомъ богатствъ и ни въ чемъ нужды не имѣетъ. — *Свободенъ*. Одинъ онъ *свободенъ* или *вольный*, понеже собою и надъ страстьми своими владѣетъ.

Ст. 146. *Честенъ*. Понеже истинную и безконечную честь даетъ одна добродѣтель. — *Пригожъ*. Мудрецъ одинъ *пригожъ*, понеже красота души есть одна истинная красота. — *Царь царей*. Пышное титло, которое однакожъ тѣмъ истинно, что цари не всегда народомъ властвуютъ и часто своимъ страстямъ рабы бываютъ.

Ст. 147. *Буде мокротный насморкъ ему не скучаетъ*. Стоики столько высоко прославляли мудрецовъ благосостояніе, что увѣряли ихъ не только счастливыми въ мукахъ, но и совершенно здравыми въ жесточайшихъ болѣзняхъ. Горацій, человѣкъ не столь простый, чтобъ такими баснями себѣ льстилъ, кончаетъ сіе письмо насмѣваяся такому противному естеству мнѣнію, и весьма забавно говоритъ, что мудрецъ здоровъ, когда не боленъ, когда ему не скучаетъ насморкъ или мокрота.

ПИСЬМО II.

КЪ ЛОЛЛІЮ.

Знамените Лолліе, пока удивляешь
Ты Римъ сладкорѣчіемъ, я прочелъ въ Пренестѣ
Троянской списателя войны, кой Хрисиппа
И Крантора учитъ насъ пространнѣй и лучше,
Что честно, что гнусно намъ, что къ пользѣ, что вредно.
Для чего я такъ сужу, коль досугъ—послушай.
Баснь, въ ней же описаня грековъ многолѣтна

II. Горацій, будучи въ деревнѣ и читавъ Иліаду и Одиссею греческаго стихотворца Омира, причину отъ того беретъ писать къ Лоллію, чтобъ ему подать совѣты противъ зависти, сребролюбія, любосластія и гнѣва, злонравіи, которымъ Лоллія вдаваться усмотрѣвалъ. Но совѣты тѣ такимъ искуснымъ образомъ представляетъ, что кажется больше наставлять, какимъ образомъ должно честь помянутаго князя стихотворцовъ, и какую въ томъ чтеніи пользу весь свѣтъ искать долженъ, чѣмъ обличать пріятеля.

Ст. 1. *Знамените Лолліе.* Maxime Lolli въ Латинскомъ, то есть, *Величайшій Лолліе.* Маркъ Лолій былъ консулъ римской съ К. Эмиліемъ Лепидомъ въ лѣто по созданіи Рима 732 славенъ исправленными войнами въ Германіи, въ Ѳракіи и въ Галатіи. Человѣкъ въ правительствѣ не меньше чѣмъ въ любомудріи искусный. Отъ Августа внуку Каію Кесарю въ Арменію отходящему опекуномъ опредѣленъ; со всѣмъ тѣмъ изъ всѣхъ римлянъ злонравнѣе.

Ст. тотъ же и 2. *Пока удивляешь ты Римъ сладкорѣчіемъ.* Cum tu declamas Romae. Declamare латинское слово значитъ *говорить какую рѣчь.* Тутъ употреблено вмѣсто *говорить рѣчь предъ судьями, въ изясненіе какой либо тяжбы, или дѣла государственнаго.*

Ст. 2. *Въ Пренестѣ.* Городъ въ Лаціи на горѣ отстоящей отъ Рима въ 18 миляхъ.

Ст. 3. *Троянской списателя войны.* Омира стихотворца, которой въ Иліадѣ одномъ твореніи своемъ войну Троянскую, а въ другомъ подъ титломъ *Одиссеи* Улиссовы путешествіи по окончаніи той войны описалъ.

Ст. 3. и 4. *Хрисиппа и Крантора. Хрисиппъ* былъ философъ наслѣдникъ Зеноновъ, начальникъ почти и лутчая подпора стоической секты. *Кранторъ* знаменитой академической философъ, ученикъ Ксенократовъ. Цицеронъ много хвалитъ его книжку о печали по мертвыхъ.

Ст. 7. *Баснь.* Такъ называется твореніе эпическое, повѣсть, сирѣчь, какого дѣйства, разными изобрѣтеніями украшенная къ наставленію людей въ добрыхъ нравахъ. Выше упомянуто, что Иліада Омирова содержитъ описаніе войны троянской, которую греки чрезъ десять лѣтъ продолжали въ отмщеніе Менелая, царя спартанскаго, котораго жену Елену

Съ варвары война любви Парисовой ради,
Народовъ неистовство и царей содержитъ.
Антеноръ совѣтуетъ пресѣчь вину распри;
Чтожъ Парисъ? да царствуетъ и живетъ счастливо,
Не можно себя къ тому склонить, отвѣчаетъ.
Несторъ Агамемнона силится съ Ахиллемъ

за ея отмѣнную красоту похитилъ Парисъ Пріяма царя троянскаго сынъ. Кончилась та война опроверженіемъ Трои, который городъ по гречески *Иліонъ* назывался, для того Омиръ ту свою повѣсть *Иліадою* надписалъ.

Ст. 8. *Съ варвары*. Варваръ значитъ *чужестранца*. Здѣсь латинская рѣчь *варварія* значитъ Фригію, царство троянское. Такъ Горацій въ пѣснѣ 4 книги 2 называетъ войско фригійское Barbaræ turmæ.

Ст. 9. *Народовъ неистовство и царей содержитъ*. Та басня, та повѣсть Омирова содержитъ, описываетъ, показываетъ неистовство безразсудно царей и народовъ греческихъ и троянскихъ. Въ латинскомъ стоитъ Stultorum Regum et populorum continet æstus. *Содержитъ неистовство безумныхъ царей и народовъ*. Въ самомъ дѣлѣ въ Иліадѣ весьма изрядно изображены безразсудные поступки греческихъ и троянскихъ воеводъ.

Ст. 10. *Антеноръ совѣтуетъ пресѣчь вину распри*. Антеноръ, одинъ изъ князей троянскихъ, въ 7 книгѣ Иліады, при собранномъ совѣтѣ мнѣніе свое слѣдующимъ образомъ представляетъ: «*Слушайте меня, трояне и дарданы и вы, воеводы помочнаго войска. Объявлю вамъ мысль моего сердца. Возвратимъ грекамъ ихъ Елену и всѣ богатства, съ нею похищенныя. Ибо мы противно присяги нашей приняли противъ нихъ оружіе, и потому я увѣренъ, что мы на себя навлечемъ превеликія несчастіи, ежели не учинимъ то, что я совѣтую.* Парисъ ему отвѣтствуетъ: «*Антеноре, рѣчь твоя мнѣ непріятна, и лучшебъ было тебѣ какой другой совѣтъ подать... Я объявляю всѣмъ троянамъ въ лицо, что я никогда не возвращу грекамъ жену мою. Чтожъ до богатствъ, которыя мы изъ Аргоса взяли, согласуюся оныя возвратить, и другія еще къ нимъ для удовольствованія грековъ присовокупить.*»

Ст. 11. и 12. *Что-жъ Парисъ да царствуетъ*. Что Парисъ на тотъ Антеноровъ совѣтъ отвѣтствуетъ, что хотя онъ знаетъ, что возвращая Елену, сохранитъ и царство и животъ свой въ покоѣ, однакожъ говоритъ, что на то не можетъ склониться.

Ст. 13. *Несторъ Агамемнона силится съ Ахиллемъ примирить*. Какъ съ троянской стороны Антеноръ является правосудный и миролюбный совѣтникъ, такъ съ греческой Несторъ ищетъ утолить разгласіе межъ Агамемнономъ и Ахиллемъ. При одной изъ дѣйствъ военныхъ греки, получа многую добычу и полоненниковъ, учиненъ межъ воеводами и воинами всего того раздѣлъ, по которому Бризейсъ, дочь Аполлонова священника, дана Ахиллу въ награжденіе его трудовъ. Потомъ Агамемнонъ, которому надъ всѣмъ собраннымъ греческимъ войскомъ вышная власть

Примирить; того любовь, обоихъ же ярость
Слѣпитъ. За шалость царей подданные страждутъ.
Бунты, обманъ, похити, злодѣйства и ярость
Властвуютъ внутри и внѣ стѣнъ града Троянска.
Добродѣтели, впротивъ, и мудрости силы
Полезный представилъ намъ образецъ въ Улиссѣ.
Покоритель Троіи хитръ городы многи
И нравы многихъ народъ изслѣдилъ разсудно,
Въ пространномъ мори плывя съ своими къ возврату,
Много нужды претерпѣлъ и жестоки бѣдства,

препоручена, отнялъ отъ Ахилла ту полоненицу, отъ чего произошолъ великой раздоръ межъ тѣми двумя греческими царями, и Ахилъ клялся уже ни самъ, ни своимъ войскомъ чрезъ всю войну грекамъ не помогать, и ни въ чемъ не вступаться. Въ такомъ Ахиллевомъ недѣйствіи Гекторъ, храбрый сынъ царя троянскаго, многія важныя побѣды надъ греками одержалъ, и совсѣмъ ихъ разбилъ бы, еслибъ смерть Патрокла, искренняго Ахиллева друга, не побудила его, забывъ клятву, паки принять ружье противъ непріятеля. *Несторъ* былъ воевода пелопонейской, славенъ мудростію, благоразсудствомъ и долголѣтнимъ житіемъ. Старикъ уже къ прочимъ грекамъ въ войнѣ троянской присоединился. *Агамемнонъ* сынъ Атрея и Эвропы. Былъ царь миценской въ Пелопонесѣ, когда выбранъ главнымъ воеводою соединеннаго войска противъ троянъ. Началъ царствовать 1196 лѣтъ прежде Христова пришествія. *Ахиллъ* князь греческой, сынъ Пелея и Ѳетиды. Аполлонъ объ немъ прорекъ, что безъ него греки Трою не возьмутъ.

Ст. 14. *Того любовь, обоихъ же ярость слѣпитъ.* Выше показано, что причиною распри была Бризенсъ, въ которую Агамемнонъ влюбился. *Того*, сирѣчь, Агамемнона *любовь* слѣпитъ.

Ст. 15. *За шалость царей.* За безразсудные воеводъ греческихъ поступки или за ихъ страсти подданные ихъ терпятъ. Примѣтно въ латинскомъ Plectuntur Achivi, гдѣ имя Ахивовъ (грековъ сирѣчь) употреблено вмѣсто всякаго народа людей.

Ст. 17. *Внутри и внѣ стѣнъ:* Сирѣчь и въ городѣ троянскомъ, и въ таборѣ греческомъ.

Ст. 18. *Добродѣтели впротивъ и мудрости.* Изъяснивъ содержаніе Иліады, Горацій описуетъ уже Одиссею, второе твореніе Омирово, которое показываетъ, что добродѣтель и мудрость суть крайнее человѣковъ добро, и однѣ только тѣ могутъ надежно ихъ провесть сквозь пропасти, кои въ житьѣ нашемъ по вся дни подъ ногою находимъ.

Ст. 20. *Покоритель Трои.* Такъ Омиръ Улисса называетъ, понеже его мудрыми совѣтами, болѣе нежели храбростію Ахилла, Агамемнона, Аіакса и прочихъ богатырей, Троя добыта.

Ст. 22. *Плывя съ своими къ возврату.* Улиссъ, плывя съ своими людьми, возвращаяся въ отечество отъ троянской войны.

Ст. 23. *Много нужды претерпѣлъ и жестоки бѣдства.* Улиссъ въ своемъ пути снесъ гнѣвъ не только людей, но и боговъ. Юпитеръ и Не-

Несчастія никогда подавленъ валами.
Пѣснь Сиреновъ знаешь ты и Цирцеи чашу:
Еслибъ онъ съ сопутники, безсмысленъ и жаденъ,
Испилъ ту, остался бы во власти блудницы
Глупъ и гнусенъ; прожилъ бы или псомъ нечистымъ,
Иль сластолюбивою въ стыдъ себѣ свиньею.
Себя можемъ мы узнать въ женихахъ докучныхъ
Пенелопы, что число умножать лишь годны,
И рождены пожирать плодъ земли бездѣльно.

птунъ нѣкогда сокрушаютъ его корабли. Лотофаги, Циклопы, Лестригоніи, Цирцея, Сцила, Харибдисъ, какъ и полюбовники его жены, всякіе навѣты ему строятъ. Отъ всѣхъ однакожъ бѣдъ тѣхъ спасшися, по двадцатилѣтномъ путешествіи возвратился въ отечество.

Ст. 25. *Пѣснь Сиреновъ знаешь ты.* Сирены были блудницы, лицемъ весьма красныя, кои жили на трехъ островахъ Средиземнаго моря близъ Капреи, насупротивъ Сурента. Пѣснями и волшебствами своими мимоходящихъ къ себѣ привлекали и погружали въ сластолюбіе. Стихотворцы, по своему обыкновенію истину басенными обстоятельствами прикрывая, сдѣлали изъ нихъ уродовъ, которыхъ отъ головы до пояса видъ прекрасной жены, а внизъ того рыба. Три ихъ числомъ: Парѳенопа, Левкосія и Лигеа. Одна на дудкѣ, другая на лирѣ играла, а третія пѣла весьма искусно и усладительно. Кто на ихъ игру и пѣнія прельщался, предавался имъ въ руки, отъ нихъ съѣденъ бывалъ. Улиссъ по совѣту Цирцеи волшебницы, плывя мимо ихъ жилища, сопутниковъ своихъ уши воскомъ залѣпилъ, а себя къ мачтѣ корабля привязать приказалъ, чтобъ не могъ ими быть ульщенъ.

Ст. тотъ же. *И Цирцеи чашу.* Цирцея была знаменитая волшебница, которая составнымъ изъ сыра, муки, зеленаго меду, вина и нѣкоихъ зелій питьемъ преобразила двадцать двухъ Улиссовыхъ сопутниковъ въ свиньи. Улиссъ самъ тожъ бы претерпѣлъ, еслибъ Меркурій не далъ ему предохранительный корень, котораго сила преодолѣла ядъ помянутаго питья.

Ст. 26. *Еслибъ онъ съ сопутники, безсмысленъ и жаденъ, испилъ ту.* Изъ словъ Омировыхъ видно, что и Улиссъ пилъ изъ чаши Цирцеевой, но не какъ его сопутники съ безразсудною жадностію, ибо предостерегся слѣдствій того питья вышепомянутымъ кореңемъ.

Ст. 30 и 32. *Себя можемъ мы узнать* и проч. Горацій, показавъ намъ благоразсудство Улиссово и несчастія, въ которыя сластолюбіе ввело его товарищей, изъясняетъ, что Омиръ не довольствуется тѣмъ однимъ Улиссовыхъ сопутниковъ образцомъ обличать наши злочинства. Не только мы на нихъ походимъ, но и на полюбовниковъ Пенелоповыхъ и на сластолюбныхъ и безчинныхъ молодцовъ Алцинова дому. Все, что объ нихъ написалъ тотъ греческой стихотворецъ, намъ весьма прилично и только имена отмѣнить нужно. — *Въ женихахъ докучныхъ Пенелопы.* Въ отсутствіи Улиссовомъ князья смежныхъ Итакѣ островорвъ и начальнѣйшіе люди самой Итаки съѣхалися къ Пенелопѣ, Улиссовой женѣ, чтобъ ей

Мы моты, и молодцы Алциновой свиты.
Прилежны нѣжить свое тѣло через мѣру,
Коимъ лучше всего спать мнилось до полудни,
И подъ звукомъ засыпать гуслей свои думы.
Разбойникъ людей губить встаетъ среди ночи,
Ты себя да сохранишь, проснуться несиленъ?
Но буде не хочешь здравъ, больной водяною
Бѣжать станешь. Если ты требовать не будешь
Предъ зорей книгу съ свѣчой, и сердце къ наукамъ
И къ честныхъ дѣлъ званію свое не приложишь,
Любовь иль зависть, отнявъ сонъ, тебя измучитъ.

прислуживаяся, въ любовь свою ея привлечь.—*Число умножать лишь годны*. Numerus sumus. Numerus есть изображеніе укорительное, такъ что когда говоримъ: *человѣкъ тотъ число прибавляетъ*, значитъ хотимъ, что никакого иного почтительнаго свойства въ немъ не находимъ.—*Молодцы Алциновой свиты*. Сирѣчь молодые придворные Алциноя, короля острова Ѳеакскаго, теперь *Корфу* называемаго. Житье тѣхъ молодцовъ состояло въ праздности и въ сластолюбіи. Алциной самъ о своемъ дворѣ говоритъ въ 8 книгѣ Одиссеи: *Празднества, музыка, танцы, уборъ, бани, сонъ, праздность составляютъ наши упражненія.*—*Бездѣльно*. Напрасно, туне, даромъ.

Ст. 34. *Чрезъ мѣру лишно*. Чрезъ мѣру нѣжить тѣло осудительно; впрочемъ позволена нѣкая тѣла нѣга, какъ напримѣръ та, которую сохраненіе здравія и чистота приличная требуютъ.

Ст. 37. *Разбойникъ людей губить* и проч. Сей стихъ и слѣдующіе на первомъ взглядѣ кажутся не имѣть никакой связности съ предъидущими. Горацію такія внезапныя перескочки обыкновенны. Нужно для того примѣчать, что онъ началъ свое письмо похвалами Омировыми, что потомъ описалъ содержаніе Иліады и Одиссеи, показуя хвальные и развратные нравы, кои составляютъ дѣло тѣхъ двухъ сочиненій, и потомъ пріуподобляя насъ сопутникамъ Улиссовымъ и Алциновымъ придворнымъ; напослѣдокъ начинаетъ уже здѣсь нравоученіе, совѣтуя отдаляться страстей и прилежать любомудрію. Первое его увѣщаніе состоитъ въ томъ, что нужно съ усердіемъ прилежать въ исправленіи нравовъ, въ изслѣдованіи истины и въ пріобрѣтеніи себѣ знанія полезныхъ дѣлъ. Подтверждаетъ тотъ примѣръ бодрствованіемъ разбойниковъ и горячностію нашею въ отнятіи малой нашей болѣзни.

Ст. 38. *Ты себя да сохранишь*. Ибо страсти суть болѣзни душевныя, гораздо тѣлесныхъ опаснѣе.

Ст. 39. *Буде не хочешь здравъ, больной водяною бѣжать станешь*. Буде не станешь въ самомъ началѣ, пока сирѣчь сердце не изнурено, отгонять отъ себя страсти, будешь трудиться въ томъ, когда уже, въ нихъ состарѣвъ, силы твои будутъ слабы. Изрядно здѣсь страсти пріуподобляются водяной болѣзни, которая сколь больше нѣжена, столь больше прибавляется.

Ст. 43. *Любовь и зависть отнявъ, сонъ тебя измучитъ*. Если полѣнишься, сонъ оставя, прилежать къ наукамъ и пріобрѣтенію благонравія,

Для чего когда въ глазахъ чувствуешь хоть малу
Болѣзнь, ту спѣшить отнять, а что изнуряетъ
Душу, въ лѣта многія лѣчить отлагаетъ?
Полдѣла ужъ совершилъ, кто началъ. Осмѣлься
Въ добродѣтели вступить путь, начни; кто жизни
Исправленіе своей съ дня въ день отставляетъ,
Какъ грубый поселянинъ ждетъ, чтобъ рѣка ссохла,
А та течетъ и течи быстра въ вѣки будетъ.
Ищемъ деньги наживать и жену богату
Къ порожденію дѣтей, и разводить въ дикихъ
Лѣсахъ пашни новыя. Кто уже имѣетъ
Нужное, не долженъ онъ желать что иное;
Ни земли, ни пышной домъ, ни золота кучи;
И сребра хозяину изъ тѣла горячку,
Изъ сердца печаль изгнать когда сильны были.

любовь, зависть и подобныя страсти столь въ тебѣ укрѣпятся, что и не хотя сонъ тебѣ отъимутъ, измучатъ тебя, мѣшая сну твоему безпрестанно.

Ст. 47. *Полдѣла ужъ совершилъ, кто началъ.* Люди столь лѣнивы и столь много препятствъ себѣ изображаютъ въ дѣланіи добра, что когда преодолѣвъ всѣ тѣ затрудненія, вступятъ въ теченіе добрыхъ дѣлъ, можно сказать, что то начало составляетъ половину всего дѣла. Первая смѣлость трудна, слѣдствіи оной гораздо легче.

Ст. 48. *Осмѣлься въ добродѣтели вступить путь.* Въ латинскомъ стоитъ: Sapere aude, *осмѣлься смыслить, осмѣлься учинить себя мудрымъ, благоразсуднымъ, благонравнымъ.* Нужно благодушіе, приличное дерзновеніе тому, кто любомудріе пріобрѣсть ищетъ, чтобъ за встрѣчающимися въ пути затрудненіями не унывалъ и не отсталъ своего намѣренія; для того Горацій говоритъ *осмѣлься.*

Ст. 50. *Какъ грубый поселянинъ ждетъ.* Соравняетъ человѣка, который отлагаетъ принятіе намѣренія о прилежаніи къ любомудрію, мужику, поселянину грубому, которой не видѣвъ въ жизнь свою никакой рѣки, и въ дорогѣ своей нашедъ одну, остановляется и ожидаетъ для продолженія своего пути, чтобъ та рѣка ссохла. Чаятельно, что Горацій здѣсь упоминаетъ о какой баснѣ, въ его временахъ гораздо знакомой и которая до насъ не дошла.

Ст. 52. *Ищемъ деньги наживать* и проч. Первый совѣтъ гораціевъ былъ прилежать къ любомудрію, къ наставленію себя въ благонравіи; теперь показываетъ, что люди безразсудно желаютъ и съ прилежаніемъ ищутъ размножать богатство, достать богатую жену, прибавить свои земли; безплодныя суеты тому, кто имѣетъ уже себѣ довольное.

Ст. 53 и 54 *И разводить въ дикихъ лѣсахъ пашни новыя.* Et incultæ pacantur vomere sylvæ, слово отъ слова: *и недѣланныя дубравы усмиряются сохою.*

Ст. 57. *Хозяину.* Сирѣчь, господину, стяжателю вышепомянутыхъ богатствъ, дома, кучи золота и серебра.

Цѣлое долженъ имѣть здоровье, кто хочетъ
Пріятно употреблять собранныя вещи.
Кого жадность или страхъ мучитъ, столько мало
Ему пользуетъ и домъ и проче имѣнье,
Сколь болящему очьми живопись художна,
Сколь паренье подагрѣ, сколь сладкой звонъ гуслей
Напухлымъ гноемъ ушамъ. Коль судно нечисто
Закиснетъ, что ни вольешь; презри похоть; вредно
Сластолюбіе всегда купится болѣзнью.
Скупой непрестанно нищъ; предѣлъ ты извѣстный
Желаніямъ положи. Завидливый сохнетъ,
Видя счастіе другихъ. Сицильски тираны
Злѣе не изобрѣли, зависти, мученье,

Ст. 59 и 60. *Цѣлое долженъ имѣть здоровье* и проч. Есть слѣдствіе вписаннаго разсужденія. Богатство никогда сильно не было изгнать болѣзни изъ тѣла и печали изъ сердца стяжателю; а стяжатель богатствъ и не совершенно здоровъ, если непрестанно волнуется въ надеждѣ и страхѣ, не можетъ пріятно наслаждаться собраннымъ богатствомъ. Поэтому весьма излишно суетится въ добываніи лишнаго имѣнія.

Ст. 64. *Сколь паренье подагрѣ*. Подагра, болѣзнь знакомая, которая чувствительна жестокимъ ломомъ и опухолью въ ногахъ. Терпѣніе и теплота лучшее противъ нея лѣкарство, всѣ прочія мало пользуютъ.

Ст. 65 и 66. *Коль судно не чисто закиснетъ, что ни вольешь*. Понеже ни чести, ни забавы, ни богатства могутъ усладить, успокоить сердце, желаніемъ и страхомъ волнуемое, явно, что вина тому судно, которое, будучи нечисто, портитъ и кваситъ все, что въ оное ни вольешь. Нечистота того судна суть страсти, напримѣръ сластолюбіе, жадность, скупость, зависть, гнѣвъ, противъ которыхъ Горацій даетъ Лоллію изрядные совѣты въ слѣдующихъ стихахъ.

Ст. 66 и 67. *Презри похоть* и проч. Презри похоть для того, что она вредна тѣмъ, что всегда за нею слѣдуетъ болѣзнь, печаль, каяніе.

Ст. 68. *Скупой непрестанно нищъ*. Вмѣсто правила *не будь скупъ*, Горацій вдругъ представляетъ зло, отъ скупости происходящее; скупой есть нищъ, что всегда желаетъ того, что лишается, и мало употребляетъ что во власти имѣетъ.

Ст. тотъ же. *Предѣлъ извѣстный желаніямъ положи*. Для того, что скупой и лакомой всегда нищъ, ты уставь извѣстной предѣлъ твоимъ желаніямъ. Тотъ предѣлъ выше Горацій показалъ быть *то, что тебѣ довольно*.

Ст. 69, 70 и 71. *Завидливый сохнетъ* и проч. Воздержися отъ зависти, что же самому тебѣ будетъ вредно: изсушишься, видя счастье другихъ. Сицилійскіе тираны не изобрѣли жесточайшаго надъ завистью мученія. О сицилійскихъ тиранахъ Іустинъ говоритъ, книга IV: глава II. Post quam singulæ Civitates in Tyrannorum Imperium concesserunt, quorum nulla terra feracior fuit. *Послѣ Кокалова царствованія каждой городъ попалъ власти тирановъ. Понеже ни одна земля столь тиранами*

Кто гнѣвъ свой не обуздалъ, каяться имѣетъ,
Что, спѣша въ отмщеніи досады, послушалъ
Устремительна ума и скорби совѣты.
Краткое неистовство есть гнѣвъ; владѣй сердцемъ:
Господствуетъ буде то, тебѣ непослушно,
Въ уздѣ и въ цѣпяхъ держи. Пока уста нѣжны,
Коня учатъ и смирятъ, чтобъ потомъ по воли
Всадника показаннымъ шелъ путемъ послушенъ;
Гончій песъ, щенкомъ еще на кожу поваженъ
Оленью лаять, въ лѣсахъ воюетъ съ звѣрями.
Теперь, пока молодъ, ты въ чисто пріими сердце
Мои слова; теперь ты вручи себя лучшимъ
Наставникамъ, и дѣламъ обыкай полезнымъ.
Чѣмъ новой горшокъ нальешь, будетъ долго пахнуть.

плодовита не была. Горацій, безъ сумнѣнія напоминая о мученіяхъ, изобрѣтенныхъ сицилійскими тиранами, въ умѣ своемъ имѣлъ мѣднаго быка, котораго Фаларисъ, оный свирѣпый тиранъ агригентской, вылить велѣлъ, чтобъ въ немъ сжигать людей, кои ненависти его подпадали. Быкъ тотъ такимъ образомъ былъ состроенъ, что вопль въ немъ бѣдно страждущихъ чрезъ уста того мѣднаго скота исходя, изображалъ рыкъ воловей.

Ст. 72, 73 и 74. *Кто гнѣвъ свой не обуздалъ*. Удержися отъ гнѣву понеже кто гнѣвъ свой не обуздалъ, часто каяться имѣетъ, что послушалъ скорби своей и своего устремительнаго ума совѣтъ, съ поспѣшностію отмщая досаду.

Ст. 76. *Краткое неистовство есть гнѣвъ*. Кромѣ показанныхъ выше сего причинъ, вотъ еще новая, для чего должно гнѣва воздержаться. Гнѣвъ есть короткое неистовство, шалость, безразсудство жестокое.

Ст. тотъ же. *Владѣй сердцемъ*. Animum rege. По толкованію Дасіерову Animus здѣсь значитъ *сердце гнѣвомъ пылающее*. Наше слово *сердце* изрядно латинскому соотвѣтствуетъ, имѣя точно тоже знаменаніе. Такъ мы говоримъ: *на кого сердце имѣть*; *сдѣлать что въ сердцахъ*; вмѣсто: *имѣть на кого гнѣвъ; сдѣлать что съ гнѣву, въ ярости*.

Ст. 77. *Пока уста нѣжны* и проч. Новый Лоллію и намъ совѣтъ съ молоду обучать себя къ послушанію здраваго смысла, къ обыканію въ благоправіи. Примѣромъ коня и гончаго щенка изрядно совѣтъ подтверждаетъ.

Ст. 80 и 81. *Гончій песъ щенкомъ еще* и проч. Гончій песъ, которой теперь воюетъ, гонится за звѣрьми въ лѣсахъ, поваженъ къ тому, когда щенкомъ еще былъ, заставляя его лаять на оленью кожу.

Ст. 83. *Вручи себя лучшимъ наставникамъ*. Melioribus offer. *Наставникамъ* въ переводѣ моемъ, лишно предъ латинскимъ, съ мнѣнія Дасіерова прибавлено.

Ст. 84. *И дѣламъ обыкай полезнымъ*. Прибавокъ надъ латинскимъ, къ которому мѣра стиха меня понудила.

Ст. 85. *Чѣмъ новой горшокъ нальешь*. Возвращается къ тому, что говорилъ о суднѣ въ стихѣ 65, буде судно не чисто, закиснетъ, что ни

Если отстанешь лѣнивъ, иль прилежно́въ уйдешь,
Ни поджидать, ни тебя нагонять не стану.

ПИСЬМО III.

КЪ ЮЛІЮ ФЛОРУ.

1 Охотнобъ я, Юліе Флоре, хотѣлъ вѣдать,
Въ коихъ земляхъ пасынокъ Августовъ воюетъ;
Въ Ѳракахъ ли находитесь вы или при Эбрѣ,
Льдомъ многимъ сгнѣтаемомъ, или близъ пролива,
5 Между смежными двѣмя башнями текуща,
Иль на жирныхъ Ассіи и поляхъ и холмахъ?

вольешь; чѣмъ новое судно нальешь, тѣмъ долго пахнуть будетъ; такъ и наше сердце: первыя страсти, кои въ немъ гнѣздятся, избыть ужъ трудно.

Ст. 86 и 87. *Если отстанешь лѣнивъ* и проч. Буде ты хочешь вмѣстѣ со мною течи путь любомудрія, пойдемъ вмѣстѣ и равными степенями. Я ни нагонять тебя, буде чрезмѣрною прилежностію уходить станешь, ни поджидать, буде за лѣностію отстанешь, не намѣренъ.

III. Горацій пишетъ къ Юлію Флору, какъ бы желая вѣдать, что дѣлается при дворѣ Тиберіевомъ, которой по указу Августову отъѣхалъ было къ востоку съ сильнымъ войскомъ. Но прямое его намѣреніе есть изъяснить, сколь ему предосудительны сребролюбіе и высокомысліе, и увѣщавать его, чтобъ жилъ въ согласіи съ братомъ своимъ.

Ст. 1. *Юліе Флоре*. *Флоръ* былъ пріятель Гораціевъ, къ которому писано письмо 2 книги 2 и ода 2 книги 4, отъ Августа Кесаря съ Клавдіемъ Нерономъ въ войну Панонскую, или къ возстановленію Тиграна въ Арменію посланный.

Ст. 2. *Пасынокъ Августовъ*. Клавдій Тиберій Неронъ, наслѣдникъ Августовъ, сынъ Тиберія Нерона и Ливіи; Августъ женился на его матери въ 4 лѣто его возраста, а въ двадцать второе отправленъ въ походъ въ Арменію для возстановленія Тиграна на престолъ того царства.

Ст. 3. *Въ Ѳракахъ ли*. Ѳракія, великая провинція въ Европѣ, нынѣ *Романія* называемая.

Ст. тотъ же. *Или при Эбрѣ*. *Эбръ* рѣка въ Ѳракіи, почти всегда снѣгомъ и льдомъ покрытая.

Ст. 4 и 5. *Или близъ пролива между смежными двѣмя башнями текуща*. Проливъ еллеспонтской или цареградской, на берегахъ котораго стояли двѣ крѣпости: *Сесте* на европейской сторонѣ и *Абидѣ* на асіатической. Нынѣ *Дарданелы* называются.

Въ чемъ же упражняется ученая свита?
Да и то желаю знать, кто Августа дѣйства
Писать взялся? Кто войны, кто миры извѣстны
Учинивъ, позднѣйшій вѣкъ дивиться заставитъ?
Чтожъ дѣлаетъ Тиціусъ, имущій въ предѣлы
Римскіе скоро прибыть? который напился
Въ Пиндаровомъ, не блѣднѣвъ, источникѣ дерзокъ,
Общихъ озеръ, и ручьевъ воды погнушався?
Какъ здравствуетъ? какъ меня часто вспоминаетъ?
Латинскимъ ли соглашать струнамъ стихи ищетъ
Ѳивейскіе, помочью благосклонной музы,
Иль силится въ зрѣлищахъ трагиковъ искусства
Неистовство оказать и великолѣпность?

Ст. 7. *Ученая свита.* Studiosa Cohors. Въ семъ мѣстѣ Cohors значитъ свиту, дворъ, служителей князя какого. Тиберіева свита была отъ большей части составлена изъ ученыхъ и грамотныхъ людей.

Ст. 8. *Кто Августа дѣйства писать взялся.* О дѣйствахъ Тиберіевыхъ говоритъ, которыя *Августовыми дѣлами называетъ*, понеже въ его имя и отъ него посланнымъ войскомъ совершалися.

Ст. 9 и 10. *Кто войны, кто миры* и проч. Кто опишетъ войны и миры Августомъ совершенные, и повѣстію оныхъ удивитъ потомство наше въ многія по насъ лѣта.

Ст. 11. *Тиціусъ.* Тиціусъ Септиміусъ, къ которому писана ода 6 книги 4 и письмо 9 книги 1, лирической и трагической стихотворецъ, отъ котораго сочиненій ничего къ намъ не дошло и самой его родъ намъ неизвѣстенъ.

Ст. тотъ же и 12. *Имущій въ предѣлы римскіе скоро прибыть.*. Мнѣ кажется, что Горацій его впрямъ изъ походу въ Римъ ожидаетъ. Но Дасіеръ и другіе толкуютъ: *Имущій скоро въ римскихъ предѣлахъ прославиться своими твореніями.*

Ст. 12, 13 и 14. *Который напился.* Который, погнушався общаго слогу, осмѣлился Пиндару, славному греческому стихотворцу, въ сочиненіи стиховъ своихъ подражать. Слогъ Пиндаровъ источникомъ называетъ не общимъ, каковы суть озера и ручьи, и въ велико почитаетъ дерзать пить изъ того источника смѣло, не блѣднѣя, понеже блѣднѣетъ, кто страшится.

Ст. 16 и 17. *Латинскимъ ли соглашать струнамъ.* Горацій спрашиваетъ Септимія, сочиняетъ ли латинскіе лирическіе стихи въ подражаніе греческихъ Пиндаровыхъ, который былъ уроженецъ Ѳивейской. — *Соглашать струнамъ* для того, что, какъ въ первомъ письмѣ примѣчено, на лирѣ пріигрывался голосъ пѣсней, и отъ того сочиненіи высокаго слогу лирическими названы.

Ст. 18 и 19. *Иль силится въ зрѣлищахъ.* Или сочиняетъ для зрѣлищъ трагедіи, которыя должны содержать въ себѣ много величественности и гнѣва и неистовства. Въ латинскомъ стоитъ: An tragica desævit et ampullatur in arte; то-есть: *или въ трагическомъ искусствѣ свирѣпѣетъ*

Чтожъ Целсъ дѣлаетъ уже часто увѣщанный;
И его же увѣщать еще много нужно,
Чтобъ собственны добывалъ богатства и книги,
Въ Палатинскомъ собранны не грабилъ Аполлѣ;
Да не когда стадо птицъ сшедшись свои перья
Отобрать, громко себѣ смѣяться заставитъ
Обнаженна краденой украсы ворона.
Что самъ дѣлаешь, какой цвѣтокъ облетаешь?
Не малъ тебѣ умъ, не грубъ, и остръ и искусенъ,
Иль изощряя языкъ безвинныхъ въ защиту,
Или готовя отвѣтъ тѣмъ, что совѣтъ ищутъ;
И буде пишешь стихи любезные, перву

и дуется. Desaevit вмѣсто valde saevit, *весьма свирѣпѣетъ*, понеже въ трагедіяхъ свирѣпство большее мѣсто занимать должно. Ampulla есть *пузырь*, что въ водѣ соломою вздуваемъ, и понеже такіе пузыри гораздо надуты и полны вѣтра, чаять можно, что онымъ трагедія пріуподоблена, понеже ея слогъ также пышенъ и надутъ быть имѣетъ.

Ст. 20. *Чтожъ Целсъ дѣлаетъ*. Целсусъ Албинованусъ., секретарь Тиберіевъ, къ которому писано слѣдующее письмо 8. Горацій его увѣщалъ и увѣщаетъ, чтобъ своими собственными трудами добывалъ себѣ славу, а не кралъ изъ чужихъ книгъ дѣло и рѣчи, и тѣми какъ собственными хвасталъ; дабы напослѣдокъ не случилось ему басенной вороны несчастье.

Ст. 22. *Чтобъ собственны добывалъ богатства*. Чтобъ изъ своего мозгу сочиненія выдавалъ, чтобъ своихъ трудовъ плоды произносилъ.

Ст. 23. *Въ палатинскомъ Аполлѣ*. Августъ Кесарь состроилъ на палатинской горѣ въ Римѣ при храмѣ Аполлиновомъ великолѣпную книгохранительницу, въ которой собрано было великое число книгъ знатнѣйшихъ писателей.

Ст. 24, 25 и 26. *Да не когда стадо птицъ* и проч. Чтобъ не случилось ему Целсу какъ воронѣ, которая, укравши отъ разныхъ птицъ цвѣтныя перья, въ оныя нарядилася; но птицы тѣ, примѣтя воровство, вдругъ на нее напали, и всякая отнявъ свои перья, бѣдная ворона обнажена краденой чужой украсы осталась въ посмѣшку всему свѣту. Басня сія Эсопова довольно извѣстна.

Ст. 27. *Какой цвѣтокъ облетаешь*. Флора пчелѣ пріуподобляетъ, которая, съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетая, собираетъ медъ свой. Такъ и ученый человѣкъ, съ книги на книгу переходя, собираетъ наставленія въ свою и въ другихъ пользу.

Ст. 28, 29, 30 и 31. *Не малъ тебѣ умъ* и проч. Богъ тебя одарилъ умомъ не малымъ, ingenium non parvum, искуснымъ и острымъ, non incultum, не грубымъ, non turpiter hirtum, послѣднее слово отъ слова *негнусно шороховатымъ*. Тотъ твой умъ примѣтенъ, когда ты изощряешь свой языкъ, готовяся говорить на судилищахъ (я отъ себя прибавилъ *въ защиту безвинныхъ*) для изслѣдованія тяжебъ; или когда готовишь отвѣты тѣмъ, кои приходятъ у тебя спрашиваться и требовать въ дѣлахъ

Мзду побѣдоноснаго блюща ты одержишь.
Еслибъ къ тому презирать ты вещи былъ силенъ
Тщетны, кои суеты приращать обыкли,
Не облегчать нашу мысль, небесная мудрость
Кудыбъ тебя ни вела, шелъ бы ты удобно.
Въ семъ трудиться и сему прилежать мы должны,
Малы и великіе, буде мы желаемъ
Отечеству и себѣ самимъ жить любезны.
И то отпиши, такъ ли съ Мунаціемъ водишь
Себя, какъ прилично вамъ, или дружба ваша,
Какъ бы худо сшитая язва, не срастая,
Разсѣдается еще? Но васъ хотя крови

своихъ совѣта. Когда же ты въ забаву свою пріймешся любезные, любовные стихи писать, въ томъ столько ты удачливъ, что ты первый, ты надъ всѣми другими одержишь въ мзду себѣ и въ знакъ своей побѣды вѣнецъ блющовый.—Таковые блющовые вѣнцы у римлянъ давалися въ награжденіе стихотворцевъ, которые надъ прочими своими товарищами преуспѣвали. — *Иль изощряя языкъ*. Флоръ еще должность адвоката не принялъ во время, когда письмо сіе писано, для того Горацій говоритъ: *изощряешь языкъ*, и для того пониже: *готовишь отвѣтъ*. Въ латинскомъ сіе послѣднее такъ стоитъ: Seu civica jura respondere paras, *или готовяся отвѣтствовать* (изъяснять) *гражданскія права*.

Ст. 33, 34 и 35. *Еслибъ къ тому презирать* и проч. Съ такимъ острымъ и искуснымъ умомъ, еслибъ ты, Флоре, могъ отважиться презирать тщетныя вещи, какъ напримѣръ лишныя чести и богатства, которыя больше служатъ прибавлять бремя нашихъ суетъ и попеченій, чѣмъ облегчать оныя, и доставить намъ тишину души, шелъ бы ты за мудростію, куда-бъ она тебя ни повела; силенъ бы ты былъ всякое добродѣтельное дѣло совершить. Я назвалъ *вещьми тщетными, кои обыкли приращать, не облегчать нашу мысль, наше попеченіе*, то что въ латинскомъ названо: Frigida curarum fomenta, сирѣчь *студеныя мыслей нашихъ паренья*. Fomenta суть паренья, которыя къ больнымъ частямъ тѣла для облегченія болѣзни прикладываются; когда они студены, больше раздражаютъ, чѣмъ убавляютъ болѣзнь. Богатства и чести тожъ въ душѣ нашей производятъ, что тѣ студеныя паренья. Сколь больше богатствъ и чести стяжемъ, столь больше желаемъ и безпокоимся.

Ст. 35. *Небесная мудрость*. Древные философы, какъ мы, увѣрены были, что истинная мудрость отъ Бога съ небесъ приходитъ.

Ст. 37. *Въ семъ трудиться и сему прилежать*. Сирѣчь, чтобъ презирать богатства и чести, чтобъ не быть лакомымъ и славолюбивымъ; чтобъ пренебрегая суетныя вещи, слѣдовать мудрости и добродѣтели.

Ст. 40. *Съ Мунаціемъ*. Мунаціусъ Планкусъ братъ былъ Юлія Флора. Повидимому они не гораздо дружно межъ собою живали.

Ст. 43. *Но васъ*, Горацій не хочетъ вступаться въ ихъ домашніе раздоры, и со всѣмъ ихъ междуусобнымъ несогласіемъ къ нимъ поступаетъ, какъ къ двумъ братьямъ.

Ст. тотъ же. *Крови жаръ*. Горячность крови. Знатно и Флорусъ и Мунацій оба еще были гораздо молоды и вспыльчивы.

Жаръ, или невѣжество вещей, непокорныхъ
Свирѣпыхъ мучитъ вездѣ, гдѣ бъ ни находились.
Вы, коимъ братской любви разрывъ недостоенъ,
Вѣдайте, что къ вашему возврату пасется
Счастливому у меня на жертву телечка.

ПИСЬМО IV.

КЪ АЛБІЮ ТИБУЛЛУ.

Албіе стиховъ моихъ судья правосердый,
Что ты дѣлаешь теперь въ Педанскомъ уѣздѣ?

Ст. 44. *Невѣжество вещей*. Невѣжество и вспыльчивый нравъ по мнѣнію Гораціеву суть главныя двѣ причины разгласія межъ братьями, какъ и межъ друзьями. И правда оба тѣ недостатки умъ человѣка ослѣпляютъ.

Ст. 46. *Вы, кои не въ братской жить любви недостойны*. Вы, коимъ неприлично, вы, кои не заслужили того, чтобъ не жить межъ собою въ братской любви. Въ латинскомъ стоитъ: *Вы, что братской разорвать союзъ недостойны. Вы, коимъ братской любви разрывъ недостоенъ.*

Ст. 48. *На жертву телечка*. Обыкновенны были у римлянъ обѣты такихъ жертвъ для всякаго пріятелей и сродниковъ случая, и Горацій, особливо къ друзьямъ горячъ, не скупъ былъ давать имъ такіе любви своей знаки.

IV. Письмо сіе писано къ Албію Тибуллу, стихотворцу, котораго большая часть сочиненій до насъ дошла. Сочиненіи полныя сладости, отъ большей части любовныя, и въ томъ родѣ почти неподражательныя. — Стихотворецъ тотъ, промотавъ свое имѣніе и видя себя многими долгами обремененна, удалился изъ Рима въ свой загородной домъ, гдѣ напоминовеніе потерянныхъ богатствъ и страхъ лишенія оставшихся малыхъ доходовъ погружали его въ жестокую печаль и безпокойство. Горацій, вѣдая его въ такомъ состояніи, пишетъ къ нему сіе письмо, нища его утѣшить, и для того искусно ему внушаетъ, что его худое состояніе въ Римѣ неизвѣстно; что удаленіе его приписуютъ прилежанію его къ наукамъ; что еще довольно богатствъ имѣетъ, чтобъ жить счастливо, и кончаетъ шутками о себѣ и о сектѣ эпикурской.

Ст. 1. *Стиховъ моихъ судья*. Горацій называетъ *рѣчьми* sermones, свои письма и свои сатиры. Тибуллъ былъ великаго искусства и остроты не только въ сочиненіи своихъ, но и въ разсужденіи твореній другихъ стихотворцевъ.

Ст. 2. *Въ Педанскомъ уѣздѣ*. Земля Педанская въ провинціи Латинской былъ уѣздъ города Ледима, который чаютъ лежалъ межъ Пренестомъ и Тибуромъ. Титъ Ливій объ немъ упоминаетъ.

Пармскаго ли Кассія пишучи трудишься
Преодолѣть числомъ книгъ? иль въ лѣсу гуляешь
Спасительномъ молчаливъ, ища что прилично
Доброму и мудрому мужу? Одаренно
Тѣло умомъ ты имѣлъ. Красу тебѣ боги,
Богатства дали тебѣ, и искусство тѣми
Наслаждаться. Болѣе что можетъ питомцу

Ст. 3 и 4. *Пармскаго ли Кассія пишучи.* Насмѣвается Горацій Пармскому Кассію, которой хвасталъ скоропоспѣшно писать и издавать многія книги. По словамъ древняго толкователя Гораціевыхъ стиховъ, Кассій Пармской былъ военной трибунъ или полковникъ въ войскѣ Кассія и Брута. По побѣжденіи сихъ убѣжалъ въ Аѳины, гдѣ посланные отъ Августа смерти его предали.

Ст. 4. *Преодолѣть числомъ книгъ.* Сочиненія Кассіевы Горацій называетъ *сочиненійцами*, Cassii opuscula, понеже онъ отъ большей части писалъ элегіи и эпиграммы, хотя и нѣкои трагедіи сочинялъ.

Ст. тотъ же и 5. *Иль въ лѣсу гуляешь спасительномъ молчаливъ.* Или молчаливъ, какъ человѣкъ, который съ прилежаніемъ размышляетъ, ища истину, прилежитъ къ академической философіи, изслѣдуя книги Платоновы и другихъ академическихъ философовъ. Такъ Дасіеръ толкуетъ сей стихъ, примѣчая, что Горацій въ другомъ мѣстѣ употребляетъ *лѣсъ Академовъ* вмѣсто философіи академской. Atque inter silvas Academi quærere verum. *И искать истину въ лѣсу академскомъ.* Я охотнѣе тѣхъ мнѣнію послѣдую, которые чаютъ, что Горацій Тибулла просто спрашиваетъ: *гуляешь ли въ лѣсу молчаливъ, разсуждая, что честному и доброму человѣку прилично, что должности его противно.*

Ст. 6. *Одаренно тѣло умомъ ты имѣлъ.* Въ латинскомъ стоитъ: *Не былъ ты тѣло безъ перси?* Non tu corpus eras sine pectore? Древніе употребляли слово pectus, *перси*, *грудь*, вмѣсто ума, мудрости, благоразсудности, понеже стоики сердце почитали источникомъ всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ дѣйствованій души. Рѣчь *имѣлъ*, eras, употреблена вмѣсто *имѣешь*, es. Инако Горацій-бы былъ гораздо невѣжливъ, обличая пріятеля потеряннымъ добромъ. Но съ другой стороны согласить трудно, какъ онъ можетъ говорить Тибуллу въ нынѣшнемъ худомъ его состояніи, что боги его одарили красотою, умомъ, богатствомъ и искусствомъ наслаждаться оными. Для отнятія того затрудненія довольно напомянуть то, что въ началѣ сихъ примѣчаній показано, а именно, что Горацій поставляетъ, что несчастіе Тибуллово никому въ Римѣ неизвѣстно.

Ст. 7 и 8. *Красу тебѣ боги, богатство дали тебѣ.* Тибуллъ и лицемъ и станомъ былъ одинъ изъ красавцевъ римскихъ. Богатства его были безчисленныя, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ 3 элегіи 3 книги.

Ст. 9. *Болѣе что можетъ питомцу* и проч. Отъ сего стиха по 14 Горацій ищетъ показать Тибуллу, что со всѣмъ приключившимся ему нещастіемъ, если онъ довольствоваться хочетъ умѣреннымъ имѣніемъ, можетъ счастливо прожить. Понеже остатки его богатствъ и состояніе его таково, что исполняетъ желанія бабки или кормилицы. Извѣстна сихъ въ

Сладкому бабка желать, какъ чтобъ онъ разсуденъ
Могъ изображать въ рѣчахъ мысль свою пріятно,
И были бы здравіе, сила, честь обильны;
Приборный столъ, и доходъ ему неоскудный?
Между попеченіемъ скучнымъ, и надеждой,
Межъ страхомъ и яростью думай, что день всякой
Послѣдній свѣтитъ тебѣ; такъ уже пріятенъ
Надбавленный къ животу нежданый часъ найдетъ.
Еслижъ когда развеселить себя, и смѣяться
Пожелаешь, посѣтить меня потрудися,
Взнѣженну жирну свинью эпикурска стада.

своимъ питомцамъ любовь и столь на всякъ часъ о благополучіи оныхъ радѣютъ; однакожъ, говоритъ Горацій, ничего болѣе желать не могутъ, развѣ чтобъ дитя было умное; чтобъ могъ сладостно говорить; чтобъ было здорово, сильно, славно; чтобъ имѣло столъ ни лишной, ни убогой; чтобъ всегда ему въ карманѣ деньга не оскудѣвала; и то самое Тибуллъ имѣя, слѣдуетъ, что доволенъ своимъ состояніемъ быть долженъ.

Ст. 10 и 11. *Чтобъ онъ разсуденъ могъ изображать въ рѣчахъ мысль свою пріятно*. Чтобъ сирѣчь имѣть здравое разсужденіе и умѣть говорить сладостно. Sapere et fari quæ sentiat. Сей стихъ относится къ 7, гдѣ показано, что Тибуллъ *имѣлъ тѣло одаренно умомъ*.

Ст. 12. *Сила*. Gratia, сирѣчь та сила, которую или собою или чрезъ друзей въ людяхъ имѣемъ. Обыкновенно чужестраннымъ словомъ кредитъ называемъ.

Ст. тотъ же. *Честь*. Fama, слава, доброе имя.

Ст. 14, 15, 16 и 17. *Между попеченіемъ скучнымъ и надеждой* и проч. Горацій выше сего изъяснивъ Тибуллу, что состояніе его не таково, чтобъ не могъ счастливо прожить, еще настоитъ разсуждая, что есть другой способъ въ несчастіи быть довольнымъ, сирѣчь помышляя, *что всякой день намъ послѣдній*. Такимъ образомъ суеты и попеченія умаляются. Мало думъ остается, когда живемъ изъ дня въ день, и столь пріятнѣе намъ бываетъ *надбавленный къ животу нежданный часъ*.—*Между попеченіемъ скучнымъ и надеждой, межъ страхомъ и яростію*. Въ такихъ страстяхъ непрестанно волнуется умъ человѣка, которой, промотавъ великое богатство, ждетъ, что заимодавцы и остатки пропитанія отъимутъ.—*Найдетъ*; *надъидетъ, наступитъ*. Мѣра стиха понудила букву и сократить.—*Часъ*. Греки и латины употребляютъ *часъ* вмѣсто *времени*.

Ст. 20. *Эпикурска стада*. Эпикурской философической секты.

ПИСЬМО V.

КЪ ТОРКВАТУ.

На старинныхъ возлежать буде гостемъ можешь
Кроватяхъ, и ужинать цѣло блюдце зелій
Не боишься—ожидать тебя дома буду,
Торквате, по западѣ солнечномъ, охотно.
Поднесу тебѣ вино, въ консульствѣ вторичномъ
Тавра въ судно влитое, изъ лозъ винограда,

V. Горацій симъ письмомъ проситъ Торквата къ себѣ ужинать наканунѣ знаменитаго торжества. Обѣщаетъ ему малый ужинъ, чистой дома и стола приборъ и приличную бесѣду. Дасіеръ прямо сказать не можетъ, кто таковъ Торкватъ, къ которому письмо сіе писано, но догадками разсуждаетъ, что онъ былъ внукъ или племянникъ консула Манлія Торквата.

Ст. 1. *На старинныхъ возлежать буде гостемъ можешь кроватяхъ.* Древніе стульевъ не имѣли, для того около стола, на которомъ ѣдали, поставлены были кровати съ постельми, и на оныхъ ложилися гости. Отъ чего и въ святомъ писаніи, когда упоминается объ обѣдѣ или ужинѣ, употребляется слово *возлежать.*—*Старинными кроватьми* Achaici lecti, Горацій называетъ кровати простыя, неукрашенныя золотомъ и слоновою костью, каковы римское сластолюбіе со временемъ вымыслило.—*Гостемъ.* Слово сіе не для одного пополненія стиха вставлено. Многіе въ своемъ домѣ всякою вещью довольствуются, а въ чужомъ всего гнушаются. Для того Горацій говоритъ: *Буде можешь, буде не гнушаешься, не у себя, но въ гостяхъ, въ чужомъ домѣ возлежать на старинной кровати.*

Ст. 2 и 3. *И ужинать цѣло блюдце зелій не боишься.* Буде можешь возлежать на старинныхъ кроватяхъ, и буде смѣешь ужинать однимъ блюдцомъ зелій. Правду сказать, не весьма жирной ужинъ, на которомъ одно блюдцо зелій представлено, и къ съѣденію такого пира не много храбрости нужно; для того рѣчь *смѣешь* въ смѣхъ отъ Горація употреблена. А такіе изъ травъ умѣренные пиры у благоразсудныхъ римлянъ были въ обыкновеніи.

Ст. 4. *По западѣ солнечномъ.* Supremo sole, *къ послѣднему солнцу,* къ западу солнечному.

Ст. 5 и 6. *Поднесу тебѣ вино, въ консульствѣ вторичномъ Тавра въ судно влитое.* Поднесу тебѣ вино, которое дѣлано и въ бочку на сбереженье влито, когда Таврусъ въ другой разъ консульское достоинство исправлялъ. Iterum Tauro разумѣется Consule. Обыкновенно было римлянамъ означать древность винъ именами консуловъ и временемъ ихъ правленія. *Статиліусъ Таврусъ,* о которомъ здѣсь упоминается, человѣкъ подлаго рода, добродѣтелями и милостію Августа кесаря достигъ знатнѣйшія степени. Одержалъ побѣду надъ Лепидомъ; за совершенныя въ

Что между Минтурскими болоты й Петриномъ
Синвезанскимъ. Если что лучшее дать можешь,
Меня къ себѣ позови; если нѣтъ, послушенъ
Будь просьбѣ пріятельской. Давно огонь свѣтитъ
И чистой стола приборъ тебѣ изготовленъ.
Тщетны надежды отставь, и богатства жадность,
И Мосха тяжбу. Намъ день завтрешній, цесарска
Рожденія торжество принося, свободу
Даетъ спать, и лѣтню ночь пріятною можемъ
Бесѣдою протянуть. Счастье къ чему служитъ,
Если то употреблять не дастся намъ воля?
Кто наслѣднику копя, скупится и мучитъ
Себя, межъ нимъ и глупцемъ разницы немного.
Пить я начну и цвѣты разсыпать, доволенъ

Африкѣ славныя дѣйства тріумфомъ почтенъ, и напослѣдокъ домъ его столько прославился, что правнучка его Статилія Мессалина выдана за императора Нерона. Консуломъ впервые былъ въ лѣто 717 по созданіи Рима, а вдругорь въ 728. Нечаятельно, чтобъ Горацій хотѣлъ хвалить древность своего вина; напротиву шутитъ кажется, упоминая о такомъ консульствѣ, которое мало предъ тѣмъ миновалося.

Ст. 7. *Между Минтурскими болоты и Петриномъ Синвезанскимъ. Минтурны* городъ въ провинціи латинской. *Петринумъ Синвезанумъ* гора близъ города *Синвессы* или *Синопы*, нынѣ *Рока ди Монте Драконе* называема. Вино, которое Горацій Торквату обѣщаетъ, родилося въ тѣхъ болотныхъ мѣстахъ, потому негораздо нарочитое. Примѣчай, что союзъ й сокращенъ за нужду мѣры.

Ст. 10. *Давно огонь свѣтитъ*. Не знаю для чего Дасіеръ не хочетъ, чтобъ здѣсь о томъ огнѣ говорилось, которымъ ужина стряпается.

Ст. 12. *И богатства жадность*. Certamina divitiarum. Прю, брань богатствъ, сирѣчь оное невмѣрное желаніе преодолѣвать богатствомъ всѣхъ прочихъ людей.

Ст. 13. *И Мосха тяжбу*. Мосхъ сей былъ витій изъ Пергама, который обнесенъ будучи на судѣ, что ядомъ многихъ окормилъ, Торкватъ, человѣкъ весьма сладкорѣчивый, имѣлъ его сторону защищать.

Ст. тотъ же и 14. *Цесарскаго рожденія торжество*. Юлія Кесаря рожденіе праздновалося 12 іюля съ многимъ торжествомъ.

Ст. 15. *Свободу даетъ спать*. Дая свободу отъ дѣлъ, позволяетъ спать все утро.

Ст. тотъ же. *И лѣтню ночь можемъ*. Въ латинскомъ прибавлено Impune, безъ всякаго страху, наказанія.

Ст. 16. *Счастье*. Въ латинскомъ Fortunæ въ множественномъ числѣ вмѣсто *богатствъ* употреблено.

Ст. 19. *Межъ нимъ и глупцемъ разницы немного*. Въ латинскомъ Assidet insano, *сидитъ подлѣ безсмысленнаго*. И подлинно не умнѣе дурака, кто себя мучитъ, копя для другихъ богатство.

Ст. 20 и 21. *Пить я начну* и проч. Горацій сказалъ, что кто, себя из-

Хоть безсмысленнымъ прослыть. Что не чудитъ пьянство?
Открываетъ тайны всѣ, вѣнчаетъ надежды,
Безоружнаго къ бою нудитъ, ободряя,
Отъемлетъ скорбнымъ сердцамъ попеченій бремя,
Въ наукахъ всякихъ легко дѣлаетъ искуснымъ;
Обильны чаши кого не чинятъ рѣчистымъ?
Кого не избавили скудости тягчайшей?
Впрочемъ должность исполнять ту я и способенъ,
И охочь, чтобъ были всѣ постели негнусны;
Чтобъ не досаждалъ ноздрямъ черный утиральникъ;
Чтобъ смотрѣться было льзя и въ кружкахъ и въ блюдахъ,

нуряя, деньги копитъ для наслѣдниковъ, дурака не умнѣе, заключаетъ, что для того онъ пить и веселиться хочетъ, хоть бы имѣлъ тѣмъ тогожъ дурака имя нажить. Слѣдуетъ похвала пироваго веселенья, которое общимъ именемъ пьянства означено.

Ст. 21. *Что не чудитъ пьянство.* Quid non ebrietas designat. Designat значитъ дѣлать чудныя дѣла, неслыханныя, неожидаемыя.

Ст. 22. *Открываетъ тайны всѣ.* Негораздо великая вину похвала, буде Горацій не тѣ только однѣ тайны разумѣетъ, которыя для увеселенія межъ друзьями открывать позволено, когда никому никакого вреда нанесть то не можетъ. Можетъ быть, Горацій разумѣетъ еще тайны вредныхъ намѣреніи, которыя въ пьянствѣ легко открываются.

Ст. тотъ же. *Вѣнчаетъ надежды.* Показываетъ, что надежда, чаяніе наше исполнено, что получили уже желаемое; кто надѣется, кто уповаетъ, ждетъ, и ожидаему вещь не видитъ; пьяной напротиву чаетъ въ рукахъ своихъ все, что ни уповаетъ. Такъ Анакреонъ говоритъ, что когда онъ напьется, чаетъ владѣть всѣмъ Крезусовымъ богатствомъ.

Ст. 25. *Въ наукахъ всякихъ легко дѣлаетъ и искуснымъ.* Пьяному все легко кажется, о всемъ смѣло говоритъ, какъ бы ничего ему неизвѣстнаго не было.

Ст. 27. *Кого не избавили скудости.* Пьяному убожество нечувствительно, понеже помраченной виномъ умъ ни помнитъ, ни разсуждаетъ. Contracta paupertas. *Тѣсная нищета* вмѣсто *крайней недостатокъ, тяжкое убожество.*

Ст. 27 *Впрочемъ должность исполнять ту и способенъ и охочь.* Сирѣчь, чтобъ были постели чистыя, чтобъ не былъ черенъ утиральникъ и проч. Въ латинскомъ стоитъ: *Сіе я изготовить и угожъ повелѣваюся и охочь*: Hæc ego procurare et idoneus imperor & non invitus.

Ст. 29. *Постели.* Toralia, тюфяки или перины, которые покрыты были коврами, и на тѣхъ гости около стола ложилися.

Ст. 30. *Чтобъ не досаждалъ ноздрямъ черный утиральникъ.* Утиральникъ, салфетка черная, сальная, нечистая. Ne sordida mappa corruget nares. Слово отъ слова: *чтобъ скверная салфетка не морщила ноздри*; понеже всякая вещь скверная, къ носу подвинута, такое дѣйство производитъ.

Чтобъ не было, ктобъ друзей вѣрныхъ за порогомъ
Рѣчи пересказывалъ. И дабы прилична
Тебѣ бесѣда была, Септимія, Брута
И Сабина позову, если не мѣшаетъ
Сему лучша ужина и красна дѣвица.
Есть еще мѣсто и тѣмъ, коихъ пожелаешь
Съ тобой привесть, но въ пирахъ, помни, непріятну
Вонь рождаетъ тѣснота. Самсколѣкъ ты быть хочешь,

т. 32. *Чтобъ не было, ктобъ друзей рѣчи пересказывалъ.* На вся ъ пиру такіе пересказщики весьма неприличны и безпокойны, поне- отъимаютъ свободу друзьямъ межъ собою вольно и безопасно гово- ь.

т. 33 и 34. *И дабы прилична тебѣ бесѣда была.* И дабы всѣ про- гости тебѣ были приличны и угодны. Въ латинскомъ стоитъ: ut coëat jungaturque pari, *чтобъ пара къ парѣ сошлась, или равный съ рав- ъ сошелся и соединился.* Нужно весьма въ парахъ и та предосто- ность, чтобъ всѣ гости одинъ другому былъ приличенъ, чтобъ были ія межъ собою, и буде можно однѣхъ склонностей люди, если хозя- веселый пиръ дать и съ гостьми прохлаждаться намѣренъ.

т. 34. *Септимія, Брута и Сабина позову. Септимій* тотъ самый, торомъ упоминается въ предъидущемъ письмѣ 3; о *Брутѣ* не извѣ- , кто таковъ былъ. *Албусъ Сабинусъ* всадникъ и стихотворецъ рим- і;

г. 36. *Лучша ужина.* Coena prior можетъ также значить *ужину,* на рую Сабинъ прежде Гораціева зову обѣщался.

г. тотъ же. *И красна дѣвица.* Potior puella. Какая дѣвка, которую инъ ужинѣ предпочтетъ.

г. 37 и 38. *Есть еще мѣсто и тѣмъ, коихъ пожелаешь съ тобой весть.* Locus est & pluribus umbris. *Есть мѣсто и для многихъ ей. Тѣньми* римляне съ греческаго называютъ тѣхъ, которыхъ зва- гость съ собою къ пиру приводитъ незваныхъ.

г. 38 и 39. *Но въ пирахъ, помни, непріятну вонь рождаетъ тѣс- а.* Хотя есть мѣсто и для тѣхъ, коихъ ты, Торквате, съ собой приве- , помни однакожъ, что на пирахъ тѣснота вонь рождаетъ, и для то- ай мнѣ знать, отпиши ко мнѣ, сколько ты гостей съ собою приве- и сколько хочешь, чтобъ насъ за столомъ было. Въ латинскомъ тъ: Sed nimis arcta prement olidæ convicia capræ. *Но вонючія ко- тѣсняютъ пиръ, на которомъ чрезъ мѣру тѣсно сидится.* Сирѣчь ота въ пирахъ производитъ вонь козлину. На нашемъ языкѣ тѣхъ ъ переводъ несносенъ, какъ вонь козлиная.

. 39. *Самсколькъ.* Обыкновенно говоримъ, *самдругъ самтретей, етвертъ;* для того я осмѣлился ввесть слово *самсколькъ,* которое дно соотвѣтствуетъ латинскому quotus.

Отпиши мнѣ, и дѣла кончавъ, крыльцемъ заднимъ
Убѣги просителя, что торчатъ въ передней.

ПИСЬМО VI.

КЪ НУМИЦІЮ.

Одинъ, Нумице, почти способъ насъ блаженны
И сдѣлать и сохранить, всему не дивиться.
Суть, кои солнце, звѣзды и времена смотрятъ,
Въ извѣстны сходящіе часы, безмятежны:

Ст. 40. *Крыльцемъ заднимъ*. Postico, задними дверьми.

Ст. 41. *Убѣги просителя.* Челобитчиковыхъ докукъ избѣги.

Ст. тотъ же. *Что торчитъ въ передней.* Atria servantem. Атріи, сѣни, передніе, крестовая, гдѣ челобитчики и стряпчіе ожидали ихъ патрона и защитника.

VI. Намѣреніе Гораціево въ семъ письмѣ есть показать, что напрасно мы ищемъ истинное свое благополучіе въ знаменитыхъ достоинствахъ и въ богатствѣ; что все то, что рождаетъ въ сердцѣ нашемъ боязнь, пагубно намъ напослѣдокъ бываетъ; что та боязнь и желаніе рождается отъ того, что мы легко чудимся, легко всякимъ вещамъ дивимся; что, слѣдовательно, кто хочетъ быть истино счастливымъ, долженъ отложить то удивленіе, которое совсѣмъ противно добродѣтели, которая въ томъ состоитъ, чтобъ имѣть умъ покойный и постоянный, ничѣмъ подвижный, ни устрашаемый, ни удивляемый.

Ст. 1 и 2. *Одинъ, Нумице, почти способъ.* Кто хочетъ достать и сохранить себѣ истинное благополучіе, истиное блаженство, тотъ одинъ только къ тому почти способъ имѣетъ, которой есть *ничему не дивиться.* Есть удивленіе разсудное, смысленное, которое людей къ добродѣтели приводитъ и которое Платонъ называетъ *матерью мудрости.* Не трудно угадать, что не о томъ удивленіи Горацій говоритъ, но о удивленіи глупомъ и погрѣшительномъ, которое отъ невѣжества происходитъ, и которое человѣка понуждаетъ съ горячностью желать или бояться вещей, которымъ удивляется.—*Нумице.* Не можно сказать, кто таковъ *Нумицій* сей, къ которому Горацій пишетъ. Былъ въ Римѣ сенаторской домъ, которой Нумиціевъ назывался, и видимъ консула того имени въ 284 году по созданіи Рима.—*И сдѣлать и сохранить.* Все то, что намъ маловременное благополучіе доставляетъ, ложно и презрительно. Истиное благополучіе постоянно, твердо, долговременно. Потому-то мы искать должны, что можетъ насъ *сдѣлать и сохранить благополучными.*

Ст. 3 и 4. *Суть, кои солнце, звѣзды* и проч. Суть такіе люди, которые на солнце, на звѣзды и на порядочную премѣну четырехъ временъ года, на теченіе небесъ смотрятъ не удивляяся, не чудяся; потому какъ

Что убо о земли мнишь дарахъ, что о моря,
Богатяща индіянъ и аравлянъ крайнихъ?
Какъ чувствовать, какимъ мы смотрѣть должны глазомъ
Зрѣлища, ладоней бой и дары народа
Благосклоннаго? Кто тѣхъ противныхъ боится,
Равно дивится и онъ, какъ тотъ, что желаетъ;
Оба равно трепетны, равно устрашаетъ
Обоихъ нечаянной случай наступивши.

намъ можно дарамъ земли, золоту, серебру, бисерамъ, камнямъ дивиться, которые гораздо меньше небеснаго состава чудны?—*И времена въ извѣстные сходящіе часы*. Et decedentia certis tempora momentis. Tempora значитъ времена года, весну, лѣто, осень и зиму, которыя порядочно кончаются всякое въ показанное ему время.

Ст. 5 и 6. *Что убо о земли мнишь дарахъ. О дарахъ земли*, сирѣчь о золотѣ, о серебрѣ и о прочихъ рудахъ и вещахъ, которыя она намъ даетъ. *Что о моря, богатяща индіянъ и аравлянъ крайнихъ*. Повторить должно *дарахъ*: «О дарахъ моря, которое богатитъ самыхъ отдаленныхъ араповъ и индіянъ». То есть о *бисерахъ*, о *жемчугѣ*, которой родится паипаче въ *Персидской морской пазухѣ* и въ Индѣйскомъ морѣ близъ Зейландскаго острова.

Ст. 7. *Зрѣлищи*. Гдѣ отправлялися игрищи, или бой единоборцовъ, и которыя составляли крайнюю забаву большей части людей.—*Ладоней бой*. Которымъ народъ витіямъ или знатнымъ людямъ, возвращающимся въ Римъ отъ пути или входящимъ въ зрѣлищной домъ и на площади оказывали свое удовольство. Благоразсудный человѣкъ можетъ ли въ велико почитать восклицаніе народа, котораго судъ всегда погрѣшительный, мнѣніе всегда непостоянное и которой обыкновенно всему безразсудно дивится?—*Дары народа благосклоннаго*. Народа, который къ нему склоненъ является. Дары его суть чины, достоинства, кои у римлянъ народъ раздавалъ, и обыкновенно тѣмъ раздавалъ, кто меньше ихъ былъ достоинъ.

Ст. 9. *Кто тѣмъ противныхъ боится*. Горацій, поговоривъ о тѣхъ, кои богатствъ, зрѣлищъ, похвалъ и чиновъ желаютъ, здѣсь говоритъ о тѣхъ, кои являются не столько тѣ вещи желать, сколько опасаться имъ противныхъ, сирѣчь убожества, уединенія, презрѣнія, отказу, и показываетъ, что въ обоихъ то происходитъ отъ одного начала, и что тѣ, кои боятся, не меньше чѣмъ тѣ, кои желаютъ, находятся въ вышепомянутомъ погрѣшительномъ *удивленіи;* ибо не возможно, чтобъ боязнь была отъ желанія отдѣлена. Кто боиться, желаетъ противное тому, что въ немъ страхъ тотъ производитъ.

Ст. 10. *Равно дивиться и онъ, какъ тотъ, что желаетъ*. Кто боится убожества и отказа, дивится равно какъ тотъ, что желаетъ чины и богатство; и какъ оба равномѣрно дивятся, такъ оба боятся равномѣрно.

Ст. 11. *Оба равно трепетны*. Одинъ боясь отказу и лишенія вещей, коихъ желаетъ; другой боясь слѣдствія недостатку тѣхъ вещей, коихъ не желаетъ.

Ст. 12. *Нечаянной случай*. Напримѣръ отказъ чина, которой чаялъ

Что въ томъ, веселится ли кто, или печаленъ,
Желаетъ, боится ли, когда что ни видѣвъ
Чаянія своего лучше или злѣе,
Втупя глаза, и душой и тѣломъ не движенъ?
Праведный неправедна, умной глупца имя
Наживетъ, если искать добродѣтель саму
Станетъ больше нужнаго, больше чѣмъ пристойно.
Дивись богатству теперь, марморамъ и мѣди
Древнимъ, и художества отмѣнному дѣлу;
Дивись бисеру, дивись тирейскому цвѣту;
Радуйся, что съ глазъ тебя цѣлой не спускаетъ
Народъ, когда говоришь; бѣги съ утра рано

въ рукахъ уже имѣть, въ латинскомъ стоитъ: Improvisa simul species. Рѣчь species гораздо примѣтна. Употребляется сроднымъ знаменіемъ о *случаяхъ чрезвычайныхъ и чудныхъ*, и чаще о худыхъ чѣмъ о добрыхъ.

Ст. 13, 14, 15 и 16. *Что въ томъ, веселится ли кто* и проч. Что въ томъ, веселится ли кто, желая и льстя себѣ получить честь, богатство, или печалится страхомъ не впасть въ презрѣніе или въ убожество; когда такъ одинъ какъ другой внѣ себя бываетъ, недвиженъ умомъ и тѣломъ глаза свои втупитъ, когда наступитъ что ни есть лучшее или злѣе того, что ожидалъ? Оба равно удивляются, оба равно несчастливы.

Ст. 17, 18 и 19. *Праведный неправедна* и проч. Чтобъ показать, что безъизъятно всякое удивленіе, которое производитъ страхъ и желаніе вредно, Горацій показываетъ, что и самой добродѣтели излишное, чрезмѣрное жаданіе осудительно, и что человѣка, который добродѣтель самую искать станетъ съ чрезмѣрнымъ желаніемъ, глупцомъ назвать можно. *Праведный неправедна. Неправедна* вмѣсто *неправеднаго*, чрезъ сокращеніе.

Ст. 20. *Дивись богатству теперь.* Горацій столь изрядно доказалъ свое предложеніе, сирѣчь, что *не удивленіе* есть причина нашего благополучія, что не сумнѣвается говорить своему соперинку: *Пойди теперь, буде можешь, дивись богатству, марморамъ* и проч. *Дивись*. Въ латинскомъ suspice, равносильное слову admirari. Первое въ сродномъ знаменаніи значитъ *смотрѣть вверхъ*; ибо кто дивится, почитаетъ свыше себя вещь, которой удивляется.

Ст. тотъ же и 21. *Марморамъ и мѣди древнымъ. Древнымъ марморамъ*, то есть древнымъ марморнымъ кумирамъ, *мѣди древней*, сирѣчь древнымъ кумирамъ мѣднымъ, или мѣднымъ сосудамъ.

Ст. 21. *И художества отмѣнному дѣлу.* Въ латинскомъ стоитъ *et artes, и художествамъ.* Сирѣчь работѣ въ рѣзьбѣ въ живописи таблицъ и кумировъ.

Ст. 22. *Тирейскому цвѣту.* Сирѣчь багряницѣ тирейской. Лучшія багряничныя раковины находилися въ Африческомъ и Тирейскомъ морѣ.

Ст. 23. *Что съ глазъ тебя цѣлой не спускаетъ народъ.* Quod spectant oculi te mille, слово отъ слова, *что тысячу глазъ тебя смотрятъ*.

На площадь и оттоль въ домъ поздно возвращайся,
Чтобъ Муцій съ приданаго поля больше хлѣба
Не пожалъ. Подлѣйша онъ сущи тебя рода,
Гнусно, чтобъ не онъ тебѣ, ты ему дивился.
Все, что кроется въ землѣ, на верхъ взнесетъ время,
И что надъ ней высится, вкроетъ и вкопаетъ.
Когда ужъ Агрипповымъ вратамъ и дорогѣ
Аппіевой ты знакомъ довольно, всю славу
Твою высмотритъ народъ, принужденъ однакожъ
Будешь сойти, куды шелъ и Нума и Анкусъ.
Буде въ почкахъ иль въ боку чувствуешь боль острый,

т. 25. *На площадь*. Гдѣ римляне собою и чрезъ друзей народную госклонность себѣ всякими услугами искали для полученія чиновъ; гдѣ говлею и прилежностію искали пріумножать свое имѣніе.
т. 26, 27 и 28. *Чтобъ Муцій съ приданнаго* и проч. Не знаю, для э Дасіеръ столь трудно почитаетъ разумѣніе сихъ стиховъ. Горацій сь насмѣвается любителю богатствъ и достоинствъ, и притворяется своять и хвалить обыкновенныя извиненія славолюбныхъ, говоря: *Бувсе то, что я тебѣ до сихъ поръ изъяснялъ, тебя не увѣщаваетъ, и съ утра рано на площадь, и оттуда поздно возвращайся, чтобъ цій, человѣкъ подлый и неизвѣстный, не досталъ великое богатство гриданомъ жены; понеже тогда тебѣ стыдно будетъ, что, гораздо родомъ выше будучи, ты ему станешь дивиться, какъ богатѣйшему, ъ въ высшей степени сущему, а не онъ тебѣ.*
т. 29. *Все, что кроется въ землѣ*, и проч. Въ вышнихъ трехъ стиъ насмѣшкою говорилъ Горацій, здѣсь поважно опровергаетъ высоколенныхъ и богатствъ любителей извиненіи, которые обыкновенно гоятъ, что чины и богатства для того только ищутъ, чтобъ сохранить эго рожденія блистаніе, и не видѣть надъ собою безъизвѣстныхъ лю. Такимъ Горацій показываетъ, что то извиненіе смѣху достойно; что желаніе или зависть во всемъ осудительна, и что кто хочетъ преэтвовать, чтобъ неизвѣстный подлый человѣкъ насъ не опережалъ и ше насъ не подымался, тотъ ищетъ противостоять теченію естества аконамъ времени, которые однихъ повышаютъ, а другихъ понижаютъ.
т. 31 по 35. *Когда ужъ Агрипповымъ вратамъ* и проч. Доводъ выеченнаго. И подлинно, когда человѣкъ уже довольно себя въ свѣтѣ залъ, сколь постоянно ни было его счастіе и слава, долженъ напослѣь уступить мѣсто другому, котораго время пехая пріидетъ ему наслѣить.—*Агрипповымъ вратамъ*. Porticus, *портикъ*, латинское слово не читъ прямо *ворота*, но *предворотню*, которая обыкновенно составъ сѣни нѣкои на столбахъ. Два такихъ *портиковъ* Агриппа въ Римѣ троилъ: портикъ Нептуновъ, и другой портикъ Агрипповъ, который занъ еще *Портикомъ счастливой удачи*, Porticus boni eventûs, леій близъ Пантеона, при входѣ, Марсова поля. Горацій здѣсь говоь о семъ послѣднемъ, понеже во всемъ Римѣ на то мѣсто больше сбища людей бывало за смежностію съ Марсовымъ полемъ, на кото-

Отдалить ищи недугъ; хочешь ли блаженнымъ
Прожить? кто бъ то не хотѣлъ? если добродѣтель
Одна лишь то можетъ дать, сласти и забавы
Благодушенъ отложивъ, ея тщись держаться.
Мнишь ли добродѣтель быть пустое лишь имя,
Какъ древо священный лѣсъ? опасно стрегися;

рое, какъ на большую римскую площадь, обыкновенно съѣзжалися [всѣ] тѣ, кои себя казать желали.—*И дорогѣ Аппіевой.* Дорога Аппіева многолюднѣйшая изъ всѣхъ дорогъ, кои въ Римъ вели, понеже оная была большая Бриндская дорога. Тѣ, кои имѣли великой приборъ и свиту, и жили пышно, охотно проѣзжали по той дорогѣ, чтобъ себя оказывать.— *Принужденъ однакожъ будешь сойти, куды сшелъ и Нума и Анкусъ.* Однакожъ принужденъ будешь умереть. Все величество твое не избавитъ тебя отъ смерти, которой не минули Нума и Анкусъ, два славные римскіе цари.

Ст. 35. *Буде въ почкахъ иль въ боку* и проч. Чтобъ опровергнуть всякое извиненіе славолюбныхъ, Горацій имъ изъясняетъ, что истинное блаженство человѣка не состоитъ въ достоинствахъ и въ богатствѣ, но въ здравіи тѣла и въ тишинѣ души. Потому какъ въ болѣзняхъ тѣла ищемъ лекарство къ исцѣленію, а не къ нѣженію болѣзни, такимъ же образомъ и въ душевныхъ недугахъ поступать мы должны.

Ст. 37. *Если добродѣтель* и проч. Богатства, достоинства и слава не могучи доставить намъ истинное блаженство, одна добродѣтель то учинить сильна. Буде ты о семъ увѣренъ, то тщись добродѣтели держаться, благодушно отложивъ сластолюбіе и забавы.

Ст. 40. *Мнишь ли добродѣтель.* Часто бываетъ, что положивъ много труда, чтобъ доказать, что блаженство наше въ добродѣтели состоитъ, многіе находятся столь ослѣпленные люди, что сумнѣваяся, есть-ли вправду въ свѣтѣ добродѣтель, требуютъ, чтобъ мы ея бытіе доказали. Что такимъ упрямымъ людямъ отвѣтствовать? Ничего отъ нихъ уповать не можно, потому должно ихъ оставить въ своихъ страстяхъ, и то самое Горацій дѣлаетъ, говоря: «Буде чаешь, что добродѣтель пустое имя, то ищи приращать твое богатство, ищи пышной приборъ, великой домъ, много слугъ и всѣ принадлежащія къ тому излишности: предай себя лакомству, чревобѣсію, любви, играмъ и всякому сластолюбію».

Ст. тотъ же и 41. *Мнишь ли добродѣтель быть пустое лишь имя, какъ древо священный лѣсъ.* Чаешь ли, что добродѣтель одно только пустое имя, какъ священной лѣсъ, котораго многіе почитаютъ вещью отмѣнною и подобострастію достойною, простое дерево. Философы, которые поставляли, что добродѣтель есть причудѣніе, небылица, сравняли ея обыкновенно святости, которая у язычниковъ нѣкакимъ священнымъ лѣсамъ приписывана. Народъ вѣрилъ, что тѣ лѣса нѣчто чрезвычайное въ себѣ имѣли, а большая часть умныхъ и грамотныхъ людей признавали, что въ нихъ ничего преестественнаго не находилося; тожъ и о добродѣтели сказать можно, говорили тѣ философы: невѣжи и легковѣр

Чтобъ кто ранѣе тебя пристани не занялъ;
Чтобъ ты торгъ не потерялъ Цибиры и Виѳины,
Тысячу скопи талантъ, потомъ и другую,
И третью прибавь еще, и четверту къ кучѣ.
Царица бо деньга—родъ и жену съ приданымъ,
И вѣрность, и красоту, и друзей даруетъ;
Украшаетъ денежныхъ Пиѳо и Венера.
Каппадокійской король, рабами обильный,
Въ деньгахъ недостаточенъ; не будь ему сходенъ.

› люди чаютъ, что она вправь что нибудь есть; а мудрецы призна-
›, что она голое мечтаніе, голое имя безъ дѣла.

Ст. 42. *Пристани не занялъ.* Пристани, изъ которыхъ для торгу въ
›е отъѣзжаешь. Въ торгу кто ранѣе пришолъ, тотъ болѣе добычи по-
аетъ.

Ст. 43. *Чтобъ ты торгъ не потерялъ Цибиры и Виѳины.* Чтобъ ты
потерялъ случай получить прибытокъ въ торгу цибиринскомъ и ви-
ійскомъ. *Цибира* былъ великой городъ въ Писидіи къ востоку рѣки
›нея. *Виѳина*, или *Виѳинія*, страна въ малой Асіи, между Пропонти-
› и царствомъ Понта, которому была смежна, сходбище для торгу
я Асіи и Эвропы.

Ст. 44. *Тысячу скопи талантъ. Талантъ* мѣсто *талантовъ*. Въ ла-
скомъ стоитъ: *тысячу скружи талантовъ*. Rotundare—скружить вмѣ-
дополнить, довершить, дочесть. Французы говорятъ *un compte rond*,
лой счотъ, когда составленъ изъ одного числа и нѣсколькихъ нулъ,
ъ напр僖кладъ 100, 2000, 4000 и проч. *Талантъ* у древнихъ иногда
читъ *вѣсъ*, иногда *число денегъ*, иногда *монету*. Обыкновенно въ пи-
еляхъ древнихъ значитъ аттической талантъ, которые были двухъ ро-
ъ: одинъ малый, другой большой; малый содержалъ 60 *минъ*, а боль-
й 80; сирѣчь первый стоилъ 2444 ливровъ французскихъ (488 руб. 80
.), а другой 3259 ливровъ (651 руб. 80 коп.) *).

Ст. 45. *И четверту къ кучѣ.* И четвертую тысячу прибавь, чтобъ до-
нить кучу. Et quæ pars quadret acervum. Слово отъ слова: *И еще
ть, которая могла бы учетверить кучу.*

Ст. 46. *Царица бо деньга родъ* и проч. Насмѣшка мнѣнію сребро-
бныхъ.

Ст. 48. *Украшаетъ денежныхъ Пиѳо и Венера.* богатые люди и слад-
рѣчивы и пріятны. *Пиѳо*, по латински *Suadela* Богиня *увѣщанія*; Ве-
ъ богиня *любви и пріятности*.

Ст. 49. *Каппадокійской король, рабами обильный.* Кто богатъ быть
лаетъ, долженъ во всемъ изобиловать. Для того не долженъ походить
ппадокійскому королю, который обиленъ въ рабахъ, да въ деньгахъ
достаточенъ. Лучше искать быть подобнымъ Лукуллу, который самъ не
лъ вещи, кои въ домѣ его имѣлися. *Каппадокія*, царство въ меньшой

---

*) Донете, Лексиконъ древностей Римскихъ и Греческихъ. (*Канте.*)

Говорятъ, что нѣкогда Лукуллъ прошенъ бывши
Ссудить къ зрѣлищной игрѣ сто багряницъ, какъ то
Мнѣ имѣть, сказалъ, число такъ велико можно?
Однакъ спрошусь у себя и все, что имѣю,
Пришлю; отписалъ потомъ, что дома пять тысячь
Багряницъ нашелъ и что всѣль иль часть взять могутъ.
Убогъ тотъ домъ, въ коемъ нѣтъ много вещей лишнихъ,
Невѣстныхъ хозяину и ворамъ полезныхъ.
Потому если одно имѣніе можетъ
И сдѣлать и сохранить блаженныхъ, трудися
Надъ всѣми о томъ одномъ и не спускай съ мысли.
Буде приборъ или власть блаженство дать сильно,
Купимъ раба, кой бы намъ имена граждановъ

Асіи, межъ Чернымъ моремъ, малою Арменіею, горою Тавросомъ и Галатіею. Каппадокіяне почти всѣ были рабы; народъ столь отъ природы склонный къ работѣ, что когда римляне хотѣли имъ вольность дать, предъизбрали царемъ себѣ принять Аріобарзана; съ другой стороны, денегъ у нихъ столь мало было, что быкъ продавался по копѣйкѣ, а человѣкъ по четыре копѣйки. Потому Горацій право говоритъ, что *каппадокійской король рабами обиленъ, въ деньгахъ недостаточенъ.*

Ст. 51. *Говорятъ, что нѣкогда Лукуллъ, прошенъ бывши* и проч. Кто желаетъ быть богатымъ, не довольно ему имѣть всѣ вещи нужныя и ничего не лишиться; нужно всего имѣть въ такомъ обиліи, чтобъ не мало того было и про себя и про воровъ, и чтобъ и самому тѣхъ своихъ вещей счоту не знать. Такова здѣсь Горацій показываетъ Лукулла, который прошенъ будучи, чтобъ ссудить для одной комедіи сто багряницъ, или багряныхъ епанчей, чаялъ, что не можно ему имѣть у себя такое великое число, но потомъ нашолъ у себя пять тысячь. Лукуллусъ былъ благородіемъ, сладкорѣчіемъ и богатствомъ знатный римскій воевода, надъ Африкою правительствовалъ правосудно и надъ Митридатомъ не одну побѣду одержалъ.

Ст. 59. *Потому если одно* и проч. Заключеніе вышереченнаго, въ которомъ повторяется 1 и 2 стихи сего письма: *и сдѣлать и сохранить блаженнымъ.*

Ст. 60 и 61. *Трудися надъ всѣми о томъ одномъ, и не спускай съ мысли. О томъ одномъ,* сирѣчь о пріумноженіи богатствъ. Въ латинскомъ стоитъ: Hoc primus repetas opus, hoc postremus omittas. Слово отъ слова: *сіе дѣло ты всѣхъ прежде начни, всѣхъ послѣ оставь.*

Ст. 62. *Буде приборъ или власть. Приборъ,* species. Пышность во всемъ приборѣ, въ платьѣ сирѣчь, въ чинахъ, въ домѣ и проч. *Власть,* Gratia, сила въ людяхъ, то, что чужестраннымъ словомъ обыкновенно зовемъ *кредитъ.*

Ст. 63. *Купимъ раба, кой бы намъ имена граждановъ сказывалъ.* Римляне, которые чиновъ добивалися и желали достать себѣ благосклонность народа, держали всегда при себѣ рабовъ, которыхъ вся должность въ томъ состояла, чтобъ знать всѣхъ римляновъ имена и оныя господину своему сказывать, дабы сей могъ всякаго, своимъ именемъ и проз-

Сказывалъ и тыча въ бокъ лѣвой понуждалъ насъ
Руку къ безопасному подавать имъ ходу;
Кой на ухо-бъ шепталъ: сей въ Фабіевомъ силенъ
Колѣнѣ, въ Велинскомъ сей; всякому сей можетъ
Докучникъ вручить пучки консульски, и кресла
Похитить слоновые. Зови отцемъ, братомъ;
По возрасту всякаго присвояй лаская.
Будетъ тотъ, кто ужину и обѣдъ ѣстъ вкусный,
Блаженъ; пойдемъ съ свѣтомъ вдругъ, куды насъ обжирст
Поведетъ: начнемъ ловить и рыбы и звѣри;
Какъ прежъ сего дѣлывалъ Горгилій, который
Рано съ утра сквозь площадь, набиту народомъ,

вищемъ называя, поздравить, понеже такое поздравленіе у римлянъ и у грековъ значило особливое почтеніе. Рабы тѣ назывались *номенклаторы*.

Ст. 64. *Тыча въ бокъ лѣвой.* Fodere & fodicare latus, значитъ тыкать кого въ бокъ, *чтобъ припомнить ему дѣлать какое либо дѣло*. Горацій для того прибавилъ въ бокъ *лѣвой*, понеже рабы всегда стаивали по лѣвую хозяина.

Ст. 65. *Понуждалъ насъ руку къ безопасному подавать имъ ходу.* И понуждалъ бы насъ подавать въ улицахъ мѣщанамъ руку, чтобъ пособить имъ переходить чрезъ камень, бревно или другую какую вещь, которою улица завалена.

Ст. 66 и 67. *Сей въ Фабіевомъ силенъ колѣнѣ, въ Велинскомъ сей.* Холопъ то хозяину говоритъ, показывая сего и того мѣщанина. Колѣно *Фабіево* такъ названное отъ семьи Фабіановъ, которая была того колѣна. *Колѣно Велиново* имя взяло отъ озера Велина въ странѣ Сабинской.

Ст. 68. *Докучникъ.* Importunus, неспокойный, упрямецъ, который охотно всякому досадить ищетъ и противится всякаго желаніямъ. *Пучки вручить консульски.* Пучки лозъ, которые предъ римскими консулами нашивали *ликторы* въ знакъ ихъ власти, и *Фрасцесъ* назывались. *Кресла слоновые.* Ebur curule. Кресла слоновые были знакъ вышнихъ римскихъ достоинствъ, какъ напримѣръ консульскаго, преторскаго, эдилскаго и проч.

Ст. 69. *Зови отцемъ, братомъ.* Горацій паки говоритъ, совѣтуя, чтобъ славолюбецъ и любитель богатствъ, мѣщанамъ римскимъ прислуживаясь, одного называлъ отцемъ, другаго братомъ, и всякаго по ихъ возрасту себѣ присвоялъ.

Ст. 74. *Какъ прежъ сего дѣлывалъ Горгилій.* Насмѣваяся тѣмъ, кои блаженство ставятъ въ насыщеніи своего желудка, съ стороны пятнаетъ глупое славолюбіе Горгилія, которой съ великой пыхою выходилъ на ловлю, проходя со всѣмъ охотничьимъ приборомъ чрезъ главную римскую площадь, чтобъ весь народъ его свиту могъ усмотрѣть; хотя возвращался съ ловли привозилъ на ослѣ одного, и то купленнаго, а не стравленнаго вепря.

Ст. 75. *Сквозь площадь набиту народомъ.* Чрезвычайный образъ ре-

Провожалъ рабовъ своихъ, тенета и жерди,
Чтобъ народу показать, назадъ возвращаясь,
Купленую, на ослѣ, одну дику свинью.
Надуты несваренымъ еще въ брюхѣ ѣствомъ,
Пойдемъ въ баню, забывъ, что прилично, что гнус
Достойны въ Церетскія вписаны быть книги
Злонравны сопутники мудраго Улисса,
Что отечеству предчли возбраненны сласти.
Буде, какъ Миннермусъ мнитъ, ничего пріятно

ченія (говоритъ Дасіеръ) transire forum differtum populumque transire forum differtum populo. Господинъ ле-Февръ слѣдующ зомъ исправилъ: Differtum transire forum, pontemque jubebat жалъ сквозь набитую площадь и чрезъ мостъ. Чрезъ мостъ С или Эмиліевъ. Ибо охотники не могли за ловлею ѣздить, раз сканѣ, и необходимо принуждены были проходить сквозь Рим щадь и чрезъ мостъ Эмиліевъ.

Ст. 79. *Надуты несваренным еще въ брюхѣ ѣствомъ пойдѣ ню.* Баня пособляетъ сваренію ѣствъ въ желудкѣ, и потому тѣ жирству преданы, какъ скоро набьютъ брюхо, идутъ въ баню, чт сызнова ѣсть. Древніе разсуждали о банѣ тотчасъ послѣ обѣд крайнѣй и бѣдственной невоздержности.

Ст. 80. *Забывъ что прилично, что гнусно.* Предадимъ себя ству, забывъ всякую должность свою, не внимая, поступки наши л ли или гнусны.

Ст. 81. *Достойны въ Церетскія вписаны быть книги.* Забуд прилично и что гнусно, и учинимъ себя достойными включены число отпадшихъ отъ добродѣтели и рабовъ злоправія. *Цересъ* рочитой городъ въ Тосканѣ, котораго жители за бунтъ лишены собраніяхъ римскихъ. Потому когда цензоры римскіе отънима гражданину голосъ и объявляли его обезчещеннымъ, называли т *вписаніе въ книги Церетскія*, и книга, въ которую имена так мованныхъ вписывалися, называлася Tabulae Cerites, и Cera Ce *блицы Церитскія.*

Ст. 82. *Злонравны сопутники мудраго Улисса.* Которые съ возвращалися отъ Троянской войны. Въ латинскомъ Remigiu вмѣсто Remiges, какъ Servilium вмѣсто Servi. Горацій здѣсь н гребцами Улиссовыми тѣхъ, что въ другомъ мѣстѣ называетъ ег ками, его товарищьми.

Ст. 83. *Что отечеству предчли возбраненны сласти.* Чт *которые.* Слово здѣсь идетъ о быкахъ солнца, что Улиссовы съѣли въ Сициліи, хотя онъ имъ то запретилъ, объявляя имене сія и Цирцеи, что если тотъ завѣтъ преступятъ, во вѣки отече его не увидятъ.

Ст. 84. *Миммермусъ.* Стихотворецъ Іонійскій, который жил менахъ Крезуса и Солона, слишкомъ за 600 лѣтъ прежде Сп пришествія. Сей стихотворецъ крайнее блаженство поставлялъ в

Безъ любви и безъ игры; въ нихъ ты живи. Здравствуй;
Если что лучшее сихъ правилъ знаешь, ласковъ
Мнѣ сообщи, если нѣтъ, пользуемся тѣми.

ПИСЬМО VII.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Пять дней обѣщавъ пробыть въ деревнѣ, я лживый
Августъ мѣсяцъ медлю весь. Но если желаешь,
Чтобъ я жилъ здоровъ и вѣкъ свой велъ безболѣзненъ,
Свободу, котору мнѣ больному даешь ты,
Недуга боящуся дашь мнѣ, Меценате,
Когда первыя смоквы и зной украшаетъ

любіи, сирѣчь въ играхъ, въ забавахъ, въ любви, однимъ словомъ, въ насыщеніи всякой похоти; которое мнѣніе съ 300 лѣтъ послѣ него болѣе основалъ Эпикуръ философъ, начальникъ секты Эпикурской. Изъ всѣхъ Мимнермовыхъ сочиненій къ намъ малыя частицы только дошли, изъ которыхъ видно однакожъ его высокое искусство. Удивительно удачливъ онъ былъ въ описаніи забавъ и похоти.

Ст. 87. *Пользуемся*. Повелительное, вмѣсто *станемъ пользоваться оба*. His utere mecum. *Сими пользуйся вмѣстѣ со мною*.

VII. Горацій слабостію здоровья извиняется предъ Меценатомъ въ томъ, что въ Тибурѣ долго медлитъ. Хвалится его къ себѣ щедротою и признаваетъ, что его благодѣянія требуютъ отъ него большую прилежность въ угожденіи своему благодѣтелю; но что лѣта ему Горацію не позволяютъ совершенно въ томъ исполнять свое обязательство, и безъ обиновенія объявляетъ, что охотнѣе возвратитъ все, что отъ Мецената получилъ, чѣмъ потерять волю жить по своей склонности. Все то украшиваетъ тремя баснями забавными.—Письмо сіе, лучшее изъ всѣхъ Гораціевыхъ, учитъ, какъ должно обходиться съ знатными господами.

Ст. 2. *Августъ мѣсяцъ*. Sextilis. *Секстилисъ* прежъ сего тотъ мѣсяцъ у римлянъ назывался, понеже шестой въ году, который начинался мартомъ мѣсяцемъ.

Ст. 4 и 5. *Свободу, котору мнѣ больному*. Меценасъ позволялъ Горацію покоиться въ деревнѣ, когда хотя малую болѣзнь почувствовалъ. Стихотворецъ оный въ пользу свою то употребляетъ, представляя, что понеже больному даетъ волю жить въ деревнѣ, не откажетъ оную тому, кто болѣзни опасается; и тотъ резонъ не худъ, когда бѣдство явственно. Жары каникулярные и вся осень весьма опасны въ Римѣ.

Ст. 6. *Когда первыя смоквы*. Первыя смоквы, которыя приходятъ въ августѣ мѣсяцѣ.

Похоронъ уставщика черными стражами,
Когда съ страху о своихъ дѣтяхъ отецъ всякой
И мать блѣднѣютъ; когда многая прилежность
Прислужиться у господъ, и дѣла приказны
Наводятъ горячки и вскрываютъ завѣты;
Буде снѣжная зима обѣлитъ албански
Поля, стихотворецъ твой подвинется къ морю

Ст. тотъ же. *И зной.* Жестокіе жары, жары каникулярные, которые обыкновенно стоятъ отъ 15 іюля по 15 августа.

Ст. тотъ же и 7. *Украшаетъ похоронъ уставщика черными стражами. Когда*, сирѣчь, *первыя смоквы и жестокіе жары приводя болѣзни приключаютъ многимъ смерть, и слѣдовательно многими похоронами случай подаютъ уставщикамъ тѣхъ похоронъ употреблять свою черную и печальную свиту.* Designatorem decorat lictoribus atris. *Десигнаторы* назывались чиновные люди, которыхъ должность была на позорищахъ учреждать и показывать всякому свое мѣсто. Такіе чиновные люди имѣлися для всякихъ обрядовъ и церемоній публичныхъ, для учрежденія мѣстъ и ходу. Потому имѣлися подобные и при похоронахъ. Я чаю, не худо тому соотвѣтствуетъ рѣчь *уставщика*, человѣка, сирѣчь, который *чинъ и порядокъ вещи какой уставливаетъ или учреждаетъ.—Десигнаторомъ* также одинъ изъ главнѣйшихъ служителей богини Либитины; и когда онъ шелъ поднять какое мертвое тѣло, всегда предъ нимъ шла толпа нижнихъ похоронныхъ служителей, одѣтыхъ въ черномъ платьѣ, которыхъ Сенека, по ихъ богинѣ, *Либитинаріями* называетъ, каковы были *Полинкторесъ, Веспилонесъ, Усторесъ, Сандапиларіи, Префице* и проч. Горацій всѣхъ тѣхъ подъ именемъ *ликторовъ, стражей* сирѣчь, включаетъ.

Ст. 8 и 9. *Когда съ страху о своихъ дѣтяхъ отецъ всякой и мать блѣднѣютъ.* Опасаяся, чтобъ дѣти ихъ въ толь опасной годовой порѣ не померли, отцы и матери съ страху блѣднѣютъ.

Ст. 9 и 10. *Многая прилежность прислужиться у господъ.* Officiosa seducitas. Officium facere значитъ *прислуживаться, являться безпрестанно на поклонъ*; то, что французы называютъ: faire sa cour.

Ст. 10. *И дѣла приказны. Приказны* вмѣсто *приказныя.* Горацій называетъ Opellam forensem всѣ должности, всѣ дѣла, которыя обязываютъ обрѣтающихся въ Римѣ являться въ приказахъ въ свою или пріятелей пользу, какъ напримѣръ ручаться объ комъ или стряпать за него.

Ст. 11. *И вскрываютъ завѣты. Распечатываютъ, отворяютъ духовныя.* То есть *смерть наводятъ*, понеже духовныя по смерти завѣтчика отворяются.

Ст. 12 и 13. *Буде снѣжная зима* и проч. Горацій намѣренъ ѣхать въ Тарентъ, если падетъ много снѣгу, понеже снѣгомъ зима становится жестока; а если зима будетъ сносная, то намѣренъ возвратиться въ Римъ.— *Албански поля.* То есть, поле около Рима.—*Стихотворецъ твой подвинется къ морю.* То есть, поѣдетъ въ Тарентъ, гдѣ зимы всегда тихія и весна весьма долгая.

И беречь будетъ себя, и сжавшися въ шубу,
Читать станетъ, а тебя, любезнаго друга,
Если позволишь ему, съ первою увидишь
Ластовкою и тихимъ полуденнымъ вѣтромъ.
Не такъ ты обогатилъ меня, какъ калабрецъ
Гостей грушми подчуетъ. «Кушай, дружокъ, кушай!»
Челомъ бью, довольно ѣлъ. «Инъ сколько угодно
Въ карманъ возьми. «Челомъ бью не нужно.» Гостинецъ
Не непріятный твоимъ снесешь малымъ дѣткамъ.»
Столько обязанъ тебѣ, какъ бы я даръ принялъ.
«Твоя воля, коли ты грушъ тѣхъ брать не хочешь,

Ст. 14. *И сжавшися въ шубу читать станетъ. Contractus, сжатый,* значитъ дѣйство человѣка, который къ стужѣ чувствителенъ, который сжимается и почти вдвое сгибается, чтобъ тѣло лучше нагрѣвалося. Я прибавилъ *въ шубу,* понеже зимою она не вредитъ, и мѣра стиха нужду въ ней имѣла.

Ст. 16 и 17. *Съ первою увидишь ластовкою и тихимъ полуденнымъ вѣтромъ.* Сирѣчь, увидишь тотчасъ, какъ весна настанетъ. Понеже тогда обыкновенно дышутъ тихіе полуденные вѣтры и ластовицы начинаютъ прилетать изъ теплыхъ краевъ, куды въ зиму отлетываютъ.

Ст. 18. *Не такъ, ты обогатилъ меня* и проч. Калабрецъ гостю даетъ, что ему ненужно; ты, Меценате, меня обогащая, не такъ поступалъ. Горацій показываетъ Меценату, что хотя онъ чрезмѣрно продолжая свое деревенское житіе, обѣщаніе свое не исполнилъ, однакожъ не забываетъ Меценатовы благодѣянія, котораго показанное къ нему великодушіе искусно и забавно выхваляетъ примѣромъ Калабреца.—*Калабрія* провинція въ Италіи.

Ст. 19. *Кушай, дружокъ, кушай.* Калабрецъ говоритъ.

Ст. 20. *Челомъ бью, довольно ѣлъ.* Гость отвѣчаетъ.

Ст. тотъ же. *Инъ сколько угодно въ карманъ возми.* Слова Калабреца.

Ст. 21. *Челомъ бью ненужно.* Отвѣтъ гостевъ. Латинское слово Benigne, иногда Bene, употребляется въ знакъ учтиваго отказу.

Ст. тотъ же и 22. *Гостинецъ не непріятный* и проч. Еще Калабрецъ то говоритъ. Обычай былъ у древнихъ хозяину гостямъ лучшей кусокъ съ стола отдавать, для относу въ домъ свой, и такіе гостинцы называлися *Апофоремата.*

Ст. 23. *Столько обязанъ тебѣ.* Отвѣтъ гостевъ.

Ст. 24. *Твоя воля, коли грушъ* и проч. Грубая рѣчь Калабреца, для которой весь разговоръ Гораціемъ описанъ, чтобъ привесть слѣдующій стихъ: *Мотъ и глупецъ то даетъ, что самъ ненавидитъ,* и искусно выхвалить Мецената, показывая, что онъ ему далъ вещи, кои самому были нужны и почтительны. — Кто излишное себѣ, или что самъ презираетъ, другому даетъ, можетъ названъ быть мотомъ, а не тщивымъ. Тщивой тотъ, кто даетъ съ выборомъ и съ разсужденіемъ, и кто даетъ вещи, ко ихъ цѣну знаетъ и не почитаетъ непотребными.

На кормъ сегодне моимъ останутся свиньямъ.»
Мотъ и глупецъ то даетъ, что самъ ненавидитъ
И презираетъ; такой родъ неблагодарныхъ
Произвелъ и во вѣки производить станетъ.
Умной, доброй человѣкъ надѣлять достойныхъ
Всегда готовъ; знаетъ онъ разницу однако
Межъ деньгою и бобомъ. Я себя достойнымъ
Похвалъ явлю, что даешь моиму благодарству.
Но если хочешь, чтобъ я былъ вѣкъ неотходенъ
При тебѣ, возврати мнѣ прежню силу тѣла,
Черны волосы на лбу узкомъ и рѣчь сладку,
Возврати пріятной смѣхъ и въ пирахъ охоту
Тужить, что бѣжитъ меня упряма Цинара.

Ст. 27. 27. *Такой родъ неблагодарныхъ произвелъ* и проч. *Такой родъ:* моты, сирѣчь, кои безразсудно даютъ то, что имъ излишно, не могутъ развѣ неблагодарство произвесть.

Ст. 30 и 31. *Знаетъ разницу межъ деньгою и бобомъ.* Умной, доброй, великодушный человѣкъ хотя охотно достойныхъ надѣляетъ, однакожъ знаетъ, что даетъ, чувствуетъ разницу межъ нужнымъ и излишнымъ, между худыми и добрыми деньгами. Латинское слово *лупины* значитъ зеліе подобное бобамъ, съ тою разницею, что сего бобовины горькія и круглыя, и для сего послѣдняго свойства въ комедіяхъ римскихъ дѣйствители употребляли ихъ вмѣсто денегъ, котораго обычая здѣсь Горацій касается.

Ст. 31 и 32. *Я себя достойнымъ явлю похвалъ* и проч. Какъ я знаю, что ты не по обычаю вышеписаннаго Калабреца и имъ подобныхъ мотовъ обогатилъ меня твоими дарами; такъ достойнымъ себя покажу тѣхъ похвалъ, которыя ты моему благодарству даешь, или лучше сказать: *я столь благодарствомъ къ тебѣ исполненъ, что достоенъ похвалъ твоихъ.*—Латинскій стихъ трудноватъ кажется съ перваго взгляду, для того, что предлогъ pro отдѣленъ отъ причастія: Pro laude merentis; переложивъ частицу ту на свое мѣсто, легко понятенъ становится: Dignum praestabo me etiam laude promerentis.

Ст. 34 по 37. *Но если хочешь, чтобъ я былъ* и проч. Благодарство мое къ тебѣ крайнее и всегда не оскудѣваетъ; но не всякій возрастъ позволяетъ равно оное услугами и прилежностію моею показать. Буде хочешь, чтобъ я и теперь уже въ старости былъ отъ тебя неотступенъ, возврати мнѣ молодыхъ лѣтъ силу, мои тогдашніе черные волосы, сладкую мою рѣчь, пріятный смѣхъ, и ту горячность къ моей полюбовницѣ Цинарѣ, за которою мнѣ досадно тогда было, когда она Цинара отъ пира убѣгала. Всѣ тѣ обстоятельства старость отмѣнивши, не можетъ право отъ меня прежнія услуги требовать.—*Что бѣжитъ меня упряма Цинара.* Можетъ быть Горацій здѣсь упоминаетъ о какой отлучкѣ своей полюбовницы Цинары, которая отлучка подала ему тяжкую печаль; но и то можетъ статься, что тѣми словами разумѣетъ шутки молодыхъ дѣвицъ, которыя

Чрезъ узку щель нѣкогда голодна лисичка
Въ житной вкралася амбаръ и, наѣвшись, въ ту же
Вылѣзть съ полнымъ брюхомъ щель тщилася напрасно.
Приступивъ къ ней, ластушка сказала: «коль хочешь
«Убѣжать отсель, должна ты сквозь узку дырку
«Съ порожнимъ брюхомъ такимъ выползть, съ какимъ влѣзла.»
«Буде такою меня баснью означаютъ,
Все возвратить я готовъ. Ниже я, ужъ сытый
Нѣжнымъ ѣствомъ, народной хвалю безтревожный
Сонъ; ни на арапскія богатства я вольность
И покой свой премѣню. Умѣренность часто

итэлей нахальливости убѣгая, притворяются бѣжать и укрываться, чтобъ эмъ сами себя открыли, буде не скоро ихъ полюбовникъ найдетъ.
т. 38. *Чрезъ узку щель нѣкогда* и пр. Горацій извинився своимъ возгомъ, что не можетъ Меценату прислуживаться съ такою прилежностію, ь прежде дѣлывалъ, изрядно предвидитъ, что похлебники господскіе, одъ завидливый и злобный, не преминутъ толковать, что Горацій для) такъ говоритъ, что уже разжирѣлъ благодѣяніями Меценатовыми; а ıбъ еще столь сухъ и столь голоденъ былъ, каковъ пришелъ въ домъ) Августова временщика, старость бы ему не помѣшала быть прилежъ и неотступнымъ отъ его службы. Тѣ похлебниковъ рѣчи Горацій въ притчѣ вводитъ, и потомъ имъ отвѣтствуетъ съ хвальною чистосерюстію.—Притча отъ Эсопа въ первый выдумлена, который о мышѣ скаıетъ то, что Горацій лисицѣ приписываетъ.
г. 39 *Въ житной вкралася амбаръ*. Repserat in cumeram frumenti. іеръ съ довольнымъ резономъ отмѣняетъ cumeram въ cameram. Есть camera *амбаръ житной съ сводомъ*. Низкой амбаръ, въ которомъ крожита, которое лисицѣ негодно, могла она найти всякой другой запасъ ивность и окорки ветчинные.
т. 41. *Ластушка*. Звѣрёкъ подобный горностаю.
т. 45. *Все возвратить я готовъ*. Я возвратить готовъ все то, что ценатъ мнѣ далъ. Нечего было иного отвѣчать. И не только то дерзэніе недосадительно Меценату, но напротивъ пріятно быть имѣло, пое онымъ Горацій показывалъ, что онъ ему предался не ища никакой ѣ корысти.
т. тотъ же и 46. *Ниже я ужъ сытый* и проч. Горацій готовъ все ıратить, только бъ могъ сохранить свою волю; не такъ онъ поступаетъ, ь тѣ, кои наѣвшися вкуснымъ и обильнымъ ѣствомъ, хвалятъ безтреный сонъ народа, который обыкновенно слѣдуетъ пиру умѣренному, ка- ь простыхъ и небогатыхъ людей бываетъ. Тѣмъ онъ показать хочетъ, склонность къ покою и свободному житью ему сроденъ такъ въ обиль- ;, какъ въ скудности, и что потому то, что дѣлаетъ будучи богатъ, ıтъ станетъ, если изубожаетъ.—*Сытый нѣжнымъ ѣствомъ*. Въ латинıъ стоитъ: сытый *кормленою живностью*. Altiles называются птицы, ›рыхъ кормятъ въ клѣткахъ, чтобъ жирны были.
т. 47 и 48. *Ни на арапски богатства я вольность и покой свой*

Мою ты хвалилъ. Всегда отцемъ, государемъ
Я тебя звалъ и въ глаза и за глаза равно;
Отвѣдай, могу ли я твои безъ печали
Тебѣ возвратить дары. Телемахъ, Улисса
Терпѣливаго дитя, отвѣчалъ изрядно:
«Негодно мѣсто конямъ Итака, Атриде!
«Нѣтъ въ ней поля и травы нѣтъ довольно къ паству;
«За тѣмъ я дары твои, кои тебѣ больше
«Нужны и угоднѣе, тебѣ оставляю.»
Малымъ вещи малыя приличны. Мнѣ не любъ
Ужъ столичной городъ Римъ, но нелюдный Тибуръ

премнню. Не перемѣняетъ свою вольность и свой покой на самыя обильнѣйшія богатства. *Арапскія богатства,* то есть богатства такъ называемой счастливой Арапіи, которыя въ пословицу пошли. Страна та весьма во всемъ обильна.

Ст. 48, 49, 50, 51 и 52. *Умѣренность часто мою ты хвалилъ — тебѣ возвратить дары.* Горацій самаго Мецената свидѣтелемъ ставитъ своей безкорыстливости и своего благодарства. Ты самъ, говоритъ ему, часто принужденъ былъ хвалить мою умѣренность, видя, что твоему великодушію, твоей тщивости предѣлъ я уставливалъ; и сколько благодарности моей касается, ты знаешь, что я тебѣ давалъ всѣ тѣ имена, кои давать можно государю и благодѣтелю; и то, что я въ глаза тебѣ, тожъ и за глаза говорилъ.—*Отцемъ, государемъ я тебя звалъ.* Въ латинскомъ стоитъ: я тебя звалъ *отцемъ, царемъ,* имена, кои римляне своимъ патронамъ и благодѣтелямъ въ знакъ своего подобострастія давали.

Ст. 52 по 57. *Телемахъ Улисса терпѣливаго дитя.* Горацій готовъ все возвратить Меценату, и слово свое подтверждаетъ отвѣтомъ, учиненнымъ отъ Телемаха Менелаю, когда сей ему нѣсколько коней подарить хотѣлъ. *) «Я не отведу (говорилъ онъ) коней твоихъ въ Иѳаку, но здѣсь оставлю, понеже они годны къ твоей забавѣ. Ты властвуешь великою страною, гдѣ много поля и все нужное къ пропитанію коней изобилуетъ: на противу въ Иѳакѣ нѣтъ ни луговъ, гдѣ бъ на коняхъ бѣжать было можно, ни довольно пастбы. Островъ тотъ только козъ питать угоденъ.» Употребленіе, которое Горацій симъ отвѣтомъ чинитъ, весьма изрядное. Тибуръ или Тарентъ (домы его загородные) суть его Иѳака, гдѣ данныя ему отъ Мецената богатства столь не полезны, какъ Телемаху представляемые отъ Менелая кони. *Иѳака* малый отстровъ Іонійскаго моря, лежащій къ востоку острова Кефалоніи. Мѣсто жестокое и полное каменистыхъ горъ.—*Атриде.* Менелай часто *Атридомъ* у стихотворцевъ называется, понеже онъ былъ сынъ Атрея; какъ бы по нашему сказать *Атреевичъ.*

Ст. 58 и 58. *Мнѣ не любъ ужъ столичной городъ Римъ.* Богатства мнѣ неполезны, понеже Римъ, гдѣ оно нужно, мнѣ уже не любъ.

Ст. 59 и 60. *Нелюдный Тибуръ и тихій Тарентъ.* Vacuum Tibur. Называетъ Тибуръ vacuum, *пустой,* вмѣсто *нелюдной;* Тарентъ Imbelle,

---

*) Омирова Одиссея кн. 4, ст. 601 и слѣдующ.

И тихой нравенъ Тарентъ. Мужественъ и храбрый
И въ витійствѣ предъ судомъ Филиппъ знаменитый
Изъ приказу выходя близъ часа осьмаго,
Не молодъ ужъ лѣтами, тужа, что далеко
Отъ площади отстоятъ Карины, увидѣлъ
Свобожденика въ пустой бритовщика лавкѣ,
Тихо очищающа ножемъ свои ногти.
«Димитрій», сказалъ слугѣ, который прилеженъ
Филипповы исполнять былъ приказы, «сбѣгай,
«Спросись и вѣсть принеси, кто таковъ, откуду
«Человѣкъ тотъ; чей онъ сынъ, чей слуга, какова
«Состоянія?» Холопъ пошолъ, возвратился,
И доноситъ, что ему имя—Вултей Мена,

невоинственнымъ, вмѣсто *тихій, смирный*, или вмѣсто *сластолюбный*. Понеже сластолюбные люди не гораздо *воинственны* и *храбры*.

Ст. 60 и 61. *Мужественъ и храбрый* и проч. Горацій кончаетъ письмо свое баснью, которая доводитъ, что вольность есть весьма знаменитое добро, понеже самые грубѣйшіе люди оную часто богатству предпочитаютъ.—*Филиппъ, Лицiусъ Марiусъ Филиппусъ* своего вѣка знаменитѣйшій витій, человѣкъ великаго рода и славы. Въ доводъ тому довольно, что онъ былъ вотчимъ Августовъ, понеже женатъ былъ на его матери Атіѣ, дочери Юліи, Цесаревой сестры.

Ст. 62. *Изъ приказу выходя*. Ab officiis. Выходя изъ приказу, гдѣ услужилъ друзьямъ своимъ, или стряпая за нихъ, или ручаяся.

Ст. тотъ же. *Близъ часа осьмаго*. Сирѣчь *близъ двухъ часовъ по полудни*. Римляне считали часы отъ восхода солнечнаго, какъ и у насъ было незадолго предъ симъ въ обыкновеніи.

Ст. 64. *Далеко отъ площади отстоятъ Карины. Карины* называлася часть города Рима между горами Эсквилиномъ и Целіемъ, гораздо отстоящая отъ площади Римской, Forum Romanum, гдѣ всѣ дѣла приказныя отправлялися. Филипповъ домъ стоитъ въ той части города, *Карины* называемой.

Ст. 65. *Свобожденика въ пустой бритовщика лавкѣ*. Adrasus значитъ не только человѣка, который только что обритъ, но и свобожденнаго отъ неволи, понеже обычай былъ обривать рабовъ, которыхъ ихъ хозяева на волю пускали. *Свобожденикъ* слово новое чаю изрядно соотвѣтствуетъ французскому Afranchi, и собою свое знаменаніе довольно показываетъ. *Въ пустой лавкѣ*. Vacua in umbra. Vmbra *сѣнь* вмѣсто *лавки*. Vacua порожняя, *пустая*, для того, что въ томъ часу всякъ обыкновенно въ въ домъ свой отходилъ.

Ст. 67. *Сказалъ слугѣ*. Филиппъ сказалъ своему слугѣ Димитрію.

Ст. 69. *Откуду*. Unde domo. Изъ какой земли, какого роду.

Ст. 72. *Доноситъ, что ему имя Вултей Мена*. Филиппъ четыре обстоятельства отъ того свобожденника вѣдать хотѣлъ: *какой онъ земли? кто онъ таковъ?* сирѣчь какую должность правитъ? *какого состоянія?* сирѣчь богатъ ли, убогъ ли, какое его имѣніе? *чей сынъ и чей слуга?*

Что сводчикъ онъ промысломъ, малаго имѣнья,
Всему сосѣдству знакомъ житьемъ непорочнымъ;
Что во время отдыхать знаетъ и работать,
Копить и употреблять; что свой домъ имѣетъ;
Что любитъ онъ съ равными водиться друзьями
И игры позорищны смотрѣть, и, какъ дѣло
Свое окончитъ, гулять на Марсовомъ полѣ.
«Хочу», отвѣчалъ Филиппъ, «отъ него самъ слышать
«Все то, что ты доносилъ; попроси на ужинъ.»
Справилъ посольство холопъ, да Мена не вѣритъ,
Дивится самъ въ себѣ и промолвить не знаетъ,
Словомъ: «Благодарствую», отвѣчалъ, «не къ стати
«Мнѣ та честь.» Что? говоритъ Филиппъ, удивляясь,
Отказываетъ ли онъ мнѣ?—«Да, сказалъ Димитрей,
«Упрямецъ отказуетъ и тя презираетъ,
«Или боится.» Филиппъ наутро Вултея,
Дребезги бездѣльныя черни продающа,
Поздравилъ, предупредивъ. Онъ же у Филиппа
Прощенія требуетъ, что своя работа
И должность въ купечествѣ ему запретила
Рано прійти на поклонъ, также, что тепере
Поклономъ не упредилъ. «Я тебѣ охотно
«Прощаю», сказалъ Филиппъ, «если ты сегодне
«Будешь ко мнѣ ужинать.»—«Радъ исполнить волю
«Твою», отвѣчалъ Вултей. «Инъ къ девяти стану,»
Сказалъ Филиппъ, «часамъ ждать; теперь пойди дѣло
«Прилежно дѣлай свое.» Какъ за ужинъ сѣли,
Вултей, и дѣло и вздоръ поговоря, пущенъ
Напослѣдокъ спать. Когда рыбка сія часто

холопъ доноситъ, что ему имя *Вултей Мена*, чѣмъ уже даетъ знать, что онъ свобожденикъ и чужестранецъ. Понеже *Менасъ*, употребляемое вмѣсто *Менодорусъ* есть имя холопье, а другое имя *Вултеіусъ* значитъ, что онъ свобожденникъ, понеже всегда они присвояли себѣ имя хозяйское.

Стї 73. *Сводчикъ промысломъ*. Praeco латинское слово значитъ человѣка, который въ продажахъ кричитъ цѣну товаровъ, или тѣхъ товаровъ состояніе объявляетъ, чтобъ тѣмъ вѣсть купцамъ подавать.

Ст. 88. *На утро*. На другой день.

Ст. 89. *Дребезги бездѣльные черни продающа*. Tunicatus popellus. *Простой народъ*, чернь, которой нашивалъ одинъ только жупанъ безъ епанчи. Scruta значитъ всякіе дребезги и желѣзные обломки, каковы обыкновенно на мостахъ продаются.

Ст. 90. *Предупредивъ*. То есть Филиппъ прежде поздравилъ Вултея. Occupare предупреждать.

Ст. 101. *Когда рыбка сія*. Когда Филиппъ усмотрѣлъ, что Вултей сталъ

Усмотрѣна къ улицѣ прибѣгать укрытой,
Утромъ льстецъ и къ вечеру гость уже надежный,
Прошенъ въ загородной домъ проводить латинской
Праздникъ. На конь посаженъ, и воздухъ и мѣсто
Сабинско выхваляетъ. Смотритъ и смѣется
Филиппъ, и ища себѣ изъ всего забаву
И утѣху по трудахъ, сестерцiевъ тысячъ
Семь даритъ ему, въ долгъ дать столько-жъ обѣщаетъ,
Увѣщаваетъ его вблизи купить домикъ.
Купилъ. И чтобъ не трудить долгою излишной
Тебя рѣчью, мужикъ онъ сталъ изъ гражданина.
Виноградъ, пашня съ ума, съ языка не сходитъ;
Древа садитъ и въ трудахъ сохнетъ неусыпенъ,
И за жадностью богатствъ съ часа въ часъ старѣетъ.
Но когда овцы его раскрали, болѣзнью
Козы померли, жатва прельстила надежду,
Быкъ подъ сохою издохъ, сильно опечаленъ
Столькими уронами сѣлъ на коня въ полночь,
И, гнѣвомъ пылая весь, прямо въ домъ Филипповъ
Прискакалъ. Филиппъ, его увидѣвъ столь гнусна
И не обрита, сказалъ: «Вултей, ты мнѣ зришься

ся надежнымъ ему гостемъ къ обѣду и ужину и на всякое утро льстецомъ приходя къ нему на поклонъ; когда Филиппъ усмотрѣлъ, что онъ сталъ клевать улицу покрытую хлѣбомъ, позвалъ его съ собою въ деревню.

Ст. 104 и 105. *Проводить латинской праздникъ*. Въ то время Филиппъ могъ изъ Рима отъѣзжать, понеже дѣла въ городѣ не дѣлывалися за праздникомъ. Latinae indictae, торжество отправляемое на Албанской горѣ въ память мирнаго договору, заключеннаго Тарквинiемъ Гордымъ межъ римлянами, герниками, волсками и всѣми латинскими народами.

Ст. 105. *На конь посаженъ*. Impositus mannis; manni, малыя лошади, которыя подъ сѣдло и въ колясkѣ употребляли.

Ст. тотъ же и 106. *И воздухъ и мѣсто сабинско выхваляетъ*. Положенiе и воздухъ сабинской изряднѣйшiй во всей Италiи. Въ томъ уѣздѣ лежалъ загородной домъ Филипповъ.

Ст. 108 и 109. *Сестерцiевъ тысячъ семь даритъ ему*. Даритъ ему семь тысячъ сестерцьевъ, сирѣчь 175 рублей.

Ст. 111. *Купилъ*. Вултей по совѣту и помочью Филипповою купилъ тотъ домикъ.

Ст. 113. *Виноградъ, пашня съ ума, съ языка не сходитъ*. Sulcos et vineta crepat mera. Crepare говоритъ часто, и кстати и не къ дѣлу, безперерывно о томъ же говорить.

Ст. 114. *Древа садитъ*. Чтобъ къ нимъ виноградъ прививался. Praeparat ulmos. Въ латинскомъ: *ивы готовитъ*.

Ст. 119. *Сѣлъ на коня*. Въ латинскомъ стоитъ: *схватилъ коня*, чтобъ показать его гнѣвъ и поспѣшность.

Ст. 121 и 122. *Гнусна и не обрита*. Вултей какъ купилъ тотъ домикъ

«Жестокъ чрезмѣру себѣ и чрезчуръ прилеженъ.»
«Право», отвѣчалъ Вултей, «бѣднымъ чрезчуръ можешь
«Назвать меня, государь; то мнѣ имя кстати,
«Именемъ духа твойго, руки твоей правой.
«Домовыхъ твоихъ боговъ, тебя заклинаю
«И прошу, дай мнѣ назадъ житье мое прежне.»
Кто уже могъ усмотрѣть, сколь то было лучше,
Что потерялъ, чѣмъ то, что нашолъ, — не теряя
Время, пусть воротится къ прежнему обычью.
Праведно, чтобъ по себѣ дерево рубилъ всякъ.

запустилъ волосы для того, что суеты и упражненія домовыя не дозволяли ему времени себя брить и нѣжить.

Ст. 123. *Жестокъ себѣ*. За тѣмъ, что безпрестанно въ работѣ томилъ себя.

Ст. 126 и 127. *Именемъ духа твоего. Духа твоего* я употребилъ вмѣсто латинскаго per Genium. *Геніусъ* есть богъ язычниковъ, который имѣлъ надзирательство надъ рожденіемъ и житіемъ человѣка. Всякой человѣкъ имѣлъ своего такого божка, какъ мы въ православной вѣрѣ имѣть вѣримъ всякой своего ангела. Ту рѣчь *Геніусъ* я не зналъ какъ лучше изобразить.—*Руки твоей правой*. Древніе нѣкую святость поставляли въ рукѣ правой, и для того умоляли именемъ десницы и клялися ею *). Per dextram Aeneae juro dextramque potentem. Рукою Энеи клянуся, сильною рукою.—*Домовыхъ твоихъ боговъ. Пенатами* тѣ домовые боги назывались, и къ нимъ, какъ къ защитникамъ своего благосостоянія, язычники крайнее почтеніе имѣли.

Ст. 128. *Дай мнѣ назадъ житье мое прежне*. Въ латинскомъ стоитъ: *возврати меня къ прежнему житію*. Сирѣчь, *пусти меня жить, какъ я прежде живалъ*.

Ст. 129. *Кто уже могъ усмотрѣть*. Горацій сими стихами заключаетъ повѣсть о Вултеѣ.—*Праведно, чтобъ по себѣ дерево рубилъ всякъ*. Въ латинскомъ стоитъ: *праведно чтобъ всякъ себя своею мѣрою мѣрилъ*. Сирѣчь, *чтобъ всякъ того состоянія, того вида житія держался, которой ему приличнѣе и счастливымъ сдѣлать можетъ*. Я русскую пословицу употребилъ, которая намѣренію латинскаго стихотворца согласна кажется. Латинское verum est, *истинно есть*, употреблено вмѣсто: праведно есть.

---

*) Плиній, книга 2, глава 45. Виргилій въ Енеид. книга 4, стихъ 314.

ПИСЬМО VIII.

КЪ ЦЕЛСУ АЛБИНОВАНУ.

Дворянину и писцу Неронову Целсу
Албиновану, прошу, пріятная музо,
Здравствовати въ счастіи вели и въ весельи.
Коль спроситъ, что дѣлаю, скажи, что я, многи
И хвальны правила дать жизни намѣряясь,
Ни право, ни прохладно животъ провождаю.
Не для того-жъ то, что градъ побилъ виноградъ мой
И зной оливы пожегъ, ни что въ отдаленныхъ
Поляхъ болѣзньми мое стадо истлѣваетъ,
Но за тѣмъ, что я умомъ дряхлѣе чѣмъ тѣломъ,

VIII. Горацій, въ семъ письмѣ описуя себя, изрядно оказываетъ слабость и бѣдность человѣка. Часто люди обрѣтаяся въ совершенномъ здоровьѣ, въ постоянномъ и непрерывномъ благополучіи, и что всего чуднѣе, просвѣщенные мудрости наставленіями, лишаются ума своего и предаютъ себя печали и безпокойству, котораго причину сами не знаютъ. Таково есть содержаніе его письма, которымъ Горацій изливаетъ въ сердце друга своего Целса печаль, которую чувствуетъ, видя себя несчастливымъ, и не зная чѣмъ отъ того свободиться.

Ст. 1. *Дворянину и писцу Неронову Целсу.* Целсусъ Педо Албинованусъ (о которомъ упомянуто въ письмѣ 3 стихѣ 20) былъ секретарь Тиберія Нерона и придворной его. Я дворяниномъ назвалъ Comitem. Такъ называлися тѣ, кои составляли свиту князей и вельможъ, которые отъѣзжали къ правительству губерніи или къ руководству войска римскаго.

Ст. 2. *Пріятная музо.* Горацій музу свою проситъ, чтобъ Целсу поздравленіе его объявить, и все что ниже сего въ письмѣ своемъ пишетъ.

Ст. 3. *Здравствовать въ счастіи вели и въ весельи.* Въ латинскомъ стоитъ: *прикажи радоваться и счастливо исправлять дѣла свои.* Родъ поздравленія, грекамъ въ началѣ своихъ писемъ обыкновенный.

Ст. 4. *Коль.* Вмѣсто *коли, если, ежели, буде* спроситъ.

Ст. 5. *Многи и хвальны правила дать жизни намѣряясь.* Намѣряясь писать нравоучительныя книги, которыя содержутъ правила хвальнаго житія. Multa et pulchra minantem. Слово отъ слова: *пока грожу многая и изрядная.* Minari, *грозить*, вмѣсто promittere, *обѣщать, готовить.*

Ст. 6. *Ни право, ни прохладно. Ни право*, сирѣчь, ни согласно нравоучительнымъ правиламъ держася добродѣтели. *Ни похвально*, то есть, *въ забавахъ, въ веселіи.* Всего злѣе то состояніе, когда отставъ отъ добродѣтели, злонравное и сластолюбное житіе насъ не увеселяетъ.

Ст. 7 по 11. *Не для тогожъ то, что градъ побилъ* и проч. Не для того я живу непрохладно, что градъ побилъ мой виноградъ и зной оливы

Ни слушать, ни знать хочу то, что болѣзнь можетъ
Облегчить мою. Врачи вѣрны мнѣ досадны,
Гнѣваюся на друзей, что силятся сонъ мнѣ
Пагубный отбить. Ищу то, что мнѣ вредило,
И что полезно себѣ чаю, отбѣгаю.
Непостояненъ какъ вѣтръ, въ Римѣ люблю Тибуръ,
Въ Тибурѣ Римъ. Потомъ ты, какъ здравствуетъ, музо,
Спроси, какъ дѣла свои и какъ себя правитъ?
Въ какой у князя чести, сколь любъ его свитѣ?
Буде отвѣчаетъ онъ, что во всемъ изрядно

пожегъ, и что стадо мое истлѣваетъ болѣзнями въ отдаленныхъ поляхъ но для того, что *я*, будучи дряхлѣе умомъ чѣмъ тѣломъ, не хочу ни слу шать ни знать то, что можетъ облегчить мою болѣзнь. *Что градъ побил виноградъ*. Симъ и слѣдующими двумя уронами Горацій разумѣетъ всякі несчастливыя приключенія. *Зной оливы пожегъ*. Маслинамъ или оливкам не меньше чрезмѣрной жаръ чѣмъ стужа вреденъ. *Въ отдаленныхъ по ляхъ*. Какъ напримѣръ въ лугахъ Калабріи и Луканіи, куда пастухи в лѣто и въ зиму стада отводили.

Ст. 11, 12 и 13. *Врачи вѣрны мнѣ досадны, гнѣваюся на друзей* и проч. Досадны мнѣ врачи, сирѣчь тѣ люди, кои своими увѣщаніями и разсужденіями могутъ облегчить печаль мою. Гнѣваюсь на друзей своихъ которые также стараются отнять ту хульную во мнѣ скорбь и скуку, въ которую безъ всякой причины погружаюся.

Ст. 13 и 14. *Сонъ мнѣ пагубный отбить*. Въ латинскомъ стоитъ: *па губную, смертоносную леѳаргію*. Funestum veternum. *Ветернъ* есть бо лѣзнь, которая въ непрестанномъ снѣ и ослабѣніи болящаго содержитъ

Ст. 16. *Непостояненъ какъ вѣтръ*. До сихъ поръ Горацій описывал свою скуку, свою печаль и безпокойство безразсудное; теперь слѣдует слово о его непостоянствѣ и премѣнчивыхъ на всякъ часъ желаніяхъ *Непостояненъ какъ вѣтръ*. Въ латинскомъ однимъ словомъ изображен Ventosus, *вѣтренный: я люблю Римъ въ Тибурѣ* и проч. и мы непостоя нныхъ людей вѣтренными называть обыкли.

Ст. тотъ же и 17. *Въ Римѣ люблю Тибуръ, въ Тибурѣ Римъ*. Когда на хожуся въ Римѣ, то желаю быть въ Тибурѣ, своемъ загородномъ дом когда нахожуся въ Тибурѣ, то хочется мнѣ быть въ Римѣ.

Ст. 17 и 18. *Потомъ ты, какъ здравствуетъ, музо, спроси* и про Потомъ сирѣчь, когда вышеписанное разскажешь Целсу, музо моя, спро его, какъ онъ здравствуетъ? какъ себя ведетъ? каково идутъ дѣла его?

Ст. 19. *Въ какой у князя чести*. Въ какой чести у Нерона. Въ ла тинскомъ стоитъ: *какъ онъ нравенъ юнощи?* Ut placet juveni, гдѣ юно шемъ означаетъ молодаго Нерона.

Ст. 20 и 21. *Буде отвѣчаетъ, что изрядно во всемъ находится*. Бу де отвѣчаетъ, что все изрядно идетъ, сирѣчь, что здоровъ, что дѣла е въ путь хорошой идутъ, что онъ Нерону и его двору пріятенъ; то в началѣ радуйся тому, потомъ не забудь ему въ ухо шепнуть Instill

Находится, радуйся сперва, потомъ въ ухо
Не забудь ему шепнуть: какъ счастье ты будешь
Свое сносить, такъ тебя, Целсе, сносить станемъ.

ПИСЬМО IX.

КЪ КЛАВДІЮ НЕРОНУ.

Сколь я въ чести у тебя, Клавдіе, всѣхъ лучше
Септимій знаетъ одинъ. Ибо когда проситъ
И нудитъ прошеніемъ, чтобъ при тебѣ словомъ
Моимъ доставилъ ему и доступъ и милость,
Достойному въ домѣ быть и въ любви Нерона,
Искуснаго различать и избирать честныхъ,
Когда чаетъ при тебѣ доступнѣйшимъ другомъ,
Сколь я силенъ при тебѣ, лучше меня видитъ.
Много я, правда, ему говорилъ и разны
Представлялъ, ища себя извинить, причины;

латинское значитъ капать каплю за каплею; я предъизбралъ *шепнуть*, понеже явственнѣе.

Ст. 22 и 23. *Какъ счастье ты будешь* и проч. Какъ ты себя весть будешь съ нами въ своемъ благополучіи, такъ и мы съ тобою водиться станемъ: если разгордѣешься, то омерзѣешь намъ; если сохранишь себя въ прежнихъ нравахъ, по прежнему намъ любимъ будешь.

IX. Горацій симъ письмомъ рекомендуетъ Септимія друга, своего, Клавдію Тиберію Нерону.

Ст. 1 по 8. *Сколь я въ чести у тебя — лучше меня видитъ.* Сколько я въ чести и въ милости у тебя, Клавдіе, всѣхъ лучше знаетъ Септимій. Ибо когда не только проситъ меня, но и понуждаетъ своею просьбою, чтобъ я моимъ словомъ или заступленіемъ доставилъ ему при тебѣ доступъ и твою милость, ему, который подлинно достоинъ быть въ твоей любви, въ любви сирѣчь князя, который искусенъ различать и избирать себѣ честныхъ людей; когда онъ Септимій чаетъ меня доступнѣйшимъ твоимъ другомъ, лучше чѣмъ я, самъ видитъ, самъ знаетъ онъ, сколь я при тебѣ силенъ.—*Клавдіе.* Клавдій Тиберій Неронъ пасынокъ Августовъ. Упомянуто объ немъ въ началѣ письма 3.—*Септимій.* Тотъ самой Тицій Септимій, о которомъ помянуто въ 3 письмѣ. Смотри тамъ примѣчанія подъ стихомъ 11.

Ст. 9 и 10. *Много я правда.* Септимій, почитая Горація гораздо въ милости Тиберіевой, имѣлъ причину требовать отъ него письмо рекомендательное къ сему князю. И хотя въ самомъ дѣлѣ онъ не ошибался, одна-

Но боялся наконецъ, чтобъ онъ не почаялъ,
Что силу свою таю нарочно съ притворства,
Одному желая быть себѣ лишь полезенъ;
Для того, большей вины бѣжа нареканье,
Продерзокъ волю его исполнить склонился.
Если же отложенный по приказу друга
Стыдъ хвалишь, къ твоей его припиши ты свитѣ
И честнымъ, добрымъ мужемъ почитай надежно.

кожъ Горацій, извинивъ въ предъидущихъ стихахъ Септимія, теперь и себя извиняетъ, представляя, что онъ много ему Септимію говорилъ и разныя причины представилъ, дабы онъ не понуждалъ его то письмо ему дать, но склонить его къ тому не могъ.

Ст. 11. *Но боялся наконецъ, чтобъ* и проч. по стихъ 15. Но напослѣдокъ опасаяся, чтобъ онъ Септимій не почаялъ, что я притворяюся не быть гораздо къ твоей милости, для того нарочно, чтобъ другу не услужить, и быть себѣ только одному полезнымъ, склонился я исполнить его волю, давъ ему письмо то, чтобъ такимъ образомъ избѣжать нареканье большей вины. Всего тягостнѣе честному человѣку явиться другомъ неусерднымъ и человѣкомъ, который лишь о собственной пользѣ печется. Для того Горацій предпочитаетъ заслужить при Неронѣ имя докучника и продерзостнаго, чѣмъ Септимію на себя дать подозрѣніе.

Ст. 15. *Продерзокъ волю его исполнить склонился.* Въ латинскомъ стоитъ: Frontis ad urbanæ descendi præmia, слово отъ слова: *снизшелъ я въ мзду шутова лба.* Дасіеръ сіе трудное латинское рѣченіе изрядно кажется разумѣть, примѣчая, что писатели римскіе именемъ urbanus означаютъ *шута*, scurram; что шутовъ главнѣйшая мзда есть лишеніе *стыда*, ибо ихъ ремесло въ продерзости и въ безстыдной нахалливости состоитъ; что потому, кто лицо шута на себя беретъ, отставляетъ стыдъ на сторону; и слѣдовательно Горацій стыдъ оставляетъ и продерзостнымъ себя чинитъ, чтобъ угодить Септимію. То мнѣніе подтверждаетъ слѣдующей стихъ, гдѣ Горацій именно говоритъ Клавдію Нерону: *Если хвалишь, что я отложилъ стыдъ по приказу пріятеля моего, въ повиновеніе и въ угожденіе ему, то припиши его* и проч.

Ст. 17. *Къ твоей его припиши свитѣ.* Пріими его въ свой домъ, учини его своимъ придворнымъ. Припиши, говоритъ Горацій, для того, что придворные и пріятели князей вписывалися въ ихъ статъ, въ книгу ихъ дома, какъ и теперь въ обыкновеніи.

Ст. 18. *Почитай* разумѣется: *его Септимія.*

ПИСЬМО X.

КЪ ФУСКУ АРИСТІЮ.

Фуску градолюбцу мы здравствовать желаемъ;
Селолюбцы; въ томъ одномъ сирѣчь неподобны
Много другъ другу, во всемъ прочемъ почти двойни.
По братски, что не любо одному, не любитъ
И другой; что одному нравно, и другому;
Старымъ дружнымъ голубямъ живемъ мы подобно;

:. Горацію столь пріятно было житье деревенское, что безпрестанно э выхвалялъ. Въ многихъ его пѣсняхъ и сатирахъ то усматриваемъ, эжъ самое отъ большей части содержитъ письмо сіе, которое знатно іно въ отвѣтъ Фуску Аристію, которой противно склонности Гораюй надъ всѣмъ предпочиталъ жить въ Римѣ. Стихотворецъ нашъ въ ь письмѣ изслѣдуетъ, въ чемъ деревенское житье городскому превоцнѣе. Показываетъ, что то деревенское житье согласнѣе природѣ на-, которая во всемъ простоту и чистой воздухъ требуетъ. И показыгъ, что та склонность столь человѣкамъ сродна, что хотя ищутъ оную звить сребролюбіемъ и славолюбіемъ, однакожъ оная всегда преодоаетъ: понеже видимъ, что опи принуждены въ городѣ самомъ дѣлать ѣ деревню, пристраивая къ домамъ великіе сады и лѣса. Потомъ изъетъ, что городы для того столь многолюдны, что человѣческая слѣа, не зная различать доброе отъ зла, предпочитаетъ вольности своей ираніе богатствъ: и то онъ прикрашиваетъ весьма пристойною къ у баснью. Вслѣдствіе того увѣщаваетъ Фуска Аристія держаться ренности и въ тишинѣ наслаждаться своимъ имѣніемъ, и проситъ, если въ немъ, Горацѣ, что обличать желаетъ, то не обличалъ бы онность его къ уединенію, но жадность богатства, если оную въ немъ отритъ. Заключаетъ письмо тѣмъ, что люди всегда бываютъ или рабы, господа богатства, понеже въ томъ нѣтъ никакой середки. Аристій жусъ, къ которому Горацій пишетъ письмо сіе, былъ славный римй грамматикъ, списатель комедій, искренный его пріятель, человѣкъ бливаго благонравія.

Ст. 1. 2 и 3. *Фуску градолюбцу* и проч. Фуску, который любитъ го-ское житье, я, любитель деревни, здравствовать желаю. Въ томъ мы юмъ гораздо межъ собою неподобны, а въ прочемъ такъ сходны, какъ двойни были. *Мы*, вмѣсто я, множественное число вмѣсто единствен-о, латинскимъ писателямъ, о себѣ говоря, гораздо обыкновенно.

Ст. 4 и 5. *По братски что не любо одному* и проч. Кромѣ того, касается склонности нашей въ выборѣ жилища, во всемъ другомъ подобны, и какъ бы два братья двойни были, что тебѣ пріятно, то мнѣ; что тебѣ не любо, то и мнѣ.

Ст. 6. *Старымъ дружнымъ голубямъ живемъ мы подобны.* Живемъ

Ты въ гнѣздѣ сидишь, а я пріятнаго поля
Хвалю ручьи и лѣса, и мшистые камни.
Хочешь ли знать, для чего? для того, что тотчасъ
Жить и царствовать я сталъ, какъ скоро оставилъ
Все то, что вы взносите въ небо похвалами,
И такъ, какъ священничью бѣглецу, претятъ мнѣ
Жертвы; ужъ много мнѣ хлѣбъ пряника пріятнѣй.
Буде природѣ своей согласно жить должно

какъ два изстари дружные межъ собою голубя, изъ которыхъ одинъ любилъ въ домѣ жить, другой летать по полямъ.

Ст. 7. *Ты въ гнѣздѣ живешь.* То есть, ты живешь въ твоемъ домѣ въ городѣ.

Ст. тотъ же и 8. *А я пріятнаго поля хвалю ручьи* и проч. А я люблю поле, ручьи, лѣса, мшистые камни, однимъ словомъ—житье деревенское.

Ст. 9. *Хочешь ли знать, для чего.* Хочешь ли вѣдать, для чего я предпочитаю житье деревенское.

Ст. тотъ же, 10 и 11. *Для того, что тотъ часъ* и пр. Для того, что признаваю, что я съ тѣхъ поръ только жить и царствовать началъ, какъ оставилъ съ городскимъ житьемъ попеченіе о всѣхъ тѣхъ вещахъ, каковы степени, богатства и почести, которыя вы похвалами своими до неба взносите. Царемъ себя Горацій и истинно жизнью своею наслаждаться признаваетъ, живучи въ своей деревни въ уединеніи. И подлинно тогда свободны отъ попеченій мирскихъ, отъ суетъ и безпокойствъ истинную жизнь живемъ и вольностію своею наслаждаемся.—*Похвалами.* Rumore secundo. Дасіеръ толкуетъ: *съ восклицаніемъ народнымъ.*

Ст. 12. *И такъ какъ священничью бѣглецу претятъ мнѣ жертвы.* Слуги священничьи кормилися вещьми, которыя приносилися въ жертву боговъ; и понеже непрестанно тотъ же кормъ ѣдали, обыкновенно оный имъ скученъ становился, и для того бѣгали отъ своего господина, чтобъ могли въ другой службѣ ѣсть хлѣбъ черный, который имъ ужъ казался сто разъ пріятнѣе. Такъ и Горацій, наскучивъ городскимъ житьемъ и того суетами, деревенское житье предпочитаетъ.

Ст. 13. *Ужъ много мнѣ хлѣбъ пряника пріятнѣй. Уже теперь* сирѣчь *въ нынѣшнемъ моемъ возрастѣ* полезнѣе хлѣбъ чѣмъ прянинъ; то есть, полезнѣе уединеніе, чѣмъ шумъ и безпокойство городскаго житья. *Пряники* приносились богамъ отъ язычниковъ, и потому слуги священничьи оными кормилися.

Ст. 14. *Буде природѣ своей согласно жить должно* и проч. Горацій принимается доводить первую часть своего предложенія, сирѣчь, что житье деревенское есть истинное житье. Тотъ живетъ согласно природѣ своей, кто избираетъ то, что оной полезно и пріятно, и отдаляетъ то, что ей противно и оскорбительно. Въ намѣреніи же жить согласно природѣ своей первое попеченіе есть состроить себѣ домъ покойный; кое же мѣсто къ тому приличнѣе деревни? Тамъ въ зимѣ не столько стужи терпится; въ лѣтнюю пору сладостные вѣтры усмиряютъ жары каникулярныхъ дней. Тамъ скучныя думы меньше тишинѣ душевной мѣшаютъ. Пышныя укра-

И предъ всѣмъ мѣсто искать, гдѣ домъ свой построить,
Знаешь ли мѣсто на то счастливой деревни
Пріискать приличнѣе? гдѣ зимы теплѣе?
Гдѣ больше сладостный вѣтръ, и пса усмиряетъ
Ярость, и свирѣпость льва, когда остръ лучъ солнца
Коснется неистова? гдѣ меньше сну думы
Мѣшаютъ завидливы? ливически камни
Цвѣтнѣе ли зелія и лучше ли пахнутъ?
Чистѣе ли въ улицахъ вода, что свинцовой
Силится жолубъ прорвать, или та, что въ сродномъ
Скатистомъ токѣ волна спѣшитъ бѣжать съ шумомъ?

женія домовъ городскихъ, каковы суть марморы и прочія, не цвѣтнѣе, не лучше пахнутъ травы, что въ полѣ растетъ, и вода, что въ улицахъ бѣжитъ въ жолобахъ свинцовыхъ, не чище той, что въ деревнѣ въ своемъ токѣ свободна бѣжитъ съ шумомъ.

Ст. 15. *Мѣсто искать*, quœrenda area. Area площадь, мѣсто плоское, угодное къ строенію.

Ст. 16. *Счастливой деревни. Счастливою деревнею*, Rure beato, Горацій разумѣетъ деревню, которая лежитъ на изрядной землѣ и въ хорошемъ воздухѣ.

Ст. 17. *Гдѣ зимы теплѣе.* Въ деревнѣ домъ больше городскаго подлежитъ лучамъ солнца, потому теплѣе быть можетъ.

Ст. 18 и 19. *Гдѣ больше сладостный вѣтръ и пса усмиряетъ ярость, и свирѣпость льва.* Песъ и Левъ суть два созвѣздія небесныя, всякое изъ 19 звѣздъ составленное. Солнце вступаетъ въ знакъ Льва около половины іюля, и Песъ, котораго каникула, или Сиріусъ, есть одна принадлежащая звѣзда, является шесть дней спустя. Древніе, чая, что та звѣзда каникула есть главная причина чрезмѣрныхъ жаровъ, приносили ей жертвы, чтобъ утолить ея гнѣвъ.

Ст. 19. *Когда остръ лучъ солнца коснется неистова.* Когда сирѣчь солнце вступитъ въ знакъ Льва. *Неистовымъ* называетъ Льва, какъ бы гнѣвъ и ярость его производили жары того времени.

Ст. 20. *Думы.... завидливы.* Думы, которыя, какъ бы завидуя людямъ, тишину оную отъимаютъ. Дасіеръ, кажется, худо толкуетъ, говоря что, invida cura значитъ *попеченія, думы, коихъ зависть наша въ насъ производитъ.*

Ст. 21. *Ливическіе камни.* Марморы африческіе, которыми римляне устилали полъ въ домахъ. Не чище они, не пріятнѣе глазу травы полевой, и сверхъ того сія, глазъ увеселяя, и обоняніе своимъ духомъ услаждаетъ. Въ латинскомъ стоитъ lapillis, *камышки*, понеже римляне марморъ разсѣкали на маленькія плитки и оныя разными цвѣтами выкрасивъ, составляли ими узорчатые полы.

Ст. 23, 24 и 25. *Чистѣе ли въ улицахъ вода, что свинцовой силится жолубъ прорвать, или та, что въ сродномъ* и проч. Вода въ городъ приведена свинцовыми жолубами; въ деревнѣ изъ ключа въ своемъ сродномъ токѣ бѣжитъ. Которая изъ нихъ чище и пріятнѣе? Латинскіе два

Между разноцвѣтными растимъ лѣсъ столбами
И хвалимъ домъ, смотритъ кой въ поля протяженны.
Хоть вилами отгоняй природу, та знаетъ
Подкрасться назадъ къ тебѣ и преодолѣетъ
Неправыя прихоти. Не столько извѣстный

стиха удивительною сладостію то двухъ водъ теченіе изображаютъ. *Силится жолубъ свинцовой прорвать,* какъ бы та вода сродную волю свою искала, которую въ деревнѣ имѣетъ, гдѣ *волна спѣшитъ бѣжать съ шумомъ.*

Ст. 26. *Между разноцвѣтными растимъ лѣсъ столбами.* Кромѣ вышепоказанныхъ доводовъ, которыми Горацій доводилъ превосходство села, сіе сильнѣйшее есть, что тѣ самые, кои городское житье деревенскому предпочитаютъ, ищутъ въ своихъ пышныхъ домахъ между разноцвѣтными марморными столбами включать свойства деревни, сирѣчь дубраву, поле, ручеекъ и проч.

Ст. 27. *И хвалимъ домъ, смотритъ кой въ поля протяженны.* Какъ лѣсъ любимъ включать въ своемъ домѣ, въ своемъ саду, такъ хвалимъ тотъ домъ, которой смотритъ въ пространное открытое поле.

Ст. 28, 29 и 30. *Хоть вилами отгоняй природу... неправыя прихоти.* Включеніе лѣсовъ въ домахъ городскихъ, предпочитаніе такого дому, который въ поле смотритъ, доказываетъ, что сродно человѣку любить деревню. Сребролюбіе, любочестіе и прочія страсти противостоятъ той сродной склонности и часто оную прогоняютъ. Но всегда она назадъ возвращается и преодолѣваетъ неправыя человѣка прихоти. Природа въ насъ силу свою всегда продолжаетъ, хоть вилами ея отгоняй, назадъ воротится, подкрадется къ тебѣ и преодолѣетъ тѣ прихоти, кои ея правиламъ противны.

Ст. 30 по 40. *Не столько извѣстный* и проч. Здѣсь начинается вторая часть письма, въ которой Горацій доводитъ вторую часть своего предложенія, сирѣчь, что одно только житье деревенское вольнымъ житьемъ звать можно; *что онъ въ деревни живучи царствуетъ, ибо царитъ тотъ, кто совершенною вольностію наслаждается.* Готовяся то предложеніе доводить, предусмотрѣваетъ, что люди, будучи страстьми ослѣплены, обыкновенно злое добрымъ почитаютъ, и напримѣръ, предъизбираютъ степени, богатства, окруженныя суетами и опасностьми, надъ покойною умѣренностію въ имѣніяхъ и въ славѣ; и для того въ началѣ старается отнять имъ то погрѣшительное разсужденіе, пріуподобляя вредъ, которой отъ того претерпятъ изъяну, что снесть имѣетъ торговой человѣкъ, когда не знаетъ различать подложную багряницу отъ прямой тирской. Тотъ торговой человѣкъ великими деньгами купитъ вещь малой цѣны, и потому въ продажѣ уронъ жестокой претерпитъ; какъ и мы, высоко цѣня славу и богатства (которыя въ городскомъ житьѣ престолъ свой уставили), за вещь малоцѣнную теряемъ вольность и тишину; и къ тому когда той славы и богатствъ по какому несчастію лишимся, трудно сносимъ ту перемѣну. Ибо не можемъ охотно лишиться того, чему мы дивимся и что высоко почитаемъ. Отъ чего заключаетъ совѣтомъ, что должно бѣгать *высокихъ вещей,* высокаго сирѣчь состоянія, которое всегда опасно и непостоянно,

И не столь чувствителенъ уронъ тотъ претерпитъ,
Кто не знаетъ распознать тирску багряницу
Съ волною напоенной аквинатскимъ цвѣтомъ,
Какъ тотъ, что правду съ ложью различить не сможетъ.
Кого чрезъ мѣру свое счастье усладило,
Трудно премѣну снесетъ. Тяжко, неохотно
Лишаться можемъ того, чему мы дивимся.
Высокихъ бѣгай вещей. Въ хижинѣ убогой
Царей и царскихъ друзей счастливѣй жить можно.
Олень, искусствомъ въ бою коня превосходнѣй,
Нѣкогда съ общей травы выгонялъ продерзокъ;
По долгой битвѣ свою конь чувствуя слабость,
У человѣка просилъ помочь; узду принялъ,
Но когда свирѣпъ уже одержалъ побѣду
Надъ недругомъ и свою насытилъ ужъ ярость,
Ни всадника съ плечъ, ни съ устъ могъ ужъ узду скинуть.
Такъ тотъ, кто, убожества боясь, свою вольность

ъ наипаче, что въ убогой хижинѣ можно жить счастливѣе царей и скихъ временщиковъ.

т. 30. *Не столько извѣстный.* Не столько подлинный, безсумнитель-, неизбѣжный.

т. 31. *Не столь чувствителенъ.* Propius medullis damnum. Слово отъ ва: *изъянъ, кой ближе мозгу въ костяхъ касается*, сирѣчь изъянъ ьма чувствительный, понеже и кость за кожицею, которою покрыта, и іостіонъ называется, и мозгъ къ болѣзни весьма чувствительны.

т. 32. *Тирску багряницу.* Sidonis ostro, *багряничный цвѣтъ сидон-й и тирской.* Въ тѣхъ краяхъ находилися лучшія раковины, въ коихъ ь багряничный цвѣтъ сбирается. *Багряница* значитъ и цвѣтъ багряный и епанчу въ томъ цвѣтѣ выкрашену. Здѣсь слово то употреблено сто *шерсти или волны, въ багряницѣ выкрашенной.*

т. 34. *Съ волною напоенной аквинатскимъ цвѣтомъ. Аквинумъ* го-ъ въ Италіи. Во времена Гораціевы жители того мѣста поддѣлывали тъ багряничный столь искусно, что отъ истинной тирской различить подложную краску было не легко.—*Съ волною напоенной. Напоенной* сто *напоенною*, творительной падежъ, котораго окончаніе *ою* часто простомъ языкѣ перемѣняется на *ой*, такъ обыкновенно говоримъ: *мах-пь рукой* вмѣсто *рукою* и проч.

т. 37. *Трудно перемѣну снесетъ.* Mutatae quatient. Счастіе отмѣн-*удивитъ, ужаситъ, оглушитъ.*

т. 40. *Олень искусствомъ въ бою коня превосходнѣй.* Олень, которой усствомъ своимъ въ бою коня превосходилъ, который лучше зналъ бить-чѣмъ конь. Всякъ, кто послушенъ славолюбію, сребролюбію или дру-какой страсти, принялъ себѣ свирѣпаго господина, которой отъимаетъ него вольность, лучшій даръ природы. И то Горацій подтверждаетъ ью оленя и коня, которую занялъ у греческаго стихотворца Стеси-а.

Дражайшую всякаго богатства утратитъ,
Хозяина ужъ возить станетъ непотребный,
Рабомъ будетъ во вѣки, что не зналъ доволенъ
Быть малымъ. Имѣніе, нашему не въ мѣру
Состоянію, совсѣмъ башмаку подобно:
Широкой ходить не дастъ, узкой гнететъ ногу.
Для того будешь уменъ, если ты доволенъ
Состояніемъ твоимъ, Аристе, жить станешь,
Ни меня прошу забудь ты обличать, если
Больше нужнаго копить безъ конца явлюся.
Служатъ иль господствуютъ скопленныя деньги,
Достойнѣйши слѣдовать чѣмъ водить веревку.
Сіе за гнилымъ пишу я Вакуны храмомъ,
Печаленъ, что нѣтъ тебя при мнѣ, впрочемъ веселъ.

Ст. 51. *Имѣніе нашему не въ мѣру состоянію* и проч. Cui non veniet sua res. Слово отъ слова: *кому несходно своё себѣ богатс* Сродное всякому состояніе хвалилъ Горацій выше сего: тожъ здѣсь твердаетъ, говоря, что кто лишное имѣетъ, чѣмъ природа требуетъ недостаточенъ въ томъ, что природа требуетъ, не имѣетъ сходное ему состоянію. Богатство башмаку подобно: узкой гнететъ, широко дить мѣшаетъ.

Ст. 53. *Широкой ходить не дастъ.* Calceus si pede major erit su tet. Слово отъ слова: *опрокинетъ тебя башмакъ, будe онъ больше*

Ст. 55. *Состояніемъ твоимъ.* Sorte tua, *твоею долею, твоею час* тѣмъ, чѣмъ тебя природа или счастье надѣлили.

Ст. 58. *Служатъ иль господствуютъ скопленныя деньги.* Нѣтъ сер Богатства наши или служатъ, или нами владѣютъ и господствуютъ.

Ст. 59. *Достойнѣйши слѣдовать чѣмъ водить веревку.* Еслибъ стиха меня не утѣсняла, должно бы написать: *достойнѣйши слѣд веревкѣ, чѣмъ водить веревку,* ибо слово *слѣдовать* требуетъ падеж зательный, а *водить* винительный. Рѣченія Ducere funem, *водит ревку,* и sequi funem, *слѣдовать веревкѣ,* взяты отъ дѣтскoй игры, у ляпъ въ обыкновеніи, въ которой два младенца, держа всякой одинъ веревки, искали другъ друга перетянуть. Кто изъ нихъ перетягив *водилъ* за собою *веревку,* тотъ побѣду одерживалъ; слабѣйшій *слѣд веревкѣ.* Такъ мѣсто сіе толкуетъ Дасіеръ. Мнѣ кажется, что рѣ тѣ взяты отъ людей, кои медвѣдей и другихъ звѣрей или невольн водятъ. Ясно слѣдуетъ, что лучше намъ *водить веревку,* сирѣчь в имѣть надъ нашими деньгами, чѣмъ *слѣдовать,* какъ невольники, *ревкою,* которою богатства насъ спутавъ тащатъ.

Ст. 60. *За гнилымъ пишу я Вакуны храмомъ. Вакуною* называли ляне богиню людей вольныхъ и праздныхъ. Особливо она въ поч была у сабиновъ и имѣла себѣ капище и лѣсъ на горѣ *Фисцеліи.* дому Горацiева въ Тибурѣ можно было видѣть задъ того капища, рой уже былъ совсѣмъ престарѣлъ и обваленъ. Для того называет *гнилымъ.*

ПИСЬМО XI.

КЪ БУЛАЦІЮ.

Какъ тебѣ, Булаціе, Хіосъ показался
И славный Лезбосъ? каковъ показался Самосъ
Красивый? каковъ Сардисъ, Крезова столица?
Каковъ приморскъ Колофонъ и какова Смирна?
Мало, иль лишно объ нихъ слава разгласила?
Хуже-ль они Марсова поля всѣ и Тибра?

XI. Булаціусъ знать то за какими домашними печальми отлучився въ Асію, и чая тамъ забыть свою скуку, въ извиненіе своего долгаго странствованія говорилъ, что онъ утружденъ уже мореплаваніемъ и дальными дорогами, и для того возвращеніе свое въ Римъ отлагаетъ. Горацій симъ письмомъ ему показываетъ, что извиненіе его маловажно и неосновательно; потомъ представляетъ, что если онъ, Булацій, сохраняетъ тишину душевную, никакой асіатическій городъ не могъ бы его удержать, но предъизбралъ бы, пріѣхавъ въ Римъ, наслаждаться дарами, кои ему счастье подноситъ. И напослѣдокъ изъясняетъ, что понеже человѣкъ, одного или другаго мѣста отдаляяся, себя избѣжать не можетъ, премѣна мѣстъ и воздуха не сильна исцѣлять его страсти и учинить его блаженнымъ; что всѣ домогательства въ пріобрѣтеніи того блаженства не полезны, и что оное равно вездѣ находится, понеже оно состоитъ въ томъ, чтобъ владѣть своимъ сердцемъ и содержать оное въ тишинѣ.

Неизвѣстно, кто таковъ *Булацій*, къ кому письмо сіе писано.

Ст. 1. *Хіосъ* большой островъ Егейскаго моря межъ Лезбосомъ и Самосомъ.

Ст. 2. *Лезбосъ* островъ, нынѣ *Митилини*, называемый по одному изъ своихъ главнѣйшихъ городовъ.

Ст. тотъ же. *Самосъ красивый*. И нынѣ *Самосъ* называется островъ пониже *Хіоса*, лежащій насупротивъ Ефеса. Горацій называетъ его *красивымъ*, concinna Samos, за его красотою и плодородіемъ. Однимъ и другимъ тотъ островъ прославленъ.

Ст. 3. *Каковъ Сардисъ Крезова столица*. *Сардисъ* столичной городъ лидійской, въ которомъ жилъ Крезусъ, славный царь силою и богатствомъ чрезвычайнымъ.

Ст. 4. *Каковъ приморскъ Колофонъ и какова Смирна*. *Колофонъ* городъ въ Іоніи, на берегу морскомъ межъ Ефесомъ и Смирною. *Смирна* главной городъ всея провинціи Іонійской. Нынѣ всѣ вышеписанные острова и городы греческіе подвластны туркамъ.

Ст. 6. *Марсова поля и Тибра*. *Марсово поле* близъ Рима, на которомъ игры военныя отправлялися. *Тибръ* рѣка, текущая сквозь Римъ. И поле, и рѣка, вмѣсто Рима города, чрезъ метонимію, здѣсь у Горація употреблены.

Изъ атталскихъ ли одинъ предпочтешь ты городъ
Иль Лебедъ станешь хвалить, море ненавидя
И путь долгой? знаешь ли, Лебедъ сколь пустѣе
Габіевъ и Фиденовъ деревня? однако,
Говоришь: тамъ бы я жить хотѣлъ, и забывши
Своихъ, и отъ нихъ забытъ, съ берегу Нептуна

Ст. 7. *Изъ атталскихъ ли одинъ предпочтешь ты городъ*. Не предпочтешь ли къ твоему жилищу одинъ изъ атталскихъ городовъ; сирѣчь одинъ изъ городовъ Асіи, ибо Атталъ царь обладалъ тою страною. Изъ сего поколѣнія послѣдней Атталъ Филометоръ оную въ римскую власть поручилъ.

Ст. 8. *Иль Лебедъ станешь хвалить, море ненавидя и путь долгой*. Или для того, что ненавидишь море и долгой путь, кои къ *возвращенію твоему въ Римъ необходимы*, станешь хвалить Лебедъ, городъ іонійской, въ 120 стадіяхъ отъ Колофона отстоящій.

Ст. 9. *Знаешь ли Лебедъ сколь пустѣе, Габіевъ и Фиденовъ деревня*. *Габій* мѣстечко по дорогѣ пренестской, отстоящее отъ Рима въ 20 миляхъ, и *Фидены* по той же дорогѣ въ 6 миляхъ. Оба прежъ сего нарочитые городы, но во время Гораціево были малыя же, гораздо малолюдныя деревни.

Ст. 10 и 11. *Однако говоришь, тамъ бы я жить хотѣлъ*. Булацій говоритъ, что хоть Лебедъ пустѣе Габіевъ и Фиденовъ, онъ лучше тамъ жить возлюбитъ, чѣмъ въ Римѣ, гдѣ находитъ причину своей печали и безпокойства.

Ст. 12. *И забывши своихъ, и отъ нихъ забытъ*. Сіе увѣряетъ, что Булацій отъ сродниковъ своихъ какую печаль сносилъ, и что затѣмъ отъ Рима отдалялся.

Ст. тотъ же и 13. *Съ берегу Нептуна вдали яростна смотрѣть*. Дасіеръ чаетъ, что Булацій здѣсь говоритъ, въ сродномъ значеніи, что онъ съ берега безопасенъ станетъ смотрѣть море въ ярости, и то для того, что Лебедъ городъ лежалъ на берегу морскомъ; мнѣ кажется, что здѣсь Горацій аллегорію употребляетъ. Должно разумѣть, что Булацій хочетъ съ берега, сирѣчь въ уединеніи, въ тишинѣ, какову ему доставляетъ житье въ городѣ Лебедѣ, смотрѣть безопасенъ море суетнаго житья римскаго, гдѣ столько бурей и бѣдствъ плавающіе встрѣчаютъ, какъ онъ самъ уже встрѣтилъ. Удивительнымъ искусствомъ то описалъ Лукрецій въ началѣ книги 11:

Svave mari magno turbantibus equora ventis
E terra magnus alterior spectare laborem.
Non quia vexori quemquam est jucunda voluptas,
Sed quibus ipse careas quia cernere svav' est.

то есть.

«Сладко, пространно море когда вѣтры
«Волнуютъ, съ брега чужды смотрѣть бѣдства;
«Не тѣмъ что пріятно кого видѣть въ мукѣ,
«Зла ты нетерпишь.

Нептунъ, богъ морской, за самое море у стихотворцевъ употребляется.

Вдали яростна смотрѣть. Да ни тотъ, что идя
Изъ Капуи въ Римъ, дождемъ и грязью измоченъ,
Затѣмъ хочетъ жить въ корчмѣ; ни кто терпѣлъ стужу,
Для того баню и печь хвалитъ, какъ бы вещи,
Которы могутъ намъ жизнь счастливу доставить;
Ни если буря тебя сильна въ морѣ била,
За тѣмъ въ первой пристани продашь ты корабль свой.
Кто отъ страстей сохранилъ мысль свою свободну,
Родосъ и красивая Митилина столько
Ему нужны, сколь среди лѣта толста шуба,
Сколь занавѣска въ зимѣ, Тибръ въ мразное время,

т. 13 по 20. *Да ни тотъ, что идя изъ Капуи въ Римъ* и проч. Про-
› Булаціева отвѣта Горацій представляетъ, что онъ столь ему смѣшонъ
ется, извиняя свое долгое странствованіе опаствами морскими и дол-
ю дороги, или печальми, кои въ Римѣ претерпѣлъ; какъ смѣшонъ бы
ь человѣкъ, которой, для того, что идучи изъ Капуи въ Римъ, обмо-
:я въ дождѣ и въ грязи, похотѣлъ бы вѣкъ свой жить въ корчмѣ; или
, что претерпѣвъ какую жестокую стужу, для того хотѣлъ бы хвалить
о и печь, какъ бы вещи, кои намъ могутъ доставить жизнь блаженную.
бавляетъ и третій образецъ, сирѣчь, что если буря кого била въ мо-
безумно было бъ затѣмъ въ первой пристани корабль свой продать.

г. 14. *Изъ Капуи въ Римъ*. Капуи первый городъ въ Кампаніи, рим-
провинціи.

г. 18. *Ни если буря тебя сильна била*. Въ латинскомъ стоитъ: ни
тебя мучилъ свирѣпый южный вѣтеръ.

т. 20. *Кто отъ страстей сохранилъ* и проч. Связность сего мѣста съ
ъидущимъ не легко усмотрѣть. Дасіеръ изрядно изъясняетъ, говоря,
Горацій, посмѣявся маловажнымъ Булаціевымъ извиненіемъ, пред-
ждаетъ послѣдній резонъ, которой онъ Булацій могъ бы забыть: пе-
въ Римѣ претерпѣнныя, красота мѣстъ асіатическихъ его держитъ
дежду подаетъ, что тамъ счастливѣе, чѣмъ въ Римѣ, жить можетъ. То
е Горацій опровергаетъ, показывая, что если бы онъ Булацій имѣлъ
свободный отъ страстей, отъ печали, то ни самая Митилини, крас-
ій городъ острова Лезбоса, ни вся красота острова Родоса, *не только
дъ и подобные малые городки,* не могли бы его въ такомъ свободномъ
печалей состояніи. Incolumi, Родосъ и Митилини столь мало нужны,
ь шуба лѣтомъ, занавѣсъ въ зимѣ, Тибръ рѣка въ морозы, и жаркой
нь среди лѣта.

г. 22. *Среди лѣта толста шуба*. Penula solstitio. Епанча во время
цестоянія. Пенула епанча толстая, употребляемая въ дождь и въ сту-
е время, дорожная епанча. Я шубу въ переводѣ употребилъ, понеже
ему обычаю не меньше чѣмъ намѣренію стихотворцу соотвѣтствуетъ.
цестояніе лѣтнее случается около 13 іюня, въ которое время солнце
тся остановлятся и неподвигается къ сѣверу, какъ кажется не подви-
ся болѣе къ полдню въ солнцестояніе зимное.

г. 23. *Занавѣска въ зимѣ*. Campestre nivalibus auris. Слово отъ сло-

И въ августѣ мѣсяцѣ раскаленный камень.
Пока можно и лице пріятно являетъ
Тебѣ счастье, живучи въ Римѣ, хвали Самосъ,
Родосъ и Хіосъ вдали. Счастливое время,
Что тебѣ боги даютъ, пріими съ благодарствомъ,
Ни къ будущу отлагай плодъ даровъ ихъ году,
Чтобъ про себя сказать могъ, что вездѣ счастливо,
Гдѣ ни обрѣтался, жилъ. Ибо если разумъ
И благоразсудствіе, не мѣсто, пространнымъ
Моремъ обладающе, отъимаетъ думы,
Если небо, а не умъ, тѣ перемѣняютъ,
Что преплываютъ моря, — въ многихъ трудахъ праздны,

ва: *зайавеска въ снѣжной воздухъ*. Кампестре называлася занавѣска ли-ная, которою наготу свою покрывали борцы и другіе, кои игры и обученія военныя совершали въ Марсовомъ полѣ.

Ст. тотъ же. *Тибръ въ мразное время*. Въ рѣкѣ Тибрѣ ни мыться, ни плавать, ни по ней гулять въ зимѣ можно.

Ст. 27. *Родосъ и Хіосъ вдали*. Вдали сирѣчь отстоящій, отсутствующій Родосъ и Хіосъ хвали, живучи въ Римѣ.

Ст. тотъ же и 28. *Счастливое время, что тебѣ боги даютъ* и проч. Увѣщаваетъ Булація возвратиться въ Римъ, пока счастье ему служитъ. Не можемъ мы угадать о чемъ здѣсь дѣло идетъ, понеже Булаціевой жизни обстоятельства намъ неизвѣстны.

Ст. 30. *Чтобъ про себя сказать могъ*. Воротись въ Римъ, пока можешь, пока счастье тебѣ боги даютъ; не отлагай ихъ дары къ другому времени, и тогда узнаешь, что вездѣ, такъ въ Римѣ, какъ и въ Асіи, счастливо жить можешь.

Ст. 31. *Ибо если разумъ и благоразсудствіе*. Подлинно люди противу печали другаго способу не имѣютъ, кромѣ смысла своего и благоразсудства; однѣ тѣ внутренныя добродѣтели могутъ искоренить внутреннее зло. Премѣна мѣстъ на время унять оное можетъ, и потомъ паки скорѣе зло возвращается.

Ст. 32. *Мѣсто, пространнымъ моремъ обладающе*. То есть мѣсто, которое лежитъ при морѣ или съ котораго то пространное море видѣть можно. О Лебедѣ то разумѣть можно, мѣстѣ приморскомъ, какъ выше показано.

Ст. 34, 35, 36 и 37. *Если небо, а не умъ тѣ перемѣняютъ, что преплываютъ моря*. Если тѣ, что переплываютъ моря; тѣ, что изъ земли въ другую переѣзжаютъ: не умъ, не правъ, не разсужденіе, но мѣсто одно перемѣняютъ. Если перемѣна мѣстъ не сильна въ насъ отмѣнить умъ и нравъ и склонности наши, напрасные труды прилагаемъ, напрасно себя мучимъ, ища долгими поѣздками путемъ, долгимъ плаваньемъ по морямъ блаженную, счастливую жизнь. Не отъ премѣны мѣста та счастливая жизнь, но отъ покойнаго сердца зависитъ.

Ст. 35. *Въ многихъ трудахъ праздны мы потѣемъ*. Strenua inertia

Мы потѣемъ. Долгою ѣздою и долгимъ
Блаженну жизнь плаваньемъ безразсудны ищемъ.
То, что ищешь, найдешь здѣсь, найдешь и въ Улубрахъ,
Если покойный ты духъ и правый имѣешь.

ПИСЬМО XII.

КЪ ИЦІЮ.

1 Если наслаждаешься правильно плодами
Агриппы въ Сициліи, Иціе, не можетъ

Въ храброй въ мужественной праздности упражняемся: Какъ бы сказать потѣемъ, трудимся въ бездѣльи, бездѣлицу дѣлаемъ.

Ст. 38 и 39. *То, что ищешь, найдешь здѣсь* и пр. То, что ищешь многимъ излишнымъ трудомъ, переплывая моря, переѣзжая много земель, счастливую жизнь найдешь здѣсь въ Римѣ, найдешь въ Улубрахъ; вездѣ оную найдешь, если имѣешь сердца правое и покойное, если тобою страсти не владѣютъ.—*Улубры*. Малое и почти пустое мѣстечко Италіи въ Кампанскомъ уѣздѣ близъ Велитръ; тѣмъ однимъ только примѣтно, что Августъ кесарь въ немъ воспитанъ.

XII. Иційй, къ которому письмо сіе писано, откупщикъ Агрипповыхъ земель въ Сициліи, былъ человѣкъ весьма скупой и которой въ извиненіе своей страсти непрестанно жаловался что онъ убогъ. Горацій ему забавно въ семъ письмѣ насмѣхается. Или ты, говоритъ ему, наслаждаешься твоимъ добромъ, или нѣтъ: буде наслаждаешься, не имѣешь причины жаловаться; кто довольное себѣ имѣетъ, царя неубожѣе; если же не наслаждаешься не меньше потому ты счастливъ и обиленъ, понеже за любовью добродѣтели презираешь богатства. Мудрости пріобрѣтеніе вмѣсто всякаго обильства тебѣ служитъ, и въ томъ такъ важной образецъ въ себѣ намъ являетъ, что не должны мы болѣе чудиться Демокритову отчужденію богатствъ, которой предъизбралъ прилежаніе къ мудрости надъ охраненіемъ своего имѣнія, оставя оное въ грабежъ сосѣдямъ. Все то голая посмѣшка Ицію, основанная на томъ, что Иційй въ самомъ дѣлѣ былъ философъ, не меньше въ физикѣ, чѣмъ въ нравоучительной прилежный. Послѣ той насмѣшки, Горацій рекомендуетъ ему Помпеія Гросфа и заключаетъ письмо важными тогда полученными вѣдомостями.

Ст. 1. *Если наслаждаешься правильно*. Если ничего нужнаго себѣ не возбраняешь.

Ст. тотъ же и 2. *Плодами Агриппы въ Сициліи*. Въ латинскомъ прибавлено: Suos colligis, которые ты собираешь, отъ того видно, что Иційй былъ надзиратель, или прямо сказать откупщикъ деревень Агрипповыхъ,

Большимъ тебя одарить Юпитеръ богатствомъ.
Жалобы ужъ отложи, ибо не убогъ тотъ,
Кто имѣетъ нужное и употребляетъ.
Буде брюху твоему и ногамъ, и тѣлу
Всему добро, ничего царскія прибавить
Богатства ужъ большаго подлинно не могутъ.
Буде-жъ въ обществѣ такомъ живешь ты, воздерженъ
Крапивой и зеліемъ, такъ живешь доволенъ,
Какъ бы внезапно тебя счастье золотыми

которыя ему Августъ Кесарь въ Сициліи пожаловалъ послѣ разбитія Помпеева флоту близь Мессины.—*Сицилія* великой островъ въ Средиземномъ морѣ, малымъ проливомъ отъ Неаполитанскаго королевства отдѣленной.—*Агриппа* временщикъ и зять Августа Кесаря, съ которымъ вмѣстѣ и отправлялъ чины консульской, ценсорской и трибунской, изъ подлаго роду добродѣтельми своими славу и степени себѣ заслужилъ. Знаменитъ многими побѣдами, а наипаче одержанными надъ Маркомъ Антоніемъ и молодымъ Помпеемъ, которыми Августу самодержавство доставилъ. Умеръ въ 51 лѣто своего возраста, въ 12 прежде Рождества Христова.

Ст. 2. *Иціе*. Ицій, иные пишутъ Ікцій; я Дасіерову изданію какъ во всемъ, такъ и въ правописаніи сего имени послѣдовалъ. Извѣстна у римлянъ семья Иціевъ; о семъ къ кому письмо сіе писано только извѣстно, что онъ на откупу держалъ Агрипповы маетности въ Сициліи.

Ст. 3. *Не можетъ большимъ тебя одарить Юпитеръ богатствомъ*. Copia major, большимъ обильствомъ. И подлинно человѣкъ, который знаетъ наслаждаться своимъ добромъ и который отъ того получаетъ, чѣмъ и нужды и прихоти свои удовольствовать, богатѣе того быть не можетъ.

Ст. 4 и 5. *Не убогъ тотъ, кто имѣетъ нужное и употребляетъ*. Лишеніе дѣлаетъ убогимъ. Кто имѣетъ и употребляетъ свое имѣніе, не можетъ зваться убогимъ.

Ст. 6. *Буде брюху твоему, и ногамъ, и тѣлу всему добро*. Буде имѣешь довольну пищу, довольну обувь и довольну одежду. Дасіеръ чаетъ, что въ сихъ трехъ обстоятельствяхъ всѣ прочія жизни потребы включены, не выключая тѣлесныя похоти, которыя, по его мнѣнію, въ латинскомъ означаются чрезъ: si lateri bene est, если боку твоему добро.

Ст. 9. *Буде-жъ въ богатствѣ такомъ, живешь ты воздержно*. Вторая часть дилеммы, которою Горацій Ицію насмѣвается. Буде не употребляешь, буде не наслаждаешься своимъ богатствомъ.—*Воздерженъ*, латинское abstinens, значитъ того, кто отъ вина воздерживается, кто вина не пьетъ, но часто за воздержнаго вообще берется.

Ст. 10. *Крапивой и зеліемъ*. Древніе ѣдали дикую крапиву, когда она еще молода и мягка, и не только вкусною почитали, но и признавали, что она отъ многихъ болѣзней предостерегаетъ.

Ст. тотъ же и 11. *Такъ живешь доволенъ, какъ бы внезапно тебя счастье* и пр. Такъ живешь веселъ и доволенъ, какъ когда отъ счастья получаешь важный и нежданный даръ.—*Такъ живешь* sic vives protinus, не легко выразить; нарѣчіе protinus въ сродномъ знаменаніи значитъ

Ручьями вдругъ облило, иль затѣмъ, что деньги
Не сильны природу въ насъ отемнить упряму,
Иль что добродѣтель всѣхъ богатствъ свыше чаешь.
Какъ ужъ дивиться намъ, что Демокрита пашню
И луги стадо пасетъ, пока, узъ свободенъ
Тѣла, духъ его вдали быстръ путь совершаетъ?
Когда ты ужъ въ временахъ, въ коихъ царитъ жадность
Корысти и лакомства прилипчива язва,

сплошь, сряду, безъотрыву. *Какъ бы счастье золотыми ручьями облило.* Какъ бы счастье тебя обогатило, относится къ ручьямъ, кои золото съ собою въ пескѣ своемъ влекутъ. Въ латинскомъ стоитъ: какъ тебя жидкой счастья ручей озолотилъ.

Ст. 12. *Иль затѣмъ, что деньги.* Горацій притворяется чаять, что Иццій въ воздержность и умѣренность приходитъ или отъ того, что онъ увѣренъ, что богатства не могутъ отмѣнить природу человѣка, то есть не могутъ отмѣнить его безпокойство и учинить его счастливымъ, или для того, что онъ вѣдаетъ, что еслибъ тѣ богатства и могли отчасти доставить ему благополучіе, однакожъ добродѣтель всегда ихъ почтительнѣе.

Ст. 15, 16 и 17. *Какъ ужъ дивиться намъ, что Демокрита пашню,* и пр. Какъ уже намъ можно дивиться, что Демокритъ, презирая свое имѣніе, оставляетъ свою пашню и свои луга на кормъ чужому стаду; пока его духъ, оставляя тѣлесное бремя, отдаляется быстрымъ летомъ въ изслѣдованіе мудрости.—Демокритъ былъ философъ изъ Абдеры, го города ѳраческаго, жилъ около 450 лѣтъ прежде Рождества Христова. Объ немъ Цицеронъ въ 5-й книгѣ о предѣлахъ говоритъ: Democritus dicitur oculis se privasse: certe ut quam minime animus a cogitationibus, abduceretur, patrimonius neglexit, agros desseruit incultos etc. «Сказываютъ что Демокритъ очей себя лишилъ: то подлинно, что, дабы умъ отъ помышленій и прилежности не отлучался, презрилъ свое имѣніе и оставилъ земли свои непаханы.—*Пока умъ свободенъ тѣла, духъ его.* Горацій здѣсь слѣдуетъ мнѣнію платониковъ, которые, разсуждая о дѣйствахъ души, подтверждали, что будто во время размышленія она впрямь отъ тѣла отдаляется, чтобъ возвыситься надъ вещьми земными и подвинуться къ вещамъ, кои изслѣдовать намѣрена.—*Духъ его.* Animus разнствуетъ межъ собою: animus и anima. Animus есть изящнѣйшая часть души; онымъ мы мыслимъ и разсуждаемъ, и можно сказать, что онъ есть душѣ то, что душа тѣлу. Я бы хотѣлъ на русскомъ языкѣ всегда изображать animus рѣчью духъ, а anima рѣчью душа.

Ст. 18. *Когда ты ужъ въ временахъ, въ коихъ царитъ жадность* и проч. Какъ намъ дивиться Демокриту, когда мы въ нынѣшнихъ временахъ, въ коихъ царствуетъ сребролюбіе и жадность корысти; презирая земныя подлыя вещи, въ высоту умъ свой взводимъ, и изслѣдованію теченія небесъ и причинъ явленій естественныхъ и проч.—*Во временахъ, въ коихъ царитъ жадность и лакомства прилипчива язва.* Въ латинскомъ стоитъ: *когда ты посреди столькой корысти и прилипчивости корысти.*

Подлость бѣжа, въ высоту летъ свой устремляешь.
Ищешь ты изслѣдовать, что море въ предѣлахъ
Своихъ держитъ заперто, что различны года
Производитъ времена, собою ли звѣзды,
Или съ повелѣнія, и текутъ и блудятъ;
Что помрачаетъ луны кругъ, что свѣтомъ полнитъ;
Что значитъ и что можетъ въ естествѣ вещей всѣхъ

Ст. 20. *Подлость бѣжа.* Презирая подлыя земныя вещи, отдаляся ихъ, отвергая объ оныхъ суетное попеченіе. Въ латинскомъ стоитъ: *ни о чемъ подломъ не помышляешь, и еще о высокихъ печешься.* Nihil parvum sapias, et ad hoc sublimia cures. Sublimia—высокія, небныя явленія, которыя ниже сего исчисляетъ.

Ст. 21. *Что море въ предѣлахъ … ихъ держитъ заперто.* Тщетные были труды естествословцовъ въ … іи сего вопроса. Ихъ толкованія всегда будутъ не удовольствител… всегда будетъ неизбѣжно признавать, что Богъ, собравъ воды и о…радивъ ихъ землями, предѣлъ имъ положилъ, его же не прейдутъ.

Ст. 22 и 23. *Что различны года производитъ времена.* Отъ чего бываютъ четыре различныя года времени? Солнце то производитъ своимъ приближеніемъ и отдаленіемъ отъ экватора; зимою находится оно въ крайнемъ отдаленіи; лѣтомъ въ крайнемъ къ намъ приближеніи. Астрономія тому насъ пространно учитъ.

Ст. 23 и 24. *Собою ли звѣзды или съ повелѣнія и текутъ и блудятъ.* Собою ли, съ собственнаго произволенія неподвижныя звѣзды и планеты текутъ, или какой первосильный двигатель даетъ имъ свое движеніе. Собою ли или силою божественною бываетъ движеніе небесныхъ тѣлесъ.—*Текутъ* относится къ звѣздамъ неподвижнымъ, которыя за движеніемъ земли кажутся намъ совершать около насъ теченіе порядочное. *Блудятъ* относится къ планетамъ, которыя за собственнымъ своимъ и земнымъ движеніемъ кажутся имѣть теченіе весьма безпорядочное.

Ст. 25. *Что помрачаетъ луны кругъ, что свѣтомъ полнитъ?* Отъ чего бываетъ, что луна иногда полнымъ своимъ кругомъ свѣтитъ, и иногда часть оной, иногда же и весь ея кругъ помрачается? Сіе разумѣть можно о обычайныхъ луны явленіяхъ, которая въ первыхъ дняхъ мѣсяца, когда сирѣчь въ соединеніи съ солнцемъ находится, намъ не свѣтитъ для того, что одна вышняя ея сторона лучами солнца освѣщена, а нижняя сторона, которая тогда къ намъ смотритъ, не принимая тѣ лучи, свѣтить неможетъ. Сколько она болѣе отъ солнца отдаляется, столь большую часть свѣтлой своей стороны намъ показываетъ, такъ что когда становится прямо противъ солнца, имѣя землю въ серединѣ, свѣтитъ намъ полнымъ кругомъ. Можно такъ же разумѣть то о затмѣніяхъ лунныхъ, когда тѣнь земли отъимаетъ ей свѣтъ солнечный, и тѣ затмѣніи иногда больше, иногда меньше по разстоянію луны отъ земли и по углубленію ея въ тѣнь земли.

Ст. 26. *Что значитъ и что можетъ въ естествѣ вещей всѣхъ разгласно согласіе?* Что таково, какую силу имѣетъ въ твари разгласное согласіе всѣхъ вещей? Удачливое изображеніе. Разгласное согласіе вещей

Разгласно согласіе: Эмпедокла-ль разумъ
Острый, иль Стертиніевъ въ толку своемъ бредитъ?
Но рыбы ли, или лукъ, иль казнишь ты прасы,
Дозволь ты Помпеію Гросфу свою дружбу
И все что и сверхъ того просить у тя станетъ.
Ложно и неправильно ничего не будетъ
Онъ проситъ. Малымъ друзей купить себѣ можемъ,
Когда люди честные въ какомъ недостаткѣ.
Впрочемъ, чтобъ ты о дѣлахъ римскихъ безъизвѣстенъ
Не былъ, вѣдай, что побитъ Агриппой ишпанецъ,
Что армяне мужествомъ Клавдія Нерона
Пали; что царство и власть Фраатъ на колѣнахъ
Принялъ отъ цесарскихъ рукъ. Италіи полнымъ
Рогомъ изобиліе свои дары сыплетъ.

вмѣсто четырехъ элементовъ, *воздуха*, *воды*, *огня*, *земли*, которые противные межъ собою свойства питаютъ и содержутъ тварь всю.

Ст. 27 и 28. *Эмпедокла ль разумъ острый иль Стертиніевъ въ толку своемъ бредитъ?* Эмпедоклесъ, знаменитый философъ сицилійской, котоорой жилъ за 450 лѣтъ прежде Христа, желая согласить затрудненія, кои происходятъ отъ того мнѣнія, что элементовъ противныя свойства тварь всю содержутъ, выдумалъ не знаю какую дружбу и ненависть, которая, спомоществуя тѣмъ свойствамъ, производила сочетаніе или разрѣшеніе тѣлесъ. А Стертиній, какъ и всѣ стоической секты философы, въ толкованіи затрудненія убѣгая, благоразсудно Божію предустроенію приписывали такъ твореніе, какъ и сохраненіе міра. Горацій потому говоритъ, что Иції изслѣдуетъ, которое изъ двухъ мнѣній вѣроятнѣе.

Ст. 29. *Но рыбу ли или лукъ, иль казнишь ты прасы. Но каково ты ни живешь, роскошно ли, или воздержно, прими въ свою дружбу Помпеія Гросфа* и проч. Рыба относится къ первой части вопроса, сирѣчь *буде правильно наслаждаешься*, ибо у древнихъ *рыбное* почиталося лакомымъ ѣствомъ. Лукъ и прасы относятся къ второму, сирѣчь *буде воздерженъ живешь крапивой и зеліемъ. Прасы*, родъ суть лука, гораздо простаго но больше, и меньше остраго вкуса. Я русскаго имени того зелія не знаю. *Казнишь*. Trucidore казнить о человѣческомъ только убійствѣ говорится. Горацій для смѣху оное употребляетъ о рыбахъ и лукѣ. Можетъ статься что питагорскому преселенію духъ смѣется.

Ст. 30. *Помпеію Гросфу*. Помпей Гросфъ, всадникъ римской, родомъ сициліанецъ, былъ Гораціевъ пріятель.

Ст. 33 и 34. *Малымъ друзей купить себѣ можемъ* и проч. Когда честные люди въ недостаткѣ находятся, малымъ себѣ можемъ друзей купить, являя тѣмъ честнымъ людямъ услуги и помочь имъ подая. Латинское рѣченіе весьма удачливое: Vilis amicorum est annona; *плодородный тотъ годъ въ друзьяхъ, въ коемъ честные люди въ недостаткѣ*.

Ст. 36. *Побитъ Агриппой ишпанецъ*. Агриппа побилъ и совершенно подъ власть римскую покорилъ испанцевъ въ 754 лѣто по созданіи Рима. Годомъ прежде посланный отъ Августа въ Асію, *Клавдій Тиберій Неронъ* утвердилъ Тиграна на престолѣ армянскомъ и Фраата на парѳескомъ.

ПИСЬМО XIII.

КЪ ВИННІЮ АСЕЛЛѢ.

Какъ предъ отъѣздомъ тебя я часто и долго
Училъ, Винніе, вручи свертокъ запечатанъ
Августу, буде здоровъ и веселъ, и спроситъ;
Чтобъ ты мнѣ не повредилъ лишнимъ доброхотствомъ
И лишною ревностью, слуга, черезъ мѣру
Прилежный, письма мои противны не сдѣлалъ.
Если же бумагъ моихъ бремя тебѣ тяжко
Скучитъ нести, лучше кинь на самой дорогѣ,
Чѣмъ грубо сбросить съ плеча тамъ, куды снесть долженъ,

XIII. Горацій, посылая къ Августу Кесарю первое письмо второй книги, которое симъ стихомъ начинается: «когда столь важны дѣла и столько многи правишь» и пр. чрезъ поселянина сабинскаго, и вѣдая, что люди, кои никогда царскій домъ не видали, присутствіемъ государевымъ отороплены, обыкли все грубо и не во время дѣлать, долго и часто его наставляя, какимъ образомъ и когда то письмо отдать Кесарю имѣетъ. Но еще неблагонадеженъ, что посланникъ его перенялъ его наставленія изустныя, даетъ ему письменныя, которыя бы читая въ дорогѣ могъ утвердить въ умѣ своемъ, то что дѣлать долженъ. Все сіе письмо состоитъ въ шуткахъ, коими однакожъ Горацій изрядно прислуживается Кесарю, которому вѣдалъ, что письмо сіе съ прочими будетъ показано, и подъ видомъ Виннія поселянина изрядно описываетъ людей, которые въ людяхъ не живши вдругъ къ дворцу приходятъ, не зная ни обычай, ни нрава того жилища.

Ст. 2. *Винніе.* Древній толкователь Гораціевъ называетъ его Виннія Каіемъ Винніемъ Фратомъ. Дассіеръ чаетъ сего быть одного изъ пяти семей Гораціевой деревни, о которомъ въ слѣдующемъ письмѣ упоминаетъ.

Ст. 2. *Свертокъ.* Пакетъ, volumen — столбецъ, каковы въ старину у насъ употреблялися, пока не установлено писать на листахъ, кои бъ можно въ книгу переплетать.

Ст. 3. *Буде здоровъ и веселъ и спроситъ.* Увѣщаваетъ вручить свертокъ Августу, буде онъ здоровъ, буде веселъ и буде спроситъ, въ такихъ околичностяхъ стихи могутъ быть пріятны государю или человѣку, важными дѣлами упражненному.

Ст. 4. *Чтобъ ты мнѣ.... доброхотствомъ* Всего пуще ненавистнымъ чинитъ писца и сочиненій его неблаговременное ихъ представленіе.

Ст. 9. *Чѣмъ грубо сбросить съ плеча* и проч. Quam quo perferre juberis clitellas ferus impingas. Clitella — грузъ ослиный, поклажа, кото-

И ослицы отческо имя предать смѣху
И привесть себя у всѣхъ въ жалостну посмѣшку.
Сберися ты съ силою, чрезъ лужи, чрезъ рѣки
И чрезъ горы идучи. Когда-жъ трудность всяку
Одолѣешь и дойдешь въ показанно мѣсто,
Такъ врученну неси вещь, чтобъ ты подъ рукою
Письма мои не держалъ, какъ мужикъ ягненка,
Какъ пьяная Пиррія краденую волну,
Какъ шапку и башмаки гость, званый въ ватагу.
Къ тому-жъ не разсказывай что вспотѣлъ ты сильно,
Несучи стихи мои, которы имѣютъ
Забавить цесарскіе и глаза и уши.
Довольно наставленъ ужъ; прилежно старайся
Исправить велѣнное. Прощай, иди съ Богомъ;
Не споткнуться берегись, не разбей приказы.

рую оселъ несетъ. Касается имени Винніева, который анилл, т. е. *ослычка*, назывался. Я пропустилъ ту рѣчь въ своемъ переводѣ Ferus, какъ оселъ дикій.

Ст. 12. *Сберися ты съ силою чрезъ лужи.* Продолжаетъ шутить о тягости своего письма, какъ бы о бремени, подъ которымъ его посланный могъ надсѣсться.

Ст. 15. *Такъ врученну неси вещь.* Такъ неси письмо, которое я тебѣ вручилъ, какъ я тебя поставилъ, сирѣчь держи въ рукахъ пока Августъ спроситъ, а не подъ мышкой, какъ мужикъ ягненка, и проч.

Ст. 27. *Какъ пьяная Пиррія краденую волну.* Пиррія—имя служанки, которая въ одной изъ Тициніевыхъ комедій крала клубки волны.

Ст. 18. *Какъ шапку и башмаки гость званный въ ватагу.* Когда хаживали другъ къ другу ужинать, бирали съ собою подъ пазухой шляпу и туфли или ночные башмаки; туфли, чтобъ оныя для большаго покоя вздѣть на пиру, а шляпу, чтобъ покрыться, возвращаяся домой, ибо случается иногда ужинать весьма далеко, и возвращаяся гораздо поздно нужно было, то шляпа; чтобъ защититься отъ дождя и стужи.

Ст. 24. *Не споткнуться берегись, не разбей приказы.* Всегда напомиминая имя ослицы, которое Винній имѣлъ, совѣтуетъ, чтобъ бережно шелъ, чтобъ не споткнулся какъ оселъ и не разбилъ бы то, что ему поручено. *Не разбей приказы* — вмѣсто не преступи.

ПИСЬМО XIV.

КЪ ПРИКАЩИКУ СВОЕМУ.

Прикащикъ лѣсовъ моихъ и моей деревни,
Которая всю мою сладость составляетъ
И коей гнушаешься ты, хотя содержитъ
Она пять избъ и шлетъ пять въ Варію къ совѣту
Добрыхъ старшинъ, разсмотримъ, я-ль съ моего сердца
Выдираю терніе лучше, иль ты съ поля;
И кто въ состояніи находится лучшемъ—
Горацій или село. Хоть меня здѣсь держитъ

XIV. Горацій имѣлъ въ своемъ загородномъ дворѣ прикащикомъ стараго слугу, который, пока находился въ числѣ прочихъ холоповъ, всего лучше ждалъ себѣ то мѣсто, а получа оное, скучалъ своимъ состояніемъ и вздыхалъ въ томъ одномъ, чтобъ жить въ городѣ хотя слугою прочихъ холоповъ своего господина. Горацій, котораго должность къ опечаленному братнею смертію пріятелю своему удерживала въ Римѣ и которой нетерпѣливо желалъ себя видѣть въ деревнѣ, какъ его прикащикъ быть въ городѣ, пишетъ къ нему письмо сіе, чтобъ исправить въ немъ ту премѣнчивость и непостоянство, котораго причины показываетъ. Все письмо, прямо сказать, содержитъ похвалу деревенскаго житія.

Ст. 1. *Прикащикъ лѣсовъ моихъ.* Vilicus не всегда значитъ одного только прикащика; Катуллъ говоритъ: Vilicus cerari, казначей, надзиратель казны. Villicus cerari quondam nunc cultor agelli. И Ювеналъ говоритъ: Villicus Urbis, управитель города, губернаторъ. Pegasus attonite modo villicus urbi. Въ старинныхъ надписяхъ читается: Villicus ab alimentis, надсмотрщикъ запасовъ, Villicus aplumbo, надзиратель свинца, и проч.

Ст. 2. *Которая всю мою сладость составляетъ.* Въ латинскомъ стоитъ: et mihi me reddentis agelli, *и моей землишки, которая меня мнѣ возвращаетъ*; какъ бы онъ тогда только своимъ себя чаетъ, когда въ той деревнѣ находился. Рѣченіе въ нашемъ языкѣ не вразумительное.

Ст. 4 и 5. *И шлетъ пять въ Варію къ совѣту добрыхъ старшинъ.* У римлянъ установлены были во всякомъ уѣздѣ судьи и кои чинили расправу въ случившихся помѣстныхъ раздорахъ. И когда встрѣчались важныя дѣла, всего уѣзда касающіяся, судьи тѣ сзывали всѣхъ старшинъ изъ уѣзда, которые бывали въ томъ случаѣ совѣтниками и давали свой голосъ. Горацій здѣсь показываетъ, что его деревня посылала въ Варію пять такихъ старшинъ, ибо его домъ лежалъ въ уѣздѣ Варіи, малаго города на рѣкѣ Теверонѣ межъ его домомъ и Тибуромъ.—*Старшинъ.* Patres. Горацій тѣхъ головъ семейныхъ называетъ отцами, понеже такъ римскіе сенаторы назывались.

Ст. 5, 6, 7 и 8. *Разсмотримъ, я ль съ моего сердца* и проч. Разсмотримъ, я ли лучше прилежу выдирать изъ моего сердца злые нравы, иль

Ламіи любозь и скорбь, который смерть плачетъ
Неутѣшно братнюю, однакожъ мой разумъ
И сердце тянетъ въ село и отдалить ищетъ
Препоны, кои моей препятствуютъ волѣ.
Я тѣхъ, что въ селѣ живутъ, а ты тѣхъ, что въ градѣ,
Счастливыми лишь зовемъ. Когда состоянье
Другихъ намъ завидно—знакъ, что свое не мило.
Но оба глупо винимъ мѣсто мы не право:
Умъ нашъ виненъ, кой себя вѣкъ не избѣгаетъ.
Когда ты послѣдней былъ холопъ, часто тайны
Молитвы ты приносилъ, чтобъ въ село былъ посланъ;
Теперь прикащикъ села — зрѣлищи, и бани,

ты терніе и прочее зеліе съ моего поля, и я ли въ лучшемъ, въ исправнѣйшемъ состояніи нахожусь, иль моя земля твоими трудами?

Ст. 9. *Ламіи любовь и скорбь.* Емиліусъ Ламія, знатный вельможа римской, по словамъ Тацитовымъ консулъ въ лѣто 755 по созданіи Рима. (Лѣтопись Тац. кн. 6). Братъ его, о котораго смерти Горацій упоминаетъ, вступилъ было уже въ достоинства, понеже находятся его медали, изъ которыхъ видно, что онъ былъ надзиратель денежнаго дѣла. Q. Ælius Lamia III. vir. Æ. A. A. F. F., то есть Ære, Argento, Auro, Flando, Feriundo.

Ст. 10 и 11. *Мой разумъ и сердце тянетъ*, mensanimus. Когда древніе пишутъ mensanimus, или mensanimi, хотятъ тѣмъ изобразить всѣ дѣйства душевныя. Mens значитъ разумѣніе вышнее, и animus употребляемое вмѣсто anima, значитъ чувствованіе, источникъ страстей.

Ст. 11 и 12. *И отдалить ищетъ препонъ.* Rumpere claustra obstantia spaciis. Перервать запону, которая запрещаетъ въ подвигѣ бѣжать. Взято отъ бѣгу конскаго, гдѣ тѣ, кои бѣжать имѣли, стояли за веревкою или бревномъ, пока оное отнято будучи, всѣ вдругъ въ бѣгъ устремлялися.

Ст. 14 и 15. *Когда состояніе другихъ намъ завидно, знакъ, что свое не мило.* Слѣдствіе неоспорное. Когда мы завидуемъ состоянію чуждому, безъ сумнѣнія намъ собственное состояніе не мило, докучно.

Ст. 16. *Но оба глупо винимъ мѣсто мы не право.* Ты скучаешь въ деревнѣ, я въ городѣ, но оба глупо винимъ мѣсто.

Ст. 17. *Умъ нашъ виненъ, кой себя вѣкъ не избѣгаетъ.* Не мѣсто виновато нашей скуки, но нашъ умъ, котораго не можемъ нигдѣ избѣжать. Сколь не перемѣняй мѣсто, буде тѣ-же страсти, тѣ-же склонности и прихоти хранимъ, равно скучитъ намъ деревня, какъ и городъ.

Ст. 18, 19 и 20. *Когда ты послѣдней былъ холопъ, часто тайны ...... и городъ съ ума нейдутъ.* Такъ истинно то, что мѣсто намъ удовольство и благополучіе наше доставить не можетъ, что когда ты жилъ послѣднимъ въ холопьяхъ, часто въ себѣ молитвы къ богамъ приносилъ, часто съ горячностію желалъ, чтобы ты былъ посланъ въ деревню, а теперь, получивъ желаемое и будучи надзиратель той деревни, житьемъ деревенскимъ скучаешь и съ ума тебѣ нейдутъ городъ, зрѣлищи и бани.— *Когда ты былъ послѣдней холопъ.* Латинская рѣчь: Mediastinus значитъ

И городъ съ ума нейдутъ. Меня однонравна
Всегда знаешь, и когда дѣла ненавистны
Меня тащатъ въ Римъ, иду гораздо печаленъ.
Не однѣмъ оба съ тобой вещамъ мы дивимся:
Для того мы разнимся въ желаніяхъ нашихъ,
Ибо мѣста, кои ты пустынею чаешь
Дикою, и къ человѣкъ жилищу суровы,
Прохладными чаетъ тотъ, кто въ одномъ со мною
Мнѣніи, и кои ты красными вмѣняешь,
Ненавидитъ. Б..дь тебѣ, вижу, и вонючей
Кабакъ градское житье желать возбуждаетъ,
И скучаешь, что въ углу, въ которомъ живешь ты,
Перецъ и ладанъ растетъ вмѣсто винограда
И что нѣтъ вблизи корчмы, гдѣ бы достать можно
Вина, ни подложницы, коея-бъ подъ звукомъ
Свирѣли могъ бы скакать ты тяжекъ медвѣдемъ;

послѣдняго межъ слугами, того сирѣчь, который долженъ былъ неотступенъ быть, чтобъ исправлять приказы прочихъ слугъ и исполнять самыя подлѣйшія нужды, какъ напримѣръ дрова рубить, воду носить, топить бани и проч.

Ст. 21, 22 и 23. *Меня однонравна всегда знаешь, и когда дѣла ненавистны* и проч. Ты ни въ городѣ, ни въ деревнѣ ужиться не можешь, мнѣ городъ несносенъ, и когда нужды и дѣла мои въ Римъ меня позываютъ, иду туды гораздо недобровольно. Не знаю, какъ могъ Горацій хвалить свое однонравіе, когда видимъ изъ самихъ его сатиръ его перемѣнчивость. Можетъ статься, что въ своей старости то однонравіе себѣ досталъ; отъ чего слѣдовало бы, что письмо сіе въ старости уже Гораціевой писано.

Ст. 24 и 25. *Не однѣмъ оба съ тобой мы вещамъ дивимся, для того разнимся въ желаніяхъ нашихъ* и проч. Для того мы съ тобою въ желаніяхъ нашихъ разнимся, что не однѣмъ вещамъ мы съ тобою дивимся. Ты одну вещь почитаешь, я другую. Горацій, показавъ прикащика своего непостоянство въ желаніяхъ и различное съ хозяиномъ своимъ мнѣніе, принимается изъяснить, отъ чего въ нихъ происходитъ то мнѣній и желаній различіе.

Ст. 26 по 30. *Ибо мѣста, кои ты пустынею чаешь дикою. .... ненавидитъ*. Не однѣмъ вещамъ мы съ тобою дивимся, ибо тѣ мѣста, которыя ты почитаешь дикою и къ жилищу человѣкамъ суровою пустынею, я и тѣ, кои одного со мною мнѣнія, почитаемъ прохладнымъ мѣстомъ; и тѣ мѣста, кои ты пріятными почитаемъ, я и тотъ, кто одного со мною мнѣнія, ненавидимъ.—*Пустынею чаешь*. Inhospita tesqua. Tesqua или Tesca суть въ сродномъ знаменаніи высокія лѣсомъ покрытыя и неудобоприступныя мѣста.

Ст. 30. *И вонючей кабакъ*. Uncta popina. Popina, домъ, гдѣ продаютъ обѣдъ готовой, корчма, трактирной домъ. Uncta, сальная, черная, нечистая, можетъ также значитъ жирная, обильная.

Ст. 36. *Скакать тяжекъ медвѣдемъ. Тяжело, неискусно скакать. Мед-*

Однакожъ долженъ потѣть, работая землю,
Котора давно уже заступъ не видала;
Долженъ попеченіе быковъ по работѣ
Имѣть и листы на кормъ подкласть имъ довольный.
Праздному дѣлу придастъ, если падетъ дождикъ,
Ручей; отводить его высокими гатьми
Нужно, чтобъ привыкъ щадить пологое поле.
Слушай теперь, для чего и въ чемъ съ тобой разнюсь.
Мнѣ, коему прежъ сего щегольское платье
И кудри помазаны духами пристали;
Мнѣ, что знаешь сколь любимъ жадной былъ Цинарѣ

вѣдемъ пляшетъ говоримъ о такихъ неискусныхъ танцовщикахъ. Латинское Solias terre gravis, *скакать тяжелъ землѣ*, изрядно изображаетъ грубые и неопрятные танцы крестьянскіе.

Ст. 37. *Однакожъ долженъ*. Не только лишаешься забавъ помянутыхъ, корчмы, б..ди, танцевъ и прочихъ, но еще долженъ потѣть въ работѣ и проч.

Ст. 38. *Котора давно заступъ земли не видала*. Такой земли работа труднѣе, понеже недѣланная земля твердѣе.

Ст. 39. *Попеченіе быковъ по работѣ имѣть*. Boves disjunctum curas. Disjunctum, быка, котораго въ вечеру по работѣ отвязалъ отъ ига.

Ст. 40. *Листы на кормъ подкласть*. Римляне карміивали быковъ листами вязовыми, осиновыми, дубовыми и смоквянными, сколь долго пора годовая листы тѣ давала.

Ст. 41. *Праздному*. Дѣла неимѣющему придастъ дѣло ручей отъ дождя.

Ст. 43. *Чтобъ привыкъ щадить пологое поле*. Нужно отводить ручей, чтобъ не потопилъ пологое поле. Красивое рѣченіе щадить поле, вмѣсто— не вредить полю.

Ст. 44. *Слушай теперь, для чего*. Горацій, описавъ своего слугу, уже принимается описать себя, и примѣчать, въ чемъ прежъ сего межъ собою были сходны и въ чемъ теперь много различествуютъ. —Concentus, согласіе, подобіе.

Ст. 45. *Мнѣ, коему прежъ сего* и проч. Мнѣ прежъ сего пріятно было щегольское платье и кудри помазанные духами, и подложница Цинара, и съ утра самаго попивать фалернское вино: въ томъ я былъ тебѣ похожъ; но теперь ужъ пріятенъ мнѣ короткой ужинъ и покойной сонъ; а ты неотмѣнно къ вину и къ похоти склоненъ; въ томъ мы съ тобой разнимся.

Ст. 46. *Кудри помазаны духами*. Обычай былъ у древнихъ для прикрасы мазать свои кудри благовонными мазями.

Ст. 47. *Мнѣ, что знаешь*. Мнѣ, о которомъ ты самъ знаешь сколь любимъ былъ. Отъ сего самъ знаешь, разумѣется, что слуга сей былъ не столько давно въ службѣ Гораціевой, но что и всѣ его полюбовныя дѣла ему были ввѣрены.

Ст. тотъ же. *Любимъ былъ жадной Цинарѣ безъ платы*. Любимъ былъ безъ платы Цинарѣ жадной, скупой, которая сирѣчь прочимъ себя безъ

Безъ платы, и что съ ўтра самаго фалгернско
Вино попивать любилъ, который ужъ ужинъ
Пріятенъ и близъ ручья сонъ на травѣ тихой —
Ниже стыжусь, что я жилъ прохладно, но стыдъ бы
Имѣлъ, еслибъ не пресѣкъ прохладну жизнь въ пору.
Въ деревнѣ счастье мое никто злобнымъ глазомъ
Не взираетъ, ни тому языкъ ядовитый
И ненависть скрытая тревогу приноситъ.
Смѣются сосѣди мнѣ, когда меня видятъ
Камни и бразды сохой ворочать охотно.
Ты лучше съ рабами грысть дневной оброкъ хочешь
И причтенъ быть къ ихъ числу. Главнѣйшій межъ ними
Завидитъ тебѣ, скотовъ, сада и лѣсовъ власть.

великой платы не дозволяла. Цинара полюбовница Гораціева, о которой помянуто въ ст. 37 письма 7.

Ст. 51 и 52. *Ниже стыжусь, что я жилъ прохладно, но стыдъ бы имѣлъ* и проч. Оба мы, говоритъ Горацій, равно были непорядочнаго житья; но я много бы стыдился, еслибъ то свое безпорядочное житье не пресѣкъ; а ты по прежнему по кабакѣ, по б..ди и прочихъ безпутныхъ забавахъ вздыхаешь, и въ томъ мнѣ не подобишься.

Ст. 53. *Никто злобнымъ глазомъ не взираетъ.* Obliquo oculo mea commoda limat. *Косымъ глазомъ мое благосостояніе изнуряетъ.* Limat, territ, deterrit, уменьшаетъ, изнуряетъ, стираетъ. Древніе суевѣрствомъ чаяли, что завидливой глазъ ущерблялъ вещь, на которую смотрѣлъ, и повреждалъ ее употребленіе.

Ст. 54 и 55. *Ни тому языкъ ядовитый и ненависть скрытая тревогу приноситъ.* Ни безпокоитъ мое благосостояніе языкъ ядовитый, сирѣчь клеветы злобныхъ людей, и ненависть скрытая. Въ латинскомъ стоитъ: Non odis obscuro .... venenat; слово отъ слова: *ни портитъ скрытою ненавистью и угрызеніемъ злобнымъ.* Odius obscurus. Ненависть скрытая, потаенная, которая всѣхъ опаснѣйша. Отъ явнаго недуга предостеречься можно; покрытая недружба пагубна.

Ст. 56. *Смѣются.* Веселятся, съ веселіемъ улыбаяся смотрятъ, когда я пишу.

Ст. 59. *Главнѣйшій межъ ними завидитъ тебѣ* и проч. Когда ты горячо желаешь жить въ городѣ въ числѣ прочихъ слугъ, не только всякой изъ нихъ, но и самый главнѣйшій завидитъ тебѣ власть надъ скотами, садомъ и лѣсами, которые тебѣ препоручены. Calo argutus. *Не имя то подлого холопа.* Calo тожъ, что Calator, Nomenclator, рабъ, которой неотступенъ бывалъ отъ хозяина, чтобъ ему сказывать имена къ нему приходящихъ и который хаживалъ съ хозяйскими приказами; потому онъ былъ первѣйшій изъ слугъ. Argutus, хитрый, лукавый.

Ст. 60. *Лѣнивый быкъ сѣдло, конь соху желаетъ.* Быкъ уподобленъ прикащику. Конь городскому слугѣ. Ephippia, слово греческое, значитъ сѣдло и покровъ сѣдельной или чепракъ.

Такъ лѣнивой быкъ сѣдло, конь соху желаетъ.
Я сужу, что всякъ изъ нихъ то ремесло долженъ
Добровольно исправлять, кое лучше знаетъ.

ПИСЬМО XV.

КНЕІЮ НУМОНІЮ ВАЛЛѢ.

1 Байски бани Муза мнѣ призналъ не полезны,
Жители жъ мѣста того меня ненавидятъ,
Что въ холодной средь зимы водѣ я купаюсь.

Ст. 63. *Добровольно исправлять*. Libens exerceat должно разумѣть Libens censebo.

XV. Горацій, употребивъ для глазъ своихъ теплыя бани безъ всякой пользы, и Антоній Муза Августовъ врачъ, предписавъ ему бани студеныя, сталъ чрезъ нѣсколько времени употреблять клузскія и габійскія, но чувствуя въ тѣхъ краяхъ чрезмѣрну стужу, поставилъ по мѣрѣ принимать морскія бани въ теплѣйшемъ мѣстѣ; а прежде нежели изберетъ то мѣсто, пишетъ къ пріятелю *Нумонію Валлѣ*, который самъ искусилъ бани велійскія и салернскія въ Луканіи, требуя отъ него извѣстія о состояніи тамошнихъ краевъ, и проситъ, чтобъ ему далъ знать гдѣ, зимы тише и гдѣ съѣстныхъ припасовъ больше обильства.

Ст. 1. *Байски бани* и проч. Горацій начинаетъ письмо свое стихомъ 15 и 16. *Валла, другъ, какова, скажи мнѣ, въ Веліи зима* и проч. послѣ которыхъ слѣдуетъ въ скобкахъ около 14 стиховъ, кои совсѣмъ его вопросъ къ другу перерываютъ. Дасіеръ правильно судитъ, что такое долгое отдаленіе отъ начатаго вопроса въ письмѣ къ другу неприлично. Для того я въ началѣ письма вставилъ то, что въ первоначальномъ лежитъ въ скобкахъ, а первые два стиха къ прочимъ въ свое мѣсто присоединилъ. —*Байски бани.* Баіи село или мѣстечко межъ Неаполью и Кумою близъ озера Лукрина. Мѣсто то весьма знаменито было своими теплицами или теплыми банями. *Муза.* Антоній Муза, врачъ Августовъ, знаменитъ исцѣленіемъ сего императора отъ тяжкой болѣзни, за что не только великодушно отъ него награжденъ и всадникомъ учиненъ, но и кумиръ отъ народа въ знакъ благодарства поставленъ.—*Призналъ неполезны.* Ибо Горацій не домогалъ сухою офтальміею, и потому теплы бани наипаче имѣли его раздражить и распламенить, разгрѣвая его кровь.

Ст. 2 и 3. *Жители жъ мѣста того* и проч. Хотя теплыя бани мнѣ признаны неполезны, однакожъ жители байскіе на меня гнѣваются, что я оставилъ ихъ бани и избралъ купаться въ студеной водѣ. Обыкновенно такіе люди не разсуждаютъ, развѣ о собственной прибыли, мало суется желаніе ихъ сходно ли съ прочихъ пользою.

Безъ шутокъ, все село снесть не можетъ, чтобъ мирты
Презрѣны осталися и сѣрныя воды
(Коихъ, сказуютъ, изъжилъ слабость выгнать сильныхъ),
И косо смотритъ на тѣхъ больныхъ, кои смѣютъ
Окачаться съ головы клунскою водою,
И кои въ Габій затѣмъ и въ другія ѣздятъ
Деревни студеныя. Для того ужъ мѣсто
Должно мнѣ перемѣнить и корчмы знакомы
Миновать нудить коня. Съ гнѣвомъ узду въ лѣво
Потянувъ, скажу ему: куды? я не ѣду
Ни въ Куму, ни въ Баіи; обузданна уши

Ст. 4. *Безъ шутокъ*. Sane, если меня ненавидятъ, то по меньшей мѣрѣ все село байское снесть не можетъ, чтобъ презрѣны осталися ихъ мирты, которыми бани ихъ облажены, и ихъ сѣрныя воды, которыя сильны выгонять слабость жилъ; и все то село косо смотритъ на тѣхъ, кои смѣютъ окачиваться студеною клунскою водою.

Ст. 6. *Жилъ слабость*. Morbum cessantem, понеже cessare facit nervos, препятствуетъ употребленію жилъ сухихъ. Болѣзнь, которою стверднѣваютъ сочленіи, такъ что отымается употребленіе озлобленныхъ оною удесъ; такова есть подагра и хирагра.

Ст. 7. *На тѣхъ больныхъ, кои смѣютъ*. Смѣютъ для того приложено, что въ самомъ дѣлѣ смѣлъ быть долженъ, кто зимою окачивается студеною водою.

Ст. 8. *Окачаться съ головы*. Въ латинскомъ стоитъ: *тѣ, кои смѣютъ подъ Клунской источникъ подкладывать голову и животъ;* чѣмъ описывается, какимъ образомъ употреблялися студеныя бани въ Клузіумъ и Габіяхъ, сирѣчь саживался больной подъ ключомъ и принималъ на себя падующую воду; то самое французы называютъ prendre la douche. Такимъ образомъ принимаются теплыя воды барежскія на рубежахъ французскихъ и Испаніи, которыми изъ ранъ всякія нечистоты выбиваются и повседневно многіе чудесно исцѣлеваютъ.

Ст. тотъ же. *Клунскою водою*. Клузіумъ—старый тосканской городъ, нынѣ Кюзи называется.

Ст. 9. *И ѣздятъ въ Габіи*. Габіи деревня межъ Римомъ и Пренестомъ.

Ст. 10. *Мѣсто должно мнѣ перемѣнить*. Мѣсто перемѣнить хочетъ, понеже Габіи и Клузіумъ ему несходны, для того что зимою чрезъ мѣру тамъ стужу чувствуетъ. Не должно-бо ту отмѣну разумѣть о Габіяхъ.

Ст. 11. *И корчмы знакомы миновать нудить коня*. И должно понуждать коня, чтобъ миновалъ знакомыя корчмы. Ибо ѣдучи изъ Рима въ Салерну, или въ Виліи, Горацій долженъ былъ проѣзжать близъ Баіевъ, гдѣ онъ часто предъ тѣмъ живалъ, и для того поставляетъ, что конь его свертываетъ на право, ища корчмы, куды онъ прежъ сего идти обыкъ.

Ст. 14. Тогъ же. *Обузданна уши коня въ устахъ*. Для того въ лѣво узду потяну, что конь слова не разумѣетъ, и ухо его въ устахъ слушаетъ всадника, когда уздою ему говоритъ.

Коня въ устахъ. Валла, другъ, какова, скажи мнѣ,
Веліи зима, каковъ воздухъ есть Салерна?
Каковыхъ людей страны и каковъ путь къ онымъ?
Которой въ житѣ изъ двухъ обиленъ народовъ?
Дождь ли скопленный тѣ пьютъ, иль сладкую воду
Живаго источника ибо не пекуся,
О винѣ того края? Въ своей я деревнѣ
Всякое пью, всю сношу; но какъ сойду къ морю,
Сильнаго и сладкаго требую, которо
Изгоняетъ печаль злу и которо, въ жилахъ
И въ сердцѣ вгнѣздившися, многую собою
Надежду сильно взбудить: которо слова мнѣ
Плодитъ пріятны въ устахъ и которо можетъ
То сдѣлать, чтобъ молодъ я луканской казался
Полюбовницѣ своей. Въ которой съ двухъ больше
Странѣ зайцевъ и вепровъ, въ которомъ съ двухъ мори
Болѣе рыбъ кроется и болѣе раковъ,
Чтобъ я жиренъ могъ оттоль и истинной феакъ

Ст. 15. *Валла другъ.* К. Нумоніусъ Валла, или, какъ тогда писывали, Ваала, котораго медали до нашихъ временъ сбереглися. Есть одна, въ которой съ одной стороны изображена его голова, а на оборотѣ онъ самъ нападая на валъ, или ретраншаментъ, съ подписью: Ваала. Vaala, отъ чего судить можно, что имя то дано ему въ знакъ разорваннаго имъ вала, ибо vala произвесть можно отъ vallus. Не столь храбро поступилъ онъ въ Германіи, гдѣ былъ онъ намѣстникомъ (или генералъ-лейтенантомъ) Квинтилія Вара; ибо, покинувъ своего воеводу, переплылъ рѣку Ренъ со всею конницею и былъ отчасти причиною потери трехъ легіоновъ. Веллеіусъ книга 2 глава 119.

Ст. 16. *Веліи зима.* Велія, предъ тѣмъ Гелія, приморской городъ въ Луканіи, между пазухами Престанской и Лаускою.

Ст. тотъ же. *Воздухъ Салерна.* Салернумъ городъ Пицентиновъ въ самомъ краю Престанской пазухи. Еще и теперь стоитъ городъ.

Ст. 19. *Дождь скопленный.* Въ цистернахъ, то есть мѣстахъ нарочно изготовленныхъ для принятія дождевой воды, стекающей съ кровель; обыкновенны такія цистерны въ городахъ, гдѣ рѣки нѣтъ.

Ст. 21. *Въ своей деревнѣ всякое пью.* Горацій всякое вино, какого ему ни дадутъ, пьетъ живучи въ своей деревнѣ; а когда подвинется къ морю, нужно ему сильныя и пріятныя греческія вина пить, и для того онъ не печется, каково вино въ Веліи и Салернѣ; каково бы оно ни было, онъ всегда пить станетъ греческое вино, которое или съ собою привезетъ, или въ приморскихъ темошнихъ городахъ безъ труда достанетъ.

Ст. 29. *Въ которой съ двухъ больше странѣ зайцевъ.* Сирѣчь въ Салернскомъ или въ Велейскомъ уѣздѣ больше зайцевъ.

Ст. 32. *И истинной феакъ возвратится.* Чтобъ я могъ отъ туду возвратиться домой жиренъ и гладокъ, какъ одинъ изъ народовъ феаковъ, подвласныхъ Алцинаю. Смотри примѣчанія подъ ст. 33 письма 2.

Возвратиться въ домъ — ко мнѣ отписать ты долженъ
О всемъ томъ, а я твоимъ словамъ увѣряться.
Меній, когда матерне имѣнье й отцовско
Мужественно промоталъ, сдѣлался забавнымъ
Шутомъ безмѣстнымъ; стола не имѣлъ надежна,
Голоденъ, пріятеля съ недругомъ не зная
Различать, на всякаго вымышлялъ свободно
Всяческія клеветы; пагуба и пропасть
И буря мясныхъ рядовъ, все, что могъ заграбить,
Ненасытну предавалъ и жадному брюху.
Когда ничто онъ достать могъ себѣ иль мало
У боязливыхъ, иль тѣхъ, коимъ его шалость
Люба, требуху ѣдалъ на ужинѣ дома
И овечину, сколь тремъ медвѣдямъ довольно,

Ст. 35. *Меній, когда матерне* и проч. Письмо кончалося предъидущимъ стихомъ, но будучи такимъ образомъ весьма голо, Горацій украшиваетъ оное баснью, которая касается того, что выше говорилъ, а именно, что въ своемъ загородномъ домѣ пьетъ всякое вино и всѣмъ довольствуется; въ чужомъ домѣ и въ другомъ мѣстѣ ищетъ лакомые куски и во всемъ обильство.—*Меніусъ*. Фабіусъ Меніусъ Пантолабусъ славный мотъ, о которомъ упоминается въ сатирѣ I книги 1. Человѣкъ лакомый и обжорству преданный.

Ст. 36. *Мужественно*. Fortiter. Въ насмѣяніе Менію употреблена рѣчь храбрнмъ людямъ принадлежащая.

Ст. 36. *Забавнымъ шутомъ безмѣстнымъ*. Urbanus scura vagus. Въ письмѣ 9, въ примѣчаніи подъ ст. 15, изъяснена рѣчь Urbanus scura vagus, *безмѣстный шутъ*. Двоякіе были у римлянъ, какъ и у насъ, шуты: одни извѣстнаго хозяина держалися, другіе то къ одному, то къ другому господину приставали, и всегда охотнѣе къ тому, чья поварня жирнѣе.

Hos major rapuit canes culina.
«Сихъ собакъ большая влечетъ поварня.»

Ст. 37. *Стола не имѣлъ надежна*. Non qui certum presepe teneret. Presepe *ясли*, такъ Горацій называетъ столъ, при которомъ ѣдятъ тѣ, кои обѣды искать обыкли.

Ст. 38. *Голоденъ*. Разумѣй, когда бывалъ голоденъ, не поѣвши, когда брюхо порожнее имѣлъ, не зналъ различать друга съ недругомъ, или какъ въ латинскомъ стоитъ, гражданина съ непріятелемъ.

Ст. 44. *У боязливыхъ*. У тѣхъ сирѣчь, кои, боясь злобнаго его языка, ничего ему отказывать не смѣли.

Ст. тотъ же. *Иль тѣхъ, коимъ его шалость люба*. Иль у тѣхъ, коимъ его и проч. Nequitie fautoribus, защитителямъ, споспѣшествователямъ его шалости.

Ст. 45. *Требуху ѣдалъ*. Ѣства обыкновенная убогимъ людямъ.

Ст. 46. *И овечину*. Овечина всегда была меньше въ почтеніи, чѣмъ баранина.

Ст. тотъ же. *Сколь тремъ медвѣдямъ довольно*. Столько требухи и овечины, сколько довольно-бъ было накормить трехъ медвѣдей.

Чтобъ, исправленъ, могъ сказать, что должно горячимъ
Желѣзомъ брюхо пятнать любоядцевъ. Онъ же,
Меній, когда лакому получалъ добычу
Жадно оную пожравъ, «я ужъ не дивлюсь тѣмъ,»
Говаривалъ, «кто свое имѣнье проѣли;
Ибо ни что лучшее жирнаго быть можетъ
Дрозда, ни что лучшее большой жирной тьоши.»
Таковъ я точно. Когда вещей не имѣю,
Довольство, умѣренный хвалю и покойный
Обѣдъ, и нужду сношу я довольно храбро;
Когда же, что лучшее и вкуснѣй мнѣ въ руки
Попадется, тотъ же я, говорю отважно,
Что вы лишь умны одни, вы одни счастливо
Живете, кои свои деньги положили
Въ обильныхъ надежнаго доходу помѣстьяхъ.

Ст. 47 и 48. *Чтобъ исправленъ могъ сказать* и проч. Меній, насытився дома ѣствомъ грубымъ, исправленъ признавалъ, что природа не требуетъ обильнаго и вкуснаго ѣства, и потому осуждалъ любоядцевъ, или чревобѣсію преданныхъ, говоря, что должно имъ брюхо горячимъ желѣзомъ пятнать. Обыкновенное наказаніе лакомыхъ холопьевъ.

Ст. 49, 50 и 51. *Онъ же Меній, когда лакому получалъ* и проч. Когда Меній принужденъ былъ дома ѣсть требуху и овечину, хвалилъ воздержность и осуждалъ лакомыхъ пятнанію горячимъ желѣзомъ; когда же могъ доставать лакомый и обильной кусокъ, жадно оной пожирая, выхвалялъ тѣхъ, кои любятъ обильные и лакомые пиры строить, проѣдая свое имѣніе. *Жадно оную пожравъ.* Въ латинскомъ стоитъ: *оную обративъ въ дымъ и пепелъ.* Ибо пепелъ и дымъ остается тѣмъ, кои добро свое въ пирахъ съѣдаютъ.

Ст. 53. *Ни что лучшее большой свиной тьоши.* Древніе надъ всѣмъ ѣствомъ почитали брюхо или тьошу свиную, которую стряпали съ многимъ искусствомъ и прилежностъю.

Ст. 55. *Умѣренный хвалю и покойный обѣдъ.* Я обѣдъ прибавилъ, понеже предъидущіе стихи того казались требовать; въ латинскомъ стоитъ: *хвалю безопасныя и маленькія вещи* или богатства, или ѣства разумѣть можно. Сирѣчь *когда не имѣетъ довольства, хвалитъ умѣренность безопасную.*

Ст. 57. *И вкуснѣе.* Unctius, вкуснѣе или обильнѣе, такъ Катулъ говоритъ: Uncta patrimonia, жирное имѣніе, обильное имѣніе.

Ст. 60 и 61. *Деньги положили въ обильныхъ надежнаго доходу помѣстьяхъ.* Nitidis fundata pecunia villis. Слово отъ слова: *въ гадкихъ деревняхъ основали свои деньги.* Nitide villa тожъ, что деревни съ прилежаніемъ смотрѣнныя, въ которыхъ сирѣчь земли незапущены, но напротиву, все содержится въ изрядномъ порядкѣ; такія деревни обильны и надежнаго доходу быть имѣютъ.—Fundare pecunia есть положить деньги во что ни есть, чтобъ изъ того прибыль получить.

ПИСЬМО XVI.

КЪ КВИНТІЮ.

Дабы ты не спрашивалъ, любезнѣйшій Квинте,
Земля моя хлѣбомъ ли меня господина
Кормитъ, или зернами богатитъ оливы,
Иль паствомъ и овощьми, или виноградомъ,
Что вкругъ вязовъ высится, оный обнимая, —
Деревни моей тебѣ опишу пространно
Положеніе и видъ. Горы непрерывны;
Одна разлучаетъ ихъ долина примрачна,
Котору солнце однакъ восходя освѣщаетъ
Съ правой, а съ лѣвой руки грѣетъ западая.
Умѣренность воздуха подлинно похвалишь.
Что-жъ скажешь, видя кусты красными обильны
Рожками и сливами, что-же, видя дубы,
Которые многую даютъ стадамъ пищу

XVI. Горацій въ семъ письмѣ къ Квинтію описуетъ свой загородной дворъ, и отъ того поводъ принимаетъ показать, что истинное блаженство не состоитъ въ мнѣніи другихъ объ насъ, но въ насъ самихъ, въ тишинѣ нашей совѣсти; отъ чего слѣдуетъ, что только честные и добрые люди блаженными зваться могутъ. Потомъ изслѣдуетъ, кто таковъ *честной и доброй человѣкъ?* и опровергнувъ опредѣленіи, которыми честнаго и добраго человѣка обыкновенно описываютъ, поставляетъ, *что честной и доброй человѣкъ есть человѣкъ вольной*, которой, не зная ни страху, ни надежды, презираетъ насилія тиранскія.

Ст. 1. *Квинте.* Квинтіусъ Гирпинусъ вельможа римской изъ знатнѣйшихъ семей.

Ст. 2. *Земля хлѣбомъ ли кормитъ?* Fundus arvo pascat. Fundus помѣстье, вотчина; arva земля, пашня; pascere кормить, питать. Такъ что въ латинскомъ стоитъ: *помѣстье мое пашнею ли меня кормитъ?* Мой переводъ тожъ значитъ и для насъ яснѣе.

Ст. 3. *Зернами оливы.* Оливками или масломъ деревяннымъ богатитъ.

Ст. 10. *Съ лѣвой руки грѣетъ западая.* Хотя вышепомянутая долина примрачна, однакожъ солнце всходя освѣщаетъ ее съ правой, а съ лѣвой заходя. Латинской стихъ Levus discedens curro fugiente vaporet есть чрезвычайной красоты и искусства. Сожалѣю, что онаго силу и сладость я изобразить не могъ; слово отъ слова содержитъ: *Съ лѣвой отходя, бѣжащею колесницею огрѣваетъ.*

Ст. 11. *Умѣренность воздуха.* Того загороднаго дома воздуха умѣренность.

И многу хозяину тѣнь? Скажешь, придвинутъ
Видѣть Тарентъ процвѣтать. Есть къ тому-жъ источникъ,
Довольной имя ручью дать; и Эбра воды,
Драковъ обтекающа, того не свѣтлѣе
И не студенѣе суть. Течѣтъ-же полезенъ
Слабой главѣ, слабому полезенъ желудку.
Твое жилище то, и (буде мнѣ вѣришь)
Прохладное, въ грозное сентябрское время
Меня, друга твоего, здравымъ сохраняетъ.
Ты счастливу жизнь ведешь, ежели печешься
Такимъ быть, каковымъ всѣ тебя называютъ.
Блаженнымъ уже давно весь Римъ, мы зовемъ тя;
Но боюсь, чтобъ о тебѣ ты другимъ не вѣрилъ

Ст. 15 и 16. *Скажешь придвинутъ видѣть Тарентъ.* Когда разсмотришь того моего дома положеніе, воздухъ, кусты плодами обилующіе и лѣса, подающіе стадамъ многую пищу, а хозяину многую тѣнь въ прохладу, скажешь, что ты видишь Тарентъ, городъ особливой красоты и услажденія.—Подвинутъ, сирѣчь почаешь, что ты въ Тарентѣ, а не въ загородномъ моемъ домѣ находишься.

Ст. 16. *Есть къ тому-жъ источникъ.* Источникъ тотъ назывался Digentia, Дигенція, которой давалъ имя ручью, текущему подъ тѣмъ домомъ Гораціевымъ.

Ст. 17 и 18. *И Эбра воды ѳраковъ обтекающа. Эбръ* рѣка во Ѳракіи. О сей провинціи въ другомъ мѣстѣ выше сего изъяснено.

Ст. 19 и 20. *Течетъ же полезенъ слабой главѣ, слабому полезенъ желудку.* О источникѣ томъ говоритъ, котораго вода знать то исправляла желудокъ и исцѣляла главную болѣзнь, которую отъ большей части пары, изъ желудка происходящіе, причинствуютъ.

Ст. 24. *Ты счастливу жизнь ведешь.* Уже выше сего примѣчено, что Горацій часто рѣчи свои не связываетъ. Обыкновенны ему внезапныя перескочки съ дѣла на другое; но со всѣмъ тѣмъ, если прилежно изслѣдуемъ, всегда находимъ въ его разговорѣ нѣкое безперерывное слѣдствіе. Мѣсто сіе новымъ примѣромъ тому служитъ. Горацій, показавъ Квинтію, что онъ въ уединеніи своемъ больше о своемъ покоѣ радѣетъ, чѣмъ о народномъ объ немъ разсужденіи, отъ того поводъ беретъ ему совѣтовать жить подобнымъ же образомъ и трудится больше о томъ, чтобъ самъ себя чувствовалъ счастливымъ, нежели чтобъ прочіе его счастливымъ сказывали.

Ст. тотъ же и 25. *Ежели печешься такимъ быть, каковымъ тебя называютъ?* Не должно себя счастливымъ чаять для того, что такимъ насъ прочіе почитаютъ; должно изслѣдовать, подлинно ли мы таковы, и для того должно гораздо болѣе испытать свою совѣсть, чѣмъ чуждее мнѣніе.

Ст. 26. *Но боюсь, чтобъ о тебѣ ты другимъ не вѣрилъ больше, чѣмъ себѣ.* Всего обыкновеннѣе человѣку больше вѣрить тому, что объ немъ говорятъ, чѣмъ тому, что самъ о себѣ вѣдаетъ. Счастливыми себя признаемъ, когда всѣ люди хвалятъ и удивляются нашему счастью; но если

Больше, чѣмъ себѣ; боюсь, чтобы ты блаженнымъ
Не мнилъ другого кого, кромѣ умна мужа
И добраго; чтобы ты, когда народъ здравымъ
Тебя славитъ, скрытую не таилъ горячку
Предъ обѣдомъ, пока дрожь схватитъ съ кускомъ во ртѣ.
Глупцевъ хульный стыдъ таитъ неисцѣльны раны.
Еслибъ кто тебѣ сказалъ, что ты и по морю
И на земли одержалъ славныя побѣды,
И сими хотѣлъ бы онъ льстить тебѣ словами,

бы похотѣли внутреннее наше испытать и съ собою самимъ спроситься, нашли бы многую разницу между быть счастливымъ, по мнѣнію другихъ, или чрезъ собственное чувствованіе того счастья.

Ст. 28 и 29. *Боюсь, чтобы ты блаженнымъ не мнилъ другого кого, кромѣ умна мужа и добраго.* Боюсь, чтобъ ты не почиталъ блаженнымъ счистливымъ другого, кромѣ умнаго и добраго мужа. Богатства, достоинства и прочіе дары счастья блаженными насъ въ мнѣніи прочихъ являютъ, но чтобъ могли сами себя счастливыми чувствовать, нужно имѣть богатства душевныя, добродѣтели и тишину. Горацій потому боится, чтобъ Квинтій не разсуждалъ съ народомъ о счастіи человѣка. По его мнѣнію счастливымъ почитать должно только *умнаго и добраго человѣка.*

Ст. 30, 31 и 32. *Чтобъ ты когда народъ здравымъ* и проч. Пріуподобляетъ тѣхъ, кои себя счастливыми почитаютъ, для того что народъ ихъ такими признаетъ, больнымъ, кои вѣрятъ тѣмъ, которые ихъ обнадеживаютъ, что они въ совершенномъ здоровьи находятся, и кои въ той благонадежности садятся за столъ чтобъ насытить свои неумѣренныя желанія; чаютъ они себя здоровыми, но между тѣмъ дрожь ихъ схватываетъ съ кускомъ во ртѣ, и уже исцѣленіе ихъ бываетъ труднѣе.—*Пока дрожь схватитъ съ кускомъ во ртѣ.* Въ латинскомъ стоитъ: пока дрожь вступитъ въ сальныя руки; сальныя руки, ѣствами сирѣчь засаленныя. Мой переводъ то-же изображаетъ.

Ст. 33. *Глупцевъ хульный стыдъ таитъ неисцѣльны раны.* Хульный, проклятый стыдъ препятствуетъ открывать свои болѣзни душевныя и искать онымъ цѣльбу. Когда народъ счастливымъ и умнымъ кого почитаетъ, онъ лучше похочетъ остаться неисцѣльнымъ, сохранить свои злонравія, чѣмъ осудится предъ народомъ, обнаживъ свои раны, сирѣчь свои пороки.—*Хульный стыдъ.* Стыдъ слово двоесильное: есть *добрый стыдъ,* который *устыдѣніемъ* звать можно, и *худой стыдъ.* Для того Горацій прибавилъ malus, злой, хульной.

Ст. 34. *Еслибъ кто тебѣ сказалъ,* и проч. Нѣтъ человѣка, развѣ совсѣмъ ума лишившагося, кто-бъ хотѣлъ себѣ присвоить похвалы, надлежащія славному государю за его побѣды и мужественныя дѣла. Однакожъ неменьше безумно есть чаять себя счастливымъ и благоразсуднымъ, для того только, что народъ насъ такимъ почитаетъ.

Ст. 36. *Льстить тебѣ словами.* His verbis vacuas promulceat aures. Слово отъ слова: *сими словами щекотать твои пустыя уши.* Vacuas aures пустыя уши, сирѣчь готовыя принять похвалы и похлѣбства.

Юпитеръ, кой о тебѣ печется и о Римѣ,
Пусть долго въ сумнѣніи оставитъ пріятномъ,
Твое ли больше народъ, или ты народно
Благосостояніе ищешь и желаешь.
Августовы похвалы легко въ томъ узнаешь.
Когда же исправленнымъ и умнымъ ты зваться
Терпишь, скажи мнѣ, прошу, имени такому
Соотвѣтствуешь ли ты? Равно, отвѣчаешь,
Какъ тебѣ, пріятно мнѣ и умнымъ и добрымъ
Человѣкомъ зваму быть. Да кто далъ сегодне
Тебѣ то, завтра отнять можетъ, если хочетъ;
Такъ какъ пучки консульски, если недостойну

Ст. 37, 38, 39 и 40. *Юпитеръ, кой о тебѣ печется и о Римѣ* и проч. Пусть Юпитеръ, богъ, которой печется о тебѣ и въ тебѣ самомъ о римскомъ народѣ, не долго оставитъ въ пріятномъ сумнительствѣ; ты ли съ большею горячностію ищешь и желаешь народное благосостояніе, или народъ твое. Горацій занялъ сіи два удивительной красоты стиха отъ Варія, славнаго стихотворца, въ его похвальной рѣчи къ Августу Кесарю. Ничего свыше желать не можно, когда государь такимъ образомъ къ подданнымъ поступаетъ; что нельзя судить, онъ ли подданныхъ или подданные его больше любятъ.

Ст. 42 и 43. *Когда же исправленнымъ и умнымъ ты зваться терпишь* и проч. Еслибъ тебя кто назвалъ побѣдителемъ пароянъ и владыкою земли и моря, ты откажешь тѣ титла; но когда зовутъ тебя умнымъ и послѣдователемъ правиламъ здраваго разсужденія, охотно то себѣ присвоишь; однакожъ сія малость другой не меньше. Если ты самъ себя умнымъ и благоразсудству послѣдователемъ не чувствуешь. *Исправленнымъ и умнымъ*. Sapiens. Умный, мудрый, въ такомъ мудрость или сродна, или трудами и прилежностію добыта, aemendatus, исправленный, значитъ мудрость, которая трудами добыта, которая исправляетъ и преодолѣваетъ страсти, и злонравіи, и потому оной стяжаніе труднѣе.

Ст. 44, 45 и 46. *Равно отвѣчаешь, какъ тебѣ ...... добрымъ человѣкомъ звану быть*. Отвѣтъ Квинтіевъ, которой изрядно Горацій опровергаетъ, показуя, что не въ томъ трудиться мы должны, чтобъ зваться, но чтобъ быть добрымъ человѣкомъ. Ибо если отъ мнѣнія прочихъ наше состояніе, наше благополучіе зависитъ, то сегодня счастливы, завтра несчастливы быть можемъ. Понеже кто тебѣ сегодня далъ доброе имя, завтра отнять можетъ, такъ какъ народъ даетъ и отнимаетъ достоинства. Къ тому же, если отъ прочихъ мнѣнія имѣетъ зависѣть наше состояніе, то я потому долженъ рдѣть и съ болѣзнію чувствовать клеветы, буде кто меня воромъ безсрамнымъ и отцеубійцемъ назоветъ.

Ст. 48. *Пучки консульки*. Пучки прутковъ *фасцесъ* называемые, которые нашивалися предъ консулами въ знакъ ихъ достоинства. Въ другомъ мѣстѣ объ нихъ изъяснено. Здѣсь они значутъ всякія достоинства, которыя у римлянъ народъ большинствомъ голосовъ раздавалъ.

Вручитъ, силенъ и отнять. Отдай назадъ, скажетъ,
Мое добро, и отдавъ отыду печаленъ.
Если онъ воромъ меня гласитъ и безсрамнымъ
И подтверждаетъ, что я своими руками
Родителя удавилъ, имѣю-ль я ложны
Клеветы тѣ чувствовать и отмѣнять цвѣты
Въ лицѣ своемъ, кому честь ложная пріятна,
Иль страшно безчестіе ложно? развѣ мужу
Лживу и злонравному? кто-жъ человѣкъ добрый,
Кто исполняетъ уставъ отцовъ, кто законамъ
И суду послушенъ, кто многи и велики
Споры судитъ и рѣшитъ, коего совѣтомъ
И свидѣтельствомъ конецъ добръ тяжбы пріемлютъ?

Ст. 49 и 50. *Отдай назадъ, скажетъ, мое добро, и отдавъ отыду печаленъ*. Ложная добродѣтель состоитъ въ умѣ народномъ, которой въ нашу пользу разсужденіемъ своимъ погрѣшаетъ, а не въ насъ самихъ основана. Потому когда народъ обманъ съ глазъ своихъ сгонитъ, когда подлинно вызнаетъ, поступаетъ съ тою добродѣтелью къ своимъ собственнымъ добромъ. Отдай назадъ, скажетъ, мое добро; и я принужденъ буду вдругъ остаться безъ добродѣтели и отойти печаленъ. Однимъ приказомъ потеряю доброе имя, которое однимъ только народнымъ мнѣніемъ заслужилъ. Еслибъ же подлинно я былъ добродѣтелями украшенъ, то мое добро собственное никто у меня отнять не силенъ.

Ст. 54. *И отмѣнять цвѣты*. Многіе цвѣты, блѣднѣть, и рдѣть, и опять блѣднѣть. Такъ перемѣняется лице человѣка, который стыдъ, или страхъ, или другую страсть чувствуетъ.

Ст. 55, 56 и 57. *Кому честь ложная пріятна, иль страшно ...... лживу и злонравному*. Мнѣніе доброе народа не сдѣлаетъ меня честнымъ человѣкомъ, если я собою не таковъ, ни клеветы его меня безчестнымъ сдѣлать сильны. Лживому только и злонравному человѣку пріятна ложная честь и страшно ложное безчестіе. Честный и добрый человѣкъ какъ однимъ не услаждается, такъ другого не боится: оба равно презираетъ.

Ст. 57. *Кто-жъ человѣкъ добрый*. Горацій, показавъ, сколь суще честнаго и умнаго человѣка состояніе изящно, приступаетъ изслѣдовать, кто такимъ право зваться можетъ. Кто-жъ человѣкъ добрый? спрашиваетъ и самъ, обыкновенному тогда мнѣнію послѣдуя, отвѣчаетъ: *кто исполняетъ уставъ отцевъ* и проч., которое мнѣніе потомъ опровергаетъ и погрѣшительнымъ доказываетъ.

Ст. 58. *Уставъ отцевъ*. Законы уставы отечества своего. Отцами сенаторы римскіе называлися, Patres.

Ст. 60. *Судитъ и рѣшитъ*. Qui judice secantur. Secantur рѣшаться, кончаться, вершаться.

Ст. 61. *Конецъ добръ тяжбы пріемлютъ*. Tenentur, вмѣсто obtinentur — выигрываются, получаютъ счастливый конецъ. Цицеронъ говоритъ: Causam apud centum ... non tenuisse. *Добръ* вмѣсто добрый чрезъ сокращеніе.

Да сего сосѣдство все, домъ весь его видитъ
Гнусна свнутри; кожею лишь извнѣ нарядна
Красивою. Если мнѣ слуга мой сказалъ бы:
Я не кралъ и не бѣжалъ, мзду твою имѣешь,
Отвѣчаю, для того плетьми битъ не будешь;
Я ни кого не убилъ; на крестѣ не будешь
Висѣть, воронамъ на кормъ. Я добрый и честный
Слуга; не хочетъ тому вѣрить твой хозяинъ.
Осторожный волкъ тенетъ боится опасныхъ,
Силокъ ястребъ, и коршунъ удицы прикрытой.
Съ любви добродѣтели злочинствъ убѣгаютъ

Ст. 62. *Да сего сосѣдство все* и проч. Отвѣтъ Гораціевъ, которымъ вышепоказанное честнаго человѣка опредѣленіе опровергаетъ. Того человѣка, говоритъ, который исполняетъ уставы и законы и правды держится; того, кѣмъ тяжбы вершатся важныя, всѣ сосѣди и домъ его видитъ гнуснымъ, наполненнымъ страстьми, пороками, и злонравіями, которые наружною добротою какъ красивою кожею покрываетъ. Красивую харю вздѣваетъ, какъ съ двора выйдетъ, внутреннемъ своимъ гнусенъ.

Ст. 65. *Я не кралъ и не бѣжалъ.* Изрядное уподобленіе, которое отказываетъ, сколь погрѣшительно и неосновательно вышепомянутое опредѣленіе честнаго человѣка. Человѣкъ, который живетъ по законамъ, который исполняетъ уставы, ищетъ только охранить себя отъ казни, должной законопреступникамъ, какъ холопъ, который не бѣглецъ, ни воръ, избѣгаетъ только наказанія, но ни одинъ, ни другой за тѣмъ однимъ не могутъ почитаться добрымъ и честнымъ человѣкомъ, понеже ихъ поводъ, причина, для которой такъ поступаютъ, можетъ быть порочная; повинуяся законамъ, могутъ имѣть склонность и волю преступать оные, которую страхъ въ нихъ удерживаетъ.

Ст. 68. *Я добрый и честный слуга.* Не слѣдуетъ сіе отъ вышеписаннаго, какъ Горацій изрядно доказываетъ. Frugi—слово сіе имѣетъ пространное и важное знаменаніе, понеже древніе подъ именемъ воздержанія, frugalitas, включали правосудіе, храбрость и воздержность.

Ст. 69. *Твой хозяинъ.* Въ латинскомъ вмѣсто твой хозяинъ стоитъ: Sabellus — самнитецъ, которымъ именемъ Горацій себя означаетъ, понеже онъ былъ уроженецъ изъ Венузы самнитскаго города.

Ст. 70. *Осторожный волкъ тенетъ* и проч. Какъ волкъ, ястребъ и коршунъ, самыя кроволюбивѣйшія животныя, удерживаются бросаться на добычу, опасаяся тенетовъ, такъ и самые злонравнѣйшіе люди воздерживаются въ дѣйство произвесть злыя свои намѣренія, казни страшася.

Ст. 71. *И коршунъ удицы прикрытой.* Отъ сихъ словъ кажется, что въ Гораціевы времена коршуновъ удицею ловили, прикрывая сирѣчь удицу въ корму коршуна.

Ст. 72. *Съ любви добродѣтели злочинствъ убѣгаютъ добрые люди.* Добрый человѣкъ дѣлаетъ съ одной любви къ добродѣтели то, что злые дѣлаютъ съ страху законовъ, и любовь добродѣтели есть столь неотмѣнное свойство добрыхъ людей, что не отстаютъ добро дѣлать, хоть бы за

Добрые люди; а ты, казни опасаясь,
Воздерживаешься зла; если бы надежда
Была тебѣ устоять предъ людьми, поступки
Священные бы смѣшалъ съ скверными ты вещи.
Ибо когда съ тысячи четвертей одну ты
Четверть только похитишь, меньшей лишь убытокъ
Тогда мнѣ, злодѣйство-жъ твое тѣмъ не меньше.
Тотъ твой доброй человѣкъ, кому вся дивится
Площадь, всѣ судилищи; когда ни приноситъ
Богамъ въ жертву иль свинью, иль быка умильно,

то были наказаны, и убѣгаютъ зло дѣлать, какова-бъ ни была ихъ надежда награжденія, которую чрезъ злыя дѣла получить бы могли.

Ст. 73. *А ты, казни опасаясь.* Горацій еще говоритъ къ своему холопу.

Ст. 74. *Воздерживаешься зла.* Tu nihil admittes in te. Ты ничего не дѣлаешь противъ себя. Сирѣчь, не дѣлаешь того, что казнь навлечи можетъ, которой ты боишься.

Ст. 75. *Поступки.* Прибавить бы должно твои; мѣра стиха сіе не допускаетъ.

Ст. 76. *Священные бы смѣшалъ съ скверными ты вещи.* Miscebis sacra profanis. Смѣшаешь божественная съ мирскими, скверными; различія межъ ними не поставишь; сирѣчь, еслибъ могъ надѣяться предъ людьми утаить твои злочинства, и слѣдовательно еслибъ ты былъ благонадеженъ, что достойную злымъ поступкамъ казнь избѣжишь, никакое бы злочинство ты не миновалъ, на всякое зло поступилъ бы охотно, божественныя вещи и скверныя вмѣстѣ смѣшалъ бы безъ всякаго различія.

Ст. 77. *Ибо когда съ тысячи.* Холопъ тотъ могъ отвѣтствовать Горацію, что по меньшей мѣрѣ, когда изъ тысячи четвертей бобовъ онъ довольствуется украсть одну четверть, должно признать, что онъ не столько воръ, сколько тотъ, который бы всю тысячу четвертей покралъ. То самое Горацій опровергаетъ, говоря, что правда, въ такомъ случаѣ убытокъ хозяйскій меньше, но холопье злочинство равное; ибо онъ укралъ одну только четверть, чтобъ легче воровство свое укрыть; а еслибъ надежду имѣлъ, что и всю тысячу покравъ, могъ столь-же легко свое злое дѣло утаить, то не преминулъ бы охотно на оное поступить.

Ст. 80. *Тотъ твой добрый человѣкъ* и проч. по стихъ 89. Вотъ еще другое мѣсто, которое съ предъидущимъ кажется связности не имѣетъ. Найдется она примѣчая, что повыше Горацій говорилъ о человѣкѣ, котораго народъ добрымъ человѣкомъ почитаетъ. Для того, что снаружи, по законамъ живетъ, а въ самомъ дѣлѣ кто внутреннѣе его видитъ, видитъ плута. Здѣсь или въ томъ же самомъ человѣкѣ, или въ другомъ подобномъ образецъ приводитъ притворной доброты, какъ вышепомянутый былъ доброты недобровольной.

Ст. 80. *Кому вся дивится площадь.* Которому весь народъ, всѣ судилищи удивляются, какъ отмѣнной доброты человѣку.

Громкимъ голосомъ возвавъ: О Янусе отче!
О Аполлине! потомъ губы лише движетъ,
Боясь быть слышану, и за зубми шепчетъ:
Лаверна красивая, дай мнѣ мои силу
Таить дѣла, дай всегда и святымъ и правымъ
Являться людямъ, и ночь грѣхамъ и обманамъ
Моимъ облакъ наведи. Не вижу, чѣмъ лучше,
Чѣмъ свободнѣе раба скупецъ, кой увидѣвъ
Въ улицѣ пригвозженну деньгу, поднять гнется.
Ибо кто желаетъ, тотъ подлинно боится,
А кто въ боязни живетъ, воленъ быть не можетъ.

Ст. 83. *Громкимъ голосомъ возвалъ.* Когда тотъ человѣкъ жертвы богамъ приноситъ, притворяетъ себѣ умильность и богобоязливость, и громкимъ голосомъ вскричитъ: о Янусе отче, о Аполлине! а потомъ за зубами шепчетъ молитвы къ богинѣ Лавернѣ, покровительницѣ воровъ и плутовъ, прося, чтобъ она дала ему всегда предъ людьми казаться святымъ и правымъ человѣкомъ, прикрывая его обманы и плутни.

Ст. тотъ же. *О Янусе отче, о Аполлине.* Дассіеръ примѣчаетъ, что Янусъ и Аполлинъ тотъ же и одинъ Богъ. Однакожъ баснословцы двухъ различныхъ быть сказываютъ. Первый богъ міра, для того въ другомъ мѣстѣ Горацій называетъ его *міростраже*, а Аполлинъ *богъ наукъ*.

Ст. 86. *Лаверна.* Богиня покровительница воровъ и обманщиковъ; потому безъ сумнѣнія она больше всѣхъ другихъ боговъ служителей имѣла.

Ст. тотъ же и 87. *Дай мнѣ мои силу таить дѣла.* Сроднымъ положеніемъ рѣчей: дай мнѣ силу таить мои дѣла.

Ст. 88 и 89. *Ночь грѣхамъ и обманамъ моимъ облакъ наведи.* Наведи ночь на грѣхи мои и облакъ на мои обманы; сирѣчь, прикрой, утай отъ людей мои злочинства, чтобъ они не могли видѣть мои плутни и почитали-бъ меня святымъ и правымъ человѣкомъ. Стихотворныя рѣченія суть: наводить ночь и наводить облакъ на что нибудь вмѣсто *прикрыть*, укрыть, заслонить. Облакъ засланиваетъ, ночь или темнота вещь чинитъ невидиму.

Ст. 89 и 90. *Не вижу, чѣмъ лучше, чѣмъ свободнѣе раба скупецъ.* Продолжаетъ стихотворецъ открывать злонравіе людей, которые снаружи только добродѣтелію украшены кажутся, а внутренно многими злонравіями изобилуютъ, и скупость ихъ мочитъ, чѣмъ они больше невольники, нежели купленный рабъ, или въ войнѣ плѣненный.

Ст. 90 и 91. *Кой увидѣвъ въ улицѣ пригвожденну.* Человѣкъ тотъ, котораго народъ чаетъ добрымъ и честнымъ человѣкомъ, столь скупъ, что и самые гнуснѣйшие способы употребляетъ для скопленія богатствъ. Самый безчестнѣйшій прибытокъ ему нравенъ. Сей гнусный прибытокъ Горацій пріуподобляетъ деньгѣ, которую младенцы въ улицѣ пригваживаютъ, чтобъ обманывать мимоидущихъ, кои напрасно наклоняются поднять оную. Такія шутки младенцевъ и теперь въ обыкновеніи.

Ст. 92 и 93. *Ибо кто желаетъ тотъ подлинно боится, а кто въ*

Добродѣтели измѣнилъ, потерялъ ружье тотъ,
Кто вѣкъ трудится свое прибавлять богатство
И попеченіемъ тѣмъ себя подавляетъ.
Плѣнника можешь продать, не дай его смерти:
Пользу службой принесетъ. Пусть терпѣливъ стадо
Пасетъ, пусть землю тебѣ пашетъ и среди валъ
Пусть зимуетъ, плавая по морю для торгу,
Пусть преумножаетъ онъ обильство, и жито,
И прочи потребныя къ жизни вещи возитъ.
Добрымъ и мудрымъ себя мужемъ звать тотъ можетъ,
Кто смѣетъ сказать: Пенѳей ѳивянъ властелине,
Что терпѣть безвиннаго меня ты понудишь?

боязни живетъ, и пр. Скупой человѣкъ невольникъ, ибо желаніе всегда страху соединено, а страхъ и вольность вмѣстѣ жить не могутъ.

Ст. 94, 95 и 96. *Добродѣтели измѣнилъ, потерялъ ружье тотъ* и пр. Скупой человѣкъ; человѣкъ сирѣчь, которой непрестанно трудится пріумножать свое богатство и тѣмъ попеченіемъ себѣ подавляетъ страсти, къ злонравію подлежитъ, слѣдовательно измѣнилъ добродѣтели. Богъ уставилъ насъ въ мірѣ, чтобъ непрестанно биться противъ злонравія и страстей нашихъ. Кто въ томъ бою унываетъ, подобенъ малодушнымъ воинамъ, положивъ ружье свое, покидаютъ свое мѣсто и сами непріятелю сдаются.

Измѣнилъ. И краткое за нужду мѣры.

Ст. 97. *Плѣнника можешь продать* и пр. по стихъ 102. Скупой или притворной доброты человѣкъ измѣнилъ добродѣтели, какъ малодушной воинъ ружье свое положилъ и сдался непріятелю, уже сталсяполоненикъ. Я не совѣтую полоненика убить; можешь его продать; можетъ пасти твое стадо, пахать твою землю, торгъ твой отправлять за море, возить жито и другіе припасы. Сирѣчь, какъ плѣнникъ цѣною своею, или тѣми разными службами тебѣ, такъ скупой человѣкъ трудами, кои для собиранія богатствъ прилагаетъ, обществу нѣкакимъ образомъ можетъ быть полезенъ.

Ст. 98. *Терпѣливъ*. Durus, laboriosus. Трудолюбивъ, работящъ.

Ст. 103 и 104. *Добрымъ и мудрымъ мужемъ себя знать тотъ можетъ, кто смѣетъ сказать*. Въ латинскомъ стоитъ: добрый мужъ смѣетъ сказать. Опровергнувъ ложныя описанія добраго человѣка, Горацій поставляетъ, что такимъ есть тотъ, кто стыда злымъ дѣламъ соединеннаго больше боится, чѣмъ смерти, и котораго никакія тиранскія насильства, ни лишеніе имѣнія, ни заключеніе отъ добродѣтели отвесть и къ безчестному дѣлу понудить не можетъ; который и самую смерть не только презираетъ, но наипаче ее въ такомъ состояніи прибѣжищемъ чаетъ, Богомъ зоветъ, понеже несчастію конецъ полагаетъ.

Ст. 10. *Пенѳей ѳивянъ властелине* и пр. Слова сего добраго человѣка Гораціемъ заняты у Еврипида, греческаго стихотворца, въ котораго комедіи, Баханты называемой, Бахусъ богъ пьянства, тѣ слова говоритъ Пен-

Добро, скажешь, отыму твое, сирѣчь стадо,
Земли, уборы, деньги! возьми безъ препятства.
Въ жестокой, скажешь, тюрьмѣ заключу, и руки
И ноги сковавъ. Самъ богъ, когда пожелаю,
Свободитъ меня. Такимъ, какъ чаю, онъ словомъ
Сказать хочетъ: я умру; смерть — конецъ дѣламъ всѣмъ.

ѳію, царю ѳивейскому, когда сей, не узнавъ того бога жъ, грозитъ ему разными казньми. Горацій мало что отмѣнилъ въ греческихъ стихахъ, которыхъ слѣдующіе суть точной переводъ:

Бахусъ.

Что понудишь мя терпѣть? какое зло мнѣ учинишь?

Пиѳей.

Въ началѣ остригу тебѣ твои красивы кудри.

Бахусъ.

Кудри тѣ священны. Богу ихъ ращу.

Пиѳей.

Потомъ дай мнѣ палку, что въ рукѣ держишь.

Бахусъ.

Самъ отыйми, Бахусова она.

Пиѳей.

Заключимъ тебя въ жестокой тюрьмѣ.

Бахусъ.

Богъ самъ меня свободитъ, когда ни пожелаю.

Ст. 109. *Самъ Богъ, когда пожелаю, свободитъ меня.* Въ Эврипидѣ, тотъ, кто слова сіи говоритъ, хочетъ сказать, что Бахусъ его спасетъ, сирѣчь, что самъ себя спасетъ. Горацій вмѣсто Бахуса смерть поставляетъ, которая, когда сами себѣ помочь не можемъ, безсумнительно въ помочь и къ освобожденію нашему приходитъ.

Ст. 110. *Свободитъ.* Solvet, разрѣшитъ. Нѣтъ цѣпей, ни связи противъ смерти.

Ст. 112. *Смерть конецъ дѣламъ всѣмъ.* Въ латинскомъ стоитъ: смерть всѣмъ дѣламъ послѣдняя черта. Метафора взятая отъ подвиговъ, гдѣ богъ отправлялся; въ немъ Linea, то есть черты, назывались грани, коимъ означивалося начало и конецъ мѣста, въ которомъ бѣжать было должно.

ПИСЬМО XVII.

КЪ СЦЕВѢ.

Хотя, Сцева, самъ себѣ ты лучшій совѣтникъ,
И знаешь, какъ себя весть съ вельможами долженъ;
Послушай, что мыслитъ въ томъ дружокъ твой послѣдній
Кой самъ еще требуетъ совѣта, подобенъ
Слѣпцу, кой зрячимъ казать дорогу берется.
Разсмотри, нѣтъ [illegible] вахъ моихъ то, что въ ди
Произвесть хотѣ [illegible] и себѣ присвоить.
Если пріятный п [illegible] часа перва

XVII. Горацій въ семъ [illegible] ставляетъ, какимъ образомъ должно намъ себя водить съ вельм [illegible] имъ образомъ должны мы жить с тѣми, кои насъ сильнѣе и въ [illegible] ы нужду имѣемъ. Но прежде изложенія правилъ изслѣдуетъ, к [illegible] ь двухъ мнѣній правильнѣе, циническихъ ли философовъ, кото [illegible] аго сообщества съ вельможами избѣгали, или киренейскихъ, кото [illegible] вляли, что равномѣрно нужно знать жить въ единеніи и при д [illegible] царскомъ, въ обильствѣ и въ убожествѣ, и по достоинству сіе послѣдн [illegible] превосходнымъ почитаетъ.

Ст. 1. *Хотя Сцева.* Многія семьи римскія носили прозвище Сцева, потому трудно сказать, кто таковъ тотъ, къ кому Горацій письмо сіе пишетъ. Древней толкователь сказываетъ его римскимъ всадникомъ.

Ст. тотъ же. *Самъ себѣ ты лучшій совѣтникъ.* Нельзя большей похвалы кому дать, какъ когда говоримъ, что онъ не имѣетъ нужды ни въ чьемъ совѣтѣ.

Ст. 3 и 4. *Дружокъ твой послѣдній, кой самъ....* Примѣтно смиренномудріе Гораціево, называетъ себя дружкомъ послѣднимъ, amiculus, дружокъ, который самъ требуетъ еще совѣта, docendus adhuc, и слѣпцомъ, caecus. Съ тою смиренностію поданные совѣты охотнѣе принимаются и больше дѣйства производятъ.

Ст. 6 и 7. *Разсмотри, нѣтъ ли въ словахъ моихъ.* Послушай мои слова и разсмотри, найдешь ли въ нихъ что ни есть, чтобъ ты могъ въ свою пользу употребить. Quod cures proprium fecisse, что ни есть, чтобъ ты могъ учинить собственнымъ. Когда мы совѣтамъ слѣдуемъ, въ собственное добро оные превращаемъ, какъ желудокъ пріятныя себѣ яства.

Ст. 8. *Если пріятной покой.* Съ самаго начала Горацій объявляетъ, что онъ не хулитъ тишину и уединеніе, но кто оной держаться хочетъ долженъ отдалиться изъ Рима.

Ст. тотъ же. *До часа перва сонъ услаждаетъ.* До перваго часа по старому исчисленію часовъ, сирѣчь по часъ седьмой по полуночи.

Услаждаетъ сонъ тебя; если колесъ грохотъ,
И пыль, и корчемный шумъ досадны, я ѣхать
Въ Ферентинъ совѣтую. Не однимъ бо только
Веселу препровождать жизнь дано богатымъ,
Ниже несчастливо жить, кого неизвѣстны
Были родины и смерть. Если-жъ быть полезенъ
Своимъ хочешь и себя не много получше
Кормить въ забавахъ, ищи въ жирныхъ ты, убогой.
Еслибъ Аристипъ умѣлъ травы ѣсть, съ царями

Ст. 9 и 10. *Колесъ грохотъ, и пыль, и корчемный шумъ.* Безпокойства обыкновенныя въ большомъ и многолюдномъ городѣ, каковъ былъ Римъ.

Ст. 11. *Ѣхать въ Ферентинъ совѣтую.* Буде тишину достать или безпокойство избѣжать желаешь, совѣтую отдалиться изъ Рима, отъѣхать напримѣръ въ Ферентинъ, мѣстечко весьма малолюдное, въ латинской провинціи межъ Анагніею и Фрузиномъ.

Ст. тотъ же. *Не однимъ бо только* и пр. Можешь отъѣхать въ Ферентинъ и жить въ тишинѣ; я тебѣ то не отсовѣтую, ибо признаю, что не одни только богачи живутъ въ весельи и что многіе счастливу и довольну жизнь ведутъ въ уединеніи.

Ст. 12. *Дано богатымъ.* Divites, богатые люди, богачи. Здѣсь значитъ людей, кои живутъ въ городахъ посредѣ обилиства и прохладу.

Ст. 13 и 14. *Коихъ неизвѣстны были родины и смерть.* Коихъ сирѣчь свѣтъ весь такъ не зналъ, что никому неизвѣстно было, жили ли они или нѣтъ.

Ст. 14 и 15. *Если-жъ быть полезенъ своимъ хочешь.* Въ уединеніи живемъ только про себя, кто хочетъ своимъ сродникамъ или пріятелямъ быть полезенъ, долженъ отложить уединеніе и жить въ сообществѣ съ людьми.

Ст. 16. *Ищи въ жирныхъ ты убогой.* Sicci, сухіе, убогіе, недостаточные. Uncti, жирные, вельможи, кои живутъ въ обильствѣ и въ великолѣпіи.

Ст. 17. *Еслибъ Аристипъ умѣлъ.* Горацій, объявя, что всякой долженъ своей склонности слѣдовать и жить по своему намѣренію, что тотъ, кто покой любитъ и про себя одного жить хочетъ, долженъ жить въ уединеніи, и что тотъ, кто хочетъ быть своимъ полезенъ и жить съ большимъ довольствомъ и пыхою, долженъ прислуживаться вельможамъ, вдругъ вводитъ Діогена, киническаго философа, которой сопротивляется сему рѣшенію, осуждая такое сообщество съ вельможами. Въ сихъ трехъ стихахъ Горацій ввелъ слово отъ слова рѣчи Діогена къ Аристипу и Аристиповъ отвѣтъ, которые Діогенъ Лаецій такъ описываетъ. «*Діогенъ*, моючи нѣкогда зеліи, увидѣлъ мимо идуща Аристипа, и сказалъ ему: Еслибъ ты умѣлъ ѣсть зеліи, не служилъ бы царямъ. Противъ чего Аристипъ съ горячностію отвѣтствовалъ: А ты, еслибъ зналъ прислуживаться къ царямъ, не мылъ бы зеліи». *Аристипъ*, родомъ киринеецъ, въ Аѳинахъ ученикомъ былъ сократовымъ, потомъ основатель киринейской философической секты. Первый изъ сократовыхъ послѣдователей за науку плату брать началъ. *Съ царями.* Имя царя у Горація значитъ просто вельможей,

Водиться бы не хотѣлъ. Еслибъ, кто пятнаетъ
Меня, Аристипъ сказалъ, зналъ съ царьми водиться,
Гнушался бы зелія. Кого изъ двухъ больше
Хвалишь слова и дѣла? скажи; иль, моложе
Меня, слушай, для чего Аристипа лучше
Мнѣніе. Ибо такъ онъ противъ ядовита
Киника себя щитилъ, сказываютъ, жала:
«Я шутъ себѣ одному; ты, всему народу.
«Правильнѣе и честнѣй, чтобъ я верхомъ ѣздилъ
«И на царскомъ жилъ корму. Я на поклонъ ѣзжу;
«Ты вещи негодныя понищенски просишь,

знатныхъ, богатыхъ господъ, а въ устахъ Діогеновыхъ значило прямо царей, ибо обличалъ Аристипа, что онъ служилъ и ласкалъ Діонисію сицилскому тирану.

Ст. 21 и 22. *Скажи, иль моложе меня, слушай.* Или самъ, буде можешь суди, которое изъ двухъ мнѣній лучше, или будучи меня моложе, слушай у меня, для чего я признаю, что Аристипово лучше.

Ст. 23 и 24. *Такъ онъ противъ ядовита киника себя щитилъ, сказываютъ, жала.* Такъ онъ, какъ сказываютъ, щитилъ себя противъ ядовитаго жала киникова. Въ латинскомъ стоитъ: Mordacem Cynicum sic eludebat ut aiunt, такъ онъ, какъ сказываютъ, избѣгалъ киника, которой грызется. Діогенъ, философъ секты кинической, славенъ убогимъ и безпечальнымъ житьемъ; кормился онъ милостынею, обиталъ въ бочкѣ, въ которой отъ Александра Великаго посѣщенъ бывъ, насилу отвѣтомъ его удостоить похотѣлъ. Киникомъ названъ для того, что ласкалъ тѣмъ, кои ему милостыню давали, лаялъ на тѣхъ, кои ему отказывали, и безъ обиновенія грызалъ злонравныхъ и злобныхъ. Киносъ по-гречески песъ называется.

Ст. 25. *Я шутъ себѣ одному, ты всему народу.* Аристипъ отвѣтствовалъ Діогену: я ласкаю и прислуживаю Діонисію для себя, а ты ласкаешь народу для него только, никакой пользы съ того не происходитъ, а я многія получаю отъ своей прилежности и моей прислуги. Нищій ханжа, каковъ былъ Діогенъ, который ласкалъ народу, чтобъ отъ него получить какіе бѣдные остатки ѣствъ, не долженъ зазирать тѣхъ, кои добываютъ себѣ награжденія важныя и чины честные.

Ст. 25 и 27. *Чтобъ я верхомъ ѣздилъ и на царскомъ жилъ корму.* Пословица греческая: hippeus me ferei, basileus-trefei. *Конь меня возитъ, царь меня кормитъ.* То есть, царь меня кормитъ и лошадь мнѣ даетъ; то есть, живу и ѣзжу на царскихъ проторяхъ.

Ст. 27 и 28. *Я на поклонъ ѣзжу, ты вещи негодныя....* Аристипъ искалъ въ Діонисіи, на поклонъ къ нему ѣздилъ, ничего у него не прося, а Діогенъ безстыдно прашивалъ у народа; великая потому разница межъ тѣмъ нищимъ и услужнымъ человѣкомъ. *Вещи негодныя.* Vilia, вещи малоцѣнныя, бездѣльныя.

«Но всегда ты подчиненъ дателю, хотя ты
Гордъ, хвастаешь, что ни въ комъ нужды не имѣешь».
Всяко состояніе, всяка степень, всякъ цвѣтъ
Годенъ былъ Аристипу; больше трудился
Достать счастье, доволенъ почти настоящимъ.
Напротиву же, кого Терпѣнье одѣло
Въ удвоену епанчу, жизни видъ противный
Если пристанетъ ему, есть чему дивиться.
Тотъ не станетъ ожидать багряну одежду,
Въ чемъ ни одѣтъ, въ знатныя собранія пойдетъ,
И изрядно такъ въ одномъ, какъ въ другомъ уборѣ,

Ст. 29 и 30. *Но всегда подчиненъ....* Когда ты просишь, и наипаче когда самыя негодныя вещи просишь, долженъ ты себя признать подчиненнымъ, хуже, ниже, кто тебѣ вещи даетъ, потому смѣху достойно такое хвастованіе, что ни въ комъ нужды не имѣешь.

Ст. 31. *Всяко состояніе* и пр. Вотъ еще другіе доводы, которыми Горацій показываетъ, что мнѣніе Аристипово выше Діогенова. Аристипъ во всякой степени, во всякомъ состояніи, въ обильствѣ и въ недостаткѣ равно доволенъ находился; Діогену только одинъ родъ житія бывалъ приличенъ. *Всякъ цвѣтъ.* Omnis color. Цвѣтъ здѣсь значитъ состояніе, или родъ житія.

Ст. 33. *Доволенъ почти настоящимъ.* Кто лучшее состояніе, кто большее счастье ищетъ, трудно настоящимъ можетъ быть доволенъ; для того Горацій прибавилъ союзъ *почти.*

Ст. 34 и 35. *Кого терпѣніе одѣло въ удвоенну епанчу.* Симъ описаніемъ Діогена Горацій означаетъ. Греческія епанчи были гораздо велики и широки, для того два края подолу нашивали подобраны и завязаны за плечьми пряжкою, такъ что спереди видѣнъ бывалъ полукафтанъ. Киническіе философы, которые всякой украсы убѣгая, иногда полукафтанья не нашивали, но епанчу вздѣвали сверхъ одной рубашки, удвоивали эпанчу на плечахъ, то есть дважды въ нее обвивалися. *Терпѣнье* вмѣсто терпѣніе, за нужду мѣры. Должно писать терпѣніе большою буквою Т, ибо здѣсь лице богини значитъ.

Ст. 35 и 36. *Жизни видъ противный если пристанетъ......* Въ сродномъ положеніи словъ: есть чему дивиться, если пристанетъ ему противной видъ жизни. Рѣдко человѣкъ, которой къ сумѣ пріобыкъ и предъизбралъ ходить въ лоскуткахъ, годенъ сожительству честныхъ людей и къ приличному употребленію уборнаго платья. *Жизни видъ противный.* Въ латинскомъ стоитъ: противная дорога жизни.

Ст. 37. *Тотъ не станетъ ожидать* и пр. Тотъ сирѣчь человѣкъ, которой въ людяхъ живетъ, каковъ Аристипъ, обыкши уже къ великолѣпію, благодушно носить умѣетъ ободранное платье, когда премѣна счастья къ тому ему понудитъ: понеже вѣдаетъ, что единое человѣка достойное украшеніе есть добродѣтель.

Ст. тотъ же. *Багряну одежду.* Багряница, драгоцѣнное платье.

Ст. 39. *Такъ въ одномъ, какъ въ другомъ уборѣ исправитъ должность*

Исправитъ должность свою. Другой же милетску
Багрянку хуже змѣи и пса отбѣгаетъ.
До смерти станетъ колѣть, если не воротишь
Ему ветоши свои; возврати тѣ убо
И оставь его въ своемъ жить гнусномъ безумствѣ.
Побѣды въ войнахъ достать и недруговъ плѣнныхъ
Согражданамъ въ зрѣлище представить—дѣла тѣ
Юпитеровъ высотой престолъ досязаютъ,
И почти божественны; мужей знаменитыхъ
Пріятство себѣ достать не мала есть слава:

свою. То есть, умѣетъ весть себя и философомъ убогимъ, когда въ недостаткѣ найдется, и человѣкомъ мирскаго обхожденія, когда случай и обильство то позволяютъ; въ латинскомъ стоитъ: Personamque feret non inconcinus utramque, и одно и другое лицо носитъ, будетъ не неискусно. Метафора взятая отъ зрѣлищъ, гдѣ дѣйствители хари вздѣвали по лицу, которое изображать имѣли.

Ст. 40 и 41. *Другой милетску багрянку*. Другой же, то есть ханжа, каковъ Діогенъ, не можетъ отстать отъ своего обычья и бѣжитъ уборнаго платья, какъ змѣи или бѣшенаго пса. *Милетъ*. Городъ Іоніи къ рубежамъ карійскимъ въ меньшой Асіи, теперь Мелассо называемый; въ Гораціевы времена въ томъ городѣ дѣлывалися славныя шерстяныя драгоцѣнныя парчи.

Ст. 42. *До смерти станетъ колѣть*. Аристипъ, поведши нѣкогда Діогена въ баню, приказалъ, чтобъ, пока онъ парится, спрятали его худую епанчу и вмѣсто оной поставили епанчу милетскую. Діогенъ, вышедъ изъ бани и нашедши сію богатую епанчу, сталъ кричать, что буде ему свою не возвратятъ, онъ лучше въ одной рубашкѣ ходить станетъ, и потому принуждены были отдать ему назадъ его сальныя ветоши.

Ст. 42 и 43. *Возврати тѣ убо и оставь его въ своемъ жить гнусномъ безумствѣ*. Нечего другаго съ такимъ человѣкомъ дѣлать, возврати ему его епанчу, и оставь его жить въ нищетѣ, когда она ему нравна.

Ст. 45. *Побѣды въ войнахъ достать* и проч. Горацій принимается доказывать, что славнѣе и честнѣе поступаетъ тотъ, кто въ вельможахъ ищетъ, чѣмъ тотъ, кто провождаетъ жизнь въ лѣностномъ уединеніи, ни малѣйшаго славолюбія не имѣетъ. Одерживать побѣды надъ непріятелемъ и представить согражданамъ въ зрѣлище непріятелей плѣнныхъ суть дѣла, говоритъ онъ, которыя человѣка, коимъ оныя вѣршены, почти богамъ сравнятъ. Та слава первую степень одержитъ. Вторая есть умѣть своими прислугами, своими изрядными свойствами добыть милость и дружбу государей и вельможъ.

Ст. 47. *Юпитеровъ высотой престолъ досязаютъ*. То есть, слава такого человѣка почти равняется славѣ боговъ и доставляетъ почти божественную честь.

Ст. 48. *И почти божественны*. Et coelestia tentat, слово отъ слова: пытается небесная совершать, то есть трудится равнять богамъ.

Ст. тотъ же. *Мужей знаменитыхъ*. Principibus viris. Начальнѣйшихъ

Не всякому удалось побывать въ Коринѳѣ.
За дѣло тотъ не взялся, кто себѣ боялся
Неудачи, слова нѣтъ. Чтожъ тотъ, что исправилъ,
Мужественно-ль поступилъ? о томъ слово идетъ,
Въ томъ состоитъ иль нигдѣ то, что мы знать ищемъ.
Той страшится бремени, что силъ превосходитъ
Молодушныхъ, сей поднять на себя дерзаетъ,
И несетъ. Иль тщетно есть имя добродѣтель,
Иль награжденіе и почесть достойна
Тому, кто силу свою въ хвальныхъ искушаетъ
Предпріятіяхъ, трудовъ не страшась и бѣдства?
Кто убожество свое умолчевать знаетъ

мужей, сирѣчь государей, вельможъ, кои первое мѣсто въ правительствѣ засѣдаютъ.

Ст. 50. *Не всякому удалось побывать въ Коринѳъ.* Греческая пословица, которая или отъ того пошла, что Лаисъ, славная блудница города Коринѳа, весьма дорого себя продавала и потому не всякому было можно ею наслаждаться, или отъ того, что входъ въ пристань коринѳскую весьма кораблямъ труденъ. Горацій тою пословицею внушаетъ, что трудно доставать себѣ милость и дружбу начальныхъ людей.

Ст. 51. *За дѣло тотъ не взялся.* Заслужить себѣ любовь вельможъ слава есть не малая, но оная гораздо трудна; не всякому оную достать удается, какъ не всякому удается побывать въ Коринѳѣ. Одни, разсуждая тѣ трудности, за дѣло не берутся, другіе, всѣ тѣ трудности презирая, отваживаются, трудятся великодушно. Я, говоритъ Горацій, первыхъ не зазираю. Избрали они покой и тишину; слова нѣтъ, пусть они держутся; но то знать хочу, вторые достойны ли славы? О томъ слово идетъ. Въ томъ состоитъ, или ни въ чемъ, то, что мы ищемъ. Противъ чего самъ отвѣчаетъ, что или добродѣтель есть тщетное имя, или награжденіе и почесть тому достойна, кто искушаетъ свою силу въ славныхъ предвоспріятіяхъ, не страшася трудовъ и бѣдствованій.

Ст. 55. *Той страшится бремени.* Въ латинскомъ яснѣе: тотъ страшится бремени понеже оное превосходитъ слабую душу и слабое тѣло.

Ст. 58. *Награжденіе и почесть достойна тому.* Въ латинскомъ: правильно требуетъ награжденіе и почесть. Pretium recte petit.

Ст. 59. *Кто силу свою въ хвальныхъ искушаетъ предпріятіяхъ.* Experiens vir. Человѣкъ, которой отвѣдываетъ, пытается, и котораго встрѣчающіяся затрудненія не останавливаютъ, который въ трудахъ не унываетъ.

Ст. 60. *Трудовъ не страшася и бѣдства.* Мой прибавокъ для пополненія стиха.

Ст. 61. *Кто убожество свое.* Окончено уже изслѣдованіе, которое изъ двухъ, Аристипово сирѣчь или Діогеново, мнѣній лучше. Теперь Горацій начинаетъ правила потребныя для сожительства съ людьми предписывать. И понеже всего опаснѣе тѣмъ, кои къ вельможамъ прибѣгали, корысть и жадность собирать богатства, оставшимися стихами

Предъ государемъ своимъ, больше получитъ онъ,
Чѣмъ тѣ, кои безперечь нахалчиво просятъ.
Съ смиренностью принимать, что дано бываетъ,
Иль похищать, межъ собой разнятся не мало,
И знать то различіе есть всему начало
И источникъ. Кто, сестру, говоритъ, имѣю
Безъ приданаго, и мать на рукахъ убогу,
Землю ни продать могу, ни съ нее кормиться,
Кричитъ: *дайте хлѣба мнѣ*. Другой подпѣваетъ:
И мнѣ хлѣба надѣли того половину.

сего письма Сцеву противъ того несовершенства наставляетъ. Прочія правила къ наступающему письму относитъ, которыя есть слѣдствіемъ сего. То, что Горацій говоритъ, что тѣ, кои ничего не просятъ, больше получаютъ, чѣмъ тѣ, кои всегда просятъ, въ умъ Дасіеру приводитъ дѣйство Архелая, царя македонскаго. Нѣкогда случився за ужиною, одинъ изъ его придворныхъ, думая, что должно безперечь просить у государей, просилъ царя, чтобъ пожаловалъ ему золотую кружку, изъ которой онъ пилъ. Царь тотчасъ повелѣлъ оную отдать Еврипиду, засѣдающему съ нимъ за столомъ, и оборотяся къ нахалчивому просителю: ты достоенъ, сказалъ ему, всегда просить и всегда отказъ получать, а Еврипидъ, который никогда не проситъ, достоенъ, чтобъ всегда былъ награжденъ.

Ст. 64 и 65. *Съ смиренностью принимать, что дано бываетъ, иль похищать*. Въ латинскомъ стоитъ: разнится межъ собой, брать съ устыдѣніемъ или похищать. Горацій называетъ брать съ устыдѣніемъ, Sumere pudenter. Брать то, что намъ кто съ собственнаго благоизволенія даетъ, и похищать, rapere, брать, что кто, утружденъ нашими мольбами и докуками, даетъ.

Ст. 66. *И знать то различіе* и пр. Начальнѣйшая должность, источникъ нашей удачи при вельможахъ есть знать быть умѣреннымъ въ своихъ прошеніяхъ и разумѣть помянутое различіе межъ брать и похищать.

Ст. 67 *Кто, сестру, говоритъ, имѣю* и пр. Изъясняетъ Горацій хитрость людей, которые постороннимъ образомъ не меньше нахалчиво просятъ. Понеже описуя свои недостатки, явно кричатъ, дай мнѣ, чѣмъ оные исправить.

Ст. 69. *Землю ни продать могу*. Разумѣть должно: имѣю землю, которую ни продать могу, ни съ нея кормиться. Nec pascere firmus. Firmus довольный, угодный, способный.

Ст. 70. *Кричитъ, дайте хлѣба мнѣ*. Не только самъ проситъ нахалчиво, но къ тому-жъ и другихъ подзываетъ, его образцу слѣдуя, просьбами докучать. Горацій такихъ просителей уподобляетъ нищимъ: какъ скоро одинъ проситъ громкимъ голосомъ милостыню, тотчасъ другой подбѣжитъ, чтобъ раздѣлить то, что первому дано будетъ.

Ст. тотъ же. *Другой поспѣваетъ*. Изъ сего видно, что нищіе въ Римѣ прашивали милостыню съ напѣвомъ, какъ и у насъ въ обыкновеніи.

Ст. 71. *И мнѣ хлѣба надѣли того половину*. Точныя слова, употребляемыя отъ римскихъ нищихъ, когда прибѣгали на голосъ другаго ни-

Но еслибы воронъ могъ ѣсть молчаливъ, больше
Корму бъ имѣлъ и распри и зависти меньше.
Кто за знатнымъ слѣдуя господиномъ въ Бринды
Или въ прохладный Сурентъ, жалобы приноситъ
На остру стужу, на дождь, на злую дорогу,
И плачется, что разбитъ ящикъ и покрали
Его деньги, хитростямъ извѣстнымъ подложницъ
Подражаетъ, которы часто горьки слезы
Льютъ, какъ о потерянномъ своемъ ожерельѣ,
Иль о подвязкахъ своихъ, кои у нихъ цѣлы,
Такъ, что ужъ и истиннымъ ихъ скорби й убыткамъ
Никто вѣры не даетъ. Кто однажды обманутъ,

щаго. *Хлѣба.* Quadra назывался хлѣбъ, который означенными на немъ чертами легко раздѣлиться могъ на четыре части.

Ст. 72. *Но еслибы воронъ.* Помянутыхъ просителей, какъ и нищихъ, еще пріуподобляетъ ворону, который увидя добычу съ крикомъ на нее бѣжитъ, которымъ за собой другихъ вороновъ подзываетъ; и такъ принужденъ бываетъ съ ними подѣлить добычу, которая бы ему одному досталась, еслибъ зналъ молчать.

Ст. 74. *Кто за знатнымъ слѣдуя господиномъ въ Бринды.* Знатные господа обыкновенно важивали съ собою въ деревню и въ своихъ походахъ нѣсколькихъ изъ своихъ друзей. Между такими друзьями нахаживались такіе, кои жаловалися на худую дорогу, на стужу, на дождь, или сказывали, что ихъ въ дорогѣ покрали, дабы тѣмъ у господина что ни есть добыть. Горацій тѣ постороннимъ образомъ производимыя прошенія поставляетъ въ числѣ вышепомянутыхъ и пріуподобляетъ ихъ хитростямъ подложницъ, которыя плачутъ и притворяются, что потеряли подвязки, или ожерелье, или другую какую вещь, дабы тѣмъ отъ любителей своихъ какой подарокъ достать. *Бринды*, Brundusium, городъ приморской въ королевствѣ Неапольскомъ на берегу Адріатическаго моря.

Ст. 75. *Сурентъ.* Городъ въ Кампаніи на берегу морскомъ, близъ мыса Минервина.

Ст. 76. *На злую дорогу.* Въ латинскомъ: на ухабы. Ибо salebrae толкуются мѣста неравныя, ямчатыя, которыя перескакивать должно.

Ст. 80. *Ожерелье.* Въ латинскомъ: catella, цѣпочка, отъ catenulla.

Ст. 81. *О подвязкахъ своихъ.* У грековъ и у римлянъ женщины имѣя, наипаче во время танцу, ноги открыты по колѣни, подвязывалися драгоцѣнными подвязками.

Ст. 83. *Кто однажды обманутъ* и проч. Доводъ тому, что выше говорилъ, а именно, что когда тѣ лживые люди и впрямь что потеряютъ, никто уже имъ не вѣритъ. Ибо, говоритъ онъ, человѣкъ однажды обманутый плутомъ, который притворилъ себѣ ногу изломленну, уже никакого сожалѣнія не имѣетъ о нищемъ впрямь изувѣченномъ. Бывали такіе нищіе плуты и разбойники, которые притворялися изувѣченными, чтобъ мимоидущихъ, когда къ нимъ на помочь пріидутъ, могли свободнѣе покрасть.

Лежаща съ сломленною въ улицѣ ногою
Не подыметъ нищаго, хоть ручьемъ съ глазъ слезы
Текутъ, и бѣдный, клянясь именемъ Осира,
Говоритъ: «*Повѣрьте мнѣ*, о жестокосердни!
«Не шучу, безногаго, меня подымите!
Ищи пришельца, кричитъ, охрипло сосѣдство.

ПИСЬМО XVIII.

КЪ ЛОЛЛІЮ.

Если я прямо тебя, Лолліе отважный,
Вызналъ, станешь беречись, другомъ обѣщався
Кому быть, похлебникомъ гнусным показаться.
Какъ честная госпожа въ нравахъ и въ уборѣ
Съ блядью разнится, такъ другъ съ невѣрнымъ различенъ

Ст. 85. *Не подыметъ нищаго хоть ручьемъ съ глазъ.* Съ глазъ нищаго, который лежитъ съ изломленною ногою. Въ латинскомъ рѣчь Planus значитъ плута, обманщика, ханжу.

Ст. 86. *Именемъ Осира.* Осиръ былъ египетской покровитель такихъ безмѣстныхъ людей.

Ст. 89. *Ищи пришельца, кричитъ охрипло сосѣдство.* Когда тотъ нищій проситъ, чтобъ его изувѣченнаго подняли, все сосѣдство отвѣтствуетъ: Ищи обмануть другого, кто тебя не знаетъ. Охрипло сосѣдство для того, что кричитъ громкимъ голосомъ.

XVIII. Сіе письмо служитъ пополненіемъ къ предъидущему. Горацій въ немъ продолжаетъ предписывать правила къ житейскому обхожденію. Писано оное къ тому Лоллію, къ которому писано 2 письмо сей книги; ищи тамъ объ немъ извѣстіе.

Ст. 1. *Лолліе отважный.* Отважнымъ и смѣлымъ, liberrimum, Лоллія называетъ, понеже съ столь излишною вольностію или смѣлостію мнѣнія свои открывать обычай имѣлъ, что впадалъ въ злонравіе, противное похлебству, сирѣчь становился грубымъ и досадительнымъ.

Ст. 3. *Похлебникомъ.* Scura значитъ шута и похлебника.

Ст. 5. *Съ невѣрнымъ различенъ похлебникомъ.* Невѣрность нераздѣльна съ похлебствомъ. Похлебникъ счастію слѣдуетъ и тотчасъ измѣняетъ, когда пользы своей въ постоянствѣ не находитъ.

Похлебникомъ. Есть сего злонравію, злой нравъ
Противный, и большь почти, дикая суровость,
Тяжкая, докучая, котора брадою
Стриженою хвастаетъ и черными зубы,
Простымъ безпристрастіемъ и истою зваться
Добродѣтелью ища. Но есть добродѣтель
Средина между двумя злы нравы, отъ краевъ
Равно отстоящая. Похлебникъ чрезъ мѣру
Подслужиться тороплив и подобенъ шутамъ,
Что въ нижнемъ краю стола сидятъ; такъ чтитъ съ страхомъ

Ст. 6 и 7. *Есть сего злонравію, злой нравъ противный, и большь почти*. Всякое злонравіе имѣетъ другое себѣ противное; похлебству противна грубость или нахальчивость; одно грѣшитъ чрезъ мѣру много, другое чрезъ мѣру лаская. Дикою тяжкой и докучною суровостью я назвалъ Asperitates agrestis, inconcinnas, et gravem. Греки тоже именуютъ authadian, нахальчивость: злонравіе людей, которые, чрезъ мѣру себя самихъ почитая, всему прекословятъ и осуждаютъ все то, что другіе дѣлаютъ.

Ст. 8 и 9. *Котора брадою стриженою хвастаетъ*. Тѣ, кои хотѣли являться строги, не только нравами то оказывали, но и наружнымъ уборомъ наипаче о себѣ самомъ непекучися; для того напримѣръ бороду не бривали, но просто ножницами стригли, и запускали зубы свои чернѣть.

Ст. 10. *Простымъ безпристрастіемъ* и проч. То дикой суровости злонравіе, та грубая строгость ищетъ внѣшнимъ приборомъ показаться добродѣтелью; чаетъ, что люди почтутъ ея безпристрастіемъ. Обыкновенно злонравнымъ такая пустая надежда, напримѣръ, злобный плутецъ наружною святостію чаетъ покрыть черную свою душу. Скупой хочетъ казаться домостройнымъ, мотъ великодушнымъ, трусъ благоразсуднымъ и пр.

Ст. 12. *Отъ краевъ равно отстоящая*. Добродѣтель въ умѣренности состоитъ и отбѣгаетъ крайности, въ которыхъ злонравія засѣдаютъ. Кто чрезъ мѣру много ласкаетъ, похлебникъ; кто чрезъ мѣру мало ласкаетъ, грубянинъ докучной; кто умѣренное ласканіе употребляетъ, учтивъ и потому хваленъ.

Ст. 13. *Чрезъ мѣру подслужиться тороплив*. Obsequium прямо сказать есть прислужливость, честное ласкательство; но когда оное чрезъмѣру, становится похлебство. Для того Горацій прибавилъ plus aequo.

Ст. 14. *Подобенъ шутамъ*. Derisor насмѣшникъ, забавникъ, шутъ.

Ст. 15. *Что въ нижномъ краю стола сидятъ* и проч. Похлебника пріуподобляетъ шутамъ, которые у римлянъ саживалися въ нижнемъ концѣ стола. Обыкновенно похлебникъ господина или богача, которому прислуживается, его объѣдая, чтитъ и взгляды и всякое малѣйшее движеніе, подобострастнымъ себя являя, слова его повторяетъ и рѣчи, которыя ни кто другой не примѣчаетъ, заставляетъ примѣчать, до неба оныя похвалами возвышая; и то съ такимъ прилежаніемъ дѣлаетъ, что почаешь видѣть въ немъ младенца, которой задачу предъ учителемъ своимъ дрожа говоритъ, или вгораго дѣйствителя, который нарочно себя понижаетъ въ

Всѣ движенія лица богача и взгляды;
Такъ повторяетъ слова и рѣчи, которы
Пали недослушаны, тщится выхваляя
Внушить, что почаялъ бы младенца ты видѣть
Повторять учителемъ сказанныя рѣчи,
Иль должность дѣйствителя исправлять втораго.
Другой часто спорится о козлиной шерсти
И противится всему, вооруженъ басньми.
Моимъ ли надъ всѣхъ словамъ, говоритъ онъ, вѣры
Не давать? И мнѣ-ль уже мысль свою свободно
Не открывать истинну? съ такимъ уговоромъ
Удвоенная жизнь мнѣ была бы мзда гнусна.
О чемъ дѣло? о томъ, чтобъ знать, кто искуснѣй
Изъ двухъ борцовъ борется: *Доцилъ* или *Касторъ*;

игрищи чтобъ первый дѣйствитель больше оказался. *Чтитъ со страхомъ*. Horret чтитъ подобострастно.

Ст. 16. *Всѣ движенія лица богача и взгляды*. Въ сродномъ положеніи словъ: всѣ движенія лица и всѣ взгляды богача.

Ст. 21. *Должность дѣйствителя исправлять втораго*. Неизвѣстно теперь, какимъ образомъ у римлянъ второй дѣйствитель на игрищи должность свою исполнялъ. Но изъ сего и другихъ мѣстъ въ писателяхъ древнихъ догадываемся, что онъ дѣйству перваго дѣйствителя подражалъ и ему спомощникомъ служилъ.

Ст. 22. *Другой часто спорится о козлиной шерсти*. Описавъ похлебника, Горацій принимается описывать человѣка противнаго нраву, сирѣчь грубянина неугомоннаго, о которомъ выше упомянуто. *О козлиной шерсти*. Сирѣчь о ничемъ, ибо козы шерсти не имѣютъ, но волосы одни. Пословица та была у римлянъ.

Ст. 23. *Вооруженъ басньми*. Nugis armatus, nugae, басни, небылица, вздоръ, вещь сумазбродная.

Ст. 24. *Моимъ ли надъ всѣмъ словамъ* и проч. Такого нраву человѣкъ чаетъ, что всякъ его словамъ вѣрить долженъ свыше всякаго другаго.

Ст. 25. *Мнѣ-ль уже мысль свою свободно*. Мнѣ ли истинную мою мысль не открывать свободно? Для чего-бъ мнѣ не открывать мое мнѣніе истинное? Съ какой нужды мнѣ притворяться и таить то, что мыслю рѣчи грубянина.

Ст. 27. *Удвоенная жизнь мнѣ была бы мзда*. Грубянинъ еще говоритъ, что еслибъ ему кто сулилъ жизнь вдвое долгайшу на такомъ договорѣ, чтобъ онъ не открывалъ свое прямое мнѣніе, чтобъ не выговаривалъ то, что лежитъ на сердцѣ, то онъ бы на то не склонился и ту удвоенну жизнь почаялъ бы награжденіемъ гнуснымъ, маловажнымъ.

Ст. 28. *О чемъ же дѣло? О томъ, чтобъ знать* и пр. Для чего-жъ тотъ человѣкъ такъ устремляется, о чемъ дѣло идетъ? О томъ, чтобъ знать, кто изъ двухъ борцовъ лучше борется, которая изъ двухъ дорогъ лучше. Важна причина распри и гнѣва.

Ст. 29. *Доцилъ, или Касторъ*. Два борца во временахъ Гораціевыхъ.

Котора лучше изъ двухъ, та-ли, что Минуцій,
Или, что Аппій проклалъ въ Брундузій, дорога?
Кого похоть вредная, кого обнажаетъ
Игра пагубна, кого слезы любовь можетъ
И убираетъ сверхъ силъ, кого богатствъ мучитъ
Докучна надежда, кого нищеты стыдъ нудитъ
Ея всячески бѣжать, богатый пріятель,
Часто самъ обильнѣе десятью въ злыхъ нравахъ,
Ненавидитъ и его гнушается сильно,
Иль господствуетъ надъ нимъ, коль не ненавидитъ,

Ст. 30. *Та ли, что Минуцій или что Аппій проклалъ въ Брундузій дорога.* Двѣ дороги лежали изъ Рима въ Брунды: дорога сирѣчь Аппіева которую вымостилъ ценсоръ Аппіусъ, и дорога Минуціева, которую проклалъ Минуціусъ Аугуринусъ, надзиратель съѣстныхъ припасовъ.

Ст. 32. *Кого похоть вредная* и пр. Горацій начинаетъ уже другія правила общежитія съ вельможами представлять, и показываетъ Лоллію, что вельможи, хотя сами десятью обильнѣе въ злонравіяхъ, гнушаются того, кто предался любодѣйству, кто въ игрѣ промотался, кто славолюбивъ, кто сребролюбивъ, кто нищеты стыдится.

Ст. 33. *Игра пагубна.* Alea praeceps. Слово отъ слова: игра пропастная, понеже повергаетъ человѣка въ пропасть, откуду уже выползти не можетъ.

Ст. Тотъ же. *Кого славы любовь можетъ, убираетъ сверхъ силъ.* Безразсудно человѣку, который служитъ государю или вельможѣ, иждивеніе чинить сверхъ силъ своихъ, сверхъ своего приходу. Да если бы и довольно къ тому имѣнія имѣлъ, долженъ такимъ образомъ умѣрять свой расходъ, чтобъ въ платьѣ, въ приборѣ и въ столѣ разница была межъ господиномъ и слугою. *Мажетъ.* Ungit, подъ симъ словомъ включаются благовонныя мази, коими тѣло и волосы мазывали, также и столъ или яства обильные.

Ст. 34. *Кого богатствъ мучитъ докучна жажда.* Ибо та жадность къ деньгамъ всегда подозрительна. Она-то Лоллія погубила, понеже биралъ взятки безъразбору и ограбилъ пренорученныя ему провинціи.

Ст. 35. *Кого нищеты стыдъ нудитъ ея всячески бѣжать.* Когда кто столь гнусну чаетъ нищету, столь ея стыдится, и съ толькимъ прилежаніемъ избыть ея старается, нѣтъ того, на что-бъ онъ не отважился; и вельможа не долженъ ожидать многу дружбу отъ такого малодушнаго человѣка. Латинское quem tenet paupertatis pudor et fuga, слово отъ слова: кого держитъ стыдъ и бѣгъ нищеты, сирѣчь, кто стыдится нищеты и избѣжать ея прилежитъ.

Ст. 36. *Богатый пріятель.* Богачъ. Вельможа или государь, въ комъ помянутый человѣкъ ищетъ.

Ст. 39. *Иль господствуетъ надъ нимъ, коль ненавидитъ.* Буде вельможи не гнушаются тѣхъ, кои имъ прислуживаются, за ихъ вышепоказанныя злонравія, то оттого поводъ пріемлютъ попрекать имъ и надъ ними тирански властвовать.

И какъ матерь ласкова, превосходнымъ въ нравахъ
Добрыхъ, и въ умѣ его надъ собой желаетъ.
Богатство, говоритъ онъ, и чуть ли не право,
Мое позволяетъ мнѣ шалѣть. Ты со мною
Не тянись; имѣніе твое невеличко;
Узкой кафтанъ умному приличенъ знакомцу;
Мнѣ подражать иль меня перейти не тщися,
Евтрапелъ, когда кому вредить желая, платье
Драгоцѣнно даривалъ, въ себѣ разсуждая:
Онъ, ужъ счастливымъ себя почитая, съ платьемъ
Нарядпымъ ужъ новые мысли и надежды
Приметъ, до полудня спать ужъ станетъ, блудницу
Честной своей должности предпочтетъ, чужія
Деньги будетъ онъ ростить и наконецъ станетъ
Борецъ иль садовничей наемной работникъ.
Тайны ничьей не ищи вывѣдать, и крѣпко

Ст. 40. *И какъ матерь ласкова.* Какъ матерь цѣломудрая и горячая къ дѣтямъ своимъ желаетъ, чтобъ они больше ея самой были добродѣтельми украшены, такъ вельможа злонравный требуетъ, чтобъ его друзья, чтобъ его прислужники были его умнѣе. Нетрудно узнать, что въ семъ пріуподобленіи Горацій пріятно шутитъ.

Ст 42 и 43. *Богатство мое позволяетъ мнѣ шалѣть.* Meae stultitiam patiuntur opes, слово отъ слова: мои богатства терпятъ шалость.

Ст. 45. *Узкой кафтанъ.* Узкой, непространный кафтанъ, вмѣсто умѣреннаго убора. *Умному приличенъ знакомцу.* Comes, значитъ человѣка, который присталъ къ вельможѣ, или государю, не въ простые слуги, но въ придворные пріятели. Таковы у насъ были знакомцы.

Ст. 47. *Евтрапелъ, когда кому вредить желаетъ.* Волумніусъ искренній другъ Цицероновъ, который одаренъ былъ столькою остротою ума и столькою сладостію въ шуткахъ и забавныхъ рѣчахъ, что нажилъ прозвище Евтрапела, то есть пріятнаго и забавнаго насмѣшника. Онъ Евтрапелъ забавно говаривалъ, что если когда недостаточнымъ друзьямъ вредить хотимъ, то должно подарить имъ богатое платье, будучи безсумнительно, что то красивое платье отмѣнитъ ихъ склонность и причинствуетъ имъ пагубу.

Ст. 48. *Даривалъ.* Dabat, вмѣсто совѣтовалъ давать.

Ст. 54. *Борецъ.* Единоборецъ, гладіаторъ. Въ латинскомъ стоитъ: станетъ факіяникъ, Thrax erit, родъ борцовъ, которые вооружены бывали щитомъ, называемымъ parma, и мечемъ кривымъ наподобіе косы, называемымъ lagre и sica, оружіе свойственное ѳраческому народу.

Ст. тотъ же. *Садовничей наемной работникъ.* Въ латинскомъ стоитъ: станетъ за плату водить садовничу лошадь.

Ст. 55. *Тайны ничьей не ищи вывѣдать.* Ибо такая любопытность подозрительна. Къ тому если тайну пріятельску хранить мы намѣрены, то излишнюю тягость на себя беремъ; если оное худое употребленіе чинить хотимъ, то гнусными пріятелями бываемъ.

Уже ввѣренно храни и въ винѣ и въ гнѣвѣ,
Ни свою склонность хвали, ни хули чужія,
Ни, когда забавиться другъ ловлею хочетъ,
Ты берись стихи писать; за тѣмъ двойневъ братьевъ
Амфіона и Зефа пресѣкласе дружба,
Пока ненавистныя суровому гусли
Умолкли. Амфіонъ бо, сказываютъ, сдался
Напослѣдокъ грубому братнину нраву;
И ты друга сильнаго велѣніямъ легкимъ
Уступай, и когда онъ не выведетъ въ поле
На коняхъ этолскія тенета со псами,
Встань и угрюмость тотчасъ отставь дикой музы,
Чтобъ и ты какъ прочія куплены трудами
Ѣствы возмогъ ужинать. Римлянамъ издавна
Ловля упражненіемъ обычное, славѣ
Полезно, и здравію, и всѣмъ удамъ тѣла.
Столь больше, что ты здоровъ и одолѣть можешь

Ст. 56. *И въ винѣ, и въ гнѣвѣ*. Кто ввѣрену тайну умолчиваетъ въ пьянствѣ и въ гнѣвѣ, можно на него полагаться.

Ст. 60. *Амфіона и Зефа пресѣклася дружба*. Амфіонъ и Зефусъ были двойни, сыновья Юпитеровы, въ склонностяхъ столь различны, что Зефусъ вдался въ паству стадъ, а Амфіонъ музыкѣ; но Зефусъ, будучи нравомъ дикъ и суровъ, не могъ сносить слышать гусли Амфіоновы и за то столь часто съ нимъ въ ссору вступалъ, что напослѣдокъ Амфіонъ принужденъ былъ ту забаву оставить.

Ст. 64. *И ты друга сильнаго велѣніямъ легкимъ уступай*. Если братъ принужденъ былъ уступить брату, сколь наипаче подчиненный своему вышшему уступать долженъ. *Велѣніямъ легкимъ*. Прошеніе и желаніе вельможей и сильныхъ господъ суть повѣленія, учтивыя, правда, и ласковыя, но которымъ непослушнымъ быть вредно и часто пагубно.

Ст. 66. *Этолскіе тенета*. Этолія была греческая провинція, обильна вепрями и въ которой учинилася та славная ловля македонскаго вепря, Малеагромъ убіеннаго, для того Горацій тенета этольскими называетъ.

Ст. 67. *Угрюмость тотчасъ отставь дикой музы*. Senium, сирѣчь odim, докучность, угрюмость. Camoena inhumana, муза безчеловѣколюбная, то есть муза дикая, которая прерываетъ союзъ сожительства и досаждаетъ прочихъ склонности.

Ст. 69 и проч. *Римлянамъ издавна* и проч. Когда сильной господинъ или другъ твой на ловлю идетъ, и ты долженъ идти, буде то ему желательно, не только для того, что должно сильнѣйшаго волѣ уступать и угождать пріятелю, но и для того, что ловля дѣло негнусное. Напротиву, издавно она составляла обыкновенное упражненіе римляновъ, и полезна такъ здоровью движеніемъ тѣла, какъ и славѣ, показывая то упражненіе, храбрость, и силу. Сіе Гораціево наставленіе особливо касается Лоллія, что явно изъ слѣдующихъ стиховъ.

Ст. 72 и пр. *Столь больше что ты здоровъ*. Столь наипаче ты,

Пса бѣглостію и вепря силами; къ тому же
Никто не знаетъ владѣть ружьемъ тебя лучше.
Знаешь, съ какою ты бой въ полѣ похвальбою
Отправляешь марсовомъ; приложи, что съ дѣтства
Жестокость воинственной должности сносилъ ты,
И присутствовалъ въ войнѣ ишпанской подъ вождемъ,
Который плѣнные у парѳянъ изъ храмовъ
Вырвалъ наши знамена, и теперь останокъ
Міра, буде есть какой ему не подвластный,
Нудитъ власть его познать оружіемъ римскимъ.
Но дабы ты отречись ничѣмъ не былъ силенъ
И извинить чѣмъ себя не имѣлъ, припомни,
Что хотя печешься ты, чтобъ твои поступки
Хвальные были всегда и тебѣ приличны,
Нѣкогда забавишься въ отцовской деревнѣ.

Лолліе, долженъ слѣдовать другу на ловлю, что ты здоровъ и что столь силою и бѣглостію отъ природы одаренъ, что вепря одолѣть и пса опередить можешь, что всѣхъ искуснѣе ружьемъ владѣешь и проч.

Ст. 75. *Съ какою ты бой въ полѣ похвальбою отправляешь Марсовомъ.* Бои, отправляемые въ Марсовомъ полѣ въ Римѣ, не только для науки юношей они совершалися, но и рослые люди, равно какъ и особы высшихъ чиновъ въ томъ упражнялися.

Ст. 78. *Присутствовалъ въ войнѣ ишпанской.* Лолліусъ, еще довольно молодъ, слѣдовалъ Августу Кесарю въ Ишпанію, гдѣ войну императоръ продолжалъ чрезъ четыре года.

Ст. 79. *Подъ вождемъ, который плѣненные у парѳянъ* и проч. Подъ Августомъ сирѣчь, который въ четвертое лѣто по возвращеніи изъ Ишпаніи понудилъ Фроата, парѳянскаго царя, возвратить ему римскія знамена и плѣнниковъ, плѣненные надъ Крассомъ и Антоніемъ. Сіе происхожденіе гораздо въ тѣхъ временахъ выхвалено, и стихотворцы, народъ ласкательный, не преминули такимъ образомъ дѣйство то описать, какъ бы Августъ самъ вооруженною рукою предводя свое войско, изъ храмовъ непріятельскихъ вырвалъ тѣ знамена.

Ст. 80, 81 и 82. *Останокъ міра, буде есть какой ему неподвластный нудитъ* и проч. Чаятельно, Горацій письмо сіе писалъ въ лѣто по созданіи Рима 742. Во время когда Августъ отправилъ Тиберія противъ народовъ панонійскихъ и Друза противъ сикамбровъ, ибо то одно препятствовало еще затворенію Янусова храма въ знакъ всемирной тишины, и понеже тѣ войны были весьма нетрудной удачи, Горацій лаская говоритъ какъ бы сумнѣваяся, Si quid abest. Буде остался какой уголъ міра ему неподвластной; искусная похвала Августу.

Ст. 83. *Но дабы ты отрѣчись ничѣмъ не былъ силенъ* и проч. Горацій возвращается къ ловлѣ и говоритъ Лоллію, что если противъ вышепоказанныхъ причинъ, для которыхъ онъ ему на ловлю идти совѣтуетъ, хотѣлъ бы предложить, что та забава неприлична ни его возрасту, ни его степени; то онъ Горацій проситъ его, чтобъ припомнилъ, что онъ Лоллій,

Войско раздѣляется на двѣ части въ лодкахъ:
Акціянску юноши, твоимъ руководствомъ
Изображаютъ войну, какъ недруги исты.
Братъ твой суперникъ тебѣ, и озеро море
Адріятическо. Бой идетъ, пока быстра
Побѣда одного съ двухъ листами вѣнчаетъ.
Кто увѣрится, что ты склонность его хвалишь,
Охотно твою игру также хвалить станетъ.
Напослѣдокъ, да тебѣ всѣ вдругъ дамъ совѣты
(Буде ты въ совѣтникѣ имѣешь потребу),
Долго думай, что о комъ и кому имѣешь
Сказать. Любопытнаго бѣги; говорливъ онъ:

когда въ деревнѣ находится, часто забавится играми, напримѣръ изображая войну акціанскую. а понеже въ той забавѣ упражняется, не видитъ для чего-бъ не могъ упражняться въ ловлѣ.

Ст. 88. *Войско раздѣляется* и проч. Искусно стихотворецъ описываетъ войну, которою Лоллій въ деревнѣ своей акціанскую для забавы изображаетъ.

Ст. 89. *Акціанску.... войну.* Римское имперіумъ раздѣлено бывши тріумвирамъ, и Антоній, воспаленъ любовію Клеопатры, королевы египетской, разведшися съ Октавіею, женою своею, сестрою Августовою; прогнѣвался кесарь и войну на него поднялъ. Приведши войско свое въ Епиръ, корабельной бой учинился подъ мысомъ Епирскимъ, называемымъ Акціемъ, въ которомъ бою Августъ столь славную одержалъ побѣду надъ Антоніемъ и Клеопатрою, что сіи, въ отчаяніе пришедши, жизнь свою свершили. Лоллій, сію войну изображая, самъ отправлялъ лице Августа Кесаря, братъ его лице Антоніево, а озеро Лукринумъ, лежащее близъ его деревни, море Адріатическое, въ которомъ лежитъ Акціумъ.

Ст. 92. *Быстра.* Вмѣсто крылата, какову стихотворцы побѣду изображаютъ.

Ст. 94 и 95. *Кто увѣрится, что склонность его хвалишь* и проч. Еще новая причина, для которой должно въ сожительствѣ съ вельможами и друзьями своими соглашаться ихъ склонности; ибо когда они усмотрятъ, что ты ихъ воли слѣдуешь, и они твою склонность хвалить станутъ. Напримѣръ, если на ловлю съ ними идти не отречешься, то они станутъ хвалить твою забаву, стихи твои и проч. Utroque tuum laudabit pollice ludum, сіе рѣченіе занято отъ подвиговъ римскихъ. Когда гладіаторы бой производили, если зрители сжавъ руки складывали большіе персты вмѣстѣ, то знакъ бывалъ милости и побѣдитель оставлялъ побѣжденному животъ. Если же отдѣляли большіе пальцы, разжимая руки, значили тѣмъ гнѣвъ, и тогда уже побѣжденному пощады не дозволялось; оттого premere pollicem, сжимать большой палецъ, значитъ *милость являть кому, заступать за кого*, и vertere pollicem, отгибать большой палецъ, значитъ *осудить*.

Ст. 98. *Долго думай, что о комъ и кому имѣешь сказать.* Изрядное правило. Долго разсуждай, что говорить хочешь, кому и о комъ.

Безперечь отверстыя уста не умѣютъ
Ввѣренное сохранять; а слово, однажды
Выпущенное изъ устъ, летитъ невозвратно.
Не дай сердцу твоему подпадать любови
Рабыни или раба, другу надлежащихъ,
Коему ты крайнее почтеніе долженъ;
Дабы господинъ тоя любезной дѣвицы
И краснаго отрока, давъ тебѣ даръ малый,
Не чаялъ дать полное счастье, иль отказомъ
Горькимъ въ острое тебя не ввелъ безпокойство.
Много, долго разсуждай, кого ты иль въ дружбу,
Иль въ службу чью представлять имѣешь, чтобъ скоро
Чужіе грѣхи тебя не ввели въ остуду.
Часто ошибаемся, и тѣмъ недостойныхъ
Друзьямъ хвалимъ. Для того, однажды обманутъ,
Не защищай ты кого свое обличаетъ
Злодѣйство, дабы ты могъ уже совершенно
Выгнанна охранять противъ зла языка
И безвиннаго твоимъ защищать покровомъ.
Когда ѳеонинской зубъ его огрызаетъ,
Не чувствуешь ли, что тебя мало потомъ дойдетъ
То-жъ бѣдство. Касается тебя уже дѣло,
Какъ сосѣдней горитъ домъ, а пожаръ, въ началѣ
Своемъ презрѣнный, обыкъ сильно распаляться.

Ст. 104 и 105. *Другу надлежащихъ, коему ты крайнее почтеніе долженъ*. Рабы или рабыни, принадлежащихъ другу такому, которому ты долженъ крайнее почтеніе. Въ латинскомъ стоитъ: вмѣсто другу надлежащихъ стоитъ Intra marmoreus venerandi limen amici. Въ марморномъ домѣ почитательна друга сущихъ.

Ст. 106. *Давъ тебѣ даръ малый*. Сирѣчь, подаривъ тебѣ того отрока, или ту дѣвицу, который подарокъ невеличекъ.

Ст. 114 по 119. *Для того однажды обманутъ*. Для того, если тебѣ однажды уже случилось быть обмануту, выхваляя недостойнаго, берегись рекомендовать такого человѣка, котораго свое злодѣйство явно обличаетъ; дабы тѣмъ лучше ты могъ совершенно выгнаннаго честнаго мужа охранить отъ клеветы злобнаго языка, и защищать безвиннаго. Когда кто признался безразсудно хвалить недостойныхъ плутовъ, хвалы его честнымъ людямъ не полезны, понеже никто ему не довѣряетъ.

Ст. 119 и пр. *Когда ѳеонинскій зубъ его огрызаетъ, не чувствуешь ли*. Долженъ ты защищать невиннаго, и охранять его отъ клеветы, ибо когда клеветника злобный зубъ его язвитъ, и до тебя тожъ бѣдство дойдетъ, и ты яда того клеветника не избѣжишь. Когда сосѣдній домъ горитъ, тебя дѣло касается. *Ѳеонинскій зубъ*. Ѳеонъ былъ знаменитый клеветникъ, котораго клеветы поводъ подали пословицѣ зуба ѳеонинскаго.

Сильнаго пріятеля дружба неискуснымъ
Сладка мнится; искусной оныя боится.
Ты, пока бѣжитъ корабль твой въ морѣ счастливо,
Трудись, чтобъ тебя не сбилъ назадъ вѣтръ отмѣнный.
Веселый упрямаго, веселыхъ угрюмый,
Тихаго поспѣшные, и тихой проворныхъ
Ненавидитъ. Пьяницамъ, что пить до полночи
Любятъ фалерницко вино, ты будешь противенъ,
Если откажешь изъ рукъ ихъ полны стаканы,
Хоть бы ты и присягалъ, что тебѣ опасны
Въ ночи пары хмѣльные. Сгони со лбу облакъ:
Часто смиренность даетъ стропотнаго имя
И суровый судья быть мнится молчаливой.
Надъ всѣмъ въ книгахъ и въ словахъ испытай ученыхъ,

Ст. 124 и 125. *Сильнаго пріятеля дружба неискуснымъ* и пр. Великолѣпіе котораго знатные господа окружены, прельщая многихъ, заставляетъ ихъ чаять, что крайне благополученъ тотъ, кто ихъ дружбу себѣ добыть можетъ, и не позволяетъ имъ усмотрѣть, что то, что они дружбою зовутъ, есть жестокая для нихъ работа, но когда кто пожилъ съ тѣми господами или испыталъ ихъ нравы и поступки, знаетъ сколь они опасны.

Ст. 126 и 127. *Ты пока бѣжишь, корабль твой.* Ты, Лолліе, пока наслаждаешься милостью государя, такимъ образомъ поступай, чтобъ отмѣна его благосклонности не привела тебя въ несчастье. Изрядно милость господъ знатныхъ уподобляетъ вѣтру, котораго дышаніе непостоянно.

Ст. 128. *Веселый угрюмаго, веселыхъ.* Еще подтверждаетъ Горацій свое правило, что нужно склонности господъ знатныхъ соглашаться, если желаетъ сохранить себѣ ихъ дружбу.

Ст. 131. *Фалерницко вино.* Объ немъ изъявлено въ письмѣ XIV стихѣ 43.

Ст. 133. *Хоть бы ты и присягалъ, что тебѣ опасны въ ночи пары хмѣльные.* Никакого извиненія они не принимаютъ, нужно пить, какъ онѣ пьютъ или впасть въ ихъ гнѣвъ и ненависть.

Ст. 134. *Сгони со лбу облакъ.* Сирѣчь не будь угрюмъ—греки и римляне называли облакомъ морщины тѣ, кои на лбу являются, когда насъ что печалитъ и гнѣвитъ. Ибо какъ облака помрачаютъ небо, такъ тѣ морщины помрачаютъ лобъ нашъ и печальнымъ показываютъ.

Ст. 135. *Часто смиренность даетъ стропотнаго имя.* Отбѣгай угрюмость: ибо часто люди обыкли называтъ стропотнымъ, необходительнымъ, суровымъ человѣкомъ смирнаго и не нахала.

Ст. 136. *И суровый судья быть мнится молчаливой.* И часто чаютъ, что молчаливый человѣкъ молча упражняется строго дѣла ихъ пересужать.

Ст. 137. *Въ книгахъ и словахъ.* Не довольно прилежать чтенію книгъ

Какимъ можешь способомъ вѣкъ прожить покойно,
Чтобъ не мучила тебя жадность ненасытна,
Ни страхъ, ни мало вещей полезныхъ надежда;
Природы ли иль наукъ есть плодъ добродѣтель,
Что думы наши меньшать, что намъ возвращаетъ
Любовь къ себѣ, тишину чисту, что намъ можетъ
Подать высокъ ли степень, иль сладко богатство,
Иль тихаго житія теченіе тайно.

изрядныхъ, нужно еще и собесѣдовать съ учеными людьми. Одно наставленіе не менѣе другаго полезно.

Ст. 139. *Жадность ненасытна.* Лакомство, сребролюбіе, которое никогда быть не можетъ. Въ латинскомъ гораздо лучше изображено: Semper inops Cupido. Лакомство, жадность, которая всегда убога; ибо сколь не богатъ сребролюбецъ, всегда нищимъ себя чаетъ; никогда имѣніемъ своимъ, сколь оно ни велико, недоволенъ.

Ст. 140. *Ни страхъ, ни мало вещей полезныхъ надежда.* Въ сродномъ положеніи рѣчей: ни страхъ, ни надежда мало надежныхъ вещей. Страхъ и надежда всегда желанію соединены. Кто желаетъ, что боится и надѣется. Горацій называетъ *малополезными* или какъ въ латинскомъ стоитъ *среднеполезными*, вещи коихъ ищетъ сребролюбіе и любочестіе.

Ст. 141. *Природы ли иль наукъ есть плодъ добродѣтель.* Испытай книги и разговоры ученыхъ людей, чтобъ могъ узнать, природа ли намъ добродѣтели даетъ или наставленіе. Между древними философами всегда споръ шелъ о семъ вопросѣ. Одни поставляли, что природа даетъ добродѣтель; другіе настаивали, что оныя добываются трудами и наставленіями.

Ст. 142, 143, 144 и 145. *Что думы нащи меньшитъ* и пр. Испытай въ книгахъ и разговорахъ ученыхъ людей, что можетъ убавить наши попеченія, наши думы докучныя, что можетъ намъ себѣ самимъ учинить пріятнымъ, что можетъ намъ доставить чистую тишину души, высокія ли степени, богатство ли или тихое и непышное житье? *Что намъ возвращаетъ любовь къ себѣ.* Одно злонравіе насъ себѣ самимъ непріятелемъ учинить можетъ, потому одна добродѣтель сильна дружить насъ съ собою самими.

Ст. 143. *Тишину чисту что намъ можетъ подать.* Въ сродномъ положеніи словъ: что намъ можетъ подать тишину чисту. Не напрасно Горацій приложилъ чисту, ибо есть нѣкая ложная тишина, которая на время человѣка прельстить можетъ, но несильна вовсе довольнымъ учинить, такова есть тишина, которую даютъ богатства, достоинства, слава, честь и все прочее, что суетою мірскою зовемъ. Но чистую тишину, которая сирѣчь не оставляетъ никакого болѣе желанія и страху и надежды, одна добродѣтель дать можетъ.

Ст. 145. *Иль тихаго житія теченіе тайно.* Сирѣчь уединеніе, житіе скрытое и покойное. Въ латинскомъ стоитъ: Secretum iter, et fallentis semita vitae, слово отъ слова: скрыта дорога и тайная стезя житія. Дорога и стезя вмѣсто теченія.

Я когда вижу себя въ прохладѣ при рѣчкѣ
Холодной Дигенціи, котору Мандела
Пьетъ, сѣно стѣсняемо непрестаннымъ мразомъ,
Что, чаешь, я чувствую? дружокъ, что я, чаешь,
Прошу у боговъ? чтобъ я имѣлъ, что имѣю,
И меньше еще; чтобъ могъ изжить себѣ вѣкъ свой,
Если боги продолжить дни мои желаютъ;
Чтобъ было какъ и на годъ припасовъ;
Дабы въ неизвѣстнаго часа я надеждѣ
Не волновался всегда съ тяжкимъ безпокойствомъ.

Ст. 146. *Я когда вижу себя въ прохладѣ.* Горацій, убѣгая судъ свой объявить на вышеписанное предложеніе, довольствуется вмѣсто того себя образцомъ представить и просто изъяснить, что онъ собою въ томъ дѣлѣ искусилъ. *Когда вижу себя въ прохладѣ.* Me quoties reficit. Не могъ я изобразить порусски слово reficit, которое значитъ отдыхъ дать, возобновить покой и силы въ какомъ дѣлѣ потерянныя. Потому Горацій говоритъ, что когда онъ отдыхаетъ при рѣчкѣ по трудахъ, кои, сирѣчь въ городѣ живучи, претерпѣлъ.

Ст. 147. *При рѣчкѣ холодной Дигенціи.* Прохладной рѣчкѣ, или какъ въ латинскомъ стоитъ: при холодномъ ручьѣ Дигенціи. О томъ ручьѣ говорилъ онъ въ письмѣ XVI, ст. 16.

Ст. тотъ же. 148. *Котору Мандела пьетъ, сѣно стѣсняемо.* Безъ сумнѣнія, Мандела называлася деревенька, въ которой лежалъ домъ Гораціевъ, деревенька состояща въ пяти избахъ, какъ упомянуто въ письмѣ XIV, ст. 4. *Сѣно стѣсняемо непрестаннымъ мразомъ.* Въ латинскомъ стоитъ: Rugosus frigore pagus; слово отъ слова: сѣно сморщенное стужею. Ибо стужа чинитъ поля шароховатыми; зима, будучи старость года, тоже въ поляхъ производитъ, что старость производитъ въ людяхъ.

Ст. 149 и проч. *Что, чаешь, я чувствую? дружокъ, что я, чаешь, прошу у боговъ?* Когда въ той своей деревенькѣ живу, что, чаешь, я помышляю, и у боговъ прошу? Честь ли, богатства ли, славу ли, власть ли, пространнѣйшій ли домъ и имѣніе? Никакъ! То одно прошу, чтобъ мнѣ сохранили то, что имѣю, или хотя меньше еще имѣнія оставили, но чтобъ позволили, если намѣрены продлить житіе мое, жить въ тишинѣ про себя, ни отъ кого не завися, не волнуяся въ неизвѣстности. Прошу довольно книгъ, чтобъ могъ украшать свой разумъ, и на годъ припасу. Впрочемъ отъ себя самого ожидаю ту тишину ума и правоты сердца, которую должно имѣть, чтобъ совершенно наслаждаться тѣми боговъ дарами.

Ст. 154 и 155. *Дабы въ неизвѣстнаго часа я надеждѣ* и проч. Въ латинскомъ стоитъ: Ne fluitem dubiae spe pendulus horae, чтобъ я не волновался, привѣшенъ къ надеждѣ неизвѣстнаго часа. Дасіеръ толкуетъ о послѣднемъ часѣ живота. Не знаю, не лучше ли то разумѣть о неизвѣстности всего житія.

Довольно у Іовиша просити лишь вещи,
Которыя и даетъ и отнимать силенъ;
Пусть онъ богатство мнѣ дастъ, пусть мнѣ жизнь даруетъ,
Сердца праву тишину самъ себѣ доставлю.

ПИСЬМО XIX.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

1 Буде вѣру старому, мудрый Меценате,
Кратину желаешь дать, ни долго·пріятны

Ст. 157. *Которыя и даетъ и отымать силенъ.* Торенцій не худо разсуждаетъ, что должно читать: quae donat et aufert, а не qui donat. Ибо Горацій различіе поставляетъ межъ вещами, которыя у боговъ просить можетъ и которыя отъ себя ожидаетъ.

Ст. 158. *Пусть онъ богатство мнѣ дастъ.* Выше сего говорилъ, что онъ отъ Бога только проситъ, чтобъ сохранилъ то, что уже имѣетъ и меньше еще; а здѣсь говоритъ, пусть онъ богатства дастъ, det opes; нѣтъ ли въ томъ прекословія? никакъ. Ибо называетъ opes, богатствомъ сирѣчь, всякое имѣніе, сколь бы оно ни мало не было, когда оно довольно къ пропитанію.

Ст. 159. *Сердца праву тишину самъ себѣ доставлю.* Отъ Бога, говоритъ Горацій, проситъ животъ, имѣніе, которые однѣ отъ него зависятъ, а правой умъ, animus aequus, или сердца тишину самъ себѣ доставитъ. Общее то было мнѣніе не только стоиковъ и всѣмъ язычниковъ, какъ Цицеронъ доводитъ въ книгѣ 3, о естествѣ боговъ. Мы правильнѣе Бога источникомъ всѣхъ благъ признаваемъ; онъ намъ добродѣтели даруетъ, безъ которыхъ ни мудрость, ни тишину стяжать не можемъ.

XXI. Въ семъ письмѣ Горацій насмѣхается стихотворамъ своего времени, которые, поставляя, что Бахусъ былъ богъ стихотворства, и что изъ древнихъ лучшіе стихотворцы вино любили, для того чаяли достигнуть ихъ превосходства, напиваяся, и что подражая ихъ однимъ злонравіямъ, имѣть будутъ всѣ ихъ совершенства. Показываетъ Горацій, сколько смѣху достойно то ихъ подражаніе. Изъясняетъ, что тѣ, кои правую благонадежность въ своихъ силахъ полагаютъ, подражаютъ древнимъ, не рабольѣбствуя ихъ словамъ и вымысламъ, и что топча ихъ слѣды, идутъ какъ вольные люди, кои сами бы могли прокласть дорогу, еслибъ не имѣли предводителей. Въ томъ не стыдится себя образцомъ представить, описывая, какимъ образомъ подражалъ Алцею и Архилоху. Потомъ открываетъ злобу тѣхъ вышепомянутыхъ стихотворцовъ, которые явѣ хулили его стихи, а наединѣ не могли довольно онымъ дивиться и довольно усладиться въ оныхъ чтеніи. Кончаетъ такъ, какъ началъ, имъ насмѣвался.

Ст. 1 и 2. *Буде вѣру старому, мудрый Меценате, Кратину желаешь*

Быть, ни долго могутъ жить стихи водопійцевъ.
Какъ скоро вольный отецъ къ сатирамъ и фавнамъ
Пріятнымъ причислилъ ужъ хмѣльныхъ стихотворцевъ,
Съ утра музы сладкія виномъ пахнуть стали.
Отъ похвалъ, кои вину даетъ Омиръ, видно,
Что винолюбецъ былъ онъ, и самъ отецъ Енній
Никогда трезвый войны пѣть не принимался.
Искусству судебному прилежалъ и торгу

ь. Буде ты, Меценате, хочешь вѣрить старому, древнему сирѣчь тину. *Кратинъ* былъ стихотворецъ аѳинскій, сочинилъ двадцать одну ідію и девятью его творенія надъ прочими въ играхъ побѣду дер- i. Умеръ въ 95 лѣто своего возраста, въ началѣ, пелопонисейской ы, которая зачалася 432 лѣта прежде Христа. Аристофанъ, Свида и іе древные списатели жестокимъ пьяницею его сказываютъ.

г. 2 и 3. *Ни долго пріятный быть, ни* и проч. Безъ сумнѣнія то Кра- въ какой стихъ, котораго Горацій перевелъ.

г. 4 и 5. *Какъ скоро вольный отецъ* и проч. То есть, какъ скоро рѣтено стихотворство. Ибо Бахусъ, будучи равномѣрно богъ сатировъ вуновъ, какъ и стихотворцовъ; причислить стихотворцовъ къ сатирамъ авнамъ не ино значитъ, развѣ произвести стихотворцовъ. *Вольный* цъ. Liber pater называется у латинскихъ стихотворцовъ Бахусъ, богъ ства и вина. *Сатиры и фавны*. Родъ лѣсныхъ полубоговъ, Бахусу ластныхъ; мы чаю лѣшими называемъ. Стихотворцы даютъ имъ до а человѣческій видъ, отъ пояса внизъ козлиныя ноги, на лбу рога, о склонности къ женамъ и къ вину.

:. 6. *Съ утра музы сладкія* и проч. Какъ скоро стихотворцы про- ли и Бахусъ ихъ причислилъ къ своему двору и самыя музы, богини ъ, пьянству предалися.

:. 7 и 8. *Отъ похвалъ, кои вину даетъ Омиръ*. Омиръ греческой ной стихотворецъ. Смотри объ немъ назади въ началѣ письма 2. можно сумнѣваться, говоритъ Дасіеръ, что и сіи слова суть Крати- ι, который сочинилъ цѣлое твореніе, чтобы доказать, что Омиръ лю- вино. Въ самомъ дѣлѣ Омиръ въ многихъ своихъ стихахъ называетъ сладкимъ, сладкимъ какъ медъ, сильнымъ, силы подающимъ, сердце еляющимъ, божественнымъ питьемъ.

:. 8. *И самъ отецъ Енній*. Новый резонъ, отъ стихотворцовъ Гора- ихъ временъ къ Кратиновымъ приложеный, для чего имъ должно быть пійцами. Енній родомъ калабрецъ, древній стихотворецъ латинской. первый стихотворство римское въ нѣкой порядокъ привелъ и въ стихи героическіе. Родился въ 236 лѣто прежде Христа, умеръ 69-мъ. *Отцемъ*. Горацій отцемъ зоветъ Еннія за его древность.

:. 9. *Войны пѣть не принимался*. Сирѣчь не принимался писать и героическіе, въ которыхъ описывалъ войны римскія, ибо между ими твореніями Енній сочинилъ лѣтопись римскую на стихахъ, ко- й до насъ малыя только частицы дошли.

Велю тревымъ, закажу я стихи угрюмымъ.
Какъ скоро издалъ уставъ сей, ужъ не престали
Провождать въ хмѣлю и день и ночь стихотворцы.
Чтожъ, неужто кто лицемъ суровымъ и дикимъ,
Босый ходя, въ епанчѣ короткой и сальной,
Подражаетъ Катону, для того имѣетъ
Уже добродѣтели и нравы Катона?
Иарбитъ, сладкорѣчивъ ища и забавенъ
Являться, Тимагену въ худомъ подражаетъ,

Ст. 11 и 12. *Искусству судебному прилежать* и проч. Дасіеръ чаетъ, что сіи слова Бахусъ говоритъ; онъ одинъ, какъ начальникъ пьянства и стихотворцевъ, имѣетъ право съ такою властью уставъ издавать. Однако сей искусный толкователь ни трудится изъяснить связность сего съ предидущими, оную трудно понять. *Искусству судебному прилежать* и проч. Въ латинскомъ стоитъ: Forum putealque Libonis mandobo siccis. Forum, площадь, гдѣ торгъ и судъ въ Римѣ отправлялся, ряды и приказъ. Puteal Libonis называлося въ Римѣ мѣсто близъ приказовъ, такъ названное колодеземъ, который тутъ имѣлся. На томъ мѣстѣ преторы римскіе по праву чинили и присягу принимали.

Ст. 12. *Какъ скоро издалъ уставъ*. Онъ Бахусъ, какъ скоро издалъ уставъ, содержащійся въ двухъ предъидущихъ стихахъ. Горацій уже начинаетъ показывать, сколь смѣху достойны стихотворцы тѣ, кои безвоздержно пьянству предаются для того, что Бахусъ велитъ быть веселымъ, принимаяся стихи писать, и что древніе стихотворцы вино любили. Явно ихъ безуміе, ибо ино есть быть веселымъ или любить вино, ино виномъ упиваться.

Ст. 14, 15, 16 и 17. *Что-жъ неужто кто лицемъ*. Но хотя-бъ и древніе стихотворцы, и впрямь всегда пьяны будучи, стихи писать принималися, не слѣдуетъ отъ того, что кто ихъ пьянству подражаетъ, можетъ такого-жъ какъ они искусства и сладости стихи сочинять. Если бы такъ было, то можно бы сказать, что кто подражаетъ въ уборѣ и въ составѣ лица своего Катону, нося какъ онъ короткую и сальную епанчу и являяся лицемъ дикъ и суровъ, тотъ и всѣ Катоновы добродѣтели, всѣ его хвальные нравы имѣетъ. Катонъ названный утической для того, что въ томъ городѣ умеръ, былъ преторъ римской, строгой защититель вольности противъ Юлія Кесаря, человѣкъ безпорочныхъ нравовъ.

Ст. 18 и 19. *Иарбитъ сладкорѣчивъ ища*. Въ латинскомъ стоитъ: Иарбита губитъ языкъ, Тимагену подражающій. Тимагенесъ былъ витія Александрійскій, который, плѣненъ бывъ Габиніемъ, привезенъ въ Римъ, гдѣ Силлы сынъ купилъ его и на волю пустилъ. Въ началѣ сдѣлался онъ поваромъ, потомъ въ носилкахъ людей нашивалъ и напослѣдокъ сталъ витіемъ. Въ милости былъ у Кесаря, но не долго оную сохранить могъ за своимъ ядовитымъ языкомъ, ибо досадными шутками обще всѣхъ язвилъ безвоздержно и безъ разбору. Впрочемъ сладкорѣчивъ и многозабавенъ. Потому Горацій здѣсь говоритъ, что Иарбитъ потерялъ себя, послѣдуя Тимагену въ томъ, въ чемъ подражать было его неприлично. Одинъ

И погибаетъ, своимъ языкомъ продерзкимъ
Злостьми подражаемый образецъ прельщаетъ.
Еслибъ я по случаю блѣденъ становился,
Стихотворцы начнутъ пить киминъ блѣдотворны.
О вы подражатели, презрительно стадо
Гнусныхъ рабовъ! сколь во мнѣ часто возбудили
Гнѣвъ, сколь часто смѣхъ труды ваши и усильства.
Въ неизвѣстной первой я странѣ дерзновенный
Проклалъ путь, и чужой слѣдъ топтать погнушался.
Кто въ силахъ своихъ кладетъ праву дерзновенность,
За собой рой поведетъ. Я первый парійски
Ямбы Риму показалъ, Архилоха мѣрамъ
И мысли послѣдовалъ, но не присвояя
Дѣло и рѣченія пагубны Ликамбу.

›вомъ, Иарбитъ подражалъ въ Тимагенѣ злое, сирѣчь злословіе, а не то › хвальнаго имѣлъ, каково было его сладкорѣчіе. Кто таковъ былъ ›рбитъ—неизвѣстно.

Ст. 21. *Злостьми подражаемый образецъ прельщаетъ.* Сирѣчь, образецъ, въ которомъ такіе пороки находятся, коимъ подражать можно, прельетъ: сколь болѣе тотъ образецъ славенъ, столь болѣе опасенъ. Кажется ікому, что такому образцу послѣдуя, не можно не достать подобную авy, мало разсуждая, что порокъ вездѣ хуленъ и подражанія недостоинъ.

Ст. 23. *Киминъ блѣдотворный.* Киминъ силу имѣетъ блѣдность на лицо водить.

Ст. 25. *Стадо гнусныхъ рабовъ.* Рабами называетъ Горацій подрателей, понеже раболѣпно слѣдуютъ первоначальному, которому подраютъ. Отъ сего видно, что Горацій здѣсь не всякое подражаніе хулитъ, ‹ одно подлое и несмѣлое подражаніе, когда подражаемъ то только, о легко, или неисправнаго въ другихъ находимъ, и только что рѣчей ложеніе отмѣняемъ, ничего отъ себя не прибавливая.

Ст. 27. *Въ неизвѣстной первой я странѣ дерзновенный проклалъ путь.* ›рзновенный, смѣлый, къ пути относится, а не къ мѣстоименію я. Горацій здѣсь хвалится, что онъ не какъ тѣ современные ему стихотворцы усному подражанію предался, но отъ себя производитъ свои сочиненія прокладываетъ въ сочиненія путь новый, до тѣхъ поръ римлянамъ невѣстный; въ самомъ дѣлѣ, онъ первый составилъ лирическія творенія › латинскомъ языкѣ.

Ст. 30. *Я первый парійскіи ямбы Риму показалъ.* Ямбы суть родъ иховъ особливой мѣры. Парійскіе ямбы суть ямбы Архилоховы, сирѣчь ъ Архилоха вымышленные. Ибо Архилохъ, стихотворецъ греческой былъ оженецъ изъ Пароса, острова моря Егейскаго; жилъ онъ около 666 цу прежде Христа.

Ст. 31, 32 и 33. *Архилоха мѣрамъ и мысли послѣдовалъ, но не приэяя* и проч. Вотъ въ чемъ состоитъ хвальное подражаніе, которымъ ваемъ сами вымыслители того, что отъ другаго занимаемъ. Горацій

И дабы кратчайшими не вѣнчалъ листами
Ты чело мое затѣмъ, что я побоялся
Отмѣнить его стиховъ и составъ и голосъ,
Музу Архилохову мужественна Сапфо
Умягчаетъ и Алцей сладостными мѣры;
Различенъ же онъ во мнѣ дѣломъ и порядкомъ:
Не ищетъ тестя мертвить злобными стихами,
Ни злословіемъ плести невѣстѣ удавку.
Я стихотворца сего, которому прежде
Никто подражать не смѣлъ, съ Римомъ обзнакомилъ.
Пріятно мнѣ, новое вводя дѣло, видѣть,
Что чтутъ меня и въ рукахъ держутъ честны люди.

подражаетъ Архилоху въ мѣрѣ стиховъ, въ мысли его, сирѣчь въ обр его слова; но не присвояетъ себѣ дѣло, о которомъ Архилохъ пишетъ рѣченія которыми Архилохъ дѣло свое описываетъ. *Рѣченія пагуб Ликамбу*. Ликамбъ, обѣщавъ свою дочь въ жены Архилоху, не додер своего слова, Архилохъ сочинилъ противъ него ямбическіе стихи, с злобные и ядовитые, что и Ликамбъ и дочь его съ отчаянія повѣсил Для того рѣченія пагубныя Ликамбу и понеже въ ст. 40 и 41. *Т мертвить*, плести невѣстѣ удавку.

Ст. 34. *И дабы кратчайшими* и проч. И дабы ты мнѣ не убав славы для того, что я не дерзнулъ отмѣнить мѣру и голосъ Архилохов стиховъ, вѣдай, что я суровость его умягчилъ сладостію мѣры сапф скихъ и алцейскихъ и потому изъ трехъ родовъ стихотворца состав четвертой родъ, предъ тѣмъ неизвѣстной. *Кратчайшими листа* Вѣнцы древные бывали или не стриженые, или стриженые; Тонза Tonsilis, которой листы ножницами обстригали. Первая была гор четнѣе.

Ст. 37. *Музу Архилохову*. Стихи Архилоховы, которые были жест и ядовиты, умягчаетъ мѣра и сила стиховъ сапфическихъ. *Сапфо* б славная греческая стихотворчица, изъ острова Лезбоса, которыя сочи ній малая частица до нашихъ временъ сохранилася и въ многомъ у ныхъ почтеніи; для тогожъ мужественна Сапфо, что творенія ея си и сочны.

Ст. 38. *Алцей*. Славный стихотворецъ греческой и почти изобрѣта лирическаго творенія, родомъ митилинецъ изъ острова Лезбоса.

Ст. 39. *Различенъ же онъ во мнѣ*. Хотя я занялъ отъ Архилоха разъ сочиненія стиховъ и его мѣру, однакожъ въ прочемъ гораздо въ моихъ стихахъ различенъ. Не тотъ же въ нихъ порядокъ, не т дѣло. Стихи мои не мертвятъ тестя, ни невѣстѣ удавку не плетутъ. С три выше сего примѣчанія подъ стихомъ 31 и проч.

Ст. 37 и 38. *Которому прежде никто подражать не смѣлъ*. Пре вмѣсто прежде меня. Въ латинскомъ стоитъ: который прежде ничь другими устами не сказанъ. Прежде Горація никто на латинскомъ яз не выдавалъ стихи, Архилоховымъ подобные.

Хочешь ли знать, для чего злобный и неправый
Читатель труды мои дома любитъ, хвалитъ,
А за порогомъ хулитъ? Я не добываю
Издержками въ ужинахъ, дарами обносковъ
Непрочныя похвалы вѣтренна народа;
Я, знатныхъ писателей слушатель прилежный
И защитникъ, не пекусь грамматиковъ ласку
Искать и гнушаюся кланяться имъ въ креслахъ.
Вотъ для чего на меня гнѣвомъ тѣ пылаютъ.
Если скажу, что стихи мои недостойны
Въ полномъ зрѣлищѣ чтены быть, и что стыжуся

Ст. 46. *Хочешь ли знать, для чего.* Горацій вдругъ съ одного дѣла на другое перескакиваетъ. Обличивъ подражателей раболѣпныхъ, изъясняетъ, отчего стихотворцы его вѣка въявь осуждали его сочиненія, хотя оныя наединѣ любить и честь принуждены были. Правду сказать, я не вижу, какая связность между тѣми двумя дѣлами находится.

Ст. тотъ же. *Злобный и неправый.* Неправый изрядно изображаетъ латинское слово iniquus, но ingratus значитъ неблагодарный, а не злобный; мѣра стиха меня не допустила нервое слово употребить. Для тогожъ неблагодарнымъ Горацій зоветъ чтеца того, что хулами воздаетъ за услажденіе, которое получаетъ, читая его Гораціевы сочиненія.

Ст. 47. *Труды мои.* Въ латинскомъ стоитъ: opuscula mea, мои сочиненійцы. Рѣченіе, которое оказываетъ Гораціеву смиренномудрость.

Ст. 48. *За порогомъ хулитъ.* Premat, давитъ, топчетъ, вмѣсто хулитъ, охуляетъ.

Ст. тотъ же и 49 и 50. *Я не добываю издержками въ ужинахъ* и пр. Я не послѣдую образцу прочихъ подлыхъ стихотворцовъ, не даю пиры и платья не дарю, чтобъ добыть себѣ похвалы народа непостояннаго. Насмѣвается Горацій стихотворцамъ его временъ, которые давали ужины и раздавали платье народу, чтобъ отъ него стихи ихъ были выхвалены, какъ тѣ, кои такія иждивенія чинили для пріобрѣтенія себѣ въ народѣ голосовъ, когда въ чины какіе добивалися.

Ст. 49. *Дарами обносковъ.* Не новое платье дарятъ тѣ стихотворцы, но обноски; отъ чего видно, какимъ подлымъ людямъ тѣ стихотворцы льстили, чтобъ похвалу себѣ достать.

Ст. 50. *Непрочныя похвалы вѣтренна народа.* Въ латинскомъ стоитъ: я не ловлю голосы вѣтренна народа.

Ст. 52. *Не пекусь.* Non dignor, не чаю себѣ прилично.

Ст. 53. *Кланяться имъ въ креслахъ.* Кланяться тѣмъ грамматикамъ, когда они сидятъ въ своихъ креслахъ.

Ст. 54. *Вотъ для чего на меня.* Hinc illae lacrymae. Вотъ для чего тѣ слезы. Рѣченіе пословичное у римлянъ, которое значитъ: вотъ для чего они гнѣвомъ пылаютъ, ярятся.

Ст. 56. *Въ полномъ зрѣлищѣ.* Часто у римлянъ твореній чтеніе производилося въ капищахъ и въ зрѣлищныхъ домахъ. Но spissa theatra мо-

Таку почесть дозволять бездѣлкамъ неважнымъ, —
Смѣешься намъ, говорятъ; ты оные собишь
Юпитеровымъ ушамъ. Собой бо доволенъ,
Вѣришь себѣ, что одинъ ты точить лишь знаешь
Стихотворный медъ. На то я, впасть опасаясь
Въ свой нравъ пересмѣшливый и острые ногти
Суперника бѣгая, не нравно, не нравно
Мнѣ мѣсто сіе, кричу и прошу отсрочку.
Ибо игра родила бѣдственную распрю,
Распря ярость, ярость же недружбу сурову,
И недружба пагубну войну породила.

жеть къ тому просто значить многолюдныя собранія, каковы бываютъ въ зрѣлищахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ.

Ст. 59. *Юпитеровымъ ушамъ*. Ушамъ сирѣчь Августовымъ. Для такихъ только высокихъ особъ чаешь стихи твои достойны, а намъ подлѣйшимъ оные честь гнушаешься.

Ст. тотъ же. *Собой бо доволенъ*. Самъ себѣ чрезъ мѣру любъ; tibi pulcher, пословица употребляема для того, кто чрезъ мѣру въ себя самаго влюбился.

Ст. 61 и проч. *На то я впасть опасаюсь въ свой нравъ пересмѣшливый*. На то я ничего не отвѣчаю, но опасаяся, чтобъ мой нравъ пересмѣшливый не взялъ волю и не довелъ меня съ ними въ драку, кричу, что мѣсто негодно, и отсрочку прошу, сирѣчь оставя ихъ, отхожу. Naribus uti, или Naribus indulgere, значить дать волю своему пересмѣшному нраву.

Ст. 63 и 64. *Не нравно, не нравно мнѣ мѣсто сіе, кричу и прошу отсрочку*. Горацій, желая избѣжать ссоры съ стихотворцами, употребляетъ обыкновенное трусамъ извиненіе, которые не отказываютъ биться съ кѣмъ, но просятъ другое мѣсто къ бою, или отсрочить бой къ другому времени. Diludia называлася отсрочка, которая единоборцамъ у римлянъ дозволялася для совершенія боя; приходитъ та рѣчь отъ Dilatio ludi, отсрочка игры.

Ст. 65. *Ибо игра родила*. Лѣстницею витіи называютъ сію риторическую фигуру, понеже отъ слабѣйшей вещи на сильнѣйшую всходится. Игра родила распрю, распря ярость, ярость недружбу, недружба войну. Горацій чаятельно насмѣвается здѣсь худымъ стихотворцамъ, которые смѣху достойно употребляли фигуры риторическія; иначе нельзя его извинить, ни понять, къ чему сіи два стиха въ концѣ письма прилѣпилъ.

ПИСЬМО XX.

КЪ СВОЕЙ КНИГѢ.

Къ Вертумну, книга моя, кажешься и къ Яну
Смотрѣть, хочется тебѣ сирѣчь показаться
Чиста и украшена у Сосіевъ въ лавкѣ,
Ненавидишь ты замокъ и печати, кои
Смирнымъ пріятны дѣтямъ. Скучаешь не многимъ
Быть показана и надъ всѣмъ площадь почитаешь.
Не къ такимъ воспитана отъ меня ты нравамъ,
Инъ пойди, бѣги, куды тянетъ тебя воля;
Выпущенной ужъ тебѣ возврату не будетъ.
Что я бѣдна сдѣлала? что, скажешь, желала?
Когда кто подосадитъ тебѣ; а ты знаешь,
Какъ я самъ, любовникъ твой, когда мнѣ наскучишь,
Тебя сжимая верчу. Если меня ярость,

XX. Не трудно усмотрѣть, что сіе письмо служило предисловіемъ въ книгѣ, въ которой собраны были Гораціевы творенія. Говоритъ онъ въ той книгѣ какъ къ сыну, который, наскучивъ жить подъ опекою и надсмотромъ отцовскимъ, ищетъ скинуть узду и на волю выйти. Отецъ ему изъясняетъ, въ какія бѣдства онъ себя подвергаетъ, и напослѣдокъ, не могучи его унять, давъ ему нѣкія наставленія, пущаетъ его на волю.

Ст. 1. *Къ Вертумну, книга моя, кажешься и къ Яну смотрѣть.* На площади римской къ концу тосканской улицы стояло два кумира, одинъ бога Вертумна, а другой бога Януса; все то мѣсто окружено было лавками книжниковъ и другихъ торговыхъ людей.

Ст. 2 и 3. *Хочется тебѣ показаться чиста и украшена у Сосіевъ въ лавкѣ.* Въ латинскомъ стоитъ: *хочется тебѣ выставленною быть на продажу, очищенна губкою Сосіевою.* У римлянъ книги писывалися на пергаментѣ, котораго книжники губкою, такъ называемымъ, ноздреватымъ камнемъ, очищали, чтобъ способнѣе по немъ писать. Писали же на оной страницу листа, а другую выкрашивали красною или желтою краскою, и листъ къ листу склеивъ, свертывали въ свертокъ, который покрывали кожею, на которой золотыми словами означали титло книги. Изрядно и вразумительно тому, кто помнитъ наши старинные столбцы, которые во всемъ сходны тѣмъ римскимъ книгамъ, кромѣ того, что писаны по бумагѣ. *Сосіи*, два брата, были славнѣйшіе книгопродавцы.

Ст. 13. *Тебя сжимая, верчу.* Такъ я перевожу, мнѣнію Дасіерову слѣдуя, латинское in breve te cogi. Когда столбецъ читать скучитъ, оный свернувъ, сжавъ и связавъ, какъ невольника, куда ни есть бросимъ; а какъ выше показано, книги римскія въ столбцы писаны; Горацій потому говоритъ, что книга его должна помнить, какъ онъ самъ, которому она какъ

Котору вина твоя вспалила, не нудитъ
Слѣпо прорѣкать твой рокъ; любима ты Риму
Будешь, пока новости твоей не падетъ цвѣтъ,
Когда жъ измята въ рукахъ черни впадать станешь
Въ презрѣніе, или моль праздна, молчалива
Кормить станешь, иль сальна сошлешься въ Илерду,
Иль въ Утику побѣжишь, тогда твой презрѣнный
Совѣтникъ станетъ тебѣ со всѣхъ силъ смѣяться,
Какъ тотъ, что упрямаго, прогнѣвався, въ пропасть
Самъ спихнулъ осла своего; кто бо противъ воли
Собственной кого спасти трудиться похочетъ?
И то станется тебѣ, что когда ужъ старость
Достигнетъ заиклива, дѣтей учить станешь
Первымъ основаніямъ ученія въ дальныхъ

полюбовница мила, ее свертываетъ, когда ему наскучитъ, и потому можетъ разсудить, что отъ другихъ читателей не столь къ ней благосклонныхъ ожидать имѣетъ.

Ст. 19. *Сошлешься въ Илерду.* Илерда городъ въ Испаніи, нынѣ Лерида. Трудно знать, для чего Горацій напоминаетъ сей, а не другой какой городъ.

Ст. 20. *Въ Утику побѣжишь.* Книжникъ пошлетъ тебя въ Утику, городъ въ Африкѣ, чтобъ ты забавляла африканцевъ; ибо книжники отсылывали въ дальныя провинціи книги, которыя не можно было продать въ Римѣ.

Ст. тотъ же и 21. *Твой презрѣнный совѣтникъ.* Я, сирѣчь Горацій, который тебѣ полезное совѣтую и котораго ты слушать не хочешь.

Ст. 22 и 23. *Какъ тотъ, что упрямаго.* Горацій притчу здѣсь напоминаетъ, въ его временахъ знакомую, въ которой сказывалося, что человѣкъ нѣкій, видя своего осла на краю ужасной пропасти, всѣми образы оттянуть его старался, но оселъ упрямился его воли слѣдовать, напослѣдокъ человѣкъ, разсердився, пихнулъ его въ пропасть.

Ст. 25. *И то станется тебѣ.* Ближе латинскому: *и то ждетъ тебя.*

Ст. 27. *Первымъ основаніямъ ученія.* Горацій пророчествуетъ книгѣ своей, что когда застарѣетъ, то младенцы станутъ въ ней учиться первымъ началамъ латинскаго языка. Такъ толкуетъ Дасіеръ; но понеже не мала слава есть книгѣ служить правиломъ чистоты языка, на которомъ писана, не чаятельно, чтобъ Горацій то разумѣть хотѣлъ чрезъ Elementa docentem. Его намѣренію сходнѣе кажется разумѣть, что книга его служить будетъ младенцамъ учиться по ней читать, учиться слова складывать или навыкать совершенно выговаривать рѣчи и слова, подверждается сіе послѣднее изъ 160 стиха письма 1 кн. 2, гдѣ Горацій говоритъ, что творенія стихотворцевъ служатъ и къ тому, что въ нихъ младенческія уста научаются складно рѣчь изображать. — *Въ дальнихъ улицахъ*, сирѣчь, въ самыхъ подлѣйшихъ школахъ, гдѣ учатъ худые учители простаго народа дѣтей, ибо славныя училища лежали въ лучшихъ мѣстахъ города.

Улицахъ. Когда же зной солнца пріумножитъ
Слушателей, скажи имъ, что былъ свобожденникъ
И скуденъ родитель мой; я бóльшія крылья,
Чѣмъ гнѣздо было мое, протянулъ, и тѣмъ ты
Добродѣтели придашь, что роду отымешь,
Скажи, что я нравенъ былъ римскимъ такъ въ военныхъ,
Какъ и въ гражданскихъ дѣлахъ начальнѣйшимъ мужемъ,
Малъ тѣломъ измолоду, сѣдъ, снося зной солнца
Безъ трудности, къ гнѣву скоръ, но скоръ же смириться;
Если кто по случаю спроситъ мои лѣта,
Скажи, что исполнилось сорокъ и четыре
Декабрей въ самой тотъ годъ, когда консулъ Лоллій
Товарищемъ себѣ быть Лепида доставилъ.

Ст. 28 и 29. *Когда же зной солнца пріумножитъ слушателей.* Понеже училища лежали въ низшихъ мѣстахъ, какъ скоро солнце, поднявся, горячо становилося, много людей схаживалося туда, ища холодокъ и желая слушать въ тоже время чтеніе стихотворцевъ. Для того Горацій говоритъ: *когда зной солнца пріумножитъ тебѣ слушателей.* Латинской стихъ есть дивной красоты: «Cum tibi sol tepidus plures admoverit aures», слово отъ слова: *когда солнце теплое привлечетъ тебѣ множае ухъ.*

Ст. 29. *Скажи имъ, что свобожденникъ былъ.* Обычай имѣли учители, прежде чтенія какого творенія, вкратцѣ слушателемъ извѣстить родъ, состояніе дѣлъ, однимъ словомъ, житіе сочинителя. *Свобожденникъ*, слово отъ меня вновь употребленное, которымъ изображаю латинское libertinus. Либертины назывались рабы, на волю пущенные.

Ст. 30 и 31. *Я большія крылья, чѣмъ гнѣздо мое было, протянулъ.* Я рожденъ отъ отца свобожденника, въ маломъ имѣніи трудами своими, своими сочиненіями досталъ себѣ славу и богатства, родъ мой превосходящія.

Ст. 31 и 32. *И тѣмъ ты добродѣтели придашь, что роду отымешь.* Когда скажешь, что я, подлаго рода человѣкъ, въ славу пришелъ и богатства нажилъ, тѣмъ покажешь, что я добродѣтельми украшенъ, убавя честь, сколько роду моего касается, прибавивъ много больше, показывая меня человѣкомъ добродѣтельнымъ.

Ст. 38. *Исполнилось сорокъ и четыре декабрей.* Сирѣчь 44 года. Декабрь упоминаетъ, понеже родился онъ въ декабрѣ 2-го, 688 лѣта по созданіи Рима, т. е. въ 68 прежде Христа.

Ст. 39. *Консулъ Лоллій товарищемъ себѣ быть Лепида доставилъ.* Въ 731 лѣто по созданіи Рима консуломъ къ наступающему году назначены Августъ и Лолліусъ, но Августъ, который тогда находился въ Сициліи, отрекшись принять тотъ чинъ, двое на его мѣсто добиваться стали, сирѣчь Лепидусъ и Силанусъ; ихъ домогательства и происки наполняли Римъ раздору и безпорядку. Между тѣмъ Лолліусъ одинъ консульское достоинство исполнялъ, но напослѣдокъ Лепидусъ предпочтилъ своему сопернику не безъ многаго труда. Услуги домогательства Лолліевы не мало ему въ томъ вспомогли; для того Горацій употребляетъ слово duxit, какъ бы онъ Лоллій самъ со властію Лепида избралъ.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

ПИСЕМЪ КНИГА II.

ПИСЬМО I.

КЪ АВГУСТУ.

Когда столь важны дѣла и столь многи правишь
Ты одинъ, ружьемъ щитишь царство, исправляешь
Законами, и красу въ немъ нравами множишь,
Пользѣ общества бы я, Кесарю, нанесъ вредъ,
Еслибъ утратилъ твое время долгимъ словомъ.
Ромулъ и вольный отецъ, и съ Касторомъ Полуксъ,

I. Въ семъ письмѣ Горацій съ краю до другаго насмѣвается римлянамъ въ судѣ ихъ о стихотворцахъ, но притомъ многими преизрядными о стихотворцахъ разсужденіями наполнено; не забыты искусныя похвалы Августу Кесарю, котораго наконецъ увѣщаваетъ ободрять стихотворство своимъ великодушіемъ.

Ст. 1. *Когда столь важны дѣла и столь многи правишь ты одинъ.* За 17 лѣтъ прежде писанія сего письма римляне вручили Августу Кесарю всю самодержавства власть, прося его, чтобъ на себя одного все правительство государства принялъ.

Ст. 2 и 3. *Исправляешь законами, красу въ немъ нравами множишь.* Августъ собственнымъ образцомъ добродѣтели и изданными законами исправилъ своевольность и безчиніе римское.

Ст. 5. *Еслибъ утратилъ твое время долгимъ словомъ.* Однакожъ сіе письмо почти всѣхъ Гораціевыхъ сочиненій долѣе. Знать то Горацій такъ говоритъ, чтобъ ульстить Августа къ читанію, или чтобъ ему показать, что онъ столь охотно къ нему пишетъ, что гораздо должайшее письмо составилъ бы, еслибъ своей склонности слѣдовалъ.

Ст. 6. *Ромулъ и вольный отецъ и съ Касторомъ Полуксъ.* Ромулъ, создатель города Рима, первый король и основатель римскаго царства, по смерти въ число боговъ вписанъ. *Вольный отецъ*, сирѣчь Бахусъ, сынъ Юпитеровъ и Семелеи, Кадмусовой дочери, который у язычниковъ почитался богомъ вина и вождемъ музъ. Приписываютъ ему много славныхъ дѣйствъ въ Индіяхъ, также изобрѣтеніе сохи, растенія винограда и сажденія, и прививаніе деревъ. *Касторъ и Полуксъ*—дѣти Ледины, которая породила ихъ въ двухъ яицахъ, одинъ зачатой изъ Тиндара, ея мужа, а другой Юпитера, который Леду прельстилъ въ образѣ лебедя. Оба тѣ

По чудныхъ дѣйствахъ въ боговъ пріятые храмѣхъ,
Пока съ людьми на землѣ живучи, жестоки
Войны вершили, поля населяли, грады
Сзидали, достойное получить заслугамъ
Благодарство не могли. Той, что злую идру
Сокрушилъ и страшные одолѣлъ уроды
Предуставленнымъ съ небесъ трудомъ знаменитымъ,
Узналъ, что лишь смертію зависть смирить можно.
Кто искусство подъ собой прочихъ подавляетъ,
Блистаніемъ тотъ своимъ раздражаетъ, онъ же
Мертвый будетъ ужъ любимъ. Тебѣ мы живому
Почесть благовременну воздаемъ, сзидая
Олтари, на нихъ твоимъ именемъ клянемся,

братья слѣдовали Ясону въ Колхиду для добычи златаго руна. По смерти названы морскими богами, и римляне почитали ихъ своими покровителями, вѣря, что въ многихъ войнахъ противъ латиновъ имъ вспомоществовали. Всѣхъ сихъ боговъ имѣлися въ Римѣ капищи и кумиры, между которыми и Августовъ поставленъ при животѣ его.

Ст. 9. и 10. *Поля населяли, грады сзидали*. Извѣстно, что Ромулусъ, Бахусъ и Касторъ создали новые городы и слободы населили на тѣхъ мѣстахъ, откуду древнихъ жителей изгнали.

Ст. 11. *Той, что злую идру сокрушилъ*. Сирѣчь, Еркуль, сынъ Юпитеровъ, и Алкмены, жены Амфитріона, царя ѳивейскаго. Между многими славными дѣйствами, которыя баснь Еркулю приписала, показано, что въ лѣсу Лернѣ убилъ многоглавнаго свирѣпаго звѣря, идра называемаго, которому на мѣсто отсѣченной одной головы тотчасъ двѣ выростали.

Ст. 13. *Предуставленнымъ съ небесъ трудомъ знаменитымъ*. Обманомъ Юноны, Юпитеръ при рожденіи Еркуля предуставилъ, что послушенъ будетъ во всемъ Евристію, царю микейскому, и слѣдовательно по его повелѣнію, Еркуль совершилъ тѣ славныя двѣнадцать дѣйствъ, отъ стихотворцевъ выхваленныя, въ которыхъ много бѣдствъ претерпѣвъ, безсмертную славу нажилъ и по смерти въ боговъ число вписанъ. Для того Горацій труды его называетъ: *предуставленными съ небесъ*.

Ст. 14. *Узналъ, что лишь смертію зависть смирить можно*. Еркуль узналъ, что нельзя избѣжать зависти, развѣ когда человѣкъ умретъ.

Ст. 15, 16 и 17. *Кто искусство подъ собой прочихъ подавляетъ*, и проч. Для того только смертію зависть избѣжать можно, что человѣкъ, которой своимъ блистаніемъ, сирѣчь, своими славными дѣлами, другихъ искусства или дѣла помрачаетъ, которой прочихъ славными дѣлами своими превышаетъ, долженъ ихъ раздражать, долженъ досаденъ быть и къ недовольству и зависти поводъ подавать. Когда же смерть его въ гробъ скроетъ, то онъ же любимъ всѣмъ становится, понеже никому дорогу уже не перебиваетъ. Латинское praegravat artes infra se positas тожъ значитъ, что преодолѣваетъ или превышаетъ другихъ людей дѣла. Ибо Горацій здѣсь употребляетъ artes, вмѣсто artifices, людей одного ремесла.

Ст. 17, 18 и 19. *Тебѣ мы живому* и проч. Бахусъ, Ромулусъ, Касторъ,

Признавая, что тебѣ ни минувши вѣки
Видѣли, ни будущи увидятъ подобна.
Но сей народъ твой, въ одномъ умный, правосудный,
Предпочитая тебя греческимъ и нашимъ
Вождямъ, о прочемъ судитъ образомъ не тѣмъ же.
И то лишь хвалитъ одно, то лишь одно любитъ,
Что далеко отстоитъ, что давно минулось;
Столь сильной другъ древности, что готовъ божиться,
Что на Албанской горѣ музы сами склали
Десятьми сочиненны мужами законы
И договоры царей съ народомъ габійскимъ,
Иль съ суровы сабины, и первосвященникъ

Полуксъ и Еркуль при животѣ своемъ не могли зависть одолѣть, ни получить заслугамъ своимъ мзду достойную; только по смерти они вписаны въ число боговъ; а тебѣ, Августе, при животѣ воздаемъ должную почесть, богомъ тебя признаемъ, сзидаемъ тебѣ капищи, алтари ставимъ, и твоимъ какъ божіимъ именемъ клянемся, и признаваемъ, что и въ минувшіе вѣки не видали, ни будущіе увидятъ тебѣ подобнаго. И правда Августу Кесарю при животѣ его поставлены капищи, жертвы приношены и имя его какъ божіе призывано. Въ его время тиснены медали съ надписью: богу Августу. *Почесть благовременну.* Влатовременну, ибо при животѣ твоемъ, не упуская времени, заслугамъ мзда слѣдуетъ.

Ст. 26. *Что далеко отстоитъ.* Terris semota, по мнѣнію Дасіерову значитъ то, что уже минулось; но мнѣ кажется, что сіе рѣченіе должно принять въ своемъ сродномъ разумѣніи; инако тоже дважды бы стихотворецъ повторилъ. Ибо не ино значитъ слѣдующее: suisque temporibus defuncta. Пристойнѣе есть поставлять, что Горацій хулитъ тѣхъ, кои любятъ все то, что уже давно минулось и что въ другихъ земляхъ находится, которыя предсужденія и теперь обыкновенны, и мы болѣе любимъ мертвыхъ и чужестранныхъ превосходныя дѣла.

Ст. 28. *На Албанской горѣ.* Гора Алба близъ Рима.

Ст. 29. *Десятьми сочиненны мужами законы.* Въ латинскомъ стоитъ: *таблицы грѣшить запрещающіе, узаконенныя десятьми мужами*, и проч. Въ 302-мъ году по созданіи Рима римляне, кои до тѣхъ управлялися весьма неисправными законами, которые называли священными и царскими, послали въ Грецію трехъ посыльныхъ для испытанія Солоновыхъ уставовъ. По возвращеніи посланныхъ за тѣми уставами, учреждены децемвиры, то есть, десять мужей съ полною властью для расположенія оныхъ уставовъ въ порядокъ и для предложенія народу. Съ начала оные уставы разложены были на десять таблицъ, къ которымъ въ слѣдующемъ году еще двѣ прибавлены.

Ст. 30 и 31. *Договоры царей съ народомъ габійскимъ иль съ суровы сабины.* О тѣхъ мирныхъ договорахъ слово идетъ, которые Ромулусъ съ сабинами, а Тарквинусъ гордый съ габійцами заключилъ.

Ст. 31. *И первосвященникъ книги.* Книги первосвященниковъ, сочинен-

Книги, и старинные гадателей свертки,
Буде для того, что сколь старѣе, столь лучше
Грековъ сочиненіи и римляновъ книги.
На тѣхъ же вѣсить вѣскахъ хотимъ, ужъ ненужно
И нечего говорить: прямо сказать можемъ,
Что мягки въ сливѣ ядро, скорлупа въ орѣхѣ,
Что мы наверхъ ужъ дошли счастья и искуснѣй
Боремся, пишемъ, поемъ мазаныхъ ахивовъ.
Буде стихи, какъ вино, лучше становятся
Со временемъ, знать бы я хотѣлъ, въ сколько точно
Лѣтъ стихи могутъ достичь вышню свою цѣну?
Списатель, что за сто лѣтъ назадъ ужъ скончался,
Къ древнимъ и совершеннымъ, иль къ новымъ и подлымъ
Писцамъ долженъ быть причтенъ? Уставимъ извѣстный
Предѣлъ, чтобъ весь споръ пресѣчь. Добръ есть тотъ и древенъ,
Кому ужъ исполнилось сто лѣтъ совершенно.
Чтожъ кому недостаетъ одинъ годъ, иль мѣсяцъ,
Къ коимъ причислить его, къ древнимъ стихотворцамъ
Иль къ тѣмъ, коихъ и нашъ вѣкѣ и потомство презритъ?
Изрядно межъ древними того почесть можно,
Кому нестаетъ одинъ годъ, иль одинъ мѣсяцъ.
Позволеннымъ пользуюсь, и какъ съ хвоста конска

ныя Нумою, вторымъ королемъ римскимъ, и въ которыхъ было уставлено все то, что къ богослуженію принадлежитъ.

Ст. 32. *Старинные гадателей свертки*. Древнія пророчественныя книги сибилловъ или стихотворцевъ и пророкъ тѣхъ временъ.

Ст. 33 по 39. *Буде для того, что* и проч. Горацій признаетъ, что греческихъ писцовъ книги сколь старѣе, столь лучше; если потому же правилу о римскихъ судить хотимъ, уже нечего болѣе говорить и спорить, должно-жъ будетъ признать, что въ сливѣ ядро, а скорлупа въ орѣхѣ мягка, и что мы во всемъ грековъ искуснѣе и на верхъ совершенства дошли. *Мягки въ сливѣ ядро, скорлупа въ орѣхѣ*. Пословичное рѣченіе, которое изобразуетъ, что можно спорить противъ самой такой истины, которую ощупать можно. *Ахивы* тожъ что греки; а для того мазанны, что прежде борьбы обычай имѣли тѣло мазать масломъ деревяннымъ.

Ст. 46. *Добръ есть, тотъ и древенъ*. Сей есть отвѣтъ Горацієвъ сопернику, который старину любитъ.

Ст. 51. *Изрядно межъ древними*, и пр. Еще тотъ же соперникъ отвѣтствуетъ, что и того стихотворца древнимъ почесть можно, который жилъ за сто лѣтъ безъ одного, или безъ одного года.

Ст. 53 по 60. *Позволеннымъ пользуюся*. Горацій уже говоритъ, что понеже соперникъ признаетъ, что можно древнимъ почесть списателя, которому минулось сто лѣтъ, или сто лѣтъ безъ одного года, или мѣсяца; потомъ еще годъ за годомъ убавляя, какъ тотъ, кто изъ

Выдирая волосы по малу, по малу,
Одинъ за однимъ я годъ изъ ста убавляю,
Пока обманутъ падетъ, подобно громадѣ,
Что осыпается въ кругъ тотъ, кто къ лѣтописцамъ
Прилѣпленъ и по годамъ цѣнитъ добродѣтель,
И дивится лишь тому, что ужъ Либитина
Богиня освятила. Энній мудрый, храбрый
И второй Омиръ, словамъ судей буде вѣримъ,
Мало кажется тужить, чѣмъ сны Пифагорски
И обѣщаньи свои вершиться имѣютъ.
Невія въ руки никто не беретъ, но знаютъ
Всѣ наизустъ, какъ бы онъ новый былъ, столь святы

хвоста конскаго волосъ за волосомъ выдираетъ напослѣдокъ онаго соперника, который неотступно древнихъ лѣтописцевъ держится, который цѣнитъ вещи по ихъ старости и тому лишь дивится, что давно минулось, разсужденіе разрушится какъ громада, которая въ кругъ осыпается.

Ст. 53 и 54. *И какъ съ хвоста конска выдирая волосы.* Слово относится къ дѣйству Серторія, воеводы римскаго, которой, желая ободрить побитое свое войско и показать, что по малу преодолѣваются вещи, которыя преодолѣть не можно, приказалъ одному слабому воину у сильна и молодаго коня, а другому, мужественному и молодому, у дряхлаго стараго коня хвостъ выдрать. Молодой воинъ въ обѣ руки хвостъ конской забралъ и, всею силою тянучи, труды напрасно потерялъ, а слабый воинъ, одинъ волосъ за другимъ выдирая, въ малое время, у коня весь хвостъ вытеребилъ.

Ст. 59 и 60. *И дивится лишь тому, что ужъ Либитина богиня посвятила.* То есть: дивится лишь тому, что писали умершіе творцы. *Либитина* богиня умершихъ.

Ст. 60. *Энній мудрый, храбрый* и проч. Горацій способомъ здраваго смысла доказалъ, что древность сочиненія, цѣну того не прибавляетъ, тоже подтверждаетъ и образцомъ Эннія, древняго латинскаго стихотворца, который между всѣми современными себѣ превосходилъ и мудрецомъ и вторымъ Омиромъ себя быть хвасталъ, худо то свое имя защищаетъ въ своихъ твореніяхъ.

Ст. 61. *Словамъ судей буде вѣримъ.* Судьи, кои о состояніи и добротѣ книгъ судятъ, критиками называются у латинъ и другихъ народовъ; мы не имѣемъ сему имени другое равносильное. *Сны Пиѳагорски.* Мнѣніе Пиѳагорское о переселеніе души изъ тѣла въ тѣло, котораго Енній держался.

Ст. 64. *Невія въ руки никто не беретъ.* Горацій, показавъ мнѣніе критиковъ о Енніи, желаетъ говорить о Невіи другомъ старинномъ стихотворцѣ: Невія никто въ руки не беретъ, никто не читаетъ; но суперникъ Гораціевъ, рѣчь перебивъ, тотчасъ отвѣтсвуетъ, at mentibus haeret, но знаютъ всѣ наизусть, и какъ бы его сочиненіи были свѣжія, отчего ты можешь судить, сколь святы всякіе древніе стихи.

Всѣ древніе стихи. Сколь часто споръ идетъ,
Кто лучшій изъ двухъ творецъ, Пакувій иль Акцій?
Мудрости той, высоты сей славы одержитъ.
Соравняется почти Афраній Менандру;
Плавтусъ Сицилійскаго слѣды Эпихарма
Съ близи топчетъ и спѣшитъ къ цѣли своей прямо;
Цецилій въ движеніи страстей превосходитъ,

т. 66. *Сколь часто споръ идетъ.* Еще суперникъ Горацієвъ говоь по самой стихъ 77. Оный суперникъ, видя, что Горацій употребляетъ гивъ него судъ критиковъ, противополагаетъ судъ же другихъ критиь, которые его мнѣніе защищаютъ, выхваляя въ Пакувіѣ мудрость, въ ;іѣ высоту слога и проч.

т. 68. *Мудрости той, высоты сей.* Пакувій мудръ, сирѣчь въ своихъ иненіяхъ. Акціевъ слогъ высокъ, силенъ, удивителенъ. Въ латинскомъ ітъ: aufert Pacuvius docti famam senis, Пакувій отымаетъ старому муцу славу, что нѣкоторые протолковали: Пакувій Еннія мудраго, ста› превосходитъ. *Пакувій и Акцій* были два старинные римскіе стиворца. Оба знамениты сочиненіемъ трагедій. Пакувій жилъ около 154 ѣ прежде Рождества Христова, сказываютъ его племянникомъ, отъ гры Еннія стихотворца. Акцій жилъ около 171 лѣта прежде Рожде› Христова. Цицеронъ и Квинтиліанъ много выхваляютъ его трагедіи.

т. 69. *Соравняется почти Афраній Менандру.* Латинское изобраіе весьма красиво и удачливо: dicitur Afrani Toga convenisse Menan. Слово отъ слова: сказываютъ, что епанча Менандрова годилася Афію. Афраній былъ древній римской стихотворецъ, Менандръ гречеі; оба прилежали сочиненію комедій, и Афраній въ своихъ употребь римскую епанчу, toga, тога называемую, и для того его комедіи ;atae именованы. Афраній жилъ около ста лѣтъ прежде Рождества істова, и сего гораздо Цицеронъ и Квинтиліанъ выхваляютъ. Медръ многую славу у грековъ заслужилъ. Родился въ 342 годѣ прежде ждества Христова. Умеръ въ 292, или въ 93. Превосходство его сочиій заслужили ему имя князя новой комедіи.

т. 70. *Плаутусъ сицилійскаго.* Плаутусъ и Епихармъ другіе два списатекомедій, первой латинской, другой греческой. Плаутусъ умеръ около лѣта прежде Рождества Христова. Эпихармъ, уроженецъ изъ остроСициліи, жилъ во временахъ Пифагоровыхъ, около 450 лѣтъ прежде іста; въ великой славѣ былъ у грековъ, отчего можно судить, какоа, что Плауту приписуется, соравняя его сему греческому стихорцу.

т. 71. *И спѣшитъ къ цѣли своей прямо.* Плаутусъ въ своихъ комеъ больше дѣйства, чѣмъ словъ употребляетъ, не оставляя зрителей ıвать, но безпрестанно ихъ приближая къ рѣшенію басни. Такъ должно умѣть латинское многосильное слово properare.

т. 72 и 73. *Цецилій въ движеніи страстей* и проч. Въ латинскомъ стоитъ: *илій поважностію, Теренцій искусствомъ превосходитъ.* Стацій Цецистихотворецъ латинской, сочинитель комедіи, многой у древныхъ сла-

Нравовъ въ описаніи искусствомъ Теренцій.
Сихъ твердитъ, сихъ въ зрѣлищахъ, всегда люду тѣсныхъ,
Смотритъ державный Римъ, сихъ имѣетъ и числитъ
Творцовъ съ вѣку Ливія до самыхъ дней нашихъ.
Народъ право иногда судитъ, иногда-же
Грѣшитъ. Если древныхъ такъ хвалитъ стихотворцовъ,
Если такъ дивится имъ, что ничто надъ ними,
Ни что равно чаетъ имъ, судитъ онъ не право,
Если нѣкои мѣста въ нихъ мѣрой и старымъ
Слогомъ изображены, многія суровымъ,
И многи подлымъ весьма признаетъ; разсуднымъ
Себя являетъ, со мной и съ правдою судитъ.
Не настою, ни сужу, что гнушаться должно
Ливія стиховъ, кои, помню, мнѣ младенцу

вы, надъ прочими превосходилъ въ расположеніи басни, поважностью, силою рѣченій, удобныхъ въ зрителяхъ ж[illegible]емыя страсти производить. Теренцій родомъ африканецъ, изъ горо[illegible]артагины, сочинилъ 6 комедій, которыя и до нашихъ временъ дош[illegible], искусенъ весьма въ описаніи нравовъ человѣческихъ. Хотя чужестра[illegible]цъ, столь чистымъ языкомъ латинскимъ стихи его писаны, что Цицер[illegible]ъ, почтительнѣйшій въ томъ дѣлѣ судія, называетъ его лучшимъ списа[illegible]лемъ латинскаго языка: Optimus latinitatis auctores. Цецилій жилъ въ 179-мъ году прежде Рождества Христова. Теренцій умеръ въ 159.

Ст. 74. *Всегда люду тѣсныхъ.* Для того, что много народу сходится тѣ смотрѣть старинныя сочиненія.

Ст. 76. *Съ вѣку Ливія.* Съ самаго времени Ливія Андроника, перваго римлянина, котораго бы стихотворцамъ называть было можно и который началъ играть свою первую комедію годъ спустя послѣ первой карфагенской войны, то есть въ 514 годѣ по созданіи Рима. Ливій началъ славен становиться около 244 лѣта, прежде Рождества Христова.

Ст. 77. *Народъ право иногда.* Горацій уже говорить начинаетъ, и могучи противиться мнѣнію всѣхъ критиковъ, отъ супершика противоставленному, отвѣтствуетъ, что народъ иногда право судитъ, но часто в разсужденіи своемъ грѣшитъ. Наприкладъ, изрядно судитъ, приписуя помянутымъ стихотворцамъ ихъ приличныя свойства, одному высоту, другому мудрость, третьему отмѣнное искусство въ описаніи нравовъ и проч. Но когда, тѣмъ не довольствуясь, тѣхъ стихотворцевъ непогрѣшными и во всемъ надъ всѣми превосходными и неподражаемыми почитаетъ, не право судитъ.

Ст. 84. *Со мною и съ правдою судитъ.* То есть, согласно со мною судитъ, согласно съ правдою, праведно судитъ. Въ латинскомъ стоитъ: & Jove judicat aequo; слово отъ слова; *судитъ имѣя бога себѣ благосклонна.* Образъ рѣченія пословичной, на томъ основанной, что просвѣщеніе ума отъ Бога происходитъ, и слѣдовательно, кто правильно судитъ, Бога себѣ благосклонна имѣетъ.

Твердилъ къ ладонямъ моимъ нещадный Орбилій;
Но дивлюсь, что оные кажутся исправны
И красивы, и совсѣмъ вездѣ совершенны.
Если складна одна рѣчь, если въ нихъ проглянетъ
Нарочитой стихъ другой, не право всю книгу
Затѣмъ станемъ выхвалять и цѣнить высоко.
Того я снесть не могу, что хулятъ, пятнаютъ
Книгу не затѣмъ, что та груба, некрасива,
Но для того, что она писана недавно:
Ни древнымъ прощеніе требуютъ, но славу
И награду. Еслибъ я хотѣлъ сумнѣваться,
Прямо-ль басни Аттовы идутъ по шафрану
И по цвѣтамъ, почти весь синклитъ сановитый
Вскричитъ, что я потерялъ весь стыдъ, охуляя
То, что поважный Есопъ и Росцій премудрый

Ст. 87. *Нещадный Орбилій.* Горацій былъ ученикомъ Орбилія Пупилла, уроженца Беневентскаго, которой въ 50-е лѣто своего возраста училище завелъ въ Римѣ въ консульство Цицероново. Названъ онъ plagosus за своею суровостью и затѣмъ, что охотно учениковъ своихъ бивалъ. Plaga значитъ *ударъ палкою, побои.*

Ст. 92. *Выхвалять и цѣнить высоко.* Totum ducit, venditque poëma; слово ducit взято отъ тѣхъ, кои рабами торговали, которые съ обрядами водили тѣхъ своихъ рабовъ на продажу.

Ст. 96. *Ни древнымъ прощеніе требуютъ, но славу и награду.* Въ сочиненіяхъ древныхъ стихотворцовъ много добраго находится, но больше еще несовершенства; не должно ихъ презирать и можно ихъ недостатки имъ простить, но неправильно имъ всю славу и награду дозволить, какову достойны совершеннѣйшія сочиненія.

Ст. 98. *Прямо-ль басни Аттовы идутъ по шафрану* и проч. Древніе устилали позорищное мѣсто разными цвѣтами и въ срединѣ площади укрывалися жолубы, изъ которыхъ растекалася вода шафранная по всѣмъ ступенямъ позорища. Титусъ Квинтіусъ *Атто* былъ стихотворецъ, сочинитель многихъ римскихъ комедій, который умеръ за десять лѣтъ прежде Виргиліева рожденія, названъ Аттою для того, что былъ хромъ и не могъ стоять на ногахъ, ибо у латинъ atta назывались люди съ такимъ недостаткомъ тѣла. Потому Горацій искусно симъ стихомъ о томъ несовершенствѣ стихотворца касается, какъ бы онъ говорилъ: если я скажу, *что не знаю, прямо или* криво хромоногой Квинтій идетъ по позорищу, цвѣтами настланному и орошенному шафранною водою, всѣ сенаторы безумнымъ меня назовутъ, и проч. Сила тѣхъ словъ есть, что ежели хотѣлъ бы сумнѣваться, хороши ли комедіи Аттовы, весь сенатъ вознегодуетъ. *Басни* значитъ комедію.

Ст. 99. *Весь синклитъ.* Весь сенатъ. Сенаторы римскіе назывались patres, отцы.

Ст. 101. *Поважной Есопъ и Росцій премудрый.* Хитро сенаторамъ

Представили въ зрѣлищахъ дѣйствіемъ искуснымъ;
Иль для того, что одно изрядно лишь мнится
Ему то, что возлюбилъ, иль затѣмъ, что стыдно
Кажется согласовать мнѣнію молодшихъ
И признавать, что забыть въ старости то долженъ,
Что въ молодости своей съ трудомъ перенялъ онъ.
Кто-жъ Нумы творенье салійское хвалитъ,
И тѣмъ тщится показать, что онъ одинъ смыслитъ
То, что равно какъ и я, подлинно не знаетъ;
Не мертвымъ онъ угождать и славу дать ищетъ,
Но насъ живыхъ укорять, насъ и труды наши
Ненавидитъ съ завистью. Еслибъ столько грекамъ
Была ненавидима новость, сколь межъ нами,
Что теперь бы древняго мы уже имѣли?

насмѣвается, какъ бы комедія безсумнѣнно добра, для того что искусные дѣйствители оную изображаютъ. *Esonъ* и *Росцій* были два славнѣйшіе дѣйствители всего Рима. Перваго поважнымъ Горацій называетъ для того, что страсти въ зрителяхъ возбуждалъ, или для того, что поважно стихи выговаривалъ. Росцій былъ весьма, весьма ученъ, для того титломъ премудраго почтенъ.

Ст. 103. *Иль для того, что одно* и проч. по ст. 108. Безумнымъ меня почтетъ синклитъ, или для того, что то ему кажется быть изящно, что ему полюбилося, или для того, что стыдится быть одного мнѣнія съ человѣкомъ, которой ихъ моложе, или для того, что не хочетъ признать, что прилично забыть въ старости то, что въ молодыхъ лѣтахъ онъ перенялъ—три причины, на которыхъ обыкновенно упрямство людей основано.

Ст. 108. *Кто-жъ Нумы твореніе салійское хвалитъ.* Второй римской король Нума учредилъ къ служенію бога Марса двѣнадцать священниковъ, которыхъ назвалъ salii — плясальщиками, и далъ имъ молитвы самимъ и которыя отъ тѣхъ священниковъ пѣвалися.

Ст. 110 *То, что равно какъ и я подлинно не знаетъ.* Не знаетъ вмѣсто *не разумѣетъ*. Вышепомянутыя Нумовы молитвы писаны были стихами, грубымъ стариннымъ римскимъ языкомъ, который во времена Гораціевы уже никто почти не разумѣлъ.

Ст. 111. *Не мертвымъ онъ угождать* и проч. Горацій говоритъ, что тѣ, кои древность противъ всякой правды хвалятъ, не различая доброе съ худымъ, не столько славу въ томъ древнихъ защищаютъ, сколько новѣйшихъ и живыхъ попирать ищутъ.

Ст. 113. *Еслибъ столько грекамъ* и проч. по ст. 116. Еслибъ греки и прочіе древніе такъ судили о людяхъ и сочиненіяхъ новыхъ, какъ мы теперь судимъ, еслибъ они столько новость всякую презирали, какъ мы оную презираемъ, ничего бы мы древняго не имѣли. Не было уже бы межъ нами породы древней, и не только никакого древняго сочиненія къ намъ не дошло, и никакого и новаго бы не имѣли, ибо науки не растутъ безъ ободренія, и потому теперь бы не имѣли ничего читать.

Что къ общей пользѣ могли бъ всякъ читать особно?
Какъ скоро кончавъ войны, Грецiя въ забавахъ
Упражняться начала и счастьемъ обильнымъ
Впадать въ сластолюбiе, горячую склонность
Показала то къ конямъ, то къ единоборцамъ,
Рѣзьбу, мраморъ и костей слоновыхъ взлюбила,
Втупила на живопись и умъ свой и очи,
Услаждалась зрѣлищемъ и звукомъ свирѣлей,
И какъ маловозрастно дитя, что играетъ
При грудяхъ кормилицы, что жадно желала,
Доставъ и насытився того, возгнушалось.
Нѣтъ того, что мы любить или ненавидѣть
Вѣчно можемъ. Долгой миръ и долгое счастье
Непостоянство рождать такое обыкли.
Въ Римѣ долго обычай бывалъ и забава
Имѣть съ утра самаго отворенный домъ свой,
И законы изъяснять тѣмъ, которы помочь
Законовъ и знанiе нужно себѣ мнили,
Надежнымъ лишь людямъ въ долгъ давать свои деньги,

Ст. 117. *Какъ скоро кончавъ войны Грецiя.* Горацiй хочетъ доказать людямъ, кои въ древность влюбилися, что ихъ поступокъ противенъ общему всѣхъ людей обычаю, которые сродную склонность имѣютъ къ всякой новизнѣ и легко гнушаются тѣхъ самыхъ вещей, которыя имъ въ началѣ были особливо прiятны. И то самое удостовѣряетъ образцомъ грековъ и латинъ. *Кончавъ войны.* То есть, послѣ Троянской и прочихъ войнъ, которыми, пока Грецiя была упражнена, не могла прилежать къ распространенiю наукъ. *Въ забавахъ упражняться.* Nugari, шутить, забавиться; начала упражняться въ дѣлахъ забавнѣйшихъ, каковы суть: стихотворенiе, живопись, рѣзьба, торжественныя игры, музыка и проч. въ которыхъ во всѣхъ греки достигли крайнее искусство.

Ст. 118. *И счастьемъ обильнымъ впадать въ сластолюбiе.* Тишина и благополучiе долгаго мира вводитъ сластолюбiе и чрезмѣрныя прохлады.

Ст. 126. *Возгнушалось.* Разумѣй, потомъ возгнушалась, доставъ, что жадно желала, и насытився, потомъ того жъ самаго возгнушалася, какъ младенцамъ обыкновенно, которые, со слезами, что либо выпросятъ, какъ скоро получатъ, желаемая вещь имъ скучитъ.

Ст. 130 *Въ Римѣ долго обычай бывалъ.* Описавъ грековъ непостоянство, уже къ римскому Горацiй приступаетъ.

Ст. 132. *И законы изъяснять тѣмъ, которы помочь законовъ* и проч. Такъ я принужденъ перевесть латинское clienti promere jura. Клiенсъ назывался тотъ, которой дѣло свое судебное препоручалъ какому стряпчему, чтобъ за нимъ ходилъ. Обычай бывалъ, говоритъ Горацiй, съ утра самаго домъ свой отворять, чтобъ слушать челобитчиковъ или тѣхъ, кои прихаживали въ дѣлахъ своихъ помочь или совѣту требовать.

Слышать стариковъ совѣтъ, наставлять молодшихъ,
Какъ ростить имѣніе, какъ умалять страсти.
Непостоянный народъ отмѣнилъ ту склонность,
Къ одному ужъ прилежитъ только стихотворству,
Дѣти и суровые отцы, ужъ листами
Вѣнчанны, на ужинѣ стихи сочиняютъ.
Я самъ, что вѣкъ не писать стиховъ обѣщался,
Лживѣй пароянъ становлюсь, и предъ всходомъ солнца
Прошу бумагу, перо и ящикъ чернильный.
Кто неискусенъ въ морскомъ дѣлѣ, не берется
Корабль править. Не даетъ больному лекарство
Развѣ тотъ, кто знаетъ дать; врачи обѣщаютъ
То, что зависитъ отъ ихъ нужнаго искусства;
Куетъ желѣзо кузнецъ; плотникъ бревно тешетъ;
Стихъ сплошь и ученые и невѣжи пишемъ.
Сколько однако добра въ себѣ заключаетъ
Порокъ сей и легкое безумство, послушай.
Стихотворецъ рѣдко скупъ и богатства жаденъ;
Стихи любитъ; объ однихъ стихахъ онъ печется,
Уронъ всякой, побѣгъ слугъ, пожаръ опечалить
Не могутъ; ни другу онъ, ни питомцу козни
Вѣкъ не строитъ; зеліемъ кормится и чернымъ
Хлѣбомъ. Хотя онъ лѣнивъ къ войнѣ и негоденъ,
Полезенъ отечеству, буде ты признаешь,
Что великимъ малыя вещи пособляютъ.
Уста шепетливыя, нѣжныя младенца

Ст. 141. *Я самъ, что вѣкъ....* Смотри стихъ 15 письма 1, книги I. Гдѣ Горацій говоритъ: *Нынѣ убо и стихи оставя и шутки.*

Ст. 142. *Лживѣй пароянъ.* Пароянской народъ весьма лживымъ почитали, для того что по свидѣтельству Геродотову учреждены были у нихъ жесточайшіе законы противъ лжецовъ.

Ст. 148. *Плотникъ бревно тешетъ.* Мой прибавокъ для пополненія стиха.

Сс. 150. *Сколько однако добра....* Горацій, довольно посмѣявся худымъ стихотворцамъ, начинаетъ стихотворства похвалы, чтобъ не можно было его осудить, что оное Августу Кесарю привелъ въ гнушеніе, и тѣмъ случаемъ изъясняетъ начало и распространеніе стихотворства.

Ст. 154. *Пожаръ опечалить не могутъ.* Его, стихотворца, опечалить не могутъ.

Ст. 156. *Зеліемъ кормится.* Сирѣчь, воздержное житіе ведетъ.

Ст. 160. *Уста шепетливыя* и проч. У римлянъ обычай былъ младенцовъ учить читать въ книгахъ стихотворцовъ, и заставливали ихъ твердить и выговаривать стихи иногда къ выговору весьма трудные, нарочно чтобъ къ всякому наклоненію языкъ сломить.

Складно рѣчь изображать стихотворецъ учитъ;
Въ самомъ мягкомъ возрастѣ отъ скверныхъ отводитъ
Рѣчей ухо, и потомъ сердце исправляетъ
Сладкимъ наставленіемъ, изгоняя завистъ,
Суровость, гордость и гнѣвъ. Поетъ дѣла славны,
Собитъ наступающимъ временамъ примѣры,
И убогимъ и больнымъ подаетъ отраду,
Чистыхъ юношъ и дѣвицъ мужа неискусныхъ
Лики кто бы научилъ священнымъ молитвамъ,
Еслибъ не произвели музы стихотворцевъ?
Просятъ чрезъ нихъ лики тѣ помочь, чрезъ нихъ чувствятъ
Бога присутствующа исполнять ихъ просьбу,
Съ небесъ умоляютъ дождь мудрою умильны
Мольбою, опасныя отгоняютъ бѣдства,
Отвращаютъ недуги, миръ намъ доставляютъ;
Чрезъ нихъ вѣнчаютъ плодовъ изобильствомъ лѣто:

Ст. 168. *Чистыхъ юношъ и дѣвицъ* и проч. Лики юношъ чистыхъ и дѣвицъ мужа неискусныхъ не имѣли бы молитвъ священныхъ, еслибъ стихотворцы оныя не сочинили. Извѣстно, что у древнихъ молитвы отъ большей части были на стихахъ; и въ нашей церкви много молитвъ ямбическими стихами составленныхъ, каковы суть почти всѣ ирмосы.

Ст. 171. *Чрезъ нихъ*. Чрезъ нихъ, стихотворцевъ, ибо ихъ трудами молитвы составлены.

Ст. тотъ же и 172. *Чрезъ нихъ чувствятъ бога присутствующа* и проч. Чрезъ нихъ же, стихотворцевъ, бога умоливъ, чувствуютъ его присутствіе, когда онъ ихъ просьбу исполняетъ.

Ст. 173. *Съ небесъ умоляютъ дождь мудрою умильны мольбою.* Въ бездождное время римляне для умилостивленія бога своего Юпитера приносили жертвы aquilitia, *аквилиція* называемыя. Народъ принужденъ былъ идти въ ходъ съ босыми ногами; ликъ юношъ и дѣвицъ пѣсни пѣвалъ, и катали по улицамъ камень, называемый manalis lapis, чая, что онъ имѣлъ силу дождь привлекать. Горацій называетъ *мудрою мольбою* молитву или пѣснь, пѣваемую при такихъ случаяхъ, понеже въ ней изъяснены были всѣ свойства Юпитера дождеваго.

Ст. 174, 175 и 176. *Опасныя отгоняютъ бѣдства, отвращаютъ недуги* и проч. Лики юношъ, молитвами боговъ умилостивляя, отгоняютъ всякія бѣдства, доставляютъ миръ и плодородіе; а тѣ молитвы суть сочиненіе стихотворцевъ. Убо то добро отъ стихотворцевъ приходитъ, доводъ довольно смѣшной.

Ст. 177. *Стихами вышни боги* и проч. Чтобъ не распространяться чрезъ мѣру, описуя подробно всѣ обряды, въ которыхъ стихотворныя сочиненіи употребляются, Горацій однимъ словомъ говоритъ, что всѣ боги, такъ небесные, какъ подземные, стихами умилостивляются. У многобожцевъ не одно только небо было богами набито, и адъ своихъ имѣлъ боговъ, каковъ Плутонъ и Вулканъ, Просерпина, и многіе другіе. Ла-

Стихами вышни боги, стихами подземны
Умилостивляются и гнѣвъ свой смиряютъ.
Земледѣльцы древные, сильны тѣломъ люди
И малымъ счастливые, собравъ свою жатву,
И въ тѣ праздничны дни дать отдыхъ ища тѣлу,
И уму, кой въ надеждѣ конца труды сноситъ,
Съ сотрудившимися, съ дѣтьми, съ вѣрною женою,
Землѣ свинью, молоко Пану приносили,
Вино й цвѣты духу, кой помнитъ сколь жизнь кратка.
Въ такихъ изобрѣтена забавахъ отважность

тинское слово Manes значитъ души умершихъ, которымъ многобожцы жертвы приносили, богами ихъ почитали.

Ст. 179. *Земледѣльцы древные* и проч. Горацій, предложивъ похвалы стихотворства, изслѣдуетъ онаго начало и доводить принимается, что богослуженіе оному поводъ подало. Первые люди, всѣ пастухи и земледѣльцы, собиралися, говоритъ онъ, послѣ жатвы приносить богу благодареніе за дарованные имъ плоды. Праздникъ у нихъ тогда бывалъ, и между прочими забавами тѣ поселяне грубыми стихами другъ друга шутя пятнали.

182. *И уму, кой въ надеждѣ*. Умъ нашъ труды сноситъ въ надежде, что онъ конецъ полезный получатъ; еслибъ труды были безконечны, трудно бы ихъ сносить склонился.

Ст. 184. *Землѣ свинью, молоко Пану приносили*. Porco вмѣсто porca, ибо древніе землѣ приношивали свинью полную, плодородіе земли тѣмъ знаменуя. *Панъ* и *Сильванъ* богъ лѣсовъ, земель и плодородія. Жертвы ему приношивали по нуждѣ и порѣ годовой. Во время жатвы приношивали колосы, чтобъ онъ благословилъ ихъ нивы; въ осень виноградъ, чтобъ далъ имъ довольно вина, и молоко, когда его прашивали, чтобъ онъ соблюдалъ ихъ стада.

Ст. 185. *Вино и цвѣты духу* и пр. Примѣчай, что и должно быть краткая за нужду мѣры. Чудесный язычниковъ вымыслъ столько къ размноженію боговъ былъ плодовитъ, что и собственной всякаго человѣка духъ богомъ сдѣлалъ. Греки называли того бога daimon, римляне Genius, и его вѣдомству препоручали естество и жизнь человѣческую. Въ жертву ему приношивали цвѣты и вино, а со временемъ и всякія пахучія воды и мази. *Кой помнитъ, сколь жизнь кратка*. Духъ первыхъ людей помнитъ, что жизнь коротка, и для того спѣшилъ веселиться. Помыслъ о смерти не мѣшалъ ихъ веселью; напротиву вѣдая, что умереть имѣютъ, не теряя время, веселились.

Ст. 186 и проч. по ст. 190. *Въ такихъ изобрѣтенна*. Въ такихъ забавахъ отважность, свободность или полность фесценинская произвели деревенскія грубыя брани на стихахъ. То есть, въ забаву свою тѣ грубые пастухи и земледѣльцы перебранивалися на стихахъ, и начальниками стихотворства были. Не трудно судить, каковой грубости были тѣ стихи, которые голое движеніе природы производило въ мужикахъ, всякаго искусства лишаемыхъ, безъ всякаго предъидущаго размышленія. Мы

Фесценински на стихахъ деревенски брани
Произвела, коими взаимно другъ другу
Противъ отвѣтствовали тые поселяне.
Вольность та долго на всякъ годъ возобновляясь,
Пріятно шутила въ нихъ, пока ужъ игра та

сами много такихъ стиховъ имѣемъ, которые суть вымыслъ простолюднаго нашего народа и отъ которыхъ можемъ о тѣхъ первыхъ римскихъ стихахъ судить. Напримѣръ я помню начало одной пѣсни о бракѣ царя Ивана Васильевича, которая будучи довольно примѣтна, присемъ оную приложу:

Какъ въ годы то старые,
Въ времена было прежныя,
При старомъ, при славномъ царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
Соизволилъ да царь-государь,
Соизволилъ жениться-ста,
Не у насъ въ каменной Москвѣ,
Да на той, на проклятой Литвѣ.
Поимаетъ да царь-государь
Марью Темрюковну,
Молодую черкашенку,
А за ней беретъ приданова,
Какъ на сорокъ бояриновъ,
Полтараста татариновъ,
Шестьсотъ донскихъ казаковъ,
Удалыхъ добрыхъ молодцовъ, и проч.

Отважность фесценинская. Для того фесценинская отважность, что оные вольные и скаредные стихи выдуманы въ началѣ отъ жителей города Фесценіи въ Тосканѣ, которой нынѣ называется Città Castellana. Оные стихи дали начало комедіи, которая столько же груба и гнусна была, каковы суть наши деревенскія игрищи. Когда же комедія римская въ лучшей порядокъ приведена, имя *фесценинскихъ* стиховъ осталося однимъ срамнымъ стихамъ, а наипаче тѣмъ, кои пѣвалися на бракахъ и которые гораздо были неприличны цѣломудреннымъ ушамъ.

Ст. 190. *Вольность та долго.* Такіе стихи заказаны у римлянъ только въ 300-мъ году по созданіи Рима, отъ чего Горацій правильно говоритъ, что вольность та долго тянулась.

Ст. 191. *Пріятно шутила въ нихъ.* Хотя тѣ стихи были грубы и брани содержали, однакожъ понеже въ забаву говорены были, не досаждали, и для того Горацій говоритъ что вольность фесценинская *пріятно межъ ними шутила.*

Ст. тотъ же. *Пока ужъ игра та.* По малу по малу тѣ шутки, тѣ насмѣшки обратилися въ злобную укоризну и досаду.

Свирѣпѣй ставъ, въ явную ярость обратився,
Честнымъ домамъ досаждать стала безвоздержно.
Жалобу принесли тѣ, которыхъ кровавый
Зубъ той уразъ и прочи, коихъ не коснулся,
Участіе приняли въ общемъ ужъ о паствѣ,
Такъ, что уставленъ законъ и казнь на тѣхъ, кои
Стихи станутъ сочинять кому въ укоризну.
Склонность творцовъ тогда страхъ отмѣнилъ ужъ казни,
Хвалить и забавить тѣ принуждены стали.
Грецiя плѣненная гордаго плѣнила
Побѣдителя свого и ввела науки
Въ дикую Италію; тогда спадать стали
Суровы сатурнскіе стихи и прогнала
Искусная чистота грубость и ядъ древній.
Долго однако потомъ стояли, и нынѣ
Еще не изгладились слѣды поселянства,
Ибо поздно римляне греческія книги
Честь стали, и по войнахъ пуническихъ только,

Ст. 197. *Уставленъ законъ.* Законъ двѣнадцати таблицъ: Si quis occentassit malum carmen, siue condidit, quod infamiam faxit, flagitium ve alteri, capital esto. «Ежели кто говорилъ или сочинилъ стихи противъ чести кого, или въ чью обиду, да будетъ казненъ смертію».

Ст. 199 и 200. *Склонность творцовъ* и проч. Когда узаконена смерть противъ сочиненій укоризненныхъ, страхъ отмѣнилъ склонность стихотворцовъ, и уже они принуждены стали сочинять стихи похвальные и которые-бъ не досаждать, но забаву производить имѣли. Vertere modum, formidine fustis, слово отъ слова: *отмѣнили обычай, или склонность, за страхомъ палки.*

Ст. 201. *Грецiя плѣненная* и проч. Когда римляне греками обладали, ввелися между римлянами, тогда еще грубыми, науки и художества, которыхъ услажденіемъ отъ побѣжденныхъ грековъ побѣдители римляне побѣждены.

Ст. 203. *Спадать стали.* Стали забываться, изводиться.

Ст. 204. *Сатурнскіе стихи.* Стихи фесценинскіе, о которыхъ выше упомянуто, и сатурнскими, какъ бы сказать весьма древными и сочиненными въ Сатурново царствованіе въ Италіи, назывались.

Ст. 205. *Искусная чистота.* Сирѣчь, сочиненіе порядочное, чистымъ слогомъ составленное, учтивое. *Ядъ древній.* Ядомъ Горацій называетъ помянутые грубые и злобные стихи фесценинскіе.

Ст. 209. *По войнахъ пуническихъ.* По войнахъ съ карѳагинейцами. Должно сіе о первой карѳагинейской войнѣ разумѣть, послѣ которой римляне начали честь греческихъ писателей и имъ въ своихъ сочиненіяхъ подражать.

Въ покоѣ видя себя, искать прилежали,
Что полезнаго въ себѣ Софоклъ, Есхилъ, Ѳеспись
Содержатъ; тогда-жъ они на свой попыталисъ
Языкъ сочиненія перевесть творцовъ тѣхъ,
И нравился имъ свой трудъ, ибо народъ Римской
Съ природы умомъ высокъ, острый и довольно
Плачевну изобрать суровость угоденъ,
И смѣетъ удачливо, но скрести стыдится
И боится пишучи поправлять и херить.
Мнится въ сочиненіи комедіи мало
Быть трудности для того, что въ ней слово идетъ
Часто о подлыхъ дѣлахъ и обыкновенныхъ;
Но столь большъ она трудна, сколь меньше надежды
Прощеніе получить, когда неисправна.

Ст. 210. *Искать прилежали.* Начали съ прилежностію испытать сочиненіи Софокла, Есхила, Ѳесписа и выбирать, что въ нихъ пріятнаго и полезнаго находилось.

Ст. 211. *Софоклъ, Есхилъ, Ѳеспись.* Три стихотворца греческіе, знаменитые въ сочиненіи трагедіи. Ѳеспись, за шестьсотъ лѣтъ прежде Христа, первый трагедіи писать началъ; Есхилъ около ста лѣтъ спустя оную исправилъ, и напослѣдокъ, въ старость Есхилову, Софоклъ въ удивительное совершенство привелъ.

Ст. 212 и проч. *Тогда-жъ они на свой попытались.* Римляне, услаждены чтеніемъ греческихъ твореній, попытались на свой языкъ оныя перевесть.

Ст. 215 и 216. *Довольно плачевну изображать суровость.* Римской народъ, будучи съ природы остръ и высокаго ума, охотно и съ удачею упражнялся въ переводѣ и въ сочиненіи трагедій, для того, что склоненъ и способенъ изображать плачевную суровость, каковою трагедіи изобиловать должны. Такъ я принужденъ переводить латинское Tragicum spirat, что слово отъ слова значитъ: *дышетъ скорбную суровость.*

Ст. 217. *Смѣетъ удачливо.* Съ многою удачею греческія изображеніи въ своихъ подражаетъ, новыя рѣчи и рѣченіи вводитъ, и вымыслами новыми и смѣлыми почти имъ, грекамъ, соравняется.

Ст. тотъ же и 218. *Но скрести стыдится и боится.* Горацій въ многихъ своихъ стихахъ особливо совѣтуетъ не лѣниться сочиняя часто скрести и херить. Безъ того сочиненіе исправно быть не можетъ. Поправки сколь чаще повторены, столь сочиненіе къ совершенству своему болѣе приближается.

Ст. 219. *Мнится въ сочиненіи комедіи* и проч. Горацій, говоря о трагедіи, теперь о комедіи разсуждать начинаетъ. Большая часть людей чаетъ, что понеже въ комедіи слово идетъ о дѣлахъ простыхъ, обыкновенныхъ и подлыхъ, для того сочиненіе гораздо легче, чѣмъ сочиненіе трагедіи; но Горацій тому прекословитъ и увѣряетъ, что столь труднее

Смотри Плавтусъ каково нравъ изобразуетъ
Юнаго любителя, отца домостройна
И хитраго сводника; смотри, сколь Доссенусъ
Жадными искательми обѣдовъ докученъ,
Сколь онъ оплошно обутъ по полку тащится;
Видно, что деньги копить онъ лишь суетится,
Безпечаленъ прямо ли, криво ль повѣсть идетъ.
Кого на позорище вѣтренная славы

комедіи писать, что меньше творецъ прощенія своимъ прегрѣшеніямъ уповать можетъ.

Ст. 224. *Смотри, Плавтусъ, каково.* Столь комедіи сочиненіе трудно, что самые искуснѣйшіе въ нихъ спотыкаются. Плаутусъ, напримѣръ, плохо изображаетъ нравъ молодика волокиты, скупаго отца, хитраго сводника; Доссенусъ чрезъ мѣру докученъ своими жадными искателями обѣдовъ, которыхъ во всѣхъ своихъ комедіяхъ пихаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Плаутусъ, стихотворецъ въ расположеніи частей комедіи и въ учрежденіи всего дѣла весьма удачливый, нравъ лицъ, которыя въ комедіи дѣйствуютъ, отъ большей части неисправно описываетъ. Въ одной изъ его комедій, Лжецъ (Псевдолосъ) называемой, находятся тѣ три характера, о которыхъ здѣсь Горацій напоминаетъ, весьма плохо изображенные, хотя Плавтусъ ту комедію надъ всѣми другими предпочиталъ. *Доссенусъ* или Досунусъ знаменитый списатель римскихъ комедій. Столь мало способенъ былъ вымышлять новые характеры, что во всѣхъ своихъ комедіяхъ вводилъ параситовъ, то есть похлебниковъ, которые благосклонность и обѣды чужіе ищутъ всякими подлостями.

Ст. 228. *Сколь онъ оплошно обутъ по полку тащится.* Смотри, сколько онъ Доссенусъ радѣетъ о совершенствѣ въ своихъ комедіяхъ, сколь они оплошно сочинены. Когда ноги хорошо обуты, свободнѣе ходить можемъ. *Полокъ* въ зрѣлищахъ называется мѣсто, на которомъ дѣйствители изображаютъ. Башмаки, которые они нашивали въ тѣхъ дѣйствахъ, называются soccus. Латинское Qvam non adstricto percurrat pulpita socco слово отъ слова значитъ: *сколь съ ненатянутымъ башмакомъ по полку перебѣгаетъ.*

Ст. 229. *Видно, что деньги копить.* О Плавтѣ и о Доссенѣ говоритъ Горацій. Мало они суетятся, прямо ли, криво ли, басня идетъ, то есть исправна ли комедія, или нѣтъ; попеченіе ихъ то одно, чтобъ деньги копить. Извѣстно, что у римлянъ градоправители, едилами называемые, покупали, и часто дорогою цѣною, комедіи отъ стихотворцевъ.

Ст. 231. *Кого на позорищѣ вѣтренная славы* и проч. Горацій начинаетъ уже изслѣдовать, сколь непріятно ремесло драматическихъ стихотворцовъ и чего терпѣть они должны. Покой тѣхъ, говоритъ онъ, которые съ славолюбія къ сочиненіямъ зрѣлищнымъ прилежатъ, зависитъ отъ лица смотрителей; унываетъ стихотворецъ, буде они зѣваютъ, то есть буде имъ сочиненіе его не нравится, и дуется, буде они прилежно смотрятъ игру. Столь славолюбное сердце маловажнымъ чѣмъ или уничижается, иль

Колесница вознесла, отъ лица зависитъ
Зрителей его покой: буде тѣ зѣваютъ,
Унываетъ; дуется, когда тѣ прилежны;
Столь мала, столь легка вещь сильна и довольна
Уничижить иль вознесть славолюбно сердце.
Я охотно отстаю отъ всякой потѣхи,
Если съ отказу вѣнца сохнуть я имѣю
Иль разжирѣть, когда той будетъ мнѣ дозволенъ.
Часто еще смѣлаго стихотворца гонитъ
И страшитъ то, что числомъ большіе, хоть честью

возносится. *Кого на позорищь вѣтренная славы колесница вознесла.* Весьма удачливое изображеніе, которое значитъ: кого славолюбіе заставляетъ писать творенія драматическія. Изрядно вѣтренною колесницею называетъ колесницу славы, которая отъ зрѣлищныхъ сочиненій получается, ибо въ самомъ дѣлѣ она вѣтренна, пуста, непостоянна.

Ст. 237. *Я охотно отстаю отъ всякой.* Я, говоритъ Горацій, тѣмъ господамъ драматическимъ стихотворцамъ подражать не склоненъ, и никогда не пріимусь за такую забаву, за сочиненіе трагедій или комедій; когда вѣдаю, что буде зрители тѣмъ твореніямъ похвалу откажутъ, имѣю унывать и сохнуть, а когда они ими довольны, то имѣю раздуться и разжирѣть.

Ст. 238. *Съ отказу вѣнца.* Съ отказу похвалъ, или впрямь съ отказу вѣнца, понеже стихотворцы за превосходные сочиненіи вѣнецъ получали лавровый, равно какъ побѣдители. Въ латинскомъ вмѣсто вѣнца стоитъ лавръ, palma.

Ст. 240. *Часто еще смѣлаго.* Вотъ еще другая причина, для которой стихотворцы не могутъ охотно прилежать сочиненію трагедій и комедій, сирѣчь, что въ среди самой лучшей такой игры народъ, которой всегда невѣжествомъ обилуетъ, требовалъ, чтобъ вывели ему для забавы слона, медвѣдя или борцовъ, и танцовщиковъ веревочныхъ, какъ то случилося на двухъ первыхъ изображеніяхъ Теренціевой комедіи Гециры, которой принужденъ былъ выступить изъ позорища, какъ онъ самъ сказываетъ:

Fecere ut ante tempus exirem foras.

«Заставили меня выступить прежде времени, то есть прежде, нежели комедія кончилась.»

И въ другомъ мѣстѣ:

Interea ego non potui tutari locum.

«Между тѣмъ я не могъ устоять на своемъ мѣстѣ.»
Того здѣсь Горацій касается, говоря fugut, гонитъ стихотворца.

Ст. 241. *Числомъ большіе, хоть честью подлѣе и нравами.* Грубые

Подлѣе и нравами грубые невѣжи,
И всегда готовые съ всадниками въ драку
Вступить, буде спорятъ имъ, въ срединѣ игрища
Медвѣдя или борца требуютъ продерзко,
Ибо услаждается чернь вещьми такими,
Да и сами всадники уже ждутъ утѣху
Не отъ ухъ, но отъ очей, которы не сильны
Дать развѣ минучее и тщетно веселье.
Четыре иль болѣе часовъ занавѣска
Опущена и стоятъ дѣйствители нѣмы,
Пока бѣгутъ конницы полки и пѣхоты,

невѣжи, народъ сирѣчь, который хоть честью и нравами подлѣе, да числомъ всегда больше.

Ст. 243. *И всегда готовые въ драку вступить*. Народъ не терпитъ сопротивленія: когда медвѣдя требуетъ, нужно медвѣдя ему показать, инако самъ медвѣдемъ станетъ, забывъ всякое къ вышнимъ почтеніе.

Ст. 247. *Да и сами всадники*. Горацій, стиха два выше, говоря, что ежели всадники спорятъ, то народъ и въ драку съ нимъ вступить готовъ, казался тѣмъ давать знать, что въ томъ чину больше склонности было смотрѣть комедіи пристойнымъ образомъ и услаждаться изряднымъ ихъ сочиненіемъ, а не зрѣніемъ украшеній и другихъ представленій, народу пріятныхъ, каковы суть: медвѣди, слоны, борцы и проч., но въ семъ стихѣ одумався, то опровергаетъ, изъясняя, что стихотворцы не должны уже ни на тотъ всаднической чинъ полагаться, понеже и онъ уже началъ предпочитать забаву, которую глаза смотрѣніемъ украшеній чувствуя, надъ забавою, которую ухо отъ слушанія совершеннаго творенія получить можетъ. Латинской стихъ: Verum equitis quoque migravit ab aure voluptas и проч. есть весьма удачливой красоты; слово отъ слова: *Но уже отъ уха всадниковъ услажденіе переселилось къ глазамъ ненадежнымъ* и проч.

Ст. 250. *Четыре иль больше часовъ занавѣска опущена* и проч. Aulaea называлася занавѣска, которая закрывала зрѣлище, пока комедія не начиналася, равно какъ и теперь дѣлается, но съ тою разницею, что когда у насъ комедіи начинаются, занавѣска подымается вверхъ, а у римлянъ спускалася внизъ, на полокъ зрѣлища; а по окончаніи комедіи, или послѣ всякаго дѣйствія, для пріуготовленія украшеній, подымали ее вверхъ, вмѣсто того, что мы внизъ опускаемъ. И потому значитъ опустить занавѣску, чтобъ начать комедію, a tollere aulaea. Premere aulaea, поднять занавѣску, кончая игру. Слѣдовательно, Горацій здѣсь говоритъ, что часто живало, что среди комедіи тотъ, кто ту народу давалъ, выважывалъ толпу дѣйствителей изображать тріумфъ (сирѣчь въѣздъ побѣдный, торжество побѣдное), которой продолжался чрезъ четыре часа и больше, такъ что между тѣмъ комедія переставала и дѣйствители нѣмы стаивали.

Ст. 256. *Пока бѣгутъ конницы полки* и проч. Занавѣска опущена и дѣйствители нѣмы, и комедія оставливается, пока на зрѣлищѣ изображается война, побѣда и торжество побѣдное. Градоначальники, римскіе Еди-

Тащатъ царей за плечьми съ связанными руки,
Ѣдутъ возы разные и корабли плавлютъ,
Несутъ плѣненный Коринѳъ изъ слоновой кости,
Еслибъ Демокритъ еще въ живыхъ былъ, смѣялся-бъ
Видя, что цѣлой народъ глаза свои втупилъ
На звѣря составленна съ рыси и верблюда,
Иль на бѣлаго слона. Гораздо прилежнѣй
На народъ бы онъ смотрѣлъ, чѣмъ на игру саму,
Больше въ немъ, чѣмъ въ зрѣлищи, находя забаву.
Повѣсти-жъ писателя возмнилъ бы глухому
Разсказывать баснь ослу, и правда, кой силенъ
Голосъ грохотъ зрѣлищей преодолѣть нашихъ?

ли часто такія игры въ комедіяхъ и трагедіяхъ не кстати вводили, для увеселенія народа, который всегда къ такому зрѣнію лакомъ.

Ст. 253. *Тащатъ царей.* Въ томъ въѣздѣ торжественномъ ведутъ царей связанныхъ, спрѣчь ведутъ людей, какъ бы изображая царей плѣненныхъ.

Ст. 254. *Ѣдутъ возы разные.* Essedа суть возы, на которыхъ стоя римляне бивалися; pilenta, возки или коляски для женъ. Petorrita, возы, въ которыхъ плѣнниковъ сажали и багажъ возили.

Ст. 255. *Несутъ плѣненный Коринѳъ изъ слоновой кости.* Несутъ изображеніе плѣненнаго города Коринѳа, сдѣланное изъ слоновой кости. На въѣздахъ побѣдныхъ обычай бывалъ не только везти плѣнниковъ, но и городы самые, которые въ той войнѣ добыты, нести, изображены изъ слоновой кости или изъ дерева, какъ мы теперь веземъ пушки, знамена, барабаны непріятельскіе и проч.

Ст. 256. *Демокритъ.* Философъ Демокритъ, который непрестанно смѣялся, разсуждая суету и безумство человѣческихъ дѣлъ. Смотри объ немъ примѣчаніе подъ ст. 15, письма 12, книги I.

Ст. 258. *На звѣря составлена съ рыси и верблюда.* Такого звѣря, который отчасти на рысь, отчасти на верблюда похожъ, описываетъ Плиній въ главѣ 8, книги 18, и сказываетъ, что Юлій Кесарь первый такого Риму показалъ въ играхъ Цирцеевыхъ.

Ст. 261. *Забаву.* Потѣху, причину къ смѣху.

Ст. 262. *Возмнилъ бы глухому сказывать баснь ослу.* Тѣмъ бы, о стихотворецъ, съ ума сшедъ, склонился сочинять творенія для такихъ зрителей, которые презираютъ стихи его. Чтобъ смотрѣть на звѣря и на побѣдное торжество или на борцовъ. Сказывать глухому, или сказывать ослу, есть пословичное рѣченіе, которое тожъ значитъ, что напрасно трудъ свой терять, какъ мы говоримъ писать вилами по водѣ.

Ст. 263. *И правда кой силенъ.* Для того время напрасно тратитъ стихотворецъ, что на комедіяхъ народъ такой шумъ дѣлаетъ, смотря выше помянутое тріумфа изображеніе, или звѣря какого, что дѣйствителей голоса совсѣмъ не слыхать, сколько бы сильно ни кричали.

Гарганскъ лѣсъ ревѣтъ возмнишь, иль море тосканско,
Съ такимъ шумомъ смотрятся игры, и искусства,
И богатство, съ чуждаго принесенно края.
Онымъ преискрашенный дѣйствитель, какъ скоро
Предстанетъ на зрѣлищи, народъ тотчасъ руки
Сложитъ, удивляяся. Промолвилъ ли слово?
Нѣтъ еще: чему-жъ народъ столь сильно дивится?
Шерсти, тарентинскою выкрашенной краской,
Котора фіалкову цвѣту подражаетъ!
Но дабы не чаялъ ты, что я осужаю
Съ зависти ремесло то, въ коемъ успѣваютъ
Другіе и кое я отправлять не склоненъ,

Ст. 265. *Гарганскъ лѣсъ.* Лѣсъ, который стоитъ на горѣ Гарганѣ, превысокой и подлежащей непрестаннымъ вѣтрамъ. *Море Тосканское.* Моря Средиземнаго часть, которая тосканскому княжеству дотыкается.

Ст. 266. *Игры.* Игрище, комедіи, или тѣ тріумфовъ изображенія.

Ст. тотъ же и 267. *Искусства и богатства съ чуждаго принесенно.* Съ такимъ несказаннымъ шумомъ смотрятъ на игру и удивляются искусству художниковъ, которые дѣлали украшенія, платье дѣйствителей и прочій уборъ зрѣлищный; удивляются же не одному только искусству художниковъ, но и богатству парчей и другихъ вещей, въ тѣхъ играхъ употребляемыхъ. *Съ чуждаго принесенно края.* Для того, что всѣ парчи выписывали изъ Асіи.

Ст. 268. *Онымъ преискрашены* и проч. Тѣмъ чужестраннымъ искусствомъ и богатствомъ, тѣми чужестранными богатыми парчами украшенный дѣйствитель, какъ скоро явится, тотчасъ народъ руки сложа удивляется, хотя еще ни одного слова онъ не промолвилъ.

Ст. 272. *Шерсти тарентинской* и проч. Дѣйствитель еще ничего не промолвилъ, чему жъ дивится народъ съ восклицаніемъ? Платью его дивится, парчи шерстяной, которая фіалковымъ цвѣтомъ выкрашена въ Тарентѣ городѣ. Въ другомъ мѣстѣ уже примѣчено, что городъ Тарентъ особливо славенъ былъ дѣланіемъ парчей шерстяныхъ и краскою багряничною.

Ст. 274. *Но дабы не чаялъ ты....* Горацій, опасаяся, чтобъ Августъ не почаялъ, что онъ съ зависти пересуждаетъ стихотворцевъ, которые для зрѣлищъ пишутъ, самъ предупреждаетъ то подозрѣніе, дая такимъ стихотворцамъ въ краткихъ, но весьма искусныхъ и усладительныхъ словахъ, должную имъ похвалу и изъявляя все, что въ ихъ искусствѣ труднаго и удивительнаго находится. *Что я осуждаю съ зависти.* Въ латинскомъ стоитъ: что я выхваляю коварно, laudare maligne. Рѣченія равносильны, ибо выхвалять коварно есть тожъ, что *пересмѣвать*, осуждать; а первое гораздо согласнѣе предъидущимъ Гораціевымъ стихамъ, въ которыхъ, правду сказать, не много драматическихъ стихотворцевъ выхвалять трудится.

Ст. 275. *Ремесло то.* Ремесло драматическихъ стихотворцевъ, сочиненіе комедій, и трагедій.

Вѣдай, что мнѣ кажется, что и по веревкѣ
Ходить стихотворецъ тотъ можетъ, кой напрасно
Силенъ въ сердцѣ возбудить моемъ безпокойство,
Раздражить, и усмирить, и ложными въ малъ часъ
Страхами меня какъ волхвъ искусный наполнить,
И то въ Аѳинахъ меня, то въ Ѳивахъ поставить.
Но если Аполлина достойный даръ хочешь
Дополнить ты книгами и дать стихотворцамъ

---

277. *Вѣдай, что мнѣ кажется* и проч. Вѣдай, что я чрезмѣр-
кусным̃ъ чаю того стихотворца, которой силенъ своими стихами
ить въ моемъ сердцѣ различныя страсти, напримѣръ безпокойство,
тишину, ненависть, соболѣзнованіе и проч., и наполнить меня,
олхвъ нѣкой, вымышленнымъ ужасомъ, и то учинить, чтобъ мнѣ ка-
, что нахожуся теперь въ Аѳинахъ, потомъ въ Ѳивахъ и проч.
ость того, кто трагедіи или комедіи пишетъ, требуетъ, чтобъ отъ
такимъ образомъ дѣйства своей повѣсти описать, дабы зритель
видѣть самое истинное дѣло, а не изображеніе онаго, чтобъ
е участіе принималъ въ томъ, что дѣйствители дѣлаютъ, и чувство-
ечаль, радость, гнѣвъ по предлежащимъ въ басни обстоятельствамъ;
чаялъ себя въ томъ городѣ, въ томъ мѣстѣ, въ тѣхъ околичностяхъ,
орыхъ изобразуемая повѣсть совершалася. Жалокъ тотъ стихотво-
котораго сочиненіе зритель смотритъ съ холодностью и не забы-
то она изображеніе дѣйства, а не дѣйство самое видитъ.

тотъ же и 278. *И по веревкѣ ходить можетъ.* Всякому казаться
чрезъ мѣру труднымъ дѣломъ ходить по веревкѣ.

279. *Напрасно силенъ.... возбудить.* Inaniter, напрасно. Въ
о чудесно трагиковъ искуство, что насильно насъ клонитъ участіе
атъ въ дѣйствѣ ложномъ и которое насъ ни мало не касается.

281. *Страхами.* Трагедія должна быть наполнена приключеніями
ими и печальными.

283. *Но если Аполлина достойный даръ хочешь дополнить.* Ав-
комедію любилъ гораздо больше, нежели государю пристойно. Гора-
вѣтуетъ ему не однимъ только драматическимъ стихотворцамъ всю
илость дозволить, но и тѣмъ ону надѣлять, которые и другихъ ро-
тихи пишутъ, искусно ему внушая, что драматиковъ стихи только
ъ могутъ, а прочихъ стихотворцевъ сочиненія и славу государя
страниить сильни. *Аполлина достойный даръ.* Такъ называетъ
ранительницу греческу и латинску, которую Августъ посвятилъ
ну въ домѣ палатинскомъ и въ которую поставлены бывали всѣ
иненія, которыя общую похвалу заслуживали.

284. *И дать стихотворцамъ нову силу....* И ободрить стихо-
въ прилежать и преуспѣвать въ сочиненіи стиховъ. Награжденіе,
сударей стихотворцамъ подаваемое, сильно въ нихъ возбудить умъ
чность къ составленію изрядныхъ твореній; сильно придать имъ
, чтобъ взойти на самой верхъ горы Еликона, сирѣчь, чтобъ со-

Нову силу восходить на верхъ Еликона
Вѣчнозеленѣюща, Кесарю, потщися
Благосклонно облегчить нужду и тѣхъ, кои
Читателю ввѣрить свой трудъ предпочитаютъ,
Чѣмъ гордаго зрителя претерпѣвать нѣжность.
Правда (чтобъ и о себѣ не минуть мнѣ слово),
Часто много мы себѣ, сами стихотворцы,
Зла приключаемъ, когда тебѣ утружденну,
Иль упражненну въ дѣлахъ важныхъ, мы приносимъ
Книги свои; когда мы въ досаду пріймаемъ,
Если кто изъ друзей смѣлъ осудить одинъ стихъ,
Когда ужъ прочтенные стихи повторяемъ
Непрошенны, когда мы жалуемся горько,
Что нашъ въ сочиненіяхъ нашихъ трудъ невидѣнъ
И не примѣчается скрыто въ нихъ искусство,
Когда льстимъ себѣ, что ты какъ скоро услышишь,
Что знаемъ стихи писать, тотчасъ ты собою
Долженъ насъ въ милость принять свою благосклонно
И нужду нашу прогнать, и писать заставить.
Нужно однакожъ тебѣ совершенно вызнать

вершенство въ той своей работѣ достигли, безъ того и сердце унываетъ. Геликонъ гора въ Греціи, по баснословію древнихъ обиталище музъ.

Ст. 287 и 288. *И тѣхъ, кои читателю.* И тѣхъ стихотворцевъ, которые лучше любятъ писать для читателей, чѣмъ для зрителей, сирѣчь которые имѣли бы читаны быть, чѣмъ такіе, которые бы имѣли быть въ зрѣлищахъ изображены.

Ст. 290. *Правда, чтобъ и о себѣ не минуть мнѣ слово.* Не хочетъ Горацій совсѣмъ Августа обвинять, что и прочимъ стихотворцамъ кромѣ драматическихъ защиту и милость свою не надѣляетъ. Но самихъ стихотворцевъ въ томъ отчасти винитъ, показывая, что они сами себѣ вредятъ, поднося свои сочиненія Августу, когда онъ упражненъ находится въ важныхъ дѣлахъ или когда утружденъ отъ дѣлъ покой свой имѣть желаетъ; такъ и тѣмъ себѣ вредятъ, что не могутъ снесть, чтобъ кто изъ пріятелей хоть одинъ изъ ихъ стиховъ пересудилъ, что прочтенные стихи, хоть никто о томъ не проситъ, еще вновь читая, скучаютъ и проч. *Чтобъ и о себѣ не минуть мнѣ слово.* Въ латинскомъ слово отъ слова стоитъ: Чтобъ мнѣ изсѣчь и свой виноградъ, рѣченіе пословичное, которое значитъ, что прочихъ осуждая, и себя не щадить.

Ст. 299. *Скрыто въ нихъ искусство.* Въ латинскомъ стоитъ; tenui deducta poëmata filo, слово отъ слова: не примѣчаются творенія тонко пряденыя, то есть искусныя творенія, скрытое искусство творенія. Притѣмъ дороже чѣмъ тоне нить прядена.

Ст. 304. *Нужно однакожъ тебѣ* и проч. Стихотворцевъ таково о себѣ высокомысліе, что они жалуются и дивятся, что ты, какъ скоро ус

Пѣвца добродѣтели, искушенной въ мирѣ
И въ войнѣ, чтобъ не предать ея стихотворцу
Въ руки недостойному. Александръ великой,
Взлюбивъ Херила, ему за стихи нестройны
И грубые царской даръ далъ много филипповъ.
Но какъ чернило пятнитъ, чего ни коснется,
Такъ худой творецъ дѣла худыми стихами
Помрачаетъ славныя. Тотъ же Александръ царь,
Кой столь дорого купилъ такъ смѣшную книгу,
Указъ выдавъ, запретилъ, чтобъ кромѣ Апелла
Ни 'кто писать, ни кромѣ Лисиппа изъ мѣди
Лице сильнаго дерзалъ вылить Александра.
Еслибы того царя разумъ, столько острый

ша, что они умѣютъ стихи писать, не обогатилъ ихъ и не заставилъ ихъ писать похвалы твои; однакожъ нужно тебѣ, долженъ ты, Кесарю, знать, кому изволишь дозволить пѣть твою добродѣтель, искушенную въ мирѣ и войнѣ (то есть твои знаменитыя дѣла, такъ въ военное, какъ въ мирное время), чтобъ не предать ее недостойному стихотворцу въ руки. *Пѣвца добродѣтели.* Æditui назывались церковники, или священники, служащіе въ храмахъ, и которые, будучи совершенно поставлены служенію и обрядамъ богамъ ихъ нравному, оному прочихъ обучали. Потому имя то гораздо пристало пѣвцамъ и проповѣдникамъ знаменитыхъ дѣйствъ славныхъ государей. Горацій здѣсь говоритъ о Августовой добродѣтели, какъ о богинѣ, которая свой храмъ и священниковъ и пѣвцовъ имѣетъ.

Ст. 307. *Александръ великой.* Царь македонской, сынъ Филиповъ, Даріевъ побѣдитель.

Ст. 308. *Взлюбивъ Херила.* Двое было Хериловъ, оба стихотворцы. Одинъ весьма искусный и знаменитой, современный Ѳуцидиду и Геродоту, другой гораздо плохой, который пожилъ въ временахъ Александра великаго.

Ст. 309. *Филиппов*ъ. Такъ называлась монета македонская, на которой съ одной стороны было лице царя македонскаго. Стоила она съ небольшимъ два рубля.

Ст. 310. *Такъ смѣшную книгу.* Какова была Херилова, за которую Александръ, сказываютъ, за всякой стихъ заплатилъ по одному филиппу.

Ст. 314. *Указъ выдавъ, запретилъ, чтобъ кромѣ Апелла* и проч. Александръ запретилъ всѣмъ живописцамъ, кромѣ славнаго Апелла, писать его лицо, и кромѣ Лисиппа выливать оное въ мѣди.

Ст. 317. *Еслибъ ты того царя* и проч. Царь Александръ, говоритъ Горацій, предпочитая надъ всѣми рѣщиками Лисиппа и надъ всѣми живописцами Апелла, показалъ, что онъ имѣлъ многую остроту ума въ различеніи искусства въ художествахъ, но даннымъ чрезвычайнымъ даромъ Херилу за бездѣльные стихи показалъ же, что не столь удобенъ былъ его умъ различать о добротѣ книгъ, о сочиненіяхъ книжныхъ людей; разсуждая тотъ его съ Хериломъ поступокъ, ты клялся бы, что онъ Александръ

Въ художествѣ различія, хотѣлъ ты заставить
О книгахъ и о дарахъ судить девяти сестръ,
Клялсябъ ты, что въ грубыхъ онъ родился Беотахъ.
Тебя же не остудятъ судъ твой и обильны
Дары, коими себѣ въ славу наградилъ ты
Любезныхъ тебѣ творцовъ Варья и Марона,
Да и подлинно, не столь мѣдные кумиры
Изображаютъ лица черты совершенно,
Сколько въ сочиненіяхъ своихъ стихотворцы
Знаменитыхъ людей умъ и нравъ изъявляютъ,

родился въ Беотахъ, столь о того стихотворца творенія плохо и грубо онъ судитъ.

Ст. 319. *О дарахъ девяти сестръ*. О дарахъ музъ. Дарами музъ называетъ Горацій стихотворныя сочиненія.

Ст. 320. *Въ грубыхъ онъ родился Беотахъ*. Народъ беотійской былъ грубѣйшій изъ всѣхъ греческихъ; такъ въ пословицу вошло говорить: ухо беотійское вмѣсто уха грубаго, нечуткаго, неразличающаго согласіе, и свинья беотійская, вмѣсто человѣка грубаго, неискуснаго. *Беотія* знаменитая провинція греческая, въ которой лежалъ славный городъ Ѳивы, теперь туркамъ подвластна и Страмулита называется.

Ст. 320. *Тебя не остудятъ* и проч. Искусно Горацій, выхваляя Августа, противополагая его совершенное о сочиненіяхъ стихотворныхъ разсужденіе грубому разсужденію Александра великаго. Тебя, говоритъ онъ, не остудятъ милость и почтеніе, которыя являешь къ стихотворцу Варію и Марону, какъ остудилъ Александра подарокъ, данный Херилу. *Луціусъ, Варіусъ* былъ знаменитой стихотворецъ во времена Августа Кесаря, котораго панегирикъ описалъ; сочинилъ тотъ же и нѣсколько трагедій. Виргилій Маро другой не меньшей славы стихотворецъ тѣхъ же временъ. Его сочиненій Енеида, Георгики и Буколики до насъ дошли и чрезъ столько вѣковъ отъ всѣхъ народовъ читаны съ удивленіемъ и услажденіемъ. Оба тѣ стихотворцы были въ особливой милости у Августа Кесаря.

Ст. 324. *Да и подлинно, не столь* и проч. Александръ радѣлъ, чтобъ искусной рѣщикъ и живописецъ изображалъ его лице, и не суетился, каковъ стхотворецъ станетъ дѣла его описывать; ты, Августе Кесарю, стихотворцовъ избираешь, мало суетясь, кто тебя лить и писать станетъ, и въ томъ ты гораздо Александра почтительнѣе; ибо въ самомъ дѣлѣ мѣдь и краски не сильны столь совершенно лица начертанія изображать, сколь стихотворецъ можетъ, къ многой тебѣ славѣ, души твоей составъ, умъ твой, нравы твои описать и предать тебя въ удивленіе всему потомству. И подлинно Августъ Кесарь запретилъ неискуснымъ писцамъ и творцамъ о его дѣлахъ что писать, какъ Александръ заказалъ неискуснымъ живописцамъ и рѣщикамъ лице его изображать.

Ниже бы я предпочелъ подлыя сатиры
Сочинять, чѣмъ важныя описывать дѣйства
И земли пространныя, и рѣки, и царства,
Варваръ покоренныя, и сильныя тверджи,
Горамъ наложенныя, и войны, тобою
Совершенны счастливо отъ востокъ до западъ,
И заключены врата миростража Яна,
И римску въ твоихъ рукахъ власть Парѳянамъ страшну,
Еслибъ воли равная во мнѣ была сила.
Но ни подлые стихи твоему приличны
Величію, ниже я дерзаю приняться
За дѣло, кое мои силы превосходитъ;
Знаю же, что глупая прислужливость скучитъ
Тѣмъ самимъ, коихъ ласкать чаемъ, наипаче
Когда стихами свою ревность являть ищемъ.

Ст. 328. *Ниже бы я предпочелъ.* Съ одной стороны я, вѣдая тотъ твой нравъ, Августе, сирѣчь, что ты искусно судишь о сочиненіяхъ стихотворныхъ, и неравно тебѣ, чтобъ плохой писецъ твои дѣла, твою похвалу писалъ, а съ другой, чувствуя мою слабость и неискусство, удерживаюся списывать дѣла твои понеже: «....Худой творецъ дѣла худыми стихами помрачаетъ славныя». Инако подлинно я бы не предпочелъ писать подлымъ слогомъ сатиры, чѣмъ важныя твои дѣйства, каковы суть покореніе многихъ пространныхъ царствъ и народовъ, счастливыя твои войны, твои побѣды отъ востокъ до западъ, утвержденіе силы римской въ твоихъ рукахъ, и миръ, тобою во всемъ свѣтѣ уставленный, и проч. Дивнаго искусства похвала сія Августова, и не меньше удивительно Гораціево смиреномудріе; впрочемъ сіе извиненіе, для чего онъ не пишетъ дѣла Кесаревы, есть главная причина всего письма.

Ст. тотъ же. *Подлыя сатиры.* Въ латинскомъ стоитъ: sermones repentes per humum, рѣчи по землѣ ползающія; сатиры *рѣчьми* называетъ, что низкимъ и почти простымъ слогомъ писаны.

Ст. 331. *И сильныя тверджи горамъ наложенныя.* Сильныя крѣпости, на горахъ построенныя. Горацій говоритъ о крѣпостяхъ и войскѣ, которымъ Друзусъ утвердилъ проходы при рѣкахъ Эльбѣ, Мелѣ и Везерѣ, и о крѣпостяхъ, построенныхъ вдоль по рѣкѣ Рейнѣ.

Ст. 334. *И заключены врата.* Въ Римѣ имѣлося капище, посвященное Янусу, богу войны и мира, котораго ворота во время военное держалися всегда отперты, а во время мирное запиралися вовсе. Августъ въ свое царствованіе дважды то Янусово капище затворялъ.

Ст. 335. *И римску въ твоихъ рукахъ.* Парѳяне, опасался, чтобъ Августъ противъ нихъ не поднялся, прислали ему назадъ знамена римскія и полоненниковъ въ войнѣ съ Антоніемъ и Крассомъ.

Долѣ помнимъ и скорѣй то перенимаемъ,
Чему смѣемся, чѣмъ то, что мы чтимъ, и хвалимъ.
Я и себѣ не хочу докучной прислуги;
Ни въ воску видѣть себя вылита дурнѣе,
Ни выхваленнымъ въ стихахъ глупыхъ быть желаю,
Чтобъ не краснѣть мнѣ съ такой почести обильной;
И съ писцомъ моимъ, въ одинъ ящикъ не покрытой
Уклавъ меня, не снесли въ рядъ, гдѣ продаются
Ладанъ, перецъ, и духи, и прочія вещи,
Кои ввертываются въ негодну бумагу.

Ст. 343. *Долѣ помнимъ.* Я не принимаюсь, Августе, твои дѣла писать, понеже знаю, что мои силы къ тому не довольны, и знаю же, что глупая прислужливость и тому скучитъ, которому оную показываемъ. Столь больше досадна та глупая прислужность, когда оную оказываемъ глупыми стихами; и то для того, что всякъ свободно и охотнѣе примѣчаетъ, перенимаетъ и помнитъ худые стихи, чѣмъ добрые, и потому глупыя похвалы въ умѣ народа твоего тебѣ не безъ обиды распложаются.

Ст. 345. *Я и себѣ не хочу.* Не только тебѣ, Кесарю, такую глупую прислужность досадною чаю, но и самъ себѣ я такой докучной прислуги не желаю, и не хочу, чтобъ кто лице мое въ воску изобразилъ дурнѣе, чѣмъ мое есть, или чтобъ глупыми стихами меня выхвалялъ, чтобъ тѣ глупыя похвалы меня предъ свѣтомъ не остудили, и не видѣть съ трудами моего похвальника себя самаго въ ящикѣ усаженна и снесена въ овощный рядъ.

Ст. 349. *И съ писцомъ моимъ въ одинъ.* Горацій не хочетъ, чтобъ его плохой стихотворецъ хвалилъ, понеже опасается, что стихи, будучи плохи, къ тому только годны будутъ, что ввертывать въ нихъ перецъ, ладанъ и прочія подобныя вещи, которыя въ негодную бумагу ввертываются и чтобъ потому не снесли его похвалы въ овошный рядъ.

ПИСЬМО II.

КЪ ЮЛІЮ ФЛОРУ.

Флоре, знаменитаго вѣрный другъ Нерона!
Еслибъ кто хотѣлъ тебѣ, въ Габіяхъ рожденна,
Иль въ Тибурѣ юношу продать, и сказалъ бы:
«Дѣтина сей чистъ, красивъ отъ лба до подошевъ;
«Отдамъ за восемь тебѣ сестерцієвъ тысячъ;
«Проворенъ въ господской онъ службѣ и прилеженъ,

II. Юліусъ Флорусъ, отъѣзжая съ Тиберіемъ въ походъ въ Панонію (лѣта по созданіи Рима 742), просилъ Горація, чтобъ къ нему почасту писалъ и посылалъ ему стишки свои; и хотя Горацій ничего ему не обѣщалъ, но и извинялся недосугами, слабостію своею, однако Флоръ въ наступающее лѣто сталъ на Горація пенять, что отъ него совсѣмъ забытъ. Горацій настоящимъ письмомъ на тѣ жалобы отвѣтствуетъ и себя оправдаетъ многими доводами. Къ тому оправданію примѣшиваетъ много забавныхъ насмѣшекъ противъ стихотворцевъ тогдашныхъ, обнажая ихъ гордость и друга къ другу глупыя похлебства, присоединяетъ къ тому изрядныя правила для сочиненій стихотворныхъ, которыхъ показываетъ трудность, и отъ того поводъ получаетъ внушать Флору, что гораздо полезнѣе есть прилежать порядочную жизнь вести, чѣмъ соглашать и сочинять слова, стихи пишучи. Не забываетъ притомъ полезные совѣты предписать противъ страху смерти, противъ высокомыслія, сребролюбія, гнѣва, суевѣрія и противъ другихъ злонравій, наипаче Флору обыкновенныхъ. *Юлій Флоръ* есть тотъ самый, къ которому писано письмо 3 книги 1, гдѣ смотри объ немъ.

Ст. 1. *Знаменитаго вѣрный другъ Нерона*. Въ латинскомъ стоитъ bono claroque fidelis amice Neroni, вѣрный другъ добраго и знаменитато Нерона. Bonus въ латинскомъ языкѣ иногда значитъ не только *добраго*, но и храбраго.

Ст. 2. *Въ Габіяхъ рожденна, иль въ Тибурѣ*. Габій мѣстечко, о которомъ смотри примѣч. подъ ст. 10-мъ, письма II, книги I. *Тибуръ*, нынѣ Тиволи называемый, городъ близъ Рима надъ рѣкою Анитою, сабинамъ порубежный.

Ст. 3. *Юношу*. Латинское слово Verna значитъ слугу, рожденнаго отъ служанки въ домѣ хозяйскомъ, сына сирѣчь холопья.

Ст. 5. *За восемь сестерціевъ тысячъ*. Nummorum millibus octo. Nummi и sestertia тоже значитъ; восемь тысячъ нумовъ учинятъ около двѣсти рублей; цѣна та холопу гораздо умѣренная, понеже иногда продавались по три и по четыре тысячи рублей.

«По взгляду хозяйскую волю разумѣетъ,
«Отчасти погречески умѣетъ и годенъ
«Къ всякому художеству; какъ изъ мягкой глины,
«Что похочешь изъ него вылѣпить ты можешь,
«Къ тому-жъ умѣетъ онъ пѣть, хотя неискусно,
«Однакъ довольно, чтобъ дать при столѣ забаву.
«Знаю, что мало даютъ словамъ нашимъ вѣры,
«Когда чрезъ мѣру товаръ хвалимъ, кой сбыть ищемъ;
«Да вѣдай, что въ деньгахъ мнѣ нѣтъ никакой нужды,
«Хоть я убогъ, никому ничего не долженъ.
«Ни кто же тебѣ его за столь малу цѣну
«Не отдастъ, ни всякому я отдать склонюся.
«Однажды онъ у меня только загулялся,
«И, какъ обычно живутъ, скрылся, опасаясь
«Плетей грозныхъ, что висятъ у крыльца при всходѣ.
«Буде малая та въ немъ тебѣ непротивна
«Побѣгу похулочка, отсчити мнѣ деньги.»
Если по такихъ словахъ раба того купишь,
Продавецъ чисто товаръ свой продалъ и пени
Не боится: сказаны тебѣ всѣ пороки
И добровольно купилъ ты съ ними холопа;
Ты однакожъ тяжбою неправою мучишь
И позываешь на судъ продавца и нудишь.
При отъѣздѣ я твоемъ сказалъ тебѣ прямо,
Что я чрезмѣрно лѣнивъ; сказалъ, что такія
Должности я исполнять совсѣмъ неугоденъ,
Чтобъ ты гнѣвенъ на меня не пенялъ, что писемъ
Не получаешь моихъ. Что-жъ въ томъ преуспѣлъ я,
Когда ты не держишься нашихъ договоровъ?
Пеняешь къ тому, что я, не додержавъ слова,

Ст. 9. *Отчасти погречески умѣетъ*. Чтобъ способнѣе холопа продать можно, обычай былъ научать ихъ письменамъ, а наипаче письменамъ греческимъ, ибо греческой языкъ былъ въ особливой чести у римлянъ.

Ст. 21. *Плетей грозныхъ, что висятъ*. Римляне, чтобъ наипаче въ страхѣ содержать своихъ рабовъ, обычай имѣли держать повѣшенни при входѣ крыльца плети, которыми рабовъ бивали, чтобъ непрестанно предъ глазами имѣли орудіе своего наказанія.

Ст. 26. *Сказаны тебѣ всѣ пороки*. Въ латинскомъ стоитъ: сказанъ тебѣ законъ, dicta tibi est lex, гдѣ слово lex не значитъ законъ, но договоръ, на которомъ продажа учинена.

Ст. 30. *При отъѣздѣ твоемъ*. Когда отъѣзжалъ въ Панонію.

Ст. 31. *Такія должности*. Должность, сирѣчь письма, которую учтивость и любопытность налагаетъ.

Стихи тебѣ не прислалъ, жданые тобою.
Нѣкто воинъ Лукулловъ пѣтомъ и мозольми
Къ походу скопленныя малыя деньжонки,
Въ ночь нѣкую утружденъ, пока въ снѣ глубокомъ
Храпитъ, до послѣдней все потерялъ полушки;
Неистовъ и яростенъ въ таковомъ served уронѣ
На врага и на себя, голодъ въ немъ свирѣпость
Приращая, дерзостно на воиновъ царскихъ
Напалъ и съ мѣста согналъ, которое сильно
Было утверждено и богатствомъ обильно.
Славенъ тѣмъ ставъ, получилъ достойную почесть
И въ даръ, сверхъ того, большихъ сестерціевъ двадцать.
Случилось, что въ время тожъ его воевода,
Не вѣмъ какую достать намѣрився крѣпость,
Сталъ его увѣщавать такими словами,
Что и малодушному, сильны придать смѣлость:
«Ну, дружокъ, ступай, куды тебя добродѣтель
«И храбрость твоя зоветъ; ступай, дружокъ, съ Богомъ,
«И жди велику твоимъ заслугамъ награду.
«Что медлишь?» На то, хоть грубъ, поселянинъ хитро
«Отвѣчалъ: «Тотъ пусть идетъ, кто мѣшокъ утратилъ.»
Въ Римѣ мнѣ счастье дало воспитаться, въ Римѣ

Ст. 37. *Стихи тебѣ не прислалъ*. Дасіеръ примѣчаетъ, что когда Горацій употребляетъ слово carmen, или carmina, одно безъ всякаго другаго, разумѣетъ тѣмъ словомъ свои пѣсни, свои лирическіе стихи.

Ст. 38. *Воинъ Лукулловъ*. Л. Лукуллусъ, знаменитый римской воевода, счастливо воевалъ противъ Митридата, царя понтійскаго и противъ Тиграна, царя армянскаго. Славенъ къ тому превеликимъ богатствомъ.

Ст. 44. *На воиновъ царскихъ*. На воиновъ Митридата или Тиграна.

Ст. 48. *Большихъ сестерціевъ двадцать*. Bis dena sestertia, разумѣть должно magna. Двадцать большихъ сестерціевъ содержали двадцать тысячъ малыхъ, которыя учинятъ триста рублей.

Ст. 49. *Его воевода*. Его Преторъ, сирѣчь Лукуллъ.

Ст. 52. *Смѣлость*. Примѣтно, что здѣсь Горацій употребляетъ слово mens вмѣсто мужества, храбрости, смѣлости.

Ст. 56. *На то, хоть грубъ, поселянинъ хитро отвѣчалъ*. Ille catus quantumvis rusticus.... inquit. Слово отъ слова: онъ воинъ, сколько ни былъ грубъ мужикъ, хитро отвѣчалъ. Catus хитрый, пронырливый, лукавый.

Ст. 57. *Кто мѣшокъ утратилъ*. Въ латинскомъ стоитъ: кто поясъ утратилъ. Zona, поясъ, кишкою сшитой нарочно, чтобъ въ немъ деньги носить. И у насъ такіе поясы въ обыкновеніи.

Ст. 58. *Въ Римѣ мнѣ счастье дало*. Себѣ пріуподобляетъ Горацій об-

Научился я, сколь гнѣвъ Ахиллевъ былъ грекамъ
Вреденъ. Придали къ тому Аѳины искусство
Мнѣ прямую отъ кривой черты различати
И въ академскомъ лѣсу истину изслѣдить.
Злы времена отвлекли съ пріятнаго мѣста,
И междоусобныя неистовство распри
Не искуснаго войны приписало къ войску,
Слабому противиться Августовой силѣ,
На Филипповыхъ поляхъ побѣгъ разогнавъ насъ,

разецъ Лукуллова воина. Пока я убогъ былъ, говоритъ онъ, прилежалъ стихи писать; теперь же, видя себя въ довольномъ достаткѣ, крайнее бы было мое безумство, буде покой свой не предпочту сочиненію стиховъ.

Ст. 59. *Научился я, сколь гнѣвъ Ахиллевъ.* То есть, что онъ въ Римѣ, у учителей своихъ, читалъ Омирову Иліаду, *которая описываетъ осаду троянскую и претерпѣнныя греками бѣды за гнѣвъ Ахиллевъ противъ Агамемнона.* Молодые люди обыкновенно въ Римѣ науки свои начинали читаніемъ того Омирова сочиненія, и долго тотъ обычай и послѣ основанія христіанства продолжался.

Ст. 60. *Придали къ тому Аѳины.* Въ Римѣ Горацій обучился письменамъ греческимъ, витійству, стихотворству, а потомъ отъѣхалъ въ Аѳины для наставленія себя въ геометріи и въ философіи.

Ст. 61. *Прямую отъ кривой черты различать.* Геометрію тѣмъ разумѣетъ, въ которой о чертахъ прямыхъ и кривыхъ изслѣдуется.

Ст. 62. *Въ академскомъ лѣсу истину изслѣдить.* Академія называлося загородное мѣсто въ Аѳинахъ, пріятное за изряднымъ лѣсомъ и многими древними украшеніями, въ которомъ Платонъ ученикамъ своимъ философію толковать первый началъ. Отъ того мѣста всѣ послѣдователи Платоновы академическими философами названы. Имя того мѣста произошло отъ перваго его хозяина — Акдема.

Ст. 63. *Злы времена отвлекли.* Но злыя времена отвлекли меня отъ того пріятнаго мѣста, изъ Аѳинъ сирѣчь. Злыми временами разумѣетъ междоусобную войну, которую произвело убійство Юлія Кесаря. Когда тотъ императоръ убитъ, Горацій, въ 22-мъ годѣ своего возраста, обучался въ Аѳинахъ. Брутусъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя отъѣхалъ въ Македонію, и проѣзжая сквозь Аѳины, взялъ его и многихъ другихъ греческихъ юношъ съ собою въ походъ.

Ст. 65. *Неискуснаго войны.* Когда Горацій къ Бруту присталъ, еще никакого знанія военныхъ дѣлъ не имѣлъ, понеже никогда предъ тѣмъ въ службѣ военной не бывалъ. Однакожъ полковникомъ онъ учиненъ, по чему легко судить, сколь великая нужда въ офицерахъ имѣлась въ войскѣ Брутовомъ.

Ст. 67. *На Филипповыхъ поляхъ побѣгъ.* Брутусъ и Кассіусъ, разбиты бывши оружіемъ Августа Кесаря на поляхъ Филиппическихъ, Горацій, по образцу другихъ, бѣжалъ, покинувъ и щитъ свой на мѣстѣ побоищномъ. Необинуяся здѣсь такъ о томъ засвидѣтельствуетъ, какъ и о бѣдности,

Имѣнія отческа и дому лишенъ я,
Обстрижены крылья мнѣ, въ несчастьѣ покорна
Стихи писать смѣлая понудила скудость.
Нынѣ-жъ, въ довольствѣ себя достаточномъ видя,
Кое зеліе мое истребитъ безумство,
Если лучше не взлюблю спать, чѣмъ писать вирши?
Грабятъ одну за другой забаву летящи
Лѣта; отняли уже мнѣ игры, любови,
И пиры, и зрѣлища; теперь къ стихотворству
Склонность ищутъ похитить; что велишь мнѣ дѣлать?
Къ тому же не всѣмъ одна вещь люба и дивна.
Лирически любишь ты стихи, а сей іамвы,
Той біонски сатиры чернымъ полны ядомъ.
Подобны мнѣ кажитесь тремъ гостямъ разгласнымъ,

которую потомъ взялъ и которая принуждала его стихотворству гься.

т. 69. *Обстрижены крылья мнѣ*. Обыкновенно Горацій себя птицѣ подобляетъ Въ самомъ дѣлѣ, обстригли крылья Горацію въ бою Филиппическихъ поляхъ, понеже потерялъ онъ тогда чинъ полковій.

т. тотъ же и 70. *Въ несчастьѣ покорна стихи писать понудила.* ідши я въ несчастье, уже покорнаго меня, усмиреннаго, скудость удила стихи писать. Покорна вмѣсто покорнаго, чрезъ сокращеніе. словамъ Гораціевымъ, можетъ кому показаться, что онъ прежде боя иппійска стиховъ не писывалъ; но не должно такъ точно слова тѣ раѣть. Горацій говоритъ, что онъ тогда началъ за нужду стихи писать, началъ сочиненіемъ стиховъ кормиться, предъ тѣмъ для забавы своей и писывалъ. *Смѣлая скудость*. Понеже нужда заставляетъ силы превышать и дерзать на то, что безъ нужды дѣлать не покуя бы.

г. 74. *Грабятъ одну за другой*. Другая причина, которая Горацію и писать мѣшаетъ, его возрастъ. Имѣлъ онъ, когда письмо сіе пи-, слишкомъ пятьдесятъ пять лѣтъ, и два года спустя умеръ.

г. 75. *Игры*. Іосі, забавы, потѣхи, однимъ словомъ юношества весеупражненія.

г. 78. *Къ тому же не всѣмъ одна вещь*. Третья причина, для которой и писать не можетъ, различіе мнѣній и желаній тѣхъ, кои отъ него овъ требуютъ.

г. 79. *Лирически любишь ты стихи, сей іамвы*. Что лирическіе и суть, и что ямвы, выше сего въ примѣч. на 31 ст., пис. 19, книга ъяснено.

г. 80. *Біонски сатиры*. Біонъ, философъ и стихотворецъ, былъ ь склоненъ къ злословію, что и богамъ своимъ не спущалъ; не пощаонъ въ своихъ стихахъ и Омира, которой у грековъ за князя стиорства почитался.

Кои, вкуса разнаго, просятъ ѣства много
Различныя. Что имъ дать, что не дать—не знаю.
Противно то самое тебѣ, что другому
Пріятно; то самое, что ты имѣть хочешь,
Другимъ ненавистно двумъ и несносно мнится.
Сверхъ же всего чаешь ли, что живучи въ Римѣ,
Можно мнѣ стихи писать посреди столь многихъ
Попеченій и трудахъ? Сей зоветъ въ поруки,
Сей, всякое отложа дѣло, стихи слушать.
Одинъ на горѣ живетъ Квиринской, другой же
На Авентина краю; обѣихъ однакожъ
Должно посѣтить. Ты самъ видишь, не величко
Тѣхъ мѣстъ разстояніе. Но улицы чисты,
Скажешь мнѣ, и идучи, ничто не мѣшаетъ
Размышлять. Тутъ откупщикъ весь въ поту съ ослами
И съ работникомъ спѣшитъ; тамъ ужасной воротъ
Тяжкое съ скрипомъ тащитъ бревно или камень;
Тутъ жалки спорятъ проходъ похороны сильнымъ

Ст. 87. *Сверхъ же всего чаешь ли.* Четвертая причина, для которой стихи не пишетъ, шумъ римской и безпокойное того города житіе.

Ст. 90. *Стихи слушать.* Большая часть стихотворцевъ тогдашнихъ временъ гораздо любили читать свои стихи при великомъ собраніи людей, и для того съ докуками прашивали знакомыхъ и незнакомыхъ къ тому чтенію.

Ст. 91. *На горѣ Квиринской.* Гора Квиринальская лежитъ на краю Рима къ воротамъ Коллинскимъ, нынѣ называется monte Cavallo.

Ст. 92. *На Авентина краю.* Гора Авентинска лежитъ на противномъ краю Рима, къ Тибру рѣкѣ. Распространяется та гора отъ воротъ Тригеменскихъ до Капенскихъ. Для того Горацій, чтобъ означить большее мѣсторазстояніе, говоритъ: extremo in Aventino, на самомъ дальномъ краю Авентина.

Ст. 93 и 94. *Видишь, не величко тѣхъ мѣстъ разстояніе.* Смѣхся Горацій о весьма не маломъ разстояніи говоритъ, что оно не величко.

Ст. 94. *Но улицы чисты.* Самъ себѣ противополагаетъ Горацій, говоря: правда, велико разстояніе межъ Авентиномъ и Квириналомъ; да дорога чиста, никакихъ препятствій на ней нѣтъ, и потому ничто не мѣшаетъ идучи размышлять и сочинять стихи.

Ст. 96. *Тутъ откупщикъ.* Отвѣтъ на вышепоказанное противоположеніемъ, которымъ Горацій описываетъ препятства, встрѣчаемыя на римскихъ улицахъ.

Ст. 99. *Тутъ жалки спорятъ проходъ.* Тутъ жалкіе похороны спорятъ проходъ извощикамъ. Горацій уже въ другомъ мѣстѣ описалъ, какі

Извощикамъ; тамъ бѣжитъ бѣшена собака;
Тамъ грязная уступать мѣсто свинья нудитъ;
Пойди, звонки складывай стихи, буде можешь.
Весь ликъ творцовъ любитъ лѣсъ и бѣгаетъ градовъ,
Бакха дѣти вѣрныя тѣнь и сонъ любяща,
Ты посреди деннаго и ночного шуму
Хочешь, чтобъ я пѣлъ и слѣдъ топталъ стихотворцевъ,
Чуть ужъ незагладженый? Человѣкъ разумный,
Кой праздные изобралъ къ жилищу Аѳины
И семь лѣтъ наукамъ далъ и состарѣлъ въ книгахъ,
Углубляя мысль всю въ нихъ, часто молчаливѣй
Кумира по улицамъ идя, весь смѣется
Ему народъ. Какъ ужъ мнѣ здѣсь, посреди бури
И въ непрестанныхъ волнахъ мятежнаго града,
Отважиться прибирать и сочинять рѣчи,
Кои бъ можно сладостнымъ пѣть подъ звукомъ лиры?
Были въ Римѣ нѣкогда два братья, которыхъ

улицахъ римскихъ препятствія происходили отъ встрѣчи похоронъ съ ющиками.

.... at hic, si plaustra ducenta
Concurrantque foro tria funera.
Сатира VI, книги I.

т. 104. *Весь ликъ творцовъ.* Всѣ стихотворцы, которые суть дѣти а Бакха, любящаго *тѣнь* и сонъ, сирѣчь тишину и покой, любятъ ъ, уединеніе, и бѣгаютъ городовъ, то есть мятежа и шуму город- го. Баккусъ почитался богомъ стихотворцовъ, для того одинъ верхъ рнасса горы ему былъ посвященъ.

т. 106 и 107. *Слѣдъ топталъ стихотворцевъ, чуть уже незагладже-*ı. Чтобъ подражалъ древнимъ стихотворцамъ, которымъ уже слѣдъ ь не загладженъ, то есть которыхъ сочиненія почти совсѣмъ забыты.

т. 107 и пр. *Человѣкъ разумный.* Ты хочешь, говоритъ Горацій къ ру, чтобъ я въ Римѣ посреди шуму и безпокойства въ улицѣ идучи ки сочинялъ; знаешь ли что, еслибъ въ Аѳинахъ самихъ, городѣ по- пустомъ и тихомъ, человѣкъ разумный, который наукамъ чрезъ семь ь прилежалъ и состарѣлъ надъ книгами, хотѣлъ въ улицахъ пока- ся углубленъ въ размышленіяхъ, весь народъ ему смѣяться станетъ, ь наипаче мнѣ въ Римѣ смѣяться станутъ, видя меня въ такомъ со- ніи.

т. 116. *Были въ Римѣ нѣкогда.* Горацій, извиняяся стихи писать, четыре тому причины Флору представилъ. Вотъ уже пятую произво- ь отъ самолюбія и хвастовства стихотворцовъ, и оттого, что они гну- другъ друга хвалятъ. Тѣмъ поводомъ ихъ пріятно пересмѣваетъ, шая пріуподобленіемъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ ичій, другой витія, и которые другъ друга со всей силы выхваляли.

Одинъ витій, а другой стряпчій, оба столько
Другъ друга склонны хвалить, что сей того Грахомъ,
А тотъ сего Муціемъ называлъ и чаялъ.
Не то-жъ ли неистовство видимъ въ стихотворцахъ?
Я громогласны пишу, сей плачевны пѣсни,
Буде-жъ вѣримъ другъ другу, обоихъ чудесны
Труды и дѣло руки девяти музъ самыхъ.
Посмотри, съ какою мы пыхою, съ какою
Поважностію глаза въ Аполловѣ храмѣ
Обводимъ, римскихъ ища въ ономъ стихотворцевъ.
И пустъ чаемъ, когда мы изъ него выходимъ.
Слѣдуй намъ, буде досугъ, и съ дали послушай,
Что чтемъ и за что вѣнецъ плетемъ мы другъ другу.
Какъ борцы самнитскіе при свѣтилахъ бьемся,
Принимая и дая безвѣстны удары.
Калимахомъ чту его, онъ меня Алцеемъ;

Ст. 118 и 119. *Сей того Грахомъ, а тотъ сего Муціемъ на* Стряпчій называлъ брата своего витія Грахомъ, а витій называлъ своего стряпчаго Муціемъ. *Каіусъ Грахусъ* былъ славной витій р братъ Тиберія Граха витія, оба дѣти Корнелія, знаменитыя Сципі черн. *Публіусъ Муціусъ* одинъ изъ основателей гражданскаго которое описалъ въ десяти книгахъ. Цицеронъ его почитаетъ з снѣйшаго изъ всѣхъ римлянъ въ законахъ и въ обычаяхъ римски стряпчимъ называю юрисъ-консульта, понеже то имя у насъ знако

Ст. 125. *Въ Аполловѣ храмѣ*. Въ другомъ мѣстѣ уже изъяснен Августъ Кесарь при храмѣ Аполловѣ книгохранительницу посвяти которой собиралъ всѣ знатныхъ писателей лучшія сочиненія. Та хранительница была обыкновенное сходбище плохихъ стихотворц Гораціевы времена.

Ст. 127. *И пустъ чаемъ, когда мы изъ него выходимъ*. За самол своимъ плохіе стихотворцы чаяли, что въ той книгохранительн одного хвальнаго творенія не находится, пока ихъ сочиненія туд дутъ внесены.

Ст. 130. *Какъ борцы самнитскіе*. Худыхъ стихотворцевъ при ляетъ гладіаторамъ, то есть единоборцамъ, которые по ружью свое нитами называлися. Обыкновенно ихъ употребляли при домашни жествахъ, и бивалися при свѣчахъ, или при факелахъ, въ ночи, мыми палашами, но притворными тупыми, чтобъ другъ друга не в Я не вижу, какое сходство межъ тѣми борцами и стихотворцами. толкуетъ, что какъ тѣ борцы другъ друга своимъ оружіемъ, такъ творцы язвятъ другъ друга безстыдными похвалами.

Ст. 132. *Калимахомъ чту его, онъ меня Алцеемъ*. Калимахъ ской, славной греческой стихотворецъ во временахъ Птоломея Фил фа. Писалъ онъ многія жалостныя пѣсни, за которыя княземъ эл скихъ твореній почитанъ. Алцей знатнѣйшій лирической стихотв

Если больше что желать покажется, тотчасъ
Мимнермомъ зову его, и всякое имя
Не щажу угодное расти его славу.
Когда я стихи пишу, такихъ именъ много
Съ собой ношу и похвалъ, и много ласканья,
Чтобъ усмирить творцовъ родъ злобный, и народа,
Покорностью, получить въ пользу свою голосъ.
Тамъ же труды тѣ кончавъ и въ себя пришедши,
Заткну всѣмъ уши мои чтецамъ безконечнымъ.
Насмѣваемся мы тѣмъ, кои худы пишутъ
Стихи; но они въ себѣ, пиша, веселятся
И почитаютъ себя, и къ тому-жъ блаженны
Сами; буде мы молчимъ, хвалятъ, что ни пишутъ.
Но кто ищетъ правильно твореніе выдать,
Къ разсмотру принявъ свои тетради, вдругъ пріиметъ
Сердце честнаго судьи, и рѣчи, которы
Или мало явственны, иль слабы, иль подлы,

›любовникъ Сапфы стихотворчицы. Никто его въ сочиненіи пѣсней › превзошелъ.

Ст. 134. *Мимнермомъ зову его.* Смотри объ немъ въ концѣ письма 6, ;иги 1.

Ст. 151. *Хоть тѣ неисходны Весты тайнолюбны.* Не оставляй херить, ;правлять твои сочиненіи, хотя ты ихъ скрытыхъ у себя въ чуланѣ оемъ бережешь. Даромъ, что никто не видитъ твои сочиненія, исправ- й оныя, чтобъ повадиться писать исправно. Горацій называетъ затвора- ɪ Весты *чуланъ*, гдѣ пишетъ, *кабинетъ*, для того, что въ храмѣ Весты ›гини никто кромѣ великаго священника не дерзалъ входить въ святили- е, столь тайно было то мѣсто.

Ст. 153. *Басковъ на свѣтъ выведетъ.* Горацій совѣтуетъ стихотворцу вобновлять употребленіе старинныхъ забытыхъ рѣчей. Цицеронъ и винтиліанъ суть того же мнѣнія; но должно беречися, чтобъ тѣ рѣчи › искать въ гораздо отдаленной древности. Можно возобновлять въ сти- ıхъ рѣчи, которыя народъ забывать начинаетъ, а не тѣ, которыя со- ѣмъ позабыты, и то когда тѣ рѣчи многу силу въ себѣ имѣютъ и дру- хъ подобныхъ не находимъ.

Ст. 155. *Катонамъ и Цееѳгамъ.* Древнимъ витіямъ. Маркусъ Корнелі- ъ Цефегусъ былъ консуломъ, вмѣстѣ съ Публіемъ Семпроніемъ, въ лѣ- › по созданіи Рима 549, за 140 лѣтъ прежде рожденія Гораціева. Въ о временахъ латинской языкъ былъ гораздо грубъ; однакожъ Цице- ›нъ много хвалитъ Цееѳгово краснорѣчіе. Для того Горацій совѣтуетъ ›вобновлять нѣкія рѣчи, отъ него Цееѳга и Катона употребленныя. *Мар- ;съ Порціусъ Катонъ* былъ квесторомъ римскимъ въ 205 году прежде риста; потомъ въ консулы произошолъ, и во всѣхъ достоинствахъ велъ бя столь безупречно, что народъ поставилъ ему кумиръ въ храмѣ бо- ни здоровья. Цицеронъ называетъ его знаменитнѣйшимъ витіемъ, доб- ıмъ сенаторомъ, и славнымъ воеводою.

Бладушно выхерить, хоть тѣ неохотно
Покинуть мѣсто свое, хоть тѣ неисходны
Весты тайнолюбныя кроются въ затворѣхъ.
Ласковъ на свѣтъ выведетъ мрачныя народу
Рѣчи многосильныя, которы знакомы
Катонамъ и Цееегамъ, а теперь подъ плеснью
Гнусною и древностью забытой стенаютъ.
Присвоитъ и новыя, которыхъ однакожъ
Обычай самъ породилъ и произвелъ въ люди.
Быстръ и свѣтелъ, и рѣки подобнѣйшій чистой,
Изліетъ сокровища, и ублажитъ римлянъ
Славное отечество языкомъ обильнымъ;
Все, что въ сочиненіяхъ излишно, убавитъ;
Здравымъ украшеніемъ все, что въ нихъ сурово,
Изгладитъ и умягчитъ, и что не пріятно,
Не важно, немилостивъ, выкинетъ и вытретъ.
Станетъ казаться играть онъ, но въ самомъ дѣлѣ
Будетъ въ поту мучиться, какъ изображаяй
Сатира иль Циклопа лѣснаго плясальщикъ.
Я-бъ предпочелъ, скажешь мнѣ, безмозглымъ и слабымъ
Творцомъ слыть, только-бъ мои меня услаждали
Пороки, иль были бы хоть мнѣ неизвѣстны,
Чѣмъ много смысля сносить столь тяжкую муку.

Ст. 157. *Присвоитъ и новыя, которыхъ однакожъ.* Не только стихотворецъ долженъ многосильныя древнія рѣчи воскрешать, но и новыя присвоять; однакожъ тѣ новыя рѣчи такія быть имѣютъ, которыя народъ произвелъ, которыя сирѣчь народу могутъ быть вразумительны.

Ст. 166. *Станетъ казаться играть онъ, но въ самомъ дѣлѣ.* Доброта творенія изъ того познается, когда оно такимъ образомъ сочинено, что всякъ чаялъ бы себя въ состояніи тожъ учинить съ многою удобностію, но когда попытается за дѣло приняться, найдетъ въ немъ много труда. Должно, чтобъ въ сочиненіяхъ трудъ нашъ былъ не видѣнъ, чтобъ все текло свободно, а то самое многаго труда требуетъ.

Ст. 167. *Какъ изображаяй Сатира иль Циклопа.* Какъ тотъ, что танцуя изображаетъ повѣсть какого сатира или циклопа, напримѣръ, Полифемову. Были у римлянъ плясальщики, которые однимъ движеніемъ своего тѣла представляли всѣ дѣла человѣка какого, всѣ его страсти, всѣ его намѣренія, и безсумнительно многой трудности было въ томъ быть удачливымъ. То, что зрителямъ казалося легко, много поту стоило такому дѣйствителю.

Ст. 168. *Я-бъ предпочелъ* и пр. Горацій поставляетъ, что Флорусъ ему сіе говоритъ, который, устрашаяся столькихъ трудностей, которы искусный стихотворецъ одолѣть долженъ, отвѣтствуетъ, что онъ лучше желалъ бы худые стихи сочинять, только бы ими самъ могъ быть доволенъ, чѣмъ, искуснымъ будучи, столько труда сносить и мучиться.

Былъ въ Аргосѣ нѣкто мужъ неподлаго роду,
Коему казалося непрестанно слышать
Дивныя трагедіи, и затѣмъ дни цѣлы
Веселъ провождалъ въ пустой зрѣлищной палатѣ
Внимая съ прилежностью, чудясь, бья въ ладони;
Впрочемъ же строгъ исполнять гражданина должность,
Честенъ въ нравахъ, добръ сосѣдъ, къ гостямъ своимъ ласковъ,
Снисходителенъ къ женѣ, къ слугамъ не суровый,
Удобенъ вины прощать ихъ и не взъярится,
Печать свою сломанну на стклянищѣ видя,
Силенъ къ тому миновать пропасть и колодезь.
Сей, когда кровныхъ своихъ помочью, трудами
Исцѣлѣлъ, и зельями безумство изгнали,
Въ себя пришедъ, сказалъ имъ: «Друзья погубили,
«Не пользу мнѣ дали вы, лучшую утѣху
«Отторгнувъ жизни моей, и сильно отнявши
«Ума заблужденіе, столь чувствамъ пріятно.»
Правда, разумъ въ томъ одномъ состоитъ и польза,
Чтобъ, бездѣлки отложа, оставить ту дѣтямъ
Игру сходну лѣтамъ ихъ, ни прибирать рѣчи,
Кои бы подъ звукомъ струнъ латинскихъ пѣть можно,
Но изслѣдить истинной жизни строй и мѣру.
Для того молча въ себѣ такъ я разсуждаю

Ст. 173. *Былъ въ Аргосѣ нѣкто мужъ.* Мужъ тотъ назывался Ликасъ.

Ст. 182. *Печать свою сломану на скляницѣ видя.* У римлянъ, какъ и у насъ, запечатывали скляницы полныя виномъ, чтобъ холопья оныя не упивали.

Ст. 183. *Силенъ къ тому миновать.* Сирѣчь не столько былъ безуменъ, чтобъ не остерегался идучи не впасть въ яму или въ колодезь.

Ст. 190. *Правда, разумъ въ томъ одномъ* и пр. Горацій уже Флору отвѣчаетъ, и пользуяся состояніемъ, въ которое его привелъ изъясненіемъ всѣхъ трудностей, которыя въ искусномъ сочиненіи преодолѣть должно, вступаетъ въ дѣло и доказываетъ ему, что смыслъ здравый не въ томъ состоитъ, чтобъ стихи писать и учреждать рѣчи, но отложить помыслъ о вещахъ суетныхъ и учредить свое поведеніе, жизнь свою. Стихъ 172. Чѣмъ много смысла сносить столь тяжкую муку, подалъ поводъ сему отвѣту.

Ст. 194. *Истинной жизни.* То есть благоразсудной, покойной, блаженной.

Ст. 195. *Для того молча.* Горацій притворяется себѣ самому говорить, чтобъ тѣмъ пріятнѣе учинить свой совѣтъ Флору и удобнѣе исправить его скупость, высокомысліе и протчія злонравія, которымъ Флоръ былъ подчиненъ. Смотри письмо 3, книги I.

И самъ себѣ говорю: если твою жажду
Ни кое обильство водъ утолить не можетъ,
Врачу откроешь болѣзнь; для чего-жъ не смѣешь
Никому открыть твой грѣхъ, когда сколько больше
Богатствъ имѣешь, столь ты больше имѣть жаждешь?
Если корень и трава показанна раны
Твоей боль не облегчитъ, ужъ себя не пустишь
Лечить безполезнымъ тѣмъ коренемъ и зельемъ.
Слышалъ ты, что кому въ насъ боги много дали
Богатствъ, того пало вдругъ вредное безумство;
И хоть ты ничѣмъ умнѣй сталъ, какъ сталъ богатѣй,
Однакожъ наставниковъ слушаешь ты тѣхъ же.
Но еслибъ умнымъ тебя или меньше жаднымъ
И боязливымъ могли учинить богатства,
Краснѣлъ бы ты, еслибъ кто былъ тебя скупѣе.
Если то, что деньгами въ вѣсъ мы получаемъ,

Ст. 196. *Если твою жажду* и пр. по стихъ 200. Буде ты великую, неутолимую жажду чувствуешь, тотчасъ врача призовешь, чтобъ узнать болѣзнь свою и искать способъ оную исцѣлить. Для чего, когда тебя скупость мучитъ, такимъ же образомъ не ищешь избыть той душевной болѣзни?

Ст. 201. *Если корень и трава* и пр. Когда ты на тѣлѣ имѣешь рану и употребишь, какой данной тебѣ, для излеченія, корень или зеліе безъ всякой пользы, отставишь то лекарство какъ неполезное и станешь искать другое, которое бы могло залечить ту твою рану. Не тожъ дѣлаешь съ ранами душевными. Вѣдаешь, что пріумноженіе богатствъ не можетъ насытить твою скупость, твое лакомство, однакожъ ты непрестанно трудишься богатство пріумножать, которое, сколь больше растетъ, столь больше съ нимъ растетъ и твоя скупость.

Ст. 204. *Слышалъ ты, что кому въ насъ* и пр. Стоическіе философы говаривали, что тотъ только богатъ, кто мудръ. Но были другіе философы, сирѣчь, свѣтскіе люди, которые опровергали то предложеніе, и подтверждали, что тотъ только мудръ, кто богатъ. Горацій сего послѣдняго неосновательство показываетъ: «Слышалъ ты, говоритъ онъ, что богачъ глупъ быть не можетъ, что богатства съ собою разумъ и здравое разсужденіе приносятъ; но ты видишь, что ты не сталъ умнѣе съ тѣхъ поръ, какъ сталъ богатѣе, однакожъ всегда тѣмъ твоимъ наставникамъ ты вѣришь, которые тебя обманули.»

Ст. 208. *Но еслибъ умнымъ тебя.* Еслибъ богатства сильны были прибавить намъ смысла и отнять намъ страхъ, лакомство и прочія страсти, то всевозможныя старательства бы мы приложили, чтобъ мы всѣхъ были богатѣе; но понеже богатства ту пользу не приносятъ, для чего не прилежимъ оныхъ бѣгать и гнушаться?

Ст. 209. *И боязливымъ могли.* Повторить бы должно нарѣчіе меньше, меньше жаднымъ и меньше боязливымъ.

Ст. 211. *Если ты, что деньгами.* Тутъ Горацій начинаетъ обличать

Наше бываетъ добро; если по въ законѣ
Искусныхъ мнѣнію, намъ всяку присвояетъ
Вещь долго владѣніе; всяка, что питаетъ
Тебя земля, твоя есть, и Орбіевъ пахарь,
Когда поле боронитъ, тебѣ хлѣбъ готовя,
Господиномъ признаетъ тебя. Даешь деньги,
Получаешь виноградъ, яица, цыплята,
Кадь вина. Сирѣчь, такимъ образомъ по малу
Скупаешь землю себѣ, которая въ триста
Тысячъ стала, можетъ быть, сестерцій иль свыше.
Чѣмъ рознится, живешь ли деньгами, которы
Теперь отчелъ иль давно? Кто землю веенску
И арицинску купилъ за долгое время,
Куплено на столъ ему зеліе приходитъ,
Хоть инако мыслитъ онъ; купленными къ ночи
Дровами студеный онъ котелъ нагрѣваетъ.
Да своимъ мѣсто зоветъ пота, гдѣ осина

сребролюбіе тѣхъ, кои деньги копятъ, чтобъ купить земли, вотчины, и доказываетъ, что тѣ, кои ни пядью земли не владѣютъ, владѣютъ однакожъ всѣми тѣми вотчинами, которыхъ плоды они деньгами своими покупаютъ.

Ст. 218. *Намъ всяку присвояетъ вещь долго владѣніе.* Для пресѣченія многихъ тяжебъ безконечныхъ, законодавцы разсудно установили, что владѣніе какой либо вещи чрезъ нѣкое учрежденное число годовъ служитъ вмѣсто крѣпости и даетъ тому, въ чей власти то добро, полное право къ сохраненію себѣ онаго.

Ст. 215. *Орбіевъ пахарь.* Орбіусъ сей былъ человѣкъ весьма богатъ землями, съ которыхъ продавалъ великое число хлѣба повсягодно.[1]

Ст. 220. *Триста тысячъ.... сестерціевъ.* То есть 75,000 рублей.

Ст. 222 и 223. *Деньгами, которыя теперь отчелъ или давно.* Теперь отсчитаешь деньги, которыми покупаешь повседневно хлѣбъ, вино, мясо, живность, зеліи и проч.; давно отчелъ деньги, которыми купилъ помѣстье.

Ст. 223 и 224. *Кто землю веенску и арицинску купилъ.* Кто помѣстья не имѣетъ, покупаетъ по малу ту землю, которой плоды онъ получаетъ своими деньгами, хоть того самъ не примѣчаетъ; такъ и помѣщикъ Арициній и Веіевъ, покупаетъ, хоть самъ того не чувствуетъ, все то, что съ тѣхъ помѣстей получаетъ, зеліе, курицу, яицо и проч., за все платитъ годовыя деньги. Только межъ ими разницы, что сей выдалъ напередъ и всѣ вдругъ деньги за тѣ припасы, а другой платитъ по малу, когда товаръ получаетъ. *Ариція* малой городокъ близъ долгой Альбы, нынѣ Рица навываемый. Веіи уѣздъ Тосканской.

Ст. 228. *Да своимъ мѣсто зоветъ.* Противополагаетъ 'Флоръ, говоря: правда, помѣщикъ покупаетъ все, что съ помѣстья ему приходитъ деньгами, которыя вдругъ и напередъ выдалъ; да тѣмъ пріятнѣе ему то владѣніе, что ту землю свою собственною звать можетъ по такой-то или другой знакъ, коимъ рубежи означены; напримѣръ, пота гдѣ осина стоитъ.

Ближняя препятствуетъ сосѣднія ссоры
Извѣстными гранями. Какъ бы свое было
То, что быстро времени въ малѣйшую точку,
Иль просьбою, иль цѣной, иль силой, иль смертью
Премѣнитъ хозяина, и въ иву власть пойдетъ.
Такъ понеже никому дано владѣть вѣчно,
И наслѣдника другой наслѣдникъ находитъ,
Какъ волна волну; къ чему пользуютъ помѣстьи
Иль житницы? и къ чему прибавлять къ луканскимъ
Лугамъ калабрски? когда и большихъ и малыхъ
Пожинаетъ золотомъ адъ неумолимый?
Суть кои ни бисеровъ, ни мраморъ, ни кости
Слоновой, ни лѣпленныхъ въ Тиренахъ кумировъ,
Ни живописныхъ таблицъ, ни сосудъ сребряныхъ,
Ни въ гестульской крашеныхъ парчей багряницѣ

Ст. 230. *Какъ бы свое было*. Сіе есть отвѣтъ на предъидущее противоположеніе. Не можно звать собственнымъ все то, что въ мгновеніе ока изъ нашихъ рукъ въ другія перейти можетъ. Потому хозяинъ земли не больше владѣетъ землею, чѣмъ тотъ, кто плоды ея покупаетъ.

Ст. 232. *Иль просьбою, иль цѣной, иль силой, иль смертью.* Четыре способа, которыми вещь какую или какое имѣніе пріобрѣтать можно. Ибо или получаемъ оное въ даръ чрезъ просьбу, или цѣною покупаемъ оное, или силою, чрезъ тяжбы неправныя, или чрезъ оружіе, выгоняя прежнихъ владѣтелей, или смертью, сирѣчь чрезъ наслѣдство послѣ умершаго сродника или пріятеля.

Ст. 235. *Наслѣдника другой находитъ*. Одинъ наслѣдникъ на другаго находитъ, наступаетъ, какъ волна на волну. Слово находитъ здѣсь значитъ наступаетъ, а не обрѣтаетъ, какъ обыкновенно говоримъ: находить на кого.

Ст. 236 и проч. *Къ чему пользуютъ помѣстьи иль житницы*. Къ чему пользуетъ закупать помѣстьи, распространять оныя прикупая земли къ землямъ? Къ чему пользуетъ копить хлѣбъ въ житницахъ и другое всякое богатство, когда адъ (сирѣчь смерть), котораго ни золотомъ умолить не можно, всѣхъ равно пожинаетъ, малыхъ и великихъ, сильныхъ и слабыхъ, богатыхъ и убогихъ?

Ст. 237 и 238. *Прибавлять къ луканскимъ лугамъ калабрски*. Калабрія и Луканія суть двѣ провинціи на краю Италіи, нынѣ части Неапольскаго королевства.

Ст. 241. *Ни лѣпленныхъ въ Тиренахъ кумировъ*. Маленькихъ образчиковъ, дѣланныхъ въ Тосканѣ. Древній толкователь примѣчаетъ, что тоскане первые изъ всѣхъ италіанскихъ народовъ начали мраморъ рѣзать и дѣлать кумиры; но Горацій здѣсь не о мраморныхъ статуяхъ говоритъ, но о глиняныхъ, или дѣланыхъ изъ золоченой кожи, изобрѣтенныя ими же, тосканами, и которыми украшали надъдверія капищъ.

Ст. 243. *Въ гетульской крашеныхъ.... багряницѣ*. Мигех малая рыбка, въ котораго ртѣ находится краска багряничная. Такая рыба наипаче ловится при берегахъ африческихъ, въ которой знатная провинція Гетулія.

Не имѣютъ, суть кои имѣть не пекутся.
Для чего съ двухъ братъ одинъ праздность, игру, масти
Предпочитаетъ садамъ Иродовымъ тучнымъ;
Другой, хоть столько-жъ богатъ, вѣчно безпокоенъ,
Отъ всхода до запада солнечнаго поле
Расчищаетъ дикое огнемъ и желѣзомъ?
Знаетъ духъ, рожденія правящій свѣтило,
Богъ естества нашего, въ каждомъ изъ насъ смертный,
Премѣнчивъ, по всякого лицу бѣлъ иль черенъ.
Я употреблять свое добро и изъ кучи
Умѣренной стану брать все, что мнѣ ни нужно,

Ст. 245. *Для чего съ двухъ братьевъ*. Можетъ статься, что Горацій означаетъ живущихъ въ его временахъ такихъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ любилъ прохладъ, другой труды въ собираніи богатствъ. Но можно тоже и вообще о всѣхъ людяхъ разумѣть, понеже въ мнѣніяхъ нашихъ, въ нашихъ нравахъ столькая разница усмотрѣвается. Причину той разразницы Горацій приписуетъ духу всякаго человѣка.

Ст. тотъ же, *Праздность, игру, масти*. *Игра*, забава, увеселеніе, утѣха. *Масть* благовонные духи, чѣмъ волосы и тѣло древніе называли.

Ст. 256. *Предпочитаетъ садамъ Иродовымъ тучнымъ*. Лучше любить имѣть прохладъ, веселиться, наслаждаться житіемъ своимъ, чѣмъ безъ того владѣть самымъ обильнѣйшимъ богатствомъ. Изъ всѣхъ земель іудейскихъ плодоноснѣйшая была страна Іерихонская, въ которой лежалъ домъ Иродовъ близъ лавроваго лѣсу. *Иродъ*. Царь іудейской, въ котораго временахъ родился Спаситель нашъ. Получилъ онъ царство отъ Августа Кесаря и сената римскаго, чрезъ заступленіе Антоніево въ 713 лѣто по созданіи Рима, царствовалъ 35 лѣтъ, ибо умеръ въ 752, два года послѣ Рождества Христова.

Ст. 250. *Знаетъ духъ*. Въ другомъ мѣстѣ уже изъяснено, что духъ, genius, у древнихъ за бога почитался.

Ст. тотъ же. *Рожденія правящій свѣтило*. Который управляетъ, усмиряетъ свѣтила нашего рожденія, сирѣчь положеніе звѣздъ въ зодіакѣ при рожденіи нашемъ. Древніе генію или духу то правительство препоручали, понеже въ самомъ дѣлѣ умъ, духъ человѣка всю жизнь его правитъ больше чѣмъ сила положенія звѣздъ при рожденіи.

Ст. 251. *Богъ естества нашего*. Такъ бога генія называетъ, понеже духъ, вина и начало всему.

Ст. тотъ же. *Въ каждомъ изъ насъ смертный*. Горацій говоритъ, что богъ Геній во всякомъ изъ насъ умираетъ, ибо рѣдко бываетъ, чтобъ два человѣка вмѣстѣ, или одинъ послѣ другаго нашлися имѣть подобныя страсти и подобный умъ и склонность. Люди гораздо въ томъ болѣе расличествуютъ чѣмъ обличіемъ.

Ст. 252. *Премѣнчивъ, по всякого лицу*. Столь различенъ во всякомъ изъ насъ, сколь мы межъ собою лицемъ разнствуемъ.

Ст. тотъ же. *Бѣлъ иль черенъ*. Добръ или золъ, или и впрямь былъ бѣлъ или черенъ, по цвѣту тѣла человѣческаго.

Не мысля, какъ обо мнѣ наслѣдникъ мой станетъ
Судить, что не больше онъ, чѣмъ дано мнѣ, найдетъ.
Но однакожъ тотъ же я пекуся знать, сколько
Веселый, пріемный мужъ разнствуетъ отъ мота,
И въ чемъ разнятъ межъ собой скупой съ домостройнымъ.
Много-бо различія межъ мотомъ, что мечетъ
На всѣ стороны свое, и тѣмъ неразсудно
Иждиваетъ, не ища приращать богатство,
Или, лучше сказать, кто, какъ въ Минервинъ праздникъ,
Младенцъ ты дѣлывалъ, украдкой пріятнымъ
Малымъ наслаждается временемъ охотно.
Только-бъ нищета въ дому гнусномъ не стѣсняла,
Мало о прочемъ пекусь; въ маломъ иль въ великомъ
Плывя суднѣ, стану плыть ни больше, ни меньше.
Не бѣжимъ способнымъ мы вѣтромъ въ полный парусъ,
Но ниже противны намъ дышутъ въ пути вѣтры.
Силой, пригожьствомъ, умомъ, рожденіемъ, нравомъ,
Имѣніемъ хотя мы въ главнѣйшихъ послѣдни,
Въ послѣднихъ мы первые. Не скупъ ты, изрядно —
Да чаешъ ли, что съ тѣмъ всѣ прочіе пороки

Ст. 258. *Но однакожъ тотъ же я.* Хотя я осуждаю скупость и чрезмѣрную бережность, однакожъ знаю поставлять истинное различіе между великодушнымъ человѣкомъ и между мотомъ.

Ст. 258. *Веселый пріемный мужъ.* Simplex hilarisque, здѣсь слово simplex значитъ человѣка, которой живетъ просто, свободно, иждиваетъ свои деньги безъ сожалѣнія и охотно употребляетъ свое имѣніе.

Ст. 263. *Или, лучше сказать, кто, какъ въ Минервинъ праздникъ*, и проч. Повторить должно межъ тѣмъ, или лучше сказать межъ тѣмъ, кто какъ въ Минервинъ праздникъ. Горацій пріуподобляетъ того, кто благоразсудно иждиваетъ свое имѣніе неища приращать оное, младенцу, которой наслаждается короткимъ но пріятнымъ временемъ праздника Минервина. Въ тотъ праздникъ, которой продолжался чрезъ пять дней и назывался Квинквартусъ, младенцы имѣли свободу гулять и не ходили въ школу, которая свобода сколь пріятна младенцамъ всякъ знаетъ, кто свое младенчество помнитъ.

Ст. 264. *Украдкой.* Ухваткой, kaptim, какъ бы опасался, чтобъ изъ рукъ не ушло, чтобъ другой кто не отнялъ.

Ст. 266. *Только-бъ нищета въ дому.* Только-бъ не находился въ крайнемъ убожествѣ, а впрочемъ ему все равно въ великомъ ли или въ маломъ суднѣ будетъ плыть по морю житія сего. Горацій хвалилъ всегда умѣренность, но не любилъ убожество, нищету.

Ст. 269. *Способнымъ вѣтромъ.* Aquilone secundo. Aquilo, вѣтръ восточно-сѣверный, вмѣсто всякаго вѣтра здѣсь употребленъ, какъ ниже сего Auster вѣтръ полуденный.

Бѣжали? не мучатъ ли тебя тщетны славы,
Любовь, страхъ смерти и гнѣвъ? смѣешься ли енамъ ты,
Ночнымъ привидѣніямъ, чудесамъ, волшебнымъ
Страхамъ, чародѣйцамъ и баснямъ ѳесалійскимъ?
Охотно ли числишь ты рожденія лѣты?
Прощаешь ли недругамъ? сколь къ старости больше
Ближишься, столь больше ли кроткъ и добръ бываешь?
Что пользуетъ лишь одинъ тернъ вырвать изъ многихъ?
Если ты не знаешь жить право, оставь мѣсто
Знающимъ; довольно ты уже прохлаждался,
Довольно ты ѣлъ и пилъ, уже тебѣ время
Отойти, чтобъ юноши, которымъ пристали
Сласти и веселіе, тебѣ не смѣваясь,
Не досаждали, когда напьешься излишно.

Ст. 278. *Баснямъ ѳесалійскимъ.* Чудеса, отъ ѳесалійцевъ учиненныя, чрезъ заговоры и чародѣйство, въ которыхъ они искуснѣйшими почитались, научены будучи, какъ сказываютъ, отъ Медеи. *Ѳесалія* часть Македонскаго царства.

Ст. 279. *Охотно ли числишь ты рожденія лѣты.* То есть, какъ день рожденія твоего наступитъ, не печалишься ли видя, что изъ житія твоего годъ одинъ убавился, и что потому ко смерти ты еще ближе подвинулся.

Ст. 282. *Что пользуетъ лишь одинъ тернъ вырвать.* Что пользуетъ, не быть уже скупымъ, когда ты еще высокомысленъ, яростенъ, суевѣренъ, трусъ.

Ст. 283. *Если ты не знаешь жить право.* Буде ты не умѣешъ жизнью наслаждаться, вкушая всѣ позволенныя забавы и сласти и убѣгая оную огорчевать печальми и безпокойствомъ, которое производятъ лакомство, высокомысліе и ярость.

Ст. тотъ же. *Оставь мѣсто знающимъ.* Уступи мѣсто молодымъ людямъ, которые знаютъ наслаждаться забавами и прохладами, не меньшая въ нихъ нихъ горесть помянутыхъ страстей.

Ст. 284. *Довольно ты прохлаждался, довольно ты ѣлъ и пилъ.* Въ сихъ словахъ заключаетъ забавы столовыя и любовныя.

ОПЕЧАТКИ:

Въ XIX и XX листахъ вкралось нѣсколько опечатокъ въ латински словахъ:

напечатано		*слѣдуетъ*
Стр.	445 quoerenda	quaerenda
—	459 Suos colligis	Quos colligis
—	460 abstinens	abstemius
—	462 nihil parvuos sapias et ad hoc	nihil parvi sapias et adhuc
—	466 uilicus	uillicus
—	469 solias terre	solias terrae
—	470 non odis	non odio
—	474 scura	scurra
—	— presepe	praesepe
—	— nequitie	nequitiae
—	475 nitide	nitida
—	476 levus discedens curro	levum discedens curru
—	479 aemendatus	emendatus

САТИРЫ

Для указанія, *какъ* надобно читать стихи кн. Кантемира, привод[и]
выписку:

ИЗЪ ПИСЬМА КАНТЕМИРА О СЛОЖЕНІИ СТИХОВЪ РУССКИХ[Ъ]

«Тринадцатисложный стихъ долженъ состоять изъ *двухъ* полуст[и]шій. Первое полустишіе имѣетъ *семь* слоговъ, второе *шесть*. Сло[ги] перваго полустишія по четвертый могутъ быть долгіе и коротк[іе] какъ ни случатся; но неотмѣнно нужно, чтобъ или *седьмой* бы[лъ] долгій или *пятый*. И въ семъ послѣднемъ случаѣ, чтобъ *шест[ой]* и *седьмой* были короткіе. Втораго полустишія *предпослѣдній* сло[гъ] всегда долженъ быть долгій, такъ что ежели риѳмами пишется, [то] была бы она неотмѣнно двусложная....» (§§ 25, 27, 28, 29).

Въ нашемъ изданіи *долгій* слогъ перваго полустишія означенъ [въ] каждомъ стихѣ удареніемъ; если оно стоитъ на пятомъ слогѣ, то *сѣчен[іе]* стиха слѣдуетъ черезъ два слога послѣ него. Во второмъ полусти[шіи] мы не ставили ударенія, такъ какъ оно *всегда* падаетъ на предпослѣд[ній] слогъ. Вотъ какъ читается стихъ Кантемира:

Уме недозрѣлый плодъ — недолгой науки!
Покойся, не понуждай—къ перу мои руки:

ПИСЬМО СТИХОТВОРЦА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Государь мой!

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ? и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсней, басенъ и другихъ малыхъ твореній составить; но, усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли въ люди вышли, принялся сіи исправить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ; и могу сказать, что почти всё снова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить, больше для исправленія нежели для прочитанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно. Впрочемъ, неотмѣнно пребываю

Вашъ, государя моего,
покорный слуга
* * *

Изъ Парижа 1743.
Марта дня

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕРВОЙ
АВГУСТѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ
и самодержицѣ всероссійской,
ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ.

1 Отрасль Петра Пѐрваго, его же сердцами
Великимъ и Отцемъ звáлъ больше, нежь устами
Народъ твой! Отрасль рукóй взращенна самаго
Всевышняго, пóлкруга въ надежду земнаго!
2 Если видя общу я̀, при твоемъ восходѣ
На престолъ родѝтелевъ, не только въ народѣ

Твоимъ радость, но почти во всѣхъ краяхъ міра,
Въ пѣсняхъ твоихъ не брячитъ одна моя лира;
Не возмни, что съ лѣности мысль моя несклонна
Тебѣ пѣть: была бы тà лѣность беззаконна.
Трижды строилъ лиру я̀, и дрожащи персты
Трижды на струны навѣлъ, и уста отверзты
Готовили Тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый бо̀гъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ: изодра̀въ струны, лиру нагу
Вырвалъ изъ рукъ, изломàлъ, и стиснулъ мнѣ губы.
Видѣлъ я въ свѣтломъ его̀ лбу морщины грубы,
Молніи ярость въ очàхъ, и на лицѣ пламень;
Безгласенъ, недвиженъ я̀ сталъ съ страху, какъ камень.
Грознымъ тогда го̀лосомъ «Кое тя обняло.
«Безуміе», сказалъ мнѣ: «тебѣ ли пристало
«Боговъ вышнихъ прославля̀ть въ смертномъ тѣлѣ племя?
«Не твоихъ силъ на плечà кладешь себѣ бремя,
«Ты поскользнешься подъ нимъ, причину дашь смѣху
«Кои съ чужаго стыдà чувствуютъ утѣху.
«Елисавету сердцà на престолъ возводятъ,
«И пусть оставя Олимпъ, Ей ужъ служить сходятъ
«Веселіе, и Любо̀вь, и три Благодати.
«Видя Ее съ зàвисти плачетъ любве мати;
«Бѣжатъ неправость Ея̀, и злыя обиды,
«И гордость, и лàкомство, и всѣ злочинствъ виды.
«Добродѣтели дѣля̀тъ съ Нею царства бремя,
«Возвращая слàдкое вамъ Петрово время;
«И какъ Перунъ имя то̀й съ Сѣверъ исхождая
«Свѣтло и страшно земли̇ до другаго края:
«Столь славну пѣснямъ своимъ имѣяй причину
«Не подлаго долженъ бы̇ть въ Геликонѣ чину;
«Тебѣ въ низу той горы̇ еще ползать кстати.
«Если же знакъ хвàльнаго благодарства дати
«Твоего како̀й либо Августъ желаешь,
«Поднеси Ей книжицу, въ которой пятнаешь
«Злые веселымъ лицо̀мъ обычьи и нравы.
«Августъ смѣлость твоя̀ придастъ много славы:
«Явно бо, что книжку рàбъ дая ей такую,
«Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ тую.»
Сказавъ то, поднялся о̀нъ въ Парнасски палаты;

Быстра воза колеса возшумѣли златы.
Тяжекъ мнѣ былъ тотъ заказъ изъ устъ властелина
Девяти сестръ, и тяжка закону причина,
Котора невѣжество мое обличала;
Да покорность мнѣ всего болѣе пристала.
Убо, Самодержица, прими, что дать знаю;
Вотъ книжка, обычай чѣмъ и злой нравъ пятнаю.
Многихъ лѣтъ въ ней приношу бдѣнія и поты;
Не пощадилъ боязливъ я своей работы;
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, изхѣрилъ,
Да и такъ достойну глазъ твоихъ быть не вѣрилъ.
Аполлу послушенъ я, ты изъ края до края
Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стихотворецъ, вознамѣрившись сатиры свои приписать блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, сочинилъ сіи стихи вскорѣ по вступленіи Ея Величества на престолъ, и въ началѣ 1742 года переслалъ ихъ къ своему пріятелю.

Ст. 1 и 2. *Его же сердцами звалъ больше, нежъ устами.* То есть, котораго добровольно отцемъ и Великимъ называлъ. Устами хвалить можно или для страху, или въ какой надеждѣ; а внутреннее почтеніе основано на чистосердечной любви и добродѣтеляхъ хвалимаго лица.

Ст. 4. *Полкруга въ надежду земнаго.* Разумѣется та надежда, которую въ ней Россія полагала, объемлющая пространствомъ своимъ почти половину земнаго круга, потому что отъ Риги до послѣдняго Камчатскаго мыса считается не меньше ста семидесяти пяти градусовъ.

Ст. 8. *Въ пѣсняхъ твоихъ не брячитъ одна моя лира.* То есть, если я не сочинилъ въ похвалу твою пѣсни. Древніе стихотворцы имѣли обыкновеніе пѣть стихи свои предъ народомъ; соглашая свой голосъ съ лирою, которая была отчасти лютнѣ подобна; почему похвальные стихи и пѣсни, въ коихъ высокій слогъ требуется, названы *лирическою поэмою.*

Ст. 15. *Бѣлокурый богъ.* Такъ названъ Аполлонъ съ италіанскаго *il biondo Nume.* Смотри о немъ примѣчаніе подъ стихомъ 17-мъ, сатиры 1.

Ст. 16. *Лиру нагу.* То есть, безъ струнъ.

Ст. 23. *Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя.* Стихотворецъ, говоря устами Аполлона, вводитъ множество боговъ. Древніе славнымъ государямъ и героямъ, за великія ихъ добродѣтели, божескую честь приписывали.

Ст. 27. *Сердца на престоле возсѣдаютъ.* То есть, обще же любовь всего народа.

Ст. 28. *Пусть оставя Олимпъ. Олимпъ* есть высокая гора и въ Кипрѣ; у стихотворцевъ оная значитъ *небо.*

Ст. 29. *Три Благодати.* Можно разумѣть двояко: или богин Венериной, или душевныя дарованія.

Ст. 30. *Видя ее, плачетъ любви мати.* То есть, Венера, красоты, плачетъ, завидуя красотѣ лица Императрицы.

Ст. 33. *Добродѣтели дѣлятъ съ нею царства бремя.* Добр съ нею царство управляютъ. Здѣсь оныя въ лицахъ богин ставляются.

Ст. 38. *Въ Геликонъ чину.—Геликонъ,* гора въ Беотіи, Муз священная.

Ст. 41. *Августъ.* Такъ въ древнія времена назывались гр монархи, то есть *распространителями.*

Ст. 45 и 46. *Ясно бо, что книжку рабъ - - - - признаетъ* есть, когда рабъ смѣетъ подносить своей государынѣ такую въ которой злонравія обличаетъ, то посему явно, что в чего ей досаднаго не содержится, и слѣдовательно сама добродѣтелями совершенно украшена.

Ст. 47. *Парнасски палаты. Парнасъ,* гора въ Фокидѣ, пр греческой; смотри о ней примѣчаніе подъ стихомъ 20-мъ, с

Ст. 48. *Быстра везя колеса.* Аполлонъ обыкновенно изобр сидящій на золотой колесницѣ, заложенной четырьмя коньми

Ст. 49 и 50. *Изъ устъ властелина девяти сестеръ.* То ес устъ Аполлона, яко начальника Музъ.

Ст. 60. *Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣнн* есть, всю книгу прочтешь безъ гнѣва; ибо тихое сердце ест кротости, какъ внезапная перемѣна лица есть знакъ сильной с

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сатирою назвать можно такое сочиненіе, которое, забавнымъ слогомъ осмѣвая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна; но слогъ ея, будучи простъ и веселый, читается охотнѣе, а обличенія ея тѣмъ удачливѣе, что мы посмѣянія больше всякаго другаго наказанія боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищахъ, гдѣ между дѣйствами трагедіи вводилися для увеселенія смотрителей смѣшныя явленія, въ которыхъ дѣйствующія лица, въ образѣ сатировъ, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали гражданъ злые нравы и обычаи. Такое изображеніе римляне, грекамъ послѣдуя, на своихъ позорищахъ завели; а потомъ и кромѣ зрѣлища порядочными стихами сатирическія творенія составлять стали. Луцилій нѣкто въ томъ дорогу показалъ Горацію, Персію и Ювеналу, а сіи италіанскимъ, французскимъ и прочихъ народовъ сатирикамъ.

Я въ сочиненіи своихъ наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ. Читателямъ моимъ оставляю судить, сколько я въ семъ опытѣ новаго на нашемъ языкѣ сочиненія преуспѣлъ. Новость предпріятія, можетъ быть, извинитъ погрѣшенія слога; а осторожное обличеніе злонравія подлинно не осудятъ любители добродѣтели. Отъ злонравныхъ ничего не ожидаю, хуленіе и хвалу, гнѣвъ и любовь ихъ равно презирая.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire
Arma la verité du vers de la Satire.
Boileau Art. Poet. Chant. II, p. 145.

То есть:

Не злословить, но себя оказать межъ нами
Жадность правду вооружи сатиры стихами.
Боало о искусствѣ стихотв. Пѣснь II, стр. 145.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на нѣмъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на нѣмъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,[1]
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почуялъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого,[2] и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ[3] то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,[4]

---

1) Чуждается. — Въ этихъ стихахъ живо изображается тогдашнее русское общество, гдѣ писатель еще не пріобрѣлъ себѣ права гражданства.

2) Т. е. монарха, почитающаго свиту Аполлона (Музъ).

3) За страхъ, т. е. страшно, сильно.

4) Въ примѣчаніи къ этому стиху слышится отголосокъ Ѳеофана Прокоповича, написавшаго въ 1720 г. въ Духовномъ Регламентѣ въ защиту науки свое разсужденіе объ ученіи:

«Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентиновъ, Маніхеовъ, Каѳаровъ, Евітовъ, Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Іриней, Епіфаній, Августінъ, Ѳеодо-

Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:[5]
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,

ӡитъ и иные, — наши же русскіе раскольники не отъ грубости ли и неѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иныя; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ исаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, котоая не попустила имъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаіи истины, противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія своего имѣли они илу сочинять софізмы, сі-есть коварные мудрованій своихъ доводы: обаче кто бы сіе зло восписовалъ просто ученію, тотъ бы понужденъ былъ говорить, что когда и врачь опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское иновно есть; и когда ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того иновно есть ученіе воинское. И если посмотримъ чрезъ Історіи, аки резъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ емныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спѣсивѣлись такъ піскопи до четыресотнаго лѣта, какъ послѣ возгордѣлися, наипаче контантинопольскій и римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И ще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы ами лучшія христіанстіи особы, и запрещали бы инымъ учитися; а то идимъ, что и учились вси древніи наши учители не токмо Священнаго Писанія, но и внѣшней философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а имянно: Василій Великій въ словѣ своемъ ко учащымся младенцамъ, Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Уліана Апостата».

5) Въ интерлюдіи, напечатанной въ 3-ей книжкѣ «Лѣтописей рус. литературы» выведенный на сцену раскольникъ такимъ образомъ сѣтуетъ на новое время:

И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну
Попрали, но и платье долгое ужь премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили:
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ возбраняютъ:
Свои брады на голо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ якъ облезяны:
Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы.

Эту-же интерлюдію мы нашли, вмѣстѣ съ сатирами Кантемира, въ одной изъ рукописей Публ. библіотеки (Q, XIV, 19).

Мало вѣры подай священному чину;[6]
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;

---

6) Въ это время нѣкоторые русскіе стали знакомиться съ болѣе здравыми религіозными взглядами по иностраннымъ сочиненіямъ. Представителемъ ихъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ можетъ служить извѣстный историкъ Татищевъ, отличающійся твердымъ логическимъ и практическимъ умомъ. Г. Поповъ въ своей книгѣ «Татищевъ и его время» описываетъ его такимъ образомъ: «Богословскія и церковно-историческія свѣдѣнія почерпалъ онъ изъ Баронія; но будучи знакомъ съ сочиненіями Гоббеса и Беля, онъ постоянно относился критически къ догматическому направленію, за что его обвиняли въ духовномъ вольнодумствѣ. Какъ историкъ, Татищевъ смѣялся надъ властолюбіемъ папъ, надъ желаніемъ католиковъ дать твердыя основы ученію о папской власти, надъ поведеніемъ нѣкоторыхъ митрополитовъ и патріарховъ въ до-петровской Россіи, надъ собираніемъ богатствъ и поземельныхъ владѣній древнимъ русскимъ духовенствомъ, надъ внѣшнимъ пониманіемъ религіи, надъ обрядною стороною вѣрованій, боязнію дьявола, волшебствомъ, суевѣріемъ, провѣщателями, ворожеями, ложнымъ смиреніемъ» (стр. 464).

О боязни дьявола Татищевъ считалъ нужнымъ въ свое время замѣтить слѣдующее: «старинное реченіе, якобы діаволъ надъ всѣми власть имѣетъ, Евангеліе же сказуетъ ни надъ свиньями, то коль меньше надъ человѣки, хотябъ и невѣжды, развѣ бы сказать тако, вси же безумствуя служаху діаволу или идоломъ, имъ вѣроваху и покланяхуся, діаволъ же никоея власти не имѣетъ». О богатствѣ духовенства Татищевъ говоритъ по поводу устава о церковныхъ десятинахъ, который онъ считаетъ подложнымъ: «десятины на церковь, хотя въ четырехъ спискахъ древнихъ, но вездѣ равно находится и слогъ новой, мню, попами вымышленной, отличается; ибо есть ли сіе отъ всѣхъ доходовъ государевыхъ и народныхъ уставлено было, тобъ конечно все не угасло, да и съ мудростію не согласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь давать, и тѣмъ содержанію войскъ и защитѣ и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ; главная того потребность *содержаніе больницъ, богадѣленъ* и *училищъ*, а не на роскошность, піянство и блудъ или великолѣпіе духовныхъ, какъ сіе царь Іоаннъ II въ письмѣ Гурію архіепископу Казанскому и Петръ Великій въ указѣ 1724 изъясняли. Однакожъ то доказательно, что отъ прибытковъ подданныхъ десятину платить у насъ положено, и увѣряетъ въ житіи Андрея Боголюбскаго, что онъ вмѣсто десятины земли и волости далъ, въ Кіевѣ же церковь оная донесь Десятинная зовется, а ниже показано, что Полонное, мѣстечко въ Волыни, къ сей церкви въ десятину дано, потому можно разумѣть, что государи вмѣсто десятины монастыри построя великими доходы снабдили; но отъ народа сбора доходовъ никакого знака нѣтъ. Архіереи отъ церквей каждой въ своей епархіи десятину берутъ, которую и дань именуютъ. Въ европейскихъ, или паче сказать, едва не во всѣхъ ли христіанскихъ государствахъ, десятина на церкви собирается, и сіе есть частію должное, частію нуждное и полезное. Нуждно же сіе есть, дабы церковно-служи-

Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,[7]
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,

тели во первыхъ могли чѣмъ дѣтей своихъ въ наученіе отдавать, книги потребныя покупать, сами не о работѣ земской, но о наученіи народа прилѣжать; второе, чѣмъ училища для неимущихъ учениковъ, яко же для немощныхъ богадѣльны содержать, дабы оное конечно на то, не на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, а народу безполезныя употребляли, какъ выше упомянулъ».

Наконецъ, комментируя извѣстіе о посольствахъ Владиміра въ сосѣднія земли на счетъ разузнанія обрядовъ различныхъ вѣроисповѣданій, Татищевъ замѣчаетъ: «если сказать, что посылалъ токмо членовъ церковныхъ и убранство смотрѣть, то сіе весьма не прилично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ».

Подобныя мысли, которыя Татищевъ иногда высказывалъ и въ обществѣ, были причиною тѣхъ обвиненій его въ атеизмѣ, за которыя досталось ему отъ Петра, на которыя Татищевъ жаловался сыну въ духовномъ завѣщаніи, за которыя его исторія долго была неизданною. Мало того: такой взглядъ на духовенство и его общественную дѣятельность отразился потомъ и на критикѣ Татищева. (Стр. 471—472).

7) Ѳеофанъ Прокоповичъ, современникъ Кантемира, о такихъ ханжахъ говоритъ слѣдующее: «Въ попеченіяхъ житейскихъ погрязше ни о чемъ не помышляютъ, что къ животу вѣчному вѣдати и содержати нужно; а однако христіанскимъ именемъ украшаютъ себя, но именемъ токмо, а не дѣломъ. Ибо что видятъ христіаномъ обычное, внѣшнее, церемоніи или обряды, ходити, на примѣръ, въ церковь, хранити посты уставленные, весело проводити праздники, сжигати свѣщи, употребляти крестное знаменіе и прочая: то и сами они дѣлаютъ, но дѣлаютъ какъ мартышки, внѣшній видъ только христіанства изобразуя на себѣ, а внутренняго, духовнаго отнюдь не имѣя.

«И жалостно и смѣшно видѣть, когда человѣкъ перомъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыкшій, въ богословскія дѣла вступивъ, учнетъ вракати и сказывати о Богѣ, о Ангелахъ, о бѣсахъ и что любо, и что нелюбо Богу, и что хранити надобно къ счастію, и что къ обереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя псалмы или молитвы къ дѣлу сильнѣйшія и прочія безмѣстныя басни; да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ былъ до третьяго небесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ священное писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ: часто на святыхъ отецъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они, многажды въ раздорахъ бредивъ, довольно восклицаетъ: глубина богословіи! Великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуры. Какъ же разумному человѣку не смѣшно слышать подобныя погудки?»

Помѣстья и вотчины весьма не пристали.[8]
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;

---

8) Здѣсь намекается на важный въ то время вопросъ, затронутый еще до Петра I и разрѣшенный только Екатериною II: объ отобраніи помѣстій у духовенства, которое сильно ихъ отстаивало въ свою пользу. Оно винило во всемъ, конечно, нѣмцевъ, и за то излило на нихъ весь накопившійся свой гнѣвъ въ то время, когда съ Елизаветой Петровной восторжествовала русская партія. Тогда почти всѣ проповѣдники возстали противъ вѣротерпимости, противъ нѣмцевъ и тѣхъ, которые были однихъ взглядовъ съ Кантемиромъ и Татищевымъ. Такъ московскій проповѣдникъ Кириллъ Флоринскій говоритъ: «Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ........ Что же Остерманъ и Минихъ съ своими снузданики таковыи эмиссаріи были, довлѣютъ сія доводы. Первый: яко законной наслѣдницы, правовѣрной благочестія хранительницы Елисаветы, престола отеческаго злодѣйскими тестамента укрывательствы наслѣдовать не допускали. Кто же не вѣсть, что таковой наслѣдницы до отеческаго престола не допущать есть правовѣріе и благочестіе, отъ апостоловъ Первозваннаго Андрея всѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православными предками Петра и Екатерины, Петромъ и Екатериною по лицу всея Россіи расположенное, искоренять и въ конецъ истреблять?» «Вторый доводъ: Миниховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украйнѣ зловѣрія его замышленныя и едвали не возстановленныя кирхи, да и сего царствующаго града, въ зовомомъ Китаи, на прельщеніе душъ неповинныхъ христіанскій рогъ, крестъ Христовъ, вознесшая армянская церковь, не ихъ ли дѣло являетъ?» Проповѣдникъ призываетъ Іоанна Златоустаго, гремѣвшаго нѣкогда противъ аріанъ и армянъ, заградить Остерману и Миниху челюсти, пролившія коварнымъ образомъ многую кровь россіянъ, внушить государынѣ о безчестіи, какое наноситъ, по его мнѣнію, Москвѣ существованіе въ ней армянской церкви. «Думали армяне и ласкатели многи, продолжаетъ онъ отъ себя: кои слѣпымъ умомъ Остермана и Миниха обманнымъ разсказамъ удивлятися часто за свое въ вѣрѣ повреждѣніе и непостоянство принуждены бывали, — будто бы, какъ въ первенствующей церквѣ, два свѣтила и два новые апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ, яко Павелъ, будто насаждалъ, а другой, яко Аполлосъ, напаивалъ; но осуетишася: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Минихъ напоялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняетъ. Многи, думать надобно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: бози, уподобльшеся человѣкомъ, снидоша къ намъ, и нарицаху Остермана Діа, Миниха же Ермія; и во правду можно нарещи идолами: Остермана Діа, Миниха Ермія, яко же бо Діи и Ерміи въ языцѣхъ, тако Остерманъ и Минихъ были въ Россіи кумиры златыя, имже сосовѣтніи не устыдѣшася, яко болванамъ, и жерти,

Живали мы прежъ сегѡ, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,

своя совѣсти воли ихъ закалающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ...... Гдѣ домъ, жертвенники, образы и Маѳанъ жрецъ Вааловъ? истребимъ я!... Домъ Вааловъ? Совѣта не раскаяннаго на сѣмя Петрово сборище; жертвенники, образы и жрецы Вааловы Остерманъ, Минихъ и союзники тѣхъ, ихъ же и кромѣ насъ, яко скудельнiи идолы самъ сокрушитъ Господь».

Димитрій Сѣченовъ въ присутствіи Елизаветы, между прочимъ, говорилъ: «Противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ россійскихъ отрыгнули; коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру возставили, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А вопервыхъ тщалися благочестіе отнять, безъ котораго бы мы были горшіи турокъ, жидовъ и араповъ. А такъ то они думали, какъ де благочестіе у нихъ отнимемъ, тогда де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ намъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельныя ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи возлюбиша тму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ..... И что бѣдственнѣе: догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатайцу спасенія нашего неусыпную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста святаго, его же бѣси трепещутъ, гнушалися; преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали, добрая дѣла, ими же вѣчная мзда снискуется, отметали, въ посты святые мясо пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялися; сами суще чада и наслѣдницы геенны, гееннѣ быть не вѣрили.... И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ епикурская мнѣнія впадали. Яждь, пій, веселися, по смерти никакого де утѣшенія нѣсть: и которые такъ бредили, таковые-то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковые и въ чины производилися; а которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ ругания, поношенія врази благочестія чинили, мужиками грубіянами нарицали. *Кто посты хранитъ, называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ.* Кто инокамъ кланяется—суевѣръ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостыню неоскудно подаетъ — простъ, не умѣетъ, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталося. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный. (*Лѣтописи рус. лит., кн. III, статья Попова: Придворные проповѣдники въ царствованіе импер. Елиз. Петр.*, стр. 9—14).

Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба̀, буде нѣтъ въ ней чину,[9]
Ни связи, должность[10] о то̀мъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ слова̀хъ, подлыхъ[11] то есть дѣло,
Знатнымъ полно[12] подвержда̀ть, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души̂ силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту̀ томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещѐй вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо о̀нъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того̀ день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то̀ узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ го̀дъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число̀ съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза̀, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы тверди̂мъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней зна̀ніе, все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому вра̀чъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кро̀вь, буде ему вѣру
Нять[13] хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно[14]—жа̀ръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто̀ видѣлъ живо тѣло.[15]
А пока въ басняхъ таки̂хъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ на̀шего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ течѐніе числить, и ни къ дѣлу
Ни къ стати за однимъ но̀чь пятномъ не спать цѣлу?[16]
За любопытствомъ[17] одни̂мъ лишиться покою,

---

9) Здѣсь слово *чинъ* употреблено въ его первоначальномъ значеніи: *порядокъ*.

10) Вѣроятно, нужно: *должно ль о томъ* и пр.

11) Первоначальное значеніе слова *подлый* не выражало ничего позорнаго; оно было противуположно слову *благородный (дворянинъ)*, слѣд. относилось ко всѣмъ не-дворянамъ. Въ нынѣшнемъ отвлеченномъ значеніи и то и другое слово стали употребляться очень недавно.

12) *Полно* — довольно.

13) Яти — взять. Если будешь ему вѣрить.

14) Т. е. если быстрое кровообращеніе.

15) Т. е. хотя никто не видѣлъ внутренности живаго тѣла.

16) Т. е. не спать цѣлую ночь за однимъ пятномъ (въ солнцѣ или въ лунѣ).

17) Изъ любопытства.

Ища, солнце ль движется, или мы съ землею.
Въ часовникѣ можно чѣсть на всякій день года
Число мѣсяца, и чась солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично [18] людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.[19]
Румяный, трожды [20] рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся? [21]

---

18) Вкралось польское слово *слично* вмѣсто *отлично*, *весьма*.

19) Г. Галаховъ на все это замѣчаетъ: «Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, недающаго денегъ, имѣло, между разными невѣжественными доводами, одно достаточное основаніе: въ его время науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, *прилежа къ нимъ*, какъ самъ Кантемиръ прилежалъ къ стихотворству, въ *лишніе часы*. Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ диллетантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. («Отечеств. Записки» 1848. XI. Сочин. Кант.).

20) *Трожды*—трижды.

21) Замѣчаніе г. Галахова: «Во времена Кантемира, ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что онъ подъ сообществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провожденіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славитъ вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: «Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностью, которое оно не растворило бы радостью?» Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука такъ же искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его

Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, все тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу. [22]
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,

словами не объясняется даже ироніей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ послѣднихъ шести стихахъ (100—106), видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ и, разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ. («Отеч. Записки» 1848 г. XI. Сочин. Кантемира).

22) Вотъ что говоритъ Овидій:

«Глубокія рѣки потекутъ назадъ отъ моря къ своему источнику, солнце побѣжитъ назадъ, поворотивъ своихъ коней, земля понесетъ звѣзды, небо будетъ разрѣзано плугомъ, волна загорится, а огонь дастъ воду.»

Стихотвореніе свое Metaphrasis psal. 72, написанное, какъ надо полагать, прежде этой сатиры, Кантемиръ начинаетъ такимъ образомъ:

Аще изъ земли престапутъ рѣки
Истекати
И начнутъ моря брегъ свой велики
Преступати,
А падше небо землю покріетъ
Всю звѣздами,
Воздухъ во огнь пришедъ возсвирѣпѣетъ
Молніями:
То ниже тогда благость Вышняго
Многомощна
Предастъ праведна въ руцѣ грѣшнаго
Безпомощна....

Что не во что завертѣть завитыя кудри;[23]
Не смѣнитъ на Сѐнеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стòитъ,
Рексу, не Цицѐрону, похвала достоитъ.[24]
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, умѐ, нѣмѣе быть клуши[25]
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
  Знаю, что можешь, умѐ, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонрàвному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжà, и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ[26], плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,[27]
Исчелъ, иль, правду сказàть, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того?[28] Райскихъ врàтъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣскй ввѣрила злàтые,[29]
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гòрдостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипàстыремъ всякъ тя въ сихъ познати

---

23) Во время Кантемира была мода пудрить себѣ волосы.
24) Достойна.
25) *Клуша* (польск.) галка.
26) Не законъ.
27) Краткости ради.
28) Довольно-ль того?
29) И тѣ, которымъ Ѳемида ввѣрила золотые вѣсы, т. е. судьи.

Знакахъ, благогов̀ѣйно отцемъ называти.[30]
Что въ наукѣ? что съ неѐ пользы церкви будетъ?
Иной пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ врѐдъ; а въ нихъ церкви права[31]
Лучшія осно̀ваны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьею ста̀ть? вздѣнь парикъ съ узлами,[32]
Брани того, кто̀ проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пу̀сть слезы презираетъ,[33]
Спи на стулѣ, когда дьякъ[34] выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ̀ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,[35]

---

30) Въ примѣчаніи по первоначальной рукописной редакціи Кантемиръ говоритъ: «Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ Д..., который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность; а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ». Въ одной изъ рукописей сатиръ Кантемира, хранящихся въ Имп. Публ. библіотекѣ, именно въ рукописи, означенной знаками XIV, 8, F, мы нашли противъ этого замѣчанія сбоку приписанное имя *Егоръ Дашковъ*. Въ исторіи Рос. іерархіи Амвросія (1807 г.): «Георгій Дашковъ изъ архимандритовъ Троицкой Сергіевой лавры посвященъ въ 1718 году въ епископа Ростовскаго, въ 1726 году пожалованъ саномъ архіепископа, а въ 1731 году лишенъ сана и посланъ въ заточеніе въ вологодскій Спасо-каменскій монастырь» (часть I, стр. 123). Другія свѣдѣнія о немъ см. въ біографіи Кантемира. На этого же Георгія Дашкова Кантемиръ дѣлаетъ намекъ въ своемъ стихотвореніи *Epodos consolatoria*, написанномъ какъ бы въ утѣшеніе Өеофана Прокоповича, который подъ видомъ пастушка оплакалъ въ стихахъ бѣдствіе своего стада отъ долгаго несчастья (см. въ біографіи Кант.).

31) Права̀, но для рифмы нужно читать *пра̀ва*.

32) Въ такихъ парикахъ изстари ходили судьи во Франціи, откуда и къ намъ зашла такая офиціальная форма.

33) Т. е. пусть презираетъ твердое сердце слезы бѣдныхъ.

34) Дьякъ — старинная должность, соотвѣтствующая нашему письмоводителю или секретарю.

35) Въ то время всѣ эти названія были для насъ новы и переводились изъ иностранныхъ сочиненій, которыя читались немногими любознательными людьми, развивая въ нихъ болѣе здравыя политическія и юридическія понятія. Современникъ нашего стихотворца Татищевъ выражается уже такимъ образомъ: много законовъ—много смятеній, если не всѣ равныя на одномъ основаніи права естественнаго положены, и хотя законъ естественный не учитъ болѣе, какъ знать, что зло и добро, и что человѣкъ долженъ исполнять или оставлять, а гражданскіе точно повелѣваютъ и запрещаютъ, предписывая за преступленіе наказаніе; но правильные и порядочные законы гражданскіе почти всѣ могутъ изъ закона естественнаго изъясниться, если только судья оное разумѣетъ» (Тати-

Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносу,
Что подьячимъ[36] должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.[37]
Къ намъ не дошло время то̀, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ Мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна̀ къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до на̀шего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, бо̀гатство, мудрость одолѣло;[38]
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.[39]
Подъ митрой гордится то̀,[40] въ шитомъ платьѣ ходитъ,[41]
Судитъ за краснымъ сукно̀мъ, смѣло полки водитъ.
Наука обо̀драна въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домо̀въ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотя̀тъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страда̀вшіе корабельной службы.[42]
Всѣ кричатъ: ни какой пло̀дъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова̀ полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣша̀ть,[43] разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на ду̀дочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибра̀ть въ своемъ платьѣ цвѣты;[44]

щевъ и его время Попова, стр. 511, 512). «Достоинство судей состоитъ не въ чести породной или заслугами пріобрѣтенномъ чинѣ; но въ природномъ умѣ, благоправіи и чрезъ науку пріобрѣтенной мудрости, дабы чрезъ глупость и злонравіе иныхъ честь царская не нарушалася и въ судахъ невинные обидъ не терпѣли. И хотя у насъ въ наученіи великъ недостатокъ, то хотя бы смотря на природный умъ и благонравіе въ судьи выбирали. Кто не можетъ ужасаться или съ горестью удивляться, когда видитъ изъ войска за пьянство, воровство или иное непотребство и за лѣность изгнаннаго, судіею не малаго предѣла? Кто долженъ въ такихъ непотребствахъ отвѣтъ предъ Богомъ дать, кромѣ опредѣляющихъ неосмотрительно?» (стр. 517).

36) Подьячій—слово составл. изъ подъ-дьячій, т. е. помощникъ дьяка, въ послѣдствіи стало относиться ко всему мелкому чиновничеству, сдѣлавшись притомъ синонимомъ взяточника и крючкотворца.

37) Подписывать.

38) Т. е. гордость, лѣность, богатство одолѣли мудрость.

39) Т. е. сѣло на мѣсто высшее, взяло верхъ надъ наукою.

40) *То* — вмѣсто *оно* (невѣжество).

41) Т. е. въ вышитомъ придворномъ платьѣ.

42) То есть, какъ страдавшіе морскою болѣзнію бѣгутъ корабельной службы.

43) Играть въ карты.

44) Цвѣта̀.

Тому ужъ и въ са̀мыя молодыя лѣты,
Всякая высша степѐнь, мзда ужъ не велика,[45]
Седми мудрецовъ себя̀ достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричи̂тъ безмозглый церковникъ;[46]
Еще не епископъ я̀, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посла̀нія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запну̀сь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что свои̂мъ полкомъ не владѣетъ,[47]
Когда ужъ имя своѐ подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукно̀мъ что не сидитъ краснымъ,[48]
Смысля дѣло набѣло̀ списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь боя̀ръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворо̀въ за со̀бой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни чита̀ть, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова̀, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скуча̀й, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житьѐ, хоть и тяжко мнится,[49]
Кто въ тихомъ своемъ углу̀ молчаливъ таится.
Коли что дала ти зна̀ть Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя̀, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи̂, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждѐшь, достать хулу злую.[50]

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была: *на хулящихъ ученіе*. Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, со-

45) Каждый высокій чинъ ужъ не великая награда.

46) Дьячокъ.

47) Не командуетъ.

48) Т. е. тужитъ о томъ, что онъ еще не судья.

49) Хоть и кажется тяжелымъ.

50) Т. е. не старайся объяснять ту пользу, потому что вмѣсто похвалъ, которыхъ ты ожидаешь, достанешь злую хулу.

общилъ Өеофану, архіепископу Новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и, возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу, называемую *Гиральдія о богахъ и стихотворцахъ*. Тому архипастырю слѣдуя, архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ (которые вмѣстѣ съ Өеофановыми въ началѣ книжки приложены *), чѣмъ онъ, ободренъ будучи, далѣе прилежать началъ къ сочиненію сатиръ.

ӨЕОФАНЪ,
АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ,
КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

I.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
  Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почто жъ было имя укрывати?
  Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
  Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
  Ты и безъ счастья довольно счастливый.

II.

Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
  Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики;
  Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки;
  А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верхъ славы твоей буди,
  Что тебя злые ненавидятъ люди.

III.

А ты какъ началъ течи путь преславный,
  Коимъ книжные текли исполины;
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
  На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
  Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
  А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

(*) Мы отнесли ихъ къ этому же примѣчанію, чтобъ не помѣщать въ началѣ книги стиховъ, не принадлежащихъ кн. Кантемиру, на ряду съ его стихами.

ѲЕОФИЛЪ КРОЛИКЪ,
АРХИМАНДРИТЪ НОВОСПАССКІЙ,
КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

Ars est celebris stultitiæ genus
Pernosse, nævos carmine pungere
Cornuto, ut expungas, nocens si
Fors animis dominetur error.

*

Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile
Et miscere dulci sic, voluntas
Ut faciat meliora sponte.

*

Utrumque præstas indole principis
Dignus latenti nomine quis quis es;
Vitabis at si, quæ reprehendis,
Omne feres, Venerande, punctum.

*

Quas tibi condignas referet Sapientia laudes,
Indole quam pulchra, scriptor acute, colis!
Si, quam dentato reprehendis carmine salsus,
Laudat & ingenium stultitia ipsa tuum.

*

Quæ contra doctos jectat convitia stultus
Numinis ignarus vel Curium simulans;
Scommata vel mollis quæ picta veste superbus
In studia assiduo parta labore jacit;
Dives & obtrectat congesto pauper in auro,
Ebrius in doctos, quæ mala probra vomit;
Hæc tu cornuto ventitas carmine Scriptor,
Et quæ sint studiis commoda digna, doces.
Castalides, quid ni, te docta fronte revinctum
Dicant præsidium dulce decusque Deæ!

*

Si te pungo, tace; quia te non nomino, clamas:
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

То есть:

Между науками ученіе морально,
Чтобъ знать пороки злыхъ людей, весьма похвально;
Похваленъ, кто ихъ зла не могучи понесть,
Насмѣшкой тщится злыхъ на путь прямый привесть.

*

Немалое и то благодѣянье въ свѣтѣ,
Кто, вѣдая худой людей развратныхъ нравъ,

И съ пользой имъ въ своемъ мѣшая смѣхъ совѣтѣ
Безъ принужденья злыхъ на путь приводитъ правъ.

*

Ты въ обоемъ успѣлъ, что честно и полезно,
Хотя лицо таишь, природой славный князь!
Но если небрежешь то дѣломъ, что́ безчестно,
То совершенъ во всемъ ты и блаженъ сто разъ.

*

И Мудрость, какъ почтить тебя, сама не знаетъ,
Зря, что безуміе твой разумъ похваляетъ.

*

Когда народную къ наукамъ злобу зришь,
Глупцевъ упрямство иль безбожіе винишь,
И грубы щоголей насмѣшки исчисляя,
Не терпишь, что наукъ одежда дорогая
И злато богачу скупому есть милѣй,
Что пьяница на нихъ не промѣнитъ дрожжей.
Всѣ грубости въ стихахъ описывая ѣдкихъ,
Изъ тѣхъ находишь, кто бъ зналъ плодъ ученья рѣдкихъ,
Но по достоинству тебя чтетъ Музъ соборъ,
Что крѣпкой злобѣ ты отъ нихъ чинишь отпоръ.

*

Язвлю тебя? молчи; вѣдь я не именую;
Кричишь: не я, да ты являешь совѣсть злую.

Стихъ 1. *Уже недозрѣлый плодъ и проч.* Тутъ наука значитъ *наставленіе*, дѣйство того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ говоримъ: *Плеть не мука, да впредь наука.*

Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или издатель книги, съ латинскаго *авторъ*.

Ст. 5. *Нетрудные въ нашъ вѣкъ.* Слова *въ нашъ вѣкъ* значатъ путь къ истинной славѣ, который прежде бывалъ весьма труденъ; но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно, потому что не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

Ст. 7 и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклалъ девять сестръ.* Всего труднѣе достигнуть славы чрезъ науки. Девять сестръ, Музы и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ Кліо, Уранія, Евтерпе, Эрато, Ѳалія, Мелпомене, Терпсихоре, Калліопе и Полимнія. Обыкновенно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы*, сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Разцвѣченна марморами саду.* Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Ст. 14. *Овцы не прибавитъ.* Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ: каковъ отъ отца ему оставленъ достатокъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ монархѣ*. О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступалъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста, рожденъ былъ 12 октября 1715 года.

Ст. 16. *Музамъ*. Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 7.

Ст. 17. *Аполлонъ*. Сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны. У древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитаемъ былъ.

Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого*. Въ Аполлоновой свитѣ находятся Музы. Петръ II собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде, нежели обремененъ былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой Высочайшей особѣ наукамъ. До восшествія на престолъ, Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ венгерца; а потомъ въ 1727 году взятъ для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи Наукъ секретарь. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердитъ привиллегіи, надлежащія до Академіи Наукъ, учредивъ при томъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ.

Ст. 20. *Жителей парнасскихъ*. Парнасъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой, посвященная Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Подъ именемъ парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъявляетъ великодушіе монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки и пріумножить ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси*. Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди; однакожъ изъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, ибо много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть святой Павелъ апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей въ конецъ. Пользуетъ огонь, ежели употребленіе его добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣчанія достойно, что въ Россіи расколамъ большая причина глупость и суевѣріе.

Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе*. Обыкновенное невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые много книгъ читаютъ, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, потому что сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что удобнѣе отъ чтенія книгъ бываетъ, столько больше чтитъ Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу члены и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ*. Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ сатирахъ) означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный,

который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Силванъ другую вину.* Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали.* Не гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣности земледѣльцевъ или отъ непорядочнаго воздуха происходить можетъ?

Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учитъ риторика, а наипаче логика, то есть, чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще, и о свойствахъ души и духовъ.

Ст. 53. *Строй міра и вещей вывѣдать премѣну иль причину.* Физика испытываетъ составъ міра и причину, или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

Ст. 60. *Чтобъ вызнать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золота, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

Ст. 63. *Травъ, болѣзней знаніе.* То есть, медицина или врачебная наука.

Ст. 64. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Докторы, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаваютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

Ст. 68. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако не льзя по тому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка.

Ст. 71. *Къ чему звѣздъ теченіе числить.* Объ астрономіи тутъ слово идетъ.

Ст. 72. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла о *множествѣ міровъ.*

Ст. 74. *Солнце ль движется или мы съ землею.* Фонтенеллъ о множествѣ міровъ вечеръ 1. Два, говоритъ, мнѣнія имѣютъ астрономы о системѣ свѣта: первое и старое, въ которомъ земля за среднюю точку всея системы полагается и неподвижна стоитъ, а около

ея планеты, Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и Венера, вертятся, всякая въ извѣстное время. Сія система, по Птоломею, своему изобрѣтателю, называется *Птоломеевою;* другая, по которой солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляется, а прочія планеты, между которыми есть и земля, всякая въ учрежденное время около его вертятся. Луна уже не планета, но спутникъ земли, около которой кругъ свой совершаетъ въ 29 дней. Систему сію выдумалъ Коперникъ нѣмчинъ, и для того *Коперническою* называется. Есть и третія система, Тихобрагова, датчанина родомъ, которая однакожъ изъ прежнихъ двухъ составлена; ибо онъ съ Птоломеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 саженъ ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага математикѣ обучалъ за 300 лѣтъ до Рождества Христова. Трудовъ его у насъ, между прочимъ, остались Элементы,содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей геометріи.

Ст. 78. *Безъ алгебры.* Алгебра есть часть математики, весьма трудная, но и преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ математикѣ. Можно назвать ее генеральною ариѳметикою, поколику части ея по большей мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что ариѳметика употребляетъ для всякаго числа особливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ араповъ, которыхъ мнятъ быть ея изобрѣтателями; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называютъ *Алжабръ Валмукабала*, то есть, наверстать или сравнять.

Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука.* Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали.* Богъ насъ создалъ для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей*, то есть, для книгъ.

Ст. 95. *Вино даръ божественный.* Горацій нѣчто подобное говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes jubet esse ratas: in prælia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum?
Contracta quem non in paupertate solutum?

Ст. 100. *Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.* Свидѣтельство сему есть Лотова исторія, котораго дочери, виномъ его упоивши, желаніе свое исполнили.

Ст. 101. *Когда по небу*. Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его элегіи:

In caput alta suum labentur ab æquore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, cœlum findetur aratro,
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas.

Ст, 107. *Медоръ*. Щоголь тѣмъ именемъ означенъ.

Ст. 109. *Завертѣть завитыя кудри*. Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ пучки бумагою, горячими желѣзными щипцами ихъ нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

Ст. 110. *Не смѣнитъ на Сенеку*, то есть, не смѣнитъ на книгу Сенекину фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты стоической, учитель Нерона, императора римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65; сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, нравоучительныя книги.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій*. Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. Виргилій, стихотворецъ латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшечника изъ мѣстечка Анды, въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 октября въ 684 лѣто по созданіи Рима, то есть, въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. За его превосходный умъ многіе изъ знатнѣйшихъ римлянъ его любили, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь ученый свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ прославился первымъ стихотворцемъ латинскимъ. Умеръ въ провинціи Калабріи, городѣ Бриндѣ, возвращаясь съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу, не Цицерону*. Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ нѣмчинъ; а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля сабинскаго. Цицеронъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ столь дерзновенно противъ сообщниковъ Катилининыхъ, что убоявся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучившись, въ такое совершенство привелъ латинское краснорѣчіе, что отцемъ онаго названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антоніемъ Непотомъ въ консулы, коего повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданія Рима 711, въ 43 прежде Рождества Христова, и 64 своего возраста; родился 30 генваря, въ лѣто по созданіи Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала.* Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала. Не обыкли люди, или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна.

Ст. 120. *Нежели купцу*. Извѣстно, что купцы наши по большей

части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣлю варю варятъ.

Ст. 126. *Твой судъ*. Твое разсужденіе.

Ст. 131. *Ключари святые*. Церковные пастыри, епископы.

Ст. 132. *Имъ же Θемисъ вѣски вврила златые*. То есть, судьи. Θемисъ, богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

Ст. 133. *Мало любятъ чуть не всѣ истинну прикрасу*. Истинною прикрасою называетъ стихотворецъ науку, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно.

Ст. 135. *Риза полосата*. Епанча изъ шелковой парчи безрукавная, сшита на подолѣ, и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ испещрена, которую сверхъ всего платья архіереи надѣваютъ. Обыкновенно *мантіею* называется.

Ст. 136. *Цѣпь отъ злата*. Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса, повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти написанный Спасителя или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ *панагіею* называютъ отъ греческаго слова παναγία, *пресвятая*, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается.

Ст. 137. *Брюхо бородою*. Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. Димитрій, митрополитъ Ростовскій (писатель Житія Святыхъ) цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

138. *Клюку предъ тобою*, то есть, *патерицу*. Когда архіерей выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и лѣву*. Разумѣется, руку.

Ст. 144. *Выпись позабудетъ*. Выпись есть письмо приказное, которымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята; или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора и проч.

Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками*. То есть челобитчикъ, который подарковъ не даетъ и, прося, судьѣ ничего не подноситъ.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный законъ, иль народны правы*. *Гражданскіе уставы* суть законы, учрежденные отъ государей, для расправы въ судахъ, каково у насъ Уложенье. *Законъ естественный* есть правило, отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно и безъ котораго никакое сообщество устоять не можетъ. *Народны правы* суть законы, которые содержать должны народы разныхъ областей, для удобнаго взаимнаго сообщенія и пользы.

Ст. 155. *Лѣзть на бумажны горы*, то есть, перебирать или читать множество книгъ.

Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло то и проч.* Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

Ст. 160. *Златый вѣкъ.* Стихотворцы раздѣляютъ времена на четыре вѣка, а именно: на златый, сребряный, мѣдный и желѣзный, и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ всѣ люди къ одной только добродѣтели прилежали, удаляясь отъ всякихъ пороковъ.

Ст. 163. *Подъ митрой. Митра* есть шапка архіерейская, въ священнослуженіи употребляемая.

Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ.* Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ бываетъ обыкновенно краснымъ сукномъ.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.

Ст. 176. *Седми мудрецовъ.* Славные седмь мудрецовъ были Ѳалесъ, Питтакъ, Віасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ. Нѣкоторые вмѣсто трехъ послѣднихъ включаютъ Періандра, Анахарса и Эпаминонда; а другіе Пизистрата, Трасивула, Милетскаго тиранна, и Ѳеницида Сирскаго. Смотри *Ларея въ житіи седми мудрецовъ*, стр. 1.

Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ греческаго весьма не ясно.

Ст. 183. *Писецъ*, то есть, *подъячій*.

Ст. 184. *Письмомъ яснымъ.* Наши подъячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво; что же до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за излишнее оное почитаютъ, и для того, если желаешь какой книги не разумѣть, отдай ее подъячему переписать.

Ст. 186. *Седмь бояръ.* Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая*, то есть, Богъ, который не только премудръ, но самая Премудрость, къ тому жъ и Всеблагій.

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ И ЕВГЕНІЙ.[1]

—

ФИЛАРЕТЪ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато

---

1) «Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала или изъ третьей сатиры Буало. Начало у всѣхъ троихъ одинаковое по внѣшнему виду; но изъ сличенія содержанія и обстоятельствъ разговора открывается особенность каждаго сатирика. У Ювенала, съ первыхъ строкъ, видишь картину римской жизни тогдашняго времени — расточительность, сладострастіе, пиры: «Что значитъ, Неволій, твой печальный видъ, подобный виду побѣжденнаго Марсія? Полліонъ, шатающійся цѣлые дни, чтобъ занять денегъ за тройные проценты, и не находящій простака, который бы ссудилъ ему, меньше тебя озабоченъ. Откуда столько внезапныхъ морщинъ? Довольный малымъ, ты увеселялъ наши ужины своими остроумными выходками. Теперь совершенно противное: лицо твое уныло, волосы сухи и не причесаны, кожа потеряла блескъ. Тѣло обнаруживаетъ душу: на немъ выказывается радость, или печаль, и лицо есть зеркало попеременныхъ ощущеній. По всему видно, что жизнь твоя пошла въ противную сторону. А прежде, я помню, ты оскверналъ храмы Изиды, Юпитера, Мира, ты оскверналъ и тайное убѣжище матери боговъ.» Въ сатирѣ Буало черты иного общества, указаніе другихъ обычаевъ и событій:

D'où vient cet air sombre et sevère
Et ce visage plus pâle qu'un rentier
A l'aspect d'un arrêt qui retranche un quartier.

(Отчего этотъ мрачный и сердитый видъ, это лицо блѣднѣе, чѣмъ у помѣщика, при видѣ указа, который обрѣзываетъ его доходы на четверть).

Въ это время вышелъ королевскій указъ, опечалившій многихъ: «Le roi a supprimé un quartier des rentes»—вотъ какія слова безпрерывно вертѣлись на языкѣ и въ умѣ людей, получавшихъ доходы.

Qu'est devenu ce teint dont la couleur fleurie
Semblait d'ortolans seuls et de bisques nourrie.
Où la joie en son lustre attirait les regards,
Où le vin en rubis brillait de toutes parts?

(Куда дѣвался этотъ нѣжный цвѣтъ лица, который, казалось, питался

Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ,[2] вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;[3]
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужъ-ли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;[4]
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ.[5]

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,

однѣми птичками-овсянками и супами. Гдѣ та радость, которая въ своемъ блескѣ привлекала взгляды, гдѣ вино, которое искрилось со всѣхъ сторонъ?)

Вопросъ, относящійся къ одному изъ разговаривавшихъ лицъ: Буало изобразилъ въ немъ знаменитаго тогда гастронома, который серьезно смотрѣлъ на обѣды и ужины.

Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque édit réformé la cuisine?

Т. е. преобразованія послѣдняго времени не коснулись ли кухни—предмета для тебя священнаго?

Въ стихахъ нашего сатирика совершенно иная, русская современность. (Статья г. Галах. «Отеч. Зап.» 1848 г. XI).

2) На рынкахъ.

3) Знаю, что твоя мать и вся родня здоровы.

4) И множество твоихъ неоспоримыхъ преимуществъ.

5) «Отвѣтъ Евгенія Филарету внушенъ первой сатирой Ювенала, который тоже сѣтуетъ на возвышеніе людей изъ низкаго званія. Но тамъ и здѣсь, какіе люди и какъ они возвысились? У Ювенала читаемъ: «Можно ли отказаться отъ сатиры, когда цирюльникъ, брившій меня въ юности, спорить теперь въ богатствѣ съ нашими патриціями, когда Криспинъ (фаворитъ Домиціана, который осыпалъ его богатствомъ и почестями), бѣжавшій изъ египетскихъ топей, прежде канопскій невольникъ, небрежно набрасываетъ на плеча тирскій пурпуръ, и пальцы, покрытые пòтомъ, украшаетъ лѣтними кольцами, считая себя, по своей деликатно-

Что кто еще не всѣ стѐръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавàлъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сàльные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто съ подòвыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степѐнь вспрыгнувши блистаетъ;[6]
А благородство моѐ во мнѣ унываетъ,
И не сильно принестѝ мнѣ ни какой польги.
Знатны ужъ предки мои̂ были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ пòръ въ углу не сидѣли,
Государства лу̀чшими чинами владѣли.
Разсмотри гербòвники, грамотъ виды разны,
Книгу родòсловную, записки приказны;
Съ прадѣдова прàдѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умòмъ не одно тѣ дѣло.[7]
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ѝхъ,[8] помнитъ челобитчикъ

сти, неспособнымъ носить болѣе тяжелыхъ колецъ?» (Римляне носили прежде по одному кольцу, потомъ по кольцу на каждомъ пальцѣ, наконецъ, на каждомъ суставѣ пальцевъ. Мало по малу роскошь до того возрасла, что для каждой недѣли имѣли они особенныя кольца. Были, сверхъ того, кольца лѣтнія и зимнія). У Кантемира, на высокую степень вспрыгнулъ недавній продавецъ соли, тотъ, кто кричалъ: «сальныя свѣчи ясно горятъ, кто истеръ плечи горшкомъ подовыхъ». Указаніе чрезвычайно-ясное, не требующее комментарія: кто не узнàетъ въ немъ Меншикова?

И такъ, оба сатирика, сходные по формѣ, различаются предметами, которые они изобразили, и цѣлію, которую имѣли при этомъ изображеніи. Ювеналъ желчно негодуетъ на недостойныхъ любимцевъ фортуны: него и брадобрѣй и невольникъ возвысились нечистымъ способомъ, не путемъ заслуги. Кантемиръ заставляетъ тщеславнаго дворянина вооружаться противъ Меншикова, что̀ нисколько не унижаетъ тѣхъ качествъ послѣдняго, которыми онъ снискалъ любовь Петра. Меншиковъ былъ живой обидой для многихъ; на него смотрѣли злобно всѣ тѣ, которыхъ сила заключалась въ разрядныхъ книгахъ, которые могли что-нибудь значить при мѣстничествѣ». («Отеч. Запис.» 1848 г. XI, статья г. Галахова).

6) Здѣсь ясенъ намекъ на князя Меншикова, который, какъ говорили, въ ранней юности продавалъ подовые пироги. Петровская *табель о рангахъ* дала преимущество личной заслугѣ передъ породою.

7) Т. е. искусные въ мирѣ и въ войнѣ, они вершили не одно дѣло ружьемъ и умомъ разумно и смѣло.

8) Т. е. не брали взятокъ.

Милость ихъ, и помнитъ злу̀ остуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ вѐрхъ;[9] какъ его не стало,
Государства прàвое плечо съ нимъ отпало.[10]
Какъ батюшка вы̀ѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему̀ головою въ ноги;
Всегда за нимъ вы̀борна таскалася свита,
Что ни день рано съ утрà крестова набита
Тѣми, которыхъ тепѐрь народъ почитаетъ,[11]
И отъ которыхъ нашъ брàтъ милость ожидаетъ.[12]
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому клàнялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нѝмъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ рàдости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хвàстая, что былъ онъ достоенъ[13]
Съ временщикомъ говорѝть, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ клàдъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легкò мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя̀, куды глазъ ни вскину?[14]

ФИЛАРЕТЪ.

Слышалъ я важну твоѐй печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.

---

9) Батюшка превосходилъ всѣхъ.

10) Государство лишилось въ немъ своей главной опоры.

11) Т. е. которые теперь въ почетѣ.

12) Тѣ, отъ которыхъ теперь нашъ братъ милость ожидаетъ.

13) Удостоенъ.

14) «Θеофанъ Прокоп. рисуетъ подобныя же лица: «Когда слухъ пройдетъ, что̀ государь кому особливую свою являетъ любовь, какъ вси возмятутся, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, служити ему, и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало, тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая харя, тотъ выводитъ рода древность изъ-за тысящи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ: такъ, что уже многіи въ народѣхъ государи народное сіе безуміе нарочно себѣ въ забаву употребляютъ. Но хотя бы и прямо кто и достойно возлюбленъ былъ отъ толикихъ лицъ, тебѣ что изъ того? то чуждее, то не твое щастіе. Да однакожъ: да чтожъ однакожъ? Чтобъ слово доброе заложилъ, или хотя бы не повредилъ. Правда. А съ тѣмъ, кто въ такое добро вбрелъ, что дѣлается, тотъ уже и самъ себя забывъ кто онъ, не вѣдомо что о себѣ мечтаетъ. Между тѣмъ отъ зеркала не отступитъ, и дѣлаетъ *экзерцицію*, какъ бы то честно и страшно являти себе, какъ то и сидѣти и похаживати, и поставати, и поглядывати, и поговаривати».

А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ то̀, сей вымолвитъ ясно.[15]
Благородство бу̀дучи заслугъ мзда, я знаю
Сколь важно, и много въ нѐмъ пользы признаваю.
По̀честь та къ добрымъ дѣла̀мъ многихъ ободряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковы̀хъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни до̀мъ огромный, ни льстивный[16]
На пуху покой, ни жѝзнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одно̀й всяка душа жадна).
Но тщетно имя оно̀, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту̀, добыту трудами
Предковъ своихъ.[17] Гра̀мота, плѣснью и червями

15) Т. е. что мыслитъ сердце, то вымолвитъ языкъ — что̀ на умѣ, то и на языкѣ.

16) Нельстивенъ, непривлекателенъ.

17) «Мы сказали, замѣчаетъ г. Дудышкинъ, что Кантемиръ въ этой сатирѣ по содержанію совпадаетъ съ Ювеналомъ. Основная мысль того и другаго та, что у благороднаго человѣка, кромѣ достоинствъ родовыхъ, кромѣ имени, наслѣдованнаго отъ знаменитыхъ предковъ, должны быть и достоинства личныя, или что одно и тоже, благороднымъ дѣлаетъ человѣка: добродѣтель — по Ювеналу, или: личныя достоинства—по Кантемиру. Эта мысль, выработавшаяся у насъ исторически изъ мѣстничества, можетъ быть также объяснена и съ другой стороны, чисто нравственной. Какъ только отъ человѣка потребовалось образованіе и благородство нравственное, для службы государственной, и какъ только явились люди изъ низшаго сословія съ этими двумя достоинствами, то естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ ихъ поставить въ отношеніи къ лицамъ высшаго сословія, соединяющимъ въ себѣ тѣже условія образованія и нравственнаго достоинства? Ихъ дѣятельность на службѣ государственной говорила въ ихъ пользу. Человѣкъ, получившій образованіе, по суммѣ богатствъ духовныхъ, естественно становится выше каждаго неполучившаго образованія, точно также какъ человѣку, одаренному высшею степенью ума, невольно покоряются, въ области мысли, люди низшіе въ умственномъ отношеніи, хотя бы и въ общественныхъ отношеніяхъ независящіе отъ нихъ. Однимъ словомъ, благородство и личность достоинства были необходимымъ результатомъ той образованности, которую старались дать русскому обществу во времена Петра. Такимъ образомъ явилась табель о рангахъ, и мѣста по службѣ начали даваться не на основаніи правъ родства и рода, а на основаніи чина, должности, которую кто-либо по образованію своему былъ въ состояніи занимать, т. е. на человѣка начали смотрѣть какъ на человѣка, а не какъ на сына, брата, дядю, племянника. Это, какъ всѣмъ извѣстно, случилось въ

Изгрызена, знатныхъ нáсъ дѣтьми есть свидѣтель [18];
Благородными явйтъ одна добродѣтель.
   Презрѣвъ покой, снесъ-ли ты самъ труды военны?
Разогналъ-ли предъ собóй враги устрашенны?
Къ безопаству óбщества [19] расширилъ-ли власти
Нашей рубежъ? судъ судя̀, забылъ-ли ты страсти?
Облегчилъ-ли тя̀жкія подати народу?
Приложилъ-ли къ цàрскому что ни есть [20] доходу?
Примѣромъ, словомъ твои̇мъ ободрены-ль люди
Хоть мало очистить злы̀хъ нравовъ темны груди? [21]
Иль буде случàй, младость въ то не допустила, [22]
Есть-ли показаться въ тòмъ впредь воля и сила?
Знаешь-ли [23] чисты хранйть и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки-ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, прàвъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь-ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказàть, что ты благороденъ, [24]

царствованіе того же Петра Великаго, который потребовалъ для службы образованія, какъ перваго условія, и старался для этого открыть школы и посылалъ молодыхъ людей учиться за границу. Слѣдовательно, эти оба начала образованности и личности у насъ необходимо должны были совпасть и принести пользу обществу потому, что вытекали необходимо изъ христіанской религіи, уважавшей въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, прежде всего человѣческую сторону. Не то было въ древнемъ Римѣ, гдѣ религія была дѣло общественное, государственное, гдѣ каждый патрицій и плебей имѣлъ значеніе, какъ римскій гражданинъ, а не какъ человѣкъ, гдѣ слѣдовательно введеніе личности христіанской, а еще прежде личности стоиковъ, клонилось прямо къ разрушенію общества, а не къ возсозданію его. Напрасно старались распространить на всѣхъ право гражданства и замѣнить этимъ возникавшія въ обществѣ личности человѣка: то общество, которое было основано на прежнихъ началахъ, изжило свои силы физическія и не могло принять обновленія, уже появившагося во времена Ювенала и въ видѣ греческой, преимущественно платоновой философіи, и въ видѣ христіанскаго ученія. Поэтому Ювеналъ, когда хотѣлъ показать цѣль, къ которой должны стремиться римляне, указывалъ на прошедшее, а не на будущее, или совѣтовалъ умереть съ твердостію». (Статья г. Дудышкина, «Соврем.» 1848 г., XI).

18) Свидѣтельствуетъ о нашемъ знатномъ происхожденіи.

19) Къ общественной безопасности.

20) Что-нибудь.

21) Темныя сердца, испорченныя злыми нравами.

22) Не допустили до того.

23) Умѣешь ли?

24) Собственныя имена въ послѣдующихъ стихахъ Кантемиръ находитъ нужнымъ объяснять для тогдашней публики.

Можешь счесться Гѐктору или Ахиллу сроденъ;
Іулій и Алексàндръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои̇, лишь бы тебѣ нравны.
Мало жъ пользуетъ тебя̀ звать хотъ сыномъ царскимъ,
Буде въ нра̀вахъ съ гнуснымъ ты̀ неразнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нѐйбуша, таковы-ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему̀, отречется трожжи;[25]
Знаетъ онъ, что пива тѣ̀ славные остатки,[26]
Да плюетъ на то, когдà не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ бы̀ть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ бы̀ть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кро̀вь, таже плоть, тѣ жъ кости
Буквы, къ нашимъ именàмъ приданныя, злости
Нашей не могутъ прикры̀ть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ дрѐвнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнаженà красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что непрàведно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда вну̀къ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ[27] нашъ у̀мъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однѝхъ.[28] Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ брѐменемъ, если сами въ силу
Нужную не приведѐмъ ту подпору хвилу.
Свѣтлой воды ихъ труды̀ ключъ тебѣ открыли[29]
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои̇, и нужно сгорбиться[30].
Къ ключу; сама вода въ ро̀тъ твой не станетъ литься.[31]

---

25) Трижды — три раза.
26) Т. е. дрожжи.
27) Заблуждается.
28) На однихъ дѣдовъ.
29) Т. е. труды ихъ открыли тебѣ ключъ свѣтлой воды.
30) Наклониться.
31) «Когда подражаніе или просто переводъ, замѣчаетъ г. Галаховъ, коснется поэтическихъ образовъ, тогда Кантемиръ, по слабости творческаго таланта, становится ниже не только Ювенала, но и Буало. Беремъ примѣръ изъ той же сатиры. Ювеналъ двумя сравненіями доказываетъ ничтожность наслѣдственнаго достоинства безъ собственной полезной дѣятельности: «Какъ грустно не имѣть другой опоры, кромѣ чужихъ заслугъ! Уничтожьте столбы, зданіе рушится. Виноградная лоза упадетъ безъ вяза, который она обнимала». У Кантемира тоже два сравненія, чтобъ показать непрочность опоры на почетное имя дѣдовъ; но въ этихъ

Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ нѣдруги и валы попраны,[32]
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;[33]
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.[34]
Потрись на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.[35]
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопишь[36], когда дня пробѣгутъ двѣ доли[37],

сравненіяхъ нѣтъ ни краткости, нужной для силы, ни поэтическаго колорита. Здѣсь нѣтъ даже и вѣрнаго соотвѣтствія съ мыслію. Кого изображаютъ столбы? достойныхъ предковъ или недостойныхъ потомковъ? Предъидущіе стихи заставляютъ разумѣть первыхъ, но почему-жъ они сокрушатся, и какое это излишнее бремя? Другое сравненіе, точное по внутреннему значенію, растянуто и представлено въ глубокомъ видѣ. Такое переложеніе граціозныхъ образовъ въ образы неграціозные доказываетъ только, какъ мы сказали выше, отсутствіе тонкаго, изящнаго вкуса, слабость поэтическаго такта въ нашемъ сатирикѣ, но съ другой стороны оно полезнѣе, какъ болѣе приспособленное къ состоянію тогдашнихъ читателей. Кантемиръ не претендовалъ на званіе поэта: ему нужно было исправленіе нравовъ. Онъ хотѣлъ быть моралистомъ, а моралистъ, какъ и проповѣдникъ, выражается языкомъ соотвѣтственнымъ образованію тѣхъ, кого онъ хочетъ поучать». («Отеч. Зап.» 1848 г., XI. Соч. Кант.).

32) Побѣждены въ морѣ и волны и непріятель.

33) Былъ безобиднымъ и справедливымъ судьею.

34) Изъ-за другихъ не могутъ замѣтить тебя въ пару, въ поту отъ трудовъ.

35) Что твоя жалоба права.

36) Сопишь, спишь.

37) «Сатирикъ начинаетъ свое описаніе заимствованіемъ изъ Ювенала—тамъ, гдѣ говорится о трудахъ военныхъ. «Къ чему тебѣ», спрашиваетъ Ювеналъ недостойнаго наслѣдника заслуженныхъ титловъ: «образы столь-«кихъ героевъ, если ты засыпаешь на зарѣ, въ тотъ часъ, когда наши «полководцы развивали знамя и шли на врага?» Слова: «Не столько стоитъ народъ римляновъ пристойно основать» взяты изъ «Энеиды». И однакожъ, на ряду съ подражаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о мысляхъ общихъ, о прикрасахъ реторическихъ, о поэтическихъ образахъ, видишь изображеніе дѣйствительныхъ нравовъ русскаго общества—

Зѣвнулъ, растворилъ глаза̀, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ-друго̀й, нѣжишься ожидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зѐркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попечѐніи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плѐчь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ во̀лосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торча̀ть будутъ сановиты,
По румянымъ часть щека̀мъ въ колечки завиты
Свободно станетъ игра̀ть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому̀ строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты са̀мъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя̀; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя̀, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башма̀къ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь пото̀мъ на себя ты цѣлу.
Не столько сто̀итъ наро̀дъ римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по пра̀виламъ щегольства и моды:
Пора,[38] мѣсто, и твои̇ разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зеленъ въ го̀родѣ не досажалъ глазу,[39]
Чтобъ бархатъ не отягча̀лъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хва̀стала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы̀ всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути̇ въ краяхъ чужестранныхъ,[40]

а въ этомъ изображеніи и заключается главный матеріалъ сатиръ, ихъ содержаніе. Цвѣтъ платья, выборъ матеріи, твердость и прямизна фалдъ, мѣра таліи, кафтанъ, стоившій цѣлой деревни — все это не виргиліево и не ювеналово, а наше собственное прежнихъ временъ, требующее иногда комментарія». («Отеч. Запис.» 1848 г., XI, статья г. Галахова).

38) Время года.

39) Чтобъ въ безобразіе тебѣ зеленый цвѣтъ въ городѣ не досаждалъ нѣжному глазу.

40) Өеофанъ Прокоповичъ въ своей проповѣди 1717 г. долженъ былъ доказывать пользу путешествія такимъ образомъ: «Яко бо рѣка, далей и далей проводя теченіе свое, болше и болше ростетъ, получая себѣ прибаву изъ припадающихъ потоковъ, и тако походомъ своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чегожъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли

Иждивеній и трудо̂въ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнѐсъ. Ущербя[41] пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,

силы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ, прочінмъ убиточно есть. Чегожъ иного? того, еже есть и собственному и общему добру основаніе, искусства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллінскій Оміръ въ началѣ книгъ своихъ, Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса, вожда греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая: многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ.... Что есть ли бы не иную кую давало пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы не малая корысть, наипаче мужу поро̂ды и чести высокія, которымъ вѣденіе лучше всякаго сокровища стяжется. Но отъ сего познанія твари восходитъ мысль, яко же рѣхъ, къ познанію Творца и толико выше къ познанію Бога восходитъ, елико множайшая созданія познаетъ... Сверхъ того перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тая лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію, обычаи и поведенія народовъ егда тое жъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ історіческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити: не мало бо и ложнѣ повѣствуется; много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда самыя толко мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе то самымъ искуствомъ увѣдавъ древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ, таковое къ познанію історій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стіхотворцевъ и історіковъ книги добрѣ уразумѣти, посѣти и обыди Пелопонесъ и Аттику, что нынѣ Морреею нарицаютъ.... Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ много измѣнныя фортуны игранія, и учится кротости; видитъ вины благополучій, и учится правила; видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегательства; зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя, и своего народа, и исправленія и недостатки: сами бо себе въ самѣхъ же насъ (не вѣмъ какъ то) не ясно познаемъ; и такъ аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи, странствованіе не во многихъ лѣтахъ, мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость.

«Особенно же къ дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ перегринація. Молю да не въ грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспоминати дерзаю. Ниже бо учительско сказую, но точію, поелико и простый догадъ постизаетъ, нѣчто воспоминаю, твердое разсужденіе искусныхъ того оставляя. Кому же и легко сіе разсуждающему явѣ есть? аще бо географскія карты много къ походу военному пользуютъ, колми паче свѣдати самыя страны, и грады, и народы. Не видимъ на картѣ, какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оная надежда и въ чемъ боязнь, каковое искуство людей, и ка-

41) Ущербить — убавить, издержать.

Въ полъ-аршйна глубокй и ситомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ нѐ были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ бы́ть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грýдь окружа прибавить;
Въ лѣто или òсенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбúть пристойно какою,
Что приличнѣе нашúть, сребро или злато,
И Рѐксу лучше тебя̀ знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ýжинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто пòлъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ рòтъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзѐй тебя окружаетъ,
И глодая до костѐй самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.[42]
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузырѐмъ, чаешь,[43] что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людѐй все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;[44]
Скоро станетъ и въ глаза̀; притворство минется,[45]
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицò точатъ слова сладки):
Ты самъ неотступно тò время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучкй бумагъ не спускаешь,
И мечешь горстью твоихъ мозольми и пòтомъ[46]
Предковъ скоплено добрò. Деревня со скòтомъ[47]

ковыя сего и онаго народа сердца; не видимъ на картахъ, которые угодные и которые трудные мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталей, и прочая — симъ подобная. Перегринація едина все тое, какъ на дланѣ показуетъ, и живую географію въ памяти написуетъ, такъ что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы на воздусѣ летая имѣлъ оные предъ очима.» (Слово въ недѣлю осьмую на десять).

42) Т. е. полкъ друзей, объѣдая тебя, хвалитъ въ тебѣ веселый нравъ, тщивую душу и зрѣлый разумъ. Здѣсь союзъ *и* соединяетъ имена: *душу* и *разумъ*.

43) Т. е. какъ неумѣющій плавать, поднятый на поверхность воды пузырями.

44) Надъ тобою смѣется.

45) Перестанутъ притворяться.

46) Ставишь на карту добро, скопленное мозолями (отъ работъ) и пòтомъ твоихъ предковъ.

47) Размѣръ стиха требуетъ читать *скòтомъ* вмѣсто скотомъ.

Не первая ужъ пошла̀ въ бережную руку
Того, кто мало предъ сі̀мъ[48] кормился отъ стуку
Молота по жа̀ркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жа̀ръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опира̀ть щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій дѐнь[49] и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣна̀хъ большой твоей залы
Видишь надписи, прочѐсть трудъ тебѣ немалый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назва̀ть черту, что копая
Воинъ предъ собой ведѐтъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны̀ часть одна по малу
Частымъ быстро-па̀губныхъ пуль ударомъ пала,[50]
Гдѣ, грозно разсѣдшися, земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска одна̀ часть въ четверобочникъ[51]
Строится, гдѣ бо̀лѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ у̀жъ превосходны силы
Оплошнаго нѐдруга надежду прельстили.
Много вышнихъ трѐбуетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ иску̀сствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто, годно къ бою, видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопа̀сности не опоенъ ядомъ,
Остръ,[52] проницаетъ врагѐвъ тайные совѣты,
Временно предупрежда̀ть удобенъ навѣты,[53]
О обильности въ своѐмъ таборѣ[54] печется
Неусыпно, и любо̀вь ему предпочтется
Войска, и не будетъ ѝмъ за страхъ ненавидимъ;
Отцомъ невинный наро̀дъ зовѐтъ, не обидимъ
Его жадностью: врага̀мъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умо̀мъ и храбростью красенъ.[55]
Не спѣшитъ дѣло нача̀ть, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не сто̀ль бѣгло Перунъ сходитъ,

---

48) Не задолго до этого.
49) Остальное время дня.
50) Гдѣ одна часть стѣны разрушилась отъ частыхъ быстро-пагубныхъ пуль (отъ пушечной стрѣльбы).
51) Въ каре.
52) Острымъ взглядомъ.
53) Способенъ заблаговременно предупреждать замыслы непріятеля.
54) Въ своемъ лагерѣ.
55) Украшенный.

Страшно гремя.[56] Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ,[57]
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли?[58] Самыхъ числу дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.[59]
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ;[60] смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска, толста пальца лишь въ четыре:
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть тебя дрожать заставляетъ;[61]
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.[62]
Нужно жъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,[63]
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши[64] суть бѣдства
На морѣ, нежь на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ не оскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе; лучами своими
Свѣтила небесныя, железце, не многу

---

56) Громъ, гроза.

57) Умѣетъ быть умѣреннымъ.

58) Едва ли ты слышалъ даже имя тѣхъ добродѣтелей и знаній.

59) И думаешь, что вмѣстить ихъ всѣхъ въ одинъ мозгъ смертныхъ столь же трудно, сколь.... и пр.

60) Здѣсь Кантемиръ не указалъ, что подражаетъ Горацію:

Illi robur et aes triplex
Circa pectus erat, qui fragilem truci
Commisit pelago ratem
Primus.... (III ода, 1 книги)

(У того, кто первый ввѣрилъ ломкую ладью бурному морю, около груди былъ дубъ и тройная мѣдь).

61) И нарисованное сраженіе заставляетъ тебя дрожать.

62) Одинъ твой холопъ только испытываетъ твою храбрость, потому что онъ одинъ не смѣетъ тебѣ возражать (сопротивляться).

63) Кто управляетъ кораблемъ.

64) Чѣмъ больше...

Отъ дивнаго камня взя́въ силу, намъ дорогу
Надежную въ безднѣ вôдъ показать удобны;
Небесъ положѐніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводни́къ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцовъ, кôрмчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновàть, иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ чàсъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ ни́мъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержàть, вступя въ бой удобный,
Трудъ немалый. Нà морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Начальниковъ дôлжности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компàсъ, нежь строй и осада.
За краснымъ судить сукнôмъ адамлевы чада, [65]
Иль править достоинъ тôтъ, чья есть совѣсть чиста, [66]
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста [67]
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны, предъ кѣмъ всегдà мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумôй, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лицà, [68] пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и однà правда превосходна;
Кого не могутъ прельсти́ть: въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея дрýгъ дьякъ или подьячей;
Чтобъ, чрезъ руки ихъ прошѐдъ, слѣпымъ не сталъ зрячей, [69]
Блюстись долженъ, и самъ знàть и листъ и страницу, [70]
Что отъ нападѐнія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спàсть, и сиротъ спокойну [71]
Уставить жизнь, предписàвъ плутамъ казнь достойну.
Наизустъ онъ знаетъ всѣ естественны права, [72]
Изъ нашего вы́сосалъ весь онъ сокъ устава, [73]

---

65) Людей.

66) У кого чиста совѣсть.

67) Чье сердце, склонное къ сожалѣнію, не сильны одолѣть ни рѣчистая деньга, ни страхъ, ни надежда.

68) Цвѣтъ красиваго лица, т. е. красавица.

69) Долженъ заботиться, чтобы зрячій не сталъ слѣпымъ, прошедъ черезъ ихъ руки.

70) Т. е. статьею закона.

71) Который можетъ спасти вдовицу отъ нападенія сильнаго соперника.

72) Для размѣра *прáва* вмѣсто правà, т. е. естественный законъ.

73) Т. е. изучилъ до тонкости всѣ наши законы.

Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу [74], и въ нѣмъ злобу унять сильный.
Можешь-ли что обѣщать народу подобно? [75]
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что [76] махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть [77] въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь [78] денегъ, но къ нимъ жаденъ: [79]
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; [80] нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ [81] долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арапскаго языка, права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны. [82]
Если въ тѣ чины не гожъ, скажешь мнѣ, я чаю
Не хуже Клита носить ключъ золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой, [83]
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ. [84]
Клитъ остороженъ—свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,

---

74) Предметъ зависти врага.

75) Можешь ли обѣщать народу что-нибудь подобное?

76) За то, что....

77) Т. е. плоть, тѣло у слуги такое же, какъ и у тебя.

78) Для размѣра стиха слово *копишь* здѣсь нужно слить въ чтеніи съ предъидущимъ *ты*, такъ чтобъ удареніе было на немъ не слышно.

79) Жаденъ до нихъ.

80) Онъ думаетъ, что все то законно, что можетъ дополнить его мѣшокъ.

81) Роскошной жизни.

82) Звуки.

83) Въ пріемной у знатныхъ.

84) Ушамъ, т. е. тѣмъ, которые, не смотря на свою ничтожность, могутъ замолвить о немъ что-нибудь временщику.

Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится,[85]
Истинная мысль его прилежно таится[86]
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,
Идучи упрямо въ цѣль; Клиту счастье служитъ.
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно,
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,[87]
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ,
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный.[88]

---

85) Не краснѣемъ.

86) Тщательно укрывается.

87) Рѣшился служить при царскомъ дворѣ.

88) «Требуя отъ предводителя войскъ, отъ мореплавателя и судьи строгой нравственности и большихъ познаній, замѣчаетъ г. Галаховъ, Кантемиръ является снисходительнымъ, когда рѣчь коснулась Клита—куртизана. Въ изображеніи обязанностей придворной особы вы видите не строгое требованіе нравственнаго долга, а какой-то нравственный эклектизмъ, подозрительную снисходительность. Стоицизмъ Персія доходилъ до неистовой неумолимости; Кантемиръ, болѣе наклонный къ Горацію, въ нравственности держится средины между откровенностью правды и ея молчаніемъ, нужнымъ по времени. Блаженная средина, ведущая къ счастію.

«Какимъ образомъ сатирикъ и вслѣдъ за нимъ примѣчанія могли согласить искусство Клита съ добрыми свойствами, приличнѣйшіе поступки его съ нравственностью, и въ беззлобномъ притворствѣ, т. е. въ умѣньи примѣнять лицо свое къ тѣмъ людямъ, съ которыми говоримъ, видѣть добродѣтель, называемую по-латынѣ simulatio и dissimulatio? Тѣмъ болѣе странною кажется подобная философія, что образъ Клита вовсе не принадлежитъ къ плѣнительнымъ, и что перейти отъ него къ блаженной срединѣ — иначе, къ счастію — не слѣдовало ни по законамъ логики, ни по внушеніямъ поэзіи».

Снисходительность кантемировой морали г. Галаховъ объясняетъ изъ его характера, образованія и положенія въ обществѣ. Онъ сводитъ всѣ мысли его, разсѣянныя въ его сатирахъ, къ главнымъ, существеннымъ положеніямъ его философіи, которая и получаетъ такую характеристику:

Учтивость приличная, что дастъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасаюсь.

«Истинная мудрость человѣка заключается въ прямой, т. е. настоящей мѣрѣ вещей, а эта прямая мѣра есть не что иное, какъ средина между крайностями — блаженная, золотая средина, безъ которой нѣтъ счастія человѣку и которую Горацій выбралъ идеаломъ своихъ желаній. Стремленіемъ къ срединѣ объясняется нелюбовь Кантемира къ крайностямъ. У него нѣтъ положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели — такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки; у него нѣтъ и ожесточенія противъ безправственности, такого ожесточенія, при которомъ не льзя заключить, ни на какихъ условіяхъ, мировой сдѣлки съ порокомъ. Философія Кантемира стыдлива и несмѣла, какъ его характеръ: она проповѣдуетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности: это — полумораль, близкая къ равнодушію, индифферентизму. Въ однихъ мѣстахъ, она страшится перейти, въ другихъ — не дойти, отъ чего и происходитъ ея двусмысленность, ея сомнительное, колеблющееся положеніе, подобное положенію того человѣка, который хочетъ пройти по острію, не падая ни направо, ни налѣво. Нужно ли нашему сатирику оцѣнить искусство Клита, ловкаго куртизана? — онъ соглашается, что лучшую дорогу избралъ тотъ, кто всегда говоритъ правду; однакожъ, не виноватъ и тотъ, кто умалчиваетъ правду, если не посмѣетъ утаить правду ложью; блаженъ, кто умѣетъ держаться этой средины! (Сатира 2). Какой же? между лучшей дорогой и дорогой не лучшей! Выборъ здѣсь, кажется, не затруднителенъ. Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее; изъ двухъ благъ надобно выбирать большее. Нравственная философія нашего сатирика или невѣрна, или слишкомъ снисходительна. Изобразивъ низость Хирона въ годину бѣдствія, пятая сатира заключаетъ свое изображеніе такимъ выводомъ: слабой душѣ трудно держать средину: въ свѣтлый день она чрезчуръ гордится, а въ черные дни чрезчуръ подла. Отсюда слѣдуетъ, что душѣ сильной, человѣку великодушному надобно не слишкомъ гордиться въ счастіи и не слишкомъ быть подлымъ въ несчастіи. Такая мораль, которую всего приличнѣе назвать серединною, не исключаетъ, стало быть, ни извѣстной степени гордости, ни извѣстной степени подлости. Ужели она думаетъ, что только крупная безнравственность есть безнравственность, а мелкія доли ея переходятъ въ нравственность? Малѣйшая частичка мышьяка — все мышьякъ, а не сахаръ! Этого мало! Кантемиръ до того снисходителенъ, что позволяетъ быть злымъ, если не льзя быть добрымъ:

Не льзя добрымъ быть? будь золъ, дѣтямъ не къ изъяну,
Лучше же отъ всякаго убѣгать порока;
Если не льзя, скрой его отъ младенца ока. (*Сат. 7*).

«Замѣтимъ, что всемогущимъ словомъ не льзя прикрыть какую угодно мерзость, по пословицѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Подобные нравственные совѣты можно назвать уступками той или другой крайности, и потому они выражаются почти всегда уступительными періодами. Грамматическая ихъ форма: «хотя, однако», что иногда равнозначительно словамъ: «такъ да не такъ».

Словомъ, много о вещàхъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одногò нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогдà жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забы́тъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои тепèрь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды́ не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куды зоркіе глазà весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тѝ лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя̀ неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу своѝ въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судìть, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя̀ предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто рòдъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала,
Еще бъ можно извинìть, если знатный тужитъ,
Видя, что счастье во всѐмъ слѣпо тому служитъ,
Кого сколько теменъ рòдъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры́, ни людямъ пріятны:
Но когда противное [89] видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ

«Горацій, «восторгомъ грудь питая», не то же ли говорилъ? не того ли же самаго желалъ? Въ нравственности, «онъ бралъ не съ высока». Вся его философія сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія. Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ — вотъ что ему нужно. Конечно, эта пріятная или златая умѣренность обходится довольно дорого: она требуетъ, чтобъ Тибуръ оставался неприкосновенною собственностію хозяина, чтобъ онъ имѣлъ малую толику фалернскаго, чтобъ, при беззаботности о будущемъ днѣ, было безтревожное наслажденіе днемъ настоящимъ. Во всемъ же прочемъ, и въ религіи и политикѣ, Горацій хранитъ, какъ сокровище, свое равнодушіе, которое выражается имъ откровенно. Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ выйдетъ ровный, какъ и у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними.

«Небольшое число идей Горація и выражается небольшимъ числомъ поэтическихъ образовъ: онъ поэтъ. Сила его не въ глубинѣ чувства и могуществѣ фантазіи, не въ дарѣ творчества, а въ красотѣ внѣшней формы, въ выраженіи. Грація риѳма, чистота языка, свѣтлость, прозрачность стиля—вотъ чѣмъ онъ прельщаетъ и вотъ чего нѣтъ у нашего сатирика». (Статья г. Галах. «Отеч. Зап.» 1848 г. XI).

89) Противуположное всему сказанному.

Мужъ таковъ, кой до̀брыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и по̀лезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ и̂хъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны̂, вѣрность ихъ немала;
Слава наша съ трудовъ и̂хъ нѣчто восприяла.
Правда, въ царство О̀льгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства дрѐвностью считаться съ тобою
Имъ не льзя; да что съ того̀? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный ро̀дъ, какъ въ древнiе вѣки
Твои предки, когда Ру̀сь стали крестить греки.
И твой родъ не все тако̀въ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ [90] твои̂хъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца сла̀вою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллiй бы̂лъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не роди̂лъ, но одному сыну
Жребiй былъ копать садъ, па̀сть другому скотину;
Ное въ ковчегѣ съ собо̀й спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли̂, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху̀; другой попозднѣе.

ПРИМѢЧАНIЯ.

Намѣренiе сей сатиры есть обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благонравiя, однимъ благородiемъ тщеславятся и сверхъ того завидуютъ всякому благополучiю другихъ, кои чрезъ свои труды изъ подлости въ знатное достоинство происходятъ. Писана она мѣсяца два спустя послѣ первой, разговоромъ между Филаретомъ и Евгенiемъ, кои вымышленныя имена значатъ на греческомъ языкѣ, первое *любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*.

Стихъ 2. *И глаза красны*. Отъ слезъ глаза̀ краснѣютъ такъ же, какъ и отъ безсонницы.

---

90) Изъ предковъ. Въ § 75 своего разсужденiя о стихосложенiи Кантемиръ замѣчаетъ: «*съ* вмѣсто *изъ* общiй обычай разговора узаконяетъ. Кто не вѣдаетъ, что по вся дни говоримъ *съ устъ его, съ золо̀та* вмѣсто *изъ устъ, изъ золота*».

Ст. 3. *Какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати.* Всѣмъ извѣстно высокомысліе бывшаго архіепископа Р***, который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской; а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ.

Ст. 5. *Цугомъ ли запрещено ѣздить.* Въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ.

Ст. 6. *Слугъ пеленать въ злато.* Украшать платье слугъ своихъ золотомъ. Узоры, коими обыкновенно платье ихъ выкладываютъ, много на пеленанье походятъ.

Ст. 7. *Вина ль дорогова.* Вина дорогія разумѣются венгерское, шампанское и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше всѣхъ другихъ въ почтеніи.

Ст. 9. *Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ.* Стихотворцы изображаютъ обильство или изобиліе въ лицѣ жены, которая держитъ въ рукѣ большой рогъ, и изъ него сыплетъ овощи, деньги, бисеры и прочія вещи.

Ст. 10. *Не претитъ,* вмѣсто не запрещаетъ, не мѣшаетъ.

Ст. 11. *Ужли твои уста косны стали.* Дивится Филаретъ Евгенію, который прежде съ природы былъ говорливъ, а теперь противно нраву своему молчитъ.

Ст. 16. *Дамонъ.* Имя вымышленное, какъ въ слѣдующемъ стихѣ Трифонъ и Туллій.

Ст. 17. *Лента дана,* то есть пожалована кавалерія, которыя на лентахъ носятся.

Ст. 22. *Какъ въ попахъ соборныхъ.* Соборныя церкви называются, у которыхъ нѣсколько поповъ служатъ. Рѣдко въ такихъ попахъ согласіе бываетъ, какъ то одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ.

Ст. 31. *Ни какой польги.* Лучше бы было написать *ни какой пользы;* но здѣсь для риѳмы употреблено народное слово вмѣсто чистаго русскаго.

Ст. 32. *Царство Ольги.* Ольга, жена Игоря, сына Рюрикова, перваго россійскаго самодержца. Она первая приняла христіанскую вѣру и распространила силы и славу россійскаго государства; почитается во святыхъ подъ именемъ Елены, которое ей дано въ крещеніи. Начала царствовать въ 950 лѣто по Рождествѣ Христовѣ. См. *Синопсисъ Россійской Исторіи*, стр. 37.

Ст. 38. *Думнаго, Намѣстника.* Думные бояре изстари то-жъ были,

что теперь тайные совѣтники. Намѣстниками назывался губернаторы. Имена сихъ чиновъ отмѣнилъ императоръ Петръ Великій въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Ст. 41. *Стѣны нашей залы.* Видно, что у отца сего дворянина въ залѣ по стѣнамъ расписаны были войны, въ которыхъ онъ присутствовалъ. Зала слово французское, sale, *большая палата.*

Ст. 48. *Какъ рвали строй, какъ ломали валы,* то есть, какъ, побѣждая войска непріятельскія, брали города.

Ст. 49. *Выборна таскалася свита.* Выборные люди за нимъ слѣдовали.

Ст. 50. *Крестова.* Передняя горница такъ называлась, въ коей въ старину обыкновенно отправлялись молитвы утреннія и вечернія, и за тѣмъ вся восточная стѣна убрана была иконами и крестами; отчего принадлежащіе къ господскимъ домамъ попы *крестовыми попами* назывались.

Ст. 54. *Съ полными руками.* Съ подарками.

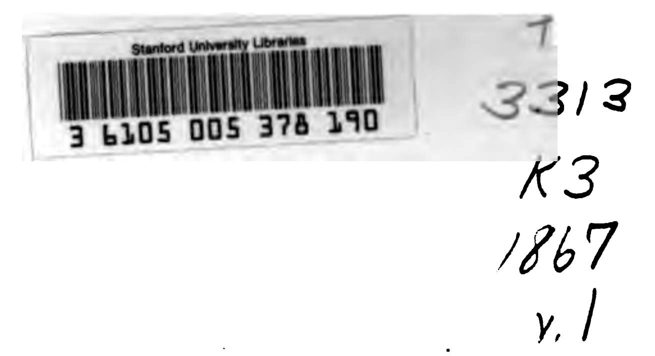
Ст. 60. *Кладъ богатый явился.* Многіе у насъ суевѣрно думаютъ, будто кладъ, то есть закопанныя въ землю сокровища, счастливымъ являются въ видѣ кошки, собаки и другихъ животныхъ, и гдѣ они покажутся, на томъ мѣстѣ копать должно землю въ надежде богатой находки.

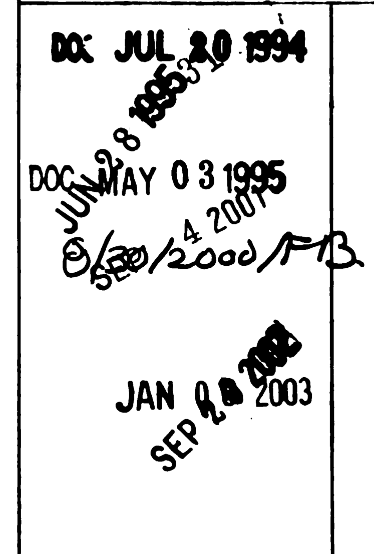
Ст. 66 и 67. *Лукавыхъ примѣты, лесть, похлебство.* Два порока, весьма свойственные лукавымъ людямъ, и по которымъ тотчасъ ихъ признать можно.

Ст. 69. *Благородство будучи заслугъ мзда.* Когда дворянство дается кому въ награжденіе заслуги, то оно весьма важно; въ противномъ случаѣ пустое и безплодное имя.

Ст. 70. *Много въ немъ пользы признаваю.* Много пользы государству, потому что такія награжденія и казнѣ не дорого становятся, и гораздо лучше ободряютъ людей къ похвальнымъ дѣламъ, не только для того, что дворянское имя, преходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія за добрыя дѣла, но и для того, что дворянское имя, преходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія за добрыя дѣла, но и для того, что во многихъ надежда богатствъ меньше дѣйствуетъ, нежели надежда чести и славы.

(Эти два листа отпечатаны по изданію 1762 г.)


Stanford University Libraries
3 6105 005 378 190


DOC JUL 20 1994
DOC MAY 0 3 1995
JAN 0 8 2003